В.М.ДАЛИН
ГРАКХ БАБЕФ
1785-1794

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Виктор Моисеевич ДАЛИН

ГРАКХ БАБЕФ
накануне и во время Великой французской революции
(1785-1794)

М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1963
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР академик С. Д. СКАЗКИН

Веб-публикация: Андрей Сергеевич и редакторы Vive Liberta, 2011
Ссылки на материалы к теме даны нами после книги.

ОТ АВТОРА

В работе над книгой автору было оказано содействие многими лицами, которым он считает своим долгом высказать искреннюю благодарность. Особенно важна была помощь работников секции документов К.Маркса и Ф.Энгельса Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где хранится архив Бабефа. Неоценимую поддержку автор получил от старшего научного сотрудника ИМЛ Н.И.Непомнящей, расшифровавшей ряд очень трудных для прочтения бабефовских рукописей.

При чтении рукописи в целом и отдельных ее глав очень полезные замечания были сделаны М.А.Аркадьевым, Б.Г.Вебером, Э.А.Желубовской, Н.Е.Застенкером, Я.М.Захером, И.И.Зильберфарбом, А.Р.Иоаннисяном, А.З.Манфредом, Б.Ф.Поршневым, С.Д.Сказкиным.*

Автор выражает также благодарность ряду зарубежных ученых, в том числе А.Собулю, М.Домманже, Р.Леграну (Франция), В.Маркову (ГДР),** С.Бернстайну (США).

Директор Института Фельтринелли, проф. Дель-Бо (Милан), любезно предоставил нам возможность ознакомиться с двумя печатными произведениями Бабефа, остававшимися до сих пор неизвестными и хранящимися в библиотеке Института: уведомлением о выходе шестого номера «Пикардийского корреспондента» и петицией коммуны Монтиньи (декабрь 1790 г.). Дирекция архива департамента Соммы прислала микрофильм фонда F^{129}, посвященного Бабефу. В этом фонде, собранном неизвестным лицом и поступившим в архив в 1931 г., помимо многочисленных копий, содержатся некоторые подлинные документы, принадлежащие перу Бабефа или близких к нему лиц. Особенно большую помощь оказал автору Ж.Дорваль (Булонь, деп.Па-де-Кале). В частности, им были присланы микрофильмы петиции Бабефа по делу коммуны Давенекур

---

* **ЗАХЕР Яков Михайлович** http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jz
ИОАННИСЯН Абгар Рубенович http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#ioanns
МАНФРЕД Альберт Захарович http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#manf
ПОРШНЕВ Борис Федорович http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#porshn
СКАЗКИН Сергей Данилович http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#skazkin

** **СОБУЛЬ Альбер** http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#asb
ДОММАНЖЕ Морис http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#m-domn
МАРКОВ Вальтер http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#wmark

(1791 г.) и редчайшего памфлета, выпущенного в связи с этим процессом аббатом Турнье, до сих пор не использованного ни одним из биографов Бабефа.

Наша работа была начата при содействии Вячеслава Петровича Волгина,[***] который чрезвычайно внимательно за ней следил, прочел ряд глав и сделал ценные указания, неоднократно беседовал по важнейшим принципиальным проблемам. Эта помощь В.П.Волгина, его живейший интерес к ходу исследования были для автора огромной поддержкой.

Неизменную помощь оказывали нам работники фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР, в частности заведующая кабинетом всеобщей истории М.И.Фурсова.

В подготовке рукописи к печати большое содействие оказали Н.П.Столбошинская, З.В.Дубровинская и Н.В.Кузьменко.

Именной указатель к книге составлен Н.А.Поповой.

Все ссылки на труды К.Маркса и Ф.Энгельса даны по 2-му изданию, на труды В.И.Ленина по последнему, 5-му изданию.

[***] ВОЛГИН Вячеслав Петрович http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#volg

Бабеф в исторической литературе

Место Бабефа в исторической литературе достаточно велико. Не говоря уже о ряде специальных монографий, ни в одном исследовании, посвященном истории социалистических идей или истории Великой французской революции, имя Бабефа не обходится молчанием. Однако сколько-нибудь подробно в них освещается только деятельность Бабефа во время термидорианской реакции и Директории. Ранний, дореволюционный период жизни Бабефа и его деятельность до 9 термидора до сих пор изучены совершенно недостаточно. Круг источников, которым располагали те авторы, которые касались этого периода, расширялся очень медленно. На международном коллоквиуме, посвященном Бабефу и бабувизму, происходившем в 1960 г. в Стокгольме, совершенно правильно указывалось, что специального изучения требует именно ранний период жизни и деятельности Бабефа [1]. Он и является темой данного исследования. В соответствии с этим, в нашем историографическом обзоре мы останавливаемся по преимуществу на тех работах, которые относятся к этому периоду жизни будущего «Трибуна народа».

Первые чрезвычайно ценные сведения о Бабефе мы находим в его собственных произведениях. Бабеф не оставил мемуаров,— то, что предполагалось издать в 1830 г. под названием «Мемуаров Бабефа» [2], было подделкой, которая не была опубликована из-за противодействия Буонарроти. Но в бабефовских брошюрах и в «Трибуне народа» разбросано множество очень важных биографических сообщений, как и во многих его рукописях и в переписке, оставшихся до сих пор неопубликованными [3].

---

[1] J. Godechot. Les travaux récents sur Babeuf.— AHRF, 1960, N 162.

[2] «Mémoires de N. F. Gracchus Babeuf, précédé de l'ouvrage ayant pour titre: Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf par Ph. Buonarroti». Prospectus. Paris, 1830, 8 p.

[3] См. особенно «Babeuf, ex-administrateur du département de la Somme et successivement du district de Mondidier, Aux Comités de Salut public, de sûreté générale et de législation de la Convention nationale, et à Gohier, Ministre de la Justice». Paris, s. d. [1794]. Наиболее полную и ценную библиографию произведений Бабефа см. в «Pages choisies de Babeuf... avec une Bibliographie critique par

Кое-какие сведения об интересующем нас периоде можно почерпнуть из прессы революционных лет и особенно во время Вандомского процесса[4]. Наиболее любопытна заметка, перепечатанная в гамбургском журнале Архенгольца «Minerva» в 1796 г. Парижским корреспондентом этого журнала был Лакретелль-младший, но сомнительно, чтобы он был автором сообщения,— в нем слишком много сведений, которые могли быть известны только жителю Пикардии[5]. Это сообщение, носившее очень предвзятый, глубоко враждебный Бабефу характер, почти полностью было воспроизведено и в вышедшем в 1800 г. «Dictionnaire biographique et historique des hommes marquans du dix-huitième siècle...»[6] В том же году была опубликована и заметка известного «Кузена Жака» (Беффруа де Рейньи) в его «Неологическом словаре»; она представляет мало интереса, хотя от автора, вращавшегося в литературных кругах Арраса (его имя Бабеф упоминал уже до революции в своей переписке), можно было ожидать более полных сведений. Подробнее всего Беффруа остановился на пресловутом деле о «подлоге», о котором так много и так безосновательно писали впоследствии все противники Бабефа[7].

Maurice Dommanget», Paris, 1935; см. также G. Walter. Répertoire de l'histoire de la Révolution française. Paris, 1941, v. I, p. 154—157; J. Dautry. Bibliographie sommaire concernant la Conspiration des Egaux, Babeuf et Buonarroti (Buonarroti. Conspiration pour l'Egalité... Paris, 1957, p. 223—240).

[4] Как ни странно, первые упоминания о Бабефе мы встречаем в 1790 г. в реакционной прессе, в газетах Ривароля; статьи Марата о Бабефе в «Ami du Peuple» появились уже несколько позднее в июле того же года. В 1791 г. в Амьене был опубликован чрезвычайно резкий памфлет аббата Турнье. направленный против Бабефа: «Dénonciation à Monsieur l'Accusateur public du Tribunal de Mondidier et Réfutation d'un Libelle infâme, intitulé: Affaire de Davenescourt... A Amiens. 1791».

[5] Beitrag zu Babeuf's Lebensgeschichte. Roye, 28 floréal 4. Jahr («Minerva». Ein Journal historischen und politischen Inhalts. Hrs. v. J. W. v. Archenholz. Hamburg, 1796, B. III).

[6] «Dictionnaire biographique et historique des hommes marquans de la fin du dix-huitième siècle et plus particulièrement de ceux qui ont figuré dans la Révolution française. Rédigé par une société des gens de Lettres». London, 1800, т. I.— Как сообщает С. Бернстайн («Pensée», 1958, № 72), первые сведения о Бабефе на английском языке появились в 1796 г. в «The Moral and Political Magazine», v. I и в 1797 г. в «Phillip's Biographical Anecdotes of the Founders of the French Republic and of other Eminent Characters who have Distinguished Themselves during the progress of the Revolution». London, 1799, p. 203—204.— «Революции вырабатывают необыкновенные характеры и подымают подчас бедняков, а иногда и совершенно недостойных людей, до самого высокого и самого выдающегося положения. Полковник Прайд, родившийся на церковной паперти, является примером этого в нашей собственной истории, а Бабеф, по-видимому,— в истории Франции. Первый, который воспитывался, как ломовой извозчик (a drayman), распустил Палату общин и казнил своего короля, а второй, который при старом режиме, как говорят. носил котомку, совсем недавно выступил руководителем огромного заговора, имевшего целью умертвить Директорию, разогнать законодательное собрание и перестроить по новому образу (new-model) Францию». Выписка из этого редкого издания, вышедшего в год казни Бабефа, любезно прислана нам С. Бернстайном.

[7] [L.-A. Beffroy de Reigny]. Dictionnaire néologique des hommes et des choses... par le Cousin Jacques. Paris, an VIII, v. I. На эту заметку в нашей лите-

Статья о Бабефе в известной «Biographie moderne», появившейся в 1806 г.[8], в отношении дореволюционного периода дословно повторяет «Dictionnaire biographique», но о 1793—1794 гг. в ней сказано значительно больше. Любопытно сообщение о деятельности Бабефа в продовольственной администрации Парижа и особенно в Электоральном клубе: «...Этот политический хамелеон, председательствовавший в Электоральном клубе и руководивший им по своему усмотрению, стремился восстановить так называемую партию Коммуны против Конвента». Это сообщение неточно — Бабеф не был председателем Электорального клуба,— но оно свидетельствует, что осведомленным современникам хорошо была известна та роль, которую играл Бабеф в Париже накануне движения в жерминале.

Статья о Бабефе, появившаяся в другом словаре деятелей революции, вышедшем в 1817 г. в Бельгии, «Galerie historique des contemporains»[9], в основном повторяла «Biographie moderne», хотя и носила более объективный характер. Ничего нового не сообщил и Грегуар д'Эссиньи в своей вышедшей в 1818 г. истории Руа[10] — города, в котором Бабеф провел почти десять лет жизни, хотя издатель этой книги Девен был близко знаком с Бабефом и печатал его произведения накануне и в первые годы революции.

Изучение истории бабувизма начинается по существу с опубликования в 1828 г. замечательной книги Буонарроти «Conspiration pour l'Egalité, dite de Babeuf», сыгравшей, как известно, совершенно исключительную роль в распространении коммунистических идей и возникновении необабувизма. История движения «во имя равенства» впервые получила в ней правдивое освещение[11]. Но периоду, нас интересующему, Буонарроти посвятил только одно, правда большое примечание, в котором неточно была указана даже дата рождения Бабефа.

ратуре впервые указал Л. С. Гордон (см. его сообщение «К иконографии Бабефа». «Французский ежегодник. 1960». М., 1961, стр. 246).

[8] «Biographie moderne ou Dictionnaire biographique de tous les hommes morts et vivants qui ont marqué à la fin du XVIII siècle et au commencement de celui-ci par leurs écrits, leur rang, leurs emplois, leurs talents, leurs malheurs, leurs vertus, leurs crimes...». Breslau. G.-I. Korn. 1806, t. I, p. 116—119.

[9] «Galerie historique des contemporains ou Nouvelle Biographie dans laquelle se trouvent réunis les hommes morts et vivants de toutes les nations qui se sont fait remarquer à la fin du XVIII siècle». Bruxelles, 1817; 3-me éd. 1827, t. I, p. 228—230. В. Адвиелль совершенно неосновательно приписал авторство этой заметки Буонарроти.

[10] Gr. d'Essigny. Histoire de la ville de Roye. Chez Devin, Imprimeur du Roy, Noyon, 1818.

[11] «До появления книги Буонарроти я всегда считал, что заговор Бабефа был только химерой, созданной, как и многие другие, только благодаря вымыслам Директории»,— писал член Конвента М. А. Бодо, сблизившийся с Буонарроти во время их пребывания в изгнании в Брюсселе (M. A. Baudot. Notes historiques sur la Convention nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants. Paris, 1893, p. 19).

Ничего не дает для нашей темы вся чрезвычайно обширная литература о социализме и коммунизме, появившаяся в 30-х и 40-х годах прошлого века. Она помогла возрождению забытого имени Бабефа, но в изложении его биографии и идей бабувизма она не шла дальше книги Буонарроти [12]. Это относится и к вышедшим в тот же период исследованиям по истории французской революции, в том числе и к «Парламентской истории» Бюше и Ру [13].

Следует остановиться только на выступлении Э. Кабе и связанной с ним полемике. В своей «Народной истории французской революции», вышедшей в 1840 г., Э. Кабе посвятил Бабефу особую главу, довольно враждебную и пристрастную [14]. Она вызвала резкую критику со стороны Т. Дезами [15] и ряда других необабувистов, в том числе видного деятеля коммунистического движения, сапожника Савари, одного из ораторов известного бельвильского банкета 1840 г. Савари обратился к Кабе с письмом, в котором возражал против упоминания дела о «подлоге», против изображения Бабефа в качестве «ультра-термидорианца» [16].

Общий вывод Кабе сводится к тому, что не нужно связывать коммунистическое движение с именем Бабефа: «Зачем для того, чтобы представлять доктрину... избирать человека, который, воз-

---

[12] «Мы ничего не знаем о Бабефе, кроме того, что сообщил о нем Буонарроти в своей вышедшей двадцать лет назад, затем совершенно забытой, а сейчас ставшей знаменитой книге»,— писал в 1850 г. Лоренц фон Штейн в своей известной книге «История социального движения во Франции» (L. von Stein. Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. 1959, S. 324).

[13] «История всего этого дела (заговора Бабефа.— *В. Д.*) была изложена в 1828 г. одним из главных его участников Ф. Буонарроти. Мы следуем этой работе в своем очерке» (Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution française, t. XXXVII. Paris, 1837, p. 153). Представление авторов о Бабефе были крайне смутными — они видели в нем «ученика Шометта и Эбера; ничем иным он не был» (Buchez et Roux. Op. cit., t. XXVI, p. 229). В основном на книгу Буонарроти опирается и один из наиболее видных «необабувистов», Лапоннере, в своей истории революции (Laponneraye. Histoire de la Révolution française depuis 1789 jusqu'à 1814. Paris, 1838, 3-me éd., t. 2, chap. 8). Высоко оценивая роль Бабефа, часть так называемых «необабувистов» отрицательно относилась к некоторым из основных его идей. Так, Лаотьер считал, что Бабеф был сторонником индивидуальной диктатуры, но что эта идея отжила: «Кто осмелится думать, что Бабеф не отказался бы от этого пункта...» (R. Lahautière. Réponse philosophique à un article sur le babouvisme, publié par M. Thoré, dans le Journal du Peuple, numéro du 24 novembre 1839. Paris, janvier 1840, p. 8).

[14] E. Cabet. Histoire populaire de la Révolution française. Paris, 1840, v. IV.

[15] T. Dézamy. Calomnies et politique de M. Cabet. Réfutation par des faits et par sa biographie. Paris, 1842. Об отношении Кабе к Бабефу и бабувизму см.: J. Prudhommeaux. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. Paris. 1907; С. Бернстайн. Необабувистская печать 1837—1848 гг. («Французский ежегодник, 1960». М., 1961).

[16] J. Prudhommeaux. Babeuf jugé par un communiste de 1840 («La Révolution française», 1908, t. LV).

можно, не был безукоризненным и чья жизнь, подвергавшаяся нападкам со стороны части патриотов, может служить предлогом для нападок... Превращать коммунизм в бабувизм, не значит ли это попадать в западню?»[17] Осуждая революционные методы Бабефа, Кабе со всей резкостью обрушивался на идею о том, что для установления коммунизма потребуется насилие: «насилие... не приблизит его осуществление, а только отдалит». Именно «Заговор Бабефа» привел «к победе Бонапарта»[18]. Все эти суждения Кабе интересны скорее для изучения истории социальной мысли во Франции 40-х годов, а не биографии Бабефа, о которой Кабе имел самое предвзятое представление[19]. Только с этой же стороны представляет интерес и почти одновременно появившийся в фурьеристской «Phalange» отзыв, принадлежавший, вероятно, В. Консидерану. В нем подчеркивалось несогласие с основным положением Бабефа — его отрицательным отношением к собственности: «Индивидуальная собственность,— как говорит Бабеф,— является причиной всего общественного беспорядка; она приводит к ужасающему неравенству... Но верно ли, что именно частная собственность является причиной всего зла, на которое жалуются; разве не следует обвинить в этом плохую организацию труда? Если говорить точнее, является ли частная собственность несовместимой с хорошей социальной организацией?..» «Частная собственность является источником всех зол,— говорит Бабеф.— Нет, как раз нет, это неверно; источником всех бедствий является анархия и война всех индивидуальных сил и интересов, но не существование собственности»[20].

К. Маркс и Ф. Энгельс в 40-х годах, в период оформления своего революционно-коммунистического мировоззрения, проявляли чрезвычайно большой интерес к книге Буонарроти и к истории ба-

---

[17] E. Cabet. Histoire populaire, v. IV, p. 304, 331.

[18] E. Cabet. Voyage en Icarie. Paris, 1848, p. 515.

[19] Кабе отрицал сколько-нибудь значительную роль Бабефа в выработке «доктрины подлинного равенства и общности»: «она была... доктриной Робеспьера, Сен-Жюста, Бодсона (? — *В. Д.*), Буонарроти, прежде чем она стала доктриной Бабефа; она была в большей мере доктриной Буонарроти, чем Бабефа; она гораздо пространнее изложена была в произведении первого, чем в нескольких номерах «Трибуна народа»... Во всяком случае она была доктриной Ликурга, Платона и многих других, прежде чем ее воспринял Бабеф» (E. Cabet. Histoire populaire, v. IV, p. 331).

[20] «Conspiration pour l'égalité».— «La Phalange», décembre 1837, N 36; Janvier 1838, N 1. На эти номера «Phalange» нам любезно указал И. И. Зильберфарб. Отметим, что такое же несогласие с отношением Бабефа к частной собственности формулировал и Бронтер О'Брайен в комментариях к своему переводу книги Буонарроти: «Я отличаюсь от Бабефа и Буонарроти тем, что предпочитаю робеспьеристскую декларацию в пользу частной собственности отрицанию ими этого учреждения. Система общности (of community) должна быть делом разума и знания, а не насилия или закона» («Buonarroti's History of Babeuf's Conspiracy for Equality with the Author's reflections on the ... French Revolution... also his views of democratic government... and... equality». London. 1836, p. 219).

бувизма. Маркс изучил книгу Буонарроти не позднее 1843 г., об этом свидетельствует его знаменитое высказывание в «Святом семействе»: «Французская революция породила идеи, выводящие за пределы идей всего старого мирового порядка. Революционное движение, которое началось в 1789 г. в Cercle Social, которое в середине своего пути имело своими главными представителями Леклерка и Ру, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа,— движение это породило коммунистическую идею, которая после революции 1830 г. снова введена была во Франции другом Бабефа, Буонарроти. Эта идея, при последовательной ее разработке, есть идея нового мирового порядка» [21].

В библиотеке по истории социализма, которую в 40-х годах предполагали издавать Маркс и Энгельс, фигурировала и книга Буонарроти, немецкий перевод которой должен был подготовить М. Гесс, уже ранее, в 30-х годах, намеревавшийся написать биографию Бабефа. О движении Бабефа Маркс и Энгельс упоминали неоднократно в своих работах 40-х годов [22]. В «Манифесте Коммунистической партии» дана исключительно важная принципиально оценка этого движения, его социальных корней: «Мы не говорим здесь о литературе, которая во всех великих революциях нового времени отражала *требования пролетариата* (сочинения Бабефа и т. д.)» [23]. В «Манифесте» дана наряду с этим и критика «примитивного», «грубоуравнительного» характера бабувизма.

Этот интерес к движению Бабефа Маркс и Энгельс сохранили и в дальнейшем. Об этом свидетельствуют не только чрезвычайно интересные мысли Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге», в письмах к Э. Бернштейну и К. Каутскому [24], но и неопубликованный конспект книги Ж. Авенеля «Lundis révolutionnaires», которую Маркс очень тщательно изучал в конце 70-х годов. Хотя Маркс придерживался в этом конспекте довольно близко текста Авенеля, его характеристика «движения равных», классовых отношений, сложившихся во второй половине 90-х годов XVIII в., и последствий поражения бабувистов, при всей своей краткости, поражает своей яркостью и выразительностью.

---

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство (Соч., т. 2, стр. 132); см. также Ф. Энгельс. Успехи движения за социальное преобразование на континенте (Соч., т. 1, стр. 527—530).

[22] Ф. Энгельс. Праздник народов в Лондоне (Соч., т. 2); К. Маркс. Морализирующая критика и критизирующая мораль (Соч., т. 4).

[23] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4. стр. 455 (курсив наш.— *В. Д.*).

[24] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг и Подготовительные работы к Анти-Дюрингу (Соч., т. 20); письмо к Э. Бернштейну от 5 мая 1887 г. (Соч., т. XXVII, стр. 639) и К. Каутскому от 20 февраля 1889 г.: «Формула: «благосостояние для всех на основе труда» выражает чересчур определенно стремления тогдашнего плебейского братства. Чего они хотели, никто сказать не мог, пока, спустя долгое время после падения Коммуны, Бабеф не придал этому определенную форму. Если Коммуна со своими стремлениями к братству выступила слишком рано, то Бабеф пришел слишком поздно» (Соч., т. XXVIII, стр. 82).

Маркс уделял особое внимание и почти дословно выписал те места, где в книге Авенеля шла речь о влиянии неудачи бабувистов на ход распродажи национальных имуществ. Участники движения предполагали «ворваться в приобретенные воровством дома, выбросить из них собак-финансистов, отнять у них все, что они присвоили и осуществить, наконец, столь давно обещанный закон о разделе». По мнению Авенеля, заговор имел шансы на успех, и он привел временно в замешательство приобретателей национальных имуществ. Но неудача бабувистского движения их окрылила. По словам Авенеля, выписанным Марксом, именно тогда они «накинулись на имущества эмигрантов, как никогда раньше». Другим удачным поворотом для них явились победы итальянской армии Бонапарта. Маркс очень подробно выписал из Авенеля историю введения «территориальных мандатов» — новой денежной единицы взамен обесцененных и ликвидированных ассигнатов. Как указывал Авенель, эту «кампанию мандатов» финансисты «проводили с не меньшим воодушевлением, чем Бонапарт и его солдаты итальянский поход. Плутам потребовалось восемь месяцев, чтобы привести к гибели ассигнаты; за четыре месяца они истощили кредит новых денежных знаков... для того, чтобы приобрести имущества эмигрантов по самой низкой цене. На четвертом месяце мандат был доведен до $^1/_{20}$ своей стоимости». Маркс привел в своей записи вывод Авенеля: «После таких территориальных оргий деспотизм был уже неизбежен...»[25]. С максимальной ясностью предстает в этом авенелевском конспекте связь между неудачей бабувистского движения, ходом распродажи национальных имуществ, «буржуазными оргиями Директории» и победой бонапартизма.

Все эти блестящие и чрезвычайно важные высказывания Маркса и Энгельса относились в основном к самому движению «во имя равенства». Для суждений о раннем периоде деятельности Бабефа ни Маркс, ни Энгельс не обладали достаточным материалом.

Из работ, вышедших в 40-х годах и уделивших значительное место Бабефу, отметим двухтомное исследование Л. Галлуа по истории журналистики эпохи революции. В нем Бабефу посвящен отдельный очерк, написанный в очень сочувственных тонах[26]. Галлуа

---

[25] G. Avenel. Lundis révolutionnaires. 1871—1874. Nouveaux éclaircissements sur la Révolution française. A propos des travaux historiques les plus récents et des faits politiques contemporains. P., 1875, pp. 42, 43, 47. Ср. ЦПА ИМЛ. ф. I, оп. I, № 3920.— Все цитаты Авенеля взяты из его статьи «Des biens nationaux», посвященной разбору и критике книги Э. Амеля «Истории французской республики во время Директории и консульства» («Histoire de la République française sous le Directoire et sous le Consulat par M. Ernest Hamel). Как известно, Маркс и Энгельс неоднократно в своих письмах давали очень положительный отзыв о работах Ж. Авенеля по истории французской революции.

[26] L. Gallois. Histoire des journaux et des journalistes de la Révolution française. Paris, 1846, v. 2.

подробно остановился на «Трибуне народа»[27], но о ранних газетах Бабефа, в том числе о «Пикардийском корреспонденте» он не упомянул и, по-видимому, вовсе о них не знал.

С появлением в 1849 г. специально посвященной Бабефу книги Э. Флери[28] начался новый период, когда биографией Бабефа заинтересовались историки, так или иначе связанные с Пикардией. Однако Флери, хотя он и был председателем академического общества Лана (центра деп. Эны), не привлек для своей биографии новых локальных материалов. Вся работа его была проникнута крайне реакционным духом. Она имела, однако, одно достоинство, совершенно правильно отмеченное Домманже[29]; Флери обратил внимание на сообщение Бабефа в брошюре «Du système de dépopulation», вышедшей в начале термидорианской реакции, о его участии в секционном движении Парижа в августе 1793 г. Почти все последующие биографы Бабефа прошли мимо этого чрезвычайно интересного указания.

Э. Флери утверждал, что для периода между 1789 и 1794 гг. существует «досадный пробел» — в архивах нет никаких документов о Бабефе[30]. Вышедшая в 1865 г. работа Э. Кое «Бабеф в Руа» показала, что это утверждение совершенно неверно[31]. Кое обнаружил очень важные документы в местных архивах. Он первым установил точную дату рождения Бабефа, обнаружив акт о рождении и запись о браке. Большой интерес представляли найденные Кое документы об участии Бабефа в движении против косвенных налогов и за раздел общинных владений, принадлежавших муниципалитету Руа (1790—1791 гг.). Кое опубликовал выдержки из очень важной речи, произнесенной Бабефом 7 марта 1790 г. на заседании муниципалитета.

В сообщении Кое немало неточностей — он датировал, например, первый арест Бабефа 1791 годом. Его отношение к Бабефу двойственное; он признает его мужество и решительность, но вместе с тем обвиняет в том, что в период террора он «предался всем

[27] Галлуа пользовался экземпляром газеты из коллекции полковника А. Морена. Морен, по сообщению М. Пелле (M. Pellet. Variétés révolutionnaires, 2-e série. Paris, 1887, p. 184) обладал большой коллекцией изданий Бабефа, однако очерк, посвященный Мореном Бабефу в его исторических портретах, не представляет никакого интереса (A. Maurin. Galerie historique de la Révolution française. Paris, 1849, v. 3).

[28] Ed. Fleury. Biographie de Baboeuf. Etudes révolutionnaires. Laon, [1849]; 2-me éd.: Etudes révolutionnaires. Baboeuf et le socialisme en 1796. Paris, 1850.

[29] «Pages choisies...», p. 15—16.

[30] «...Les précieux documents nous manquent. Nous n'appercevons que le point de départ... et son point d'arrivée... Entre 1789 et 1794 se remarque une facheuse lacune» (Ed. Fleury. Op. cit., p. 14).

[31] E. Coët. Babeuf à Roye. Péronne, 1865 (B-que communale d'Amiens). Работа Кое, печатавшаяся в газете, вышла отдельным оттиском в 25 экз.— Автор выражает благодарность Ж. Дорвалю, любезно приславшему микрофильм этой работы, ставшей библиографической редкостью и отсутствующей в Национальной биб-ке. См. также E. Coët. Histoire de la ville de Roye. Paris, 1880, v. 1—2.

диким инстинктам, присущим его характеру. Его угрюмый взгляд возвещал о низменной злобности; Бабеф стал вором и поджигателем. Во главе нескольких простолюдинов из предместий, грубым вкусам которых он льстил приманкой легкой поживы, он напал на Давенекур и ограбил замок»[32] (! — *В. Д.*). Но как бы то ни было, сообщение Кое было первой специальной работой о пикардийском этапе жизни Бабефа.

В общих работах по истории революции, которые выходили уже после падения Империи в 70-х годах, Бабефу уделялось сравнительно мало места. Следует отметить Ж. Авенеля (книгу которого так внимательно изучал Маркс), обратившего внимание на связь между движением бабувистов и социальными последствиями финансовой политики Директории (переход от ассигнатов к мандатам). Ж. Мишле, отец которого был близок к Револю, участнику движения «равных»,— питал к Бабефу глубокую симпатию[33]. Однако его главы в «Истории XIX века» не дали ничего нового для интересующего нас периода. Более того, Мишле утверждал, что до 1794 г. Бабеф не ставил вопроса об «аграрном законе», «ни в какой мере не был противником собственности»; «ничто не говорит о том, что он читал Морелли; его книга («Постоянный кадастр».— *В. Д.*) совсем не является коммунистической»[34]. Мишле, однако, также обратил внимание на участие Бабефа в августовском секционном движении 1793 г. и на его связь с Парижской коммуной. «Бабеф... в этот момент (начало термидорианской реакции.— *В. Д.*) кажется мне подлинным голосом Парижа, великого Парижа Шометта, законным возрождением всего наиболее чистого, что было в нашей Коммуне 93 года»[35].

Несколько строк, посвященных Бабефу в «Происхождении современной Франции» И. Тэна, отличаются исключительно озлобленным тоном: «Наконец, великий апостол авторитарного коммунизма Бабеф, осужденный на 20 лет каторжной тюрьмы за двойной (? — *В. Д.*) подлог в публичных актах, столь же нуждающийся, сколь и порочный, бродит по мостовым Парижа со своим неудовлет-

[32] E. Coët. Babeuf à Roye, p. 4.

[33] Об этом сообщает Авенель, слушавший курс Мишле: «Социализм и права Парижа были двумя любимыми его идеями... Слушая, как он поочередно касается... Бабефа, своего отца, Бонапарта и себя самого, можно было проникнуться сознанием глубокой современности фактов, о которых он рассказывал» (A v e n e l. Lundis révolutionnaires. Paris, 1875, p. 51—52). Об отношении Мишле к Бабефу см. J. M i c h e l e t. Ma jeunesse. Paris, 1884 (6-me éd). p. 10—11; P. V i a l l a n e i x. La voie royale. Essai sur l'idée du peuple dans l'oeuvre de Michelet. Paris, 1959.

[34] J. M i c h e l e t. Histoire du XIX siècle. Directoire. Origine de Bonaparte. Paris, 1875, p. 12, 43, 45.

[35] Ibid., p. 45. Мишле, как и Кабе, подчеркивал связь между бабувистским движением и возвышением Бонапарта, но понимал ее несколько иначе: «Родившийся во времена страха, вызванного Бабефом, я вижу сейчас, накануне смерти, страх перед Интернационалом... Страх перед Бабефом содействовал Бонапарту не меньше, чем его победы; социализм при своем появлении, вызывая панику, содействовал триумфу милитаризма» (Ibid., p. VI, X).

воренным честолюбием и пустыми карманами, в компании с другими обманутыми в своих надеждах негодяями (sacripants deçus), которые, если только им не удастся, благодаря новой резне, взобраться на трон, обречены на то, чтобы волочить по улицам свои изношенные башмаки»[36]. Даже А. Тьер,— правда, еще в свои либеральные времена,— при всей враждебности к Бабефу, был куда более сдержанным[37].

Интерес к Бабефу усиливается вместе с оживлением социалистического движения во Франции. В 1877 г. появилась первая серия вдохновлявшейся Ж. Гедом газеты «Egalité». Очень интересно, что в первом же ее номере началось печатание ряда статей, посвященных «Заговору Бабефа», автором которых был Г. Девилль[38]. Ж. Гед всегда с гордостью подчеркивал историческую преемственность между Бабефом и марксистской «Рабочей партией» во Франции[39].

Крупнейшее значение для изучения биографии Бабефа имело появление в 1884 г. двухтомного исследования В. Адвиелля[40]. Если Кое пользовался только местными архивами, да и то разработанными им очень неполно, то Адвиелль свою биографию писал на основании исключительно ценного источника — богатейшего личного архива Бабефа, предоставленного в его распоряжение известным французским коллекционером Поше-Дерошем[41]. Адвиелль был единственным из всех биографов Бабефа, который пользовался этим

[36] H. Taine. Origines de la France contemporaine. Le gouvernement révolutionnaire, t. 3. 10-me éd. Paris, 1887, p. 291.

[37] «Более резкая, чем газета Марата, газета Бабефа была не циничной, но плоской... Когда идеи, занимавшие умы, исчерпываются, они собираются в немногих головах и превращаются в манию и глупость. Бабеф был руководителем секты больных людей, считавших, что сентябрьской резни было недостаточно, что ее следует возобновить, сделав всеобщей, с тем, чтобы она стала уже окончательной» (A. Thiers. Histoire de la Révolution. Paris, 1839, 9-me éd., t. 8, p. 98).

[38] «Les grandes dates du socialisme. La conjuration des Egaux» («Egalité», 1877, N 1—5, 18, 25 novembre, 16, 23, 30 décembre).

[39] Отвечая П. Дешанелю, обвинявшему Бабефа все в том же «подлоге», Гед заявил в Палате 24 июня 1896 г.: «Недостойно даже для врагов спустя целое столетие подбирать клевету и пригвождать ею к столбу того, пред кем склонялись такие люди, как Ранк, как Жаклар, как Бланки, как Вуайе д'Аржансон... Мы дважды преклоняемся перед теми, кто, как Бабеф и его героические соучастники, сложили голову на эшафоте... Мы считаем их не только своими отдаленными предшественниками, но своими прямыми отцами; не только идейными учителями, но нашими учителями в том, как приносить в жертву, отдавать свою жизнь... для освобождения наших братьев» (J. Guesde. Double réponse à M. M. de Mun et P. Deschanel. Paris, 1896, p. 42—44; включена в сб.: J. Guesde. Quatre ans de lutte de classe dans la Chambre. Paris, 1901, t. 2 p. 63—66).

[40] V. Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme d'après de nombreux documents inédits. Paris, 1884, v. 1—2. Книга издана была самим автором всего в 300 экземплярах.

[41] См. «Catalogue des livres... composant la bibliothèque de feu M. Pochet-Deroche». Paris, 1882, p. 229—230. О коллекции Поше-Дероша и ее дальнейшей судьбе см. «Pages choisies...», p. 10; M. Pellet. Variétés révolutionnaires, 2-me série. Paris, 1887.

архивом; в январе 1883 г. архив был продан с торгов и только в 1925—1926 гг., благодаря стараниям тогдашнего директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д. Б. Рязанова, оказался в Москве и вновь стал доступен для изучения [42]. Пользуясь этим архивом, Адвиелль впервые опубликовал ряд исключительно ценных документов, в том числе предреволюционную переписку между Бабефом и секретарем Аррасской академии Дюбуа де Фоссе. Правда, она была опубликована им не полностью, по черновикам, сохранившимся в личном архиве Бабефа. Тем не менее впервые появилась возможность ознакомиться с идейной жизнью Бабефа в предреволюционные годы. При этом полным откровением явились письма, из которых стало ясно, что коммунистические симпатии Бабефа сложились уже к 1786—1787 гг. и, таким образом, был пролит совершенно новый свет на генезис мировоззрения Бабефа. Большой интерес представляли также письма за годы революции, в том числе очень любопытное письмо к жене после взятия Бастилии, к Жермену из Аррасской тюрьмы (1795 г.), в котором коммунистические идеи Бабефа впервые изложены были со всей ясностью. Адвиелль опубликовал также полностью защитительную речь Бабефа на Вандомском процессе.

При всех своих достоинствах работа В. Адвиелля имела и ряд крупных недостатков. Бабеф привлек к себе внимание Адвиелля, прежде всего, как «знаменитая личность», проживавшая в деп. Соммы. Еще в двадцатилетнем возрасте Адвиелль наметил план издания «Les personnages célèbres des départaments du Nord, du Pas de Calais et de la Somme». Человек, сделавший большую административную карьеру [43], автор работ, посвященных отдельным, частным вопросам локальной истории, В. Адвиелль был совершенно недостаточно знаком с историей социализма. Научное изучение истории Французской революции тогда только еще начиналось. Нет ничего удивительного в том, что, как справедливо отметил М. Домманже, Адвиелль «не сумел углубленно использовать замечательные документы из коллекции Поше-Дероша» [44]. В его работе много фактических неточностей: он приписал, например, Бабефу участие во взятии Бастилии, некритически отнесся к фантастическим утверждениям сына Бабефа, Роберта-Эмиля, поверил в подлинность мнимых «Мемуаров». Вынужденную тактику Бабефа на процессе, навязанную ему рядом других обвиняемых и сводившуюся к отрицанию существования какой-либо организации, Адвиелль принял на

---

[42] В настоящее время хранится в Москве, в Центральном партийном архиве при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ, фонд 223).

[43] Уроженец Арраса, В. Адвиелль (1833—1903) не был историком-специалистом. Он занимал ряд видных административных постов; последние двадцать лет своей жизни он служил в Париже, в министерстве финансов. См. статью Р. Лешалле об Адвиелле в «Dictionnaire de biographie française», t. I. Paris, 1929.

[44] «Pages choisies...», p. 19.

веру [45]. Тем не менее значение работы Адвиелля было очень велико. На протяжении почти полувека биографы Бабефа при освещении раннего периода его деятельности по существу ограничивались пересказом Адвиелля. Первая русская работа о Бабефе, статья Е. В. Тарле «Дело Бабефа» в той ее части, которая касалась деятельности Бабефа до 1794 г., была целиком основана на книге Адвиелля, тогда еще совершенно неизвестной русскому читателю [46].

Публикации новых документов о Бабефе после Адвиелля были сравнительно редки. В 1885 г. Ж. Лекок опубликовал пространное и очень интересное письмо Бабефа по вопросу о реорганизации Электорального клуба (подлинник его хранится сейчас в ИМЛ) [47]. М. Пелле в своих «Variétés révolutionnaires» привел статью Бабефа «Superbe fête donnée par la reine aux Tuilleries et aux Champs Elysées» от 25 июля 1790 г., но не указал, где она была им обнаружена, и не обосновал своего утверждения об авторстве Бабефа [48].

Из работ о Бабефе, вышедших в 90-х годах, следует остановиться на книге известного французского буржуазного социолога А. Эспинаса «Социальная философия XVIII века и революция». Она составилась из лекций по истории социализма, и больше половины ее посвящено Бабефу. Книга проникнута чрезвычайно враждебным отношением к социализму, что Эспинас и не скрывает. «Когда речь идет о таких проблемах,— пишет он,— обещать быть нейтральным значит обманывать самого себя... Если кто-либо заявит вам, что он нейтрален между революционным социализмом и его противниками, остерегайтесь: в таких вопросах нельзя быть нейтральным» [49].

[45] Такую же точку зрения отстаивал и Мишле, отрицавший существование заговора: «Против Бабефа не нашли ничего, кроме его мечтаний, бесполезных бумаг, которым он, правда, из-за своей гордости, придавал большое значение...» (J. Michelet. Histoire du XIX siécle, p. 426).

[46] Е. В. Тарле. Дело Бабефа («Мир божий», 1898, № 4 — переп. в сб. Е. В. Тарле. Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX веке. СПб., 1903). Вопрос о распространении бабувистских идей в русской нелегальной печати и в революционно-демократических кругах до сих пор не подвергался изучению. Заслуживает внимания очень интересное сообщение М. П. Голубевой о П. Г. Зайчневском: «О заговоре Бабефа Зайчневский часто говорил в своих речах, а о его отношении к Бланки можно судить уже по тому, что он называл себя «якобинец-бланкист...» Из историков он больше всего любил цитировать Луи Блана и Мишле. Из Великой Французской революции любил приводить речи Дантона, хотя, насколько мне помнится, любимым его героем был Робеспьер» («Пролетарская революция», 1923, № 6—7, стр. 29). — В «Набате» П. Н. Ткачева Бабефу была посвящена серия статей, основанных на книге Буонарроти («Из истории заговоров и тайных обществ. Гракх Бабеф и заговор равных». — «Набат. Орган русских революционеров». № 10 и 11—12 за 1876 г., № 1—2 за 1877 г.).

[47] G. Lecocq. Un manifeste de Gracchus Babeuf. Librairie des Bibliophiles. Paris, 1885.

[48] M. Pellet. Gracchus Babeuf et Marie-Antoinette («Variétés révolutionnaires», 2-me série. Paris, 1887); idem. La cassette de Babeuf, («Variétés révolutionnaires», 3-me série. Paris, 1890).

[49] A. Espinas. La philosophie sociale du XVIII siècle et la Révolution. Paris, 1898, p. 99. Леруа отмечал, что Эспинас был «яростным критиком социализма» (M. Leroy. Histoire des idées sociales en France», t. II. Paris, 1949).

По мнению Эспинаса, в истории человечества имели место пять кризисов и каждый из них временно вызывал появление социализма: Греция (социализм Платона), Рим (социализм Христа), Возрождение (анабаптизм), Французская революция (якобинизм и бабувизм), 1848 год. Каждое из этих социалистических движений покушалось на собственность, представляющую собой как бы «нутро» (les entrailles) современного общества, «решающее завоевание цивилизации» [50]. Путем напряжения всех сил человечеству удавалось каждый раз выйти из этого кризиса, преодолеть эти движения, но они чрезвычайно опасны и несут с собой угрозу распада (как в Греции) или ограничения политических свобод, установления военного деспотизма, как во Франции. «Бабеф вызвал Бонапарта», «в перевороте 18 брюмера есть многое от бабувизма» [51]. Для Эспинаса неприемлемы взгляды не только Бабефа,— он осуждает и попытки Робеспьера сколько-нибудь ограничить частную собственность, поскольку это неизбежно влечет за собой стремление к полному ее уничтожению: «Бабеф и Робеспьер... черпали из одного и того же источника и один завершает другого», «бабувизм не историческая случайность; он является естественным завершением и последним проявлением якобинизма»; «почти все его [Бабефа] последователи рекрутировались из среды якобинцев, вчерашних робеспьеристов» [52].

Разумеется, эта воинствующе-буржуазная концепция не могла способствовать подлинно научному анализу истории бабувизма, хотя нужно признать, что Эспинас тщательно использовал все имевшиеся источники и привлек новые. В его распоряжении уже не было коллекции Поше-Дероша. Однако при помощи другого известного коллекционера и историка Эт. Шараве ему удалось обнаружить очень важный документ — пространное письмо Бабефа к депутату Законодательного собрания, аббату Купе от 10 сентября 1791 г. Из всей довольно обширной переписки Купе и Бабефа Эспинасу было известно только это одно письмо [53], но оно дало возможность проследить развитие социальных идей Бабефа в первые годы революции [54].

Некоторый, правда, очень небольшой шаг вперед в изучении «раннего» Бабефа, был сделан в связи с появлением в начале XX в. «Социалистической истории», выходившей под руководством

---

[50] A. Espinas. Op. cit., p. 74.

[51] Ibid., p. 365.

[52] Ibid., p. 195—196, 274.

[53] В 1935 г. М. Домманже опубликовал другое письмо Бабефа к Купе, от 20 августа 1791 г. (см. «Pages choisies...»). Полностью вся переписка хранится в ЦПА ИМЛ (см. гл. IX).

[54] Вышедшие во второй половине 90-х годов книги А. Лиштенберже (A. Lichtenberger. Le socialisme au XVIII siècle. Paris, 1895; idem. Le socialisme et la Révolution française. Paris, 1899) дают много интересного для истории социальной мысли во Франции XVIII в., но в изучение Бабефа они не внесли ничего нового.

Жана Жореса, который проявлял очень большой интерес к Бабефу и чрезвычайно высоко оценивал его роль в истории социализма.

В четырех томах своей «Социалистической истории французской революции» Жорес неоднократно упоминал Бабефа; с большим сочувствием он комментировал его письмо после взятия Бастилии (от 25 июля 1789 г.) и остановился на письме к Купе, опубликованном Эспинасом. Но он был поражен тем, что не обнаружил никаких следов коммунистической деятельности Бабефа в 1793 г. «Куда же делась коммунистическая мысль в эти первые месяцы 1793 года? В многочисленных проектах конституций, поступивших в комитет Конвента, я не вижу ни малейшего намека на кодекс Морелли, я не вижу ни малейшего следа того, чем завтра явится бабувизм. Что же делает Бабеф и верно ли, как утверждает Бодо, что коммунизм во французской революции был чистой случайностью, сектой иностранного происхождения?» [55]. В этих словах Жореса намечена была целая интереснейшая программа для дальнейших исследований.

В 1904 г. появился пятый том «Социалистической истории», посвященной термидору и Директории. Автором его был Г. Девилль [56], занимавшийся, как уже отмечалось, историей бабувизма еще в 70-х годах, когда он был гедистом [57] (в 90-х годах Девилль резко поправел, стал реформистом, а в 1905 г. был назначен французским послом в Афины и совершенно порвал с социализмом). Девиллю удалось привлечь некоторые новые архивные документы. Заинтересовавшись пресловутым «подлогом», он обнаружил следственное дело Бабефа 1793—1794 гг., хранившееся не в Лане, где оно рассматривалось в порядке кассации в 1794 г., а в Бове, в центре департамента Уазы, куда оно было переслано в связи с попыткой термидорианцев возобновить уголовное преследование Бабефа. В этом деле Девилль обнаружил очень любопытную автобиографию Бабефа, составленную им согласно вантозовским декретам, требовавшим от всех заключенных в тюрьмах представления таких биографических сведений. Девилль опубликовал ее в 1905 г. в журнале «La Révolution française» [58]. Для своей книги он ознакомился также с некоторыми досье из следственного дела «Заговора равных».

Почти одновременно с книгой Девилля в журнале «Revue Socialiste» была опубликована серия статей А. Тома, посвященных анализу теоретических взглядов Бабефа до организации «Заговора рав-

[55] J. Jaurès. Histoire socialiste (1799—1900). La Convention, v. 2, p. 1529. Жорес имеет в виду указанные выше мемуары члена Конвента, М.-А. Бодо (M.-A. Baudot. Notes historiques...).

[56] G. Deville. Thermidor et Directoire. Paris, [1904].

[57] Статьи Девилля, печатавшиеся в «Egalité», вышли отдельным переработанным изданием на немецком языке в переводе Э. Бернштейна и с его большим послесловием (G. Deville. Die Verschwörung der Gleichen. Mit einem Nachwort von Ed. Bernstein. Hottingen-Zürich, 1887). Для своего послесловия Бернштейн использовал присланную ему Энгельсом книгу Авенеля «Lundis révolutionnaires» (см. письмо Энгельса от 5 мая 1887 г. Соч., т. XXVII, стр. 639).

[58] G. Deville. Notes inédites de Babeuf sur lui-même («La Révolution française», 1905, t. XLIX).

ных», чему Девилль уделил очень мало внимания. Хотя А. Тома не привлек никаких новых документов, его несомненная заслуга состояла в том, что он очень тщательно проследил развитие социалистических взглядов Бабефа и первым подверг внимательному анализу «Вступительную речь» к «Постоянному кадастру», представляющую, действительно, большой интерес для изучения социальных идей Бабефа [59].

Но на работах и Девилля, и Тома очень отрицательно сказалась их реформистская позиция, которую оба они занимали тогда во французском социалистическом движении. Они совершенно извратили революционный характер деятельности Бабефа, попытавшись представить его в качестве предшественника французского реформизма и даже, что было совсем чудовищно, «мильеранизма»! Именно так, например, Девилль стремился представить тактическую линию, которую Бабеф проводил в 1796 г., во время переговоров с якобинцами: «Бабеф и его друзья согласились сотрудничать с идеями и людьми буржуазной демократии. Мне кажется интересным отметить, что с самого начала сотрудничество социализма с буржуазной демократией... не ограничивалось периодом вооруженной борьбы, но включало и участие в правительстве после победы буржуазных демократов и социалистов» [60]. Но Девилль совершенно извратил картину. У бабувистов речь шла о создании — после свержения Директории — правительства революционной диктатуры, и притом правительства, в котором они тщательно стремились обеспечить свою гегемонию, а уж никак не о вхождении «социалистического министра» в качестве заложника в чисто буржуазное правительство. Вопреки тому, что писал Девилль, Бабеф категорически отвергал мысль о возможности какого бы то ни было сотрудничества даже с «цареубийцей» Баррасом, чрезвычайно заигрывавшим как раз тогда, в 1796 г., не только с якобинцами, но и с бабувистами [61].

К такому же реформистскому извращению взглядов Бабефа был склонен и А. Тома, писавший об «изумительном оппортунизме» Бабефа и видевший в письме к Купе «первую формулу оппортунистической традиции французского социализма» [62].

Конечно, Ж. Жорес стоял много выше тогдашних своих оруже-

---

[59] A. Thomas. La pensée socialiste de Babeuf avant la conspiration des Egaux («Revue socialiste», t. 40, 1904; t. 41, 1905). Тома выпустил также сборник отрывков из произведений Бабефа (A. Thomas. La doctrine des Egaux. Paris, 1906; русск. пер. Ю. Стеклова: А. Тома. Бабеф. «Учение равных». СПб., 1907).

[60] G. Deville. Thermidor et Directoire, p. 315—316. Книга Девилля не свободна и от фактических ошибок. Так, Тибодо, служащего парижской продовольственной администрации, на поруки которого Бабеф был временно освобожден в декабре 1793 г., он спутал с членом Конвента, будущим термидорианцем Тибодо (Ibid., p. 20).

[61] P. Barras. Mémoires, t. II. Paris, 1895; P. Robiquet. Babeuf et Barras («Revue de Paris», mars 1896).

[62] A. Thomas. La pensée socialiste de Babeuf... («Revue socialiste», t. 40, p. 521, 706).

носцев в понимании роли Бабефа, в котором он видел «своего учителя»[63]. Но следует признать, что в эти годы наибольшего увлечения реформистскими иллюзиями в отношении буржуазной республики и Жорес не был чужд такой неправильной интерпретации тактики Бабефа. Так, в октябре 1901 г., в разгар борьбы с гедистами и поддерживавшими их бланкистами, возглавлявшимися Э. Вайяном, Жорес писал в «Petite République»: «Я перечитывал с радостным трепетом отрывки из газеты Бабефа. Он поздравляет себя с тем, что спасает республику, хотя рискует тем самым спасти негодных людей, представлявших ее. «Да,— утверждает он,— если монархисты не победили 13 вандемьера, то это потому, что демократы в этот час огромной опасности для свободы поняли, что во имя такой священной задачи они должны с опасностью для своей жизни спасать тех из своих преследователей, кто столько раз ее предавал, но должен был бы погибнуть сам, если бы рухнула свобода». Поразительные слова, которые вопиют против гражданина Вайяна... Его претензия на то, что он продолжает бабувизм,— узурпация. В эти смутные дни только мы оставались верны революционному французскому коммунизму»[64]. Но тактика Бабефа 13 вандемьера[65] вытекала из того, что республика находилась в смертельной опасности, чего не было в 1899 г., когда Мильеран вошел в правительство, а самое главное, что, когда эта опасность миновала, Бабеф сразу же от тактики «вандемьера» перешел к тактике «прериаля», к решительной борьбе против термидорианцев и Директории, в то время как французские реформисты в начале XX в. перешли к тактике длительного сотрудничества с буржуазными радикалами, при котором социалистам отводилась второстепенная роль. Бабувистскими традициями этого никак нельзя было оправдать.

За последующее десятилетие, до первой мировой войны, литература о Бабефе не дала ничего существенно нового. Работы английского марксиста Бельфорта Бакса и французского социалиста, в те годы еще очень активного эрвеиста В. Мерика, не были основаны на новых материалах[66]. Дело о «подлоге», обнаруженное Г. Девиллем, но очень кратко им изложенное, было вновь внимательно, но весьма предвзято изучено А. Пату[67]. В биографии Фуше, написанной Л. Мадленом, получил более подробное, но неверное освещение вопрос о взаимоотношениях Бабефа и Фуше. По мнению Мадлена, Фуше, держа Бабефа «в своих руках», внушил ему «слепое доверие»

[63] «Бабеф, коммунист Бабеф, ваш и мой учитель, тот, кто положил начало в нашей стране не только социалистической доктрине, но в особенности социалистической тактике» (J. Jaurès. Op. cit., p. 1620).

[64] «La Petite République», 17 octobre 1901.

[65] О тактике Бабефа в дни 13—14 вандемьера см. в нашей работе: «М.-А. Жюльен после 9 термидора» («Французский ежегодник. 1959». М., 1961).

[66] B. Bax. The last episod of the French Revolution. London, 1911; V. Méric. Les hommes de la Révolution. Gracchus Babeuf. Paris, [1907].

[67] A. Patoux. Le faux de Gracchus Babeuf («Mémoire de la Société académique... de Saint-Quentin», t. XII, 1913; есть отдельное издание).

к себе, «великолепно им пользовался», «натравил его против термидорианцев»[68]. Та превосходная отповедь, которую дал Бабеф в «Трибуне народа» Фуше осенью 1795 г.[69], показывает полную неосновательность этого утверждения: орудием в руках Фуше Бабеф никогда не был.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась началом нового этапа в изучении Бабефа. В работах советских историков, прежде всего В. П. Волгина, внесшего наиболее крупный вклад в дело исследования истории бабувизма, были выяснены те основные революционно-коммунистические черты в мировоззрении Бабефа и бабувистов, которые замалчивались и совершенно извращались в работах Г. Девилля и А. Тома и оставались неясными даже для таких добросовестных исследователей, как Адвиелль. Уже в первой статье В. П. Волгина о Бабефе, напечатанной меньше чем через пять лет после Октябрьской революции, с исчерпывающей полнотой и ясностью было проанализировано с революционно-марксистских позиций идейное наследие бабувизма, вскрыто то новое, что представляли собой идеи Бабефа, обогащенные по сравнению со взглядами ранних французских утопистов-коммунистов XVIII в. опытом Великой Французской революции[70]. Связь коммунистического преобразования общества с революцией, необходимость установления революционной диктатуры, разработка плана конкретных мероприятий этой временной диктатуры — все эти новые идеи, основанные на учете революционного опыта, определили место бабувизма в истории развития коммунистической мысли.

На протяжении последующих сорока лет В. П. Волгин неоднократно возвращался к изучению роли бабувистских идей как в XVIII столетии, так и в последующем развитии социалистического движения[71]. В книге «Французский утопический коммунизм» подведены итоги многолетних исследований В. П. Волгина по истории бабувизма. В ней сформулирован и окончательный вывод по вопросу о времени становления коммунистического мировоззрения Бабефа: «...Очевидно, *уже до 1793 г.* он пришел к твердому убеждению в невозможности компромиссных решений социальной проблемы, в необходимости установления порядка общности. Это убеж-

---

[68] L. M a d e l i n. Fouché, v. I, Paris, 1900, p. 185.

[69] «Le Tribun du Peuple», N 35 («Pages choisies...», p. 241—244).

[70] См. В. П. В о л г и н. Идейное наследие бабувизма («Вестник Социалистической академии», 1922, № 1; переп. в сб. В. П. В о л г и н. Очерки по истории социализма, изд. 1-е, 1923; изд. 4-е, 1935).

[71] См. В. П. В о л г и н. История социалистических идей, т. 1, М., 1928; е г о ж е. Социализм и эгалитаризм («Вестник Коммунистической академии», 1928; переп. в сб. В. П. В о л г и н. Очерки по истории социализма); е г о ж е. Бабеф (БСЭ, т. 4. М., 1926); е г о ж е. Движение «равных» и их социальные идеи (Ввод. ст. к книге: Б у о н а р р о т и. Заговор во имя равенства. М., 1948); е г о ж е. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1958, е г о ж е. Место бабувизма в истории социальных идей («Французский ежегодник. 1960». М., 1961).

дение он сохранил до конца своих дней, оно стало руководящим принципом всей его последующей революционной деятельности» [72].

Работами В. П. Волгина была заложена прочная основа для дальнейшего изучения в СССР истории развития бабувизма. Уже в 20-х годах появился ряд специальных работ о Бабефе.

А. Г. Пригожин в книге «Гракх Бабеф» попытался с марксистских позиций осветить историю движения «равных». Но в его работе было слишком много поспешных и недостаточно обоснованных утверждений. Он считал, что в биографии Бабефа было два периода — мелкобуржуазно-демократический, характеризуемый реакционным стремлением к восстановлению «патриархального уклада цехов» (!), когда Бабеф был еще «очень далек от коммунизма», и период коммунистический, после 9 термидора. Однако коммунизм бабувистов А. Пригожин, в противоположность Марксу, считал «чисто аграрным», «коммунизм бабувистов не был идеологией рабочего класса» [73].

Несколько работ, посвященных Бабефу, опубликовал П. П. Щеголев. В первой из них, «Заговор Бабефа» [74], начатой еще под руководством Е. В. Тарле, автор использовал «Трибун народа» и несколько очень редких бабефовских брошюр 1794 г., хранившихся в ленинградских библиотеках. В докладе на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов [75] и во второй своей книге, посвященной биографии Бабефа [76], П. П. Щеголев использовал некоторые документы Парижского национального архива, в том числе список подписчиков «Трибуна народа». Он не обратился, однако, к основному богатейшему рукописному фонду Бабефа, хранившемуся с 1926 г. в Москве, в Институте Маркса и Энгельса.

При освещении раннего периода деятельности Бабефа он пользовался, как и А. Пригожин, в основном все той же книгой Адвиелля. П. П. Щеголев считал, что в начале революции, уже в своем «Постоянном кадастре», Бабеф отступил от позиций «чистого коммунизма» и стал типичным мелкобуржуазным «аграрником». Только зимой 1794 г., по его мнению, Бабеф «*впервые* обращает внимание на рабочего, *впервые* затрагивает вопрос об экономическом положении трудящихся масс. *впервые* высказывает свое мнение о максимуме..

---

[72] В. П. Волгин. Французский утопический коммунизм. М., 1961, стр. 62 (курсив наш. — *В. Д.).*

[73] А. Пригожин. Гракх Бабеф. Л., 1925. стр. 38. 56. 163. В книге много фактических неточностей. Так, А. Г. Пригожин писал: «Бабеф принялся за литературную халтуру — он взялся писать очерки по истории департамента Соммы. Понятно, что из этого ничего не вышло» (там. же, стр. 58). В действительности речь шла меньше всего о «халтуре»: находясь в заключении, зимой 1793/94 г., Бабеф задумал написать «историю преследований», которым он подвергался в годы революции в деп. Соммы. — О книге А. Пригожина см. отзыв С. М. Моносова («Под знаменем марксизма», 1925, № 10—11).

[74] П. П. Щеголев. Заговор Бабефа. Л., 1927.

[75] «Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов». М., 1930. т. 2 (доклад П. П. Щеголева «Заговор равных»).

[76] П. П. Щеголев. Гракх Бабеф. М., 1933.

Чисто политическая схема, первоначально усвоенная Бабефом, начинает наполняться совершенно определенным социальным содержанием» (курсив наш.— *В. Д.*). Но и в требованиях Бабефа 1794 г. «нет еще решительно ничего коммунистического»[77]. Перелом в его мировоззрении, по мнению Щеголева, произошел только в 1795 г., когда он находился в Аррасской тюрьме. Но уже «Вступительная речь» к «Постоянному кадастру» (1789 г.) показывает, насколько неточен был вывод о том, что «судьбой рабочего» Бабеф заинтересовался только в 1794 г.

При всех достоинствах работ П. Щеголева приходится признать, что ранний период деятельности Бабефа не нашел в них полного и правильного освещения.

П. П. Щеголев начал заниматься также биографией Буонарроти и собрал очень интересные материалы о влиянии книги Буонарроти на развитие русской общественной мысли[78]. Очень ранняя смерть (в 33 года) преждевременно оборвала деятельность П. П. Щеголева, одного из наиболее серьезных советских исследователей истории бабувизма[79].

В это же время Бабефом начал заниматься К. П. Добролюбский[80]. Но и в своей первой книге «Экономическая политика термидорианской реакции», и в последующих работах, основанных на очень тщательном изучении прессы и печатных источников, К. П. Добролюбский касался только деятельности Бабефа в первые месяцы термидорианской реакции.

Новый подход к изучению Бабефа в свете уроков Октябрьской социалистической революции сказался и за пределами СССР. Для Франции это относится прежде всего к работам М. Домманже. Уже в 1922 г. он выступил с небольшой, но очень содержательной книгой «Бабеф и заговор равных», в которой дал правильную трактовку характера бабувистского движения и его исторической роли[81]. Эта работа была только первой в ряду многочисленных исследова-

---

[77] Его же. Заговор Бабефа, стр. 84, 92.

[78] П. П. Щеголев. Буонарроти и его книга «Заговор равных» («Ученые записки» Ленинградского университета. Серия исторических наук. Л., 1940, вып. 6).

[79] Насколько большой интерес проявляла советская историческая наука в 20-х годах к Бабефу и бабувизму, видно из того, что в секции истории Западной Европы Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов из девяти докладов этим проблемам были посвящены два — П. П. Щеголева «Заговор равных» и Г. С. Зайделя «Бабувизм и марксизм» (Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930, т. 2, стр. 158—213).

[80] К. П. Добролюбский. Гракх Бабеф и термидорианская реакция (Сб. работ ист. ф-та Одес. ун-та), Одесса, 1947; его же. Термидор. Одесса, 1949 (гл. VII). — *Из других работ, посвященных Бабефу, отметим:* В. Займель. Гракх Бабеф. М., 1928 и Е. Лундберг. Г. Бабеф. М., 1927.

[81] M. Dommanget. Histoire des doctrines socialistes. Babeuf et la conjuration des Egaux. 1922. Librairie de l'Humanité. (русск. пер. М. Домманже. Бабеф и заговор равных. Л., «Прибой», 1925). См. рецензию А. Матьеза в «Annales Révolutionnaires», 1923.

ний, посвященных в дальнейшем М. Домманже изучению Бабефа [82]. Из работ, появившихся во Франции в 20-е гг., следует отметить небольшой, но ставивший ряд интересных проблем этюд известного историка Ж. Паризе «Бабувизм и масонство» [83].

Большой интерес к Бабефу проявлял крупнейший французский историк революции, создатель «Société des Etudes Robespierristes» А. Матьез. Но на его работах о Бабефе сильно сказывались субъективные пристрастия, увлечение Робеспьером, присущие иногда Матьезу азартные преувеличения. Матьезовские оценки Бабефа и его исторической роли отличаются крайней противоречивостью.

В своих первых статьях, посвященных Буонарроти, а особенно в статье, опубликованной в 1917 г., «Бабеф и Робеспьер», Матьез стремился показать, что подлинным предшественником французского социализма должен считаться Максимилиан Робеспьер, что именно так относились к нему Бабеф и бабувисты. «Первые французские социалисты,— писал он,— образовавшие партию Равных..., преклонялись перед Робеспьером. Перед современниками и перед грядущими поколениями они выступали в качестве его наследников и продолжателей» [84]. В своей статье Альбер Матьез тщательно собрал все известные тогда высказывания Бабефа о Робеспьере, но дал им одностороннее и неправильное освещение.

В конце 20-х годов, вслед за своим трехтомником по истории французской революции, Матьез опубликовал книгу «Термидорианская реакция» [85]. Глава, посвященная Бабефу и озаглавленная «Бабеф, Тальен, Фрерон и его «молодежь», в какой-то мере перекликалась с «Народной историей» Э. Кабе. Вывод Матьеза, что Бабеф был «одним из руководителей этой (золотой.— *В. Д.*) молодежи», явно неверен и совершенно не отражает всего своеобразия позиции Бабефа в первые недели и месяцы термидорианской реакции. Автор анонимной статьи в «Biographie moderne» 1806 г. был куда более

---

[82] Почти одновременно со своей книгой Домманже опубликовал статьи: «La structure et les méthodes de la conspiration des Egaux» («Annales Révolutionnaires», 1922); «L'hébertisme et la conjuration des Egaux» («Annales Révolutionnaires», 1923).

[83] G. Pariset. Babouvisme et maçonnerie («Melanges offerts à M. Charles Andler». Strasbourg, 1924).

[84] A. Mathiez. Babeuf et Robespierre («Annales Révolutionnaires», 1917, переп. в сб. A. Mathiez. Etudes sur Robespierre. Paris, 1958, p. 237).— Там же «La politique de Robespierre et le 9 thermidor expliqués par Buonarroti». «Буонарроти считает Робеспьера предшественником бабувизма, социалистом по его действиям и намерениям»; «нет преувеличения в утверждении, что французский социализм 1830 г., как и чартистский социализм, идут от Буонарроти, а через Буонарроти — от Робеспьера», p. 279, 254. В некрологе об известном бакунисте Д. Гильоме Матьез писал: «Д. Гильом преклонялся перед Робеспьером и с полным основанием считал его настоящим предшественником подлинно социалистической мысли, не искаженной еще влияниями с другой стороны Рейна» («Annales Révolutionnaires», 1917, p. 143).

[85] A. Mathiez La reaction thermidorienne. Paris, 1929 (есть русск. пер. А. Матьез. Термидорианская реакция. М., 1930).

объективен, когда подчеркивал связи Бабефа с Электоральным клубом и его стремление к возрождению «партии Коммуны».

Если в «Термидорианской реакции» А. Матьез еще указывал, как на несомненный факт, на то, что «Бабеф примкнул к коммунизму с самого начала Законодательного собрания», то в курсе, посвященном Директории, который Матьез читал в 1928—1929 гг. (он был издан уже посмертно, в 1934 г., Ж. Годшо) [86], он подверг сомнению это положение. Матьез попытался обосновать новую концепцию «Заговора равных». Для современников он был «не столько коммунистическим выступлением, сколько последней попыткой террористов вернуть власть в свои руки...» Книга Буонарроти имела большое значение для истории французского социализма, но заговор, историю которого она излагает, вовсе не был коммунистическим заговором — Буонарроти был, вероятно, «в гораздо большей степени коммунистом, чем сам Бабеф» [87]. В мировоззрении самого Бабефа коммунистические идеи далеко не играли той роли, какая им обычно приписывается: «В системе Бабефа нет ничего оригинального... Он не всегда был коммунистом, он примкнул к коммунизму очень поздно». В «Постоянном кадастре» и позднее Бабеф выступал только в качестве сторонника «аграрного закона». Он пришел к коммунизму только в 1795 г. Но и тогда коммунизм вовсе не стоял еще в центре его стремлений: «Бабеф был, в основном, рупором (l'organe) амнистированных террористов. Коммунизм был для него чем-то второстепенным, мало связанным с его подлинной политикой... Коммунизм Бабефа был поспешным сооружением.., увенчанием постройки совершенно другого стиля. Основа здания — это восстановление политики II-го года... Фасад, второстепенная часть — это коммунизм» [88]. По мнению Матьеза, коммунизм для Бабефа — это «социальная философия, которую он не успел даже переварить»; до революции даже Дюбуа де Фоссе шел значительно дальше его. Уже одно это утверждение показывает, как неверно освещал Матьез вопрос о месте коммунистических идей в мировоззрении Бабефа и во всем «Заговоре равных».

Для правильного решения этой проблемы — одной из центральных в историографии бабувизма — большое значение имела публикация в 1935 г. М. Домманже «Избранных произведений» Бабефа [89].

---

[86] A. Mathiez. Le Directoire. I. L'opposition de gauche. Les Panthéonistes. II. Babeuf et le Directoire. III et IV. Le complot des Egaux. V. La politique de ralliement et l'affaire de Grenelle («Revue des Cours et Conférences». 1929). Все эти лекции вошли в виде глав в книгу A. Mathiez. Le Directoire. Paris, 1934.

[87] A. Mathiez. Le Directoire, p. 212. «Ядром движения,— как писал Матьез в личном письме к Домманже,— были амнистированные террористы» («Pages choisies...», p. 38).

[88] A. Mathiez. Le Directoire, p. 45, 164, 172.

[89] «Pages choisies de Babeuf, recueillies, commentées, annotées avec une Introduction et une Bibliographie critique par Maurice Dommanget». Paris, Colin, 1935.

Это издание, снабженное очень ценным библиографическим и историографическим обзором, вводными статьями к каждому из разделов книги и обстоятельными комментариями [90], явилось результатом большой исследовательской работы, проделанной Домманже после выхода в свет его первой книги. В его распоряжении имелась коллекция А. Роллена, в которой были собраны копии многих документов, входивших в собрание Поше-Дероша. Домманже использовал департаментские архивы, в том числе фонд F [129], поступивший в архив деп. Соммы только в конце 20-х годов. В числе впервые опубликованных Домманже документов особый интерес представляли письмо Бабефа к Купе от 20 августа 1791 г., во многом дополнившее сентябрьское письмо, обнаруженное Эспинасом, письмо к Шометту от 7 мая 1793 г., освещающее идейную и политическую позицию Бабефа в момент установления якобинской диктатуры, письмо к С. Марешалю, крайне любопытное для выяснения философских взглядов Бабефа. Статья из «Пикардийского корреспондента» «Почтительный адрес сословия патаров» впервые дала известное представление об этой газете Бабефа, ни одного экземпляра которой не сохранилось.

Публикация Домманже явилась важнейшим вкладом в литературу о Бабефе после книги Адвиелля. Однако и в распоряжении Домманже не было подлинного рукописного архива Бабефа, и потому многие очень важные документы ему остались неизвестными. Вдобавок самая форма издания не давала возможности Домманже использовать все собранные им сведения о первых годах деятельности Бабефа. Лишь частично они были им использованы в позднейших работах [91].

Ни в какой мере не заполнила этих пробелов книга Ж. Вальтера, вышедшая в 1937 г. [92] Правда, Ж. Вальтер использовал, хотя и

---

[90] Отметим некоторые неточности в комментариях: аббат Купе, королевский цензор, переписывавшийся с Бабефом до революции, — это не будущий депутат Законодательного собрания, а его брат (p. 93); Бабеф был в Париже в мае, а не в сентябре 1787 г.: письмо, на которое ссылается Домманже, относится к сентябрю 1789 г., дата 1787 г. ошибочно поставлена в нем копиистом (p. 67, note 1); Бабеф был арестован по постановлению Cour des Aides, а не следственного комитета Учредительного собрания (p. 92); граф Лораге не имел отношения к освобождению Бабефа (p. 92), — наоборот, его публикация письма Бабефа в «Actes des apôtres» задержала это освобождение; переписка с Купе оборвалась не в сентябре 1791 г., а в феврале 1792 г. (p. 93), и не по вине Купе; речь 2 сентября была произнесена Бабефом не в Бове в 1791 г., а в Аббевилле в 1792 г., накануне выборов в Конвент; Бабеф был вновь арестован не 11 плювиоза (30 января 1794 г.), а 11 нивоза (p. 157); имя «Камилл» Бабеф начал употреблять уже осенью 1790 г. (p. 171); брак отца Бабефа никак не может быть датирован 1772 г., а его смерть наступила не раньше конца 1780 г. (p. 313, n. 1).

[91] См. M. Dommanget. Babeuf et l'éducation (AHRF, 1960 и 1961). Вопрос о взаимоотношениях Бабефа с С. Марешалем подробно рассмотрен Домманже в книге «Sylvain Maréchal. L'Egalitaire. «L'Homme sans Dieu» (1750—1803)». Paris, 1950 (см. рецензию Ж. Лефевра на эту работу в AHRF за 1951 г.).

[92] G. Walter. Babeuf et la conjuration des Egaux. Paris, 1937

очень поверхностно, некоторые документы из Национального архива и первым ознакомился с давенекурской петицией Бабефа 1791 г. Однако в целом, несмотря на обещание автора «подвести итоги» всем предшествовавшим исследованиям, работа Ж. Вальтера совсем не отвечала поставленной задаче. Автор явно стремился принизить значение деятельности Бабефа. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить параграф его книги, озаглавленный «На службе кабатчиков Руа», с теми страницами, которые посвятил истории борьбы Бабефа против косвенных налогов Марсель Марион, один из крупнейших знатоков финансовой истории Франции, пришедший к выводу, что возглавленное Бабефом движение в Пикардии сыграло важную роль в крушении всей системы откупов в стране [93].

Книга Ж. Вальтера изобилует ошибками и неточностями. Так, он утверждает, что 7 марта 1790 г. Бабеф выступил в муниципалитете г. Руа, а затем расклеил на улицах текст речи в виде афиши под названием «Требование города Руа» [94]. Но это чистейшее недоразумение: петицию под этим названием Бабеф опубликовал только в октябре 1790 г., через семь месяцев. Его речь 7 марта и его афиша 14 марта, отнюдь не повторявшие друг друга, имели совершенно иное содержание, с которым Ж. Вальтер мог бы легко ознакомиться из дела в Национальном архиве, где все эти документы сохранились.

Ж. Вальтер уверяет, что редактировавшаяся Бабефом петиция по делу коммуны Давенкур, «не имела никаких последствий и ни в чем не изменила участи арестованных» [95]. В действительности Бабеф добился их освобождения. Вальтер пишет, что Купе не ответил ни на одно из обращенных к нему Бабефом писем («l'abbé resta insensible») [96]; в архиве ИМЛ Вальтер мог бы ознакомиться с семью письмами Купе к Бабефу, в том числе и с письмами по давенекурскому делу.

По словам Ж. Вальтера, в ноябре 1792 г. Бабеф охотно принял свое «назначение» администратором дистрикта Мондидье, «не предвидя ожидавшей его в Мондидье неприятной встречи». Лишь прибыв туда, он узнал, что его враг, мэр Руа, Лонгекан «только что назначен прокурором-синдиком дистрикта» [97]. Но Бабеф прекрасно это «предвидел»; он был секретарем, а Лонгекан председателем собрания выборщиков (Лонгекан был тогда уже не мэром, а мировым судьей Руа) дистрикта Мондидье 18 ноября 1792 г., где как раз по вопросу об избрании на пост прокурора-синдика шла самая ожесточенная борьба между двумя кандидатами — Лонгеканом и Бабефом!

---

[93] M. Marion. Le recouvrement des impôts en 1790 («Revue Historique», 1916); idem. Histoire financière de la France, v. II. Paris, 1927.
[94] G. Walter. Op. cit., p. 39—40.
[95] Ibid., p. 65.
[96] Ibid., p. 72.
[97] Ibid., p. 78.

По сообщению Ж. Вальтера, в сентябре 1794 г. Бабеф, после освобождения, «без особого энтузиазма» возобновил свое сотрудничество в продовольственной комиссии Парижа, «если судить по его письму, адресованному Гарену». Но судить по этому письму не приходится,— оно было написано годом раньше, в октябре 1793 г.[98] Мы ограничились перечислением только некоторых ошибок Вальтера, но и их достаточно для того, чтобы убедиться в том, как неполна и неточна его книга, особенно при изложении раннего периода биографии Бабефа[99].

Новый этап в изучении истории бабувизма связан с именем Ж. Лефевра. «Еще в годы, предшествовавшие второй мировой войне,— пишет французский историк-коммунист Ж. Дотри,— и до последних дней своей жизни Жорж Лефевр из своего маленького домика в Булони-на-Сене руководил своего рода интернационалом ученых, занимавшихся бабувизмом и Буонарроти»[100].

В 1945 г. Лефевр опубликовал небольшой, но исключительно интересный этюд о Бабефе[101]. Основываясь на обнаруженном им следственном деле священника П. Круасси из дистрикта Мондидье, Лефевр чрезвычайно ярко показал, какое влияние приобрел Бабеф в Пикардии ко времени выборов в Конвент. Для изучения пикардийского периода жизни Бабефа этот этюд имел большое значение. В своей книге «Директория» Лефевр коснулся и позднейшего периода деятельности Бабефа, подчеркнув (мы видели уже, что этот вопрос ставил Маркс) связь между финансовой политикой Директории и движением «равных»[102].

Лефевра больше всего интересовал вопрос о месте коммунистических идей в мировоззрении Бабефа. Он придерживался в этом вопросе точки зрения, прямо противоположной А. Матьезу. Уже в 1935 г., в предисловии к публикации «Pages choisies de Babeuf» Ж. Лефевр писал: «Домманже обнаружил документы, свидетельствующие о том, что коммунизм был в центре его (Бабефа.— *В. Д.*) размышлений еще до 1789 г.. Во всяком случае проблема поставлена, и ее разрешения нужно искать в развитии его идей в годы, предшествовавшие террору»[103]. Но если коммунистические идеи занимали такое большое место в мировоззрении Бабефа еще до революции, то чему же следует приписать их возникновение? По мне-

---

[98] G. Walter. Op. cit., p. 90. Почти все эти ошибки повторены Ж. Вальтером и в его статье о Бабефе в «Dictionnaire de la biographie française», v. I. Paris, 1948.

[99] Очень основательный разбор книги Вальтера см. в рецензии М. Домманже (AHRF, N 83, 1937).

[100] J. Dautry. G. Lefebvre et le babouvisme (AHRF, 1960, N 159); J. Godechot. Les travaux récents sur Babeuf (AHRF, 1960, N 162).

[101] G. Lefebvre. Où il est question de Babeuf («Annales d'histoire sociale», t. VII, 1945. Hommages à Marc Bloch; переп. в сб. «Etudes sur la Révolution française». Paris, 1954; русск. пер. Ж. Лефевр. Разговор зашел о Бабефе.— «Французский ежегодник. 1960». М., 1961).

[102] G. Lefebvre. Le Directoire. Paris, 1946.

[103] «Pages choisies de Babeuf». Préface par G. Lefebvre. Paris, 1935, p. IX.

нию Лефевра, корни социальных идей Бабефа было бы неправильно искать только в идеологических влияниях. «Имел ли коммунизм Бабефа свои корни только в философии?.. Я этого не думаю и с удовольствием констатирую, что М. Домманже разделяет это мнение. Бабеф был пикардийцем, и его взгляды сформировались среди крестьян пикардийской равнины» [104]. Эту точку зрения Лефевр развил более подробно в докладе «Происхождение коммунизма Бабефа» на IX Международном конгрессе историков в Париже, в 1950 г. [105]

В общей форме это положение Лефевра о том, что коммунизм Бабефа носил не чисто «книжный» характер, а был обусловлен той социальной обстановкой, в которой он жил и действовал, представляется бесспорным [106]. Нельзя, однако, согласиться с Лефевром, когда, конкретизируя это положение, он выводит коммунизм Бабефа из общинных традиций (traditions communautaires), сохранившихся в пикардийской деревне. Именно поэтому, как считал Лефевр, он был, в известной мере, обращен «назад», отражая противодействие крестьянства проникновению капитализма, стремление к сохранению трехполья, принудительного севооборота, системы «открытых полей» — всего, что мешало развитию производительных сил в сельском хозяйстве. Этими социальными связями Лефевр объяснял и то, *что бабефовский коммунизм носил чисто потребительский характер* и не вторгался в сферу производства: «Можно поразиться тому, что он молчит по поводу производства и приходится предположить что будущая община (la communauté), став собственником средств производства, оставила бы их на правах аренды в руках тех, кто пользовался ими раньше; ничто не указывает на то, что крестьянин перестал бы обрабатывать землю индивидуально» [107].

Изучение рукописного наследства Бабефа показывает, однако, что уже в 1785—1786 гг. он выдвинул проект создания «коллективных форм» и обосновал его, исходя из явных преимуществ крупного земледелия перед парцельным, мелким [108]. В годы революции он выступил в качестве решительного сторонника раздела общинных

---

[104] Ibid., p. IX—X.

[105] G. Lefebvre. Les origines du communisme de Babeuf (IX congrès international des sciences historiques. Rapports. Temps modernes. Paris, 1950, t. 1; перепеч. в сб. «Etudes sur la Révolution française»).

[106] В предисловии к новому изданию «Заговора во имя равенства», написанном уже незадолго до смерти, Ж. Лефевр противопоставлял Буонарроти с его преимущественно рационалистическим обоснованием коммунизма Бабефу, «чутко приглядывавшемуся к повседневной нужде тружеников физического труда и апеллировавшему к интересам пролетариев; в этом смысле мы склонны приблизить его к Марксу» (Ph. Buonarroti. Conspiration pour l'Egalité. Paris, 1957. Préface par G. Lefebvre, p. 16).

[107] Ibid., p. 12—13; G. Lefebvre. Les origines du communisme de Babeuf.

[108] Сам Лефевр выражал удивление по поводу того, что «пикардийская равнина с ее большими посевными площадями, сконцентрированными в значительной мере в руках крупных фермеров», не подсказала Бабефу идею «обобществленного земледелия» (см. рецензию Ж. Лефевра на книгу А. Галанте Гарроне «Буонарроти и Бабеф» в AHRF, 1950, p. 82). Вновь обнаруженные документы показали, что «пикардийская равнина» как раз и подсказала Бабефу эту идею.

владений. Все эти документы, остававшиеся неизвестными Ж. Лефевру, отнюдь не подтверждают выдвинутые им положения.

В ряде работ, посвященных вопросам истории бабувизма, Лефевр совершенно правильно подчеркнул значение опыта II года, всей экономической политики якобинской диктатуры для окончательного формирования социальных идей бабувистов. Все более приближавшийся к французской коммунистической партии, Ж. Лефевр настойчиво требовал от исследователей выяснения вклада бабувистов в развитие идеи революционной диктатуры. «От Марата к Бабефу... эта идея, как мне кажется,— писал он в рецензии на книгу Разброя о Марате,— все больше прояснялась в смысле идеи диктатуры класса. Было бы важно, чтобы эта эволюция была внимательно прослежена» [109].

Хотя во взглядах Лефевра на Бабефа было много спорного, в целом его влияние на историков, занимавшихся бабувизмом, было положительным. «Было бы очень хорошо,— говорил он в своем докладе на IX Международном конгрессе историков,— если бы еще раз было изучено мировоззрение Бабефа, но не в форме связной догматической системы, как это уже неоднократно делалось, а как поток (un flux), в котором хилиастические идеи коммунизма, извлеченные из книг, обогащались и оживлялись под влиянием событий и наблюдений» [110].

Работы по истории бабувизма, появившиеся в течение первого послевоенного десятилетия,— некоторые из них начаты были по совету Ж. Лефевра,— в основном, сосредоточились вокруг Буонарроти. В этом направлении сделано было многое: появились крупные исследования и отдельные этюды; кроме основного рукописного фонда в Национальной библиотеке, были обнаружены новые документы в Италии, Бельгии, Швейцарии и т. д.[111] К теме нашего исследования наиболее близкое отношение имеет ценная работа А. Галанте-Гарроне «Буонарроти и Бабеф» [112]. Автор опровергает точку зрения Матьеза и в общем присоединяется к взглядам Лефевра [113]. По поводу неоднократно выражавшихся этим последним сомнений

---

[109] AHRF, 1938, p.270.

[110] G. Lefebvre. Etudes..., p. 314.

[111] Обзор этих работ, кроме указанной статьи Godechot: Pia Onnis. Filippo Buonarroti, la congiura di Babeuf e il Babuvismo («Nuova Rivista storica». 1952, fasc. V—VI); Elisabeth L. Eisenstein. The First Professional Revolutionist. Filippo. Michele Buonarroti. Cambridge (Mass.). 1959 («Bibliographical Essay», p. 161—190); C. Mazauric. Babeuf et la conspiration pour l'égalité. Paris, 1962. p. 236—243; idem. Bilan des études sur l'histoire du mouvement et de l'idéologie babouviste («Rivista storica del socialismo», 1962, N 15—16).

[112] A. Galante Garrone. Buonarroti e Babeuf. Torino, 1948 (см. указ. рец. Лефевра в AHRF, 1950, p. 78—82).

[113] «Уже в переписке с Дюбуа де Фоссе... коммунизм стоит в центре его размышлений», в первые годы революции «программа Бабефа... это еще не коммунизм, но приближение к нему, как мы видели это в менее отчетливой и решительной форме у Буонарроти» (A. Galante Garrone. Op. cit., p. 77, 82).

в том, соответствовала ли книга Буонарроти взглядам бабувистов 1796 г. или отражала его собственные, уже позднее выработавшиеся воззрения, А. Галанте-Гарроне категорически высказал свое мнение, что Буонарроти не может быть заподозрен в каких-либо искажениях; его книга точно передает бабувистские идеи IV года [114].

В исследовании А. Саитта, внесшего очень много нового в изучение биографии Буонарроти [115], впервые было обращено внимание на анонимный листок «Questions sur les loix agraires», вышедший за подписью «Гражданин вселенной. Лондон. 1790», и высказано предположение о возможном авторстве Бабефа [116]. В статье «О робеспьеризме Ф. Буонарроти» А. Саитта проанализировал различие в отношении к Робеспьеру у Бабефа и Буонарроти [117]. Он справедливо оспорил предположение, высказанное английским исследователем Кое (Coe), что «Кодекс природы» Морелли был основным — если не единственным — идейным источником бабувистских идей [118].

Для изучения самого Бабефа в эти годы сделано было мало [119]. Работа Ж. Лепин представляла собой очень живо написанный популярный очерк; архивные дела она использовала только для характеристики самого «заговора» [120]. Очерк Д. Томсона «Заговор Бабефа» [121] не имеет никакого научного значения. Автор стремился доказать, что исторически важно не само движение, а «миф», созданный вокруг него не только республиканцами в XIX в., но и «бабувистами наших дней». Виднейший итальянский историк Д. Кантимори

---

[114] Ibid., p. 117.

[115] A. Saitta. Filippo Buonarroti. Contributi alla storia della sua vita e del suo pensiero. Roma, 1950—1951, v. I—II.

[116] Ibid., v. I, p. 185—187. Саитта опубликовал очень важные письма Буонарроти по поводу издания лжемемуаров Бабефа (Ibid., v. II, p. 51, 53), но ошибочно предположил, что в них шла речь о мемуарах Робеспьера.

[117] A. Saitta. Il robespierrismo di Filippo Buonarroti.— «Belfagor», 1955, fasc. 8 (см. рецензию Ж. Лефевра.— AHRF, 1957, p. 86).

[118] J. Dautry, A. Saitta, R.-N.-C. Coe. Colloque sur Morelly (AHRF, 1958, N 150). См. по этому вопросу В. П. Волгин. Французский утопический коммунизм. М., 1960, стр. 78.

[119] Известное «увлечение» Буонарроти привело некоторых исследователей даже к выводу, что именно Буонарроти был основным теоретиком бабувистского движения: «Известно, что бабувисты видели в Буонарроти главного теоретика движения» (R.-N.-C. Coe. La théorie morelienne et la pratique babouviste.— AHRF, 1958, N 150). «Робике был прав, назвав Буонарроти «теоретиком и организатором движения равных»» (A. Lehning. Buonarroti's ideas on communism and dictatorship.—«International Review of Social History», 1957, v. II, p. 280).

[120] J. Lépine. Gracchus Babeuf. Paris. 1949. Очень интересное письмо Бабефа к А. Дюмону было опубликовано в 1950 г. в газете «Les Lettres françaises» (№ 309, 26 avril).

[121] D. Thomson. The Babeuf Plot. The making of a republican Legend. London, 1947. Английская литература, посвященная бабувизму, очень невелика. Кроме отмеченной работы Б. Бакса, см. H. Laski. The socialist tradition in the French Revolution. London, 1930 («Попытка Бабефа и его друзей была единственным подлинно социалистическим движением в эту эпоху», p. 7).

превосходно вскрыл политический смысл утверждений Томсона [122]. Как это ни дико, Томсон явно стремился провести аналогию между Бабефом и... Гитлером: «бабувистская мистика», «бабувистский миф», по его мнению, имели «диктаторский» и «тоталитарный» характер.

Еще дальше этого пошел Ж. Л. Талмон [123]. С его точки зрения вот уже полтора века идет борьба между идеями либеральной и «тоталитарной» демократии, принижающей значение индивидуальности, подчиняющей человека «тоталитарному государству». Эта «тоталитарная» традиция идет от якобинизма и, всего больше, от бабувизма. В «зарождавшейся религии тоталитарно-демократической революции» бабувизму принадлежит «почетное место». Политический смысл всей концепции Талмона совершенно ясен: она направлена против мирового социалистического лагеря, который Талмон пытается отождествить с «тоталитарным государством». К самому Бабефу — почти треть первого тома посвящена бабувизму — Талмон относится с совершенно нескрываемой враждебностью; он считает его неспособным даже на героические действия — для этого он был слишком «многословен» [124]. По совершенно понятным причинам трехтомник Талмона пользуется большой популярностью в определенных антикоммунистических кругах.

М. Леруа во втором томе своей «Истории социальных идей во Франции», вышедшем под претенциозным заголовком «От Бабефа к Токвилю», совсем не использовал новейшей литературы о Бабефе и Буонарроти. Как и Эспинас, М. Леруа считал, что бабувизм «вдохновлялся робеспьеризмом» [125].

Совершенно правильное освещение вопрос об историческом месте Бабефа и бабувизма в развитии социалистической мысли во Франции получил в работе Р. Гароди «Французские корни научного социализма» [126].

Удачное, хотя и очень краткое издание отрывков из произведений Бабефа осуществили Ж. и К. Виллары, но новых документов они не привели. Некоторые положения вводной статьи авторов представляются нам спорными [127].

---

[122] D. Cantimori. Ancora sulla cospirazione di Babeuf (D. Cantimori. Studi di storia, 1959, p. 624—628).

[123] J. L. Talmon. The origins of Totalitarian Democracy, v. I. London, 1952; 2d ed., 1961.

[124] Ibid., p. 173.

[125] M. Leroy. Histoire des idées sociales en France, t. 2.— «De Babeuf à Tocqueville». Paris, 1950.

[126] R. Garaudy. Les Sources françaises du socialisme scientifique. Paris, 1949.

[127] G. Babeuf. Textes choisis. Préface, commentaires et notes explicatives par G. et Cl. Willard. Paris, 1951. «...Эта критика (собственности.— *В. Д.*) является критикой типично идеалистической; она не покоится на прочном экономическом анализе, который Бабеф не мог дать» (p. 21); коммунизм Бабефа «коммунизм потребления, а не производства... Труд обязателен для каждого..., но вопрос о коллективном труде не ставится» (p. 22).

Роль Бабефа во время якобинской диктатуры не нашла сколько-нибудь правильного освещения в работе Д. Герена «Борьба классов во время Первой республики», подвергшейся совершенно справедливой критике за грубо искаженную трактовку вопроса об исторической роли якобинизма и его отношения к народному движению [128]. Герен, с одной стороны, подчеркивал, что взгляды Бабефа значительно «опередили Ж. Ру и „бешеных“» и объясняет это тем, что Ж. Ру отражал «чаяния парижских ремесленников», тогда как Бабеф, уже в силу своего происхождения, был «рупором деревенской бедноты». Вместе с тем он категорически отрицал какую бы то ни было самостоятельную политическую роль Бабефа в событиях 1793 г. и объясняет это его материальной зависимостью от продовольственного администратора Парижа Гарена. «Сильно нуждаясь, он должен был добиваться места в продовольственной администрации... В тот момент, когда Ж. Ру требовал головы Гарена, Бабеф должен был редактировать брошюру в защиту своего патрона (!)» [129]. Но Герен совершенно исказил позицию Бабефа, поддерживавшего, как мы увидим, продовольственную администрацию по чисто принципиальным мотивам. Герен не только не способствовал выяснению роли Бабефа в 1793 г.,— он пошел назад, даже по сравнению с реакционером Эд. Флери.

Если в первое послевоенное десятилетие изучение Буонарроти ушло далеко вперед по сравнению с работами, посвященными Бабефу, то в последующие годы положение изменилось. Как отмечает Ж. Годшо, «исследования о Бабефе возобновились с новой силой». Годшо это обстоятельство приписывал «исследованиям русских историков», в особенности В. П. Волгина [130].

Прежде всего стал вновь расширяться круг источников. Ж. Буржен, всегда интересовавшийся Бабефом и напечатавший в 1934 г. в трудах «Центра по изучению французской революции» содержательный этюд о нем [131], незадолго до своей смерти опубликовал ряд документов, обнаруженных им в Национальном архиве, в том числе

---

[128] D. Guérin. La lutte de classes sous la première République. Bourgeois et «bras nus» (1793—1794). Paris, 1946, v. I—II. В последней работе Герена (D. Guérin. Jeunesse du socialisme libertaire. Paris. 1959) его взгляды получили еще более уродливую форму. Он говорит о «почти бюрократической диктатуре якобинского аппарата над массами» и изображает позицию Бабефа после 9 термидора как близкую к анархизму.

[129] D. Guérin. La lutte de classes..., v. I, p. 81, 84.

[130] «Les études sur Babeuf ont rebondi dans ces dernières années à la suite des recherches faites par les historiens russes» (J. Godechot. Les travaux récents sur Babeuf.— AHRF, 1960, N 162 p. 382).

[131] G. Bourgin. Babeuf et le babouvisme («Cahiers de la Révolution française». Paris, 1934, N 1). В своем выступлении по докладу Ж. Лефевра на IX Международном конгрессе историков Буржен указал на некоторые новые документы о Бабефе, обнаруженные им в Парижском Национальном архиве. Часть из них была послана в 1940 г. в Амстердам, в Институт социальной истории, но исчезла вследствие как раз тогда начавшейся германской оккупации.

очень интересное письмо Бабефа к Ролану, посланное в сентябре 1792 г. из Амьена [132].

Как уже отмечалось, В. Адвиелль опубликовал переписку Бабефа о Дюбуа де Фоссе по черновикам из личного архива Бабефа, в котором они сохранились далеко не полностью. В 50-х годах аббат Л. Берт, автор диссертации о Дюбуа де Фоссе и Аррасской академии и ученик Ж. Лефевра, Ж. Дорваль, уже давно собирающий материалы о Бабефе, обнаружили в замке Фоссе подлинники бабефовских писем, в том числе и тех, которых не хватало Адвиеллю [133]. На основании этой находки Институтом истории французской революции было опубликовано новое издание переписки, в состав которого вошло двадцать новых писем Бабефа [134].

В изучение пикардийского этапа жизни Бабефа много нового внесли работы Р. Леграна. Автор нескольких хорошо документированных этюдов, посвященных различным аспектам истории революции в Пикардии [135], Р. Легран в последнее время заинтересовался деятельностью Бабефа [136]. В своей, правда, небольшой, но содержательной работе Р. Легран очень тщательно использовал архив деп. Соммы и извлек из него ряд новых документов, в частности, переписку о Бабефе между муниципалитетом г. Руа, департаментской администрацией и парижскими властями, которая велась осенью и зимой 1790—1791 гг. Особый интерес представляют те главы исследования Леграна, которые посвящены деятельности Бабефа в администрации деп. Соммы и дистрикта Мондидье (сентябрь 1792 — январь 1793 г.), до сих пор еще почти не изученной. Легран впервые опубликовал речь Бабефа от 26 августа 1792 г. на предвыборном собрании в Руа, имеющую большое принципиальное значение,— правда, протокольная запись этой речи, найденная Леграном, отличается от более полного текста, хранящегося в архиве ИМЛ. Недостаток материалов не позволил автору осветить столкновение, произошедшее на департаментском собрании выборщиков в Аббевилле в связи с выступлением Бабефа. Нельзя согласиться с мнением Р. Леграна, что формула «совершенного равенства» упот-

---

[132] G. Bourgin. Quelques inédits de Babeuf (AHRF, 1959, N 156, 157).

[133] L. Berthe. Une grande collection d'autographes. La correspondance de Ferdinand Dubois de Fosseux (1742—1817). Extrait du bulletin «Le vieux Papier», s. l., 1960, fasc. 192.

[134] Correspondance de Babeuf avec l'Académie d'Arras (1785—1788). Publiée par l'Institut d'histoire de la Révolution française, sous la redaction de M. Reinhard. Paris, 1961. См. рецензию М. Домманже (AHRF, 1962, N 167) и К. Мазорика («Pensée», 1961, N 100).

[135] R. Legrand. La loi du maximum en Basse Picardie. Amiens, 1946; idem. Aspects de la révolution en Picardie. L'élevage des bêtes à laine. Amiens, 1950; idem. Essai sur les idées politiques de Jacques Sellier. Abbeville, 1953; idem. Le recrutement des armées et les desertions. Abbeville, 1957.

[136] R. Legrand. Aspects de la révolution en Picardie. VI. Grèves et incidents dans le Santerre. Abbeville, 1960; idem. Babeuf, ses idées, sa vie en Picardie. Abbeville, 1960; idem. Le plaidoyer de Babeuf. Abbeville, 1963.

ребялась в это время Бабефом только в смысле политического равенства [137], в действительности, начиная с 1786—1787 гг., он всегда понимал ее прежде всего как равенство социальное. При всех этих недочетах исследования Леграна, которыми он продолжает заниматься, несомненно, являются шагом вперед в разработке пикардийской главы биографии Бабефа.

Двухсотлетие рождения Бабефа было ознаменовано проведением международного коллоквиума, созванного по инициативе А. Собуля и В. Маркова (ГДР) в августе 1960 г. во время международного конгресса историков в Стокгольме [138]. Часть заслушанных на этом коллоквиуме сообщений была опубликована в специальном номере «Annales Historiques de la Révolution française» [139], в том числе упомянутая работа Р. Леграна. Очень интересное сообщение А. Собуля, автора фундаментального превосходного труда о санкюлотском движении 1793—1794 гг. [140], посвящено было сравнению кадров «санкюлотов II года» и бабувистского движения [141]. Автор новейшей работы о восстаниях в жерминале и прериале, К. Теннесон в сообщении «III год и формирование бабувизма» изложил свои взгляды о роли Бабефа во время термидорианской реакции [142]; вопрос о формировании коммунистической мысли Бабефа на более ранних этапах он не рассматривает.

«Робеспьеристское общество» (Société des Etudes Robespierristes) посвятило двухсотлетию Бабефа специальное заседание с докладами М. Домманже и Ж. Дотри [143].

Очень широко была отмечена эта дата в СССР. К ней приурочен был выход в свет капитального исследования В. П. Волгина

---

[137] R. Legrand. Babeuf, ses idées..., p. 21; см. также стр. 16 («для него (Бабефа.— *В. Д.*) всегда имеет значение юридическая точка зрения»), стр. 37 («он думает и действует, как юрист»). Отметим некоторые неточности: во время своего первого ареста Бабеф находился в Консьержери, а не в Шатле (стр. 9); автором памфлета против Бабефа был аббат Турнье, а не Ги Ламир (стр. 18); переписка Бабефа с Купе не закончилась в октябре 1791 г. (стр. 20).

[138] См. A. Soboul. Colloque «Babeuf et les problèmes du babouvisme» («Revue Historique», 1961); W. Markov. Kolloquium «Babeuf et les problèmes du babouvisme» («Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1960, Hf. 8); Б. Ф. Поршнев. Коллоквиум, посвященный изучению Бабефа и бабувизма («Французский ежегодник. 1960». М., 1961).

[139] AHRF, 1960, N 162.

[140] A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Paris, 1958.

[141] Idem. Personnel sans-culotte et personnel babouviste (AHRF, 1960, N 162); idem. L'écrou de Gracchus Babeuf à Sainte Pélagie en l'an II (AHRF, 1954, N 137).

[142] K. Tønesson. L'an III dans la formation du babouvisme (AHRF, 1960, N 162); idem. La défaite des sans-culottes. Mouvement populaire et réaction bourgeoise en l'an III. Oslo — Paris, 1959; idem. The Babouvists; from utopian to practical socialism («Past and present», 1962, N 22).

[143] J. Dautry. Le pessimisme économique de Babeuf et l'histoire des utopies (AHRF, 1961, N 164). Среди других сообщений, посвященных Бабефу в AHRF за 1961 г., см. R. Cobb. Babeuf et les électeurs d'Abbeville (N 165).

«Французский утопический коммунизм», в котором совершенно заново, на очень обширном материале, был рассмотрен вопрос о влиянии бабувистских идей на социалистическое движение в 30—40-х годах [144]. Бабефу посвящена была значительная часть третьего тома «Французского ежегодника», в котором приняли участие советские и зарубежные историки. Книга открывается превосходным этюдом В. П. Волгина «Место бабувизма в истории социальных идей». В работе Я. М. Захера заново пересмотрен вопрос о взаимоотношениях между Бабефом и «бешеными» [145]. В статьях В. Маркова и Ю. Я. Мошковской впервые со всей полнотой был освещен вопрос об откликах на процесс Бабефа в Германии и о возможном влиянии бабувистских идей на Фихте. История бабувизма после Вандомского процесса является темой этюдов Р. Сюрато, Ж. Дотри и С. Бернстайна [146].

Попыткой подведения итогов новейших исследований о Бабефе явилась недавно вышедшая книга К. Мазорика «Бабеф и заговор во имя равенства» [147]. Автор не привлек новых материалов, но очень тщательно и добросовестно проанализировал результаты последних работ, в том числе и труды Стокгольмского коллоквиума. Наряду с целым рядом совершенно правильных положений автор защищает, однако, некоторые взгляды, которые кажутся нам спорными и отчасти неверными. Так, автор, вопреки Доммануке и Лефевру, считает, что социальные идеи, которые Бабеф защищал до революции, определялись «моральными побуждениями»; он исходил из философии XVIII в., «игнорируя экономические процессы». Так же, как позднее Бланки, Бабеф «не видит экономического происхождения социального неравенства, которое является для него результатом дурной воли, интриг власть имущих и неравенства масс» [148].

[141] В. П. Волгин. Французский утопический коммунизм. М., 1961. Книга посвящена «двухсотлетию со дня рождения Гракха Бабефа, великого революционера-коммуниста». Разбор теоретических взглядов Бабефа см. также в ст. А. М. Деборина «Социально-политическая доктрина Гракха Бабефа» (сб. «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957).

[145] Я. М. Захер. Бабеф и «бешеные» («Французский ежегодник. 1960». М., 1961); его же. Движение «бешеных». М., 1960.

[146] В. Марков. Бабеф и современная ему Германия; Ю. Я. Мошковская. Отклики на процессе Бабефа в Германии; Ж. Р. Сюрато. Бабувисты, «красная опасность» и пропаганда Директории; Ж. Дотри. Бабувистская традиция после смерти Бабефа; С. Бернстайн. Необабувистская печать 1837—1848 гг. («Французский ежегодник. 1960», М., 1961). Этюд С. Бернстайна о Бабефе и бабувизме, напечатанный в 1938 г. в «Science and Society», вошел в его книгу «Essays in the Political and Intellectual History», p. 77—99. New-York, 1955. См. также франц. перевод его книги о Буонарроти (S. Bernstein. Buonarroti. Paris, 1949).

[147] Claude Mazauric. Babeuf et la Conspiration pour l'égalité. Paris, 1962; idem. Bilan des études sur l'histoire du mouvement et de l'idéologie babouviste («Rivista storica del socialismo», 1962, N 15—16); idem. Le rousseauisme de Babeuf.— AHRF, 1962, N 170.

[148] C. Mazauric. Babeuf et la Conspiration pour l'égualité, p. 71, 74.

Наиболее спорной в книге Мазорика является оценка экономической программы бабувистов. Автор считает, что она проникнута глубоким пессимизмом, и объясняет это исторической обстановкой, в которой возник бабувизм — продукт «отчаяния», охватившего массы в связи с экономическим кризисом III года, хроническим недоеданием и поражениями в жерминале и прериале. Бабувисты в отличие от сен-симонистов не представляли себе возможности «изобилия» и подъема производительных сил. «Заговор возник вокруг экономической программы, рассчитанной на низкий экономический уровень (sous développement) и не учитывавшей революционного характера индустрии» [149]. Коммунизм Бабефа, по мнению Мазорика, имел чисто аграрный характер; зародышей капиталистической промышленности в Пикардии он, по-видимому, вовсе не заметил; только в 1795 г., после пребывания в Париже, Бабеф «неожиданно» заинтересовался индустрией. Экономическую программу бабувистов К. Мазорик считает «совершенно реакционной» (absolument rétrograde) по отношению к техническому прогрессу, к которому они питали «глубокое недоверие», в известной мере приближавшее их к «мальтузианскому пессимизму» [150]. Все эти утверждения, во всяком случае по отношению к Бабефу, носят чрезмерно категорический характер и едва ли убедительны.

В обстоятельном обзоре, посвященном итогам изучения истории и идеологии бабувистского движения, К. Мазорик вновь подчеркнул тезис об «экономически реакционном характере» коммунизма Бабефа, объясняемом низкой экономической конъюнктурой 1795—1796 гг. Теория Бабефа оставалась «пессимистической» — в отличие от сен-симонистов, взгляды которых вырабатывались в период повышенной конъюнктуры, она не предусматривает возможности превышения спроса на рабочую силу над ее предложением. По мнению Мазорика, идеологическое развитие Бабефа отнюдь не было прямолинейным, оно шло зигзагами. До начала 1794 г. он был последователем Робеспьера, и лишь преследования, которым он подвергся за свою деятельность в Пикардии, сделали его «учеником эбертистов, сторонником санкюлотской демократии». Эти утверждения неточны и свидетельствуют лишь о том, насколько еще слабо изучены политические идеи, которые Бабеф отстаивал в 1789—1790 гг. [151]

В связи с 250-летием со дня рождения Ж.-Ж. Руссо, Мазорик в особом этюде проанализировал также вопрос о «руссоизме» Бабефа. Идеи Руссо, несомненно, влияли на Бабефа, но по большей части он знакомился с ними из «вторых рук». К. Мазорик считает, что до 1787 г. Бабеф читал только «Эмиля», но и это представляется ему спорным: «Имел ли он у себя, в Пикардии, книги Руссо?

[149] Ibid., p. 161.

[150] Ibid., p. 163, 169.

[151] C. Mazauric. Bilan des études sur l'histoire du mouvement et l'idéologie babouviste («Rivista storica del socialismo», 1962, N 15—16, pp. 63—82).

Ничто не дает основания это утверждать». По мнению Мазорика, нет доказательств того, что и в последующие годы Бабеф читал «Общественный договор». Попутно он высказывает предположение, что и с идеями Мабли Бабеф ознакомился не ранее 1791 г.[152] И эти утверждения, на наш взгляд, требуют тщательной, документальной проверки.

Интересные работы К. Мазорика показывают, как много еще спорных и неясных проблем, связанных с Бабефом, генезисом его социальных взглядов, установлением места коммунистических идей в его мировоззрении. «Мысль Бабефа не раскрыла еще всех своих тайн»,— писал Ж. Лефевр[153]. Ответ на все до сих пор не разрешенные вопросы может быть дан лишь на основе полного и всестороннего изучения рукописного наследия Бабефа, хранящегося в Институте марксизма-ленинизма. Уже первые публикации документов из этого архива показали, какие богатства в нем хранятся и как недостаточно были они использованы В. Адвиеллем, единственным историком, пользовавшимся этой коллекцией[154]. Личный архив Бабефа и явился главным источником, на котором основано наше исследование.

---

[152] C. Mazauric. Le rousseauisme de Babeuf (AHRF, 1962. N 170, p. 447).

[153] G. Lefebvre. La Révolution française. Paris, 1951, p. 387.

[154] «Un inédit de Babeuf. La correspondance de Londres (7—8 octobre 1789) (AHRF, 1958, N 151); «Неопубликованные письма Бабефа» (ННИ, 1960, № 5); «Новые документы Гракха Бабефа» («Вопросы истории», 1961, № 2), «Неопубликованные письма Бабефа» («Французский ежегодник. 1960». М., 1961).

Молодость Бабефа

Франсуа-Ноэль Бабеф,— в начале революции он стал называть себя Камиллом, а с 1793 г. именовал себя Гракхом и с этим именем он и вошел в историю — родился 23 ноября 1760 г. в г. Сен-Кантене (нынешний департамент Эны) [1].

Детские и юношеские годы Бабефа окутаны наибольшим туманом. Неясен, прежде всего, вопрос о том влиянии, которое оказал на Франсуа-Ноэля его отец. Все биографы Бабефа, с бóльшими или меньшими оговорками, повторяли рассказ о том, что отец Бабефа — Клод [2], дезертировавший в молодости из французской армии, сделал это по идейным соображениям, что он был кальвинистом (напомним, что Жан Кальвин был пикардийцем, уроженцем Нуайона — города, с которым была тесно связана жизнь Бабефа) и действовал по поручению кальвинистских общин во Франции. Вступив в австрийскую армию, Клод Бабеф будто бы дослужился до чина майора. «Ему удалось даже,— писал в 1933 г. П. П. Щеголев,— одно время устроиться воспитателем детей Марии-Терезии, австрийской императрицы. Таково, по крайней мере, было семейное предание» [3]. Почти все биографы повторяли и другое предание, что «отставной майор», вернувшись во Францию, передал перед смертью своим детям «Жизнеописания» Плутарха и «завещал каждому из них выбрать себе за образец одного из героев древности. Он признался, что сам считает наиболее достойным подражания римского трибуна Кая Гракха. Молодой Франсуа поклялся отцу исполнить его завет» [4].

Наконец, вслед за Адвиеллем, его биографы повторяли, что Иосиф II, во время своей поездки инкогнито во Францию в 1781 г., отправился в Пикардию с тем, чтобы разыскать своего воспитателя, но застал уже только его сына, которого он тщетно уговаривал уехать с ним вместе в Австрию.

---

[1] E. Coët. Babeuf à Roye. Péronne, 1865.

[2] Клод Бабеф (по записи о крещении Baboeuf) родился 2 февраля 1712 г. в Монши-Лагаш (кантон Гам, Пероннский округ, деп. Соммы).

[3] П. Щеголев. Гракх Бабеф. М., 1933, стр. 7.

[4] Там же, стр. 8.

Есть ли во всех этих преданиях хоть гран истины? Сам Адвиелль отнесся к ним с большим недоверием, но он предполагал,— как мы сейчас увидим, совершенно неосновательно,— что они исходят от самого Бабефа. «Если мы остановились,— писал он,— на всех этих важных подробностях молодости Бабефа, о которых он сообщил в своих рукописных мемуарах, составленных в конце жизни и о которых любил говорить Эмиль (старший сын Бабефа.— *В. Д.*), то лишь потому, что нигде не нашли их подтверждения. Если даже все это верно, мы видим здесь только проявление чрезмерной гордости, совершенно несоразмерной с подлинным значением этой личности» [5].

Но исходили ли, в действительности, все эти сообщения от самого Гракха Бабефа, оставил ли он после себя «Мемуары»?

Впервые вопрос о существовании «Мемуаров» возник в 1830 г., когда в Париже был опубликован «Проспект», сообщавший о предстоящем их выходе в свет. В «Проспекте» указывалось: «Бабеф составил эти мемуары в башне Тампля и в Вандоме; нам придется только извлечь из этого огромного сборника, целиком собственноручно им написанного, наиболее яркие места. Мы ознакомимся с главными событиями бурной жизни Трибуна, с миссиями, которые он выполнял, его общественными должностями, его борьбой с аристократией, его планами республиканской Вандеи, со сделанным ему предложением диктатуры, от которой он отказался, ...его арестами, преследованиями, процессами, наконец, его последним пребыванием в тюрьме, его защитой и смертью... В них будут подробно освещены его взаимоотношения с самыми знаменитыми людьми эпохи, которых его пламенное перо рисует самыми яркими красками» [6].

Однако дело ограничилось только «Проспектом»,— мемуары не вышли в свет. Причиной этому явилось, как ясно из недавно опубликованной переписки, противодействие Ф. Буонарроти. «Проспект, который ты мне прислал,— писал он 10 июня 1830 г. Шарлю Тесту,— доставил мне удовольствие и в то же время беспокойство. Тот, кто передал его тебе во время похорон старца, предупредил меня о предполагающемся издании, и я сделал ему замечания, с которыми он, по-видимому, совершенно не посчитался. Я боюсь, что это будет плохо переваренная смесь (macédoine), которая принесет больше вреда, чем пользы; к тому же, как мне кажется, автор этого проспекта совершенно не в состоянии писать о таких серьезных вопросах. Я не люблю, когда лгут,— *ложь, чистейшая ложь, что человек, о котором идет речь, оставил мемуары* (курсив наш.—

---

[5] V. Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme, v. I. Paris, 1884, p. 6.

[6] «Mémoires de N.-F. Babeuf, Tribun du Peuple; précédés d'un Ouvrage ayant pour titre Conspiration pour l'Egalité dite de Babeuf par Philippe Buonarroti». Prospectus. Paris, 1830.

В. Д.). Корыстолюбие грязнит даже самые священные вещи»[7]. 26 июля Буонарроти снова писал по тому же поводу Тесту: «Нельзя не одобрить твоих стараний выяснить подлинность мемуаров, но не следует пренебрегать ничем, что может содействовать ускорению их ликвидации»[8].

Хотя Буонарроти удалось не допустить опубликования этих мнимых «Мемуаров», Робер-Эмиль Бабеф, старший сын Гракха Бабефа, несомненный инициатор всего этого предприятия, не отказался от своего плана. Именно Эмиль Бабеф и являлся основным источником всех «семейных преданий». Объяснение его поведения найти нетрудно. Первенец Бабефа, на которого отец возлагал такие большие надежды, совершенно не оправдал их. В юности — друг сына Реаля, бывшего защитника Бабефа, а затем графа и любимого наполеоновского вельможи, сам ставший впоследствии бонапартистом, Эмиль Бабеф, как писал о нем Ж. Буржен, шел от одного отречения к другому[9]. Он не унаследовал идейного мужества и политической стойкости отца. И в этих особенностях его политического поведения кроется ключ к объяснению наивно-тщеславного стремления «облагородить» биографию своих родителей. Какие-то отрывки из этих мнимых «Мемуаров», на которые ссылается Адвиелль, сохранились, вероятно, в бумагах Эмиля Бабефа, и они-то ввели в заблуждение сперва Адвиелля, а за ним и всех последующих биографов, ограничивавшихся пересказом Адвиелля.

Историю первых двадцати лет жизни «трибуна народа» следует поэтому прежде всего очистить от легенд, унаследованных от Эмиля Бабефа. К счастью, в личном архиве Бабефа имеются документы, облегчающие эту задачу.

Сохранился очень ценный отрывок из подлинных «Мемуаров» Бабефа. Он начал писать их, — мы еще к этому вернемся, — в декабре 1793 г. в арестантской камере парижской мэрии. Кроме введения, Бабеф успел набросать только начало первого параграфа. Мы приведем его целиком — это единственный уцелевший и несомненно правдивый рассказ о детстве Бабефа.

---

[7] A. Saitta. Filippo Buonarroti, v. 2. Roma, 1951, p. 51. Саитта в своем ценном исследовании, по нашему мнению, ошибочно предположил, что в письме Буонаротти речь шла об издании мемуаров Робеспьера.

[8] A. Saitta. Op. cit., p. 53.

[9] G. Bourgin. Quelques inédits de Babeuf.— AHRF, N 157, 1959. Статьи Буржена об Эмиле Бабефе напечатаны в «Cahiers de la presse» за 1938 г. Отметим, что сын Эмиля — Луи Пьер — занимал довольно умеренную либеральную позицию, был большим другом Жюля Фавра и стал супрефектом в 1848 г. По ходатайству Ж. Фавра Наполеон III разрешил Верзиньи, находившемуся в Бельгии, в эмиграции, приехать в Париж для бракосочетания с дочерью Луи — правнучкой Гракха Бабефа (M. Reclus. Jules Favre. Paris, 1913). Луи Пьер скончался в Париже 20 февраля 1871 г. («Indépendance belge», 26.II 1871).

«§ 1. Мое рождение, мое воспитание, приобретенные нравственные убеждения (ma moralité acquise).

Я родился в грязи (dans la fange). Я пользуюсь этим словом, которое применяли наши бывшие вельможи, чтобы принизить всех тех, кто стоял не так далеко от природы, как они. Я пользуюсь этим словом, чтобы тем сильнее выразить, что я начал свое существование на самых низших ступенях нужды, а следовательно, на первых ступенях санкюлотизма. Мой отец, старый солдат, вынужден был довольствоваться самой заурядной должностью стражника (garde) у генеральных откупщиков. Его жалованье, насколько мне известно, составляло от 19 до 23 ливров в месяц. У него не сохранилось ни гроша отцовского наследства. На такое скудное жалованье он вырастил частично 13 детей, — я был среди них старшим. Я говорю, что вырастил частично, так как глубокая нищета, которая лишала его жену возможности удовлетворять самые насущные их потребности, привела к смерти девяти из них в самом раннем детстве. Выжили только я и трое моих братьев и сестер» [10].

На этом рукопись обрывается, но сохранился другой документ, в котором Бабеф подробно описал свое детство и юность,— письмо от 22 февраля 1788 г. к одному сен-кантенскому аббату [11]. Особенно подробно он освещает в нем жизнь своего отца и историю своих взаимоотношений с ним. Как и в автобиографическом отрывке, только что нами приведенном, он называет отца солдатом «простым стрелком» (simple fusilleur). Очень правдиво характеризует он те мотивы, которые привели отца к дезертирству. Он называет его любителем приключений (coureur d'aventures) и все его многочисленные похождения объясняет только «чрезмерной любовью к скитаниям (un amour excessif de courir le monde)». Он рисует лишенный всяких прикрас портрет прямого, открытого и честного человека, но типичного ландскнехта, грубоватого рубаки, тщеславного и самоуверенного, любителя бесконечно рассказывать о своих подвигах и похождениях. Клод Бабеф, каким его изображает сын, никак не мог быть ни майором, ни «кальвинистским дипломатом», ни тем более воспитателем детей Марии-Терезии.

В 1755 г. Клод Бабеф вернулся во Францию — мы знаем об этом по акту о его амнистии, приведенному Адвиеллем. Скитания его продолжались, судя по этому письму, двадцать два года [12]. Некоторое время, как пишет сын, он нигде не работал, и очень быстро успел проесть доставшееся ему небольшое наследство, после

---

[10] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 223, оп. 1 (в дальнейшем — ЦПА ИМЛ), 104 В II. У Бабефа были две сестры и брат Жан-Батист.

[11] ЦПА ИМЛ, 11 В IV.

[12] По другим сведениям, Клод Бабеф дезертировал в 1738 г. (см. G. Lecocq. Un manifeste de G. Babeuf. Paris, 1885, p. 2—3) и, следовательно, его скитания длились 17 лет.

чего единственным местом, которое ему удалось получить, была более чем скромная должность стражника у тех самых «генеральных откупщиков» (garde des 5 grosses fermes), против которых суждено было со всей страстью выступить впоследствии его сыну. Для пропитания многочисленной семьи этого было, конечно, совершенно недостаточно — нужду Бабеф узнал с самого раннего детства.

Цитируемое нами письмо разрушает еще одну легенду, созданную тем же Эмилем, о роли Клода Бабефа в воспитании своего старшего сына: он будто бы научил его латыни и немецкому языку, которыми владел «в совершенстве». В действительности, эта роль была, видимо, куда более скромной. Вследствие присущего ему тщеславия (faible de gloriole), отец Бабефа «вбил себе в голову, что он должен быть единственным учителем своих детей, хотя сам он плохо читал и писал (ne sachant que très mal lire et écrire» — неплохая характеристика для воспитателя Иосифа II.— *В. Д.*). Это обучение, как замечает Бабеф, обошлось ему,— во всяком случае, его плечам,— очень дорого: «Я хорошо помню солдатский тон и более чем бесцеремонное обращение, которым мало сказать, мучили, но прямо преследовали мое детство, вплоть до того, что много раз заставляли меня проклинать свое несчастное существование» [13].

Бабефа выручали его совершенно незаурядные способности и превосходный почерк. «Уже в 8 лет я прослыл среди соседей чудом (un prodige),— пишет он,— и получал от этого такое удовлетворение, которое, возможно, перевешивало отвращение. Мое маленькое самолюбие было уже достаточно сильно, чтобы я всем жертвовал во имя удовольствия, которое приносили мне похвалы окружающих, не знавших, как дорого они мне обходились» [14].

Бабеф припоминает в этом письме два случая в детстве, когда он особенно отличился. Как-то их соседу потребовалось написать прошение сен-кантенскому аббату (тому же, которому писал в 1788 г. Бабеф). Составителем и переписчиком прошения оказался маленький Франсуа-Ноэль, и сосед остался им настолько доволен, что взял с собой к аббату, которому и представил юного литератора. Аббат подарил мальчику, в виде поощрения, «Историю императора Карла VI», которую Бабеф, по его словам, долго хранил в своей библиотеке.

В другой раз, в том же Сен-Кантене, служащие откупа собрались в казарме для встречи одного из откупщиков, приехавшего из Парижа. Мальчик отправился вместе с отцом и забавлялся тем, что черкал (griffonnait) на стенах. Одного из высших служащих так поразил превосходный почерк мальчика, что он познакомил его с откупщиком, пришедшим, в свою очередь, в восторг и обещавшим

---

[13] ЦПА ИМЛ, 11 В IV.
[14] Там же.

всяческое покровительство. Но ни Клод Бабеф, ни Франсуа-Ноэль не позаботились узнать имя и адрес откупщика.

Тем временем Клод Бабеф был перемещен с понижением из Сен-Кантена — сравнительно крупного и оживленного промышленного города — в Брэ (Bray), на одну из застав по взиманию соляной подати. Простора для удовлетворения его тщеславия стало куда меньше. Взаимоотношения между отцом и сыном становились все хуже. «Почувствовав отвращение» к солдатским замашкам отца, Бабеф «начал пренебрегать» получаемыми наставлениями. Его наказывали. Но «чем суровее становились наказания, тем более я ожесточался. Когда они усилились, я стряхнул с себя иго и стал таким озорником, таким шалопаем, какого только можно вообразить» [15].

Несколько лет ему разрешали оставаться в таком состоянии «анархии». Наконец, пишет Бабеф, «чтобы как следует меня пробрать и облегчить немного тяготы крайней нищеты, угнетавшей моих родителей, обремененных многочисленной семьей, в это очень тяжелое время меня заставили зарабатывать свой хлеб на Пикардийском канале» [16].

Таким образом, сообщение Адвиелля о том, что последние годы своей жизни отец Бабефа работал на сооружении канала, оказывается неточным,— на канале работал сам Франсуа-Ноэль. Судя по письму, он вынужден был начать работу в 12—13 лет. Четыре-пять лет он не прикасался ни к перу, ни к книге. Эти суровые годы, можно не сомневаться, оказали глубокое влияние на Бабефа. Пикардийский канал был его первой суровой жизненной школой.

В 17 лет Бабеф решил сделать попытку найти более легкий способ пропитания. Его снова спас почерк. Бабеф взялся за перо и очень скоро восстановил свое искусство. «Я решил сейчас же, ни с кем не советуясь, найти место писца. Я узнал, что такое место есть у одного нотариуса-февдиста, жившего вблизи Аббевилля, и немедленно туда отправился. Я оставался там два года, и сразу оказался с головы до ног февдистом» [17].

Для дальнейшего изложения мы располагаем аутентичными документами, относящимися к тому самому году, к которому привел нас рассказ Бабефа. Это его письма к отцу 1779—1780 гг. — первые сохранившиеся для истории строки, написанные рукой самого Бабефа. Адвиелль опубликовал только одно из них, в нашей коллекции их три. Первое из них написано 12 мая 1779 г. в Флекси-

[15] ЦПА ИМЛ, 11 В IV.

[16] Там же.

[17] Там же.— В круг обязанностей февдиста входило приведение в порядок архивов сеньеров, составление и пересмотр описей (terriers). В период «феодальной реакции» роль февдистов очень возросла, так как при их помощи сеньеры восстанавливали те повинности, которые крестьяне давно уже перестали нести, обосновывали свои претензии на общинные земли при «триаже» во время судебных процессов и т. д.

куре[18]. Бабеф работал в это время у февдиста Юллена (Hullin); по-видимому, это и был тот нотариус-февдист, о котором он вспоминал в 1788 г.

Письмо это начинается еще полудетским рассказом о болезни, вызванной глистами (les vers): «В течение восьми дней меня беспокоила страшная лихорадка, сопровождавшаяся сильной головной болью и ужасной потерей аппетита... У меня был непрерывный зуд в носу, мои глаза все время сверкали, как горящие лампы..., все, что я ел, было мне отвратительно... Я принял только одно лекарство, которое сейчас же вывело меня из затруднений,— девять порошков, которые врач (le chirurgien) предписал мне принимать в вареном картофеле в течение трех дней, но... я принял их сразу в один раз».

---

[18] ЦПА ИМЛ, 26 В IV.

Франсуа-Ноэль сообщал и о своей работе: «Мы постоянно находимся в замках». На условия жизни он не жалуется, его беспокоит лишь вопрос об одежде. «Мое платье совершенно уже не годится, вы знаете, что вещи, которые приходится носить постоянно, теряют свой блеск. Не могли ли бы вы, дорогой отец, прислать мне на брюки. Мне стыдно за те, которые я ношу, они никуда не годятся и разорваны со всех сторон... Вы советуете мне не говорить с Юлленом о жалованье. Это очень хорошо, но для этого нужно иметь возможность быть чисто одетым» [19]. От 3 ливров, которыми снабдил его отец, у него оставалось только 40 су. Характерная деталь: Бабеф особо отмечает свое удовлетворение тем, что г-жа Юллен согласилась стирать его вещи раз в 6 недель и притом не только в воде, но и в мыле.

Через год после начала работы Бабефа, 22 марта 1780 г., Юллен решил,— мы узнаем об этом из второго письма Франсуа-Ноэля к отцу,— установить ему жалованье в 3 ливра в месяц. Хотя эта сумма была ничтожной, Франсуа-Ноэль отклоняет предложение отца о помощи. «Положение, в котором я нахожусь, не из блестящих,— пишет он 26 мая 1780 г.,— но когда я представляю себе, в каком положении находитесь вы, я забываю о своем и нахожу его вполне сносным... Моя совесть не позволяет мне получать что-нибудь от отца, который находится в значительно худших условиях, чем я» [20]. Клод Бабеф жил в это время в Морикуре-на-Сомме, вблизи Корби, ему было уже 68 лет.

В промежутке между вторым и третьим письмом (6 сентября 1780 г.) к отцу Бабеф успел у него побывать. «Во время поездки я убедился, что вы уже не в состоянии выносить тяготы, которых требует должность, и что бремя лет начинает вас тяготить». Из текста письма не совсем ясно, выполнял ли еще Клод Бабеф свою службу стражника, но сын собирался подавать прошение о предоставлении ему пенсии и какой-нибудь легкой службы, хотя и не рассчитывал на успех. Каким-то глухим предчувствием проникнуты горькие слова двадцатилетнего юноши: «Вы знаете лучше меня из долгого опыта, что обычно мы очень несчастливы, ничто нам не удается, но с этим нужно мириться, потому что не остается ничего другого» [21]. Это письмо к отцу было уже последним — вскоре Клод Бабеф умер. Мы не знаем, присутствовал ли Франсуа-Ноэль при смерти отца, но из всего изложенного ясно, насколько неправдоподобно «предание» о последней встрече отца с сыном и о клятве «на Плутархе».

Первые биографы Бабефа,— а вслед за ними и Адвиелль,— сообщали, что с 1777 г. Бабеф находился в услужении в замке Да-

---

[19] ЦПА ИМЛ, 26 В IV.

[20] ЦПА ИМЛ, 25 В IV; см. V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 11 (в опубликованном Адвиеллем тексте имеются разночтения с подлинником, хранящимся в архиве ИМЛ)

[21] ЦПА ИМЛ, 25 В IV.

мери, у его владельца Бракемона. Автор контрреволюционного памфлета против Бабефа, аббат Турнье, утверждал в 1791 г., что в молодости Бабеф «пас индюков» [22] Наши сведения о пребывании Бабефа в Дамери относятся только к 1781 г., причем он появился в замке, как мы увидим, совсем не в качестве слуги. Возможно, что Эмиль был прав, когда писал: «Ложь, чистейшая ложь, что мой отец воспитывался из милости, в качестве слуги у одного пикардийского сеньера». Однако дальнейшие его сообщения о юности отца полны неточностей. «Четырнадцати лет мой отец поступил письмоводителем к комиссару по составлению описей (commissaire à terrier). Заметив большие способности молодого человека, он обучил его землемерному делу и всему тому, что знал сам. Мой отец сделал такие быстрые успехи, что не прошло и года, как он уже был в состоянии соперничать со своим хозяином. Через три года очень острый спор вызвал разрыв, вынудивший моего отца предложить свои услуги нескольким сеньерам, прежде чем заняться своей профессией на собственный счет. Он преуспел так быстро, что в самом непродолжительном времени в его бюро уже работало около двадцати служащих» [23].

Как мы видели, в 1774 г., когда ему было 14 лет, Франсуа-Ноэль Бабеф вовсе не был письмоводителем; он работал еще на Пикардийском канале. О последующих четырех-пяти годах мы ничего точно не знаем. Но перелом в его жизни начался только в 1779 г. и лишь к 1781 г. Бабеф действительно стал самостоятельным февдистом, хотя «бюро с 20 служащими» является такой же легендой, как версия о Клоде Бабефе — воспитателе Иосифа II.

В архиве ИМЛ сохранилось письмо к Бабефу, датированное 11 июня 1781 г., некоей г-жи Одри (Audry) из Парижа. Собираясь привести в порядок и восстановить свои права в одном из пикардийских владений, она обращается за помощью к Бабефу. «Каноник Руа, г. Ламери (Lamérie),— пишет г-жа Одри,— который пользовался вашими услугами, сообщил мне и г-ну Сен-Соверу, что вы очень честный и смышленный человек (un très honnête homme et intelligent). Я передаю в ваши руки все свои дела и прошу вас ничего не упускать из виду» [24]. Г-жа Одри сообщает, что она уже упорядочила свои права в одном владении возле Амьена и возлагает теперь на Бабефа поручение привести в порядок все ее дела по другому владению, возле Руа. «Не пренебрегайте моими делами,— наставляет она.— Я знаю, что вы, господа, любите обещать и несмотря на это запаздываете. Я уже имела дело с одним февдистом, который затянул на 3 года, хотя обязан был закончить все в

---

[22] «Dénonciation à M. l'Accusateur public du Tribunal de Mondidier et Réfutation d'un libelle unfâme intitulé: Affaire de Davenescourt... Par un ami de l'honneur et de la vérité». Amiens. 1791. (Микрофильм этой брошюры, хранящейся в б-ке г. Амьена, любезно прислан нам Ж. Дорвалем).

[23] V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 6—7.

[24] ЦПА ИМЛ, 14 В IV. Сен-Совер — будущий член Конвента.

15 месяцев. Я хочу, чтобы мое владение было приведено в порядок и чтобы я знала, как себя вести; но только, чтобы не было судебных процессов, я их не люблю»[25].

Это письмо адресовано: «Господину Бабефу, февдисту г-на Ламери, каноника Руа в Пикардии. Г-н Бабеф живет в Гривилье, близ Руа». В письме есть приписка: «Г-жа Одри свидетельствует свое почтение г-ну Ламери и просит его передать это письмо г-ну Бабефу, своему февдисту».

Ко времени получения письма г-жи Одри Бабефу было немногим более 20 лет. Весь тон письма и его содержание не оставляют никакого сомнения в том, что в исключительно короткий срок, уже к середине 1781 г., Бабеф успел заслужить репутацию умелого февдиста. В его жизни начался новый период.

---

[25] ЦПА ИМЛ, 14 В IV.

Бабеф — февдист

Для последующих пяти лет в жизни Бабефа, важных с точки зрения его идейного развития, мы располагаем сравнительно скудными сведениями, преимущественно его деловой перепиской.

В середине 1781 г. Бабеф начал работать уже в качестве самостоятельного февдиста, в замке Дамери, принадлежавшем Бракемонам. Мы узнаем об этом из двух писем адвоката Муре, адресованных «господину Бабефу, февдисту в замке Дамери, вблизи Руа» [1]. В одном из них (более позднем, от 18 декабря 1781 г.) Муре выражает соболезнование по поводу смерти отца Бабефа [2]. Сообщая о своем переезде в Париж, где он стал адвокатом парламента, Муре обещает Бабефу свое дальнейшее покровительство: «Вы внушили мне расположение к себе. Вы молоды и, к несчастью, не имеете состояния; трудитесь над тем, чтобы его приобрести; ваш возраст и усиленные труды будут способствовать развитию талантов, зародыши которых так явно бродят в вас (des talents dont le germe fermente sensiblement chez vous)» [3].

Другое письмо Муре (21 июля 1781 г.) имеет отношение к личной жизни Бабефа. В нем он советует: «Не будьте столь чувствительны к удовольствиям, присущим вашему возрасту. Любовь заставляет дорого платить за них, и часто момент, когда склоняют колени перед алтарем, решает судьбу всей жизни. Щадите себя, не возмущайтесь особенно тем, как складываются обстоятельства, но добивайтесь, чтобы вас уважали» [4].

---

[1] ЦПА ИМЛ, 63 В V (Mouret, avocat en Parlement chez Cannet, député du commerce de Picardie, rue du Temple à Paris... à Monsieur Babeuf, feudiste au Château de Daméry, près Roye, à Roye). В 1790 г., находясь в Париже, Бабеф переписывался с г-жой Муре, в связи с ее планом устройства празднества Федерации женщин и требованием уравнения их в политических правах. Мы не располагаем сведениями о том, имела ли отношение г-жа Муре к корреспонденту Бабефа в 1781 г.

[2] Судя по письму Бабефа к отцу в октябре 1780 г. и цитируемому нами письму Муре, смерть Клода Бабефа произошла во второй половине 1781 г.

[3] ЦПА ИМЛ, 63 В V.

[4] ЦПА ИМЛ, 64 В V.

Но эти увещания оказались напрасными. 13 ноября 1781 г. Бабеф женился (обряд бракосочетания происходил в том же Дамери) на Марии-Анне-Виктории Лангле, дочери амьенского скобянщика. Эмиль Бабеф упорно оспаривал сообщение, что его мать до брака была служанкой у г-жи Бракемон. «Ложь, что моя мать была служанкой; она была подругой знатной дамы, которая взяла ее из монастыря с тем, чтобы они никогда не разлучались» [5]. Но это сообщение Эмиля опровергается брачным актом, в котором ясно сказано, что Виктория Лангле работала в течение семи лет в качестве служанки (femme de chambre) у г-жи Бракемон. Сохранившиеся оригиналы писем жены Бабефа свидетельствуют о ее малограмотности и никак не подтверждают сообщение Эмиля о воспитании его матери в пансионе.

Бабефу было 22 года, когда он женился; его невесте почти 26. Несмотря на различие в возрасте и культурном уровне, брак этот оказался очень прочным и удачным. Бабеф — страстный поклонник Руссо — сравнивал свою жену с Терезой Левассер, подругой Жана-Жака, бывшей белошвейкой. Судьба Виктории Лангле оказалась очень нелегкой: после нескольких лет относительного материального благополучия, она жила в постоянной нужде. За семь лет революции — с 1790 по 1797 г.— Бабеф шесть раз подвергался арестам. Каждый раз его жене приходилось не только содержать семью, но и хлопотать о муже, добиваться приема у министров и влиятельных лиц, поддерживать связи Бабефа с его единомышленниками на воле, носить в тюрьму скудные передачи, иногда состоявшие только из нескольких картофелин и редисок, сопровождать Бабефа при его передвижениях из тюрьмы в тюрьму. «Добродетельная республиканка,— характеризовал ее Бабеф в 1793 г. в письме к члену Конвента, Андре Дюмону,— простая, без всяких прикрас, как сама природа, хорошая мать, несчастная жена еще более горемычного супруга, вот уже пять лет помогающая ему сносить непрерывные удары врагов революции, с твердой убежденностью разделяющая с ним нищету, опасности, все возможные преследования, неутомимая в своих хлопотах каждый раз, когда ей приходится спасать своего республиканца-мужа от пропасти, куда хотят столкнуть его изменники» [6].

И при этом ни в одном из ее многочисленных писем не вырвалось ни единой жалобы. «Все, что мы имеем,— читаем мы в ее письме к Бабефу в тюрьму 5 июля 1794 г.,— мы всегда будем делить с тобой... Будь спокоен, мой друг, я никогда тебя не покину, всегда буду с тобой» [7]. Недаром ее не щадила ни Директория, ни наполеоновская полиция: вдова Бабефа была арестована в 1801 г.,

---

[5] V. Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme, v. I. Paris 1884, p. 16.

[6] «Les lettres françaises», 27 avril 1950.

[7] ЦПА ИМЛ, 80 В VIII.

после взрыва адской машины; у нее был устроен обыск в 1808 г., сейчас же после раскрытия первого заговора генерала Мале [8].

Вскоре после женитьбы Бабеф поселился в Руа, где прожил около десяти лет — до революции 10 августа 1792 г. [9] В рукописи 1790 г., написанной во время его первого ареста, Бабеф так рассказал об этом периоде своей жизни: «Г-ну Бабефу,— писал он,— было только 22 года, когда он после женитьбы обосновался в Руа в качестве архивиста-февдиста... Поселившись в городе, Бабеф не имел ни состояния, ни родственников, ни покровительства, ни знакомства... Родившись в очень бедной семье, он научился читать, писать и получил зачатки знаний только благодаря своим природным способностям. Самоучка (élevé de lui-même), не имевший ни одного учителя, кроме того, кто научил его азбуке, он сумел обучиться различным наукам, которые, как он полагал, пригодятся ему в жизни. Случай связал его с той отраслью, которая имеет целью приведение в порядок (manutention) описей и сеньериальных архивов... Крайне молодой возраст казался непреодолимым препятствием для завоевания доверия, совершенно необходимого для того, чтобы ему поручались такие сложные операции. Он преодолел все эти затруднения, и его умение разрешать различные задачи, которые на него возлагались, обеспечило ему, казалось, совершенно прочную репутацию» [10].

В этом утверждении кое-что может показаться преувеличением. Но сохранившиеся письма сеньеров, февдистов, управляющих имениями и т. д., их почтительный тон, та уверенность, которая отличает все ответные письма Бабефа этого периода, вполне подтверждают его слова. Характерно в этом отношении письмо графа Кастежа, в годы революции ставшего комендантом Аррасской крепости и погибшего 10 августа при защите королевского дворца. Ознакомившись с некоторыми предложениями Бабефа о порядке составления описей, Кастежа писал, что они являются «произведением зрелого и опытного ума, превосходно владеющего тем материалом, о котором идет речь. Я буду очень рад познакомиться с вами и, получив от вас дополнительные разъяснения, надеюсь лучше понять все достоинства вашего труда и все то, что могло от меня ускользнуть» [11]. Правда, именно с Кастежа у Бабефа несколько месяцев спустя вспыхнул острый конфликт,— но это письмо служит доказательством того, что Бабеф имел основание писать о

---

[8] ЦПА ИМЛ, 92 В VIII. M-me Babeuf à Emile Babeuf, 2 Pluviôse an 9 (22 января 1801 г.). См. также ее письмо от 10 января 1802 г. Об обыске 1808 г. см. Ж. Дотри. Бабувистская традиция после смерти Бабефа и до революции 1830 г.— «Французский ежегодник. 1960». М., 1961, стр. 172.

[9] Сообщение Адвиелля, повторявшееся остальными биографами, о том, что Бабеф после женитьбы поселился сперва в Нуайоне, является ошибочным. См. V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 16; R. Legrand. Babeuf, ses idées, sa vie en Picardie. Abbeville, 1961, p. 5—6.

[10] ЦПА ИМЛ, 49 В I.

[11] AD de la Somme, $F^{129}/_{26}$; V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 43.

прочно приобретенной им репутации опытного и знающего февдиста.

Успех Бабефа как февдиста не может быть, конечно, отнесен только за счет его личных качеств,— он связан, несомненно, с усилением «феодальной реакции» во Франции и в Пикардии. Вопреки совершенно необоснованным утверждениям некоторых французских историков (Р. Мунье) [12], развитие денежно-капиталистических отношений не ослабляло, а усиливало стремление французских феодалов всячески завинтить сеньериальный пресс, восстановить даже те права, которые давно уже утратили свое значение. В этих условиях деятельность февдистов получила небывалый расцвет. Вся деловая переписка Бабефа, многочисленные предложения, которые он получал от светских и духовных сеньеров, взяться за пересмотр их описей (terriers),— причем сроки работ устанавливались в полтора-два-три года,— являются своеобразной иллюстрацией этого усиления «феодальной реакции» накануне революции [13].

Свое положение в Руа Бабеф упрочил действительно очень быстро. Об этом можно судить по письму к нему товарища его юности по Флексикуру, Дело (Deleau), ставшего органным мастером. «Кажется,— писал ему Дело из Амьена 12 мая 1784 г.,— что вы прилично устроились; я рад этому... Нужно пользоваться молодостью, и труд должен быть удовольствием для каждого, кто подобно нам обоим, сам пробивает себе путь (pousse lui-même)» [14].

Для 1785 г. мы располагаем любопытным письмом Бабефа к февдисту Буке (Bouquet), проживающему в Нуайоне, которого он почтительно называет «отцом в мастерстве» (avec un respect dû à un Père dans l'Art). Бабеф отклоняет сделанное ему приглашение поступить на службу к Буке: «Четыре года назад я с величайшим удовольствием принял бы ваше любезное предложение. Но с тех пор положение так изменилось, что я совершенно не в состоянии им воспользоваться... У меня больше, чем на 2 года, работы и многие сеньеры заверили меня, что они только и дожидаются окончания начатых мною работ, чтобы договориться о новых, которые я должен для них выполнить... К тому же я сейчас женат, и жалованье в 100 экю, которое холостяк не мог бы отвергнуть, не подходит для семьи» [15]. Рекомендуя Буке своего шестнадцатилетнего брата, Жана-Батиста, который уже помогает ему и быстро совер-

---

[12] «Я должен признаться, что испытываю крайнее отвращение к тому, чтобы рассматривать XVII век как эпоху феодализма... Большинство крестьян являются свободными и рассматриваются как собственники своих участков. Сеньеры потеряли самые важные из своих полномочий, присвоенных государством» (R. Mousnier. Recherches sur les soulèvements populaires en France avant la Fronde. «Revue d'histoire moderne et contemporaine». Paris, 1958. p. 107).

[13] См. по этому вопросу очень ценную новейшую работу: P. de Saint-Jacob. Les paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien Régime. Dijon, 1960.

[14] ЦПА ИМЛ, 126 В VI.

[15] ЦПА ИМЛ, 23 В IV (12 апреля 1785 г.).

шенствуется[16], Бабеф соглашался взять на себя лишь приведение в порядок дел Нуайонского капитула.

За несколько лет своей деятельности в качестве февдиста Бабеф привел в порядок описи (terriers) целого ряда крупнейших светских и духовных сеньерий. В конце 1786 г., принимая предложение привести в порядок архив сеньерии Буассьер (Boissière), которым уже занимались два февдиста, умершие один за другим, Бабеф в шутливой форме писал: «Хотя кажется, что Парки остановили свой выбор на всех февдистах, соглашавшихся заниматься описью Буассьер, я все-таки буду настолько смел, если только вы на это согласитесь, что попытаюсь бросить им вызов, заняв пост покойного г. Массиа, который тоже не проявил трусости, заняв без всяких колебаний место покойного г-на Муане.

Поселившись 5—6 лет назад в Руа в качестве комиссара по составлению описей, я руководил их составлением в Дамери и Гравилье вблизи Руа, Домфроне, Эпеель, Лефритуа вблизи Мондидье, Тьекуре и Созуа вблизи Нуайона, Одерти, Кенуа и Арманкуре также вблизи Руа, и, что всего замечательней, от всего этого я не умер. Вы видите, что я достаточно хорошо знаю ваши края ...для того, чтобы, не в пример моим умершим коллегам, ...не дать застать себя врасплох»[17].

В этом внушительном списке тринадцать крупных сеньерий, причем следует учесть, что в каждую из них входили десятки фьефов и тысячи всевозможных мелких держаний.

Об известном материальном благополучии Бабефа в это время свидетельствует сохранившийся в его бумагах контракт, заключенный им 1 августа 1785 г. с торговцем чулочно-вязальными изделиями (marchand-bonnetier) Ж. Т. Сере (в годы революции он оказался одним из его заклятых врагов) о найме у него дома, который ранее занимал торговец железом. Бабефу предоставлено было право за собственный счет перестроить помещение, где прежде была лавка, под кабинет для своих занятий (cabinet d'études). За наем Бабеф обязывался платить 120 ливров в год[18]. Если учесть, что еще в 1780 г. получение у Юллена ежемесячного жалованья в 3 ливра было крупнейшим событием в жизни Бабефа, следует признать, что за эти годы он добился бесспорного успеха.

Правда, благополучие было очень недолгим гостем в доме Бабефа,— недаром контракт, заключенный на срок до 9 лет, Бабеф вынужден был расторгнуть три года спустя. О наступивших вскоре материальных затруднениях можно судить по переписке с

---

[16] Судя по сохранившейся переписке Жана-Батиста Бабефа со своим братом, Буке принял это предложение. Весной 1785 г. Жан-Батист находился в Нуайоне, у Буке, где и оставался до января 1788 г., когда он вернулся в Руа.

[17] ЦПА ИМЛ, 44 В IV (6 декабря 1786 г.).

[18] ЦПА ИМЛ, 2 В I. Франсуа-Ноэль Бабеф обозначен в договоре как «архивист-февдист, проживающий в Руа». По-видимому, в это же время Бабеф получил небольшое наследство от дяди, с чем связана была его первая поездка в Париж в 1785 г.

братом, работавшим у Буке. В апреле 1787 г. Бабеф во время поездки в Нуайон предложил брату оставить Буке и снова вернуться к нему. «Отец в мастерстве» встретил это предложение крайне враждебно. «Он меня всячески уговаривал,— сообщал Жан-Батист брату,— навсегда вас покинуть. Он обещал мне 50 экю в год и рассчитывает, что через два года окончательно поставит меня на ноги и предоставит возможность работать самостоятельно, тогда как, если я останусь у вас, по его словам, я всегда буду несчастен. Он ссылался на то, что у вас есть дети, которых вы всегда мне предпочтете, что и через 6 лет у меня в кармане не будет ни одного су и что, будучи бедняком, вы далеки от возможности облагодетельствовать меня» [19].

Летом и осенью 1787 г.— о причинах этого мы скажем дальше — материальное положение Бабефа стало еще более трудным. 24 июля, получив от Жана-Батиста 15 франков, он просил «присылать каждое воскресенье... по несколько су, чтобы продержаться до урожая» [20]. 19 сентября он писал уже в полном отчаянии: «Я прошу тебя прислать денег... Я остался совершенно без гроша» [21].

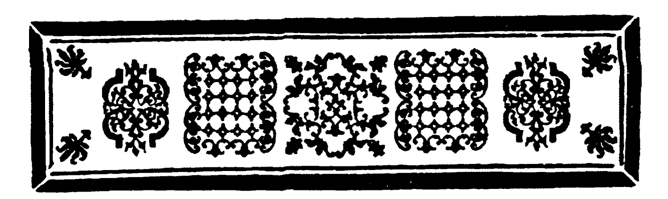
Но все эти документы относятся уже к 1787 г. В 1785 г. материальное благополучие Бабефа могло казаться прочным. Бабеф имел основание утверждать, вспоминая в 1790 г. об этом периоде, что он «вкушал спокойствие и удовлетворение» (la tranquillité et la satisfaction que goûtait Babeuf) [22]. Но именно тогда наступила для него пора серьезных размышлений,— и в его утверждении, что он относился к своему благополучию «как философ» [23], нет, как мы увидим, никакого преувеличения.

За эти несколько лет февдистской деятельности в духовном развитии Бабефа произошел подлинный скачок. Бабеф совершенствовался не только как практик; он ознакомился, как видно из документов, с рядом серьезных работ, посвященных феодальному праву. В числе цитируемых им книг, мы находим труды Прюдомма, Фременвилля, Билькока, Анриона де Пансе (оказавшегося впоследствии одним из присяжных заседателей на Вандомском процессе), Эрве и т. д. [24].

Рутина февдистского ремесла очень скоро перестала его удовлетворять. Когда осенью 1785 г. в его руки попала книга Обри де

---

[19] ЦПА ИМЛ, 29 В VI.
[20] ЦПА ИМЛ, 15 В IV.
[21] ЦПА ИМЛ, 14 В IV.
[22] ЦПА ИМЛ, 49 В I.
[23] Там же.
[24] AD de la Somme, E 100, N 13—17. Упоминание о книге Билькока см. также в недатированном дореволюционном письме одному священнику («les Nominataires... semblent moins connaître Code féodal que le Breviarum Romani... Je vous conseille de voir... 16-me chapitre des Principes des fiefs par Billecocq» (ЦПА ИМЛ, 93 В IV). См. также заметки, озаглавленные «Pour les Fiefs» с ссылками на книги Прюдомма, Анриона де Пансе, Эрве, Фременвилля (ЦПА ИМЛ, 16 В I).



MÉMOIRE

PEUT-ÊTRE important pour les Propriétaires de Terres & de Seigneuries,

OU

IDÉES

SUR LA MANUTENTION DES FIEFS.

LES Objets qui touchent l'homme de plus près, & l'intéressent davantage, sont quelquefois ceux ausquels il s'arrête le-moins, & sur qui il se hâte le-plus lentement d'étendre la sphere de ses connaissances.

CETTE Maxime, qui peut être susceptible de diverses aplications, frape très particuliérement sur le sujet de ce Mémoire. Car, qu'y a-t-il en-éfet de plus intéressant pour l'Humanité, que l'objet des Propriétés foncieres? Ne sont-elles pas l'unique principe productif des choses

A

Первая страница «Мемуара о приведении в порядок фьефов». 1786 г. (ЦПА ИМЛ)

Сен-Вибера о механизме составления постоянных описей [25], он не удержался и написал Сен-Виберу пространное письмо с целым рядом критических замечаний и изложением своей собственной системы составления описей. 24 декабря 1785 г. он получил от Сен-Вибера очень вежливый ответ, в котором тот соглашался с некоторыми замечаниями Бабефа и предлагал ему встретиться в Париже.

Поощренный этим ответом, Бабеф принял решение издать эту переписку и придать своему методу более широкую огласку. В конце 1785 г. или в самом начале 1786 г. он пишет свое первое увидевшее свет литературное произведение «Мемуар, который может оказаться полезным владельцам имений и сеньерий, или идеи о приведении в порядок фьефов» [26]. Он послал эту рукопись своему брату в Нуайон, который передал ее для напечатания владельцу типографии Девену — первому издателю Бабефа. «Я чрезвычайно рад, — пишет 28 марта 1786 г. Жан-Батист своему брату,— что г. Сен-Вибер находит, что ваши принципы, — как оно и обстоит на самом деле, — стоят выше, чем его собственные. Я думаю, что вы не откажетесь от его приглашения встретиться в Париже» [27]. В этом же письме он сообщает, что Девен обещал выпустить брошюру к пасхе.

В тот же день к Бабефу обратился и сам Девен с письмом, положившим начало их обширной переписке, продолжавшейся несколько лет и не использованной Адвиеллем. «Я получил от вашего брата рукопись,— писал Девен,— которую вам угодно было послать мне для напечатания... Я прочитал ее целиком. Ничто не вызывает у меня сомнений, и я искренне приношу вам поздравления, как в отношении стиля, так и в отношении идей, которые кажутся мне совершенно справедливыми и хорошо обоснованными» [28].

6 апреля 1786 г. Девен послал в Руа первые 60 экземпляров «Мемуара». Он сообщал при этом,— какая ирония судьбы! —что «так как это произведение предназначено попасть в руки знатных, привыкших прикасаться только к изящному, я счел полезным переплести его в бумагу, раскрашенную под мрамор» [29]. В этой обложке и сохранился в архиве Института марксизма-ленинизма экземпляр первого печатного произведения будущего «трибуна народа», с вклеенными в него планами, нарисованными Бабефом от

---

[25] Aubry de Saint-Vibert. Les Terriers rendus perpétuels, ou véritable Méchanisme de leur confection. Paris, 1781.

[26] ЦПА ИМЛ, 3 В I. «Mémoire peut-être important pour les Propriétaires de Terres et de seigneuries ou idées sur la manutention des fiefs». Судя по приводимым ниже письмам Ж.-Б. Бабефа и Девена, «Mémoire» вышел в свет в апреле 1786 г. в Нуайоне.

[27] ЦПА ИМЛ, 27 В VI.

[28] ЦПА ИМЛ, 36 В VI.

[29] ЦПА ИМЛ, 37 В VI.

руки, так как скромная типография Девена не могла их воспроизвести в печати [30].

Однако Бабеф, с отличавшей его страстью к «писательству» (écrivasserie),— от которой, как он с грустью писал из Вандомской тюрьмы, он освободился только в самые последние недели своей жизни, накануне казни,— торопился уже издать новую работу. Отвечая на первое письмо Девена, он сообщил, что продолжает свою переписку с Сен-Вибером. «Этот автор, так уверенно выступивший в своей книге, ...после моих замечаний играет, кажется, довольно ничтожную роль». Поэтому Бабеф предлагал Девену, если читатели благосклонно отнесутся к его опыту и захотят ознакомиться с продолжением его критики, «удовлетворить их любопытство» и опубликовать свою дальнейшую переписку с г. Вибером, что позволит «вновь сравнить их идеи... в отношении составления постоянных описей (terriers perpétuels)» [31].

Бабеф рассчитывал написать на эту тему большую книгу, но, не имея средств для ее издания, ограничился во второй половине 1786 г. составлением проспекта, озаглавленного «L'Archiviste-terriste» [32]. Бабеф предполагал, что проспект привлечет должное количество подписчиков для будущей книги. Издателем проспекта снова оказался Девен. Необходимость получить разрешение для распространения проспекта по всему королевству вынудила обратиться в Париж. Именно тогда и произошло знакомство Бабефа — сперва только письменное — с геометром Одиффре (Audiffred), будущим издателем его «Постоянного кадастра».

Задержка в печатании проспекта вызвала первую размолвку между Девеном и Бабефом — предвестник бури, приведшей позднее к их полному разрыву. Уже несколько успокоившись, Бабеф

---

[30] ЦПА ИМЛ, 3 В I. На экземпляре, хранящемся в архиве ИМЛ, имеются собственноручные исправления Бабефа. Судя по очень тщательно составленной М. Домманже библиографии, Национальная библиотека в Париже не имеет этого издания («Pages choisies de Babeuf». Paris, 1935, p. 5). Секретарь Аррасской академии, Дюбуа де Фоссе, вступивший в это время в переписку с Бабефом, получив от него «Мемуар», писал 1 июня 1786 г.: «Я вам очень признателен за мемуар, который Вы мне прислали; он показал мне, насколько вы сведущи в приведении в порядок сеньериальных фьефов... Остается пожелать, чтобы вашему методу последовали повсеместно; это привело бы ко многим усовершенствованиям, но самые полезные вещи вводятся с таким трудом. Повсюду придерживаются старинных обычаев, и предубежденные глаза с трудом различают свет разума» («Correspondance de Babeuf avec l'Académie d'Arras». Paris, 1961, p. 6).

[31] ЦПА ИМЛ, 36 В VI (черновик ответа Бабефа написан на обороте письма к нему Девена от 28 марта 1786 г.).

[32] «L'Archiviste-Terriste, ou traité méthodique de l'arrangement des archives seigneuriales et de la confection et perpétuation successive des inventaires, des titres et des terriers d'icelles, des plans domaniaux, féodaux et censuels. Prospectus», 1786. Дюбуа сообщил об этом «Проспекте» на заседании Аррасской академии в январе 1787 г.: «Это произведение, по-видимому, будет очень полезно для администрации сеньерий, а г. Бабеф обнаруживает в этом довольно пространном проспекте зародыши многочисленных талантов» (V. Advielle. Op. cit., v. II, p. 74). К сожалению, нам не удалось обнаружить этот проспект.

писал 9 декабря 1786 г.: «Я признаюсь, что до получения вашего письма от 2-го я сомневался в искренности всего того, что вы мне говорили, и что, в этом состоянии... будучи очень впечатлительным от природы, я несколько рассердился; но ваше последнее письмо меня успокоило. В самом деле, меня нельзя полностью осуждать за мое нетерпение... Я прошу прощения, но не находите ли вы, что я имел некоторые основания для жалоб!.. Чтобы совсем успокоиться, я начал мечтать о самом верном способе устранения неудобств, вытекающих из такого большого запоздания, и решил, вооружившись терпением, исправить от руки на каждом из двух тысяч проспектов все указания о сроке подписки» [33].

Бабеф упрекал себя в том, что слишком подробно изложил свои предложения о технике составления описей, и тем самым раскрыл свои карты: сама книга могла после этого оказаться ненужной. «Нелегко составлять проспект какого-нибудь произведения,— жалуется он Девену в том же письме,— следует найти нужный оттенок (peint de nuance), чтобы заинтриговать читателя, но не дать ему тех сведений, которые могли бы заставить его подумать, что сама книга не даст ему уже ничего нового. Я собираюсь выполнить эту задачу во втором издании проспекта, после того как выйдет первое и я увижу какое-либо подобие успеха. Может быть, это хвастовство, но я убеждаю себя в том, что успех был бы очень велик, будь у меня возможность написать это произведение и самому оплатить расходы по печатанию и воспроизведению гравюр, но я не льщу себя надеждой на подписку. Публику осаждают со всех сторон, а по этому вопросу уже существует книга г-на Сен-Вибера, который сумел, хотя имел на то очень мало оснований, угодить публике. Впрочем, вы, верно, хорошо знаете, что лучшая участь далеко не всегда уготована лучшим произведениям» [34].

Это горькое признание еще не раз вырвется из уст Бабефа: слишком долго приходилось ему ждать «подобия успеха».

Задержалось не только печатание проспекта, затянулось и прохождение его через цензуру. 29 октября 1786 г. Девен сообщил об отправке проспекта в Париж [35]. 11 ноября Девен писал Бабефу, что просил Одиффре (эта фамилия упоминается здесь впервые) ускорить прохождение через цензуру [36]. 29 ноября Одиффре уведомил Девена, что цензором назначен аббат Купе, «проживающий в Королевской библиотеке» [37]. Только 13 декабря он сообщил, что в ближайшие дни получит, наконец, проспект у Купе [38].

Подписка не дала, конечно, никаких результатов. Но Бабефа это нисколько не обескуражило. В начале 1787 г. он был совершенно

[33] ЦПА ИМЛ, 44 В VI.
[34] Там же.
[35] ЦПА ИМЛ, 40 В VI.
[36] ЦПА ИМЛ, 41 В VI.
[37] ЦПА ИМЛ, 13 В VI.
[38] ЦПА ИМЛ, 11 В VI.

поглощен новым планом, далеко уже выходившим за пределы его феодистских интересов, хотя и связанным с ними. Вырабатывая свою систему составления описей или кадастров, Бабеф придавал особое значение их «постоянству», «вечности» (perpétuité). Он стремился к созданию такой формы описей, которая была бы своеобразным «лицевым счетом» держателей, куда должны были заноситься все их обязательства перед сеньерами. При такой системе «постоянная таблица» (table perpétuelle) могла бы легко обновляться, достаточно было бы вычеркивать или добавлять имена держателей и изменения в их обстоятельствах.

В 1787 г., когда расшаталась вся финансовая система феодально-абсолютистской Франции и со всей остротой встал вопрос о радикальном обновлении всего налогового обложения, Бабеф этот принцип постоянства попытался перенести на всю налоговую систему страны. От «постоянных описей» (terriers perpétuels) его мысль обратилась к созданию «постоянного кадастра» (Cadastre perpétuel). Судьба проспекта уже перестала его интересовать,— все его помыслы сосредоточились на «Постоянном кадастре». Чисто феодистские интересы в деятельности Бабефа отходят уже на второй план.

Но «Мемуар» и «Архивист» представляли собой не только своеобразные переходные мостики к самому важному дореволюционному произведению Бабефа — «Постоянному кадастру»,— они интересны и в другом отношении. Исследователям биографии Бабефа казалось, что техника составления сеньериальных описей является совершенно устарелой проблемой и что изыскания молодого Бабефа в этой узкой, совершенно специфической области не представляют никакого интереса для истории его идейного развития. Это оказывается, однако, не совсем так.

Уже на первых страницах своего «Мемуара» — не забудем, что он написан еще в 1785 г.— Бабеф подчеркнул одну характерную особенность своего метода составления описей. «Многие считают,— писал он,— что работы комиссаров по составлению кадастров [39] распространяют полезный бальзам (baume d'utilité) только на ленные владения (mouvances féodales)». В действительности комиссары, «не упуская из виду справедливые интересы сеньеров..., должны в то же время стремиться к *охране интересов бедного крестьянина* (pauvre peisan), *о которых так часто забывают*» (курсив наш.— *В. Д.*) [40].

Конечно, в книге, предназначенной для «владельцев сеньерий»,— недаром ведь Девен подобрал для ее обложки «мраморную» бумагу,— Бабеф не мог сколько-нибудь полно раскрыть свои

---

[39] Комиссар по составлению описей (Commissaire à terrier), вопреки мнению П. П. Щеголева, не был государственным чиновником. Он действовал за собственный счет, не получая никакого жалования, ему требовалось только получение разрешения или права на составление описей сеньерий. Корреспонденты Бабефа, направляя ему письма, именуют его то «феодистом», то «адвокатом и феодистом», «секретарем» (greffier), «комиссаром по составлению описей» (ЦПА ИМЛ, 14 B VI, 49 B V, 16 B VI, 18 B VI и т. д.).

[40] ЦПА ИМЛ, 3 B I. «Mémoire peut-être important...», p. 4, note 1.

мысли. Тем не менее он достаточно ясно критикует Сен-Вибера: «Вы, очевидно, предусматриваете только выгоды сеньера... Но я обращаю внимание и на интересы чиншевика (moi, qui étends encore mes vues sur les intérêts du censitaire), который не может иметь в своем распоряжении кадастра сеньера: я считаю, что для него должны быть выписаны статьи прежних обязательств..., все даты вместе с именами и местожительством нотариусов»[41]. Бабеф заботился, таким образом, о том, чтобы вооружить крестьянина (pauvre peisan), обязанного цензивой, всеми сведениями, вплоть до местожительства нотариуса, чтобы дать ему возможность противостоять незаконным притязаниям, непрестанно возникавшим в связи с усилением «сеньериальной реакции».

Эта мысль достаточно ясно развита и в «Замечаниях о моем новом способе составления описей», сохранившихся в архивах деп. Соммы и написанных, по-видимому, для графа Кастежа в связи с его поручением Бабефу ознакомиться с состоянием описей в сеньерии Фрамервилля. Критикуя описи, с которыми он ознакомился, Бабеф обосновывал свое предложение о «постоянной таблице» с перечнем имен чиншевиков тем, что такая система предотвратит возможность для сеньеров «предъявлять чиншевикам, даже без умысла, необоснованные требования (de ne plus être involontairement exposé à faire à aucun censitaire nulle demande qui ne soit fondée)»[42]. Точно так же доказывая необходимость нового метода описания местоположения держаний, Бабеф исходил из полезности этого предложения для «цензитария, у которого нет в своем распоряжении плана сеньерии». В документах, предназначавшихся для сеньеров, архивисту-февдисту трудно было яснее высказать свои симпатии крестьянам.

Как совершенно справедливо указывает П. де Сен-Жакоб, вторая половина XVIII в. была повсеместно «золотым веком для комиссаров по сеньериальным правам»: через них «технически подготовлялась» феодальная реакция[43]. Но как раз Бабефа его февдистская практика оттолкнула в совершенно противоположную сторону. Мы помним наивно-трогательное письмо в 1779 г. юноши Бабефа, только начинавшего свою февдистскую деятельность и мечтавшего о том, чтобы иметь костюм, в котором ему не стыдно было бы появляться в замках сеньеров. За шесть лет Бабеф вырос неизмеримо, и феодальные замки приобрели в его лице одного из своих самых непримиримых врагов. «Не у историков и не у литераторов, даже самых глубоких,— подчеркивал Бабеф в одной из своих петиций в 1790 г.,— следует искать точные сведения о происхождении этого варварского (феодального.— *В. Д.*) порабощения. Есть другой

---

[41] ЦПА ИМЛ, 3 В\1. «Mémoire peut-être important...», p. 26—29.

[42] AD de la Somme, E 100 N 13—17 («Observatons sur ma méthode nouvelle pour les Terriers»; «Observations importantes concernant la perfection à donner aux inventaires des Titres des seigneurs de Framerville...»).

[43] P. de Saint-Jacob. Op. cit., p. 432—433.

класс людей, среди которых одни, к несчастью, видят, но не замечают, а другие редко расположены разглашать то, что они знают,— и только у них можно почерпнуть ясные представления по этому вопросу; к февдисту — наблюдателю и философу следует обращаться для того, чтобы получить точные данные о чудовищной истории установления цензивы»[44]. Пять лет спустя, уже издавая «Трибун народа», Бабеф, вспоминая о своем февдистском прошлом и о том влиянии, какое оно на него оказало, писал: «Я был февдистом при старом порядке, и это причина, по которой я стал, возможно, одним из самых страшных бичей феодализма при новом порядке...»[45] Но, как мы сейчас увидим, не только феодализм приобрел в лице Бабефа своего страстного противника.

Мы ограничивались до сих пор изложением основных фактов биографии Бабефа до 1785 г. Нам предстоит теперь проникнуть в его внутренний, идейный мир.

---

[44] «Pétition sur les droits de voiries et de plantation, de cens et de champarl». [1790], p. 56 (Б-ка Ин-та Фельтринелли в Милане; по микрофильму, присланному проф. Дель-Бо).

[45] «G. Babeuf, Tribun du Peuple, à ses conciloyens» («Le Tribun du Peuple», N 29).

Формирование социальных идей Бабефа

Прежде чем приступить к знакомству с социальными взглядами Бабефа, к тому, что нам известно о них, начиная с 1785 г., нам необходимо в самых общих чертах выяснить ту социальную обстановку, в которой формировалось мировоззрение будущего «Марата Пикардии». Как бы ни велико было влияние, оказанное на Бабефа великими социальными мыслителями XVIII в., прежде всего Руссо и Мабли, решающую роль в выработке его социальных взглядов сыграл, по нашему глубокому убеждению, тот жизненный опыт, те наблюдения, которые Бабеф почерпнул из своего знакомства с окружавшей его действительностью. Коммунистические воззрения Бабефа вполне оформились только на основе опыта революции и особенно якобинской диктатуры, но они начали складываться гораздо раньше, и корни их кроются не в «общинных традициях», а в тех капиталистических отношениях, которые, под оболочкой феодального общества, зрели во Франции. И как раз Пикардия — одна из экономически наиболее развитых провинций Франции — дала Бабефу богатейший материал для критики не только феодальных, но именно капиталистических отношений. Анализируя важнейшие документы Бабефа, написанные уже в середине 90-х годов, в том числе и его письмо к Жермену, и статьи в «Трибуне народа», мы всегда находим в них аргументы, почерпнутые из впечатлений и наблюдений пикардийского этапа его жизни.

Экономику и социальные отношения тогдашней Франции Бабеф наблюдал, прежде всего, сквозь призму Пикардии. Поэтому мы ограничиваемся только социально-экономической характеристикой того района, который был непосредственно в поле зрения Бабефа. Это ограничение представляется нам оправданным, поскольку как раз в Пикардии чрезвычайно ясно сказались те черты развития, которые характеризовали экономику всей тогдашней Франции, хотя в некоторых районах (Фландрия) развитие ушло значительно дальше, а в других заметно отставало от пикардийского. В частности, процесс развития капиталистической мануфактуры, который,

как нам представляется, особенно влиял на формирование социальных идей Бабефа, и являлся одной из доминирующих черт экономики тогдашней Франции, чрезвычайно отчетливо и выпукло проявлялся как раз в Пикардии.

К сожалению, экономика и социальные отношения в предреволюционной Пикардии не стали еще предметом столь тщательного, всестороннего исследования, с использованием статистических методов, как деревня соседних с Пикардией провинций — Артуа и Фландрии — в превосходной монографии Ж. Лефевра «Крестьяне Севера во время революции» [1]. Анализируя социальные взгляды Бабефа, Лефевр не раз обращал внимание на этот пробел. Наши замечания об экономическом развитии Пикардии будут иметь поэтому только самый общий характер. Но даже и в таком виде выяснение особенностей экономического развития Пикардии представляется нам чрезвычайно полезным для правильного понимания тенденций социально-экономического развития Франции XVIII века и для объяснения генезиса идей Бабефа [2].

Отличительной особенностью экономики «пикардийской равнины» (la plaine picarde) было, как это указал в своем классическом труде А. Деманжон, огромное преобладание в ее сельском хозяйстве вплоть до начала XIX в. чисто зерновых культур, прежде всего пшеницы. Благоприятные климатические и почвенные особенности превратили Пикардию, особенно такие районы, как Суассонэ, Сантерр, Вермандуа, Клермон и т. д., в своеобразную «зерновую равнину» — «pays des céréales» — одну из важнейших житниц Франции. «Главным предметом и основным ресурсом провинции являются зерновые хлеба, урожай которых намного превосходит потребности потребления», — писал интендант Пикардии Биньон еще в 1698 г. [3] Уже в XVII в., особенно во второй его половине, парижский хлебный рынок, не насыщавшийся прилегавшим к столице «зерновым поясом», стал усиленно снабжаться пикардийским хлебом. Новейший исследователь хлебной торговли Парижа во времена

---

[1] G. Lefebvre. Les paysans du Nord pendant la Révolution française. Paris, 1924 (2-me éd., Bari, 1959).

[2] Для понимания социально-экономических процессов, происходивших в Пикардии, большой интерес представляют исследования, публиковавшиеся в последние годы Пьером Губером. Посвященные, в основном, более раннему периоду (XVII и начало XVIII в.) и, преимущественно, одному из районов южной Пикардии — Бовезису, они дают превосходный материал для характеристики истории формирования капиталистических отношений в Пикардии (P. Goubert. Aspects sociaux des manufactures picardes et beauvaisiennes au temps du Louis XIV.— «Bulletin de la société d'histoire moderne», 1953, mai — juillet; idem. Les techniques agricoles dans les pays picards.— «Revue d'histoire économique et sociale», 1957; idem. Les familles marchandes sous l'Ancien Régime: les Danse et les Motte, de Beauvais. Paris, 1959). Завершением всех этих работ явилась докторская диссертация: P. Goubert. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Contribution à l'histoire sociale de la France du XVII siècle. Paris, 1960.

[3] «Extrait du mémoire de la généralité d'Amiens ou de Picardie par M. Bignon, intendant en l'année 1698».— «Mémoires et documents pour servir à l'histoire du commerce et de l'industrie». Paris, 1911, v. 1, p. 170—171.

Людовика XIV, Жан Мевре, указывает, что одним из крупнейших хлебных рынков Парижа был так называемый Port d'Ecole, откуда в столицу поступал хлеб, шедший по реке Уазе. Главными центрами, откуда прибывал хлеб, были Нуайон — уже знакомый нам по биографии Бабефа — и Суассон, «центр одной из наиболее богатых областей крупного сельского хозяйства». Уже в середине XVII в. в Париж поступал хлеб не только из районов, прилегавших к р. Уазе, но и из более отдаленного Сантерра [4].

Еще большее значение в снабжении Парижа пикардийский хлеб приобрел в XVIII в.: «Начиная, в особенности с XVIII в., Париж широко раскрылся... для пикардийского хлеба... Двумя центрами отправки хлеба стали тогда Клермон и Нуайон... Когда был сооружен Пикардийский канал, все зерно из Сантерра прямо направлялось по каналу в столицу» [5].

Очень интересные сведения о значении пикардийского хлеба для снабжения страны и столицы уже в предреволюционные годы мы находим в докладах по Амьенскому податному округу (généralité), составленных для правительства в 1788 г. в связи с опасением голода из-за неурожая в ряде районов страны. В состав податного округа (образовавшего после революции деп. Соммы) входило восемь субделегатств: Аббевилль, Амьен, Мондидье, Перонн, Сен-Кантен, Булонь, Калэ, Дуллан (три последних, после революции, отошли к деп. Па-де-Калэ, а Сен-Кантен к деп. Эны). «Пикардия,— писал интендант д'Аге,— почти никогда не находится в таком положении, чтобы она нуждалась в получении зерна из соседних провинций; она производит всегда совершенно достаточно для собственного потребления» [6].

Пикардия не только обеспечивала пропитание своего собственного населения, но и вывозила хлеб. О наличии значительных товарных излишков в провинции говорят почти все сообщения субделегатов. Так, сен-кантенский субделегат сообщал, что обычный урожай составляет около 400 тыс. сетье, а потребление не превышает 240 тыс. Даже в 1785—1787 гг., когда урожай составил только 3/4 обычного, для вывоза оставалось не меньше 60 тыс. сетье. В Аббевильском субделегатстве вывозилось больше половины урожая. Хлебный рынок Амьена снабжался провинцией Артуа и окрестно-

[4] J. Meuvret. Le commerce des grains et des farines à Paris et les marchands parisiens à l'époque de Louis XIV («Revue d'histoire moderne», 1956, t. III, p. 171, 172, 189).

[5] A. Demangeon. La Picardie et les régions voisines Artois — Cambrésis — Beauvaisis (3-me éd.). Paris, 1925, p. 308—309. «Питание северной Франции и, частично, парижан зависело главным образом от пикардийских урожаев» (P. Goubert. Les techniques agricoles dans les pays picards.— «Revue d'histoire économique et sociale», Paris, 1957, p. 29).

[6] P. Caron. L'état des récoltes et des approvisionnements dans la généralité d'Amiens en août 1788.— «Bulletin de la comission de recherche et de publication des documents relatifs à la vie économique de la Révolution». Paris, 1909, p. 138. «Наиболее значительными запасами хлеба в Пикардии владеют кантоны Перонн и Сен-Кантен в Сантерре — области превосходной культуры».

стями Перонна и Руа: «Обычно снабжает Пероин. Из Артуа хлеб поступает только тогда, когда его не требует Фландрия, а из Руа, если рынок Пон-Сен-Максанса не предъявляет требований (ne tire pas) для Парижа и Руана» [7].

Особую ценность представляет для нас доклад субделегата Мондидье. Мондидье, как и Руа, были центрами района, носившего в дореволюционной Франции название Сантерра. В годы революции Сантерр вошел в состав дистрикта Мондидье. Именно здесь в основном и проходила деятельность Бабефа. Тем интереснее экономическая характеристика этого района, данная в сентябре 1788 г «По своему положению, край (le pays) не имеет других ресурсов, кроме хлеба. Это самая важная и почти единственная продукция субделегатства Мондидье. Одной трети среднего урожая достаточно для пропитания кантона» [8]. Субделегат сообщает, что 1/15 урожая 1787 г. хранится еще в закромах. «...Возможно, что у некоторых зажиточных земледельцев (cultivateurs aisés) сохранилось еще зерно 1786 г. и 1785 г. Несмотря на обилие хлеба, цены на него поднимаются, и довольно резко..., есть лица, которые скупают хлеб (qui accaparent le blé)... Многие земледельцы везут хлеб в Пон-Сен-Максанс, Шалон, Амьен и Бове. Если бы весь хлеб, который увозят в эти места, находился на рынках Мондидье, Бретейля, Алуэна, Руа, цены на продовольствие быстро упали бы». Субделегат требовал помешать скупке хлеба в окрестностях Мондидье и воспрепятствовать наплыву пришельцев из Парижа, которые его скупают [9].

Эту картину хлебного рынка Сантерра мы можем дополнить описанием, данным самим Бабефом. «Кантон Сантерр,— писал он в оставшихся неопубликованными заметках 1789 г.,— является одной из богатейших житниц Франции, а маленький город Руа — самым крупным рынком этой местности; после сбора урожая на каждом из двух еженедельных базаров появляется около 1800 мешков зерна... 3600 мешков зерна еженедельно вывозится с рынка Руа по направлению к Парижу» [10]. Едва ли допустимы сомнения в том, что зерновое хозяйство в Сантерре приняло уже довольно отчетливый товарный характер.

Для периода революции мы располагаем более точными цифровыми данными для характеристики того места, которое занимал пикардийский хлеб в снабжении страны и столицы. В сентябре 1793 г. для снабжения Парижа был выделен особый район; в него были включены деп. Сены и Уазы, Сены и Марны, Уазы и ряд дистриктов деп. Эны, до революции входивших в состав Пикардии (деп.

---

[7] Ibid., p. 131, 127, 125.

[8] Ibid., p. 133.

[9] Ibidem.

[10] ЦПА ИМЛ, 17 В III. Историк г. Руа, Грегуар д'Эссиньи сообщает, что на каждый хлебный базар в Руа поступало в среднем до 2400 мешков, т. е. 14 800 гектолитров зерна (G. d'Essigny. Histoire de la ville de Roye. Noyon, 1818, p. 317).

Соммы в состав этого района не вошел — он снабжал Северную армию и район Амьена) [11].

В архиве Института марксизма-ленинизма в Москве сохранилось письмо мэра Парижа Паша депутату Андре Дюмону, находившемуся в миссии в деп. Уазы и Соммы. «Подумайте о том,— писал Паш,— что Париж потребляет ежедневно 1700 мешков муки по 325 фунтов каждый» [12]. На деп. Уазы, судя по этому письму Паша, возлагалась обязанность еженедельно поставлять в Париж 3900 мешков. Разверстка, установленная министром внутренних дел Паре для другого пикардийского департамента Эны, составляла еженедельно 3500 мешков [13]. Само собой разумеется, что при наличии ряда фронтов и армий, снабжавшихся другими районами, обычно вывозившими свое зерно в столицу, значение пикардийского хлеба для Парижа стало еще больше, чем в предреволюционные годы. Приведенные нами цифры (из них исключен деп. Соммы и, следовательно, район Сантерра) — 7400 мешков при общей потребности около 12 тыс. мешков в неделю — достаточно ясно показывают, какое крупнейшее значение имел пикардийский хлеб для столицы.

Все более возраставший спрос на зерновые хлеба, предъявлявшийся как растущими городами Пикардии и Нормандии, так и столицей, вел к непрерывному расширению посевной площади под злаками. К этому толкал и страх перед голодовками, по меньшей мере, пять раз повторявшимися во Франции на протяжении XVIII в. Уже в 1701—1702 гг. пикардийский интендант, цитируемый А. Деманжоном, писал: «Нет провинции, в которой было бы меньше необрабатываемых земель, пустошей и общинных владений, чем в Пикардии... Почти все возделывается: зерновые хлеба приносят очень большой доход; это главный предмет торговли жителей за последние двадцать лет, они нашли в нем столько выгод, что приступили к обработке самых неплодородных земель». Во второй половине XVIII в., когда во всей Франции возделывание целины приняло значительные размеры, для Пикардии это был уже пройденный этап. Так, например, в Сантерре, в 1763—1772 гг. почти нигде «не отмечается возделывание новых земель: вся эта местность уже очень давно представляет собой сплошное хлебное поле» [14].

Все эти данные свидетельствуют об увеличении товарности пикардийского сельского хозяйства, о непрерывном возрастании его связей с национальным рынком. Было бы, разумеется, совершенно

---

[11] La Commission des subsistances de l'An II. Procès-verbaux et actes. Publiés par P. Caron, Paris, 1924, fasc. 1. Кроме всего деп. Уазы, в район снабжения Парижа были включены дистрикты Лан, Суассон, Шато-Тьерри, входившие в деп. Эны.

[12] Pache, maire de Paris à André Dumont.., 27 oct. 1793 (ЦПА ИМЛ, ф. 230, д. 47, 11 К-Р).

[13] ЦПА ИМЛ, 77 В IX. См. также: E. Creveaux. Le ravitaillement de Paris par le département de l'Aisne pendant la Révolution.— «Mémoires lus au congrès des sociétés savantes. Toulouse, 1933. Paris, 1934». Paris, 1935.

[14] A. Demangeon. Op. cit., p. 218.

ошибочным, если бы мы, преувеличив значение этих процессов, упустили из виду огромное, задерживающее влияние все еще чрезвычайно живучей феодальной системы, всех типичных для нее средневековых методов обработки земли. Поспешное заключение, модное в некоторых кругах французских буржуазных историков и юристов, очень ярко сформулированное, например, Паниолем,— «великая историческая эволюция, медленно экспроприировавшая сеньора в пользу вассала, к 1789 г. была уже завершена» [15],— совершенно неверное для всей Франции, отнюдь не подтверждается и на примере Пикардии. Система феодальных отношений с присущей ей отсталой техникой была и здесь огромной помехой для роста производительности сельского хозяйства. В отличие от соседних Фландрии и Артуа в Пикардии продолжала почти безраздельно господствовать трехпольная система с сохранением земли под паром (en jachère) на два или три года и использованием «открытых полей» после уборки урожая под общие выпасы, строго соблюдались веками установленное чередование севооборотов, их сроки, соотношение культур и т. д.

Недаром, Артур Юнг, объездивший Пикардию накануне революции, многократно подчеркивал бросившуюся ему в глаза отсталость сельскохозяйственной техники Пикардии: «Во Франции имеют вообще ложное представление о высоком уровне обработки земли в этой провинции. Г. Тюрго поддался этой ошибке, когда приравнял эту провинцию к Фландрии» [16]. Мнение Юнга было совершенно противоположным: «Учитывая очень большое плодородие почвы, Пикардию и Нормандию следует отнести к числу областей, обрабатываемых хуже всех тех, которые мне приходилось наблюдать» [17], «нет области, обрабатываемой хуже, чем Пикардия, Нормандия, Бос, в которых пары могли бы быть уничтожены на тех же основаниях, что и во Фландрии» [18]. Правда, этот вывод Юнга оспаривался таким знатоком аграрной истории Франции, как А. Сэ, отмечавшим, что как раз во второй половине XVIII в. уровень сельскохозяйственной культуры в Пикардии заметно повысился, но не считаться с ним нельзя.

Одним из наиболее узких мест сельского хозяйства Пикардии была крайняя отсталость скотоводства, притом не уменьшавшаяся, а возросшая как раз во второй половине XVIII в. Новейший исследователь экономики Пикардии П. Губер считает, что, по меньшей мере, 4/5 пикардийских крестьян были безлошадными и вынуждены

---

[15] Paniol. Traité de droit civil, t. I. 1915, p. 718. См. критику этого положения у очень авторитетного историка французского права М. Гаро: «Можно ли сделать из этих решительных утверждений вывод, что сеньерия уступила уже вассалу или цензитарию свои владения в полную собственность. Я этого не думаю». (M. Garaud. La révolution et la propriété foncière. Paris, 1959, p. 1).

[16] A. Young. Voyages en France en 1787, 1788 et 1789. Ed. complète et critique par H. Sée, t. 1—3. Paris, 1931, p. 543.

[17] A. Young. Op. cit., p. 989.

[18] Ibid., p. 622.

были нанимать лошадей. Площадь под общинными угодьями и выпасами все время сокращалась. Губер подчеркивает всю тяжесть последствий для сельского хозяйства, вызванных крайним недостатком скота [19]. На это обстоятельство обратил внимание и Бабеф. В своем «Постоянном кадастре» он писал в 1789 г.: «Хотели безгранично расширять площадь обрабатываемой земли; плуг проник повсюду. Что произошло? Неплодородные земли служили раньше для выпаса скота, который поставлял много навоза для хороших земель; с того времени, когда не стало пастбищ, исчез скот; ни хорошие, ни плохие земли больше не унавоживали. Крестьянин увидел, что он разоряется, он понял — слишком поздно! — что без пастбищ нет скота, без скота нет удобрений, без удобрений нет урожая...» [20]

Этот недостаток скота, особенно возросший во второй половине XVIII в. в связи с расширением площади зерновых культур, П. Губер считает одной из характерных черт пикардийской «отсталой рутинной сельскохозяйственной техники, совершенно не изменившейся со времен средних веков и преобразовавшейся не раньше XIX в.» [21] Эту отсталость он объясняет тяжестью налогового бремени, сеньериальных поборов, церковной десятины, конфискацией скота за различные недоимки, гужевой повинностью во время войн и т. д. Эти выводы сделаны Губером для XVII — первой половины XVIII в. Но они, несомненно, сохраняют свое значение и для Пикардии второй половины XVIII в., в отношении и господства рутинной системы трехполья, и острого недостатка скота, и тормозящего воздействия всей системы феодальных поборов, включая сюда и поборы феодально-абсолютистского государства, на экономику среднего крестьянского хозяйства, продолжавшего в силу всех этих причин сохранять еще в значительной степени свой натурально-потребительский характер. Конечно, это положение не следует понимать слишком буквально. Известная часть крестьянского хлеба, особенно в благоприятные, урожайные годы, поступала на рынок. Однако она составляла наименее надежную часть товарного хлеба, при малейшем неурожае сразу же выпадавшую из общего баланса. Вывод виднейшего исследователя экономики предреволюционной Франции, Э. Лабрусса: «крестьянин XVIII в. обычно не был продавцом хлеба» [22], вполне может быть распространен и на Пикардию.

За чей же счет происходил тогда рост товарности сельского хозяйства? Кто же был главным держателем «пикардийского хлеба», игравшего, как мы показали, такую значительную роль в обеспечении Франции продовольствием?

---

[19] P. G o u b e r t. Les techniques agricoles dans les pays picards («Revue d'histoire économique et sociale», 1957, p. 29—30).

[20] [B a b e u f]. Le cadastre perpétuel. Paris, 1789, p. 188—189.

[21] P. G o u b e r t. Les techniques agricoles.., p. 32.

[22] C.-E. L a b r o u s s e. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution, v. I. Paris, 1944, p. LI.

Исследуя вопрос о хлебоснабжении Парижа, Ж. Мевре пришел к выводу, что для XVII в. хлебом, наиболее доступным для закупки, был тот, который поступал от уплаты феодальных повинностей («les grains les plus aisés à négocier étaint ceux qui provenaint des redevances»)[23]. Но кто им распоряжался? Конечно, поступавший в порядке натуральной, феодальной ренты хлеб иногда оставался в руках сеньеров, которые в этом случае самостоятельно (или через хлеботорговцев) продавали его. Но в XVII—XVIII вв. все чаще выступают другие силы, порожденные чрезвычайно сложным переплетением новых и старых форм социально-экономических отношений. Одну из этих форм, характерную для всей страны, Деманжон на большом материале проследил в Пикардии.

Уже издавна буржуа, негоцианты, фабриканты приобретали землю, но не для того, чтобы обрабатывать ее, а с тем, чтобы «получать доходы» (en tirer des revenus), т. е. ту же феодальную ренту. «Образование этого класса земельных собственников относится к XVI в.; тогда во всей Франции появились земельные состояния (fortunes territoriales), принадлежавшие лицам судебного сословия, финансистам, купцам, всем тем, кого обогатила торговля деньгами, зерном и скотом. В отличие от других районов Франции, где эти состояния воссоздавались вокруг феодальных замков, здесь (в Пикардии.— *В. Д.*) собственниками земельных угодий становились жители городов, буржуа»[24]. Новые земельные собственники не вели своего хозяйства, они предпочитали сдавать землю в аренду, но уже за денежную ренту. В тех же случаях, когда они являлись собственниками и той части домена (mouvances), которая состояла из фьефов и крестьянских держаний, они продолжали взыскивать с крестьян-цензитариев и феодальные повинности.

В пикардийской деревне к XVIII в. полностью исчезла система половничества (métayage). Это констатировал еще А. Юнг. «Было бы очень интересно,— писал он,— выяснить, каким образом эта практика (половничества.— *В. Д.*) была изгнана из Пикардии, Нормандии, Иль-де-Франса»[25]. Переход в Пикардии от половничества к денежной ренте констатировал и историк аграрных отношений на севере в предреволюционной Франции, Калонн. Он признавал, что «половничество, эта форма арендных отношений, применяемая в $^7/_8$ королевства, в окрестностях Суассона и Калэ встречается только в виде редчайшего исключения, зато фермерская аренда (bail à ferme) в северных провинциях Франции распространена повсеместно... Фермерская аренда развита в наиболее передовых сельскохозяйственных районах, но даже в Пикардии, которая не заслуживает такого определения, она *господствует целиком*

---

[23] J. Meuvret. Le commerce des grains («Revue d'histoire moderne», 1956, p. 194).

[24] A. Demangeon. Op. cit., p. 336—338.

[25] A. Young. Op. cit., p. 738.

и безраздельно (курсив наш.— *В. Д.*)»[26]. Правда, этот переход отнюдь не исключал того, что известная часть платежей по-прежнему вносилась в натуральной форме[27].

Но с переходом от системы половничества к фермерской аренде, от натуральной ренты к денежной, со все большим распространением товарно-денежных отношений тесно связано было и увеличение роли зажиточного крестьянства, фермерства. Этот процесс, который Бабеф мог совершенно отчетливо наблюдать в Пикардии, во второй половине XVIII в. во всех экономически развитых районах Франции вел к укрупнению и концентрации фермерских хозяйств. Как подчеркивал Ж. Лефевр, которому принадлежит крупнейшая заслуга в деле изучения процесса расслоения французского крестьянства накануне и в годы революции, это явление стало особенно заметным именно после 1760 г. Для интересующего нас района Лефевр привел очень любопытный документ — крестьянскую петицию, характеризующую положение в районе Суассона: «Еще 20—30 лет назад фермы в приходе находились в руках 5—6 земледельцев. Теперь все объединилось в 3, 2 и даже одной ферме, занимающей площадь 4, 6, 8 земельных участков»[28].

Ценное описание роли фермерства в революционной Пикардии мы находим в работе А. Баю, посвященной положению крестьян в районе Клермона. Район этот тем интереснее для нас, что в годы революции Бабеф был непосредственно связан с аграрным движением в Клермонском дистрикте (вошедшем в годы революции в состав деп. Уазы).

Общая характеристика сельского хозяйства этого района совпадает с тем, что мы уже знаем о Пикардии в целом,— почти вся площадь обрабатывалась, общинные владения составляли только 2,3% территории. Потреблялось не больше $^2/_3$ урожая. Мелкая крестьянская собственность занимала не больше $^1/_5$ всей площади. Тенденция к увеличению роли фермерства, к концентрации в его руках всей сдаваемой в аренду светскими и духовными сеньерами земли и товарного хлеба обрисовывается со всей наглядностью. «В каждой деревне мы находим, по крайней мере, одну крупную ферму»[29],— пишет Баю. В Авриньи сеньер деревни, маркиз Ги д'Арси,— мы с ним встретимся еще в годы революции,— владел 1720 минами земли (мина — около 0,25 га). Фермер сеньера, Лалуетт, единолично арендовал почти всю эту площадь. В Фиц-Джемсе (Fitz-James) были две фермы — в 100 и 56 га. В Байель-ле-Сок (Baillel-le-Soc) имелись 3 крупных фермы: в Элож — раз-

---

[26] A. Calonne. La vie agricole sous l'Ancien Régime dans le Nord de la France. 3-me éd., 1887, p. 63—64.

[27] В сохранившихся описях обязанностей крестьян-держателей, составленных Бабефом, эти натуральные платежи всегда обозначены.— AD de la Somme. E 100, N 15 («Observations sur ma méthode nouvelle pour les Terriers»).

[28] G. Lefebvre. Les questions agraires pendant la Terreur. Paris, 1954, p. 61.

[29] A. Bahu. Les paysans de la région de Clermont de l'Oise à la fin de l'Ancien Régime (AHRF, 1937, N 81, p. 195—196).

мером 145 га, в Сен-Жюльене — 185 га и в Эвре — 360 га. Размер только одной этой фермы в семь раз превышал площадь, занимавшуюся 150 мелкими хозяйствами. В высшей степени любопытна приводимая Баю петиция крестьян кантона Льевилье (13 декабря 1790 г.). Они жаловались на «крупных земледельцев, которые, не довольствуясь фермой, требующей для своей обработки 4 упряжек, домогались захватить еще по 2—3 фермы и даже больше». Эти богатые земледельцы (riches laboureurs), предлагая более высокие арендные ставки, лишали мелких арендаторов их участков. Крупные фермеры в довольно широких размерах применяли наемную рабочую силу. «Фермер, занимающий участки, требующие четырех упряжек (un emploi de 4 charrues), должен иметь, по крайней мере, четырех батраков (valets de charrue) и не меньше трех лиц для своего птичьего двора». Но если у него появлялся участок, требующий 10—12 упряжек, он применял относительно меньшее число рабочих и получал возможность уже не нанимать рабочих для птичьего двора. «Так,— подводит итог Баю,— обозначается тенденция к концентрации земель в руках крупного фермера со всеми пагубными социальными последствиями. Крупный фермер, несмотря на то, что он является очень маленьким собственником, в своей деревне становится новым сеньером» [30].

Это сравнение приобретает особый смысл в связи с тем, что в ряде случаев крупные фермеры принимают на себя и взимание сеньериальных прав. Это явление для XVIII в. в Бургундии проследил Сен-Жакоб и с полным основанием подчеркнул его значение для всей аграрной и социальной истории, для изменения соотношения классовых сил: «Отныне в глазах крестьянина сеньерия — это фермер». Раньше он был только арендатором домена, теперь он всегда «арендатор сеньериальных прав»; очень редко найдете селение, «которое не имело бы какого-нибудь столкновения с фермером» [31]. В Пикардии это явление отмечает Губер: «Типом, часто преобладавшим в сельском обществе XVII в., был фермер — арендатор не только земель сеньера и сеньерии, но и связанных с нею прав; часто он был одновременно и сборщиком десятины» [32]. Баю обнаружил подобные же факты в Клермонском округе: фермеры епископа Бове в Катенуа являются «откупщиками» десятины, права на рубку леса, взимание чинша и т. д. В коммуне Монтиньи, как мы узнаем из петиции, составленной Бабефом, фермеры арендуют у герцога Ларошфуко-Лианкура право на сбор плодов с фруктовых деревьев, рассаженных по обочинам дорог. Столкнове-

---

[30] A. Bahu. Op. cit., p. 206—207.

[31] P. de Saint-Jacob. Op. cit., p. 428—431.

[32] P. Goubert. Les familles marchandes.., p. 36. («Между 1600 и 1730 годами эти сборщики были самыми зажиточными крестьянами и единственными, кто непрерывно обогащался благодаря своему исключительно благоприятному положению между жившими вдалеке господами и чрезвычайно нуждавшимися крестьянами-цензитариями»).

ние по этому поводу происходит у коммуны не с герцогом, а с его арендаторами [33].

Именно такой зажиточный крестьянин занимает все большее место на хлебном рынке. Уже цитировавшийся нами субделегат Аббевилля (как раз в противоположном Клермону северо-западном углу провинции) подчеркивал это обстоятельство. Торговля зерном, по его словам, перешла в руки фермеров и зажиточных крестьян [34]. «Деревенские петухи» (les coqs de village) — или «матадоры», как их называли в соседней Фландрии,— имели возможность, судя по уже приводившемуся нами докладу субделегата Мондидье, придерживать в своих закромах хлеб до более выгодной рыночной конъюнктуры. Недаром, он писал о том же Клермоне, что владельцы зерна в этом округе «очень зажиточны» (sont très à aise) [35]. Это отмечал и А. Калонн. Рост дороговизны хлеба он объяснял тем, что «большинство фермеров, чтобы набить свои карманы, без зазрения совести (peu scrupuleux), придерживали зерно в своих амбарах, вплоть до того времени, когда они получали возможность сбывать его по выгодным ценам» [36]. Якобинской диктатуре в ее борьбе за хлеб пришлось столкнуться в деп. Эны, Уазы, Соммы с яростным сопротивлением со стороны именно этой зажиточной, фермерской части пикардийского крестьянства.

Крупнейший советский исследователь аграрных отношений во Франции Н. М. Лукин был совершенно прав, когда утверждал: «Фигура крупного фермера, выступающего одновременно и в роли арендатора церковной «десятины», захватчика общинных угодий, местного синдика или мэра, становится одной из наиболее одиозных фигур французской деревни» [37]. На примере Пикардии это положение подтверждается со всей очевидностью, и мы очень скоро встретимся именно с таким отношением к фермерству у Бабефа

Нельзя, разумеется, упускать из виду серьезнейшие противоречия, которые продолжали существовать между зажиточным крестьянством и классом феодалов. В борьбе против режима феодального насилья, против «сеньериальной реакции» крестьянство выступало еще единым фронтом. В Пикардии, в частности, это особенно ясно сказывалось в вопросе об условиях аренды. Переход от половничества к системе фермерской аренды (baux à ferme) отнюдь не снимал, а, наоборот, обострял вопрос о размере арендной платы и о сроках арендных договоров. Средний срок фермерской аренды в Пикардии составлял от 3 до 9 лет. Это явно не устраивало ни мелкого, ни зажиточного фермера, особенно в том случае, если он

---

[33] «Pétition sur les droits de voiries et de plantation, de cens et de champart. [Noyon, 1790].

[34] P. Caron. L'état des récoltes... («Bulletin de la commission de recherche et de publication des documents relatifs à la vie économique de la Révolution», 1909, p. 127).

[35] Ibid., p. 133—134.

[36] A. Calonne. Op. cit., p. 58.

[37] Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I, М., 1960, стр. 317.

предполагал улучшать обработку участка, что требовало обязательного вложения средств. В существовавших тогда условиях фермера могли согнать прежде, чем эти затраты начали бы окупаться. Недаром в соседних Артуа и Фландрии, где уровень сельского хозяйства был значительно выше, срок фермерской аренды был много больше и кое-где доходил до 27 лет. «Очень большое число земледельцев в районах Перонна, Бопома, Камбрэ, Гиза, Сент-Омера и Лана,— отмечал Калонн,— уверовав в преимущества аренды на длительный срок (bail à long terme), претендует на то, чтобы оставаться на своих участках постоянно» [38].

Пикардия стала ареной упорнейшей борьбы крестьянства против попыток сеньеров, светских и духовных, сократить сроки аренды, менять арендаторов и навязывать им более высокую арендную плату. Крестьяне упорно придерживались обычая «mauvais gré», в силу которого новых арендаторов «изживали», применяя к ним все формы активного и пассивного бойкота. «Все в один голос твердят о кратковременности и ненадежности аренды,— отмечает Лефевр,— но в Пикардии, Камбре, Эно ее защищает обычай «mauvais gré», хотя и осуждаемый всеми законами, но сохранившийся вопреки самым суровым репрессиям. Тот, кто соглашался занять место согнанного арендатора, подпадал под бойкот населения, ставил себя под угрозу самосуда и пожара... Дворянство Перонна, Мондидье, Руа требует принятия все новых мер против обычая mauvais gré, на который непрестанно поступают жалобы во время революции» [39].

Однако, выступая в этом вопросе единым фронтом, среднее и бедняцкое крестьянство в то же время резко протестовало и против концентрации крупных фермерских хозяйств. Единая против сеньеров-феодалов, деревня далеко уже не была единой сама по себе. «Не была ли во Франции, например, культура не выше нашей перед великой революцией,— писал Ленин,— когда *еще не завершился раскол ее полусредневекового крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат*?» [40] (курсив наш.— *В. Д.*). Эта ленинская формулировка замечательно точно схватывает особенности деревенской экономики Франции XVIII в.— французское крестьянство оставалось еще полусредневековым, раскол его *еще не завершился*, но он *уже происходил*.

В условиях феодально-абсолютистской системы этот процесс расслоения деревни шел особенно мучительно. Наряду с выделением фермерской верхушки происходил, как совершенно правильно определил Ф. В. Потемкин, и процесс «грандиозной пауперизации» крестьянских масс [41]. Характеризуя состояние французской эконо-

---

[38] A. Calonne. Op. cit., p. 69.

[39] G. Lefebvre. Les questions agraires.., p. 80—83.

[40] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократами (Соч., т. 1, стр. 231).

[41] Ф. В. Потемкин. Экономический кризис 1787—1789 гг. («Труды МИФЛИ», т. VI. «К 150-летию французской революции». М., 1940, стр. 129).

мики в 80-х годах XVIII в. как кризисное, Лабрусс имел в виду, прежде всего, упадок крестьянского хозяйства. Масса парцеллярных крестьян, задавленная феодальными повинностями, не только не получала выгод от роста цен на хлеб, но, наоборот, испытывала все растущие затруднения [42]. Сохранение трехполья и оставление земли под паром уменьшало полезную площадь обрабатываемой земли на треть или даже на половину. 1/5 или даже 1/4 урожая оставлялась на семена. По самым скромным подсчетам, не меньше 18—20% уходило на оплату феодальных повинностей, налогов, церковной «десятины». Расширение мелкими крестьянами обрабатываемой площади путем аренды встречало, особенно в Пикардии, все большие затруднения вследствие роста крупной фермерской аренды. Тот земельный фонд, которым мог располагать крестьянин-цензитарий, становился все более недостаточным, особенно в условиях значительного роста населения в XVIII в. Все больше сказывалась чересполосица,— в том же Клермонском округе мелкая парцелла состояла иногда из 46, 53 и даже 72 участков! [43] Все острее и резче сказывалось аграрное перенаселение. «Пикардия перенаселена,— констатирует Пьер Губер,— для начала XVIII века три четверти крестьян не владеют даже десятой частью земель; мелкие фермы чрезвычайно малочисленны; вся равнина фактически лишена леса, отсутствуют общинные владения» [44]. «У меня есть возможность доказать,— пишет Губер в другой своей работе, охватывающей более поздний период, до середины XVIII в.,— что *три четверти пикардийских крестьян* (курсив наш.— *В. Д.*), по крайней мере на юге, не владели и не арендовали достаточного количества земли, чтобы обеспечить хотя бы пропитание своих семей. Для того, чтобы прожить, они должны были заниматься чем-нибудь дополнительно; становиться поденщиками, ремесленниками, особенно ткачами...» [45]

Этот факт огромного аграрного перенаселения в Пикардии был совершенно очевиден наблюдательному современнику — Бабефу. О «страшных симптомах», о «разрушительном характере» этого явления он напоминал в своем знаменитом письме к Жермену из Аррасской тюрьмы в 1795 г. Вот что он писал в нем о своей «бывшей провинции, Пикардии, местности, которая является одной из житниц Франции»: «Люди, обладающие более или менее ясными представлениями, знают, что ...благодаря сосредоточению собственности в немногих руках *повсеместно появилось крупное хо-*

---

[42] C.-E. Labrousse. La crise de l'économie française.., v. I, p. XXIV («La plus grande partie des terres françaises est ainsi tenue par une plèbe paysanne exclue du bénéfice de la hausse des prix»).

[43] A. Bahu. Op. cit., p. 196—197.

[44] P. Goubert. Aspects sociaux des manufactures picardes et beauvaisiennes au temps de Louis XIV («Bulletin de la société d'histoire moderne», 1953, mai — juillet, p. 11).

[45] P. Goubert. Les techniques agricoles dans les pays picards («Revue d'histoire économique et sociale», 1957, p. 32).

зяйство (exploitation à grand), рабочих рук стало в десять раз больше, чем необходимо для обработки земли. *Кто видел и наблюдал деревню до революции, знает, как много рабочих рук пребывало в состоянии томительной праздности* (курсив наш.— *В. Д.*)» [46].

Это аграрное перенаселение, грандиозная пауперизация деревни, наличие огромной прослойки деревенского населения, которую уже не могла прокормить земля, объясняет усиление позиций «деревенских петухов», от которых зависели не только многочисленные поденщики, не только достаточно многочисленная прослойка сельскохозяйственных рабочих, но и мелкие крестьяне, лишенные рабочего скота и арендовавшие его у более зажиточных. Все эти процессы объясняют и особенности развития промышленности в ее мануфактурной стадии, которые не понял даже такой крупнейший знаток экономической истории Франции, как Е. В. Тарле.

II

Исследуя особенности промышленного развития Франции накануне революции, Е. В. Тарле совершенно правильно подчеркнул факт огромного преобладания деревенской промышленности. Это широкое распространение промышленности в деревнях Е. В. Тарле склонен был объяснять неплодородием почвы. «Главным стимулом к занятию мануфактурным трудом являлось во французской деревне неплодородие почвы и, вообще говоря, неприбыльность сельского хозяйства... Мануфактурным трудом населению приходится заниматься, так как местная почва мало приносит,— вот обычное рассуждение людей XVIII в. во Франции...» [47] Он присоединяется к мнению инспектора лионских мануфактур Бриссона и вместе с ним полагает, что «можно установить пропорциональность между степенью скудости почвы и степенью развития мануфактурной деятельности в данной местности; чем скуднее земля, тем больше населения прибегает к мануфактурной работе» [48].

Исходя из общего положения «русской школы», выдвинутого, в частности, И. В. Лучицким, о «некапиталистическом» характере экономического развития Франции [49], Е. В. Тарле в своих дорево-

---

[46] ЦПА ИМЛ, 49 В IV; см. также «Pages choisies de Babeuf». Paris, 1935, p. 216.

[47] Е. В. Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции (Соч., т. 2, стр. 260—261); см. также в заключительных выводах: «Главным стимулом к занятию промышленным трудом в деревне являлось *неплодородие почвы* (курсив наш.— *В. Д.*), недостаточность земледельческих работ для поддержания существования крестьянской семьи. Даже в счастливых в этом отношении провинциях промышленный труд больше всего был развит именно в сравнительно менее плодородных округах» (там же, стр. 291).

[48] Там же, стр. 255.

[49] «Страна мелкого землевладения, мелкой культуры, Франция была до революции страной мелкого предпринимательства, мелкого ремесла, а во второй половине XVIII в.— и мелкого кустарного производства. Крупных предприятий

люционных капитальных трудах, посвященных экономической истории Франции («Рабочий класс во время революции» и «Континентальная блокада») считал доминирующей чертой французской промышленности господство мелких производителей, действующих еще, в основном, за свой собственный счет. Констатируя наличие во французской «домашней промышленности» четырех форм ее организации, Е. В. Тарле со всей решительностью подчеркивал огромное преобладание двух первых, наиболее элементарных форм этой работы на дому. Так, форму, при которой крестьянин сам продает на рынке свою продукцию, он считал одной из «распространеннейших форм промышленной жизни во французской деревне конца XVIII столетия»[50]. Другой тип работы на дому, когда торговец покупает товар у кустаря, «но не дает ни материала, ни, конечно, орудий производства», Е. В. Тарле считал также чрезвычайно широко распространенным. Но зато другие формы, при которых деревенского кустаря снабжают сырьем или орудиями производства, он считал явлениями, неизмеримо более редкими,— и притом, не только накануне революции, но даже и в начале XIX в. Одна общая черта характеризует, по его мнению, все типы предпринимателей, встречающихся во французской деревне в конце XVIII столетия,— «сырье принадлежит производителю»[51].

Е. В. Тарле дал характеристику как раз тех дореволюционных провинций северной части Франции, которые нас интересуют,— Фландрии, Камбрезиса, Пикардии (будущих департаментов Севера, Па-де-Калэ, Соммы, Эны и Уазы). Отмечая, что Амьен, Камбрэ, Валансьен, Лилль были главными центрами производства тонких полотен, газовых материй, кружев и т. д.. Е. В. Тарле писал: «Вся эта область работала и на внутренний, и на заграничный рынок, и, казалось бы, что если где можно ожидать встретить мануфактуру нового типа, «la fabrique réunie», не в виде исключения, а в качестве явления распространенного, то именно здесь. Но документы и тут категорически опровергали бы нас, если бы мы вздумали на основании априорных соображений это утверждать». Приведя для характеристики промышленности этого района один документ 1795 г. и отмечая в нем «смешение воедино» хозяев, рабочих, купцов, Е. В. Тарле считал это явление чрезвычайно характерным: «самая организация производства такова, что подобное смешение не только извинительно, но и неизбежно»[52].

От внимания Е. В. Тарле не ушел тот факт, что аббевилльские и амьенские шерстяные мануфактуры раздавали кустарям не только сырье, но и станки, но он все-таки полагал, что «этот вид домашней промышленности еще сравнительно редко встречался»[53].

здесь не встречается» (И. В. Лучицкий. Состояние земледельческих классов во Франции. 1912, стр. 27—28).

[50] Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 270.

[51] Там же, стр. 274.

[52] Там же, стр. 271.

[53] Там же, стр. 275.

В своей позднейшей работе — «Континентальная блокада» — Е. В. Тарле, характеризуя промышленность деп. Соммы, подчеркивал, что «все производство» находится «в руках мелких производителей, работающих и сбывающих плоды рук своих изо дня в день[54]. «Прежний тип промышленной организации — мелкая промышленность» — целиком сохранился в деп. Эны. В Сен-Кантенском округе еще в 1807 г. газовые материи выделываются 1200—1500 рабочими, «которые живут отдельно и работают за свой собственный счет»[55].

Наконец, в самом росте деревенской промышленности, в издании эдикта 1762 г., отменявшего запрещение промышленного труда в деревнях, в ослаблении всего режима регламентации Е. В. Тарле видел своеобразную победу деревни над городом. «В литературе XVIII в., — писал он, — совсем проглядели тот имевший колоссальное значение факт, что самую упорную и самую победоносную войну против регламентации вело вовсе не «крупное производство» и вовсе не городские промышленники, а деревенские производители»[56].

Точка зрения «русской школы» по вопросу о характере экономического развития Франции XVIII в. давно уже подвергалась критике в советской исторической литературе[57]. Очень явно обнаруживает она свою несостоятельность и на примере Пикардии.

Прежде всего оказывается совершенно неоправданным тезис о строгой пропорциональности «между степенью скудости почвы и степенью развития мануфактурной деятельности». Бесспорно справедливый для некоторых районов страны, он совершенно рушится перед лицом широчайшего распространения самых разнообразных форм промышленной деятельности в плодороднейшей Пикардии. Еще А. Юнг, перечисляя важнейшие отрасли промышленности во Франции, относил к ним, наряду с хлопчатобумажной и шерстяной промышленностью в Нормандии, полотняной промышленностью в Бретани, шелковой в Лионе, «шерстяную промышленность в Пикардии и Шампани»[58]. Часть пикардийской равнины, между Бове, Амьеном, Аббевиллем и Омалем в XVII в. стояла по производству шерстяных изделий, как считает П. Губер, на первом месте во Франции (c'était la première région française pour le lainifice»)[59]. От Бове до фландрских рубежей, как раз в той части Пикардии, которая больше других поставляла хлеб столице, тянулся дру-

[54] Е. В. Тарле. Континентальная блокада (Соч., т. 3, стр. 147).

[55] Там же, стр. 165.

[56] Е. В. Тарле. Рабочий класс (Соч., т. 2, стр. 270, см. также стр. 287).

[57] См., в частности, нашу работу «Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII века в освещении „русской школы"» («Историк-марксист», т. 14. М., 1930, стр. 68—116 и сб. «Классовая борьба во Франции во время великой революции». М., 1931); Н. А. Сидорова. Деревенская промышленность в Шампани накануне революции 1789 г. — «Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та», т. III, 1941.

[58] A. Young. Op. cit., p. 989.

[59] P. Goubert. Les familles marchandes.., p. 4.

гой крупнейший промышленный район производства тонких полотен, батиста и т. д., так называемый «mulquinerie». Наконец, плодороднейший район Сантерра был одним из крупнейших центров изготовления вязаных изделий из шерсти (bonneterie de laine).

Пикардийская промышленность действительно была сосредоточена преимущественно в деревнях. Из 25 тысяч станков, действовавших во всей провинции (в шерстяной, льняной и вязальной промышленности), как указывал в 80-х годах XVIII в. инспектор пикардийских мануфактур, будущий жирондистский министр Ролан-де-ла Платьер, только 6—6,5 тысяч расположены были в городах,— все остальные размещались в местечках (bourgs) и особенно в деревнях [60]. Но объяснять распространение промышленности в пикардийской деревне «неплодородием» пикардийской равнины никак не приходится.

На примере Пикардии можно убедиться в том, что Е. В. Тарле ошибочно оценил и всю структуру деревенской промышленности. Картина огромного преобладания мелкого, ручного производства, сосредоточенного преимущественно в деревнях, превосходно им прослеженная, заслонила те сложные процессы, которые происходили во французской промышленности в XVII—XVIII вв. Положив в основу классификации форм промышленности, по Бюхеру, то расстояние, которое отделяло производителя от рынка, он не обратил внимания на основной процесс — процесс постепенного, но неуклонного расширения мануфактурного разделения труда. Между тем, как показал Ленин, блестяще применивший в 90-х годах марксово положение о роли мануфактуры к анализу русской экономики, «на базисе ручного производства иного прогресса техники, кроме как в форме разделения труда, и быть не могло» [61]. История пикардийской промышленности наглядно показывает значение этого все более ширившегося мануфактурного разделения труда, захватывавшего целые районы и отрасли промышленности, постепенно лишавшего мелкого производителя его самостоятельности и все более превращавшего его в «детального рабочего», своеобразный «палец от ноги», подчиненный капиталистической мануфактуре. Даже самое беглое знакомство с важнейшими отраслями пикардийской промышленности подтверждает это заключение.

Расцвет пикардийской шерстяной промышленности — «le grand essor des fabriques picardes» (А. Деманжон) — приходился на XVII—XVIII вв. Ее главными центрами были Аббевилль, Бовэ, и, в первую очередь, Амьен. Специальностью шерстяной промышленности были «sayetterie» (производство саржи) и так называемая «petite draperie». По мнению Ролана, в производстве этих из-

---

[60] «Encyclopédie méthodique. Manufactures, arts et métiers par M. Roland de la Platière», t. I. A Paris, chez Panckoucke, 1785, p. 276.

[61] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 375.

делий Пикардия стояла на первом месте во Франции [62]. Отличительными, ясно бросающимися в глаза особенностями шерстяной промышленности были, наряду и в тесной связи с перемещением в деревню, все более широкое внедрение мануфактурного разделения труда и возрастание роли крупного капитала. Концентрируя в своих руках сперва только сбыт готовых изделий, затем приобретение и снабжение сырьем, первоначальные и завершающие стадии изготовления изделий, крупный капитал через все более густую сеть посредников, «мастерков» (fabricants, façonniers) и т. д. постепенно подчинял своему влиянию многотысячную армию прядильщиков и ткачей.

В мемуаре, составленном еще в 1698 г. пикардийским интендантом Биньоном, обращалось внимание на суконную промышленность в Кревкере: «Около ста двадцати лет назад возникла фабрика саржи [63] в городке Кревкере и во многих деревнях вокруг него..., отстоящих от Амьена на девять-десять лье; саржа этой мануфактуры известна под именем кревкерской саржи» [64]. Вокруг Кревкера работало около 450 ткацких станков. Как отмечал Биньон, «рабочие этой фабрики очень бедны, *купцы очень часто авансируют их на год вперед шерстью»* (курсив наш.— *В. Д.*) и они вынуждены продавать свои ткани некрашеными (étoffes crues), что нигде больше не практикуется; купцы из Амьена, Бове, Орлеана, которые их покупают, валяют и приготовляют сукна». То, что в XVII в. казалось Биньону исключением, в XVIII в. принимает все более широкие размеры.

Огромным преимуществом Амьена было наличие в нем красилен (teintureries). Как указывал Ленин, для перехода к мануфактуре важнейшее значение имеет выделение какой-нибудь детальной операции, которую скупщик начинает производить за свой счет, у себя на дому или в более или менее крупной мастерской с разделением труда [65]. Для Амьена таким «командным рычагом» явились главным образом красильни и сукновальни.

Еще в XVII в. амьенская сукноткацкая промышленность была сосредоточена в самом городе. Совсем другой характер носит описание амьенской промышленности в XVIII в. «К Амьену тяготели,— пишет Деманжон,— огромные трудовые резервы (énorme réserve de travail). На протяжении столетий крестьяне пряли шерсть;

---

[62] Соответствующий раздел в «Encyclopédie méthodique», составленный Роланом, озаглавлен так: «Petite draperie ou étoffes de laine; rases, douces ou sèches, unies et croisées; et à cette occasion, état actuel des manufactures de Picardie; tableau de ces fabriques; précis comparatif de ce qu'elles étoient au commencement du siècle; abrégé historique de l'établissement des fabriques à Amiens» («Encyclopédie méthodique», t. 1, p. 266).

[63] Под фабрикой здесь понимается, как и во всех документах XVII—XVIII вв., район, работающий на своеобразную раздаточную контору.

[64] «Extrait du mémoire de la généralité d'Amiens ou de Picardie, par M. Bignon, intendant en l'année 1698. («Mémoires et documents pour servir à l'histoire du commerce et de l'industrie», t. I. Paris, 1911, p. 164).

[65] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 335—336.

в XVIII в. в Вилье, Понтье, вокруг Амьена были такие деревни, в которых на сто дворов (feux) было не больше десяти земледельцев, а огромное большинство занято было тем, что поставляло пряжу для станков, ткавших шерсть. Повсюду... *станки работали на амьенских купцов*» (курсив наш.— *В. Д.*)[66].

Но это перемещение шерстяной промышленности в деревню происходило вовсе не вопреки воле амьенских предпринимателей. как думал Е. В. Тарле, а, наоборот, как раз по их инициативе. Внимательно изучавший архивы деп. Соммы, А. Деманжон подчеркивает, что решающее значение в этом перемещении имело наличие дешевой рабочей силы в деревнях, «слишком драгоценное преимущество для того, чтобы оно могло ускользнуть от внимания амьенских фабрикантов». Целый ряд производимых в Амьене материй как раз в XVIII в. получил особо широкое распространение далеко за пределами Пикардии. Собственной пикардийской шерсти было уже совершенно недостаточно,— она ввозилась не только из более отдаленных районов Франции, но и из Испании, Фландрии, Англии и т. д. Те торговые дома, которые сосредоточили в своих руках и сбыт изделий амьенской sayetterie, и приобретение шерсти, нуждались в новых, более дешевых и — что было совсем немаловажно — более «покорных» рабочих руках. Рост экспорта заставлял их «искать рабочих за стенами города, вне корпораций, среди крестьян. В 1758 г., добиваясь для деревень права изготовления амьенских изделий (articles d'Amiens), они ссылаются на пример нормандских деревень, которые обогатила промышленность»[67]. Вскоре после издания эдикта 1762 г. в деревнях вокруг Амьена было размещено уже около 800 станков, работавших на амьенских фабрикантов (pour le compte des fabricants d'Amiens)[68].

Такое же объяснение причин «рассеяния» амьенской сукноткацкой промышленности дает и известный историк французской промышленности Ш. Балло. Примерно до середины XVIII в. производство сукна концентрировалось еще в городах, но позднее оно начало распространяться в деревнях. «Это рассеяние (dispersion) ткачества в деревнях особенно быстро и широко происходило в Пикардии, вокруг Амьена, Аббевилля и Бове и вызывало наибольшие протесты... Все деревни, расположенные между этими городами, обрабатывали шерсть, промышленность перестала быть подсобным занятием для тех, кто занимался сельским хозяйством, но единственным источником средств существования для жителей; есть деревни, в которых... на двадцать дворов не приходится и десяти земледельцев»[69]. Таким образом, амьенская сукноткацкая промышленность стала размещаться в деревнях вопреки воле го-

---

[66] A. Demangeon. Op. cit., p. 271.
[67] Ibid., p. 281.
[68] Ibid., p. 281—282.
[69] Ch. Ballot. L'introduction du machinisme dans l'industrie française. Paris, 1923, p. 164—165.

родских ремесленных корпораций, но под давлением крупных купцов-предпринимателей, стремившихся если не сломить, то обойти цеха и регламентацию и в то же время использовать огромный резервуар дешевой рабочей силы в деревнях. Но этот процесс был присущ не только Франции и Пикардии,— он легко прослеживается в Италии и Бельгии, в Англии и Силезии [70].

Между Амьеном и Бове, на 40 лье (около 160 км) протянула свои щупальцы «амьенская фабрика», на которую работали десятки тысяч прядильщиц, ткачей, «saiteurs» и «sergers». Очень характерно сохранившееся описание шерстяного промысла в Трико — местности, как и Кревкер, давшей свое название производимой в ее окрестностях материи. «Хотя его почва и великолепна,— говорит сохранившийся архивный документ,— но там много рук, которых не может использовать сельское хозяйство, и их нужно чем-то занять» [71]. Именно благодаря этому наличию множества «излишних рабочих» — припомним слова Бабефа! — в Трико распространилось шерстопрядение и ткачество. Саржевые ткани из Трико поступали на сукновальни в Ронкериль и Муи, а оттуда в белильни и красильни Бове, где материя получала окончательную отделку и окраску, без чего она, конечно, не могла бы найти себе сбыта. Здесь целиком применим ленинский анализ: «Их (деревенских кустарей.— *В. Д.*) работа не могла бы производиться, их продукт не имел бы даже иногда никакой потребительной стоимости, вне связи с другими детальными работами, с другими частичками продукта. А эту связь мог создать и создал только *крупный капитал*, господствующий (в той или иной форме) над массой детальных рабочих...; детальщик — «кустарь» является составной частью капиталистической мануфактуры» [72].

Дорогая испанская или фландрская шерсть была уже совершенно недоступна пикардийскому кустарю. Ее покупал крупный торговец-предприниматель, он же подвергал ее мойке, чесанию и другим первичным операциям. Эта шерсть — через целую армию посредников — поступала в деревню для прядения; готовая пряжа попадала в руки ткачей, а от них ткани возвращались к тем же предпринимателям Амьена, Аббевилля, Бове или более мелких центров — Кревкера, Омаля, Трико и т. д., где она подвергалась окраске и другим завершающим операциям.

Изучая историю пикардийской промышленности, П. Губер пришел к такому выводу о роли крупных купцов-предпринимателей: «Фактическое руководство мануфактурой (la direction réelle),— говорит он,— принадлежало, и уже издавна, крупным купцам Амьена и Бове. Крупные городские купцы являлись хозяевами мануфактуры, и если кто-нибудь осуществлял «диктатуру» в этих

---

[70] См. превосходную работу С. Б. Кана «Два восстания силезских ткачей». М., 1948 (особенно стр. 44—65).

[71] A. Demangeon. Op. cit., p. 283; Ch. Ballot. Op. cit., p. 167.

[72] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 375—376.

местах в эту эпоху, то именно эта группа негоциантов Бове и Амьена»[73].

В основных чертах такие же процессы мы наблюдаем и в другой, важнейшей отрасли пикардийской промышленности — полотняной, особенно в тех районах, где процветало производство тонких полотен, батиста и т. д. (mulquinerie) прежде всего вокруг Сен-Кантена. Еще Биньон отметил значение этого района. «В городе Сен-Кантене и во многих окрестных городах существует мануфактура полотен, называемых сен-кантенскими или батистами». Биньон подчеркивал при этом, что «почти вся торговля находится в руках двадцати пяти купцов» (vingt-cinq marchands en font presque tout le commerce)[74], сбывающих сен-кантенскую продукцию не только в Париж, Руан, Бордо, Байонну, Лион, но и далеко за пределы Франции — в Испанию, Италию, фландрские города и оттуда в Англию. Этот разраставшийся экспорт диктовал целый ряд изменений, в результате которых сен-кантенская промышленность все более принимала характер капиталистической мануфактуры[75]. Если первоначально сен-кантенская «mulquinerie» пользовалась местным сырьем — льном, возделывавшимся в районах Клермона и Вермандуа, то расширение экспорта, необходимость повышения качества изделий вынудили обратиться к фландрскому льну, который в конце XVIII в., по некоторым сведениям, покрывал уже до 4/5 потребности сен-кантенской промышленности. Покупка этого льна, а иногда и первичные операции по его обработке, доставка сырья кустарям, приобретение у них льнопряжи, снабжение ею ткачей, а самое главное, решающие стадии обработки тонкого полотна — его беление и отделка, без которых оно не могло бы найти себе спроса на национальном и мировом рынке,— производились все в большей мере «под командой» крупного капитала.

«Полотна могли попасть на мировой рынок, только благодаря посредникам или комиссионерам крупных торговых домов»,— отмечает В. Перло, новейший исследователь истории этой, столь тесно связанной с экспортом, отрасли льноткацкой промышленности во Франции[76]. Техника ее оставалась прежней, но ее экономическая и социальная структура в XVIII в. совершенно обновилась. В противоположность приведенному нами мнению Е. В. Тарле об отсутствии резкой социальной дифференциации в Сен-Кантенском промышленном районе, В. Перло подчеркивает, что «между него-

---

[73] P. Goubert. Aspects sociaux des manufactures picardes et beauvaisiennes au temps de Louis XIV («Bulletin de la Société d'histoire moderne». Paris, 1953 N 7, p. 11—12).

[74] «Mémoires et documents pour servir à l'histoire du commerce et de l'industrie», p. 163.

[75] См. Rouit. Du commerce de Saint-Quentin pendant le 18 siècle («Bulletin de la Société académique de Laon», 1855); Ch. Picard. Saint-Quentin. De son commerce et de son industrie. Saint-Quentin, 1865.

[76] V. Perlot. Une grande industrie d'exportation. L'industrie linière dans le Nord de la France («Revue du Nord», t. XXXIX, p. 213).

циантами и торговцами, с одной стороны, и деревенскими ремесленниками, работавшими на рассеянную фабрику Камбрэ, Валансьена или Сен-Кантена, существовала достаточно ясная социальная дифференциация» [77].

Чрезвычайно широкое распространение и этой отрасли промышленности в деревне совершенно неоспоримо. В 1730 г. «половина всех жителей, независимо от пола и возраста, на 10—12 лье вокруг Сен-Кантена существовала благодаря полотняной промышленности. От 65 до 70 тыс. женщин зарабатывали прядением по 10 су в день. В 1773 г., в податном округе Пикардии и Суассонэ, в 325 деревнях вокруг Перонна, Гиза, Сен-Кантена, Вервена, Гирсона более 100 тысяч человек жили благодаря работе на станках» [78].

Это огромное распространение деревенского труда, конечно, никак не может быть объяснено «неплодородием» почвы богатейших районов Суассонэ. Главным ресурсом льнопромышленности была все та же дешевизна рабочей силы в деревнях, которая привлекала и амьенских мануфактуристов шерсти. Если, как пишет Перло, «на илистых равнинах севера Франции деревенская промышленность в XVIII в. приняла повсеместно невиданные до сих пор размеры», а производство тонких полотен давало средства к существованию более чем половине жителей в провинциях Эно, Камбрезиса, Артуа и Пикардии, то именно, как это еще раньше показал Ж. Лефевр, в силу наличия в деревне огромной резервной армии. «Деревенская промышленность XVIII в. является, в основном, детищем пауперизма» [79].

Специфические особенности сен-кантенской промышленности, работавшей на широкий национальный рынок и на экспорт, создавали то самое противоречие, о котором говорил Ленин: «...Мелкий характер производства оказывается в непримиримом противоречии с необходимостью крупного, оптового сбыта» [80]. И это противоречие нашло свое обычное разрешение во все более широком применении мануфактурного разделения труда, во все большем подчинении раньше самостоятельных мелких производителей крупному капиталу, как бы ни были сложны и разнообразны эти формы подчинения. Во главе этой отрасли производства стали крупные предприниматели, прежде всего, владельцы белильных мастерских, такие, как Кромелинки и Мишели в Сен-Кантене, Дансы и Мотты в Бове. Это произошло в силу тех же причин, по которым владельцы

---

[77] Ibidem.

[78] A. Demangeon. Op. cit., p. 285.

[79] V. Perlot. Op. cit., p. 212—213. Для соседней с Пикардией плодороднейшей Нормандии к тому же выводу пришел P. Leuilliot. «Промышленность... являлась детищем нищеты»; «деревенская хлопчатобумажная промышленность использовала огромный избыток деревенской рабочей силы» (P. Leuilliot. Les industries textiles.— «Relazioni del X Congresse Internazionale di Scienze Storiche, v. IV. Firenze, 1955, p. 287).

[80] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 313.

красилен, Морганы, заняли командное положение в шерстяной промышленности Амьена.

Когда во второй половине XVIII в. началось бурное проникновение хлопка,— Бабеф сравнил его последствия для льна и конопли с «градом»,— Сен-Кантен и Амьен очень скоро превратились в центры хлопчатобумажной промышленности[81]. Но хозяевами ее стали те же крупнейшие предприниматели, которые прежде диктовали свою волю десяткам тысяч прядильщиков и ткачей шерсти и льна. Владельцы сен-кантенских белилен становились первыми владельцами механических хлопкопрядилен; как и в Амьене, первыми хозяевами механических прядилен оказались владельцы красилен, те же всесильные Морганы[82].

Это широкое распространение мануфактурного разделения труда, установившееся в тех сельских районах Пикардии, которые работали на Амьен, Сен-Кантен и т. д., объясняет, почему в деп. Соммы и Эны с такой легкостью происходило размещение хлопчатобумажной промышленности, в которой снабжение сырьем, станками и отделка материй сразу были сосредоточены в руках предпринимателей. В этой отрасли промышленности капиталистическая мануфактура господствовала с самого начала ее развития.

В меньших размерах ту же эволюцию мы можем проследить в центре производства так называемых «полуголландских» полотен в Бюлле (Bulles), с которым нам еще придется столкнуться в биографии Бабефа, и при производстве одного из сортов тонких полотен — «claires», изготовлявшегося в Бове. В недавно вышедшем исследовании П. Губера, посвященном истории двух крупных буржуазных семей в Бове — Дансов и Моттов, этот процесс превращения скупщика, не вторгающегося еще в процесс производства, в мануфактуриста-предпринимателя обрисован очень ясно и выпукло.

Во второй половине XVII в. Люсьен Данс, раньше занимавшийся только скупкой и перепродажей полотна, начинает создавать свои собственные белильни; примеру Дансов вскоре последовали и Мотты. В начале XVIII в. Дансам принадлежала уже крупная белильня, построенная ими в самом городе Бове. Происходит указанный Лениным процесс — скупщик выделяет одну из операций и выполняет ее за свой собственный счет, в своей мастерской. Пользуясь этим рычагом, он подчиняет себе постепенно весь процесс производства. Во всяком случае уже в 1713 г. один официальный документ говорит о Дансе, что он является владельцем лучшей белильни в Бове, в которой «белят только те полотна, которые производятся за его счет, как в городе, так и в его окрестностях»[83]. В 1738 г. дочь Данса (она же вдова одного из Моттов) предлагает к продаже «claires». Она готова продавать их в неограниченном ко-

---

[81] ЦПА ИМЛ, 1 В X. См. также *P.* D e y o n. Le mouvement de l'industrie textile à Amiens au XVIII siècle. («Revue du Nord», april-juin 1962).

[82] Ch. B a l l o t. L'introduction du machinisme, p. 45.

[83] P. G o u b e r t. Les familles marchandes.., p. 94—97.

личестве, поскольку у нее «есть рабочие, которые их производят» («nous pouvons en avoir, ayant des ouvriers qui nous en font»)[84]. «Переход к купцам господства в производстве полотна, которое мы могли только заподозрить в XVII в.,— делает вывод Губер,— в XVIII в. является совершенно несомненным, по крайней мере, в южных провинциях (Пикардии.— *В. Д.*)».

Сходные процессы можно проследить и в другой важной отрасли пикардийской промышленности — шерстевязальной (bonneterie en laine). Она тоже была довольно точно локализована — районом ее наибольшего распространения являлся хорошо уже нам известный Сантерр. Гипотеза о «неплодородии» совершенно неприменима для объяснения роста деревенских промыслов в этой житнице Франции. На примере Сантерра отчетливей, чем где-либо, опровергается и другая гипотеза — о «победе» деревенского кустаря над городом. До конца XVII в. деревенская промышленность была очень слабо развита в Сантерре. «Час пробил» для него тогда, когда парижские предприниматели, торговый дом братьев Сент возымели идею использовать свободную рабочую силу[85]. В течение всей первой четверти XVIII в. шла упорная борьба парижских предпринимателей против цеховых городов, обладавших монопольной привилегией изготовления вязаных изделий из шерсти.

В 1715—1721 гг. разрешение на производство таких изделий было получено для Омаля, Мондидье, Руа, Суассона и т. д. Еще в 1719 г. специальным эдиктом производителям этих изделий было предписано вернуться в Амьен, но уже через два года, в 1721 г., было сделано исключение для Мегарикура (Méharicourt) и некоторых приходов Сантерра[86]. Постепенно шерстевязальная промышленность распространилась в районах Амьена, Бретейля, Сен-Жюста, Мондидье, Руа, Неля (Nesle), Дуланса. К 1785 г. в пикардийской чулочновязальной промышленности насчитывалось 7650 станков (Ролан приводил даже цифру в 8,5 тысячи) — из них на Амьен приходилось только 30 станков, на Аббевилль — 80, на Мондидье — 200, на Розьер — 400, на район Амьена — 1500, а на деревенские приходы в Сантерре почти 5300. Вместе с прядильщицами чулочновязальная промышленность давала работу почти 30 тыс. лиц. «Некоторые деревни имели столько же, а иногда и больше,

---

[84] Ibid., p. 63.

[85] A. Demangeon. Op. cit., pp. 279—288. Такое же явление отмечается в производстве газовых материй в Сен-Кантенском районе. Начало ему положил парижский торговый дом Сантерра в Сен-Мартенском предместье. Преодолевая сопротивления корпораций, Сантерр в 1763 г. насаждает это производство в Гран-Френуа (Grand-Fresnoy); «фабрика» Сантерра насчитывает около 500 станков, размещенных, по преимуществу, в окружных деревнях. Наследники фирмы в 1781 г. владеют уже 1400 станками. Примеру Сантерра последовал ряд других парижских фабрикантов газовых материй. Окончательная отделка тканей производилась в Париже (Rouil. Op. cit., p. 221—222; Ch. Picard. Op. cit., p. 460—461).

[86] A. Demangeon. Op. cit., p. 288—289; Ch. Ballot. L'introduction du machinisme, p. 268.

станков для вязания чулок, чем дворов; иногда человек был занят станком в течение целого года, а некоторые продолжали работать и во время жатвы»[87],— явление, которое уже отмечалось и в шерстяной промышленности. «Раздаточная контора» находилась в Мегарикуре, в руках крупных негоциантов («le travail était réparti par les gros négociants de Méharicourt»). Оттуда изделия направлялись в Париж, Лион и, всего больше, в Руан. Вязальным изделиям был обеспечен широкий сбыт не только во Франции, но и за ее пределами, в частности, в Канаде. Так как станки были очень дороги (300—400 ливров), предприниматели снабжали деревенских кустарей не только сырьем, но и станками.

Ш. Балло с полным основанием подчеркивал, что чулочновязальная промышленность в большей степени, чем какая-либо иная отрасль промышленности, была «сосредоточена в руках нескольких крупных фабрикантов-торговцев (marchands-fabricants)» [88]. Как мы видим, и развитие bonneterie в деревнях Сантерра меньше всего может быть объяснено «неплодородием» почвы, оно было обусловлено наличием огромного резервуара дешевой рабочей силы [89]. Именно это обстоятельство и толкало предпринимателей Парижа, Амьена, С. Кантена, Бове вести борьбу против старых, цеховых, корпоративных привилегий.

Не кустарная светелка торжествовала свою победу после издания эдикта 1762 г., уничтожившего всякие ограничения для развития промышленной деятельности в деревнях, а прежде всего капиталистическая мануфактура.

Определить сколько-нибудь точно число лиц, занятых в пикардийской промышленности, совершенно невозможно. Мы уже приводили приблизительные цифры для отдельных отраслей: около 60 тысяч в шерстяной промышленности Амьена и Бове, 30 тысяч — в чулочновязальной, около 180 тысяч в производстве тонких полотен в окрестностях Сен-Кантена. Не меньше 10 тысяч занято было производством более грубых полотняных изделий в Нижней Пикардии, преимущественно в районе Аббевилля. Эти цифры не намного расходятся с тем подсчетом, который был сделан в 80-х годах XVIII в. Роланом в «Методической энциклопедии». Общее число станков в Пикардии он определял в 25 тысяч (12 200 — в

[87] Ch. Ballot. L'introduction du machinisme, p. 268.

[88] Ibid., p. 271.

[89] Инспектор мануфактур Вилар оставил в 1785 г. описание чулочновязальной промышленности Сантерра, в частности, Мондидье. В самом городе работает около 200 станков, но предприниматели занимали большое число рабочих рук в окрестных деревнях. Они снабжают станками «бедных рабочих, не имеющих возможности их покупать, и удерживают из их заработной платы 10 су в неделю... На 50 лье в окружности очень мало местечек или деревень, в которых не найдется чулочновязальных станков. Я проезжал эту местность во время жатвы, тем не менее в деревнях работало много станков, из чего следует, что эта промышленность не является уже просто дополнением к сельскому хозяйству» (De Beauvillé. Histoire de la ville de Montdidier, v. II. Paris, 1875, p. 299)

шерстяной промышленности, 8500 — в чулочновязальной, 4300— в полотняной). По мнению Ролана, обеспечение работы одного станка, включая все стадии производства, требовало труда 10 человек, из них двух взрослых мужчин и двух женщин (или девушек), целиком занятых этой работой. Общее число лиц, занятых в промышленности (aux fabriques) этого департамента, Ролан исчислял в 250 тысяч человек,— причем своим трудом, по его словам, они обеспечивали существование еще 250 тысяч человек [90]. В это число Ролан включал 50 тысяч мужчин, 50 тысяч женщин и 150 тысяч детей, стариков и т. д. Для части этих лиц промышленный труд был уже основным занятием, хотя для большинства он сохранял еще сезонный характер [91].

Общее число населения в Амьенском податном округе Биньон в конце XVII в. определял в 520 тысяч человек, а в 80-х годах XVIII в. оно исчислялось уже в 672 813 человек [92]. Исходя из этих подсчетов, цифра, приведенная Роланом,— четверть миллиона человек, вынужденных постоянно или частично заниматься промышленным трудом,— выглядит достаточно внушительно.

Очень показательно, что крупный современный японский историк Такахаси (Takahashi,), исследуя развитие мануфактуры в Японии в XIX в., в связи с изучением борьбы между «городом и деревней», «припомнил», как он пишет, «заголовок одной из глав исследования Деманжона о Пикардии» [93]. Это сравнение всплыло вовсе не случайно. Мы имеем все основания рассматривать Пикардию XVIII века как один из районов наиболее широкого распространения капиталистической мануфактуры. Именно здесь происходило выделение значительных слоев крестьянства, которые жили, по ленинскому определению, «более продажей своей рабочей силы, чем собственным хозяйством» [94].

Одновременно с распространением промышленного производства в сельских местностях, в городах, особенно в городских пригородах — «extra muros», шел процесс ломки цеховой системы, складывались новые кадры «предпролетариата», все еще чрезвычайно тесно связанные с деревней. Так, разными путями шло формирование рабочего класса мануфактурной стадии промышленности, со всеми его специфическими особенностями, столь резко отличными от пролетариата крупной индустрии. Бабеф в Пикардии мог воочию

---

[90] «Encyclopédie méthodique», v. I, p. 273—276.

[91] Среднюю заработную плату для мужчин Ролан определял в 20 су (sols) в городах и 17—18 в деревнях, для женщин соответственно 10 и 8—9 су, для детей 5 су в городах и 3—4 в деревнях (Ibid., p. 276—277).

[92] A. Tuetey et C. Bloch. Procès-verbaux du Comité de mendicité de la Constituante. Paris, 1911, p. 505.

[93] H. Kahashiro Takahashi. La place de la révolution de Meidji («Revue Historique», 1953, p. 246); cp. A. Demangeon. Op. cit., chap. XII. «Origine et développement des industries campagnardes. Le travail de la terre et les métiers ruraux. La lutte des campagnes et des villes».

[94] Ленинский сборник, XXXIII, стр. 16.

наблюдать этот процесс и те огромные лишения, которые он нес народным массам.

Эти лишения чрезвычайно обострились как раз тогда, когда началась сознательная жизнь Бабефа. Нужда усилилась под влиянием двух факторов. Одним из них, совершенно единодушно отмечаемым и современниками, и историками, явился рост дороговизны. По подсчетам Лабрусса, стоимость 24 видов продовольственных товаров между 1726—1741 и 1771—1789 гг. возросла на 45%. Особенно возросли цены в последнее, предреволюционное, пятилетие. Цена парижского сетье зерна возросла в 1785—1789 гг. в Париже с 23,1 ливра до 34,1 ливра, а в столице Пикардии — в Амьене — с 18,6 до 33,7 ливра, т. е. больше, чем на 180% [95]. О движении хлебных цен в районе, наиболее близком Бабефу,— в Сантерре, можно судить по данным меркуриалов, приведенным в «Истории г. Руа» Г. д'Эссиньи. Каким бы сильным колебаниям ни подвергались цены на зерно на хлебном рынке Руа, общая тенденция к их повышению в последней трети XVIII в. совершенно очевидна. За десятилетие 1710—1720 гг. средняя цена сетье пшеницы составляла около 4,1 ливра, со снижением в отдельные годы до 1 ливра 17 су — 1 ливра 18 су. В середине века, в конце 60-х годов, она повышалась иногда до 8 ливров 17 су. В последние же годы перед революцией цена в среднем поднялась до 6,8 ливра и ни разу не опускалась ниже 5 ливров 4—5 су [96].

Повышение хлебных цен затрагивало не только городское население. Мы уже видели, что покупателями хлеба были и многочисленные слои маломощного крестьянства, которым своего хлеба не хватало. Это превосходно было известно Бабефу, который писал осенью 1789 г. в том же цитированном нами отрывке о торговле и скупке зерна в Руа: «И в это самое время несчастный житель богатой хлебом провинции платит за него страшно дорого, а Париж не имеет хлеба» (et pendant tout cela le malheureux habitant des pavs à blé le paye énormement cher. et toujours Paris n'a pas de pain) [97]. Нужно при этом учесть, что в балансе питания городской и деревенской бедноты хлеб занимал неизмеримо большее место, чем в XIX в. Вследствие очень низкого уровня развития скотоводства, даже в некоторых средних крестьянских семьях, по свидетельству достаточно реакционного Калонна, мясо появлялось всего несколь-

---

[95] E. Labrousse. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIII siècle. Paris, 1933, p. 104—106; см. также Ф. В. Потемкин. Указ. соч., стр. 127.

[96] G. d'Essigny. Histoire de la ville de Roye. Noyon, 1818, p. 323—325. Д'Эссиньи приводит цены сетье, исходя из меры, принятой в Руа, равной по метрическому исчислению 52 литрам 52 сантилитрам; мешок пшеницы составлял 3 с половиной сетье. В Мондидье средняя цена сетье (52 л 41,6 сл) удвоилась за столетие (с 3 ливров 4 су в первом десятилетии до 7 ливров в 80-х годах). См. De Beauvillé. Op. cit., v. 2, p. 503—505. В 1788 г. цена сетье поднялась в Руа до 10 ливров 13 су 6 денье, а в Мондидье — до 11 ливров 3 су.

[97] ЦПА ИМЛ, 17 В III.

ко раз в году. Неизмеримо меньшее место занимали и овощи. Напомним, что только в 80-годах Пармантье (и как раз в том же Мондидье, где ему установлен памятник) начал свою пропаганду разведения картофеля. Широкому народному потребителю картофель был еще совершенно неведом. «Зерновые хлеба занимали тогда огромное место в бюджете народа»,— отмечает Лефевр [98]. Недаром Бабеф, возражая в «Постоянном кадастре» против предложения об установлении налога на хлеб, обосновывал это тем, что такое обложение всей своей тяжестью падет на «бедняка, который ест несравненно больше хлеба, чем богач» (qui mange infinement plus de pain que le riche) [99].

Даже Юнг, считавший повышение цен на хлеб одним из наиболее положительных явлений в «политической экономии Франции», не мог не отметить, что «этому повышению совершенно не соответствует уровень заработной платы, которая по-прежнему настолько низка, что не обеспечивает народу сколько-нибудь терпимых условий существования». Он вынужден мириться с таким низким уровнем заработной платы, отстающим от «общего повышения цен» только вследствие нищеты, «которая свирепствует среди низших классов Франции» и «чрезмерно большой конкуренции между теми, кто ищет наемной работы» (qui cherchent à s'employer) [100].

В 80-х годах эта конкуренция, и без того снижавшая заработную плату, еще больше усилилась в связи с затруднениями, которые испытывала французская промышленность, особенно текстильная. Известно традиционное объяснение этих затруднений влиянием англо-французского торгового договора 1786 г., лишившего французскую промышленность привычной защиты от английской конкуренции. Влияние этого договора на пикардийскую промышленность совершенно несомненно. Посетив Аббевилль, Юнг нашел, что «промышленники страстно интересуются политикой и яростно осуждают новый торговый договор с Англией» [101]. Такое же впечатление Юнг вынес и из посещения Амьена: «Город изобилует мануфактурами сукна. Я беседовал со многими хозяевами — они совершенно согласны с аббевилльцами в осуждении договора... Все убеждены, что ни в коем случае не удастся справиться с конкуренцией английских товаров... Амьен будет разорен — таково единодушное мнение» [102]. Такие же настроения царили и среди мануфактуристов Бове. «Самая опустошительная война не будет так вредна для Франции, как этот губительный договор» [103].

Опасения пикардийских суконпромышленников целиком подтвердились. В 1788 г. инспектор амьенских мануфактур, донесения

[98] G. Lefebvre. Le mouvement des prix et les origines de la Révolution française. («Etudes sur la Révolution française». Paris, 1954, p. 159).

[99] [Babeuf]. Le cadastre perpétuel, p. 28.

[100] A. Young. Op. cit., p. 816—817.

[101] Ibid., p. 78.

[102] Ibid., p. 945.

[103] Ibid., p. 947.

которого использовал известный историк-архивист Шарль Шмидт, сообщал, что в провинции насчитывается около 46 тысяч безработных. В суконной промышленности бездействует 10 тысяч станков, в том числе 1785 в районе Аббевилля и 5767 в районе Амьена. Из 7547 станков в этих двух городах работает всего лишь половина — 3688. 36 тысяч человек лишились работы. Из 8 тысяч станков в чулочновязальном производстве уже остановилась тысяча, и 10 тысяч человек также лишились работы [104]. Накануне 1789 г. «тысячи нищих, вследствие безработицы, направлялись в Париж из районов, затронутых кризисом, как *Амьен* и *Аббевилль* (курсив наш.— *В. Д.*) [105].

Однако затруднения, которые испытывала промышленность многих районов Франции и, в частности, Пикардии, начались раньше 1787 г. и, по мнению целого ряда исследователей, отнюдь не могут быть объяснены только влиянием торгового договора 1786 г. Эти явления уже были отмечены М. М. Ковалевским, несколько преувеличившим их значение. В начале 30-х годов Леон Каэн (Cahen) высказал, в свою очередь, предположение, что промышленные затруднения 80-х годов XVIII в. начались раньше заключения договора и не могут быть объяснены только его влиянием [106]. Для интересующего нас Амьенского района он привел достаточно веские доказательства того, что шерстяная промышленность начала испытывать затруднения в сбыте своих изделий еще до 1787 г., особенно в связи с конкуренцией английских хлопчатобумажных тканей.

Эту точку зрения высказывает и Э. Лабрусс в исследовании о кризисе французской экономики в последние годы старого порядка. В первом томе своего труда Лабрусс осветил развитие этого кризиса только в виноделии, однако во введении отмечены некоторые факторы, обусловившие застой и даже упадок, охвативший некоторые отрасли промышленности Франции в последние годы накануне революции. Лабрусс указывает на дороговизну промышленного сырья, в частности, на влияние «фуражного голода» 1785 г., вызвавшего упадок овцеводства, что отразилось на состоянии шерстяной промышленности, и «хлопкового голода», связанного с войной за независимость в Америке, повлиявшего на хлопчатобумажную промышленность [107]. На значение дороговизны сырья еще до Лабрусса указал Ф. В. Потемкин, совершенно правильно вскрывший не только частные, но и *общие* причины промышленных затруднений 1787—1789 гг. [108] Ж. Лефевр, со своей стороны, также

---

[104] Ch. Schmidt. La crise industrielle de 1788 en France. («Revue historique», 1908, p. 85).

[105] M. Rouff. Le personnel des premières émeutes de 1789 («La Révolution française», 1909, v. LVII, p. 216).

[106] L. Cahen. Une nouvelle interprétation du traité franco-anglais en 1786—1787 («Revue historique», 1939).

[107] E. Labrousse. La crise de l'économie française.., p. XXXVI.

[108] Ф. В. Потемкин. Указ. соч.

констатировал застой и упадок в шерстяной и полотняной промышленности. Как и Лабрусс, он связывал его с успешной конкуренцией хлопчатобумажной промышленности [109]. Но развитие этой новой отрасли промышленности принесло с собой — правда, еще в незначительных размерах — применение машин, и вследствие этого она предъявляла относительно меньший спрос на рабочие руки, чем «старые» отрасли текстильной промышленности.

Мы не станем здесь вдаваться в анализ этой контроверзы. Несомненно во всяком случае, что промышленные затруднения действительно начались еще до торгового договора 1787 г., в свою очередь значительно ухудшившего положение текстильной промышленности. При тогдашней структуре французской индустрии, при ее огромном распространении в деревне, при наличии многочисленнейшей прослойки неимущего деревенского населения, которой не хватало для пропитания собственного хлеба и которая уже никак не могла обойтись без промышленного приработка, легко представить, какие тяжелейшие социальные последствия должно было вызвать одновременное воздействие обоих этих факторов: возрастания дороговизны и недостатка работы. Нищенство (mendicité) становится серьезнейшим бедствием для Франции. Недаром Энгельс считал выяснение огромной роли нищенства важнейшей заслугой исследования Н. И. Кареева о положении французских крестьян XVIII в. [110] Если ограничиться одной Пикардией, то только по Амьенскому податному округу в 1788 г. насчитывалось, по официальным данным, 52 тысячи (почти $^1/_{10}$ всего населения) «нищих»,— т. е. лиц, нуждавшихся в помощи; в Суассонском округе из каждых шести-семи жителей одному требовалось пособие. Это чрезвычайно резкое ухудшение и без того тяжелого положения народных масс в предреволюционное десятилетие и наблюдал Бабеф, так хорошо знавший нужду с самых ранних лет своей жизни. Недаром в одной петиции, составленной в 1792 г. для крестьян Клермонского округа, Бабеф писал: «Бедствия недавних времен разрушили все мелкие состояния; большая часть из них растворилась в немногих крупных; из числа тех, кто принадлежал к разоренным классам (les membres des classes dépouillées), горожане обратились к промыслам, деревенские же жители могли стать только рабочими и прислужниками других. Появилось небольшое число крупных собственников *наряду с огромным количеством лиц, лишенных собственности* (multitude excessive d'impropriétaires)... Вы должны узнать печальную истину: *за последние тридцать лет положение страдающего класса так ухудшилось, дороговизна и голод* вызвали такие опустошения, что ресурсы большинства совершенно истощились. Нельзя отрицать, что все это наемное сословие (toute cette caste mercenaire; в первоначальном тексте было сказано «la caste ouvrière».—

---

[109] G. Lefebvre. Etudes sur la Révolution française, p. 162.
[110] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 82—85.

В. Д.), *которое живет только каждодневным трудом*, хотя и составляет огромное большинство нации, вынуждено было лишить себя всего *из-за недостаточности заработной платы, которая не повысилась пропорционально вздорожанию всех съестных припасов*» (курсив наш.— *В. Д.*) [111]. В этих словах Бабефа с исключительной ясностью охарактеризованы те социальные процессы, свидетелем которых он был. Специальность февдиста выработала в нем резко отрицательное отношение к феодальной собственности. Наблюдения и размышления над окружавшими Бабефа общественными отношениями поставили перед ним общий вопрос о причинах социального неравенства и о других формах собственности, не только феодальных.

Для генезиса его социальных взглядов этот процесс «грандиозной пауперизации» деревни и связанного с ним развития капиталистической мануфактуры во всей Франции и, в частности, в так близко и хорошо ему знакомой Пикардии, *имел важнейшее и определяющее значение.*

III

Для всей первой половины 80-х годов не сохранилось никаких документов, раскрывающих процесс формирования мировоззрения Бабефа. Но для последующих лет, начиная с 1785 г., в нашем распоряжении имеется интереснейший источник — переписка с секретарем Аррасской Академии Дюбуа де Фоссе, впервые опубликованная в 1884 г. В. Адвиеллем [112].

Адвиелль опубликовал 39 писем Бабефа и 61 письмо к нему Дюбуа де Фоссе. Уже из самого этого соотношения видно, что в распоряжении Адвиелля были далеко не все письма Бабефа. Письма Дюбуа Адвиелль печатал по подлинникам, а ответы Бабефа — по черновикам, которые Бабеф имел обыкновение писать на оборотной стороне писем Дюбуа. Перебеленных писем, в их окончательной редакции, в распоряжении Адвиелля не было, и он сам отметил наличие в публикации очевидных пропусков.

Как мы уже отмечали, только недавно в замке Дюбуа де Фоссе Л. Бертом и Ж. Дорвалем обнаружены были подлинные письма Бабефа, в том числе те, которых не хватало Адвиеллю, и лишь в 1961 г. Институт истории французской революции подготовил полное научное издание, в которое вошло 59 писем Бабефа [113].

---

[111] ЦПА ИМЛ, 52 В II.

[112] V. Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme, v. II, p. 1—255. Paris, 1884.

[113] «Correspondance de Babeuf avec l'Académie d'Arras (1785—1788). Publiée par l'Institut d'histoire de la Révolution française. Sous la rédaction et avec l'introduction de M. Reinhard. Paris, 1961 (далее — «Correspondance...»). Об архиве в замке Фоссе см. Berthe. Une grande collection d'autographes: La correspondance de Ferdinand Dubois de Fosseux (1742—1817). Paris, Le Vieux Papier, 1960; idem. L'Académie d'Arras et les sources de l'histoire de la Révolution. (AHRF, 1961, N 163).

Важным дополнением к этой переписке явился обнаруженный недавно в архиве ИМЛ очень интересный и чрезвычайно подробный ответ Бабефа на письмо к нему Дюбуа от 1 июня 1786 г.[114] Очень обстоятельный, целиком посвященный острейшим социальным вопросам, этот документ является одним из наиболее ценных в литературном наследстве Бабефа.

Фердинанд Дюбуа де Фоссе (1742—1817), крупный землевладелец, секретарь Аррасской академии, был наиболее выдающимся человеком из тех, кто встречался до тех пор Бабефу на его жизненном пути. Мэр Арраса и председатель директории департамента Па-де-Калэ в первые годы революции, Дюбуа стал довольно видным деятелем аррасского якобинского общества. Правда, после организованной жирондистами 20 июня 1792 г. демонстрации в Париже для оказания давления на Людовика XVI Дюбуа на время повернул вправо и подписал протест против действий демонстрантов, но и после этого он продолжал переписку с Максимилианом Робеспьером — бывшим членом Аррасской академии, ее «канцлером» в 1785 г. и даже президентом в начале 1787 г.— и поддерживал его позицию во время процесса над королем[115]. Либеральный дворянин, Дюбуа не стал, конечно, «твердым» якобинцем. В марте 1794 г. Дарте — будущий сподвижник Бабефа — писал о нем из Арраса Робеспьеру: «Дюбуа, недавний президент, разоблачен как интриган и честолюбец, короче, как дворянин»[116]. Незадолго до 9 термидора Дюбуа де Фоссе был арестован[117], однако после переворота пришедшие к власти термидорианцы также отнеслись к нему недружелюбно. В период «полевения», после 18 фрюктидора, его кандидатура в Совет 500 поддерживалась демократическими элементами. Ее выдвигал, в частности, бывший робеспьерист и бабувист Марк-Антуан Жюльен, писавший, что Дюбуа де Фоссе «обладает крупными административными способностями, выдвигался одно время в министры внутренних дел и вполне пригоден к исполнению таких обязанностей»[118]. Видной политической роли (он

[114] ЦПА ИМЛ, ф. 223, д. 654. Письмо сохранилось только в копии, сделанной рукой В. Адвиелля.

[115] «Correspondance de Maximilien et Augustin Robespierre». Paris, 1926 (русск. пер. под ред. Г. С. Фридлянда «Переписка Робеспьера». М., 1929, стр. 141, 143); см. также письмо к Дюбуа члена Конвента Леба 13 апреля 1793 г. (L. Jacob. Une lettre inédite du conventionnel Lebas.— AHRF, 1925).

[116] ЦПА ИМЛ, ф. 320 D.— J, д. 30/1, Arras, 29 ventôse, An II (письмо хранится в копии).

[117] В делах Комитета Общественного спасения сохранилась следующая характеристика Дюбуа, составленная в вантозе II г.: «Дюбуа, именуемый де Фоссе, Фердинанд-Марк-Антуан, проживающий в Аррасе, 51 год. Образованный человек, крайне фантастического красноречия до революции. Честолюбец, эгоист и председатель департамента. Он поочередно то поддерживал, то преследовал священников, был редактором адреса департамента против событий 20 июня 1792 г. и своим влиянием очень содействовал его принятию. В общем большой интриган» (L. Jacob. Joseph Le Bon, v. 2. Paris, 1934, p. 156).

[118] ЦПА ИМЛ, ф. 317, д. 912 и 913. «Candidats de l'An VI» («Ferdinand Dubois de Fosseux — ex-administrateur du Département du Pas-de-Calais, demeurant

переехал в Париж и работал в военном министерстве) Дюбуа в дальнейшем не играл, но и из приведенных фактов ясно, что в его лице Бабеф впервые столкнулся с незаурядным человеком, обладавшим большим для провинции кругозором, бывшим в курсе новейших событий в области науки и литературы.

Неудивительно, что Бабеф с жадностью ухватился за эту связь, чтобы расширить свои познания, свои возможности получения новых книг и журналов. Он, особенно в начале их переписки, с величайшей охотой принимал любой совет Дюбуа ознакомиться с каким-нибудь новым произведением, торопился дать о нем отзыв и настойчиво напоминал своему корреспонденту, если тот забывал прислать обещанную книгу. «Я не могу удержаться от страстного желания,— писал он, например, 27 июня 1787 г.,— прочитать упомянутые в вашем письме за № 28 произведения г. Куре де Вильнева, крайне интересные, судя по названиям. Простите ли вы мне это пылкое стремление обо всем узнать, все увидеть?[119]. Сохранился составленный Бабефом список книг, обещанных или присылавшихся ему в разное время Дюбуа де Фоссе, свидетельствующий об огромной пытливости[120].

Тон писем Бабефа не только изысканно вежливый, в стиле XVIII в., но иногда несколько даже льстивый, был естественным для переписки между скромным архивистом-февдистом небольшого городка и секретарем академии столицы одной из крупнейших провинций Франции. Тщеславие (le faible de gloriole), в котором Бабеф упрекал отца, проявлялся в этой переписке иногда и у него. Недаром, когда Дюбуа сообщил ему о решении академии избирать два раза в год «почетных академиков», Бабеф ответил (28 июня

à Arras, ayant de grands talents administratifs, désigné dans un temps pour ministre de l'intérieur et bien capable d'en remplir les fonctions»).

[119] «Correspondance...», p. 101.

[120] ЦПА ИМЛ, 94 B VII.— «Catalogue des ouvrages dont M. de Fosseux, secrétaire de l'Académie d'Arras, m'a promis la communication, depuis le 6.X 1786». В списке этом 25 самых разнообразных названий. Среди них «Мемуар» адвоката Дельгорга о дележе ферм и поэма де Саси о рабстве негров в Америке, вызвавшие особый интерес Бабефа. В числе книг есть научные работы: «Теория ветров» де ла Кудре, речь об аэронавте Пилатре де Розье, письма Бланшара о его опытах воздухоплавания, исследования аббата Ренуара о газах. Наряду со стихами и поэмами Таранже, Маскле, Романа, де Сэнта, упоминаются «Мемуар» Дюпати о трех осужденных на колесование, «Путешествие кузена Жака», «Путешествие в Швецию» Криньона и т. д. Самоучка Бабеф придавал очень большое значение изучению грамматики французского языка. Он надолго задержал поэтому присланные ему Дюбуа «Журнал французского языка» и книгу Турнона «Прогулки Клариссы и маркиза Вальзи, новый метод для изучения принципов французского языка». Из «Журнала» Бабеф выписал для себя заинтересовавшее его название книги Домерга (редактора «Журнала») — «Упрощенная французская грамматика» («Grammaire française simplifiée», avec des améliorations par M. Domergue — ЦПА ИМЛ, 2 B VII). Письма Бабефа к сыну уже в годы революции показывают, с каким вниманием и тщательностью изучал Бабеф грамматику. В переписке с Дюбуа он придерживался правописания, основанного на фонетическом звучании слов, заимствованного им, возможно, у Ретифа де ла Бретонна.

1787 г.), что благодаря такому решению и он «осмеливается надеяться, что, если ему когда-нибудь удастся (потому что никогда нельзя отчаиваться и нет ничего недостижимого для человека) сделать что-либо достойное внимания, он решится добиваться разрешения присоединиться к числу тех, кто мечтает о чести принадлежать к почтенному обществу» [121].

Но этот несколько приниженный тон, усиленное стремление Бабефа, особенно на первых порах, подчеркнуть скромность и ограниченность своих познаний, не должны вводить нас в заблуждение. Бабеф никогда не забывал, что в лице Дюбуа де Фоссе он имеет дело пусть с просвещенным и либеральным, но все-таки феодальным «барином». «Вы дворянин,— пишет он Дюбуа в июне 1786 г.,— и ваши предки оставили вам изрядное состояние» (assez belle fortune) [122]. Бабеф проявлял в своих письмах вполне оправданную осторожность, все время сдерживал себя. «Вы понимаете,— подчеркивал он в том же письме,— что перед лицом всего того, чего приходится остерегаться, мы не можем ни говорить в нужных выражениях о наиболее интересных вопросах, ни правильно их разрешать» [123]. Переписка не дает поэтому совершенно точного представления о подлинных взглядах Бабефа. Но все-таки в ряде случаев выдержка изменяла Бабефу, желание поделиться — возможно, впервые — своими заветными идеями превозмогало осторожность.

Таково письмо от 1 июня 1786 г., найденное в архиве ИМЛ. Оно содержит смелую критику существовавших во Франции общественных отношений и значительно обогащает наши представления о социальных взглядах Бабефа накануне революции. Именно эта смелость и откровенность побудили, вероятно, Бабефа отказаться от посылки ответа в такой редакции. 22 июня 1786 г. он отправил другое письмо (оно сохранилось в архиве Дюбуа) [124], где коснулся тех же вопросов, но в неизмеримо более сдержанных и осторожных выражениях. Сравнение этих двух писем наглядно показывает, какой строгой внутренней цензуре подвергал Бабеф свои письма. Анализ данного письма, рассматриваемого в связи со всей остальной перепиской, дает возможность гораздо яснее и отчетливее, чем прежде, проследить генезис коммунистических взглядов Бабефа на самой ранней стадии их формирования.

Поводом для начала переписки послужил объявленный в апреле 1785 г. Аррасской академией конкурс на тему: «Полезно ли делить в Артуа фермы и земельные хозяйства и, в случае утвердительного ответа, какие границы следует соблюдать при этом

---

[121] «Correspondance...», p. 104.

[122] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 9. В одном из своих писем, 2 декабря 1786 г., Дюбуа де Фоссе шутливо жаловался на трудности, которые доставляют ему переезды в сопровождении «полдюжины детей и такого же числа слуг», особенно из-за его мании «тащить с собой три-четыре тысячи книг».

[123] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 35.

[124] «Correspondance...», p. 6.

дележе?»[125]. В ноябре 1785 г. Бабеф послал на конкурс свой мемуар. Он не рассматривался по чисто формальным причинам (опоздание к сроку, указание фамилии автора, тогда как конкурс был объявлен анонимным). Об этом и сообщил Дюбуа Бабефу в своем первом письме от 6 декабря 1785 г. Текст мемуара пока не обнаружен, но к развитым в нем идеям Бабеф вернулся несколько месяцев спустя[126].

Чрезвычайно острая и важная тема о переделе ферм привлекла к себе внимание не только Бабефа. Одно из сочинений на конкурс, присланное адвокатом Дельгоргом, было особо отмечено Артуром Юнгом и признано им самым ярким и точным изложением взглядов защитников крупного хозяйства и крупной земельной собственности. «Невозможно,— писал Юнг,— сделать более верные и более справедливые замечания о преимуществах крупных ферм и богатых фермеров, чем те, которые изложены в «Энциклопедии», и никто не освещал этот вопрос лучше, чем г. Дельгорг»[127]. И Юнг и другие современные ему авторы, например, пикардийский агроном Курсе поддерживали высказанное Дельгоргом положение о том, что «деревенский рабочий более счастлив, чем тот земледелец, которому дали бы маленький клочок земли для обработки»[128]. Эти взгляды, отрицавшие полезность дробления ферм, были ярким выражением идей капиталистического предпринимательства, «английской» системы ведения сельского хозяйства и насаждения крупного фермерства.

Тем интереснее, что Бабеф вступил в решительный бой с идеями Дельгорга. Его возмущало то, что академия при рассмотрении мемуаров противника дробления ферм Дельгорга и сторонника этой меры Делестре дю Терража (Delestré du Terrage) ограничилась одобрением (accessit) работы одного и другого, несмотря на полную противоположность их взглядов.

Полемикой с Дельгоргом и начинается июньское письмо 1786 г., представляющее собой своеобразное credo Бабефа, его принципиальную декларацию. Вопрос о концентрации ферм (réunion des

---

125 ЦПА ИМЛ, 78 В IX.

126 В 1786 г. Бабеф вторично принял участие в конкурсе Аррасской академии, на этот раз на тему «Выгодно ли сократить количество дорог на территории деревень провинции Артуа... Указать, в случае положительного ответа, средства для осуществления этого сокращения». «Мемуар» на эту тему послан был им 25 ноября 1786 г. Эта дата проставлена самим Бабефом на рукописи (ЦПА ИМЛ, 96 В VII). Адвиелль ошибочно принял этот второй мемуар за тот, который послан был Бабефом в 1785 г., и напечатал его в самом начале своей публикации (V. Advielle. Op. cit., v. II, p. 1—14).

127 A. Young. Voyages en France. Paris, 1931, p. 747. «Мемуар» Дельгорга был издан в 1786 г. под названием «Mémoire sur celle question: „Est-il utile en Artois de diviser les fermes et exploitations des terres?" Ouvrage qui a remporté le prix à l'Académie d'Arras le 26 avril 1786». Бабеф несколько раз просил Адвиелля выслать ему этот «Мемуар», с содержанием которого он ознакомился сперва только по отчетам о заседании Академии (ЦПА ИМЛ, 14 В VII; «Correspondance...», p. 38).

128 G. Lefebvre. Questions agraires au temps de la Terreur, p. 72—73.

femes) был, как мы видели, одним из самых больных для пикардийского крестьянства в последней трети XVIII в. Бабеф выступил в качестве самого решительного противника крупного фермерства.

Констатируя все бо́льшую концентрацию ферм, Бабеф видел в этом серьезнейшую угрозу для крестьянства и даже для сельскохозяйственных рабочих. «Если в приходе трое или четверо крупнейших земледельцев (cultivateurs-en-chef) держат в своих руках эксплуатацию всей территории, то они справляются со всем при помощи небольшого числа наемных рук. Доказано, что в таком случае все остальные жители не находят себе больше места в сельском хозяйстве, даже если они готовы работать на других. Они вынуждены поэтому обращаться к промышленности» [129]. Увеличение роли зажиточного крестьянства внушало Бабефу величайшие опасения. Аренда крупных ферм доступна только «богатым земледельцам», сохранение таких ферм «создает своего рода монополию ведения сельского хозяйства наименее многочисленным классом. Это приведет ко все большему неравенству в состояниях. Крупные фермеры будут опасаться обильных урожаев; чтобы иметь возможность вносить арендную плату, они станут торговать зерном и будут занимать на своих полях возможно меньшее число рук, сокращая их заработную плату и доводя ее до нуля, если бы только это было возможно. Что станет тогда с огромным большинством деревенских жителей, с самого своего детства как бы по инстинкту призванных заниматься земледельческим трудом... Я трепещу, когда думаю о роковых и неизбежных последствиях этих злоупотреблений» [130]. Отражая глубокое недовольство, зревшее среди деревенской бедноты, Бабеф обвинял фермеров в том, что они запирают свои амбары в ожидании повышения цен, совершенно не заботясь о том, обеспечены ли в достаточной мере хлебом поденщики и все те, кто помогал им при уборке урожая.

В то же время Бабеф доказывал, что подавляющее большинство фермеров вовсе не улучшает обработку земли. «Некоторые фермеры процветают,— отмечал он,— но это процветание объясняется скорей удачей, чем умением земледельца; по большей части оно является результатом спекуляции зерном и нищеты поденщиков, которые на них работают» [131]. Обычно те, кого крупные земельные собственники предпочитают иметь в качестве фермеров, меньше всего заботятся о совершенствовании обработки земли. «Это самые развязные, самые продувные, самые хитрые, самые дерзкие люди, самые плутоватые при обменах и в торговле залежалым товаром, наиболее развращенные завсегдатаи ярмарок и кабаков. В городе— это интриганы, в деревне — самые хитрые шельмы, обладающие всеми пороками горожан, но лишенные их добродетелей» [132].

---

[129] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 2.
[130] Там же, стр. 11.
[131] Там же.
[132] Там же, стр. 10.

Бабеф выступает самым решительным сторонником раздела, дробления крупных ферм. Однако в высшей степени интересно, что вместе с тем он категорически высказывался — в 1786 году! — против бесконечного дробления ферм, против их «распыления». «Делить — не значит ломать. По моему мнению, каждый раз, когда раздел становится чрезмерным, т. е. каждый раз, когда он приводит к созданию ничтожных парцелл, он становится скорее пагубным, чем полезным» [133].

Те соображения, которыми руководствовались Дельгорг и Юнг, доказывавшие преимущества крупного сельского хозяйства, были вовсе не чужды и Бабефу. Он отчетливо видел и часто высказывал эту мысль в своей переписке с Дюбуа, что уровень сельскохозяйственной культуры во всей Франции, в частности, в его родной Пикардии, еще очень низок. Показательно, что Бабеф был противником трехпольной системы земледелия и связанного с ней оставления земли под паром (jachère).

До сих пор не обращалось внимания на то, что среди трех тем, предложенных Бабефом в 1787 г. Аррасской академии для проведения конкурса, кроме знаменитого вопроса о возможности создания «общества совершенного равенства», о чем мы будем говорить ниже, была еще и тема об уничтожении паров. «Не является ли заблуждением, —формулировал Бабеф свой вопрос,— обычай оставлять ежегодно под паром треть первоклассных или даже просто пригодных к обработке земель. В случае утвердительного ответа, определить теоретически: 1) преимущества, которые явятся следствием уничтожения этого обычая, с учетом увеличения расходов в связи с новыми приемами возделывания земли; 2) наиболее пригодные меры для того, чтобы все земледельцы применяли эти новые способы» [134].

Признавая, что за последние годы произошло некоторое улучшение методов ведения сельского хозяйства, Бабеф неизменно подчеркивал, что нужно сделать еще очень много. Крестьяне редко и неохотно следуют более передовым образцам. «В одних и тех же кантонах в той же провинции, в одних местах землю возделывают лучше, чем в соседних, хотя она ничем не разнится. В Руа обрабатывают ежегодно только две трети всех земель, тогда как в 5 лье от него, вокруг Нуайона и Компьена, где почва даже хуже, ни один клочок земли не остается необработанным» [135].

Расширение крупных ферм, по мнению Бабефа, вовсе не обеспечивает улучшения сельского хозяйства, во всяком случае, оно является «страшным злоупотреблением». Но и *чрезмерное* дробление ферм на крохотные участки, как правило, «приведет только к жалкой обработке земли и ничем не сможет содействовать искоренению

---

[133] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 3.
[134] «Correspondance...», p. 135.
[135] ЦПА ИМЛ, 42 В VII; «Correspondance...», p. 129.

нищеты... Вместо того, чтобы стать матерью, земля, раздробленная таким образом, станет только мачехой». Это приведет «к упадку сельского хозяйства» [136]. Выход, «альтернативу», по его собственному выражению, крупным фермам Бабеф видел в создании *системы «коллективных ферм»* (fermes collectives). Эту систему он защищал как в мемуаре 1785 г., так и в июньском письме 1786 г.

«Я заменяю,— излагает Бабеф свою идею,— коллективной фермой ферму, которая имела одного нанимателя. 50, 40, 30, 20 человек будут жить совместно, как члены одного сообщества (en associés) на этой ферме, вокруг которой, будучи разъединенными, они раньше прозябали; от нужды они быстро перейдут к изобилию (à l'aisance)». Он ясно и убедительно изображал все преимущества такого коллективного хозяйства. «Там, где множество людей объединяются, чтобы совместно добиваться общей цели, по необходимости всегда имеется общее руководство, которое вверяется самому разумному, самому опытному, самому честному; все наблюдают друг за другом и существует взаимное соревнование (émulation); все относятся враждебно к легкомыслию, ко всяким пагубным развлечениям; каждый следит за тем, чтобы он сам не был уличен в неловкости или небрежности; среди равных хозяйский глаз всюду и нигде. Если кто-нибудь болеет, никто не страдает от этого — ни его жена, ни дети, ни ферма, потому что все удваивают тогда свою активность и каждый охотно принимает на себя небольшую долю увеличения труда; никакой несчастный случай, даже смерть, ничто не замедляет, ничто не приостанавливает. За лошадьми всегда ухаживают, у быков всегда есть погонщик, за коровами постоянно следят и их доят; если заболевает хозяйка, птичий двор не приходит в запустение,— *в этой братской общине все друг друга могут заменить*» (dans cette communauté fraternelle tout le monde se supplie mutuellement), (курсив наш.— *В. Д.*) [137].

В совершенстве зная все слабые стороны мелкого, разобщенного хозяйства, Бабеф убедительно показывает преимущества коллективной фермы. «Все станут работать с тем бо́льшим усердием, добиваясь во всем улучшения, что никому не захочется, чтобы его упрекнули в недостатке мужества; все будут обладать бо́льшими знаниями, так как в двадцати головах их всегда больше, чем в одной. Фермер-одиночка, если ему нужно копать ямы, рыть сточные канавы, стричь кустарник, сеять, косить, собирать зерно, сено или солому, молотить свои скирды, дважды оглядывается, прежде чем позаимствовать из своего кошелька деньги для оплаты поденщиков; он часто откладывает на завтра то, что следует сделать сегодня, а тем временем наступает плохая погода и то, что было отложено, гибнет безвозвратно. На коллективной ферме все делается вовремя, всегда есть нужное количество людей, чтобы выполнить любую работу».

---

[136] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 13, 18.
[137] Там же, стр. 5.

В то же время коллективные фермы, по мнению Бабефа, будут способствовать правильному использованию почвы: там, где целесообразно возделывать зерновые культуры, будут расти злаки; где почва больше соответствует возделыванию льна, будет лен; там, где удобнее и выгоднее растить рапс, предпочтение будет отдаваться ему. «Одно зажиточное хозяйство придет на смену множеству бедных хозяйств. Благодаря созданию коллективных ферм мы не увидим больше нищих старух, грязных и изможденных до того, что на них страшно смотреть, пасущих на обочинах дорог тощих, шелудивых коров, от которых они надеются получить немного молока; не увидим изголодавшихся матерей, вынужденных злоупотреблять своим здоровьем и стареть раньше времени из-за того, что им приходится продавать грудное молоко городским детям» [138].

Бабеф надеется, что «братские общины» (communautés fraternelles) будут способствовать и изменению моральных устоев деревенского населения: «Как бы скрепленные единым обручем, они будут больше помогать и меньше вредить друг другу: у них не будет уже тех дурных мыслей, которые вынашиваются в одиночестве и осуществляются в сумерках. Благодаря постоянному общению каждый подозрительный замысел, каждый дурной поступок будет на виду... Множество предрассудков и опасных суеверий не замедлит исчезнуть, потому что там, где люди объединяются, чтобы жить совместно, в их отношениях скоро начинает господствовать разум; он их просвещает, он усовещевает, он завоевывает влияние и правит ими» [139].

Совершенно очевидно, что эти мысли Бабефа представляют исключительный интерес. Ж. Лефевр не раз утверждал, что, по его мнению, коммунизм у бабувистов никогда не шел дальше распределения. На IX Международном историческом конгрессе в своем докладе «О происхождении коммунизма Бабефа» Лефевр заявил: «Бабеф не понимал, что его коммунизм в распределении требовал и коммунизма в производстве... Хотя Бабеф предполагал передачу собственности нации, ничто не помешало бы тому, чтобы она передавалась в эксплуатацию частным лицам. Одновременно это решение примиряло бы справедливое распределение земель с желанием крестьян владеть своей частью на правах собственности или возделывать ее своими руками. Коммунизм Бабефа не был коммунизмом производства». Лефевру представлялось также, что вопрос о будущем сельского хозяйства, о том, что полученных крестьянами наделов скоро не хватит для растущего населения, «не привлекал к себе внимания Бабефа» [140].

Мы видим, однако, что уже в 1785—1786 гг. Бабеф совершенно определенно отстаивал преимущества совместного, коллективного

[138] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 6.
[139] Там же, стр. 7.
[140] G. Lefebvre. Les origines du communisme de Babeuf («Etudes sur la Révolution française». Paris, 1954, p. 307).

ведения хозяйства и отчетливо представлял все отрицательные последствия чрезмерного «дробления» земель, все недостатки, связанные с «индивидуальным возделыванием земли». Земля требует объединения множества усилий для ее обработки, «дробить ее на равные парцеллы между всеми, значит уничтожать наибольшую часть тех преимуществ, которые дает *совместный труд*» (курсив наш.— *В. Д.*) [141].

Итак, еще за десять лет до оформления «заговора во имя равенства» Бабеф выдвигал проблему не только «распределения», но и производства, и совершенно ясно высказался в пользу коллективного, а не индивидуального хозяйствования. Правда, он предусматривал, что участники «коллективных ферм» будут вносить арендную плату собственникам земли: «Те, кто владеют, будут владеть и дальше». Участники коллективных ферм обязаны заранее предусмотреть на основании подсчета за ряд лет, каков будет средний урожай и средняя цена хлеба, и на этом основании установить размеры фермерской аренды. Она, как и десятина, будет вычитаться из коллективного урожая. Бабеф даже доказывал, что новый порядок аренды будет соответствовать интересам собственников: «коллективные фермы» будут более аккуратными, точными и надежными плательщиками. Он лишь настаивал на том, что сроки арендных договоров должны быть возможно более продолжительными. «Совершенно необходимы долгосрочные арендные договоры; «вечные договоры» были бы еще лучше; они имели бы самые выгодные последствия как для совместно снимающих фермы (co-fermiers), так и для собственников земли, для каждой местности и для крестьян» [142]. Условия аренды следовало пересматривать не чаще, чем каждые 20 лет. В 1790 г., уже после революции, Бабеф вернется еще к этому больному для пикардийской деревни вопросу о «долгосрочных арендах» в связи с вопросом о распродаже церковных имуществ.

Хотя в своем письме Бабеф предусматривал возможность полюбовной сделки между участниками коллективных ферм и владельцами земли, его отношение к сохранению собственности на землю далеко не так просто. Подчеркнув, что эта сделка выгодна крупным собственникам, он тут же, правда, в очень осторожной форме, оговаривает, что не хочет «ставить под вопрос законность крупной собственности и, тем самым, прийти к радикальному решению по поводу крупных ферм, самый принцип которых подвергся бы в этом случае нападению. *Уже слишком поздно или еще слишком рано затрагивать эту тему*» [143] (курсив наш.— *В. Д.*).

[141] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 44 («L'émietter par parcelles égales entre tous les individus, c'est anéantir la plus grande somme des ressources, qu'il donneroit au travail combiné»).

[142] Там же, стр. 6.

[143] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 8 («Je n'ai pas voulu mettre en question la légitimité des grandes propriétés et arriver ainsi à une solution radicale sur les grosses fermes attaquées alors dans leur principe. Il est ou trop tard ou trop tôt pour un pareil sujet»).

Что же соответствовало подлинным воззрениям Бабефа? Считал ли он действительно, что вопрос о собственности уже поздно ставить и что с существующими общественными отношениями приходится мириться, или же предполагал, что ставить этот вопрос необходимо, но еще преждевременно? Вся его переписка с Дюбуа де Фоссе говорит в пользу второго предположения.

Вопрос о собственности и ее влиянии на существующие общественные отношения занимал уже, как мы сейчас увидим, центральное место в его размышлениях. Бабеф резко осуждал существующий «жалкий» социальный строй. «Каждое разумное, т. е. справедливое, существо должно краснеть за прошлое поколение и скорбеть о нынешнем поколении, не осмеливающемся даже мечтать о чем-нибудь лучшем для того поколения, которое за ним последует» [144]. Он целиком исходил из положения, общего, как указал В. П. Волгин, для всех передовых мыслителей XVIII в., что смысл существования человеческого общества состоит в том, чтобы обеспечить для всех его членов наилучшие условия, наибольшее благополучие [145]. В этом отношении он стоял, конечно, на почве всех естественно-правовых учений XVIII в. Нельзя, однако, не заметить в его рассуждениях известное своеобразие, некоторую оригинальность.

Конечно, Бабеф — рационалист, придававший огромное значение силе разума и просвещения. Но его доводы носили чрезвычайно конкретный характер, перед его глазами постоянно стояла совершенно реальная картина страшной нужды народных масс, с которой никак нельзя было больше мириться. Его возмущали поэтому общие рассуждения о сущности человеческого «благополучия» в некоторых сообщениях, заслушанных Аррасской академией, отчет о которых прислал ему 1 июня 1786 г. Дюбуа де Фоссе. «Господин де Галамец,— пишет Бабеф,— рассуждает о благополучии, как человек, который никогда не знал нужды. Благополучие! Спросите, в чем оно состоит, у того, кто страдает от голода, жажды, холода, от страшной усталости или от своего собственного невежества!.. Слишком многие пишут о благополучии для того, чтобы доставить себе удовольствие, развлечься от безделья, но идиллии и пасторали на эту тему сочиняются вдали от *стонов рабочих наших предместий* (курсив наш.— *В. Д.*) и душераздирающих жалоб несчастных жителей наших деревень» [146].

Ж. Лефевр был совершенно прав, когда подчеркивал, что в отличие от Руссо и его верного ученика Буонарроти, исходивших из чисто моральных аргументов, Бабеф проявлял особый интерес к условиям повседневной жизни работников физического труда, взывал к их интересам и в этом смысле стоял «ближе к Марксу» [147].

144 ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 9.

145 В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958, стр. 126.

146 ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 14.

147 Buonarroti. Conspiration pour l'Egalité. Paris, 1957. Préface par G. Lefebvre, p. 16.

В этой связи любопытен ответ Бабефа на вопрос Дюбуа об отношении к роскоши. В противоположность большинству современников он не руководствовался при этом чисто моральными мотивами. Бабеф считал сетования против роскоши чрезмерными. Роскошь распространяется не в деревнях,— это действительно было бы опасно для нравов,— а только в городах, среди «праздных людей». Благодаря ей сохраняются и развиваются промышленность и торговля. Если роскошь будет уничтожена, что станет с множеством лиц, которым она обеспечивает пропитание? Что станут делать со своими деньгами рантье и крупные чиновники? Они будут скупать земли и, таким образом, окончательно довершат лишение земледельцев всякой собственности. Правда, отношение Бабефа к этому вопросу позднее изменилось, но для него типично, что в этих своих рассуждениях он руководствуется не общеморальными соображениями, а совершенно конкретными интересами «неимущих классов».

Даже тогда, когда Бабеф исходил из обычной терминологии XVIII в., он уже в 80-е годы вкладывает в нее несколько иное, всегда совершенно реальное содержание. Поэтому и в понимании сущности естественного права подход Бабефа отличается от подхода тех великих мыслителей XVIII в., под чьим сильнейшим влиянием шло формирование его мировоззрения. Так, Бабеф считал совершенно ненужным, как он выражался, «опускаться по лестнице веков» для того, чтобы определить, каково было первобытное «естественное состояние», и выводить из него нормы человеческого общежития. Он писал: «Естественные права человека! Но это тысячу и тысячу раз ясно... Естественные права человека — это не что иное, как его право на жизнь (droit de vivre)... Это право и есть высшее право (droit par excellence), оно самое священное, оно неприкосновенно, покушаться на это право — значит совершать самое большое преступление»[148].

Но «право на жизнь» — это не право «прозябать и влачить жалкое существование от колыбели и до могилы в нищете и лишениях»[149]. Общество обязано обеспечить человеку подлинное «право на жизнь», но «не урезанное, не ограниченное мутной водой с луком и черным хлебом, что мы *так часто видим у торфяных болот в большинстве деревень нашей Пикардии* (курсив наш.— *В. Д.*), где, однако, так много богатых сеньеров и прекрасных замков. Право на жизнь должно, по сравнению со всеми другими правами, меньше всего разочаровывать»[150].

Бабеф признает, что «право на жизнь» должно обеспечиваться трудом. Как и другие представители утопического социализма XVIII и XIX вв., он со всей силой подчеркивал обязанность трудиться. Праздность, уклонение от труда Бабеф считал величайшим

---

[148] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 33—34.
[149] Там же, стр. 34.
[150] Там же, стр. 46.

преступлением,— недаром он утверждал, что единственное преступление, за которое следует сохранить высшую меру наказания — смертную казнь, является отказ от труда [151].

Но современное общество не только вынуждает «работать за двоих, чтобы получать... совершенно недостаточное, грубое, вредное для здоровья питание», не только обрекает людей на то, чтобы они прозябали, плохо одевались, жили в скверных условиях и не получали никакой помощи, когда им изменяет здоровье,— оно уже не в состоянии обеспечить их и работой. О каком же благополучии и каком «праве на жизнь» может идти речь, когда «труд и нищета убивают человека и он уже не может при помощи одного избежать другого!» [152].

Чем же объяснить, что общество не в состоянии обеспечить подавляющему большинству населения основное «естественное право» — «право на жизнь»? Вслед за передовыми мыслителями XVIII в. и особенно под сильнейшим влиянием «Происхождения неравенства» Ж.-Ж. Руссо, он связывает все эти общественные бедствия с развитием собственности. Бабеф прежде всего чрезвычайно резко, со всей присущей ему страстностью осуждает собственность феодальную. «В качестве комиссара-февдиста я не могу не знать, как образовалась бóльшая часть наших крупных поместий и каким образом они перешли в руки тех, кто владеет ими сейчас. Почти все самые древние титулы являются только освящением огромной несправедливости и чудовищного ограбления. Это закон, навязанный мечом и огнем людям труда, крестьянам, которые для спасения своей жизни предоставляли тем, кто их грабил, вместе с распаханной ими землей и свои собственные жизни... Эти простые люди становились крепостными, т. е. стадом скота, таким же, как скот, каким они раньше владели, но который теперь им уже не принадлежал» [153]. «Крепостного можно было вдосталь мучить и убивать. Полуголодного, его постоянно истощали трудом... Когда он становился немощным и калекой, его ждала неизбежная участь — нищенствовать по дорогам, пока он не издыхал на краю ямы или где-нибудь в лесу, вдали от своих родных, неспособных ему помочь, подальше от барского манора или аббатства, чтобы избавить их от запаха трупного разложения» [154].

Происхождение этой «украденной собственности» (propriété volée) совершенно ясно для Бабефа. Опыт его февдистской деятельности — это показывает нам его переписка с Дюбуа — уже к тому

---

[151] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 35. «В каждом подлинно справедливом и братском обществе леность такого рода станет неслыханной, и, если бы мне позволено было обсуждать здесь по существу все вопросы, мне нетрудно было бы доказать, что она была бы единственным преступлением (transgression), для которого следует сохранить смертную казнь» (там же, стр. 35).

[152] Там же, стр. 9.

[153] Там же, стр. 35.

[154] Там же, стр. 33—36.

времени сделал его самым убежденным и непримиримым врагом феодальной собственности. Несмотря на все стремление Бабефа сдержать свой темперамент, эта враждебность неоднократно прорывалась в его письмах. Так, объясняя Дюбуа происхождение феодальных кодексов и права наследования по старшинству, Бабеф писал ему 8 июля 1787 г.: «Когда этим удачливым разбойникам удавалось обеспечить себе крупную собственность, они бывали удовлетворены только наполовину. Их грубая спесь страдала при мысли, что в будущем эта собственность может раздробиться между их наследниками и не предоставит их владельцам возможности так же глупо важничать... Таково происхождение так называемого дворянства и возмутительных различий между всеми сословиями в обществе. Тот, кто был менее жестоким, менее вероломным..., мог стать только слугой и предметом презрения со стороны других. Отсюда эти странные кодексы, которые служили узурпаторам для оправдания их титулов и узаконяли грабеж» [155]. «Право на жизнь» не могло не приноситься в жертву этому разбою.

Эта глубокая ненависть к феодальной собственности роднит Бабефа с Мелье. Но если для Мелье она была доминирующей, составляла сердцевину его социальной критики, то Бабеф направляет свою критику и на другие виды собственности, помимо феодальной.

В своих рассуждениях на эту тему он во многом повторяет Руссо. Он прослеживает связь между развитием земледелия и созданием собственности. Бабеф выделяет тот вид собственности, который он называет «скромной» собственностью (propriété modique), «детищем предусмотрительности и труда». Но его внимание больше всего привлекает «честолюбивая собственность» (propriété ambitieuse). «Поскольку собственность является прямым проявлением права на жизнь, выражением всего наиболее естественного, она не менее почтенна, чем самое это право, потому что она является только элементом труда — единственного средства, данного человеку для того, чтобы это право не стало мнимым и иллюзорным. Но есть превышение собственности, распространяющейся вне всякой меры подлинного права». Этот «аппетит к собственности», эту «жажду золота» Бабеф считает самой жгучей и в то же время самой отвратительной страстью. «Как только этот аппетит пробужден, он все более возбуждается и воодушевляется всем тем, что он себе присваивает; под его влиянием собственность превращается как бы в масляное пятно, она ширится и принимает все более неограниченные размеры; невозможно определить, где она остановится, и дать этому движению какое-нибудь правдоподобное объяснение. Чем больше собственник заражается этой манией, тем больше он стремится... все огородить, все охватить, все притянуть к себе — равнины, холмы,

---

155 «Correspondance...», p. 109—110.

долины; все, что только видит его глаз, всем он хочет овладеть для себя... Если бы это зависело от него, он захватил бы весь земной шар» [156].

Постепенно от земледелия отделялись другие профессии, тоже дававшие возможность обеспечивать «право на жизнь». Появились «пчелы из одного улья» — промышленность, торговля, ремесла, искусства. «Право на жизнь» стало реализоваться сперва путем обмена, потом при помощи денег, и тогда возникли новые виды собственности и богатства. «Богатыми становились благодаря фабрике, благодаря мануфактуре, благодаря какой-нибудь промышленности; богатыми становились благодаря золоту, серебру, бриллиантам и даже бумажным деньгам, которые представляли собой все, чем можно было овладеть».

Именно тогда началась и торговля земельной собственностью. Города скупали деревни. «Это было началом образования крупной собственности, наполовину приобретенной, наполовину добытой вымогательством, но всегда и повсюду всепоглощающей и тиранической, захватывающей у земледельцев огромные площади ради удовлетворения своих аппетитов... Все излишества, все злоупотребления собственностью, все упреки, которые можно ей сделать, начинаются с этого образования крупной собственности». Она является, по мнению Бабефа, главным источником общественных бедствий на всем земном шаре. «Крупная собственность,— писал Бабеф Дюбуа де Фоссе,— изобрела и сохраняет торговлю белыми и рабами, продает и покупает людей; она подавляет их невежеством в Московии, Литве, Польше, Германии и, как жалкий скот, перегоняет их из одной страны в другую, лишая отчизны, семьи, привязанностей, воспоминаний, надежды вернуться на родную землю, к своим близким... Это она в колониях, на плантациях наделяет негров бóльшим количеством ударов кнута, чем кусков хлеба» [157].

Развитие крупной собственности привело к чудовищному неравенству. В обществе установилось «отвратительное распределение, при котором одни имеют в тысячу, десять тысяч, пятьдесят тысяч раз больше, чем им необходимо даже по самому щедрому подсчету; другие имеют в сто, двести, триста, пятьсот, девятьсот раз больше, чем им нужно; некоторые имеют в несколько раз больше того, что им необходимо; остальные же, и таких бесчисленное количество, имеют гораздо меньше того, что им нужно, или почти ничего. Чем больше растет население, тем более увеличивается число тех, кто обречен на нужду, тогда как богатства все более концентрируются в руках ограниченного меньшинства, находящегося на вершине» [158].

---

[156] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 37—38.
[157] Там же, стр. 40—41.
[158] Там же, стр. 43.

На ранней стадии своего становления развитие собственности не встречало сопротивления. Тогда она еще не приносила ущерба ничьему «естественному праву», не «развивалась за его счет», не задевала его. Но, когда не осталось «ни одного свободного клочка земли, *когда собственность заняла все* (курсив наш.— *В. Д.*), стало очевидным, что она не только затронула право на жизнь каждого, у кого нет своего клочка земли, но полностью поглотила его. Следовательно, она обязана обеспечить ему это право на жизнь» [159]. Собственность в ее различных формах стала «главным, единственным раздатчиком работы. Она должна предоставить ее тем, кто ее не имеет, кто ее требует... Она не может отказать в том, чтобы дать занятие человеку, который хочет работать» [160]. За всеми этими рассуждениями Бабефа видна реальная обстановка Пикардии 80-х годов XVIII в., с ее страшным обезземелением и пауперизацией крестьянства, с капиталистической мануфактурой (крупные собственники как «единственные раздатчики работы»), с ее промышленными затруднениями и безработицей, вследствие которых те, «кто требует работы», не могут ее получить.

Поскольку развитие собственности стало мешать осуществлению основного права человека, право собственности перестало быть неприкосновенным. Эту мысль, чрезвычайно для него важную, Бабеф формулировал с полной определенностью. «Право на жизнь ...соответствующее всему тому, чего требует развитие и сохранение человеческого существа, предшествует праву собственности, праву условному» (droit de convenance ou de tolérance) [161]; именно оно «*первенствует* (prime) *над правом собственности*» (курсив наш.— *В. Д.*). «Естественное право, право на жизнь существует от рождения, оно является абсолютным правом; все остальные права — только условные» [162]. Общество, в котором развитие собственности привело к тому, что «здоровые люди вынуждены сложить руки вопреки своей воле и лишаются, таким образом, права на жизнь, это общество является безнравственным, гнусным и совершенно разложившимся» [163].

С таким общественным строем мириться нельзя. «Жить — в том смысле, который нужно придавать этому слову,— это право, стоящее выше всего того, что люди до сих пор, разумно или ошибочно, окрестили названием права; отсюда вытекает, что его следует требовать, поддерживать, сохранять, вновь восстанавливать всеми возможными средствами. Хитрость или *насилие* (курсив наш.— *В. Д.*) ничто при этом не является незаконным... Право на жизнь содержит в себе абсолютное право бороться со всем тем, что так

---

[159] Там же, стр. 34.
[160] Там же, стр. 45.
[161] Там же, стр. 35.
[162] Там же, стр. 42.
[163] Там же, стр. 46.

или иначе противится или мешает осуществлению этого права. Нападать, в этом случае, значит только защищаться»[164].

В том, что существующий социальный строй не может сохраниться в прежнем виде, у Бабефа нет никаких сомнений. «Не будучи пророком, можно предвидеть, что придут времена, когда эти печальные слова: нужда, бродяги, нищие или босоногие (va nus pieds), которые с таким презрением кидают каждому бедняку, как бы он ни был честен, навсегда исчезнут из наших словарей»[165]. На этом он настаивает в первых же строках своего июньского письма: «Поверьте мне, что все придется разрушать, все придется переделывать, пока не будет срыто до основания здание, не пригодное для благополучия всех людей, и пока его вновь не примутся воздвигать с самого основания, по совершенно новому плану, в полном соответствии с требованиями свободного и совершенного развития»[166].

Приближается время, когда собственность почувствует «грозную опасность». Бабеф очень точно формулирует причины этого: «Существует такое ужасающее несоответствие между богатыми вверху и бедняками внизу, положение одних настолько подавляет, а других настолько подавленное, что жертвы этого чудовищного неравенства не могут не роптать против него. Так возникают идеи реформы или восстания (de réforme ou de révolte). Они овладевают всеми умами, встревоженными и возмущенными таким положением. Те, кто страдают, и те, кто, не перенося сами таких страданий, живо сочувствуют несчастьям других, упрекают высокопоставленных фаворитов собственности»[167].

Поддерживая требование раздела крупных ферм, Бабеф видел в нем только первую попытку «перераспределения»: «дележ ферм только самая незначительная уступка, с которой они (крупные собственники.— *В. Д.*) должны поспешить прежде всего»[168]. Но у Бабефа одновременно складывается план гораздо более радикальных общественных преобразований. В том же письме Бабеф указывал: «Тем не менее, если зло, которое уже теперь достаточно велико, еще более разовьется, придется между собой сговориться (il y aura bien necessité de s'entendre). Те, кто владеет, будут владеть и впредь (ceux qui ont, auront). Но для общества и для них самих не было бы гораздо выгоднее, если бы *они никогда ничего не имели* и если бы каждый из нас появлялся на свет... *в совершенно обновленном мире, где все было бы общим*» (où tout serait à prendre en commun) (курсив наш.— *В. Д.*)[169]. Правда, Бабеф тут же осторожно оговаривается, что «так как этого нет и социальное здание не может быть заново перестроено до основания, нужно стараться приспо-

[164] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 33—34.
[165] Там же, стр. 46—47.
[166] Там же, стр. 1.
[167] Там же, стр. 43—44.
[168] Там же, стр. 9.
[169] Там же, стр. 44.

собить то, которое существует, улучшая его»[170]. Но эта оговорка явно не соответствовала подлинным взглядам и намерениям Бабефа.

IV

В свете всех этих очень глубоких размышлений Бабефа, содержащихся в не отправленном им Дюбуа де Фоссе июньском письме 1786 г., становятся гораздо более понятными некоторые более поздние его письма к секретарю Аррасской академии, опубликованные в свое время Адвиеллем.

26 октября 1786 г. Дюбуа сообщил Бабефу, что ознакомился с проспектом произведения, имеющего странное название: «Предвестник полного изменения мира, благодаря благосостоянию, хорошему воспитанию и всеобщему процветанию всех людей или проспект патриотического мемуара о причинах существующей повсюду великой нищеты и средствах ее полного уничтожения». Автором этой утопии, как выяснилось только недавно, при изучении архива замка Фоссе, был адвокат Клод-Бонифас Колиньон (Collignon), которому Дюбуа адресовал 16 писем. К самому проспекту Дюбуа отнесся довольно пренебрежительно: «Все это имеет очень серьезный вид, но, в действительности, вызывает смех»[171].

Но у Бабефа это сообщение вызвало совершенно другое отношение. «Автор „Предвестника изменения мира" мне кажется на самом деле оригинальным,— отвечал он 5 ноября 1786 г.,— но его оригинальность мне нравится и я далек от того, чтобы осуждать его взгляды и его намерения, о которых я очень хотел бы узнать подробнее. Большинство будет, вероятно, глумиться над ним, но возможно, он встретит людей, которые, подобно ему, проникнуты теми же чувствами человечности и патриотизма». Бабеф настойчиво и неоднократно добивался у Дюбуа подробного изложения содержания „Предвестника"»[172].

Разъяснения Дюбуа последовали не скоро. В марте 1787 г. он обратился к Бабефу с предложением выдвинуть темы для очередного ежегодного конкурса, объявляемого Аррасской академией. Бабеф в письме от 21 марта предложил три темы. Об одной из них — о нецелесообразности сохранения трехпольной системы — мы уже говорили. Второй вопрос был посвящен реформе налогового обложения в связи с разрабатывавшимся тогда Бабефом планом «Постоянного кадастра». Третий вопрос, давно уже привлекавший внимание всех биографов Бабефа, был сформулирован так: «При

---

[170] Там же.

[171] «Correspondance...», p. 22—23.— О Колиньоне см. в рецензии Домманже.— AHRF, 1962, N 167, p. 116—117; биография его до сих пор никем не изучалась.

[172] «Correspondance...», p. 29. В «Каталоге книг, обещанных г. де Фоссе», посланном Бабефом 17 марта 1787 г., он просил сообщить «подробности об оригинальном трактате „Предвестник полного изменения мира"».

общей сумме уже достигнутых сейчас знаний, каково будет положение народа, социальные установления которого будут таковы, что между всеми его членами будет царить *самое совершенное равенство* (la plus parfaite égalité), что земля, на которой он живет, *не будет принадлежать никому в отдельности, а всем*, что, наконец, *все будет общим, вплоть до изделий всех видов промышленности*. Подобные установления разрешаются ли естественным законом? Возможно ли, чтобы такое общество существовало и осуществимы ли способы *совершенно равного распределения*» (курсив наш.— *В. Д.*)[173]. Бабеф добавляет, что по всем этим вопросам он мог бы высказать гораздо более подробные соображения и что, в случае, если «ученое сообщество» предложит эти темы, он «несомненно попытается их обсудить»[174].

Тем временем Дюбуа в нескольких письмах (14 марта, 5 апреля, 8, 12, 16, 18, 21 июня) изложил в крайне ироническом тоне предложения автора «Предвестника» о питании, одежде, жилище, воспитании в будущем, обновленном обществе. Но Бабеф отнесся к этим планам совершенно по-иному.

Как раз в это время в переписке был затронут вопрос о создании единого законодательства. Дюбуа жаловался на то, что в начале царствования Людовика XVI был упущен момент для постановки вопроса о ликвидации «местного права», многочисленных провинциальных «обычаев» и о введении единого кодекса. Дюбуа казался наиболее подходящим прусский кодекс Фридриха II. Но Бабеф нашел это предложение слишком ограниченным, неспособным уничтожить зло в самом его корне, и решительно противопоставил взглядам Дюбуа проект автора «Предвестника».

«И тот, и другой,— писал Бабеф 8 июля 1787 г. об обоих проектах,— направлены, как будто бы, к общему благу. Но есть мечта и мечта, парадокс и парадокс,— я не знаю, какому из двух мыслителей я отдал бы предпочтение... Апостол всеобщего кодекса стремится к тому, чтобы людям всех сословий, во всех странах были предоставлены одинаковые права в отношении наследства — это *было бы очень хорошо*. Но автор всеобщего преобразования хочет, чтобы всем людям без различия была бы предоставлена совершенно равная доля во всех благах и преимуществах, которыми только можно пользоваться в этом мире,— и это мне кажется *гораздо лучше*»[175].

Введение единого кодекса является «слишком ничтожным паллиативом для такого большого зла». Оно «нисколько не помешает тому, чтобы мои дети рождались нищими и лишенными всего, тогда как дети моего соседа, миллионера, только открыв глаза, жили

---

[173] ЦПА ИМЛ, 32 В VII; «Correspondance...», p. 71.

[174] ЦПА ИМЛ, 32 В VII. Дюбуа ответил Бабефу, что вопрос этот «очень важен, заслуживает размышления и может вызвать обсуждение... Мы используем его в соответствующее время» («Correspondance...», p. 74).

[175] «Correspondance...», p. 109.

бы уже в полном изобилии. Оно не помешает тому, чтобы этот сосед, чванящийся своим огромным состоянием, не презирал меня только за то, что я бедняк, униженный бременем нищеты». Бабеф противопоставляет этому план автора «Предвестника». «Но как мне нравится автор всеобщего преобразования! Как досадно, что он не раскрыл способы его осуществления... Ясно, что его план охватывает все, и после того, как его предложения будут осуществлены, я не предвижу возможности какого-либо преступления, требующего наказания, кроме пренебрежения к общему труду для всего человеческого общества. Вероятно, для всего этого потребуется, чтобы короли сложили свои короны, а все лица, владеющие титулами, отказались от своих санов, должностей и званий. Но это не должно нас остановить. *Для того, чтобы совершить великую революцию, нужно осуществить великие перемены*» (курсив наш.— *В. Д.*) [176].

Бабеф сравнивает взгляды «Всеобщего преобразователя» и Руссо. Он признает великую заслугу автора «Эмиля», выяснившего, что возникновение собственности привело ко всем бедствиям, которые постигли человечество. Но Руссо осуждал и весь научный прогресс, достигнутый человечеством. Его стремление вернуть общество к «естественному», первобытному состоянию не встречает никакой поддержки у Бабефа. «Мне кажется,— пишет он,— что наш Преобразователь делает гораздо больше, чем женевский гражданин, которого я иногда склонен считать чистым мечтателем. Он мечтал хорошо, но наш человек мечтает лучше. Как и тот, он считает, что все люди совершенно равны, что они ничем не должны владеть в отдельности, а *пользоваться всем сообща* (курсив наш.— *В. Д.*), так, чтобы, рождаясь, каждый человек не был бы богаче другого и пользовался не меньшим уважением со стороны окружающих. Но вместо того, чтобы отсылать нас, как господин Руссо, в чащу лесов, чтобы мы, усевшись под дубами, утоляли жажду из первого попавшегося ручейка и отдыхали под тем же дубом, под которым мы найдем себе пропитание, наш Преобразователь предлагает нам питание четыре раза в день, очень изящно нас одевает и дает каждому из нас, отцов семейства, прекрасные дома в тысячу луи... Что ж, прекрасно! Виват! Что касается меня, я готов стать одним из первых переселенцев, которые отправятся в эту новую республику.

С моей стороны не встретится трудностей, чтобы приспособиться ко всему, что потребуется. Лишь бы я мог жить в счастье и довольстве, не зная тревоги ни за участь моих детей, ни за свою собственную» [177].

В этой связи Бабеф высказывает свои самые горячие симпатии к людям физического труда, притом не только к крестьянам, но именно к рабочим. «Для меня не составит никакого труда обра-

[176] ЦПА ИМЛ, 95 В VII; «Correspondance...», p. 110.
[177] Ibid, p. 111.

щаться как с равным с работником, который будет меня причесывать, или с тем, кто будет изготовлять мою обувь. Так оно и должно быть. Разве существование этих полезных работников не является необходимостью? Если вкус и природные наклонности привели их к этой профессии, а не к изучению законов, разве из-за этого общество должно рассматривать их как лиц, менее интересных для него, чем те, чьи склонности или способности привели к занятию судейских должностей? Не все люди могут быть судьями, и те, кто ими стал, затратили, возможно, меньше труда, чем какой-нибудь несчастный рабочий, к которому судьба оказалась неблагосклонной, для изучения простого ремесла. Разве это его вина, если при рождении он не получил более счастливых наклонностей...» [178]

Для Бабефа, жившего в Сантерре, в центре распространения чулочновязального производства, очень характерно, что он избирает в качестве примера профессии, достойной всяческого уважения, вязальщика чулок: «Он научился только вязанию. Прекрасно: он будет вязать чулки для крестьян, для поваров, для виноделов, для производителей тканей, для портных, для сапожников, для парикмахеров, для каменщиков, для юристов и т. д., а те, в свой черед, обеспечат ему хлеб, хороший стол, вино, одежду, обувь, завивку волос, жилище... Когда наша новая Республика будет образована, все полезные сословия (а других тогда, наверное, и не останется) будут пользоваться одинаковым уважением» [179].

Почти все исследователи биографии Бабефа признавали огромную, принципиальную важность этих мыслей. Они отнюдь не были случайны. Недаром формулировки в июньском письме 1786 г. об обществе, в котором «все было бы общим» (tout serait à prendre en commun), почти дословно совпадают с высказываниями в теме для конкурса об обществе, где «все стало бы общим» (tout fût commun), и только что приведенной фразой о том, что люди «не должны владеть ничем в отдельности, но пользоваться всем сообща (jouir de tout en commun)».

Установление полного социального равенства было уже тогда для Бабефа основной задачей, к которой следует стремиться. «Первый из всех законов... великий закон равенства» [180]. «Подлинная цивилизация... может быть только результатом уравнения, оно содействует улучшению и не уничтожит ничего, кроме того, что препятствует уравнению» [181].

---

[178] ЦПА ИМЛ, 95 В VII; «Correspondance...», p. 111.

[179] «Correspondance...», p. 111—112. На Дюбуа де Фоссе аргументы Бабефа, конечно, не подействовали. «К сожалению, этот [проект] который всем нравится, совершенно не практичен, и чем больше над ним задумываешься, тем яснее, что это только — мечта. Как жаль! Мы имели бы рай на земле, а к этому мы не призваны» («Correspondance...», p. 118). Это показывает всю неосновательность предположения Л. Жакоба, будто Дюбуа де Фоссе «сильно повлиял на формирование коммунизма Бабефа» (см. AHRF, 1936, N 74, p. 170).

[180] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 33.

[181] Там же, стр. 28.

В этом духе рассматривает Бабеф и вопрос о женском равноправии. В том же июньском письме 1786 г. содержатся блестящие страницы, сближающие его с Ш. Фурье, проникнутые огромным воодушевлением и посвященные необходимости уравнения женщины с мужчиной во всех правах. Подчиненное положение женщины Бабеф считает «самой отвратительной, самой гнусной несправедливостью». Он рассматривает его как «заговор одной половины человеческого рода, чтобы удержать под свом игом другую часть» [182], которая, однако, по своему предназначению, по своим способностям решительно ничем не отличается от первой.

Причины установления неравенства женщин, по мнению Бабефа, во многом сходны с теми, которые привели к установлению господства феодалов,— это культ физической силы, физического превосходства.

Но с тех пор как появились порох и огнестрельное оружие, чисто физическая сила уже утратила в значительной мере свое значение. «Если обратиться к корням генеалогического дерева наших крупных фамилий, родоначальником обычно является воин, все заслуги которого состояли в огромном превосходстве физической силы,— таков был принцип его дворянства. Но его потомство не сохранило этого наследства, и превосходство, на основании которого его называли дворянином, больше не существует; его отличие от всех остальных является совершенно фиктивным; это одно из отличий, смертельных для братства».

Так же, как господство дворянства держится только благодаря предрассудкам и не в состоянии сопротивляться «доводам философа», так и господство над женщиной, ее неравенство должно быть уничтожено. «Мириться с неравенством, значит соглашаться с развращением человеческого существа». Бабеф чрезвычайно убедительно доказывает, что существующие условия «убивают гений» женщины, не дают ей возможности развить все свои способности. Опыт доказывает, что в тех случаях, когда женщине давали возможность проявить себя во всех областях,— в науке, в политике, в хозяйстве — она проявляла себя блестяще. «Разве мы не видим,— восклицает Бабеф,— как ежедневно женщины успешно доводят до конца переговоры, в которых их мужья, и притом самые изворотливые, терпят поражение! Они превосходно проявили бы себя в дипломатии. Сколько коммерческих предприятий процветало под руководством женщин,— не один муж восстанавливал свое состояние и пришедшие в упадок дела, после того, как он доверял руководство ими своей подруге, более смышленой или более энергичной, чем он... Хозяйств, управляемых таким образом, совсем не так мало. Сколько женщин являются оракулами своих мужей, ...не принимающих ни одного сколько-нибудь серьезного решения без того, чтобы предварительно с ними не посоветоваться» [183].

[182] Там же, стр. 27.
[183] Там же

Женщина должна быть восстановлена в своих правах, считал Бабеф, «ей должна быть предоставлена свобода, которая принадлежит ей, так же, как и нам». Это устранение одного из наиболее вопиющих видов неравенства явится лишь одним из шагов к восстановлению полного равенства: «Еще одним видом неравенства меньше; так будет происходить при каждом успехе прогресса в обществе, вплоть до того, что совершенно исчезнет всякое неравенство. Прогресс, по моему мнению, состоит именно в выравнивании» (le progrès n'est, je crois, que du nivellement) [184].

Только установление равенства приведет к полному обеспечению «права на жизнь». Общество должно само определить необходимые размеры, требуемые для полного удовлетворения этого права. Оно должно «справедливо декретировать *точную меру* (étalon), в соответствии как с общими ресурсами, так и с ресурсами местными. Право на жизнь образуется из всего необходимого человеческой организации для того, чтобы она постоянно имела все, в чем она нуждается. Право на жизнь измеряется на душу населения пропорционально возрасту. Каждый взрослый, независимо от пола, считается за единицу, ребенок до 7 лет за $^1/_4$, до 10 лет — за $^1/_3$, до 14 лет — за $^2/_3$, до 18 лет — за $^3/_4$ единицы» [185]. Распределение «общего продукта» должно происходить так же, как и на коллективных фермах,— часть оставляется для посева и потребления, часть идет на общественные нужды и для покрытия доли, полагающейся собственнику, все остальное продается или обменивается, а затем «распределяется между всеми заинтересованными лицами. Управление поручается по их выбору наиболее способному...; нет слуг, существуют только члены сообщества; собственник — не выше всех остальных». Бабеф глубоко уверен, что такой строй обеспечит полное изобилие. «Хилых, тщедушных, истощенных, одичавших, впавших в уныние» людей сменят тогда «здоровые, бодрые, энергичные, веселые, неутомимые, умные, полные духа соревнования. С ними все будет процветать, и в этих условиях, если даже население мира станет в два-три раза больше, на что уйдут века, это не помешает тому, чтобы всем была полностью обеспечена жизнь» [186]. *Идеи экономического пессимизма совершенно не свойственны были Бабефу.*

Таковы, в общих чертах, социальные взгляды Бабефа в 1785—1787 гг., как они отражены в переписке с Дюбуа де Фоссе. Совершенно очевидно, что в ней, хотя далеко еще не в законченной форме, сформулирован целый ряд важнейших идей, характерных для мировоззрения Бабефа.

Формирование этого мировоззрения происходило под сильнейшим влиянием великих мыслителей XVIII в. Не подлежит ни малейшему сомнению огромное воздействие Руссо. Не случайно, что

---

[184] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 22.
[185] Там же, стр. 39.
[186] Там же, стр. 40.

в своем втором мемуаре 1786 г. о «дорогах в Артуа и важности их сокращения», носившем как будто бы чисто технический характер, Бабеф счел нужным привести подробную цитату из «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» [187]. Это произведение, в котором, по словам Энгельса, учение Руссо «почти нарочито выставляет напоказ печать своего диалектического происхождения» [188], произвело на Бабефа огромное впечатление: из него он очень много почерпнул для понимания вопроса о роли собственности в образовании общественного неравенства. Но, кроме этой «Речи», Бабефу были знакомы и другие произведения Руссо, прежде всего его «Общественный договор». Одну из мыслей этой книги, что совершенным обществом может считаться только такое, в котором «каждый имел бы достаточно и никто не имел бы слишком много», Бабеф цитировал многократно и всегда называл «эликсиром «Общественного договора» » [189]. Так же внимательно изучал он «Эмиля». Изложенных там правил воспитания он придерживался совершенно пунктуально при воспитании своих детей.

Бабеф часто сравнивал поведение Руссо, его судьбу со своей собственной. «У меня, в некоторой мере, характер философа,— писал он позднее, в 1793 г., голландцу Макерстроту,— у меня нет обычного недостатка французов, их болтливости. Напротив, я лаконичен, как спартанец, я размышляю, обдумываю, так же как это делал в свое время Руссо. Поиски способов осуществления всеобщего благополучия являются для меня, как и для него, постоянным занятием» [190]. Объясняя в 1791 г. аббату Купе, члену Законодательного собрания, причины своей «застенчивости и нелюдимости», Бабеф отмечал, что и Руссо, по его собственному признанию, никак не мог преодолеть этих черт своего характера, возникших вследствие его постоянных размышлений. «Он, вы и я,— писал Бабеф,— все мы немного напоминаем друг друга. Нас всех занимает одна цель» [191].

Однако, несмотря на все преклонение перед Руссо, у Бабефа уже в этот период появляется и критическое к нему отношение. Вопрос о «пределах веры в Жан-Жака», о тревоге, которую вызывают в нем «странности» Руссо, Бабеф впервые поставил перед Дюбуа в связи с проблемой воспитания своих детей. Автор «Эмиля», как известно, не придавал значения собственно обучению, он не видел ничего предосудительного в том, что его Эмиль обучился чтению только в 12 лет. Бабефу это казалось сомнительным. Он

---

[187] ЦПА ИМЛ, 96 В VII; V. Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf, v. II, p. 5.

[188] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 143.

[189] «Le Tribum du peuple», N 35. См. также брошюру Бабефа «Du système de la dépopulation ou la vie et les crimes de Carrier». Уже после революции Бабеф ознакомился с «Исповедью», в одной из своих записей он назвал ее «шедевром анализа» (chef d'oeuvre d'analyse) — ЦПА ИМЛ, 26 В III.

[190] ЦПА ИМЛ, 76 В IV.

[191] A. Espinas. La philosophie sociale en XVIII siècle. Paris 1898, p. 404.

готов был обучать грамоте свою четырехлетнюю девочку Софью, «если бы мнение женевского гражданина не имело для меня такого веса». Но Бабеф колебался и в гораздо более серьезных вопросах. Так, он отвергал призыв Руссо вернуться к естественному состоянию. Социальные проекты Руссо, как мы видели, казались ему слишком ограниченными. В одном из писем к Дюбуа он характеризовал Руссо, как «автора чисто идеальных систем», в то время как самого Бабефа интересовало прежде всего не «идеальное», а «реальное благополучие».

Но помимо Руссо, на Бабефа оказали совершенно очевидное влияние и чисто коммунистические мыслители XVIII в. В полемике по вопросу о генезисе коммунистических воззрений Бабефа, ведшейся в 1958 г. на страницах журнала «Annales Historiques de la Révolution française», английский исследователь Кое высказал предположение, что наиболее сильное влияние на формирование идей бабувизма оказал Морелли [192]. У нас нет, однако, данных для того, чтобы утверждать, что Бабеф был знаком до революции с «Кодексом природы». В. П. Волгин считал это очень мало вероятным [193]. Зато мы имеем совершенно несомненные доказательства того, что он еще до 1789 г. был знаком с произведениями Мабли и очень внимательно их изучал.

Темой для конкурса, предложенной Бабефом, как мы видели, был вопрос о возможности создания общества «совершенного равенства («égalité parfaite»). Эта формула «égalité parfaite» как цель, к которой должны быть направлены стремления человечества, впервые встречающаяся у Бабефа в 1787 г., неоднократно повторялась им в годы революции. «Как мы далеки,— писал он 3 октября 1791 г. Купе.— от этой замечательной мечты совершенного равенства (du fameux rêve d'Egalité parfaite), которую я стремительно рисовал в Бове» [194]. Весной 1793 г. свой проект законодательства Бабеф озаглавил «Законодательство санкюлотов или совершенное равенство» [195]. Но автором формулы «совершенного равенства» как своеобразной «конечной цели», которую так упорно повторял Бабеф, был не он. В своей защитительной речи на Вандомском процессе он указал, что почерпнул ее у Мабли, и воспроизвел текстуально фразу, которая так прочно засела в его сознании еще в 80-х годах.

В «Законодательстве или принципах законов», опубликованном в 1776 г., Мабли писал: «Равенство необходимо людям. Природа сделала из него закон для наших предков, и она провозгласила свои

---

[192] AHRF. 1958, N 150.

[193] «Мне кажется несомненным, что во время переписки с Дюбуа де Фоссе Бабеф еще не знал Морелли» (из письма В. П. Волгина в редакцию «Французского ежегодника» от 8 октября 1957 г.).

[194] ЦПА ИМЛ, 111 В VI (3 октября 1791 г.). Бабеф имеет в виду свои встречи с Купе в Бове осенью 1791 г., о которых мы еще упомянем.

[195] ЦПА ИМЛ, 3 В II.

намерения настолько ясно, что обойти их нельзя. В самом деле, кто может отрицать, что, выходя из ее рук, мы находимся в состоянии *самого совершенного равенства* (la plus parfaite égalité — курсив наш.— *В. Д.*). Не дала ли она всем людям одинаковые органы, те же потребности, тот же разум? Разве блага, которые она распространила на земле, не принадлежат сообща всем? Где вы найдете принцип неравенства? Создала ли она каждому частное наследственное имущество (un patrimoine particulier)... Нет, не она создала богатых и бедных» [196].

О влиянии Мабли говорит, в частности, и сохранившаяся в архиве Бабефа запись, сделанная в 1789 г. во время редактирования «Постоянного кадастра», следующего содержания: «Цитата Мабли, относящаяся к равенству людей, последняя страница обращения к жителям Шампани» [197].

В своих размышлениях над социальными проблемами Бабеф, вероятно, испытывал влияние и других мыслителей. В его записях 1791 г. мы встречаем ссылки на известную социальную утопию Себастьяна Мерсье «2440 год», пользовавшуюся тогда очень большой популярностью не только во Франции, но и в Германии [198]. Возможно, что Бабеф был знаком с этой утопией еще до революции,— и этим объясняется его интерес к газете Мерсье «Annales patriotiques», которую Бабеф внимательно читал с самого начала революции [199].

Симпатии Бабефа к коммунизму, столь явно проявившиеся в его переписке с Дюбуа де Фоссе, никак нельзя считать «полуинстинктивными». Они основаны, как мы видели, не только на очень внимательном наблюдении над окружавшей Бабефа социальной действительностью, с ее складывавшимися капиталистическими отношениями, не только на его глубоком сочувствии к страданиям народных масс, но и на достаточно серьезном изучении взглядов передовых мыслителей XVIII в. и притом не только эгалитаристов, но и коммунистов, прежде всего Мабли. Именно у него будущий руководитель движения «во имя равенства» мог почерпнуть — и, вероятно, почерпнул,— свой идеал «совершенного равенства» (égalité parfaite). Поэтому определение социальных взглядов Бабефа накануне революции, как только эгалитаристских, кажется нам недостаточным.

В. П. Волгин, превосходно проанализировавший различие между эгалитаризмом и социализмом, указал, что для идеи уравнительного передела характерно стремление к укреплению «за

---

[196] Mably. De la législation ou principes des lois. Amsterdam, 1776, p. 57—58.

[197] ЦПА ИМЛ, 9 В III. См. также упоминание о Мабли в записи Бабефа 17 июля 1791 г., после расстрела на Марсовом поле: «Благо народа — высший закон. Мабли». ЦПА ИМЛ, 26 В III.

[198] S. Mercier. L'an 2440 ou rêve s'il en fût jamais. 1772. Запись Бабефа — см. ЦПА ИМЛ, 45 В II.

[199] В архиве имеются многочисленные выписки Бабефа из газеты Мерсье (см., например, ЦПА ИМЛ, 18, 19 В I).

каждым некоего индивидуального владения, равенства на основе частного владения». Цель эгалитаризма состоит в устранении «недостатков индивидуалистического производства, *при сохранении его индивидуалистического характера*» (курсив наш.— *В. Д.*). В противоположность этому цель социализма состоит в преодолении этого индивидуализма «при помощи общественной организации труда на базе общественных средств производства» [200].

Но проект «коллективных ферм», выдвинутый Бабефом в 1785—1786 гг., достаточно ясно говорит о том, что он не стремился к сохранению индивидуального владения. «Равенство на основе частного владения» уже тогда отнюдь не являлось его целью. Преимущества общественной организации труда были для него вполне очевидны. Владение «сообща» (en commun) уже тогда представлялось Бабефу основным, определяющим признаком общества, к созданию которого он стремился, общества «совершенного равенства».

Социальные взгляды Бабефа накануне Французской революции далеко еще не приняли законченной формы, очень многие вопросы оставались еще для него совершенно неясными. Если он уже в это время являлся решительным врагом «крупной собственности» во всех ее видах, то его отношение к «скромной собственности» (propriété modique) еще не вполне определилось, хотя он понимал все присущие ей недостатки. У него не было еще плана коммунистических преобразований, он жаловался поэтому на то, что автор «Предвестника» не раскрыл те средства, с помощью которых он надеется осуществить свой план. Наконец, его политические идеи носили еще самый общий революционный характер, в них почти ничто еще не предвещало того, с чем вошел в историю коммунистической мысли будущий «трибун народа».

Только огромный опыт Французской революции, прежде всего якобинской диктатуры, позволил Бабефу сделать следующий, решающий шаг в формировании его революционно-коммунистического мировоззрения. Однако коммунизм, вопреки утверждениям Альбера Матьеза, не был для Бабефа и до революции только «фасадом»,— уже тогда планы коренного социального переустройства стояли в центре его размышлений.

V

Дюбуа де Фоссе в одном из писем задал Бабефу вопрос: характер какого человека следует предпочесть — чувствительного (sensible) или безразличного (indolent). Отвечая Дюбуа 5 ноября 1786 г., Бабеф отдал решительное предпочтение человеку чувствительному. Читая его ответ, нетрудно заметить, как много в нем автобиографических признаний. Если чувствительный человек, писал Бабеф, подвергает тяжелым испытаниям свою душу, он испы-

---

[200] В. П. Волгин. Эгалитаризм и социализм.— «Очерки по истории социализма». М., 1935, стр. 383.

тывает зато чувства, «вся отрада которых неизвестна уравновешенному сердцу безразличного человека. Одному бедствия людей представляются совершенно призрачными..., а другого они постоянно терзают (fait le tourment de ses jours). В большинстве случаев чувствительный человек, мне кажется, должен быть гуманным, а человек апатичный или ничем себя не проявляет, или оказывается варваром. Какой контраст между поведением этих людей в самые приятные моменты их жизни, когда они выполняют обязанности гражданина, супруга, отца! Этих доводов для меня достаточно, чтобы без дальнейших размышлений отказаться от грубого спокойствия безразличного человека» [201].

Бабеф не преувеличивал, когда писал, что зрелище окружающих его бедствий (maux) заставляет его «постоянно терзаться». Эти чувства неоднократно прорывались в его письмах. Бабефа возмущали не только те бедствия народа, которые он наблюдал во Франции.

Мы уже знакомились с его мыслями по поводу положения крепостных крестьян в «Московии, Литве, Германии». Такое же возмущение вызывало в нем положение негров и вообще населения колоний. На стихах Саси о неграх в Америке он сделал такую пометку: «Когда негр совершает побег в первый раз, ему отрезают уши, во второй раз — подколенки (jarrets), в третий раз его осуждают на смерть. Поразительно, что закон предусматривает третий побег (смотри: кодексы для негров)» [202]. Возвращая Дюбуа мемуар о колониях, Бабеф присоединяется к данному в нем «смелому и патетическому» описанию «мерзостей» и «жестокостей», творимых в колониях. «Но что еще более печально,— пишет Бабеф,— все эти мерзости совершаются нашими ближайшими братьями, которые своим преступным поведением вынуждают нас признать, что мы же сами перенесли в другое полушарие самые отвратительные пороки, позорящие наше общество. Создается впечатление, что от некоторых из них мы готовы отказаться, но только под странным условием, что мы отправимся осквернять землю, которая до сих пор сохраняла... первобытную невинность и чистоту» [203].

Бабеф был глубоко убежден, что все эти «гнусности», все бедствия и несправедливость должны исчезнуть, что «солнце истины» должно вот-вот засверкать. «Сейчас появились великолепные взгляды,— писал он Дюбуа 27 ноября 1786 г.—...Повсюду справедливые идеи сменяют те, которые были основаны только на ошибках. Святая философия пустила ростки во всех сердцах и приносит плоды, каких только можно пожелать. Есть основание ожидать, что вскоре, наконец, она будет править повсюду и для блага человечества будет установлено ее славное и вечное царство, основанное на развалинах господства роковых предрассудков, же-

---

201 «Correspondance...», p. 28.
202 ЦПА ИМЛ, 21 В VII.
203 «Correspondance...», p. 92.

стокого фанатизма и опасного суеверия»[204]. Бабеф — убежденный просветитель, глубоко уверенный в предстоящем торжестве этой новейшей философии, «философии, столь соответствующей правам человека, философии, которую я так люблю, которая является гордостью нашего века и которая создает полное счастье для всех будущих поколений»[205]. Эта уверенность в неизбежности скорого торжества новых идей, идей просвещения пронизывает всю его переписку: «О, предрассудки, предрассудки! Трепещите перед голосом разума, который хотя бы по праву старшинства должен получить превосходство над всем. Будем надеяться, что в этом, менее несчастном столетии, он все чаще заставит к себе прислушиваться и, в конце концов, уничтожит ваше хрупкое царство, трон и главные опоры которого, к счастью, уже расшатаны»[206].

Это страстное воодушевление «чувствительного» человека и некоторая «апатичность» «уравновешенного» Дюбуа постепенно создавали между обоими корреспондентами все большее отчуждение. На первых порах переписка вызывала у Бабефа огромный интерес. Это был в известной степени экзамен на его «интеллектуальную зрелость», и это испытание он прошел успешно. Но Бабефа все больше разочаровывали практическая бесполезность этой переписки и чрезмерное многословие Дюбуа. Свою огромную переписку с множеством корреспондентов Дюбуа имел привычку нумеровать. Благодаря этому мы узнаем, что за первые полтора года своего пребывания секретарем академии (между 3 декабря 1785 г. и 15 мая 1787 г.) он успел написать 2988 писем. К 11 марта 1788 г. это число возросло до 4819[207].

Дюбуа, особенно в последний период их переписки, все чаще ставил перед Бабефом вопросы, поражающие своей пестротой и чаще всего своей полнейшей бесполезностью. Среди этих вопросов, наряду с просьбой прислать сведения о ценах на хлеб, которую Бабеф выполнил с готовностью и большой тщательностью, были вопросы о земном притяжении, об андиометрах, о полезности прививок, о причинах появления роскоши, о магнетизме и электричестве, о причинах, обусловивших окраску кожи у негров, о пищеварении у мух (!), о времени появления водяных мельниц, о том, что труднее писать — трагедию или комедию, больше ли разница между поэтом и прозаиком, чем между прозой и поэзией. Он посылает Бабефу письмо для вручения самой передовой женщине Руа (la femme la plus éveillée) и просит сообщить ему «портрет всех дам г. Руа».

---

204 «Correspondance...», p. 36.

205 ЦПА ИМЛ, 13 В VII; «Correspondance...», p. 32.

206 ЦПА ИМЛ, 16 В VII; «Correspondance...», p. 48.

207 Значительная часть этих писем являлась своего рода «циркулярами», часть текста представляла собой стереотипное обращение, рассылавшееся всем корреспондентам, но в каждое из писем вставлялась часть, предназначенная только данному адресату. Издателями «Correspondance...» проделана большая работа, в результате которой в издании особым шрифтом выделена та часть письма, которую Дюбуа адресовал только Бабефу.

Бабефа это начало раздражать. «Вы как бы забавляетесь тем,— писал он 5 сентября 1787 г.,— что проверяете мои силы и добиваетесь от меня, чтобы я запросил пощады... Какое варварское удовольствие так обременять человека, и без того измученного своей слабостью... Но я предпочитаю сознаться в своем невежестве, чем щеголять мнимой эрудицией... и ставить себя в самое смешное положение» [208]. Как раз в это время Дюбуа задал ему очередной вопрос: «Почему негры являются неграми»? Это вызвало новую вспышку Бабефа: «С таким же успехом можно было бы просить меня говорить по-арабски. В моем последнем письме я уже просил вас пощадить меня и не ставить больше таких вопросов» [209].

Следующее письмо Дюбуа принесло новые вопросы. «Теперь об электричестве!, о магнетизме!»,— с явным раздражением отвечал Бабеф, который проявил, однако, в этом вопросе некоторую осведомленность, высказав мнение, что «магнетизм» как панацея при лечении болезней, столь же ненаучен, как и «месмеризм» [210].

Несмотря на всю сдержанность Бабефа, необходимость приспособляться к тому, что сам он называл «badinage»,— легкому, изящному, шутливому стилю, который так прельщал Дюбуа, его явно тяготила.

Бабефа явно утомлял и разбор более чем второстепенных литературных произведений, присылавшихся ему Дюбуа. Он не мог удержаться от критики стихов самого Дюбуа по поводу свадьбы своего друга, тоже довольно плодовитого и посредственного литератора, Таранже: «Стихи, которые завершают произведение... очень монотонны, по вполне понятной причине, и это может кое у кого вызвать подозрение, что писание этих стихов не стоило поэту никаких усилий» [211].

Летом и осенью 1787 г. письма Бабефа стали очень редкими. Одной из причин была болезнь и смерть первой дочери Бабефа — Софии, явившаяся для него тяжелейшим ударом. Уже в июле 1787 г., когда с дочерью произошел несчастный случай (она обварила кипятком оба бедра), Бабеф писал Девену: «Обратите внимание, как мало расположена ко мне судьба... Кажется, что моя злая звезда, как по ступеням. ведет меня к одному горю лишь затем, чтобы, пережив его, я в состоянии был бы сопротивляться неизбежно следующему, еще худшему. Хватит предисловий, до-

---

208 «Correspondance...», p. 134—135.

209 Ibid., p. 137. В первоначальном тексте было «по-древнееврейски» (hebreu).— ЦПА ИМЛ, 46 B VII.

210 ЦПА ИМЛ, 47 B VII; «Correspondance...», p. 138.

211 «Correspondance...», p. 135. Левый французский просветитель Дюлоран относился вообще довольно пренебрежительно к произведениям, как он говорил, «литературного кабачка Артуа» (V. A d v i e l l e. Op. cit., v. I, p. VI). О Дюлоране см. Л. С. Г о р д о н. Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения (вторая половина XVIII в.).— «Французский ежегодник. 1959». М., 1961, стр. 113—118.

статочно сказать, дорогой друг, что четыре дня назад я получил удар в самое чувствительное место» [212].

Внезапная смерть Софьи в ноябре того же года повергла Бабефа в полное отчаяние. Об этом можно судить по его письму к Буке 16 ноября, через два дня после похорон: «Я потерял все, да, решительно все... Моя дочь, мое нежное дитя, моя дорогая дочь, мой идол... тебя больше нет!.. Ты, которая так отвечала всем моим ожиданиям, на которую я всегда устремлял свои взоры; ты, которой природа так благоприятствовала самыми прекрасными своими дарами... Ты, чье юное сердце, казалось, так много обещало; ты, чья искренность, ум, чудесный характер проявились так необычно для детей твоего возраста, чья бодрость, сила, здоровье предвещали существо, перед которым с уважением должна была остановиться беспощадная смерть... Ты, ты, ты... О, боги... можно ли мириться с такой мыслью. Твой образ, твои черты, твоя тень меня преследуют повсюду, потому что ты всегда была со мной, потому что я постоянно больше всего был занят тобой, потому что ты была моей жизнью, моей любовью, моим божеством» [213].

Таким же безысходным горем проникнуто и письмо Бабефа к Дюбуа, написанное несколько дней спустя (22 ноября). Он вспоминает все усилия, приложенные им для воспитания дочери: «Все мои мысли, каждое мгновение, все внимание были обращены на дорогое существо, восхищавшее мою душу. Ничего не могло меня отвлечь. Я не довольствовался книгами, которые были у меня под рукой, теми сведениями, которые я раздобыл о физическом воспитании в самом раннем возрасте, я лично хотел посоветоваться с теми, о ком было известно, что они... успешно занимались подобными вопросами... (Я думаю, что осмелился бы обратиться к автору Эмиля, если бы он еще жил)» [214].

В письме есть глухой намек на тот продиктованный глубоким горем шаг, на который решился Бабеф. Он, по-видимому, проглотил часть сердца своей дочери. «Мои внутренности,— пишет он,— навсегда, да, навсегда вы будете чувствовать последствия перенесенного страшного страдания...» [215]

---

212 ЦПА ИМЛ, 16 В IV (13 juillet 1787).

213 ЦПА ИМЛ, 12 В IV.

214 «Correspondance...», p. 147.

215 Там же. См. G. d'E s s i g n y. Histoire de la ville de Roye, p. 400—401. «У него [Бабефа] были дети, которых он воспитывал в духе принципов „Эмиля". Потеряв свою шестилетнюю дочь (Софье было 4 года 2 месяца.— *В. Д.*), которую он очень любил, он вскрыл ее, извлек сердце, съел половину для того, чтобы, как он говорил, его дорогое дитя вернулось к своему первоисточнику; затем он привесил другую половину к груди и долго ее носил. Я бы не поверил этому, если бы в подлинности этого факта меня не заверил человек, достойный доверия, лично знавший Бабефа». Вероятно, этим человеком был Девен, издатель книги д'Эссиньи. Что в рассказе д'Эссиньи есть зерно истины, подтверждается и письмом Бабефа к Дюбуа, и сохранившимися письмами Девена и его жены: «Жертва, которую вы поглотили, свидетельствует о редко встречающейся привязанности» (ЦПА ИМЛ, 58 В VI — 20 ноября 1787 г.; см. также ЦПА ИМЛ, 97 В VI).

Но, несмотря на тяжелое несчастье, так потрясшее Бабефа, эта смерть привела бы, вероятно, только к временному перерыву в переписке, если бы не очевидное разочарование Бабефа в Дюбуа. Оно и было причиной прекращения переписки. Дюбуа де Фоссе пробовал обратиться к Бабефу еще с несколькими письмами в начале 1788 г.; на пять своих писем (от 13 января, 3, 18, 25 февраля и 11 марта) он получил только один короткий и сухой ответ. На нем переписка оборвалась [216].

Но этот разрыв был только одним из звеньев того открытого конфликта с окружающим миром, в который вступил тогда Бабеф. «Я всегда стремился не делать ничего наполовину»,— писал Бабеф Дюбуа в начале их переписки, характеризуя особенности своего характера. Секретаря Аррасской академии могли еще занимать пять тысяч писем, разосланных им за два года, его корреспондента «святая философия» увлекала уже в поток борьбы, охватывавшей тогда всю Францию.

---

[216] «Correspondance...», p. 152—160. По сообщению Ж. Дорваля (в личном письме), в 1795 г., во время пребывания в Аррасской тюрьме, Бабеф обратился с письмом к Дюбуа. Письмо это сохранилось в частной коллекции, владелец которой до сих пор не предоставил возможности с ним ознакомиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бабеф в предреволюционные годы

I

События, развернувшиеся во Франции с 1787 г., с момента созыва «нотаблей» для рассмотрения правительственных проектов выхода из финансового кризиса и предотвращения государственного банкротства, являются блестящим подтверждением ленинского определения признаков революционной ситуации. Параллельно «кризису верхов», все более обострявшемуся в последующие два года, вызывая его и, в свою очередь, усиливаясь под его воздействием, обозначился второй типичный признак революционной ситуации — нарастание недовольства народных низов, рост их активности, сознание полной невозможности «жить по-старому». В стране прорвался целый вихрь недовольства, находившийся до того как бы в латентном, «подспудном» состоянии. Небывалое оживление литературы, внезапное появление множества брошюр, памфлетов, нелегально распространявшихся стихотворений и эпиграмм, с резкой критикой Версальского двора — все свидетельствовало о никогда раньше не наблюдавшемся брожении. Это усиливавшееся пульсирование политической жизни отнюдь не прошло мимо Бабефа. Страстно ожидавший, как мы уже видели в 1786 г., «великих перемен» Бабеф очень чутко реагировал на все происходившие во Франции в эти годы события. Он попытался вмешаться в общеполитическую жизнь страны и вступил в свое первое открытое столкновение с казавшимися еще всемогущими «привилегированными сословиями».

Уже в июне 1786 г. Бабеф писал Дюбуа де Фоссе: «Религия зла не будет вечной. Ослепленное, запуганное, отупевшее, трусливо пресмыкающееся общество допустило, чтобы у него были похищены его права, но оно не могло уступить права будущих поколений. То, что по справедливости принадлежит человеку, неизгладимо запечатлено во всем его существе... Напрасно пытались сдавить его мозг тысячами свинцовых скуфей, обессиливали всяческим гнетом, напрасно его затемняли разными видами преклонения, навязывали ему обожествление, требовали подчинения, отречения и пассивного

послушания, проповедуемого в качестве святого долга; напрасно терзали ложными угрызениями совести, противоречившими истине, презренными предрассудками, всевозможными обманами и глупыми верованиями,— наступает момент, когда все то, что казалось угасшим и навеки подавленным, оживает и вновь приподымается. Мысль, присущая от природы (idée native), обретает себя вновь, ...уверенная в своей силе, она искрится и чувствует себя непобедимой; человеческий мозг вновь действует; он больше не парализован, он ощущает все, что ему было дано, и все, на что он имеет право: *свободу думать, свободу желать, свободу высказывать свои мысли, свободу действовать*» (курсив Бабефа.— *В. Д.*) [1].

Феодально-абсолютистский строй во Франции, лишавший человека этих самых элементарных прав, внушал уже тогда Бабефу отвращение. Об этом легко судить по отклику Бабефа на известие об освобождении его издателя, Девена, из Бастилии, куда тот попал на несколько месяцев по настоянию кредиторов. «Счастливая новость о вашем освобождении,— писал Бабеф 1 июля 1786 г.,— наполнила меня невыразимой радостью... Вы вырвались из места, одно название которого стало устрашающим и заставляет трепетать, едва его произносят. Как часто даже отсутствия вины недостаточно, чтобы вселить надежду, что перед вами легко раскроются грозные ворота. Но забудем это зловещее место, самое упоминание о котором вызывает лишь мрачные мысли» [2]. Эти строки, написанные за три года до штурма Бастилии, достаточно ясно характеризуют политические настроения Бабефа.

Неудивительно, что малейшее проявление все усиливавшегося оппозиционного движения против абсолютизма вызывало живейший интерес у Бабефа. Об этом говорит его переписка с Девеном. Типограф, издатель и книгопродавец, Девен имел некоторые связи со столицей, которые Бабеф стремился использовать для того, чтобы раздобыть книжные новинки, чаще всего издания, носившие оппозиционный характер или совсем запрещенные. Девен, заинтересованный в сохранении хороших отношений со своим заказчиком, «плодотворный гений» которого, по его собственному выражению, он высоко ценил, всячески стремился пойти Бабефу навстречу. В ноябре 1786 г. Девен по просьбе Бабефа запросил в Париже последнюю королевскую декларацию и в декабре переслал ее в Руа. 25 ноября он пригласил Бабефа посетить Нуайон, чтобы «посмотреть Фигаро, который здесь поставили. В понедельник будут играть «Два друга» господина Бомарше... Это будет хороший спектакль» [3].

---

[1] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 42.
[2] ЦПА ИМЛ, 98 B VI.
[3] ЦПА ИМЛ, 43 B VI. О горячем сочувствии и интересе Бабефа к Бомарше, к его «едкому остроумию» в связи с борьбой против парламентской аристократии см. «Correspondance...», p. 76.

В последние месяцы 1786 г. Бабеф настойчиво добивается у Девена присылки ему нескольких книг, издававшихся Н. Реньо (N. Regnault), в том числе романов «Две недели в Англии» (La quinzaine anglaise), «Первое и второе путешествие милорда XXX в Париж», «Порок и слабость» (Vice et faiblesse), «Исповедь одного англичанина». «Мне очень хочется прочитать одно за другим все произведения Н. Реньо,— пишет Бабеф в декабре 1786 г.,— я очень прошу вас поскорее прислать хоть некоторые из них»[4]. 9 декабря Девен посылает ему «Исповедь одного англичанина», обещает выслать в ближайшее время «Порок и слабость» и предлагает ознакомиться с произведениями того же автора (du même faiseur) «Babillards» и «Калипсо»[5]. Это сообщение Девена дает ключ к объяснению совершенно непонятного, на первый взгляд, интереса Бабефа именно к этим произведениям. Редактором и основным автором «Les Babillards» и «Калипсо» был не кто иной, как Джемс Рютледж, шотландский баронет, французский шевалье, а в 80-х годах очень левый публицист, в первые годы революции ставший союзником Марата в его борьбе с Неккером, видный деятель клуба Кордельеров, защищавший в своей газете «Le Creuset» идею «аграрного закона»[6]. О существовании Рютледжа Бабефу стало известно, несомненно, благодаря Девену, познакомившемуся с Рютледжем через Одиффре и издававшему некоторые его произведения[7]. Весной 1787 г. состоялось и личное знакомство Бабефа с Рютледжем, за чьей деятельностью он и в дальнейшем продолжал непрерывно следить и чьи «мемуары» он неустанно пересылал Дюбуа де Фоссе[8].

Но одна «легальная» литература уже не удовлетворяла Бабе-

---

[4] ЦПА ИМЛ, 43 и 44 В VI.

[5] ЦПА ИМЛ, 45 В VI.

[6] О Рютледже см. Las-Vergnas. Le chevalier Rutlidge. Paris, 1932 и очень интересную рецензию на эту книгу Ж. Лефевра (AHRF, 1936, p. 267). См. также E. Hatin. Bibliographie de la presse périodique, Paris, 1866, p. 57. Как отмечает Гатен, существовало предположение, что в редактировании «Les Babillards» и «Calipso» принимал участие Себастьян Мерсье, «во всяком случае он много заимствовал из них для своих «Картин Парижа»» (Ibidem). Об интересе Бабефа к Мерсье см. выше

[7] 19 ноября 1786 г. Одиффре писал Девену из Парижа: «Вы можете также издать «Сообщение книгопродавца» и объявить о первом полном пересмотренном и исправленном издании всех романов автора, т. е. «Две недели в Англии», «Второе путешествие милорда», «Порок и слабость» и «Исповедь», в том же формате и тем же шрифтом, которым вы собираетесь печатать. Это будет полезно во многих отношениях» (ЦПА ИМЛ, 13 В VI).

[8] 27 мая 1787 г., после возвращения из Парижа, Бабеф писал Дюбуа, пересылая ему, очевидно, произведение Рютледжа: «Я думаю, что правильно поступаю, что пересылаю вам сочинение (un morceau) на важную тему. Вы узнаете в нем автора, перо которого, известное и по другим произведениям, отнюдь не считается посредственным» (ЦПА ИМЛ, 29 В VII; «Correspondance...», p. 89). В сентябре 1787 г. Бабеф в письме к Дюбуа прямо назвал фамилию шевалье Рютледжа, «автора, которого я чрезвычайно уважаю, которому принадлежат все мемуары, пересылавшиеся мною вам, и героя того, который я прилагаю сейчас» («Correspondance...», p. 138).

фа — через Девена он стал доставать и запретные издания. 9 декабря 1786 г. Девен, после неоднократных настояний Бабефа, переслал ему брошюру «La constitution militaire» [9]. Эта брошюра, судя по отзыву читавшего ее Адвиелля, содержала резкую критику порядков, существовавших во французской армии. Посылая ее, Девен предупреждал о необходимости соблюдения осторожности. «Вот экземпляр издания,— писал он,— которого вы так добивались; вы получаете его первым, вы этого заслуживаете, так как вы очень осмотрительны. Только, ради бога, не показывайте никому этой книги, без моего разрешения» [10]. 20 декабря Девен вновь напомнил Бабефу о необходимости соблюдения осторожности: «Я убежден, что вы никому не покажете брошюру, которую я конфиденциально вам послал. Посылаю еще несколько других, чтобы вас развлечь» [11]. В январе 1787 г. Девен пересылает вновь какое-то запретное издание с предупреждением: «Прочитайте этот мемуар, г-н Бабеф, и припрячьте его. Я возьму его у вас в четверг, когда буду проездом в Амьен» [12].

Письма Девена опровергают предположение В. Адвиелля, что автором брошюры «Военная конституция» был сам Бабеф [13]. Но он (возможно, по просьбе Девена, бывшего, очевидно, издателем этой брошюры) пытался содействовать ее распространению. С этой просьбой он обратился и к Дюбуа де Фоссе. Как и следовало ожидать, Дюбуа ответил отказом. «Мне не удалось найти здесь никого,— писал он 19 марта 1787 г.,— кто пожелал бы взять на себя распространение брошюры, которую вы мне прислали. Все наши книгопродавцы боятся скомпрометировать себя перед полицией, а мне, как эшевену, тем более не подобает ее распространять, так как она полна нападок на правительство» [14]. Впрочем, с присущей ему изысканной вежливостью Дюбуа добавил, что «он был бы чрезвычайно польщен, если бы ему удалось познакомиться с автором, который, несомненно, является очень умным и достойным человеком» [15].

---

[9] Точное название брошюры: «De la constitution du corps militaire en France, dans ses rapports, avec celle du Gouvernement et avec le caractère National». (s. l.), 1786.

[10] ЦПА ИМЛ, 46 В VI. На письме Девена от 19 декабря Бабеф, который очень злился тогда на Девена за промедление с изданием «Archiviste-terriste», сделал пометку: «Получил Калипсо и Babillards; поблагодарил за присылку «Constitution militaire»» (там же).

[11] ЦПА ИМЛ, 47 В VI. 27 декабря Давен писал Бабефу: «Господин Одиффре, из Парижа, находится здесь. Тсс! Потише!.. Он здесь не без дела... Вы узнаете об этом позднее» (ЦПА ИМЛ, 48 В VI).

[12] ЦПА ИМЛ, 49 В VI (на письме пометка Бабефа: «Получено 11 января 1787 г.»).

[13] V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 41. По мнению Ж. Дорваля, автором «Constitution militaire» являлся Рютледж.

[14] «Correspondance...», p. 69. Дюбуа был эшевеном (заместителем мэра) г. Арраса.

[15] Там же.

Жадно впитывая известия о положении дел в Париже, Бабеф именно в эти первые месяцы 1787 г. впервые делает попытку выступить на общеполитической арене. Попытка эта была связана с переживавшимися тогда монархией острейшими финансовыми затруднениями. В августе 1786 г. Калонн, бывший тогда генеральным контролером, оказавшись перед угрозой государственного банкротства, вынужден был обратиться к Людовику XVI с предложением ряда финансовых реформ и в том числе с проектом нового «территориального налога», изложенного им в записке «Précis d'un plan d'amélioration des finances». Так как не было никакой надежды, что парижский парламент согласится зарегистрировать новые эдикты, Калонн, как известно, предложил обойти это препятствие путем созыва нотаблей, представителей наиболее привилегированных верхов. «Пригласительные грамоты» были подписаны королем в декабре, а 22 февраля 1787 г., с некоторым запозданием, совещание приступило к работе. Начался острейший конфликт между «привилегированными» и двором, вскоре вынудивший Калонна уйти в отставку.

Финансовые вопросы, проблемы налогового обложения оказались в центре внимания всей страны, и Бабеф попытался дать на них свой ответ. «Очень скоро,— писал он Дюбуа,— я буду иметь честь переслать Вам произведение в моем духе, которое затронет очень нужную тему» [16]. Через месяц он сообщал уже и название этого произведения «Précis d'un projet de Cadastre perpétuel» [17], не случайно, возможно, напоминавшее название докладной записки Калонна.

Еще в ноябре 1786 г. Бабеф, как мы видели, готовился вслед за выпуском проспекта «Archiviste terriste» опубликовать и самую книгу. Но уже к концу года, очевидно, в связи с созывом нотаблей все его внимание сосредоточилось на проекте налоговой реформы. Во всяком случае на письмо королевского цензора Купе от 10 января 1787 г., читавшего «Проспект» и просившего Бабефа ускорить присылку ему рукописи книги, он не дал никакого ответа [18]. В конце

---

[16] «Correspondance...», p. 83.

[17] Ibid., p. 91.

[18] 10 января 1787 г. Купе писал Бабефу из Парижа: «Я прочитал оба врученных мне проспекта. Я сказал Видо де-ла-Туру, что ваши произведения, судя по этому краткому изложению, кажутся мне очень полезными. Я добавил, что могу высказать окончательное суждение только после прочтения самой работы. Г. де-ла-Тур заявил, что он вручит ее мне немедленно после присылки. Я снова обращаюсь к вам с этой просьбой и счастлив узнать, что вы являетесь тем лицом, с которым мне придется по этому поводу беседовать... Судя по названию, ваша работа очень обширна и, возможно, что она еще не закончена. Но она начата, и для того, чтобы я мог высказать свое мнение, я повторяю, что мне необходимо по крайней мере ознакомиться с вашими материалами» (ЦПА ИМЛ, 109 В V).

О состоянии рукописи Бабеф откровенно писал Дюбуа 18 января: «Верно, что моя работа является пока лишь собранием материалов, не приведенных в порядок. Вследствие затяжек в цензуре, я в состоянии буду прислать ее вам

марта новая рукопись была уже готова, и Бабеф собирался отвезти ее в Париж. Об этом свидетельствует письмо Девена от 25 марта: «Не ездите в Париж, не получив моих указаний»[19]. Бабеф предпринял это путешествие в начале мая 1787 г., в самый разгар конфликта нотаблей с правительством, уже после отставки Калонна. «Сегодня я буду очень краток,— писал он Дюбуа де Фоссе 4 мая,— через несколько часов я отправляюсь в столицу»[20]. Бабеф вез с собой рукопись, которую он позднее, в 1789 г., озаглавил «Постоянный кадастр».

В письме к графу Кастежа, отправленном в тот же день, Бабеф подробно остановился на характере своей рукописи. «Обычно я стремлюсь,— писал он,— отстраняться от всего, что не имеет прямого отношения к моим занятиям, и таково должно быть поведение каждого последовательного человека... В последнее время я перестал, однако, следовать этому похвальному правилу. Правда, новая тема, которой я занялся, не лишена связи с моими обычными занятиями. Я могу сейчас, г-н граф, ознакомить вас только с ее названием: «Краткий очерк» (Précis) и т. д.

Уже одно это название может дать вам представление о важности этой темы. Хотя мое изложение и кратко, но я осмеливаюсь думать, что развил ее достаточно подробно и ясно. Нынешняя обстановка является, несомненно, очень подходящей для представления такого проекта... Положение дел разрешает высказать самоуверенную надежду, что, когда признают выгоды, вытекающие из моих предложений... их больше нельзя будет упускать из виду. Да простится мне желание, чтобы, по крайней мере, честь этого открытия не была у меня похищена... Жестокий эгоизм, этот бич человечества, божество, которому слишком многие курят фимиам, может также воздвигнуть препятствия, чтобы помешать предприятию, имеющему своею целью общее благо, столь ему ненавистное»[21].

В своем проекте Бабеф изложил идею установления единого налога взамен всей чрезвычайно сложной, пестрой, громоздкой и глубоко несправедливой системы налогов, существовавших тогда во Франции и падавших всей своею тяжестью на народные массы. Разумеется, ни предложение Бабефа о необходимости распространения налогообложения на все привилегированные сословия, ни его требование об уничтожении наиболее ненавистных, косвенных налогов, прежде всего соляной подати, так называемой «габели» (gabelle), не были оригинальными,— эти требования выдвигались

для окончательного суждения не раньше, чем через несколько недель» (ЦПА ИМЛ, 18 В VII; «Correspondance...», p. 53). В действительности же Бабеф уже прекратил тогда работу над «Archiviste-terriste».

[19] ЦПА ИМЛ, 50 В VI. В письме к графу Кастежа 4 мая 1787 г. Бабеф сообщал, что посетил его замок около месяца назад, «накануне задуманного мной тогда путешествия в Париж».

[20] ЦПА ИМЛ, 25 В VII; «Correspondance...», p. 83.

[21] ЦПА ИМЛ, 18 В IV.

тогда в самых широких слоях населения. Новизна и смелость предложений Бабефа состояли в том, что он был в числе тех немногих, кто уже в конце XVIII в. отстаивал идею единого прогрессивно-подоходного налога.

Сам Бабеф придавал особое значение своему методу составления «постоянного кадастра». Выработанный им метод составления «постоянных» кадастров помещичьих имений Бабеф предлагал использовать для составления «постоянных» списков налогоплательщиков, в целях установления размера их имущества, подлежавшего обложению (подобно предлагавшейся им раньше «постоянной книге» держателей, в которую «раз и навсегда» должны были заноситься их обязательства). С этой целью Бабеф предлагал проведение своего рода «генерального межевания» во всей стране, в результате которого и должен был возникнуть «Постоянный кадастр». Как раз этой стороной своего проекта Бабеф сумел заинтересовать математика и геометра Одиффре, изобретшего тогда тригонометрический угломер для измерения площадей.

Преимущества своей системы Бабеф видел в том, что с ее введением будет установлена «постоянная доля каждого гражданина в точном соответствии с его состоянием (dans l'exacte proportion de sa fortune), в наиболее справедливом распределении налогового обложения». «Все граждане в совершенно точной пропорции», будут участвовать в погашении национального долга. Навсегда будут уничтожены займы, создающие «бедствие ажиотажа», так как государство обеспечит для себя «надежные, наиболее быстрые и наиболее выгодные способы получения достаточных средств на все времена и при любых условиях»[22]. В этих формулировках окончательной редакции «Постоянного кадастра», опубликованного в 1789 г., кое-что, возможно, звучало более определенно, но существо этих предложений было изложено уже в рукописи 1787 г. Бабеф совершенно категорически подчеркнул это в «Уведомлении от издателя», которое он предпослал изданию «Кадастра». «Это произведение было составлено (a été ordonné) задолго до счастливых дней революции, во время которых оно выходит в свет. Г. Бабеф написал его основы *во время первого собрания нотаблей в 1787 г.* (курсив наш.— *В. Д.*)»[23].

«Постоянный кадастр» был, таким образом, самым непосредственным откликом Бабефа на начавшийся в стране «кризис верхов». О том, насколько глубоко волновали Бабефа все эти события, как внимательно изучал он в дни своего пребывания в столице всю литературу, вызванную конфликтом нотаблей с правительством, свидетельствует его письмо к Дюбуа де Фоссе, уже после возвращения из Парижа. «Видели ли вы все это множество эфемерных брошюр,— спрашивал он 27 мая 1787 г.,— которые появились в свет в связи

---

[22] [B a b e u f]. Le Cadastre perpétuel. 1789, p. 190—192.
[23] Ibid. «Avis de l'Editeur», p. VIII.

с собранием нотаблей. Если вы их не видали, я с удовольствием перешлю их вам»[24].

На чью поддержку мог надеяться Бабеф, отправляясь в Париж? Единственным его знакомым был Одиффре, с которым, как мы знаем, он состоял в переписке в связи с прохождением через цензуру проспекта «Archiviste-terriste». Но через Одиффре Бабеф приобрел еще одного союзника — все того же Джемса Рютледжа. Мы узнаем об этом из писем Бабефа к Рютледжу от 22—24 мая 1790 г. из парижской тюрьмы Консьержери, когда он впервые подвергся аресту. «Вы, наверное, вспомните,— писал Бабеф,— что несколько лет назад (кажется, в 1785 г.)[25], вы при посредстве гг. Одиффре и Девена познакомились с неким г. Бабефом, приехавшим тогда впервые в Париж, чтобы опубликовать проект наилучшего способа распределения всех налогов. Этот проект назывался «Постоянный кадастр». Он был передан вам для ознакомления, вы нашли в нем патриотические мысли, проникнутые заботой об общественном благе, которые, по-видимому, вам понравились. Вы даже решили содействовать успеху проекта: вы исправили его слог и взялись представить рукопись в министерство... Я полагал, что мне удалось, с одной стороны, доказать, как можно добиться наиболее равномерной раскладки всех налогов, строго пропорционально возможностям каждого гражданина, а с другой стороны, определить метод составления кадастра, пользуясь которым администрация избавлялась от больших расходов, ибо мой кадастр, составленный однажды, мог бы служить вечно, и поэтому отпала бы необходимость ежегодно возобновлять списки налогоплательщиков»[26].

Бабеф покинул Париж, окрыленный надеждами. Рютледж передал его проект А. Делессару, которого прочили тогда в члены нового финансового комитета для рассмотрения всех проектов налоговой реформы. Но прошло немного дней после возвращения в Руа, и Бабеф со свойственными ему нетерпением и пылкостью начинает торопить Одиффре. Сообщая ему в письме от 29 мая, что он ознакомил Дюбуа де Фоссе с проектом угломера, Бабеф переходит к вопросу о судьбе «Кадастра»: «Мы говорили только что о том, что составляет предмет вашей привязанности. Поговорим теперь об одном из тех, к которому я питаю не меньшую слабость. Вы, вероятно, без труда догадались сейчас же, что речь идет о Кадастре, о моей мании, с которой я вновь буду к вам приставать. Но это

---

[24] ЦПА ИМЛ, 29 В VII; «Correspondance...», p. 89.

[25] В указании этой даты Бабеф ошибся. Его знакомство с Рютледжем состоялось только весной 1787 г. В 1785 г. он еще не был знаком ни с Девеном, ни с Одиффре. Но эта ошибка объясняется тем, что первая поездка Бабефа в Париж состоялась, по-видимому, действительно в 1785 г. в связи с получением им наследства. Это подтверждается письмом его брата, Жана-Батиста, к жене Бабефа 21 мая 1785 г.: «Я в восторге от того, что мой брат находится в Париже» (ЦПА ИМЛ, 24 В VI).

[26] ЦПА ИМЛ, 32 В IV (русск. пер.— «Французский ежегодник. 1960». М., 1961, стр. 253).

пилюля, которую вам придется проглотить»[27]. По-видимому, Одиффре в своем оставшемся нам неизвестным письме предупреждал Бабефа о том, что рассмотрение его проекта задержится. На это Бабеф возражал: «Вы говорите, что ничего не можете сообщить мне относительно кадастра по той причине, что бурно развивающиеся события (les circonstances orageuses) поглощают все внимание и все время того лица, которому был передан мой мемуар»[28]. Бабеф пишет, что он не сомневается в искренности Рютледжа, в его желании помочь успеху «Кадастра». «Первого слова шевалье было для меня достаточно, чтобы внушить мне полное доверие..., и я почувствовал, что он искренне мной заинтересовался. Но я хотел бы, чтобы именно в нынешних обстоятельствах он нашел время, чтобы привлечь внимание к моему проекту того лица, которому передан мой мемуар, И вы должны понять, как и он, как и я, как и все мы, насколько обстановка содействует тому, чтобы он был рассмотрен»[29].

После своего приезда из Парижа Бабеф ознакомился с тремя номерами «Courrier de l'Europe» за 1787 г., в которых было изложено содержание книги Дютилле де Виллара на ту же тему и, почти с тем же заголовком, что и у Бабефа[30]. Это, очевидно, его встревожило. В том же письме к Одиффре он поспешил подчеркнуть преимущества своих предложений. Бабеф признавал, что аргументация Дютилле значительно превосходит его собственную: «Автор с гораздо бóльшим искусством показал все неудобства, которые исчезнут с появлением кадастра, и все преимущества, с ним связанные. Он говорит об этом очень убедительно. Судите об этом по следующей фразе: «Установите между угнетателем и несчастными, которых он хочет подавить, судью, одинаково страшного и для одних, и для других. Пусть этому судье не дано будет ни зрения, ни слуха, ни речи... Кто будет этим судьей? Я уже его назвал: это — кадастр! Только он вернет счастье бесчисленному множеству людей, стонущих от тирании произвольного подушного обложения (la taille), только при нем исчезнут злоупотребления, разоряющие и опустошающие провинции»»[31]. Но вместе с тем Бабеф решительно отстаивал превосходство своих предложений как в отношении самой процедуры составления кадастра, так и в особенности в обеспечении «главной цели — постоянства» (de grand objet de perpétuation). Бабеф переслал Одиффре эти три номера «Courrier de l'Europe» для Рютледжа с тем, чтобы тот отстаивал его авторские права «в случае, если ему будут противопоставлять произведение г. Дю Тилле, ...очень удачное в той части, где доказывается необходимость созда-

---

[27] ЦПА ИМЛ, 17 В IV.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Du Tillet de Villars. Projet d'un cadastre général du royaume. Paris, 1781.
[31] ЦПА ИМЛ, 32 В IV. Эту фразу Бабеф привел впоследствии в печатном тексте своего «Кадастра» [Babeuf]. Cadastre perpétuel, 1789, p. 33—34.

ния кадастра, но едва ли удовлетворительное, дающее очень мало или даже вовсе ничего нового в отношении практических методов» [32].

Не в первый и не в последний раз Бабефа постигло разочарование,— привлечь внимание к своему проекту ему не удалось. Правда, 7 июня 1787 г. Одиффре сообщил Девену, что завтра он напишет Бабефу: «Я надеюсь, что мне удастся сообщить ему что-нибудь относительно его нового метода кадастра» [33]. Но на следующий день ему пришлось огорчить Бабефа: Делессар не явился на свидание с Рютледжем, хотя сам же его назначил. «Правда,— писал Одиффре,— шевалье по-прежнему думает, что ваш метод является наиболее простым и сохранит свое значение в течение более длительного срока, чем всякий иной... Наберитесь терпения: после роспуска собрания нотаблей дело не подвинулось ни на шаг. Нужно полагать, что ничего и не будет сделано раньше 12—15 июня, т. е. до назначения нового финансового совета, в котором тот, у кого находится сейчас ваш мемуар, будет играть главную роль» [34]. По-видимому, все попытки Рютледжа потерпели неудачу.

Теряя терпение, Бабеф начал искать других, «неконституционных» методов распространения своего проекта. В первых числах июня он изъявил желание переслать Дюбуа свою рукопись. Предложение это было благоразумно отклонено под тем предлогом, что рукопись может затеряться при пересылке, хотя Дюбуа одновременно писал, что она «представляет большой интерес, особенно в настоящий момент», и что Бабеф «не должен терять ни минуты с ее опубликованием», так как это явится «важной услугой государству» [35].

17 июня 1787 г. Бабеф написал Дюбуа, что прошел уже месяц со времени передачи его проекта в финансовый комитет, но до сих пор это не дало никакого результата. «Не можете ли вы,— спрашивал он Дюбуа,— указать мне какой-либо другой путь, который, по вашему мнению, мог бы заменить первый, если он не приведет к чему-либо положительному. Нельзя ли сообщить о нем провинциальным собраниям (Бабеф, несомненно, имел в виду прежде всего собравшиеся тогда в Аррасе штаты провинции Артуа, в которых участвовал сам Дюбуа.— *В. Д.*), напечатать его и т. д.» [36].

Но это предложение не встретило сочувствия у Дюбуа. «Я не знаю,— писал он,— какой совет дать вам в отношении вашего произведения. Проще всего было бы его напечатать, но сейчас печатают так много, что это настоящая пучина, и даже самые лучшие книги с трудом выплывают. Представить его провинциальным собраниям было бы слишком долгой процедурой, притом связанной с

[32] Там же.
[33] ЦПА ИМЛ, 53 В VI.
[34] ЦПА ИМЛ, 1 В VI (Audiffred à Babeuf. «Ce 8 juin 1787»).
[35] «Correspondance...», p. 91, 96.
[36] Ibid., p. 99.

множеством неудобств. Не могли ли бы вы ознакомить с ним интенданта вашей провинции, который, насколько мне известно, ценит науки и может найти способ, чтобы ознакомить с ним администрацию» [37]. Но такой совет никак не устраивал Бабефа.

В дальнейшем, вплоть до весны 1789 г., мы не встречаем в переписке Бабефа никаких сообщений о судьбе «Кадастра». Только после созыва Генеральных штатов, как мы увидим, Бабеф снова вернулся к своему проекту. Но он продолжал внимательно следить за всеми перипетиями «кризиса верхов». Об этом можно судить по сохранившимся в его архиве нелегальным стихам и эпиграммам, появившимся на следующем этапе кризиса, после роспуска нотаблей. Особенно любопытна пародия на «Отче наш» — «Отче наш из Версаля» (Pater de Versailles). Известно, что пародии на это молитву часто служили в предреволюционные годы формой для антиправительственных выступлений. Вариант, сохранившийся в бумагах Бабефа, очень остроумен и имеет непосредственное отношение к конфликту двора с парижским парламентом, отказавшимся утвердить представленный новым государственным контролером, тулузским архиепископом Ломени де Бриенном, эдикт о расширении взимания гербового сбора, что привело к высылке парламента в Труа.

Текст пародии таков: «Отче наш, иже еси в Версале, да не святится больше имя твое, уже потрясено царствие твое, уже не осуществляется ни на земле, ни тем более в небесах воля твоя. Хлеб наш насущный, который ты хочешь отнять у нас, даждь нам. Да остави парламенту долги его за то, что он хотел защитить наши интересы, яко же и мы оставляем министрам твоим за то, что они так легко их предают. Не вводи нас во искушение чечевицей и избавь нас от гербового сбора и от лукавого, который тебя искушает. Аминь!» [38] В архиве Бабефа сохранилась также «Эпиграмма об экономии короля», направленная против Марии-Антуанетты, и стихи, озаглавленные «Против указов о гербовом сборе» [39].

Но Бабеф не мог довольствоваться одним наблюдением за борь-

---

[37] ЦПА ИМЛ, 32 В VII; «Correspondance...», p. 103.

[38] ЦПА ИМЛ, 30 В III. Текст «Pater de Versailles» переписан не рукой Бабефа, но на документе есть сделанная им пометка: «4 октября 1787». Этим же числом помечены и очень резкие «тираноборческие» стихи, начинающиеся словами: «Нас — четыреста, и каждый из нас стоит тысячи» и заканчивающиеся предупреждением:

«Et bientôt en Brutus notre France fertile
Prouvera qu'à Paris, comme à Rome, à tous tems
Il est de bras vengeurs pour frapper les Tyrans».

[39] ЦПА ИМЛ, 51 В IX.— Стихи «Contre les édits du timbre» имели следующий конец:

«Aprends, mon cher Louis, mon gros bonnet de Roi.
Que tel est mon plaisir, n'est pas telle la loi,
Rend compte et l'on veut bien encore payer la dette.
Mais sois poli du moins quand tu fais une quête
D'un Gueux, dit Salomon, l'insolence deplaît,
C'est au mendiant du moins a m'oter son bonnet».

бой, все более нараставшей в стране. Его активная натура требовала действий. О некоторых его попытках говорят письма, сохранившиеся в архиве.

В письме к брату Жану-Батисту от 19 сентября 1787 г. с просьбой о высылке денег,— мы уже приводили раньше несколько строк из этого письма, которое Бабеф писал ночью, когда все окружающие уже спали,— была такая любопытная приписка, на которую он просил «не обращать внимания — это упражнение... почерка» [40]: «Народ, осведомленный о его собственных интересах или Изложение коварной политики привилегированных всех сословий в нынешних условиях. 1787» [41].

Эти строки, по-видимому, являлись заголовком нового литературного произведения. Из письма Девена 17 сентября 1787 г. мы узнаем, что Бабеф как раз в эти дни написал памфлет и отослал его в Нуайон для печатания [42]. К сожалению, рукопись этого памфлета — первого политического произведения Бабефа — у нас не сохранилась. Но о его содержании и резко враждебном тоне по отношению к привилегированным сословиям можно судить по письму Девена. «Я получил, прочел и перечел с интересом маленькое произведение (l'opuscule) вашего плодотворного гения, которое вы прислали мне в субботу. Я вовсе не нахожу в нем того холода, которым, как вам кажется, он проникнут. Ваше обращение к народу (Avis au peuple) хорошо и патетически написано. Тем не менее я не думаю, что нынешние обстоятельства могут способствовать его сбыту. Брожение слишком велико, и публика не примет произведения, которое не будет льстить общему мнению. К тому же, прежде всего, нужно

[40] «Il est bon de vous prévenir que ce qui est ci dessous ne vous servira pas? C'est... de l'écriture... pour autre chose)».

[41] ЦПА ИМЛ, 14 В IV.

[42] Адвиелль ошибочно датировал эту брошюру 1789 г. (V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 52).

заручиться согласием начальника парижской полиции, с тем, чтобы его можно было выставить повсюду, где оно может привлечь любопытство жителей столицы. Если это пожелание будет вами принято, я присоединю к нему и другое — не упоминать вовсе о вашем кадастре и остерегаться того, чтобы не узнали, что брошюра и это произведение, еще только ожидающее своего появления на свет (encore dans la placente), имеют общего отца. *Вы должны щадить привилегированных, т. е. крупных сеньеров* (курсив наш.— *В. Д.*). С их помощью вы должны добывать пистоли, и они не будут испытывать к вам благодарности за то, что вы представляете их в таком свете. Примиритесь с моими наставлениями, поверьте, что они продиктованы дружбой. Если вы согласны изменить конец вашего небольшого произведения и разрешите мне отослать копию г. Крону (Crosne был главой парижской полиции.— *В. Д.*), тогда мы можем отважиться на это приключение. Я почти не сомневаюсь в том, что этот магистрат одобрит произведение, которое, даже если оно и не принесет всей пользы, на которую вы рассчитываете, во всяком случае никак не принесет вреда. В случае согласия пришлите мне чисто переписанную рукопись и я отправлю ее с соответствующим письмом» [43].

Из писем ясно, таким образом, что осенью 1787 г. Бабеф написал свою первую политическую брошюру. Но интересен не только этот факт, свидетельствующий об активности Бабефа в годы революционной ситуации. Важно, что он выступил с резкой критикой «коварной политики» привилегированных сословий как раз в момент их конфликта с Версальским двором. Мы увидим в дальнейшем, весной 1789 г., такое же критическое отношение Бабефа даже к популярнейшим представителям либеральной знати. Объяснить эту позицию можно только тем, что резко враждебное отношение Бабефа к крупным земельным собственникам настораживало его против привилегированных, даже тогда, когда они переходили в политическую оппозицию.

Об этом можно судить еще по одному документу, сохранившемуся в архиве. В феврале 1788 г. сельскохозяйственное общество Орлеана объявило конкурс на тему: «Как легче и проще всего с наименьшими затратами распределить земельные и личные налоги... примирив интересы всех сословий государства с выгодами для суверена». Сделав выписку об этом конкурсе из «Gazette de France» за 19 февраля 1788 г., Бабеф подчеркнул последние слова и сопроводил их язвительной припиской: «Мы сожалеем, что это ученое общество включило в свою тему пожелание примирить интересы всех сословий государства. Как видно, академические общества далеко не всегда являются и философскими обществами» [44]. Меньше всего Бабеф собирался «щадить привилегированных». Именно в это

---

[43] ЦПА ИМЛ, 57 В VI.

[44] ЦПА ИМЛ, 4 В IX. См. также [B a b e u f.] Cadastre perpétuel, p. 41—42.

время он вступил с ними в открытый конфликт, в результате которого как раз и лишился тех «пистолей», о которых так заботился Девен.

II

Передовые социальные и политические идеи Бабефа, его глубокое возмущение существовавшими во Франции общественными отношениями, все более обострявшейся нуждой народных масс, горячее сочувствие им, страстный, открытый и увлекающийся характер Бабефа делали этот конфликт все более неизбежным. При этом Бабефу предстояло столкновение не только с сеньерами.

В Сантерре, вокруг Руа, Мондидье, Перрона были расположены сеньерии крупнейших землевладельцев — герцогов Ларошфуко-Лианкура, Майи, графов Кастежа, де Ламира (владельцев Давенскура, о которых нам придется еще говорить), таких видных представителей знати, как Суаекуры, Ламеты, Лувенкуры и т. д. Существование этих сеньерий, особенно в условиях феодальной реакции, питало целую прослойку, целый верхушечный слой «феодальной челяди» — управляющих, бальи, приставов, сборщиков повинностей и т. д. Как раз при непосредственном участии этих лиц шло выкачивание феодальной ренты, во всевозможных ее формах, и существование этой группы обеспечивалось, прежде всего, за счет феодальных доходов. Сами сеньеры и весь этот непосредственно зависевший от них персонал находились в самых тесных взаимоотношениях с другой, по выражению Бабефа, «прожорливой ордой» [45], с аппаратом королевской юстиции — прокурорами, адвокатами, нотариусами, судебными приставами и т. д.

Руа, как и Мондидье и Пероны, был центром бальяжа, т. е. имел судебные учреждения. Как известно, в XVI—XVII вв. финансовые затруднения вынудили абсолютную монархию ввести практику продажи должностей (пресловутая «vénalité des charges»), переходивших чаще всего по наследству [46]. В маленьком провинциальном городке Руа, так же как и во всей Франции, образовалась узкая, привилегированная каста, чрезвычайно цепко державшаяся за свою монополию, за свои «власть и доходы», существовали патрицианские семьи, занимавшие очень важные и, во всяком случае, очень выгодные посты и в государственном аппарате, и в церковной иерархии, захватившие в свои руки муниципалитеты и все важнейшие общественные должности.

Одной из таких наиболее влиятельных семей в Руа были Билькоки (Billecocq). Из поколения в поколение в их руках сосредоточивались важнейшие судейские должности. Уже в XVII в. несколько Билькоков, один за другим, занимали должность нотариусов.

---

[45] «Pages choisies de Babeuf». Paris, 1935, p. 109.

[46] О значении «продажи должностей» см. Б. Ф. Поршнев. Народные движения во Франции накануне Фронды. М., 1949.

Луи Бильկок, уже упоминавшийся нами автор руководства по феодальному праву [47], стал адвокатом парламента и «lieutenant général civil» бальяжа Руа [48]. Эта должность затем перешла к другим представителям семьи Бильkоков. С 1765 г. и до самой революции ее занимал Луи-Шарль Бильkок «старший». Его младший брат, Луи-Франсуа Бильkок дю Мирайль, бывший с 1764 г. адвокатом в Руа, купил в 1771 г. должность королевского прокурора, которую раньше, на протяжении четверти века (с 1745 г.) занимал его отец [49]. Должность королевского адвоката, также на протяжении ряда поколений, по крайней мере с 1699 г., занимали ближайшие родственники Бильkоков — Прево [50]. С 1767 г. ее приобрел Марк Флоран Прево, двоюродный брат Луи-Шарля и Луи-Франсуа Бильkоков. Таким образом, в последнюю четверть века накануне революции три важнейшие судебные должности в Руа сосредоточились в руках одной семьи.

Ряд Бильkоков занимал видные посты и в церковной иерархии; Прево и Бильkоки неоднократно были и мэрами Руа [51]. Тесно связаны с Бильkоками были и две другие семьи потомственных нотариусов — Лонгеканы (Longuecamp) и Токены. Именно этот «клан» Бильkоков, всесильный в Руа, и открыл беспощадную борьбу против «чужака» и «философа» Бабефа — борьбу, начавшуюся еще до 1789 г. и продолжавшуюся все годы революции.

Сам Бабеф в одной своей, уже цитированной нами рукописи 1790 г., подробно обрисовал то состояние — сперва отчуждения и изоляции, а затем и открытого конфликта,— в котором он оказался в Руа, накануне революции. Несомненно под сильнейшим влиянием «Исповеди» Руссо он написал о себе: «В нем была прямота характера и строгая нравственность, о которых нужно упомянуть, потому что именно эти столь похвальные для каждого искреннего человека особенности создали отчуждение между ним и теми, кто стал непрестанно добиваться его гибели. Выросший в невзгодах, Бабеф по-философски относился к тому достатку, в котором он теперь жил. Никогда не стремившийся отречься от классов, среди которых он родился, он предпочитал деревенскую чистоту и простодушие лживой буржуазной вежливости (politesse bourgeoise), так часто скрывающей обман и двуличие. Слово скомпрометировать себя, когда речь шла о взаимоотношениях между двумя людьми, из которых один имел на экю больше, чем другой, не имело для него никакого смысла. Господин Бабеф вел себя как моралист, стояв-

---

[47] L. Billecocq. Les principes du droit français sur les fiefs. 1729.

[48] G. d'Essigny. Histoire de la ville de Roye. Noyon, 1818 (chez Devin), p. 392.

[49] Ibid., p. 230—238; ЦПА ИМЛ, 21 и 22 B VI (Claude Bosquillon à Babeuf, 22 mars 1792). По сообщению Адвиелля, один из Бильkоков в 1784 г. породнился с дворянской семьей, женившись на вдове Монтеберо (V. Advielle. Op. cit., v. I, 49, n. 1).

[50] G. d'Essigny. Op. cit., p. 236.

[51] Ibid., p. 80—81, 195.

ший выше всех этих мелочей. Он перешел от невзгод к менее тягостному существованию и, благодаря этому знакомству с жизнью в различных условиях, приобрел возможность судить о ней более справедливо, так как для этого нет ничего важнее, чем личный опыт. Размышления привели его к выводу, очень благоприятному для бедности... Есть множество обстоятельств, при которых душу богача терзают самые различные страсти, неотделимые от его образа жизни, тогда как у бедняка душа всегда находится в полном покое. Он (Бабеф.— *В. Д.*) пользовался любым случаем, чтобы объяснять лицам этого класса причины такого положения, утешать их и всячески отстранять от них самую ложную и гибельную для них мысль. которой, однако, так часто предается полезный и вызывающий сочувствие рабочий (l'utile et intéressant ouvrier), что счастье состоит в том, чтобы жить в праздности и неге. У г. Бабефа не было более приятных для него отношений, чем те, которые он имел с людьми из самых обездоленных классов (des classes infortunées), в которых он находил остатки этой простоты, еще не испорченной нашей развращенностью, и он очень искренне огорчался из-за того, что не имел никакого полезного ремесла (un métier utile) или земли (une partie du territoire), на которой он мог бы заняться самой древней и самой благородной из всех профессий — земледелием» [52].

Но эта позиция Бабефа, его нескрываемая симпатия к «обездоленным классам» и презрительное отношение к патрицианским семьям Руа порождали резкую враждебность к нему. «Этот стоицизм, эта суровая добродетель (vertu sauvage)» вызывали, по словам Бабефа, подозрения «визирей» Руа: «Люди такого склада,— восклицали они,— способны стать очень опасными. При их стремлении не считаться со всем великим и возвышать до небес тех, кого мы считаем возможным топтать ногами, они способны ниспровергнуть все представления, уменьшить то уважение, с которым относятся к нам, и ослабить наше влияние на умы!.. С этой минуты гибель Бабефа была предрешена; во всяком случае решено было отделаться от него любой ценой» [53].

---

[52] ЦПА ИМЛ, 49 В I. В переписке с Дюбуа де Фоссе мы также находим очень интересное суждение Бабефа о значении физического труда. Дюбуа, предложив Бабефу сравнить сельское хозяйство древнего Рима с современным, прислал ему один ответ на этот вопрос, в котором высказывалось очень критическое отношение к стремлению высших должностных лиц, в том числе и консулов Рима, возвращаться к земле. Бабеф возражал на это 20 августа 1787 г.: «Нужно только пожелать, чтобы и у нас все те, кого можно уподобить героям и консулам Рима, вынуждены были бы хоть иногда положить на плуг свои руки, очень часто служащие для угнетения и почти всегда бесполезные; они научились бы тогда с бо́льшим уважением относиться к правам несчастного земледельца» (ЦПА ИМЛ, 40 и 42 В VII; «Correspondance...», p. 129). Дюбуа ответил на это: «То, чего вы хотите... так далеко от нынешних нравов, что нечего и думать о том, чтобы осуществить ваш честный и полезный проект» (ЦПА ИМЛ, 44 В VII; «Correspondance...», p. 133).

[53] ЦПА ИМЛ, 49 В I. О конфликте Бабефа с Билькоками см. V. A d v i e l l e. Op. cit., v. I, p. 48—49.

«Козни» (la cabale) противников Бабефа отразились, прежде всего, на его материальном положении. В середине 1787 г. оно и без того пошатнулось вследствие болезни и смерти его дочери. Бабефу пришлось тогда, как мы видели, прибегнуть к помощи брата, Жана-Батиста. Тогда же Бабефа постигла и первая неудача в его февдистской практике — разрыв с графом Кастежа. Еще весной 1787 г. он вел с ним успешные переговоры о составлении кадастра его сеньерии. Мы приводили очень похвальный отзыв Кастежа о проектах Бабефа. В августе 1787 г. Девен писал: «Как я люблю этого г. Кастежа. Его суждения о вас создают самое выгодное представление о нем, и вы оба только выиграете от того, что встретитесь» [54]. Но уже через три недели Девен поспешил внести поправку: «Я составил себе слишком благоприятное мнение о графе де Кастежа и слишком поспешил со своей оценкой. Я считаю его наглецом, корчащим из себя большого барина» (un Faquin petit grand Seigneur) [55]. За это время между Кастежа и Бабефом произошло столкновение. 7 сентября Кастежа обратился к Бабефу с письмом, в котором обвинял его в чрезмерном тщеславии, выразившемся будто бы в требовании питаться за графским столом. «Если вы считаете,— писал граф, обвиняя Бабефа в «безумной спеси», «приступе сумасшествия»,— что вам не подобает питаться совместно с моими служащими и вы не можете устроиться нигде на деревне, то нечего и думать о каком-либо соглашении между нами» [56].

Однако Бабеф категорически отрицал это обвинение. В своем ответе он указывал, что вовсе не был бы обижен, если бы ему пришлось жить в деревне, «наоборот, это только помогло бы избегнуть стеснения, которого каждый из нас мог опасаться». На обвинение в нечестности Бабеф возмущенно ответил: «Опросите весь кантон Руа, где я так много проработал,— все совершенно единодушно подтвердят вам, что я никогда не нарушал правил порядочности по отношению к кому бы то ни было. Никто никогда не слыхал, чтобы я втянул какого-нибудь сеньера в судебный процесс — никогда и ни в один — я могу смело это утверждать» [57]. Но этот отказ Бабефа от сутяжничества, от использования судейского аппарата меньше всего устраивал весь «клан» Билькока, всю судейскую аристократию Руа, всех тех, кого обогащала феодально-абсолютистская юстиция, с ее невероятно длительной, намеренно затягиваемой процедурой, с получением взяток (épices) в самых разнообразных формах. Можно не сомневаться, что именно персонал Кастежа, тесно связанный с этой «ордой», всячески содействовал обострению конфликта между Бабефом и их хозяином.

Кастежа заключил с Бабефом соглашение, по которому начатые последним работы подлежали окончанию в течение одного месяца.

---

[54] ЦПА ИМЛ, 55 В VI.
[55] ЦПА ИМЛ, 57 В VI (Devin à Babeuf, 17 septembre 1787).
[56] AD de la Somme, $F^{129}/_{35}$; см. V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 44.
[57] ЦПА ИМЛ, 13 В IV.

В архиве деп. Соммы сохранились инструкции графа Кастежа. Их тон достаточно резкий и вызывающий: «...не пользоваться никакими моими бумагами, даже в доме, где он будет жить; не осведомлять о моих делах кого бы то ни было»; «закончить все операции не позднее чем через месяц после того, как будет подписано соглашение»; «...он [Бабеф] должен подчиняться моей воле, при любых изменениях»; «...не разрешать ему оказывать какие бы то ни было снисхождения (aucune grace) за мой счет». В этом, вероятно, и состояло главное расхождение между графом и его февдистом. Это видно из формулировки одного из последних пунктов инструкции Кастежа: «Мои намерения состоят в том, чтобы их (очевидно, крестьян.— *В. Д.*) щадили, относились к ним внимательно, но чтобы от них неукоснительно требовали всего, что они должны по закону сеньерии» [58].

Но конфликт с Кастежа, характерный для начавшегося обострения отношений Бабефа с пикардийскими феодалами [59], не имел еще для него таких тяжелых последствий, как столкновение с маркизом Суаекуром (Soyecourt).

Бабеф приступил к составлению описи сеньерии Суаекура (ее центр находился в Тиллолуа, а владения были разбросаны более чем в 12 приходах, расположенных вокруг Руа) летом 1787 г. [60] Суаекуры принадлежали к одной из наиболее знатных семей в Сантерре. К середине XVII в. Бельферьеры де Суаекуры были одно время даже владельцами всего домена Руа, отнятого ими у графов де Руа [61]. Правда, вскоре они его лишились, но еще в середине XVIII в. один из представителей семьи Суаекуров был «bailli d'épée» Руа, Мондидье и Перрона. Опись Тиллолуа была наиболее крупной из всех, какие приходилось составлять Бабефу,— неудивительно, что она часто упоминается в корреспонденции Бабефа за эти годы. «Я умираю от нетерпения в ожидании того, что вы займетесь исключительно описью Тиллолуа»,— писал Девен осенью 1787 г., как раз тогда, когда он уговаривал Бабефа отказаться от

---

58 AD de la Somme, E 100—14. «Aperçu d'estimation des diverses opérations nécessaires pour la renovation des Terriers».

59 См. его письмо от 21 июля 1786 г. к владелице одной из сеньерий, по-видимому, г-же де Лувенкур: «Несправедливые и необоснованные упреки не могли не произвести впечатления на мое разгоряченное воображение и крайнюю чувствительность... Угрозы нанести ущерб моей репутации и начавшееся осуществление этих угроз вызвали во мне чувства, о которых я предпочитаю умолчать» (ЦПА ИМЛ, 46 В IV).

60 Трудно точно установить, когда начались деловые отношения между Бабефом и Суаекуром. В архиве деп. Соммы имеется копия письма Бабефа от 23 июля 1783 г., в котором он предлагал Суаекуру составить заново опись его сеньерии (AD de la Somme, F^{129}/116). Это письмо в 1913 г. было использовано А. Пату (A. P a t o u x. Le faux de Babeuf.— «Mémoires de la Société Académique des sciences, arts, belles lettres, agriculture et industrie de Saint-Quentin», 4-me série, t. XVI. Saint-Quentin, 1913).

61 G. d'E s s i g n y. Op. cit., p. 36.

издания «Avis au peuple» [62]. Составление описи должно было принести Бабефу немалые материальные выгоды,— недаром Адвиелль считал, что в 1787 г. «достаток, наконец, пришел к нему в дом» [63]. У нас нет возможности проверить число постоянных служащих у Бабефа. Адвиелль говорит о восьми, но из сохранившейся переписки твердо можно говорить о двух — Ги Рашаре (Rachard) и Вассе (Wasse), работавших у Бабефа до середины 1789 г. Для составления описи владений Суаекура Бабеф вызвал из Нуайона своего брата. «Мое большое предприятие к Тиллолуа,— писал он по этому поводу Буке, февдисту, у которого работал Жан-Батист,— вынуждает меня создать еще один центр, если только мне удастся найти подходящего человека» [64].

Бабеф хотел привлечь к землемерным операциям в Тиллолуа и Одиффре. 23 августа 1787 г. Девен получил письмо от Одиффре, в котором тот сообщал, что Бабеф приглашает его приехать не позднее 15 сентября — «когда начнется работа» [65]. Через неделю Одиффре сам известил Бабефа, что «сделает все возможное, чтобы приехать не позднее 15-го следующего месяца» [66]. Правда, Одиффре не выехал и в ноябре, объяснив причину задержки тем, что он предпринял совместно с г. шевалье (т. е. Рютледжем.— *В. Д.*) работу, которую они рассчитывают закончить в январе» [67]. В 1788 г. Бабеф перестал напоминать Одиффре о его обещании [68]. К этому времени составление описи Толлолуа привело его сперва к столкновениям, а к середине лета уже и к открытому конфликту.

Стычки начались прежде всего с персоналом Суаекура в Тиллолуа: судебным исполнителем (huissier) Дантье и бальи маркиза, т. е. лицом, осуществлявшим его права сеньериальной юстиции,— нотариусом Токеном. Обычно составление нового кадастра, особенно в условиях феодальной реакции, являлось выгоднейшей операцией не только для сеньеров, но и для всего связанного с ними персонала. В обстановке страшно запутанных на протяжении столетий

---

[62] ЦПА ИМЛ, 57 B VI.

[63] V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 46.

[64] ЦПА ИМЛ, 12 B IV (16 ноября 1787 г.). В конце письма Бабеф сообщил Буке о смерти своей дочери.

[65] ЦПА ИМЛ, 55 B VI.

[66] ЦПА ИМЛ, 2 B VI.

[67] ЦПА ИМЛ, 4 B VI. Действительно, в 1788 г. Рютледж опубликовал, в сотрудничестве с Одиффре, работу по вопросам астрономии («Nouvelle théorie astronomique pour servir à la détermination des longitudes. Ouvrage mis au jour par J. Rutledge. Théorie de F.-M. Fyot vérifiée par J. Audiffred». L., 1788. Посвящение подписано всеми тремя авторами).

[68] Еще 24 февраля 1788 г. Одиффре писал Бабефу, что он «все подготовляет к тому, чтобы выехать между 10 и 15» (ЦПА ИМЛ, 5 B VI). В январе 1788 г. архивист епископства в Бове, Леклерк, обращался с вопросом к Бабефу: «Вы говорили мне о землемере, в котором вы заинтересованы. Если этот землемер еще свободен, я буду вам очень признателен, если он отправится возможно скорее к одному из моих коллег» (ЦПА ИМЛ, 50 B IX). «Землемер», о котором идет речь в письме Леклерка, вероятнее всего, Одиффре, приезда которого ожидал тогда Бабеф.

отношений между сеньерами, их вассалами и цензитариями, установление точного размера повинностей, восстановление многих, считавшихся уже ликвидированными, их взыскание, новые землемерные операции — все это открывало необычайно широкие возможности для всяких сделок, для бесконечных судебных процессов, необыкновенно выгодных для всех агентов сеньериальной и абсолютистской юстиции. Свое столкновение с Даитье Бабеф объяснял именно этим: «Судебный исполнитель (l'huissier), услугами которого обычно пользовались в Тиллолуа, рассчитывал, что составление описи окажется для него выгодным делом, так как, по его мнению, и по опыту, который он имел в других сеньериях, в подобных случаях предавали огню и мечу (à feu et à sang) всех вассалов» [69].

Но понятно, что для Бабефа эти методы были совершенно неприемлемы; он противопоставлял им свой «примирительный образ действия» (ma manière conciliatrice). Недаром и в этом, цитируемом нами письме, и в обращении к Кастежа, он с гордостью указывал на то, что при составлении кадастров «ни разу не прибегал к вызову в суд» [70]. Бабеф потребовал от Дантье, чтобы во всех случаях, когда тот сочтет нужным прибегать к наложению ареста на имущество, к принудительным конфискациям (saises féodales), он предварительно договаривался с ним. Это, естественно, вызвало возмущение Дантье. «Для того, чтобы отомстить за себя, он попытался возбудить против меня,— писал Бабеф,— ярость всех агентов юстиции (les officiers de la justice), маркиза, внушая им, что я покушаюсь на их права» [71].

Дантье нашел единодушную поддержку не только у всех лиц, бывших на службе у Суаекуров, но и всех представителей «клана Билькока», которые раньше сами вели дела маркиза и по-прежнему были тесно связаны с теми, кто их сменил [72]. Действия Бабефа внушали им опасения и тревогу. «Составление нового кадастра,— вспоминал Бабеф в 1790 г.,— могло бы раскрыть множество мерзостей, недозволенных, скрытых сделок и отвратительных притеснений, постоянно чинимых этими служащими..., и могло бы привести к их ликвидации» [73]. Неудивительно, что все эти алчные агенты феодально-абсолютистской юстиции пришли, по словам Бабефа, «в бешенство» и объединились под знаменем его исконных противников [74].

---

[69] ЦПА ИМЛ, 10 B IV (15 июля 1788 г.).

[70] Там же.

[71] Там же.

[72] Бабеф отмечал в рукописи 1790 г.: «Нынешние служащие г. де Суаекура заменили прежних из семьи Бильココков, но они следовали их примеру. Прежние и нынешние служащие Суаекура были, кроме того, родственниками, друзьями, покровителями друг друга. Они поспешно объединились, чтобы отомстить за оскорбление, будто бы нанесенное мною им всем вместе» (ЦПА ИМЛ, 49 B I).

[73] ЦПА ИМЛ, 49 B I.

[74] Там же («on devine aisément si ces Justiciers deviendraient furieux et s'ils eurent terme à se ranger sous la bannière de mes plus anciens adversaires»).

Уже 15 июля 1788 г. Бабеф жаловался маркизу Суаекуру на существование «скрытого и коварного заговора», направленного против него [75]. Через две недели в новом обращении к маркизу, которое Бабеф озаглавил сперва «Оправдание невинно обвиненного», он писал: «При всех дворах, вблизи вельмож и тех лиц, от которых зависит раздача милостей, всегда затеваются низкие интриги, продиктованные злобой, желанием погубить людей, прямоту и честные намерения которых злонамеренные люди всегда стараются исказить и представить в таком свете, на который способно только их извращенное воображение» [76].

На этот раз был найден очень чувствительный для Бабефа способ борьбы. Составление описи потребовало от него значительных предварительных затрат. Бабеф утверждал, что в течение 15 месяцев он израсходовал на содержание своих служащих и на всякие другие нужды, связанные с описью, около 7—8 тысяч франков. составлявших все его достояние, все его сбережения [77]. Бабеф рассчитывал, что, по мере завершения тех или иных операций, они будут оплачиваться. Однако бальи маркиза Токен, представитель все той же династии нотариусов Токенов [78], чьими услугами Суаекур пользовался много лет, категорически отказался визировать акты, составленные Бабефом, обвинив его в некомпетентности. Все ссылки Бабефа на адвоката Массона, одобрившего его методы составления кадастра, на других лиц в Руа, пользовавшихся его услугами, как февдиста, оказывались совершенно бесполезными. «Если бы даже мнение всего мира было на вашей стороне,— излагал Бабеф 10 сентября 1788 г. свою беседу с Токеном,— это ничем бы вам не помогло. Я сказал, что все, сделанное вами, сделано плохо, и я намерен повторять это обо всем, что вы сделаете в будущем. Никому не удастся опровергнуть мнение человека, который вот уже 38 лет является бальи маркиза Суаекура. Вон отсюда,

---

[75] ЦПА ИМЛ, 10 В IV. Этому предшествовало письмо Суаекура Бабефу от 15 июня: «Я больше не удивляюсь тому, что произошло между вами и г. Токеном... Вы должны ему уступать из-за его возраста и потому, что он уже давно является моим служащим; это достойный во всех отношениях человек; его репутация давно уже установилась, а ваша складывается плохо из-за вашего дурного отношения к нему. Судя по тем письмам, которые вы мне присылаете, я вижу теперь, почему г. Билькок нашел такими смешными письма, которые вы отправляете от моего имени моим цензитариям. Вы применяете один и тот же стиль по отношению ко всем, между тем как вы не должны приходскому священнику писать в том же стиле, как и герцогу Майи, сеньеру прихода. От первого вы не вправе требовать, чтобы он явился к вам на дом в Руа для предъявления документов, вы можете только вызвать его в центр моей сеньерии и он может вам отказать, он должен только являться в мою резиденцию, т. е. в Тиллолуа. Что касается герцога.., то вы сами обязаны явиться к нему и не можете вызывать его к себе... Это принятые в свете обычаи, которых вы можете не знать в вашем возрасте» (AD de la Somme, F129/38).

[76] ЦПА ИМЛ, 9 В IV (30 июля 1788 г.).

[77] ЦПА ИМЛ, 49 В I.

[78] С 1700 по 1735 г. нотариусом Руа был Жозеф Токен; с 1735 г.— Франсуа Токен; с 1738 г.— Антуан-Никола Токен (G. d'Essigny. Op. cit., p. 245).

и оставьте меня в покое!» [79] Противникам Бабефа без всякого труда удалось очернить его в глазах маркиза, и все попытки Бабефа склонить Суаекура на свою сторону оказались тщетными.

Так как работы, начатые Бабефом, не оплачивались, он очень быстро оказался на грани полного разорения. «Наступили обстоятельства, столь злосчастные для моих интересов и моего покоя,— писал он в 1790 г.,— и столь благоприятные для порочных людей, задумавших мою гибель. Это произошло в конце 1787 г. (la fin de l'année 1787 en fût l'époque)... Меньше чем за 15 месяцев я был полностью разорен» [80]. Уже в 1788 г. он вынужден был расторгнуть договор о найме дома с Сере и переселиться в одно из наиболее плебейских предместий Руа — Сен-Жилль.

Попытки добиться какого-нибудь соглашения терпели неудачу. В конце 1788 г. (по-видимому, в декабре) Бабеф отправился в Париж. 2 декабря, после посещения отеля маркиза, он писал в полном отчаянии некоему Фурье: «Из моего посещения отеля Фекьер я вынес убеждение, что мое предложение покончить дело мирно, как это сперва предполагалось, встречено неблагоприятно... Поэтому я решил немедленно убраться (déguerpir) из Парижа, где мне больше совершеннно нечего делать» [81]. К этому времени Суаекур лишил Бабефа его полномочий и потребовал сдачи всех документов.

Бабеф считал, что за выполненные им работы маркиз Суаекур должен заплатить ему свыше 12 тысяч ливров [82]. Но эксперт, выделенный маркизом (нотариус Руэтт), утвердил документы лишь на 2370 ливров. Так как часть этой суммы (1416 ливров) Бабеф успел уже получить, то ему предложено было довольствоваться только ничтожной подачкой в 953 ливра. При этом ему ультимативно было предложено выдать расписку в том, что он не имеет больше никаких

---

[79] ЦПА ИМЛ, 42 В IV. Жалуясь на поведение Токена, Бабеф писал: «С тех пор как начались наши ссоры, все замерло.., потому что, подобно медикам, которые хотят, чтобы ни один больной не осмеливался умирать без помощи факультета, г. бальи маркиза полагает, что человек, назначенный без его ведома, ничего не должен предпринимать, и считает, что все сделанное этим человеком плохо. Другими словами, он как бы заявляет маркизу: «Я не потерплю, чтобы вы назначали кого-либо, не посовещавшись со мною, вашим бальи вот уже 38 лет, и все, что вы сделаете без меня, я переделаю»» (ЦПА ИМЛ, 8 В IV).

[80] ЦПА ИМЛ, 49 В I.

[81] ЦПА ИМЛ, 5 В IV. Для своей поездки Бабеф просил аванс у Галопа, сеньера Арманкура. В ноябре 1788 г. он писал ему: «Я нахожусь в очень неприятном положении: мне много должны, но никто не платит. Мне необходимо поспешить в Париж, чтобы закончить с г. Суаекуром. Это обстоятельство, а также другие необходимые расходы меня очень стесняют. Не могли бы вы выдать небольшой аванс, на который я посылаю расписку (на 50 ливров). Вы окажете мне большую услугу» (E. Coët. Babeuf à Roye, p. 3).

[82] В биографических заметках Бабефа, написанных в 1794 г., он указывал: «Ко времени революции мне должны были за все выполненные мною работы около 36 тысяч ливров, в том числе дворяне (бывший маркиз Суаекур и другие) — 30 тысяч ливров, многие духовные учреждения — около 6 тысяч франков» (G. Deville. Notes inédites de Babeuf sur lui-même.— «La Révolution française», 1905, t. XLIX, p. 40).

претензий. «Слуги г. Суаекура столь же коварные, как и мои исконные злостные недруги,— писал Бабеф,— имели низость, воспользовавшись моей нуждой, предложить мне сумму, меньшую, чем 100 луи, и потребовали при этом от меня расписки, что я получил сполна за все мои мемуары и книги, стоимость которых я определил в 12 тысяч ливров, и что я отказываюсь от всякого иного вознаграждения. Неотложная нужда вынудила меня согласиться на все» [83]. Оплатить уже выполненные работы отказался не только Суаекур, но и аббатство Сент-Орен; ликвидации этого долга Бабеф тщетно пытался добиться в первые годы революции [84].

«Я оказался без занятий и без денег,— вспоминал позднее Бабеф,— поскольку полученных мной 100 луи не хватило даже для того, чтобы оплатить моих мелких кредиторов, подстрекаемых Билькоками и их союзниками и осаждавших меня счетами. Я с величайшим трудом спас от этого страшного крушения свою мебель, и трудно представить, с каким огорчением они наблюдали, что мне удается сохранить эти жалкие остатки» [85].

О тяжелом положении Бабефа в это время говорит письмо к нему жены Девена: «Не думайте, что мы остались бесчувственными ко всем невзгодам, которые вы сейчас переносите. Каждый день мы поджидаем с нетерпением почтовой кареты, рассчитывая узнать ваши новости. Мы не перестаем говорить о вас с тех пор, как это случилось. Нам кажется странным, что вы не сообщили ничего о том, что произошло между вами и г-ном де Суаекуром... Я умоляю вас сообщить, есть ли у вас надежда получить какую-нибудь другую работу, которая вознаградила бы вас за эту потерю» [86].

---

[83] ЦПА ИМЛ, 49 В I. В бумагах Бабефа сохранилась следующая запись:

«Акт г. Дени, нотариуса в Париже, 23 декабря 1788 г.

Мое изложение (expositif); я представил г. маркизу счет на 12 000 с чем-то ливров. После выполненной экспертом, по поручению маркиза, проверки *степени законченности и пригодности работ*, несмотря на мои возражения (en contradiction avec moi), счет был сокращен до 2370 ливров 4 су, 6 денье, из которых вычтены уплаченные мне 1416 ливров 6 су 4 денье, осталось 953 ливра 18 су 2 денье, которые он мне уплатил и чем я должен довольствоваться...» (ЦПА ИМЛ, 6 В I).

[84] См. ЦПА ИМЛ, 13 В III. 26 мая 1788 г. Девен писал Бабефу: «Как ваши дела с С.-Орен; эти жалкие кляузники являются причиной всего» (ЦПА ИМЛ, 67 В VI).

[85] ЦПА ИМЛ, 49 В I. В архиве Бабефа сохранилось письмо от одного из его кредиторов: «Настоящее письмо является напоминанием, когда же вы собираетесь оплатить ваш счет? Вы думаете, вероятно, что ваших комплиментов для меня достаточно,— ничего подобного! Вам следовало бы помнить, что прошло уже достаточно времени. Я с удовольствием вам помог, надеясь, что вы отплатите той же монетой. Я огорчен, что вынужден так часто напоминать. Остаюсь в ожидании скорейшей присылки денег» (ЦПА ИМЛ, 6 В V. Amiens, 26 janvier 1789).

[86] ЦПА ИМЛ, 95 В VI. 8 декабря 1788 г. Девен писал Бабефу: «В вашем письме сжато изложены все ваши горести. Верьте, дорогой друг, что мы их разделяем и очень ими опечалены» (ЦПА ИМЛ, 69 В VI).

Бабеф сам лихорадочно искал работу. Но это оказалось далеко не легкой задачей: «прожорливая орда» всячески ему в этом препятствовала. В июне 1789 г., после отказа одного сеньера привлечь его к составлению описи своего владения, Бабеф жаловался на то, что это явилось результатом «очень дурного отзыва» г. Дю Мениля, продиктованного «соперничеством и личной заинтересованностью, которая постоянно приводит к тому, что против него ополчаются враги» [87].

Все эти удары, обрушившиеся на Бабефа, не были для него полной неожиданностью. Он давно уже готовился к серьезным жизненным испытаниям. «Естественная участь всех незаурядных людей (des hommes non ordinaires) подвергаться тяжелым испытаниям»,— писал он Девену в июле 1786 г., после освобождения последнего из Бастилии [88].

Но Бабеф вовсе не собирался складывать оружие. «Мы должны проявлять себя людьми при всяких жизненных обстоятельствах,— писал он отцу того же Девена, узнав об аресте его сына,— и тот из нас, кто предается унынию из-за несчастных случаев, которых всегда нужно ожидать, проявляет самую смешную самонадеянность, потому что он хочет подняться над условиями человеческого существования (au dessus de la condition humaine)» [89].

Борьбу против Суаекура Бабеф попытался повести прежде всего через судебные инстанции. Ссылаясь на то, что он оговорил «все свои права» и возражения в нотариальном акте, Бабеф в январе 1789 г., несмотря на выданную им расписку, опротестовал в бальяжном суде Руа право Суаекура на его отстранение в нарушение ранее заключенного соглашения, и потребовал компенсации за все понесенные им убытки [90]. Суд, который возглавлялся старшим Бильковом, где королевским прокурором был его брат Бильков младший, а королевским адвокатом — их двоюродный брат Ф. Прево, конечно, не встал на сторону Бабефа. Он, очевидно, намеревался жаловаться

---

[87] ЦПА ИМЛ, 41 В IV (28 juin 1789).

[88] ЦПА ИМЛ, 98 В VI. В том же письме он писал: «Для вас должно быть утешением, что вы отмечены каким-то отличием, которое не дает возможности смешивать вас с теми, кого никогда ни в чем не заподозрят только потому, что, как хорошо известно, они вообще ни на что не способны».

[89] ЦПА ИМЛ, 21 В IV (G. Babeuf à Devin père, 23 juin 1786).

[90] ЦПА ИМЛ, 5 В I. Документ, обращенный, по-видимому, в суд, начинался следующими словами: «Не признавая мнимого права, на которое претендует г-н маркиз Суаекур, лишить меня тех полномочий, которые он мне дал, и отменить, по своему собственному усмотрению и без разрешения юстиции, назначение на должность, зарегистрированное по его собственной просьбе бальяжем Руа, в порядке утверждения судом документов (entérinement)... я заявляю, что соглашаюсь ускорить срок явки в суд, объявленный мне судебным приставом в г. Руа, Берту, по требованию г. маркиза Суаекура... и что моя явка имеет целью... потребовать все, что мне должны за различные произведенные мной операции для описи владений упомянутого г. маркиза Суаекура»... Бабеф ссылался на соглашение с Суаекуром о порядке оплаты его работ, подписанное 8 октября 1787 г. Это соглашение не сохранилось.

в другие инстанции, от чего его всячески отговаривали. «Я очень огорчен за вас,— писал ему из Парижа 11 апреля 1789 г. Одиффре,— из-за всех этих дрязг... Я советую вам приложить все усилия, чтобы выйти из положения, которое кажется мне довольно щекотливым. Поскольку вы уже дали расписку, вам будет очень трудно снова вернуться к этому вопросу... По моему мнению, это слишком большое препятствие к тому, чтобы вы могли добиться успеха» [91].

Еще более решительно настаивал на капитуляции Девен. «Я узнал, что вы атакуете г-на де Суаекура,— писал он 2 марта 1789 г.,— Новый Давид, вы осмеливаетесь бросать вызов (provoquer) Голиафу! Если бы вы оказались столь же счастливым и сумели хорошенько нацелить пращу, которую вы против него направляете. Ходят слухи, что вы хотите сами вести дело и что в своей защите вы собираетесь напасть на нравственность маркиза. Как добрый друг, я советую вам не делать ничего подобного и ограничиться доказательством того, что вы были ущемлены. Сатира, которая забавляет и вызывает смех у слушателей, причиняет иногда немало неприятностей своему автору» [92]. Мы уже не раз встречались с осторожными увещеваниями Девена, но и на этот раз Бабеф не собирался им следовать. Свой конфликт с маркизом Суаекуром и всей олигархией Руа Бабеф не склонен был рассматривать только как личное столкновение. Перед его глазами все время была страна, шедшая навстречу величайшему революционному взрыву. Самым внимательным образом следил он за все обострявшейся борьбой в столице. 25 августа 1788 г. Людовик XVI вынужден был пойти на уступки: Ломени де Бриенн был отстранен с поста генерального контролера и к власти, после семилетней опалы, снова вернулся Неккер. Описывая свое столкновение с Токеном, настаивая перед Суаекуром на отстранении бальи от всех дел, Бабеф писал 10 сентября 1788 г., через две недели после назначения Неккера: «Заговор, сотканный против меня в Тиллолуа, напоминает тот, который имел место при Версальском дворе, когда оттуда изгонялись Неккеры и водворялись Калонны. Но, в конце концов, пришлось признать, что Неккеры способны сделать кое-что хорошее, тогда как Калонны и все подобные им способны творить только зло» [93].

События в Тиллолуа казались Бабефу своеобразным отражением того, что происходило в столице. Менее всего он склонен был

---

[91] ЦПА ИМЛ, 6 В VI. 31 марта Одиффре писал Девену: «Я получил вчера письмо от г. Бабефа... Он перечисляет мне все свои неприятности из-за предприятия, в котором мы должны были участвовать совместно. Я очень этим огорчен. Несомненно, что о таких делах нужно было договориться письменно, чтобы отнять у злонамеренных лиц всякую возможность оправдания после нарушения принятых ими обязательств. Ясно, что будь г. Бабеф более опытным, он запасся бы письменными обязательствами, и это предотвратило бы все неприятности, которые он теперь переносит» (ЦПА ИМЛ, 12 В VI).

[92] ЦПА ИМЛ, 7 В VI.

[93] ЦПА ИМЛ, 42 В IV.

к капитуляции или компромиссам. Созыв Генеральных штатов застиг Бабефа в разгар его решительного столкновения с привилегированными и их опорой в Руа. Вопреки советам Девена, «новый Давид» готовился запустить свою пращу.

Несколько месяцев спустя, уже после взятия Бастилии, находясь в Париже, Бабеф встретил маркиза. Он описал эту встречу в письме к жене 9 сентября 1789 г.: «Я встретил недавно карету маркиза де Суаекура,— он находился в ней. У меня внезапно появилось желание что-нибудь ему сказать. Я бросился к дверце кареты, кажется он понял. Я кинулся к лошадям, чтобы остановить кучера, но маркиз сделал ему знак, и карета умчалась» [94].

Но к этому времени конфликт с Суаекуром отошел уже для Бабефа на задний план — все внимание его было поглощено революционными событиями, охватившими Францию [95].

---

[94] ЦПА ИМЛ, 39 В VIII.

[95] В нашем распоряжении нет сведений о принадлежности Бабефа к масонским ложам. В 1935 г. М. Домманже опубликовал по копии, хранившейся в коллекции А. Роллена, письмо Бабефа неизвестному лицу и без указания даты, в котором он просил поддержать его просьбу о вступлении в ложу. В письме Бабеф указывает, что раньше относился к масонству отрицательно, но сейчас «признает в масонстве школу нравов, добродетели, чести, самых лучших чувств, в которой каждый принятый учится укреплять себя в принципах самой чистой справедливости, согласно которым все люди являются братьями и имеют одинаковое право на благосостояние в этом мире» («Pages choisies...», p. 69—70). По вопросу об отношении бабувизма к масонству см.: G. Pariset. Le babouvisme et la maçonnerie («Melanges offerts a Ch. Andler». Strasbourg, 1924).

ГЛАВА ПЯТАЯ

Первый год революции

Революция не застала Бабефа врасплох. Мы видели, что к этому времени у него сформировались достаточно отчетливые взгляды, что он успел уже вступить в открытое столкновение с «привилегированными сословиями» и их ставленниками. Неудивительно, что при подготовке выборов в Генеральные штаты и при составлении наказов Бабеф сразу же выступил со своими собственными предложениями. О содержании их он рассказал сам в уже цитированной нами рукописи 1790 г.: «Наступила эпоха созыва Генеральных штатов. Во время обсуждения наказа в Руа я вмешался и попытался вставить в него несколько статей. Одной из них я хотел показать свое полное бескорыстие и ненависть к эгоизму. Несмотря на то, что я был февдистом, я начал с того, что предложил упразднение феодальных владений (abolition des fiefs), выкуп держаний чиншевиков (rachat des censives), уничтожение права наследования по старшинству. Я обосновал необходимость этих политических мероприятий доводами, которые могли привести в замешательство всех, кто попытался бы меня опровергнуть. Затем я предложил способ замены всех видов обложения единым налогом и равномерного его распределения. Я внес и другие предложения: о государственном образовании (une éducation nationale) и т. д.» [1]

Но председателем собрания, обсуждавшего наказ, был все тот же Билькок-старший, окруженный своими «льстецами и ставленниками». На примере Руа очень ясно проявилось общее положение во Франции — как в столице, так и в провинции. Буржуазная революция, на первых порах, сохраняла в полной неприкосновенности доставшуюся ей в наследство военно-бюрократическую, государственную машину. Неудивительно, что в Руа такие патрицианские семьи, как Билькоки, сохраняли свое влияние. При формировании всех новых органов самоуправления старая судейская аристократия играла здесь решающую роль. Предложения Бабефа

[1] ЦПА ИМЛ, 49 В I.

не имели поэтому успеха. Руководители собрания не решались их открыто оспорить, но добились того, что их замолчали и не включили в наказ. Зато враждебное отношение к Бабефу резко усилилось. «Я без труда заметил,— писал Бабеф год спустя,— что в душах этих деспотов усилилось негодование против смелого плебея, который решился открыто выступить... Я уже тогда понял, какие гнусные планы складывались в их преступных умах против того, в ком они видели решительного сторонника демократических принципов,— грех, который казался им тогда непростительным» [2]. На полях в этом месте Бабеф набросал проект эпиграфа ко всей рукописи: «Жители Руа — патриоты, вот ваша история: потомство с честью отметит ваши имена. Визири г. Руа — вот ваша история, в которой ваши имена будут заклеймены для потомства» [3].

Обсуждение наказа было первым — и еще сравнительно безобидным — эпизодом из истории борьбы Бабефа против «визирей» сперва Руа, а потом и всего департамента Соммы.

Для определения позиции Бабефа в развертывавшейся во Франции политической борьбе большой интерес представляет один документ, сохранившийся в его архиве и относящийся к апрелю 1789 г. В нем содержится резкая критика речи Александра Ламета на собрании представителей трех сословий бальяжа Перонна, в котором участвовали и депутаты Руа [4]. Как известно, Ламеты (двое из братьев, Шарль и Александр, стали членами Учредительного собрания, третий, Теодор, был членом Законодательного собрания) являлись виднейшими представителями либерального дворянства. Даже тогда, когда уже произошел поворот вправо целого ряда депутатов, блиставших в начале работы Генеральных штатов и Учредительного собрания, в том числе и самого Мирабо, братья Ламеты оставались — вплоть до осени 1790 г.— лидерами левого крыла Учредительного собрания. Шарль Ламет даже сражался в 1790 г. с Мирабо на дуэли. Тем интереснее критика Бабефа, направленная еще весной 1789 г. против одного из братьев Ламетов, пользовавшегося тогда в Пикардии большой популярностью.

Общая оценка, которую Бабеф дает речи Александра Ламета, поражает своей резкостью: «Речь Ламета... является, прежде всего, эфемерным сооружением, воздвигнутым из всех материалов, появившихся в обстановке всеобщего братания (embrassement général des têtes). Это смесь всего, что мог соединить ловкий оратор, пользующийся *в интересах представителей своего класса* (à l'avantage de ceux de sa classe) (курсив наш.— *В. Д.*) своей способностью...

---

[2] ЦПА ИМЛ, 49 В I.

[3] Там же («Royens Patriotes, voici votre histoire où la posterité lira vos noms honorés. Royens visirs, voilà votre histoire où la posterité lira vos noms flétris»).

[4] См. «Cahier des ordres réunis de la noblesse et du tiers-état du gouvernement de Péronne, Montdidier et Roye, rassemblés à Péronne, réunis à M. M. le chevalier Alexandre de la Meth et le duc de Mailly, députés de l'ordre de la noblesse...». Paris, chez le Senne, 1789.

искусно излагать другим нынешнее положение. Он щеголяет тем, что выставляет напоказ самые великодушные чувства, он очень ловко пользуется великими и возвышенными идеями, высказанными до него совершенно искренними людьми, единственной целью которых было служение общему благу. Одним словом, он хочет представиться овечкой для того, чтобы пристать к стаду, но мы очень ошиблись бы, не признав в нем хищного волка, который станет впоследствии свирепствовать в поисках жертвы для своих клыков» [5].

Обстановка «всеобщего братания» (embrassement général), так хорошо известная из истории Великой французской революции, начала революции 1848 г. во Франции и Германии, февральской революции 1917 г. в России, не лишила, как видим, Бабефа трезвости. Конечно, и он далеко не был свободен от иллюзий, например, в отношении Неккера в 1788 г. или Мирабо в 1789 г. Но в этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что такие иллюзии были даже у Марата и в конце 1788 г., и в начале работы Генеральных штатов [6]. Нельзя поэтому не отдать должного Бабефу, который уже весной 1789 г. распознал за либеральными разглагольствованиями Александра Ламета очень искусную защиту классовых интересов и даже употребил именно такую формулировку.

Анализируя речь Ламета, Бабеф пытался сопоставить ее «показной текст» (texte entortillé) и «подлинный смысл» (le c'est à dire): содержание и критику речи он изложил в двух столбцах под такими именно заголовками. Так, призыв Ламета к представителям «коммун», т. е. третьего сословия, соблюдать «дух справедливости» после того, как дворяне откажутся от своих прав, Бабеф истолковал так: «Коммуны могут оказаться настолько ослепленными, что за те уступки, которые мы вынуждены обещать, делая вид, что добровольно и великодушно оказываем им благодеяние, обратятся к нам с выражением благодарности за предоставление того, что, возможно, мы уже не в состоянии будем дольше похищать у них» [7].

Заявление Ламета о необходимости сохранения в монархии «почетных различий» Бабеф объяснял стремлением противопоставить монархии «другую силу, способную уравновесить первую»,— дворянство. Именно этим — вспомним памфлет Бабефа, написанный им осенью 1787 г., о «Коварной политике привилегированных сословий» — он склонен был объяснять их оппозиционность, «почти мятежные заявления» (quelques maximes presque séditieuses). Их цель состоит в том, чтобы сосредоточить в своих руках «всю власть, законодательную и исполнительную, и установить подобие аристо-

---

[5] ЦПА ИМЛ, 7 В I («A Monsieur le Chevalier Alexandre de la Meth, orateur de la noblesse et à tous M-rs de son ordre composant l'assemblée du baillage de P[éron]ne».— «Г-ну шевалье Александру де ла Мету, оратору от дворянства и всем господам из его сословия, заседающим в собрании бальяжа П[ерон]н»).

[6] См. А. З. Манфред. Марат. М., 1962.

[7] ЦПА ИМЛ, 7 В I.

кратии, которая позволит нам (дворянам.— *В. Д.*) вернуть себе все прежние права феодального деспотизма» [8].

Особенно настороженно Бабеф отнесся к заявлению Ламета о том, что представители коммун «должны понять ту крайне важную истину, что нет такой собственности, которая не была бы священной; если даже найдутся такие ее формы, которые представляют некоторые неудобства, никому не должно быть позволено нападать на них; следует только побуждать тех, кто ими пользуется, принести их в жертву». В этом заявлении Ламета уже совершенно ясно намечалась вся та линия, завершением которой явилась знаменитая «ночь 4 августа», когда под личиной «великодушной жертвы» дворянство поступилось только тем, как правильно предвидел Бабеф, что оно не в состоянии уже было удерживать. «Подлинный смысл» (le c'est à dire) этой части речи Ламета Бабеф определил как попытку убедить коммуны в том, что «всякая собственность, какой бы несправедливой и возмутительной она ни казалась и как бы ни была она вредна и губительна по своим последствиям, является неприкосновенной (absolument inataquable). В силу этого принципа не представит труда отклонить все выдвигаемые требования. Наши льготы (immunités), наши привилегии и прерогативы, все наши отличия будут, в силу этого, считаться неприкосновенной собственностью» [9].

Рукопись эта Бабефом закончена не была, но и из написанной части ясно видно, насколько настороженно и враждебно отнесся он ко всей «коварной» политике либеральной знати, стремившейся путем известных уступок сохранить крупную земельную собственность, решительным противником которой Бабеф был, как мы видели, еще с середины 80-х годов.

В июне 1789 г. Бабеф вступил в новое столкновение с всемогущей «династией» Билькоков, на этот раз в связи с поведением депутата Руа в Генеральных штатах. Депутатом от «коммуны Руа» был уже упоминавшийся нами Прево, двоюродный брат Бильлкоков, как его отец и дед «королевский адвокат» бальяжа Руа с 1767 г., мэр города в 1768—1771 гг. (и в 1791—1792 гг., после окончания работ Учредительного собрания). С самого начала работы Штатов Прево оказался на крайне правом крыле собрания. В решающий момент «клятвы в зале для игры в мяч», 20 июня 1789 г., когда депутаты третьего сословия, уже провозгласившие себя Национальным собранием, отказались подчиниться королевскому предписанию разойтись, Прево не присоединился к этому решению. «Взгляды, которые разделял Прево,— писал по этому поводу Бабеф,— стали известны во время знаменитого заседания в зале для игры в мяч. Протокол этого заседания, когда депутаты третьего сословия, провозгласив себя Национальным собранием, поклялись, вопреки всем

---

[8] Там же.
[9] Там же.

преградам, которые могли бы возникнуть, основать великое здание нашей конституции, доставил в Руа эту столь счастливую для всех добрых французов новость, но поверг вместе с тем город в глубокое огорчение. В этом протоколе было указано, что он был подписан всеми депутатами коммун, *кроме одного*. Из осторожности это имя не было названо, но приведены были все подписи, отсутствовала только подпись Прево... Пусть судят, каковы были чувства обитателей города Руа в результате этой катастрофы, которую они считали для себя позорной» [10].

Бабеф сообщает, что это поведение Прево вызвало возмущение значительной части жителей Руа: «Отречемся от него,— говорили граждане,— покажем, что мы ошиблись в своем выборе, отзовем этого предателя и предложим заменить его тем, кого мы считаем достойным представлять общественные интересы; не совершим преступления перед собранием, оставив гадюку, которая будет отравлять все своим зловонным дыханием» [11].

Можно, конечно, не сомневаться, что инициатором этого движения был сам Бабеф и что именно с его именем связана была крайне любопытная попытка осуществить в явочном порядке право отзыва депутата. Бабеф составил и проект петиции, но «три всемогущих Билькока обнаружили этот подкоп». Собрать подписи под петицией не удалось. Но попытка Бабефа усилила ненависть к тому, кому «поручено было составить этот сокрушительный акт, а тот, против кого он был направлен, был взбешен до крайности» [12]. Действительно, при первой возможности Прево отомстил Бабефу.

Летом 1789 г. борьба Бабефа против патрицианской верхушки Руа временно прервалась. В июле он уехал из Руа в Париж. Эта его поездка вновь была связана с «Постоянным кадастром».

Созыв Генеральных штатов и перспектива обсуждения в них финансовых проблем воскресили у Бабефа надежду на осуществление его плана. 28 марта 1789 г. он обратился по этому поводу к Одиффре. Письмо это не сохранилось, но уцелело письмо Одиффре Девену от 31 марта, в котором он сообщил, что получил «длинное

---

[10] ЦПА ИМЛ, 49 В I. Бабеф упрекал Прево в том, что за свою «измену» он получил «бесплатный стол и жилище в одном из аристократических отелей Парижа. Гордясь этими милостями дворян... он бесстыдно пренебрегал депутатами от третьего сословия» (там же). В мае 1792 г., когда Прево был мэром Руа, Бабеф в письме на имя Карра, тогда редактора «Патриотических летописей», напоминал о поведении Прево как депутата Учредительного собрания, «единственного, кто, во время клятвы в зале для игры в мяч, отказался подписать протокол (см. этот протокол). Он жил в Версале и был нахлебником в отеле... Не желая тратить свои 18 франков, он пользовался теми же преимуществами в Париже, в конуре небогатого аристократа. Он был горячим сторонником абсолютного вето, всех предложений, отстаивавших королевские прерогативы; по всем вопросам он голосовал с Казалесами, Мунье, Мори (наиболее реакционными депутатами Учредительного собрания.— *В. Д.*). Он был членом всех монархических и фельянских клубов» (ЦПА ИМЛ, 73 В IV).

[11] ЦПА ИМЛ, 49 В I.

[12] Там же.

письмо от г. Бабефа (Baboeuf)... Он предлагает снова свой исправленный кадастр и спрашивает, не соглашусь ли я присоединить к нему в помощь свой инструмент. Я не желал бы ничего лучшего»[13]. Одиффре тут же подчеркнул, что в проекте Бабефа он придает основное значение предложению, совпадающему с его собственной точкой зрения, о необходимости измерения площади всей страны и ее картографирования (cartement). Но такая задача может быть успешнее всего решена с помощью изобретенного им «тригонометрического угломера».

Самому Бабефу Одиффре ответил только 11 апреля. Сообщив, что в связи с созывом Генеральных штатов он сам вернулся к плану кадастра и «вот уже три месяца» изучает все проекты, связанные с этим вопросом[14], Одиффре предложил Бабефу приехать в Париж, чтобы обо всем договориться. «Значительная часть нации склоняется к тому,— писал Одиффре,— чтобы иметь только один налог; дело только за тем, чтобы обеспечить простейший способ его установления. Если вы согласны со мной, что инструмент (угломер.— *В. Д.*) может стать для этого главной движущей силой (le principal mobile), обдумайте все и постарайтесь отлучиться на пару недель, чтобы приехать сюда, и мы примемся за дело»[15].

Очевидно, в первой половине апреля Бабеф вновь писал Одиффре и обратил его внимание на какую-то статью, в которой излагался опыт проведения кадастра в Австрии. Отвечая на это письмо Бабефа, Одиффре поторопился охладить пыл своего корреспондента, по-видимому, возмечтавшего об осуществлении его плана и в Австрии: «Ваши планы идут слишком далеко; я был бы доволен, если бы с нами согласились в нашем собственном отечестве»[16]. Снова подчеркнув, что именно открытый им инструмент является «душой» (âme vivante) всего дела справедливого перераспределения налогов с недвижимой собственности, Одиффре приглашал Бабефа поскорее приехать в Париж.

Получив это письмо 18 апреля, Бабеф тут же на его обороте набросал черновик своего ответа. Он писал об австрийском кадастре только для того, чтобы и на этом примере показать, что задуманное им мероприятие осуществимо. Хотя и не исключена возможность «просветить» австрийцев, путем ознакомления с предла-

---

[13] ЦПА ИМЛ, 12 B VI.

[14] В том же письме Девену Одиффре сообщил: «Я просмотрел почти все, что появилось по этому вопросу; я даже купил все, что имеет отношение к налогам... Я намеревался представить Генеральным штатам мой инструмент и объяснить его выгоды, но этим я собирался ограничиться» (ЦПА ИМЛ, 12 B VI).

[15] ЦПА ИМЛ, 6 B VI.— В приписке к письму Одиффре сообщил и Бабефу, что он «составил коллекцию всех лучших произведений, появившихся за последние шесть месяцев как в области политики, так и имеющих отношение к кадастру». Коллекция эта позднее была использована Бабефом.

[16] ЦПА ИМЛ, 7 B VI (Audiffred à Babeuf, 15 avril 1789. «Vous portés, Monsieur, vos vues bien loin»).

гаемым им планом, Бабеф выразил свое согласие с тем, что все внимание следует сосредоточить на Франции. «Я не пренебрегаю ничем,— писал он,— чтобы оказаться в состоянии предложить нашим соотечественникам план, достойный их внимания; я стремлюсь сделать это со всей возможной быстротой, так как хорошо знаю, что мы заинтересованы в том, чтобы использовать время и не упустить ничего для осуществления нашей цели» [17].

Бабеф изложил Одиффре свой план действий: «Я просмотрел, прежде всего, то, что я сделал для Кадастра в 1787 г., и все мои позднейшие исправления; я добавлю к этому кое-что из опыта и из чтения произведений, опубликованных за последнее время и имеющих какое-либо отношение к моей теме... Все это я соединю и внесу исправления после того, как приеду в Париж, а вы ознакомите меня с тем, что следует включить о вашем инструменте, и дадите мне возможность использовать другие работы, с которыми я не мог ознакомиться» [18].

При этом Бабеф сразу же предупредил, что собирается знакомиться с этими произведениями не только для того, чтобы использовать некоторые предложения, но и с тем, чтобы выступить против «ложных идей», ошибочность которых, возможно, ускользает благодаря «привлекательному и коварному стилю». До сих пор ему не пришлось встретиться ни с одним сколько-нибудь основательным предложением в этой области. Он вновь полемизировал с книгой Дютилле де Виллара: «Я уже писал вам в свое время (Бабеф имел в виду уже цитировавшееся нами письмо к Одиффре в мае 1787 г.— *В. Д.*) о книге Дютилле де Виллара, произведении, которое наделало шума больше, чем какое-либо другое из всех, имевших отношение к кадастру, хотя и не имело такого успеха, какого можно было ожидать. Г. Дютилле ограничился, как и многие другие, только настоящим, но все его здание рухнет и окажется совершенно непригодным вследствие непрерывных изменений в размерах владений, вследствие разделов и каждодневных перемен в составе собственников... Наш план не имеет этих недостатков. Его постоянная форма сделает его пригодным через сто лет так же, как и сегодня, несмотря на все многочисленные перемены, которые неизбежно произойдут. После того, как этот труд будет выполнен, он будет служить навеки; не потребуется почти никаких расходов при взимании налогов; граждане будут избавлены от штрафов, от инквизиторских вопросов, от каких бы то ни было конфискаций». Как всегда увлекаясь, Бабеф выражал глубокое убеждение в том, что его система «обладает всеми достоинствами и лишена недостатков» [19].

Больше всего он настаивал на необходимости спешить. Как и в 1787 г., его пугала мысль о том, что их опередят: «Мы будем глубоко несчастными людьми, если в такой благоприятный для осущест-

[17] ЦПА ИМЛ, 7 В VI.
[18] Там же.
[19] Там же.

вления нашего плана момент, который может представиться лишь раз в тысячу лет, окажемся, в конце концов, обманутыми»[20].

Торопясь и обольщаясь в своих надеждах, Бабеф считал, что осуществление всего этого плана переработки «Кадастра», связанная с ним поездка в столицу, печатание рукописи в Нуайоне у Девена займет около трех недель — срок, казавшийся ему необыкновенно долгим. 17 июля 1789 г., через три месяца после этого письма, Бабеф был уже в Париже[21].

II

Бабеф попал в Париж на третий день после падения Бастилии. Адвиелль, введенный, возможно, в заблуждение записками Эмиля, ошибочно утверждал, что Бабеф «был участником взятия Бастилии», что на следующий день после ее падения «он поспешно вернулся в Руа... и потом снова приехал в Париж»[22].

Картина революционного Парижа произвела на Бабефа ошеломляющее впечатление. «Находясь здесь, невозможно сохранить ясность мысли,— сообщал он жене в первом письме после приезда, 25 июля 1789 г.,— так сильно душевное волнение. Вокруг все рушится, все находится в состоянии такого брожения, что даже, являясь свидетелем всего происходящего, не веришь собственным глазам»[23]. Бабеф писал жене, что народный гнев, вызванный сообщениями о «заговоре принцев», не был утолен ни «смертью коменданта Бастилии, ни разрушением этой адской тюрьмы, ни смертью купеческого старшины (Флесселя.— *В. Д.*), ...ни возвращением к власти Неккера и других прежних министров». Бабеф чрезвычайно ярко описал расправу над Фулоном, которого прочили в заместители Неккеру, после его отстранения от власти 11 июля, и над его зятем, парижским интендантом Бертье-де-Совиньи: «Г-н Фулон был вчера арестован, отведен в городской муниципалитет и повешен при выходе из него. Его тело сперва волокли по улицам Парижа, затем разорвали на части, а голову, надетую на пику, пронесли в Сент-Мартенское предместье в ожидании зятя г-на Фулона,

---

[20] Там же.

[21] G. Deville. Notes inédites de Babeuf sur lui-même («La Révolution française», t. XLIX. Paris, 1905, p. 41). Из протокола допроса, снятого с Бабефа в Париже в мае 1790 г., также видно, что он был в Париже с 16—17 июля 1789 г. (ЦПА ИМЛ, 43 В III. «Interrogatoire du Babeuf, feudiste, du mercredi 26 may 1790»). См. также ЦПА ИМЛ, 47 В I.

[22] V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 53. Эта ошибка была совершенно правильно отмечена М. Домманже («Pages choisies...», p. 18). П. П. Щеголев, который был плохо осведомлен об этом периоде жизни Бабефа, неверно осветил вопрос о причинах поездки в Париж. «Едва услыхав о дне 14 июля, о падении Бастилии..., Бабеф ринулся в Париж» (П. Щеголев. Гракх Бабеф, стр. 16). Как мы видели, поездка Бабефа подготовлялась еще в апреле 1789 г. и никак не была связана с падением Бастилии.

[23] V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 53—57. В архиве ИМЛ, в котором сохранилась вся переписка Бабефа с женой, это письмо отсутствует.

г-на Бертье де Совиньи, парижского интенданта, которого вели из Компьена, где он был арестован. Сегодня его ожидает участь тестя. Я видел, как проносили эту голову, а сзади шел зять под конвоем тысячной вооруженной толпы. Он проделал, таким образом, на виду у публики весь долгий путь по предместью и улице Сен-Мартен посреди двухсоттысячной толпы зрителей, которые глумились над ним и ликовали вместе с отрядами вооруженной охраны, воодушевляемыми непрерывным барабанным боем» [24].

Это зрелище произвело на Бабефа крайне тягостное впечатление. Своими очень глубокими и очень характерными для него размышлениями он поделился с женой: «О, какую боль причинило мне это веселье! Я был в одно и то же время и рад, и удручен. Я говорил себе: тем лучше и тем хуже. Я понимаю, что народ сам хочет вершить правосудие, я одобряю такое правосудие, когда оно ограничивается уничтожением виновных, но разве оно обязательно должно быть таким жестоким? Всевозможные казни, четвертование, пытка, колесование, костры, кнут, виселицы, палачи, которых развелось повсюду так много,— все это развратило наши нравы! Наши правители вместо того, чтобы цивилизовать нас, превратили нас в варваров, потому что сами они таковы. Они пожинают и будут пожинать то, что посеяли, потому что все это, бедная моя жена, будет иметь, кажется, страшные последствия. Это еще только начало» [25].

Эти строки обратили на себя внимание Жореса. Приведя слова «нашего великодушного и великого Бабефа», Ж. Жорес в первом томе своей «Социалистической истории» писал по поводу них: «С какой гордостью и с какой надеждой мы приводим прекрасные, гуманные и мудрые слова, в которых он, создатель коммунизма нового времени, выражает чувства, пережитые им в эти омраченные бесчеловечьем моменты буржуазной революции» [26].

30 июля Бабеф сообщил жене: «Неккер вчера вернулся, все от этого в восторге; постепенно все приходит в порядок» [27]. Через неделю, 8 августа, он писал: «Хлеб стоит уже только три су за фунт, постепенно все успокаивается» [28]. С тем большей энергией Бабеф принялся за редактирование «Кадастра». «Мы работаем изо всех сил, г. Одиффре, и я,— писал он жене,— над «Кадастром». В той новой форме, которую мы хотим ему придать, это будет довольно объемистый том. Г. Одиффре дает мне понять, что, если эта работа будет иметь успех, она может обогатить нас обоих, но я не льщу себя надеждой. Я привык только к несчастьям, а то, что, как

---

[24] V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 53—57.

[25] Там же.

[26] J. Jaurès. La Constituante. Ed. revue par A. Mathiez. Paris, 1927, p. 304—305 (русск. пер.: Ж. Жорес. История Великой Французской революции. М., 1922, т. I, стр. 208—209).

[27] ЦПА ИМЛ, 34 В VIII.

[28] Там же, 35 В VIII.

кажется должно принести мне утешение, почти всегда от меня ускользает» [29].

Бабеф все же и сам разделял эти надежды на успех «Кадастра». Это был для него единственный шанс выкарабкаться из материальных затруднений. С первых дней пребывания в столице Бабеф убедился в том, что его профессия февдиста является обреченной. Непримиримый враг феодализма, он всячески приветствовал и сам добивался ликвидации сеньериальных прав, хотя непосредственно для него это влекло катастрофические последствия. «Я очень боюсь,— писал он жене еще 25 июля,— что скоро полетят к чертям все описи и множество других вещей, от которых нам давно пора избавиться, хотя я от этого и пострадаю. Все, что я здесь слышу, позволяет мне так думать. Здесь говорят во всеуслышание, что не хотят больше ни дворян, ни сеньериальных грамот, ни замков, ни высшего духовенства. Они сто раз правы, и я от всей души приветствую эти перемены; я готов даже помочь тем, кто собирается опрокинуть мой печной горшок. Пусть эгоисты обзовут меня безумцем, мне это безразлично» [30].

Правда, после 4 августа он успокаивал жену: «Сеньериальные права не уничтожены, разрешено только их выкупать. Право охоты и другие самые отвратительные права упразднены, но это еще не уничтожает мою профессию, как можно было опасаться» [31]. Ему все еще кажется, что «архивы будут существовать, несмотря на упразднение фьефов» [32]. Он колеблется, предложить ли своему постоянному служащему Вассу уехать из Руа и в конце концов решает не писать Вассу. «Так как сеньериальные повинности могут подлежать выкупу, то мне кажется, что найдутся люди, которые долго еще будут их вносить, по крайней мере до тех пор, пока они их не выкупят. Кроме того, сейчас важнее, чем когда бы то ни было, разобраться в том, от кого зависят держания (mouvances) и каков должен быть размер выкупа» [33]. Но в глубине души, как бы он ни успокаивал жену, Бабеф — и это, конечно, вполне соответствовало его принципиальным взглядам — был глубоко убежден в том, что «на профессию февдиста рассчитывать больше не приходится» [34].

Свое пребывание в Париже Бабеф пытался использовать, чтобы добиться уплаты долгов за работы, выполненные им еще до революции. Одним из главных должников Бабефа был сын маршала Брольи, военного министра в министерстве «государственного

---

[29] ЦПА ИМЛ, 34 В VIII. О работе над «Кадастром» Бабеф сообщал жене 25 июля: «Я работаю над Кадастром вместе с г. Одиффре, который, конечно, губоко уверен, что опубликование этого труда принесет нам большие выгоды» (V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 56; ННИ, 1960, № 5, стр. 99).

[30] V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 56.

[31] ЦПА ИМЛ, 35 В VIII.

[32] ЦПА ИМЛ, 13 В VIII; ННИ, 1960, № 5, стр. 99.

[33] Там же.

[34] Там же.

переворота» 11 июля, парижский архи-диакон, «abbé commendataire» Сен-Кантенского аббатства в Бове, скрывшийся вместе с отцом после неудачи переворота. Переговоры с Брольи Бабеф вел через его поверенного Мори, брата знаменитого аббата Мори, одного из виднейших ораторов реакционной части Учредительного собрания. «Это люди,— писал он жене 9 сентября, после получения ею письма от Мори с жалобами на резкий тон Бабефа,— которые не любят, чтобы к ним обращались с подобными требованиями... Я не расположен выслушивать его спесивые нравоучения... Видно, что этот человек является братом презренного аббата Мори и что он пропитан тем же духом. Он говорит, что нужно уважать аббата Брольи,— другими словами, что от него не нужно требовать того, что он должен. Вероятно, еще и потому, что этот аббат Брольи — сын маршала Брольи, бывшего главным лицом в этом ужасном заговоре... Если бы я предал гласности письмо Мори, то одного имени Мори и выражения «уважать Брольи» было бы достаточно для того, чтобы почтенный поверенный угодил на фонарь» [35].

Бабеф сделал одновременно безуспешную попытку взыскать долги с г-жи Лувенкур, для которой он составлял опись ее владений в Неле (Nesles). Для того чтобы вынудить ее расплатиться, Бабеф задержал у себя часть документов ее сеньериального архива, что вызвало переписку, продолжавшуюся еще в 1790—1791 гг.

Тем временем положение Бабефа и его семьи становилось все более затруднительным. «Вот уже восемь дней, как я без копейки,— писал он жене 8 августа,— счастье еще, что мне удается обедать и ужинать у г. Одиффре. Белье мое загрязнилось так, что хуже и быть не может, но не посылай мне чистого, я как-нибудь обойдусь» [36]. Когда жена послала ему 6 франков, он их немедленно вернул. Он писал ей 16 августа: «Я в отчаянии, дорогой друг, вспоминая о том, в какой нужде я тебя оставил; об этом страшно подумать... Меня очень трогает твоя забота обо мне. Я возвращаю присланные тобой 6 франков. Если уж кому-нибудь из нас суждено страдать, пусть я буду первым» [37]. Разлука с семьей, ее тяжелое положение не выходят у него из головы: «Как я жажду увидеть моих бедных детей! Нет слов, чтобы выразить мои чувства, я до того проникнут ими, что не в силах об этом писать. Я так много об этом думаю, что уста мои молчат. Достаточно сказать, что эти мысли не покидают меня весь день, что они не дают мне спокойно спать ночью и нет ничего на всем свете, что могло бы вызвать у меня улыбку» [38]. «Ты раздираешь мне сердце,— пишет он жене 28 августа,— вот все, что я могу тебе сказать. У меня не хватает слов, когда я думаю о нашем положении, а я думаю о нем постоянно. Но я снова прошу тебя, не теряй терпения, не будем отчаивать-

[35] ЦПА ИМЛ, 39 В VIII.
[36] ЦПА ИМЛ, 35 В VIII.
[37] ЦПА ИМЛ, 111 В VIII; ННИ, 1960, № 5, стр. 99.
[38] Там же, стр. 100.

ся» [39]. «Не знаю, каким образом, но постарайся раздобыть шестифранковое экю,— советует он 20 августа,— чтобы продержаться еще хоть несколько дней. Мое состояние отвратительное, я не могу даже определить, что я переживаю... Все-таки я надеюсь, что все пройдет. Меня не так беспокоит будущее, меня заботит только настоящее. Судя по тому, как развиваются события, я уверен, что найду чем себя обеспечить. Я предвижу разные возможности. Не имей я этих надежд, я умер бы» [40].

Бабефу очень не хотелось просить помощи у Одиффре. «Пока есть возможность, нужно скрывать свою нужду»,— писал он жене 4 сентября [41]. Но когда все ресурсы иссякли, он решил пойти на довольно невинный обман. Он послал жене текст письма, который она должна была переписать и вернуть в Париж; в этом письме говорилось, что Сен-Кантенское аббатство в Бове готово оплатить свой долг и что жена просит Бабефа приехать. В ожидании приезда она просит раздобыть ей пару луидоров. Это письмо Бабеф предполагал показать Одиффре и сделать у него заем. Бабефу не пришлось им воспользоваться. Почти одновременно и ему и жене удалось раздобыть несколько луидоров.

Несмотря на все эти трудности, Бабеф усиленно работал и не только над «Постоянным кадастром». Жадно следя за политической жизнью столицы, он находил, как он сам писал, «утешение» в том, что время от времени пытался в какой-то мере вмешаться в нее. Так, 20 августа он с явным удовлетворением сообщил жене: «Среди этих постоянно одолевающих меня забот и тревог, поисков средств, чтобы, по крайней мере, обеспечить всем нам хлеб, жизнь время от времени дает мне возможность отвлечься от моих мрачных мыслей. Ты увидишь из пересылаемой мной небольшой брошюры, что в воскресенье я насладился одной из таких спокойных минут, чтобы позабавить себя письмом, которое опубликовал редактор одной из газет» [42].

Бабеф имел в виду письмо, опубликованное в № 4 газеты «Observateur», издававшейся Фейделем, и датированное 16 августа [43]. «Вы еще начинающий публицист,— писал Бабеф редактору газеты,— и это видно... даже по вашему стилю... Возможно, что вас будут читать. Вам обязательно нужно поэтому избавиться от своих недостатков. Разрешите поэтому преподать вам несколько уроков, основанных на моем большом опыте» («de ma vieille expérience»). «Большой опыт» этот существовал, конечно, только в воображении Бабефа, хотя верно, что с самого начала революции он испытывал сильную тягу к журналистике. Ссылаясь на этот свой «опыт»,

---

[39] ЦПА ИМЛ, 37 В VIII.
[40] ЦПА ИМЛ, 36 В VIII.
[41] ЦПА ИМЛ, 110 В VIII.
[42] ЦПА ИМЛ, 36 В VIII.
[43] Письмо это было обнаружено и перепечатано М. Булуазо в AHRF, 1949, p. 175—176. См. нашу заметку по этому поводу (AHRF, N 153, 1958, p. 62).

Бабеф упрекал Фейделя за его фразу: «Французы! Свобода печати сделала вас гражданами. Она создала Национальное собрание и т. д.». Он считал это утверждение преувеличением. По мнению Бабефа, свобода печати далеко еще не обеспечена, на нее продолжают непрерывно покушаться, завоевания революции далеко не так прочны, как это кажется редактору «Observateur». «Потише, потише! — пишет Бабеф.— Знайте, что все эти великие слова начинают выходить из моды. Эти новшества казались хорошими только вначале; сейчас, по-видимому, начинают признавать, что предшествовавшие формы произвольной власти были гораздо более привлекательными, чем все преимущества этой хваленой свободы, от которой предпочитают отрекаться». Бабеф приводит в пример «Городскую газету» («Journal de ville»), ссылаясь на ее тон, проникнутый преклонением перед «аристократическим режимом». Редакция «Journal de ville» избегает даже слов «Национальное собрание» и предпочитает говорить о «Генеральных штатах». «Вы видите, каким языком пытаются вновь говорить» [44]. Завоевания революции казались Бабефу еще очень непрочными, особенно свобода печати, и, как показали дальнейшие события, он не ошибался.

Такими же опасениями проникнуто и другое небольшое литературное произведение, написанное Бабефом в эти же августовские дни 1789 г. 16 августа он писал жене, что надеется «завтра получить возможность помочь ей... Я рассчитываю на десяток экю выручки от продажи маленькой брошюры в четыре страницы; вчера ее напечатали и сегодня будут продавать» [45]. В приписке к письму Бабеф сообщил название брошюры: «Новое различение сословий г. де Мирабо» [46]. Продажа брошюры не принесла Бабефу никаких материальных выгод. «Мой листок ничего мне не принес,— признавался он 20 августа.— Издатель, у которого я надеялся что-нибудь получить, сообщил мне, что продажа едва окупит расходы по печатанию» [47].

Но эта брошюра, написанная в те же дни, что и обращение в «Observateur», представляет несомненный интерес для биографии Бабефа. Она свидетельствует прежде всего о том, с каким напряженным вниманием следил Бабеф за всей парижской прессой и за работой Учредительного собрания. Она начинается словами: «Французы, друзья мои!.. Могу ли я верить своим глазам... Счастливое заседание 4 августа!.. Несчастное заседание 10-го...» Бабеф дальше критикует одну фразу из речи Мирабо, произнесенную как раз на этом «несчастном» заседании 10 августа. Из письма к жене видно, что 15 августа брошюра Бабефа была уже напечата-

[44] Ibid., p. 176. В конце письма Бабеф указал свой парижский адрес — улица Кэнкампуа, № 40; это был адрес Одиффре, у которого Бабеф прожил все три месяца своего пребывания в столице.

[45] ЦПА ИМЛ, 13 В VIII.

[46] «La nouvelle distinction des ordres par M. de Mirabeau». Chez Volland, libraire, Quai des Augustins. [S. l., n. d.]. Брошюра была издана анонимно.

[47] ЦПА ИМЛ, 36 В VIII.

на,— он написал ее, следовательно, немедленно после опубликования в газетах отчета о речи Мирабо, причем следует учесть, что отчеты о заседаниях появлялись на второй или третий день.

Сама речь не вызвала критики Бабефа. Напротив, он сочувственно привел из нее то место, в котором Мирабо указал, что «десятина (церковная десятина — la dîme.— *В. Д.*) принадлежит нации, и она поэтому может ее отнять». «До сих пор Мирабо является все тем же Мирабо... еще недавно таким твердым и непоколебимым депутатом» [48]. Но, развивая свою мысль, Мирабо доказывал, что священники должны перейти на положение «получающих заработную плату (salariés) от государства». Так как эта фраза вызвала недовольный ропот в Собрании, Мирабо добавил: «Да, получать заработную плату! Я знаю, что в обществе существуют только три сословия... И каковы эти сословия? Нищие, воры и получающие заработную плату (des mendiants, des voleurs et des salariés)» [49].

Именно эта фраза, самое применение термина «сословия» вызвали искреннее негодование Бабефа: «Все еще сословия! Разве это не безумие!..» Фраза Мирабо возмутила Бабефа так же, как и раболепный язык редактора «Journal de ville». Эта реакция Бабефа совершенно понятна, если учесть, что и его брошюра, и письмо в редакцию «Observateur» писались в дни, когда завоевания революции все еще находились в величайшей опасности, как это показали наступившие через несколько недель октябрьские события.

Не следует думать, что этот памфлет являлся проявлением последовательно-критического отношения Бабефа к Мирабо. Наоборот, уже после его опубликования, 9 сентября 1789 г., Бабеф сообщил жене, что он вместе с Одиффре посетил Версаль и получил «аудиенцию» у графа Мирабо, который «встретил нас очень обходительно, как человек, пренебрегающий всякими церемониями и стоящий выше всяких глупых представлений о рангах» [50]. Даже в ноябре 1789 г., уже критикуя деятельность Учредительного собрания, Бабеф все еще характеризовал Мирабо, как «превосходного и интересного человека, ...каждое выступление которого является шедевром и по теме, которой оно посвящено, и по манере изложения» [51]. Речь Мирабо в Собрании 28 октября по вопросу об отчуждении церковных имуществ Бабеф тогда же оценил как «превосходную».

Но критика фразы Мирабо любопытна не только тем, что Бабеф так резко ополчился против самого употребления слова «сословия», напомнившего о «возмутительном неравенстве, бывшем всегда бичом человеческой расы». Она дала ему повод коснуться попутно и другого вопроса, чрезвычайно его интересовавшего. Свою

---

[48] «La nouvelle distinction des ordres...», p. 6—7.
[49] Ibid., p. 7.
[50] ЦПА ИМЛ, 39 В VIII.
[51] ЦПА ИМЛ, 17 В III.

брошюру Бабеф закончил полуироническим и в то же время серьезным замечанием. Три сословия, о которых говорил Мирабо, легко ликвидировать. «О! Я предвижу способ восстановить равенство. Обязав нищих трудиться, мы превратим их в лиц, получающих заработную плату (des salariés); воров, которые не захотят следовать по этому пути, мы накажем за разбой. О! Я слишком поторопился: Мирабо невиновен; я отрекаюсь от своей ошибки и постараюсь с ним примириться»[52].

За этой шуткой скрывалась очень серьезная мысль. Страшный рост нищенства (mendicité), чрезвычайно увеличившегося во Франции в 1788—1789 гг. в связи с продовольственными и промышленными трудностями, был одной из центральных социальных проблем, привлекавших к себе пристальное внимание Бабефа. Мысль о том, какими путями превратить «mendiants» в «salariés» или, вернее, как не допустить превращения «salariés», лиц, существовавших на заработную плату, в «mendiants», в нищих, вынужденных жить подаянием, непрерывно, как мы сейчас убедимся, его занимала. Брошюра о Мирабо является лишним доказательством этого.

III

Бабеф был свидетелем и второго политического кризиса, потрясшего Париж в октябре 1789 г. Описание этих событий мы находим в оставшихся неопубликованными корреспонденциях, которые он писал в это время для лондонского издания «Courrier de l'Europe».

Об этом новом литературном предприятии, с которым Бабеф, как всегда, поспешил связать все надежды на улучшение своего материального положения, он впервые сообщил жене 26 сентября 1789 г.: «Меня успокаивает то, что с начала месяца я зарабатываю 12 франков в неделю тем, что пишу два письма в Лондон для г. де ла Тура, редактора газеты под названием «Европейский курьер». Я ничего еще не получил за это, и буду получать только каждые два месяца. Если, как я надеюсь, я сумею писать эти корреспонденции в Руа, мое путешествие сюда уже окажется небесполезным, потому что это маленькое предприятие, которое не будет стоить мне почти никакого труда, может принести нам 600 ливров ренты. Г. де ла Тур обещает увеличить мне вознаграждение, если его газета, которая только начинает выходить, приобретет большое число подписчиков»[53]. В первых числах октября Бабеф вновь пишет о своих корреспонденциях: «Только урывками я нахожу время для того, чтобы писать тебе и составлять корреспонденции в Лондон для г. де ла Тура. Я вчера снова получил от него письмо; это дело может оказаться даже лучшим, чем я тебе сообщал»[54].

---

52 «Nouvelle distinction des ordres...», p. 8.
53 ЦПА ИМЛ, 109 B VIII.
54 ЦПА ИМЛ, 41 B VIII (4—5 октября 1789 г.).

Первую корреспонденцию Бабеф отправил в начале октября. Очевидно, она была написана наспех,— об этом сообщает сам Бабеф в начале своей второй корреспонденции: «Поспешность, с которой обстоятельства вынудили нас составить первый номер, не дали возможности объявить и последовать тому образцу, которого мы намерены придерживаться в дальнейшем, а, именно, установить точное различие между двумя главными статьями, из которых одна посвящается отчету о заседаниях Национального собрания, а другая — новостям столицы и провинции, собиранию всех фактов, могущих содействовать последовательному освещению общего настроения умов» [55].

Эта вторая корреспонденция сохранилась в двух вариантах — в одном из них изложение событий доведено до 29 октября, в другом — только до 8 октября [56]. Корреспонденция представляет собой поденную запись событий, начиная с 1 октября. Запись эта, составленная по горячим следам, представляет несомненный интерес, как свидетельство очевидца одного из важнейших эпизодов Великой Французской революции, выступления народных масс Парижа 4—5 октября 1789 г.

Объясняя причины, приведшие сперва к «великому брожению» в столице, а затем и к «походу на Версаль», Бабеф придает решающее значение продовольственному вопросу. Вопреки мнению Ж. Лефевра, считавшего, что Бабеф, по-видимому, на протяжении первых лет революции совершенно не интересовался продовольственным вопросом [57], Бабеф в своем анализе октябрьского кризиса уделяет этому вопросу основное внимание.

Уже в сентябре 1789 г. Бабеф писал жене о новых продовольственных затруднениях в столице. «Закончили ли уже уборку, хорош ли урожай? — спрашивал он 4 сентября.— С июля месяца, когда хлеба были еще зелеными, я нахожусь в Париже, где не видно полей и где говорят об этом не больше, чем о 40-м годе. Между тем на прошлой неделе голод чувствовался в течение четырех дней;

---

[55] ЦПА ИМЛ, 15 В I.

[56] ЦПА ИМЛ. 17 В III и 15 В I. Первая рукопись, на 78 страницах (in 4°), с большим количеством исправлений и заметок на полях, носит незаконченный характер, особенно вторая ее половина (стр. 51—78). Судя по отдельным датам, проставленным на полях, она начата была в Париже, но продолжена уже в Руа, в последних числах октября и в начале ноября 1789 г. Вторая рукопись (15 В I) на 20 страницах (in 8° без пагинации) представляет собой перебеленный вариант первой, без всяких исправлений и почти без всяких разночтений. Этот второй вариант опубликован нами в AHRF, 1958, № 151, стр. 31—59 («Un inédit de Babeuf. Sa „Correspondance de Londres"», 1—8 octobre 1789). О «лондонских корреспонденциях» см. также в нашей статье «Бабеф и Марат в 1789—1790 гг.» («Вопросы истории», 1956, № 9).

[57] См. доклад Ж. Лефевра о Бабефе на IX Международном историческом конгрессе: «Ничто не дает основания утверждать, что до конца 1792 г. он рассматривал социальный вопрос в связи с вопросами о продовольствии» («IX Congrès International des sciences historiques». Paris, 1950, v. I, p. 567); см. также «Etudes sur la Révolution française», p. 311).

в нашем доме мы раздобыли хлеб только по полуфунта на человека, да и то из испорченной муки; мы питались рисом. Этот голод был вызван происками аристократов. Одного из них едва не повесили на фонаре. Благодаря этому изобилие начало возвращаться (cela a ramene un peu l'abondance)» [58].

Но в конце сентября и в начале октября 1789 г. Париж снова испытал продовольственные затруднения. «Кто сможет без трепета вспоминать,— писал Бабеф в своей корреспонденции,— о невероятных бедствиях, которым подвергается столица в то время, о котором мы пишем? Что подумает потомство о причинах страшного голода, угрожавшего нам, несмотря на чудесный урожай? Поверит ли оно, что во Франции, в стране, изобилующей великолепным зерном, несчастным жителям столицы приходилось тратить половину своего времени на толкотню у дверей хлебных лавок для того лишь, чтобы раздобыть несколько фунтов хлеба из гнилой, испорченной муки!» [59]. Несмотря на усилия муниципалитета успокоить население, «весь Париж чувствовал, что он вот-вот упадет от истощения. Смешно было уверять, что бедствие является только воображаемым... в то время, как хлеб распределялся все более скупо и те, кому удавалось... раздобыть более двух фунтов, считались счастливцами» [60]. Именно эти «страшные толчки» (les coups terribles) голода создали «небывалое возбуждение», предвещавшее, что «вспыхнет восстание». Бабеф описывает огромное волнение, которое переживал город, когда «женщины и *рабочие столицы*» (курсив наш.—*В. Д.*) двинулись в Версаль. «Трудно представить всеобщую тревогу, которой охвачен был весь Париж в ожидании исхода шествия на Версаль более чем 20 тысяч граждан... Все хотели, чтобы пролилось возможно меньше крови и непрерывно возвращались к основному припеву (refrain principal): Пусть небо поможет им, чтобы они вернулись с хлебом» [61].

Еще утром 6 октября парижане, по словам Бабефа, воспринимали все успокоительные заверения муниципалитета, как «пустые слова, ...от которых в булочных не добавится ни фунта хлеба. Но возвращение короля и королевы в Париж вечером в тот же знаменательный вторник внезапно, словно каким-то чудом, превратило плохой хлеб в хороший и таким же чудесным образом вернуло изобилие. Это дало основание французам с их обычной жизнерадостностью заявить: «Теперь всего будет вволю; мы вернули булочника и булочницу в Париж» [62].

Ж. Лефевр предполагал, что вплоть до термидорианской реакции Бабеф не защищал политики «твердых цен», максимума, и подчеркивал, что еще в 1793 г., работая секретарем продовольственной ад-

---

58 ЦПА ИМЛ, 110 B VIII.
59 ЦПА ИМЛ, 15 B I; см. AHRF, 1958, № 151, p. 31—32.
60 Там же; AHRF, p. 38.
61 Там же; AHRF, p. 47.
62 Там же; AHRF, p. 48.

министрации Парижа, он поддерживал Гарена, «всегда бывшего убежденным сторонником экономической свободы... Только порвав с термидорианцами, он совершенно изменил свою позицию, и тогда Трибун народа начал критиковать отказ от максимума» [63].

Однако это предположение оказывается неправильным. Оно неточно и в отношении Гарена, который еще в 1790 г. пользовался протекцией Марата и выступал за регулирование цен на печеный хлеб, а в 1793 г. в качестве руководителя продовольственной администрации столицы стремился, как мы увидим, последовательно проводить политику максимума. Что же касается Бабефа, то он еще в 1789 г. совершенно определенно высказался за установление твердых цен. В своей «Лондонской корреспонденции», одобрительно отозвавшись об установлении парижским муниципалитетом временной твердой цены на зерно в окрестностях столицы (30 ливров за сетье пшеницы), Бабеф писал: «Только применение подобных мер способно в нынешних условиях привести к исчезновению голода, который мы переживаем, несмотря на общее изобилие. В одном из последующих номеров мы остановимся на главных причинах, которые вызывают этот голод, и докажем, что пока не будет установлена более решительная *таксация* (*taxation*), чем та, которая предписывается только что изложенным нами постановлением, мы всегда будем испытывать недостаток, и никакие продовольственные комитеты не избавят нас от мук голода» [64].

Трудно переоценить тот факт, что еще осенью 1789 г. Бабеф стоял на такой позиции, особенно если вспомнить, что еще в феврале — марте 1793 г. и Робеспьер, и Марат были противниками политики твердых цен, что на проведение максимума якобинцы весной и осенью 1793 г. решились крайне неохотно, явно не желая ограничивать «экономическую свободу». Позиция Бабефа становится совершенно понятной, если учесть, что она вполне соответствовала интересам тех групп городского и деревенского пролетариата и полупролетариата, которые являлись отнюдь не продавцами, а покупателями хлеба.

Бабеф при объяснении причин октябрьского кризиса не ограничился ссылкой на продовольственные затруднения. Он подробно рассмотрел в своей корреспонденции и чисто политические причины — происки реакции, пытавшейся перегруппировать силы и произвести вооруженный переворот. Один из первых шагов в этом направлении — известный банкет 1 октября в Версале — описан в корреспонденции под заголовком «Тревога, вызванная черными кокардами». Но любопытно, что Бабеф подчеркивал не только опасность контрреволюционного переворота, но также и колебания парижского муниципалитета, которые облегчали осуществление планов реакции. Эти колебания, противоречия и зигзаги Бабеф просле-

[63] G. Lefebvre. Etudes sur la Révolution française, p. 311; AHRF, 1957, p. 86.

[64] ЦПА ИМЛ, 15 В I; AHRF, 1958, № 151, p. 47.

дил на примере политики муниципалитета в отношении свободы печати и свободы собраний, которые упорно именовались в его решениях «сборищами» (attroupements) и представлялись явно нежелательными главарям муниципалитета. Как раз в этой связи Бабеф впервые упомянул имя Марата и очень подробно остановился на всей истории столкновений между «Другом народа» и муниципалитетом.

1 октября парижский муниципалитет отменил постановление о необходимости разрешений на выпуск печатных произведений. Являлось ли это шагом к полной отмене цензуры, как надеялись некоторые оптимисты, или за туманными, очень двусмысленными формулировками этого решения скрывались подготовительные мероприятия для внезапного удара против важнейшего завоевания революции — свободы печати? Бабеф — это делает честь его проницательности — придерживался второго мнения. Вот почему он особо настороженно и внимательно следил за всеми действиями муниципалитета в этой области.

3 октября комитет полиции муниципалитета обрушился на брошюру «Мятеж евреев в Авиньоне, или черный заговор против папского вице-делегата», изданную в типографии Моморо, называвшего себя, как отмечал Бабеф, «первопечатником свободы» (premier imprimeur de la liberté). Кстати, это первое упоминание Бабефом фамилии одного из будущих виднейших кордельеров и эбертистов. При всем своем недоверии к муниципалитету Бабеф оказался на этот раз на его стороне. Он одобрил выступление комитета полиции: «Действительно, пора отказаться от фанатических предрассудков, которые уже так давно сделали этот мирный народ несчастной жертвой преследований со стороны всех сект. Комитет полиции... признал мятежными, ложными и клеветническими содержащиеся в этом произведении факты... основываясь, несомненно, на полной неправдоподобности обвинений против людей, характер которых всегда был противоположен духу мятежа». Это решение, направленное против «опасного недоверия к целому сословию граждан, существование которого разрешено законами», Бабеф признал полным «достоинства».

Но 4 октября муниципалитет, как и ожидал Бабеф, снова вернулся к вопросу о «злоупотреблениях» свободой печати и на этот раз обрушился на № 24 «Друга народа» в связи с резким выступлением Марата против секретаря муниципалитета Жоли, обвиненного им в подлоге [65]. «Дело Жоли» явилось предметом обсуждения в муниципалитете и привлекло к себе пристальное внимание Бабефа. Подробно и несколько иронически изложив выступление Жоли и принятое решение, Бабеф так писал о Марате: «Г. Марат глупец и злобный человек, если он изложил свои обвинения без доказательств. Он ревностный патриот и, как он сам говорит, друг наро-

---

[65] «L'Ami du peuple», № XXIV, 4 octobre 1789 «Lecteur de l'Hôtel de Ville de Paris», p. 208.

да, если он с достаточным основанием обвиняет муниципальное должностное лицо, честность которого важна всем, подчиненным администрации, в которой он участвует». Поэтому Бабеф одобрил решение передать дело в суд, поскольку это единственная возможность для обвинителя «привести свои доказательства», а для беспристрастной инстанции — «разобраться в обвинении».

Бабеф признавал необходимость разоблачения ответственных должностных лиц. «Излишнее доверие к человеку, занимающему определенный пост,— писал он в своей корреспонденции,— высокое мнение, которое обычно о нем складывается, уважение, которое всегда воздают признаваемым за ним заслугам,— все это не может препятствовать тому, чтобы против него можно было выдвинуть обвинение». Но перед лицом подготовлявшегося нападения на свободу печати Бабеф опасался, как бы необоснованным обвинением в подлоге Марат не дал аргумент в руки противников демократической печати.

Опасения Бабефа были, в известной мере, не лишены основания: выдвинутое Маратом обвинение в подлоге действительно оказалось необоснованным, и Марат вынужден был от него отказаться. Но несомненно, что в этом деле Жоли сказалась политическая неопытность Бабефа, его иллюзии и доверчивость, уже преодоленные Маратом. Он не представлял себе, что процедура судебного разбирательства в Шатле будет только расправой, что королевский прокурор Фландр де Бренвилль меньше всего станет беспокоиться о том, чтобы предоставить Марату возможность обосновать свои обвинения. Через два месяца, в январе 1790 г., все это стало очевидным, и, окажись тогда Бабеф в Париже, он, вероятно, вместе с возглавлявшимся Дантоном дистриктом Кордельеров выступил бы против попытки Байи и Лафайета расправиться с Маратом.

Следующая запись Бабефа о Марате относится к 7 октября: «Марат проявил сегодня в № 26 «Друга народа» пылкое рвение (un zêle véhément), которое не всем понравилось. Он обрушился на донос г. Жоли, афиша которого, названная Маратом оскорбительным плакатом, появилась 4-го. Он сообщил, что во время печатания № 24 не знал фамилии (лица, обвинявшего Жоли в подлоге.— *В. Д.*). Это граф Эпернэ, командующий национальной гвардией в предместьях Парижа... Он требует от графа Эпернэ публично подтвердить правильность содержания изобличаемого № 24 и заявить, что Друг народа не произнес ни одного звука, противоречащего правде».

Не ограничившись нападением на муниципалитет Байи, Марат в этом же номере газеты резко выступил и против Неккера. Марат обвинил Неккера в том, пишет Бабеф в своей корреспонденции, что он «старается снова вручить в руки короля цепи деспотизма, что он перестал выдавать себя за защитника народа как раз тогда, когда благодаря энтузиазму народа, он был восстановлен в своих правах. что он трусливо покинул его, чтобы искать милости у измен-

ников отечества, что, пользуясь слепым доверием преданного ему народа, благодаря настойчивым требованиям которого его вернули из изгнания, он дошел до такого варварства, что, став во главе подлых скупщиков, хотел заставить его погибнуть от нищеты» [66].

Бабеф дает свою оценку выступлению Марата: «Если бы жалобы г. Марата были обоснованы, если бы он мог доказать то, что он утверждает, если бы в то время, как вся Франция считала министра честным человеком, он, единственный, был бы настолько талантлив, чтобы разглядеть в нем изменника, прикрывшегося лицемерием, и разоблачил бы... все его преступные маневры,— его изобличения явились бы актом мужества и подлинного патриотизма и нация обязана была бы ему вечной признательностью. Но если этот акт является только преступной клеветой, чтобы внушить недоверие к администратору, ставшему идолом королевства, такое покушение должно быть наказано. Г. Марат должен предъявить серьезные доказательства, чтобы подтвердить свое обвинение, поскольку тот, кого он обвиняет вызывает такие чувства, что французы поколеблются признать его способным совершить зло, даже если оно будет бросаться в глаза. Во всяком случае он внушит к себе уважение не эпитетами вроде «глупо обожаемый», «тщеславный интриган», «проходимец» («chevalier de l'industrie») [67] и другими, а доказательствами, которых разум требует от того, кто берет на себя смелость изобличать».

Внимательно следя за всеми перипетиями борьбы, начатой Маратом против Неккера, Бабеф вернулся к ее освещению в своем описании событий следующего дня, 8 октября.

В этот день состоялось решение муниципалитета, в котором разносчикам газет под страхом ареста как «нарушителям общественного спокойствия» запрещалось выкрикивать что-либо, кроме декретов Национального собрания, королевских ордонансов и постановлений судов. Это решение укрепило Бабефа в его убеждении, что предстоят новые ограничения свободы печати. «Насколько ошибались те, кто рассматривал решения 1 октября (об отмене выдачи разрешений.— *В. Д.*) как предвещающие полный отказ со стороны представителей Коммуны от сложных функций цензуры; как опечалятся те, кто разглядел за нечеткостью этого постановления подготовительные мероприятия к тому, чтобы... принять крутые меры против свободного обмена мыслями». Но это решение, как отмечал тут же Бабеф, стояло в непосредственой связи с преследованиями Марата. «Некоторые считают,— пишет он,— что, возможно,

---

[66] Бабеф излагал статью Марата в № 26 «L'Ami du peuple» «Suite des réflections sur les dettes du gouvernement, devenues nationales, sur le plan du premier ministre des Finances et le moyen de faire face aux besoins de l'Etat».

[67] Бабеф имел в виду следующие места из статьи Марата: «Нужно иметь душу подлинного философа, а не сердце тщеславного интригана» («L'Ami du peuple», p. 224). «Напрасно мудрец будет искать в вас государственного человека. Он найдет только проходимца» (там же, стр. 226).

France on n'avoit pas la moindre notion de patriotisme; on étoit indifférent et passif sur le sort de l'Empire. Les événements successifs qui en rendent l'histoire si intéressante aux yeux de toutes les nations, et l'Europe entière a les yeux continuellement ouverts sur toutes les circonstances de sa révolution; si chaque trait est propre à être recueilli pour former un des plus beaux fleurons de l'Histoire générale des Peuples, comment attendre [illegible] immobile et inattentif sur une suite de faits aussi mémorables. Que ne cherche-t-on le secret de nous ôter le talent de lire, pour éviter le danger d'ignorer nos opinions à la vue de ces écrits pernicieux dont la Capitale fourmille. Mais on ne fait que nous inviter à ne point donner croyance à la multiplicité de ceux enfantés par la cupidité et la calomnie. Il seroit bien utile qu'il y eût une marque à laquelle on pût [illegible] ceux qui comportent ce caractère de réprobation.

Du Dimanche 4 Octobre.

L'Assemblée de la Commune manifesta encore des plaintes sur la [illegible] trop grande liberté de la presse. La dénonciation semble être le prélude d'une autre dénonciation à laquelle on met plus d'intérêt et plus de feu qu'à la première. Il s'agit d'un principal Membre inculpé [illegible] avocat au conseil, et l'un des [illegible] administrateurs de la Municipalité. Il fit lui-même sa dénonciation. [illegible] No. 44 de la feuille de l'Ami du Peuple par M. Marat. [illegible] adressé à l'Assemblée [illegible] lequel il rappelle que les différentes [illegible] de l'Ami du Peuple avoient [illegible] administration de l'Assemblée [illegible] l'esprit des Membres, aucun plus particulièrement. Les Officiers [illegible] n'avoit été dénoncé et désigné comme un des [illegible]

Jusqu'à ce jour [illegible] les inculpations n'ayant été communes [illegible] aujourd'hui [illegible] No. 44 [illegible] accuse d'infidélité [illegible] une falsification faite dans un arrêté [illegible] M. le Marquis [illegible] Majesty [illegible] effroyablement [illegible] une vengeance éclatante, il [illegible] sa plainte [illegible]

L'Assemblée [illegible] le No. [illegible] déclare que l'accusation porte tous les caractères d'atrocité et de calomnie [illegible] ce qui abuse de la permission de tout dire. En conséquence elle renvoie [illegible] que les faits qu'on lui impute [illegible] pourvoir devant les tribunaux pour obtenir [illegible] et multiplier [illegible]

[illegible] Marat [illegible] méchant [illegible] différentes charges d'accusation qu'on vient de lire. Il seroit [illegible] l'Ami du Peuple [illegible] écrit avec fondement [illegible] Officier [illegible] à tous ceux qui vivent sous le régime [illegible]

Страница из лондонских корреспонденций Бабефа
(ЦПА ИМЛ)

№ 27 «Друга народа» побудил муниципалитет вынести это жесткое решение. Г. Марат продолжает в нем преследовать Неккера с еще бо́льшим ожесточением, чем когда-либо. Он спрашивает, кто еще может сомневаться в том, что экспорт (зерна.— *В. Д.*), который, как установлено, продолжался и после декрета Учредительного собрания о его запрещении, был только одной из гибельных операций министерства и правительственных скупщиков, так же как и страшный голод столицы и большинства городов королевства, которые... получали от администрации финансов... только испорченное зерно... Отеческие заботы этого министра состоят в том, чтобы доставлять из-за границы испорченное зерно, продавать его потом нам по дорогой цене и вывозить за границу наше великолепное зерно, которое потом нам перепродают по высокой цене».

Очень интересно свидетельство Бабефа о впечатлении, произведенном в Париже этими номерами маратовской газеты. «Этот № г-на Марата, произведший еще больше шума, чем предыдущий, дал некоторым основание утверждать, что автора подстрекают аристократы, чтобы раздуть беспорядки, а другим — что те, кто это считает,— сами аристократы, желающие, чтобы существовали еще люди и вещи, о которых говорить нельзя. Самая здравомыслящая часть считает, что Друг народа нажил себе очень опасных врагов» [68].

Этот отзыв о Марате важен для выяснения политических интересов и симпатий самого Бабефа. В море парижской публицистики осени 1789 г. он сумел сразу выделить газету Марата, хотя «Друг народа» успел выпустить всего лишь два десятка номеров газеты. Правда, резкость Марата явно отталкивала Бабефа, и это помешало ему сразу оценить все огромное значение начатой «Другом народа» борьбы против Неккера и Байи. Но, далеко не во всем соглашаясь с Маратом, осуждая его полемические преувеличения,— этот упрек он повторил и позднее, весной 1793 г.,— Бабеф, однако, уже тогда испытал на себе несомненное влияние Марата.

Особенно его должна была заинтересовать маратовская критика деятельности парижского муниципалитета, внушавшего и ему самому большие опасения. «Кто нами теперь управляет?— задает он вопрос в своей корреспонденции.— Чье влияние преобладает в администрации? Сегодня депутаты Нации декретируют один закон, завтра собрание представителей Коммуны его изменяет, а на следующий день и вовсе отменяет. То, что признается правильным законодательным корпусом королевства, определяется муниципалитетом столицы как злоупотребление... Представители Коммуны считают себя, по-видимому, высшей властью в городе» [69].

---

[68] Борьба Марата с Неккером по вопросу о продовольствии чрезвычайно заинтересовала Бабефа. Это видно из сноски, сделанной им в рукописи, адресованной де-ла-Туру: «Так как это дело становится серьезным, я думаю, что г. де-ла-Тур будет доволен, если я отдельно изложу его во всех подробностях, с самого начала» (ЦПА ИМЛ, 17 В III).

[69] ЦПА ИМЛ, 15 В I; AHRF, 1958, N 151, p. 54, 58.

Он обращает внимание на «борьбу между двумя властями» (une lutte entre deux pouvoirs), между муниципалитетом и парижскими дистриктами [70], причем все симпатии Бабефа на стороне этих последних. С самого начала он указывает, что будет подробно освещать в своих корреспонденциях «действия различных дистриктов столицы». Этот интерес не случаен: Бабеф уже тогда подчеркивал противоречия между «уполномоченными» (mandataires) и теми, кто вручил им эти полномочия, их избирателями (commetants). Он упрекал муниципалитет, что тот слишком надменно отвечает на предложения дистриктов: «Разве так должны отвечать представители депутациям дистриктов, от которых они получили полномочия и которым они обязаны, как своим избирателям давать отчет в своих действиях и получать на них санкцию» [71].

Уже столкнувшийся в Руа с муниципальной олигархией, Бабеф с особым любопытством приглядывался к действиям парижских дистриктов, в которых он видел организации, наиболее адекватно представляющие своих «доверителей», наиболее к ним близкие. Он приводит в своей корреспонденции решения ряда парижских дистриктов. Но с особым воодушевлением Бабеф отнесся к постановлению дистрикта Кордельеров, принятому 4 октября, после демонстрации «черных кокард» в Версале. «Дистрикт Кордельеров,— писал он,— вынес по этому поводу смелое постановление, которое благодаря пропитывающему его духу чистого и ревностного патриотизма... принесет его авторам вечную славу» [72]. «Замечательному постановлению дистрикта Кордельеров», деятельности дистриктов вообще Бабеф придавал решающее значение в подготовке «шествия на Версаль». Оно вовсе не являлось «случайным и необдуманным движением», а было «задумано дистриктами» и признано ими необходимым, чтобы получить удовлетворение «за оскорбление, нанесенное патриотической кокарде, добиться королевского утверждения декретированных статей конституции, не допустить осуществления вероломных проектов явного заговора, предотвратить бедствие надвигавшейся междоусобной войны, удалить рабски настроенную военщину... и положить конец тайным козням, направленным к тому, чтобы уморить голодом и Париж, и королевство» [73].

Знакомство с ролью дистриктов и в особенности дистрикта Кордельеров, являвшегося тогда ядром демократического движения в столице, имело очень большое значение для всей дальнейшей деятельности Бабефа. Бабеф пока еще только наблюдал, но эти наблюдения принесли ему огромную пользу. Три месяца, проведенные им в столице,— и какие три месяца! — были для него важнейшей политической школой.

---

[70] С самого начала революции Париж был разбит на 60 дистриктов, ставших не только избирательными округами, но и центрами революционного самоуправления.

[71] ЦПА ИМЛ, 15 В I; AHRF, 1958, N 151, p. 39.

[72] Там же; AHRF, p. 42.

[73] Там же; AHRF, p. 45.

Составление «лондонских корреспонденций» было, однако, лишь побочным занятием. В центре внимания Бабефа в течение этих трех месяцев пребывания в Париже, стояла работа над «Постоянным кадастром».

8 августа, через три недели после приезда в Париж, Бабеф в письме к жене выражал надежду, что ему «потребуется всего несколько дней, чтобы закончить кадастр»[74]. Через неделю, 16-го, он писал: «Это несчастное произведение является причиной горестей, которые вы переживаете... Пусть, по крайней мере, оно вознаградит вас за эти горести и пусть они будут только временными. Работа над этой книгой завела меня дальше, чем я думал; она будет довольно увесистым томом. Но раз я за нее принялся, я уже не могу отказаться, это значило бы добровольно отречься от использования плодов всего, что уже сделано»[75]. 4 сентября Бабеф сообщил, что печатание «Кадастра» обойдется в 6 тысяч франков и что оно будет поручено не Девену.

9 сентября, после того как Бабеф вместе с Одиффре побывал в Версале, он снова жаловался в письме, что печатание кадастра не подвигается. «Мы договорились с владельцем типографии, что будем платить больше обычного с тем, чтобы он печатался немедленно, но от этого дело не пошло быстрее; все типографии перегружены, потому что все пользуются правом неограниченной свободы печати. Я не надеюсь вернуться ранее 20-го; это меня очень огорчает,— я остаюсь здесь вовсе не ради удовольствия»[76]. Но он успокаивал себя: «Знатоки видели мой кадастр, они его одобрили. Граф де Мирабо будет его защищать в Национальном собрании».

Бабефу не удалось вернуться и 20-го. «Это какое-то проклятье,— писал он 26 сентября,— я не могу оторваться от этой книги. Рабочие-печатники меня доконают. Мне приходится постоянно за ними наблюдать; я вынужден мириться со многими мелкими ошибками, чтобы не затягивать все дело. Типография находится больше чем за четверть лье (мили.— *В. Д.*) от моей квартиры. Я должен ходить туда два раза в день, а иногда и три... Я износил уже три пары обуви, и мне придется покупать четвертую»[77]. Бабеф надеялся, однако, что печатание закончится в начале следующей недели, когда он предполагал вместе с Одиффре вновь отправиться в Версаль, чтобы поднести 50 экземпляров книги «на веленевой бумаге» Национальному собранию, а также отдельно по экземпляру королю и Неккеру от каждого из соавторов.

Через три дня, во вторник 29 сентября, Бабеф заверил жену, что

---

[74] ЦПА ИМЛ, 34 В VIII.
[75] ЦПА ИМЛ, 111 В VIII.
[76] ЦПА ИМЛ, 39 В VIII.
[77] ЦПА ИМЛ, 109 В VIII.

он уедет не позднее, чем в воскресенье или понедельник. «Моя книга будет готова послезавтра, и мы отправимся в Версаль в пятницу или субботу» [78]. Но в октябре Бабефу пришлось сообщить о новой отсрочке: «Несчастное произведение должно было выйти, наконец, в четверг, на следующий день мы должны были отправиться в Версаль, и в тот же день я собирался выехать в Руа. Но печатание не закончилось: оно не кончилось ни в пятницу, ни вчера — в субботу... Мы отправимся в Версаль во вторник, и я не смогу уехать отсюда раньше среды» [79]. Но и во вторник, 6 октября, Бабефу не пришлось бы отправиться в Версаль, даже если бы книга была уже напечатана,— в этот день король и собрание перебрались в Париж. Однако печатание, по-видимому, и тогда еще не было закончено. Только 16 или 17 октября, ровно через три месяца после своего приезда, Бабеф покинул Париж. Он увозил с собой первые экземпляры «Кадастра» — книги, в которой он впервые гласно изложил свои взгляды не только о налоговой политике, но и по самым острым социальным проблемам.

В архиве Бабефа сохранились некоторые подготовительные записи, связанные с переработкой «Кадастра» в июле — августе 1789 г. Он усиленно изучал литературу, в том числе ту «коллекцию», которая была собрана Одиффре. Судя по сохранившимся выпискам и конспектам, а также по сноскам в самом «Кадастре», Бабеф прочитал за это время книгу известного экономиста Ленге (Бабеф называл его «красноречивым») «О территориальном налоге», «Об управлении финансами» Неккера, «Человек с сорока экю» Вольтера, «Письма к моим доверителям» Мирабо (Бабеф комментирует 6, 7, 14 и 16-е письма), «Опыт о конституции и функциях провинциальных собраний» Кондорсе, обращение к Генеральным штатам Рейналя, «Новый проект хлебной торговли» Бурдона де Планше (будущего члена Конвента), «Письмо» Грегуара, тогда еще только кюре, а затем одного из виднейших членов Учредительного собрания и т. д. [80]

Изучая специальную литературу о налогах, Бабеф читал Вобана («О королевской десятине»), книгу Дютилле де Виллара о кадастре, с идеями которой он познакомился еще в 1787 г., «Impôt abonné» Обри де-Сен Вибера, автора, также знакомого ему с февдистских времен [81]. В числе просмотренных и законспектированных им

---

[78] ЦПА ИМЛ, 40 B VIII.

[79] ЦПА ИМЛ, 41 B VIII.

[80] S.-N.-H. Linguet. De l'impôt territorial. Londres, 1787; J. Necker. L'administration des finances; Voltaire. L'homme aux quarante écus; Mirabeau. Lettres à ses commetans. [S. l.], 1789; Condorcet. Essai sur la constitution et les fonctions des assemblées provinciales, t. II. [S. l.], 1788; L'abbé Raynal aux Etats généraux. Marseille, 1789; Bourdon des Planches. Projet nouveau sur la manière de faire utilement en France le commerce des grains. Bruxelles, 1785; Lettre de M. Grégoire, curé.

[81] Du Tillet de Villars. Précis d'un projet d'établissement du cadastre dans le Royaume. Paris, 1781; Aubry de Saint-Vibert. L'impôt abonné ou

произведений был ряд работ, охарактеризованных Бабефом как «аристократические». К их числу он относил «Опыт о распределении подушной подати и двадцатины», вышедший в 1789 г. в Лондоне, «Параллель между состоянием финансов при Людовике XIV и Людовике XVI», «Территориальное описание Франции», «Национальный кредит» [82]. Бабеф просмотрел также ряд анонимных брошюр, вышедших к началу работы Генеральных штатов, в том числе «Результат провинциальных собраний», «История, церемониал и права Генеральных штатов», «Политический катехизис», «Адрес Генеральным штатам» [83], изучил ряд наказов — Парижа, Шато де Тьерри, Анжера, Кламара-су-Медон и т. д.

Особенно интересно, что Бабеф в это время ознакомился с работами Ленге и Неккера. Известно, что этим двум авторам Маркс уделил особое внимание в своих «Теориях прибавочной стоимости» и что книги Неккера (одну из них «De l'Administration des Finances de la France» как раз и читал Бабеф) он считал попыткой «изобразить противоположность классов при капитализме как противоположность между бедностью и богатством» [84].

Часть заметок Бабефа посвящена чисто финансовым и налоговым вопросам. Он тщательно изучал все предложения об общей сумме налога, об объектах, подлежащих обложению, о формах взимания налога. Предложение Ленге о натуральном налоге встретило с его стороны отрицательное отношение, так же как и предложение анонимного автора «Crédit national» о том, чтобы налоги взыскивались только с сельского хозяйства, с тем чтобы впоследствии они перекладывались на потребителя путем повышения хлебных цен. Этот путь Бабеф считал совершенно неприемлемым. Он по-прежнему был глубоко убежден, что только его проект мог обеспечить «постоянство» при составлении списка налогоплательщиков и установлении размера их обложения.

Анализируя книгу «Параллель между состоянием финансов Франции при Людовике XIV и Людовике XVI», Бабеф сопровождает заявление ее автора, что предлагаемый им кадастр будет годен в течение 20 лет, пометкой: «Наш сохранится навек» («le nôtre durera éternellement») [85].

Подготовительные работы к «Кадастру» свидетельствуют, однако, о том, что внимание Бабефа привлекали далеко не одни финан-

---

moyens de faire servir une simple évolution en masse des paroisses du royaume à rendre nulles les fraudes et contraventions des peuples en matière des subsides. Paris, 1789.

[82] «Essai sur la répartition de la taille et des vingtièmes». London, 1788. «Parallèle de la situation des finances sous Louis XIV et Louis XVI»; «Tableau territorial de la France»; «Crédit national». Paris, 1789.

[83] «Résultat des assemblées provinciales»; «Histoire, cérémonial et droits des Etats généraux»; «Cathéchisme politique»; «Adresse aux Etats généraux».

[84] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 301.

[85] ЦПА ИМЛ, 12 В I.

совые и налоговые вопросы. Значительная часть его заметок посвящена более широким социальным и политическим проблемам. Особенно интересовал Бабефа вопрос о судьбе сеньериальных прав. По поводу речи Людовика XVI на заседании Генеральных штатов 23 июня, в которой король настаивал на сохранении всех видов собственности, Бабеф сделал замечание: «В собственность он включает сеньериальные права». На утверждение автора «Истории, церемониала и прав Генеральных штатов», что «в монархиях при распределении должностей предпочтение отдается дворянам, но при этом не исключаются и таланты», Бабеф отвечает: «Решительно оспорить эту систему» [86]. По поводу утверждения автора той же брошюры, что «рабство и зависимость при монархии являются более жестокими, чем при господстве сеньеров», Бабеф делает замечание: «Разве та и другая зависимость не связаны?» Он решительно выступает против автора «Политического катехизиса», защищавшего чинш (la censive): «Возразить ему (le combattre): указать, что в некоторых отношениях повинности (redevances) являются столь же, а иногда и более тираническими, чем обязанности крепостных (des serfs), потому что крепостные, получая пищу, до некоторой степени, были между собой равны, тогда как чиншевик имеет только хижину, за которую он должен платить, и т. д. и, таким образом, он является более несчастным» [87]. Нельзя не отметить, что и Ленге, противопоставляя положение раба и наемного рабочего, тоже отдавал предпочтение первому, как более обеспеченному.

Читая письма Мирабо к своим «доверителям», Бабеф выписал из шестого письма следующую фразу, сопроводив ее на полях пометкой «Феодализм»: «Ясно, что г-н д'Антрэйг сегодня уже совсем не тот, каким он был в своем «Мемуаре к Генеральным штатам» (стр. 61), когда он резко выступил против пережитков феодализма и заявил, что «наследственное дворянство является самым страшным бедствием, какое разгневанное небо может обрушить на свободную землю». Также сочувственно выписал Бабеф фразу из брошюры «A ma partie»: «Фьефы являются остатками страшного варварства, их нужно уничтожить» [88].

Много места в заметках Бабефа занимает вопрос о церковной десятине (dîme). Читая памфлет «Бичи сельского хозяйства» («Les fléaux de l'agriculture»), Бабеф выписал расчеты автора, что «десятина» поглощает около $^2/_5$ урожая с обрабатываемых земель. В другой рукописи, относящейся к этому же периоду, он пишет: «Говорят,

---

[86] Там же.

[87] Там же. Эту же мысль мы встречаем и в другой записи Бабефа: «Крепостные — домашние животные сеньеров, получавшие жилища, пищу, одежду, уход во время болезни, были менее несчастны, чем мы (по поводу церковных имуществ)» (ЦПА ИМЛ, 26 В III).

[88] ЦПА ИМЛ, 12 В I; на полях рукописи в этом месте пометка: «Фьефы. Дворянство».

что десятина имеет три предназначения: 1-е. Содержание священников (полезных); 2-е. Содержание храмов (тоже); 3-е. Облегчение участи нищих (*их вовсе не должно быть*) (курсив наш.— *В. Д.*)» [89]. Это замечание об уничтожении нищенства повторяет ту же мысль, которую мы уже встречали и в письме 1786 г., и в полемике с Мирабо.

В ходе подготовительных работ по пересмотру «Кадастра» у Бабефа созрело решение выйти из первоначально намеченных рамок. В одной из заметок он набрасывает список тех тем, которые необходимо будет затронуть в «Кадастре»: «Говорить (parler) об уничтожении права нераздельного наследования по старшинству, сеньериальных прав, десятины, о государственном образовании» [90].

Не ограничиваясь переработкой той части книги, которая касалась собственно налоговых вопросов, Бабеф решил изложить свои взгляды на весь комплекс социальных проблем, хотя бы они и не имели непосредственного отношения к самой теме «Кадастра». «Использовать любую возможность, чтобы защитить дело человечества, лишь бы имелась надежда добиться удовлетворения его жалоб»,— так формулировал свою задачу Бабеф в страстной и взволнованной «Вступительной речи» («Discoures préliminaire»), которую он предпослал своему «Постоянному кадастру» [91].

---

[89] ЦПА ИМЛ, 9 В III.

[90] ЦПА ИМЛ, 12 В I.

[91] «Cadasire perpéluel ou Démonsiralion des procédés convenables à la formalion de cel imporlanl Ouvrage, pour assurer les principes de l'Assietle el de la Réparlilion jusles el permanenls el de la perceplion facile d'une conlribulion unique lanl sur les Possessions Territoriales, que sur les Revenus personnels. Avec l'exposé de la Méthode d'Arpenlage de M. Audiffred, par son nouvel Inslrumenl, dil Graphomèlre Trigonomélrique, méthode infinémenl plus accéléralive el plus sûre que loutes celles qui onl paru jusqu'à présent, el laquelle, par celle considération serail plus propre à êlre suivie dans la grande opération du Cadasire. Dédié à l'Assemblée Nalionale». A Paris. L'an 1789. El le premier de la Liberlé française.— Discours preliminaire p. XXXVI, n. 1.

Бабеф собирался предпослать «Кадастру» эпиграф. Сохранились два варианта, один в прозе, другой в стихах (ЦПА ИМЛ, 21 В I). Первый гласил: «Просвещение может быть воспринято только такой свободной нацией, как нынешняя французская нация; с тех пор, как все считают возможным участвовать в управлении, каждый вносит свою долю, и знания увеличиваются. Читайте это произведение и рассматривайте его как зародыш общего благополучия». Сохранился и стихотворный эпиграф фля фронтисписа «Кадастра»:

«La lumière des lemps ne peul êlre senlie,
Par un Peuple enchaîné, qui n'a plus de Pairie.
D'un pénible esclavage il se lrouve abalu,
Il perd son feu, sa force, en un mot, sa verlu.
Mais une Nalion qui prend sa délivrance
Voil loul pour son bonheur, lémoin l'heureuse France.
Elle est libre en ce jour! Toul y esl Ciloyen
Tous, d'un commun accord, vont travailler au bien».

«Вступительная речь», вместе с июньским письмом 1786 г. и перепиской по поводу «Всеобщего реформатора», может быть отнесена к числу тех документов, в которых социальная мысль Бабефа нашла наиболее ясное выражение.

Бабеф указывает в ней, прежде всего, на то, что его предложение об установлении единого налога, об устранении всяких привилегий для высших классов облегчит положение только тех, кто имеет хоть какую-нибудь, пусть небольшую (médiocre), собственность. Но «бедняк, тот, кто совершенно разорен, не получит никаких преимуществ. Во всех случаях ему не придется ничего платить, потому что у него ничего нет». И Бабеф ставит основной вопрос, который волновал его с тех пор, как ему стала ясна необходимость коренного общественного преобразования: «*Обездоленные классы! что сделать для того, чтобы добиться какого-нибудь облегчения для вас? что сделать для того, чтобы у вас появилось желание продолжать ваше мучительное существование?*»[92].

Один из параграфов своей «Речи» Бабеф озаглавил: «Расстояние, которое остается пройти для того, чтобы достигнуть общего счастья народов». Он объясняет, что стремился этим заголовком показать: «1. Каково будет, даже после великого благодеяния кадастра, расстояние, которое останется пройти, чтобы достигнуть подлинного всеобщего благосостояния (pour atteindre absolument au bonheur général); 2. Каковы те причины, которые мешают приближению к этой великой цели»[93]. «Кадастр», налоговая реформа — это еще самое скромное требование «трудящегося народа» (du Peuple laborieux); с полным основанием он мог бы выдвинуть другие требования, которые в большей мере способны были бы вызвать «удивление».

Бабеф перечисляет все те предложения по улучшению положения «обездоленных классов», которые он мог извлечь из наказов: 1) создание национальной кассы для помощи бедным; 2) оплата труда медиков, хирургов, аптекарей, чтобы население могло получать медицинскую помощь бесплатно; 3) оплата судейского персонала, чтобы и судопроизводство стало бесплатным[94]; 4) «духовные блага религии» также должны предоставляться бесплатно: не должно быть никакой оплаты услуг, связанных с рождением или смертью; 5) план государственного образования (éducation nationale).

---

[92] «Cadastre perpétuel», p. XXIII («Classes malheureuses! que faire donc pour vous procurer quelque soulagemant? que faire pour vous porter à vouloir soutenir encore votre pénible existence?»).

[93] Ibid., p. XXVI, n. 1.

[94] Хорошо зная судейские нравы и стремясь избежать тяги к сутяжничеству, Бабеф с отличавшим его практицизмом считал необходимым оговорить, что судебный процесс должен продолжаться не более одного года.

Но все эти полезные сами по себе мероприятия совершенно недостаточны. Нужно, прежде всего, вскрыть корень зла. Бабеф видит его в «крайнем неравенстве имуществ». Существующие законы привели к тому, что так называемый «цивилизованный человек» мог совершенно безнаказанно «присвоить то, что могло обеспечить существование многих тысяч ему подобных. Не было установлено никаких границ для приобретения богатств» [95]. От этого пострадала больше всего та группа населения, судьба которой как раз и занимала Бабефа: «Люди, действительно нужные, благодаря их совершенно необходимому труду, оказались в таком положении, что их *заработная плата* (les salaires) (курсив наш.— *В. Д.*) стала совершенно ничтожной (réduits presqu'en rien). Но зло на этом не остановилось: даже этот труд стал для них почти недоступен. Поскольку все содействовало тому, что мелкие состояния поглощались крупными, *число рабочих* (le nombre des ouvriers) чрезвычайно возросло. В результате этого *не только чрезвычайно понизилась заработная плата*, но все большее количество граждан лишалось возможности найти работу даже за самое низкое, установленное тираническим и беспощадным богатством, вознаграждение, которое искусный труженик (industrieux artisan) вынужден был принимать. вследствие нужды... *Его посылают работать, но где ее найти, эту работу?*» [96].

В своих подготовительных работах к «Кадастру» Бабеф, как мы видели, уделял большое внимание вопросу о ликвидации сеньериальных повинностей и «десятины». На протяжении последующих лет он вел длительную и напряженную борьбу за их отмену без выкупа. Нельзя, однако, не обратить внимания на то, что, когда в своей «Вступительной речи» Бабеф говорит о «несчастных», «обездоленных» классах (classes malheureuses), он имеет в виду не крестьянство, а прежде всего «рабочих», тех, кто получает «ничтожную заработную плату», тех, кого «лишают работы» (les ouvrages) [97].

Для улучшения положения этой группы населения совершенно недостаточно тех мероприятий, которые намечались в наказах. Пришла именно та пора, которую Бабеф предвидел в своем июньском письме 1786 г. к Дюбуа де Фоссе: «Я не хочу ставить под вопрос законность крупной собственности,— писал он, как мы помним, тогда,— и тем самым прийти к радикальному решению по по-

---

[95] «Cadastre perpétuel», p. XXIV—XXV.

[96] Ibid., p. XXVIII—XXIX.

[97] Д. Рюде («Quelques réflexions sur la composition, le rôle, les idées et les formes d'action des sans-culottes dans la Révolution française») указал, что под термином «рабочие» в литературе XVIII в. очень часто имелись в виду трудящиеся вообще, в том числе и самостоятельные ремесленники. (G. Rudé, J. Sacker, S. Lotté, A. Soboul. I sanculotti: una discussione tra storici marxisti, «Critica Storica», 1962. Messina — Firenze, p. 375—376). Текст Бабефа не оставляет никаких сомнений в том, что он говорит о рабочих, получающих заработную плату.

воду крупных ферм, самый принцип которых подвергся бы в этом случае нападению. Уже слишком поздно или еще слишком рано затрагивать эту тему» [98]. Но сейчас это время пришло. Читая брошюру Грегуара, Бабеф возмущался содержавшимся в ней предложением «уважать собственность» [99]. В тексте «Кадастра» Бабеф решительно возражал против этого призыва: «Если после того, как большинство людей было лишено какой бы то ни было земельной собственности, их лишают еще и возможности выходить из затруднений посредством получения работы, какое решение им остается принять? «Нужно уважать собственность!» Но что делать, если из 24 миллионов населения 15 миллионов лишены какой бы то ни было собственности только потому, что остальные 9 миллионов совершенно не посчитались с их правом обеспечить себе хотя бы возможность существования. Неужели эти 15 миллионов человек должны погибать от голода только из любви к 9 миллионам, в благодарность за то, что они совершенно их разорили! Можно не сомневаться, что они не согласятся на это добровольно, и, вероятно, классу богатых лучше добровольно пойти на уступки (s'exécuter de bonne grace), чем дожидаться того, к чему их приведет отчаяние» [100]. Это тот же ход мыслей, который мы встречали в письме 1786 г.: «Право на жизнь первенствует (prime) над правом собственности».

Бабеф выступает в «Кадастре» в качестве решительного сторонника ликвидации всех феодальных прав, хотя следует заметить, что еще в апреле 1789 г. и в самом тексте своей книги он допускал возможность отмены этих прав на основе выкупа. Но он признает, что утверждения противников этой ликвидации справедливы в одном — феодальные права основаны на том же принципе, что и сама феодальная собственность. Если ликвидировать права, то принципиально и логично ставить вопрос и о самой собственности. «Но за этим дело не станет» (mais qu'à cela ne tienne),— как писал Бабеф по поводу судеб короны и титулов еще в 1787 г. Крупную, узурпированную в свое время феодалами собственность он вовсе и не склонен был считать неприкосновенной.

На том самом листе бумаги, на котором Бабеф делал свои выписки из «аристократического», как он его охарактеризовал, памфлета «Le tableau territorial de la France» он составил на основании книги Вобана, Неккера, Вольтера и «Апологии Нантского эдикта» таблицу. В ней Бабеф стремился сопоставить общие размеры территории Франции, количество земли в арпанах и площадь, находя-

---

[98] ЦПА ИМЛ, д. 654, стр. 8.

[99] ЦПА ИМЛ, 12 В I. Бабеф выписал из брошюры «Exhortation à la concorde» фразу: «Следует уважать различия... Крупная собственность оказывает покровительство мелкой» и сделал на полях замечание: «Утверждение против равенства» (там же).

[100] «Cadastre perpétuel», p. XXX.

щуюся под обработкой[101]. Исходя из цифры, приведенной Вольтером, он попытался тут же сделать и арифметический подсчет, который и воспроизвел потом в «Постоянном кадастре».

«В такой стране, как Франция,— писал Бабеф в своей «Вступительной речи»,— где, исходя из средних результатов различных подсчетов площади, насчитывается около 66 миллионов арпанов обрабатываемой земли, каким прекрасным участком (manoir) мог бы пользоваться каждый глава семьи». Считая, что население Франции составляет около 25 миллионов человек (эту цифру Бабеф постоянно приводил и позднее) и что каждая семья в среднем состоит из 4 человек, он полагал, что на каждого главу семьи придется около 11 арпанов. «...С таким участком земли, хорошо обрабатываемом, в каком честном и скромном достатке (honnête médiocrité) можно было бы жить»[102].

Бабеф отводил возражение, что общество, в котором будет произведено такое выравнивание состояний (une presque uniformité de fortune), не сможет существовать, потому что «одни не захотят что-либо делать для других». Бабеф на это отвечал: «Так как невозможно, чтобы каждый мог произвести все, что ему необходимо, всегда потребуется, чтобы люди помогали друг другу, и такое устройство никогда не помешает общему счастью (félicité commune). Если все слишком большие владения,— потому что в каждой местности один или два собственника имеют в своих руках две трети земли, а жителям деревни, изнемогающим под тяжестью повинностей, остается только треть земли,— если, повторяем, все эти несоразмерно крупные состояния будут распределены между неимущими (habitans malheureux), каково бы ни было их число, каждый из них будет жить в честном достатке»[103].

Таким образом, уже в 1789 г. Бабеф, *одним из первых*, выдвинул смелое требование «черного передела», уничтожения и раздела

---

[101] Приводим составленную Бабефом таблицу:

	Площадь Франции	Всего в арпанах	Обрабатывается арпанов
Г. де Вобан	30 000 кв. миль	140 940 000	112 760 000
Автор Апологии Нантского эдикта»	—	135 600 000	70 470 000
Г. де Вольтер «Человек с 40 экю»	—	130 000 000	65 000 000
Г. Неккер	26 951 кв. миля	126 613 198	Не выделяет обрабатываемой земли

На полях этой таблицы Бабеф произвел и арифметический подсчет, сколько арпанов придется на душу населения (ЦПА ИМЛ, 12 В I).

[102] «Cadastre perpétuel», p. XXXII.

[103] Ibid., p. 14—15.

крупной земельной собственности. Стояло ли это требование в противоречии с теми идеями «совершенного равенства», которые Бабеф развивал еще в 1786—1787 гг.? Именно так полагал советский биограф Бабефа П. П. Щеголев, который считал, что программа, изложенная в «Постоянном кадастре», «несомненно знаменует отход от позиций чистого коммунизма» [104]. Отмечая значение приведенных выше мыслей Бабефа о положении рабочих, он не придавал им, однако, решающего значения: «...Если мы попытаемся дать окончательную оценку идей «Постоянного кадастра», то окажется, что мы имеем дело с несомненным отходом от позиций чистого коммунизма, занятых Бабефом в переписке с секретарем Аррасской академии. Аграрный закон — это законченная формулировка *мелкобуржуазного антикапитализма* (курсив наш.— *В. Д.*). По справедливому замечанию Жореса, мы не знаем ничего более противоположного коммунизму» [105].

В более поздней работе П. Щеголев характеризовал программу Бабефа как типичную мелкобуржуазную утопию, «отстаивая которую, Бабеф объективно боролся лишь за последовательный демократический путь развития капитализма» [106]. При этом П. Щеголев совершенно произвольно приписал Бабефу, будто бы тот предполагал, что «этот семейный надел в 11 моргенов после смерти отца семейства переходит к младшему из сыновей. Остальные наделяются землей из государственного фонда» [107]. П. Щеголев не вдумался в план, предлагавшийся Бабефом. Если бы каждый «младший сын» получал по наследству участок в 11 арпанов, откуда бы взялись участки для наделения других членов семьи, если Бабеф подсчитал, что вся обрабатываемая площадь Франции составляла только 66 миллионов арпанов? Между тем в «Постоянном кадастре» совершенно ясно сказано: «Земля общая мать, может быть разделена только пожизненно, и *каждый ее участок должен стать неотчуждаемым*» (inaliénable) [108], Бабеф, таким образом, совершенно исключал мысль о том, что участки будут выделяться в вечное пользование, и уж меньше всего он предусматривал какие-либо особые преимущества для «младших сыновей».

Верно ли, однако, что «Постоянный кадастр» являлся «отходом» от коммунизма? Противоречат ли выставленные в нем предложения тем идеям, которые Бабеф защищал в 1786—1787 гг.? Мы этого не думаем. Мы еще вернемся к пониманию Бабефом идеи «аграрного закона», при изложении его более подробных высказываний по этому вопросу в 1791 г., в переписке с Купе и заметках, озаглавленных им «Аграрный закон». Однако, как нам представляется, нет оснований противопоставлять «Постоянный кадастр»

---

104 П. Щеголев. Заговор Бабефа. Л., 1927, стр. 48.
105 Там же, стр. 44
106 П. Щеголев. Гракх Бабеф. М., 1933, стр. 28.
107 Там же, стр. 24.
108 «Cadastre perpétuel» p. XXXII (курсив наш.— *В. Д.*).

переписке с Дюбуа де Фоссе,— те же идеи выдвигаются и развиваются им в совершенно новой, революционной обстановке.

В 1786 г. Бабеф считал невозможным ставить «радикально» вопрос о крупной земельной собственности — это было бы еще преждевременно (trop tôt). В 1789 г. он ставит его уже со всей решительностью. Но это не означает, что он отказался от своего плана «коллективных ферм», что он перестал видеть все те отрицательные стороны мелкого крестьянского хозяйства, которые ярко и выпукло показал уже в 1786 г. Для такого предположения нет никакого основания. Бабеф вовсе не отказывался от своих конечных стремлений. Он только выдвигал на первый план те требования,— носившие к тому же для 1789 г. исключительно смелый, революционный характер,— которые могли, по его мнению, встретить поддержку «неимущих классов» и принести им немедленную выгоду.

В подготовительных работах к «Кадастру», наряду с уже приводившейся нами ссылкой на Мабли, на его высказывания о равенстве, мы находим такую мысль: «...Каждому человеку должно быть обеспечено занятие, а законы должны следить за тем, чтобы его оплата была достаточной и давала ему возможность жить» [109]. Эту мысль Бабеф повторил и в «Постоянном кадастре» [110], и она вполне соответствует тем соображениям об обязанности общества обеспечивать «право на жизнь», которое мы встречали у Бабефа в 1786 г. и на которых он базировал свое представление об обществе «совершенного равенства». «Постоянный кадастр» не был «отходом» от коммунизма. В нем мы впервые знакомимся с Бабефом как тактиком и политиком, с присущей ему практической цепкостью, с стремлением, теоретически еще не обоснованным, но очень ярко выраженным, ухватиться за важнейшее звено. Два года спустя в письме к Купе Бабеф так формулировал это тактическое положение, которому он неизменно следовал: «Нужно, чтобы первоначальные мероприятия были хорошо замаскированы и чтобы они никоим образом не обнаруживали заранее намеченной цели» [111]. От этой «заранее намеченной цели» Бабеф вовсе не отказался в 1789 г.,— в его понимании программа, выдвинутая в «Постоянном кадастре», нисколько ей не противоречила, а была лишь шагом (acheminement) к ее осуществлению.

Много внимания в «Постоянном кадастре» и, в частности, во «Вступительной речи» уделено вопросу о необходимости «государственного образования» (éducation nationale). П. Щеголев ошибался, видя в этом только влияние традиции буржуазных просветите-

---

[109] ЦПА ИМЛ, 9 В III («...Tout l'homme doit trouver sûrement à s'occuper et les loix doivent veiller à ce que sa rétribution soit suffisante pour le faire vivre»).

[110] «Cadastre perpétuel», p. XXX.

[111] A. Espinas. La philosophie sociale du XVIII siècle et la révolution. Paris, 1898, p. 406. См. также «Pages choisies...», p. 124 («Il faudra que les dispositions premières soient bien masquées, et qu'elles ne paraissent tendre aucunement vers le but concerté»).

лей. По мнению П. Щеголева, Бабеф придерживался положения о том, что «все зависит от воспитания... и на основании его выводит необходимость равенства в воспитании» [112].

Совершенно несомненно, что вместе со всеми философами XVIII в. Бабеф придавал огромное значение «просвещению (lumières). «Человек несчастен только из-за своего невежества»,— эту фразу «знаменитого» канцлера Мишеля Лопиталя Бабеф выписал в своих «Заметках» и повторил в «Кадастре» [113]. Тем не менее его постановка вопроса о системе «государственного образования» интересна и своеобразна.

В ней многое основано на личном опыте. Самоучка Бабеф, жадно тянувшийся к образованию, превосходно знал все недостатки тогдашнего школьного обучения. Бабеф отмечал в «Кадастре», что при подборе учителей деревенская коммуна придает наибольшее значение «зычности голоса», необходимой для всяких церковных и гражданских церемоний, а затем почерку: «считалось, что тот, кто умел писать, знал все». Но знание правил грамматики, даже умение читать не проверялось. «Нет ничего более обычного, чем учитель, не умеющий читать»,— с горечью отмечал Бабеф [114].

Все эти недостатки он не считал случайными. Бабеф отчетливо видел связь между социальной структурой общества и системой образования. Существующая система, при которой бедняки почти совершенно лишены образования и оно является привилегией «господ богачей» («M. M. les riches»), вполне устраивает имущие классы. Бабеф рассматривает образование,— и это в высшей степени характерно для его мировоззрения,— как своеобразный вид собственности, которую монополизировали богачи. Революция должна уничтожить эту монополию, благодаря которой богачи закрепили за собой доступ ко всем общественным должностям: «Образование... стало одним из видов собственности, и каждый имеет право на него претендовать» [115].

Как видим, подход Бабефа к этой проблеме отличался от «традиции просветителей». Нельзя не сопоставить его взгляды с мнением, высказанным по данному вопросу Неккером, которое высоко оценил Маркс. Отмечая, что у Неккера «хорошо подмечена противоположность *обоих классов, как классов*» (курсив Маркса.— *В. Д.*), Маркс обратил внимание на то, что эту противоположность Неккер обнаружил и в постановке образования. «Эта противоположность,— излагает Маркс взгляды Неккера,— между богатством, которое не трудится, и бедностью, которая трудится, чтобы жить, порождает также и противоположность знания. Знание и

---

[112] П. Щеголев. Гракх Бабеф, стр. 24.

[113] ЦПА ИМЛ, 9 В III; «Cadastre perpétuel», p. XXXV.

[114] «Cadastre perpétuel», p. XXXIX («il n'est rien moins qu'ordinaire qu'un Maître d'École sache lire»). О взглядах Бабефа на воспитание см. M. Dommanget. Babeuf et l'éducation (AHRF, 1960—1961, № 162—163).

[115] «Cadastre perpétuel», p. XLII.

труд отделяются друг от друга — и тогда первое противостоит второму уже как капитал или как предмет роскоши богатых»[116]. Близость взглядов Неккера, так высоко оцененных Марксом, и Бабефа на классовую природу современной им системы образования как на своеобразную «собственность» совершенно несомненна, как очевидно и их отличие от обычного «просветительства» XVIII в.

Это различие выступает еще яснее из одного более позднего документа Бабефа на эту же тему, всегда привлекавшую его внимание. Находясь в тюрьме в конце 1793 г., Бабеф заинтересовался статьей «De l'éducation», появившейся в № 208 газеты «Révolutions de Paris». Автор статьи — им, возможно, был Сильвен Марешаль, тогда один из основных сотрудников газеты — отдавал предпочтение семейному образованию перед школьным. Сохранились заметки Бабефа, в которых он решительно оспаривал эту мысль. Дети бедняков «не имеют ни отцов, ни матерей, способных их обучать». Даже выходя из школы, «ребенок бедняка будет знать очень мало, и в то время, как он научится только простому ремеслу, ребенок богатого будет совершенствовать свое образование». И Бабеф снова возвращается к той же мысли, которую он развивал в «Постоянном кадастре»: «Человеческие знания являются общей собственностью. Тот, кто знает больше, победит того, кто знает меньше. Богатые будут иметь перевес, потому что они являются богатыми»[117]. Бабеф требовал от Конвента выработки плана «государственного образования» (éducation nationale). «В противном случае «*пролетарии*, пассивные граждане появятся снова» (renaîtront) (курсив наш.— *В. Д.*). Вследствие недостатка знаний «бедные граждане не будут соответствовать требованиям», предъявляемым для занятия общественных должностей[118]. Бабеф исходил, таким образом, далеко не из одних лишь общеабстрактных рассуждений XVIII в. о пользе «lumières». Его подход носил классовый характер. Интересно, что именно в этой связи Бабеф употребил даже — в 1793 г.! — термин «пролетарии», с которым мы раньше у него не встречались.

Для характеристики социальных воззрений автора «Постоянного кадастра» следует отметить одно его возражение по адресу Ленге. Бабефа смутило одно место в книге «De l'impôt territorial», которое можно было понять, как требование уничтожения таможенных границ между государствами. Бабефу это показалось странным. «Нельзя предположить, что Ленге настолько неразумен (dépourvu de raisonnement), чтобы внушать мысль о немедленном уничтожении таможенных застав на границах королевства. Нация совершила бы акт безумия, если бы решилась уничтожить все ввозные пошлины до того, как все остальные государства согласились бы одновременно на такой же шаг; это означало бы нарушение все-

---

[116] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 302—303.
[117] ЦПА ИМЛ, 104 В II.
[118] Там же.

го торгового баланса»[119]. Несомненно, что мотивы, обусловившие эту позицию Бабефа, были те же, в силу которых в переписке с Дюбуа де Фоссе он высказывался против чрезмерного ограничения роскоши — и то, и другое угрожало привести к сокращению промышленной деятельности, к «недостатку работ» и, следовательно, к еще большему ухудшению положения «неимущих классов». Фритредерская, физиократическая линия экономической политики не встречала ни тогда, ни позднее поддержки Бабефа, за исключением вопроса о ликвидации промышленной регламентации. Требование запрещения хлебного экспорта, так энергично поддержанное Маратом в его борьбе с Неккером, вызывало полную симпатию Бабефа. Читая — в то время или несколько позже, в 1790—1791 гг.,— книгу Мерсье «2440 год», он особенно одобрительно подчеркнул те страницы, на которых излагались пагубные последствия хлебного экспорта[120].

Уже в переписке с Дюбуа де Фоссе мы отмечали горячее сочувствие Бабефа к страданиям колониальных рабов. В «Постоянном кадастре», говоря о необходимости уничтожения феодального строя, основанного на «узурпации», Бабеф напоминает и о «жестокой системе», существующей в колониях. «Каждый день предсказывает, что эта система притеснения, так же как и другие, не может сохраниться надолго, что и она приближается к концу; то, что уже сделали одни, научило и других, как им следует поступать в этой замечательнейшей части нашей вселенной». Правда, это сочувствие к страданиям колониальных рабов было тогда довольно широко распространено не только в демократических, но и в известной части либеральных кругов. Недаром будущий лидер жирондистов, Бриссо, был тогда одним из самых деятельных членов общества «защиты черных». Но Бабеф продолжал стоять на этих позициях и значительно позднее, когда начало освободительной борьбы на о. Сан-Доминго привело уже к резкой дифференциации среди тех, кто накануне революции и в 1789 г. выступал сторонниками эмансипации колониального населения. Летом 1792 г. Бабеф с горячей симпатией писал о батальоне волонтеров из деп. Эны, который должен был направиться на о. Сан-Доминго, чтобы «содействовать осуществлению благодетельного декрета, порвавшего ненавистные цепи, сковавшие *наших братьев-негров* (курсив наш.— *В. Д.*)[121].

«Вступительная речь» и первая глава «Кадастра» были написаны Бабефом заново. В остальных главах он ограничился, по-видимому, исправлением своей рукописи 1787 г. Подробное дополнение было сделано о «тригонометрическом угломере» Одиффре и его значении для быстрейшего проведения «генерального межевания» (arpentage général), которое, по проекту Бабефа и Одиффре, следо-

[119] «Cadastre perpétuel», p. 26 (note).
[120] ЦПА ИМЛ, 45 B II.
[121] ЦПА ИМЛ, 73 B IV.

вало провести во всей Франции для установления размеров обложения земельной собственности. Для определения доходов с других видов собственности предлагалось создание «книги оценки личного состояния» (cahiers d'estimations des Fortunes personnelles) и проведение общей переписи всех видов доходов от промышленной собственности (recensement général de toutes les fortunes industrielles) [122]. Ежегодно должна была производиться проверка доходов и размеров обложения. «Кадастр» предусматривал выделение с этой целью постоянных комиссаров (commissaires de l'entretien et perpétuation) для устранения возможных злоупотреблений и внесения соответствующих исправлений в списках налогоплательщиков. Кто знает, не предназначал ли Бабеф и себя на этот пост?

Содержание своих налоговых проектов Бабеф передает очень ясно 27 июля 1790 г., в письме к одному из руководителей финансового комитета Учредительного собрания, Вернье (Vernier). Он рекомендовал его вниманию свой «Кадастр», в котором изложены «принципы, способные обеспечить справедливое и постоянное установление суммы обложения, его распределение и облегчить взимание единого налога как с земельных владений, так и с личных доходов» [123]. Все виды налогов должны быть объединены в этом «единственном и едином налоге», взимаемом как со всех видов земельных владений, так и со всех личных доходов и прибылей от промыслов (les facultés personnelles et de l'industrie). Для того, чтобы обеспечить «пропорциональность при установлении суммы и при распределении налогов с земельной собственности, совершенно необходимо создать земельный кадастр (cadastre réel) [124]. Не ограничиваясь этим, необходимо также подготовить «личный кадастр» (cadastre personnel) для определения размеров обложения «личных и промышленных доходов». Именно так будет положен конец тому «абсурдному» положению, при котором «те, кто имел больше других, платили меньше всех, а те, кто имел меньше, платили налогов больше» [125].

В своей книге Бабеф — и это важно для его дальнейшей биографии — выступил решительным противником косвенных налогов: «никаких налогов на предметы потребления». Хорошо знакомый с детских лет, когда его отец был «габелером», со всей отвратительной системой взыскания этих налогов «генеральными откупщиками» (Fermiers généraux), Бабеф самым решительным образом высказался в «Кадастре» за их полное уничтожение и ликвидацию. «Уничтожьте,— писал он,— все формы притеснения, истощающие народ, обогащающие не столько казну, сколько множество агентов, презирающих и оскорбляющих народ, издевающихся над ним, замените эти жестокие способы взимания налогов иными, более про-

---

[122] «Cadastre perpéluel», p. 139.
[123] ЦПА ИМЛ, 61 В IV.
[124] Там же.
[125] «Cadastre perpéluel», p. 22.

стыми, не столь запутанными... основанными на равном распределении между всеми гражданами, кто бы они ни были, в строгом соответствии с размерами состояния каждого из них»[126]. Бабеф энергично настаивал на уничтожении соляной подати (gabelle) и сборов с предметов потребления (aides), взимание которых производилось не государством, а аппаратом откупщиков. На последних страницах своей книги Бабеф выставил требование полной ликвидации «этих учреждений, занимающихся вымогательством, мешающих товарообороту (circulation), разоряющих города и не обогащающих при этом общественной казны»[127]. Эти несколько строк очень скоро стали для него программой действий.

Бабеф очень ценил свой «Постоянный кадастр»; он неоднократно вспоминал о нем в последующие годы[128]. Социальные идеи, изложенные им в этой книге, он всего яснее резюмировал в ноябре 1793 г. в письме к Рессону, одному из руководителей центральной продовольственной комиссии, в которой Бабеф добивался тогда места. В качестве «свидетельства патриотизма (certificat du rivisme), и притом имевшего давность с 1789 г., «еще до того, как были декретированы наши первые права человека», Бабеф сослался на «Постоянный кадастр», свой «первый опыт в литературе, политике и патриотизме».

«Я возложил его алтарь свободы,— писал Бабеф, пересылая Рессону свой «Кадастр»,— тогда, когда это святое и священное слово еще почти не решались произносить открыто. Теория налога, принципы, при которых он становится законным, способы честного и справедливого его распределения, необходимость кадастра для достижения этого результата, механизм создания этого кадастра, средства, обеспечивающие его превращение в постоянный,— таковы были темы, которые я стремился затронуть в своей книге. Но начав с этого знаменитого вопроса о налоге, я попутно затронул все наиболее важные вопросы великой революции, которую мы тогда подготовляли и конечную цель (le dernier but) которой не всем дано было тогда даже заподозрить. Если ты прочтешь мою книгу, ты увидишь, что один только я, возможно, был в то время достаточно смелым, чтобы предсказать и предложить: уменьшение крупных состояний (réduction des immenses fortunes); почетное и обеспеченное существование для всех санкюлотов на основе труда (une existance honorable et assurée à tous les sans-culotes moyennant le travail); равное и бесплатное образование; бесплатное судопроизводство; отнятие государством (retrait national) имуществ святой

[126] Ibid., p. 80.

[127] Ibid., p. 186.

[128] См. его письмо к А. Лами 27 февраля 1791 г., в котором он подчеркивал, что Одиффре не принимал никакого участия в написании «Кадастра»: «Единственным его автором являюсь я..., ни одна идея. ни одна фраза в «Кадастре» не принадлежит ни воображению, ни перу этого геометра; он только геометр и больше ничего» (С. Бернстайн. К истории «Постоянного кадастра».— «Французский ежегодник, 1961». М., 1962; см. также AHRF, 1963, № 171).

церкви; уничтожение десятины; упразднение монашества и, наконец, упразднение культа (suppression du culte); уничтожение права нераздельного наследования по старшинству, затем дворянства, затем всего строя феодализма (toute la féodalité); в качестве заключения — свобода, равенство и предоставление преимуществ только для добродетели и таланта. Я явился в Париж из глубины тогдашней Пикардии, для того, чтобы распространить эти смелые предложения (ces audacieuses propositions)» [129].

В этом письме обращает на себя внимание формулировка: «Почетное и обеспеченное существование для всех санкюлотов на основе труда». Она очень точно выражает те мысли, которые мы встречали у Бабефа еще в 1786 г. в его рассуждениях о «праве на жизнь». Отметим, что в 1889 г. Энгельс, ознакомившись со статьями К. Каутского по поводу столетнего юбилея Французской революции, упрекал его в том, что формулировка, примененная для характеристики требований «предпролетариата» — ««благосостояние для всех на основе труда» выражает чересчур определенно стремления тогдашнего плебейского *братства*. Чего они хотели, никто сказать не мог до тех пор, пока, спустя долгое время после падения Коммуны, Бабеф не придал этому определенную форму» [130].

В это блестящее определение Энгельса мы можем теперь, на основе изучения архива Бабефа, внести только одно дополнение: Бабеф дословно применил эту формулу еще в 1793 г., т. е. до падения Коммуны, и именно к ней он прибег для того, чтобы определить существо своих социальных идей еще времен «Постоянного кадастра».

V

Бабеф покинул Париж 16 или 17 октября, увозя с собой первые экземпляры «Постоянного кадастра». В Руа он занят был на первых порах «лондонскими корреспонденциями». Он закончил и переписал свою вторую корреспонденцию для Де ла Тура, доведя в

---

[129] ЦПА ИМЛ, 86 В IV («G. Babeuf à Raisson, membre de la Commission des subsistances de la République. Paris, mardi, 2 Décade de brumaire, l'an 2»). В архиве хранится черновик этого письма. На его обороте имеется следующая запись:

«Равное распределение налогов, пропорционально имуществам.
Постоянство Кадастра.
Помощь тем, кто ничего не имеет.
Уменьшение состояний (réduction des fortunes).
Государственное образование.
Уничтожение культа, десятины.
Бесплатное судопроизводство.
Уничтожение феодализма, дворянства, права нераздельного наследования по старшинству.
Преимущества для таланта и добродетели.
Уничтожение монашества. Конфискация (la mainmise) церковных имуществ».

[130] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 82. (Ф. Энгельс К. Каутскому, 20 февраля 1889 г.).

ней изложение событий до 8 октября. В последних числах октября и в начале ноября, судя по пометкам в рукописи, он начал составление новой корреспонденции. Сохранившаяся ее часть носит название: «Замечания о важнейших вопросах, обсуждавшихся Национальным собранием после его переезда в Париж» [131].

Бабеф выражает, прежде всего, опасения по поводу усиления влияния двора и «министерских интриг». «Давно уже отмечалось,— этой фразой начинаются «Замечания»,— как опасно дышать воздухом двора; почти все, чьи нравственные устои, казалось, способны противостоять такой температуре, в конце концов поддаются искушению этого слишком сильного влияния». Ряд двусмысленных заявлений Людовика XVI, в которых король, выражая свое согласие с «конституционными статьями», сделал оговорку, что «исполнительная власть целиком сохраняется в руках монарха», а также уклончивые выступления королевских министров вселяли в Бабефа тревогу. «Какой урок— пишет он,— для того, чтобы больше, чем когда-либо, быть на страже по отношению к действиям министров, отказаться от всякого слепого доверия (écarter toute confiance aveugle), освещать все происходящее факелом нашего собственного рассудка» [132]. Но Бабеф советует не проявлять «слепого доверия» не только к действиям министров, т. е. Неккера. В своих «Замечаниях» он подвергает критике и деятельность Учредительного собрания.

Осенью 1789 г. во Франции началось формирование крайне левого крыла революционных сил. Это нашло свое выражение в деятельности, проводившейся «всеми демократическими противниками Лафайета» [133], в атаках Марата на Неккера, Лафайета и парижский муниципалитет, в выступлениях парижских дистриктов и, прежде всего, дистрикта Кордельеров, в дифференциации групп Учредительного собрания, в усилении демократической печати. Бабеф, несомненно, испытал на себе ее сильнейшее влияние. В октябре — ноябре 1789 г. он читал не только газету Марата; он тщательно изучал и только начавшую выходить газету Прюдомма «Парижские революции», в которой ее первый редактор, Лустало, последовательно критиковал все нарушения Учредительным собранием демократической линии. «Замечания» Бабефа показывают, что он целиком разделял опасения «демократической левой» по отношению к действиям Учредительного собрания.

Наиболее резкой критике Бабеф, вслед за другими демократами, подверг решение Учредительного собрания об ограничении всеобщего избирательного права и установлении имущественного ценза для избирателей и депутатов. Бабеф указывал, что это решение находится в полном противоречии с Декларацией прав

---

[131] ЦПА ИМЛ, 17 В III, стр. 58—78 («Observations sur les principales questions agitées à l'Assemblée Nationale depuis sa translation à Paris»).

[132] ЦПА ИМЛ, 17 В III.

[133] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 187.

человека и гражданина, прежде всего с ее 6-й статьей, устанавливавшей, что «все граждане, будучи равными перед лицом закона, в равной мере допускаются ко всем постам и общественным должностям, соответственно их способностям и без каких бы то ни было различий, кроме обусловливаемых их добродетелями и талантами. «Поразительно,— констатировал Бабеф,— что после того, как были установлены такие принципы, из них делают столь диаметрально противоположные выводы» [134].

Отмечая, что король утвердил постановление Учредительного собрания от 15 октября, согласно которому выборы депутатов должны происходить на собрании всех граждан или их представителей, без каких бы то ни было ограничений, Бабеф писал: «Можно ли поверить, что то же Собрание, которое принимало этот декрет, 27-го — как раз тогда, когда ему сообщили, что король его санкционировал,— занято было тем, что обсуждало другие декреты, находившиеся с ним в полнейшем противоречии?».

Именно в связи с решением Учредительного собрания об установлении цензового избирательного права Бабеф ставил в своей корреспонденции вопрос о необходимости пересмотра конституции: «О! Как разумно было признано право народов в любое время пересматривать и вносить исправления в конституцию. Все, что делают люди, может быть улучшено. Следующие законодательные собрания (les législatures suivantes) должны будут вновь вернуться к тому, что сделало настоящее собрание» [135]. Разумеется, Бабеф был далеко не одинок в требовании изменения и исправления конституции,— достаточно напомнить, с каким упорством настаивал на этом Марат. Но поддержка этого требования в самом начале ноября 1789 г., когда авторитет Учредительного собрания и утверждавшейся им конституции был еще так высок, свидетельствовала о глубоком демократизме Бабефа. Как и вся Франция, Бабеф в 1788 г. переживал увлечение Неккером, а весной 1789 г.— деятельностью Генеральных штатов. Еще в октябре некоторые утверждения Марата казались ему чересчур резкими и необоснованными. Однако поведение собрания после октябрьских событий укрепило в Бабефе критическое отношение к его деятельности: «Французский народ находит, что за последнее время различные действия его представителей не могут не внушить ему подозрения (ne peuvent que lui inspirer de la défiance)» [136].

К числу внушавших «подозрение» решений, помимо цензового избирательного права, Бабеф относил сохранение за судом в Шатле права на ведение политических процессов (оно было использовано в первую очередь против Марата). Передачу одного из декретов собрания на регистрацию в парижский парламент Бабеф рас-

---

[134] ЦПА ИМЛ, 17 В III.
[135] Там же.
[136] Там же.

сматривал как «благоприятное предзнаменование для судейской аристократии, что ей удастся ускользнуть от роковых ударов, которыми угрожало ей общественное мнение»[137]. Решение Собрания о временном сохранении некоторых особенно ненавистных учреждений старого порядка, в частности, соляной подати, по мнению Бабефа, вполне соответствовало скрытым планам «антипатриотической партии», которая рассчитывает на то, что ей удастся добиться роспуска Учредительного собрания, и тогда учреждения, сохраняющиеся как «временные», уцелеют навсегда.

Особое возмущение Бабефа вызвал закон от 21 октября о «военном положении» (loi martiale). Принятый по настоянию парижского муниципалитета после новых продовольственных волнений в столице, закон этот, как известно, предоставлял властям право после предупреждения путем поднятия красного флага применять оружие (на этом основании впоследствии, 17 июля 1791 г., была расстреляна республиканская демонстрация на Марсовом поле). Симпатии Бабефа к Мирабо не в малой степени, вероятно, объяснялись смелым выступлением Мирабо по поводу этого закона. Бабеф привел в своей корреспонденции слова Мирабо: «Я не знаю ничего более страшного, чем движение, вызванное голодом; все молчит и все должно молчать, все падает ниц и все должно падать ниц перед лицом народа, который переживает голод,— что же может сделать в этом случае закон о военном положении? Если собираются толпы народа с криками: «У пекарей нет хлеба», какое чудовище ответит им ружейными выстрелами?»[138]. Это заявление Мирабо Бабеф сопроводил словами: «Мы не хотим льстить графу Мирабо, но мы не можем удержаться от того, чтобы заявить, что это превосходный и выдающийся человек»[139].

Бабеф внимательно следил за прениями в Учредительном собрании по вопросу об избирательном праве. Он сделал выписки из речей А. Дюпора, Фремона, Ш. Ламета, заявившего в своей речи 29 октября, что декрет о цензе при избрании депутатов «освящает денежную аристократию». Но особенно подробно записал Бабеф речь Робеспьера. Этот интерес к Робеспьеру был у него не случаен. Еще в своей переписке с Дюбуа де Фоссе Бабеф очень живо откликнулся на речь Робеспьера 27 апреля 1786 г. в Аррасской академии, где он был тогда «канцлером», по вопросу о «законодательстве, определяющем права и положение незаконнорожденных детей»[140]. Бабеф целиком поддержал инициативу Робеспьера, хотя и указал, что его предложения имеют только паллиативный характер.

---

[137] Там же.
[138] Там же.
[139] Там же.
[140] Об этой речи Робеспьера см. L. Jacob. Un éloge inconnu de Robespierre-académicien (AHRF, 1950) и его же рецензию на книгу Булуазо о Робеспьере («Revue du Nord», 1958, N 157, p. 127—128).

«Ваш канцлер г. де Робеспьер понял, что сейчас будет очень трудно поразить зло в самом его корне; как и мы, он знает, что по большей части незаконнорожденные являются детьми бедных девушек и знатных юношей (fils de famille), родители которых лишат их наследства, если им придется... вступить в неравный брак ради того, чтобы не совершить гнусности, не запятнать себя преступлением. Как и мы, он знает, что больше всего таких незаконнорожденных появляется в монастырях (la grande fabrique des bâtards est dans les couvents)... Г. де Робеспьер, убежденный в бесполезности выступления в качестве философа-реформатора, ограничился замечаниями по поводу той части законодательства, которая определяет права и положение незаконнорожденных детей. Он не мог сделать ничего большего, не рискуя вызвать враждебность тех, кому выгодны эти предрассудки. Его речь является произведением образованного юриста, человека с душой и владеющего логикой» [141].

Личность Робеспьера уже тогда интересовала Бабефа: «Г. де Робеспьер, несомненно, считается одним из светил вашего адвокатского сословия. Я знаю, что это человек исключительной честности и редкостного бескорыстия. Я слышал от маркиза Крени, аббата де Сент-Андре и г. адвоката Демазьера самые лестные похвалы его достоинствам. «Никого из наших коллег,— заявил последний,— нельзя с большим правом назвать защитником вдов и сирот: г. де Робеспьер не стремится обогатиться; он является и навсегда останется адвокатом бедных» [142]. Давая такой отзыв, скромный февдист в Руа не мог, конечно, предположить, что он характеризует человека, который несколько лет спустя станет руководителем одной из важнейших в истории человечества революций. Но некоторые черты характера «Неподкупного» он сумел определить уже тогда.

Естественно, что первые же выступления Робеспьера в Учредительном собрании привлекли к себе внимание Бабефа, в особенности одна из лучших его речей — речь 22 октября 1789 г.— в защиту всеобщего избирательного права. Бабеф очень подробно изложил ее в своей последней «лондонской корреспонденции» и выписал полностью одно из центральных положений этой речи: «Если тот, кто платит налог, соответствующий однодневному заработку, имеет меньше прав, чем тот, кто платит его в размере трехдневного заработка, а тот, кто платит в размере десятидневного заработка, имеет больше прав, чем тот, налог которого соответствует только трехдневному заработку, то, следовательно, тот, кто имеет сто тысяч ливров ренты, должен иметь в сто раз больше прав, чем имеющий только тысячу ливров дохода! Но из всех ваших декретов следует, что каждый гражданин имеет право содействовать законам, а раз так,

[141] ЦПА ИМЛ, ф. 223, д. 654, стр. 29.
[142] Там же.

то он имеет право быть избирателем и выборщиком, несмотря ни на какие различия в имущественном положении»[143].

Освещая деятельность Учредительного собрания, Бабеф вновь вернулся к продовольственному вопросу. По поводу мемуара Неккера, зачитанного в заседании 24 октября, в котором содержались жалобы на препятствия, чинимые «провинциями, городами, деревнями свободной торговле и обращению хлеба», Бабеф писал: «А что, если эта неограниченная свобода обращения принесет самые страшные последствия, если аристократия воспользуется ею, чтобы создать тайные запасы или каким-нибудь другим способом добьется невиданно быстрого исчезновения нашего зерна? Разве народ, предвидя, что при таком положении понадобится не больше двух месяцев для того, чтобы опустошить все запасы, все закрома наших земледельцев, ошибается, когда оказывает сопротивление, на которое жалуются министры?»[144]. Бабеф имел в виду продовольственные волнения в ряде мест, в частности, в Верноне, где народные массы сопротивлялись вывозу зерна, и полностью оправдывал это сопротивление. «Неимущие» борются с «опасной и преступной алчностью», и они вовсе не проявляют этим непослушания. Бабеф ссылался на спекуляцию хлебом в Руа. Приведя уже цитированную нами цифру 1800 мешков зерна, привозимых в каждый базарный день, Бабеф отмечал, что почти весь этот хлеб немедленно попадает в руки торговцев, которые «покупают, не торгуясь, по той цене, которую назначают владельцы хлеба». Вся эта операция производится несколькими скупщиками (accapareurs). Правда, большинство тех, кто выступает в качестве покупателей, принадлежит к «классу самых обездоленных» (la classe la plus malheureuse des hommes), но они являются только «подставными лицами и посредниками скрытых монополистов».

Бабеф рисует очень яркую картину этой спекуляции хлебом: «3600 мешков зерна с базара в Руа направляются каждую неделю по дороге на Париж, но уже через несколько лье подводы сворачивают на проселочную дорогу. Начиная от Пон-Сен-Максанса, по дороге из Фландрии в Париж совершенно не видно подвод с зерном. На пути из Руа в Пон-Сен-Максанс весь хлеб из Сантерра исчезает в какой-то неведомой пучине. Тот же маневр с зерном происходит и на рынках всех остальных городов. Еще более крупные закупки

---

[143] ЦПА ИМЛ, 17 В III, стр. 61. Речь Робеспьера см. «Oeuvres de Maximilien Robespierre», t. VII, p. 268. Об отношении Бабефа к Робеспьеру см.: A. Mathiez. Babeuf et Robespierre («Annales Révolutionnaires», 1917, p. 370—382; переп. в сборнике «Etudes sur Robespierre». Paris, 1958); А. Манфред. Споры о Робеспьере («Очерки истории Франции в XVIII—XX веках». М., 1961). См. также нашу работу: «Робеспьер и Бабеф» (ННИ, 1958, № 6).

[144] ЦПА ИМЛ, 17 В III. Конспектируя содержание октябрьских номеров газеты Мерсье «Annales patriotiques», Бабеф особо отметил: «Продовольственные беспорядки (troubles à l'occasion des subsistances). Декретирование обращения к народу по поводу товарооборота зерна (circulation des grains, (ЦПА ИМЛ, 19 В I. «Table des matières traitées aux Annales — Mercier»).

производятся в самих деревнях, на дому у крестьян, и это похищение (enlèvement) поисходит с невероятной быстротой. А в это время несчастный житель области, богатой зерном (pays à blé), платит за него страшно дорого, Париж не имеет хлеба, а вся страна предвидит, что очень скоро нам объявят об исчезновении всего зерна. И после этого негодуют по поводу сопротивления, оказываемого провинциями, чтобы помешать этим преступным козням» [145].

Для социальных воззрений Бабефа в этот период и для определения классовых корней его идеологии большой интерес представляет написанный им тогда же в Руа, в ноябре и, во всяком случае, не позднее декабря 1789 г., проект петиции Учредительному собранию. Это — первая из многочисленных петиций, составленных Бабефом в годы революции. К двум первым ее разделам, связанным с налоговыми проблемами (о взимании налогов с «привилегированных» за вторую половину года и о соляной подати) мы вернемся позднее. Третья часть петиции, представляющая наибольший интерес, озаглавлена так: «О бедствиях, которых можно опасаться в наступающую зиму вследствие нищенства, и о средствах для того, чтобы несколько их смягчить» [146].

К этому вопросу Бабеф, работая над «Кадастром», обращался неоднократно. Так, конспектируя книгу «Les fléaux de l'agriculture», он сделал запись: «Стр. 106. Средства, чтобы смягчить бедствия нищенства» [147]. Как видим, заголовок петиции буквально воспроизводит эту запись, сделанную летом 1789 г. Острота вопроса определялась тем, что речь шла совсем не о нищенстве «профессиональном», а о безработице, охватившей значительные слои населения Франции, вынужденного вследствие экономических затруднений 1787—1789 гг. прибегать к нищенству.

Этот вопрос чрезвычайно беспокоил буржуазные круги. Уже в августе 1789 г. в дистрикте Сент-Этьенн-дю-Мон Бонсерф выступил с докладом: «О необходимости и о средствах найти занятия для всех чернорабочих (tous les gros ouvriers)» [148]. Он указывал, что количество безработных в столице увеличивается с каждым днем: «Революция и нынешние события оставили и оставляют множество горожан без всяких занятий, особенно чернорабочих... Число их возрастает ежедневно, поскольку каждый день сокращаются

---

[145] Попутно Бабеф возмущался тем, что политика запрещения экспорта зерна проводится недостаточно решительно: через многие границы хлеб продолжает просачиваться, особенно через границу с австрийскими Нидерландами. «Почему наши офицеры,— спрашивал Бабеф,— вопреки декретам собрания поощряют эти операции? Почему они жестоко избивают солдат-патриотов, у которых находится благородное мужество противиться этому?» (ЦПА ИМЛ, 17 В III, стр. 74—75).

[146] ЦПА ИМЛ, 17 В I («3e. Des ravages à redouter du fléau de la mendicité pour l'hiver qui commence et des moyens d'y apporter quelque remède»).

[147] ЦПА ИМЛ, 12 В I.

[148] Boncerf. De la necessité et de moyens d'occuper avantageusement tous les gros ouvriers (motion faite le 20 août 1789 dans l'assemblée du comité du district de S. Etienne-du-Mont, réimprimée par l'ordre de l'Assemblée Nationale). Paris, 1789.

или вовсе приостанавливаются строительные работы, и большинство чернорабочих, каменщиков, каменотесов, слесарей, плотников, каретников, кузнецов остаются без работы и увеличивают армию опасных людей, которых начинают подкупать из политических соображений»[149]. Бонсерф настаивал на том, что этим рабочим рукам нужно найти какое-нибудь занятие, так как «следует помешать их объединению: объединившись, они станут опасны»[150]. Парижу угрожает образование целой армии «потерявших всякую надежду работников». Их число может дойти до 60 тысяч человек,— пусть эта цифра еще не достигнута, но нужно помешать ее образованию.

Когда несколько позднее, в декабре 1789 г., газета «Spectateur national» выступила с призывом к «состоятельным гражданам столицы» о подписке в пользу неимущих, одним из первых откликнулся сам мэр парижского муниципалитета, Сильвен Байи. «Я не могу не приветствовать этот проект,— писал он.— Состоятельные люди столицы, принося даже самую небольшую жертву, могут доставить бедным значительное облегчение. *Большинство рабочих осталось без занятий* (курсив наш.— *В. Д.*), и нищета никогда еще не была так велика, как сейчас»[151]. 20 января 1790 г. Байи писал по этому же поводу Учредительному собранию: «В Париже царит крайняя нужда, не хватает работы, и множество честных рабочих доведено до отчаяния»[152].

В январе 1790 г. начал действовать специальный комитет Учредительного собрания по вопросу о нищенстве. В составе его были два представителя Пикардии — председатель комитета, известный герцог Ларошфуко де Лианкур, депутат от дворянства Клермонского бальяжа, и Масье (Massieux), приходской священник, а затем конституционный епископ деп. Уазы,— оба хорошо известные Бабефу.

О размерах нищенства (mendicité) можно судить по докладу члена комитета Туре 11 июня 1790 г. Он назвал цифру, несомненно заниженную — 1 миллион 200 тысяч глав семейств, нуждающихся в помощи. Если учесть, что на каждого из них приходилось в среднем около четырех членов семьи, число нуждавшихся в помощи следует определить в 4,8—5 миллионов человек. В одном из позднейших докладов Лианкура, представленных Учредительному собранию, по вопросу о численности «mendiants» приводилась все та же цифра, указанная Туре. При этом, по мнению обоих докладчиков, не меньше половины этого числа составляли «pauvres valides» — здоровые люди, вынужденные заниматься нищенством из-за того, что они не могут найти работы. Число этих «pauvres valides» и Туре, и Лианкур определяли в полмиллиона человек. В од-

---

149 Ibid., p. 2.
150 Ibid., p. 4.
151 C. Bloch et A. Tuetey. Procès-verbaux et rapports du Comité de la mendicité de la Constituante 1790—1791. Paris, 1911, p. IV—V.
152 Ibid., p. VIII.

ном Париже, при населении в 600 тысяч человек, комитет насчитывал 60 тысяч нищенствующих, в том числе 30 тысяч «pauvres valides» — цифра, явно преуменьшенная [153].

Те факты, значение которых комитет Лианкура стремился смягчить и преуменьшить, в бабефовском проекте петиции показаны с полной правдивостью. Чрезвычайно точно объяснены причины, обусловившие рост нищенства: «Установить причины этого бедствия нетрудно. Исчезновение звонкой монеты, ставшее столь обычным при нынешнем неизбежном беспорядке, ⟨упадок торговли и вследствие этого бездействие мануфактур⟩, исчезновение почти всех работ, которые выполняли рабочие разных отраслей, различные потрясения, увеличившие число праздных рабочих рук, рост цен на зерно, в полнейшей диспропорции с возможностями поденщиков,— всего этого совершенно достаточно, чтобы объяснить причины страшного голода, который на нас давит» [154]. Количество людей, прибегающих к нищенству вследствие этого, намного превзошло обычное их число: «Каста нищенствующих уже не состоит из небольшого числа тех, кто отупел в результате праздности и с самого детства привык жить за счет милосердия других. Это уже не вспомогательный отряд (corps auxiliaire) плутов, с чьим печальным существованием мирятся трудолюбивые пчелы... Сегодня это целые полчища (cuvées) бедняков, которые повсюду осаждают двери других бедняков, неспособных им помочь» [155].

Исключительно ярко рисует Бабеф картину нищенства в Пикардии зимой 1788—1789 гг.: «Бедствия в прошлом году были далеко не такими острыми, как в нынешнем,— тем не менее, что происходило в Пикардии? Буржуа, крестьян, имевших постоянное местожительство, осаждали ежедневно по 700—800 нищих. Те, кто сами были бедны, ожесточались и сопротивлялись их назойливости; если же они обладали хоть какими-нибудь средствами, им приходилось

[153] C. Bloch et A. Tuetey. Op. cit., p. 72—73 (доклад Туре), 769. В одном из докладов Ларошфуко-Лианкура уже в 1791 г. указана цифра в 2 739 384 человека, не платящих налога или платящих его в размере заработка за 1—2 рабочих дня. Если умножить эту цифру в четыре раза, по числу членов семей, мы получим то число в 10—11 миллионов человек, которое Матьез привел в своих «Notes sur l'importance du prolétariat» (AHRF, 1930). Матьез, однако, неправильно отнес всех этих нуждающихся (indigents) к числу «пролетариев». О размерах нищенства см. также P. Roissonnade. L'assemblée provinciale de Poitou et la question de mendicité (1787—1790). Paris, 1904. На 248 979 жителей деп. Вьенны в 1791 г. насчитывалось 61 812 «неимущих» (indigents) (около 25%).

[154] ЦПА ИМЛ, 17 В I. «Les causes d'un tel malheur, elles ne sont pas difficiles à saisir. La rareté du numéraire si commune au désordre inévitable des circonstances. ⟨Le dépérissement du commerce, l'inaction des manufactures qui en est la suite⟩, l'abandon de la presque totalité des travaux, qui exerçaient l'ouvrier du tout genre, les divers bouleversements qui augmentent le nombre des oisifs, le prix des grains élevé dans une proportion excessive avec les facultés du journalier, il n'en faudrait pas tant pour expliquer les principes de l'affreuse disette qui nous presse» (в угловых скобках сохранены вычеркнутые слова, представляющие в данном случае несомненный интерес).

[155] ЦПА ИМЛ, там же.

уступать. Буржуа это обходилось иногда в 300 лиаров в день, а крестьянину, который не подает лиаров, в 800 ломтей хлеба. Но в то время, как буржуа, защищенный городскими стенами, мог спокойно отказывать беднякам в помощи, ...деревенский житель, один, посреди равнины, вынужден был иногда давать больше, чем это позволяли его средства. Голодный человек не рассуждает и не всегда может быть справедливым. Некоторые фермеры, которым надоело множество обращенных к ним просьб, иногда осмеливались отвечать отказом; ...в ответ они слышали угрозу поджога, и последствия этой роковой угрозы сказывались иной раз очень быстро. С другой стороны, крестьянин, который щедро подавал в течение целого дня, не был избавлен от опасности того, что ночью вновь станут стучать в его окно и требовать денег и хлеба» [156]. Эти «достойные сожаления сцены» начинают возобновляться и в зиму 1789/90 г.: «Бедняки снова теряют самообладание, и их волнения становятся угрожающими: те же угрозы, тот же образ действий; ходят слухи, что окрестности Амьена заполнены несчастными, которые грабят и убивают на дорогах» [157].

Бабеф объясняет, чем вызвано это ожесточение, от кого исходят эти угрозы. Это объяснение заслуживает того, чтобы привести его целиком; оно очень наглядно показывает, какие социальные группы стояли в центре внимания и интересов Бабефа. «Эти ...ночные нападения,— пишет он,— которым подвергались многие крестьяне, эти угрозы, применение насилия, являются без сомнения, проявлением отчаяния со стороны страдающих людей, вовсе не относящихся к числу тех постоянных нищих, о которых мы говорили. Эти несчастные, по всей вероятности, *труженики, лишившиеся работы* (des travailleurs dépourvus d'ouvrage), или те, чей жалкий заработок не дает им возможности угнаться за повышением цен на продукты, необходимые для пропитания. Именно эти группы несчастных всего более опасны, когда они впадают в нужду. Трудящемуся человеку, привыкшему жить плодами своего промысла des frais de son industrie), нелегко оказаться вынужденным выпрашивать милостыню у другого, равного ему. Если нужда заставляет его унизиться до этого, горе тому, кто грубо ему откажет. Гнев делает его способным на все. Поэтому чрезвычайно важно найти средства, чтобы избавить от нищенства и попрошайничества тех, *кто умеет и хочет работать*. Если общество, как это утверждают наши лучшие публицисты, позаботится о том, чтобы *обеспечить всем людям существование на основе труда* (si... la société pourvoyait aux moyens d'assurer par leur travail la subsistance à tous les hommes), вряд ли ктонибудь захочет унизиться до нищенства» [158]. Как видим, формула, которую Бабеф употребил в своем письме Рессону в конце 1793 г., почти дословно была применена им еще в конце 1789 г.

[156] ЦПА ИМЛ, 17 В I.
[157] Там же.
[158] Там же (курсив везде наш.— *В. Д.*).

Бабеф выдвинул свои предложения для уменьшения «угрозы нищенства». Каждая община должна составить списки неимущих — «всех тех, чьи ресурсы не уравновешиваются с их потребностями». Этим беднякам должно быть обеспечено ежедневное пособие в 5 солей (су). Фонд для выдачи этих пособий должен составляться путем обложения «*каждого имущего гражданина*» (habitant aisé.— курсив наш.— *В. Д.*), в строгом соответствии и пропорционально размерам его доходов и земельной собственности. После того, как будет обеспечена эта уплата пособий, «нищенство должно быть запрещено» — та самая мысль («нищие — их не должно быть»), которую мы уже встречали в предварительных работах Бабефа к «Постоянному кадастру». Бабеф признавал, что это ежедневное пособие в 5 су недостаточно для того, чтобы обеспечить пропитание, но он считал, что в соединении с другими, хотя бы и небольшими, доходами от «активной деятельности» (industrie active), оно принесет несомненное облегчение.

Этот проект Бабефа напоминает английские формы приходской помощи бедным, но отличается от них принципом строго пропорционального обложения имущих. Характерно, что комитет Учредительного собрания категорически высказался против таких форм помощи «pauvres valides», т. е. тем, кого в XIX в. стали называть безработными. В седьмом докладе Лианкура был специальный раздел по вопросу о том, должна ли помощь беднякам оказываться как государственная или как местная. Комитет высказался против «муниципального» обложения в пользу бедняков и против какого бы то ни было пособия «pauvres valides». Отметив, что «нынешний кризис, когда промышленность почти приостановилась, привел к удвоению числа бедных», Лианкур решительно подчеркнул, что помощь этим «трудоспособным беднякам» должна оказываться только путем «предоставления им работы», а не каких-либо пособий [159]. За этим скрывались, конечно, узкосвоекорыстные, классовые расчеты буржуазии, заинтересованной в сохранении «резервной армии труда». Интересно, что из 51,6 миллиона ливров, которые собирался израсходовать комитет, только 5 миллионов предназначалось на оказание помощи «трудоспособным» («pauvres valides») и на общественные мастерские,— немногим более, чем на административные расходы и создание резервных фондов (4 миллиона ливров) и на проведение репрессивных мер против нищенства (3 миллиона ливров) [160].

Эти узкоклассовые соображения имел в виду Бабеф, когда писал в своем проекте петиции: «Мы видели, что на деле применяются совершенно иные способы. Безжалостные эгоисты хотели вынудить людей бездействовать и голодать. Но это невозможно. Нужно прежде всего дать людям хлеб, а потом уже требовать от них спокойствия. Ясно, что общество, которое должно обеспечить пропитание

---

[159] C. Bloch et A. Tuetey. Op. cit., p. 547.
[160] Ibid., p. 549.

всем, кто входит в его состав, не может рассчитывать на мир, если оно не выполняет этой первейшей обязанности. Человеку не свойственно пассивно и спокойно умирать, испытывая жуткие муки нужды, тогда как он со всех сторон окружен несметными богатствами»[161]. «Общество обязано обеспечить хлебом своих обездоленных сочленов» (la société doit du pain à ses membres malheureux). Это требование в проекте петиции развивало ту же мысль, которую мы встречали уже в июньском письме 1786 г., что общество обязано обеспечить всем «право на жизнь». Это требование вытекало вовсе не из абстрактных, естественно-правовых концепций XVIII в. «Мы уже видели,— писал П. П. Щеголев, характеризуя взгляды молодого Бабефа,— насколько Бабеф в своих построениях зависел от господствовавшего в XVIII в. учения о естественном равенстве»[162]. Из всего, что было сказано выше, можно сделать совсем иной вывод: все построения Бабефа были теснейшим образом связаны с социальной действительностью Франции XVIII в. и определялись ею. В письме 1786 г., во «Вступительной речи», в проекте петиции о борьбе с нищенством совершенно явственно сказывается интерес Бабефа к совершенно определенной группе населения — к пролетариату и особенно полупролетариату мануфактурного периода, к той многочисленной прослойке деревенского населения, для которой работа на капиталистическую мануфактуру, в самых различных формах, являлась, по ленинскому определению, не меньшим, а очень часто уже и гораздо более важным источником существования, чем собственно сельское хозяйство. «Учение о естественном праве», «естественном равенстве» означало для Бабефа, прежде всего, осуществление «реального благосостояния» (bonheur réel) для этих групп населения. «Classes malheureuses», «peuple ouvrier» — «рабочий народ», как писал Бабеф в одной из своих позднейших петиций,— имел уже тогда в лице Бабефа своего защитника, своего идеолога.

«Мы не говорим здесь о той литературе, которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата (сочинения Бабефа и т. д.)»,— писали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте»[163]. Материалы, обнаруженные в архиве Бабефа, целиком подтверждают эту оценку великих основоположников революционного марксизма, и притом не только для периода, когда возник «заговор во имя равенства», но и для первых лет революции.

VI

«Обеспечить хлебом» Бабефу нужно было прежде всего самого себя и свою семью. Оба его начинания — и «Постоянный кадастр»,

[161] ЦПА ИМЛ, 17 В I.
[162] П. Щеголев. Гракх Бабеф, стр. 19.
[163] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 455.

и «Лондонские корреспонденции» — не оправдали возлагавшихся на них надежд.

Учтя опыт с Суаекуром, Одиффре и Бабеф 21 сентября 1789 г. подписали договор о своих правах и обязанностях как соавторов «Кадастра». В «преамбуле» к договору указывалось, что «Ф.-Н. Бабеф, архивист в г. Руа, в Пикардии, уже несколько лет назад задумал план Постоянного кадастра королевства в такой форме, какую он счел наиболее пригодной для достижения наилучших результатов и более существенных выгод, чем во всех работах, которые публиковались по этому вопросу» [164].

Согласно условиям договора, Бабеф брал на себя написание и окончательную редакцию рукописи, хотя и обязался не включать в текст ни одного предложения без согласия на то Одиффре. Расходы, как и все будущие прибыли, в том числе «вознаграждения и премии, которые они получат от учреждений (administration), литературных обществ» и т. д., должны делиться поровну. Все расходы по изданию должен был авансом оплатить Одиффре. Но Бабеф обязан был, в случае если продажа книги не покроет сделанных расходов, внести через год свою долю на их покрытие. В договоре предусмотрены были все детали взаимоотношений между компаньонами, вплоть до процедуры арбитража, в случае смерти одного из них и споров с наследниками [165]. Но расчеты «договаривающихся сторон» совершенно не оправдались.

Уже 14 ноября 1789 г., всего через месяц после отъезда Бабефа из Парижа, Одиффре в довольно раздраженном тоне посоветовал ему прекратить всякую переписку с де ла Туром. «Я получил,— писал Одиффре,— последней почтой сообщение, что этот господин не оплатил векселя, который я выдал на него накануне вашего отъезда. Мне сообщают, что он прекратил издание газеты из-за отсутствия средств и что мне не приходится рассчитывать на оплату авансов, которые я ему дал. Уверяю вас, что это меня нисколько не забавляет, потому что я выдал ему 15—16 луидоров, которые мне очень нужны. Я предполагаю, что это не устроит и вас» [166].

На это послание Одиффре Бабеф ответил тремя письмами, из которых сохранилось только последнее, от 26 января 1790 г. На первые два письма он не получил никакого ответа, и это вызвало у него тревогу и недоумение. «Если вы храните такое молчание,— писал он,— значит, вы на меня сердитесь, но я не могу понять причины» [167]. Бабеф пытался успокоить Одиффре. Даже предприятие с де ла Туром не казалось ему совершенно безнадежным. «Имеете ли вы известия о г. де ла Туре,— запрашивал он в том же письме

---

164 V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 69.
165 Ibid., p. 70—71.
166 ЦПА ИМЛ, 8 В VI. Луидор — золотая монета в 20 франков.
167 ЦПА ИМЛ, 2 В IV.

Одиффре,— он должен был начать издание своей корреспонденции до 21-го — начало работы парламента — и он обещал мне, что первые же доходы от этого издания пойдут нам»[168].

Бабеф убеждал Одиффре не отчаиваться в успехе «Кадастра». Через одного амьенского книгопродавца, Карона-Беркье, Бабефу удалось напечатать сообщение о выходе книги в амьенской газете «Affiches de Picardie»[169]. Пересылая этот номер газеты Одиффре, Бабеф писал, что уже «через четыре дня после появления этого сообщения» к Карону-Беркье явились покупатели, и сейчас у него скопилось около пятнадцати заказов, которые он не в состоянии выполнить (весь тираж хранился у Одиффре, который соглашался отпускать книги только за наличный расчет). Это же извещение в газете вызвало интерес к книге и в Нуайоне; ее начали требовать и у Девена. Всячески стремясь обнадежить Одиффре, Бабеф сообщил ему о письмах, которые он получает с выражением благодарности «за написание такого важного произведения»[170].

У Бабефа к тому времени появился новый план распространения «Кадастра», который он и поспешил изложить Одиффре. План этот, по его мнению, мог обеспечить продажу не только уже вышедшего тиража, но еще и дополнительных 15—20 тысяч экземпляров. Так как вопрос о налогах и их раскладке будет в конце концов решаться не Национальным собранием, а муниципалитетами, их и нужно осведомить о выходе «Кадастра». Нужно издать «Проспект» и разослать его каждому из 40 тысяч вновь созданных муниципалитетов — «это будет гораздо лучше, чем печатать объявления о нашей книге во всех газетах». Проект такого проспекта Бабеф приложил к письму. Он брался сам надписать все адреса для рассылки проспекта. «Меня обуревает такое сильное желание распространить этот проспект,— писал он Одиффре,— что в случае, если это предложение не возбудит в вас такого же чувства, как у меня, я беру на себя этим письмом обязательство заложить (d'hypothéquer) все мои будущие доходы от нашего издания»[171].

---

[168] Там же.

[169] Жан-Батист Бабеф, переехавший в связи с прекращением февдистской деятельности в Амьен, где он получил работу у каноника Бигорга, а затем у прокурора Дюмериля, писал брату 22 января 1790 г.: «Я с удовольствием прочел сообщение о вашем Кадастре в «Affiches de Picardie» за 16-е число этого месяца» (ЦПА ИМЛ, 30 В VI).

[170] ЦПА ИМЛ. 2 В IV. Одно такое письмо действительно сохранилось в архиве Бабефа. Правда, оно принадлежало тому же Вассу, его бывшему сотруднику, который писал 30 октября 1789 г. Бабефу: «Я говорил моему дедушке о «Постоянном кадастре». После моих объяснений у него, как и у меня, появилось живейшее желание получить экземпляр. Я осмеливаюсь обратиться к вам с просьбой об этом. Я прошу вас, как только вы получите экземпляры из Парижа, переслать их сюда, по нашему адресу. Вы этим чрезвычайно нас обяжете» (ЦПА ИМЛ. 81 В V).

[171] ЦПА ИМЛ. 26 В IV. Бабеф писал 23 февраля 1790 г. амьенскому книгопродавцу Карону-Беркье: «Мы упустили прекрасный случай сбыть двадцать тысяч экземпляров этой книги. В момент, когда происходила организация му-

Одиффре отнесся ко всему этому очень холодно. «Книга,— ответил он 28 января,— имеет так мало успеха, что это приводит меня в ужасное настроение. Причина того очень проста,— нужно платить, а я выручил деньги всего лишь за 4 экземпляра... Нет ни одной газеты, куда бы я не послал экземпляра для напечатания сообщения: все это сделали..., но книга все же не продается» [172]. Одиффре соглашался с тем, что «рано или поздно» книга будет иметь успех. «Но в ожидании этого,— продолжал он,— я вынужден платить вперед и не получать ничего. Уже сейчас я авансировал около 900 ливров и уверяю вас, что это дьявольски неприятно». Сообщение о Девене вызвало у него «смех сквозь слезы» (rire de pitié). Что касается «Проспекта», то Одиффре рассчитал, что его печата-ние о Девене вызвало у него «смех сквозь слезы» (rire de pitié). ют вам оплатить половину расходов, вы можете на меня рассчитывать, но без этого я не возьмусь» [173]. Наконец, Одиффре предлагал отказаться от каких бы то ни было надежд на де ла Тура: «Я знаю совершенно точно, что от г. де ла Тура нечего ожидать; поэтому все прекрасные надежды, которыми вы тешите себя по этому поводу, меня нисколько не успокаивают. Я знаю обо всем от г. Боффа из Лондона» [174].

В марте 1790 г. Бабеф сделал еще одну попытку повлиять на Одиффре. Он упрекнул его в том, что Одиффре не проявляет достаточной энергии в использовании прессы. О «Кадастре» до сих пор ничего не писали «Патриотические анналы» Мерсье. Между тем «эта газета очень влиятельна в провинции, и рекомендация с ее стороны может очень помочь книге» [175]. Бабеф ссылался на то, что газета очень лестно отозвалась о книге «L'impôt abonné» Обри де Сен-Вибера. Похвала Мерсье, связи автора «Impôt abonné» (его брат был членом Учредительного собрания и его налогового комитета) — все это может привести к тому, что именно этот проект налоговой реформы, несравненно менее удачный, чем другие, будет принят. «Наша ошибка в том,— писал Бабеф, что мы не можем договориться между собой... Мы слишком безразличны к нашему младенцу и не проявляем каждодневных забот, которых он требует. Мы считаем его... не оправдавшим возлагавшихся на него надежд. Другие, обещавшие сперва гораздо меньше, могут, однако победить,

---

ниципалитетов, нужно было разослать во все приходы королевства всем новым муниципальным деятелям (nouveaux officiers municipaux) сообщение о кадастре, как вполне пригодном образце при новом порядке» (ЦПА ИМЛ. 1 В IV).

[172] ЦПА ИМЛ, 9 В VI. Сообщение о выходе «Кадастра» появилось в № 28 «Révolutions de Paris», p. 31 («Cadastre perpétuel, ou démonstration des procédés convenables à assurer l'assiette et la perception d'une contribution unique tant sur les possessions territoriales que sur les revenus personnels; dédié à l'Assemblée nationale, Paris, chez les auteurs, rue Quincampoix, № 40».

[173] Там же.

[174] Там же.

[175] ЦПА ИМЛ, 35 В IV.

благодаря более тщательным заботам более преданных и нежных родителей, чем мы с вами»[176].

Бабефа глубоко задел тон письма Одиффре: «Уверяю вас, что все эти тысячи сомнений, все это явное недоверие, проявившиеся в вашем последнем письме, только отбивали у меня охоту писать вам, хотя это было, вероятно, совершенно необходимо». Чтобы рассеять недоверие Одиффре, он послал ему одно из писем по поводу «Кадастра» и письмо издателя «Courrier européen» Панкука. «Вы сомневаетесь в том,— писал Бабеф,— что я сообщил вам относительно де ла Тура и Панкука. Я вынужден поэтому переслать вам письмо этого последнего, чтобы доказать, что я не лжец. Кроме того зайдите сами к г. Панкуку, и он подтвердит вам то, что я говорил: договор с г. де ла Туром сохраняет силу»[177].

По-видимому, и эта последняя попытка Бабефа повлиять на Одиффре осталась безрезультатной. К вопросу о распространении «Кадастра» он в своих письмах больше не возвращался. Но тем самым рушились все расчеты Бабефа на улучшение его материального положения. Все его должники упорно отказывались платить «Я живо ощущаю,— писал он в начале 1790 г.,— потрясения, связанные с крушением (échec) фьефов. В Кенуа я сделал очень много работ, за которые я надеялся получить вознаграждение..., но сейчас все это безнадежно рухнуло»[178].

В декабре 1789 г.— январе 1790 г. Бабеф через уже упоминавшегося нами книгопродавца Карона-Беркье пытался получить должность секретаря амьенского муниципалитета, но и эти старания не дали результата[179]. «Мне дают много обещаний,— писал он брату 25 января 1790 г.,— у меня много надежд, но пока ничего не осуществляется. Мое положение довольно плачевное (n'est pas très riante). Я уже давно совершенно разорен и растратил все свои средства, так как за последние восемь месяцев я не заработал ни гроша, то радоваться мне нечему. Г. де ла Тур прекратил издание своей газеты, начиная с ноября, и корреспонденции, посланные мной раньше, не оплачены, хотя он писал мне, что я не понесу никаких потерь. Я ожидал декрета о феодальных правах для того, чтобы, в случае если мне не удастся найти никакой должности, взяться за опись Фреллуа, которая давно была мне обещана, в случае если только описи уцелеют до завершения выкупа, но получилось иначе, и сейчас приходится распрощаться со всякими надеждами и с этой стороны»[180].

---

176 ЦПА ИМЛ, 35 В IV.
177 Там же.
178 ЦПА ИМЛ, 67 В V, 29 марта 1790 г. (Babeuf à Quesnescourt, à Nesle).
179 ЦПА ИМЛ, 10 В VI (письмо Карона-Беркье Бабефу от 31 декабря 1789 г. и черновик ответа Бабефа, в котором он пишет о «посте секретаря, который могли бы мне доверить»).
180 ЦПА ИМЛ, 3 В IV.

Однако, несмотря на все личные невзгоды, Бабеф к тому времени с головой ушел в совершенно новое предприятие. «Я давно уже написал бы вам,— сообщал он в том же письме брату,— если бы не одно блестящее и чрезвычайно привлекательное занятие, которое вот уже три месяца непрерывно меня занимает. Что это за начинание, принесет ли оно выгоду? Нет!» [181].

«Начинанием», о котором шла речь в письме, было массовое движение против уплаты косвенных налогов в Пикардии, начавшееся еще тогда, когда Бабеф находился в Париже, и возглавленное им в начале 1790 г. В связи с этим движением имя Бабефа впервые прозвучало далеко за пределами Руа.

---

[181] ЦПА ИМЛ, 3 B IV.

Бабеф — организатор движения против косвенных налогов

I

Еще находясь в Париже, Бабеф проявлял большой интерес к тому, как развиваются революционные события в Руа и в Пикардии. «Сообщи мне,— писал он жене 30 июля 1789 г.,— что происходит в Руа и в окрестностях. Я знаю обо всем, что случилось в Нуайоне, в Компьене. Суассоне, Сен-Кантене» [1]. Он повторил этот вопрос 4 сентября: «Мне очень хочется узнать обо всем, что произошло в Руа. Вы ничего об этом не сообщаете. Платят ли еще налоги с продуктов (aux Aides)? Продают ли свободно соль (le sel blanc)? Мой брат мог бы сообщить мне подробно обо всем этом. Как составляется гражданская милиция? Происходят ли собрания граждан? Во всех городах дела идут хорошо, но в Руа слишком много безразличия и мало патриотической энергии» [2].

Из этих вопросов ясно, что Бабеф готовился к возобновлению борьбы, начатой им весной 1789 г., и прощупывал наиболее уязвимые места противника. Это видно из его пометок на письме уже упоминавшегося нами бывшего служащего Бабефа, Васса, полученном уже после возвращения из Парижа. Эти заметки представляют собой своеобразный план тактических действий Бабефа (порядковые номера проставлены им, по-видимому, позднее):

«1. Соляная пошлина и налоги с продуктов (Gabelles et Aides)
2. Национальная милиция и вывод войск.
3. Хлеб.
4. Новый комитет и периодические собрания Коммуны» [3].

---

[1] ЦПА ИМЛ, 34 В VIII.
[2] ЦПА ИМЛ, 110 В VIII.
[3] ЦПА ИМЛ, 81 В V. На том же листе сохранился и еще один вариант этой записи:
«Периодические собрания К[оммуны]
Гражданская гвардия К[оммуны]
Хлеб. Вывод войск.
Соляная пошлина и налоги с продуктов.
Новый комитет».

Расшифровать эти записи и, прежде всего, запись «новый комитет» и «национальная милиция» нетрудно. «Я нашел после возвращения (из Парижа.— *В. Д.*),— вспоминал Бабеф несколько месяцев спустя,— что прежний муниципалитет был заменен новым учреждением, под названием Постоянный комитет (Comité permanent). Незачем спрашивать, кто оказался во главе этого комитета, кто занял в нем руководящее положение. Их кандидатуры не голосовались. В деятельности этого учреждения было замечательно только то, что оно сдерживало энергию граждан, которые в первые дни июльских беспорядков поспешили, как и повсюду, организовать национальную милицию, стремясь сделать ее деятельной и полезной. Клике Бильококов (la cabale Billecocq) удалось скоро подавить этих мужественных жителей Руа, стремившихся стать патриотами» [4]. Как сообщает Бабеф, в распоряжении Постоянного комитета было около 200 ружей, предназначавшихся для вооружения национальной гвардии, но он упорно противился их раздаче, и город оказался фактически без милиции. Борьба за ее создание и вооружение стала одним из центральных пунктов в программе деятельности Бабефа весной 1790 г.

Другим таким пунктом были периодические общие собрания всех граждан. Новый комитет всячески стремился помешать их созыву. «В первые дни революции,— как писал Бабеф в той же рукописи,— комитет вынужден был созвать несколько общих собраний Коммуны. Предложения, с которыми выступили на них некоторые патриоты, не понравились украшенным знаками отличия аристократам, которым, к несчастью, доверено было дело народа. Старшему Бильококу благодаря его вкрадчивому красноречию удавалось при поддержке всех его рабов устранять эти предложения... Но эти важные требования ставили все же всемогущих представителей в затруднительное положение. У интриганов, однако, всегда находится выход. Они приняли твердое решение воспротивиться всякому дальнейшему созыву общих собраний, несмотря на ежедневные настояния лучших граждан» [5].

Возобновляя борьбу против муниципальной олигархии в Руа, Бабеф опирался на опыт, полученный им за три месяца пребывания в столице. Мы видели, с каким вниманием он присматривался к деятельности парижских дистриктов. Уже осенью 1789 г., до октябрьских событий, а в особенности после них, началась борьба между умеренным муниципалитетом, руководимым Байи, и наиболее демократическими парижскими дистриктами. Оживление политической активности народных масс одинаково тревожило умеренную буржуазию и в столице, и в провинции. Вопрос о созыве периодических собраний граждан был вопросом о степени развития политической демократии. Борьба, которую вели Байи в Париже и

---

[4] ЦПА ИМЛ. 49 В I.

[5] Там же.

Билькоки в Руа за всемерное ее ограничение, были явлениями одного и того же порядка, хотя, конечно, совершенно различного исторического масштаба.

В архиве Бабефа сохранился проект речи, датированный им 2 января 1790 г. и обращенный к общему собранию граждан коммуны г. Руа [6]. Мы не знаем, состоялось ли такое собрание или это один из многочисленных, не нашедших осуществления проектов Бабефа. Как бы то ни было, он вел борьбу за созыв подобного собрания, и характерно, что, отстаивая в этом проекте речи необходимость постоянного созыва подобных собраний (вспомним один из пунктов его записи), Бабеф ссылался именно на парижский опыт.

Заменив после революции старый муниципалитет новым, «граждане Парижа,— писал он,— понимали, что, если члены нового муниципалитета получат неограниченные полномочия, они очень скоро превратятся в аристократический сенат». Именно поэтому, в противовес всевластию муниципалитета, возникло 60 парижских дистриктов, в собраниях которых принимают участие все граждане. «Решения, принимаемые на собраниях каждого из этих дистриктов, сообщаются всем остальным дистриктам. Если большинство дистриктов единодушно одобряет какое-нибудь решение, оно сообщается комитету муниципалитета, который обязан принять его и опубликовать как муниципальный закон» [7]. Благодаря этому принимаемые решения больше всего приближаются к осуществлению «общей воли» (volonté générale): либо они принимаются комитетом муниципалитета, но получают одобрение дистриктов, либо они исходят от дистриктов и получают одобрение муниципалитета. Если бы этого не было, если бы участь Парижа зависела исключительно от администрации, от одного лишь муниципального комитета, «первый город королевства был бы не свободным городом, а жалким зрелищем стада рабов» [8]. Так получилось в Руа, где создан комитет, облеченный всеми полномочиями, и где граждане коммуны могут собираться только тогда, когда этого захочет комитет. Ссылаясь на парижский опыт, Бабеф настаивал в своем проекте речи на необходимости периодического созыва общих собраний граждан в определенные дни, где могли бы вноситься и обсуждаться любые предложения и, таким образом, обеспечен был бы контроль и наблюдение за всеми действиями муниципалитета.

Несмотря на все усилия, Бабефу не удавалось помешать всевластию Билькойов. Когда, в связи с новым административным делением Франции, встал вопрос о том, где будет находиться центр нового дистрикта,— в Мондидье или Руа,— «клика Бильоков», состоявшая, в большинстве, из «судей, адвокатов, прокуроров, приставов, нотариусов», начала добиваться того, чтобы в Руа были, по

[6] ЦПА ИМЛ, 27 В I.
[7] Там же.
[8] Там же.

крайней мере, сохранены судебные учреждения, от чего непосредственно зависели ее доходы. С этой целью в столицу была направлена делегация в составе все тех же Билькока-старшего, председателя Постоянного комитета, Билькока-младшего, королевского прокурора и члена комитета, и двух адвокатов, «рабов и прислужников Бильноков», тоже бывших членами комитета [9]. Возражения Бабефа, считавшего, что для Руа важнее стать центром дистрикта, а не судебных учреждений и критиковавшего келейный образ действий комитета, только усилили враждебное отношение к нему «клики».

В новом муниципалитете, созданном в начале 1790 г. вместо постоянного комитета, Билькокам вновь удалось сохранить господствующее положение. Председателем муниципалитета стал все тот же Луи-Шарль Билькок-старший, а прокурором-синдиком — Луи-Франсуа Билькок дю Мирайль, «Билькок-младший», хотя законом о муниципалитетах, как отмечал Бабеф, запрещалось одновременное занятие таких руководящих постов родственниками [10].

Но Бабефу удалось все же нащупать уязвимое место «в расположении противника». В его записи, как мы помним, был еще один пункт, который Бабеф, после некоторых размышлений, обозначил как первый. Именно этот «пункт № 1», вопрос о соляной подати и косвенных налогах, об Aides et Gabelles, стал тем тараном, с помощью которого Бабефу удалось ворваться в укрепление его врагов, пробудить «патриотическую энергию» жителей Руа, заставить Бильноков забить тревогу и просить о срочной помощи во всех столичных инстанциях, вплоть до Учредительного собрания.

II

Финансовые затруднения, переживавшиеся монархией, еще больше обострились во второй половине 1789 г. И либеральное дворянство, и буржуазия, в полном единодушии с правящими кругами, считали совершенно невозможным коснуться важнейшей статьи расходов — оплаты государственного долга. Но, поскольку она сохранялась, расходы государства почти не сократились (экономия от сокращения «пенсий» верхам дворянства оказалась ничтожной), тогда как его доходы начали резко сокращаться из-за стихийного отказа населения от уплаты косвенных налогов. Между тем эта статья доходов, отдававшаяся на откуп, составляла едва ли не половину все-

[9] ЦПА ИМЛ, 49 В I.

[10] ЦПА ИМЛ, 30 В I, 7 марта 1790 («Я изобличал как злоупотребление назначение г. Дю-Мирайля на пост прокурора-синдика по той причине, что он являлся братом г. мэра, так же как и назначение на другие посты нотаблей родственников, которые не могут одновременно занимать их в одном и том же муниципалитете.... Я говорил, исходя только из общего духа декрета о муниципалитетах, но я был прав; ...согласно декрету, принятому на заседании 3 февраля и опубликованному во всех газетах, запрещается, чтобы прокурор-синдик и нотабли находились в родственных отношениях».

го государственного доходного бюджета. По авторитетному свидетельству Ф. Брэша, специально занимавшегося вопросами о государственном бюджете Франции накануне и в первые годы революции, из 472 миллионов ливров государственных доходов на долю косвенных налогов приходилось 205 миллионов ливров,— свыше 43%[11].

Как известно, все они, в том числе налоги на соль (знаменитая «габель»), табак, напитки, пошлины на ввоз предметов потребления в города и т. д., сдавались на откуп. В 1780 г. Неккер произвел реформу откупов. В ведении «генеральных откупщиков» (Fermiers généraux) оставались соляная подать — самая крупная статья доходов, приносившая накануне революции свыше 58 миллионов ливров,— табак, парижские таможни (octrois de Paris). В ведение другой группы откупщиков (régie des aides) отошли сборы с напитков, а также менее доходное обложение железа, кожи, масла, крахмала и т. д.[12] По последнему предреволюционному договору 1786 г. с «Fermiers généraux» (договор заключался на 6 лет), они должны были ежегодно вносить 144 миллиона ливров. «Régie des aides» также должна была вносить свыше 50 миллионов ливров. Весь план государственной росписи доходов и расходов, представленный Неккером в 1789 г., покоился на предположении, что эта часть доходов останется совершенно незыблемой. Еще в июле 1790 г. Неккер рассчитывал на получение от «генеральных откупщиков» совершенно такой же суммы, «какую должен был приносить договор с генеральными откупщиками в обычное время»[13].

Однако весь этот расчет был сметен ходом событий. Начиная с 12 июля, когда революционным народом были разрушены заставы вокруг Парижа, вся сложная и казавшаяся нерушимой система взимания косвенных налогов внезапно рухнула. Огромная армия не меньше чем в 100 тысяч человек, а, по некоторым подсчетам, даже в 200—250 тысяч, состоявшая на услужении у «генеральных откупщиков», оказалась совершенно бессильной перед упорным сопротивлением населения в городах и в деревнях. «Начиная с 12 июля, налоги больше не взыскиваются»[14],— констатировал в сентябре

[11] F. Braesch. Finances et monnaie révolutionnaires. Les exercices budgétaires 1790 et 1791 d'après les comptes du Trésor. Nancy, 1934, p. 44.

[12] См. M. Marion. Histoire financière de la France depuis 1715, v. I. Paris, 1927; R. Stourm. Les finances de l'Ancien Régime et de la Révolution. Paris, 1885, v. I; G. Matlews. The Royal General Farm in the Eighteenth Century France. New York, 1958.

[13] M. Marion. Histoire financière de la France, v. II, p. 125.

[14] Архив внешней политики России (АВПР), ф. «Сношения России с Францией», опись 93/6, дело № 467. (Все приводимые ниже выдержки из донесений И. М. Симолина не вошли в состав публикации в 29—30-м томе «Литературного наследства» (М., 1937), осуществленной под редакцией акад. Н. М. Лукина). К тому же выводу приходит и специалист-историк М. Марион: «Можно считать, что, начиная с 1 августа, все права генеральных откупщиков и генерального управления (régie générale) были фактически упразднены в Анжу, Турени, Нормандии, Пикардии Суассоннэ, Лотарингии и Руссильоне» (M. Marion. Op. cit., v. II, p. 8).

1789 г. русский посол в Париже Симолин, при всей своей классовой ограниченности достаточно внимательный и вдумчивый наблюдатель. В декабре тот же Симолин переслал в С.-Петербург отрывки из очень красноречивой жалобы министра юстиции Учредительному собранию на препятствия, чинимые на территории почти всего королевства, взиманию налогов. В трех епископствах народ во время восстаний уничтожил все заставы; их пытались восстановить, но они снова были уничтожены. Когда обратились к представителям постоянных комитетов, те ответили, что их миссия состоит в выполнении решений Национального собрания, а не служащих «генеральных откупщиков». Тогда обратились к мэрам и их помощникам, но они отсылали к парламентам, а те — вновь к муниципалитетам. «Эта страшная картина,— добавлял от себя в заключение Симолин,— доказывает, что исполнительная власть совершено распалась» [15].

Неккер, который, по правильному замечанию Н. Г. Чернышевского, оказался, в отличие от Тюрго, как государственный деятель, гораздо ниже того, что обещали его литературные работы [16], забил тревогу уже в августе. Умеренный, узкий и ограниченный делец, Неккер не способен был искать какие-нибудь новые, революционные пути выхода из затруднений. По его глубокому убеждению, налоговую систему, на ближайшее, по крайней мере, время, следовало сохранить в полной неприкосновенности. Это убеждение Неккер высказал даже в своем последнем докладе Учредительному собранию в сентябре 1790 г., когда еще недавно столь «обожаемый министр» (ministre adoré) совершенно бесславно уходил в отставку, не вызывая ни капли сожаления с чьей бы то ни было стороны. «Я знаю, —писал Неккер,— что налоговый комитет Учредительного собрания убедился, наконец, что всякие новые великие идеи в области налогов являются только химерой и выдумкой, чему меня опыт научил уже давно. Я считаю, что мудрость Национального собрания должна побудить его к сохранению всех еще существующих косвенных налогов до тех пор, пока опыт покажет, каковы будут последствия замены десятины и соляной подати территориальным денежным налогом» [17].

Еще в сентябре 1790 г. Неккер считал необходимым сохранение всего аппарата по взиманию «габели», так как продажа соли все равно должна быть поручена «Ferme générale». «Если даже предположить, что будут упразднены должности всех, кто взимает кос-

---

[15] АВПР, ф. «Сношения России с Францией», опись 93/6, дело № 468.

[16] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V. М., 1950, стр. 306 («Тюрго явился выше, Неккер ниже своих сочинений в своей министерской деятельности»).

[17] «Dernier rapport de M. Necker à l'Assemblée Nationale». Supplément au Journal de Paris, mardi, 21 septembre 1790. Это приложение было переслано Симолиным в дополнение к его донесению от 13 (24) сентября 1790 г. (АВПР, ф. «Сношения России с Францией», опись 93/6, д. № 479).

венные налоги,— *предположение, которое кажется совершенно невероятным* (курсив наш.— *В. Д.*), то они нужны будут для сведения счетов»[18].

Если в сентябре 1790 г. Неккер питал еще такие иллюзии в отношении косвенных налогов и считал необходимым сохранение всего аппарата по взиманию ненавистной «габели», то легко представить, с какой настойчивостью он отстаивал всю эту систему в первые месяцы революции, когда он не допускал и мысли о возможности немедленной ее ломки. Осенью 1789 г. Неккер в одной из своих речей в Собрании настаивал на принятии немедленных мер для восстановления взимания косвенных налогов. По подсчетам Неккера, уже в сентябре казначейству не хватало 30 миллионов для сведения концов с концами; в последующие три месяца дефицит должен был составить около 90 миллионов. «Финансы находятся в состоянии крайнего кризиса», нечем оплачивать даже солдат[19]. Для спасения необходимо добиться возобновления оплаты налогов. «Вы должны стремиться к их восстановлению,— заключал Неккер.— Ничего не получится (rien n'ira), господа, если только будет прекращен платеж налогов, если вы открыто не потребуете их взимания, если вы не заявите о ваших намерениях и не выразите ясно вашу волю, если взимание налогов не найдет защиты законов, если законы не будут поддерживаться исполнительной властью, и если эта власть будет встречать сопротивление, превышающее ее силы»[20].

Напуганное угрозой банкротства, Учредительное собрание в отмену своих прежних решений приняло 23 сентября 1789 г. декрет, по которому надлежало восстановить взимание всех косвенных налогов, в том числе и соляной пошлины (gabelle) и так называемых droits des aides (налогов с предметов потребления, прежде всего, с напитков). Но это решение вызвало во Франции целую бурю, направленную в первую очередь против «габели».

Из всех видов налогового обложения соляная подать была наиболее ненавистной во Франции. Как известно, она распространялась не на всю страну, но в тех областях, где существовала «большая габель» и «малая габель» (к их числу принадлежала и Пикардия), ее взимали с исключительной жестокостью и беспощадностью. Потребление соли было строго нормировано: каждые 14 лиц обязаны были приобретать в течение года не менее 14 мино соли (minot = =72 литрам). Эта норма подлежала выполнению в принудительном порядке или путем «добровольной продажи», но ни в коем случае не могла быть уменьшена. При соляных амбарах (greniers au sel) составлялись списки «солеплательщиков», причем это делалось

---

[18] «Dernier rapport...».

[19] «Discours prononcé par M. Necker, premier ministre des Finances à l'Assemblée Nationale, le 24 septembre 1789». Paris, Imp. royale, 1789, p. 5.

[20] Ibid., p. 25.

с такой тщательностью, что некоторыми исследователями поднят сейчас вопрос об использовании этих списков для изучения социальной дифференциации населения, так же как в свое время с этой целью И. В. Лучицкий впервые использовал списки плательщиков «двадцатины» (les vingtièmes) [21].

Вся тяжесть соляной подати падала на народные массы, так как для привилегированных и здесь найдена была уловка, позволявшая им уклоняться от подати или, во всяком случае, вносить ее в несравненно меньших размерах (так называемый «petit salé»). Так как подать взыскивалась не всюду и в совершенно разных формах, в различных районах страны образовался огромный разрыв в ценах на соль: в областях «большой габели» (pays de grande gabelle) население приобретало соль по 56—57 ливров (за мино), тогда как в Маконнэ она обходилась в 29 ливров, в Руссильоне — в 10 ливров, а в некоторых районах и того дешевле [22]. Поэтому, несмотря на поистине варварские репрессии, которым подвергались контрабандисты, сбывавшие соль (так называемые faux-sauniers) [23], уничтожить этот вид контрабанды ни «генеральным откупщикам», ни государственному аппарату никак не удавалось, хотя уже в начале XVIII в. в стране насчитывалось 18 тысяч одних только «garde-archers» для преследования контрабандистов, торговавших солью.

Взыскание соляной подати требовало огромного аппарата: только в областях «большой габели» существовало 253 «соляных амбара» (greniers au sel) с огромным числом служащих всевозможной квалификации: высшие должностные лица (officiers), составители списков «солеплательщиков», лица, наблюдавшие за соблюдением нормы приобретения соли, «габелеры», производившие домашние обыски и преследовавшие контрабандистов, и т. д. Многие руководители финансовой политики дореволюционной Франции, например, аббат Террэ (в 1774 г.), сам Неккер, даже Калонн, беспощадно критиковали систему «габели». Каллон в 1786 г. отмечал крайнюю непропорциональность взимания налога, в результате чего за соль «в одной провинции приходится платить в 20 раз больше, чем в другой», жестокость, с которой его взимают, так что «одно его название вызывает ужас», чрезвычайную невыгодность его для государства, так как расходы по взиманию поглощают «пятую часть поступлений». Он признавал, что вся система соляной подати яв-

---

[21] M. Bouloiseau. Archives fiscales et l'histoire sociale. La repartition de l'impôt du sel à la fin de l' Ancien Régime. Paris, 1959 (tiré-à-part).

[22] M. Bouloiseau. Op. cit. См. также: O. Karmin. La question du sel pendant la Révolution. Paris, 1912, и указанные труды Мариона и Стурма.

[23] За контрабанду солью в первый раз наказывали 9 годами галер и 500 ливрами штрафа; для рецидивистов предусмотрены были самые суровые кары, вплоть до казни через повешение или удавление. Двух каторжников-контрабандистов часто сковывали в один ошейник, а затем две пары, скованные таким образом, помещали на одну цепь. Вследствие этого всякие передвижения связаны были с мучительными физическими болями.

ляется страшной приманкой для контрабанды, за которую ежегодно приковывают к цепи или сажают в тюрьмы более 500 глав семейств и не менее 4 тысяч раз конфискуют имущество [24].

Однако соляная подать являлась таким лакомым куском для «генеральных откупщиков» (поступления от нее составляли более трети всех их доходов), весь механизм выкачивания «габели» казался настолько налаженным, что тот же Неккер, превосходно знавший все вопиющие злоупотребления, связанные с взиманием соляной подати, настаивал на ее восстановлении, хотя сразу же после революции произошло катастрофическое сокращение поступления доходов именно по этой статье [25].

Правда, предвидя сопротивление, правительство и Учредительное собрание заранее пошли на некоторые уступки: было объявлено, что восстановление соляной подати производится только временно, пока не будут найдены источники для ее замены, цены на соль снижены вдвое (6 су за фунт вместо 12), и обязанность приобретать соль (le sel de devoir) была отменена. Тем не менее сила и размах движения протеста в стране против декрета Собрания от 23 сентября о восстановлении застав и взимания всех косвенных налогов, в том числе на соль, превзошли все ожидания.

Центром сопротивления оказалась провинция Анжу. Здесь, как указывает Марион, произошел «колоссальный взрыв» (explosion formidable). Все заставы были уничтожены, около 60 тысяч человек встали под ружье, служащим «генеральных откупщиков» было предложено удалиться в течение трех дней, всякое взимание налогов было прекращено [26]. Движение в Анжу произвело большое впечатление и получило отголоски во всей стране. «Прежде чем закончить,— писал один корреспондент члену Учредительного собрания от провинции Пуату,— я коснусь вашего декрета о габели и постараюсь доказать всем, что его осуществление невозможно (il est d'une exécution impraticable)» [27]. К этому выводу склонялся и Симолин. В своем сообщении от 19(30) ноября он писал, что после продолжительной дискуссии в Учредительном собрании «обсуждение положения в Анжу и вопроса о соляной подати было отложено. Со-

---

[24] A. Mathiez. La Révolution française, v. I. Paris, 1922, p. 25—26; L. Cardénal. Les débuts de la péréquation de l'impôt en 1790 («Commission de recherche et de publication des documents relatifs à la vie économique de la Révolution. Mémoires lus au congrès des sociétés savantes. Toulouse, 1933. Paris, 1934». Paris, 1935, p. 24, 301); Necker. De l'administration des finances en France. 1784.

[25] В податном округе (généralité) Руана в сентябре 1788 г. было продано 113 мюидов (мюид = 48 мино) соли, а в сентябре 1789 г.— только 38,9. Еще более резким было сокращение в Амьенском податном округе — с 72,6 мюида в декабре 1788 г. до 0,3 мюида в сентябре 1789 г.; в Суассоннэ за тот же срок продажа соли уменьшилась с 84,7 мюида до 59 мюидов (M. Marion. Histoire financière de la France, v. II, p. 13—15).

[26] M. Marion. Histoire financière.., v. II, p. 14; idem. Le recouvrement des impôts en 1790 («Revue historique», 1916).

[27] G. Debien. Quelques lettres des constituants poitevins.— AHRF, 1957, p. 262.

вершенно невозможно, чтобы соляная подать, которая давно уже была повсеместно упразднена, не была бы уничтожена. Трудность состоит лишь в том, чем ее заменить»[28].

Пикардия относилась к числу тех провинций, где сопротивление взиманию налогов, особенно соляного, приняло особенно активные формы. Соляная подать в Пикардии появилась еще в конце XIV в.[29] В конце XVII в., по подсчетам интенданта Биньона, она представляла один из главных источников дохода, «извлекаемого королем» из Пикардии. Из общей суммы в 4 241 256 ливров одна соляная подать давала свыше 961 тысячи ливров, т. е. почти четверть всех доходов казны, больше, даже, чем подушная подать (la taille)[30]. Немудрено, что в Пикардии, относившейся к числу провинций «de grande gabelle», отказ от уплаты этой подати, как и всех остальных косвенных налогов, принял широкие размеры с самого начала революции: в Руа и в Перонне уже 18 июля. Декрет 23 сентября вызвал и здесь ожесточенный протест.

Совершенно естественно, что это движение привлекло к себе внимание Бабефа; мы это видели уже из его парижских писем. В «Постоянном кадастре» он высказался за немедленное упразднение косвенных налогов, прежде всего «aides et gabelles»; недаром в его записи этот вопрос поставлен первым. В ноябре 1789 г. на основании № 27 газеты Себастьяна Мерсье «Annales Patriotiques» Бабеф сделал очень подробную запись в связи с движением в Анжу: «Большинство жителей наших деревень и городов полно решимости подражать Анжу. Все возмущаются, когда речь заходит о том, чтобы восстановить налоги с продуктов (aides) и соляную подать. Обещанием, что это восстановление будет временным, до принятия других мер, невозможно соблазнить граждан, ставших недоверчивыми, так как слишком часто нарушалось данное им слово. Они боятся вечных отсрочек, установление более умеренной цены на соль их не успокаивает, поскольку они вспоминают старое сравнение режима финансистов с масляным пятном, которое постоянно и безгранично увеличивается. Этот губительный режим вызывает такое отвращение в наших провинциях, что повсеместно одно лишь слово «габель» порождает возмущение и приводит в отчаяние»[31].

Уже в декабре у Бабефа, по-видимому, созрел план организации «петиционной» кампании. Он считал, что обсуждение и подписание петиции на имя Учредительного собрания явится превосходной формой для пробуждения «патриотической энергии». Тогда же он составил проект петиции, в котором ставил три вопроса: о составлении списков бывших привилегированных для уплаты ими на-

---

[28] АВПР, ф. «Сношения России с Францией», опись 93/6, д. 468 (сообщение № 119).
[29] «Revue du Nord», 1958, v. XL, p. 559 («Le sel dans le pays de la Somme»).
[30] J. Hayem. Mémoires et documents pour servir à l'histoire du commerce et de l'industrie, v. I, p. 178—179.
[31] ЦПА ИМЛ, 18 В I.

логов за вторую половину 1789 г., о способах замещения соляной подати и третий, о котором мы уже упоминали: о средствах борьбы с нищенством. Для замены соляной подати Бабеф предлагал увеличить прямые налоги пропорционально «состояниям и доходам» [32]. Это, видимо, и было началом того очень «привлекательного занятия», о котором Бабеф писал 28 февраля 1790 г. своему брату, что он поглощен им уже около трех месяцев.

2 января 1790 г., как уже отмечалось, Бабеф составил проект речи, которую он собирался произнести на общем собрании коммуны Руа. На следующий день, 3 января, он написал проект петиции, содержавший критику сентябрьского декрета и направленный против всяких попыток восстановления «aides et gabelles», как «наиболее разорительных и дорого стоящих налогов» [33]. Бабеф предлагал следовать «примеру многочисленных городов и провинций королевства, и *в особенности провинции Анжу*» [34] (курсив наш.— *В. Д.*). Как и в своем декабрьском проекте, он предлагал заменить доходы от «aides et gabelles» прогрессивно-пропорциональным дополнительным прямым налоговым обложением. Петиция должна была получить одобрение не только граждан Руа, но «всех коммун бальяжа», с тем, чтобы в Учредительное собрание было направлено «единое предложение, исходящее от всего бальяжа» [35].

По-видимому, в январе этот проект еще не был осуществлен. Но к февралю положение осложнилось. Хотя сентябрьский декрет и не принес больших успехов [36], Неккер и особенно «генеральные откупщики» усиливали свое давление на Собрание. Весь проект бюджета на 1790 г. зиждился на предположении, что налоги будут взиматься в прежних размерах. 28 января Учредительное собрание приняло декрет, снова предписывавший восстановление застав и взимание всех косвенных налогов. 23 февраля Собрание разрешило применять закон о «военном положении» (loi martiale) против всех «незаконных сборищ», подвергающих опасности личность граждан и их собственность, а также взимание налогов. Через пять дней (28 февраля) Верховный податной суд (Cour des Aides) принял решение возбудить судебное преследование против лиц, участвовавших 12 июля 1789 г. в разрушении застав вокруг Парижа. «Вампиры фиска», как называл Марат агентов «генеральных откупщиков», по-видимому, пытались всерьез перейти в контрнаступление.

---

[32] ЦПА ИМЛ, 17 В I. Вторая часть проекта петиции озаглавлена «Du remplacement de l'impôt des gabelles».

[33] ЦПА ИМЛ, 81 В V.

[34] Там же.

[35] Там же.

[36] По подсчетам Ф. Брэша, за весь 1790 г. поступления по косвенным налогам, сданным на откуп, составили немногим более 32 миллионов ливров вместо 153 миллионов в 1788 г., в том числе доходы «Ferme générale» — около 18,5 миллиона и 13,7 миллиона от «régie des aides» (B r a e s c h. Op. cit., p. 44). В 1791 г. эти поступления составили всего лишь 21,5 миллиона ливров.

Именно в этих условиях, как рассказал Бабеф 7 марта 1790 г. в своей речи на заседании муниципалитета Руа, к нему обратился председатель объединения трактирщиков (aubergistes) этого города, состоявший в переписке с Комитетом докладов (Comité des rapports) Учредительного собрания с просьбой составить мемуар, «в котором я должен был наилучшим способом защитить их интересы. Я составил этот мемуар, *но в моем духе*» (курсив наш.— *В. Д.*)[37].

Эту главу биографии Бабефа Ж. Вальтер озаглавил «На службе у кабатчиков Руа». «Бабеф,— пишет он,— стал доверенным лицом кабатчиков, уполномоченным защищать их интересы. Следует ли этому удивляться. Не проще ли считать совершенно нормальным и понятным постоянное желание Бабефа играть активную роль, как бы мала она ни была, в лихорадочные дни, переживаемые страной. Более широкая деятельность ему еще недоступна. Париж не захотел у него просвещаться»[38]. Это совершенно незаслуженное ироническое отношение к Бабефу объясняется, прежде всего, очень слабой осведомленностью Вальтера. Меньше всего Бабеф был «на службе у кабатчиков» и руководился их узкими интересами. Скорее наоборот: Бабеф сумел использовать движение кабатчиков Руа как отправную точку для организации широкой кампании против косвенных налогов, против всего ненавистного режима «публиканов», против «генеральных откупщиков», кампании, которая всколыхнула, без преувеличения, всю Пикардию и повлияла на всю Францию. Но в то же время с его стороны это была попытка сплотить силы революционной демократии на гораздо более широкой платформе.

III

20 февраля составленная Бабефом петиция была направлена в Учредительное собрание. Она была послана от имени «объединения виноторговцев, трактирщиков и кабатчиков города Руа (communaute des marchands du vin, aubergistes et cabaretiers de la ville de Roye)» и подписана его председателем. В заголовке петиции указано, что она посвящена «очень важному вопросу, от которого, возможно, зависит спокойствие королевства»[39].

В петиции был подвергнут резкой критике январский декрет Учредительного собрания. Бабеф подчеркнул противоречие между Декларацией прав человека и гражданина, декретом собрания от 7 октября, предусматривавшим налоговое обложение в строгом соответствии с размерами состояния граждан и их доходами, и январ-

[37] ЦПА ИМЛ, 30 В I (7 марта 1790 г.). Председателем объединения был Кассен (Cassen). В ЦПА ИМЛ сохранилось одно из его писем к Бабефу в апреле 1790 г.
[38] G. Walter. G. Babeuf et la conjuration des Egaux. Paris, 1937, p. 36—38.
[39] AN D XXIX, 68 (по фотокопии, хранящейся в ЦПА ИМЛ, ф. 223).

ским декретом, восстанавливавшим все злоупотребления прежней налоговой системы и «бремя содержания ста тысяч служащих». Это противоречие в действиях одного и того же Собрания Бабеф объяснял наличием в его составе двух партий — аристократической и патриотической. Декрет 28 января принят под влиянием аристократической части Собрания. Но народ не должен и не будет подчиняться дурным законам. «Закон является законом только тогда,— разъяснял позднее Бабеф свою позицию,— когда он соответствует желаниям большинства тех, кто должен его выполнять, когда он соответствует их интересам. Народ, господа, не забыл о том, что он дал вам полномочия и что каждый облеченный властью должен действовать в соответствии с желаниями своих доверителей (commetants). Воля депутатов должна иметь меньшее значение, чем воля тех, кто их избрал («le constituant est au dessus du constitué») [40]. Действия Национального собрания нуждаются в их ратификации народом.

Петиция призывала к самому решительному сопротивлению всяким попыткам восстановить, пусть даже временно, старую систему косвенных налогов: «Совершенно верно, что во всей нашей провинции создалась огромная конфедерация, центром которой является Перонн, конфедерация тем более грозная, что во всем этом большом округе нет почти никого, кто бы не был готов к ней примкнуть. Все говорят, что если только кто-нибудь осмелится произнести это гнусное слово — соляная подать и налог на продукты (Gabelles et celui des aides), если те, кому мы доверили власть, используют ее для того, чтобы предать нас и захотят восстановить презренные учреждения... мы готовы скорее погибнуть, чем согласиться питать плодами наших трудов наглую праздность вампиров народа» [41].

В заключение Бабеф указывал, что объединение отказывается от своих предложений, сформулированных в прежних обращениях к Собранию. Отныне оно будет добиваться не частной сделки, а общего закона для всего королевства, в соответствии со справедливыми принципами декрета 7 октября.

Как видим, не «трактирщики» навязали свою линию Бабефу,— наоборот, ему удалось придать их петиции боевой политический характер. Бабеф был прав, когда подчеркивал это обстоятельство в своем выступлении в муниципалитете Руа две с половиной недели спустя: «В своих предыдущих обращениях к Учредительному собранию корпорация трактирщиков проявляла готовность капитулировать, пойти на сделку, согласиться на обложение, хотя и меньшее по сравнению с прежним. Я уговорил их отказаться от этого проекта сделки, который я считал совершенно непрактичным, так как Национальное собрание, в соответствии со своими принципами, не устанавливает отдельных правил для какого-нибудь маленького го-

---

40 ЦПА ИМЛ, 30 В I.

41 AN D XXIX, 68. См. также «Pétition sur les impôts, adressée... à l'Assemblée Nationale». 1790, [Noyon], p. 20. В этой своей второй, печатной петиции Бабеф воспроизвел часть петиции, отосланной в Собрание 20 февраля.

рода, кантона или провинции. Я придал иное направление узким идеям, содержавшимся в первых петициях кабатчиков. Я пытался добиться от Учредительного собрания принятия общего закона.. для всех потребителей, а следовательно, для всех граждан королевства»[42].

Эту петицию Бабеф направил не только в Уредительное собрание, но и отдельным его членам, которых он считал представителями «патриотической части»,— Барнаву, Грегуару, Петиону де Вильневу и епископу Отенскому (Талейрану). В этом списке нет Робеспьера, но нет и Ламетов. К ним, как крупным землевладельцам Перонна, Бабеф, как мы помним, относился всегда очень недоверчиво. В этом списке нет уже и Мирабо — его фамилия значилась сперва в одной из рукописей, но была затем вычеркнута. В марте 1790 г. отношение Бабефа к Мирабо, очевидно, уже изменилось. Наличие в этом списке Талейрана объясняется тем, что как раз тогда епископ Отенский выступил в качестве наиболее энергичного сторонника конфискации церковных имуществ, что, естественно, привлекло к нему симпатии Бабефа. Упоминание Петиона — будущего жирондиста, а тогда еще одного из очень популярных и очень левых членов Учредительного собрания — объясняется большим впечатлением, которое произвела на Бабефа его речь при обсуждении Декларации прав человека и гражданина. Обращение к Барнаву свидетельствует о той большой популярности, которой тогда еще пользовался будущий руководитель «фельянов».

Ответ Учредительного собрания на этот раз не заставил себя долго ждать. 24 февраля Грегуар от имени Комитета докладов сообщил о том, что петиция направлена в финансовый комитет. Протест Руа был далеко не единственным, сопротивление восстановлению «габели» было совершенно единодушным во всей стране. К тому же практически этот налог все более терял свое значение: за четыре первых месяца 1790 г. он принес немногим больше миллиона ливров (1 116 188 ливров)[43]. 26 февраля Собрание поручило финансовому комитету в восьмидневный срок внести проект «замены соляной подати» (remplacement de la gabelle). Бабеф приветствовал это решение и с особым удовлетворением отметил, что «ревностный г. Барнав внес добавление о том, чтобы такая же участь постигла и те налоги, которые носят название aides»[44].

Бабеф поспешил 3 марта — на пятый день после решения Собрания — направить Барнаву проект немедленной замены «aides et gabelles», в ожидании коренной налоговой реформы. Муниципалитеты могут в восьмидневный срок составить списки всех очагов (foyers). Сумму доходов, получаемых от упраздняемых налогов, можно разделить на число этих очагов. Так как в среднем каждая

---

[42] ЦПА ИМЛ, 30 В I.

[43] M. Marion. Le recouvrement des impôts en 1790 («Revue historique», 1916, p. 35); idem. Histoire financière, v. II, p. 88.

[44] ЦПА ИМЛ, 28 В I («A M. M. de l'A. N.», 1 mars 1790 г.).

семья имеет по одному очагу,— это обложение составит по 4 франка на семью. Благодаря этому, «рабочий (ouvrier), бедняк, у которого есть только один очаг, будет избавлен от всяких поборов на табак, на соль, на вино, которое он иногда пьет в кабачке, от оплаты на заставах разных предметов его питания»[45]. Любопытно, что как и во «Вступительной речи» к «Постоянному кадастру», говоря о бедняках, Бабеф, прежде всего, вспоминает о рабочих (ouvriers).

Торжествовать победу было, однако, преждевременно. Именно в это время «публиканы» и их союзники из муниципалитета Руа перешли в наступление. Ход событий легко восстановить по протоколу заседания муниципалитета 3 марта[46]. Открывая его, мэр Билькок-старший напомнил, что, начиная с июля, в Руа и окрестных деревнях распространяется контрабандная соль и табак, «все бюро на заставах были насильственно уничтожены, и взимание налогов с продуктов приостановлено. Поскольку все говорили, что тем, кто попытается их взыскивать, угрожает опасность, г. де Лараби (Larabit), directeur des Aides и все его подчиненные вынуждены были бездействовать, опасаясь столкновений». Как только в окрестностях города появлялась подвода, немедленно собиралась толпа, которая ее эскортировала и охраняла от агентов фиска.

Однако после январского декрета Собрания Лараби сообщил муниципалитету, что отныне он имеет право пользоваться вооруженной силой жандармерии для защиты своих служащих при исполнении их обязанностей. Муниципалитет Руа поспешил на помощь Лараби. Уже раньше велись переговоры с трактирщиками Руа. 28 февраля, в воскресенье, было созвано их общее собрание, на котором угрозами и посулами было получено согласие части присутствовавших возобновить оплату сборов и даже покрыть задолженность, накопившуюся с 18 июля, с того дня, когда была прекращена оплата. На основании этого решено было во вторник, 2 марта, восстановить деятельность заставы и взимание сборов. Служащие Лараби должны были вновь приступить к исполнению своих обязанностей.

Но глашатай, обходивший город с барабанным боем, дошел только до предместья Сен-Жилль, в котором как раз жил Бабеф. Дальше, как указывает протокол, он «не осмелился двинуться»[47]. Поднялось все предместье, пришлось вызвать жандармерию. «Распространился слух, что на первый же ружейный выстрел последует ответный». Служащих откупа, находившихся в трактире «Белая

---

[45] ЦПА ИМЛ, 28 В I («A Mrs de l'Assemblée Nationale», 3 mars 1790).— Рукой Бабефа на этом документе сделана пометка: «Адресовано г. Барнаву» («Adressée à M. Barnave»).

[46] «Extrait du Registre des délibérations de la ville de Roye du trois Mars 1790 en l'Assemblée Générale de la minicipalité de la ville de Roye, convoquée et tenue en la manière accoutumée» (AN. D XXIX 68 — *по фотокопии в* ЦПА ИМЛ). На этом документе имеется пометка: «Рекомендовано г. Прево, депутатом от Перонна» («Recommandé par Mr. Prevot, Député de Péronne»).

[47] Там же.

лошадь», где они, по-видимому, собирались производить обыск, окружила толпа, «состоявшая преимущественно из жителей предместья Сен-Жилль». «Крики и свист, обидные выражения и оскорбления» явились для блокированных в «Белой лошади» агентов откупщиков «предвестником событий, которых... следует избежать». Как говорит протокол, «эта толпа вынудила служащих удалиться в свое бюро и сообщить, что они не в состоянии выполнять свои обязанности»[48]. Этот протокол муниципалитет немедленно отправил в Собрание.

Но Бабеф и его сторонники тоже не бездействовали. 1 и 2 марта (так датированы варианты, сохранившиеся в архиве) он обратился в Учредительное собрание с жалобой на действия муниципалитета. Бабеф охарактеризовал состав муниципалитета, в котором насчитывалось семь-восемь родственников, добившихся избрания посредством интриг, и где, вопреки всем законам, два брата занимали руководящие посты — мэра и прокурора-синдика. На созванном муниципалитетом собрании трактирщиков только восемь-девять человек согласились на восстановление налогов с напитков, при условии их небольшого сокращения. Большинство же и сейчас настроено против такой сделки. Но если бы даже муниципалитет добился согласия всей корпорации, это не может иметь решающего значения. Трактирщик, который вносит сбор, только авансирует его сумму, затем он полностью возмещает свой аванс, взыскивая его с потребителей, с народа. Поэтому нельзя исходить из их мнения. «Разве эти продавцы вина являются представителями народа? Разве он их уполномочил? Вы говорите, что нет. Но тогда эта сделка не имеет никакого значения»[49]. Одни эти рассуждения показывают, как грубо ошибался Вальтер в своей характеристике Бабефа «на службе трактирщиков Руа».

Бабеф предупреждал, что положение очень серьезно: «После восьми месяцев перерыва, после восьми месяцев, в течение которых люди привыкли слышать слова «свобода» и «справедливость», не следует пытаться восстанавливать учреждения, которые вызывают всеобщее возмущение»[50]. Если только будут возрождены косвенные налоги, «вспыхнет восстание». Муниципалитеты напрасно рассчитывают, что для возобновления деятельности «вымогательской братии откупщиков» (la gent maltôtière) достаточно небольшой поддержки вооруженных сил. Они думают, что имеют дело с незначительной вспышкой недовольства; на деле же они столкнутся с «озлобленными, взбешенными людьми, принявшими твердое решение. Граждане будут проливать кровь своих сограждан»[51].

В другом варианте обращения к депутатам Учредительного собрания, написанном на следующий день, Бабеф призывал: «Торопи-

---

[48] AN, D XXIX, 68 («Extrait...»).
[49] ЦПА ИМЛ, 28 В I.
[50] Там же.
[51] Там же.

тесь, господа, уничтожить все эти возмутительные препятствия. От их упразднения зависит спокойствие во всех частях этого обширного королевства; только тогда прекратится война одних граждан против других. Депутаты нации, вот чего требуют от вас ваши избиратели... Вот что говорит мужественный и великодушный житель Пикардии: рубите, режьте, ломайте, крушите эти ненавистные соляную подать и налог с продуктов, а потом требуйте от нас для спасения государства нашу жизнь и наше имущество и мы охотно принесем их в жертву» [52].

А. Матьез, не понимавший значения коммунистических идей Бабефа, отдавал, однако, должное его боевому и решительному темпераменту, недаром он сравнивал его с другим пикардийцем, уроженцем Нуайона, Жаном Кальвином [53]. В эти мартовские дни 1790 г. Бабеф действительно проявил редкую энергию и выдержку. 4 марта, на следующий день после заседания, он явился в муниципалитет и потребовал ознакомить его с соглашением 28 февраля. В дело вмешался сам мэр. Билькок отказал Бабефу в его требовании, заявив, что этот вопрос будет обсуждаться муниципалитетом, и обвинил Бабефа в том, что он является причиной всех беспорядков в Руа и организует сопротивление декретам Учредительного собрания, требуя их предварительной ратификации народом.

Бабеф явился на заседание муниципалитета 7 марта и выступил с исключительно мужественной речью. Подробно изложив содержание своей петиции, Бабеф смело ответил на обвинение в призыве к неповиновению декретам Собрания. «Если бы Национальное собрание выступило в качестве угнетателя, ему следовало бы оказать сопротивление. Если только часть этого Собрания выступает в защиту угнетения, ей необходимо сопротивляться. Неконституционные декреты, т. е. те, которые не могут быть признаны декретами, составленными в интересах огромного большинства, являются делом рук депутатов-аристократов, которым в данный момент удалось добиться преобладания... Я считаю, что не только допустимо жаловаться на них, но что народ, которому принадлежит право вето, может им не подчиняться» [54]. Бабеф открыто признал,

---

[52] ЦПА ИМЛ, 29 В I (A Mrs de l'A. N., 2 mars 1790. «Coupés, tranchés, rompés, brisés, M. M., ces maudites aides et gabelles»). На этом документе рукой Бабефа проставлен № 3, на предыдущем (28 В I) — № 2; по-видимому, это нумерация важнейших документов, связанных с историей петиции.

[53] A. Mathiez. Le Directoire. Paris, 1934, p. 169. «Если в мире происходит что-нибудь великое,— писал Бабеф в одном из своих обращений этого периода,— то только благодаря мужеству и твердости одиночки, который пренебрегает предрассудками большинства» (ЦПА ИМЛ, 30 В I).

[54] ЦПА ИМЛ, 30 В I. На этой рукописи своей речи в муниципалитете 7 марта Бабеф проставил № 4. Ж. Вальтер, чрезвычайно поверхностно ознакомившийся с делом о петиции Руа, спутал разные петиции, составленные Бабефом весной и в октябре 1790 г. С совершенно недопустимой небрежностью он утверждает в своей книге, что Бабеф прочитал на заседании 7 марта свою петицию о налогах, озаглавленную «Réclamation de la ville de Roye, relative au remplacement de l'impôt des Aides». Но эту петицию Бабеф написал только

что он действительно выступал против декрета о восстановлении Aides et gabelles, но самым решительным образом оспорил право осуждать его за это, так как революция предоставила каждому право, закрепленное Декларацией прав, свободно высказывать свое мнение.

Бабеф выступил с настоящим обвинительным актом против муниципалитета и его руководителей. Он напомнил о своих предложениях во время обсуждения наказов, о своей критике состава муниципалитета. Он указал, что Руа становится «посмешищем» для всей страны, как город, в котором нет даже национальной гвардии; заседания муниципалитета являются закрытыми, общие собрания граждан не созываются и население не знакомят с декретами Национального собрания. В Руа не только не оказывают никакой помощи нуждающимся, но даже используют стоящую в нем воинскую часть для того, чтобы во время базаров «держать несчастных за глотку» (tenir la main sur la gorge au malheureux) и обеспечить торговцам зерном возможность беспрепятственно продавать его по той цене, по которой им заблагорассудится» [55].

«Вы нападаете на меня за мои слова,— продолжал Бабеф,— я же разоблачу ваши слова и ваши дела. Я предупредил вас, что разоблачу в печати поджигательное и аристократическое обращение амьенского епископа, и я сделал это в газете «Révolutions de Paris». Я заявил, что если, в связи с взиманием налогов на продукты, в Руа явятся солдаты, как нам угрожают, если только их разместят по домам и они начнут насиловать город, я буду противиться угнетению и окажусь во главе тех, кто захочет воспротивиться их вступлению в первое же предместье... Я заявил, что если по-прежнему будут мешать тому, чтобы народ знал декреты, я сам буду расклеивать те, которые ему наиболее интересны... Нотабли! Вы являетесь советом Коммуны; этот вопрос касается вас; если вы не выполните ваш долг адвокатов народа (Avocats du Peuple), я выполню его вместо вас» [56].

Бабеф закончил свою речь вызовом муниципалитету: «Если вы будете упорствовать, вы найдете во мне такое же мужество, как у жителей Спарты и древнего Рима. Мне говорят, что среди вас нет ни одного, кто бы не был моим противником. Я оставляю вам свою речь; пусть тот, кто осмелится меня обвинить, бросит в меня первый камень». «И никто ничего мне не ответил»,— отметил Бабеф на своей рукописи [57]. Он, однако, ошибся: никто действительно не

осенью и прочитал семь месяцев спустя, на заседании 17 октября. Речь же 7 марта имела совершенно иное содержание. Она сохранилась в архивном деле (AN, D XXIX, 68), но Ж. Вальтер не дал себе труда с ней ознакомиться (см. G. Walter. Op. cit.).

[55] ЦПА ИМЛ, 30 В I. Это замечание Бабефа о спекуляции хлебом объясняет один из пунктов его записи: «Хлеб. Вывод войск» (ЦПА ИМЛ, 81 В V).

[56] Там же

[57] Там же.

решился возразить ему открыто, но «поджигательная речь» была немедленно отправлена в Париж.

Бабеф оказался прав, предсказав появление солдат. Через несколько дней после его речи весь Сантерр пережил панику, напоминавшую «великий страх» июля — августа 1789 г. Вероятно, по настоянию генерального контролера финансов из Парижа был двинут отряд парижской национальной гвардии, которому было поручено «навести порядок». Отряд дошел до Пон-Сен-Максанса (уже упоминавшегося нами важнейшего транзитного пункта между Парижем и Руа), где начались домашние обыски: искали контрабандную соль и табак. По-видимому, предполагалось, что этот отряд двинется затем дальше, в Руа и Перонн.

Какую роль играл Бабеф в эти дни, мы не знаем. Муниципалитет Руа предъявил ему позднее совершенно вымышленное обвинение: «Узнав 13 марта, что в Пон-Сен-Максансе находится подразделение национальной гвардии, которое, по слухам, должно было двинуться в Руа, он (Бабеф.— *В. Д.*) развесил ночью подписанные им афиши, в которых призывал всех граждан вооружиться, чтобы встретить огнем этот отряд, и сообщил, что принял меры к тому, чтобы во время узнать о его приближении, и разослал с этой целью синдикам всех соседних деревень предупреждение — ударить в набат, как только они завидят приближение солдат»[58] «Афиша» (le placard) Бабефа сохранилась в архиве. Мы увидим сейчас из ее текста, как грубо исказил муниципалитет ее смысл.

Действительный ход событий был таков. 14 марта Бабеф составил текст обращения к муниципалитету, в котором, ссылаясь на тревожное положение в Пон-Сен-Максансе, требовал немедленного создания и вооружения национальной гвардии в Руа: «Никогда оно не было еще так необходимо. Появившиеся в Сен-Максансе разбойники, часть которых переодета в поддельную форму парижской национальной гвардии, вчера и сегодня неистовствовали под предлогом борьбы с контрабандой. Они нарушали неприкосновенность домов и грабили соль и табак, где только находили их»[59].

Едва ли Бабеф всерьез предполагал, что в Сен-Максансе действуют «переодетые разбойники». Но в накаленной обстановке, когда еще так живы были воспоминания о «великом страхе», Бабеф поддерживал эти слухи о приближении «разбойников», поскольку это содействовало основной задаче — поднять население и помешать дальнейшему продвижению лафайетовских гвардейцев. Вполне вероятно, что Бабеф связался с этой целью и с окрестными деревнями. Во всяком случае в своей «афише» он сообщал: «Ниже-

[58] ЦПА ИМЛ, 81 В I.

[59] ЦПА ИМЛ, 34 В I. Вверху этого документа рукой Бабефа проставлена дата: «15 марта 1790». Однако в конце его есть другая приписка: «Руа, 14 марта 1790». Бабеф обозначил этот документ № 5, а следующий документ (32 В I), тоже датированный 15 марта, пометил номером 6. Можно предположить, что требование о немедленном вооружении было предъявлено муниципалитету действительно 14 марта.

подписавшийся удостоверился сам вчера, 14-го, что в Куши крестьяне выставили стражу, которая, при малейшем приближении, должна будет ударить в набат у себя и в окрестностях»[60].

Как бы то ни было, отряд парижской национальной гвардии повернул назад. Вот об этом событии и известила население Руа и его окрестностей пресловутая «афиша», которую Бабеф озаглавил: «Важное сообщение всем гражданам» и собственноручно расклеил в ряде кварталов[61].

Несколько недель спустя, отвечая на выдвинутые против него обвинения, Бабеф изложил так историю своей «афиши»: «Это было всеобщее бедствие. Все говорили о том, что мы находимся в таком же положении, как парижане в июле прошлого года. Тогда, под предлогом охраны порядка, собрали 50-тысячную армию, чтобы осуществить блокаду города. Теперь у нас, под предлогом поисков соли и табака, хотели разгромить и ограбить дома, а может быть, и покуситься на нашу жизнь. Что я сделал? Я старался собрать сведения обо всем происходящем. Я узнал, что в деревнях, вплоть до Руа, все всколыхнулось, что по всей дороге расставлена стража, которая должна была ударить в набат при первом же появлении переодетых разбойников, и что, услышав обо всем этом, разбойники повернули назад. Я узнал все это только в воскресенье 13 марта вечером и решил осведомить об этом всех моих сограждан, чтобы их успокоить»[62].

В Париже и в других местах афиши расклеивают муниципалитет и дистрикты. Так как муниципалитет Руа решительно от этого отказался, то, писал Бабеф: «Я расклеил в различных частях города подписанные мной афиши утром, в понедельник 14 марта, а не ночью, как утверждают в жалобе... Это сделано было вовремя, так как в это утро в Руа собралось уже множество крестьян из разных деревень, чтобы, разузнав о положении, отправиться к себе и вернуться с людьми, если только есть основание чего-либо опасаться»[63].

В тексте «афиши», вопреки утверждениям муниципалитета, не содержалось никакого призыва « к оружию». Изложив всю историю появления в Пон-Сен-Максансе отряда парижской национальной гвардии и вызванной этим тревоги, Бабеф, наоборот, призывал к

---

[60] ЦПА ИМЛ, 32 В I. 15 марта 1790 г. Этот документ Бабеф обозначил № 6.

[61] Там же. «Avis important à tous les citoyens». Ж. Вальтер утверждает в своей книге, что в «афише» была воспроизведена петиция о налогах, оглашенная будто бы Бабефом на заседании 7 марта (G. Walter. Op. cit.). Если бы Ж. Вальтер дал себе труд ознакомиться с делом D XXIX, 68 Национального архива, в котором имеются и речь 7 марта, и «афиша» 15 марта, он легко убедился бы в своей ошибке.

[62] ЦПА ИМЛ, 31 В I. На тексте сохранившегося в архиве черновика «афиши» в двух местах стоит проставленная рукой Бабефа дата 15 марта. По-видимому, в своем описании событий Бабеф ошибся: «афиша» была им расклеена в понедельник, 15-го (ЦПА ИМЛ, 32 В I).

[63] Там же.

сохранению спокойствия: «Оставьте ваши страхи!». (Calmez vos craintes!) Поведение гвардейцев вызвало всеобщее возмущение в Сен-Максансе и его окрестностях, «все требуют мести». Нечего опасаться, что «эти разбойники станут мучить нас; у них достаточно заботы, чтобы обеспечить свое возвращение в Париж целыми и невредимыми» [64].

Бабеф закончил «афишу» выражением надежды на то, что его «рвение не будет ложно истолковано. Когда происходит пожар, полезно постоянно осведомлять о том, увеличивается или уменьшается пламя» [65]. Эта надежда не сбылась: «афиша» Бабефа немедленно была отправлена в Париж, в «Следственный комитет» Собрания, вслед за текстом его речи 7 марта.

Во время всех этих событий в Учредительном собрании шло обсуждение доклада, представленного Дюпоном де Немуром от имени финансового комитета. Огромное возбуждение, вызванное в стране попыткой восстановления соляной подати, почти полное прекращение ее уплаты вынуждали Учредительное собрание примириться с совершившимся фактом. К тому же буржуазные лидеры Собрания окончательно решились к тому времени на конфискацию церковных имуществ и на выпуск под их обеспечение ассигнатов для погашения государственного долга. 17 марта был принят декрет о конфискации владений церкви на сумму в 400 миллионов ливров, за распродажу которых брались парижский и другие муниципалитеты. 21—22 марта Собрание утвердило декреты о ликвидации с 1 апреля соляной подати и некоторых второстепенных сборов (при клеймении кож, железа, а также с масла, крахмала и т. д.). Однако декрет, по-прежнему, сохранял заставы и взимание ряда «droits des aides», и, в первую очередь, наиболее ненавистного обложения напитков.

Первый этап борьбы против косвенных налогов был закончен. Но, ликвидировав gabelle, Собрание все-таки оставляло в силе «aides». Как отнесется к этому Франция?

IV

Авторитет Учредительного собрания был еще чрезвычайно велик в стране, и сопротивление его декретам казалось более чем предосудительным поступком. Соляная подать была настолько ненавистна, что ее уничтожение даже Симолин считал лишь вопросом времени. Но, отказавшись от нее, не только чрезвычайно влиятельные группы откупщиков и финансистов, и лица, составлявшие окружение Неккера, но и большинство депутатов Собрания, все еще надеялись, что ценой этой жертвы им удастся все-таки спасти от ликвидации все остальные косвенные налоги. К тому же нужно было продержаться до тех пор, пока начнет приносить плоды опе-

[64] ЦПА ИМЛ, 32 В I.
[65] Там же.

рация по распродаже церковных имуществ. Между тем положение казначейства все более ухудшалось. «Финансы вот-вот рухнут,— доносил в марте Симолин,— а вместе с ними будет покончено и с конституцией. Она рухнет вместе с финансами, и депутаты, которых будут осыпать проклятиями, вернутся в свои провинции, чтобы сеять повсюду отчаяние...» [66]. В апреле 1790 г. расходы составляли 39,9 миллиона ливров, а доходы только 15,0 миллиона. В мае только за один месяц дефицит достиг 24,3 миллиона: доходы составляли 11,8 миллионов ливров, а расходы — 36,2 миллиона. Призывы к восстановлению системы налогов и, прежде всего, косвенных раздавались один за другим. Недаром даже формула присяги на празднике Федерации в июле 1790 г. гласила: «Мы клянемся навсегда хранить верность закону, нации и королю, поддерживать всеми силами конституцию, декретированную Национальным собранием и принятую королем, охранять личную собственность, свободу обращения предметов продовольствия (libre circulation des subsistances), *взимание налогов* (курсив наш.— *В. Д.*) и быть связанными нерушимыми узами братства».

На необходимости уплаты налогов настаивали не только умеренные депутаты Собрания. Ее отстаивал, судя по некоторым документам Бабефа, один из очень влиятельных депутатов — Александр Ламет, считавшийся тогда еще очень левым. Эту позицию защищал тогда сам Робеспьер, который писал в начале 1790 г. генеральному контролеру финансов де Ламберу: «Я отнюдь не выказал себя столь ревностным сторонником аристократии, чтобы меня можно было абсурдно заподозрить в том, что я желаю способствовать ее видам, колебля законное взимание податей» [67]. Не весной 1790 г., а еще позднее, в октябре, эту позицию продолжал отстаивать Жильбер Ромм, известный гувернер графа Строганова, впоследствии член Конвента и один из шести «последних монтаньяров», мужественно погибших в 1795 г. В доносе, посланном на него Екатерине II через Симолина, его изобличали в самых преступных поступках, способных воздействовать растлевающим образом на его воспитанника. Но и автор доноса признавал, что в своих беседах с крестьянами в приходе Жимо (Овернь) Ромм указывал, что их «великий долг платить налоги, как это предписано Национальным собранием». «Он не ошибается,— добавлял от себя фискал,— когда советует платить налоги и уважать Национальное собрание, но это сопровождается таким полным отрицанием всех принципов любой религии, уважения, которое следует оказывать королю, что такой тон может оказаться очень опасным для воспитания его ученика» [68].

---

[66] АВПР, ф. «Сношения России с Францией», опись 93/6, д. № 477, донесение № 27, 18 (29) марта 1790 г.

[67] Correspondance de M. et Aug. Robespierre. Paris, 1926 (русск. пер. «Переписка Робеспьера». Л., 1929, стр. 66).

[68] АВПР, ф. «Сношения России с Францией», опись 93/6, д. № 479, лл. 371—372, с. об. («Note pour les parents du jeune comte de Stroganoff»). На до-

Бабеф совершенно не разделял этой слишком «легалистской» позиции, на которой стояли даже такие честные и последовательные демократы, как Робеспьер и Ромм. Он не отступил перед мартовскими декретами Учредительного собрания. Наоборот, именно тогда он поставил своей задачей распространить движение за пределы Руа. Мы узнаем об этом из одного его письма (оно было не первым) к «братьям патриотам» в Перонн, 29 марта 1790 г.: «Мы еще не составили нашей петиции с протестом против декрета о сохранении aides и восстановлении застав. Мы ее составим и перешлем вам. Вы, несомненно, поддержите нас, и, возможно, будет лучше, если оба города выступят с одинаковым, общим требованием» [69].

Обращение к «братьям патриотам» крайне любопытно и в другом отношении. Оно свидетельствует о том, что Бабеф, явно стремясь создать более широкое демократическое движение в Пикардии, отнюдь не ограничивался вопросом о взимании косвенных налогов. Круг вопросов, которые затрагивает Бабеф в своем послании, чрезвычайно широк. Он пересылает в Перонн «учредительный устав» (Réglement constitutif) «волонтеров гражданской гвардии» Руа, проект петиции о реорганизации судопроизводства, свое письмо к Грегуару об отмене права на лишение наследства. Он информирует о борьбе парижских дистриктов за «непрерывность» их заседаний и призывает подражать им. «Париж указывает путь провинции, каждый из нас должен поторопиться и последовать примеру столицы. Вот еще одна петиция, которую должны составить мы и наши братья в Перонне» [70].

Большинство упомянутых Бабефом документов сохранилось. Письмо Грегуару было написано в связи с просьбой сына графа Лораге, которому угрожало лишение наследства, так как отец не соглашался на его брак. Бабеф должен был писать петицию по этому поводу, но он нашел, что вопрос представляет общий интерес: необходимо добиваться, чтобы Собрание приняло декрет об отмене права на лишение наследства и установило совершеннолетие не в 30, а в 25 лет, когда человек должен получить все права, «в соответствии с основными принципами свободы и индивидуального равенства». Отметим объяснение причин, вызвавших появление закона о праве лишения наследства: «Любовь к деньгам в некоторых классах — смешное сословное чванство, отвратительный предрассудок, в силу которого достоинство человека определяется в зависимости

несениях Симолина о Ромме Екатерина II наложила резолюцию: «Покажите Строганову, дабы знал, как и к чему сына его готовят». Павел Строганов вынужден был покинуть Париж 1 декабря 1790 г. (см. там же, донесение от 24 сентября (5 октября) 1790 г.).

[69] ЦПА ИМЛ, 37 В I («A nos frères, les Patriotes de Péronne»). Письмо это было адресовано Ферне (Fernet). В архиве Бабефа сохранился проект петиции пивоваров Перонна в Учредительное собрание от 11 марта 1790 г. (ЦПА ИМЛ, 32 В III). Очевидно, тогда же, в марте, они обратились к Бабефу с просьбой о составлении новой петиции.

[70] ЦПА ИМЛ, 37 В I.

от обладания им на несколько экю больше или меньше»[71]. Эту мысль, почти в тех же выражениях, мы уже встречали у Бабефа в его июньском письме 1786 г.

Предложения Бабефа по вопросу о реформе судопроизводства проникнуты глубоким демократизмом. В основу своей петиции он предполагал положить статью по этому вопросу, появившуюся в № 20 «Révolutions de Paris»[72]. Наибольшую поддержку с его стороны встретило предложение газеты об упразднении всяких корпоративных привилегий для прокуроров и адвокатов: «Неужели хотят сохранить прокуроров? Господи, неужели уцелеет жадная (famélique) корпорация адвокатов?»[73] По мнению Бабефа, все эти ограничения должны отпасть: «Сейчас стать типографом или торговцем может каждый, кто этого захочет. Почему это не должно относиться к прокурорам, к адвокатам?»[74]. Неужели сохранится такое положение, когда каждому, кто захочет произнести защитительную речь, могут «заткнуть рот» только потому, что существует «исключительная привилегия» адвокатов? Для будущего «адвоката народа», как вскоре стал называть себя Бабеф, этот вопрос имел далеко не риторическое значение. Бабеф добивался также упрощения судопроизводства, устранения кляузничества, сознательного затягивания следственной и судебной процедуры. Юридические документы должны быть ясными, краткими, понятными каждой из тяжущихся сторон.

Наибольший интерес из всех этих документов представляет проект «учредительного устава» национальной гвардии. Столкновение в предместье Сен-Жилль, неудача попытки восстановления налогов, отступление лафайетовского отряда из Сан-Максанса, «афиша» Бабефа — все это вызвало известное замешательство муниципалитета и вынудило его уступить. Делегация, явившаяся в муниципалитет 28 марта, добилась своего: было дано разрешение на получение части оружия. «С сегодняшнего числа мы начнем подписывать свои обращения, как национальные солдаты»,— не без гордости писал Бабеф в Перонн 29 марта[75]. Именно так: «солдат-

---

[71] ЦПА ИМЛ, 13 В I. На документе рукой Бабефа проставлен № 10. В письме Бабеф приводит знаменитый стих Вольтера, который позднее приводил и Жак Ру:

«Les mortels sont égaux, ce n'est point la naissance,
C'est la seule vertu qui fait leur différence».

[72] «Я знаю, что повторять чужие мысли не составляет большого труда. Но есть истины, которые следует напоминать, так как можно опасаться, что они ускользнут от внимания» (ЦПА ИМЛ, 38 В I).

[73] ЦПА ИМЛ, 38 В I («Sur l'organisation du pouvoir juridique»). На документе (№ 10) имеется пометка Бабефа, что эта петиция была им отослана в Перонн 29 марта, а Грегуару — 31 марта.

[74] ЦПА ИМЛ, 38 В I.

[75] ЦПА ИМЛ, 37 В I («Оставался, возможно, только один упрек, который нам могли сделать, что нам не удалось создать национальной гвардии... Мы сделали в этом отношении ряд попыток, но и прежний комитет, и новый муниципалитет старались навсегда задушить в самом зародыше драгоценные

гражданин» (citoyen soldat), подписывал он все свои документы весной и летом 1790 г.

Проект «учредительного устава» был составлен Бабефом (вернее, отредактирован им) еще 21 марта. Заслуживает, прежде всего, внимания, что он не устанавливал решительно никаких ограничений при зачислении в гвардию: «Каждый гражданин является солдатом родины. Поэтому число волонтеров не будет ограничено. Будут приниматься все граждане без каких бы то ни было различий, независимо от их состояния или профессии. Каждый добродетельный человек украшает свою профессию, и все профессии одинаково хороши, если только они служат общей пользе»[76]. Чтобы оценить всю смелость этого пункта устава, предложенного Бабефом еще в марте 1790 г., следует припомнить, что национальная гвардия в столице и во всех других крупных городских центрах строилась по цензовому признаку, что все попытки Робеспьера даже весной 1791 г. добиться для каждого права быть зачисленным в национальную гвардию оказались совершенно тщетными[77].

Очень любопытен пункт устава об офицерстве: «Звание солдата-гражданина самое высокое и самое прекрасное, которым только может быть награжден человек. Но так как интересы службы требуют командования, необходимо назначать начальников (des chefs). Те, кто займет эти посты, будут считать, что это делается лишь для большой пользы и что их принудили исполнять более серьезные обязанности (il s'y regarderont comme assujettis à des plus grands devoirs). Они будут чужды какому-либо чувству спеси, могущему лишь умалить их авторитет, они навсегда останутся и никогда не перестанут быть солдатами, братьями, равными»[78].

Духом самого сурового, несколько «примитивного» эгалитаризма, столь характерного для Бабефа вообще, проникнут четвертый пункт проекта устава: «Чтобы сохранить и обеспечить между командирами и солдатами это сладостное братство, единственную гарантию свободы, между ними не будет внешнего различия (les décora-

---

ростки нашего патриотизма. Эта оппозиция в конце концов нам надоела, и вчера мы приняли твердое решение положить ей конец. Строго говоря, мы не нуждались в согласии муниципалитета для создания нашего отряда (corps national), но нам необходимо было оружие. Делегация из 20 человек направилась с этим требованием. Ее тон и образ действий были таковы, что муниципальные деятели убедились в нашей решимости добиться оружия во что бы то ни стало, и наше требование было удовлетворено»). Из другого документа (ЦПА ИМЛ, 40 В I) следует, что 28 марта муниципалитет выдал 21 ружье, под поручительство Губо, Кассена, Доба и других лиц, которые, как нам известно, были в тот период сторонниками Бабефа.

[76] ЦПА ИМЛ, 36 В I (21 mars 1790).

[77] В бумагах Бабефа сохранилась подробная запись речи Робеспьера 27 апреля 1791 г. по вопросу об организации национальной гвардии (ЦПА ИМЛ, 21 В II); см. также наше сообщение «Робеспьер и Бабеф» (ННИ, 1958, № 6).

[78] ЦПА ИМЛ, 36 В I.

tions extérieures seront égales), у них будет форма из одинакового сукна, одинаковое оружие, одинаковая амуниция. Эполеты, главное украшение офицера, разрешается носить только во время службы»[79].

Командиры и офицеры должны избираться, и притом только из солдат-граждан, уже зачисленных в часть. Ни в коем случае они не должны избираться из числа посторонних лиц: «Тот, кто будет назначен полковником нашей гвардии, будет человеком способным, но он будет и останется нашим собратом, тогда как, если мы будем просить принять командование постороннего, который из-за своей надменности, не пожелал стать под наши свободные знамена, он возомнит, что мы ценим как большую честь возможность пресмыкаться перед его шпагой. Он будет обращаться с нами как властелин. Мы будем считать, что создали отряд свободных солдат, в действительности же мы станем только стадом рабов». В уставе предусматривалось, что во избежание «зависти и ревности», не будет никаких особых подразделений — гренадеров, егерей и т. д. Все подразделения будут отличаться только своими номерами. Те, кто не имеет средств на приобретение формы, будут зачисляться и без нее.

Некоторые пункты устава написаны другой рукой и подверглись редакции Бабефа. Так, один из пунктов — «унтер-офицеры не могут рассчитывать ни на какое дальнейшее продвижение» — был им вычеркнут. Опыт революционных войн, знавших стольких унтер-офицеров, ставших генералами, показал, как справедливо было это исправление.

Можно считать, что весь этот проект устава, при всех его эгалитаристских преувеличениях, был одним из самых смелых проектов демократизации армии, которые только выдвигались за время Великой Французской буржуазной революции.

Намечая такую широкую программу деятельности, Бабеф не упускал из виду центральной тактической задачи.

2 апреля 1790 г. Бабеф обратился с новым письмом в Перонн. На этот раз оно почти целиком было посвящено вопросу о составлении новой петиции по поводу налогов: «Первое дело, которому мы должны посвятить себя, которое мы не должны оставлять, пока не добьемся справедливости, это вопрос о налогах на продукты (aides), о погашении задолженности, о восстановлении застав, предусмотренных декретом, уничтожившим только соляную подать... Чтобы добиться успеха, нужно только хотеть и действовать сообща, действовать сообща и хотеть (vouloir et s'entendre, s'entendre et vouloir). При этих двух условиях несомненно, что *мы одни добьемся для всего королевства* самого полного успеха, какой только возможен в этом деле»[80] (курсив наш.— *В. Д.*).

---

[79] ЦПА ИМЛ, 36 В I.
[80] ЦПА ИМЛ, 39 В I.

В противоположность позиции, занятой даже Робеспьером, Бабеф доказывал в своем письме необходимость сопротивляться декрету 21—22 марта. «Учредительное собрание,— писал он, развивая уже знакомые нам мысли,— разделено на две части, одна из них состоит из добрых граждан, другая — из отвратительных аристократов... В то время как первые голосуют в интересах общего блага, противной партии, с ее гнусными стремлениями, часто удается одерживать над ними верх. В результате появляются дурные декреты, которые вызывают ропот против всего Национального собрания, тогда как в действительности они являются произведением только наиболее разложившихся его членов... Когда торжествует патриотическая партия, появляются превосходные декреты, но те депутаты, которые являются нашими врагами, не имеют к ним никакого отношения». Народ, верховный суверен, вправе принимать хорошие декреты и отвергать дурные. Депутаты-патриоты должны быть лишь признательны народу за это его сопротивление: «Да, господа, в Учредительном собрании часть депутатов стремится ко всему хорошему, чего добиваемся и мы, но с ней непрерывно борется другая часть, имеющая совершенно противоположные намерения. Только ей мы сопротивляемся, хотя кажется, что мы сопротивляемся всему Национальному собранию. Для честной части собрания это будет только приятное насилие (douce violence), за которое втайне она будет нам лишь благодарна; подчиняясь высшей воле народа, она заставит противоположную партию уступить этой непреклонной воле» [81].

Бабеф решительно оспаривал те советы, которые давал перонцам их депутат Александр Ламет,— подчиниться декрету, выплачивать aides в ожидании дальнейших налоговых реформ. Только тогда, когда «возникла мощная конфедерация» против восстановления соляной подати, Собрание вынуждено было заняться этим вопросом. Но аристократическая часть Собрания добилась все же сохранения застав, сборов с напитков, обязательства оплаты недоимок: «С этим соглашаться нельзя, против этого гнета следует сопротивляться» [82].

Бабеф излагает свой план действий: необходимо составить «мемуар», изложить в нем выводы, к которым пришли авторы важнейших произведений о «теории налогов», обосновать необходимость полной ликвидации aides. Этот «мемуар», который будет иметь форму петиции к Национальному собранию, нужно распространить во всех городах провинции. Через деревенских трактирщиков нужно собирать подписи под петицией и во всех деревнях. Петицию следует подписывать в двух экземплярах; один посылается в Учредительное собрание, другой нужно сохранить. Таким образом, «со всех концов провинции начнут поступать одинаковые требования

---

[81] Там же.
[82] Там же.

и, притом, в одних и тех же выражениях... Это законный путь, он основан на праве сопротивляться угнетению, это единственный путь, который обеспечивает успех... Нельзя отказать в общем требовании целой провинции, в особенности если оно справедливо»[83]. Но если собрание уступит одной провинции, то это решение будет распространено и на всю страну, так как сейчас законодательство носит общенациональный характер. Таков первый тактический план Бабефа; через несколько лет, на основе опыта гражданской войны, он приобретет форму плана организации «плебейской Вандеи». При всей его кажущейся наивности он имел, несомненно, рациональное зерно.

С присущей ему деловитостью Бабеф тут же предусмотрел и финансовую сторону предприятия. Для издания петиции необходимы средства, при этом «города должны будут вносить за деревни, так как эти люди не умеют считать и не захотят истратить даже су, хотя это может принести им тысячи»[84]. Как только петиция будет готова, «г. Бабеф обещает, что он с величайшим удовольствием доставит ее вам». Свое письмо он просил разослать в копиях в другие города, «как вы поступали со всеми предыдущими письмами»[85]. Как видно, Бабеф стремился проводить ту же тактику создания корреспондентских комитетов, которая с таким успехом применялась в Соединенных Штатах в 70—80-х годах XVIII в. и именно в годы революции начала осуществляться и в Англии, хотя у нас нет, к сожалению, никаких материалов для того, чтобы судить о том, знаком ли был Бабеф с этой тактикой.

В последующие две недели Бабеф проявил огромную энергию. Составление петиции он закончил, по-видимому, в первые дни апреля, потому что 5 апреля он уже был в Сен-Кантене[86], оттуда отправился в Перонн, вернулся в Руа, а 10 апреля был уже в Нуайоне, где Девен приступил к печатанию его петиции. О его пребывании в Перонне Девену писал из Руа 10 апреля некий Гамбар, один из единомышленников Бабефа: «Г-н Бабеф — это Ван-дер-Нут нашей местности; он самый непримиримый враг откупщиков и их при-

---

[83] ЦПА ИМЛ, 39 В I.

[84] Там же. 25 апреля 1790 г. Бабеф сам составил письмо в Нуайон, на имя торговца лимонадом, Вольтиса, от имени перонцев. О финансовой стороне издания петиции и оплате труда ее автора в нем говорится следующее: «Вы понимаете мотивы, которые заставили нас принести маленькую жертву на печатание петиции и другие расходы. Деревенские жители часто не хотят даже подумать о том, что можно истратить одно су, чтобы выиграть сто... Редактора петиции, способного осветить такой важный вопрос, мы нашли не у себя. Только один очень молодой человек из соседнего маленького городка был признан годным для того, чтобы должным образом обсудить эту тему. То, как он справился со своей задачей, вполне укрепило наше благоприятное мнение о нем» (ЦПА ИМЛ, 40 В I).

[85] ЦПА ИМЛ, 39 В I.

[86] См. AD de la Somme $^{129}/_{46}$ (копия). Бабеф сообщает Девену, что он едет из Сен-Кантена в Перонн. «Петицию всюду приветствуют, и я надеюсь, что вы продадите много экземпляров».

спешников..., самая надежная опора предместий нашего города и Перонна, где недавно ему была устроена триумфальная встреча...»[87].

11 апреля Бабеф писал жене уже из Нуайона: «Я приехал сюда вчера в шесть часов вечера, и за мою работу принялись немедленно. Ею будут упорно заниматься (à pied ferme) сегодня и завтра, и когда этот господин, с которым я просил тебя встретиться у г-жи Маньер, явится сюда, все уже будет готово»[88]. В тот же день Бабеф обратился в Перонн с просьбой немедленно прислать ему список всех приходов, с тем чтобы он заранее мог написать адреса на всех пакетах[89]. 12 апреля Домон, «синдик трактирщиков Перонна», выслал ему этот список и сообщил, что «г. Навье уже отправился в Нуайон»[90]. 16 апреля, все еще из Нуайона, Бабеф сообщил жене, что «печатание будет закончено сегодня»[91]. На экземпляре петиции, хранящемся в Москве, есть надпись рукой Бабефа: «17 апреля 1790 г.» В этот день петиция увидела свет.

Она носила название:

«Петиция о налогах, адресованная жителями... в Национальное собрание, в которой доказывается, что налоги на продукты, на соль, пошлины на городских заставах и т. д. не должны и не могут существовать, даже временно, у ставших свободными французов»[92].

Мы не будем подробно останавливаться на содержании этой петиции, поскольку она в значительной мере повторяла те аргументы против сохранения aides, с которыми мы уже знакомились, изучая более ранние варианты этой петиции — 3 января, 20 февраля, 1 и 2 марта, второе письмо в Перонн. Она направлена против декретов 21—22 марта: первая их часть — уничтожение «габели» — является делом рук «депутатов-патриотов», но вторая часть — сохранение aides — навязана депутатами-аристократами. Народ —

---

[87] ЦПА ИМЛ, 42 В III. Ван-дер-Нут (Van-der-Noot) был одним из руководителей революции в Бельгии в 1788—1789 гг. О результатах поездки Бабефа в Перонн писал ему 12 апреля из Руа Кассен: «Ваш успех меня нисколько не удивляет, и я поздравляю вас от всего сердца... Я буду счастлив, мой дорогой патриот, если ваши принципы повлияют на поведение наших сограждан и сделают его похожим на поведение других соседних городов» (ЦПА ИМЛ, 106 В VI).

[88] ЦПА ИМЛ, 43 В VIII. В письме речь идет о некоем Навье (Navier), жителе Перонна; г-жа Маньер (Magnière) — владелица кабачка «Au grand Monarque» в Руа.

[89] AD de la Somme, $P^{129}/_{47}$. См. также «Pages choisies...», p. 97 (Babeuf à M. Bégin, juré priseur à Péronne). В письме от 25 апреля в Нуайон Бабеф писал, что петиция была разослана во все 220 приходов, входивших в состав Перонского округа (ЦПА ИМЛ, 40 В I).

[90] ЦПА ИМЛ, 5 В V.

[91] ЦПА ИМЛ, 44 В VIII.

[92] «Pétition sur les impôts adressée par les habitants d... en..., à l'Assemblée Nationale, dans laquelle il est démontré que les Aides, la Gabelle, les Droits d'entrée aux Villes ne doivent et ne peuvent subsister, même provisoirement, chez les Français, devenus libres». 1790. На экземпляре, хранящемся в библиотеке ИМЛ, есть надпись Бабефа: «17 avril 1790».

«единственный и подлинный суверен» — должен выступить против этого «отвратительного покушения» на его права. Если попытаются восстановить этот «проклятый» налог, «вспыхнет пожар».

Обращает на себя внимание аргументация Бабефа, носившая,— это можно сказать без всякого преувеличения,— классовый характер. Так, в петиции подчеркивалось, что налог на соль всей своей тяжестью ложился на «неимущий класс» (la classe indigente). Соль обходилась откупщикам в 6 денье, а продавали ее по 12—13 ливров за фунт. На «знатных и богатых, единственные классы, с интересами которых считались», этот налог распространялся в неизмеримо меньшей мере, чем на бедняков: «похлебка поденщика (la marmite du journalier) поглощала гораздо больше соли, чем все рагу его светлости» [93]. «Обездоленная часть» народа выносила на себе всю тяжесть соляного налога: «самому последнему из бедняков» приходилось выплачивать по 10 экю в год. Тяжесть налога на напитки, составляющего львиную долю доходов от aides, так же распределяется совершенно неравномерно: «бедняк, который пьет только в кабачке», вследствие дополнительного акциза на распитие вина в трактирах, платит 8 су за бутылку, тогда как богач, который держит вино у себя в погребе, платит не больше 2 су с бутылки. Жертвой прожорливости ста тысяч служащих откупщиков являются «те классы общества, которые и без того находятся в самом жалком положении» (les classes déjà les plus à plaindre dans la société). «Вы напрасно пытаетесь сохранить эту египетскую саранчу»,— обращается Бабеф к членам Собрания. Пришло время «срубить все головы этой гидры» [94].

Ушедший как будто бы с головой в организацию массового движения против взимания aides, Бабеф, однако, не упускал из виду и более общие вопросы, возникавшие в ходе развития революции. В этом отношении интересно одно его примечание к тексту петиции. Отвечая на возражение, что агенты фиска останутся без всяких занятий, Бабеф указывал, что они могут заняться сельским хозяйством: «Разве это не самое исконное занятие человека? Могут спросить, где найти землю, чтобы заняться ее обработкой». Бабеф отвечает на это: «Где?... В церковных имуществах. *Мемуар по этому вопросу скоро появится* (курсив наш.— *В. Д.*). Действительно, если нация не распорядится соответствующим образом этими ресурсами, Франция погибнет. Здесь не место касаться этого вопроса более подробно. Можно только сказать, что наши мысли по этому поводу соответствуют пожеланиям г. Петиона де Вильнева, который предложил включить в Декларацию прав статью: «Каждому гражданину должно быть обеспечено существование либо путем доходов от его собственности, либо благодаря его труду и промыслам (son travail et son industrie). Если физические недостатки или

---

[93] «Pétition», p. 7—8.
[94] Ibid., p. 28.

PÉTITION
SUR
LES IMPOTS
ADRESSÉE

PAR les Habitans d

EN

A L'ASSEMBLÉE NATIONALE,

DANS laquelle il est démontré que les Aides, *la* Gabelle, *les* Droits d'Entrée *aux Villes,* &c. *ne doivent & ne peuvent plus subsister,* même provisoirement, *chez les Français, devenus libres.*

1790.

«Петиция о налогах». В левом верхнем углу рукой Бабефа проставлена дата 17 апреля 1790 г. *(Б-ка ИМЛ)*

несчастья обрекают его на нищету, общество обязано заботиться о его пропитании. Можно только поразиться тому, что эта статья не была принята» [95]. К этой формулировке Петиона Бабеф неоднократно возвращался вплоть до 1793 г. В ней он, несомненно, видел вариант своей собственной мысли, выдвинутой еще в 1786 г.: общество обязано обеспечить всем «право на жизнь». Как видим, даже в разгар борьбы вокруг одного частного требования Бабеф вовсе не упускал из виду и своей более общей, отдаленной цели — «le but concerté».

Петиция сразу получила самое широкое распространение. Когда позднее, в 1793 г., Бабеф писал администратору парижской полиции, Менесье, что его петиция «наэлектризовала все население Соммы» [96], он не преувеличивал. Успех ее был очень велик. 25 апреля К. Навье писал из Перонна г-же Маньер, трактирщице в Руа: «Жители деревень приняли этот проект с готовностью и радостью» [97]. По-видимому, экземпляров петиции не хватало — в том же письме Навье указывал, что в Руа должно быть 200 экземпляров петиции, которую взялся отпечатать «le sieur Basbeuf» [98]. Об успешном распространении петиции можно судить и по письму Девена, который писал Бабефу 26 апреля 1790 г.: «Я сохраняю весь набор. Я переслал Одиффре триста экземпляров петиции для продажи в столице, и если он сообщит мне, что продажа идет успешно, я вышлю еще» [99].

Резкий тон петиции некоторых отпугивал. «Ваш мемуар очень хвалили,— писал Бабефу 24 июня его брат Жан-Батист, когда начались уже преследования,— но находили, что он слишком откровенен в такой момент, когда аристократия далеко еще не уничтожена. Особые опасения вызывало то место, где вы говорите, что собрание разделилось на членов-патриотов и членов-аристократов. Но вообще за вашу судьбу не опасаются. Вы только высказали вслух то, что все думали, но не осмеливались высказать» [100].

Несомненно, что петиция дала толчок массовому движению, охватившему всю Пикардию. Об этом можно лучше всего судить по докладам генерального контролера финансов де Ламбера, адресованным Учредительному собранию. 28 июня де Ламбер направил председателю Собрания тревожную записку «О положении с взиманием налогов на продукты в городах бывших податных округов Амьена и Суассона» [101]. В ней констатируется, что Пикардия охвачена постоянным «восстанием» против взимания aides, «очагами

---

95 «Pétition», p. 29, note.
96 ЦПА ИМЛ, 47 В IV.
97 ЦПА ИМЛ, 46 В IX.
98 Там же.
99 ЦПА ИМЛ, 74 В VI.
100 ЦПА ИМЛ, 32 В VI.
101 «Lettre du Controleur général des finances sur la situation des perceptions de la Régie générale des aides dans les villes de ci-devant généralités d'Amiens et de Soisson» (AP, t. XVI, p. 581—586).

восстания являются города Перонн, Сен-Кантен и Руа». Имя Бабефа и его петиция упоминаются де Ламбером многократно: «Из Перонна и Руа вышла петиция г. Бабефа против aides. Отсюда она распространилась по деревням». В Мондидье 23 апреля «состоялось собрание... в связи с получением письма и печатной петиции (речь г. Бабефа), которые были отправлены из Руа»[102]. В Амьене местные трактирщики в конце апреля получили от трактирщиков Перонна «петицию господина Бабефа». Они же направили петицию г. Бабефа с письмом, в котором приглашали присоединиться к ним в другой город деп. Соммы — Гиз. Петиция Бабефа, «с таким же призывом» была получена в Нуайоне. Очень подробно писал де Ламбер о положении в самом Руа. Сообщив о речи Бабефа 7 марта и об «афише», Ламбер предлагал «пресечь зло в самом корне», а для этого принять все меры для восстановления взимания aides «в городах Перонне, Сен-Кантене и Руа».

Для выяснения роли Бабефа во всем этом движении очень показательно письмо адвоката Пероннского бальяжа, Лендорми, члену Учредительного собрания, Льенару от 20 мая 1790 г.: «Недавно появился бывший февдист из Руа, по имени Бабеф; этот человек, как говорят, является отъявленным врагом служащих фиска. Он автор многочисленных петиций трактирщиков и пивоваров в Перонне. Несомненно, что он думает создать всеобщую ассоциацию торговцев напитками всего королевства, чтобы объявить открытую войну откупщикам (à la régie générale). Наши трактирщики и все остальные, кто не платит сборов, объединились с того времени, как их обязали декретом оплатить задолженность, и Бабеф уехал с их подписями и, как я опасаюсь, их деньгами»[103].

Проект «всеобщей ассоциации» существовал, конечно, только в воображении испуганного пероннского адвоката, но Пикардия оказалась действительно застрельщиком движения, охватившего значительную часть страны. Уже через две недели де Ламбер обратился в собрание с еще более тревожным письмом: «Эпидемия восстания быстро распространяется, она с каждым днем разрастается и ширится». Особую тревогу внушало Ламберу положение в Марле (вблизи Лана — деп. Эны), где образовалась целая крестьянская армия в 4—6 тысяч (а по некоторым сообщениям, в 8 тысяч) человек, которая, не довольствуясь прекращением уплаты налогов, нападала на деревенские замки, отказывалась от платежей сеньериальных повинностей. Из Пикардии движение распространилось уже на соседние провинции (Шампань и т. д.)[104].

---

[102] Ibid., p. 584.

[103] V. de Beauvillé. Histoire de la ville de Montdidier. 2-me éd. Paris, 1875, v. 2, p. 470.

[104] «Lettre de M. Lambert, Controleur général à M. le Président de l'Assemblée Nationale sur le non-recouvrement des impôts» (AP, t. XVII, p. 61). Ламбер ссылался, в частности, на донесение из Суассона, в котором сообщалось, что «восстание против droits des aides растет изо дня в день» (ibid., p. 62). См. так-

Этот вывод о роли, которую сыграло движение в Пикардии, в крушении aides — второго оплота откупной системы во Франции — нашел полное подтверждение в работах крупнейшего знатока финансовой истории Франции М. Мариона, специально изучавшего вопрос об оплате налогов в 1790 г. Он констатировал, что «наиболее полное крушение произошло, по-видимому, в области взимания aides. Восстание, которое вспыхнуло в Пикардии..., распространялось, вызывая всеобщую тревогу; отказ платить налог нашел в Бабефе пламенного адвоката (avocat ardent), проповедовавшего населению в районе Перонна и Руа, что необходимо прекратить платеж этих сборов, а в случае необходимости противопоставить силу той силе, которая попытается их восстановить» [105].

Чтобы «пресечь зло в самом корне», нужно было, прежде всего, разделаться с этим «пламенным адвокатом». Именно эту цель поставила перед собой «клика Бильковов». «Она не щадила,— писал Бабеф,— усилий, лишь бы создать против него мощную партию: ходатайства перед комитетом докладов, следственным комитетом, отдельными депутатами собрания, даже министрами — все было пущено в ход, для того чтобы обрисовать его в самых мрачных красках» [106]. Самое активное участие во всех этих демаршах принял депутат Прево, против которого Бабеф, как мы помним, выступал еще летом 1789 г. Неприязнь Прево, несомненно, еще больше возросла, когда в январе 1790 г. в «Révolutions de Paris» появилась направленная против него заметка: «В нашем кантоне хотели бы узнать, существуют ли еще в собрании депутаты коммун Пероннского бальяжа или они умерли — вот уже восемь месяцев о них ничего не слышно. Заметка в вашей газете позволит, возможно, что-либо о них разузнать» [107]. Кто был автором этой заметки, подписанной «F» (Франсуа-Ноэль), Прево догадался, вероятно, без большого труда. Неудивительно, что на первом же доносе, посланном в Париж из Руа в начале марта, есть пометка, что он «рекомендован г-ном Прево, депутатом Перонна» [108]. Бабеф был прав, когда несколькими неделями позднее писал, что главным клеветником является «господин Прево, королевский адвокат в Руа и депутат Национального собрания, двоюродный брат и правая рука Бильковов... Это все, что сделал этот Прево, получающий 18 франков в день с тех пор, как он стал депутатом Генеральных штатов. Кроме доноса на меня в следственный комитет и податной суд, он не дал себе труда произнести ни единого звука» [109].

же доклады Ламбера в августе (AP, t. XVIII, p. 151) и ноябре 1790 г. (AP, t. XXI, p. 41).

[105] M. Marion. Le recouvrement des impôts en 1790 («Revue historique», 1916); idem. Histoire financière de la France, v. II, p. 91.

[106] ЦПА ИМЛ, 101 В I.

[107] «Révolutions de Paris», № 119, 9—16 janvier 1790 («Extrait d' une lettre de Péronne»).

[108] AN, D XXIX, 68.

[109] ЦПА ИМЛ, 60 В IV.

3 апреля в Руа поступил ответ Комитета докладов на первую жалобу муниципалитета: «Судя по тому мемуару, который прочитал вам г. Бабеф (его речь 7 марта.— *В. Д.*), он немало содействовал своими речами сопротивлению народа, введенного в заблуждение патриотическими крайностями и плохо понятой любовью к свободе; этот гражданин гордится своим поведением, которое, несомненно, заслуживает осуждения и могло бы иметь самые опасные последствия. Он, по-видимому, заблуждается, и только это может его извинить» [110]. Поддерживая муниципалитет, комитет советовал ему, тем не менее, занять сдержанную позицию по отношению к Бабефу: «Нужно просветить его рвение и если, как нам хотелось бы верить, он имеет чистые намерения, он первый покажет пример подчинения декретам Национального собрания. Дайте ему копию этого письма, опубликуйте его, пусть он и все ваши сограждане узнают, что вопрос о взимании налогов является единственным камнем преткновения, из-за которого может потерпеть крушение эта счастливая революция, горячим сторонником которой он как будто бы является». По мнению Комитета, на первых порах, при условии, что Бабеф подчинится мартовскому декрету Собрания, следует «ограничиться простым предупреждением» (simple note de remonstrance)» [111].

Такой совет, конечно, не устраивал Бильков. Но возбужденное ими дело, при содействии Прево, попало к тому времени в специальную судебную палату парижского парламента (cour des aides), занимавшуюся налоговыми «правонарушениями» и находившуюся под нераздельным влиянием «fermiers généraux». Здесь дело приняло тот оборот, к которому и стремились «визири» Руа. Первое заседание суда состоялось 27 марта. В его определении было записано, что начиная с июля месяца в Руа и почти во всех окрестных 120 приходах была полностью прекращена оплата сборов с напитков. «Это главным образом из-за бунтовщических речей г-на Бабефа, февдиста, возникли волнения в Руа. Его речь в муниципалитете доказывает, что он является одним из самых главных мятежников в этой провинции» [112]. Основываясь на доносе муниципалитета и повторяя дословно его аргументы, податной суд обвинял Бабефа в том, что он «установил переписку с рядом депутатов Национального собрания» и что он и его сторонники «сорят деньгами, чтобы вызвать восстание». Генеральному прокурору Клементу де Барвиллю было предложено возбудить дело, согласно поступившей жалобе.

3 апреля состоялось новое заседание суда. В распоряжение де Барвилля поступила к тому времени вторая жалоба муниципали-

[110] AN, D XXIX, 68.— Проект письма был составлен депутатом Пеллереном, а подписан председателем комитета, Грегуаром.

[111] AN, D XXIX, 68.

[112] ЦПА ИМЛ, 31 В III («C'est en grande partie par les discours séditieux d'un sieur Babeuf, feudiste que la ville de Roye a été soulevée. Sa harangue déposée à la Municipalité indique un des plus violents factieux de cette province»).

тета с приложением «афиши». «Острое блюдо», заготовленное на сей раз Билькоками, пришлось ему вполне по вкусу. На заседании суда Барвилль сообщил, что «к нему поступила важная бумага, относящаяся к восстаниям, имевшим место в Руа, что ее подлинность является очень серьезной уликой против того, кого следует считать их главным виновником, что она характеризует г-на Бабефа как мятежника, способного на любые крайности, поскольку он все сделал для того, чтобы обратить оружие своих сограждан против парижской гвардии в тот день, когда стало известно о ее приближении»[113]. На основании этого совершенно ложного, как мы знаем, обвинения, суд принял решение, что «г-н Бабеф будет лишен свободы, арестован и заключен в тюрьму Консьержери»[114].

Бабеф чувствовал, что над его головой собирается гроза. Всю вторую половину апреля и начало мая он был занят распространением петиции и сбором подписей под ней. Судя по сохранившимся в архиве документам, он поддерживал в это время связь с Перонном, Нуайоном, Сен-Кантеном и Мондидье[115]. Но в Сен-Кантене, где он был в первых числах мая, Бабеф столкнулся уже с проявлениями подлинной ненависти к нему со стороны многочисленных агентов «ferme générale», материально заинтересованных в сохранении прежней системы. «Вы спрашиваете,— писал Бабеф Девену 10 мая, после возвращения в Руа,— как прошла моя поездка. Я встретил в Сен-Кантене публиканов, разъярившихся против «поджигательного пасквиля» (libelle incendiaire). Мне понадобилось вооружиться мужеством, стать маленьким героем, чтобы уйти оттуда целым и невредимым. Я расскажу вам обо всем этом, когда найдется время. Нужно признать, что никогда еще свора финансистов не испускала воплей, подобных тем, которые она изрыгает теперь, после рождения петиции: этот удар кажется им страшным, и без сомнения, я должен остерегаться их отчаяния»[116].

[113] ЦПА ИМЛ, 31 В III («Il luy est parvenue une pièce importante relative aux *insurrections qui ont eu lieu à la ville de Roye, que son autencité opère une charge* très forte contre celuy qu'on doit considérer comme le principal auteur, qu'elle caractérise le sieur Baboeuf comme un factieux capable de plus grands excès puisqu'il avait tout employé, tout disposé pour faire tourner les armes de ses concitoyens contre la milice de Paris dans un jour où l'on annonçait l'arrivée prochaine de cellecy»). Цитируемый нами документ представляет собой копию (сделанную судебным приставом) с определений податного суда 27 марта и 3 апреля и протокола об аресте Бабефа.

[114] Там же («Le sieur Baboeuf sera pris et appréhendé au corps et constitué en prison de la Conciergerie»).

[115] «Я писал в Мондидье нескольким моим знакомым, а при встрече рассказал им о том, что происходит в Руа и о чем говорят во всей провинции» (ЦПА ИМЛ, 40 В IV). В другой записи Бабеф говорит, что слова Девена «господа из Мондидье» в отобранном у него письме относятся «к общим друзьям, которые меня посетили» (там же).

[116] ЦПА ИМЛ, 33 В IV. Материальное положение Бабефа оставалось в этот период чрезвычайно стесненным. Он рассчитывал на получение вознаграждения за составление петиции, но с этим не торопились. В том же письме Бабеф сообщал не без горечи: «В Сен-Кантене, как и повсюду, мне расточали бесконечные комплименты, но ничего больше. Мне не подобало просить у них что-

9 мая, уже после возвращения из Сен-Кантена, Бабеф узнал от Девена о прибывшем в нуайонский муниципалитет письме от «следственного комитета» Собрания, в котором петиция характеризовалась как «поджигательный пасквиль» (отсюда это выражение в письме Бабефа) и запрещалось ее дальнейшее печатание и распространение [117]. Под свежим впечатлением этого сообщения Бабеф писал на следующее утро: «Ваше вчерашнее письмо вызвало у меня раздражение против следственного комитета. Я не стал терять времени и немедленно написал письмо, которое я сегодня утром отправил и копию которого охотно вам прилагаю» [118]. Бабеф совершенно не предвидел, какие неприятности принесет ему эта копия.

Небольшое письмо, отосланное Бабефом 10 мая, содержало резкую полемику с оценкой его петиции как «поджигательного пасквиля» и убежденную защиту права каждого гражданина совершенно открыто и свободно высказывать свое мнение. Очевидно, писал Бабеф, руководители «следственного комитета» понимают эту свободу иначе. «Если такова свобода, которую вы нам обещали, я не могу быть больше полезным своим согражданам. Посылайте же ваших наемников; я буду счастлив погибнуть за доброе дело». Свое письмо Бабеф подписал: «Солдат-гражданин г. Руа, в Пикардии» [119].

«Наемники» были уже недалеко. 18 мая муниципалитет получил сообщение, по-видимому, от министра двора, графа Сен-Приста: «Генеральный контролер предупредил меня, что податный суд Парижа постановил арестовать г. Бабефа, жителя Руа, как главного подстрекателя всех беспорядков, происходящих при взыскании сборов с продуктов и других налогов... В интересах общественного спокойствия и соблюдения порядка следует быстро и строго покарать возмутителя (le pertubateur), так как в случае безнаказанности он способен совершить новые преступления» [120]. Почти в тех же выражениях *сообщение о предстоящем аресте Бабефа было прислано* на адрес Билькока и самим Ламбером. Письмо это должен был

либо. Но меня заверяли, что ждут лишь успешного конца и тогда меня осыпят золотым дождем; даже в случае неудачи мое рвение всегда будут ценить. Только перонцы дали мне аванс, но аванс, который создает впечатление, что мой труд был оценен поварами. Ничего не поделаешь, дорогой кум, людей нельзя перелицевать, как платье, приходится принимать их такими, какие они есть» (там же).

[117] 11 мая такое же письмо получил перонский муниципалитет, который в своем ответе возложил всю ответственность на Руа, поскольку Бабеф проживает в этом городе (переписка опубликована полностью в кн.: G. Ramon. La Révolution à Péronne, 3-me série; см. также: R. Legrand. Babeuf, ses idées, sa vie en Picardie. Abbeville, 1961, p. 8).

[118] ЦПА ИМЛ, 33 В IV.

[119] Письмо опубликовано полностью Ж. Бурженом («Quelques inédits de Babeuf», AHRF, 1959). Оно было напечатано тогда же, в мае 1790 г., но в неполном и несколько искаженном виде отдельной брошюрой («A. M. M. du Comité des recherches», [S. l., s. d.]).

[120] V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 530—531.

вручить ему лично пристав податного суда, «которому поручено привести этот декрет в исполнение»[121].

19 мая в 8 часов вечера, в Руа действительно прибыл судебный пристав Иоахим Ришар в сопровождении двух стражников (cavaliers de robe courte). Пока они побывали у Билькока, получили понятого и в сопровождении жандармов добрались до дома Бабефа, наступила уже ночь. В дом ворвалось около десяти человек. Бабефа, спавшего в кровати вместе с сыном, разбудили. Он потребовал прочитать ему приговор об аресте. Сопротивляться было бесполезно, арест не случайно производили ночью. «Так как названный Бабеф является мятежником, мы надели ему на руки кандалы»,— гласил протокол об аресте[122].

В почтовой карете Бабеф был доставлен в Париж. В пятницу, 21 мая, в два часа дня он был заключен в тюрьму Консьержери, и его имя занесли в тюремную книгу, чтобы «оставаться там до тех пор, пока он отбудет свой срок»[123]. В субботу, 22 мая, он написал свое первое письмо из тюрьмы. В воскресенье, 23 мая, состоялся первый его допрос[124].

V

Первое письмо, которое Бабеф написал из Консьержери, было адресовано Рютледжу. Напомнив историю их знакомства в 1787 г. в связи с «Постоянным кадастром» (эту часть письма мы уже приводили), Бабеф обратился к Рютледжу с просьбой быть его официальным защитником. Этот выбор был совсем не случаен: в революционных кругах Парижа имя Рютледжа в это время стало широко известным. Осенью 1789 г., по настоянию Неккера, против которого Рютледж выступил с несколькими чрезвычайно резкими памфлетами, он был арестован и освобожден только под давлением парижских демократов, в том числе Марата, который вел в «Ami du peuple» настойчивую кампанию в пользу Рютледжа. Все эти обстоятельства были известны Бабефу. «Я знаю,— писал он Рютледжу,— что все еще действует приказ о вашем аресте... Впрочем, мне сообщили, что вы находитесь под охраной наиболее преданных общему делу дистриктов и потому не должны ничего опасаться»[125]. Однако посланцу Бабефа не сразу удалось найти Рютледжа. Поэтому 23 мая, когда начался первый допрос, Бабеф просил его отложить, из-за отсутствия адвоката[126].

---

[121] V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 530—531.
[122] ЦПА ИМЛ, 31 B III.
[123] Там же.
[124] ЦПА ИМЛ, 43 B III.
[125] ЦПА ИМЛ, 32 B IV, 22 et 24 mai 1790. См. «Французский ежегодник. 1960». М., 1961, стр. 257—258.
[126] «Interrogatoire du sieur Babeuf, feudiste, du dimanche 23 May 1790» (ЦПА ИМЛ, 43 B III). Допрос вел де Бокур, «conseiller du Roi, greffier des Depôts civils et criminels de la Cour des Aides».

Рютледж принял предложение Бабефа. Хотя он не присутствовал и на втором допросе (26 мая). но уже 25-го сообщил письмом, что приступил к хлопотам. Кроме Рютледжа, Бабеф обратился также к профессиональному адвокату Милле де Гравеллю [127].

«Мое мужество совершенно не сломлено, несмотря на то, что я брошен в тюрьму»,— это выражение Бабеф повторил дважды в своих письмах из Консьержери. 25 и 27 мая Оно соответствует фактам.

Прежде всего Бабеф попытался подорвать формальную, юридическую базу, на которой покоилось обвинение. В заметках, составленных им сейчас же после первого допроса, он указал на целый ряд нарушений юридической процедуры: предварительное следствие по его делу не проводилось; постановление суда было принято

[127] Сообщение Адвиелля (Op. cit., v. I, p. 86—88), повторенное Ж. Вальтером, о том, что Бабеф обратился к «знаменитому адвокату» Мирбеку (Mirbeck) с просьбой быть его защитником, ничем не подтверждается. К тому же опубликованное Адвиеллем письмо к Мирбеку — в нашем архиве оно не сохранилось — написано из тюрьмы Шатле, тогда как Бабеф находился все время в Консьержери. Возможно, что оно было написано Бабефом по чьей-либо просьбе.

не в присутствии трех судей, как того требовал декрет Учредительного собрания, а только прокурором и двумя его заместителями. Генеральный прокурор заявил на заседании, что в деле «не было доносчика» (закон запрещал возбуждать дело по доносу) и оно было начато на основании полученных донесений. «Кто их присылал? — спрашивал Бабеф в своих заметках.— Что касается меня, я это хорошо знаю. Но не странно ли декретировать арест на основании самых неопределенных сведений?.. Разве не очевидно, что тот, кто их сообщал, является доносчиком? Генеральный прокурор обязан указать, кто те лица, которые посылали эти сообщения» [128]. С полным основанием Бабеф указывал на то, что парижский податной суд вообще не компетентен разбирать его дело. Если его обвиняют в подстрекательстве к вооруженному восстанию, его должен судить Шатле — единственный суд, который после революции занимается политическими процессами; если же его обвиняют в неподчинении местным податным властям, его должен судить в первой инстанции трибунал дистрикта в Мондидье, но отнюдь не парижский податной суд, который может заняться этим делом лишь в кассационном порядке [129].

Эта шаткость юридической стороны дела стала очевидной, по-видимому, и следственным органам, которые занялись разбором дела. Недаром уже 25 мая Рютледж писал Бабефу после посещения податного суда, что к нему относятся благожелательно. «У меня создалось впечатление,— писал он,— что все они упрекают вас только в чрезмерном рвении, которое в нынешних обстоятельствах может стать чрезвычайно опасным». Так как в податном суде Рютледжу заявили, что основанием для приказа об аресте явилось письмо следственного комитета Собрания, он посетил и этот комитет, где, по его мнению, также сложилось «лестное» мнение о Бабефе, «все сводится только к упреку в неблагоразумии» [130].

Одновременно с юридическими хлопотами Бабеф сразу же установил связь с Руа, стремясь опереться и на поддержку своих единомышленников. 27 мая он писал своим «согражданам»: «Я отомщу своим преследователям тем, что буду продолжать действовать в общественных интересах... Успокойтесь, я первая жертва дурных сограждан, но я останусь единственной... Люди моего характера умеют переносить страдания, они готовы даже умереть для общего блага... Удар был нанесен из нашего города, и вы, конечно, это знаете» [131]. К письму Бабеф приложил проект «аттестации», в котором его деятельность в Руа оценивалась как вполне «патриотическая», и обратился с просьбой «обойти сейчас же все дома» и собрать подписи под этой «аттестацией», поскольку нельзя терять

---

[128] ЦПА ИМЛ, 31 и 44 В I («Observations sur les défauts de forme dans le procès du sieur Babeuf», 23 mai 1790).

[129] ЦПА ИМЛ, 45 В I.

[130] ЦПА ИМЛ, 76 В V.

[131] ЦПА ИМЛ, 40 В IV.

ни одной минуты [132]. Бабеф обещал писать в Руа каждые два-три дня.

25 мая в Париж приехала жена Бабефа с сыном [133]; в тот же день она посетила, вместе с Рютледжем, следственный комитет [134]. Первое свидание состоялось 26 мая, а уже 30 и 31 мая Бабеф направил жену обратно, в Пикардию. Возможно, что это было связано с полученным из Руа ответом, датированным 27 мая. Его автор, Губо (Goubau), ведший непрерывную переписку с Бабефом во время его пребывания в Париже, сообщил, что «письмо Бабефа произвело огромное впечатление (sensation) на все умы и было обсуждено наиболее ревностными патриотами города» [135]. На собрании было «декретировано», однако, обратиться к Бабефу с просьбой «поступиться своим самолюбием» и несколько смягчить текст «аттестации». То, что им прислано, не может «пленить» тех, кто «склоняется к поддержке наших планов». От Бабефа требовали ясного заявления о том, что в своей деятельности он не стремился подорвать значение декретов «августейшего собрания», так как иначе «чрезмерность вашего рвения... может напугать и вызвать нерасположение к вам» [136].

Свой ответ Губо Бабеф, очевидно, направил через жену. Он наметил для нее целый маршрут недельной поездки по всей Пикардии, во время которой она должна была посетить не только Руа, но и Нуайон, Мондидье, Перонн, Сен-Кантен, все важнейшие центры, в которых распространялась петиция Бабефа, и указал имена всех лиц, вожаков движения против косвенных налогов, с которыми она должна была встретиться [137]. Просимую у него уступку Ба-

---

132 Там же

133 ЦПА ИМЛ, 31 В IV. Узнав об их приезде, Бабеф написал сыну: «Здравствуй, мой дорогой Робер, который явился в Париж ради своего отца. Он чувствует себя хорошо, мой милый маленький товарищ. Ты его скоро увидишь, не вечно он будет сидеть в тюрьме, он еще будет играть с тобой». Бабеф обратился с просьбой, чтобы его сыну было разрешено находиться с ним вместе в камере: «Я просил об этом как о милости у своих тюремщиков. Бесчувственные отказали мне»,— писал он в тот же день графу Лораге (ЦПА ИМЛ, 30 В V).

134 25-го Бабеф писал Рютледжу: «Вероятно, вам не удалось встретиться вчера с генеральным прокурором, чтобы получить разрешение на то, чтобы г-жа Бабеф и мой сын могли меня посетить» (ЦПА ИМЛ, 31 В IV). 26 мая он писал: «Приходите навестить меня, все те, кто является моими друзьями, сейчас это разрешено. Я жду мою дорогую жену, моего милого сына и с ними всех, кто захочет их сопровождать. Время, которое пройдет до их прихода, покажется мне более продолжительным, чем все мое пребывание здесь» (ЦПА ИМЛ, 29 В IV).

135 ЦПА ИМЛ, 21 В V.

136 Там же. Один из корреспондентов Бабефа во время его пребывания в Консьержери, граф Лораге, проживавший в окрестностях Нуайона, в Маникане, писал ему 25 июня: «Почему ваши сограждане из Руа не сообщают в следственный комитет о той живейшей симпатии (le vif intérêt), которую они к вам испытывают» (ЦПА ИМЛ, 40 В V).

137 ЦПА ИМЛ, 42 В I. «Уехать из Парижа в понедельник 31 мая с тем, чтобы приехать в Руа во вторник 1 июня вечером. В среду отправиться в Маникан. В четверг 3-го, вернуться в Нуайон и в Руа. В пятницу, 4-го, отправиться

беф, по всей вероятности, сделал, так как 7 июня, уже после приезда жены Бабефа в Руа (о чем сообщил Губо), аттестация была выслана [138].

Бабеф ни минуты не сомневался откуда был «занесен удар». В одной из поданных им жалоб он писал: «Проситель с полным основанием может приписать все произошедшее личной мести, источником которой явилось озлобление тех, кто враждебно относился к его (Бабефа.— *В. Д.*) попыткам заставить их выполнять свой гражданский долг... Он имеет в виду должностных лиц муниципалитета города Руа, а именно, г. Билькока-старшего, мэра муниципалитета и général-lieutenant бальяжа, и г. Билькока-младшего, прокурора-синдика муниципалитета и королевского прокурора бальяжа. Эти два человека задают тон и определяют действия всех окружающих; они одни руководят муниципалитетом Руа; именно их проситель восстановил против себя, непрерывно мужественно указывая на многократные нарушения ими законов и национальных декретов в личных интересах, во имя своего тщеславия или честолюбия; вот из-за чего они обратились на него с доносом в податной суд и изобразили его мятежником» [139].

Все свое возмущение действиями Бильвоков, добившихся его ареста, Бабеф выразил в стихах, которые он набросал в первые же дни пребывания в тюрьме:

О, лик ужасный свой, спешите скрыть, злодеи!
Осмелитесь ли вы при свете дня предстать?
Ваш час пробил! Мы стали все мудрее
И гнета, и оков сумеем избежать.
Ты, верный наш Руа, изведал вероломство,
Ты долго был в цепях, наш город-патриот!
Тиранов имена запомним для потомства,
Их черных дел позор падет на целый род.
Чтоб город наш родной был славен, как когда-то,
Бильвоков имя пусть исчезнет без возврата [140].

в Мондидье, к г-ну Русселю, и вернуться в Руа. В четверг, 5-го (так в тексте.— *В. Д.*) отправиться в Перонн, к г-ам Ферне, Навье, Домону, г-же Тюрбо и владельцу кофейни Арте (Harlé). Оттуда направиться в Сен-Кантен и там переночевать. В пятницу, 6-го, побывать у пивоваров, гг. Камбронна и Сонье, вернуться в Руа и там ночевать. В субботу, 7-го, выехать и вернуться в Париж в воскресенье, 8-го». Во время своего пребывания в Париже семья Бабефа проживала у Одиффре; на адрес Одиффре направлялись и письма всех корреспондентов Бабефа.

[138] ЦПА ИМЛ, 22 В V. «Прилагаю аттестацию, подписанную большим числом граждан этого города, стремившихся воздать вам справедливость, которую, как каждый считает, вы вполне заслуживаете».

[139] ЦПА ИМЛ, 101 В I (13 июня 1790 г.).

[140] ЦПА ИМЛ, 39 В IV. Перевод И. Е. Левиной.

Cachez donc, Scélérats, vos monstrueux visages!
Oseriez-vous encore les présenter au jour?
Votre règne est passé; devenus tous plus sages
Nous saurons pervers éviter le retour.
O toi, ville de Roye, o, cité patriote!

Тогда же, в Консьержери, Бабеф начал составление подробного «мемуара» об истории своего пребывания в Руа и конфликта с Билькоками, который он, очевидно, собирался издать [141].

Изучение всей истории ареста Бабефа показывает, что он не ошибался в своих предположениях. Бабефу нетрудно было доказать, что главное обвинение, выдвинутое Билькоками, было основано на явном подлоге: «афиша» 15 марта вовсе не содержала призыва «к оружию».

Но на помощь обвинению пришло совершенно неожиданное обстоятельство: майское письмо Бабефа «солдата-гражданина г. Руа, в Пикардии», его ответ следственному комитету появился в реакционнейшей газете, издававшейся Риваролем, «Деяния апостолов». Следственный комитет Учредительного собрания получал как будто бы чрезвычайно веское и убедительное подтверждение, что деятельность Бабефа на руку и целиком поддерживается контрреволюцией. Рютледж, узнавший об этом в следственном комитете, просил Бабефа представить немедленные объяснения. «Благоприятному отношению ко мне в комитете,— писал по этому поводу Бабеф члену комитета, виконту де Макэ (Macay),— помешало обнаружение письма, подписанного мною, в «Деяниях апостолов»..., загадка, почти необъяснимая» [142].

Раздобыв в тюрьме инкриминировавшийся ему номер газеты, в котором, действительно, было напечатано его письмо [143], Бабеф, однако, без труда нашел объяснение этой загадки. Все началось с злополучной копии обращения в следственный комитет, посланной, как мы помним, Бабефом 10 мая в Нуайон, Девену. Девен, по-видимому, поспешил сообщить ее графу Лораге, проживавшему в окрестностях Нуайона. Лораге, двоюродный брат Барраса, позднее, в годы Директории, бывший одно время политическим единомышленником Сен-Симона [144], представлял собой очень колоритную и любопытную фигуру. Представитель аристократической оппозиции монархии, Лораге неоднократно при старом порядке

Tu portas trop longtemps les fers de ces tyrans,
Mais de leurs noms flétris tu garderas la note,
L'opprobre en jaillira sur tous leurs descendants,
Oui, oui, nom Billecocq, pour assurer ta gloire,
Tu dois perdre à jamais l'odieuse mémoire.

Эти стихи Бабеф написал на листке, на котором он начал обращение по своему делу, датированное 30 мая 1790 г.

[141] ЦПА ИМЛ, 49 В I. 26 июня 1790 г. Бабеф писал Лораге о «подробном мемуаре», который он готовит: «Как только рукопись будет закончена, я буду иметь честь выслать ее вам» (ЦПА ИМЛ, 56 В IV). Подробные выдержки из этого, оставшегося незаконченным «мемуара» приведены нами выше, в гл. V.

[142] ЦПА ИМЛ, 52 В IV.

[143] «Actes des Apôtres», № 117 (Ленингр. б-ка Академии наук).

[144] См. A. Mathiez. Saint-Simon. Lauraguais, Benjamin Constant et le régime de la constitution (AHRF, 1929, t. VI); см. также A. Mathiez. Le Directoire, ch. VII.

подвергался высылке и арестам. Очень положительно отнесшийся к революции в самом ее начале, он скоро изменил свою позицию. Однако его критика Учредительного собрания имела своеобразные черты: осуждая буржуазное собрание, он охотно подчеркивал антинародный характер его политики и стремился установить какой-то контакт с левыми кругами. «Я счастлив,— писал он Бабефу,— что демократические писатели поняли, что Национальное собрание под видом борьбы с химерической контрреволюцией осуществляет переворот, обеспечивающий создание чудовищной аристократии» [145]. Естественно, что Лораге ухватился за присланное ему письмо Бабефа. Он его несколько «препарировал», опустил некоторые фразы, заострил все, что было направлено против Учредительного собрания, издал в таком виде отдельной брошюрой [146] и послал Риваролю для напечатания в «Actes des Apôtres».

Умный и острый журналист, беззастенчивый демагог, Ривароль сразу понял, что дело Бабефа может быть использовано реакцией как выгодный аргумент для доказательства того, что буржуазное собрание насаждает «новый деспотизм». Он не ограничился поэтому напечатанием письма Бабефа; он вернулся к этому делу вторично, уже после ареста Бабефа.

В мае — июне 1790 г. Ривароль вынужден был покинуть Париж. Он поселился в окрестностях Нуайона, по всей вероятности, в Маникане, у того же Лораге. Здесь, под псевдонимом «Соломон» он возобновил издание своей газеты (может быть, в типографии того же Девена, человека не слишком разборчивого там, где дело шло о получении заказов), под названием «Journal politique-national» [147]. Для этой газеты Ривароля (Симолин регулярно пересылал ее в С.-Петербург) характерна была двойная социальная демагогия. Ривароль, с одной стороны, запугивал буржуазию призраком «аграрного закона» и угрозой неизбежного выступления «бедняков» против собственности: «До сих пор происходила революция бедняков и завистников; бедняки, возмутившиеся против богачей, и буржуа против дворян объединились в своей ярости. Однако разрыв приближается... Вы сломили плотины и открыли путь потоку, но вы не введете его в то узкое ложе, которое вы ему приготовили... Уже в некоторых кантонах провозглашен аграрный закон» [148].

---

[145] ЦПА ИМЛ, 42 B V (Lauraguais à Babeuf, 3 août 1790).

[146] À Messieurs du Comité des recherches de l'Assemblée Nationale. 10 mai 1790, [s. l.] (BN, Ln [27] 877).

[147] «Journal politique-national publié par M. Salomon, à Cambrai». Как отмечал в 1866 г. Гатен в своей «Библиографии периодической печати», «этот г. Соломон не кто иной, как Ривароль, который, как говорят, после того, как он вынужден был оставить Париж, продолжал свои филиппики в деревне, вблизи Нуайона» (E. Hatin. Bibliographie de la presse périodique. Paris, 1866, p. 137).

[148] «Journal politique-national», N 3, p. 28; N 4, p. 43—44. Этот номер газеты Ривароля был приложен Симолиным к его донесению за № 61, 5 (16) июля 1790 г. (АВПР, ф. «Сношения России с Францией», опись 93/6, д. № 478).

В то же время Ривароль стремился восстановить народные массы против своекорыстной, буржуазной политики Учредительного собрания. Так, он доказывал, что вся операция с конфискацией церковных имуществ будет выгодна только спекулянтам. Народ надеется, что после того, как церковь лишится имуществ, придет конец всем его бедствиям, будут уничтожены налоги. В действительности, «церковь предают капиталистам». «Неужели вы думаете,— писал Ривароль,— что спекулянты, которые сменят священников, придут на помощь беднякам? У вас другой класс врагов: это спекулянты, вампиры государства, которые разоряют вас каждый день... Вы трудитесь только для них, вы существуете только для них» [149]. Стремясь натравить народ против революции, Ривароль настойчиво доказывал, что Учредительное собрание фактически лишает народ суверенитета. Именно в этой связи он и вернулся в третьем номере своей газеты [150] к делу Бабефа и его аресту: «Некоторые честные демократы, поверив на слово первым декретам, не заметили той перемены, которая произошла в Национальном собрании, и стали жертвой этого. Так, один из них, Бабеф, честный пикардиец, возомнивший, что после того как французы стали свободными, они могут сеять резолюции на улицах и табак на полях, был тайно силой похищен ночью из своей кровати вооруженным отрядом, как это делали когда-то Сартины и Ленуары. Его отправили из Руа в Париж, где он заключен в тюрьму на основании приказа податного суда. Эти случаи во времена свободы становятся все более частыми. Так как Национальное собрание гораздо больше заботится о том, чтобы заполнить тюрьму Шатле, чем старое правительство заботилось о заполнении Бастилии (потому что старое правительство вообще ни о чем не заботилось), нужно надеяться, что мы скоро получим историю Шатле, гораздо более интересную, чем истории Бастилии» [151].

Получив в Консьержери № 17 «Actes des Apôtres», Бабеф сразу убедился, что он стал жертвой реакционного маневра [152]. «Я увидел все мои фразы,— писал он 18 июня в следственный

[149] «Journal politique-national», № 1.

[150] Этот номер газеты стал известен Бабефу. В его бумагах есть такая заметка: «Ривароль. Этот мудрый Соломон» («Rivarol. Le sage Salomon») (ЦПА ИМЛ, 106 В IV).

[151] «Journal politique-national», № 3, p. 35 note. Последнюю фразу приведенной статьи Бабеф использовал в одной из своих рукописей.

[152] Еще находясь в Пикардии, Бабеф столкнулся с попыткой контрреволюционеров использовать в своих интересах его борьбу с декретами Учредительного собрания. В апреле 1790 г. на адрес Девена был прислан реакционный памфлет «Предупреждение нации». В архиве сохранился в связи с этим документ с пометкой: «Сообщение Ф.-Н. Бабефа»: «Г-н Девен, типограф и книгопродавец в Нуайоне, получил по почте 14 апреля 1790 г. анонимный памфлет со штампом Сен-Кантена». Бабеф осуждал контрреволюционное направление памфлета: «Злые люди могут говорить, что им угодно; Национальное собрание сильнее, чем когда бы то ни было; декретировав уничтожение церковной десятины, оно бесповоротно привлекло на свою сторону 100 тысяч граждан-земледельцев во всех уголках наших провинций» (ЦПА ИМЛ, 41 В I).

комитет,— но изуродованные, а мое письмо совершенно искаженным и неузнаваемым»[153]. Роль Лораге во всем этом была очевидна Бабефу, так же как не оставалась для него секретом связь между Лораге и «Соломоном-Риваролем». Составляя несколько позднее список документов, которые могли бы послужить оправданием его поведения, Бабеф включил и письма Лораге и указал, что он ответил на них «соответствующим образом», так как считал, что эти письма были «коварными» и исходили от «плохого гражданина, скрывавшего у себя автора одного периодического очень антипатриотического издания»[154]. Бабефу не стоило труда доказать, что он был непричастен к печатанию его письма в «Деяниях Апостолов», к тому же в искаженном виде[155]. Следует, однако, отметить, что, несмотря на это, Бабеф продолжал свою переписку с Лораге в течение всего лета 1790 г.[156]

Поскольку Бабефом были подорваны основы выдвинутого против него обвинения, он рассчитывал на свое освобождение. 22 июня, когда истек месяц его пребывания в Консьержери, он писал прокурору податного суда: «Против меня не существует никаких обвинений, серьезность которых требовала бы продления моего ареста»[157]. Однако податной суд не собирался выпускать Бабефа из своих рук. Бабеф писал Лораге 26 июня: «Я рассчитывал на свое освобождение четыре дня назад, но сейчас оно отложено»[158]. На этот раз от Бабефа потребовали указать лицо, которое он считает достаточно авторитетным для того, чтобы призвать к возобновлению уплаты налогов. «Господа из податного суда пожелали узнать, есть ли в Пикардии лицо, на которое я мог бы положиться как

---

[153] ЦПА ИМЛ, 52 В IV.

[154] ЦПА ИМЛ, 40 В IV. О связи Лораге с Риваролем и его газетой можно судить еще по следующему обстоятельству. Подписку на газету Ривароля принимал, судя по объявлению в «Journal politique-national», некий Тюрпен («M. Turpin, négociant, rue des Fossés Monmartre, № 25 à Paris»). Между тем Лораге в одном из своих писем Бабефу в Париж (3 августа) просил пересылать все интересующие его газеты «через г. Тюрпена» (ЦПА ИМЛ, 42 В V).

[155] «Ma lettre au Comité des Recherches que M. de Lauraguais a tronquée» (ЦПА ИМЛ, 40 В IV).

[156] В ЦПА ИМЛ сохранились письма, адресованные Бабефом Лораге от 25 мая (30 В IV) и 20 июля (60 В IV), а также письма Лораге Бабефу 14 июня (39 В VI), 25 июня (40 В V), 20 июля (41 В V), 30 июля (42 В V), 3 и 4 августа (42 и 43 В V). После этого переписка была прервана, сохранилось лишь одно письмо Лораге 1792 г. (44 В V). В архиве деп. Соммы хранятся четыре письма Лораге Бабефу (AD de la Somme, F^{129}). Из одного из них (от 30 июля 1790 г.) Бабеф, возможно, впервые узнал имя Сен-Жюста. Лораге писал, что он осажден в своем замке: «Я нахожусь в центре восстания, которое поднял в окрестностях один головотяп (un brouillon) из Блеранкура, по имени Сен-Жюст... Так как мой дом окружен широким рвом, наполненным водой, я живу в нем, как в крепости, но я умру от голода, если иссякнет запас муки» (AD de la Somme, $F^{129}/_4$).

[157] ЦПА ИМЛ, 53 В IV.

[158] ЦПА ИМЛ, 56 В IV. 24 июня Ж.-Б. Бабеф писал брату: «Я ожидал двадцатого числа, что ваше заключение закончится, на что вы выражали надежду в своем последнем письме» (ЦПА ИМЛ, 32 В VI).

на самого себя, обладающее достаточным влиянием на умы, чтобы добиться всеобщего согласия на возобновление взимания налогов до окончательного постановления Учредительного собрания»[159]. Когда Бабеф ответил, что он «может положиться только на самого себя», генеральный прокурор суда Клемент де Барвилль предложил ему написать обращение ко всем муниципалитетам и жителям Пикардии с предложением возобновить уплату налогов. Уже одно это показывает, какое значение приписывалось в Париже влиянию «пикардийского Марата»!

Предложение это ставило Бабефа в затруднительное положение. Своим отказом он давал бы явный козырь в руки обвинения (тем более, что Бабеф знал мнение Губо и других ближайших своих сторонников, настаивавших на такой же формуле). Дать согласие Бабеф явно не хотел. Оставалось лавировать, чтобы выиграть время. Он дал достаточно остроумный ответ: недаром один из его бывших сотрудников, Гюг Рашар, писал позднее, что очень хотел бы ознакомиться с его «греческими ответами меркантильным судьям...»[160]. Не отклоняя, в принципе, предложения об издании подобного «циркуляра»[161], Бабеф настаивал, что рассылка его из тюрьмы совершенно нецелесообразна: «Если будет указано, что он посылается из Консьержери... произведет ли он то впечатление, какое можно от него ожидать? Не скажут ли, что это фальшивый документ, который мне только приписывают? Если его и сочтут подлинным, то не скажут ли, что меня к этому вынудили?.. Не лучше ли, если он будет начинаться словами: «Мне возвращена свобода, и вскоре я вернусь к нашим очагам»»[162].

Соглашаясь вступить в переговоры, Бабеф надеялся добиться своего немедленного освобождения, но как раз этого-то податной суд — послушное орудие «генеральных откупщиков» — и не хотел. «Эти люди,— писал Бабеф своей жене 20 августа 1790 г.,— хотели только купить у меня письмо и заплатить за него... одними лишь обещаниями»[163].

Бабеф нашел, однако, другой, гораздо более действенный метод воздействия на «вампиров фиска».

VI

Арест Бабефа был далеко не единичным мероприятием. Государственный аппарат и «генеральные откупщики» все еще рассчитывали с помощью репрессий сломить сопротивление уплате косвенных налогов. Когда Бабеф писал: «...это дело является первым

---

[159] ЦПА ИМЛ, 54 В IV (25—26 июня).
[160] ЦПА ИМЛ, 71 В V (Hugue Rachard à Babeuf, 20 août 1790).
[161] Бабеф выработал даже его проект (ЦПА ИМЛ, 57 В IV — 28 июня 1790).
[162] ЦПА ИМЛ, 54 В IV.
[163] ЦПА ИМЛ, 46 В VIII.

проявлением ярости публиканов против энергии патриотов, и, если я выйду побежденным из этой борьбы... я буду только первой жертвой, первым мучеником аристократии, но вскоре,— увы,— в список умерших в результате юридических убийств войдет больше трех четвертей нынешнего поколения» [164], он, конечно, страшно преувеличивал. Но его арест действительно открыл целую полосу репрессий. В июне 1790 г., по настоянию податного суда (Cour des Aides) в Париже начались массовые преследования лиц, обвинявшихся в поджоге и уничтожении застав вокруг столицы 12 июля 1789 г. 16 июня в Париже, в квартале Куртиль были арестованы 8 человек по обвинению в сожжении застав. 18 июня были произведены новые аресты. Все задержанные лица были заключены в Консьержери. Так как количество участников событий 12 июля исчислялось тысячами, эти аресты не могли не вызвать недовольства в столице.

Первым забил тревогу маратовский «Ami du peuple». На его столбцах 19 июня появилась заметка — «Новость, сообщенная автору»: «Сегодня, 16 июня, в три часа утра, раскрылись ворота Консьержери,— семь граждан и одна гражданка из квартала Куртиль, в предместье Тампль, были схвачены в постели посреди ночи» [165]. Марат сопроводил это письмо сочувственной статьей: «Восемь несчастных из предместья Тампль являются первыми жертвами пиявок государства, самых злостных врагов революции». Если можно привлекать к ответственности людей, сжегших 12 июля заставы вокруг Парижа, кто может поручиться, что не станут преследовать и тех, кто 14 июля уничтожил Бастилию.

25 июня очередной номер маратовской газеты вышел под заголовком: «Новое покушение генеральных откупщиков и податного суда против пяти граждан, в том числе одного офицера Национальной гвардии. Чудовищный заговор, возвещаемый этим». В газете была напечатана пространная (почти на четырех страницах) «Информация, присланная автору из Консьержери», начинавшаяся словами: «Вчера, 18-го, в два часа утра в Консьержери были заточены еще четверо мужчин и одна женщина, проживающие в квартале Куртиль» [166]. Сообщая о тяжелых условиях, в которых находятся арестованные, автор «Информации» писал: «Дело идет о подлинном заговоре против нации, о совершенно новом плане контрреволюции. Утверждают, что заготовлено от пятисот до шестисот приказов об аресте граждан Парижа под тем предлогом, что они участвовали в сожжении застав 12 июля 1789 г.»

Автором обеих корреспонденций был не кто иной, как Бабеф. Об этом имеется свидетельство самого Марата. В одном из после-

---

[164] ЦПА ИМЛ, 31 В I.

[165] «L'Ami du peuple», № CXXXVIII, 19 juin 1790 («Horrible attentat des fermiers généraux et de la Cour des Aides contre huit infortunés, jettés dans les cachots de la Conciergerie»).

[166] «L'Ami du peuple», № CXLIV, 25 juin 1790.

дующих номеров газеты (4 июля) он писал: «Сведения, которые я печатал, когда бил тревогу 19 и 25-го прошлого месяца, были адресованы мне из тюрьмы Консьержери достойным человеком, томящимся в ней уже больше пяти недель, все еще не освобожденным, имя которого я скрывал до сих пор, чтобы не подвергнуть его тайной мести злодеев» [167]. Возможно, что связь с Маратом Бабефу удалось установить через Рютледжа, который и сам обязан был своим освобождением Марату.

Выступление «Ami du peuple», инициатором которого, как мы видели, был Бабеф, придало делу «поджигателей застав» широкий общественный резонанс. В него вмешались наиболее демократические дистрикты Парижа. Из архива Бабефа мы узнаем о выступлении дистрикта Notre Dame de Nazareth, направившего свой протест в Учредительное собрание с просьбой «прекратить возмутительную судебную процедуру, вызвавшую уже слишком много жертв» [168]. Протест этот, несомненно, не был единичным. Во всяком случае 1 июля этим делом занялось Учредительное собрание. Докладчик Мюге, указав, что, по предложению генерального прокурора податного суда, 10 мая было издано 80 приказов об арестах, выделил в своем сообщении как раз те аресты 16 и 18 июня, о которых шла речь в бабефовских корреспонденциях. При возражениях только со стороны архиреакционера аббата Мори Собрание приняло декрет, осуждавший мероприятия податного суда. «Учитывая, что процедура, начатая парижским податным судом... с целью преследования участников сожжения застав, имевшего место в июле 1789 г., может породить тревогу не только в столице, но и во всех департаментах, где могут быть начаты такие же преследования», Учредительное собрание постановило прекратить начатое 24 февраля дело по поводу сожжения застав и «освободить всех лиц, арестованных на основании приказов, исходивших от парижского податного суда» [169].

Это решение имело совершенно очевидное отношение и к Бабефу. Оно, однако, не сразу было к нему применено. Бабефу пришлось продолжать борьбу за свое освобождение.

Как раз в это время он решился на очень трудный и смелый шаг: находясь в Консьержери, Бабеф начал издание своей собственной газеты. 1 июля вышел первый номер «Газеты конфеде-

---

[167] «L'Ami du peuple», N CLIII, 4 juillet 1790. В архиве сохранился отрывок неотправленного письма Бабефа: «Сударь! Я ожидал, что найду в сегодняшнем номере вашей газеты продолжение страшного заговора, который ткут против родины податной суд и откупщики» (ЦПА ИМЛ, 50 В I). Содержание письма не оставляет сомнения, что оно предназначалось Марату и вызвано было, вероятно, перерывом в печатании писем Бабефа: первое, отосланное 16-го, было опубликовано 19 июня, второе (высланное 19-го) было напечатано 25-го, а третье только 4 июля.

[168] ЦПА ИМЛ, 52 и 53 В I, 58 В IV.

[169] «Moniteur» (réimpression), v. 5, p. 23—24. См. также выписку в бумагах Бабефа «Extrait du procès-verbal de l'Assemblée Nationale. Séance du premier juillet 1790» (ЦПА ИМЛ, 41 В III, с пометкой Бабефа: «1 июля 1790»).

рации», названной так в связи с приближением праздника Федерации, назначенного на 14 июля, день первой годовщины революции [170].

2 июля Бабеф писал из тюрьмы владелице типографии, г-же Менье: «Газета Конфедерации» должна быть хорошо принята не только из-за важности тем, которые будут в ней освещаться, но из-за самого названия. Трудность состоит в том, что редактор находится в таком положении, что он совершенно лишен возможности вести переговоры о печатании и распространении, иначе чем через посредников, которые уже грубо его обманули. Но в ближайшие четыре-пять дней он сможет с вами встретиться. В ожидании этого не согласитесь ли вы взять на себя печатание газеты и ее распространение и сообщить, сколько вы можете платить автору за каждый номер; достаточно одного слова ответа, и через час вы получите второй номер газеты, который должен появиться завтра же» [171]. 3 июля действительно появился второй номер газеты [172].

Оба первых номера газеты были почти целиком посвящены делу «поджигателей застав». Это видно уже из заголовка первого номера «О чудовищном заговоре генеральных откупщиков и парижского податного суда против всех добрых граждан столицы и королевства. Имена всех уже арестованных граждан и вопиющие оскорбления, которым они подвергаются. Неслыханное варварство по отношению к несчастным заключенным. Усовершенствованный режим Бастилии, применяемый в обычных тюрьмах столицы. Пренебрежение к предстоящему празднику Федерации. Беззаботность или ослепление французского народа по отношению ко всем покушениям на его свободу» [173].

Во втором номере газеты Бабеф напечатал полностью постановление дистрикта Notre Dame de Nazareth с требованием прекращения арестов и дал ему самую высокую оценку: «Честь и слава высокопатриотическому дистрикту! Слава и хвала нашим бравым законодателям, которые на основании этого требования, достойного того, чтобы его сто раз приветствовали, приняли вчера, 1 июля, декрет» [174].

Бабеф собирался в эти дни обратиться непосредственно к парижским дистриктам и якобинскому обществу. Сохранился незаконченный проект этой петиции, озаглавленный: «Обращение г. Бабефа, апостола и мученика доброго дела, к 60 дистриктам Парижа, к патриотическому обществу якобинцев, ко всем участникам дня Конфедерации 14 июля и всем французским патриотам. Срыв им заговора генеральных откупщиков и податного суда, собирав-

[170] «Journal de la Confédération», N 1 [s. l., s. d.].

[171] ЦПА ИМЛ, 58 В IV. Письмо было адресовано г-же Менье, улица Gît le coeur и подписано «Ноэль».

[172] «Journal de la Confédération», N 2, du 3 juillet 1790. De l'imprimerie de Laillet et Garnéry, rue Serpente, N 17.

[173] «Journal de la Confédération», N 1, Appel au peuple.

[174] «Journal de la Confédération», N 2.

шихся отправить на виселицу 2 миллиона французов. Предложение, вместо всякого вознаграждения, освободить его из тюрьмы для того, чтобы он насладился зрелищем федеративного пакта, а затем арестовать вновь»[175]. Изложив историю «Постоянного кадастра», своей петиции и заточения в Консьержери, Бабеф просил поддержки, так как иначе откупщики не выпустят его из своих рук: «Как я могу рассчитывать на справедливость? Моим судьей должно быть отечество. Генеральные откупщики никогда не станут судить меня беспристрастно, потому что я подорвал основу их учреждений. Их сторонники никогда не простят мне, что я обнаружил их чудовищные злоупотребления, целый муравейник несправедливостей самого отвратительного из всех режимов»[176].

Отсылать эту петицию уже не пришлось: 6 или 7 июля Бабеф был освобожден.

Большую роль в его освобождении сыграл Марат. 4 июля газета Марата вышла под заголовком: «Неудача заговора податного суда, откупщиков и министра финансов. Страшное покушение этих заговорщиков против превосходного патриота, заключенного в Консьержери. Обращение ко всем честным гражданам о необходимости обуздания этих угнетателей». Почти весь номер газеты был посвящен Бабефу. Сообщив о решении Учредительного собрания и подчеркнув, что он «первым разоблачил страшный заговор против граждан, поднявших в Париже знамя национального восстания, заговор, гнусными участниками которого были откупщики и податной суд», Марат сообщил, что все сведения из Консьержери были получены им от «достойного человека», все еще томящегося в этой тюрьме.

Вслед за этим он привел третье письмо, полученное от Бабефа[177], и со всей присущей ему страстностью выступил на его защиту. «Я разоблачаю сегодня,— писал Марат,— преступление в сто раз более страшное, чем то, которое было совершено против мнимых поджигателей застав, и вызывающее в сто раз бо́льшую тревогу у всех честных граждан, потому что предметом его явился

[175] ЦПА ИМЛ, 54 В I («Adresse du sieur Babeuf. Apôtre et Martyr de la bonne cause aux 60 Districts de Paris, à la société patriotique des Jacobins et à tous les membres de la Confédération du 14 juillet et à tous les patriotes français»).

[176] ЦПА ИМЛ, 54 В I.

[177] «L'Ami du peuple», N CLIII, 4 juillet 1790. В обращении, адресованном «Другу народа. Консьержери, 1 июля», написанном еще до решения Учредительного собрания, Бабеф сообщил о смягчении режима для арестованных по делу об уничтожении застав: «Поздравьте себя с тем, что вы разразились громом над головами гнусных публиканов». Арестованных уже не допрашивают ночью, с них сняли кандалы, между ними существует общение, но допросы все еще производятся втайне. «Гремите, гремите,— призывал Бабеф,— против этих последних надругательств... Пришло время неустанно возбуждать все умы против посягательств этих привилегированных разбойников, которым отдано было на откуп королевство. Уже дистрикты заступаются за одиннадцать заключенных. Уже многие предпринимают смелые действия, чтобы добиться освобождения мучеников за доброе дело: поддержите храбрецов, способных воспринимать полезные истины...» (Ibidem).

человек, имеющий заслуги перед обществом, потому что его дело должно заинтересовать всю нацию. Этот заслуживающий уважения человек — Бабеф, гражданин Руа». Изложив (вероятно, по письму, присланному ему самим Бабефом) содержание петиции, «поддержанной 800 коммунами в Пикардии, в окрестностях городов Перонна, Сен-Кантена, Руа, Мондидье, пославших 800 экземпляров петиции в Учредительное собрание», Марат приглашал журналистов «проанализировать это превосходное произведение». Он призывал парижских демократов Суле, Пакена, Бентабола «отправиться в Консьержери, нанести патриотический визит нашему брату Бабефу, поддержать его мужество, оказать ему помощь и изыскать средства путем распространения его книги для поддержки его в нужде. Друг народа гордился бы, если бы он оказался их спутником, но он сам является пленником. Он возлагает этот священный долг на их сердца. Мысленно он будет повсюду следовать за ними и будет рад доброму делу, которое они совершат»[178].

6 июля в газете, в начале номера, появилась еще одна заметка, озаглавленная: «Статья, пропущенная в предыдущем номере». «Друг народа требует для угнетенного Бабефа, заключенного в Консьержери, такой же великодушной помощи, какую дистрикты оказали мнимым поджигателям застав»[179]. Это выступление Марата сыграло, по-видимому, большую роль: через один или два дня Бабеф был освобожден[180], хотя самый приказ о его аресте не был отменен.

«Вы никогда не догадаетесь,— писал Бабеф 20 июля Лораге,— на каких условиях я выпущен из тюрьмы постановлением податного суда: не на основании отсрочки судебного разбирательства и не потому что я могу быть снова вызван для допроса (assigné pour être oui), а, поверите ли, на положении человека, о котором отдан приказ об аресте. Таким образом, я был заключен в Консьержери на основании приказа об аресте, и ворота этой тюрьмы открылись передо мной на основании все того же приказа об аресте»[181]. Бабеф достаточно убедительно изложил причины такого странного положения: «Легко угадать причины, вынудившие судей податного суда действовать таким образом. Им было известно, что я руководил движением, которое привело к принятию знаменитого декрета

---

178 «L'Ami du peuple». N CLIII, 4 juillet 1790.

179 «L'amn, du peuple». N CLV, 6 juillet 1790.

180 На проекте обращения к дистриктам, написанном Бабефом еще в тюрьме, стоит дата 6 июля (ЦПА ИМЛ, 54 В I). Между тем 8 июля в Руа пришло уже известие о его освобождении (ЦПА ИМЛ, 83 В V). По-видимому, Бабеф был освобожден 6 или 7 июля. «Мое освобождение произошло через 4—5 дней после принятия декрета» (1 июля.— *В. Д.*),— писал Бабеф (ЦПА ИМЛ, 64 В IV). В письме к кюре Мардюэлю 25 августа 1790 г. (оно сохранилось только в копии в архиве деп. Соммы) Бабеф писал, что он пробыл в Консьержери «два месяца, между 18 мая и 17 июля» (AD de la Somme, F[129]/56), но обе даты представляются нам неточными; вполне возможно, что это ошибка переписчика.

181 ЦПА ИМЛ, 60 В IV. См. «Французский ежегодник. 1960» М., 1961.

1 июля, касающегося поджигателей застав. Они видели, что мое дальнейшее пребывание в тюрьме ни к чему не приведет, что я стану только с бо́льшим ожесточением наносить самые яростные удары откупщикам. Они надеялись, что, ослабив суровость преследований, добьются того, что я смягчусь и стану не столь страшным врагом, но они хотели, чтобы я не осмеливался показаться в своей провинции, где мое присутствие, по их мнению, могло бы вызвать новое брожение и укрепить налогоплательщиков в их решимости не платить больше сборы (aides). Они не сочли возможным держать меня дольше в тюрьме по одному соображению, все значение которого вы сейчас поймете. Марат, друг народа, заявил в № 155 своей газеты (как продолжение того, что он опубликовал в своем № 153, пятьдесят экземпляров которого я вам переслал): «Друг народа требует для угнетенного Бабефа, заключенного в Консьержери, такой же великодушной помощи, какую дистрикты оказали мнимым поджигателям застав, *во имя настойчивых усилий и беспредельной преданности этого мученика за доброе дело*».

Вслед за этим сигналом тревоги, который, должно быть, очень обеспокоил откупщиков, я подготовил обращение к 60 дистриктам, будучи заранее почти уверен в благоприятном к нему отношении. Уже шла речь о том, что несколько тысяч храбрецов откроют мне двери Консьержери; вампиры фиска, которые заметили эти довольно серьезные приготовления, не осмелились дожидаться их осуществления» [182].

Бабеф всегда указывал, что в его освобождении крупнейшую роль сыграл Марат. «Я опубликовал брошюру,— писал он Менесье в 1793 г.,— против соляной подати и других обременительных налогов. Это произведение... предвосхитило уничтожение этих отвратительных налогов. Но аристократия, со своей стороны, спровоцировала приказ о взятии меня под стражу, согласно которому я должен был предстать в Париже перед тогда еще существовавшим податным судом. Марат, да, Друг народа Марат, был моим защитником в своей газете. Его пламенное перо дало мне возможность выйти незапятнанным из этого первого испытания» [183]. Примерно в это же время Бабеф писал члену центральной продовольственной комиссии, Рессону: «Марат был моим защитником: благодаря ему и его энергии, *соединенной* с *моей* (курсив наш.— *В. Д.*), мои цепи были с почетом разбиты после двух месяцев» [184]. Подчеркнутые нами слова Бабефа соответствуют действительности. Фактическим инициатором и вдохновителем всех выступлений маратовской газеты против откупщиков и в защиту «поджигателей застав» был сам Бабеф. Именно эти выступления и давление

---

[182] Там же. Подчеркнутых нами слов в тексте газеты нет. Это дает основание для предположения, что Марат использовал текст, присланный ему самим Бабефом, проредактировал его и при этом опустил последние слова.

[183] ЦПА ИМЛ, 47 B IV (15 ноября 1793 г.).

[184] ЦПА ИМЛ, 86 B IV (25 frimaire de l'An II — 15 декабря 1793 г.).

парижских дистриктов привели к решению Учредительного собрания от 1 июля и вынудили, наконец, податной суд открыть Бабефу двери тюрьмы.

VII

Находясь в тюрьме, ведя борьбу с «генеральными откупщиками» (fermiers généraux) за свое освобождение и за прекращение дела «поджигателей застав», Бабеф проявлял также живейший интерес и к другим острым вопросам, волновавшим в то время столицу и всю Францию.

Для демократических кругов Парижа наиболее важным был тогда вопрос о сохранении дистриктов. Борьба между наиболее демократическими дистриктами и умеренным парижским муниципалитетом, начавшаяся, как мы уже отмечали, еще осенью 1789 г., особенно обострилась в январе 1790 г., когда дистрикт Кордельеров, руководимый Дантоном, взял под свою защиту Марата и воспротивился его аресту. Целая военная экспедиция (около 3 тысяч человек), организованная Байи и Лафайетом, потерпела неудачу — Марату удалось уйти [185]. После этого «дело Марата» превратилось в «дело Дантона». Взбешенным руководителям парижского муниципалитета удалось добиться 17 марта приказа суда в Шатле о взятии Дантона под стражу. Одновременно был выдвинут проект муниципальной реформы, в силу которого дистрикты подлежали ликвидации. 60 дистриктов заменялись 48 секциями с новой географической конфигурацией, для того чтобы уничтожить те личные связи, которые уже сложились в дистриктах. Главным отличием секций от дистриктов должна была стать отмена непрерывности заседаний: секции должны были собираться только для выборов.

18 марта, в защиту прав дистриктов и с протестом против приказа об аресте Дантона, выступил дистрикт Кордельеров, вскоре поддержанный другими дистриктами, внесшими петицию в Учредительное собрание, где ее защищал только Робеспьер. Демократическая печать, особенно Лустало, редактор «Révolutions de Paris», очень близкий к дистрикту Кордельеров и лично к Дантону, резко критиковала проект муниципальной реформы.

Бабеф еще в Руа пристально следил за всеми перипетиями этой борьбы. Он читал № 17 и 34 «Révolutions de Paris», в которых план муниципальной реформы характеризовался как попытка «заменить министерский режим муниципальной аристократией». «Нужно ознакомиться с тем, что по этому поводу говорит редактор «Парижских революций»... в № 17 и с советом, который он дает парижанам в № 34» — писал Бабеф в Перонн 29 марта 1790 г. [186] Парижане

---

[185] A. Babut. Une journée au district des Cordeliers («Revue historique», 1903); Ц. Фридлянд. Марат и гражданская война XVIII века. М., 1959 (изд. 2-е), гл. II, стр. 250—261; А. Манфред. Марат. М., 1962.

[186] ЦПА ИМЛ, 37 В I. В № 17 «Révolutions de Paris» (31 октября — 7 ноября 1789 г.) была напечатана статья «Des moeurs, des municipalités des biens

ему последовали: «Газеты сообщают, что... на заседании 23 марта большая делегация от 60 дистриктов внесла петицию относительно непрерывности деятельности дистриктов, эта петиция уже напечатана и распространяется в Париже». Повторив совершенно дословно слова из статьи Лустало, что суверенитет народа стремятся всячески урезать, что граждан хотят заставить только «платить и выбирать, выбирать и платить», Бабеф подчеркивал, что «столица дает пример», которому «все мы должны последовать» [187].

Бабеф находился уже в Консьержери, когда борьба парижских дистриктов с муниципалитетом вступила в свою последнюю фазу. На заседании 22 июня Учредительное собрание утвердило план разделения Парижа на 48 секций и упразднение дистриктов [188]. Торопясь использовать это решение, муниципалитет решил ускорить выборы — они были назначены на 5 июля. Дистрикт Кордельеров выступил тогда снова в роли застрельщика, приняв обращение к Собранию с требованием отложить проведение выборов и ликвидацию дистриктов. Кордельеры были поддержаны другими дистриктами. На том же заседании 1 июля, на котором был утвержден декрет об освобождении «поджигателей застав», Учредительное собрание, заслушав парижскую делегацию, приняло решение отсрочить проведение выборов и реформу парижского муниципалитета до 25 июля [189].

Бабеф немедленно отозвался на это решение. Почти весь третий номер «Газеты Конфедерации», составленный им еще в тюрьме и так и не увидевший свет, был посвящен борьбе дистриктов. Это видно из заголовка газеты: «Благородные черты патриотизма дистриктов Кордельеров и Назарета. Свобода заинтересована в том, чтобы дистрикты не были распущены. Страшные опасности, от которых только они ежедневно нас спасают» [190].

«Неужели распустят дистрикты...» (et l'on dissoudrait les districts!!!),— этой фразой начинается третий номер газеты. Ссылаясь на самый свежий пример — роль дистрикта Назарета в принятии Учредительным собранием решения об освобождении «поджигателей застав», Бабеф доказывал необходимость сохранения дистриктов. Благодаря «чрезвычайному рвению патриотического дистрикта Кордельеров (его петиция от 26 мая в Учредительное собрание)...

---

ecclésiastiques». В № 34 газеты (27 февраля — 6 марта 1790 г.) этому же вопросу была посвящена статья «Nouveau plan municipal proposé à la Commune de Paris».

187 ЦПА ИМЛ, 37 В I.

188 «Moniteur» (réimpression), v. 4, p. 700.

189 «Moniteur», v. 5, p. 23.

190 ЦПА ИМЛ, 53 В I. «Journal de la Confédération», N 3, du dimanche 4 juillet 1790 («Perfides manoeuvres dans les Provinces pour rendre nul le projet de la fête civique.— Traits sublimes de patriotisme des districts des Cordeliers et du Nazareth.— Grand intérêt de la liberté qui commande l'indissolubilité des Districts.— Danger affreux dont chaque jour eux seuls nous délivrent.— Avis sur les précautions extraordinaires qu'il conviendra pour éviter tout ce dont nous sommes menacés le 14 de ce mois»).

правам дистриктов не будет нанесено никакого ущерба до 25 июля»[191]. Бабеф настаивал на том, что эта борьба должна продолжаться: «Нужно, чтобы дистрикты не только сохранились до 25 июля, они вообще, не должны соглашаться, чтобы их распустили. Их повседневный надзор является палладиумом свободы, единственным подлинным оплотом Конституции... Приближается 14 июля, наступает время..., когда осуществляются подвиги во имя свободы; вы не можете сделать ничего лучшего для ее обеспечения, чем завоевать непрерывность заседаний дистриктов... являющихся школой патриотизма (civisme), или, если угодно, ареной на которой всегда с успехом идет борьба против тирании»[192].

В этой связи Бабеф развивает ряд интересных политических идей, основанных на опыте первого года буржуазной революции. Если социальные идеи Бабефа уже в середине 80-х годов достигли известной степени зрелости, то его политические идеи не шли тогда дальше общих надежд на те блага, которые принесут с собой политические свободы, свобода мысли и слова. Но первый год революции принес всем демократам, в том числе и Бабефу, глубокое разочарование. Вместе с ними Бабеф задумывается над теми препятствиями, которые мешают осуществлению подлинного народного суверенитета, и над теми гарантиями, которые могут его обеспечить. «Совершенно недостаточно,— писал он,— добиваться только удачного подбора депутатов, я рекомендую нечто совсем иное»[193]. Бабеф высказал уже тогда мысль, к которой он неоднократно возвращался в последующие годы революции: «В самой природе человека заложено стремление к господству. Нужно поэтому сделать так, чтобы господствовали все и никто в отдельности»[194].

По-видимому, в это время Бабеф вновь обратился к Руссо, проявив особый интерес к его политическим идеям. В архиве сохранились его выписки из «Общественного договора», сделанные в 1790—1791 гг. Одна мысль Руссо особенно привлекла его внимание: «С того момента, как народ избирает своих депутатов, он уже не имеет свободы, он уже ее лишен»[195]. Очевидно, именно этой мыслью руководствовался Бабеф, когда писал в рукописи № 3 «Journal de la Confédération»: «Старайтесь возможно реже быть представленными и будьте возможно чаще своими собственными представителями»[196]. В одном месте этой рукописи он прямо ссы-

---

[191] ЦПА ИМЛ, 55 В I. В архиве сохранилось несколько рукописных вариантов № 3 «Journal de la Confédération». См. ЦПА ИМЛ, 53 и 55 В I, 58 В IV.

[192] ЦПА ИМЛ, 53 В I.

[193] ЦПА ИМЛ, 58 В IV («C'est un petit moyen que d'inviter à faire d'heureux choix dans les élections, ce n'est pas celui-là que je conseillerai»).

[194] ЦПА ИМЛ, 13 В II.

[195] ЦПА ИМЛ, 13 В II («A l'instant qu'un peuple se donne les Représentants, il n'est plus libre, il n'est plus»).

[196] ЦПА ИМЛ, 58 В IV («Faites vous représenter dans le moins d'occasions possibles, et soyés presque toujours vos propres représentants»).

лается на Руссо: «Если народ является сувереном, он должен сам, насколько только это возможно, осуществлять свой суверенитет, и именно это должно составлять его главное занятие. Иначе, как говорит Жан-Жак, когда общественные дела перестают быть главным занятием граждан и они предпочитают служить им кошельком, а не участвовать в них лично, государство уже близится к своей катастрофе»[197].

В этом осуществлении «прямого народоправства» Бабеф и видел основное значение дистриктов. Их ликвидация приведет к тому, что «большинство граждан будет представлено небольшой группой людей, которых неминуемо увлечет самолюбие и которые подменят общие интересы своими личными; ...большинство граждан не в состоянии будет самостоятельно говорить, думать, действовать; его отстранят от обсуждения общественных дел, оно постепенно потеряет привычку и вкус к спорам..., исчезнет надзор (surveillance), предотвращающий злоупотребления властью, граждане и народ потеряют своих неподкупных защитников... и права человечества вновь будут попраны»[198]; «депутаты добьются независимости и возвысятся над своими избирателями»[199].

Вопрос о судьбе дистриктов настолько беспокоил Бабефа, что он счел нужным обратиться по этому поводу с письмом к Дантону. Причины обращения именно к Дантону совершенно понятны: Дантон был председателем дистрикта Кордельеров; он стоял в центре всей борьбы против парижского муниципалитета; 17 марта был издан приказ о его аресте. «Г. Дантон,— писал о нем Бабеф полгода спустя, 21 декабря,— председатель дистрикта Кордельеров, об аресте которого издал приказ гнусный суд в Шатле, остается, тем не менее, председателем дистрикта Кордельеров и *украшением* (ornement) *наиболее патриотических и достойных уважения собраний столицы*[200] (курсив наш.— *В. Д.*).

А. Матьез, впервые опубликовавший это незаконченное письмо, полагал, что оно было написано в марте — апреле 1793 г.[201]

---

[197] Там же.

[198] Там же.

[199] ЦПА ИМЛ, 53 В I. Бабеф подготовил в тюрьме также № 4 газеты, посвященный вопросу о проведении (после 14 июля) особого дня «Федерации женщин» («Confédération des Dames»). Этот проект, выдвинутый некоей г-жой Муре (возможно, что это жена адвоката, переписывавшегося с Бабефом в 1781 г.), нашел полную поддержку Бабефа, как мы помним, еще в 1786 г. выступавшего в качестве убежденнейшего сторонника уравнения женщин во всех правах. В архиве сохранились черновики писем Бабефа к г-же Муре (ЦПА ИМЛ, 56 В I, 38, 44 и 45 В III). В одной из записей г-жа Муре характеризуется как «автор проекта о федерации женщин, потомок Лафонтена, автор «Катехизиса гражданина в соответствии с новой конституцией», издательница газеты для женщин под названием «Annales d'éducation du sexe»».

[200] ЦПА ИМЛ, 76 В I.

[201] A. Mathiez. Une lettre de Babeuf. AHRF, 1925, p. 488. По вопросу о датировке письма см. наше сообщение «Новые документы об отношении Бабефа к Дантону» («Вопросы истории», 1959 г., № 4) и «Robespierre et Danton

Однако содержание письма, весь его взволнованный тон не оставляют никакого сомнения, что письмо было написано в июле 1790 г., в момент, когда вопрос о судьбе дистриктов казался Бабефу одним из решающих для судеб революции.

Приведем текст этого письма:

«Мужественный Дантон! Я обращаюсь к тебе, как к самому ревностному стороннику свободы; выражения, присущие рабству, не созданы для такого истинного гражданина, как ты.

Будет ли мне принадлежать слава стать новым Антонием, напоминающим Бруту о его великом долге? О, мой друг, это слишком верно: Риму угрожают цепи, а ты спишь. ...Разве ты перестал быть Дантоном. Я предпочитаю верить, что это заслуженно прославленное имя останется таким и впредь. Во время больших событий проявляется и большое мужество. Момент требует сильной души, способной сопротивляться всем ударам. Мне кажется, что только твоя способна на это благородное усилие. Мой друг, мой брат, родина находится на краю пропасти. Хотят распустить дистрикты! Как не увидеть в этом полное уничтожение свободы? Кто будет охранять наши права? Как сказал недавно один превосходный публицист: «Кто предотвратит страшные последствия деспотизма, возникающего на развалинах старого. Наши должностные лица в муниципалитетах станут такими же надменными деспотами, которые будут нами править железными скипетрами. Полиция является слишком самовластной администрацией, чтобы не вызывать подозрений. Отвечайте. В какой трибунал угнетаемые граждане явятся со своими жалобами. Перед каким трибуналом будут они разоблачать злоупотребления властью и полномочиями, если дистрикты не будут бодрствовать».

Недостаточно, мужественный защитник доброго дела, недостаточно...» [202].

На этом рукопись обрывается. Было ли отправлено это письмо Дантону, неизвестно. Но оно очень характерно для Бабефа и вместе с тем оно является показателем отношения к Дантону в 1790 г. наиболее передовых демократов тогдашней Франции.

Судьба дистриктов беспокоила Бабефа в связи с одним явлением, подмеченным им летом 1790 г. в Париже. Когда Бабеф был в Париже летом и осенью 1789 г., инициатива революционных масс била ключом. В 1790 г. его удивило явление, длившееся с лета 1790 г. до Вареннского кризиса 1791 г., которое консервативный историк Луи Мадлен назвал «успокоение» (accalmie). В № 2 «Journal de la Confédération» Бабеф писал по этому поводу: «Мы заметили обеспокоившее нас совершенно очевидное равнодушие (froideur), встревоживший нас упадок духа, явное пренебрежение к самым острым вопросам, представляющим общий интерес, у боль-

---

vus par Babeuf», AHRF, 1960, N 162. См. также L. Madelin. Danton. Paris, 1914, Chap. II, III.

[202] AHRF, 1925, p. 488.

шого числа наших братьев по оружию и защитников доброго дела... Общественное настроение с некоторых пор... стало как бы усыпленным» [203]. В письме к Лораге от 20 июля, написанном уже после освобождения, Бабеф жаловался: «Народ Парижа, некогда столь строптивый, дошел до неописуемой степени унижения; создавший себе кумира из Лафайета, сапоги и лошадь которого он целует при каждой встрече; опьяненный празднествами, устраиваемыми для того, чтобы отвлечь его от великих целей социальной политики, для которых, по правде сказать, он очень мало пригоден; вновь вернувшийся к своим песенкам, своим дурачествам, своим театрам, своим фатовским и шутовским выходкам, он поглощен исключительно обожанием бравого генерала и некоторых других интриганов» [204].

Бабефа особенно возмутило зрелище Парижа 14 июля: «Можно было подумать, что эта глупая нация потеряла голову, что она обезумела, буквально обезумела». Несколько честных патриотов из Пале-Ройяля и других общественных мест на глазах у Бабефа были задержаны «их же братьями, национальными гвардейцами, ставшими наемниками, соглядатаями, шпионами новых инквизиторов из муниципалитета, только за то, что они не соглашались признать Лафайета «божественным существом» [205].

По-видимому, в Париже разучились читать или понимать написанное, если остался непонятым смысл присяги, принесенной в день Федерации 14 июля, обеспечивающей «триумф антинародной партии», как нельзя более пригодной для того, чтобы «вновь сковать трижды глупцов-французов». А между тем во всех концах столицы «возносили хвалу высокой мудрости наших великих депутатов и безмерно восхищались замечательным мастерством гения, сотворившего такую превосходную присягу. Горе тому, кто попытался бы ее прокомментировать (напомним, что в присяге содержался призыв к охране собственности и уплате всех налогов, в том числе и косвенных.— *В. Д.*) и указать на самые возмутительные принципы рабства, выраженные в каждом ее слове: его назвали бы аристократом и прекрасно проучили бы так, что ему сразу стало бы ясно, что такое право свободно высказывать свое мнение» [206].

Свое негодование, вызванное этим зрелищем «идолопоклонства», свое отношение к Лафайету Бабеф выразил в брошюре «Письмо пикардийского депутата»: «Без сомнения этот человек очень ловок, он кажется мне страшно честолюбивым, он царствует; у него нет короны на голове, но он держит ее в руках, как Кромвель... Лафайет действует только в своих собственных интересах,

---

[203] «Journal de la Confédération», N 2, du 3 juillet 1790.

[204] ЦПА ИМЛ, 60 B IV; «Французский ежегодник. 1960», стр. 260, 263 (перев. Н. И. Непомнящей).

[205] ЦПА ИМЛ, 60 B IV; «Французский ежегодник. 1960», стр. 261—264.

[206] Там же.

он отстранил короля, чтобы привлечь все взоры к себе и, несомненно, он рассчитывал на какую-нибудь вспышку всеобщего возбуждения, которая провозгласила бы его генералиссимусом. Раньше, наблюдая этого человека издали, я уважал его, но, увидев вблизи, я его возненавидел... Нет, Лафайет, ты вовсе не герой обоих полушарий, ты совсем не сподвижник славы Франклина, отправляйся в Персеполь и ползай там, жалкий раб» [207].

Пересылая эту брошюру Лораге, Бабеф писал, что он не возлагает на нее больших надежд: «Нет, этот глупый народ не заслуживает того, чтобы честный человек защищал его интересы». Он присоединяется, таким образом, к чрезвычайно частым в этот период у Марата нападкам на «зевак-парижан», любимое и часто повторявшееся тогда «Другом народа» выражение.

Как изменить это положение? Бабеф снова задумывается над вопросом, который он в 1789 г. ставил по отношению к Руа: как пробудить «патриотическую энергию»? В том же письме к Лораге он развивает интереснейший план действий, характеризующий его политический реализм.

«Если бы я чувствовал в себе необходимые способности,— писал Бабеф,— я постарался бы дать народу толчок к действиям, поставив перед ним какую-нибудь очень важную цель... Например, я попытался бы поднять хотя бы одну провинцию, потому что законы, к принятию которых объединенные силы этой провинции вынудят Законодательный корпус, в силу необходимости станут общими для всего королевства. Я наводнил бы все части этой провинции произведениями на ту тему, к которой я хотел бы привлечь внимание масс. Что касается выбора темы, то мне кажется, что акцизы и соляная подать всегда будут иметь успех в деревнях (петиция произвела сенсацию даже в Париже, согласно № 153 газеты Марата). Но есть другой вопрос, которым можно попытаться заинтересовать *малоимущих крестьян* (les cultivateurs peu fortunés) (курсив наш.— *В. Д.*), т. е. как раз большинство населения, и если его хорошо продумать, он... оживит множество надежд» [208].

Бабеф имел в виду вопрос о судьбе церковных владений. Весной 1790 г. должна была поступить в продажу первая группа их, на 400 миллионов ливров. Уже 29 марта в письме к перонцам Бабеф поднял этот вопрос: «У нас есть еще один интересный проект — петиция о том, как использовать церковные имущества» [209]. Он упоминал об этом и в своей апрельской петиции. «У меня на кончике пера,— писал он 25 мая, на третий день после заключения в Консьержери,— совершенно готовый план, как распорядиться церковными имуществами, который мог бы соблазнить очень многих. *Он задержал бы осуществление проекта распрода-*

---

[207] «Lettre d'un député de Picardie» [Paris, juillet 1790], p. 3—5.
[208] ЦПА ИМЛ, 60 В IV; «Французский ежегодник. 1960», стр. 261.
[209] ЦПА ИМЛ, 37 В I.

жи (курсив наш.— *В. Д.*) и показался бы гораздо более выгодным как государству, так и отдельным лицам»[210].

Находясь в тюрьме, Бабеф продолжал обдумывать свой план. Он предполагал добиться отказа от распродажи церковных имуществ и передачи их в пользование крестьянам на условиях «длительных арендных сроков» (baux à longues années). Для Пикардии, где церковные имущества составляли почти 20% всей земельной площади, вопрос о судьбе этих владений, о расширении площади крестьянского землепользования, об установлении длительных сроков аренды, как мы уже указывали, имел особую остроту. Требование это буквально носилось в воздухе.

Это видно из переписки, которую вел Бабеф, находясь в тюрьме, со священником из Руа, Шевалье, выступившим с аналогичным проектом. 2 июля «священник-гражданин» (prêtre-citoyen) писал Бабефу: «Я пользуюсь дилижансом..., чтобы переслать письмо, которое вы у меня просите... Следует надеяться, что оно произведет в Учредительном собрании, куда я его переслал, такое же впечатление, как во всех коммунах нашего кантона, которые высказались за сдачу в аренду церковных имуществ, а не за их распродажу. Нация будет обязана вам своим спасением, если вы окажетесь настолько счастливым, что откроете ей глаза на страшные неудобства, связанные с распродажей этих имуществ. Эта истина так ясно изложена в прилагаемом мною письме, что, независимо от предубеждения и всеобщей ненависти к духовенству, успех ваших усилий в этом направлении совершенно обеспечен»[211]. Шевалье выражал желание установить с Бабефом переписку, которая во всех отношениях будет для него «лестной».

Десять дней спустя в письме, полученном Бабефом, судя по его пометке, 13 июля, Шевалье жаловался на то, что не имеет из столицы никакого ответа, хотя он разослал свое письмо не только комитетам, но и «Барнаву, Робеспьеру, Шапелье, Мори, Грегуару, Сийе (Sihier) (очевидно, имеется в виду Сиейс.— *В. Д.*), Ламету и другим». «Попытайтесь пробудить их от дремоты,— просил Шевалье,— откройте им глаза и со всем присущим вам превосходством докажите им все значение сохранения имуществ церкви»[212].

[210] ЦПА ИМЛ, 30 В V.

[211] ЦПА ИМЛ, 104 В VI (Chevalier, prêtre-citoyen, à Babeuf, 2 juillet 1790).

[212] ЦПА ИМЛ, 105 В VI. Шевалье сообщал, что Губо показал ему письмо, «в котором вы сообщаете счастливую новость о вашем освобождении; вы не можете себе представить..., с какой радостью мы это приняли». Любопытен совет, который дает Шевалье Бабефу в отношении его дальнейшего поведения: «Дайте возможность оценить ваши таланты: одни сарказмы и оскорбления ни к чему не приведут... Займитесь улучшением общества, начните новую карьеру... добивайтесь достойной должности (un emploi distingué). У нас есть все для того, чтобы добиться успеха... Станьте полезным вашим согражданам — вот цель, которую должен поставить перед собой писатель, наделенный талантом (du genie) и патриотизмом: так поступил бы я, если бы обладал вашими способностями (vos talents)». Отметим, что в это же время Губо писал Бабефу: «Не доверяйте чрезмерно аббату Шавалье, вы должны его знать» (ЦПА ИМЛ, 27 В V. Goubau à Bafeuf, 10 juillet 1790).

Свое отношение к предложениям Шевалье и свой собственный план действий Бабеф изложил в том же письме к Лораге 20 июля. «Речь идет о том, чтобы показать каждому крестьянину целой провинции, что долгосрочная аренда (bail à longues années) церковных земель гораздо выгоднее для нации, для каждого отдельного лица и для государственного казначейства, чем продажа этих земель по низкой цене нескольким компаниям капиталистов и спекулянтов (capitalistes et agioteurs). Я собирался заняться этим предметом как раз в момент моего ареста, а после этого события за это дело взялся сын некоего г. Шевалье из Руа, священника, который опубликовал брошюру под именем своего отца. Он недавно прислал мне несколько экземпляров своего произведения, и я посылаю один из них на ваше суждение. По моему мнению, вопрос так и остался неразработанным (le sujet n'est nullement traité), да на шести страницах невозможно было даже поверхностно коснуться его. Однако если вы считаете, что это пригодится для подготовки умов до того, как им представят что-нибудь более ясное, более убедительное и более способное привести их в движение, поддержать и придать силу этому требованию... я призываю вас для блага большинства, распространить это произведение в сотнях коммун, где имеется много церковных имуществ». Бабеф советовал Лораге торопиться с тем, чтобы предупредить «расхищение имуществ левитов»: «Совершенно очевидно, что время еще не упущено, так как распродажа еще не производилась. Но если ждать еще, то через несколько недель будет, возможно, уже поздно. Тот, кто предложит эту прекрасную меру (ce beau coup de force) или будет ей содействовать, заслужит, без сомнения, благодарность множества честных людей»[213].

Таков этот интереснейший план, с помощью которого Бабеф хотел добиться возрождения «патриотической энергии». Правда, после своего возвращения в Пикардию он не делал никаких попыток к его осуществлению. Возможно, это объясняется тем, что время было упущено: распродажа началась и добиваться возврата купленных земель у новых собственников было слишком трудно. Для этого требовалась более широкая перестройка аграрных отношений, которую как раз и обдумывал Бабеф. Возможно, что, как это часто с ним случалось, Бабеф был отвлечен новыми замыслами и новыми заботами. Как бы то ни было, этот план свидетельствует о том, что даже в разгар самой ожесточенной борьбы за текущие, «повседневные», сравнительно мелкие требования, мысль Бабефа продолжала упорно работать над социальными проблемами, всегда остававшимися в центре его внимания.

---

[213] ЦПА ИМЛ, 60 В IV.

„Пикардийский корреспондент"

I

Бабеф после своего освобождения пробыл в Париже около месяца. Он хотел прежде всего уточнить свое юридическое положение, ввиду полной неопределенности тех условий, на которых произошло его освобождение. «Мы — г. Рютледж и я,— писал он Лораге 20 июля,— заняты сейчас выяснением в податном суде, что означают эти слова: временное освобождение из-под стражи на положении арестованного (en état de prise de corps). Как говорят, следственный комитет может дать нам кое-какие разъяснения. Мы настаиваем поэтому, чтобы он помог нам разобраться в этом деле» [1].

Арест и тюремное заключение сделали материальное положение Бабефа и его семьи еще более тяжелым. «Несчастное стечение обстоятельств! Почему все сложилось так,— писал Бабеф 20 августа, через несколько недель после своего освобождения,— что, только вспоминая о своих обязанностях отца и супруга, я могу противостоять уже сотни раз охватывавшему меня искушению броситься в воду!» [2] В поисках выхода Бабеф предпринимал отчаянные попытки добиться получения хоть какой-нибудь компенсации за свой арест. Одно время он рассчитывал взыскать ее со своих доносчиков, прежде всего, Прево. «Друг Рютледж,— писал он,— также близко принимает к сердцу этот вопрос о возмещении, как и задачу раздобыть кусок веревки для обожаемого министра (Неккера.— *В. Д.*), которого он в своей последней брошюре смешивает с грязью, сорвав с него все 25 масок» [3]. Еще в начале августа Бабеф предполагал обратиться по этому поводу к генеральному прокурору.

Сторонники Бабефа с нетерпением ждали его возвращения. «Мы будем счастливы,— писали ему из Руа 8 июля, немедленно после получения известия об освобождении,— встретить в наших стенах

[1] ЦПА ИМЛ, 60 В IV (русск. пер.: «Французский ежегодник. 1960», стр. 261—264).
[2] ЦПА ИМЛ, 46 В VIII (русск. пер.: ННИ, 1960, № 5, стр. 101).
[3] ЦПА ИМЛ, 60 В IV.

того, кто своими талантами и своей деятельностью облагодетельствовал французов и увенчал наш век. Возвращайтесь к своим друзьям, чтобы разделить их искреннюю радость... Вы получите из их рук лавры, уготованные вам за ваши безграничные заслуги... Это будет для нас день славы, когда тот, кто должен был стать добычей хищников, победоносно возвратится к нам»[4]. «Когда вы вернетесь сюда, вас понесут увенчанного лаврами и станут чествовать, как бога»,— писал Губо еще 28 июня, в ожидании освобождения Бабефа[5].

Задержку Бабефа в Париже его противники пытались использовать для того, чтобы подорвать к нему доверие; в Руа начали распространяться слухи о том, что он больше не вернется. «Но какого черта,— писал ему тот же Губо 4 августа,— вы все еще хотите оставаться в Париже. Мне кажется, что вам это не так досадно, как нам. В самом деле, сделайте полоборота направо и маршируйте ускоренным шагом, потому что вы дьявольски отстали от всего отряда. Шутки в сторону, дорогой друг, будет очень своевременно, если вы явитесь сюда хоть на несколько дней и широко раскроете свои окна: я слышу уже шепот, что вы не вернетесь, что вашей мебели уже здесь нет, что я и еще несколько ваших сторонников из предместья помогли ее отправить. Нет ничего более нелепого, чем все эти пересуды, но вы знаете, что всегда находятся дурные люди, которым нравится говорить и творить зло, если только это в их силах»[6].

Губо сообщил о том, что в Руа предстоят выборы, так как Билькок-старший избран председателем дистрикта Мондидье, а его брат — прокурором-синдиком. Еще больше могло заинтересовать и встревожить Бабефа другое сообщение Губо — о предпринимаемых в Руа мерах для возобновления уплаты косвенных налогов. Уже 24 мая, на третий день после водворения Бабефа в Консьержери, муниципалитет Руа, считая, как писал в докладе Учредительному собранию де Ламбер, что «арест г. Бабефа может явиться благоприятным обстоятельством для возобновления взимания налогов»[7], созвал собрание трактирщиков, в надежде на их капитуляцию. Тогда эта попытка кончилась неудачей: «Муниципалитет не решился отдать приказ о возобновлении взимания (налогов.— *В. Д.*), опасаясь подорвать свой авторитет и подвергнуть опасности служащих. 25 мая мэр сообщил, что он опасается не трактирщиков, а народа. Нет оснований надеяться на какое-нибудь содействие кавалерийской части, размещенной в Руа... В большинстве приходов вокруг Руа взимание сборов не производится»[8].

---

[4] ЦПА ИМЛ, 83 В V.
[5] ЦПА ИМЛ, 25 В V.
[6] ЦПА ИМЛ, 28 В V.
[7] AP, v. 16, p. 585 («Relevé de la situation des perceptions de la régie générale des Aides»).
[8] Ibidem.

Однако из письма Губо от 4 августа следовало, что в Руа готовится новая попытка восстановления уплаты налогов. «Неверно,— сообщал Губо,— что в Нуайоне возобновлены платежи. Дело обстоит так же, как оно обстояло ко времени вашего отъезда, но со вчерашнего дня разнесся слух, что снова начнут взимать налоги и что национальная гвардия, соответственно присяге 14 июля, вынуждена будет помочь этому вооруженной силой; это вызывает много толков и очень всех волнует» [9].

Возможно, что именно это письмо Губо ускорило решение Бабефа об отъезде из Парижа. Как бы там ни было, в субботу, 7 августа, он покинул столицу. Вечером, 8-го, он был снова в Руа. В четверг, 12 августа, он писал уже из Нуайона своей жене, оставшейся в Париже: «Расставшись с тобой в субботу вечером, я прошел три или четыре лье и, не чувствуя никакой усталости, решил не останавливаться на отдых, а прошагал всю ночь напролет и очутился на рассвете в Пон-Сен-Максансе; там я встретил повозку, которая прихватила меня и довезла потихоньку в Руа; я явился туда к вечеру и меня там так чествовали, что только сегодня я попал в известное тебе место» [10]. Более подробно Бабеф описал свое путешествие в письме к жене от 20 августа. Его рассказ свидетельствует о той большой популярности, которую он успел уже снискать среди «маленьких людей» тогдашней Пикардии.

В воскресенье рано утром Бабеф, как он пишет, остановился в Пон-Сен-Максансе, чтобы «позавтракать в маленьком кафе против дома брата Добе из Руа. Я рассказал о себе. Это привлекло порядочно народу, и все наперебой торопились превзойти друг друга в поздравлениях. Мне жали руки, меня обнимали; здесь уже видели номера газеты Марата с сообщением о моем деле; спрашивали, нет ли у меня еще этих номеров, и я роздал несколько экземпляров. Их жадно читали, вырывали друг у друга из рук, меня упрекали, почему я не кричал: «Ко мне, нация!»,— когда проезжал по улицам со своими стражами, одетыми в форменную одежду».

Среди присутствовавших оказался один торговец табаком из Эр (Aire), настоявший на том, чтобы подвезти Бабефа до Руа. «Повсюду, где мы останавливались, он торопился сообщить, кто я, что со мной случилось и как я себя вел. Тогда мне приходилось выдерживать столько объятий, сколько было слушателей у гражданина из Эр. Когда мы прибыли в Тиллолуа, меня узнали; я вынужден был выйти из повозки и зайти к г-ну Леконту, шорнику и трактирщику. Добрая часть деревни собралась поглазеть на меня, как на диковинку. Объятия, приветствия, поздравления, высказанные со всем деревенским чистосердечием,— таковы были первые проявления радости, которую испытывали при виде меня честные крестьяне, теснившиеся вокруг...».

---

9 ЦПА ИМЛ, 28 В V.

10 ЦПА ИМЛ, 46 В VIII; ННИ, 1960, № 5 стр. 100.

Несмотря на принятые Бабефом меры предосторожности, чтобы въехать в Руа незамеченным, не успел он зайти к себе в дом, как «он сразу наполнился народом, и за столом собралось около 20 человек. Понадобились бы еще две страницы, чтобы рассказать подробно о радости, царившей за этим ужином. Если я не буду краток, то никогда не кончу. Ограничусь поэтому сообщением, что я не мог принять и половины приглашений на обеды и ужины и что мне до сих пор еще ни разу не понадобилось заходить в булочную или готовить дома. Когда я прохожу по улицам, иногда кричат: «Да здравствует нация!»; кое-кто взбешен, но большинство на моей стороне. Люди особенно недовольны тем, что я уклонился от почестей, которые были уготовлены для моей встречи... В день моего приезда был избран новый мэр города [11]; если бы жители Руа знали заранее о моем возвращении, я был бы избран, независимо от моего желания... На следующий же день после моего приезда ко мне прибежало много крестьян с просьбами о советах, о составлении жалоб, но *подготовка к изданию газеты* (курсив наш.— *В. Д.*) не дала мне возможности удовлетворить их просьбы» [12].

В подчеркнутых нами словах намечен тот новый план, с которым Бабеф вернулся в Руа. Это был план издания газеты, для которой Бабеф наметил уже и название — «Пикардийский корреспондент».

II

Мысль об издании собственной газеты появилась у Бабефа почти в самом начале революции. Уже в первых числах января 1790 г., сейчас же после победы революции в Бельгии и изгнания оттуда австрийцев, Бабеф обратился с письмом к вдове брюссельского книгопродавца г-же Дюжарден с предложением об издании газеты. Адрес ее он узнал случайно: «Я встретил ваше имя,— писал он,— в объявлении об издании Атласа семилетней войны, но я как раз нуждаюсь в каком-нибудь книгопродавце в вашем городе, чтобы изложить ему вызванный революцией в Брабанте план периодического издания; я решил немедленно воспользоваться этой случайностью, чтобы направить вам это объявление» [13]. К письму Бабеф приложил проспект газеты «Брабансонский патриот» — «свободной, критической, нравственной газеты, издаваемой французом-гражданином» [14].

---

[11] Феликс-Жан-Батист Лонгекан.

[12] ЦПА ИМЛ, 4 6В VIII; ННИ, 1960, № 5, стр. 102.

[13] ЦПА ИМЛ, 4 В IV (Babeuf à M-me Veuve du Jardin, libraire à Bruxelles, 9 janvier 1790).

[14] ЦПА ИМЛ, 85 В I («Le patriote Brabançon. Journal libre, critique et moral. Par un français-citoyen»). Своему проспекту Бабеф предпослал эпиграф из Ж.-Ж. Руссо: «Очень часто требования слабых рассматривались, как мятежный ропот». Со столь свойственным ему нетерпением Бабеф писал г-же Дюжарден: «Если то, что вы мне ответите, будет благоприятствовать моему проекту, я сейчас

Самый проспект не представляет особого интереса. Любопытно, что в нем Бабеф ссылается на Монтескье — имя, которое до тех пор мы у него не встречали. Судя по характеру этого упоминания и по другим, более поздним рукописям, труды Монтескье были ему достаточно хорошо известны. Тон проспекта очень сдержанный. В нем содержится похвала не только Руссо, Франклину, Вашингтону, но также Байи и Лафайету, таким же «патриотам», как и руководители брабантской революции, Ван-дер-Нут и Вандермерш.

Бабеф в начале января 1790 г. мог, конечно, не знать, что Ван-дер-Нут относится к числу наиболее умеренных лидеров брабантской революции [15]. Более удивительна оценка Байи, поскольку еще в лондонских корреспонденциях (осенью 1789 г.!) содержалась критика парижского муниципалитета. Но вполне возможно, что Бабеф прибег здесь к некоторой «мимикрии». В свой пакет г-же Дюжарден он вложил и письмо к самому Ван-дер-Нуту, объяснив это тем, что французскую администрацию может смутить упоминание «без всякого прикрытия» такого «славного имени». «Только уверенность,— писал он Ван-дер-Нуту,— в свойственном вам столь редко наблюдающемся, сильнейшем расположении великой души к несчастному человечеству, позволяет льстить себя надеждой, что вы удостоите принять мое письмо, когда увидите, что автор его соединяет безграничную любовь к общественному благоденствию (pour le plus grand bien de la chose publique) с нетерпеливым желанием присоединить свои слабые усилия для достижения этой цели. Для того, чтобы участвовать в этом прекрасном деле, я хотел бы получить разрешение на распространение в вашей стране, только что завоевавшей свободу, патриотической газеты, план которой я прилагаю». Ссылаясь на то, что ему неизвестно, существует ли в Брюсселе такая же полная свобода печати, как во Франции, Бабеф просил у «премьер-министра этой благословенной страны» разрешения стать «певцом начавшейся революции» [16].

Проспект «Брабансонского патриота», возможно, и не дошел по назначению. Но у Бабефа был уже наготове и другой, более реальный план.

Как он сам указал, на него произвело большое впечатление появление газеты в Шартре, центре будущего департамента Эры и Луары. У Бабефа сразу возникла идея издания такой же газеты

же приму меры, чтобы возможно быстрее отправиться в Брюссель» (ЦПА ИМЛ, 4 В IV).

[15] Позднее, в апреле 1793 г., Бабеф писал голландскому полковнику Макерстроту: «Ван-дер-нуты, Вандермерши... всем им воздавали высшие почести, но они были изменниками» (ЦПА ИМЛ, 76 В IV).

[16] ЦПА ИМЛ, 4 В IV. Письмо к г-же Дюжарден датировано в рукописи 9 января, а письмо к Ван-дер-Нуту — 6 января. В заключение Бабеф писал, что, добиваясь от Ван-дер-Нута поддержки своему предприятию, он не прибегает к «льстивому тону, который никогда не нравится великим душам. Мой стиль — это не стиль восхваления» (mon stile n'est pas celui de l'éloge).

для «департаментов, которые до нового деления королевства составляли прежнюю Пикардию»[17]. Этот план издания «пикардийской» газеты он изложил в конце 1789 г. амьенскому книгопродавцу Карону-Беркье (Caron-Berquier), при помощи которого он рассчитывал устроиться на работу в муниципалитете. Получив письмо от Карона (от 31 декабря), Бабеф набросал на его обороте ответ, в котором, между прочим, писал: «Вы ничего не говорите о моем предложении создать своего рода газету наших провинциальных штатов (Journal des assemblées de la Province). Это было бы легче сделать, если бы, как я рассчитываю, я оказался в Амьене. Напишите хоть слово по этому поводу в вашем ближайшем письме»[18].

Бабеф высказался более подробно о своих планах издания газеты в следующем письме к Карону-Беркье, 23 февраля 1790 г., когда он все еще сохранял надежду устроиться в Амьене. «...Если бы я находился в Амьене, мы создали бы вместе патриотическую газету, вроде тех, которые выходят во многих столицах провинций. Как было бы полезно противопоставить такую газету аристократической и льстивой нелепице, которая каждую неделю изливается с площади Перигор. Как я высмеял бы, например, пошлое посланье, или, вернее, грубо поджигательный пасквиль монсеньера Машо (амьенского епископа.— *В. Д.*). Какой это позор для Пикардии! В то время как другие провинции прилагают все усилия, чтобы отличиться действиями, свидетельствующими о том, что в них проникает просвещение, пикардиец, совершенно безразличный и пассивный, глупо восторгается громкими, но всегда опасными фразами... своего фанатичного и аристократического прелата»[19].

Хотя переезд Бабефа в Амьен и не осуществился, его план создания газеты к весне 1790 г. принял уже вполне конкретные формы. Как далеко зашла подготовка к изданию, можно судить по письму Бабефа к Девену, у которого он предполагал печатать газету, от 10 мая: «Во время моего пребывания в Сен-Кантене я был у книготорговца г. Муро. Он заговорил о вас..., и это дало мне возможность замолвить словечко о нашем проекте Journal de Correspondance. Я объяснил ему наш план, показал проспект Шартрской газеты»[20]. Будучи у Муре, Бабеф интересовался даже возможными шрифтами для своей будущей газеты. Он подыскивал для нее и корреспондентов: «Мне указали одного, с которым я познакомился; насколько я могу судить, он хорошо справится с нашим делом. Мне указали и других корреспондентов для городов Гиз, Суассон, Лан, Шато-Тьерри, Камбрэ, Валансьена и т. д. Со

[17] ЦПА ИМЛ, 86 В I.
[18] ЦПА ИМЛ, 101 В VI.
[19] ЦПА ИМЛ, 1 В IV. О своем возмущении выступлениями амьенского епископа Бабеф говорил и в своей уже приводившейся нами речи 7 марта в муниципалитете Руа.
[20] ЦПА ИМЛ, 33 В IV.

своей стороны я буду искать в Перонне, Руа, Мондидье, Бретейле, Амьене, Виллье, Дулансе (Doullans), Аббевилле. Вы, со своей стороны, будете подыскивать и в Нуайоне, Шони, Компьене, Санлисе, Бове и т. д., потому что для газеты такого типа (un journal de la trempe du correspondant) нужно иметь много корреспондентов. Вы увидите мой проспект в среду или четверг и, если вы по-прежнему готовы, мы его напечатаем» [21].

Арест прервал эту подготовку. Но издание даже во время тюремного заключения «Journal de la confédération» показывает, как сильна была потребность у Бабефа в создании собственного печатного органа.

К плану издания газеты Бабеф вернулся почти тотчас же после освобождения. На этот раз он определил и ее название. На рукописи одного из наиболее ярких памфлетов Бабефа «Очень почтительная петиция членов сословия патаров к почетным гражданам сословия Марки вместе с членами сословий Пистоля и Экю» рукой Бабефа написано: «или Пикардийский корреспондент, газета граждан четырех новых сословий Франции» [22]. Еще в Париже Бабеф окончательно отредактировал и проспект газеты. Уже на третий день после своего возвращения в Руа он повез его в Нуайон, к Девену [23]. «Проспект будет напечатан сегодня,— писал он жене из Нуайона 20 августа.— Завтра или послезавтра я перешлю его господину Одиффре, которого прошу узнать на почте, сколько должна стоить рассылка проспекта, а затем газеты» [24].

---

[21] Там же.

[22] ЦПА ИМЛ, 59 В I («Très humble Adresse des membres de l'Ordre des Patards aux respectables citoyens de l'Ordre du Marc, avec l'adhésion des membres des Ordres de la Pistole et de l'Ecu»). М. Домманже, опубликовавший впервые по копии это произведение Бабефа, датировал его ноябрем 1790 г. (см. «Pages choisies...», p. 98—103). На сохранившемся в архиве подлиннике имеется дата рукой Бабефа: «4 августа 1790». На письме Лораге от 25 июля Бабеф набросал план ответа, в котором он говорит и о проекте издания газеты: «Я буду выпускать Пикардийский корреспондент, комментарий (un commentaire) к декретам и т. д. Как необходимо общественное доверие, чтобы обеспечить влияние этого произведения на состояние умов» (AD de la Somme, $F^{129}/_{6}$).

[23] 14 августа Бабеф писал жене «в пять часов утра» из Нуайона: «...Видела ли ты генерального прокурора? Я не знаю, можем ли мы рассчитывать на обещанное им место и подойдет ли оно для меня. Во всяком случае я делаю здесь другую попытку: г. Девен печатает проспект газеты, которая будет называться Пикардийский корреспондент, а г. Галоп берет на себя расходы. Как только проспект будет готов, я пошлю его г. Одиффре... Мужайся, я не упущу ничего, чтобы постараться выйти из кризиса, в который тебя и меня вовлекли мои несчастья...» (AD de la Somme, $F^{129}/_{54}$, по копии).

[24] ЦПА ИМЛ, 46 В VIII. См. также ННИ, 1960, № 5, стр. 101. На письмо Бабефа от 22 августа Одиффре ответил 24-го (ЦПА ИМЛ, 56 В VI.— Письмо Одиффре адресовано «A Monsieur Babeuf, rédacteur du Journal picard»). 30 сентября Одиффре, по просьбе Бабефа, обратился с ходатайством к директору почты о снижении оплаты за пересылку газеты (ЦПА ИМЛ, 10 В VI). 7 октября из Парижа было дано соответствующее указание на почту в Руа, г. Фортену: «Так как г. Бабеф из вашего города обратился с просьбой о снижении платы за пересылку по почте его периодического издания, под названием «Пикардийский корреспондент», на двух печатных страницах 8°, которое должно выходить

Через неделю, 28 августа, он сообщил из Руа: «Я распространяю сейчас свой проспект, уже напечатано десять тысяч»[25]. Положение семьи Бабефа было в этот момент настолько стесненным, что она не имела средств для выезда из Парижа. Бабеф успокаивал жену тем, что вскоре он начнет получать деньги от подписчиков и тогда немедленно даст ей возможность вернуться: «Я не пишу тебе о том горе, которое я испытываю из-за того, что вы находитесь в таком состоянии. Но не теряй надежды, нужно надеяться, что это в последний раз... Я пробыл восемь дней в Нуайоне из-за проспекта, и только вчера я вернулся»[26].

Распространение проспекта шло успешно, об этом свидетельствуют письма Девена. «Я не могу действовать быстрее,— писал он 31 августа.— По мере того, как проспект будет выходить из печати, я сейчас же буду его вам пересылать»[27]. 2 и 3 сентября он направил Бабефу в Руа последние экземпляры[28]. В течение сентября сам Девен разослал проспект в Лан, Censored? no — Вервен, Гам, Суассон, Шато-Тьерри, Санлис, Компьен, Вилле-Коттере, Крепи, Бове, Гурнэ[29]. В сентябре начала поступать подписка. 19 сентября, сообщая о запросах и жалобах, «почти что восстании» со стороны подписчиков, что видно из письма некоего Буанье из Гама, Девен настаивал на том, что следует торопиться: «Совершенно необходимо действовать и рискнуть на издание номера»[30].

Финансовую сторону предприятия должен был обеспечить Губо. Сохранился проект договора между Бабефом и Губо, с одной стороны, и Девеном — с другой. Тираж газеты определен был в 1000 экземпляров,— для провинциальной газеты XVIII в., несомненно, очень большой. Первые номера предполагалось выпускать в 500 экземплярах[31]. 7 октября Девен сообщил Губо, что он соглашается на предложенные ему условия[32].

еженедельно, вы предоставите ему такую возможность...» (ЦПА ИМЛ, 1 В IX). Стоимость пересылки была установлена в 1 су с каждого экземпляра.

[25] Адвиелль привел два не сохранившихся в московской коллекции обращения Бабефа к «нотаблям» муниципалитетов и к деревенским священникам (датированные 25 и 30 августа), которые рассылались одновременно с «Проспектом» (V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 75—77).

[26] ЦПА ИМЛ, 47 В VIII.

[27] ЦПА ИМЛ, 75 В VI.

[28] ЦПА ИМЛ, 76 и 77 В VI.

[29] ЦПА ИМЛ, 78 и 79 В VI.

[30] «...Une lettre de la cité hamoise, signée Boignet, en date d'hier, m'annonce une quasi-insurrection des abonnés de cette contrée... il faut donc absolument travailler et risquer un N» (ЦПА ИМЛ, 79 В VI).

[31] Договор предусматривал, что за печатание всего тиража (1000 экземпляров) Девен будет получать 150 ливров. «С целью обеспечить успех предприятия» он соглашался получать сперва только 130 ливров. За печатание первого номера (500 экземпляров) Девен должен был получить 96 ливров (ЦПА ИМЛ, 88 В I). В августовских письмах к жене Бабеф называл в качестве соучастника в издании газеты Галопа (из Арманкура). В дальнейших письмах речь идет только о Губо.

[32] ЦПА ИМЛ, 99 В VI. В ноябре того же года между Девеном и Губо произошел конфликт. 22 ноября Девен писал по этому поводу Бабефу: «Г. Гу-

Выпуск первого номера намечался сперва на 1 сентября, но еще 23 августа Девен жаловался, что материал для набора номера не поступил. «Газета,— писал Бабеф в сообщении, рассылавшемся подписчикам в сентябре,— выход которой был обещан 1 сентября, по непредвиденным обстоятельствам задерживается до 1 октября, после чего она будет выходить со всей возможной аккуратностью. Автор стремится к тому, чтобы она могла заменить все остальные газеты. Ее план охватывает все прошлое революции, она явится полным собранием всех вышедших декретов; она затронет также настоящее, поскольку в ней будут печататься отчеты о заседаниях Законодательного собрания; она охватит, наконец, будущее, поскольку внесет предложения об изменении, на разумной основе, законов, не получивших общего одобрения и вызывающих возражения»[33]. В другом сохранившемся варианте сообщения, датированном 18 сентября, подписчики ставились в известность, что «№ 1 выйдет в течение первой половины октября»[34].

На этот раз обещание было выполнено. 1 октября Девен писал Бабефу, что газета набирается: «Двое рабочих постоянно заняты этим»[35]. 7 октября он сообщил Губо, что на следующий день «газету можно будет уже рассылать»[36]. Через декаду был готов и второй номер. 18 октября жена Девена сообщила, что его можно будет получить «в среду утром»[37].

Бабеф старался, на первых порах, придать своему изданию локальный характер. В рукописи, озаглавленной «Utilité du Correspondant» (возможно, представляющей собой один из вариантов «Проспекта») он указывал, что почти все газеты Франции выходят в столице, и их редакторам кажется, что «Париж — это вся Франция». После помещения отчетов о заседаниях Национального собрания в них говорится о парижском муниципалитете, дистриктах и секциях, парижском суде, национальной гвардии Парижа: «То, что думают парижане, выдается за общественное мнение королевства, а все то, что относится к провинции, к движению и общественному мнению и настроению полезного и трудового населения наших деревень, от которых столица получает свое пропитание, оставляется в полном пренебрежении и играет совершенно второстепенную роль, а подчас и вовсе не упоминается в летописях нашей революции»[38].

бо получит вызов в мировой суд (tribunal de conciliation) Мондидье. Это негодяй, которого я не пощажу» (ЦПА ИМЛ, 89 В VI). Через несколько дней он писал по поводу «гнусного Губо», что ждет ответа от прокурора Мондидье, чтобы «вызвать Губо в мировой суд и, если потребуется, в трибунал дистрикта» (ЦПА ИМЛ, 91 В VI).

[33] ЦПА ИМЛ, 64 В I.
[34] ЦПА ИМЛ, 65 В I.
[35] ЦПА ИМЛ, 82 В VI.
[36] ЦПА ИМЛ, 99 В VI.
[37] ЦПА ИМЛ, 83 В VI.
[38] ЦПА ИМЛ, 86 В I.

Своему изданию Бабеф обещал придать другой характер: «Издатель (l'auteur) «Корреспондента», родившийся и воспитавшийся среди пикардийцев, знакомый с их характерами, одинаково хорошо знающий горожан и обитателей деревень, умеющий говорить простым и понятным языком для одних и других, превосходно знакомый со всеми их занятиями и интересами, надеется, что он находится в достаточно благоприятных условиях для того, чтобы придать своему начинанию полезность и интерес, которых не могут иметь для его земляков все остальные газеты» [39]. Бабеф всячески стремился расширить круг сотрудников: «Эта газета будет не столько нашим произведением, сколько произведением всех жителей дистриктов, кантонов, городов, местечек, деревень, поселков, муниципалитетов трех департаментов; они никогда не должны забывать, что их дело снабжать «Корреспондента» корреспонденцией» [40].

В своем проспекте Бабеф дал даже обещание, что он будет бесплатно давать лично и через газету все разъяснения, связанные с новым законодательством, и справки по всем возникающим спорным делам: «Меня можно найти в Руа» [41].

«Пикардийский корреспондент» имел известный успех. Во всяком случае его судьба совершенно несравнима с предшествовавшими литературными предприятиями Бабефа — его «Archiviste-terriste» и «Постоянным кадастром». Сохранился один из списков подписчиков на газету — в нем двадцать семь имен [42]. Список этот имеет специфический характер: подавляющее большинство в нем составляют книгопродавцы, директора почт, виноторговцы, внимание которых могла привлечь как раз локальная окраска газеты. Вместе с тем многие из них были своего рода «коллективными подписчиками». Номер газеты, хранившийся у виноторговца, имел достаточно многочисленных читателей. В списке представлены почти все сколько-нибудь значительные центры Пикардии — Амьен, Дуланс, Аббевилль, Лан, Суассон, Компьен, Бове, Перонн, Сен-Кантен, Мондидье, Руа, Нель, Гам, Санлис, Альбер, Корби, Брей на Сомме, Бретейль, Гиз, Вервен, Шато-Тьерри, Шони, Гурнэ (на Аронде), Крепи, Вилле-Котере и т. д.

Об успехе газеты можно судить и по некоторым сохранившимся письмам. Так, учитель правописания [43], подписчик газеты Лелиевр (Lelièvre) писал Бабефу из Бове 27 ноября 1790 г.: «Многие говорили мне, что вы не в состоянии будете выполнить все то, что вы обещаете. Я заверил их в обратном и, в качестве доказатель-

---

[39] ЦПА ИМЛ, 86 В I.

[40] Там же.

[41] Это дало Адвиеллю повод заподозрить, что и самая газета была скорее деловым предприятием, имевшим целью «привлечь новых клиентов» в «кабинет» Бабефа (V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 83). Это предположение Адвиелля, как мы увидим, не имело ни малейшего основания.

[42] ЦПА ИМЛ, 66 В I.

[43] Так указана его профессия в списке подписчиков (ЦПА ИМЛ, 66 В I).

ства, показал ваши первые номера... После этого г. Дюпюи, учитель пансиона (maître de pension), просил меня абонировать его на три месяца. Он находит, что ваша газета удивительно хороша (admirablement fort). Вы можете послать ему первый же номер, который выйдет после получения моего письма. Я уверен, что он затребует все. Я думаю, что вслед за ним последуют и многие другие» [44].

18 ноября к Бабефу обратился владелец типографии в Булони Муре по просьбе кюре прихода Куши (Couchy). Четыре прихода дистрикта выступили с петицией против назначения одного должностного лица (некоего Рессона). Кюре Куши просил Муре переслать петицию Бабефу для напечатания в «Пикардийском корреспонденте» с теми добавлениями, которые подскажет его «красноречие». «Я буду счастлив,— писал Муре,— если для нашего дела найдется место в вашей газете, о которой я слышал самые благоприятные суждения. Я очень вам признателен за номера, которые вы мне прислали, и льщу себя надеждой, что сумею увеличить число ее почитателей» [45].

Отметим также отзыв из противоположного лагеря. Оде Бракемон, сын владелицы сеньерии Дамери, у которой в свое время служила жена Бабефа, получив экземпляр газеты, отказался на нее подписаться. Очень вежливо мотивируя свой отказ тем, что он уже является подписчиком другой газеты, Бракемон писал 27 октября 1790 г.: «Ваше произведение (ouvrage), как мне кажется, очень пространно и очень хорошо сделано, но, вероятно, оно понравилось бы еще больше, если бы вы не занимали столь демократическую позицию» [46].

К сожалению, ни единого номера газеты не сохранилось. Все поиски В. Адвиелля [47], а позднее и М. Домманже оказались тщетными. О ее содержании мы можем судить только по некоторым рукописям, сохранившимся в архиве. Так, уцелело составленное Бабефом оглавление двух номеров газеты. По ним можно судить

---

[44] ЦПА ИМЛ, 51 В V.

[45] ЦПА ИМЛ, 62 В V. Муро просил Бабефа, в случае если в газете появится это сообщение, напечатать добавочные тридцать экземпляров газеты и прислать их кюре Куши или ему. Как видно, Бабеф в дальнейшем взял на себя редактирование этой петиции, о чем можно судить по письму к нему Девена от 28 ноября 1790 г.: «Вы не получите вашего мемуара о Рессоне; он будет готов только во вторник» (ЦПА ИМЛ, 91 В VI). В архиве сохранилось также письмо некоего Ледануа (Ledanoy) от 5 февраля 1791 г., в котором он приветствует помещение в газете стихов, направленных против церкви, и уверяет Бабефа, что «восстание против религии, о котором так часто вздыхают, гораздо ближе, чем это кажется» (ЦПА ИМЛ, 50 В V).

[46] ЦПА ИМЛ, 23 В VI.

[47] «Доктор Вармон, единственный, как нам известно, кто владел коллекцией «Пикардийского корреспондента», написал нам: «Я сделал, но безуспешно, попытку разыскать это издание. Оно, вероятно, исчезло у меня, когда, покидая Шони, я пожертвовал всеми книгами и брошюрами локального характера» (V. Advielle. Op. cit., v. II, p. 514).

о структуре всей газеты и о том месте, какое отводилось в ней чисто пикардийским вопросам. Оглавление одного из номеров таково:

«1-я часть. Нынешнее положение свободы во Франции.

2-я часть. Политическая исповедь редактора. Новый способ обращения с людьми, занимающими должности (les places). Петиция коммуны Гурнэ по поводу дорожного права (voyerie).

3-я часть. О новом делении и границах внутри королевства. Разбор в первой инстанции, перед судом публики, спора между дистриктами Аббевилля и Дуланса по поводу их границ»[48].

Сохранилось также оглавление другого номера:

«*Первая часть*. Права человека и гражданина. Пользуется ли ими француз?

Вторая часть. Продолжение петиции о дорожном праве. Маневры сеньеров, всегда направленные к притеснению.

Третья часть. Будет ли второе законодательное собрание состоять из подлинных патриотов, друзей народа? Новое открытие: во Франции существуют 4 новых сословия.

Четвертая часть. Процесс в Шатле по поводу событий 5—6 октября 1789 года»[49].

Сохранившиеся рукописи «Пикардийского корреспондента» позволяют разъяснить некоторые из этих записей. Петиция коммуны Гурнэ была составлена самим Бабефом по просьбе ее жителей. Речь шла о том, кому должны поступать плоды с фруктовых деревьев, которыми были обсажены дороги. Крестьяне, ухаживавшие за ними, требовали, чтобы плоды доставались им; сеньер же Гурнэ на основании одного из сеньериальных прав (voyerie) по-прежнему претендовал на их получение[50]. Это было одно из первых дел, в котором Бабеф, как он говорил, выступил в качестве «адвоката народа».

В связи со спором о границах между дистриктами Аббевилль и Дуланс Бабеф в своей газете критиковал законодательство Учредительного собрания. При определении границы между дистриктами следовало исходить из размеров площади, ими занимаемой, из количества населения, или какого-нибудь другого общего принципа. Собрание этого не сделало, и этим объясняются многочисленные конфликты. Остановившись на прениях по этому вопросу в Собрании, Бабеф снова очень лестно отозвался о выступлении Петиона, «который иногда занимает более правильную позицию,

---

[48] ЦПА ИМЛ, 99 В I (Principaux sujets traités dans ce №). Пересылая часть рукописи о коммуне Гурнэ и споре двух дистриктов, Бабеф сделал на ней пометку: «Для г. наборщика», что это «вторая часть № 3» (ЦПА ИМЛ, 72 В I).

[49] ЦПА ИМЛ, 68 В I (Table des matières contenues dans ce №). В верхней части листка, на котором сделана эта запись, содержится проект полномочий Бабефу от трактирщиков г. Руа, датированный 14 октября 1790 г.

[50] ЦПА ИМЛ, 62, 72 и 96 В I (см. главу IX).

чем все собрание, как это произошло и в данном случае»[51]. Как мы помним, эта высокая оценка связана с выступлением Петиона при обсуждении «Декларации прав человека и гражданина». Упоминание о Петионе в статье, имевшей как будто бы сугубо локальный характер, свидетельствует о том, что общие социальные проблемы никогда не ускользали из поля зрения Бабефа.

Другим «пикардийским» вопросом, которым Бабеф занимался в газете, был конфликт между городской коммуной и директорией Нуайонского дистрикта, назначившей нового сборщика налогов. Дело это дошло до Учредительного собрания и отмечено было даже в донесениях Симолина[52]. Бабеф занял отрицательную позицию к домогательствам обеих сторон, как не носившим принципиального характера. Его позиция совершенно ясна даже из заголовка его статьи: «Большие разногласия по поводу маленького дела (grands débats pour une petite cause) между нуайонским дистриктом, коммуной и муниципалитетом этого города»[53]. Позднее Бабеф изменил свою позицию; во всяком случае в его архиве сохранилась петиция граждан Нуайона, в редактировании которой он принял, возможно, участие[54].

Этот интерес к местным вопросам несомненно содействовал распространению газеты и росту личной популярности Бабефа. Об этом говорит тот факт, что он вскоре вынужден был отказаться от данного в проспекте «Пикардийского корреспондента» обещания отвечать на все устные вопросы. «Это объяснение,— писал он в «Очень важном сообщении»,— сейчас же привело к поразительному росту устных консультаций»[55]. Они отнимали у Бабефа столько времени, что он вынужден был просить о том, чтобы впредь к нему обращались, по возможности, письменно. «Все наши силы и способности, без всяких ограничений, посвящены нашим братьям, даже наша жизнь будет слишком незначительной жертвой, которую мы всегда готовы принести с тем мужественным спокойствием, которое присуще людям нашего характера»,— писал Бабеф, объясняя, что этот вынужденный отказ имеет только одну причину. Он не хочет «жертвовать общим благом во имя частных интересов»[56]; «Пикардийский корреспондент», таким образом, меньше всего ставил своей задачей увеличение клиентуры и расширение «личной практики» «кабинета» Бабефа.

Чисто пикардийские проблемы не занимали, однако, в газете главенствующего положения и, даже освещая их, Бабеф, всегда стремился ставить их принципиально. Газета была прежде всего

[51] ЦПА ИМЛ, 97 В I («Péthion à qui il arrive quelque fois d'avoir plus raison que toute l'Assemblée, en donna une preuve dans cette circonstance»).
[52] АВПР, ф. «Сношения России с Францией», оп. 93/6, д. 479, л. 340.
[53] ЦПА ИМЛ, 72 В I.
[54] ЦПА ИМЛ, 39 и 40 В IX.
[55] ЦПА ИМЛ, 98 В I («Avis très essentiel»).
[56] Там же.

политической трибуной Бабефа. Недаром она носила несколько странный, на первый взгляд, заголовок, в который Бабеф, как мы увидим, вкладывал очень важное для себя содержание — «Пикардийский корреспондент и составитель наказов второго Законодательного собрания» [57]. Именно поэтому она является важным источником для знакомства с политическими идеями Бабефа, сложившимися к исходу первого года великой буржуазной революции.

III

Изучение «Пикардийского корреспондента» представляет гораздо большие трудности, чем «Газеты Конфедерации». В архиве сохранились рукописи всех четырех номеров «Journal de la Confédération» и притом во всех вариантах — черновики и окончательный, перебеленный текст, не говоря уже о том, что уцелел печатный экземпляр первых двух номеров газеты. С «Пикардийским корреспондентом» дело обстоит иначе. Рукописи для набора посылались Бабефом в Нуайон не сразу, а по частям; в архиве нет поэтому ни одной окончательно перебеленной, законченной рукописи всего номера газеты. Тем не менее уцелевшие материалы дают все же возможность восстановить некоторые основные мысли Бабефа.

Наибольший интерес представляет его оценка деятельности Учредительного собрания. В октябре 1789 г. маратовская критика деятельности Неккера казалась еще Бабефу во многом слишком резкой и недостаточно обоснованной. В конце ноября, после введения цензового избирательного права, он уже указывал, что деятельность Собрания начинает внушать недоверие, хотя и тогда еще очень положительно отзывался о Мирабо. Осенью 1790 г., в «Пикардийском корреспонденте» Бабеф подвергает уже всю деятельность Собрания самой резкой и беспощадной критике. Развитие буржуазной революции всего лишь за один год очень многому его научило.

Свой первый номер газеты он начинает с признания, что всему изданию предполагал предпослать «tableau en grand» — изложение всей истории, всего хода, «ближайших и отдаленных» причин «великой и поразительной революции». Не отказываясь от этого намерения,— Бабеф обещал даже своим читателям издание особого приложения, под названием «Введение» («Introduction») — он переходит сразу к вопросам, непосредственно его волновавшим. «Сейчас уже не стоит вопрос об отступлении, мы ввязались в бой, попробуем продвигаться вперед на этом огромном ристалище» [58].

---

[57] «Le Correspondant Picard et le rédacteur des cahiers de la seconde législature. Journal dédié aux habitants des cantons, villes, villages, hameaux et municipalités des départements de la Somme, de l'Aisne et de l'Oise, par F. N. Babeuf. Noyon, imprimerie de Devin» (V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 514).

[58] ЦПА ИМЛ, 94 и 104 В I.

Первую часть каждого номера своей газеты Бабеф собирался посвящать изложению декретов Учредительного собрания. Она должна была называться «Критические размышления по поводу различных декретов, принятых с того времени, как начата работа над конституцией» [59]. В этой части, как писал Бабеф, «мы дадим последовательное, полное собрание декретов нашего нового законодательства и сопроводим каждый декрет комментариями и критическими замечаниями с тем, чтобы дать им подлинную, справедливую оценку. Благодаря серьезному и углубленному изучению мы дадим возможность тем, кто удостоит нас чести читать и будет, как и мы, воодушевлен стремлением к общему благу, проголосовать за сохранение одних и изменение других, потому что никто не станет утверждать, что в новой конституции нет ничего, что не требовало бы исправлений... Мы последовательно изложим заслуживающие сохранения декреты, и те, которыми, по нашему мнению, второе законодательное собрание должно будет заменить декреты, не получившие общего одобрения» [60].

Мысль Бабефа выражена достаточно ясно,— хотя он сохраняет еще очень сдержанный тон,— передовая статья первого номера газеты не должна была оттолкнуть читателей. Но в последующих номерах его тон становится все более резким. «Мое объявление (mon annonce) о намерении составлять наказы для второго законодательного собрания могло показаться странным в нынешних условиях»,— пишет Бабеф и объясняет, почему, несмотря на недавно принесенную присягу, народ имеет полное право и обязанность пересмотреть конституцию, разработанную Учредительным собранием. Вся его деятельность, за исключением тех «немногих дней, когда национальное собрание уважало декретированные им права человека», была «длинной цепью ошибок» [61].

Сохранились сделанные Бабефом выписки из королевских грамот о созыве Генеральных штатов. Они понадобились ему для доказательства положения, выдвинутого в одной из его статей, что даже монархия вынуждена была признать за всеми французами право на участие в выборах и в обсуждении наказов. Но Учредительное собрание постепенно лишало народ всех прав, которые даже королевская власть ему предоставила. Бабеф внимательно анализирует «декрет-постановление» Собрания от 17 июня 1789 г., по которому король лишался права на какое-либо расходование средств или взимание налогов без санкции представителей народа. По мнению Бабефа, уже в этом постановлении Собрание впервые решилось отказаться от формулы «санкция нации», подменив ее санкцией одних лишь депутатов. Это «коварное» постановление было первым из мероприятий, которые в конце концов привели к

---

[59] ЦПА ИМЛ, 94 В I («Réflexions critiques sur les différents Décrets passés depuis l'entreprise de l'oeuvre de la constitution»).

[60] ЦПА ИМЛ, 104 В I («Le Correspondant Picard», N 1, 1 octobre).

[61] ЦПА ИМЛ, 90 В I.

замене королевского деспотизма новым «деспотизмом Сената»[62]. Бабеф формулирует свой взгляд совершенно категорически: «...Первое законодательное собрание отняло у нас те немногие права, которые оставил нам деспотизм...; его действия привели к тому, что второе законодательное собрание, по необходимости, будет состоять из врагов большинства народа... Права человека не признавались и отвергались на протяжении веков; *они были полностью уничтожены собранием представителей народа в 1789 г.*, и уделом всего человечества стало самое позорное унижение. *Докажем эту ужасающую, но совершенно точную истину*»[63] (курсив наш.— *В. Д.*).

Такая оценка в исторической перспективе не может не показаться чересчур резкой. Но она является очень красноречивым документом, чрезвычайно убедительно свидетельствующим о том, какое глубокое разочарование вызвал первый год пребывания буржуазии у власти у наиболее честных демократов, ожидавших, что падение Бастилии приведет к установлению подлинного народного суеверенитета.

Наиболее глубокое возмущение Бабефа, как и всех остальных демократов во главе с Робеспьером, вызвало, как известно, установление цензового избирательного права, самого «человекоубийственного», по его мнению, из всех законов, «позорно лишившего прав человека $^5/_6$ всех граждан»[64]. Именно этому вопросу была посвящена уже упомянутая нами «Очень почтительная петиция сословия патаров». Старая Франция знала разделение на три сословия; на их развалинах возникли сейчас четыре новых сословия: «патаров, экю, пистоля и марки»[65]. Но это новое деление, основанное на имущественном неравенстве, является грубым вызовом всем великим принципам, провозглашенным Декларацией прав. Во Франции нет подлинной свободы: «Нет, невозможно, чтобы мы, отстраненные от общественных должностей, лишенные права принимать участие в выборе наших руководителей и обсуждении общественных дел, подавленные презрением, с которым богатые наглецы никогда раньше не осмеливались третировать добродетель бедняков, невозможно, чтобы мы и впредь заблуждались насчет призрака свободы, в существовании которой нас хотят уверить только похитители наших прав»[66]. В этой политике, по мнению Ба-

---

[62] ЦПА ИМЛ, 90 В I.

[63] ЦПА ИМЛ, 94 В I.

[64] ЦПА ИМЛ, 90 В I.

[65] См. ЦПА ИМЛ, 59 В I; «Pages choisies...», p. 98—103. Как указывает М. Домманже, «патар» — это древняя мелкая монета. Сословие «патаров» — это те «пассивные» граждане, которые лишены были Учредительным собранием избирательного права. Под сословиями «пистоля» и «экю» Бабеф подразумевает тех, кто пользовался избирательным правом (для чего, как известно, требовалось вносить налоги в размере трехдневного заработка), но был лишен права быть избираемым. Оно предоставлялось, согласно решению Собрания (отмененному накануне его роспуска в 1791 г.), только лицам, платившим налоги в размере не менее марки серебром (около 50 франков).

[66] ЦПА ИМЛ, 59 В I.

бефа, проявилось стремление собственников монополизировать власть в своих руках.

Каждое человеческое существо заинтересовано в существовании общества, в котором оно живет и поэтому «считать, что тот, кто не имеет земельной собственности, не заинтересован в общественных делах, не значит ли это грубо оскорблять здравый смысл?» Согласно Декларации прав, суверенитетом, полнотой всех прав обладает только нация. Но если тех, кто не имеет земельной собственности, лишили права участвовать в принятии решений, их тем самым перестали считать «членами нации». Взамен принципа суверенитета нации провозглашен другой принцип: «Отныне общество составляют лишь земельные собственники и только те, кто платит марку серебром прямых налогов; только они имеют право принимать законы. Разве это не означает установление самой возмутительной аристократии и разве этим не утверждается конституцией самый сумасбродный вздор» [67]. Если следовать принципу предоставления политических прав в зависимости от наличия собственности, то нужно установить и градацию этих прав, пропорционально размерам собственности — «тот, кто платит десять марок, должен иметь больше прав, чем тот, кто платит только одну» [68].

Бабеф резко критикует стремление «сословия марки» сосредоточить в своих руках полноту власти. Он критикует также всю политику, приведшую к подмене суверенитета нации суверенитетом сената. Народ все больше лишают возможности как-либо влиять на Учредительное собрание и контролировать его действия; оно становится все более полновластным. Постепенно ограничивается даже право петиций, упраздняются дистрикты, прекращается созыв народных собраний, «раб сам сковал свои цепи; избирательным собраниям отныне предписано заниматься только выборами» [69], «говорят о свободе, а каждый день, не подавая даже вида, делают новые поспешные шаги к установлению рабства» [70].

Бабефа особенно возмущало принесение присяги в верности конституции,— тем самым у народа отнимается основное его право изменять конституцию: «Отныне и это право принадлежит только самим членам сената. О, права человека! О, французская свобода! Где же вы?» [71]. Наиболее патриотическим клубам фактически запрещено делать какие-либо замечания по поводу конституции. Состоящий из членов Национального собрания Парижский клуб якобинцев, образцу которого хотят подражать все остальные клубы королевства, приняв название «Общество друзей конституции»,

---

[67] ЦПА ИМЛ, 59 В I; «Pages choisies...», p. 99—100.

[68] Там же. Бабеф повторяет здесь аргументацию Робеспьера из его речи в Учредительном собрании (см. выше гл. V-ую).

[69] ЦПА ИМЛ, 88 В I.

[70] ЦПА ИМЛ, 93 В I.

[71] ЦПА ИМЛ, 88 В I.

внес в свой устав статью, согласно которой «нельзя предпринимать ничего, что не содействовало бы ее сохранению». Таким образом, можно заниматься обсуждением лишь новых законов, а в отношении уже принятых «предписано сохранять полнейшее молчание»[72]. Хотя «развращена» только часть Национального собрания, тем не менее все его действия привели к тому, что будущее собрание будет уже целиком «зараженным» и можно опасаться, что оно уничтожит все хорошее, что сделано нынешним собранием. Бабеф задается даже вопросом, следует ли желать ускорения созыва этого нового собрания, не целесообразно ли отступить от одного из наиболее благотворных обычаев римлян — сменять своих сенаторов. «Чтобы избежать наступления периода крайнего упадка,— пишет Бабеф,— нам кажется лучше добиваться сохранения тех, кто делает немного плохого и немного хорошего, вместо того чтобы очутиться под властью тех, кто будет творить только зло. Нас довели до того, что мы будем хотеть осуществления странного пожелания епископа отенского (Талейрана.— *В. Д.*): «Занятые великим делом конституции, мы его завершим», т. е. мы будем оставаться до тех пор, пока захотим, так как не существует никакого срока, в течение которого должна быть выработана конституция»[73].

В чем же выход из создавшегося положения? Бабеф видит его только в том, чтобы полностью восстановить суверенитет народа. Национальное собрание необходимо лишить самостоятельности, которую оно себе присвоило: «национальная воля» должна определять снизу, каждый шаг депутатов должен совершаться только с санкции их доверителей (commetants). Бабеф добивается — и этим объясняется заголовок его газеты «Составитель наказов второго законодательного собрания»,— выработки новых «наказов» (cahiers) для депутатов будущего собрания, которые должны носить абсолютно императивный характер. Нужны не «почтительные петиции», не просто адреса,— нужно выработать наказы, которые определяли бы каждый шаг, каждое выступление и голосование депутата[74].

Бабеф следующим образом формулировал свои требования: «Наши депутаты не должны иметь никаких прав, которые не исходили бы от нас; они не должны присваивать себе власть. Осуществляя народную волю, они никогда не должны отступать от буквы своих наказов (de la lettre de leurs mandats); они не могут подменять желания, выраженные их доверителями, своими собственными желаниями; они должны состоять с ними в постоянной пере-

---

[72] ЦПА ИМЛ, 88 В I.

[73] ЦПА ИМЛ, 94 В I.

[74] «Принимать на собраниях секций не простые петиции, не почтительные адреса, а наказы или формальные инструкции.... пока не будет выявлено мнение других секций, и, таким образом, во всех департаментах не определится воля нации... Это единственное средство улучшить начатую великую работу составления конституции и исправления многочисленных обнажившихся в ней пороков» (ЦПА ИМЛ, 25 В I).

писке, ежедневно отчитываться (un compte journalier) в действиях законодательного собрания. Когда окажется, что по некоторым вопросам у них нет достаточных полномочий, они должны будут испрашивать их у своих доверителей и должны голосовать только в строгом соответствии с полученными ими инструкциями. Они будут только верными исполнителями»[75]. Депутаты, говорится в другом варианте этой же статьи, могут быть только точными исполнителями воли своих доверителей, на каждый свой шаг, на каждое свое голосование они должны испрашивать их разрешения[76]. «Делать все для Рима и никогда ничего для самих себя»[77].

Правда, Бабеф сам приводит целый ряд возможных возражений против его предложений: депутаты будут ежедневно заняты перепиской со своими избирателями; один депутат может приостановить деятельность всего законодательного корпуса, если он заявит, что у него нет полномочий по обсуждаемому вопросу; все Национальное собрание должно будет дожидаться, пока тот или иной депутат не получит дополнительных полномочий. Однако ему казалось тогда, что на каждое из этих возражений у него найдется «победоносный» ответ[78].

Критика действий Учредительного собрания в «Пикардийском корреспонденте» совпадала, а часто и повторяла ту критику, которая давалась во всей крайне левой демократической печати, прежде всего в «Révolutions de Paris», внимательным читателем которых был Бабеф. По своей резкости она отнюдь не превосходила критики Марата. Но тогда как Марат считал, что для спасения революции необходимо установить по римскому образцу личную диктатуру, срубить «несколько сот голов», посадить «на кол» всех «недостойных членов Учредительного собрания», Бабеф, как и целый ряд других левых демократов, искал выхода в осуществлении самой полной и самой чистой демократии, в лишении депутатов Национального собрания даже тени самостоятельности.

Бабеф не предвидел тогда, что его утопия «императивных мандатов» может быть использована и врагами революции. Достаточно напомнить, что в самый критический момент истории Конвента, во время процесса короля, именно жирондисты, стремясь во что бы то ни стало оттянуть развязку, внесли предложение о передаче вопроса на разрешение первичных народных собраний. Но понимание невозможности осуществления полной демократии в усло-

---

[75] ЦПА ИМЛ, 88 В I.

[76] ЦПА ИМЛ, 90 В I («Ils n'en seront que des interprètes fidèles, et d'après cette règle ce sera la pluralité des voeux conformes et exprimés par les interprètes des différentes sections de citoyens, qui constituera la loi; lorsqu'ils se trouvent dépourvus de pouvoir suffisant relativement à quelque proposition de bien public, ils pourront en solliciter de leurs commetants des pouvoirs particuliers et additionnels. Jamais ils ne pourront être que des interprètes et ils ne pourront voter que conformément à l'autorisation de leurs commetants»).

[77] ЦПА ИМЛ, 58 В I.

[78] ЦПА ИМЛ, 90 В I.

виях острой революционной борьбы пришло к Бабефу значительно позднее. Ему понадобился для этого не только опыт нескольких лет революции, якобинской диктатуры, но и жестокие уроки термидорианской реакции. Тогда и *только тогда* он пришел к окончательному выводу, что, нарушая «чистую демократию», Робеспьер и Сен-Жюст были правы, что их «революционное правительство было дьявольски хорошо задумано»[79].

Следует, однако, заметить, что и Бабеф, возможно, под влиянием Марата, задумывался над римским опытом диктатуры. Так, в рукописи «Очень почтительной петиции» Бабеф, говоря о борьбе патрициев и плебеев, напоминает, что плебеи имели «своих трибунов, своих представителей в сенате, своих консулов и своих диктаторов»[80]. Характерно, что эти слова «своих диктаторов» первоначально в рукописи отсутствовали, Бабеф вставил их позднее. Он сознавал, что одних трибунов и консулов недостаточно,— понимание исторической роли диктаторов было, таким образом, не чуждо Бабефу. Но это упоминание является все же единичным,— к признанию необходимости революционной диктатуры Бабеф приходит гораздо позднее.

В «Пикардийском корреспонденте» Бабеф вернулся к теме, которая всегда его занимала,— к вопросу о воспитании. Превращение французов в действительно свободных граждан, людей, всем своим видом и поведением «показывающих, что место, которое они занимают на земле, равно, абсолютно равно тому, которое занимает любое другое существо», зависит от воспитания. Этой теме посвящена значительная часть первого номера газеты. Бабеф напоминает изречение французского канцлера и просветителя Мишеля Лопиталя: «Человек несчастен только из-за своего невежества».

Как и в «Постоянном кадастре», размышления Бабефа на эту тему отнюдь не оторваны от его социальных взглядов. Бабеф ссылается на опыт греческих законодателей: они понимали, что «гражданское образование является национальной собственностью, на которую каждый гражданин имеет одинаковое право, так же как у нас незыблемо установлено, что религиозное обучение (instruction spirituelle) является общей собственностью, на бесплатное пользование которой имеют одинаковое право и одинаковые возможности все верующие без исключения, богатые и бедные»[81]. Люди станут по-настоящему равными только тогда, когда они будут получать одинаковое, «равное образование». Пока сохраняются два разных класса — людей невежественных и людей образованных (deux classes distinctes entre les hommes, des ineptes et des lettrés), эти классы

---

[79] См. письмо Бабефа к Ж. Бодсону 28 февраля 1796 г. («Copie des pièces saisies dans de local que Baboeuf occupoit lors de son arrestation», v. II, p. 32; «Pages choisies...», p. 284.— См. также нашу работу «Робеспьер и Бабеф» (ННИ, 1958, № 6).

[80] ЦПА ИМЛ, 59 В I.

[81] ЦПА ИМЛ, 104 и 24 В I.

не будут относиться один к другому, как равные, и дух господства, присущий нашей натуре, окажется на стороне тех, кто будет иметь знания, что неизбежно приведет к закабалению невежественных»[82].

Основываясь на опыте революции, Бабеф считал, что это неравенство в воспитании увеличивает опасность «выспренного красноречия», с помощью которого «наивным простакам» успешно доказывают, что «белое является черным, а то, что они считали злом, можно назвать добром». Бабеф настаивал поэтому на необходимости «установить при новом строе государственное образование, которое должно служить *оплотом социального равенства и свободы*»[83] (курсив наш.— *В. Д.*).

Бабефа всегда занимали прежде всего социально-экономические проблемы революции. Мы уже видели, что весной 1790 г. он проявил живейший интерес к вопросу о распродаже церковных имуществ. Судя по «Пикардийскому корреспонденту» осенью 1790 г., как только был поставлен вопрос об ассигнатах, он сразу же привлек внимание Бабефа. «Важнейший вопрос об ассигнатах,— писал Бабеф,— который с полным основанием занимает все умы, встал только за несколько дней до начала выхода нашей газеты. Мы сочли полезным коснуться его (d'y remonter) и пусть наши читатели не посетуют, что мы не упустим случая осведомить их о дискуссии (в Собрании.— *В. Д.*), результаты которой составят, возможно, целую знаменательную эпоху в нашей истории»[84]. Судя по сохранившимся выпискам, Бабеф собирался осветить в своей газете ход заседаний Учредительного собрания 26, 27, 28 сентября, на которых обсуждался вопрос об ассигнатах. Конечно, Бабеф не мог себе тогда представить, какие сложные социальные последствия повлечет за собой выпуск ассигнатов, но самый интерес его к этому вопросу весьма показателен.

Для оценки идейных влияний, которые испытывал Бабеф, отметим в «Пикардийском корреспонденте» характеристику Вольнея. Вольней не принадлежал к числу таких гигантов-мыслителей XVIII в., как Вольтер, Руссо, Дидро. Тем не менее этот видный ориенталист, путешественник, ученый, в первые годы революции член Учредительного собрания и довольно последовательный республиканец[85], занимал видное место в созвездии «второстепенных умов», таких, как Рейналь или С. Мерсье, несомненно влиявших на своих современников. Мы уже упоминали об интересе Бабефа

---

[82] Там же.

[83] ЦПА ИМЛ, 24 В I («Cela paraîtrait nous conduire à la discussion de la nécessité d'établir dans un nouvel ordre des choses une éducation nationale, pour servir de rempart à l'égalité sociale et à la liberté»).

[84] ЦПА ИМЛ, 99 В I.

[85] Позднее Вольней поддержал переворот 18 брюмера, был при Наполеоне сенатором, получил титул графа и одно время выдвигался даже в министры внутренних дел. Однако либерализм Вольнея скоро вызвал охлаждение со стороны Наполеона. Вольней стал членом Института, но не сделал никакой политической карьеры (см. J. Gaulmier. L'idéologue Volney. Beirouth, 1951).

к Мерсье; не прошел он и мимо Вольнея. В своем «Пикардийском корреспонденте» Бабеф, с присущей ему восторженностью, противопоставил «сенаторскому деспотизму» «доктрину, проповедуемую первым свободным человеком, проявившим себя в Национальном собрании. Я говорю о г. Вольнее, о бессмертной речи которого я вспоминал недавно, позаимствовав из нее очень важную первую статью моих наказов. Эта первая статья является полной противоположностью декрету-постановлению 17 июня»[86]. Интерес к Вольнею Бабеф сохранил и в последующие годы: в 1793 г. он выписал точное название вышедшей тогда книги Вольнея «Естественный закон, или оправдание французского гражданина» и адрес книгопродавца[87], очевидно, собираясь ознакомиться с этим произведением.

Насколько малоизвестна история «Пикардийского корреспондента» можно судить по тому, что до сих пор мы не знаем, сколько вышло номеров газеты, когда и по каким причинам прекратилось ее издание. На основании своей переписки с д-ром Вармоном, единственным человеком, владевшим коллекцией «Корреспондента», В. Адвиелль, а за ним и все биографы Бабефа, в том числе и самый осведомленный, М. Домманже, утверждали, что вышло сорок номеров газеты[88] — утверждение, представляющееся нам весьма рискованным.

Судя по сохранившимся письмам Девена и его жены (она писала Бабефу неоднократно и до начала революции), в течение октября 1790 г. вышли три номера газеты. 3 ноября Девен жаловался на то, что Бабеф задерживает материалы четвертого номера: «Вы ничего не присылаете; нас беспокоит судьба газеты»[89]. Только 6 ноября Бабеф прислал часть материала для набора. «Я злился на вас всю неделю,— писал ему в тот же день Девен,— без сомнения, вы не заставите долго ждать продолжения»[90]. На следующий день, 7-го, Девен выслал корректуру набранной части четвертого номера. «Присылайте весь материал, чтобы закончить. Мы могли бы, будь весь материал, закончить сегодня же»[91]. 11 ноября Девен сообщил, что набор закончен, газету «печатают, и завтра я ее вам пе-

---

[86] ЦПА ИМЛ, 90 В I. В нашем распоряжении не было той части рукописи «Пикардийского корреспондента», в которой Бабеф привел речь Вольнея. В. Адвиелль излагает ее так: «Приведя слова Малуэ, что заседания должны быть закрытыми и с трибун следует удалять всех посторонних, он (Бабеф) с удовольствием повторил блестящий и правильный ответ Вольнея, что среди них нет посторонних, а только братья и что они являются лишь «их представителями, получившими от них свои полномочия» (V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 85).

[87] ЦПА ИМЛ, 108 В II («Loi naturelle ou la justification du citoyen français», par Volney). Второе издание книги, уже при Наполеоне, вышло под названием «La loi naturelle ou cathéchisme du citoyen français». Paris, 1809.

[88] «Pages choisies...», p. 9.

[89] ЦПА ИМЛ, 84 В VI.

[90] ЦПА ИМЛ, 85 В VI.

[91] ЦПА ИМЛ, 86 В VI.

решлю». Типография ждала получения материалов для набора пятого номера [92].

Однако когда Бабеф получил четвертый номер газеты, разразилась буря — между ним и Девеном произошел резкий конфликт. К сожалению, письмо самого Бабефа по этому поводу не сохранилось, но из ответа Девена можно судить о непосредственных причинах столкновения. Не дождавшись получения последней части четвертого номера, Девен, чтобы не задерживать выход газеты, заполнил номер материалами из риваролевского реакционного «Journal politique-national» [93].

Легко представить, какое возмущение это должно было вызвать у Бабефа. «Если бы вы прислали достаточно материала для того, чтобы заполнить номер,— пытался оправдаться Девен,— я не был бы вынужден заимствовать из «Journal national», чтобы его закончить... Вот как я смотрю на это дело. Вы его рассматриваете и, очевидно, будете рассматривать по-другому. Ваше поведение все больше и больше становится для меня совершенно необъяснимым. Вы теряете голову! Нужно было потерять ее, чтобы написать мне такое яростное письмо, мне, который всегда так близко принимал к сердцу ваши интересы. Я, наверное, отправлюсь сегодня в Руа. Не от меня будет зависеть, чтобы все уладилось к удовлетворению всех троих... Вы наделали глупостей и дали в руки оружие против себя. Есть только один способ поправить дело: разослать номера, которые я вам посылаю, и ограничиться списком опечаток (errata), который займет часть обложки пятого номера» [94].

Но у Бабефа давно уже были основания для недовольства Девеном. Постоянные назидания Девена о соблюдении осторожности и прежде, вероятно, раздражали Бабефа [95]. Летом 1789 г. они вместе некоторое время жили в Париже. «Я страдал от необходимости находиться вместе с этими людьми (Девеном и его женой.— *В. Д.*) и быть вынужденным скрывать презрение, которое они мне внушали,— писал Бабеф жене 8 августа 1789 г.— Это ужасные люди, которых я буду презирать всю свою жизнь. Десять — двенадцать дней назад я обнаружил всю гнусность (noirceur), которой они преисполнены. Я ни с кем не поделюсь этим открытием, но я уже начал их наказывать. Не они будут печатать Кадастр,

---

[92] ЦПА ИМЛ, 87 В VI («Я ожидал, что вы передадите через Бонне материалы для пятого номера. Он мог бы появиться в понедельник»).

[93] Бабеф следил за газетой Ривароля. На письме Девена от 17 сентября 1791 г. есть его пометка: «Запросить у г. Девена греческие и римские книги, а также первый абонемент «Journal politique-national»» (ЦПА ИМЛ, 74 В VI).

[94] ЦПА ИМЛ, 88 В VI (рукой Бабефа проставлена дата получения: 13 ноября 1790 г.).

[95] Для характеристики политических настроений Девена в годы революции любопытно его письмо к Бабефу 26 апреля 1790 г.: «У короля уже в течение четырех дней диаррея. Если государь умрет, вспыхнет страшная революция. Да избавит нас бог от нее!» (ЦПА ИМЛ, 74 В VI). При Реставрации Девен вновь, как и до революции, стал «королевским типографом».

и г. Одиффре позаботится о том, чтобы сделать это в Париже»[96] Правда, в 1790 г. Бабеф должен был вновь воспользоваться услугами Девена. Но его беспринципный поступок при выпуске четвертого номера газеты переполнил чашу терпения. К тому же конфликт с Губо лишил газету самостоятельной материальной базы.

Тем не менее пятый номер газеты вышел[97]. Мы имеем теперь неопровержимое доказательство этого: библиотеке Института Фельтринелли удалось раздобыть величайшую библиографическую редкость — печатное уведомление о готовящемся выходе шестого номера газеты уже под новым заголовком «Исследователь декретов и составитель (rédacteur) наказов второго законодательного собрания»[98]. До сих пор, говорится в уведомлении, газета предназначалась только для трех пикардийских департаментов, отныне она «предлагается всем 83 департаментам, являющимся достоянием французского народа». Бабеф четко определяет цель газеты: «Изложить конституцию в том виде, в каком она существует сейчас и какой она должна стать». Она должна поэтому выпускаться не для одной Пикардии, а «для всех частей королевства» и носить заголовок, отвечающий ее содержанию: «Le Scrutateur des décrets»[99]. Одновременно Бабеф сообщал подписчикам, что периодичность выпуска газеты изменяется. Она по-прежнему будет выходить на 32 страницах в номере, но не строго еженедельно. Поскольку газета предназначается для распространения по всему королевству, «может случиться так, что на одной неделе выйдет два номера, но следующий номер выйдет только через 10—12 дней». Но Бабеф обещал удовлетворить всех своих подписчиков: на протяжении первого триместра выйдут все обещанные тринадцать номеров.

Можно усомниться в том, что Бабеф выполнил свое обещание. Решение отказаться от еженедельного выхода газеты он принял еще в ноябре, во время набора пятого номера. «Я поздравляю вас с решением сбросить иго ежедневного выхода вашей газеты,— писал ему Девен 28 ноября, уже после происшедшей бури.— Это стеснение действует убийственно, и вызываемая им поспешность иногда

[96] ЦПА ИМЛ, 35 В VIII.

[97] Часть набора для № 5 Бабеф выслал одновременно с окончанием рукописи 4 (см. ЦПА ИМЛ, 90 В I,— пометка Бабефа: «№ 5 начинается здесь»; см. также пометку на обороте письма Лелиевра от 27 ноября об оплате № 5. ЦПА ИМЛ, 51 В V).

[98] «N 6. Le Scrutateur de Décrets et Le Rédacteur des cahiers de la seconde Législature; en continuation du Journal intitulé: Le Correspondant Picard, dédié primitivement aux Départements de la Somme, de l'Aisne et de l'Oise, et offert aujourd'hui aux 83 Départements de la domination du Peuple Franc par F.-N.-C. Babeuf» (Biblioteca Feltrinelli, Milano). Микрофильм этого уведомления любезно прислан нам директором Института Фельтринелли, Дель-Бо. Именно этот второй заголовок Бабеф привел в своей тюремной анкете (G. Deville. Notes inédites de Babeuf, sur lui-même.— «La Révolution française», t. XLIX, 1905, p. 38).

[99] Об этом своем замысле Бабеф писал и в № 1, судя по сохранившейся рукописи: «Мы рассчитывали дать одновременно весь кодекс законов первого, а также второго собрания, или, во всяком случае, полный наказ для этого второго собрания, как это и обещал наш заголовок» (ЦПА ИМЛ, 104 В I).

может чрезвычайно вредить делу» [100]. Но материал по-прежнему поступал в типографию очень медленно [101].

После истории с четвертым номером Бабеф, очевидно, вообще остыл к своему предприятию. В середине декабря он на две недели уехал в Париж. «Я счастлив, дорогой кум, узнав о вашем возвращении,— писал Девен 26 декабря.— Я был очень обеспокоен, не получая от вас известий. Я прошу вас улучить время для приезда сюда. Я жду вас в среду. Необходимо, чтобы мы договорились о возобновлении издания (sur l'ouvrage à reprendre). Из опасения какого-нибудь недоразумения (quelque qui pro quo) я не буду ничего печатать, пока вы не приедете. *В ожидании вашего приезда набирают извещение* (курсив наш.— *В. Д.*) и приводят в порядок петицию Руа. Следовательно, если вы хотите, чтобы номер появился в субботу, приезжайте, не теряя времени» [102]. Это письмо дает возможность датировать обнаруженное институтом Фельтринелли извещение декабрем 1790 г.

Но вышел ли шестой номер в свет? Продолжалось ли издание «Пикардийского корреспондента», под его новым заголовком, хотя бы в начале 1791 г.? Этот вопрос продолжает оставаться загадкой. В 1793 г. в письме к депутату Конвента от деп. Соммы, Андре Дюмону, Бабеф писал: «Наше знакомство началось в 1790 г. с твоей подписки на мою газету «Пикардийский корреспондент». Ты мне тогда написал много писем, преисполненных патриотизма. Они внушили мне самое лестное мнение о тебе. Я обратил большое внимание на эти письма, и ты помнишь, что я их напечатал в своей газете. Со своей стороны ты проявлял ко мне уважение, ты просил, и я тебе высылал другие мои произведения» [103].

Этих писем в нашем распоряжении нет, нет в сохранившихся рукописях газеты и дюмоновских материалов. Возможно, следовательно, что вышел и шестой номер, и издание оборвалось не сразу после конфликта Бабефа с Девеном. Однако несомненно, что о «сорока номерах» говорить не приходится.

Одним из доказательств этого является тот факт, что переписка между Девеном и Бабефом, довольно регулярная на протяжении пяти лет, с 1786 до 1790 г., после декабря совершенно прекратилась.

Только через год и три месяца, 2 марта 1792 г., Девен написал свое следующее — и последнее известное нам — письмо Бабефу, начинающееся уже официальным обращением: «Сударь!» Девен получил от Лораге пакет для Бабефа с запросом: «Существуете ли вы еще на свете и что вы делаете? Так как я не знаю ни того, ни

[100] ЦПА ИМЛ, 91 В VI.

[101] ЦПА ИМЛ, 90 В VI («Длительный перерыв в пересылке материалов для номера, который находится в работе, является причиной того, что дело не подвигается»,— писал Девен 24 ноября).

[102] ЦПА ИМЛ, 92 В VI.

[103] «Une lettre inédite au citoyen Dumont».— «Les lettres françaises», № 309. 27 april 1950.

другого, я могу ему ответить, когда вы мне об этом сообщите, если только у вас есть охота» [104]. На этом переписка заканчивается. Можно предположить, что Бабеф прервал ее в декабре 1790 г. и что тогда же или, во всяком случае, не позднее начала 1791 г. прекратилось и издание «Пикардийского корреспондента».

На этот раз Бабеф надолго лишился печатной трибуны. Только три с половиной года спустя, в сентябре 1794 г., Бабеф снова получил возможность издавать свою собственную газету.

IV

В августе — сентябре 1790 г. Бабеф был поглощен подготовкой к изданию «Пикардийского корреспондента». Тем не менее он не утратил интереса и к тому вопросу, который так занимал его весной 1790 г. Борьба против сборов (aides) и соляной подати (gabelle) «всегда будет иметь успех в деревнях»,— писал Бабеф Лораге еще из Парижа 20 июля [105].

Хотя финансовое ведомство, откупщики и их «приспешники», весь огромный и влиятельный аппарат по взиманию косвенных налогов по-прежнему пытались восстановить их уплату, Франция и, в частности, Пикардия упорно этому сопротивлялись. К голосу Бабефа продолжали прислушиваться в самых разнообразных слоях населения. Известное представление об этом дает переписка Бабефа с двумя пикардийскими священниками.

Вскоре после возвращения из Парижа Бабеф обратился с письмом к аббату Мардюэлю, священнику прихода Сен-Дени и мэру коммуны Эрен (Airaines), одному из видных участников движения против уплаты косвенных налогов в Пикардии, имя которого было указано в докладной записке де Ламбера Учредительному собранию 28 июня 1790 г. Бабеф сообщил Мардюэлю, что существует декрет о его аресте и что во время допроса в Консьержери ему предъявили «письмо Мардюэля» и усиленно пытались доказать их

---

[104] ЦПА ИМЛ, 93 В VI.

[105] В архиве деп. Соммы сохранились пометки Бабефа на письме к нему Лораге от 25 июля 1790 г., свидетельствующие о том, насколько вопросы финансовой и налоговой политики продолжали его интересовать:

«Продолжать дело налогов и церковных имуществ...

Я роздал 400 экземпляров № 153 Марата.

Я вышлю № 153 Марата, петицию и письмо 10 мая в Лион...

Я пошлю ему налоговую систему финансового комитета.

Банкротство несомненно.

Неккер требует 95 миллионов, чтобы возместить недостачу от взимания налогов в провинциях. Он и Национальное собрание, кажется, собираются свирепствовать против непокорных провинций.

Я отошлю свое предложение о Кад[астре] в якобинский клуб. Этот клуб теряет популярность потому, что в нем отсутствует свобода обсуждения уже принятых декретов. Клуб 89-го года всеми презирается...» (AD de la Somme, F¹²⁹/₆); см. также F¹²⁹/₁₃ — «У меня нет намерения выпустить из рук приспешников расточительного режима (Je n'ai pas l'envie de lâcher prise aux suppôts du régime gaspilleur)».

«сообщничество» в стремлении развязать «беспощадную войну» (une guerre à mort) против служащих откупа. Описав свои собственные злоключения, Бабеф писал, что «в кратких чертах вся эта история, пока еще мало известная, но заслуживающая того, чтобы занять место в летописях революции, появится в Пикардийском корреспонденте. Г. Мардюэль может направить свой ответ сюда, в Руа» [106].

Аббат ответил 10 сентября. «После моего приезда в Париж,— писал он,— я ознакомился с письмом де Ламбера... и приложенным к нему обзором. Раздел об Эрене не произвел на меня никакого впечатления. Подобные утверждения, опровергаемые уже одними датами, отпадают сами по себе и не требуют ответа.

Я узнал ваше имя из раздела «Руа». Очень печально для вас, сударь, что... податной суд обрушил на вас свой железный скипетр. Против меня не было издано приказа об аресте. Несмотря на всю его несправедливость, я подчинился бы. Уверенный в своей невиновности, я гордился бы этими преследованиями и разоблачил бы их перед всеми достойными людьми в Национальном собрании, на глазах у которых не постеснялись бы свершить подобное преступление; если бы,— что мне кажется совершенно невероятным,— на меня не обратили бы внимания, мой голос дошел бы до слуха благодетельного монарха, который хочет иметь дело только со свободными людьми и гнушается рабов» [107]. На предложение о встрече аббат вежливо ответил, что после возвращения из Парижа, «если позволят обстоятельства», он «откликнется на это предложение» [108]. Содержание письма Мардюэля, вероятно, разочаровало Бабефа, и едва ли их свидание состоялось.

Бо́льший интерес представляет переписка Бабефа с кюре прихода Лонгеваль. Выступление этого священника одного из приходов в окрестностях Перонна, призвавшего во время проповеди не платить косвенные налоги и прочитавшего с амвона петицию Бабефа, вызвало особое возбуждение реакционных кругов. Оно упоминалось в Учредительном собрании в начале ноября 1790 г. При обсуждении вопроса о финансовой политике известный реакционер — аббат Мори — запугивал в своей речи депутатов тем, что государство идет к финансовой катастрофе: «Ничего не удается взимать; только привилегированные граждане продолжают платить налоги. Уже в течение долгого времени вы живете за счет ваших запасов, вернее, за счет наших. Положение будет все ухудшаться, если вы не восстановите порядок. Пусть г. де Ламбер будет приглашен в Собрание, пусть он явится сюда и приподнимет покрывало,

---

[106] AD de la Somme, $F^{129}/_{66}$ (копия).

[107] ЦПА ИМЛ, 53 В V.

[108] Там же. Во время обыска в мае 1790 г. у Бабефа была обнаружена копия письма Мардюэля в Сен-Кантен, к его двоюродному брату. Во время допроса 26 мая Бабефу был задан по этому поводу вопрос, на который он ответил, что сделал эту копию во время своего пребывания в Сен-Кантене «из любопытства» (par motif de curiosité et d'intérêt) (ЦПА ИМЛ, 40 В IV).

скрывающее общественные бедствия; он признает, что не может с ними справиться. Правда, он облечен доверием короля, но у него нет власти, ее нигде не существует. Он скажет, что целые приходы, целые местности объединились, дав присягу не платить больше налогов». Поддерживая Мори, один из депутатов сослался на пример кюре Лонгеваля «священника окрестностей Перонна, который с амвона призвал граждан: «Вооружайтесь, братья, против всех этих негодяев — сборщиков налогов, и я стану во главе вас»». Это выступление и вся история с кюре Лонгеваля произвели такое впечатление, что Симолин счел нужным упомянуть о ней в своих донесениях [109].

Когда против священника было возбуждено следствие, он обратился с письмом к Бабефу, в котором изложил историю всех своих злоключений. Оно произвело на Бабефа большое впечатление: «История ваших преследований вызвала у меня слезы... Недостаточно, очевидно, чтобы один человек, руководствующийся философией, что позволяет ему преодолевать всевозможные жестокости, похищения, тюрьмы, расстроил все отвратительные козни ожесточившихся тиранов, вынудил их отступить в логовище коррупции, где они обдумывают свои черные замыслы. Понадобились лесть и обман, чтобы вызвать новую травлю, и произведение (Бабеф имеет в виду свою петицию.— *В. Д.*), которое все честные граждане считают полезным, снова служит изменникам предлогом для преследований мудреца, чья добродетель... смущает их развращенность. Гнусный податной суд уже не существует, но на его позорных обломках хотят утвердиться новые приспешники публиканов, пытающиеся возбудить против самых безупречных граждан нелепые, инквизиторские гонения. И это осуществляется на основании новой конституции?» [110].

Бабеф выразил готовность немедленно выступить в защиту пострадавшего кюре: «Никто, по крайней мере, не сумеет сказать, что на моих глазах свершается подобная низость, а я, которого народ сделал своим новым трибуном, сохраняю трусливое и преступное молчание» [111].

Кюре Лонгеваля адресовал свое письмо в «отель» Бабефа. «Великий боже,— отвечал ему Бабеф,— у меня нет никакого отеля, и я этому очень рад. Но в скромной хижине, в которой я живу, я сохраняю чувствительное сердце и благодарю за это господа. Пусть все угнетенные идут ко мне со своими жалобами. Это звание (трибуна.— *В. Д.*) дает им право требовать, чтобы я их защищал. Все, чем я располагаю, принадлежит им, и они могут этим пользоваться. Поэтому, дорогой кюре, скажите, что вам от меня требуется. Нужно ли разоблачить ваших жестоких противников перед всеми, кто

---

[109] АВПР, ф. «Сношения России с Францией», оп. 93/6, д. 491, лл. 346—347 об. См. также AP, v. XX, p. 278—280.

[110] ЦПА ИМЛ, 72 B V.

[111] Там же.

способен возмущаться при виде отвратительных преследований, чтобы отомстить за них?.. Нужно ли, чтобы я добивался установления вашей невиновности перед судьями Перонна и вынудил их, если это понадобится, признать ее?.. Ничто меня не остановит, я готов, я спешу, я буду там, где вы этого захотите»[112]. К своему письму Бабеф приложил протест, направленный им прокурору в Перонне[113].

К Бабефу обращались также представители некоторых корпораций из разных мест Пикардии с просьбой о составлении петиций против «генеральных откупщиков». Сохранился заголовок петиции, которую он собирался составить для трактирщиков г. Неля[114].

Возможно, что после своего возвращения Бабеф не хотел сразу подать повод к применению против него новых репрессий. Он, однако, немедленно вмешался в борьбу, когда муниципалитет Руа под давлением департамента сделал в начале октября 1790 г. еще одну попытку восстановить действие застав и возобновить взимание aides. Об истории этого нового столкновения Бабефа с муниципалитетом мы имеем свидетельство, исходящее от мэра Руа, Жана-Батиста Лонгекана, сменившего на этом посту 8 августа Билькока-старшего и унаследовавшего от него всю злобу и ненависть к Бабефу. В продолжение нескольких лет именно Лонгекан стоял в центре всех интриг, затевавшихся против Бабефа.

В апреле 1791 г.,— что послужило к этому поводом мы укажем в дальнейшем,— Лонгекан вместе с Лефевром, новым прокурором-синдиком Руа, составили своеобразный «синодик»: список «преступлений» Бабефа в качестве основного зачинщика и виновника «всех народных беспорядков, происходивших в различное время в городе Руа»[115]. Он подробно осветил в нем и октябрьские события. Начало их Лонгекан описывает так: «В октябре администраторы департамента (Соммы.— *В. Д.*) прислали должностным лицам г. Руа обращение и послание, возвещавшие о необходимости возобновления взимания в городе сборов (droits des aides). Все эти послания были прочитаны жителям и, в частности, всем,

---

[112] Там же.

[113] В нем Бабеф писал: «Я получил от г. кюре из Лонгеваля письмо, копию которого вместе с моим ответом гонимому пастырю я прилагаю. Наивный тон его рассказа склонит вас, возможно, как и меня, к признанию его невиновности. Что я говорю — невиновности?! Разве он может быть признан в чем-либо виновным!..» (ЦПА ИМЛ, 72 В V).

[114] ЦПА ИМЛ, 63 В I («Pour les aubergistes de Nesle contre la Ferme générale»). На документе есть дата, проставленная рукой Бабефа — 22 сентября 1790 г.

[115] «Détail des faits que nous Felix Jean Baptiste Longuecamp, maire de la ville de Roye et Louis-Alexandre Lefebvre, procureur de la commune de la dite ville, tous deux députés à cet effet, dénoncent à M. M. les administrateurs formant le Directoire du Département de la Somme et qui établissent que François Noël Babeuf est l'auteur, le moteur des troubles qui se sont élevés en différent tems parmi le peuple de la ville de Roye».— AN, BB[16] 859 и D XXIX-14. (Документы, находящиеся в этих двух делах, в значительной мере дублируют друг друга).

обязанным платить. Они согласились на возобновление деятельности служащих откупов. Оставались только затруднения с установлением даты... и размеров сборов, которые нужно будет платить за прошлое и в будущем» [116]. На 10 октября было назначено собрание по этому поводу. С утра к Лонгекану явились некоторые трактирщики, не присутствовавшие на собрании, но заранее соглашавшиеся «подчиниться закону». Среди них мэр Руа называет некоего Парадиза (Paradis), имя которого часто встречалось во всех документах, имевших отношение к весеннему движению против косвенных налогов. С Парадизом и Губо Бабеф вел переписку из Консьержери. На этот раз, как сообщает Лонгекан, Парадиз сам предложил немедленно покрыть всю свою задолженность.

Все положение, однако, изменилось, когда в дело вмешался Бабеф. Стремясь доказать, что именно Бабеф являлся единственной причиной всех «беспорядков» в Руа, Лонгекан, естественно, сгущал краски. Тем не менее с его свидетельством, с приведенными им фактами нельзя не считаться.

После освобождения из Консьержери и возвращения в Руа Бабеф, по словам Лонгекана, «почти нигде не появлялся. Он надолго отлучался, и его существование было почти незаметно». Мы знаем, что это сообщение верно: почти всю вторую половину августа Бабеф провел в Нуайоне, наблюдая за печатанием «Проспекта» газеты. По делам «Пикардийского корреспондента» Бабеф, вероятно, часто отлучался и в сентябре. Но 10 октября, пишет Лонгекан, «в половине дня он появился. Мы его видели вместе с Парадизом». Бабеф выступил на собрании трактирщиков и добился того, что оно было отложено до 17 октября. В течение этой недели Бабеф, очевидно, лихорадочно работал: к следующему воскресенью он приготовил уже пространную петицию, которую и прочитал 17 октября [117].

Протокол этого собрания сохранился. В начале его было прочитано предложение директории деп. Соммы о восстановлении застав и взимания сборов. Затем выступил «г. Франсуа-Ноэль Бабеф, один из активных граждан города, бывший комиссар-февдист». Бабеф зачитал свою петицию, после чего, как сказано в протоколе, «большинство граждан аплодировало, чем они отметили, что произведение г. Бабефа соответствует их пожеланиям... Хотя другая часть молчала, но, как всем казалось, она не хотела высказать и противоположного мнения. Тогда прокурор-синдик предложил присутствовавшим гражданам или повторить свои пожелания, или высказать другое мнение. После этого то же большинство аплодисментами подтвердило свое одобрение» [118].

---

[116] AN, BB^{16} 859 («Détail des faits»).

[117] 14 октября были подписаны полномочия Бабефу от имени корпораций трактирщиков, владельцев харчевен, мясников в г. Руа, которые поручали ему выступить от их имени. Текст был составлен самим Бабефом (ЦПА ИМЛ, 68 В I).

[118] «Réclamation de la ville de Roye», 1790, p. 3.

В протоколе отмечено, что на собрании присутствовали крестьяне (citoyens de la campagne). Один из них выступил в пользу предложенной петиции и потребовал «от имени всех присутствовавших граждан из деревень, чтобы в протоколе было отмечено полное согласие граждан этих приходов с предложением, только что единодушно одобренным коммуной города»[119].

Какое впечатление произвела речь Бабефа, какую роль сыграла его петиция, можно судить по постановлению директории деп. Соммы, принятому несколькими месяцами позднее, в апреле 1791 г. Об октябрьских событиях в нем сказано так: «Речь, которую произнес г. Бабеф на собрании 17 октября, созванном на основании постановления департамента, обязавшего жителей Руа прекратить свой мятеж (état d'insurrection)..., явилась тяжким преступлением, открытым бунтом против закона; в результате этой речи не удалось возобновить взимание налога, и департамент оказался не в состоянии применить вооруженную силу, так как, если бы он попытался ее применить, это привело бы к еще бо́льшим бедствиям»[120]. С этим вполне совпадает сообщение Лонгекана: «Бабеф явился, он прочитал произведение, которое он затем напечатал и распространил в большом количестве; он вызвал огромное брожение, увлек за собой весь народ, и взимание налогов вновь прекратилось»[121].

Мы не станем подробно останавливаться на содержании петиции. В значительной мере она повторяет те доводы против косвенных налогов, с которыми мы уже встречались в предыдущих петициях. Очень убедительно обрисована картина страшной запутанности и хаотичности, полного произвола при взимании налогов. К первоначальной ставке налога с напитков постепенно добавлялись дополнительные 1 су с каждого литра, затем 4 су, 10 су, сборы с бочки, с мюида, на замер, на инспекторов по напиткам, муниципальные ввозные пошлины (octrois municipaux), королевские ввозные пошлины, сборы за перевозку (remuage), за перепродажу (revente), ежегодные сборы с вина (les annuels sur le vin), пива, сидра, водки, ликеров. В Пикардии продолжали взимать сборы на постройку колокольни (beffroi) в Амьене, давно уже сооруженную, на выкуп короля Жана, плененного еще во время столетней войны[122].

Как и первая печатная петиция (апрель 1790 г.), октябрьская петиция поражает довольно отчетливым классовым характером своей аргументации. Бабеф доказывает, что налоги на предметы

---

[119] «Réclamation de la ville de Roye», p. 32.

[120] «Extraits du Régistre aux délibérations du Directoire du Département de la Somme en sa séance du 14 avril 1791» (AN, BB^{16} 859).

[121] «Babeuf s'y rend encore; il débite un écrit qu'il a fait imprimer depuis et répandre dans le public avec profusion; il excite la plus grande fermentation, il entraîne tout le peuple dans son parti et les impôts ne sont pas payés» (AN, BB^{16} 859).

[122] «Réclamation de la ville de Roye», p. 20. В архиве сохранился также рукописный вариант этой петиции, озаглавленный «Mémoire sur la perception des droits sur les boissons» (ЦПА ИМЛ, 84 В I).

потребления создают только видимость справедливого и равномерного обложения. Налог должен быть установлен — и притом пропорционально — только на доходы от земли и от промышленности: «Каждый раз, когда вы захотите обложить хоть одним денье предметы потребления, вы уклонитесь от этого принципа, вы совершите самую возмутительную из всех несправедливостей»[123]. Желудок бедняка поглощает столько же и даже больше, чем желудок богача. Нельзя облагать их одинаково, совершенно не считаясь с размерами состояний.

Что мешает установлению действительно пропорционального налогового обложения, соответственно состояниям и доходам? «Тайная» причина этого совершенно очевидна: «Всегда имущие классы (les classes opulentes) уклонялись от участия в общественных расходах. Понадобились самые ожесточенные споры, чтобы добиться от этих привилегированных классов (classes favorisées) согласия на внесение своей доли обложения за огромные земельные имущества. Но и сейчас они хотят перенести основную часть обложения на предметы потребления. Пока тяжесть налога будет падать... на народ, говорят они, наши имущества не будут особенно задеты. Такова логика всех этих богатых эгоистов. И так как административные посты чаще всего занимают люди из этой группы, нет ничего удивительного, что, несмотря на всю силу принципов, народ преследуют с таким остервенением»[124]. Бабеф отводит возражение, что при введении пропорционального налога обложению подвергнутся только земельные собственники: найдутся средства для того, чтобы измерить *«бумажник спекулянта и капиталиста»* (курсив наш.— *В. Д.*).

Вся петиция проникнута ненавистью к откупщикам. Бабеф привел пункт из договора при сдаче на откуп городских застав Руа в 1786 г. По этому договору никакие чрезвычайные обстоятельства — даже чума, война, мор — не могли повлечь за собой какое-либо изменение в размере установленных сборов. «Другими словами, пусть все земные и небесные силы вступят в сговор, чтобы обрушиться на человеческие существа, откупщики застав не должны потерять ни единого су»[125].

В заключение Бабеф настаивал на том, что служащие откупщиков ни в коем случае не должны возобновлять свою деятельность. Недоимки не подлежат взысканию. Жители Руа соглашаются на временное установление единого сбора с привозимых в город предметов питания и напитков (un seul droit à l'entrée des denrées et boissons) до 1 января 1791 г., когда Национальное собрание введет новые формы налогового обложения. Но эти сборы должны выплачиваться представителям муниципалитета, а не откупщикам. При этом ни в коем случае «нельзя заставлять бедняка платить столько

---

[123] ЦПА ИМЛ, 84 В I.
[124] «Réclamation de la ville de Roye», p. 16.
[125] Ibid., p. 18.

же, сколько платит богач (que l'indigent ne soit plus exposé à payer autant que le riche)»[126].

В какой мере интересы «бедняков» (les indigents) стояли на первом плане у Бабефа уже тогда, а вовсе не только с 1794—1795 гг., как думал П. П. Щеголев, можно судить по другому документу, составленному Бабефом в том же октябре 1790 г. К нему обратился тогда нотабль, член Генерального совета коммуны Руа, Андре Кабайль (André Caballle), открывший минеральные богатства в окрестностях Руа и тщетно добивавшийся помощи от правительства для их разработки. Кабайль просил Бабефа составить петицию в Учредительное собрание. Работа эта носила, казалось бы, чисто технический характер. Но Бабеф и в этой петиции развил свои социальные идеи: «Окажите поддержку г. Кабайлю..., пусть проверят его открытия, пусть он станет Христофором Колумбом в этой области и пусть кто-нибудь, еще более счастливый, станет Америго Веспуччи... Какой радостью будет преисполнена вся местность, если труды этого почтенного человека явятся счастливой прелюдией к открытию, например, залежей каменного угля. Это будет для всей провинции неоценимым богатством, а *для особого класса рабочих* (pour la classe particulière des ouvriers) (курсив здесь и дальше наш.— *В. Д.*) — обеспеченным источником существования. Именно в данный момент нельзя упускать ни одной возможности для того, чтобы найти полезное применение *этому многочисленному классу*[127]. Каменный уголь, по общему мнению, чрезвычайно полезен, и в такой местности, как Пикардия, может оживить целый округ. Ни в коем случае нельзя оставлять неиспользованными такие огромные богатства, особенно тогда, когда «народ изнемогает от нищеты». Каждая мануфактура обеспечивает благосостояние той местности, где она находится, а в нынешние тяжелые времена, когда *бедняк доведен до последней степени истощения*, какое великое счастье... вырвать такое количество неимущих из рук нищеты»[128].

Для понимания классовых корней идеологии Бабефа характерно, что и обосновывая требование о полном уничтожении налогов на предметы потребления и добиваясь содействия техническим открытиям, Бабеф неизменно исходит из интересов неимущих (indigents) и, более того, «*особого класса рабочих*» (la classe particulière des ouvriers). В этом отношении обе его октябрьские петиции 1790 г. поразительно напоминают «Предварительную речь» к «Постоянному кадастру»[129].

---

[126] Ibid., p. 29—30.
[127] ЦПА ИМЛ, 71 В I.
[128] Там же
[129] Любопытна вводная часть петиции по делу Кабайля. В ней Бабеф ссылается на «Mélanges de littérature et Philosophie» Вольтера и его мысль о том, что самые поразительные и самые полезные открытия были сделаны вовсе не учеными, а благодаря «механическому инстинкту рядовых людей». «Открытие огня, изготовление хлеба, плавка и изготовление металлов, сооружение домов,

Свою петицию Бабеф поторопился издать[130]. Судя по одному сохранившемуся варианту, он предполагал сперва так озаглавить свой «манифест»:

«Руа дает Франции уроки справедливого распределения общественных налогов

или

Манифест коммуны этого города, составленный одним из граждан, облеченным полномочиями на собрании Коммуны, в воскресенье. 17 октября 1790 г.

Подтвержденный единодушным одобрением избиратслей этого города и гражданами из деревень. присутствовавшими на собрании Коммуны...

Против восстановления губительного налога на продукты (l'impôt des Aides),

В котором предлагается заменить, в ожидании общего закона о налогах, способ его взимания с тем, чтобы примирить интересы государственного казначейства со свободой человека и установить более пропорциональное распределение в зависимости от состояния каждого гражданина»[131].

Бабеф остановился в конце концов на более скромном заголовке «Требование города Руа относительно замены налога с продуктов»[132].

Муниципалитет Руа уже 23 октября поторопился признать недействительным решение, принятое собранием 17-го числа. Он ссылался на то, что собрание состояло главным образом из лиц, занявшихся продажей напитков «после восстания 1789 г.», после прекращения уплаты сборов, когда продажа напитков стала очень выгодным занятием: «Здоровая часть» населения (la saine partie des habitants), понимает необходимость подчиняться «закону» и соблюдать «общий интерес».

изобретение челнока... все эти искусства были изобретены людьми еще в диком состоянии». Так как Кабайль тоже не принадлежал к числу «так называемых ученых», Бабеф полагал, что эта ссылка на бесспорный авторитет «фернейского отшельника» «заставит замолчать каждого смельчака, который посмеет выступить с возражениями» против нового открытия (ЦПА ИМЛ, 71 В I).

[130] Сохранилось несколько записей о сборе средств среди жителей Руа для напечатания петиции. Одна из них озаглавлена: «Etat de la contribution donnée par les citoyens de Roye ci-après dénommés, pour l'impression de la pétition du sieur Babeuf, ainsi que l'a demandé la Commune» (ЦПА ИМЛ, 72 В I).

[131] ЦПА ИМЛ, 69 В I.

[132] «Réclamation de la ville de Roye relative à remplacement de l'impôt des Aides.

Et à l'exécution des Décrets de l'Assemblée Nationale qui prononcent que tous les Impôts doivent être répartis sur chaque citoyen, en proportion de ses facultés. Imprimé par l'ordre de la commune de la dite ville sur la demande de quantité d'autres communes. Pour l'appuyer de leur adhésion». Octobre, 1790. На обложке петиции был эпиграф: «Франция! Прими наше подношение. Мы осмеливаемся предложить тебе уроки справедливости!!!» (France! Reçois notre hommage. Ce sont des leçons de justice que nous osons t'offrir!!!).

На этот «контр-протокол» Бабеф в одной незаконченной рукописи отвечал, что на собрании присутствовало около 400—500 человек,— такого числа торговцев напитками в Руа, конечно, нет! [133] По поводу «здоровой части населения» Бабеф возмущенно спрашивал: «Из кого же состоит эта здоровая часть? Что бы ни говорили, мне кажется, что наиболее здоровой частью является та, которая присутствовала на собрании 17 октября. Понимают ли под наиболее здоровой частью *нескольких лиц, владеющих деньгами* (quelques particuliers à argent), которые, без сомнения, и спровоцировали этот контрпротокол от 23 октября и чьи интересы были задеты предложением от 17-го?.. Общий интерес! До сих пор мы не знали, что под общим интересом следует понимать интересы *нескольких богачей в городе* (quelques opulents dans une ville.— курсив везде наш.— *В. Д.*). Мне казалось, что общий интерес содержался в моем предложении 17 октября, где я выступил в защиту большинства» [134]. К «контрпротоколу» были приложены возражения директора régie des Aides в Руа. Лараби. О них Бабеф очень язвительно писал: «Представители фиска всегда обладали искусством склонять на свою сторону людей, в которых они испытывали нужду. Откупщик Матфей пригласил к себе на обед даже Иисуса из Назарета в тот день, когда он знал, что к нему явятся с вопросами, следует ли платить дань римскому кесарю» [135].

Муниципалитет немедленно потребовал принятия мер против Бабефа; эта просьба была сейчас же поддержана директорией департамента: «Мы настаиваем на том, что против Бабефа должно быть возбуждено преследование» [136]. «Все в этом произведении (петиции Бабефа.— *В. Д.*),— писал 9 ноября де Ламбер,— проникнуто духом мятежа и неподчинения. Г-н Бабеф позволяет себе самым неприличным образом критиковать даже декреты Учредительного собрания».

Но все попытки сломить сопротивление в Руа оказывались тщетными. Департамент уже 3 ноября поставил вопрос о применении вооруженной силы: «Кажется, что в Руа вооруженная сила является отныне единственным ресурсом, остающимся в нашем распоряжении для того, чтобы восстановить подчинение закону...» 13 февраля 1791 г. в Руа произошло новое выступление, в котором Лонгекан снова видел результат «интриг» Бабефа: «Я признаю, что Бабеф тайно действовал среди налогоплательщиков и той части населения, которая сохранила к нему привязанность; он интригует... и даже доказывает, что у вас (у директории департамента.— *В. Д.*)

---

[133] ЦПА ИМЛ, 75 В I. В определении парижского податного суда об аресте Бабефа указывалось, что в Руа насчитывается 43 трактирщика (cabaretiers), 9 продавцов в розницу (detaillants) и четыре пивовара (brasseurs) (ЦПА ИМЛ, 31 В III).

[134] ЦПА ИМЛ, 31 В III.

[135] Там же.

[136] R. Legrand. Babeuf, ses idées, sa vie en Picardie. Abbeville, 1961, p. 11.

нет ни солдат, ни права их посылать... Бабеф действует только исподтишка, но нет сомнений в том, что он интригует»[137]. В конце февраля из Аббевилля в Руа были направлены 60 солдат, под командой двух офицеров, но и это не привело к возобновлению платежей.

Выступление Бабефа помешало восстановлению взимания сборов и самом Руа,— в этом отношении оно было несомненным успехом. Но следует признать, что октябрьская петиция получила далеко не такой широкий отклик, как апрельская[138]. Среди самих сторонников Бабефа произошла к тому времени известная дифференциация: некоторых испугали репрессии, оттолкнул резкий и решительный тон выступлений Бабефа. К числу этих лиц принадлежал и Губо. «Никто, очевидно,— писал он Бабефу 29 октября,— не может вас образумить и заставить отказаться от вопроса о сборах (faire lâcher prise sur la partie des aides). Вы бросаете всем вызов и не считаетесь ни с кем, вы пренебрегаете даже теми, кто мог бы оказаться вам полезным и в ком вы так нуждаетесь. Но вы будете еще об этом жалеть; я говорю вам об этом как истинный друг, который столько раз вас предупреждал и сейчас в отчаянии от того, что ничего не может поделать с вашим упрямством... Я как раз вчера узнал кое-что, касающееся вас: можно опасаться всего в связи с напечатанием вашего последнего мемуара... Я страшусь даже, судя по этим сведениям, не придется ли вам одному очень дорого расплачиваться за поддержку этого предприятия. Вы хорошо знаете, что в создавшейся критической обстановке вы не должны были его поддерживать... Я рассказал обо всем, что узнал, вашей супруге... Я не назвал имени человека, который все это мне сообщил, но, если вы сочтете нужным, вы сами об этом узнаете,— я убежден, что он не скроет от вас того, что сообщил мне»[139].

---

[137] Ibid., p. 13—14; E. Coët. Babeuf à Roye, p. 16—17. В этот же день происходило собрание виноторговцев в трактире Ламбена, на котором присутствовал Бабеф. Прокурор-синдик распорядился привести силой Ламбена в помещение муниципалитета. В городе начались волнения, в предместье Сен-Жилль ударили в набат. Несколько человек было арестовано.

[138] Это, разумеется, не значит, что она вовсе не встретила поддержки. В архиве сохранилось, например, письмо из коммуны Гурнэ на Аронде (за подписью Гулля) с просьбой включить в мемуар, озаглавленный «Требование города Руа», пожелания, связанные с жалобами возчиков вина (les rouliers). При въезде в Пикардию существовало три бюро, где производилась регистрация и оплата сборов с провозимого вина — в Сен-Жюсте (дорога на Амьен), Кювильи и Гурнэ (по фландрской дороге). Для возчиков более удобна была дорога через Гурнэ, тем не менее их заставляли обращаться в заставу в Кювильи и за нарушение беспощадно штрафовали, захватывая, при невозможности оплатить штраф, вино, подводы, лошадей (ЦПА ИМЛ, 31 В V). В декабре 1790 г. уже упоминавшийся нами Г. Рашар просил Бабефа выслать ему экземпляр «этого предложения, которое мне так хочется достать после того, что я слышал о нем самые похвальные отзывы» («cette motion que j'étais jaloux d'avoir, d'après les récits avantageux que l'on m'a faits») (ЦПА ИМЛ, 72 В V).

[139] ЦПА ИМЛ, 30 В V. Кое в своей истории Руа сообщает, что в 1793—1794 гг. Губо командовал жандармерией; после 9 термидора Губо, «известный

Усовещевания Губо также мало действовали на Бабефа, как, в свое время, и уговоры Девена. В ноябре — декабре 1790 г. Бабеф, по-видимому, порвал с обоими. Но главная причина, по которой октябрьская петиция не привела к созданию массового движения, состояла не в колебаниях среди сторонников Бабефа, а в том, что самый повод, ее породивший, потерял свое значение. Вслед за gabelle пробил час и для aides.

После отставки Неккера руководители Учредительного собрания зимой 1790/91 г. окончательно перешли к новому курсу в финансовой политике. Продажа национальных имуществ и выпуск ассигнатов, как им казалось, обеспечивали выход из финансового кризиса и давали возможность безболезненно ликвидировать государственный долг. В этих условиях не было нужды настаивать на сохранении налогов, вызывавших такое резкое и решительное сопротивление населения. 2 марта 1791 г. Учредительное собрание приняло решение, что с первого апреля все сборы с напитков (tous droits d'aides sur les boissons) подлежат полному упразднению. В результате народного движения два наиболее ненавистных косвенных налога были уничтожены на протяжении года, несмотря на все попытки Учредительного собрания сохранить их.

В фразе, которой Бабеф предполагал начать свой октябрьский «манифест» — «Руа дает Франции уроки справедливости»,— было, конечно, очень много преувеличения. Тем не менее такой авторитетный и в достаточной мере консервативный знаток финансовой истории Франции, как Марсель Марион, признает, как мы видели, что эта успешная борьба против сохранения aides в Пикардии, имевшая такие значительные последствия для всей Франции, начата была именно в Руа и что застрельщиком ее был Бабеф.

V

Ни муниципалитет Руа, ни директория деп. Соммы не собирались, однако, мириться со своим поражением. Одним из поводов для их нового столкновения с Бабефом послужило избрание его членом Генерального совета коммуны Руа. По новому законодательству каждая коммуна имела не только муниципалитет, но и более широкий представительный орган — Генеральный совет, собрание «нотаблей». 14 ноября в Руа предстояло обновление половины Генерального совета. Накануне, 13 ноября, Бабеф внес, вероятно, не без чьей-то помощи, налог в сумме 10 ливров и 12 ливров «патриотического обложения» и был включен в число избирателей [140]. На собрании активных граждан Руа он был избран 15 голосами членом Генерального совета. У муниципалитета не

своим революционным рвением, вынужден был оставить город» (E. Coët. Histoire de la ville de Roye, v. I. Paris, 1885, p. 485).

[140] ЦПА ИМЛ, 5 B IX; E. Coët. Babeuf à Roye, p. 5.

было, казалось, оснований оспорить законность избрания Бабефа. В течение целого месяца он исполнял свои обязанности [141].

Присутствие Бабефа в Генеральном совете сразу дало себя почувствовать: между «нотаблями» и муниципалитетом началась борьба. Новый мэр Лонгекан и его патрицианское окружение не изменили антидемократической практики, установленной Билькоками. Общие собрания коммуны по-прежнему не созывались, декреты Учредительного собрания не оглашались, Генеральный совет не привлекался к обсуждению каких-либо вопросов. Судя по сохранившейся рукописи, Бабеф подготовил протест от имени «нотаблей» коммуны Руа; в нем он критиковал положение, при котором «нотабли не должны ничего знать, должны оставаться столь же малоосведомленными о том, что происходит во французском королевстве, как и о том, что происходит на луне» [142].

Чтобы отделаться от Бабефа, муниципальные власти обратились за поддержкой в департамент. 14 декабря состоялось заседание директории деп. Соммы, на котором прокурор-синдик Татегрен (до революции королевский адвокат в Перонне) заявил, что для занятия выборной должности недостаточно, что Бабеф оплатил свой ценз,— он должен также доказать, что его репутация является совершенно «незапятнанной». Между тем он является «автором очень мятежной петиции», «подвергался уголовному преследованию» за сопротивление декретам Национального собрания и был арестован как «нарушитель общественного спокойствия». Хотя он временно и освобожден, но пока не отменен приказ о его аресте и не вынесен оправдательный приговор, на нем по-прежнему остается «пятно». На этом основании директория предложила Бабефу в трехдневный срок представить соответствующие документы; в противном случае его избрание объявлялось «недействительным» (nulle et sans effet) [143].

---

[141] Бабефа приглашали к участию во всех муниципальных церемониях, в частности, похоронах члена муниципалитета, адвоката Массона. В бумагах Бабефа сохранился черновик речи памяти Массона (бывшего, по сообщению Домманже, активным деятелем масонской ложи в Руа, где, возможно, Бабеф с ним и познакомился), датированный 23 ноября 1790 г. В одной из рукописей Бабеф издевался над мелочным самолюбием членов муниципалитета; во время похорон они имели повязку на руке в отличие от членов Генерального совета, чтобы «подчеркнуть, что член муниципалитета достоин большего куска черной бахромы, чем нотабль» (ЦПА ИМЛ, 77 В I).

[142] ЦПА ИМЛ, 77 В I. «Plainte des notables de la municipalité de la ville de Roye» («вследствие отстранения нотаблей, народ в Руа лишен права представлять свои пожелания... По непонятным причинам, муниципалитет лишил народ возможности знакомиться с новыми законами. Ни один декрет не читается, не развешивается... Нужно всерьез обуздать эту маленькую аристократию, которая становится все более опасной и угрожает свободе и правам человека»).

[143] «Extrait du registre aux Délibérations du Directoire du Département de la Somme en la séance du quatorze décembre mil sept cent quatre-vingt-dix» (это постановление было напечатано Бабефом в 1794 г. в его протесте на имя комитетов Национального Конвента в связи с новым арестом: «Babeuf, ex-administrateur du département de la Somme et successivement du district de Montdidier,

Бабеф был, очевидно, предупрежден о готовившемся против него ударе. Очень возможно, что в связи с этим уже 9 декабря он отправился в столицу. «Я уезжаю в Париж,— писал он в этот день детям,— и постараюсь сразу же прислать вам деньги. Я счел нужным совершить это путешествие. Что бы ни случилось, я вернусь через восемь дней; по приезде в Париж я вам напишу» [144]. Бабеф пробыл в Париже около двух недель и вернулся в пятницу, 24 декабря [145]. Во время его отсутствия, 21 декабря, сообщение департамента о его отстранении было доставлено к нему на дом.

Через два дня, 26 декабря, Бабеф написал протест против этого решения, уже вступившего в силу, так как предоставленный для опротестования трехдневный срок прошел прежде, чем постановление было получено лично Бабефом. «Если бы речь шла,— писал он,— только о тщеславии, с которым у поверхностных людей связано занятие почетных должностей, я пренебрег бы запрещением и теми, кто принял это постановление. Но я вижу в этой попытке другое: у меня хотят отнять возможность быть полезным моим согражданам, содействовать их благу. Хотят навлечь опалу на меня, бросить тень на мое поведение, на все, что со мной связано; гражданам, почтившим меня избранием, выражают порицание... Я был бы трусом, если бы не протестовал» [146]. Но в трусости Бабефа никто не мог упрекнуть.

Он пытался, прежде всего, оспорить подлинность этого решения. О своем отстранении Бабеф узнал из сообщения секретаря муниципалитета Руа, Дамбри, сославшегося на решение, зарегистрированное в дистрикте Мондидье его секретарем Кошпеном, в свою очередь получившего уведомление за подписью секретаря деп. Соммы — Тондю (Tondu) [147]. «Не слишком ли много копий,— писал Бабеф,— на пути от Амьена до Руа?.. Господа секретари, в чем я перед вами провинился?» [148] Но если даже постановление исходит не от секретарей, если оно действительно обсуждалось директорией департамента,— оно все равно незаконно. Судебное преследование, возбужденное против гражданина, не дает основания к отстранению его от общественных обязанностей. Именно в этой связи Бабеф сослался — мы уже приводили это заявление — на

---

aux comités de Salut public, de sûreté générale et de législation de la Convention nationale et à Gohier, ministre de la justice. De l'imprimerie de Prault, cour de la maison de Justice»).

[144] ЦПА ИМЛ, 49 В VIII. Поездка в Париж связана была также с процессом коммуны Монтиньи, который вел в это время Бабеф (см. гл. IX).

[145] ЦПА ИМЛ, 63 и 64 В I («à mon retour de Paris le vendredi 23—24 décembre, veille de Noël»). Уже упоминавшееся нами письмо Девена к Бабефу от 26 декабря 1790 г. начиналось словами: «Я счастлив, узнав о вашем возвращении» (ЦПА ИМЛ, 92 В VI).

[146] ЦПА ИМЛ, 76 В I («Réponse à la prétendue Délibération de Département de la Somme, du 14.X 1790, concernant le sieur Babeuf»).

[147] Тондю-Лебрен, близкий к Дантону, был впоследствии министром иностранных дел.

[148] ЦПА ИМЛ, 76 В I.

пример Дантона, против которого возбуждено преследование «гнусным судом в Шатле», что не мешает ему оставаться председателем дистрикта Кордельеров, и на Джемса Рютледжа, «этого закаленного философа» (philosophe de la grande trempe), продолжающего свою деятельность и согласившегося даже защищать Бабефа, несмотря на то, что существует декрет о его аресте [149].

«Если граждане, которые меня избрали,— писал Бабеф,— заявят, что они ошиблись в своем выборе, я немедленно подчинюсь и уйду. Но до тех пор я буду стремиться возможно ревностнее оправдывать их доверие, всегда буду на страже их прав и общественных интересов». В подготовительных заметках к этому протесту Бабеф писал еще более энергично: «О, господа! Я смело встретил все опасности, тюрьмы, преследования, бесчестие; я рисковал жизнью, имуществом своим и своей семьи ради общего блага и эту мою безграничную преданность хотят превратить в оружие против меня же. Неужели для того, чтобы ко мне хорошо относились, нужно стать плохим гражданином, изменить родине и своим согражданам?.. Нет, моя душа возмущается при одной мысли об этом» [150].

Муниципалитет Руа на своем заседании 28 декабря отказал Бабефу даже в просьбе переслать департаменту его жалобу. Тем временем, 12 января, пришло письмо от Милле де Гравелля (адвоката, занимавшегося его делом, летом 1790 г.), к которому Бабеф, очевидно, обращался во время своего пребывания в Париже. Получить какую-либо формальную справку об оправдании оказалось совершенно невозможным: мы помним, как сам Бабеф жаловался Лораге на то, каким двусмысленным было решение о его освобождении. К тому же податной суд перестал уже существовать. Адвокат мог прислать Бабефу только копию постановления Учредительного собрания от 1 июля, в котором была специальная оговорка о том, что все дела, возбужденные податным судом, подлежат прекращению. Это письмо Бабеф и переслал 11 января 1791 г. в Амьен с требованием об отмене решения директории [151]. Он получил ответ от прокурора-синдика Татегрена о том, что «директория имеет основания, которые не позволяют ей выносить какое-либо решение по поводу присланной вами жалобы. Мне необходимо обратиться по поводу нее в конституционный комитет или к членам Учредительного собрания, изъявившим желание с ней познакомиться» [152].

---

[149] ЦПА ИМЛ, 76 В I. В другом своем протесте, в январе 1791 г., Бабеф также сослался на пример Дантона, «обвиненного и подлежащего аресту по постановлению антипатриотического суда в Шатле, но продолжающего исполнять свои общественные обязанности на самых важных постах» (ЦПА ИМЛ, 63 В IV).

[150] ЦПА ИМЛ, 76 В I.

[151] ЦПА ИМЛ, 63 В IV.

[152] «Babeuf, ex-administrateur...», p. 37. Татегрен имел в виду, вероятно, Прево, который как указывал в одной из своих петиций Бабеф, первым выдвинул версию, что Бабеф «освобожден только временно» и что приказ о его аресте все еще сохраняет силу (ЦПА ИМЛ, 64 В IV).

Из состава Генерального совета Бабеф был, таким образом, выведен. В январе 1791 г. муниципалитет Руа воспротивился и выдвижению его кандидатуры в мировые судьи [153]. Выборы должны были состояться 16 января 1791 г. Муниципалитет, узнав, как пишет историк г. Руа, Э. Кое, «что гражданин Бабеф составил заговор, чтобы быть избранным судьей..., вооружил национальную гвардию, гарнизон города и бригаду жандармерии; у входа в зал, где должны были происходить выборы, расставил посты, которым отдан был приказ не пропускать Бабефа» [154]. Как и решение о выводе из состава Генерального совета, это было мотивировано тем, что пока существует постановление об аресте Бабефа, он не может пользоваться даже правами избирателя.

Муниципалитет прибег и к прямой провокации. В день общего собрания, как сообщает тот же Кое, в церкви св. Петра были расклеены афиши, составленные в «крайне непочтительных выражениях по отношению к верховному существу и общественному порядку». Муниципалитет приписал авторство этой афиши Бабефу и под этим предлогом запретил гражданам проводить у себя на дому собрания и «развешивать поджигательные или анонимные произведения».

Когда Бабеф явился на избирательное собрание, он был задержан у дверей. Тем не менее, несмотря на его отсутствие, Бабеф при первом голосовании абсолютным большинством был избран председателем собрания. Понадобился нажим муниципальных властей для того, чтобы это голосование было отменено [155]. На пост мирового судьи был избран тот же Лонгекан, хотя закон запрещал совмещать обязанности мэра и мирового судьи [156]. Только 6 июня 1791 г. его сменил на посту мэра Лефевр (из Эдинкура). Так осуществлялся подлинный заговор. «Во что бы то ни стало,— писал с полным правом Бабеф,— мне хотят закрыть доступ к общественным должностям» [157].

---

[153] ЦПА ИМЛ, 14 В II. В проекте речи, которую Бабеф собирался произнести накануне выборов, он писал: «Из всех учреждений нового строя нет, возможно, ни одного, которое было бы так важно для нас, как мировой суд. Цель этого учреждения — избавить граждан от жадной орды сутяг, которые создали свои состояния на разорении целых семей. Мировые судьи могут обеспечить быстрое судопроизводство без всяких затрат... Я не могу скрыть, как возмущает меня то, что это место вымаливают и добиваются лица..., всегда считавшие юстицию только выгодным ремеслом».

[154] E. Coët. Histoire de la ville de Roye. Paris, 1885, t. I, p. 438.

[155] AD de la Somme, $F^{129}/_{11}$ («A Messieurs les administrateurs du District de Montdidier»).

[156] Бабеф, очевидно, собирался бороться против этого совместительства. В его бумагах сохранилась выписка из декрета от 25 января 1791 г., запрещавшего мэрам, прокурорам и муниципальным должностным лицам, занимать пост мирового судьи и предписывавшего в трехдневный срок сделать выбор и сохранить за собой только одну из этих должностей (ЦПА ИМЛ, 17 В II).

[157] «Babeuf-ex-administrateur...», p. 37 («on voulut à tel prix que ce fût, me fermer la porte aux fonctions publiques»).

Но не так просто было заставить Бабефа отступить. Не прошло и трех месяцев, как в Руа вспыхнул новый конфликт. На этот раз его причиной явился вопрос об общинных землях. В окрестностях Руа имелось так называемое болото Бракемона (le marais dit de Braquemont) и некоторые другие пустоши и луга. Часть из них арендовала у монашеской корпорации (Céléstins d'Amiens) некая г-жа Розе (Rozée), претендовавшая на то, что земли эти давно ей уступлены. Другие участки сам муниципалитет сдавал в аренду. В Руа началось движение за то, чтобы все эти земли, в том числе и болото Бракемона, были возвращены коммуне, а все посаженные на них деревья использованы самими жителями города. Более чем вероятно, что инициатором этого движения был Бабеф [158].

Надеясь выиграть время, муниципалитет дал согласие на избрание комиссаров для определения, какие земли действительно являются общинными и как они используются. Среди этих комиссаров, избранных на общем собрании 23 марта 1791 г., оказался Бабеф [159]. «Мои расследования,— писал он позднее,— привели меня вскоре к выводу, что прежние эшевены Руа узурпировали у жителей обширный луг и пастбища, вместе с 200 арпанами превосходной пашни и другими земельными угодьями. Новый, конституционный муниципалитет, следуя образцу королевских эшевенов, скандально расхищал и присваивал себе доходы с них под разными предлогами. Я решил принять меры к тому, чтобы уничтожить все эти злоупотребления» [160].

С целью «обеспечить заработок некоторым рабочим», оставшимся без всяких занятий, комиссары направили «двух бедных поденщиков» срубить несколько деревьев на участках, считавшихся собственностью г-жи Розе. В понедельник, 4 апреля, в Руа в связи с этим начались волнения [161]. «Весь народ в возбуждении, кто устремляется на площадь, кто в зал, где происходили заседания прежнего бальяжа»,— описывал события мэр Руа, Лонгекан, которого толпа заставила явиться в муниципалитет. От мэра потребовали созыва собрания коммуны: «...Не успели мы появиться, как раздался крик: «На фонарь!» Несмотря на это, мы продолжали продвигаться сквозь огромную толпу. Мы пришли в ратушу и стали искать средства успокоить царившее возбуждение и помешать тому, чтобы ударили

---

[158] «Бабеф приводит в движение население Руа, возбуждает умы, доказывает, что болото Бракемона является владением коммуны, которым оно может распоряжаться...» (AD de la Somme, L 3851.— «Remontrance, Information et décret d'assigne pour être ouy à la requête de l'accusateur public contre le S. Babeuf de Roye. A M. M. les juges du Tribunal du District de Montdidier. Remontre l'accusateur public du tribunal de dit district qu'il vient de lui être dénoncé par M. M. le Maire et officiers municipaux de la ville de Roye différents faits graves qui méritent toute son attention et toute la sévérité de son Ministère»).

[159] «Без моего ведома 23 марта 1791 г. народ Руа назначил меня комиссаром для определения земель, принадлежащих общине города» («Babeuf, ex-administrateur...», p. 39).

[160] «Babeuf, ex-administrateur...», p. 39.

[161] AD de la Somme, L. 3851.

в набат и провели собрание. В этот момент появился Бабеф, приблизился к нам, решительно поглядел и сказал: « У меня в кармане декрет, я все улажу» [162].

Несмотря на запрещение Лонгекана, привратницу муниципалитета заставили ударить в колокол, и собрание началось. Описание его оставил прокурор-синдик Руа, Лефевр. Он услыхал набат, находясь у своего тестя, и поспешил на улицу, чтобы узнать, в чем дело: «...По пути мы услышали, как кто-то заявил: «Всех их нужно повесить». Тем не менее мы продолжали свой путь и, когда вошли в ратушу, увидели там названного Бабефа, разглагольствовавшего в толпе. Мы задали ему вопрос, руководится ли это собрание муниципалитетом. Получив ответ, что на собрании нет ни одного члена муниципалитета, мы поспешили удалиться и, уходя, слышали слова: «Всех вас нужно прогнать»» [163]. На собрании после выступления Бабефа происходил сбор подписей под петицией о возвращении общинных земель коммуне г. Руа.

Состав участников собрания совершенно точно определен в постановлении, принятом муниципалитетом на следующий же день, 5 апреля: «Жители, позволившие себе выступить с такими требованиями, являются *рабочими* и принадлежат, в большинстве, к *самому неимущему классу в этом городе* (sont des ouvriers et la plupart de la class la plus pauvre de cette ville.— (курсив наш.— *В. Д.*) ...Известно, что они осмеливаются говорить и о других, более крайних требованиях, что они хотят... овладеть зданиями, уже очень давно построенными на этих отчужденных землях на основании законного права, предоставленного муниципалитетом, ...а также лугами и садами, находящимися по соседству с городом... и являющимися частной собственностью» [164].

Главным виновником всего происшедшего руководители муниципалитета считали только Бабефа. «Мы убеждены,— писали они в дистрикт Мондидье 7 апреля,— что весь этот дух, вселившийся в народ..., все слухи, все брожение, все крайние требования, желание под разными предлогами захватить всю общественную и частную собственность — все это является результатом писаний жителя этого города Франсуа-Ноэля Бабефа и его непрерывных поджигательных выступлений, начавшихся уже давно и продолжающихся по сей день; мы совершенно убеждены, что названный Бабеф возбуждает народ в этом городе, разжигает его страсти и возбуж-

---

162 «Délail des fails... qui élablissenl que François Noël Babeuf esl l'auteur...» (AN, BB[16] 859 и D XXIX-18).

163 «Délail des fails...» (AN, BB[16] 859).

164 О нужде, царившей в Руа, и о бедственном положении рабочих говорит одно из писем Губо к Бабефу. Критикуя решение муниципалитета о выдаче денег группе волонтеров, Губо писал 1 июля 1790 г.: «Вы понимаете, как нотабли и другие жители города возмущались по поводу этой низости. Так расхищать доходы города, в котором столько несчастных, которых оставляют в крайней нищете и без работы!» (une ville où il y a lant de malheureul qu'on laisse dans la dernière indigence et sans ouvrages.) (ЦПА ИМЛ, 26 В V).

дает умы» (le dit Babeuf anime le peuple de cette ville, lui échauffe l'esprit et volcanise sa tête) [165]. Но Бабеф возбуждает умы не только в Руа: «Мы установили, что принципы, распространяемые названным Бабефом в указанных писаниях и устно о суверенитете народа, о том, что он может и должен осуществлять свои права, причем он не упоминает об обязанностях, вызывают такое же брожение у наших соседей, а именно в городах Перонне, Сен-Кантене и Неле, на что горько жалуются муниципальные должностные лица этих городов..., испытывающие большие затруднения и неприятности в своей деятельности» [166].

Исходя из того, что Бабеф «вне всякого сомнения» является «мятежником и нарушителем общественного спокойствия», главным виновником «сборища» 4 апреля и автором петиции, под которой собирались в этот день подписи, муниципалитет признал необходимым противиться впредь подобным «сборищам», даже силой оружия, и просил дистрикт Мондидье немедленно возбудить дело против Бабефа и подвергнуть его аресту [167].

Судя по петиции за одиннадцатью подписями, в том числе Парадиза, направленной в трибунал дистрикта, Бабеф был арестован в Руа 6 апреля «в семь часов пополудни» [168]. В пятницу, 8 апреля, Бабеф был препровожден в Мондидье [169]. 9-го он уже из тюрьмы написал протест г. Майяру «королевскому комиссару при трибунале дистрикта Мондидье» [170]. Муниципалитет Руа, казалось, мог вздохнуть спокойно: «Он (Бабеф.— *В. Д.*) арестован, спокойствие и порядок немедленно восстанавливаются в городе». Но передышка оказалась очень кратковременной.

Для обоснования обвинения из Руа в Мондидье было отправлено четыре свидетеля. Каково же было возмущение муниципалитета, когда оказалось, что эти свидетели, «которые все в состоянии были подтвердить очень серьезные факты», единодушно отказались давать показания против Бабефа. Разгадка их поведения была очень проста: перед лицом страшного возбуждения и возмущения в городе, вызванного арестом Бабефа, свидетели струсили.

---

[165] «Babeuf, ex-administrateur...», p. 38—41.

[166] AD de la Somme, L. 3851; см. также: «Babeuf, ex-administrateur...», p. 40.

[167] «Extrait du Registre des Délibérations de la Municipalité de la ville de Roye du cinq avril mil sept cent quantre-vingt-onze» (AN, BB[16] 859 и D XXIX-14).

[168] AD de la Somme, L. 3851; см. также: R. Legrand. Op. cit., p. 19—20.

[169] В бумагах Бабефа сохранилась копия акта о его аресте и запись в тюремной книге от 8 апреля о его заключении (ЦПА ИМЛ, 18 В II.— «L'an 1791, le 8 avril, nous Claude-François Lefebvre, maréchal des logis de la maréchausée à la résidence de Roye, certifions avoir ecroué aujourd'hui sur le registre de la gêole des prisons de la ville de Mondidier le nommé François-Noël Babeuf à la requête de M. M. le Maire et officiers municipaux de la ville de Roye, et ce pour le maintien du repos et de la tranquilité publique, sauf à eux à prendre les voies de droit que son procès lui soit fait et parfait comme factieux et pertubateur du repos public, suivant la rigueur des loix. Autre écrou du même jour par Denisart, huissier criminel, en vertu d'ordonance des juges du Tribunal du District de Mondidier, et à la requête de l'accusateur public»).

[170] ЦПА ИМЛ, 65 и 66 В IV.

На упреки Лонгекана одному из свидетелей, «почему он не показал того, что знал», последовал ответ, что «жена Бабефа при людях угрожала раздавить его, если он покажет против ее мужа, и страх заставил его воздержаться от показаний» [171].

Такое поведение свидетелей вынудило трибунал в Мондидье, несмотря на то, что прокурором-синдиком дистрикта был сам Бильког-младший, прекратить начатое дело. Сам Бабеф, не знавший о поведении свидетелей, был поражен вежливостью и предупредительностью дю-Мирайля во время их свиданий 8 и 9 апреля [172]. Но муниципалитет Руа не сдавался: в Мондидье была направлена новая партия свидетелей, на этот раз из 12 человек [173]. Это обстоятельство не могло не обеспокоить Бабефа. «Г. дю-Мирайль,— писал он 9 апреля Майяру,— сообщил мне сегодня тревожное известие: завтра он будет допрашивать новых свидетелей, и он почти не оспаривал моего утверждения, что все они выступят в пользу тех, кто на меня доносил».

В маленьком городке, где все происходило на виду, новые свидетели не могли выехать незаметно. О том, в какой обстановке происходил их отъезд, лучше всего говорит рассказ самого Лонгекана. Когда один из свидетелей, направлявшийся в Мондидье, проезжал на лошади по улице Руа, «один торговец прокричал ему вслед так, чтобы его услыхали все: «Обелите Бабефа с ног до головы, верните его нам, это наш Мирабо, он заслуживает лавровых венков» [174].

Муниципалитет Руа имел полное основание опасаться, что поведение второй группы свидетелей будет не лучшим, чем первой. На срочном заседании 12 апреля он принял постановление добиваться, чтобы Бабеф оставался в тюрьме в Мондидье по крайней мере еще восемь дней, так как держать его под стражей в Руа невозможно: «В такой момент, когда бóльшая часть населения города находится в состоянии мятежа и восстания, есть все основания опасаться, что народ... силой откроет двери тюрьмы и освободит Бабефа» [175]. Решено было использовать последнюю возможность обратиться за помощью в департамент. Именно тогда в Амьен и были посланы мэр Лонгекан и прокурор-синдик Лефевр.

Администраторы департамента чувствовали себя довольно неловко. «Они уже знали,— докладывали муниципалитету Лонгекан

---

[171] «Détail des faits...» (AN, BB[16] 859).

[172] ЦПА ИМЛ, 65 B IV (Babeuf à M. Maillard, Commissaire du Roi au tribunal du district de Montdidier).

[173] «Господа судьи из трибунала Мондидье, после этого первого опроса свидетелей, не видя ничего, что могло бы послужить основанием для приказа об аресте, намерены были освободить названного Бабефа, но нам удалось добиться, что следствие не было прекращено, а, наоборот, продолжено» («Détail des faits...»).

[174] «Un marchand de la ville lui a crié hautement, de manière a être entendu de loin: «Blanchissez Babeuf de la tête aux pieds, ramenez le nous, c'est notre Mirabeau, il mérite les couronnes»». («Détail des faits...».— AN, BB[16] 859 и D XXIX-14).

[175] «Extrait du registre de la délibération de la municipalité de la ville de Roye du 12 avril 1791» (AN, BB[16] 859 и D XXIX-14).

и Лефевр после своего возвращения,— что... в восстании, происшедшем в понедельник, 4 апреля, Бабеф играл главную роль..., если и не явно, то, во всяком случае, тайно». Они готовы были оказать поддержку муниципалитету. Вместе с тем «они понимали, что... найти свидетелей, которые захотят дать против него (Бабефа) новые показания, будет трудно и даже невозможно» [176]. Лонгекана и Лефевра заставили поэтому самих — на это ушел весь день 13 апреля — написать подробный обвинительный акт против Бабефа, тот самый, выдержки из которого мы уже приводили. Изложив всю историю весенней петиции 1790 г., октябрьских и апрельских событий, они писали в заключение: «Из всех этих фактов, очень тесно между собой связанных, со всей очевидностью следует, что г. Бабеф является вождем мятежников, виновником всех беспорядков и восстаний, происходивших в Руа по разным поводам, что чрезвычайно опасно дать ему возможность вернуться, так как существует целая партия..., которая ждет своего вожака... Можно опасаться всего и для личной безопасности и охраны собственности как должностных лиц муниципалитета, так и жителей города. В случае если названный Бабеф вернется в Руа, исчезнет доверие к муниципалитету; ...все взгляды будут обращены к Бабефу; муниципальные должностные лица не смогут оставаться на своих постах. Их личная безопасность потребует, чтобы они бежали из города, где все будет обречено на разграбление» [177].

14 апреля директория деп. Соммы приняла постановление, в котором она целиком встала на сторону муниципалитета. В решении была полностью повторена вся аргументация, которую мы встречали уже в обоих постановлениях, принятых в Руа 5 и 12 апреля. «Администраторы, входящие в состав директории департамента Соммы, считают, что г. Бабеф является главной двигательной силой (le principal moteur) упорного сопротивления, которое жители Руа, Альбера, Перонна и соседних деревень оказали временному восстановлению налогов»; что касается событий 4 апреля, угрожавших жизни мэра, то «невозможно усомниться в том, что г. Бабеф является их главным виновником» [178].

Департамент требовал, чтобы против Бабефа, как «нарушителя общественного спокойствия», было возбуждено преследование. Судей трибунала дистрикта Мондидье директория обязала на время следствия держать Бабефа в тюрьме, так как иначе подвергнутся опасности муниципальные должностные лица Руа, которым, в слу-

---

[176] «Extrait du Registre de la délibération de la municipalité de la ville de Roye du quinze avril mil sept cent quatre-vingt-onze» (AN, BB[16] 859).

[177] «Détail des faits...» (AN, BB[16] 859.— «De tous ceux faits qui ont entre eux la plus grande connexité, il résulte nécessairement que Babeuf est chef de factieux, qu'il est l'auteur de toutes les fermentations et insurrections qui ont ea heu a Roye»).

[178] «Extrait du Registre aux délibérations du Directoire du Département de la Somme en sa séance du 14 avril 1791» (AN, BB[16] 859 и D XXIX-14; см. также «Analyse succincte de l'affaire du nommé Babeuf»).

чае возвращения Бабефа в город, придется бежать. Лишь один пункт решений муниципалитета не встретил сочувствия в Амьене. Директория в своем решении ни единым словом не упомянула о необходимости применения вооруженной силы, на чем муниципалитет настаивал еще 5 апреля,— по-видимому, она предвидела слишком большое сопротивление.

Пока в Амьене шло обсуждение, в Мондидье наступила совершенно неожиданная развязка. Ни один из привезенных свидетелей не решился дать показания против Бабефа. В этих условиях трибуналу Мондидье пришлось прекратить дело. Вечером 12 апреля Бабеф был уже освобожден [179]. На следующий день он вместе с женой вернулся в Руа.

Описание его встречи дано в протоколе муниципалитета от 15 апреля. «...В среду в пять часов утра Бабеф вернулся в город как триумфатор в сопровождении большей части свидетелей..., некоторые из них стучали в двери и будили спящих, сообщая им, что Бабеф возвращается в Руа». Когда Бабеф появился в предместье, «многие мужчины и женщины направились к нему навстречу и поднесли букет», а его дом был украшен лавровой веткой, перевязанной трехцветной лентой [180].

Об отношении к Бабефу в Пикардии можно судить по письму, которое как раз в эти дни — 29 апреля 1791 г.— Бабеф получил от своего бывшего служащего, уже упоминавшегося нами, Рашара, находившегося тогда в Гранвилье: «Не проходит и дня, чтобы я тысячу раз не желал вам собрать, наконец, плоды ваших столь мучительных трудов. Те из моих друзей, которых я считаю способными оценить подлинный талант, могут подтвердить это. Когда я нахожусь с кем-нибудь, кому я могу спокойно довериться, для меня нет большего удовольствия, чем описывать черты вашего душевного величия и великодушия, поражающие наиболее честных людей. Моя страсть (passion) к вам, если можно так назвать благородный энтузиазм, который, естественно, вызывается великими добродетелями, такова, что, если кто-нибудь из моих товарищей не разделяет удовольствия, которое я получаю, читая и перечитывая драгоценные памятники вашей мудрости и просвещенности, он сейчас же перестает быть моим другом. С этой минуты я рассматриваю его как презренное существо лишь потому, что он не умеет ценить подлинную добродетель... Если бы только я имел возможность передать вам лично свою признательность за неоценимые

---

[179] Уже приводившаяся нами копия акта об аресте Бабефа заканчивалась записью о его освобождении 12 апреля 1791 г., в девять с половиной часов вечера («Ces deux écrous sont biffés et en marge est écrit: le 12 avril 1791 neuf heures et demi de soir. Le greffier du Tribunal du District de Mondidier, ai relâché... le dénommé ci-contre, en vertu de l'ordonance dudit tribunal de ce jord'hui» — ЦПА ИМЛ, 18 В II).

[180] «Extrait du Registre de délibération de la Municipalité de la ville de Roye de quinze avril» (AN, BB^{16} 859).

услуги, которые вы оказали, избавив меня от множества предрассудков, беспрерывно мешающих светлому разуму»[181].

Возвращение Бабефа в Руа, конечно, не принесло с собой всех тех ужасов, которые предвещал Лонгекан. Но амьенская директория не хотела отказаться от заведенного ею дела: оно было переслано в Париж. Правда, в письме, которым прокурор-синдик сопроводил дело, чувствуется уже некоторое сомнение в целесообразности начатой процедуры: «Я не знаю, не увлекся ли немного сам департамент, движимый желанием спасти муниципалитет Руа. Я долго колебался, но не нашел другого выхода. Г. Лонгекан и г. Лефевр собирались бежать из Руа, если Бабеф туда вернется... Я прошу вас встретиться с г. Прево, который очень хорошо знает Бабефа, повидайте и других наших депутатов. Мы пересылаем это дело также гг. Дюпору[182] и Делессару. Прощайте, дорогой друг. Сообщите мне поскорее, как отнесутся к нашему постановлению, что вы сами о нем думаете»[183].

В Париже заметили расхождение между позициями муниципалитета и директории департамента. В резюме, составленном по поводу всего дела Бабефа («Analyse succincte de l'affaire du nommé Babeuf»), указывалось, что постановление, принятое муниципалитетом 5 апреля, идет дальше, чем решение департамента от 14 апреля; в нем намечается использование вооруженной силы и провозглашение, в случае необходимости, военного положения (loi martiale). «По-видимому,— указывалось в резюме,— директория департамента до сих пор не хотела брать на себя ответственность и не дала муниципалитету указания, которого тот добивался. Если бы она приняла по этому поводу какое-нибудь постановление, она, несомненно, приложила бы его к постановлению муниципалитета от 15 апреля, которое она переслала министру 21-го»[184]. Главный вопрос «в деле названного Бабефа состоит в том, чтобы выяснить, должен ли он находиться под стражей». На этот вопрос автор резюме не решился дать положительный ответ. Дело было поэтому фактически прекращено.

Движение против косвенных налогов, заключительным эпизодом которого явились октябрьские и, в известной мере, апрельские события, было первым большим, массовым политическим движением, в котором Бабеф, по общему признанию всех его противников в Руа, Мондидье, Амьене и даже в Париже, выступил в качестве «главного виновника, а возможно, и единственного вожака» (le principal auteur ou même le seul chef). Это была своеобразная репетиция, и в ней будущий руководитель движения «во имя равенства» выявил все свои выдающиеся качества политического дея-

---

181 ЦПА ИМЛ, 73 В V (Hugue Rachard à Monsieur Babeuf, secrétaire de la Garde nationale, faubourg S. Gille).

182 Дюпор дю Тертр был тогда министром юстиции.

183 AN, D XXIX-14.

184 AN, BB^{16} 859.

теля, вожака, организатора, тактика и, прежде всего, чрезвычайно стойкого и мужественного революционера. «Только тогда, когда мне отрубят руку, когда у меня вырвут язык, тогда и только тогда... я перестану защищать гонимых»,— писал Бабеф в ответ на постановление департамента об отстранении его из Генерального совета коммуны Руа. Вся история дальнейшей жизни Бабефа подтвердила, что это были не просто слова.

VI

Переписка Бабефа с директорией деп. Соммы совершенно случайно проливает некоторый свет на вопрос, давно уже занимавший историков социальной мысли во Франции. Знал ли Бабеф о существовании «Социального кружка» («Cercle Social»), руководимого Н. Бонвиллем и Клодом Фоше? Оказала ли эта организация влияние на формирование его коммунистического мировоззрения?

На первый вопрос, по которому до сих пор не было никаких данных, мы можем теперь ответить утвердительно. Не позднее, чем летом 1790 г., Бабефу стало известно о существовании газеты Н. Бонвилля — «Bouche de fer» («Железные уста»). В немногочисленных исследованиях, посвященных истории «Социального кружка», вопрос о времени появления этой газеты вызвал разногласия. С. Лакруа пришел к выводу, что сама газета начала выходить в октябре 1790 г., но ей предшествовал «Bulletin de la Bouche de fer», появившийся уже летом [185]. Именно с этим «Бюллетенем», очевидно, и был знаком Бабеф. В его бумагах, на обороте одного письма, датированного июлем 1790 г., сохранился большой список парижских газет. В нем указаны «Moniteur universel», газеты Ленге («Annales politiques, civiles et littéraires du XVIII siècle»), Горса («Courrier de Versailles»), Марата, Прюдомма («Révolutions de Paris»), Мерсье («Annales patrotiques»), К. Демулена («Révolutions de France et de Brabant»), «Le Postillon», «Journal gratuit». На первом месте в этом списке стоит «Bouche de fer» [186].

---

[185] S. Lacroix. Actes de la Commune de Paris. Paris, 1898, v. VII. См. также В. С. Алексеев-Попов. История основания «Социального кружка» («Труды Одесского государственного университета им. И. Мечникова», т. 144, сер. ист. наук, вып. 4. Одесса, 1954).

[186] «Bouche de fer, près l'A. N.
Le Moniteur universel
Annales du XVIII siècle, par Linguet
Journal de Gorsas
Journal gratuit, près la porte de S. Martin
Révolutions de Paris
Révolutions de Brabant
Postillon
Marat
Mercier» (ЦПА ИМЛ, 45 В 111).

Можно полагать, что этот список составлялся тогда же, когда отправлялось и письмо,— в июле 1790 г., после освобождения Бабефа из Консьержери. То обстоятельство, что возле названия некоторых газет, в том числе и «Bouche de fer», проставлены и адреса редакций, свидетельствует, возможно, о том, что Бабеф собирался обращаться туда лично.

Бабеф знал не только о существовании «Bouche de fer». Он знал и о существовании «Cercle Social» и той более широкой и открытой организации «Всемирной конфедерации друзей истины» («Confédération universelle des Amis de la vérite»), направляющим и руководящим ядром которой, в соответствии с принципами и структурой масонских организаций, был «Cercle Social» [187].

Первое заседание Конфедерации состоялось 13 октября 1790 г. И оно, и последующие заседания, на которых выступал с речами «генеральный прокурор истины» Клод Фоше, комментируя «Общественный договор» Руссо, привлекли к себе всеобщее внимание в столице. «Я возвращаюсь с заседания нового клуба,— писал член Учредительного собрания, маркиз де Феррьер 24 октября 1790 г.,— называющегося клубом Друзей истины, или Cercle Social, Bouche de fer. Этот клуб собирается в Пале-Рояле..., туда входят по билетам; присутствовало четыре или пять тысяч человек; безумие, которое казалось бы смешным во всякую иную эпоху, сейчас может стать очень опасным. Речь идет о возвращении равенства, братства между людьми, о корреспондентских комитетах во всем мире... Аббат Фоше является генеральным прокурором, и он проповедует на мистическом языке доктрину квакеров, любовь, объединение... Я не знаю, как Собрание и в особенности клуб якобинцев, отнесутся к этой новой доктрине. Все это способно породить энтузиастов и сумасшедших, возродить времена анабаптистов, гуситов, пуритан. Об этом несчастном городе Париже можно сказать то, что Экклезиаст говорит о философах: «Бог предаст его безумию их мыслей»» [188].

---

[187] См. отзыв А. Матьеза на книгу Le Forrestier «Les illuminés de la Bavière et la franc-maçonnerie allemande» («Annales Révolutionnaires», v. VIII, p. 492—497). По мнению А. Матьеза, Н. Бонвилль находился под сильнейшим влиянием немецких левых масонов — «иллюминатов». См. также В. С. Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (в сб. «Из истории социально-политических идей». М., 1956), где вопрос о масонских связях Н. Бонвилля не получил достаточного освещения.

[188] Marquis de Ferrières. Correspondance inédite 1789, 1790, 1791. Paris, 1932, p. 305—306. 30 ноября Феррьер снова писал, что в Cercle Social собирается «четыре или пять тысяч человек..., но большинство состоит из любителей глупых шуток, которые издеваются и над клубом, и над великим главным прокурором, аббатом Фоше» (ibid., p. 329). В октябре 1790 г. Симолин переслал в Петербург реакционный памфлет «Grande dénonciation des ministres par les comités de l'Assemblée Nationale», в котором отмечалось появление «Конфедерации»: «Якобинский клуб родил нового ребенка: это поразительное чудовище, представляющее огромную букву с железными устами (Bouche de fer.— *В. Д.*). Его можно видеть в цирке Пале-Рояля за девять ливров каждые три месяца» («Grande dénonciation», p. 3, note).

Первые заседания Конфедерации вызвали отклик не только в столице, но и в провинции, и, что для нас всего интереснее, в Пикардии, по соседству с Бабефом, в Нуайоне, в том самом городе, где печатался тогда его «Пикардийский корреспондент».

Созданию Конфедерации предшествовал конфликт между мэром Парижа, Байи, и Клодом Фоше, входившим вместе с Бонвиллем в состав первого парижского муниципалитета, возникшего после 14 июля, и не переизбранным в 1790 г. Оппозиционная группа «бывших депутатов Парижской коммуны» во главе с Фоше вошла в состав «Всемирной конфедерации» и продолжала борьбу против муниципалитета [189]. В этой связи в № 34 «Bouche de fer» (декабрь 1790 г.) появилась заметка, в которой «неблагодарности» столицы по отношению к бывшим членам Коммуны противопоставлялась позиция провинции. По словам автора заметки, в газету поступило много писем с выражением признательности «добрым гражданам, присоединившимся к комитету Всемирной конфедерации друзей истины» [190]. Как раз вслед за этой заметкой было напечатано письмо, подписанное всеми членами директории дистрикта Нуайона во главе со «священником Ж. М. Купе». В письме подтверждалось получение сообщения о трудах Собрания депутатов Парижской коммуны с 25 июля 1789 г. до октября 1790 г. и давалась чрезвычайно высокая оценка его деятельности: «Вы стали нашим образцом, нашим вождем, и мы поклялись в вечной верности Конфедерации... Примите выражение нашего преклонения перед представителями Коммуны Парижа; ...история никогда не знала более славного образца... Среди свидетельств преданности и восхищения, которые приходят к вам со всех концов, удостойте услышать исполненный признательности и верности голос дистрикта Нуайона» [191].

О близких отношениях между Купе и Бабефом в 1790—1791 гг. нам еще придется говорить. Купе был подписчиком «Пикардийского корреспондента», его имя встречается в переписке Девена с Бабефом. Обратил ли кто-нибудь внимание Бабефа на это письмо Купе, говорил ли сам Купе с ним во время частых поездок Бабефа в Нуайон, присутствовал ли Бабеф лично на заседаниях Конфедерации во время своего двухнедельного пребывания в Париже в декабре 1790 г., когда так велик был интерес в столице к этим собраниям? На все эти вопросы мы ответить не можем. Как бы то ни было, но упоминавшийся нами протест Бабефа директории Соммы от 26 декабря 1790 г. подписан: «Бабеф, из общества Всемирной Конфедерации друзей истины» [192]. Эти последние две строки вычеркнуты, но они читаются очень легко. Они являются достаточно веским доказательством того, что Бабеф знал о существовании «Конфедерации».

---

[189] См. Lacroix. Op. cit., p. 444—453.

[190] «Bouche de fer», № 34, p. 543.

[191] Ibid., p. 543—544. Письмо датировано «Нуайон, 6 декабря 1790 г.».

[192] ЦПА ИМЛ, 76 В I («Babeuf de la société de la Confédération universelle des amis de la vérité»).

Следует, однако, отметить, что это упоминание о Конфедерации является единственным. За все годы революции, вплоть до 1794 г., имя Бонвилля встречается в архиве Бабефа еще только один раз, в апреле 1793 г., когда Бабеф, по совету Сильвена Марешаля, обратился с письмом к Н. Бонвиллю. Но, за исключением одной фразы, в которой Боннвилль характеризуется как «писатель-философ», «апостол святой доктрины человечества и патриотизма»[193], письмо не дает никаких оснований для выводов о какой-либо идейной близости. Оно имело, как мы увидим, чисто личный характер: Бабеф обратился с просьбой о предоставлении ему работы наборщика в типографии «Социального кружка». Во всем богатом архиве Бабефа мы не находим ни одной выдержки из газеты «Bouche de fer», хотя в нем имеются многочисленные выписки из «Révolutions de Paris» Прюдомма, из «Патриотических летописей» Мерсье, из «Друга народа» Марата. В библиографических заметках, озаглавленных «Об аграрном законе», составлявшихся Бабефом в 1791 г., есть ссылки на парижские газеты, на целый ряд авторов, но нет никаких ссылок ни на Бонвилля, ни на Фоше, ни на «Bouche de fer».

То обстоятельство, что в конце 1790 г. Купе, Пьер Доливье[194] и Бабеф почти одновременно заинтересовались Конфедерацией, было не случайно. «Социальный кружок» был первой своеобразной лабораторией социальной мысли в годы революции. Его ораторы могли показаться Бабефу единомышленниками, так же как Робеспьер и даже Петион. Однако, по-видимому, ничего принципиально нового ни в речах Фоше, ни в писаниях Бонвилля Бабеф почерпнуть для себя уже не мог. Эгалитаристские мысли Фоше и Бонвилля, к тому же облеченные в религиозную форму у будущего кальвадосского епископа или туманно-мистическую — у масона и «иллюмината» Бонвилля, были хорошо известны Бабефу. У таких коммунистических мыслителей, как Мабли, и даже у Руссо, Бабеф уже до революции встречал несравненно более категорические суждения по вопросу о роли собственности, и в этом отношении Фоше не мог дать никаких новых аргументов автору июньского письма 1786 г. Требование «аграрного закона» — нам придется еще об этом говорить — формулировалось Бабефом в 1791 г. совершенно отчетливо и категорически, а в это самое время Фоше в своих речах самым решительным образом высказывался против «аграрных законов»[195].

---

[193] ЦПА ИМЛ, 100 В IV (A N. Bonneville, 23 avril l'an 2 de la République).

[194] См. интересное сообщение В. С. Алексеева-Попова об отношении П. Доливье к «Bouche de fer» в ст. ««Социальный кружок» и демократически-республиканское движение 1791 г.» (сб. «Из истории общественных движений». М., 1957, стр. 182).— См. также: А. Р. Иоаннисян. Джон Освальд и «Социальный кружок» (ННИ, 1962, № 3).

[195] Buchez et Roux. Hisloire parlementaire de la Révolution française, v. VII, p. 163 («Фоше отвергает вслед за тем, как противоречащие целям природы,

Таким образом, в идейном отношении Бабеф в 1790—1791 гг. ничему уже не мог научиться ни у Бонвилля, ни тем более у Фоше. Социальные идеи Бабефа были уже к тому времени более зрелыми, неизмеримо более конкретными, чем еще крайне неясные и окутанные религиозно-мистическим туманом идеи Фоше и Бонвилля, не шедшие дальше эгалитаризма.

Были еще обстоятельства, отталкивавшие деятелей демократического движения Парижа от руководителей «Социального кружка»,— неясность их политической позиции, связи с Лафайетом и отношение к религии. Еще в феврале 1790 г. один из наиболее ярких и последовательных демократических журналистов Парижа, Лустало, которого высоко ценил Бабеф, выступил с резкой критикой предложений Фоше о присвоении Лафайету (как раз вслед за его вооруженной экспедицией против Марата и дистрикта Кордельеров в январе 1790 г.) звания генералиссимуса национальной гвардии всей Франции, а Байи, инспирировавшему эту экспедицию,— звания первого муниципального должностного лица (premier municipal). «Аббат Фоше,— писал тогда Лустало в «Парижских революциях»,— который проповедовал, что аристократия распяла Иисуса Христа..., *потерял в глазах всех честных патриотов репутацию, которую он заслужил раньше проявлениями гражданственности и мужества*»[196] (курсив наш.— *В. Д.*).

Первые заседания «Конфедерации друзей истины» вызвали со стороны «Парижских революций» такое же настороженное и скептическое отношение. Очень резкие нападки Фоше на Вольтера, защита им евангелия не могли этому не содействовать. Как иронически писала газета, «на первом заседании нам было доказано, что установление истины покоится на двух основаниях: на франк-масонстве, более утонченно или искусно развитом в его (Фоше) аллегориях, и на евангелии Иисуса Христа, из чего неизбежно должны получиться два последствия, которых тщетно искали до наших дней,— истина и всеобщая любовь»[197].

Резкой критике в газете была подвергнута и речь Фоше на втором заседании в Пале-Рояле: «Аудитория потеряла терпение, и г. аббат Фоше, которого прерывали на каждом слове, понял, что

аграрные законы, законы о разделе; он критикует Спарту и Рим за применение этих законов»).

[196] «Révolutions de Paris». N 32. 13—20 février 1790.— «Motion de M. l'abbé Fauchet concernant M. M. Bailly et Lafayette». p. 16—21. О недоверии к Фоше можно судить и по письму г-жи Ролан, тогда еще (летом 1790 г.) «пламенной патриотки»: «Я вижу, что ваши похвальные усилия к объединению патриотов,— писала она Банкалю 20 августа 1790 г.,— не легко приведут к успеху; эта мания всем руководить, это самомнение, позорящее талант и ведущее к неудачам, кажется, запятнали аббата Ф[оше] и других... Когда нет привычки отождествлять свои интересы и славу с общим благом... всегда кончают убожеством» (Lettres de madame Roland, publiées par Claude Perroud. Paris, 1902, v. II, p. 159).

[197] «Révolutions de Paris», N LXIX (novembre 1790).

он находится не на кафедре в Бурже» (где Фоше был викарием епископа.— *В. Д.*) [198].

Защита Фоше религии, нападки на Вольтера и материалистов не могли не вызвать недовольства в известной части аудитории [199]. Отголоском этого недовольства и явилось столкновение в марте — апреле 1791 г. между Фоше и Бонвиллем, критиковавшим именно эту религиозную сторону взглядов Фоше и противопоставившим ей свои деистические и масонские взгляды. Г-жа Ролан, присутствовавшая на апрельском заседании, едва не приведшем к полному расколу «Социального кружка», писала после него: «Я была свидетельницей этого разрыва Фоше и Бонвилля и была им возмущена. Первый, без сомнения, имеет основания жаловаться, но все эти раздоры... не делают никому чести. Аббат Фоше впервые показался мне священником» [200].

Когда вскоре после этого Фоше был назначен конституционным епископом деп. Кальвадос, подозрительное отношение к нему возросло еще больше: «Я не знаю, что станет с Социальным кружком,— писала, например, та же г-жа Ролан 24 апреля 1791 г.,— домашние споры, которые аббат Фоше предал гласности, доставляют мне подлинное огорчение; они могут только повредить этому сообществу. Я знала раньше, что стоял вопрос о его назначении куда-либо и что он об этом знал; я уверила себя,— возможно и ошибочно,— что именно из-за этого он оказался столь чувствительным в связи с неточностью, допущенной Бонвиллем при цитировании некоторых фраз, касающихся его религиозных чувств. Назначение Фоше произошло, и аббат Фоше является теперь епископом Кальвадоса. Его красноречие и таланты были славой и основой заседаний Социального кружка... После него, я не знаю, что произойдет с обществом» [201].

Если таково было отношение к Фоше г-жи Ролан, легко представить, какое недоверие в парижских демократических кругах вызвало его назначение епископом и сопутствовавшая торжественная «интронизация» в соборе Парижской богоматери, в присутствии Лафайета [202].

---

198 «Révolutions de Paris», N LXIX.

199 В июле 1790 г. Фоше писал Лафайету: «Я никогда не лгал: я суровый приверженец религии (je suis sévèrement religieux); моя вера тверда и обоснованна; я презираю богословов, которые затемнили евангелие и погрязли в фанатизме, но я — католик до глубины души» (je suis catholique du fond de mon âme).— «La Révolution française», 1909, t. 56, p. 545.

200 Lettres de m-me Roland, v. II, p. 264.

201 Ibid., p. 266.

202 Дальнейшее поведение Фоше подтвердило эти опасения. Правда, избрание Фоше в Законодательное собрание встретило ожесточенное сопротивление реакции. Симолин в связи с этим избранием охарактеризовал Фоше в одном из своих донесений «злодеем, который открыто проповедовал резню всех аристократов и призывал к поджогам их жилищ и замков» (АВПР, ф. «Сношения России с Францией», д. 490, дон. 97, 26 сентября — 7 октября 1791 г.). Однако очень двусмысленное отношение Фоше к военному министру Нарбонну и его планам установления протектората (за которыми, возможно, скрывались планы

Чрезвычайно внимательный читатель «Парижских революций», Бабеф, по всей вероятности, не прошел мимо статей газеты, резко критиковавших Фоше. Не это ли явилось причиной того, что он вычеркнул в своем амьенском протесте те две строки, в которых первоначально собирался заявить о своей принадлежности к «Конфедерации друзей истины»? Разумеется, дать на этот вопрос сколько-нибудь точный ответ не представляется возможным. Однако в пользу этого предположения говорит та оценка, которую дал Бабеф Бонвиллю и «Социальному кружку» уже позднее, в 1796 г.

Зима 1790/91 г. была кульминационным пунктом в развитии «Социального кружка». Апрельский кризис явно надломил его. Крайне аморфная и чрезвычайно пестрая по своему составу организация,— достаточно напомнить, что наряду с Моморо, К. Демуленом и Барером, с будущими жирондистами Кондорсе, Клавьером, Т. Пэном, Лантена в ее состав и даже Директорию входили такие более чем умеренные деятели, как д'Андре, Буасси д'Англа и сам Сиейс,— она просуществовала после него недолго[203]. Июльских репрессий после расстрела на Марсовом поле «Кружок» не перенес и распался летом 1791 г. В последующие годы революции почти все руководители «Социального кружка», в том числе Бонвилль и Фоше, оказались среди противников якобинцев. Бонвилль уцелел во время террора, но на долгое время отошел от активной политической деятельности. Он вернулся к ней в 1796 г., когда возобновил издание «Le vieux Tribun du Peuple et sa Bouche de fer» как раз в противовес «Трибуну народа» Бабефа. Именно тогда в № 38 своей газеты Бабеф чрезвычайно отчетливо вскрыл политический смысл выступления Бонвилля и дал при этом исключительно интересную оценку деятельности Бонвилля на протяжении всей истории революции. Так как эта оценка имеет очень большое значение для определения отношения Бабефа к «Социальному кружку», мы разрешим себе привести ее почти целиком.

«Когда Бонвилль опубликовал свою газету под названием Старый Трибун и с горечью жаловался на то, что я украл его название, он явно преследовал две цели. Первая состояла в том, чтобы

самого Лафайета, к которому так близко стоял Фоше) вызвали крайнее недоверие к Фоше в демократических кругах Парижа и привели впоследствии к его исключению из Якобинского клуба. Не только Марат, но и бывший секретарь «Социального кружка», Камилл Демулен, уже в начале 1792 г. относились к Фоше с совершенно нескрываемой враждебностью (C. Demoulins. Oeuvres. Paris, 1872, v. I, p. 65).

[203] Вопрос о влиянии идей «Bouche de fer» за пределами Франции до сих пор не подвергался исследованию. Однако еще в 1909 г. В. И. Семевский нашел следы этого влияния в России. Очень любопытно, что первым обнаруженным им русским читателем «Bouche de fer» был не кто иной, как граф Дмитриев-Мамонов, один из организаторов «Ордена русских рыцарей», представитель аристократического крыла либеральной общественной мысли второго десятилетия XIX в. Обсуждая план «profession de foi» «Ордена», Дмитриев-Мамонтов писал генералу Михаилу Орлову: «Для канвы плана я не знаю более подходящей для вас книги, как Là bouche de fer de Bonneville» (В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 402, прим. 2).

затмить подлинного Трибуна народа и ввести народ в заблуждение, создать представление, что, если существуют два Трибуна, то старый является лучшим. Другая цель, будучи следствием первой, заключалась в том, чтобы убедить, что новый трибун заслуживает презрения, так как является вором. В целом все эти козни, как мне кажется, связаны не столько с соперничеством авторов, сколько с министерской интригой, с планом уничтожения страшной газеты Трибуна народа, с желанием дискредитировать его и уничтожить при помощи этих жалких и лживых уловок».

Но, если начать серьезный спор о том, кто является лучшим из этих двух трибунов, «то нетрудно доказать, что *Бонвилль никогда не был трибуном народа* (курсив здесь и дальше наш.— *В. Д.*). В самом деле, кого, по праву, следует так называть? Тех, кого я недавно охарактеризовал (в № 34). т. е. тех, кто постоянно и мужественно проповедовал и защищал плебейство. Но есть другие, кто, чванясь этим званием, только оскверняли его, проявив себя исключительно, как трибуны патрициата, трибуны Жиронды... Этот вид трибуната не имеет ничего общего с возвышенной магистратурой внуков Сципиона» (т. е. Гракхов.— *В. Д.*). Бабеф напоминает дальше историю борьбы, которую вели в Риме против Кая Гракха консул Опимий и трибун Руфус Манлий. С этим последним он и сравнивает Бонвилля. Нынешние Опимии стремятся поскорее отделаться от подлинных трибунов простонародья (de la canaille). Они хотят расчистить путь для «подлого трибуна», Руфуса Манлия, который «трусливо продался... партии римских богачей».

Но время Руфуса-Бонвилля еще не пришло. «Мы еще не убиты. Правда, современные Опимии страстно к этому стремятся. Пока они этого не добились, постараемся дать еще несколько полезных советов народу. Прежде всего скажем, что сбылось предсказание писания: «Среди вас явятся лжепророки» и другое: «Волки облачатся в овечью шкуру, чтобы лучше обмануть народ»». Таким лжепророком Бабеф и считал Бонвилля: «Но какова наглость Руфуса? Разве он не предвидел заранее, что, завидев его, все демократы воскликнут — среди нас явился лжетрибун! Разве он думает, что забыт хоть один из его революционных подвигов? Они записаны... в бессмертных произведениях пресловутого (fameux) Социального кружка, в Bouche de fer, Французском патриоте, Анналах Всемирной Конфедерации друзей истины, Ежемесячной хронике и т. д. Эти нетленные произведения беспрерывно ставили Руфуса Бонвилля *с конца 89 года* и до «несчастной эпохи» 31 мая *в рабскую зависимость*, как он сам признает, *от Мирабо и других патрициев Сената*[204] и вынудили его отказаться от своего трибуната, кото-

---

[204] Накануне выборов в Конвент Марат в листовке «Marat, l'Ami du Peuple, aux amis de la Patrie» высказался против кандидатуры Бонвилля как «низкого льстеца, купленного Байи и Мотье (Лафайетом.— *В. Д.*)». (Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. 3. М., 1956, стр. 126).

рый он осуществлял *только в течение нескольких недель в 89 году.* Как он может после шести месяцев отречения... претендовать на звание трибуна... Почему с конца II года он предоставил мне возможность открыто выполнять эти функции и почему он ждал IV года, чтобы выступить с этим требованием? К тому же пост трибуна никогда... не объявлялся ни исключительной прерогативой одного человека, ни постоянной бессменной должностью...»[205]

Бонвилль ответил уже после ареста Бабефа: «Не без злого умысла как раз в тот момент, когда Трибун народа после долгих преследований возвестил о продолжении своих прежних опытов, на сцену выбросили Гракха Бабефа, который скромно присвоил название издания, появлявшегося уже пять раз. Это все. что я могу сказать сейчас об этом человеке, который, возможно, является только жалким безумцем (un triste fou), попавшим в сплки нескольких искусных плутов, и занят сейчас защитой своей жизни и, еще больше, доказательством своей невиновности. Res sacra miser. Это всегда было девизом Трибуна и навсегда им останется. Нужно уважать несчастье»[206]. Это заявление Бонвилля никак не говорит о какой бы то ни было близости к Бабефу или даже о подобии симпатии к его коммунистическим идеям.

Бабеф, таким образом, хорошо знал о существовании «Социального кружка» и очень внимательно следил за его развитием. Конечно. в 1796 г. он о многом мог судить иначе и гораздо более резко, чем в 1790 г. Но в этом отзыве Бабеф сохраняет беспристрастие. Он признает, что в течение нескольких недель 1789 г., когда Бонвилль был активным участником революционных событий. он играл положительную роль. Но всей дальнейшей деятельности Бонвилля — и не только в 1792—1793 гг., но и в 1790—1791 гг., в период существования «Социального кружка» и «Конфедерации» — он дает совершенно иную оценку. Мимо этого отзыва пройти нельзя; он поразительно совпадает с тем, что писал о Фоше в феврале 1790 г. Лустало. Во всяком случае эта характеристика Бонвилля не оставляет сомнения в том, что «Социальный кружок» не оказал влияния на формирование *революционно-коммунистического* мировоззрения Бабефа. Оно шло, как мы сейчас убедимся, совершенно иными путями.

---

[205] «Le Tribun du Peuple ou le Défenseur des Droits de l'Homme», N 38, p. 164—166. В заголовке газеты этой части номера дано название: «Второй процесс Трибуна народа. Новый трибун, который хочет его уничтожить. Это — трибун патрициата, это — трибун Жиронды».

[206] «Le Vieux Tribun et sa Bouche de fer». A. Paris. Imprimerie librairie du Cercle Social, rue de Théâtre Français, № 4. An 6 de la République Française.

„Философский свет“

I

Рассмотренный нами период биографии Бабефа — с весны 1790 г. до весны 1791 г. — был чрезвычайно насыщенным. Впервые в своей жизни Бабеф самостоятельно руководил массовым политическим движением целой провинции. Дважды за это время он оказывался в тюремном заключении, из которого вырывался с огромными трудностями. При всем том этот же период в его жизни был и временем напряженных теоретических размышлений. Свидетельством этого является объемистая тетрадь, сохранившаяся в архиве Бабефа и почти целиком посвященная чисто теоретическим вопросам [1].

На титульном листе тетради имеется следующая надпись: «Этот сборник бессвязных идей (ce mélange des idées indigestes) требует строгого пересмотра и очень продуманного развития с тем, чтобы отбросить ошибки, непоследовательность и противоречия, которые я обнаружил при позднейших размышлениях. Произведение, которое явилось бы результатом такой работы, могло бы быть озаглавлено:

Опыт о принципах

законов природы, которые называют *естественным правом*,
законов, признанных *между нациями*, которые называют
международным правом,
законов *гражданских* или *принятых* между людьми,
составляющими нацию.

Ниже, на той же странице, Бабеф наметил и другой проект названия своей рукописи:

---

[1] ЦПА ИМЛ, 1 В X. Рукопись состоит из 171 перенумерованной страницы in 8°. Страницы 92—115 отсутствуют. См. наше сообщение «Неизвестная рукопись Бабефа» («Французский ежегодник. 1958». М., 1959).

«Философский свет или действительно истинное в том, что называют:

Естественным правом

Международным правом

Гражданским правом» [2].

Датировка рукописи не представляет особых затруднений. На одной из первых страниц на полях проставлена дата «март 1790» [3],— таким образом, тетрадь начата была еще до первого ареста Бабефа. В дальнейшем тексте имеются ссылки на 1791 г., в частности на беседу с одним не названным членом Национального собрания в сентябре этого же года. Никаких более поздних хронологических ссылок в рукописи нет. Так как уже во второй половине 1792 г., как мы увидим, у Бабефа совершенно не было досуга для спокойного размышления (к тому же он постоянно находился в разъездах и жил то в Амьене, то в Аббевилле, то в Мондидье и т. д.), можно с большой долей вероятности датировать «Философский свет» именно периодом 1790—1791 гг.

По-видимому, вначале у Бабефа не было ясного представления о том, какую форму придать своей работе. В первой половине рукописи на полях почти каждой страницы стоит отметка: «Разрозненные мысли» (Réflexions détachées). Но на 89-й странице в рукописи появляется замечание, свидетельствующее о том, что у Бабефа созрел уже определенный литературный план. Размышляя о необходимости определить смысл некоторых слов, Бабеф пишет: «Можно было бы составить философско-политический — метафизический словарь антиномий и синонимов, являющихся результатом... вольного и невольного злоупотребления рядом слов. Естественное, международное и гражданское право; свобода, равенство, собственность, основные законы, гражданские законы, ...братство, восстание, мятеж, рабство, независимость, подчинение, власть, права, философия, принципы, правительство, администрация, регламент, суверенитет, популярность и т. д.— каждое [слово] по одной странице» (89).

---

[2] «Ce mélange d'idées indigestes demande une Révision sévère et des développemens bien réfléchis pour rejetter des erreurs, les inconséquences et les contradictions dont la succession de mes réflexions m'a fait apercevoir. L'ouvrage qui en résulterait de ce travail pouroit être intitulé:

Essai sur les principes

Des loix de la Nature qu'on nomme *Droit naturel*

Des loix reconnues *entre les Nations* qu'on nomme *Droit des Gens*

Des loix *civiles* ou *conventionnelles* entre les hommes réunis en corps de Nation

Autre titre

Lueurs philosophiques, sur ce qu'il y a du réel dans ce qu'on nomme

Droit naturel

Droit des Gens

Droit civil» (ЦПА ИМЛ, 1 В X).

[3] Ibid., p. 5. Все дальнейшие цитаты из рукописи нами в сносках не оговариваются. Страницы указываются в тексте.

N.a Ce mélange d'idées indigestes, demandera [illegible] les idées et des développements de ces réflexions pour rejetter les erreurs, les incohérences et les contradictions dans la succession de mes réflexions m'a [illegible] l'ouvrage qui résultera de ce travail pourra être intitulé;

Essai

Sur les principes

De loix de la Nature qu'on nomme Droit naturel.

De [illegible] convenues entre les Nations qu'on nomme Droit des Gens.

Des loix civiles ou conventionnelles entre les hommes réunis en corps de Nation.

~~autre Titre~~

Lumière philosophique

Sur ce qu'il y a de réel dans ce qu'on nomme

Droit naturel.

Droit des Gens.

Droit Civil

«Философский свет». 1790—1791 гг. (ЦПА ИМЛ)

Возвращаясь к мысли о злоупотреблении такими словами (abus des mots), как «общее благосостояние», «безопасность для всех», «содействие всех общей цели», совершенно «лишенными смысла», не соответствующими действительности, являющимися «метафизическим обманом», Бабеф на следующей странице своей тетради снова пишет о необходимости специального произведения, посвященного этому вопросу, которое «не должно быть особенно пространным... Форма словаря, как наименее утомительная для читателя, кажется мне наиболее подходящей для распространения просвещения» (90).

Страстный поклонник знаменитого словаря П. Бейля и усерд-

ный читатель словарей вообще, Бабеф немедленно приступил к осуществлению своего замысла. На полях рукописи появляется ряд отметок: «См. в моих листках в алфавитном порядке на слово рабство о влиянии привычки» (79, 138); «см. в моих листках статью владение» (39) и т. д. К сожалению, эти листки не сохранились. Однако, судя по титульному листу, несомненно, составленному позднее, от формы словаря Бабеф затем решил отказаться. В ходе работы у него постепенно созрела мысль превратить рукопись в своего рода «гражданский кодекс вселенной». Это подтверждается и его письмом к Шометту весной 1793 г., в котором Бабеф «возвещает философам», что в ближайшее время появится его книга «О равенстве»[4]. Вполне возможно, что основой этой книги и должна была стать теоретическая тетрадь Бабефа.

Свою рукопись Бабеф многократно пересматривал, делал на полях своим мелким, бисерным почерком чрезвычайно пространные дополнения, как правило, содержащие более четкие и зрелые формулировки, чем в первоначальном тексте. Нередко на полях встречаются замечания такого рода: «Весь этот параграф чрезвычайно запутан, очень неясен. Его следует переделать целиком» (116). Повсюду в рукописи против отдельных параграфов проставлены заголовки, явно написанные позднее. Совершенно очевидно, что к своей теоретической тетради Бабеф возвращался часто и охотно.

Не приходится, разумеется, преувеличивать ее значение. Это в самом деле «сборник бессвязных идей» (mélange des idées indigestes). Мысли самого Бабефа — и притом часто еще в незаконченной, неотшлифованной формулировке — перемежаются с выписками из книг, иногда оговоренными, а иногда и нет. В тетради затрагиваются самые различные — крупные и мелкие — вопросы, касающиеся экономики, политики, права, морали, религии и т. д. Самоучка, человек, самостоятельно прокладывавший себе путь среди, как он сам говорил, «хаоса» понятий Бабеф часто приходил в затруднение при своих попытках оспорить казавшиеся ему неверными установившиеся положения и теоретически обосновать свои взгляды. Мы находимся, в полном смысле слова, в теоретической лаборатории Бабефа. Но тем любопытнее следовать за мыслителем даже тогда, когда он пробирается ощупью.

Тетрадь Бабефа дает нам, прежде всего, ясное представление об уровне его теоретических знаний и широте интересов. Уже находясь в Вандомской тюрьме в 1796 г., Бабеф, вспоминая о своем детстве, писал сыну: «Я хорошо помню, что, когда я был таким же постреленком (un petit drôle), как ты, требовались дьявольские усилия, чтобы оторвать меня от игры. Казалось, меня что-то приковывало к ней, и я думал, что игра является единственным удовольствием. Но когда я начал учиться и сделал первые успехи,

---

[4] ЦПА ИМЛ, 3 В X; русск. пер.: «Вопросы истории», 1961, № 2, стр. 113; см. также «Pages choisies...», p. 147.

я нашел в этом гораздо больше удовлетворения, чем в играх с товарищами; я забросил все, чтобы целиком заняться только учением»[5]. Уже с отроческих лет Бабеф упорно и жадно читал. Отвечая в 1791 г. на упреки аббата Турнье, что в юности он пас индюков в имении Бракемона, Бабеф, не подтверждая этого факта, писал: «Я готов, чтобы угодить вам, признать, что сторожил их (индюков.— *В. Д.*), но я из-за этого не краснею... Пусть я сторожил индюков, но в то же время... я читал Фременвилля и Бурдалу, Вольтера и Платона, Аристотеля и Жан-Жака. Но разве не хватало у некоторых глупости упрекать Руссо в том, что он был сыном часовщика, а Дидро в том, что он был сыном садовника...»[6].

Уже из переписки с Дюбуа де Фоссе и из подготовительных работ к «Постоянному кадастру» мы могли судить о том, как сравнительно широк был круг чтения Бабефа. «Философский свет» и рукописи Бабефа 1790—1791 гг. дают возможность значительно подробнее осветить этот вопрос. Разумеется, знания Бабефа не приходится преувеличивать. Самоучка, человек, почти всю жизнь проведший в нужде, Бабеф чаще всего должен был довольствоваться теми книгами, которые попадали ему под руку. Обращает на себя внимание, что ни в теоретической тетради, ни в других бабефовских рукописях этого периода нет ни одного упоминания о Гольбахе, только один раз (в переписке с Дюбуа) встречается имя Гельвеция, нет ссылок на Дидро, кроме только что приведенного упоминания его имени в памфлете-ответе Турнье. Работая над своей тетрадью, Бабеф читал «Жизнь Тюрго» Кондорсе и делал из нее выписки, но в то же время он нигде не упоминает ни Кене, ни других французских физиократов, хотя и говорит об Адаме Смите и, несомненно, знаком был с его «Богатством народов». Конечно, эти умолчания могли быть случайными, но в то же время вполне вероятно, что Бабеф действительно не знал целого ряда произведений крупнейших французских теоретиков XVIII в. или знакомился с ними из вторых рук, из словарей или из книг других, гораздо менее самостоятельных мыслителей.

Бабеф не был — да по условиям своей жизни и не мог быть — таким энциклопедически образованным человеком, как многие крупнейшие «властители дум» XVIII в. Тем не менее следует признать, что начитанность Бабефа была достаточно широка и разнообразна, что его отличали особая пытливость, настойчивость и упорство в стремлении расширить свои знания. Ограничимся лишь несколькими примерами.

Размышляя над вопросом об осуществлении народного суверенитета, Бабеф заинтересовался, прежде всего, определением самого понятия. Он ищет его (не забудем, что в это время он находился в крохотном провинциальном городке Руа) в самых серьезных работах. Он обращается к Дюканжу — автору хорошо известных до-

[5] ЦПА ИМЛ, 23 В VIII (8 vendémiaire l'an 5—29 сентября 1796 г.).
[6] ЦПА ИМЛ, 35 В II.

полнений к книге Паскье[7] и даже к Лейбницу, к его «Codex Juris gentium diplomaticus», предисловие к которому он приводит в латинском оригинале (отметим попутно, что Бабеф прекрасно владел латинским языком).

Добросовестность и настойчивость Бабефа прекрасно иллюстрируются и другим примером. Он внимательно изучал словарь Пьера Бейля, этого крупнейшего французского мыслителя XVII в., сыгравшего такую большую роль в развитии французского материализма, и дополнения к нему, изданные в середине XVIII в. Шофпье[8]. У Шофпье Бабеф натолкнулся на выдержку из английской книги о Ф. Бэконе[9], в которой критиковалось «странное мнение» английского философа, считавшего, что подчинение монархам основано на естественном праве[10]. Это показалось Бабефу невероятным: «О философе с таким выдающимся талантом, как Бэкон, первоклассном ученом, крупнейшем юристе, государственном деятеле следует судить очень осторожно... Мне нужно иметь перед глазами текст Бэкона. Я произведу эту проверку, если только сумею достать произведение великого человека, о котором пишет Давид Мэллет» (164, 167). В тексте рукописи об этом больше ничего не сказано, но в тетрадь вложены два листка, на одном из которых приведен текст Бэкона, который Бабеф, таким образом, все-таки разыскал!

Не менее интересны его критические замечания по поводу вольтеровского перевода Ванини. Самый интерес Бабефа к этому известному мыслителю XVII в. (Бабеф выписал, вероятно, из того же словаря Бейля все биографические сведения о нем)[11] очень показателен. Рукопись вообще не дает возможности сколько-нибудь полно осветить вопрос об отношении Бабефа к религии и атеизму. Тем любопытнее поэтому его интерес к Лючильо Ванини. Бабеф,

---

[7] О значении работ Дюканжа можно судить по тому, что в начале XX в. Международная ассоциация академий, по предложению известного русского историка П. Г. Виноградова, приняла решение о переиздании «знаменитого словаря Дюканжа» (В. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в., 1929, ч. 1, стр. 185).

[8] J. Chauffepié. Nouveau dictionnaire historique, v. I—IV. Amsterdam, 1750—1756. Бабеф ссылается на статьи в словаре Шофпье о Мальбранше, Локке, Бэконе и т. д. У Бейля он цитирует статьи о Гоббсе, Жане д'Эспанье и др.

[9] «The Works of D. Mallet», vls. 1—3. London, 1759.

[10] «В статье Бэкон, в словаре Шофпье, стр. 12, указано, что он проявил большие способности в трактатах, которые он написал в пользу объединения двух королевств — Англии и Шотландии. Я их не знаю. Вероятно, именно там встречается утверждение, о котором говорит Давид Мэллет (Монархии имеют другое основание и принципы, чем все остальные виды правительства. Все они, по его словам, существуют на основании закона или какого-нибудь другого соглашения, но подчинение монархам основано на естественном праве») (167).

[11] Запись Бабефа гласит: «Лючильо Ванини родился в 1585 г. в Тавризане, в Неаполитанском королевстве, был сожжен живьем в Тулузе, после того как у него был вырезан язык, 19 февраля 1619 г., как у обличенного в атеизме» (170). Затем Бабеф выписал полное название книги Ванини. О Ванини см. новейшую работу советского историка В. И. Рутенбурга «Великий итальянский атеист Ванини». М., 1959.

по-видимому, был даже обладателем его редчайшей книги «Amphitheatrum eternae providentiae» (1616 г.). И вот по поводу вольтеровского перевода Ванини Бабеф вступает в спор. Он считает, что перевод фразы «bon, mais sans qualité, entier, mais sans parties» в одной из глав «Contradictions de ce monde» отличается от мысли автора и что он предпочел бы дословный перевод «Grand sans quantité (sine quantitatae magnus)». Любопытно, что книгу Ванини и перевод Вольтера одолжили у Бабефа для того, чтобы ознакомить с ними епископа нарбоннского Диллона и епископа экского Буажелена. По поводу их отзыва, что книга представляет собой «настоящую галиматью», в рукописи говорится: «Было бы странно, если бы Вольтер взял на себя труд переводить галиматью, тем более что перевод был очень сложен. Но он был поэтом, гением, и он увидел лучше епископов, что в стремлении получить какое-нибудь представление о невидимом и непостижимом существе, управляющем вселенной, Ванини пошел дальше, чем чей-либо человеческий разум» (171).

Возможно, что эти две страницы о Ванини представляют собой только выписку из какой-нибудь книги, и в этом случае они представляют большой интерес. Но если,— что вполне вероятно,— этот текст принадлежит самому Бабефу, он чрезвычайно обогащает наше представление о широте теоретического кругозора и интересов Бабефа.

Данный в связи с Ванини отзыв о Вольтере не является чем-то случайным. О Вольтере, «этом замечательном орле современной литературы» (cet aigle merveilleux de la littérature moderne) [12], Бабеф говорит неоднократно и в своей тетради, и в ряде рукописей этого же периода. Бабеф знал «Кандида» [13], часто цитировал вольтеровского «Брута» и «Генриаду». Даже составляя в 1791 г. петицию по поводу минералогических открытий Андре Кабайля, он, как мы видели, ссылался на философские работы Вольтера, так же как его «L'homme aux quarante écus» он читал, подготовляя «Постоянный кадастр».

Из французских мыслителей XVII—XVIII вв., кроме уже отмеченного П. Бейля, Бабеф упоминает в своей тетради Бодена, Лабрюйера, Ларошфуко. Он приводит и критикует определение законной монархии, данное Боденом в его «De la République» (книга 2-я, стр. 236). С большим сочувствием и довольно подробно цитирует он знаменитое произведение Лабрюйера «Les caractères», характеризуя Лабрюйера, как «философа, известного своими глубокими размышлениями» [14].

---

[12] ЦПА ИМЛ, 71 В I.

[13] ЦПА ИМЛ, 32 В II («Я буду так же откровенен, как Кандид»).

[14] «D'un philosophe connu par ses profondes méditations». Бабефа особенно заинтересовала глава «Du Souverain ou de la République» и рассуждения в ней об отечестве. Он пользовался различными изданиями книги Лабрюйера («je n'indique point la page, parce qu'elle varie dans presque toutes les éditions»).

Более критически Бабеф отнесся к «Maximes» Ларошфуко: «Изречения Ларошфуко в области морали соответствуют в медицине книге, которая содержала бы сведения о лихорадке, оспе, камнях, воспалении легких, плеврите, расстройстве пищеварения..., причем автор ее претендовал бы на то, что этим исчерпывается все телосложение человека» (164).

Бабеф упоминает статью о Жане д'Эспанье (Jean d'Espagnet) в «Словаре» Бейля и приводит название обеих его книг («Enchеridion physicae restitutae» и «Arcanum hernetiae philosophicae»), с которыми он, возможно, ознакомился.

Бабеф знал о существовании «Энциклопедии» и знаком был с некоторыми ее томами. Так, размышляя над вопросом об отечестве, Бабеф ссылается не только на словарь Академии (издание 1694 г.), но и на статью Жокура (Jaucourt) в «Энциклопедии» (71). О его знакомстве с работами Кондорсе мы уже упоминали: ссылки на него встречались у Бабефа в связи с работой над «Кадастром». Имя Кондорсе несколько раз упоминается и в тетради, хотя с некоторыми его положениями Бабеф спорит [15].

Теоретическая тетрадь дает еще одно подтверждение того, как велик был интерес Бабефа к Руссо. Можно без преувеличения утверждать, что из всех мыслителей XVIII в. Руссо оказал на Бабефа наибольшее влияние. Именно с ним он постоянно «советовался», к его работам возвращался чаще, чем к чьим-либо другим. Произведения Руссо в «Философском свете» упоминаются неоднократно, в том числе «Об общественном договоре», «Проект постоянного мира», «Исповедь», письмо к «Мемуару о жизни и произведениях Ж. Верне». Но именно с Руссо, как мы увидим, Бабеф в своей тетради вступает в наиболее острую полемику.

Отметим, что в рукописи есть только одно упоминание о Монтескье; правда, в другой рукописи 1791 г. Бабеф ссылается на «Размышления о причинах величия и падения римлян» [16].

Из английских философов, кроме Бэкона, Бабеф говорит о Гоббсе, Локке, Д. Юме. Влияние английских сенсуалистов сказывается в этой рукописи гораздо явственнее, чем влияние французских материалистов XVIII в.

Работы специалистов по феодальному праву давно уже привлекали к себе внимание февдиста Бабефа. Совершенно естественно, что в рукописи, посвященной вопросу о том, что есть «реального» в праве, Бабеф ссылается на крупнейших теоретиков в области права. Кроме Дюканжа, он упоминает о Гуго Гроции, Пуффендорфе, Кэмберленде, де Лольме, Ваттеле. Классический труд Ваттеля «Droit des gens ou Principes de la loi naturelle appliquée à la conduite

[15] Бабеф подверг критике «абсурдное и скандальное» место в книге Кондорсе «Жизнь Тюрго», где автор нападает на «правильный, мудрый и глубокий принцип Цицерона «Quid leges sine moribus»» (что значат законы, если нет добрых нравов).

[16] ЦПА ИМЛ, 45 В II.

et aux affaires des nations et des souverains» (1758 г.)[17] Бабеф читал, по-видимому, довольно внимательно. Критикуя некоторые его положения, он отмечает, что в предисловии Ваттеля «есть много здравых рассуждений, развитие которых будет очень полезно. Все это предисловие заслуживает того, чтобы его продумать».

Бабеф ссылается также на известные труды византийского юриста Феофила, на первую книгу его неоднократно переиздававшегося трактата «Paraphrasis».

Бабеф хорошо знал многих древних авторов. Любопытен его отзыв о Тите Ливии. Доказывая, что неизвестно ничего достоверного об общественном строе древнейших народов, он ссылался на Ливия: «Мы не находим нигде описания первых правительств какого бы то ни было народа (NB — Спарта, Ликург)... Тит Ливий, весь труд которого исчез, но отдельные уцелевшие книги свидетельствуют о больших познаниях во всех областях римской истории, мог собрать только смешные и абсурдные басни о начале Рима... После этого знаменитого историка прошло 18 веков; как же мы можем осмелиться рисовать этот первый зародыш (ce 1[er] germe), который даже он смутно представлял себе» (148). В другой рукописи, говоря о Тите Ливии, Бабеф отмечал, что Корнель очень удачно воспроизвел его рассказ в своей трагедии о Горациях[18].

В «Философском свете» есть одна любопытная страница. Рассуждая на одну из своих любимых тем, об образовании, Бабеф отмечает, что чисто школьное образование не является все же всемогущим: «Законы и учреждения Ликурга не сделали каждого лакедемонянина крупным военачальником. Другие законы, другие учреждения не помешали Афинам создавать героев. Многочисленные и цветущие школы соперника Спарты не сделали каждого афинянина ни Аристидом, ни Демосфеном, ни Софоклом. Не колледжи создали во Франции Лопиталя, Декарта, Корнеля, Мольера, а в Англии — Ньютона, Шекспира, Мильтона, Локка. Гомер не имел учителей, а самые необходимые и самые полезные ремесла были изобретены в эпохи, намного веков предшествовавшие созданию университетов и академий» (163).

Может быть, эти строки и не принадлежат Бабефу, а были выписаны им из какой-нибудь книги. Но они вполне передают законную гордость самоучки, который еще десять лет назад если и не пас индюков, то был чернорабочим на Пикардийском канале и за этот короткий промежуток времени собственными усилиями приобщился

[17] См. русск. пер.: Э. Ваттель. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960.

[18] ЦПА ИМЛ, 72 В I. Ссылки на Вольтера и Корнеля говорят об интересе Бабефа к художественной литературе, что видно и из его переписки с Дюбуа де Фоссе. Показателен следующий факт: в письме к прокурору Мондидье, Майару, в апреле 1791 г. (ЦПА ИМЛ, 65 В IV) Бабеф привел два стиха из пьесы «L'honnête criminel». Но эта пьеса Фенуйе де Фаблера, посвященная истории нимского протестанта Ж. Фабра, только в январе 1790 г. появилась на парижской сцене; до того цензура упорно запрещала ее постановку.

к сокровищам общечеловеческой культуры[19]. Однако «Философский свет» свидетельствует не только о познаниях Бабефа, но и о его совершенно недюжинных теоретических способностях, острокритическом и часто оригинальном подходе ко многим сложным проблемам.

Уже после второго выступления в Конвенте тогда еще совершенно неизвестного Сен-Жюста Марат с одобрением писал о нем: «Это — мыслитель». Этот отзыв Марата, как нам кажется, вполне можно распространить и на молодого Бабефа.

II

В тетради Бабефа разбросано много общеметодологических, общефилософских размышлений. Они не дают оснований для утверждения, что к этому времени у Бабефа сложились вполне оформленные философские взгляды. Его собственная оценка своей тетради — «mélange des idées indigestes» — совершенно правильна. Тем не менее нельзя не выделить в ней ряд интересных, а подчас несомненно оригинальных мыслей Бабефа, в которых видны некоторые проблески диалектического и материалистического понимания развития природы и общества.

Чрезвычайно любопытны рассуждения Бабефа в связи с положением Д. Юма о том, что все государства проходят стадию зарождения, зрелости и упадка. Бабеф отмечает по этому поводу, что Юм мог бы найти более широкое подтверждение своего наблюдения: «Вся природа показала бы ему такую же картину. Все начинается с зародыша, а этот зародыш всегда мал, слаб и часто невидим. Он постепенно развивается, набирается сил, достигает определенной крепости, потом ослабевает, хиреет, гибнет, но, погибая, распространяет новые зародыши, которые проходят тот же круг... Плод, который содержится в цветке, принимает самые различные оттенки..., пока не достигает полной зрелости, падает, разлагается и оставляет после себя ростки, которые или гибнут до срока или становятся деревьями, которые ждет тот же конец» (161). Замечание Юма о судьбе великих государств правильно и вообще «все, что достигает своего наибольшего развития (son maximum)..., не только имеет склонность к упадку, но и неизбежно гибнет. Империя, любое правительство, достигшее самой высокой степени про-

[19] Из других книг, цитируемых в тетради Бабефа, отметим: Tolosan. Mémoire sur le commerce de la France et de ses colonies; Jouchère. Système d'un nouveau gouvernement en France, 4 tomes, en 2 volumes; Gudin de la Brenellerie. Essais sur l'histoire des Comices de Rome, des Etats généraux de la France et du Parlement d'Angleterre. Paris. 1789. По поводу труда Жушера, вышедшего в 1720 г., в котором обосновывалась идея замены всех налогов единой «натуральной десятиной», Бабеф отмечает, что сведения, приводимые Жушером, по поводу потребления хлеба «следует сравнивать с Дютилле и Пармантье» (32). Имя Пармантье — уроженца Мондидье, одного из пионеров введения культуры картофеля во Франции,— как видим, было хорошо известно Бабефу. О его отношении к Дютилле де Вилару см. главу 4-ую

цветания, не может не прийти в упадок. Это спелая груша, падение которой ничто не может предотвратить» (162). В этом месте Бабеф ссылается на изречение Цицерона — «debemus morti nos, nostra que».

С этими рассуждениями нельзя не связать другие мысли в тетради, со всей очевидностью свидетельствующие о проблесках понимания Бабефом диалектики развития. Так, он неоднократно подчеркивает всеобщую связь явлений: «Все соприкасается, все взаимно поддерживается, все связано в этой безмерности, которую мы именуем природой» (Tout se touche, tout se tient, tout est lié dans cette immensité que nous indiquons par le mot nature) (29). Все развивается, нет ничего вечного: «Как нет постоянного состояния здоровья, так не может быть и постоянной гармонии общественного строя». Параграф, откуда мы извлекаем эту фразу, так и озаглавлен: «Почему невозможно постоянство общественного строя» (pourquoi la perpétuité de l'ordre est impossible). Бабеф возражает также против нежелания видеть противоречия: «Самые лучшие умы не всегда избегают недостатка, состоящего в том, что они видят только хорошее или только плохое в том, что является смешением (mélange) хорошего и плохого. Это смешение существует во всем, повсюду» (25).

Эти зачатки диалектического подхода можно обнаружить не только в теоретической тетради, но и в других рукописях того же времени. Очень любопытно, что такой убежденнейший и страстный противник феодализма, как Бабеф, сумел подчеркнуть даже в развитии феодализма прогрессивно-исторические стороны. Нельзя не отметить яркого диалектического сопоставления, сделанного Бабефом в его подготовительных работах к мемуару о феодах (sur les fiefs) в 1791 г., в связи с чтением газеты «Chronique de Paris» (за 7 октября 1789 г.): «Феодальная ассоциация, принцип благоденствия и свободы в одну эпоху, жестокости и хищности, в другую» [20]. Такие же зерна диалектики мы обнаружим в рассуждениях Бабефа о роли собственности, в которых особенно сильно сказалось влияние Руссо.

Основные философские вопросы о сущности духа и материи, о природе божества и т. д. все время тревожат Бабефа. Судя по его тетради, он не нашел еще их разрешения или не осмеливался их формулировать. Тем не менее явно материалистические, во всяком случае сенсуалистические тенденции в тетради Бабефа видны совершенно отчетливо. Так, говоря о происхождении наших понятий и определений, Бабеф подчеркивал то «постоянство (regularité), с которым мы извлекаем все наши сравнения (comparaisons) из области материального или чувственного (de l'ordre matériel ou sensible), чтобы применить их к области умственного (à l'ordre intellectuel), и никогда из умственного, чтобы применить их к мате-

---

[20] ЦПА ИМЛ, 16 В I («L'association féodale, principe du Bonheur et de la Liberté dans une époque et de la cruauté et de la rapacité dans une autre»).

риальному» (116). «Мы делаем известный отбор,— пишет Бабеф,— между вещами, которые могут входить в наши рассуждения (assertions), но все они... *существуют вне нас, раньше нас, независимо от нас»* (Ces pièces existent toutes hors de nous, avant nous, indépendament de nous) (курсив наш.— *В. Д.*).

Совершенно в духе последовательного сенсуализма звучит одна из бабефовских записей: «Мы имеем представление только о физических предметах, мы их имеем только благодаря впечатлениям, которые они оказывают на наши чувства» (nous n'avons d'idée que des objets physiques, nous n'en avons que par les impressions qu'ils font sur nos sens) (117). Это совершенно соответствует знаменитому локковскому «nihil in intellectu quod non prius in sensu»! Недаром в нескольких местах рукописи Бабеф прямо ссылается на Локка[21].

Очень любопытен, в этой связи, параграф рукописи, озаглавленный «Слова, язык. злоупотребления словами. Злоупотребления мыслями. Откуда они происходят». Происхождение большинства слов и понятий Бабеф связывает с процессами физического труда: «Было бы хорошо представить язык лесоруба (ouvrier en bois), чтобы противопоставить его языку метафизиков, говорящих об абстракциях». Слово «абстракция» в первом случае имело совершенно ясный смысл: речь шла об определенном материальном действии, о том, как отделяются (extraite ou abstraite) ветви от ствола дерева для получения нужного рабочему материала. «Никогда не бывает никакого непонимания между лесорубом, его слушателями или его учениками» (122). Эта ясность не исчезает и тогда, когда наши понятия и определения только несколько отделяются от этой материальной основы. «Когда говорят о каком-нибудь напитке,— пишет Бабеф,— что его нужно крепить, заострять, смягчать и т. д., все эти выражения заимствуются из наших ремесел (arts), из ножевого промысла, строительных работ, обработки мрамора... Все эти выражения несколько больше, чем другие, отдаляются от материальной основы, откуда они заимствованы»[22]. Но они еще не утрачивают этой связи: «Мы овеществляем или материализуем наши мысли, потому что наши слова, по большей части, являются только обозначением физических и материальных тел» (125)[23].

Все совершенно меняется, когда тем же словам придается условный смысл и их переносят в «метафизический жаргон». Когда речь идет об «абстрагировании», как о «совершенно нематериальном действии разума» (une opération très immatérielle de l'esprit), все запутывается и начинается игра в метафизические определения,

---

[21] Так, подчеркивая, что мы «не можем открыть истину» при помощи заранее подготовленных «верных или ложных аксиом» (156), Бабеф делает ссылку на Локка. На примере Бабефа видно, как сильно было еще в XVIII ь. влияние Локка.

[22] «De l'objet matériel du quel elles sont empruntées».

[23] «Nous corporisons ou nous matérialisons nos pensées, parce que nos mots dans la très majeure partie ne sont que des signes des objets corporels et matériels».

скрадывающие и затемняющие действительность. Именно в этой связи Бабеф и задумался над необходимостью составления словаря, который должен был бы вскрыть подлинный смысл этих метафизических определений.

Бабеф — безусловный сторонник эмпирического метода. Его резко отрицательное отношение к метафизике, к метафизическим системам, основанным на «предположениях» (sur les conjectures), а не на реальных наблюдениях, проявляется во всей рукописи. В конце ее он проводит очень яркое сравнение между физиками и метафизиками: «Физики имеют перед глазами, а особенно перед своими чувствами материалы, которые входят в построение их систем. Метафизики, наоборот, не имеют никаких. Каждая часть их системы является идеальной, гадательной, предположительной. Известно, с каким доверием нужно относиться к системам физиков. Это верное мерило для того, чтобы оценивать метафизиков. Одни руководятся фактами, другие только миражами своего воображения» (169). К сожалению, слишком многие «предпочитают метафизику, основанную на химерах воображения, здоровой и мудрой логике, основанной на непоколебимой базе наблюдения за фактами» (6). Наблюдение является «единственным инструментом нашего знания, на который можно положиться» (72). Нужно исходить не из «предположений», а из «известных и существующих фактов» (148). Метафизические принципы являются «дичками» (des sauvageons), они могут принести только «кислые, горькие, неудобоваримые плоды» (5).

Бабеф решительно выступает против тех метафизиков, которые вместо того, чтобы «наблюдать отношения... между действительными причинами и их следствиями... выводить из этого теоретические и практические правила, находят у самих себя все общие и частные стороны, которые их прельстили. Став создателями, они... стали провозглашать догматы веры, которые они наивно рассматривали как катехизис человеческого рода» (152).

Бабеф вовсе не отрицает значения теории, напротив, он придает ей огромное значение. Но эта теория должна иметь своей базой практику и наблюдение: «Верная теория, подкрепленная наблюдением, может дать перспективы (des grandes vues), которых одна практика никогда не даст... Наблюдения, размышления и опыт являются основами теории» (27).

Общефилософские размышления Бабефа, несомненно, характеризуют его как сторонника эмпирического метода и бесспорного сенсуалиста. Это сказалось и в его подходе к решению поставленного в самом названии рукописи вопроса — что же скрывается истинного, подлинно реального (réel) за метафизическими понятиями естественного, международного и гражданского права. Именно на эти понятия он и стремится, прежде всего, пролить свой эмпирический «философский свет».

III

Теория естественного права — права, которым природа наделила человека,— была одной из непреложных основ взглядов просветителей XVIII в. Тем не менее именно эту теорию «droit naturel» Бабеф в своей теоретической тетради подвергает решительной критике.

Еще в 1786 г., в своем июньском письме Дюбуа де Фоссе Бабеф не оспаривал этой теории. Правда, как мы уже отмечали, абстрактному пониманию этого права он уже тогда стремился противопоставить более реальное, конкретное, подчеркивая, что основным правом является «право на жизнь» (droit de vivre), на обеспеченное существование. Критикуя работу Ленгле «Опыт естественного и политического права», представленную Аррасской академии, он указывал, что, с его точки зрения, «естественное право и право политическое совпадают... Гражданское право, политическое право, международное право, все это должно быть подчинено естественному праву (droit naturel) и быть его справедливым применением в различных отраслях. Не существует никакого права, которое не имело бы в нем своего первоисточника, все, что из него не вытекает, является басней или узурпацией».

Таким образом, Бабеф признавал еще тогда принцип естественного права, хотя, как мы указывали, уже критически относился к тезису о естественном, первобытном состоянии: «...Что мы знаем о первой семье? Что мы знаем о первом народе и его рассеянии? Знаем ли мы все превратности судьбы этих великих обществ, то объединенных, то разделенных, в зависимости от меняющихся интересов... История ничему нас по этому поводу не научила, хотя ее уроки были бы превосходно поняты всеми поколениями..., если бы только их не запутали метафизические софизмы» [24]. Именно поэтому Бабеф предлагал не опускаться по «лестнице поколений» для определения того, в чем состоит это «droit naturel».

В «Философском свете» Бабеф повторяет и развивает эти возражения: не сохранилось «никаких остатков от человека в естественном состоянии» (ainsi nul vestige de l'homme dans l'état de pure nature (73); «никто никогда не наблюдал естественного состояния, и это уже невозможно. Нельзя, таким образом, применить единственный источник нашего познания, на который мы можем положиться,— наблюдение» (72). Мы ничего не знаем не только об этом первобытном, естественном состоянии. Нет никаких достоверных сведений даже о более поздних человеческих обществах. Именно в этой связи Бабеф писал о том, что даже Тит Ливий 18 веков назад уже не мог сообщить ничего достоверного о древнем Риме. Но, не ограничиваясь этими возражениями, Бабеф идет гораздо дальше — он решительно выступает против самого понятия «естественное право».

---

[24] ЦПА ИМЛ, № 654, p. 32.

Развивая свои мысли, высказанные еще в 1786 г., Бабеф, прежде всего, оспаривает принятое разделение права — на право естественное, международное, гражданское. Эта ошибка, допущенная римскими юристами, а вслед за ними Гроцием и его последователями, объясняется «злоупотреблением словом Jus (право)». Тут же, на полях рукописи, Бабеф указывает на необходимость выяснения того, к чему привела этих великих людей их исходная ошибка (1-res idées fausses) (131). Эту ошибку Бабеф видит в том, что они смешали понятия естественного права (droit naturel) и естественных законов (loix naturelles): «Гроций, Гоббс, Кэмберлэнд, Пуффендорф, все эти выдающиеся писатели, говоря о *естественном праве* и *праве международном* (курсив здесь и дальше Бабефа.— *В. Д.*), также часто употребляли выражение *естественные законы*, как и выражение *естественное право*» (139). Но эта путаница (imbroglio) совершенно недопустима — «естественного права» никогда не было и не существовало. Природа не дала человеку никаких прав. Понятие «естественное право» является «чисто абстрактным и метафизическим, лишенным всякого смысла» (80).

Римские юристы полагали, что они «открыли источник, из которого вытекают все основные принципы гражданского права. Они его определили как *естественное право* и, не колеблясь, заявили, что оно было установлено *природой*. Юристы, которые пришли им на смену, а в особенности, масса (la multitude)... сделали отсюда вывод, что *природа* дает *права*, и что эти *права* стоят безусловно выше, чем права, выработанные самим обществом (d'institution sociale), и являются неизменными и неприкосновенными» (139—140).

Именно это положение Бабеф и оспаривает на протяжении всей своей рукописи. В параграфе, озаглавленном «Права. Природа никому их не дала» он пишет: «Природа дает чувства, аппетиты, потребности... Она дает физические и умственные способности для их удовлетворения. Но она никому не дает прав. Если бы она давала права, они были бы абсолютными. Между тем в человеческом обществе... права сокращаются или расширяются, но всегда являются относительными (relatifs). Все права, или, вернее, все, что мы называем правами, основаны на соглашении (sur des conventions). Длительность... пользования этими правами совершенно такая же, как у социальной силы, которая установила и поддерживает их, независимо от того, каким путем они были установлены» (85). Бабеф устанавливает важный принцип: права даются не природой, это не ее «произведение» (ouvrage immédiat et fondamental); они устанавливаются и меняются в зависимости от «социальной силы»[25].

---

[25] Бабеф многократно возвращается в своей рукописи к этому вопросу: «Исследуя, дала ли ему природа *права*, человек должен был бы признать, что природа не дала ему никаких *прав* (La nature ne lui a point donné de *droits*), а только потребности, аппетиты, чувства, разум (l'intelligence), чтобы наблюдать, комбинировать средства сохранения и улучшения того, что ему дала природа, но она *не дала* ему никакого *права*, сходного в каком бы то ни было отно-

«Естественное право», право, данное природой, является одним из тех метафизических понятий, против которых так резко выступал Бабеф. Оно не основано на наблюдении и изучении фактов. Даже Гроций, этот «выдающийся человек», «недостаточно занимался наблюдениями» (n'a pas assez observé au dehors) и не сумел поэтому «ухватить первые звенья длинной цепи, хотя он так крепко соединил множество ее колец» (86). Если впасть в «метафизическое безумие», можно сказать и о пищеварении, что природа наделила человека «правом на пищеварение» (droit de digestion). Все подобные рассуждения бесплодны: они не основаны на наблюдениях за фактами, находящимися вне нас. В природе можно обнаружить аппетиты, потребности, «разум, занятый тем, чтобы их удовлетворить, но нигде нельзя найти прав, кроме тех, которые являются порождением человеческих учреждений и социальных сил, их поддерживающих» (86) [26].

Природа не дала и не могла дать человеку никаких прав: «Человек был введен в заблуждение словами *естественные права*, и эта иллюзия дала ему возможность предположить, что он получил права непосредственно от верховного существа» (157). Но эта иллюзия может сыграть и вредную роль: некоторые существующие сейчас общественные отношения могут оказаться фетишизированными, их могут объявить вечными и неприкосновенными, основанными на правах, дарованных природой, тогда как, в действительности, они установлены только самим человеком и могут быть им изменены. «Из его собственных рук вышла *собственность* (курсив наш.— *В. Д.*), безопасность, полная личная независимость... В тех самых обществах, которые являются лучшим творением (chef d'oeuvre) его разума, он получает подлинные права, которые он сам установил. На земном шаре, на котором он обитает, нет ничего, что он не мог бы подчинить своей власти, приспособить для своих потребностей, своего удовольствия, своего развлечения... Человек, живущий в обществе, имеет *способности*, разум на основе законов природы и *права* на основе своих собственных учреждений. Чем может послужить ему это мнимое естественное право (droit naturel), на которое он так часто, так охотно и с таким доверием ссылается? Вместо того, чтобы служить поддержкой и оплотом, оно может оказаться препятствием... Права, установленные от природы, стали бы не только неизменными, но и гарантированными ею. Они не могли бы подвергнуться никакому изменению...» (159).

Не следует придавать чрезмерного значения отрицанию Бабефом «естественного права». Отвергая то, что принято называть

шении с тем, которое дало ему человеческое общество, с *правом* политическим и гражданским» (130—131).

[26] «On trouveroit dans la nature des fonctions, des besoins, des moyens mécaniques, l'intelligence, qui s'emploie d'y satisfaire, mais on ne trouveroit certainement des droits qu'en conséquence des institutions humaines et de la force sociale qui les maintient».

естественным правом (ce qu'on nomme droit naturel), Бабеф еще не покидает почвы естественно-правовых теорий, не перестает быть рационалистом. Он пытается поставить на место «прав», данных человеку природой, «естественные законы» (loix naturelles), хотя явно затрудняется определить их сущность. Пересматривая рукопись, он сам сделал на полях замечание о необходимости «составить параграф, чтобы определить, что следует понимать под естественными законами» (123) [27]. Одним из таких основных законов он считал «sui ipsius tuitio», закон самосохранения — другая формулировка того же «droit de vivre» права на жизнь, на существование, обеспечиваемое обществом, о котором он писал в июне 1786 г.

Очевидно, что при определении этих «естественных законов» мысль Бабефа не достигла еще той ясности и определенности, с какой он так категорически отрицал «droit naturel». У него встречаются и такие понятия, как «droite raison», «souveraine intelligence», которые свидетельствуют о том, что он продолжал отводить разуму такую же крупнейшую роль, как и его учителя — просветители XVIII в. Наконец, в поисках естественных законов, гарантирующих право на существование, Бабеф подчеркивает, что «существует всеобщая нравственность (une morale universelle), которая не отделяет интересы и сохранение каждого индивидуума от взаимопомощи (assistance mutuelle), которую все мы обязаны оказывать друг другу, от поддержки, пользу и потребность в оказании которой испытывает в любой момент каждый» (89). Он вспоминает, например, эпизод из своей собственной жизни, когда почтовая карета, в которой он ехал, попала в трясину. Почтальон отправился за помощью. Явилось пять человек с лошадьми, впряглись, легли плашмя в грязь и через 10 минут вызволили повозку. Но все усилия Бабефа вознаградить его спасителей оказались тщетными: «Я мог добиться от них только благородного и трогательного ответа: «Если бы мы оказались в таком положении, разве вы нам не помогли бы?»» (135). Бабеф твердо уверен, что эти положительные качества человека, соответствующие «законам природы», в конце концов возобладают.

Тем не менее, не впадая в преувеличение, следует признать, что *решительное, категорическое отрицание Бабефом одной из основных догм просветительства и рационализма XVIII в.* безусловно свидетельствует о наличии в его мировоззрении ряда оригинальных черт, об острокритическом отношении к некоторым канонам естественно-правовых теорий.

То упорство, с которым Бабеф боролся с принципом «droit naturel», может быть правильно понято только после ознакомления с социально-экономической частью его рукописи. «Droit naturel» превратилось в мишень для таких ожесточенных нападок Бабефа.

---

[27] «Il faut faire un paragraphe pour déterminer ce qu'on doit entendre par la loi de la nature, ou des Etres».

прежде всего, потому, что за этим «метафизическим понятием» стояло другое, совершенно реальное — частная собственность, рассматриваемая как «естественное и неприкосновенное право».

IV

Бабеф, как мы уже отмечали, заносил в свою тетрадь размышления по самым различным вопросам. Но одним из центральных вопросов, к которому он непрерывно возвращался, перечитывая и пересматривая свою рукопись, был вопрос о собственности и ее роли в происхождении общества. Высказывания на эту тему разбросаны в нескольких местах, но характерно, что Бабеф старательно делал каждый раз на полях ссылки на те страницы рукописи, где этот вопрос трактуется. Совершенно очевидно, что он все время привлекал к себе внимание Бабефа.

В чем причина соединения людей в общество? Независимо от того, существовал ли «общественный договор», человечество, указывает Бабеф, должно было заботиться о своей безопасности, сохранении (conservation) и пропитании (subsistance). «Пропитание — это первейшая потребность человека, и забота о ее удовлетворении — это его первая обязанность» (13). Человечество при этом прошло ряд этапов. Сперва люди пользовались плодами самой земли, присоединяя к этому постепенно охоту и рыбную ловлю. Когда этого оказалось недостаточно, произошел переход к скотоводству. На этой стадии развития возникла «временная собственность» на территорию, занимаемую кочевым, скотоводческим племенем. Однако возрастание населения, увеличение потребностей выявило «полезность и даже необходимость постоянной культуры, а следовательно, и постоянного занятия земли и непрерывного труда на ней». Так, переход к земледелию привел к появлению постоянной частной собственности. «Народности, превратившиеся в нации, ...сочли справедливым связать индивидуальную собственность с владением, узаконенным трудом, и признали разумным дать частной и постоянной собственности необходимый простор, объявив ее неприкосновенной» (13).

Для этой зарождавшейся частной собственности римские юристы нашли термин «usucapio». Это означало присвоение себе какой-нибудь вещи на основе пользования ею (usu capere). Французские юристы сохранили этот термин, переведя его словом «usucapion». Из собственности «на время пользования» постепенно и возникла постоянная личная собственность. Эту мысль Бабеф повторяет неоднократно. Возрастающее число людей требовало все увеличивающегося, «огромного» количества продовольствия. Обеспечить его могло только земледелие, а его развитие привело к появлению уже не временной, а постоянной частной собственности[28]. В охране

[28] «Leur nombre exige d'immenses subsistances, les subsistances dépendent de l'agriculture et la prospérité de l'agriculture entraîne la nécessité du droit de proprié-

собственности и состоит главное назначение общества. «Безопасность частной собственности,— пишет Бабеф на одной из последних страниц своей рукописи,— является первым элементом, ядром, зародышем обширных владений (vastes propriétés), составляющих различные государства, существующие во всех частях земного шара. Ни одно из этих самостоятельных государств не существовало бы, если бы не потребность в сохранении собственности каждой семьи, каждой личности» (166). То, что неправильно называют международным *правом* и что, в действительности, является *законом*, признаваемым всеми нациями, представляет собой «общий закон наций для сохранения собственности каждой из них, как гражданский закон является общим законом между отдельными личностями... для сохранения их частной собственности» (там же). Это и есть то подлинное (réel), что составляет основное содержание гражданского и международного права. «Человеческие общества создались для охраны собственности. Объединение не имело других мотивов и цели, кроме сохранения собственности» (52).

Все гражданские законы имеют своей целью охрану «личности и *собственности* (91) (Курсив наш.— *В. Д.*); только с этим связано установление «всех человеческих обществ» (motif de l'établissement de toutes les sociétés) (76).

Конечно, во всех этих рассуждениях о связи между развитием земледелия и установлением частной собственности, о значении собственности для развития общества и государства Бабеф чрезвычайно много заимствовал у своих предшественников, прежде всего у Руссо, из его знаменитого «Рассуждения о причинах происхождения неравенства», с которым Бабеф познакомился еще до 1786 г.[29]

Но, чтобы исторически оценить значение этих, пусть далеко не всегда оригинальных, построений Бабефа, следует напомнить, что гениальные мысли Руссо вовсе не были общим достоянием крупнейших просветителей XVIII в. Достаточно сопоставить с ними известное определение Мабли: «Социальные учреждения были уста-

---

té» (134). «On a vu qu'il n'y avoit plus de moyens et des moyens plus faciles de subsistance que dans l'occupation accompagnée d'un travail individuel et permanent, on en a conclu qu'il fallait convenir que l'occupation et le travail seroient le fondement d'un droit de propriété individuelle, permanente, exclusive, inviolable» (9).

[29] На Вандомском процессе, отвечая на аргументы, выдвинутые в обвинительном заключении против взглядов бабувистов на губительную роль частной собственности, Бабеф заявил: «А вот и ты, Руссо, и твоя знаменитая речь о неравенстве победоносно опровергнуты. Получил ли бы ты эту премию Дижонской академии, если бы глубокомысленный автор обвинительного заключения там присутствовал? О, в наши дни свободы он не был бы даже допущен к конкурсу, обвинитель его разоблачил бы, ему предъявили бы приказ об аресте... и он оказался бы здесь, на скамье подсудимых» («Défense générale du Gracchus Babeuf devant la Haute-Cour de Vendôme».— V. Advielle. Op. cit., v. II, p. 44—48). В этой же речи Бабеф утверждал, что «не колеблясь», мог бы назвать Руссо «председателем общества флореальских демократов» (как известно, бабувисты были арестованы в флореале IV года — мае 1796 г.).

новлены не потому, что человек является животным, которое следует кормить, а потому что он разумен и чувствителен. *Он может обойтись без того, чтобы возделывать землю* (курсив наш.— *В. Д.*), но никто не может освободить его от необходимости составлять законы»[30].

Признавая исторически прогрессивную роль собственности в прошлом, Бабеф со всей силой подчеркивал то зло, которое она приносит сейчас.

«Несомненно,— писал он,— что собственность является самым надежным средством для обеспечения пропитания. Но крайне важно никогда не терять из виду, что число лиц, лишенных земельной собственности, несметно, по сравнению с теми, кто ею обладает. Эти лица, лишенные собственности, имеют, однако, неотъемлемое право на обеспечение своего существования. Владение, соединенное с трудом, обеспечивает его собственникам. Труд без владения также должен обеспечить существование тем, кто не является собственником. Они имеют поэтому *неоспоримое право на труд* (un droit incontestable au travail) (курсив наш.— *В. Д.*). Долг человечества и благоразумие собственников состоят в том, чтобы обеспечить возможность пользоваться этим правом, потому что те, для кого труд является единственным источником существования, чрезвычайно многочисленны... Забвение этой обязанности или пренебрежение к ней самым страшным образом скомпрометирует частную собственность. Она неизбежно и, возможно, справедливо станет добычей этого множества лишенных работы. Силы их неисчислимы, и они способны на любые крайности, когда они *лишены работы и заработной платы* (dépourvus de travail et de salaires) (курсив наш.— *В. Д.*) и не имеют другого способа обеспечить свою неудержимую потребность в том, чтобы существовать (le besoin irrésistible de subsister) (13—14).

Мысль о необходимости бороться с злоупотреблениями собственностью, о лежащих на собственниках обязанностях многократно подчеркивается Бабефом. «Освобождает ли право собственности,— спрашивает он,— от обязанностей? Если оно неотделимо от известных обязанностей, то каковы они? До каких пределов они простираются? К какому трибуналу следует обращаться в случае нарушения договора между собственниками и теми, по отношению к которым они имеют обязанности... и такой же давности, как и сама собственность?» (87).

В параграфе, озаглавленном «Не существует права злоупотреблять своей собственностью», Бабеф полемизирует с принципом: «Владение является правом пользования и злоупотребления своим имуществом (jus utendi et abutendi re sua)». Он называет его ложным: «Собственность является гражданским правом, и общества

---

[30] Mably. Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. «Oeuvres», t. XI, Paris, l'an III. p. 26.

никогда не давали своим членам права злоупотреблять своей собственностью, потому что злоупотребления не могут не причинять ущерба тому, кто злоупотребляет. Общество должно их оберегать против их разнузданной воли, как оно оберегает лишившихся разума, несовершеннолетних» (39).

Острота полемики Бабефа с теорией естественных прав, священных и нерушимых (imprescriptibles) прав, данных человеку от природы, стоит, как нам представляется, в самой тесной связи именно с его взглядами по вопросам о собственности. Уже на первых страницах своей рукописи Бабеф говорит о том, что в понятии естественного права есть много «ложных умозаключений» (bien des paralogismes) и тут же отмечает, что «все это верно по отношению к собственности, которая является человеческим или гражданским правом» (8). Эта точка зрения была совершенно противоположна взглядам большинства даже самых прогрессивных буржуазных защитников естественно-правовых теорий в XVIII в.

Неприкосновенность собственности чаще всего обосновывалась в XVIII в. именно тем, что собственность является неотъемлемым «естественным правом». Мы ограничимся только несколькими, наиболее характерными выдержками из Тюрго, этого типичнейшего представителя французской передовой буржуазной экономической мысли XVIII в., тем более что, работая над своей рукописью, Бабеф как раз читал и неоднократно ссылался на книгу Кондорсе «Жизнь г. Тюрго» [31].

«Право собственности на землю или предметы питания исходит от природы»,— писал Тюрго в одной из своих статей в «Энциклопедии» [32]. Эту мысль он повторял неизменно: «Люди образовали постоянные общества для того, чтобы охранять свои естественные права. Эти права — безопасность личности, свобода и в особенности собственность... Собственники являются самыми важными членами общества... Право собственности предшествует обществу». А так как общество создано для того, чтобы обеспечить человеку его естественные права, то Тюрго делает отсюда вывод, что общество должно «обязать законодателя охранять каждому самое свободное пользование своей собственностью, не устанавливать никаких ограничений, устранять все существующие..., обеспечить людям мирное и спокойное пользование своей собственностью» [33].

Эта позиция, общая для всех буржуазных экономистов XVIII в.,— «сама природа создала право собственности» (c'est de la nature que naît le droit de propriété),— встречает самые решительные возражения со стороны Бабефа. «Природа никому не дала

---

[31] Condorcet. La vie du M. Turgot. MDCCLXXXVII. Бабеф ссылается именно на это издание, с указанием фамилии автора. Предшествующие издания выходили анонимно.

[32] «Encyclopédie», t. VII, 1757.

[33] Condorcet. Op. cit., p. 220, 222, 230, 235.

собственности» (67),— категорически формулирует он свое мнение. И если на страницах «Философского света» он уделяет так много внимания полемике с приверженцами «естественных прав», то, как нам представляется, именно потому, что для него это являлось опровержением первого логического звена буржуазной теории собственности.

Если природа не дала человеку никаких естественных прав, если вопрос о правах — это лишь вопрос о «человеческих учреждениях и социальных силах, которые их поддерживают» (86), то и собственность не является естественным правом. Тем самым оправдано и вторжение в сферу частной собственности, поскольку собственники ею «злоупотребляют».

Наиболее решительно и определенно Бабеф ставит в своей рукописи вопрос о частной собственности на землю. «Сейчас,— пишет он,— когда все признают, что все происходит от земли, что в конечном счете она производит и оплачивает все, не кажется ли невероятным, что без всяких условий, без всяких ограничений защищают во всей полноте принцип неприкосновенности частной собственности на землю. Я понимаю, что можно защищать эту мнимую (prétendue) аксиому по отношению к другим видам собственности. Но распространять ее на земельную собственность, на собственность, которая все производит, все оплачивает,— это равносильно тому, чтобы объявить священными принцип и последствия самой смертоубийственной из всех монополий... Какую страшную монополию против человечества хотят установить те, кто заявляют, что, так как земельная собственность является индивидуальной, она должна быть неприкосновенной, каковы бы ни были злоупотребления, которые захотели бы совершить отдельные лица против человечества. На что распространится эта монополия? На все, потому что земля производит и оплачивает все: пищу, одежду, труд, заработную плату...» (6—7).

Как мы уже видели из переписки с Дюбуа де Фоссе, этот протест против монополии на землю направлен вовсе не только против феодальной, помещичьей собственности. Бабеф выступает со всей яростью и против имущей части деревни, и против тех, в чьих руках сосредоточилась «раздача работы» (distribution du travail).

Сельский житель может отказать в работе любому, «если только ему не потребуется кто-нибудь, чтобы помочь при уборке урожая. Никакой работы, кроме той, которую он захочет предоставить, никакой заработной платы, кроме той, которую он устанавливает произвольно, в меру своей скупости. Даже феодалы, при всей своей тиранической жестокости, никогда не представляли собой более страшного зрелища... Исключительная привилегия на распределение работы, на раздачу заработной платы, на продажу пищи и сырья для одежды,— это право на жизнь и смерть, направленное против неимущей массы (multitude indigente)... Его собственность неизменна и неприкосновенна. Он может делать все, что захочет

против других, но они ничего не могут сделать против него. Все это абсурдно и смертоносно (homicide)» (17).

При позднейшем просмотре рукописи весь этот параграф не удовлетворил Бабефа. На полях в этом месте сделана пометка: «Вся эта статья должна быть пересмотрена. Я недостаточно размышлял над ней, когда писал. Основа слишком метафизична, она должна быть приспособлена к общественным потребностям (aux besoins sociaux)». Но хотя самые формулировки и перестали удовлетворять автора, «Философский свет» и другие рукописи 1790—1791 гг. не оставляют никакого сомнения в том, что *внимание Бабефа все время было приковано к вопросу* о *частной собственности*, что он *являлся самым решительным ее противником, и* что *уже по одному этому его взгляды никак не могут быть охарактеризованы лишь как эгалитаристские*. Бабеф не сторонник «выравнивания» частной собственности, он *отвергает самый ее принцип*. Именно этим объясняется ожесточенность его борьбы против «droit naturel»!

V

Один из параграфов, в котором мысли о происхождении и роли собственности были сформулированы с наибольшей ясностью, озаглавлен Бабефом так:

«Образование обществ

Труд

Собственность

Заинтересованность всех в обеспечении работой и заработной платой (intérêt de tous d'assurer le travail et les salaires)» (13)[34].

Этот интерес к вопросу об «обеспечении работой и заработной платой» совершенно понятен. «Философский свет» в этом отношении является продолжением тех мыслей Бабефа, с которыми мы встречались уже во «Вступительной речи» к «Постоянному кадастру» и в проекте петиции о борьбе с «нищенством».

В самом начале своей тетради Бабеф рассматривает вопрос о создании комитета для «наблюдения и обсуждения всех вопросов промышленности и торговли». Возможно, что эти мысли были подсказаны ему чтением. Судя по ссылкам в рукописи, кроме уже указанной книги Кондорсе «Жизнь Тюрго», Бабеф внимательно изучал в это время «Mémoire sur le commerce de la France et de ses colonies» Толозана. Совершенно очевидно и влияние на него Адама Смита. Не говоря уже о ряде формулировок (по вопросу о вреде промышленной регламентации, о свободе предпринимательства и т. д.), отражающих, возможно, идеи Смита, в рукописи есть рас-

[34] Делая эту запись на полях своей рукописи, Бабеф тут же сделал ссылку на страницы 91, 75, 147 и 165. Таким образом, эта формулировка, хотя она и находится на первых страницах тетради, несомненно, более позднего происхождения и, видимо, суммирует взгляды Бабефа по вопросу о собственности.

суждение о подлинном «богатстве народов» и прямая ссылка на Смита с чуть искаженной в транскрипции фамилией [35].

Рассматривая вопрос о составе комитета, о направлении, которое он должен придать промышленности, Бабеф высказывает целый ряд важных соображений. Прежде всего интересно, что он категорически высказывается против вхождения в этот комитет «негоциантов и фабрикантов» и при этом утверждает, что «нет ничего более достоверного, чем то, что негоциант, мануфактурист и фабрикант являются самыми законченными (décidés) эгоистами среди всего человечества» (11). Правда, Бабеф тут же оговаривает, что это не упрек, а похвала, поскольку без этого качества они не могли бы добиться успеха в своих предприятиях. Но он требует, чтобы подобные люди включались в комитет лишь при условии, что они отрешатся от своих эгоистических интересов: «Нужно заменить рвение к процветанию своего собственного предприятия исключительным рвением к общему благу. Нужно оторвать негоцианта не только от его личного предприятия, но от того торгового города, где он развивает свои таланты, чтобы превратить его партикуляристский дух в общественный. Нужно, чтобы, сохраняя все таланты, всю любовь к предпринимательству, он *перестал бы заниматься им для себя лично* (курсив наш.— *В. Д.*). Предположить, что человек способен сохранять беспристрастие, когда он поставлен перед необходимостью выбора между интересами своей фирмы и общими интересами, значит плохо знать человеческую породу» (11). Поэтому в комитет могут войти только те негоцианты, «которые уже отказались или готовы отказаться от своего собственного предпринимательства» (12).

Чрезвычайно интересны мысли Бабефа по вопросу о том, развитию каких отраслей промышленности и каких форм предприятий должен содействовать будущий комитет. «Если идет речь о богатых,— пишет он,— нужен шелк, самый тонкий лен, золото или нити, пряденные серебром, испанская шерсть, большие, прекрасные мануфактуры. Но если хотят обеспечить пропитание и нужды большинства, крупные мануфактуры не нужны. Нужна грубая шерсть, лен, конопля, грубая пряжа, разбросанные повсеместно фабрики простых глиняных изделий, а не фарфора. В маленьких мастерских будет использовано все время, потому что для их

---

[35] «В комитет... должны войти люди, о которых говорит Смит (Shmith), не имеющие профессии, но создавшие ее себе тем, что они наблюдают за всеми остальными профессиями и изучают их взаимоотношения» (63). Первое французское издание «Исследования о природе и причинах богатства народов» появилось в 1780—1781 гг. (см. AHRF, 1957, p. 154). Но вероятнее всего, что Бабеф читал сокращенное издание Кондорсе 1790 г. («Recherches sur la nature et les causes de la richesse des Nations»), вышедшее в серии «Bibliothèque de l'homme public ou analyse raisonnée des principaux ouvrages français et étrangers sur la politique en général, la Législation, les Finances, la Police, l'Agriculture, et le Commerce en particulier, et sur le droit naturel et public».— Эту серию Кондорсе издавал сперва вместе с Ле-Шапелье и де Пейзонелем, а с 1791 г. один.

процветания не нужны ни большие здания, ни снабжение сырьем, ни посредники, ни переписка... Вот *единственная* основа работы, заработной платы, пропитания для большинства» (15).

В особом параграфе, озаглавленном «Какие отрасли промышленности следует развивать?», Бабеф говорит: «Мы затратили огромные суммы, я не преувеличиваю — огромные суммы на наши фабрики бархата, украшенного золотом и серебром шелка, на тонкие чулочные изделия, батисты, кружева, галуны, касторовые шляпы. А $^5/_6$ нации нуждались и нуждаются сейчас, больше чем когда-либо, в грубой одежде и грубых шерстяных чулках зимой, в шапках, в простом белье, даже в обуви. Повсюду в провинции и даже в самом Париже несчастные любого возраста и пола, не имея возможности приобрести даже деревянные башмаки, раздирают свои ноги о тернии, мостовые, пески, осколки стекла или булыжники» (16).

Хотя Бабеф и не отрицает, что в «большом королевстве, на плодородной почве трудолюбивая нация нуждается во всем», он не в состоянии удержаться от негодования, когда говорит о развитии промышленности, обслуживающей исключительно богатых сибаритов. «Только сосредоточение богатств в руках маленькой кучки умножило мануфактуры, производящие предметы роскоши... Но эта промышленность, обслуживающая только фантазии и капризы ничтожного количества потребителей, всегда будет нуждаться лишь в незначительном количестве рабочих. Чтобы украшать дворцы, понадобилось переселить большинство в хижины, чтобы одеть и содержать стол для нескольких сибаритов, понадобилось, чтобы большинство оказалось в лохмотьях и нуждалось в самом простом хлебе. *Все богатства сосредоточены в немногих руках...* $^3/_5$ *всей нации нуждаются во всем* (курсив наш.— *В. Д.*)... Пусть для нужд богачей во Франции и за границей развиваются фабрики тонких сукон, шелков, ювелирных изделий. Но они совершенно не должны интересовать правительство... Те, кто по праву заслуживает его участия,— это огромная масса французов, ищущих работы, которой им не хватает, испытывающих недостаток в пище и одежде из-за отсутствия собственности и заработной платы; это — составляющие главную часть населения королевства обитатели деревень, среди которых многие гибнут преждевременно из-за отсутствия одежды, пропитания и помощи в случае болезни или несчастных случаев, превращающих их в инвалидов. Правительство должно заняться приумножением труда для них (multiplication du travail), повсеместным распространением промыслов (de fabriques), изготовляющих грубые ткани, полотна, чулки» (17). Если городские рабочие (manoeuvres des villes), в своем большинстве, ими пренебрегают, то «в деревнях эти отрасли промышленности привьются великолепно, потому что значительная часть крестьян будет заниматься ими, когда наступает перерыв в сельскохозяйственных работах».

Бабеф не придает большого значения внешней торговле. Только «внутренняя торговля обеспечивает богатство и процветание государства. Требуется миллион локтей (aunes) грубого полотна и только десять тысяч локтей тонкого полотна» (20). Он решительный противник системы промышленной регламентации, цехов, ученичества и т. д. Но от сторонников буржуазного экономического либерализма его резко отличают те мотивы, по которым он высказывается против всей этой политики. «Эта система,— пишет он,— особенно опустошает деревни, а между тем именно деревни важно оживить для благосостояния большинства... Слишком увлекались предрассудком, что нужно заниматься крупными мануфактурами, существующими только в городах. Между тем Франция будет разорена, если она будет производить только шелковые материи и чулки, голландские и полуголландские полотна. Народ страдает от того, что изготовлением этих предметов занято только небольшое число рук и они обслуживают только маленькую кучку потребителей» (4).

Большинству народа нужна глиняная посуда, состоятельным лицам (les aisés) требуется посуда из олова или фарфора, богачам — из серебра. По отношению к первым «правительство должно проявлять заботу и оказывать поддержку»; в отношении вторых — целиком полагаться на их «собственное благоразумие». Что касается богачей, следует рассчитывать на их «жажду удовольствий и непрочность вкусов». Людей, живущих в роскоши, всегда будет только ничтожная кучка, богатых — очень мало, несколько больше будет людей зажиточных, но «классы, живущие в постоянной нужде... будут постоянно неисчислимы» (18). Именно поэтому правительство должно заботиться только об отраслях промышленности, предназначенных для этих низших классов.

Бабеф подчеркивает, что нигде до сих пор не существовало такого «торгового комитета», который действительно соответствовал бы своему назначению[36]. Комитет должен заботиться об отраслях массового потребления и спроса, поощрять их, заботиться о торговых договорах, о сохранении торгового баланса. Он должен быть «невидимой рукой, которая все будет направлять, благодаря которой будут обеспечены наибольшие размеры производства..., торговых операций внутри и вовне страны». В результате этого вырастет потребление, будут обеспечены продовольствие, заработная плата (68—69). Все дело в том, чтобы прежде всего заботиться о работе и заработной плате для «драгоценного большинства, которым до сих пор так пренебрегают» (64).

Эта проблема больше всего интересует Бабефа. В рукописи есть особый параграф, озаглавленный: «Низкая заработная плата (les bas salaires) разорит большинство населения государства». Сохра-

---

[36] Этот параграф рукописи озаглавлен «Pourquoi un bon comité de commerce n'a jamais existé» (62).

нять низкую заработную плату или уменьшать ее, указывает Бабеф, возможно лишь тогда, когда предметы продовольствия продаются ниже их стоимости (au dessus de leur valeur) или же когда рабочие соблюдают чрезвычайную умеренность в своем потреблении, одежде, жилищах. В городах этого уже не найти. Работу, за которую «коммерсанты назначают низкую заработную плату», следует размещать в деревнях.

Но стремление сохранять заработную плату на самом низком уровне гибельно. Поступать так, по мнению Бабефа, «значит держать $^{18}/_{20}$ нации в нужде, в страданиях. Это значит задерживать развитие производства, которое всегда определяется потреблением... Все, что коммерсанты зарабатывают благодаря низкой заработной плате, вызывает нарушение основы торговли. От всего этого страдают население, производство, труд» (28).

В ряде мест рукописи разбросаны замечания, свидетельствующие о превосходном знакомстве Бабефа с экономикой родной ему Пикардии, со всем строем капиталистической мануфактуры, господство которой, как мы указывали, уже утвердилось во второй половине XVIII в. Он ясно различает предпринимателей (négociants), скупщиков и посредников (marchands), «мастерков»[37] — больших и малых (fabricants). В двух строках он говорит о затруднениях льняной промышленности: «Почти весь хлопок, привозимый и обрабатываемый во Франции, является градом, уничтожающим наш урожай льна и конопли» (32). Это, как будто бы мимоходом оброненное замечание, очень точно отражало все трудности, которые, как уже отмечалось, переживали некоторые старые отрасли французской текстильной промышленности в связи со стремительным развитием хлопчатобумажной промышленности.

При освещении всех этих вопросов Бабеф неизменно исходит из интересов обездоленного большинства. «Все против бедняков,— отмечает он,— все для безопасности и удобства богачей. Прядильщица беднее мастерка (fabricant). Моток пряжи, который выпряли ее мать, дочери, сестры с разной степенью ловкости и умения, конфискуется, если моток не имеет одинаково тонкой нити, чтобы избавиться от необходимости сортировки или установления разной цены, в зависимости от качества нити. Скупщик богаче мастерка. Он предписывает ему под страхом конфискации или штрафа производить ткань из совершенно одинаковой нити... Все эти детские предосторожности принимаются только для того, чтобы мастерок мог приобретать пряжу по самой низкой цене, а скупщик приобретать полотно ниже его стоимости» (19). Бабеф мечтает о том, что если люди будут действительно свободны, дети, старухи, малоспособные прядильщицы будут вырабатывать достаточно для своего

---

[37] Мы используем здесь термин, применявшийся В. И. Лениным при анализе сходных явлений, имевших место при мануфактурной стадии капиталистического развития в русской промышленности. См. В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3.

пропитания, а «хорошая прядильщица будет вырабатывать больше того, что нужно для ее пропитания» (там же).

В этой связи примечательно одно место в рукописи, где Бабеф дает чрезвычайно интересное для XVIII в. определение сущности капиталистического дохода и соотношения его с заработной платой. «Хотят иметь,— пишет он,— многочисленное и счастливое население. Это пожелание охватывает две совершенно несовместимые вещи. Пусть учтут, что во Франции 25 миллионов жителей, пусть учтут, как невелика та часть, которая имеет достаток выше самого необходимого по сравнению с мужчинами, женщинами и детьми, живущими изо дня в день только заработной платой за свой труд, пусть рассчитают и пусть судят, верно ли, что богачи, владеющие всей земельной собственностью, отделяют от своих доходов только столько, сколько им требуется (de quoi y sufire). Нет, *доходы являются тем, что производит труд за вычетом того, что идет на заработную плату* (non, mais les revenus, sont ce qui reste, déduction faite des salaires du travail qui les a produit)». Может быть, в этом выводе сказалось влияние смитовской теории трудовой стоимости. Но прежде всего этот вывод Бабеф сделал на основе внимательнейшего наблюдения над строем капиталистической мануфактуры.

Рукопись свидетельствует о том, что Бабеф понимал значение новой, только рождавшейся тогда во Франции индустриальной техники. Уже в июньском письме 1786 г. он проявил глубокую проницательность, когда писал: «Наблюдая за развитием науки, разве не чувствуешь, что наступает эпоха, когда изобретение новых машин сделает излишним применение мускульной силы»[38]. Определяя в своей тетради функции комитета «по всем вопросам торговли и промышленности», Бабеф подчеркивал, что в его задачи войдет ознакомление с «машинами и инструментами, которые могут стать наиболее полезными», в том числе с теми, которые «еще неизвестны» (4).

Рядом со страстной проповедью развития тех отраслей промышленности, которые нужны беднейшим классам, в рукописи имеется особый параграф, посвященный значению каменного угля (charbon de terre). Бабеф горячо приветствует его распространение. Это будет содействовать сохранению лесов, рек, даст возможность уничтожить множество водяных мельниц, существование которых приводит к затоплению и бесплодию миллионов арпанов земли по всей Франции, тогда как они могли бы приносить превосходные урожаи[39]. «Одна паровая машина (machine à feu),— пишет Бабеф,—

---

[38] ЦПА ИМЛ, № 654, р. 23 («Quand on observe la marche des sciences, ne sent-on pas venir une époque où l'invention de nouvelles machines rendra superflu le déploiement d'une grande force musculaire»).

[39] «Et ce qui n'est pas moins important, ce qui intéresse même d'une manière plus immediate tous les habitans du Royaume, suppression immédiate d'une multitude des moulins d'eau, qui inondent et stérilisent des millions d'arpens dans toute la France, de terres propres aux meilleures récoltes» (18).

может заменить все мельницы на конном приводе, 12, 15, 20 водяных мельниц и все ветряные» (18). Появление паровых мельниц устранит периодический недостаток в муке вследствие того, что водяные мельницы простаивают из-за наводнений, заморозков, засухи. В другом месте рукописи Бабеф очень положительно отзывается также о применении гидравлических машин (41). Эти мысли вполне совпадают с известными позднейшими высказываниями Бабефа, в которых он приветствовал широкое применение машин.

Критикуя принцип, выдвинутый, по его мнению, Гоббсом «природа все дала всем сообща», и указывая, что в нем есть «только одна верная сторона» и что требуются исправления для того, чтобы он мог «стать верным во всем», Бабеф поднимает вопрос о судьбе огромного количества «необрабатываемых земель» (terrains incultes). Феодалы объявили их своей собственностью, в действительности же, «все они принадлежат всем» (ils sont tous à tous). Если они будут обрабатываться, увеличится количество мелких собственников. Но для Бабефа крайне характерно, что он тут же предвидит и другой результат этой меры: для тех, кто все-таки не в состоянии будет «соединить» и на этих новых землях «собственность и труд», возрастет заработная плата. «Неимущие классы» получат дополнительную возможность для применения своего труда, для обеспечения своего пропитания. Только тогда можно будет сказать, что «*классы, получающие заработную плату*» (les classes salariées) (курсив наш.— *В. Д.*) станут действительно составной частью населения, образующего нацию» (30—31), между тем как сейчас, хотя об этом горько даже подумать, «те классы населения, единственным источником существования которых является заработная плата, не являются частью нации» (28) [40].

Бабеф не строит чрезмерных иллюзий. Даже когда все предлагаемые им мероприятия будут осуществлены, они не принесут с собой «богатства для большинства» (richesse pour la multitude).

Но благодаря им будет обеспечена «работа, *постоянная заработная плата* (les salaires continus) (курсив наш.— *В. Д.*), достаток для многих».

Бабеф не ставит еще в рукописи вопрос об обобществлении промышленности, но все проблемы промышленного развития, к которым он проявляет такой живой интерес, решаются им прежде всего под углом зрения интересов «мануфактурных рабочих», этой новой многочисленной прослойки все еще полукрестьян, но уже и полурабочих, для которых заработная плата, работа на предпринимателя является необходимым условием обеспечения своего существования [41]. Именно эта часть населения — «les classes salariées» — стояла,

---

[40] «Il serait dur de dire, et même de penser, que toutes les classes d'habitants, qui n'ont pour subsister que des salaires, ne forment point une partie intégrante de la population qui constitue la nation...» (28).

[41] «...Долг собственников обеспечить работу и заработную плату многочисленным классам, для которых это является единственным способом поддержать

как мы уже неоднократно убеждались, в центре его внимания. Не случайно мы встречаем в этой рукописи впервые формулу «droit du travail», «право на труд» — по выражению Маркса, «первая неуклюжая формула, в которой резюмируются революционные требования пролетариата»[42].

VI

Когда Бабеф предполагал еще придать своей рукописи форму словаря и готовился написать статью «Суверенитет», он наметил план введения к ней: «Все семьи, по необходимости, происходят от первого союза одного мужчины и одной женщины. Все человечество является поэтому только большой семьей, разделенной на народы. Совокупность этих народов образует великую общину» (la Cité générale, la grande Cité) (147)[43]. Законы, которые существуют или должны существовать между ними,— их неправильно называли естественным и международным правом,— представляют собой «гражданский кодекс всемирной общины» (le code civil de la cité universelle). В конечном счете, бабефовская тетрадь и должна была явиться его вкладом в создание этого «code universel» или, во всяком случае, его французского варианта.

Верный своему эмпирическому методу, Бабеф чрезвычайно резко критикует при этом всех «метафизиков», «догматиков» (dogmatistes), которые пытаются выработать «катехизис человеческого рода», руководствуясь только своими собственными предположениями (conjectures). Следует исходить только из «известных фактов и фактов конкретных» (148). Однако этому правилу до сих пор не следовали даже величайшие умы, самые «уважаемые писатели», не только Тюрго, Кондорсе, де-Лольм, Гюден, но и Монтескье, и даже Жан-Жак Руссо — «наиболее известный и уважаемый из всех, который сам многим был обязан Монтескье, но у которого все остальные черпали свои первоначальные представления» (148). Критический отзыв о Руссо является одной из наиболее интересных страниц бабефовской рукописи.

«Руссо,— пишет Бабеф,— извлекает все выводы из маленькой женевской республики... Он закрывает глаза на все те пружины (ressorts), которые... приводят в движение крупные и многонасе-

---

свое существование» («...le devoir de la part des propriétaires d'assurer du travail et des salaires aux classes innombrables, qui n'ou que cet unique moyen de pourvoir à leur conservation») (29).

[42] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 40.

[43] В другом месте рукописи, рассуждая на тему об отечестве и сочувственно цитируя Лабрюйера, Бабеф намечал следующую схему развития: «1. Семьи. 2. Объединение многих [семей]. 3. Подразделение на народности. 4. На народы или нации. 5. Подразделение наций. 6. Гражданская война одной части нации против другой. В этом случае должен ли человек придерживаться того подразделения нации, которое является его отечеством? В случае гражданской войны между двумя семьями великой общины (de la grande cité) должен ли отдельный человек поддерживать свое подразделение или отечество для всех, великую общину?» (...à sa subdivision, ou à la Grande Cité, patrie de tous) (72).

ленные государства, только по той причине, что эти пружины не найдут должного применения на небольшой территории. Не нужно больших государств, потому что Женева имеет очень узкие границы... Короче, Жан-Жак Руссо видел только Женеву, занимался только Женевой..., делал предположения только для Женевы. И этот образ правления, едва ли мыслимый (perceptible) для Европы, непригодный в других частях света, догматически представляется нам как образ правления для всего человеческого рода». И после этого Бабеф дает блестящую социальную характеристику Руссо: «Это вызывает представление о маленьком, вдумчивом, трудолюбивом, по необходимости экономном землевладельце, который пожелал бы уничтожить все крупные владения по той причине, что в Швейцарии невозможно использование всего этого множества зданий, средств транспорта, земледельческих орудий, скота, работников, которые оживляют (vivifient) все эти крупные сельскохозяйственные владения. Он думает, что он открыл все, что необходимо для процветания его маленького поля, его небольшого луга, его крохотного виноградника, его маленького птичьего двора,— все остальное кажется ему не только излишним, но чудовищным и разрушительным для разумной культуры» (149).

Бабеф подчеркивает, что он нисколько не преуменьшает очень больших заслуг Руссо, все значение его мыслей, рассеянных в многочисленых произведениях. Однако ниже всех он ставит «Общественный договор», который было бы разумнее и точнее назвать «Предположения о природе общественного договора и принципах политического права» (там же)[44].

Нужно учесть, что эту часть рукописи Бабеф писал, вероятно, уже в 1791 г., когда вопрос о республике начал ставиться во Франции вполне конкретно. Отрицательное отношение Руссо к созданию республики в крупных государствах, его предположение, что республиканский строй пригоден только для таких небольших территорий, как Женева, объясняет, возможно, остроту этой критики.

Этот отзыв о Руссо, в период почти поголовного преклонения перед ним в леводемократических кругах, и в особенности проницательная социальная характеристика, не утратившая своего значения и сейчас, несомненно, говорит о теоретической смелости и самостоятельности Бабефа, еще в переписке с Дюбуа де Фоссе, ставившего вопрос о «пределах доверия к Жан-Жаку». Но и эта оценка связана у Бабефа с встречающейся на многих страницах

---

[44] «...Et même dans son Contrat Social, qu'il eût été plus sage et plus exact d'intituler conjectures sur la nature du Contrat Social et sur les principes du droit politique» (148). «Общественному договору» Бабеф дает такую же оценку, как и платоновской «Республике»: «Я считаю Платона выдающимся человеком и благодаря его таланту, и благодаря красноречию. Но совсем не «Республика» внушила мне такое высокое представление. Я нисколько не сомневаюсь, что если бы он не был занят исключительно маленькими греческими республиками, он дал бы произведение, гораздо более достойное его» (149).

рукописи критикой авторов «метафизических систем», «бесплодных произведений их собственного воображения», «догматиков», пренебрегающих наблюдениями и опытом [45].

В тетради Бабефа нет каких-либо положительных предложений в области политического устройства. Но вся она проникнута горечью, разочарованием, вызванными политикой буржуазного Учредительного собрания. «Лучшее не осуществляется так, как оно было задумано» (le mieux ne s'exécute pas comme il s'imagine), сочувственно цитирует он слова Ж.-Ж. Руссо. С гражданским обществом обстоит так же, как с сооружением судов: «Более шестидесяти веков не миллион, а миллиард человеческих существ пытается улучшить образец судна,— и тем не менее оно далеко от совершенства» (74); нужно удивляться «не тому, что так много несовершенных правительств, а тому, что, вообще, могут еще существовать какие-нибудь правительства» (156).

Как и в «Пикардийском корреспонденте», Бабеф оценивает национальное собрание (Assemblée Nationale) очень критически: «Почти неизбежным последствием политики правительства этой страны явится распространение беспорядка, безнравственности и всех бедствий, присущих человеческим обществам, хотя они созданы в надежде обеспечить благосостояние для всех... Такова конституция с[обрания]» (telle est la constitution de l'A.) (65). Существующий ныне во Франции образ правления отличают те же «жестокость, беспощадность, алчность, вероломство», все «отвратительные пороки», которые присущи и другим правительствам. Но они тем более «чудовищны», что «сопровождаются оскорбительным бахвальством», выдаются за осуществление «неприкосновенного права» в «интересах человечества» (65).

Бабефа больше всего возмущает это злоупотребление возвышенными словами, этот непрерывный обман: «Благосостояние для всех», «всеобщая безопасность»... Оглянитесь направо и налево, впереди и позади себя. Бесчисленные факты, повсеместная практика (une pratique universelle) показывают, что эти слова соответствуют только размышлениям, обманчивым мечтам метафизики» (85). Но это относится и ко всем утверждениям о «неприкосновенном праве народного суверенитета». Этот мнимый суверенитет является только фикцией. Это «мнимое право», о котором так много разглагольствуют, является чисто «вымышленным идеалом» (45). Суверенитет осуществляется путем представительства, но ведь это тоже «машина, изготовленная человеком» (c'est aussi une machine de fabrique humanie) (46).

---

[45] «Экономисты, метафизики в политике..., все те, кто подменяет действительность своими мечтами, убеждены, что они превосходят всех остальных людей, что они правы, а вся остальная вселенная ошибается. В той области, которой они занимаются, они напоминают тех, кто в геометрии занят вечным движением и квадратурой круга, а в химии — поисками всеобщей панацеи» (58).

Слова о «праве суверенитета», о «народном суверенитете» нисколько не ослепляют Бабефа. С поразительной для человека XVIII в. трезвостью он относится к возможности осуществления этого суверенитета посредством выборов. Народным массам, лишенным знаний, опыта, умения приспособляться к разнообразным обстоятельствам, чрезвычайно трудно найти тех представителей, которые действительно отражали бы их волю. «Массы никогда не обсуждают, они подчиняются получаемым ими внушениям» (40). Отсюда так велико влияние демагогов, начиная с Катилины; от них «придется очистить землю». Народными представителями не могут быть люди, лишенные знаний, не обладающие твердым характером и честностью. Все это страшно ограничивает круг лиц, «способных в действительности содействовать общему благу». Но кто возьмется за этот отбор и кто в состоянии будет убедить в пригодности именно этих кандидатов: «Разве весь народ назначает своих представителей? Нет! Разве избирают те, кто намечает кандидатов? Нет!... Свободны ли они от бесчисленных местных и личных интересов, гнева, мести... страха, эгоизма и т. д.? Нет!»

Уже первые годы буржуазной революции показали Бабефу, что «большинство людей, как будто бы безраздельно посвящающих себя общественному благу, заняты гораздо больше интересами своего самолюбия, чем интересами человечества» (24). Все громкие рассуждения о «неотъемлемом» праве народного суверенитета — это слова, «лишенные смысла» (45). «Народ никогда не имеет возможности пользоваться своим мнимым правом суверенитета» (ce prétendu droit dans le peuple est purement idéal, imaginaire, puisque le peuple ne peut jamais en faire usage).

Очень интересны размышления Бабефа по вопросу «о препятствиях к установлению хорошего правительства», как озаглавлен один из параграфов рукописи[46]. Они поражают, прежде всего, очень скептическим — для рационалиста XVIII в., каким все еще оставался Бабеф,— отношением к вере в торжество «разума». Первой трудностью для создания «хорошего правительства» Бабеф считал как раз бессилие разума, в особенности по сравнению с силой привычки, которой он, как, впрочем, и целый ряд других философов XVIII в., придавал крупнейшее значение. «Влияние разума,— пишет он,— очень велико, очень сильно для тех, кто способен думать и рассуждать. Влияние же привычки гораздо сильнее и гораздо могущественнее для большинства... *Религия является неопровержимым и очевидным доказательством несоразмеримого превосходства привычки над разумом на всем земном шаре*» (курсив наш.— *В. Д.*) (16). Бабеф подробно выписывает из книги Кондорсе о Тюрго описание спора между ними по вопросу о возможности управлять государством, исходя из «чисто метафизических принципов». Он явно не разделяет оптимизма Тюрго, при-

[46] «Obstacles à l'établissement d'un bon gouvernement» (41).

знававшего такую возможность. «Разум погружен в детстве в самый глубокий сон. Он дремлет и в зрелом возрасте, и на продолжении всей жизни у большинства. Но страсти бодрствуют, с детства и вплоть до смерти». Бабеф предостерегает поэтому созидателей всяких систем, мыслителей-метафизиков: «Не опьяняйтесь вашими абстрактными системами, абстрактными принципами... расчетами на то, что люди поступятся своими страстями ради этих систем, этих принципов. Они их исказят... и их усилия окажутся в тысячу раз более опасными для них и им подобных, чем состояние бездействия, в котором их удерживает всеобщая и, следовательно, естественная спячка разума у большинства» (58—59).

Наоборот, сила привычки является огромной. «Власть привычки (empire de l'habitude) гораздо сильнее власти разума» (16). «Невозможно,— гласит заголовок одного из параграфов,— руководить даже честным большинством при помощи разума» (80) [47]. Нужно опираться на силу привычки, без этого «ничто не может быть полезно для человека, и все может оказаться гибельно. Попытка устранить старые, вредные привычки и заменить их иными, полезными требует самого глубокого знания человеческого разума и сердца...» (25). Слабость и даже бессилие разума и сила привычки — таково первое препятствие к созданию «хорошего правительства».

Другим препятствием Бабеф считает противоречия между свободой и распущенностью (licence). Он категорически настаивает на необходимости разумного ограничения свободы, известного «подчинения» во имя предотвращения произвола. Положение «жить свободным или умереть» он высмеивает, считая его до крайности абсурдным. «Свободу любят не ради нее самой; ее любят только как средство, как способ обеспечить благосостояние» (bonheur).

Но если свобода обязательно требует ограничения, то в этом состоит новая опасность. Бабеф приводит с большим сочувствием слова из письма члена Учредительного собрания Крезе де ла Туш: «Человек имеет непреодолимое стремление к власти. Тот, кто осуществляет власть, имеет наклонность злоупотреблять ею» [48]. Таково новое затруднение: человеческое общество не может обойтись без подчинения, иначе оно впадает в анархию (Бабеф употребляет именно это слово). Но никакое общество нельзя гарантировать от злоупотребления властью. «Сосредоточена ли она в руках монарха, сената или распределена между монархом и сенатом... и те, и другие испытывают непреодолимое стремление к господству... Большинство рано или поздно, но всегда и неизбежно будет подчинено произволу власти того или тех, кто должен управлять. Состояние войны между правящей и управляемой частью

---

[47] «...impossibilité de conduire la multitude, même honnête, par la raison».

[48] Creuzé de la Touche. Lettre à M-me ci-devant religieuse. 1790. Даже у самых диких племен, пишет Бабеф в своей тетради, «вожди, жаждущие власти всегда готовы преступить границы законных полномочий» (du légitime pouvoir) (42).

неизбежно, а все усилия с одной и с другой стороны могут только ускорить или немного задержать приступ моральной болезни, которую не может исцелить ни одно лекарство, потому что она появлялась, появляется и будет появляться всегда... Болезнь эта неизлечима» (22).

Это положение мы находим не только в теоретической тетради. Мысль о том, что человеку «по самой его природе присуще стремление к господству», что «дух господства» (l'esprit de domination) внутренне свойственен нашей природе»[49], играло вообще большую роль в развитии политических идей Бабефа. Именно эта мысль, что неограниченная государственная власть неизбежно развращает того, кто ею облечен, определила, в значительной мере, изменение его отношения к Робеспьеру в период, когда тот возглавлял революционное правительство, и привела к временной поддержке Бабефом антиробеспьеристов в первые недели после 9 термидора[50]. «Монархическая власть одного или многих,— писал Бабеф в № 25 «Трибуна народа», имея в виду именно Робеспьера,— по необходимости попадает в нечистые и коварные руки. Тот, кто принимает власть, уже в силу одного этого (par cela seul) становится коварным и нечистым. Человек, который раз вкусил из чаши неограниченной власти, становится тираном и навсегда им останется. Свобода погибнет от его рук, поскольку он стоит вне закона; в стране, где революция была совершена для свободы, такое учреждение (création) независимо от того, что оно называется правительством, само по себе является контрреволюцией»[51].

Если эти мысли о роли «духа господства» сыграли в дальнейшем очень отрицательную роль в политической деятельности Бабефа и помешали ему, как и многим другим левым демократам типа Варле[52], сразу понять необходимость и неизбежность установления революционной диктатуры, то зато совершенно иное значение имели его размышления в «Философском свете» о роли «силы».

Не склонный ослеплять себя надеждой — «самой обманчивой из всех химер» — на то, что можно «убедить разумных людей вести себя в обществе, исходя из моральных принципов, установленных разумом» (81), Бабеф выдвигает другой мощный рычаг воздействия — силу (la force). К вопросу о влиянии силы он возвращается в своей рукописи многократно (см. стр. 43, 46, 83, 153 и др.). Конечно, и здесь он не вполне оригинален. Рассуждение о значении силы можно найти и у других французских мыслителей XVIII в., влияние которых, вне всякого сомнения, сказалось на

---

[49] ЦПА ИМЛ, 104 В I и 26 В III.

[50] См. нашу работу «Робеспьер и Бабеф» (ННИ, 1958, № 6).

[51] «Le Tribun du Peuple», № 25.

[52] См. Я. М. Захер. Бабеф и «бешеные» («Французский ежегодник. 1960». М., 1961); его же. Жан Варле во время якобинской диктатуры (ННИ, 1959, № 2).

Бабефе. Но как бы то ни было, для всего последующего развития мировоззрения Бабефа эти мысли чрезвычайно важны. Приведем одно из наиболее ясных и ярких высказываний Бабефа.

В особом параграфе «Сила. Что она собой представляет» он пишет: «Эгоизм и распущенность развратили идеи настолько, что слово «сила» стало рассматриваться как нечто отвратительное... Между тем как нельзя более очевидно, что и в морали, и в физике сила, рассматриваемая абстрактно, не является средством ни защиты, ни подавления. Она принимает тот или иной характер, в зависимости от того, какое ей придают употребление... Сила охраняет и покровительствует добродетельным людям. Сила также сдерживает и подавляет развращенных. Ни в физическом, ни в моральном мире ничто не может свершиться без помощи силы! Человечество заинтересовано поэтому не в том, чтобы декламировать против силы, а, наоборот, в том, чтобы взывать к ее помощи» (83).

Бабеф отдает себе совершенно ясный отчет в том, что представляет собой конституция, что является ее реальным содержанием. «Каждая конституция,— подчеркивает он,— неизбежно устанавливается, поддерживается или уничтожается *силой*» (курсив Бабефа) (46), «сила и только сила является регулятором любой политической машины» (43); подлинный суверенитет народа «требует применения силы» (48). В конечном счете сила является основой (la racine) права: «Сила народа устанавливает, расширяет или ограничивает... права отдельного руководителя (d'un chef individuel) или сената. Благодаря силе появляются права, и они могут осуществляться только благодаря силе... Она является только средством для установления или сохранения прав» (154).

Исходя из этого, Бабеф приходит к выводу, что «применение, но не злоупотребление силой является... средством уничтожения моральных болезней», с ее помощью возможно применение мудрых и действенных мер, способных «надолго,— я не решаюсь сказать навсегда» (78) обеспечить если не благосостояние, то безопасность человеческих обществ. «Но в чем состоят эти меры? Кому должна быть доверена забота об их последовательном осуществлении? Вот крайняя трудность, которую легко почувствует каждый знающий людей. Тем не менее — и я не перестану это повторять — я не считаю ее непреодолимой» (78).

На поставленный вопрос о том, кому должна быть доверена забота об осуществлении этих мер, Бабеф в одном месте своей рукописи дает очень интересный ответ: «Главная задача *всех политических обществ* (курсив наш.— *В. Д.*) — принимать меры к тому, чтобы... сила всегда применялась... и была бы направлена на осуществление добра и против зла. Совершенно очевидно, что в этом случае нет ничего более ценного, более желательного, более полезного, чем сила» (83). Такова та высокая задача, которую Бабеф возлагает не на Национальное собрание, не на муниципалитеты,

а на «политические общества», т. е. прежде всего, на тогдашние «патриотические клубы».

Еще одна мысль несколько раз встречается в рукописи Бабефа. Он читал известную книгу английского теолога Томаса Бэрнета (Burnet) «Telluris theoria sacra» («Священная теория земли»). Эта книга, написанная в конце XVII в., представляла собой попытку дать известную критику первой главы «Книги бытия» и, во всяком случае, как-то примирить ее с данными, полученными тогдашним естествознанием. Очень возможно, что книга Бэрнета привлекла к себе внимание Бабефа именно этой, хотя и осторожной. критикой библии[53]: недаром, еще в 1787 г. он писал Дюбуа де Фоссе, что «Книга Бытия» уже не пользуется доверием. Но в «Философском свете» он ссылается несколько раз на книгу Бэрнета совсем по другому поводу. Внимание Бабефа привлекла фраза из «Telluris theoria sacra»: «Человеческие дела нуждаются во множестве рук и только в немногих головах» (multorum manibus egent res humana, paucorum capita sufficiunt). К ее обоснованию он возвращается неоднократно. Человек с детства вынужден заботиться о своем существовании, чтобы питаться, иметь одежду, обеспечить себе угол, где можно укрыться от непогоды, и т. д.; он должен трудиться, чтобы не погибнуть (66). Но вследствие этого массы лишены возможности приобретать знания. «Массе нельзя поэтому поручить управление столь тонкими инструментами. Даже самым мудрым не хватает мудрости, чтобы взять их в руки» (156). «Много рук,— гласит заголовок одного из параграфов рукописи,— но мало голов, чтобы руководить» (66). И возвращаясь к той же полюбившейся ему мысли, Бабеф писал: «Составьте весь экипаж судна только из капитанов, офицеров, лоцманов,— и корабль не двинется. Мысль Burnet... один из самых важных результатов наблюдения. Это основа, на которой нужно возводить все социальное здание, иначе оно рухнет» (67); «сообразно этой истине должна быть заложена основа хорошего правительства» (84)[54].

Все эти размышления свидетельствуют о наличии известного противоречия в политических идеях Бабефа. С одной стороны, он всячески добивается осуществления подлинного народного суверенитета. Мысль Бабефа, как мы видели из «Пикардийского корреспондента», занята была поисками средств всяческого ограничения полномочий депутатов и установления полного и прямого народо-

---

[53] См. J. S. Spink. French Free-Thought from Gassendi to Voltaire. London, 1960, p. 199, n. 2. По сообщению Спинка, в парижской библиотеке Мазарини хранятся рукописи, в которых книга Бэрнета была использована для критики библии («Extrait de la théorie sacrée de la terre et des révolutions et changement de notre globe, traduit du latin de Th. Burnet et concilié avec l'écriture sainte. Par M. D.» и «Extrait de Doutes ou objections de Thomas Burnet sur le premier chapitre de la Genèse conciliés avec l'écriture sainte par M. D.»).

[54] «...C'est d'après cette vérité que doivent être posées toutes les bases d'un bon gouvernement».

правства. С другой стороны, Бабеф ясно и трезво видел все огромные препятствия на пути к немедленному осуществлению полной и «чистой» демократии, всю практическую невозможность для большинства народа (la multitude), сдавленного нуждой, лишенного образования, живущего силой «привычки», осуществлять этот формально провозглашенный «народный суверенитет».

У Бабефа рано исчезли конституционные иллюзии, он понимал роль революционного насилия, задумывался над тем, кому доверить «последовательное осуществление» казавшихся ему необходимыми «мудрых мер», проводимых с помощью силы. Можно было бы сказать, что этот ход мыслей подводил Бабефа к идее диктатуры, но этому противоречили его все еще сохранявшиеся надежды на возможность осуществления полной демократии при дальнейшем развитии революции.

Понадобился огромный исторический опыт последующих лет революции, великой якобинской диктатуры 1793—1794 гг., термидорианской реакции для того, чтобы созрели идеи Бабефа о необходимости революционной диктатуры. Тем не менее его размышления в «Философском свете» над проблемами политического устройства общества имеют несомненное значение для понимания процесса формирования взглядов Бабефа и по этому вопросу. Во всяком случае уже в 1790—1791 гг. Бабеф стоял много выше слепых поклонников формальной, буржуазной демократии.

«Философский свет» во многом расширяет наши представления о Бабефе как теоретике. Правда, созревание его взглядов, судя по этой тетради, имело ряд особенностей. В ней трудно обнаружить следы влияния виднейших французских материалистов XVIII в., таких, как Кондильяк, Гольбах, Гельвеций, Дидро. Ни в ней, ни в других бабефовских рукописях, даже в его речи на Вандомском процессе нигде не встречается имя Мелье. Но зато бабефовская тетрадь убеждает нас в том, что на него оказали влияние такие виднейшие предшественники английского и французского материализма, как Ф. Бэкон, Пьер Бейль, Джон Локк, Юм.

Целый ряд мыслей, развитых в рукописи, Бабеф несомненно, находил у своих предшественников. Но при всем этом его теоретические взгляды во многом оригинальны. Так оценивал их В. П. Волгин, который писал по поводу этой тетради: «Многие положения Бабефа свидетельствуют о большой оригинальности его социальной мысли. Таковы, например, его рассуждения о праве на труд, о естественных правах, об этапах развития собственности, о государственности и анархии, о мелкобуржуазных чертах учения Руссо. Совершенно исключительный интерес представляют рассуждения методологического характера (физика и метафизика и т. д.)... Многие мотивы учения Бабефа о развитии общества и собственности он мог найти и, наверное, находил — что́ у Тюрго, что́ у Руссо, что́ у энциклопедистов. Рассуждение о «силе» явно напоминает Гельвеция, о «разуме и страстях» — Мабли и т. д. Но, конечно,

Бабеф построил на этих мотивах концепцию, отличающуюся зна чительной оригинальностью»[55].

Рукопись свидетельствует о глубоких и серьезных теоретических исканиях Бабефа. Он ясно сознавал, что эти поиски приведут его к глубокому конфликту с окружающим миром. Но он обладал достаточным теоретическим и личным мужеством, чтобы не останавливаться на полпути.

«Все истины,— пишет он на последних страницах своей рукописи,— которые я возвещаю, не являются чьей-либо исключительной собственностью. Они принадлежат всему миру. Чтобы пользоваться ими... нужно только наблюдать и размышлять, и в особенности не смущаться, если, сталкиваясь с другими философами и продвигаясь в другом направлении, приходится им противоречить. Нужно сказать самому себе: тем лучше, если я с ними согласен. Правильная теория не может остаться неизвестной, она должна укрепиться. Но если приходится противоречить, идти в противоположном направлении, нужно опять-таки сказать — тем лучше! Придет кто-нибудь, кто разрешит спор, и истина будет найдена, тогда как раньше ее постоянно отклоняли..., хоронили под обломками заблуждений. Я буду огорчен, если ошибусь, а в особенности, если увлеку других на ложный путь. Но я не считаю, что должен останавливаться из страха перед заблуждением. Оно будет рано или поздно преодолено. Но этим будет проложен путь какой-нибудь истине, о которой, может быть, не подумали бы, если бы не оказалось нужды в поисках.

Я не обращусь в бегство ни перед чем; истина побеждает во всем» (je ne fuis rien, la vérité en tout conquiert) (165).

Эти слова прекрасно характеризуют весь дух теоретических исканий Бабефа.

---

[55] Из письма В. П. Волгина в редакцию «Французского ежегодника» (8 октября 1957 г.).

Бабеф и аграрное движение 1790—1792 г.

I

Деятельность Учредительного собрания в отношении косвенных налогов чрезвычайно ярко выявила все характерные черты политики либеральной буржуазии в буржуазно-демократической революции. «Буржуазии выгодно,— писал Ленин,— чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е., чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна... Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее...; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самодеятельности, инициативы и энергии простонародья...»[1] Это положение Ленина полностью применимо не только к финансовой, но, прежде всего, к аграрной политике Учредительного собрания. Со всей очевидностью в ней сказалось это стремление к тому, чтобы «необходимые преобразования» происходили возможно «медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее», с тем чтобы было сохранено возможно большее количество «остатков старины».

Легенда об «исторической ночи» 4 августа 1789 г., когда будто бы в порыве энтузиазма представители либерального дворянства и духовенства навсегда разрушили «здание феодализма», давно уже развеяна в специальной исторической литературе[2]. Понадобилась

---

[1] В. И. Ленин Две тактики социал-демократии в демократической революции (Полн. собр. соч., т. 11, стр. 38); см. также: Н. М. Лукин. Ленин и проблема якобинской диктатуры («Избранные труды», т. 1, М., 1960, стр. 328—329).

[2] См. Ph. Sagnac. La législation civile de la Révolution française (Paris, 1898; русск. пер.: Ф. Саньяк. Гражданское законодательство Французской революции. М., 1928); G. Lefebvre. La Révolution française. Paris, 1951; idem. Les paysans du Nord. Bari, 1958, p. 410—431. См. также А. В. Адо. Аграрное законодательство Учредительного собрания и крестьянское движение во Франции в 1790 г. (ННИ, 1957, № 2).

длительная, упорная борьба французского крестьянства, возобновившаяся после некоторого периода выжидания весной 1790 г. и шедшая непрерывно до лета 1793 г., чтобы накануне и после 10 августа, но все еще крайне нерешительно, Законодательное собрание, а затем Конвент окончательно уничтожили всю создававшуюся веками систему феодальных повинностей.

В нашу задачу, разумеется, не входит анализ всей сложной истории этого чрезвычайно мощного крестьянского движения. Мы ограничимся только выяснением того, какую роль играл в нем Бабеф. Как оценивал Бабеф аграрное законодательство Учредительного собрания? Принимал ли он непосредственное участие в пикардийском крестьянском движении? Какова была аграрная программа, выдвинутая самим Бабефом?

В марте 1793 г., вспоминая о своей деятельности в Пикардии после возвращения из Парижа в 1790 г., Бабеф писал Сильвену Марешалю: «Я возвратился в свой департамент Соммы. Я основал газету. Я составлял ее не из груды (ramas) ненужных новостей. Я стремился к просвещению моих земляков. Я боролся в ней против отвратительных злоупотреблений этой чудовищной конституции, которую даровали нам первые законодатели. Я возбудил против себя толпу глупцов и плутов, у которых на устах было лишь одно: «Конституция или смерть». Но я был почти один против всех, и мое предприятие продержалось недолго.

Я устремился на борьбу против самых кричащих злоупотреблений, ощущавшихся повсюду. Гидра феодализма... вызывала всеобщее возмущение. Думали, что это чудовище было сражено ночью 4 августа 89-го, но наши вероломные законодатели вскоре его возродили. Я выступил как защитник (le champion) крестьян против бывших сеньеров. Я изучил всю историю и извлек из нее доказательство, что нет ни одного вассального права, которое не было бы узурпацией. Я опубликовал эту великую истину. Сопротивление уплате феодальной дани стало всеобщим. Августовский декрет (1792 г.— *В. Д.*) узаконил это сопротивление и закрепил уничтожение этой дани. Меня благословляли во всем департаменте те, кто от нее освободился, но меня возненавидела вся сеньериальная аристократия, которая считала меня подстрекателем (le provocateur) к тому, что она называла своим ограблением.

Так как я всегда скорбел по поводу все ухудшающегося положения обездоленного класса, для которого не было сделано еще ничего существенного, я выдвинул некоторые идеи, направленные к улучшению его положения. Вскоре меня заподозрили и обвинили в том, что я покушаюсь на собственность. Мои страждущие и обремененные трудом братья видели во мне своего защитника, богатые эгоисты — только опасного апостола аграрных законов» [3].

---

[3] ЦПА ИМЛ, 10 В X (Paris, 29 mars l'an 2 de la République française). См. также: V. A d v i e l l e. Op. cit., v. I, p. 107.

В этих нескольких фразах Бабеф очертил свою роль в аграрном движении, происходившем в Пикардии в 1790—1792 гг. К сожалению, архивы деп. Соммы, Уазы и Эны, где протекала деятельность Бабефа, изучены еще совершенно недостаточно. Сколько-нибудь полной работы по истории крестьянского движения в Пикардии не существует. «Приходится пожалеть,— писал Ж. Лефевр в своем «Аграрном вопросе в эпоху террора»,— что районы Вермандуа и Сантерра, пылающие огни аграрных волнений, родина Бабефа, не были предметом подобного исследования» [4]. Только за последнее время началось изучение аграрного движения в Сантерре и роли в нем Бабефа [5]. Нужно полагать, что дальнейшие изыскания в департаментских архивах позволят внести много нового в освещение этого вопроса. Но уже и сейчас личный архив Бабефа дает возможность значительно расширить наше представление о его роли в аграрном движении первых лет революции.

Еще из переписки Бабефа с Дюбуа де Фоссе, в частности, из его июньского письма 1786 г., мы могли убедиться в его непримиримо-враждебном отношении к феодальной собственности и привилегиям. «В пыли сеньериальных архивов,— писал он впоследствии в № 29 «Трибуна народа»,— я открыл ужасную тайну узурпации, совершенной дворянской кастой. Я раскрыл ее народу в пламенных обращениях с самого начала революции» [6]. Уже в своем первом публичном выступлении весной 1789 г. в Руа во время обсуждения наказов Бабеф выдвинул вопрос о феодальных правах (droits seigneuriaux). «Одни хотели бы,— говорится в сохранившемся письменном проекте речи,— чтобы они были полностью уничтожены, как отвратительный след феодального деспотизма, древнего варварства... Другие, более умеренные, хотят, чтобы были уничтожены только те, которые, по своей природе, носят наиболее кабальный характер, как баналитеты, дорожные заставы (péages), сборы за право продажи вина (aforages) и т. д. Наконец, некоторые считают все эти права заслуживающей уважения собственностью, которой нельзя касаться» [7].

---

[4] G. Lefebvre. Les questions agraires au temps de la terreur. Paris, 1954, p. 18, n. 1. (русск. пер. Ж. Лефевр. Аграрный вопрос в эпоху террора. Л., 1936, стр. 41, прим. 1).

[5] R. Legrand. Grèves et incidents dans le Santerre. Abbeville, 1960; idem. Babeuf en Picardie (1790—1792).— AHRF, 1960, № 162; idem. Babeuf, ses idées, sa vie en Picardie. Abbeville, 1961.

[6] «Le Tribun du peuple ou le Défenseur des droits de l'homme». Par Gracchus Babeuf, № 29.

[7] ЦПА ИМЛ, 8 В I. Именно так формулировал вопрос о феодальных правах Людовик XVI на заседании Генеральных штатов 23 июня 1789 г., когда король сделал первую уступку, согласившись на совместные заседания представителей всех трех сословий. Но в вопросе о феодальных правах он был по-прежнему непримирим: «Собственность, без каких-либо исключений, должна постоянно уважаться, и его величество понимает под собственностью десятину, чинш, ренты, феодальные и сеньериальные права и обязанности и вообще все права и преимущества, полезные или почетные, как связанные с землями и

Само собой разумеется, что Бабеф принадлежал к числу первых. Но его предложения — не забудем, что он выступал до начала работы Генеральных штатов и до падения Бастилии — носили тогда еще сравнительного умеренный характер. Бабеф требовал только, чтобы держателям было обеспечено законом право выкупать свои повинности и выражал надежду, что «наступит время, когда совершенно исчезнет воспоминание об этой рабской зависимости» [8]. В отношении церковной десятины Бабеф предлагал не ограничиваться приданием ей денежной формы вместо натуральной. Десятина должна платиться, говорил Бабеф, обращаясь к деревенским выборщикам, «не только вами, честными земледельцами, но... и ремесленниками, коммерсантами и финансистами, которые... должны хоть немного облегчить ваше бремя» [9].

Таким образом, в апреле 1789 г. — во всяком случае в сохранившемся у нас наброске речи — Бабеф добивался ликвидации всех сеньериальных прав, но на условии их выкупа и не требовал еще полного уничтожения церковной десятины. Однако из анализа подготовительных работ к «Постоянному кадастру» и из текста самого «Кадастра» мы могли убедиться, что всего через несколько месяцев, летом и осенью 1789 г., Бабеф выдвигал уже гораздо более радикальную программу и, в частности, требовал полной ликвидации десятины.

Как принял Бабеф решения 4 августа? Стал ли он жертвой всеобщих иллюзий? Документ, которым мы располагаем по этому вопросу, облечен в очень своеобразную форму. Правильное его понимание требует поэтому предварительных замечаний. Нельзя забывать, что эти решения, прежде всего, лишали Бабефа материальной базы существования, между тем на руках у него были жена и двое детей. Сохранившаяся переписка между Бабефом и людьми, работавшими в его бюро — Вассом (Wasse), Г. Рашаром и его братом, Жаном-Батистом, — свидетельствует о растерянности, охватившей всю эту достаточно многочисленную, особенно в условиях феодальной реакции, прослойку февдистов, внезапно лишившихся возможности заниматься своей профессией. Материальные ресурсы самого Бабефа были к тому же совершенно исчерпаны еще к началу 1789 г. в результате его столкновения с Суаекуром.

Неудивительно, что его письма не только во второй половине 1789 г., но и в начале 1790 г., как мы уже видели, свидетельствуют

фьефами, так и личные» («Séance tenue par le Roi aux Etats généraux le 23 juin 1789.— Déclaration des intentions du Roi». Paris, p. XII).

[8] ЦПА ИМЛ, 8 B I («...Je voudrais qu'une loi ordonnât qu'à volonté du tenancier débiteur il lui fût permis de rembourser son seigneur du fond de la prestation féodale ou roturière due sur son héritage qui en serait ensuite délivré pour toujours, et connu dorénavant sous le nom d'héritage franc. Cet arrangement ne feroit point de tort à seigneurs et il viendroit un tems où tous les devoirs seigneuriaux se trouveraient remboursés et le souvenir de cette foule de servitudes qui rappelle sans cesse l'ancien état de l'homme, se perdrait dans le néant»).

[9] Там же.

о напряженных поисках какого-либо выхода из нового положения, создавшегося после 4 августа.

«Все сейчас безвозвратно ниспровергнуто,— писал он в марте 1790 г., в связи с вопросом о возможности возмещения расходов по работам, выполненным накануне революции для аббатства Кенуа.— Мне кажется, что я имею право на возмещение убытков. Но кто может возместить мне их, кроме Национального собрания, поскольку оно ниспровергло феодальный режим. Из-за этого я не мог завершить начатой работы... так как церковные имущества объявлены сейчас собственностью нации. Я думаю, что по этому поводу я должен договариваться только с Национальным собранием»[10].

Но если в отношении духовных сеньеров Бабеф мог еще рассчитывать, что его расходы будут возмещены Учредительным собранием, то в отношении светских сеньеров он даже такой надежды питать не мог. В отдельных случаях, чтобы иметь возможность требовать расплаты, Бабеф прибегал к тому, что сохранял у себя некоторые бумаги — пресловутые «titres», «титулы» на право получения повинностей, попавшие к нему во время составления кадастров. Так он поступил, как упоминалось, с владелицей сеньерии Домфрон, г-жой Лувенкур. Переписка по этому делу продолжалась до зимы 1791 г.[11] Но и эта крайняя мера оказывалась тщетной: по подсчетам Бабефа, г-жа Лувенкур должна была ему, по меньшей мере, 300 ливров, но ее поверенный в делах, Дюпюи, соглашался выплатить не больше... 30 ливров[12].

Это затруднительное положение объясняет мотивы, по которым осенью 1789 г., после своего возвращения в Руа из Парижа, Бабеф составил «Уведомление» («Avis»), обращенное к сеньерам. «В момент, когда странная точка зрения (point de vue) большинства сеньеров,— начинает он свое обращение,— привела почти всех к тому, что они решили прекратить составление описей (terriers) и уволить своих февдистов и архивистов, один из них, г. Бабеф, предлагает именно в этом качестве свои услуги гг. собственникам фьефов и сеньерий. Для того чтобы доказать, что именно сейчас эта работа полезнее, чем когда-либо раньше, он представит некоторые соображения с тем, чтобы определить подлинную ценность декрета, провозгласившего отмену феодального строя»[13].

Бабеф доказывал, что, поскольку предстоит выкуп повинностей, сеньерам, больше чем когда-либо, нужно точно установить их формы и размеры. Это требует приведения в порядок всех сеньериальных архивов тем более, что те, кому придется выкупать, будут

---

[10] ЦПА ИМЛ, 67 В V («...Je ne crois donc pas trop que je doive terminer qu'avec l'Assemblée Nationale»).

[11] ЦПА ИМЛ, 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 52 В V.

[12] ЦПА ИМЛ, 15 В V («...J'ignore, Monsieur,— писал Бабефу Дюпюи 20 октября 1791 г.,— si vous avés à vous plaindre des ci-devant; mais je sais que Madame Louvencourt a à se plaindre de vous...»).

[13] ЦПА ИМЛ, 35 В I («Avis»).

требовать юридического доказательства обоснованности тех или иных притязаний сеньеров. Именно поэтому им особенно нужны феодисты-архивисты.

Эта часть «Уведомления» не имеет большого значения, но попутно Бабеф высказывает свои соображения по поводу всей операции выкупа, задуманной Учредительным собранием, и эти замечания представляют особый интерес. Арпан земли стоимостью в 900 ливров облагается ежегодно чиншем (cens), примерно в 6 ливров. Выкуп составит, вероятно, тридцатикратную сумму чинша, т. е. около 180 ливров с арпана. Но одновременно с чиншем придется выкупать и права «lods et ventes» (так называемые «казуальные» права, связанные с переходом земель от одного собственника к другому). Сумма выкупа этих прав составит, по некоторым предположениям, около 20% стоимости участка, т. е. в данном случае еще около 180 ливров. Таким образом, выкуп повинностей только с одного арпана (около $^{2}/_{3}$ га) потребует примерно 360 ливров — больше трети стоимости участка. Совершенно очевидно, пишет Бабеф, что только очень небольшое количество собственников в состоянии будет немедленно воспользоваться предоставленным им правом выкупа повинностей, а *«мелкие собственники, которые составляют в сеньериях огромное большинство обязанных крестьян* (des redevables), *не сумеют их выкупить, возможно, даже и через сто лет»* (курсив наш.— *В. Д.*) [14].

В «Уведомлении», ставившем своей задачей доказать сеньерам необходимость сохранения феодистов, трудно было ясиее дать оценку решений Собрания, принятых 4—11 августа 1789 г. Но совершенно очевидно, что Бабеф сразу же оценил, насколько иллюзорна была вся эта торжественно провозглашенная «ликвидация феодализма», насколько тяжелой и невыгодной явится для крестьян операция выкупа, которая может затянуться на целые десятилетия. Совершенно не случайно Бабеф говорит поэтому в своем обращении о «мнимом упразднении» (prétendue suppression) феодализма [15]. Сеньеры слишком рано испугались декрета Учредительного собрания, в действительности он «не так пагубен для них, как многие считали» [16].

«Уведомление» было последним обращением Бабефа к сеньерам в качестве феодиста. Аргументы, которыми он пытался на них воздействовать, оказались несостоятельными,— феодисты действительно больше не понадобились. Для ликвидации феодальных повинностей во Франции потребовалось не сто лет, а всего лишь четыре

---

[14] ЦПА ИМЛ, 35 В I.

[15] Чрезвычайно интересно, что исследователи истории упразднения феодальных прав в годы революции — Ф. Саньяк и П. Карон — буквально повторили это выражение Бабефа, характеризуя аграрное законодательство Учредительного собрания как «мнимое упразднение феодального строя» (la prétendue suppression du régime féodal) (Ph. Sagnac et P. Caron. Les comités des droits féodaux et de législation et l'abolition du régime seigneurial. Paris, 1907. Introduction, p. XI).

[16] ЦПА ИМЛ, 12 В III.

года. Сам Бабеф приложил немалые усилия к тому, чтобы этот срок оказался столь непродолжительным, но уже не в качестве февдиста, а в роли «адвоката народа», как он сам стал называть себя уже в 1790 г.

Отвечая в 1791 г. на упреки в том, что он — бывший февдист — превратился в «гадюку, которая разрывает грудь своей собственной матери», Бабеф писал: «Пока я был молод, я не рассуждал; я считал, что все существующее должно существовать; я был убежден в необходимости того, чтобы были преследуемые и преследователи; я хранил глубоко сыновнее почтение к моей матери — феодализму. Но с тех пор, как я стал человеком, с тех пор, как солнце революции начало сиять и просвещать меня, я стал вглядываться и заметил, что моя мать — это стоголовая гидра. Я сказал себе: да, с ней нужно бороться, пусть ее презренные сторонники назовут меня гадюкой, по крайней мере, честные люди поторопятся заявить, что я гадюка, оказывающая благодеяния.

Я осмеливаюсь думать, что вы, граждане, увеличите число тех, кто так меня оценивает. Вы не должны обращать внимания, какие последствия имела для меня утрата моего прежнего положения (état) февдиста. Я сказал себе: эта профессия ведет к злоупотреблениям. Пусть я потеряю все средства к существованию, но тысячи лиц, которых я мучил бы судебными преследованиями, предъявлением претензий, взиманием чинша, сборов при переходе имущества и т. д., от этого выиграют. Подлинный гражданин предпочитает общее благо своему личному. Феодализм был строем рабов и тиранов: моя страна хочет быть свободной, и в ней не должно уцелеть ничего, что связано с этим строем» [17].

II

Учредительное собрание ставило, однако, перед собой как раз противоположную задачу: оно всячески пыталось замедлить ликвидацию феодального строя, сохранить возможно дольше старые привилегии, сделать их ликвидацию наиболее безболезненной для сеньеров и для тех групп буржуазии и имущего крестьянства, которые стали уже в какой-то мере соучастниками при извлечении феодальной дани. «До 14 июля,— как правильно отмечал Ж. Лефевр,— у буржуазии не было ни времени, ни охоты взяться за десятину и феодальные права, но крестьяне, уже начиная с марта, начали выступать против своих сеньеров и отказывались от уплаты им повинностей задолго до взятия Бастилии» [18]. Но и после взятия Бастилии и «великого страха» Учредительное собрание нисколько

---

[17] ЦПА ИМЛ, 12 В III. «F. N. Cam. Babeuf, citoyen Français, habitant de Roye, à tous ces citoyens des Municipalités qui ces présentes verront. Avis important pour toutes les campagnes».

[18] G. Lefebvre. La Révolution française et les paysans (в сб. «Etudes sur la Révolution française». Paris, 1954, p. 249).

не торопилось с реализацией августовских решений. В расчеты буржуазии совсем не входила ликвидация всех феодальных прав без выкупа: «Среди членов Учредительного собрания было много юристов, которые считали эти права такой же законной собственностью, как и другие ее виды, и полагали, что нельзя их уничтожить, не поставив в опасное положение и буржуазию; многие были февдистами по профессии, как Мерлен из Дуэ (один из руководителей комитета по феодальным правам в Собрании, будущий министр юстиции при термидорианском Конвенте.— *В. Д.*), судьями, сборщиками, поверенными в делах сеньеров; они не торопились уничтожать источник своих доходов. К тому же, не только дворяне владели сеньериями: не одна из них уже перешла в руки буржуа» [19].

После торжественного провозглашения 4 августа полной ликвидации феодализма Учредительное собрание в решениях, принятых за последующую неделю (до 11 августа), успело уже ослабить силу своего первого постановления. Но подавляющее большинство крестьянства поверило в то, что колосс феодализма действительно разрушен. Волна крестьянских движений заметно снизилась, крестьянский напор ослабел. Лидеры Учредительного собрания сделали из этого успокоительные выводы. 15 марта 1790 г. последовал декрет собрания, намечавший порядок ликвидации феодальных прав и представлявший собой полное отступление от принципов, провозглашенных 4 августа. Повторилось то же, что происходило в области налоговой политики, в отношении gabelle и aides.

Как известно, декрет 15 марта устанавливал чисто формальное и более чем спорное разделение на феодальные права, вытекавшие из личной зависимости (droits personnels), и права, обусловленные будто бы уступкой земли со стороны сеньеров своим вассалам,— права реальные (droits réels). Только первые подлежали ликвидации без выкупа. Вторые, как раз наиболее важные повинности,— чинш (cens), шампар (взносы натурой, взимавшиеся, как и церковная десятина, сейчас же после сбора урожая), все так называемые «казуальные» права, как «lods et ventes» и т. д.— подлежали выкупу примерно в тех размерах, которые и предвидел Бабеф в своем «Уведомлении»: в двадцатикратном размере, если повинности вносились в денежной форме, и в двадцатипятикратном, если они оплачивались в натуре. Из решений, принятых тогда же в марте — апреле Собранием, следовало, что оплате подлежит также церковная десятина (до 1 января 1791 г.), хотя она и была торжественно отменена, причем ее по-прежнему следовало вносить натурой. В отношении общинных земель, отнятых сеньерами у крестьян в XVII—XVIII вв. на основе так называемого «триажа» (присвоение сеньерами трети общинных земель), Учредительное собрание взяло такой же крайне умеренный курс: возврату крестьянам подлежали только земли, отчужденные на протяжении последних 30 лет. Во

---

[19] Ibid., p. 259.

всех спорных случаях не помещикам, а крестьянам предлагалось обосновывать свои права и претензии на основе «первоначальных актов» (titres primitifs), хотя, как хорошо было известно юристам Учредительного собрания, эти «titres» повсеместно находились в руках самих сеньеров.

Все историки аграрного законодательства Учредительного собрания совершенно единодушны в том, что декрет 15 марта 1790 г. вызвал огромное разочарование и недовольство во французской деревне. «Этот знаменитый акт принес полное разочарование крестьянам»,— отмечает Ж. Лефевр в своих «Крестьянах Севера». «Он вызвал против себя всеобщее возмущение со стороны крестьян и муниципалитетов»,— констатируют Саньяк и Карон: «Никогда законодательство не вызывало такого сильного негодования... Это было общее движение протеста во всем королевстве, которое быстро превратилось в восстание»[20]. Следствием этих декретов явился новый подъем крестьянского движения уже весной 1790 г.

Какое же участие принял в этом движении против аграрного законодательства Учредительного собрания Бабеф? Как мы помним, почти весь 1790 год был у него заполнен борьбой против косвенных налогов. И тем не менее, уроженец пикардийской равнины, плоть от плоти пикардийского крестьянства, Бабеф уже тогда чрезвычайно внимательно следил за всеми процессами, происходившими в деревне. Ж. Лефевр, автор одной из лучших работ по локальной истории французского крестьянства («Крестьяне Севера»), очень тщательно изучил формы крестьянского движения в этом департаменте, начиная с первых же месяцев 1789 г. Нельзя не поразиться тому, что почти каждая форма крестьянского движения и протеста. описанная Лефевром, находит тот или иной отклик и отражение в уцелевших документах бабефовского архива.

Одним из поводов для почти повсеместных столкновений крестьян с сеньерами, начиная с лета 1789 г., явились так называемые «почетные преимущества» дворян (prérogatives honorifiques). К числу таких особенно болезненно воспринимавшихся в деревне прерогатив принадлежало право сеньера на особую, переднюю скамью в церкви, украшенную потомственными гербами. Уничтожение таких скамей было для крестьян психологически чрезвычайно важным вещественным доказательством происшедшего в стране переворота. Вновь возникшие деревенские муниципалитеты (закон об их организации был принят в декабре 1789 г.) повсеместно поддерживали это требование, но дистрикты и особенно департаменты

---

[20] G. Lefebvre. Les paysans du Nord, p. 395; Ph. Sagnac et P. Caron. Les comités des droits féodaux... Introduction, p. XV—XVI, XXIV. См. также А. В. Адо. Аграрное законодательство...; Е. Н. Петров. Борьба за уничтожение общинного землевладения во Франции во время революции. Л., 1928.— «Известия экономического ф-та Ленингр. политехнич. ин-та, вып. 1 (25): его же. Борьба за общинные земли и декрет Конвента 10 июня 1793 года.— Лен. гос. ун-тет. Ученые записки, серия исторических наук, вып. 6, 1940.

проявляли крайнюю нерешительность, хотя Учредительное собрание приняло решение об уничтожении этих «почетных отличий» еще в июне 1789 г.[21]

В переписке Бабефа эти столкновения нашли свое отражение. 12 мая 1790 г. он составил петицию для крестьян Шампуэн, жаловавшихся на своего сеньера, как раз в связи с конфликтом из-за церковной скамьи. Для характеристики перелома в крестьянской психологии в эти первые месяцы революции интересны первые строки петиции: «Известно, что до недавней поры в отношениях между сеньером и крестьянином было столько всемогущества и произвола, с одной стороны, и столько чрезмерной покорности — с другой, что в голове крестьянина не рождалось даже мысли о возможности отказать в чем-либо владельцу замка. Казалось невероятным, чтобы человек из этого класса мог столкнуться с какими-либо возражениями... Он настолько привык не встречать никогда противодействия своим желаниям, что, если бы это произошло хоть раз в жизни... он самым решительным образом покарал бы каждого смельчака, противящегося его воле»[22].

Весной 1790 г. борьба против aides, а затем арест и пребывание в Консьержери оторвали Бабефа от активного участия в аграрном движении, хотя, как мы уже отмечали, в его корреспонденции с Перонном, в переписке с Лораге и Шевалье большое место было уделено проекту Бабефа о раздаче в долгосрочную аренду (baux à longues années) церковных имуществ, подлежавших секвестру.

Борьба против косвенных налогов значительно содействовала росту популярности Бабефа в пикардийской деревне. Как мы помним, уже 20 августа 1790 г. Бабеф после приезда в Руа писал жене, что «на следующий же день после возвращения к нему прибежало много крестьян с просьбой о советах, составлении жалоб»[23]. Хотя внимание Бабефа было поглощено, в основном, изданием «Пикардийского корреспондента», но уже во второй половине 1790 г. его участие в крестьянском движении за подлинную и окончательную ликвидацию феодальных прав становится все более значительным.

Бабеф вмешался, прежде всего, в так называемую «войну из-за деревьев» (guerre aux arbres). Эта «война» была одним из первых проявлений недовольства крестьян законодательством Учредительного собрания. Она началась еще в 1789 г. Она не ограничивалась рубкой леса в сеньериальных лесах; речь шла о так называемом праве «voyerie» — феодальном праве, на основе которого сеньер производил посадку деревьев, преимущественно плодовых, не только на захваченных им с этой целью общинных землях, но и на дорогах. С первых дней революции крестьяне начали собирать плоды

---

[21] G. Lefebvre. Les paysans du Nord, p. 395.
[22] ЦПА ИМЛ, 43 В I.
[23] ЦПА ИМЛ, 46 В VIII; ННИ, 1960, № 5, *стр.* 102.

с этих деревьев, а также рубить их и делить поровну освобождавшиеся земельные участки. Закон Учредительного собрания (26 июля — 15 августа 1790 г.), принятый по этому поводу, носил очень половинчатый характер: сеньерам запрещалось производить впредь какие-либо посадки деревьев; крестьянам предоставлялось право выкупа «voyerie», но до выкупа сеньер сохранял право пользоваться плодами этих деревьев, рубить и продавать их, при условии заблаговременного (за 2 месяца) уведомления крестьянских общин. Как отмечает Ж. Лефевр, «это было единственное сеньериальное право, упразднение которого вызвало многочисленные выкупные сделки» [24]. Тем не менее урегулирование этого вопроса далеко не всюду происходило мирно.

В Пикардии эта «война» началась еще в первые месяцы революции и сразу показала, что сеньеры вовсе не собираются уступать свои привилегии без боя. Показательна в этом отношении петиция некоего Дартуа из Сен-Кантена (деп. Эны). Дартуа сам продал деревья, посаженные на обочинах дорог. Деревенский муниципалитет выступил с возражениями — собственниками деревьев являются крестьяне, и они сами их срубят. Ссылаясь на декрет 15 марта 1790 г., Дартуа обратился с жалобой в комитет феодальных прав Учредительного собрания, настаивая на том, что сеньеры являются собственниками деревьев, «которые они посадили», и что они вправе, как и раньше, «рубить их или продавать» [25]. Решение Собрания, как мы видели, шло навстречу этому требованию сеньеров.

На «самоуправство» крестьян жаловался и деп. Соммы: «Вы еще не знаете закона относительно посадок, он еще не объявлен у вас, а уже некоторые истолковывают его в угоду своим страстям, дерзостно попирая его дух и букву» [26].

Очень бурный характер приняли события в другом пикардийском департаменте — в Уазе. По сообщению историка департамента А. Бомона, столкновения из-за деревьев были очень частыми в 1789—1790 гг. Деревья срубались или коммунами, или сеньерами, опасавшимися, что они вскоре будут лишены этого права. Конфликты на этой почве вызвали множество судебных процессов. В августе — сентябре 1790 г. эта борьба вокруг права «voyerie» переплелась с очень сильным движением отказа от уплаты шампара, церковной десятины, чинша. 10 августа 1790 г. директория деп. Уазы жаловалась Учредительному собранию: «За последнее время во многих приходах Гранвилье и Бретейля началось восстание, которое с каждым днем становится все более опасным... Только регулярные войска, преданные порядку, если еще такие существуют,

---

[24] G. Lefebvre. Les paysans du Nord, p. 400.
[25] Ph. Sagnac et P. Caron. Op. cit., p. 214.
[26] А. В. Адо. Аграрное законодательство... (ННИ, 1957, № 2, стр. 36, прим.).

способны внушить спасительный страх этим впавшим в заблуждение приходам» [27].

Одним из центров движения, по сообщению Бомона, была коммуна Гурнэ-на-Аронде (Gournay sur Aronde). В конце августа 1790 г., уже после декрета Собрания, жители Гурнэ решили сами собрать плоды с яблочных деревьев, срубить их и разделить землю, на которой они были посажены [28]. В последующие месяцы возбуждение в Гурнэ все больше возрастало. К этому движению непосредственно был причастен Бабеф.

Вопрос о дорогах, в связи с крестьянским малоземельем, давно привлекал к себе его внимание. Еще во втором мемуаре, посланном им в Аррасскую академию, он предлагал сократить количество дорог и освободившуюся площадь отвести преимущественно под крестьянские наделы [29]. Естественно, что его заинтересовала и борьба вокруг «voyerie». Бабеф внимательно изучал декрет Собрания от 15 марта 1790 г. Правда, занятый вопросом об aides, он обратил внимание как раз на тот пункт декрета, который мог быть использован против сохранения пошлин при провозе товаров через заставы [30]. Но на том же листке Бабеф сделал выписки о крестьянских волнениях в С. Жюсте и Монтьере, где крестьяне на общинных землях, захваченных у них сеньером, «*срубили деревья и разделили земли на равные участки* (курсив наш.— *В. Д.*); у дома сторожа, который хотел им воспротивиться, они установили виселицу» [31].

Вопроса о «voyerie» Бабеф коснулся в двух номерах «Пикардийского корреспондента» [32]. Он поместил в них, как отмечалось, петицию коммуны Гурнэ. Автором этой петиции был сам Бабеф.

Крестьяне Гурнэ обратились к Бабефу с просьбой о составлении петиции, по-видимому, в сентябре. По крайней мере на обороте рукописи, предназначавшейся к печатанию в «Пикардийском корреспонденте», сохранился черновик ответного письма Бабефа: «Г. Бабеф сейчас уезжает в Нуайон, он вернется завтра и составит для вас подробно обоснованный адрес в Национальное собрание. Пока что он посылает вам бумагу, которой вы должны безбоязненно воспользоваться, потому что, если вы хотите, чтобы ваш адрес

---

[27] H. Baumont. Le département de l'Oise pendant la Révolution (juin — décembre 1790).— «Bulletin de la Société d'études historiques et scientifiques de l'Oise». t. 2. 1906. p. 15.

[28] Ibid., p. 21.

[29] ЦПА ИМЛ, 3 В 1; V. Advielle. Op. cit., v. II, p. 1—14.

[30] ЦПА ИМЛ. 33 В 1. По поводу пункта о необходимости проверки «первичных актов» (titres primitifs) Бабеф сделал замечание: «Voir si cela n'est point relatif aux droits de péage, travers passage, hallage, tonnage etc.»

[31] Там же.

[32] ЦПА ИМЛ, 62 В 1 (с пометкой Бабефа: «Пикардийский корреспондент», № 1, 18 сентября 1790 г.). 68 В I и 96 В I. Заголовок одного из номеров (в рукописи): «Продолжение петиции о voyerie. Маневры и притеснения со стороны бывших сеньеров» (Suite de la pétition sur la voyerie. Manoeuvres toujours oppressives des ci-devant seigneurs).

в Национальное собрание достиг цели, нужно действовать последовательно... и только тогда можно рассчитывать на полный успех» [33].

Свое обещание Бабеф, как мы сейчас увидим, выполнил. Но сеньер Гурнэ не сложил оружия. О дальнейших событиях сообщил в письме к Бабефу Губо. «Я узнал только что новость,— писал он 25 октября 1790 г.,— которая вас поразит. Вы знаете, что жители коммуны Гурнэ-на-Аронде, согласно петиции, *которую вы для них составили* (курсив наш.— *В. Д.*), обратились к Генеральным штатам, чтобы добиться удовлетворения своих требований. Вы знаете, что прежнему владельцу было предложено в течение дважды 24 часов предъявить свои акты (justifier de ses titres). В случае его отказа или молчания коммуна вправе будет завладеть яблоками, из-за которых шел спор. Но что сделал бывший сеньер? Вместо того, чтобы ответить на требование, он запряг лошадей, отправился немедленно в Компьен, сообщил о требовании своих бывших вассалов дистрикту, муниципалитету. Вообразите, к чему привел этот фарс: в минувшую субботу 200 солдат и национальных гвардейцев явились из Компьена в Гурнэ в шесть часов вечера, при них была пушка... Они немедленно захватили плоды, которые находились под охраной жителей, передали их фермерам бывшего сеньера и увели с собой четырех жителей, которых они сочли наиболее опасными мятежниками. Что вы думаете об этой катастрофе? Несколько человек побежали к церкви, чтобы ударить в колокол, но недостойный священник-аристократ, знавший, несомненно, обо всем заранее, предусмотрительно спрятал веревки от колокола и унес ключ» [34]. Дальнеший ход событий описан Бомоном. Компьенский дистрикт, считая, что коммуна Гурнэ находится в состоянии «опасного восстания, вызванного внушениями нескольких дурных граждан», направил в Гурнэ национальных гвардейцев, жандармерию и солдат из кавалерийского полка Берри — того самого, подразделения которого стояли и в Руа. Четверо арестованных, о которых сообщил в своем письме Губо, были освобождены только к концу октября [35].

В описании Губо примечательна одна деталь: крестьяне Гурнэ выступили не только против сеньера, но и против своих односельчан — фермеров сеньера. Это свидетельствует о том, что в Пикардии, как и в других экономически более развитых районах Франции, одновременно шли две войны — война всей деревни против помещиков и война внутри самой деревни, против имущей ее части.

С такой же картиной Бабефу пришлось столкнуться и в другой коммуне — Монтиньи, где по поводу все того же права voyerie произошло столкновение не только с бывшим сеньером коммуны, членом Учредительного собрания, герцогом Ларошфуко де Лианкуром,

---

[33] ЦПА ИМЛ, 72 В I.

[34] ЦПА ИМЛ, 29 В V («Roye, ce 25 8bre 1790, quatre heures oprês miêdy»)

[35] H. Baumont. Op. cit., p. 21.

но и фермерами герцога, арендовавшими у него это право. Муниципалитет коммуны еще весной 1790 г. вступил в переговоры с герцогом, добиваясь от него прекращения рубки деревьев и сбора плодов до урегулирования вопроса о выкупе. Несмотря на это, даже после июльского декрета, фермеры герцога приступили в сентябре к сбору яблок. Муниципалитет, при поддержке крестьян, этому воспротивился; уже собранные яблоки у фермера были отняты и отправлены на хранение к прокурору коммуны. Однако судья бальяжа Мондидье, дистрикт и деп. Уазы потребовали возврата яблок. В коммуну явились национальные гвардейцы во главе с сержантом — бывшим платным агентом сеньериальной юстиции у того же Лианкура. Возмущенное население коммуны, в числе более 300 человек, вышло тогда на дороги и стало сбивать все оставшиеся несобранными яблоки. Отказываясь подчиниться требованиям дистрикта и департамента, коммуна обратилась с жалобой в Учредительное собрание, и автором петиции (она была напечатана) явился Бабеф [36].

В этой петиции Бабеф резко выступил против декрета Учредительного собрания, характеризуя его как «притворную» (le simulacre) ликвидацию права «voyerie»: «Мы заявляем вам, что в деревнях... были страшно поражены мероприятиями, предусмотренными в вашем декрете» [37]. Критическое отношение к аграрному законодательству Учредительного собрания с еще большей ясностью было выражено во второй части петиции, посвященной вопросу об уплате «шампара».

Вопрос о том, будут ли по-прежнему взиматься два основных натуральных налога — церковная десятина и шампар,— все больше волновал крестьян. Чинш взимался ко времени революции преимущественно в денежной форме и имел неизменную величину, но десятина и шампар взимались в соответствии с размером урожая, а урожай 1790 г., в отличие от голодного 1789 г., был обильным.

---

[36] «Pétition sur les Droits de Voirie et de Plantation, de Cens et de Champarts. Par la commune de Montigny, canton de Saint-Just en Chaussée, district de Clermont, département de l'Oise. Noyon [décembre, 1790], 72 p. Б-ка Фельтринелли в Милане обладает единственным экземпляром этой петиции. В приложении к ней напечатано постановление коммуны от 5 декабря, в котором она уполномочила трех лиц отправиться для хлопот в Париж. «Г-на Ф.-Н.-К. Бабефа, автора петиции, будут просить присоединиться к этой делегации и сопровождать ее». Декабрьская поездка Бабефа в Париж в 1790 г. была связана, таким образом, и с делом коммуны Монтиньи.

[37] «Pétition», p. 19, 22. Такого же типа петицию против фермерского произвола Бабеф составил в мае 1792 г. от имени крестьянок Тиллолуа с протестом против действий фермера Лагаша, арендовавшего у маркиза Суаекура его сеньериальные права и запретившего женщинам и детям собирать хворост и траву в парке, расположенном вокруг замка. Петиция была подписана: «Женщины, матери и сестры граждан Тиллолуа». Ответ предлагалось адресовать на имя «вдовы Эсташа Депюиль», пострадавшей при столкновении со стражником во время сбора хвороста. (см. AD de la Somme, $F^{129}/_{9}$. «Tilloloy, 13 mai l'an 4 de la Liberté»). Насколько нам известно, это единственная самостоятельная петиция женщин-крестьянок за годы революции.

К тому же 4 августа была провозглашена полная ликвидация десятины, без всякого выкупа, а в последующих решениях Собрания было даже уточнено, что эта ликвидация произойдет к 1 января 1791 г. Между тем летом и осенью 1790 г. «дециматоры», сборщики десятины (среди которых было немало имущих крестьян и горожан, бравших на откуп этот сбор) действовали с прежней беспощадностью. Опасность отказа крестьян от уплаты этих особо ненавистных повинностей и первые факты такого отказа серьезно волновали Учредительное собрание.

Посылая в августе 1790 г. свой очередной отчет в С.-Петербург, Симолин подробно изложил прения в Собрании по этому поводу и решение уполномочить председателя «безотлагательно обратиться к королю с тем. чтобы молить его величество отдать самое настоятельное распоряжение должностным лицам во всех трибуналах королевства, и особенно в департаменте Луаре́, о преследовании со всей строгостью закона всех, кто противится уплате десятины, шампара и других сеньериальных прав, подлежащих упразднению на основе выкупа» [38].

Вслед за петициями коммуны Гурнэ и Монтиньи Бабеф, очевидно, занялся составлением петиции о «voyerie» в общепикардийском масштабе; недаром он писал: «Выступая по частному делу коммуны Монтиньи, мы имеем в виду общее дело» [39]. Но ему сейчас же посоветовали включить в эту новую, подготовленную им петицию и другие вопросы, прежде всего, о церковной десятине [40].

Очевидно, Бабеф согласился с необходимостью дополнения петиции. Во всяком случае в проекте расписки для сбора средств на печатание петиции она уже именуется «Mémoire sur les Voyeries et Dîmes» [41]. В архиве сохранился лишь один рукописный вариант петиции. В нем обосновывается необходимость немедленной ликвидации десятины и выдвигается как минимальное требование на 1790 г. взыскание dîme не в натуральной, а в денежной форме.

Характерно, что, обосновывая это общекрестьянское требование, Бабеф в свою аргументацию внес определенную классовую тенденцию. Он доказывал ошибочность взгляда, будто десятина одинаково обременительна для «самых богатых и для самых бедных».

---

[38] АВПР, ф. «Сношения России с Францией», 1790 г., опись 93/6, д. 478, л. 283.

[39] «Pétition sur les droits de voirie...», p. 10 («...en plaidant la cause particulière de la commune de Montigny, nous avons en vue la cause universelle»).

[40] В архиве сохранилась запись, составленная рукой самого Бабефа: «...Было внесено другое дополнение и постановлено, чтобы ⟨г. Бабеф⟩ редактор мемуара остановился в отдельном параграфе на десятине. В нем должно быть подробно изложено, что со времени ее упразднения декретами 4 августа возникли значительные трудности при ее взимании в 1789 г. и что нужно... опасаться еще больших трудностей при сборе с урожая 1790 г.» (ЦПА ИМЛ, 78 В 1).

[41] ЦПА ИМЛ, 78 В I («J'ai reçu de M. pour contribution pour la souscription de 300 livres ouverte pour l'impression du Mémoire sur les Voyeries et Dîmes...»). Расписка датирована: «Roye. 1/90».

Тяжелее всего десятина отзывалась вовсе не на земледельце, «собиравшем наибольший урожай». Размеры десятины являлись одним из важнейших факторов, определявших цену на хлеб. Чем больше были размеры десятины, тем выше поднималась цена на хлеб. Поэтому, по мнению Бабефа, от взимания десятины больше всего страдает бедняк (le dernier malheureux), тот, кто «ест больше всего хлеба», но не имеет «ни клочка земли» [42]. Мы уже неоднократно наблюдали, что именно эта социальная группа французской деревни — беднота, покупавшая, а не продававшая хлеб,— находилась *постоянно* в центре внимания Бабефа даже тогда, когда он обосновывал общекрестьянские требования.

Мы не знаем, увидел ли свет этот мемуар, но самая его идея приобрела популярность. Об этом можно судить по одному любопытному письму к Бабефу от 6 января 1791 г. Оно начинается с высокой оценки деятельности Бабефа, направленной к «общему благу» и заслуживающей «всеобщей признательности». Автор «был бы крайне польщен, если бы оказался в первых рядах тех, кто воздает ему эту дань». Стремясь оказаться чем-нибудь полезным Бабефу, он воспользовался своим недавним пребыванием в Мондидье, чтобы побеседовать по поводу петиции о дорожном праве («voyerie»), шампаре и феодальных правах с находившимися там деревенскими жителями: «Многие из них оказались запутанными в лабиринте споров, о которых вы говорите; многие заявляли мне, что были бы крайне польщены честью познакомиться с вами, в том числе мэр из прихода Демуэн в Сантерре, которому я сообщил ваш адрес» [43]. Этот мэр рассказал, что в соседней деревенской коммуне идет процесс «из-за насаждений деревьев по дорогам», и он посоветует воспользоваться бабефовской петицией. Но будет лучше всего, если Бабеф сам посетит эту коммуну и заодно с тем Варвилль, Бофор, Дюкеналь — деревни, расположенные вблизи Демуэна, где «все дороги усажены фруктовыми или другими деревьями» [44]. Корреспондент, отвечая также на вопрос, который уже раньше ставил ему Бабеф,— нужна ли общая петиция «для всех коммун» или предпочтительнее составление петиции для каждой коммуны в отдельности, решительно высказался за составление общей петиции.

Сохранился ряд писем этого периода к Бабефу из отдельных коммун. На них лежит отпечаток переходного времени: крестьяне этих коммун еще не отказывались от признания самого принципа выкупа; они требовали лишь, чтобы он был «справедливым» и был

---

[42] ЦПА ИМЛ, 78 В I («Le blé se vendait en raison de la dime, donc cette charge qui au premier coup d'oeil paraissait tomber plus fort sur le laboureur dépouillant le plus du blé, ne tombait pas plus sur lui que sur ceux qui n'avaient pas à eux un pouce de terre, donc cette charge commune ne pesait pas sur chacun en proportion de ses facultés; *elle pesait le plus fort sur celui qui mangeait le plus de pain, donc le dernier malheureux...*» (курсив наш.— *В. Д.)*

[43] ЦПА ИМЛ, 85 В V.

[44] Там же.

основан на оплате действительно «законных» и обоснованных претензий сеньеров. Так, в одном из писем выставлялось требование обязательного представления сеньерами своих «актов» (titres primitifs). «Национальное собрание должно это декретировать... Почему вы медлите? Дело требует быстроты... Никто не обязан будет платить, прежде чем не будут предъявлены акты...» [45]

«Вопрос», поставленный Бабефу «жителями Беврэнь» [46], должен был доставить Бабефу несомненное удовлетворение (хотя вполне возможно, что он же сам его подсказал). Речь шла о чиншевиках не кого иного, как... маркиза Суаекура. У крестьян сохранились старые и новые квитанции — за одни и те же повинности вместо 40 су, которые выплачивались 30 лет назад, маркиз требует теперь 3 ливра. «Нет ничего удивительного, если такие же страшные злоупотребления... происходят не только в Беврэнь, но и на других землях, находящихся в ленной зависимости (en mouvance) от г-на Суаекура». В своем ответе Бабеф предлагал собрать все эти квитанции, передать их в руки лица (несомненно, Бабеф имел в виду самого себя), которому будет поручено составление мемуара с тем, чтобы заставить «г. Суаекура требовать только того, что было установлено в первоначальных актах» [47].

В феврале 1791 г. к Бабефу обратился некий Боделок от муниципалитета коммуны Камон (Camont), где стало известно, что он «защищал жителей некоторых земель г. де Лианкура» и имеет опыт в таких делах. Сеньером коммуны являлся капитул Амьена (le chapitre d'Amiens), земли которого в 1790 г. были объявлены национальным имуществом. Крестьяне выражали готовность выкупить свои повинности, в частности, шампар, бывший, как писал Боделок, предметом непрерывных споров с капитулом. Муниципалитет запрашивал Бабефа о возможности коллективного выкупа повинностей. В своем подробном ответе Бабеф разъяснил, что в светских сеньериях коллективный выкуп практически совершенно невозможен, но в отношении бывших церковных сеньерий дело обстоит иначе: сообщество крестьян может заменить прежнюю сеньерию и для продолжения уплаты повинностей, и для осуществления коллективного выкупа. Как бы ни казалась заманчива эта перспектива крестьянского сообщества, заменяющего собой сеньерию, Бабеф подчеркивал опасность того, что в этом сообществе «подавляющее влияние более сильных» (т. е. более зажиточных крестьян.— *В. Д.*) будет противостоять «пассивному ничтожеству слабых» (nullité passive des faibles).

Перед лицом своего бывшего сеньера держатели будут выступать единодушно; все они заинтересованы в том, чтобы оспаривать обоснованность его притязаний (la validité des titres). В этом случае «интерес каждого является и общим интересом». Но в сообществе

[45] ЦПА ИМЛ, 84 В V.
[46] ЦПА ИМЛ, 11 В I («Question proposée par les paysans de Beuvraigne»).
[47] Там же.

жителей, которое заменит собой сеньера (une association d'habitans devenue ci-devant seigneur), положение изменится. При определении того, как должны распределяться выкупные платежи, частные и общие интересы разойдутся [48]. К сожалению, рукопись не закончена, но постановка вопроса Бабефом не оставляет сомнения в том, что ему ясна была неизбежность классового столкновения между «сильными» и «слабыми» внутри крестьянской общины после ее совместного выступления против сеньера. Как и в вопросе о десятине, внимание Бабефа сосредоточено на защите интересов «слабых» (les pauvres malheureux).

Вся эта переписка велась еще вокруг вопроса о наиболее выгодных для крестьян условиях выкупа феодальных повинностей. Однако это вовсе не означает, что Бабеф и в 1790 г. был сторонником выкупа, каким он, по-видимому, был в апреле 1789 г. В петиции коммуны Монтиньи, составленной им не позднее ноября 1790 г., Бабеф ставит под сомнение желание Учредительного собрания уничтожить феодализм: «Разве неверно, что после того как во всеуслышание было заявлено: «Только от тебя, от твоих денег зависит твое освобождение от сеньериальной указки», было сказано тихо: «Но, говоря о деньгах, от тебя их потребуют столько, выкуп будет обставлен такими препятствиями, что ты вынужден будешь остаться под вассальным игом». Те «слабые» удары, которые Учредительное собрание нанесло «феодальному чудовищу», совершенно не в состоянии его уничтожить. Единственное средство состоит в том, чтобы *«уничтожить все, без всякого выкупа»* [49].

К началу 1791 г. борьба против aides была завершена. С этого момента и вплоть до 10 августа в центре деятельности Бабефа становится решительная борьба за полную революционную ликвидацию феодализма и всех феодальных повинностей без какого бы то ни было выкупа.

III

«Не подлежит никакому сомнению, что с приближением уборки урожая 1791 г. решимость не платить (феодальные повинности.— *В. Д.*) проявилась с еще большей смелостью, чем в предыдущем году»,— констатировал Ж. Лефевр, изучая крестьянское движение в годы революции в деп. Севера [50].

Такая же картина была и в Пикардии. Как сообщает Р. Легран, «уже в 1790 г. власти волновались». На заседании Генерального совета деп. Соммы отмечалось, что во многих коммунах «противятся взиманию десятины и шампара». В июне 1791 г. директория департамента предполагала обратиться «к гражданам департамента с

[48] ЦПА ИМЛ, 35 В VI. Письмо Боделока датировано: «Амьен, 11 февраля 1791». Проект ответа Бабефа имеет дату: «24 февраля 1791».

[49] «Pétition sur les Droits de voirie...», p. 59, note («Ce moyen consiste à tout supprimer sans rachat»).

[50] G. Lefebvre. Les paysans du Nord, p. 415.

разъяснением, что они должны продолжать платить шампар, как и прежде». В июне — июле 1791 г. множество коммун в деп. Соммы, в том числе Камон, Кенуа, Горнуа (все три общины фигурируют в переписке Бабефа)[51], настаивали на прекращении платежа шампара. Деревенский кюре одного из приходов вблизи Дуланса (деп. Соммы) обратился 5 июля 1791 г. в Комитет феодальных прав с жалобой на предписание департаментской администрации, требующей немедленной оплаты шампара: «Жители наших деревень в бешенстве от этого предписания; они понимают всю его ложность; они приписывают его личной заинтересованности большей части членов директории...»[52]

В деп. Уазы, по словам М. Домманже, «возбуждение достигло предела, поскольку для восстановления порядка понадобилось прибегнуть к жандармерии, двум ротам швейцарцев, сотням национальных гвардейцев и кавалеристам 17-го и 18-го полков. Это было своего рода восстанием»[53]. В 1791 г. «борьба против чинша и шампара... с большой силой потрясает в Уазе дистрикты Гранвильс. Бретейля, Кревкера и Клермона»[54]. Как раз в дистрикте Клермона (бывшее графство Вермандуа) одним из центров наиболее упорного сопротивления уплате шампара была коммуна Мери (Méry). Она обратилась с особой петицией в Учредительное собрание. Автором и этой петиции был Бабеф.

Переписка Бабефа с коммуной Мери не уцелела, но в московской коллекции сохранился единственный печатный экземпляр этой петиции с собственноручной пометкой Бабефа: «февраль 1791 г.».

Судя по заголовку, она должна была обосновать отказ коммуны Мери от уплаты чинша и шампара[55]. Но петиция шла гораздо дальше; Бабеф оспаривал в ней законность не только этих повинностей, но и самых фьефов и сеньерий, самый принцип феодальной земельной собственности. Для обоснования своей позиции он изучает труды историков и февдистов. О его изысканиях в этой области мы будем еще говорить несколько позднее, но следы этого изучения имеются уже в петиции коммуны Мери, написанной в январе 1791 г.

---

[51] R. Legrand. Babeuf en Picardie, p. 16. О коммуне Камон см. выше. Мы уже излагали переписку Бабефа с бывшим февдистом Лами из коммуны Горнуа (Hornoy).

[52] Ph. Sagnac et P. Caron. Op. cit., p. 279.

[53] R. Legrand. Babeuf en Picardie, p. 16—17. Легран ссылается на личное письмо к нему М. Домманже.

[54] «Pages choisies...», p. 93, n. 3.

[55] «Pétition sur les fiefs, seigneuries, cens et champarts, par les Commune et municipalite de Méry, canton de Lesglomtier, district de Clermont, département de l'Oise. A l'Assemblée Nationale», («fevrier 1791»). (Б-ка ИМЛ). Во Франции не сохранилось, очевидно, ни одного экземпляра этой петиции. Как пишет Р. Легран «эту петицию оказалось невозможным разыскать» (R. Legrand. Babeuf et Picardie, p. 17). В прекрасной библиографии, составленной М. Домманже («Pages choisies...», p. 6), отмечено, что единственный экземпляр этой петиции хранится в Москве.

В начале петиции Бабеф ставит вопрос о том, каким образом бывшие сеньеры стали собственниками земли, которой они теперь владеют. Для ответа он пользуется трудом известного французского историка Эно (Hénaut) «Abrégé de l'Histoire de France»[56]. Эно различает два вида владений — салическую собственность и военные бенефиции. Крестьянская собственность принадлежит, как комментирует Бабеф, к первому разряду, фьефы и сеньерии — ко второму. К концу второй династии (seconde race) феодалы превратили свои пожизненные владения в наследственные фьефы, узурпировав и земли, и право юстиции, превратив себя в собственников земель, на которых они были раньше только должностными лицами. Так, по словам Эно, «в государстве возник новый вид власти, которому присвоили название сюзеренитета; название, как писал Луазо, столь же странное, как абсурдны самые сеньерии» (mot, dit Loiseau, qui est aussi étrange, que cette espèce de seigneurie est absurde). Бабеф приходит к выводу, что фьефы и сеньерии были, по свидетельству историков, только временным пожизненным пожалованием королей. Они не имели никакого права уступать их в вечное владение; это владение сеньеры узурпировали, пользуясь слабостью королевской власти. В действительности они принадлежат нации. Пришло время для того, чтобы передать «нашим детям то, что принадлежало их предкам. *Если Национальное собрание не вступит во владение фьефами и сеньериями, которые были узурпированы, оно ответит перед потомством...* (курсив наш.— *В. Д.*). Нация должна вернуть себе свои владения»[57].

Это тем более необходимо, что должны быть использованы все средства для полной оплаты государственного долга и, если это будет возможно, для ликвидации всех налогов. Учредительное собрание отняло уже все фьефы у церкви, оно должно вернуть себе и все остальные владения. Феодалам не на что жаловаться. Кто виноват в появлении такого огромного долга? Не крестьяне и не жители городов, а только придворные. Нация будет оплачивать этот долг за счет своих владений, которые она будет распродавать. Фьефы и сеньерии принадлежат только ей. Пусть сеньеры благодарят за то, что у них только отнимут эти узурпированные владения

---

[56] Бабеф цитирует второе издание книги Hénaut, вышедшее в 1768 г. В бумагах Бабефа сохранилась также выписка из книги Эно, не использованная им в петиции (ЦПА ИМЛ, 8 В III). В ней отмечается, что еще в XIII в. сеньер обязан был охранять дорогу «от восхода до захода солнца» и вынужден был платить штраф купцам, если они подвергались ограблению на охраняемом им участке дороги. Отсюда и вытекали платежи вассалов сеньерам за охрану дорог — «péage». К другой выписке из «Journal des campagnes» (№ 43 за 1791 г.) Бабеф делает примечание: «Феодальные повинности были возмещением тех услуг, которые оказывали феодалы» (les redevances féodales étaient le marque et le remplacement du service féodal) (ЦПА ИМЛ, 42 В II). Эти записи свидетельствуют об отмечавшемся уже ранее исторически-диалектическом подходе Бабефа к феодализму и его учреждениям, игравшим, по его мнению, в свое время известную положительную роль, но совершенно ее утратившим.

[57] «Pétition sur les fiefs...», p. 4.

PÉTITION

SUR LES FIEFS,

SEIGNEURIES, CENS & CHAMPARTS,

Par les COMMUNE & MUNICIPALITÉ de MÉRY, Canton de Leſglomtier, Diſtrict de Clermont, Département de l'Oiſe.

A L'ASSEMBLÉE NATIONALE.

MESSIEURS,

LA fidélité que nous avons juré à vos reſpectables Décrets, nous a fermé la bouche pendant quelque tems; mais la péſanteur de nos chaines nous force à faire parvenir une ſeconde fois nos vœux à votre auguſte Aſſemblée. Tenus par la foi de notre ſerment, nous ne dirons rien qui nuiſe au reſpect dû à vos Décrets; nous ne dirons même rien de tout ce qui nous injurie, en dévoilant toutes les injuſtices, qui excitent, avec raiſon, toute notre indignation : nous ne ſervirions, peut-être, que notre ſeule Communauté,

A

Петиция коммуны Мери. В левом верхнем углу рукой Бабефа проставлена дата — февраль 1791 г. (Б-ка ИМЛ).

и не взыщут тех незаконных доходов, которые они так долго присваивали. Неужели нация захочет поощрять «патриотизм», проявленный этими узурпаторами «12—13 июля при взятии Бастилии, 5—6 октября... или в Нанси 30 августа 1790 г.» [58] Это последнее замечание показывает, с каким напряженным вниманием следил Бабеф за всеми перипетиями французской революции. В оценке событий в Нанси, где генерал Буйе, при поддержке парижских национальных гвардейцев Лафайета, устроил подлинную резню восставших солдат полка Шатовье, Бабеф полностью солидаризировался с Маратом и всеми парижскими демократами во главе с редактором «Парижских революций» Лустало [59].

Бабеф закончил свою петицию требованием, чтобы Национальное собрание декретировало, что оно «вступает во владение всеми фьефами и сеньериями, которые были узурпированы бывшими феодалами». Чинш и шампар, установленные в результате их былого могущества, подлежат немедленному уничтожению без всякого выкупа. Земли, входившие в состав сеньерий, должны сейчас же поступить в продажу. Эта операция, как и в отношении церковных имуществ, должна проводиться муниципалитетами. Все сопротивляющиеся продаже этих имуществ будут лишены прав активного гражданина и привлечены к ответственности перед уголовными судами [60].

«Петиция о фьефах» является, несомненно, одним из интереснейших документов, характеризующих позицию Бабефа в аграрном движении. В ней, как и в петиции Монтиньи, прежде всего, отчетливо сформулировано требование ликвидации всех феодальных повинностей без какого бы то ни было выкупа. Конечно, это требование уже к середине 1791 г. получило во Франции широкое распространение. Выдвигая его, Бабеф был только рупором всей деревенской Франции. Однако следует признать, что Бабеф выдвинул это требование намного раньше, уже осенью 1790 г.

Еще больший интерес представляет другое основное требование петиции — о секвестре всей помещичьей собственности. Ж. Лефевр, бесспорно, лучший знаток аграрной истории Франции в годы ре-

---

[58] «Pétition sur les fiefs...», p. 7.

[59] Нельзя не сопоставить с этим позицию, занятую Клодом Фоше. Председательствовавший в эти дни на собраниях парижского муниципалитета, Фоше выступил с приветственной речью по адресу Лафайета и принял его предложение о том, чтобы муниципалитет в полном составе присутствовал на богослужении в соборе Парижской богоматери в честь национальных гвардейцев, погибших при подавлении восстания в Нанси (S. Lacroix. Actes de la Commune de Paris, v. VII, p. 206).

[60] «Pétition sur les fiefs...», p. 13 («...Décrétez: 1° Que la Nation rentre en possession des fiefs et seigneuries qui lui ont été usurpés par les ci-devant seigneurs. 2° Que les cens et champarts, toujours le fruit de la puissance des ci-devant nobles, sont abolis sans indemnité. 3° Que les fonds attachés aux fiefs et seigneuries sont dès ce moment en vente... 5° Enfin, que tous ceux qui s'opposeront à la vente des dits biens, seront déchus du droit de citoyen actif et poursuivis extraordinairement devant les Tribunaux criminels»).

волюции, отмечает, что «крестьяне никогда не выдвигали требования экспроприации тех, кто не были подозрительными или эмигрантами: по общему согласию, конфискации подвергалось только имущество врагов революции, и она всегда имела только политический характер» [61]. «Петиция о фьефах», в которой ясно сформулировано требование *конфискации всех фьефов и сеньерий*, имеет поэтому особое значение.

В 1794 г. Бабеф подчеркивал, что он выдвинул это требование еще до того, как был поставлен вопрос о конфискации имуществ дворян-эмигрантов. «В печатных произведениях я затронул другой, еще более важный для нации вопрос; я доказывал, что почти все огромные домены бывших сеньеров были приобретены незаконно и что если даже не принимать во внимание преступления эмиграции..., нация имеет право вступить в пользование столькими богатыми владениями... Можно представить, как я... озлобил этим всю дворянскую орду» [62].

Это озлобление особенно усилилось в середине 1791 г., когда Бабеф взял на себя защиту арестованных по делу о «восстании» в замке Давенекур и бросил тем самым вызов феодальной аристократии «всей старой Пикардии».

Давенекурский замок являлся резиденцией одной из виднейших аристократических фамилий Сантерра — графов Ламиров. Подобно Суаекурам, Ламиры, занимали высшие посты в дворянско-абсолютистской иерархии округа. Так, «кавалер ордена Святого Людовика. барон Анже и Давенекура» (baron-châtelain d'Hangest et de Davenescourt) Антуан де Ламир был с 1714 г. и до своей смерти (1747 г.) «королевским наместником» всего округа «Перонна, Руа и Мондидье» [63].

Ламиры принадлежали к числу тех дворянских семей, которые особенно цепко держались за свою «власть и доходы». На их отношении к крестьянам Давенекура особенно отчетливо прослеживается феодальная реакция предреволюционных лет. В 80-е годы здесь со всей строгостью было восстановлено право «баналитета» господской мельницы (хотя это право многие историки считают совершенно отжившим накануне революции). Как жаловались жители Давенекура в петиции Учредительному собранию, автором которой, по всей вероятности, был Бабеф, из сетье зерна мельница вырабатывала около 70—80 фунтов муки, но крестьянам выдавалось только 40 фунтов: «Бедняк, живущий под соломенной крышей

---

[61] G. Lefebvre. Etudes sur la Révolution française. p. 253.

[62] Babeuf, ex-administrateur du département de la Somme et successivement du district de Montdidier. Aux comités de Salut public, de sûreté générale et de législation de la Convention Nationale et à Gohier, Ministre de la justice. De l'imprimerie de Prault, cour de la Maison de Justice [1794], p. 41.

[63] E. Coët. Histoire de la ville de Roye, v. I, p. 123. Перонн был местопребыванием gouverneur général, которому подчинен был весь округ, куда входили города — Перонн, Руа и Мондидье. Руа имел еще своего capitaine particulier, который вместе с lieutenant du Roi обладал высшей военной властью.

в этой несчастной местности Давенекур, изнемогает от нищеты, но пища, которая могла бы помешать ему погибнуть, уходит в золоченые храмины Ламиров» [64]. В 1784 г. крестьяне проиграли свой процесс по этому поводу, причем с них взысканы были даже расходы по судопроизводству. Петиционеры особенно жаловались на то, что в 1789 г., «в бедственное время, когда все изнемогали от нужды», по дорогам из Давенекура в Мондидье рыскали «слуги пираты» (les valets corsaires) Ламиров, вооруженные с ног до головы, и беспощадно отнимали хлеб у бедняков, покупавших его в городе, и требовали от них уплаты сборов за помол.

Выиграв процесс по поводу мельницы, г-жа Ламир по наущению, как считали петиционеры, ее «злых гениев» — аббата Пьера Турнье и фактического управляющего, сборщика (le receveur) Сюера [65] осуществила в 1785 г. «триаж». В ее руки попала лучшая часть общинных угодий, на которых крестьяне издавна пасли свой скот. Процесс по этому поводу графиня, обладавшая большими связями, также выиграла. «Узурпацию общинных земель», как указывалось в петиции, владелица Давенекура осуществляла также и по праву «voyerie». «Все дороги на территории Анже и Давенекура густо усажены двумя рядами яблонь», и г-жа Ламир собирает с них плоды совершенно беззастенчиво, как если бы деревья были посажены «на ее собственных землях» [66]. По составленной в 1786 г. описи — «чудовищной коллекции вымогательств» — был восстановлен и введен заново целый ряд повинностей, и замок непрерывно вел крайне разорительные для крестьян судебные дела, неизменно

---

[64] См. «Mémoire des habitants de Davenescourt aux Répresentants de la Nation. Impr. du «Journal de Montdidier», 1888 (BN, dép. des imprimés. Lk[7] 26 158), p. 18. Адвиелль упоминает первое печатное издание петиции, вышедшей под названием «Affaire de la commune de Davenécourt, district de Mondidier, département de la Somme, contre Philippine de Cardevac, veuve de Gabriel Lamire, et ci-devant dame de Davenécourt; cause à ranger encore parmi celles qu'on nomme célèbres. Dans l'exposé de laquelle on démontre combien sont encore formidables les restes de la puissance féodale, et où l'on indique aux Législateurs, ce qui leur reste à faire pour renverser ce vieux colosse. A Noyon, chez Devin. Se trouve a Mondidier. 1791»). По-видимому, ни одного экземпляра этой петиции не сохранилось. В 1888 г. она была перепечатана в Мондидье, сперва в газете «Journal de Montdidier», затем отдельным изданием, фотокопия которого любезно была нам прислана Ж. Дорвалем. Хотя Бабеф в одной из своих рукописей (ЦПА ИМЛ, 35 В 11) и отрицал свое авторство, другие его заявления (см. ЦПА ИМЛ, 22 В 11), содержание и стиль петиции дают полное основание считать ее произведением Бабефа.

[65] Венсан Сюер был сам крестьянином из Дамери. «Нет ничего опаснее,— указывалось в петиции,— беспринципного крестьянина, который отходит от своего сословия и приближается к сильным мира сего» («Mémoire des habitants...», p. 11).

[66] «Mémoire des habitants...», p. 22. Один из арестованных по давенекурскому процессу в петиции, составленной также Бабефом, жаловался, что тесно посаженные фруктовые деревья «бросают тень на участки земли, граничащие с самыми отдаленными тропинками, и вследствие этого лучшая часть земли становится неплодородной» (ЦПА ИМЛ, 28 В 11).

заканчивавшиеся благоприятно для сеньерии, в силу зависимости от нее всего судебного аппарата.

Конфликты между г-жой Ламир и ее «держателями» (tenanciers) обострились уже в 1789 г. 3 июня 1790 г. «графиня Филиппина Ламир де Давенекур» жаловалась в комитет феодальных прав Учредительного собрания на крестьян, которые захватывают урожай с ее новых лугов. «Бессильный муниципалитет,— писала графиня,— отказывает мне в поддержке и предостерегает даже от обращения за помощью к жандармерии, слишком слабой, чтобы разогнать мятежные сборища многочисленного населения прихода. Чувствуя поддержку в соседних деревнях, охваченных духом анархии, оно угрожает расправой членам муниципалитета и всем должностным лицам в случае, если они попытаются что-либо предпринять для защиты моей собственности»[67]. Несмотря на это, г-жа Ламир продолжала цепко отстаивать свои привилегии. Характерно, что она выступила даже покупательницей на торгах, где распродавали церковные имущества, и приобрела значительный домен.

Решающее столкновение произошло в феврале 1791 г. Муниципалитет коммуны решил обратиться к г-же Ламир с петицией (pétition expositive). В ней излагались крестьянские требования возврата общинных земель, упразднения мельничного баналитета, права voyerie, несправедливых нововведений кадастра 1786 г. и т. д. Муниципалитет предлагал г-же Ламир вступить в переговоры о выкупе феодальных повинностей. Петиция была составлена в примирительном тоне, муниципалитет явно искал соглашения[68]. Но в замке господствовали совершенно иные настроения: в нем делались боевые приготовления, вся челядь была вооружена.

Муниципалитет предупредил графиню, что явится к ней для переговоров 25 февраля. В назначенный день сперва мэр (бывший священник Бло), а затем и все остальные были впущены в замок, и за ними тотчас же были закрыты ворота. Вооруженные слуги вышли во двор замка, а г-жа Ламир немедленно послала конного гонца в Мондидье за жандармерией. Но вся коммуна Давенекур была уже с утра на ногах. Появление гонца, мчавшегося во весь опор, не могло пройти незамеченным. Стало известно и о том, что ворота закрыты, и родилось опасение, что муниципалитет попал в заранее заготовленную ловушку. «В замке убивают» (on se tue au château). Слух об этом распространился немедленно, ударили в колокол, и население деревни ринулось к замку. Г-жа Ламир вынуждена была распорядиться выпустить членов муниципалитета из замка.

---

[67] Ph. Sagnac et P. Caron. Op. cit., p. 545—546.

[68] Mémoire des habitants...», p. 40—42; ЦПА ИМЛ, 22 и 28 В II. Петиция кончалась заверениями в стремлении муниципалитета добиться соглашения («de sceller avec la Dame Lamire une réconciliation qui ferait époque pour elle et pour les autres habitants»).

Но примирительная позиция муниципалитета, вероятно, уже и раньше вызывала недовольство в Давенекуре. Начали раздаваться голоса — не заключил ли муниципалитет сделку с графиней? Толпа ворвалась в замок. Ее вожаки отправились в покои г-жи Ламир для переговоров. На этот раз неизбежность уступок стала очевидной. Графиня заявила, что принимает все требования петиции. От нее и от присутствовавшего тут же ее сына потребовали письменной расписки, которая была сейчас же дана. В знак примирения во двор выкатили бочки с сидром. Однако «народ с достоинством отказался от этого предложения» [69].

Впрочем, в замке было уже не до сидра. Толпа потребовала от графских слуг сдать оружие; распространился слух, что в замке заготовлено несколько сотен ружей [70]. Но слуги отказались подчиниться, и один из них, Пьер Демонсо, ударил стоявшего с ним рядом крестьянина ружьем. Тот вырвал его из рук; заряженное ружье упало на землю. Произошел выстрел, который угодил Демонсо в руку. Через несколько дней он умер.

Хотя во всем случившемся виноват был сам Демонсо, г-жа Ламир и аббат Турнье, в течение пяти часов скрывавшийся на чердаке, поспешили использовать этот инцидент. На следующий же день (26 февраля) г-жа Ламир обратилась с жалобой [71]. Всему происшедшему был придан сугубо трагический характер. Над головой г-жи Ламир были будто бы в течение нескольких часов занесены три обнаженные сабли, а одна из крестьянок накинула ей на шею веревку и крикнула: «Погибай!» [72] Делу была дана самая широкая огласка: в «Mercure de France» появилось подробное описание, составленное, по-видимому, самим же аббатом Турнье [73]. На судебные власти оказал также давление министр юстиции Дюпор дю Тертр. Прокурор-синдик Мондидье, Боскийон (Bosquillon), опросив только свидетелей обвинения, сразу стал на сторону г-жи Ламир. Был издан приказ о немедленном аресте шести жителей Давенекура, в том числе целой семьи Байи (отца, матери и двух сыновей). Помимо них обвинение было предъявлено еще 11 крестьянам. Следствие по делу арестованных шло довольно медленно. В мае в Мондидье явилось 100—150 крестьян из Давенекура, требовавших ускорения следствия и администрация дистрикта испугалась, что они штурмом освободят заключенных. Но трибунал оставался

---

[69] ЦПА ИМЛ, 23 и 35 В II.

[70] На кухне замка было действительно обнаружено 15—16 ружей, заряженных пулями, крупной дробью, головками гвоздей.

[71] В архиве сохранились копии жалоб г-жи Ламир и показаний Демонсо 26, 27 февраля и 1 марта 1791 г. (ЦПА ИМЛ, 16 В II; 37 В III).

[72] Там же.

[73] «Mercure de France», samedi, 19 mars, 1791, № 12, p. 225—226 («Франция представляет собой картину ежедневно совершаемых ужасных преступлений народной тирании... Каждую неделю приходит сообщение о каком-нибудь новом злодеянии в этом роде. Вот самое последнее, подлинность которого мы заверяем на основании письма из Амьена от 28 февраля...»).

непреклонным — только против двоих обвинение было снято. Семья Байи продолжала оставаться под арестом.

За те четыре дня, которые Бабеф провел в апреле в тюрьме Мондидье, он успел с ней познакомиться. Старший сын Байи, участник взятия Бастилии, обратился к нему за помощью, и Бабеф со всей энергией ринулся в бой. Уже 7 июня он обратился к «судьям трибунала дистрикта Мондидье» с требованием ускорить следствие по делу семьи Байи, защиту которой он взял на себя, и изменить условия ее тюремного заключения. Эти условия, уцелевшие от времен «варварского средневековья», были достаточно хорошо известны самому Бабефу: «Отвратительные, страшные подземелья, мрачные и неосвещенные, куда приходится спускаться на пятнадцать футов под землю, прогорклый воздух, который душит и убивает, леденящая сырость». Он требовал также, чтобы обвиняемых не водили на допрос в кандалах [74]. Все эти настояния оказались безуспешными.

8 июня Бабеф написал подробное заявление от имени «П.-Ф. Байи, победителя Бастилии», с изложением всего дела [75]. Он присутствовал при всех опросах свидетелей, при всех очных ставках. 23 июня он писал жене из Мондидье: «У меня нет времени тебе писать, мой дорогой друг, только наспех пару слов. Я не уеду отсюда на праздники, потому что в воскресенье или понедельник будут еще допрашивать свидетелей. Я все-таки вырвусь в ближайшие дни и прибегу в Руа, но сейчас же вновь вернусь сюда» [76].

Объясняя нуайонскому клубу «Друзей конституции», куда он вступил в мае 1791 г., причины своего более чем двухмесячного отсутствия, Бабеф сослался на свои хлопоты по Давенекурскому делу, «поглотившему все его время». Ему пришлось «составлять объемистый мемуар, находящийся сейчас (июль 1791 г.— *В. Д.*) в печати, настоящую защитительную речь для этого поразительного процесса, несколько петиций от имени отдельных лиц, которые нужно было разослать в разные инстанции; надо было присутствовать лично на многочисленных очных ставках и при оглашении свидетелями данных ими показаний (récolements), извлекать документы из громадного следственного дела» [77].

Бабеф придавал большое значение Давенекурскому процессу. Он с полным основанием видел в нем доказательство того, что французский феодализм далеко еще не сломлен. После двух лет революции, в конфликте г-жи Ламир, одной из наиболее ненавист-

---

[74] ЦПА ИМЛ, 27 В II («A Messieurs les Juges du tribunal du District de Mondidier expose F.-N.-C. Babeuf, conseil d'Alexis de Bailly, de sa femme et de ses deux fils, coaccusés et détenus en prison de ce tribunal», 7 juin 1791).

[75] ЦПА ИМЛ, 28 В II.

[76] ЦПА ИМЛ, 51 В VIII.

[77] ЦПА ИМЛ, 22 В II. 1 июля Бабеф писал А. Байи, в тюрьму: «Не теряйте мужества, дорогие друзья, вы увидите меня в воскресенье и узнаете все, что я для вас сделал» (AD de Somme $F^{129}/_{62}$ по копии; адресовано: «A concierge de prison à Mondidier pour remettre à A. Bailly»).

ных представительниц сеньериальной аристократии с крестьянской общиной, судебные власти вновь оказались полностью на ее стороне. Бабеф не рассматривал этот конфликт как чисто локальный. Он видел в нем проявление и результат все той же робкой, непоследовательной, нерешительной аграрной политики Учредительного собрания, за которой он продолжал чрезвычайно внимательно следить [78]. В 1791—1792 гг. она стала такой же мишенью для его ударов, какой была финансовая и налоговая политика собрания в 1790 г. Все эти свои мысли он и изложил в уже упомянутой нами пространной печатной петиции.

Давенекурское дело — одно из судебных дел, которые «можно отнести к числу знаменитых». Оно показывает, как «огромны еще остатки феодальной власти». Но это неразрывно связано с законодательством Национального собрания. «В своем Мемуаре,— писал Бабеф нуайонскому клубу в июле 1791 г.,— я стремился показать злоупотребления и страшные бедствия, которые еще принесет чудовищный феодализм, если он сохранится в тех рамках, которыми ограничило его Национальное собрание. Я показал, что удары, нанесенные им этой гидре, слишком слабы (sont par trop faibles) и что если следующее законодательное собрание не решится полностью ее уничтожить, феодализм безусловно возродится из своего собственного пепла. Я указываю справедливые принципы, которые дадут возможность, без каких-либо полумер, беспощадно и безоговорочно разрушить опасные остатки старого феодального дерева. В петиции будущему собранию, которой оканчивается Мемуар, я указываю разумные шаги к полному осуществлению пророчества Рейналя, которого, несмотря на шарлатанскую проделку под его именем на заседании собрания в июне месяце, я продолжаю относить к числу наших великих людей: «Безумие феодальных законов,— заявил он,— не может длиться и скоро будет затерян даже след этих отвратительных обычаев»» [79].

Петиция Бабефа проникнута страстной уверенностью в том, что революция сумеет до конца уничтожить феодальную аристократию.

---

[78] В архиве сохранился печатный экземпляр инструкции Учредительного собрания от 15 июля 1791 г. о порядке ликвидации сеньериальных прав с пометками Бабефа, очень враждебными собранию. Так, по поводу пункта, предусматривавшего, что владение каким-нибудь правом в течение 20—30—40 лет считается тем самым узаконенным, Бабеф пишет на полях: «Итак, там, где имеется чудовищное беззаконие, вы его освящаете». Пункт о том, что крестьянам ни при каких условиях не должны передаваться в руки феодальные акты (les titres), Бабеф сопроводил пометкой: «А сеньерам, которые могут уничтожить невыгодные им акты, доверяют их хранение» (ЦПА ИМЛ, 1 В II). Из пометок ясно отрицательное отношение Бабефа к делению феодальных прав на личные и имущественные («но мое имущество — это и моя личность»). Однако на этом разделении покоилось все юридическое обоснование выкупа феодальных прав.

[79] ЦПА ИМЛ, 22 В II. «Пусть возможно скорее осуществится полностью это интересное предсказание. Это сейчас та мечта, которая мной владеет, и эта надежда так же привлекает меня, как раньше уничтожение всех прежних налогов».

«Да, г-жа Ламир,— пишет он,— наступило, наконец, время, когда меч законов обрушится на вас, как и на всякого другого преступника... Вы не видите, г-жа Ламир, что этот дворец (в Давенекуре.— *В. Д.*), это великолепное каменное здание, в котором вы создали столько алтарей своей семье, постигнет судьба Сиона и Иерусалима; от него не останется камня на камне. Все это свершится еще при жизни нашего поколения. Ваши потомки будут еще счастливы, если им удастся идти за плугом, которым не должны были пренебрегать их гордые предки; им будет льстить возможность соединить свою судьбу с судьбой добродетельных дочерей наших земледельцев, которые никогда не покидали своего полезного, достойного, нужного занятия. Тогда память о древних дворянах станет уделом презрения и проклятия... Потомкам древних обитателей замков придется больше заботиться о том, чтобы скрыть свое дворянское происхождение, чем их предкам о том, чтобы искать его истоки в самом темном, давнем прошлом» (de la faire remonter dans l'obscure nuit des temps) [80].

О впечатлении, произведенном петицией в Пикардии, говорит письмо к Бабефу его брата: «Я прочел с большим интересом ваш мемуар по Давенекурскому делу, о котором я слышал до сих пор только из уст аристократов. Невиновность обвиняемых доказана, так что не оставляет желать ничего лучшего... Некоторые находят, что изображение характера Турнье и Сюера немного преувеличено и написано пером, склонным к личным выпадам. Г. Тондю, член директории департамента, который прочел мемуар сейчас же после того, как он появился, заверил меня недавно, когда я его посетил, что он одобряет самую главную часть мемуара, но считает измышлением ту часть, где вы излагаете, в своем обращении к законодателям, происхождение феодального строя» [81]. Судя по этому отзыву, легко представить, какое озлобление должна была вызвать петиция у самого аббата Пьера Турнье.

Уцелела копия письма аббата от 24 июля 1791 г. из Амьена, куда он переехал после событий в Давенекуре, на адрес трибунала в Мондидье. Турнье объяснял в нем свой отказ явиться вторично для дачи показаний. Оно проникнуто ненавистью к «защитнику» (le Conseil), т. е. к Бабефу, к его «поджигательному памфлету» (diatribe inflammatoire), этому «гнусному пасквилю» (infâme libelle). Первой явки в суд (18 апреля) было совершенно достаточно, но «защитник» стремился выиграть время для рассылки своего «пасквиля», для возбуждения населения соседних деревень в надежде на то, что оно явится в Мондидье во время вторичного допроса и «учинит расправу». Уже во время первой поездки, жалуется Турнье, его осыпали оскорблениями, преследовали «враждебными криками», угрожали тем, кто дал ему пристанище. Администрато-

---

80 «Mémoire des habitants...», p. 86—87.
81 ЦПА ИМЛ, 34 В VI.

ры деп. Соммы настаивали на том, чтобы дать ему эскорт для охраны, но аббат опасается, что это только усилит «народное возбуждение» и ускорит «развязку трагедии» [82].

Отказавшись от поездки в Мондидье, Турнье избрал более безопасный путь борьбы с Бабефом: он издал против него анонимный памфлет, озаглавленный «Изобличение и опровержение перед государственным обвинителем в Мондидье подлого пасквиля, озаглавленного: Дело коммуны Давенекур и т. д.» [83] Шестьдесят семь страниц этого памфлета почти целиком направлены против Бабефа. «Несчастный народ,— писал Турнье,— достаточно ли ты знаешь своего порочного гения, который подает тебе советы и властвует над тобой? Он пользуется твоим именем, чтобы излагать самые отравленные принципы (maximes), которыми он начинен; ты следуешь им, подписываешься под ними, не будучи с ними знаком, ты выступаешь под влиянием нескольких жестоких подстрекателей, которые подменяют своими пороками твои исконные добродетели... Извергни его из своего лона, верни его тюрьмам, которые его требуют. Он пользуется твоим безумием для того, чтобы публиковать поджигательную петицию, в которой он выражает от твоего имени антиконституционные пожелания замены республикой монархического правительства, основы которого закрепили мудрые законодатели (мы еще вернемся к этому упреку.— *В. Д.*); он учит тебя покушаться на собственность, добиваться раздела земель, принадлежащих бывшим сеньерам».

«Разоблачение» Турнье полно грубейших выпадов против Бабефа, «зловещей личности, слишком хорошо известной в окрестностях низостью своих действий и бесстыдством своих принципов, которые рано или поздно вновь приведут его в темницу, откуда он и не должен был выходить... Он, вероятно, будет вспоминать и считать самыми чистыми, если не самыми блестящими днями своей жизни, те годы, когда он пас индюков в Дамери, пока ему не удалось проскользнуть в пыльные архивы этого дома и стать, благодаря своему природному инстинкту жадности, писцом и подручным февдиста... Переходя от преступления к преступлению, он влачил свое существование от одного ареста до другого». В тюрьме Мондидье этот «злодей» познакомился с арестованными по давенекурскому процессу, и с тех пор он стал «пружиной и главным

---

[82] ЦПА ИМЛ, 36 В III.

[83] «Dénonciation à M. l'Accusateur public du Tribunal de Mondidier et Réfutation d'un libelle infâme intitulé: Affaire de Davenescourt, souscrit par soixante-neuf individus de cette Commune, en faveur des assassins de ladite Dame, dont quatre sont detenus dans les prisons de Mondidier... Par un ami de l'honneur et de la vérité». A Amiens, de l'imprimerie de J. B. Caron l'aîné 1791 (B-que d'Amiens. H. 3669[5]). Фотокопия этого памфлета любезно прислана нам Ж. Дорвалем. В. Адвиелль упоминает его в своей библиографии, но, по-видимому, не ознакомился с ним, так как приписывает авторство этого «более чем пасквиля», направленного против Бабефа, самому же Бабефу («Подписано Ги Де-Ламир, но редактировано Бабефом»,— V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 504).

действующим лицом всех интриг в этой местности, в которой он разжигает своими выступлениями и советами эпидемию восстания и беспорядков, являющихся его излюбленной стихией. Напоминая тех зловещих птиц, которых привлекает запах падали, он витает над Давенекуром, который часто посещает», он связан со всеми, «наиболее развращенными лицами, живущими в приходе»; во всей местности его считают «*самым опасным агитатором и мятежником*» [84] (курсив наш.— *В. Д.*). Бросается в глаза одно обстоятельство: как и муниципалитет Руа во время событий 1790—1791 гг., аббат приписывает именно Бабефу — и, вероятно, не без известного основания — роль не только защитника, но и вдохновителя движения в Давенекуре.

Пасквиль Турнье попал в руки Бабефа только в сентябре 1791 г. Он решил немедленно на него ответить. Сохранился черновой вариант этого ответа, по-видимому, не вышедшего в свет. Он озаглавлен так: «Второй мемуар коммуны Давенекур, составленный защитниками обвиняемых из этой коммуны и служащий ответом на клеветнический памфлет мошенника, пришедшего в бешенство из-за того, что с него сорвали маску» [85].

Ответ Бабефа очень убедителен, полон сарказма и едкой иронии, страстной уверенности в своей правоте. Бабеф дал беспощадную отповедь Турнье — этому «светскому священнику», «аббату гренадеру» и его «более чем клеветническому пасквилю».

Подготовляя свой ответ, Бабеф выписал на отдельном листке все оскорбительные эпитеты, которыми щедро наделил Турнье давенекурцев и особенно их адвоката. «Чтобы избежать монотонности,— как иронизировал Бабеф,— он применил эпитеты всех цветов» [86]. Жителей Давенекура Турнье называет «заблудшими и неблагодарными», «чудовищами», «бешеными, кровожадными гиенами», «ордой каннибалов», «ордой убийц и тигров, жаждущих крови» [87]. Но особенно беспощаден Турнье к Бабефу. Он называет его «мерзким злодеем», «поджигателем», «ядовитой рептилией», «чудовищем», «хищной гиеной», «вампиром», «гнусным пасквилянтом», «бичом общества», «защитником самых мрачных преступлений», «подлым клеветником», «бесстыдным лгуном», «гнусным крамольником», «низким подонком», «развращенным существом» и т. д. [88] Можно поразиться хладнокровию, с которым полемизиру-

---

[84] «Dénonciation...», p. 2—3.

[85] ЦПА ИМЛ, 35 В II («Second Mémoire de la Commune de Davenécourt. Par les défenseurs des Accusés de cette Commune servant de réponse au pamphlet très diffamatoire (presque libelle) d'un fourbe furieux parce qu'on lui a arraché son masque. 25 septembre 1791»).

[86] Там же. «Этот грязный памфлет,— писал о Турнье Бабеф в другой своей рукописи,— содержал против меня все оскорбления, которые только знает язык» (ЦПА ИМЛ, 12 В III).

[87] ЦПА ИМЛ, 35 В II; «Dénonciation...», p. 38, 45, 51.

[88] ЦПА ИМЛ, 35 В II; «Dénonciation...», p. 2—3, 4, 7, 12, 21, 42.

ет Бабеф, избравший эпиграфом к своему ответу пословицу: «Оскорбляет только истина» (il n'y a que la vérité qui offense).

С большим достоинством он отвечает на все личные выпады, направленные против него, как «пастуха индюков», «подручного февдиста», «гадины, раздирающей грудь своей матери». Бабеф ставит себе в заслугу «разоблачение подлинной истории феодальных злодеяний». «Если эта история,— пишет он,— полезна миру, если ее оглашение может помочь освобождению земли от последних разветвлений феодального дерева, какое значение имеет для меня, что в каком-то феодальном доносе будет сказано, что мое перо является жалом гадюки, раздирающей грудь своей матери» [89].

Характерно, что даже в этом произведении, всем своим острием, направленным против феодализма, Бабеф несколько раз упоминает о рабочих. Так, он говорит, что нынешний «сионский храм» — Давенекурский замок — заменяет жилища для крестьян и рабочих (du peuple laboureur et du peuple ouvrier). По поводу «смехотворного» оправдания Турнье отчуждения общинных земель г-жей Ламир тем, что на них созданы благотворительные мастерские для «рабочих Давенекура», Бабеф возмущенно писал: «Я негодую. Нельзя до такой степени оскорблять бедняков» (le pauvre peuple) [90].

Верный идее «государственного образования» (éducation nationale), которую он защищал еще в «Постоянном кадастре», Бабеф, отвечал на упреки Турнье в том, что «невежественный народ» даже слово «аристократ» произносит «истократ»: «Имейте терпение! Я надеюсь, что у нас скоро будет государственное образование и тогда господа-аристократы вы получите удовлетворение — вас всюду будут совершенно правильно называть а-ристо-кра-ты» [91].

Бабеф закончил свой «второй мемуар» обращением к жителям Давенекура: «Вас призывают обесчестить себя и отречься от участия в самом похвальном деле, в защите своих братьев, которых варвары хотели принести в жертву. Отрекитесь, покиньте их, признайте их виновными! Завтра же их уделом станет эшафот. Но, когда победит феодальная орда, послезавтра она пошлет на казнь и вас» [92].

Свою борьбу за освобождение давенекурских узников Бабеф продолжал до осени 1791 г. 14 сентября, перед окончанием своих

---

[89] ЦПА ИМЛ, 35 В II.

[90] Там же. По поводу хвастовства Турнье, что в Давенекуре 60 беднякам, по его предложению, четыре раза в неделю бесплатно раздавали хлеб и суп, Бабеф иронически уподоблял его апостолам Петру и Павлу, «но они не хвалились раздачей милостыни в печатных памфлетах» (там же).

[91] Там же.

[92] Там же. В 1793 г. против г-жи Ламир и Турнье был возбужден процесс в Париже, и они были отправлены в тюрьму (см. A. Tuetey. Répertoire des sources..., v. IX. № 1185, 1208); сыну г-жи Ламир удалось эмигрировать. По сообщению газеты «Journal de Montdidier» (№ 40, 1888 г.) Венсан Сюер с 1796 г. стал мэром Давенекура. На этом посту его сменил Ламир-сын (1807—1817), после своего возвращения из эмиграции.

работ, Учредительное собрание приняло решение об амнистии по всем делам, связанным с «революцией» и участием в «мятежах». В основном эта мера рассчитана была на смягчение участи контрреволюционеров. Но Бабеф решил немедленно ее использовать. Он обратился к министру юстиции Дюпору дю Тертру, настаивая на том, что давенекурцы подлежат освобождению на основании этого постановления, как бы ни оценивать их действия. 3 октября 1791 г. он переслал это заявление аббату Купе, избранному депутатом Законодательного собрания от деп. Уазы и находившемуся уже в Париже (об их взаимоотношениях мы будем еще говорить дальше), с просьбой лично вручить его министру. «Вы ознакомитесь,— писал Бабеф,— с целью этого обращения, прочитав его. Дело идет о том, чтобы использовать это средство амнистии (d'un pardon) и добиться для пострадавших того, что они должны были бы получить от деятелей юстиции, если бы только она существовала во Франции» [93]. Не дожидаясь ответа от Купе, Бабеф написал второе обращение к Дюпору дю Тертру 12 октября [94].

13 октября состоялось заседание Генерального совета коммуны Давенекур вместе с мэром и членами муниципалитета. Им было сообщено о всех шагах, предпринятых Бабефом. Было решено, что в случае — «совершенно невероятном»,— если амнистия не будет применена, поручить «г-ну Бабефу» принять на себя защиту не только семьи Байи, но и всех обвиняемых и принять меры к ускорению судебного разбирательства. Кроме того, независимо от исхода дела, постановлено было издать печатный ответ на «клеветнический памфлет» [95].

Уже на следующий день, 14 октября, Купе сообщил Бабефу, что Дюпор написал в Мондидье об освобождении узников [96]. Бабеф немедленно туда отправился. «В субботу утром (15 октября.— *В. Д.*),— писал он Купе уже после возвращения в Руа,— я приехал в Мондидье в тот момент, когда должен был собраться трибунал и заслушать письмо, полученное государственным обвинителем от министра юстиции. Арестованные были немедленно освобождены. Я присутствовал при этом у роковых ворот; я прошел на площадь, сопровождая потерпевших, под приветственные клики городских жителей и крестьян, которые находились здесь, так как был базарный день. Множество людей окружило защитника и бывших обвиняемых перед тем, как они отправились в Давенекур. Туда заранее посланы были гонцы, чтобы известить поскорее о счастливой новости. Вся деревня в сопровождении музыки встретила нас за лье до Давенекура... При входе в деревню ударили в колокола, все отправились в церковь, исполнили «Тебя, господи, хвалим», потом начались танцы; они продолжались весь следующий день в воскресенье.

---

[93] ЦПА ИМЛ, 111 В VI.
[94] ЦПА ИМЛ, 69 В IV.
[95] ЦПА ИМЛ, 36 В II.
[96] ЦПА ИМЛ, 112 В II.

Праздник закончился фейерверком; собрались граждане всех возрастов, чтобы завершить чествование победы над ненавистным феодализмом»[97]. Эта сценка напоминает описание встречи Бабефа в Пон-Сен-Максансе и в Руа летом 1790 г. после возвращения из Консьержери. Не часто на долю Бабефа выпадала радость победы!

«Я защищал официально,— вспоминал Бабеф в 1794 г.,— множество санкюлотов, притесняемых контрреволюционерами; в том числе в июле 1791 г. семнадцать обвиняемых трибуналом Мондидье за участие в восстании против феодальных тиранов... Я вырвал этих несчастных из рук смерти, которой требовал для них докладчик суда»[98].

Сейчас же после окончания Давенекурского процесса Бабеф обратился с «Важным уведомлением ко всем деревням»[99]. Оно носит печать этого дела — и во вступительной, и в заключительной части Бабеф отвечает на памфлет Турнье, причем сообщает, что «все заключенные по этому делу освобождены 15 октября 1791 г. и с них сняты какие бы то ни было обвинения». Как и «уведомление» 1789 г., оно имело свои особенности. Материальное положение Бабефа было до крайности затруднительным. Обращаясь к «гражданам собственникам», он надеялся на дела, за хлопоты по которым рассчитывал получить вознаграждение. Это обстоятельство нельзя забывать при анализе «Уведомления».

Бабеф решительно осуждал в нем аграрное законодательство Учредительного собрания: «Я ознакомился со всеми декретами в отношении феодального строя и, к сожалению, нашел в них вместо полного, подлинного его уничтожения, лишь ограниченное, двусмысленное, иллюзорное. Я страстно хотел бы увидеть признание принципа, что земля должна быть так же свободна, как люди, которые ее населяют»[100].

В связи с этим он выдвинул две задачи. Нужно, прежде всего, «одержать победу (triompher) над всеми хитростями и увертками бывших сеньеров», к которым они прибегают, чтобы избежать проверки своих «titres» и задержать выкуп прав. Бабеф предлагал «гражданам собственникам» свои услуги для проверки всех феодальных декретов и для того, чтобы «руководить всей операцией по

---

[97] ЦПА ИМЛ, 37 В II («Roye, 21 octobre 1791») Бабеф сообщил Купе, что он заготовил еще одно обращение к Дюпор дю Тертру, «стиль которого... не понравился бы министру», но освобождение арестованных сделало его излишним. См. также ЦПА ИМЛ, 12 В III.

[98] G. Deville. Notes inédites de Babeuf sur lui-même». («La Révolution française», t. 49, 1905, p. 37—44). Дата, указываемая Бабефом,— июль 1791 гг.,— объясняется, вероятно, тем, что в июле вышла петиция, посланная в Париж министру юстиции и членам комитета уголовного законодательства за подписью 69 жителей Давенекура (см. ЦПА ИМЛ, 36 В III, где приведены все подписи и указана дата — 28 июля).

[99] ЦПА ИМЛ, 12 В III («François-Noël Camille Babeuf, citoyen français, habitant de Roye, à tous les citoyens que ces présentes verront. *Avis important pour toutes les campagnes*»).

[100] Там же.

выкупу». Он предусмотрительно предупреждал, что будет браться лишь за такие дела, где к его совету прибегнут с самого начала.

В этой части «Уведомления» виден только Бабеф, мучительно ищущий каких-нибудь средств для содержания своей семьи [101]. Но Бабеф — вожак крестьянского движения — ясно выступает там, где он определяет вторую задачу: нужно воздействовать (il faut travailler) на Законодательный корпус и добиваться «скорейшего полного уничтожения» всех феодальных прав без какого бы то ни было выкупа [102].

«Я предупреждаю,— писал Бабеф,— что веду сейчас в этом направлении большую работу совместно с депутатами Национального собрания (конечно, он явно преувеличивал — в лучшем случае он мог рассчитывать на одного лишь Купе.— *В. Д.*), которые, когда она будет завершена, выступят и предложат ее на рассмотрение всего Сената. Речь идет о том, чтобы: 1) указать на все то, что ускользнуло от членов феодального комитета, которые подготовляли декреты Учредительного собрания о феодализме; 2) определить на основе исторических изысканий, основанных в большей мере на архивах, чем на книгах, все, что является узурпацией в сеньериальных владениях или повинностях; 3) предложить декреты, в которых будет провозглашено их действительное уничтожение, без всякого выкупа» [103].

В бумагах Бабефа мы находим несколько вариантов петиции, точно соответствующей этому плану. Одна из них озаглавлена: «Петиция всех деревенских граждан Национальному собранию». Она начинается так: «Г. Мерлен, председатель феодального комитета Учредительного собрания, ввел в заблуждение феодальный комитет. Феодальный комитет ввел в заблуждение Учредительное собрание. Обманутое Учредительное собрание обмануло народ. Народ протестует сейчас против ошибки Учредительного собрания, феодального комитета и г. Мерлена. Законодатели! Вот великий вопрос, который стоит сейчас во всех французских деревнях,— вопрос об уничтожении феодализма» [104].

Но все эти документы относятся уже к другой, более поздней стадии участия Бабефа в аграрном движении. Изложение всех пе-

---

[101] Для характеристики материальной нужды Бабефа см. письмо к нему некоей «вдовы Шарр» из Парижа (17 декабря 1790 г.): «Вы поражаетесь, вероятно, моему терпению, но вы им злоупотребляете. Вот уже четыре месяца, как уехала ваша супруга, а от вас никаких сведений. Разве вы забыли, что я сжалилась и разрешила ей забрать свои вещи, которые я вправе была бы задержать, я имела бы, по крайней мере, залог. Вы должны были заплатить мне не позднее конца сентября; я предупреждаю вас, что если вы не вернете мне денег до конца месяца, я пошлю расписку вашей жены кому-нибудь, кто мне оплатит») (ЦПА ИМЛ, 102 В VI.— «A Monsieur Babeuf, archiviste à Roye, en Picardie»).

[102] ЦПА ИМЛ, 12 В III.

[103] Ibid. («proposer des Décrets, qui en prononceront l'abolition réelle et sans indemnité»).

[104] ЦПА ИМЛ, 44 В II.

рипетий Давенекурского процесса завело нас несколько вперед и заставило отклониться от хронологической последовательности.

Летом 1791 г. революционная Франция пережила серьезнейшее потрясение, связанное с бегством короля Людовика XVI. Какова же была позиция Бабефа в дни Вареннского кризиса?

IV

К весне 1791 г. во Франции и, прежде всего, в столице, заметно усилилось демократическое и социальное движение. Некоторое улучшение экономической конъюнктуры привело к росту стачечного движения: как известно, в Париже, в апреле — мае 1791 г. бастовало несколько десятков тысяч рабочих. Это была самая крупная за все годы революции волна стачек, и она привела к принятию Собранием 15 июля 1791 г. пресловутого закона Ле-Шапелье, запретившего создание рабочих ассоциаций и коалиций.

Рост аграрного движения, столкновения в армии, стачки, восстание на Сан-Доминго, конфликты с церковью, рост активности народных обществ и клубов — все эти факторы вели к все более отчетливому и резкому размежеванию между либеральными и демократическими кругами. Уже после событий в Нанси (август 1790 г.) обозначилось поправение еще одной группы либеральных депутатов Учредительного собрания, во главе с Ламетами — будущих «фельянов», еще недавно выступавших вместе с крайне левым крылом Собрания против Мирабо, против двухпалатной системы и абсолютного вето. В Учредительном собрании росло стремление всячески ограничить инициативу народных масс, лишить их возможности оказывать организованное давление на Собрание, департаментские и муниципальные власти.

Все эти тенденции обострились и обнажились с чрезвычайной силой в момент бегства короля и после его задержания в Варение. Вареннский кризис явился заключительным звеном этого процесса. Впервые за годы революции в столице произошло вооруженное столкновение между либеральной буржуазией и силами демократии. Расстрел на Марсовом поле 17 июля 1791 г., раскол якобинского клуба, образование клуба фельянов, поддержка им Людовика XVI знаменовали новый этап в развитии революции, свидетельствовали об отходе от нее новых групп либеральной буржуазии и дворянства.

Все эти события не были полной неожиданностью для Бабефа: как мы видели, он достаточно критически и настороженно относился и к политике королевского двора, и к деятельности большинства Учредительного собрания. «Что предсказывали дальновидные патриоты,— писал Бабеф в одной своей неоконченной рукописи, относящейся к этому периоду,— в связи с роковым вето? Они предвидели, что подлинная законодательная власть будет уничтожена, а исполнительная власть, узурпировав ее, незаметно вернется к

деспотизму, хотя нация льстит себя надеждой, что она от него освободилась...»[105]

Бабеф во-время оценил значение народных обществ и клубов. В мае 1791 г., вскоре после своего освобождения из тюрьмы в Мондидье, Бабеф вступил в Нуайонский клуб. Он старательно готовился к своей вступительной речи; отрывки из нее мы уже приводили. В архиве сохранилось несколько ее вариантов[106]. Еще до бегства короля он очень критически оценивал политическую обстановку в стране: «Не стала ли Франция, после того как она вышла на одно из первых мест среди наций, с невероятной быстротой развиваться в противоположном направлении и не отбрасывает ли нас конституция,— или, вернее, осмелимся это сказать, ужасающие пороки этой конституции,— назад, туда, где мы находились как раз до ее появления»[107].

По мнению Бабефа, Франция уже лишилась той свободы, которую она завоевала: «Подлинная общественная свобода появилась только на мгновение... Мы напрасно стали бы сейчас искать ее; у нас осталась только тень свободы, но самой ее уже с нами нет». Свобода, народный суверенитет существуют лишь там, где народ «имеет право диктовать законодателям изменения в конституции, наблюдать за их действиями, направлять, утверждать каждый их шаг». Но во Франции этого уже нет: «*Я осмеливаюсь утверждать, что национальная свобода изгнана отовсюду*» (курсив наш.— *В. Д.*)[108]. В Париже уничтожены дистрикты, в провинции упразднены постоянные комитеты, собрания секций и коммун. Национальное собрание запретило составление обязательных наказов. Осталось одно право петиций, но ответ на них необязателен. Народу дали «новую погремушку» (hochet) — конституцию. Его хотят уверить, что она не имеет никаких недостатков и лишают права вносить в нее какие-либо изменения.

Остался последний оплот свободы, ее «последнее прибежище», «внушающие надежду укрепления» (retranchements consolateurs) — это патриотические общества и клубы. Только они имеют еще возможность излагать народные требования. Они должны добиваться в связи с приближением созыва нового собрания пересмотра конституции. Но для этого нужно «говорить свободно, вы видите, что я так и говорю»[109]. Для спасения свободы нужно выступать, «как Брут и Камилл»[110].

---

[105] «После того, как закон будет поставлен в зависимость от согласия монарха, его изменят, истолкуют, исказят в угоду министерским агентам, окружающим короля. Это приведет к постоянной войне между нацией и ее главой.., именно этого добиваются сторонники антинародной системы, которые только прикрываются маской» (ЦПА ИМЛ, 22 В I).

[106] ЦПА ИМЛ, 20, 24, 25, 26 В II; 20 В III.

[107] ЦПА ИМЛ, 24 В II.

[108] ЦПА ИМЛ, 20 В III.

[109] ЦПА ИМЛ, 20 В II.

[110] Там же.

Эта оценка деятельности Учредительного собрания — мы уже встречали ее в «Пикардийском корреспонденте» — может показаться слишком резкой. Следует отметить, что в некоторых бабефовских записях она носила более объективный характер. Так, в одной из них Бабеф перечислял все «благодеяния» Собрания: «Свобода, равенство, право нации на объявление войны и мира, полная ответственность министров, изменение в отношении марки серебром [111], полная свобода печати, создание национальной гвардии, неограниченная свобода торговли» [112]. Как бы то ни было, он более чем критически относился к большинству Учредительного собрания. Его поворот вправо в дни Вареннского кризиса не явился поэтому для Бабефа неожиданным.

Очень показательно, что от внимания Бабефа не ускользнуло стачечное движение в Париже весной 1791 г. Бюше и Ру, с большой тщательностью изучившие всю прессу времен революции, отмечали в свое время, что «газеты совершенно не занимались этим вопросом. Ни одна из газет, которые мы просмотрели в большом количестве, даже не упоминает о коалициях» [113]. Последующие исследования внесли известную поправку в эту оценку: стачками занималась газета Роберов «Le Mercure National»; о них упомянули еще некоторые газеты, но в целом это событие действительно почти не привлекло к себе внимания парижской прессы.

Тем более любопытно, что Бабеф, находившийся в Руа, а не в столице, незадолго перед тем вышедший из тюрьмы, заинтересовался этим движением. В его архиве сохранился листок, на котором он сделал подробные выписки из знаменитой речи Робеспьера в Собрании 27 апреля 1791 г., в которой тот требовал, чтобы при приеме в Национальную гвардию не допускались никакие имущественные ограничения [114]. На обратной стороне этого же листка есть интереснейшая запись Бабефа: «*Парижские рабочие волнуются, они принимают постановления, они требуют большего однодневного заработка, они заставляют тех, кто не принимает участие в их совещаниях, прекращать работу*» [115] (курсив наш.— *В. Д.*). Нужен был

---

[111] Бабеф имел в виду решение Учредительного собрания в августе 1791 г. о снижении ценза для избрания депутата: установленное прежде требование уплаты налогов в размере не меньше марки серебром было отменено.

[112] ЦПА ИМЛ, 26 В III.

[113] Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution, t. 9, p. 445.

[114] ЦПА ИМЛ, 21 В II («M. Robespierre, séance du 27 avril, discussion sur l'organisation des gardes nationales»). См. нашу работу «Робеспьер и Бабеф» (ННИ, 1958, № 6) и «Robespierre et Danton vus par Babeuf» (AHRF, 1960, № 162).

[115] ЦПА ИМЛ, 21 В II («N 112. Les ouvriers de Paris se révoltent, ils prennent des arrêtés, ils demandent à gagner plus par jour, ils forcent ceux qui ne prennent pas de part à leurs délibérations de cesser leurs travaux»). Эта запись соответствует постановлению парижского муниципалитета, опубликованному в «Moniteur» 29 апреля 1791 г.

исключительный интерес Бабефа к положению рабочих для того, чтобы обратить внимание и сразу же оценить значение события, мимо которого равнодушно прошли почти все тогдашние парижские газеты.

С этим любопытно сопоставить позицию даже такой демократической газеты, как «Парижские революции», осудившей тогда же попытку создания профессиональных союзов: «...Мы должны сказать правду: сообщество, в которое могут быть допущены только люди одной и той же профессии, оскорбляет новый строй, внушает подозрение свободе; изолируя граждан, оно отчуждает их от отечества; приучая их заниматься своими интересами, оно заставляет их забывать об общих интересах; оно увековечивает эгоизм...» Газета высказывалась и против стачек: «Это общество становится еще более опасным, если оно принимает решения, противоречащие общим интересам, особенно, если оно создает преступные коалиции с целью прекращения работ». Соглашаясь с тем, что рабочие плохо оплачиваются, газета возражала против требования стачечников об установлении минимальной ставки заработной платы: «Зачем устанавливать ее для всех... Рабочие не заинтересованы в том, чтобы была установлена единообразная оплата; конкуренция является матерью соревнования, и тот, кто хорошо знает свою профессию и любит труд, всегда будет обеспечен работой, оплачиваемой по достоинству» [116].

Документов, относящихся непосредственно к июню — июлю 1791 г., в архиве Бабефа сохранилось сравнительно немного; их, однако, совершенно достаточно для того, чтобы определить его позицию во время Вареннского кризиса и выяснить, в частности, его отношение к вопросу о республике. «Он — за всеобщее избирательное право, *чуть ли не за республику* (курсив наш.— *В. Д.*) тогда, когда Собрание устанавливает ценз и восстанавливает пошатнувшийся после бегства в Варенн трон Людовика XVI» [117],— писал в 1933 г. П. П. Щеголев. Мы можем по этому вопросу высказаться гораздо более определенно.

В вопросе, который сразу же после задержания короля в Варенне разделил всю Францию,— будет ли «король-клятвопреступник» восстановлен на троне,— Бабеф безоговорочно поддержал позицию левых якобинцев во главе с Робеспьером и клуба Кордельеров. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что Бабеф переписал для себя знаменитую афишу кордельеров, расклеенную в столице сейчас же вслед за бегством короля. Она начиналась стихами, при-

---

[116] «Révolutions de Paris», № 96, 7—14 mai 1791, p. 250—252. В архиве Бабефа сохранилась также подробная выписка из статьи в № 93 «Révolutions de Paris», посвященной вопросу о судьбе благотворительных мастерских. Газета высказывалась за их закрытие, опасаясь влияния контрреволюционеров на рабочих (ЦПА ИМЛ, 20 В II.— «Sur les ateliers de charité, № 93 de Prudhomme»).

[117] П. Щеголев. Гракх Бабеф. М., 1933, стр. 18—19.

писанными вольтеровскому «Бруту», и содержала яркий призыв к немедленному низложению короля [118].

Но Бабеф был солидарен не только с требованием низложения короля,— он со всей решительностью занял открыто республиканскую позицию. «Республиканцы,— утверждал он в одной из своих рукописей, написанной в первых числах июля 1791 г.,— и их очень много, считают, что эти старые предрассудки, эти достойные наемников слова — трон, король, монархия,— являются только пустым звуком, опасным призраком, который, если ему дано будет сохраниться, станет центром объединения всех изменников, всех недовольных, всех заговорщиков. Они утверждают, что фактически мы уже стали республикой и что пришел благоприятный момент произнести это возвышенное слово (ce mot sublime) и заявить Нации, что именно таково теперь ее правительство. Мы достаточно разумны, достаточно просвещены, достаточно едины, достаточно сильны, чтобы подчиняться только законам, изданным представителями суверенного народа» [119].

Эту позицию Бабеф занял, однако, как он сам утверждал, гораздо раньше Вареннского кризиса. У нас нет никаких оснований ему не доверять, потому что это заявление было сделано в июле 1791 г., когда такая позиция могла лишь вызвать против него новые преследования.

В июле 1791 г., после Давенекурского процесса, Бабеф собирался выступить в Нуайонском обществе. Неизвестно, состоялось ли это выступление, но рукопись речи сохранилась. Мы уже приводили отрывок из нее, относившийся к Давенекуру. Во второй половине речи Бабеф затронул вопрос об отношении к республике: «вопрос о республиканизме волнует сейчас больше всего» [120]. Бабеф указывает, что не предполагал сперва «касаться этой величественной (majestueux) темы». Но когда он сообщил председателю, что «осмеливался обдумывать этот вопрос до создавшихся теперь обстоятельств, т. е. *еще до бегства Людовика XVI*» (курсив наш.—

---

[118] Songez qu'au champ de Mars, à cet autel auguste
  Louis nous a juré d'être fidèle et juste,
De son peuple et le lui tel était le lien
Il nous rend nos serments lorsqu'il trahit le sien.
  Si parmi les Français il se trouvait un traître
Qui regretât les Rois et qui voulut un Maître
Que le perfide meurt au milieu des tourments,
Que sa cendre coupable, abandonnée aux vents,
Ne laisse ici qu'un nom plus odieux encore
Que le nom du tyran que l'homme libre abhorre
      Brutus de Voltaire.

(ЦПА ИМЛ, 32 В II — «Affiche publique du 24 juin 1791 dans le Faubourg St. Germain»).

Олар («Политическая история французской революции». Пг., 1918, стр. 86) полагает, что «Кордельеры издали свою знаменитую афишу, начинавшуюся стихами из «Брута» 21 июня», а не 24-го, как указывает в своей записи Бабеф.

[119] ЦПА ИМЛ, 6 В III.

[120] ЦПА ИМЛ, 22 В II.

В. Д.), Бабефа попросили изложить «результат его размышлений по поводу республиканизма» [121]. К сожалению, именно в этом месте, где Бабеф начинает изложение своего проекта петиции Собранию по этому вопросу, рукопись обрывается. Но во всяком случае она не оставляет сомнения в том, что не только в период Вареннского кризиса, не только в июле 1791 г., но еще *до него* Бабефа занимал *отчетливо республиканскую позицию.*

Сам Бабеф в заметках, опубликованных Девиллем, писал о своем выступлении в Нуайонском клубе: «Во время бегства Капета в Варенн я выступил в Нуайонском клубе, членом которого я был, с проектом петиции в пользу установления республиканского правительства. Так как мне не удалось провести эту петицию, я осмелился сам выступить в моем департаменте за республику в печатном произведении, на которое аристократы ополчились и ответили доносом» [122]. Бабеф имел в виду памфлет Турнье, в котором он, как мы помним, был обвинен в «антиконституционных», республиканских взглядах [123].

Яркореспубликанская позиция Бабефа отличалась от той, которую, как известно, занимал тогда Робеспьер. «Меня обвиняют,— говорил Робеспьер в якобинском клубе 13 июля,— что я республиканец; мне оказывают слишком много чести... Если бы меня обвинили в том, что я монархист, меня обесчестили бы... Слова «республика» и «монархия» для многих лишены смысла. Слово «республика» не означает никакой особой формы правления; оно относится к каждому правительству свободных людей, у которых есть отечество» [124].

Такой уклончивой позиции держался не один Робеспьер,— целый ряд видных деятелей клуба Кордельеров и даже Марат в дни Вареннского кризиса не выдвигали лозунга республики. Это, несомненно, объяснялось осторожностью, боязнью опередить события, оторваться от масс, представление о стихийном монархизме которых было явно преувеличено, как показало менее чем через год восстание 10 августа. Было, однако, еще одно обстоятельство, явно отразившееся на позиции парижских демократов и в какой-то мере обусловившее их сдержанность в вопросе о республике.

---

[121] Там же («le résultat de mes méditations sur le républicanisme»). Об этих «размышлениях» Бабефа свидетельствует одна из его библиографических записей, в которой перечислен ряд произведений, посвященных истории французской монархии, в том числе одного из наиболее видных буржуазных республиканцев La Vicomterie: «Crimes de la noblesse» и «Crimes du clergé»; в ней же упоминаются: Et. Pasquier. Recherche de la France; Gautier de Vibert. Variations de la monarchie française dans son gouvernement politique, civil et militaire; Lenglet Dufresnoy. Plan de l'histoire générale et particulière de la monarchie française; «De la monarchie française et de ses lois» и т. д. (ЦПА ИМЛ, 69 В IX).

[122] «Notes inédites...» («La Révolution française», t. 49, 1905).

[123] «Dénonciation...», p. 66; «Babeuf, ex-administrateur...», p. 42.

[124] M. Robespierre. Oeuvres, v. VII, 2 part. Paris, 1950, p. 552; Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la révolution, t. 11, p. 487.

В июне — июле 1791 г. в столице произошла перегруппировка политических сил, до сих пор недостаточно изученная и выясненная. В республиканском движении, вспыхнувшем в Париже, явственно обозначились две струи: одна, демократическая, опиравшаяся на клуб Кордельеров, другая — явно буржуазная. Целый ряд деятелей, занимавших более чем умеренную позицию в первые годы революции, связанных с Мирабо, Лафайетом, «клубом 1789 г.», совершенно внезапно превратились в самых убежденных республиканцев и оказались,— по крайней мере, чисто формально,— на позиции, гораздо более радикальной, чем испытанные демократы, чем Робеспьер или Марат. В числе этих «новообращенных» республиканцев оказался не только Кондорсе, выступивший 8 июля в Социальном кружке с чисто республиканской речью, но и такие явные лафайетисты, как герцог Ларошфуко, как Дюпон де Немур, как мэр Страсбурга, Дитрих и маркиз Ахилл Дюшатле [125]. Республиканский памфлет Т. Пэна был переведен Дюшатле, опубликован в «Парижской хронике» Кондорсе (вспомним отзыв о ней Бабефа) и в специально созданной эфемерной газете «Республиканец», в которой сотрудничали Т. Пэн, Кондорсе, Н. Бонвилль, Бриссо, Лантена и тот же Дюшатле [126].

Напоминая об этой неожиданно создавшейся расстановке сил, Камилл Демулен писал в 1792 г. в своем знаменитом памфлете против Бриссо: «Было ли это правильной политикой, когда Франция была объявлена монархией, когда слово «республика» пугало девять десятых нации, когда те, кто казались самыми пылкими демократами, Лустало, Робеспьер, Карра, Фрерон, Дантон, я, даже сам Марат, запрещали себе произносить это слово, было ли правильной политикой с вашей стороны, Бриссо, присваивать себе имя республиканца, украшать себя им... создавать впечатление, что таково мнение всех якобинцев и давать этим повод для клеветы и ненависти всем нашим врагам. Было ли это для вас правильной

---

[125] A. Mathiez. La Révolution française, v. I. Paris. 1922, p. 173.

[126] «Républicain ou le défenseur du gouvernement représentatif», № 1—4 (ФБОН). См. также A. O. Aldridge. Condorcet et Paine («Revue de littérature comparée», 1958, № 1); В. С. Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и демократическое республиканское движение 1791 г. (Сб. «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957). Предположение, что Кондорсе и Бонвилль занимали в этом движении разную позицию, представляется нам необоснованным. «Только Бонвилль, Кондорсе и я, только мы отстаивали республиканизм против фельянов и даже против парижских якобинцев, которые дрожали тогда от одного слова «республиканец»,— писал Бриссо (Brissot. A tous les républicains de France. Londres, 1794, réimp., p. 194). Новейшие исследования о роли Т. Пэна в республиканском движении 1791 г. также показывают, что Пэн, Кондорсе и Бонвилль занимали одинаковую позицию, так же как солидарно выступали Пэн и Бонвилль в 1797 г. в защиту Директории (после 18 фруктидора), и позднее против Наполеона. (A. O. Aldridge. Man of reason. The Life of Thomas Paine. 1959). Не случайно в 1791 г., после отъезда из Франции, Т. Пэн адресовал «Avis aux Français», «гг. Кондорсе, Никола де Бонвиллю и Лантена» (Ph. S. Foner. The complete Writings of Th. Paine. New York. 1945, v. II, p. 598—599).

политикой... появляться вместе с Дюшатле, адъютантом Буйе, в этой пресловутой газете, названной «Республиканец» и рекламировать с таким пафосом издание, просуществовавшее только несколько дней и появившееся, кажется, на свет лишь затем, чтобы возбудить вражду» [127]. Не одному Демулену казалось, что за этим неожиданным поворотом кроется план поставить во главе будущей республики «героя обоих полушарий» — все того же Лафайета.

Но вся эта внутренняя борьба в Париже прошла мимо Бабефа. Во всяком случае в летние и осенние месяцы 1791 г., в полную противоположность только что приведенным строкам Демулена, Бабеф проявил определенные симпатии к Бриссо. Когда аббат Турнье обвинил давенекурских петиционеров в том, что они черпают свои идеи из «Французского патриота» Бриссо, Бабеф со всей решительностью выступил на защиту этого «евангелиста прав человека»; «Бриссо — ты, который станешь украшением и славой возрожденного сената, чья политическая репутация слишком укрепилась, чтобы опасаться наскоков и наглых насмешек..., прости, что я изолью свое негодование против бесстыдства опровергателя (réfutateur), осмелившегося опровергать даже твои гражданские шедевры. Он обвиняет членов давенекурского муниципалитета в том, что они черпали свои мятежные проекты из чтения «Патриота», ставшего политическим евангелием этого сборища разбойников. Итак, теперь Ж.-Б. Бриссо, писатель-патриот, депутат Законодательного собрания, становится главным двигателем, первым участником и подстрекателем мнимого восстания в Давенекуре... Но этому евангелисту святой доктрины, которая так далека от твоей (Турнье.— *В. Д.*) души, нечего бояться твоего яда» [128].

Можно предположить, что эти симпатии связаны были с республиканской позицией Бриссо во время Вареннского кризиса, хотя ее подлинные мотивы были, вероятно, далеко не такими «евангельскими», как это казалось находившемуся вдалеке от Парижа Бабефу.

Расстрел республиканской демонстрации на Марсовом поле 17 июля 1791 г. произвел на него огромное впечатление. «То, что

---

[127] «Brissot démasqué par Camille Desmoulins» (C. Desmoulins. Oeuvres. Paris, 1871, v. I, p. 63); Buchez et Roux. Op. cit., t. 13, p. 207).

[128] ЦПА ИМЛ, 35 В II (25 septembre 1791). Первые выступления Бриссо в Законодательном собрании вызвали одобрительный отзыв Бабефа. Он сделал выписку из речи Бриссо 24 ноября: «Секрет сохранения свободы в следующих немногих словах: „Бедное государство и богатые граждане". Франция находится в противоположном положении: слишком богатое государство и бедные граждане (Бриссо)». (ЦПА ИМЛ, 39 В II). 13 ноября 1791 г. Бабеф в письме к аббату Купе очень одобрительно отозвался о речи Бриссо по вопросу об эмиграции (ЦПА ИМЛ, 71 В IV). По поводу этого же выступления Симолин писал: «На заседании в четверг депутат, по имени Бриссо, обвиняемый прессой в воровстве и мошенничестве, произнес с трибуны речь, достойную Катилины (une Catalinaire) против эмигрантов и в особенности против обоих братьев короля, от которой пахнет безумием» (АВПР, ф. «Сношения России с Францией», опись 93/6, донесение № 103 от 13/24 октября 1791 г.).

произошло на этом злополучном поле, предупреждает вас о всем, чего приходится опасаться, о всей низости заговоров, которые плетут против народа»,— писал он в проекте речи, датированном июлем 1791 г. и озаглавленном «Об опасностях, угрожающих родине. свободе и конституции и о маневрах, при помощи которых вводят в заблуждение общественное мнение и мешают нации избежать подстроенной ей западни» [129]. Бабеф защищает «мучеников патриотизма», которых он сравнивает с «мучениками Нанси», от клеветников, пытающихся взвалить на них вину. «Печальные события», «позорное надругательство», «резня» на Марсовом поле — это победа «коварной клики Антониев», погубивших «великодушных Брутов» [130]. «Этот день, возможно, явится самой памятной датой в нашей истории и от него, может быть, будет зависеть вся судьба Франции» [131].

В оценке этих событий Бабеф целиком сходился с газетой «Парижские революции». «Похвалить Прюдомма за его газету»,— писал Бабеф в подготовительных заметках к своей речи [132]. «Патриот Прюдомм не относится к числу тех слишком многочисленных журналистов, зловонные перья которых покупаются самым бесстыдным образом; это — философ-публицист..., это — достойный комментатор Общественного договора, это, я осмеливаюсь заявить, друг воскресшего Руссо» [133].

Ясную и определенную позицию занял Бабеф в вопросе о расколе якобинского клуба. Осудив фельянов, Бабеф усмотрел главную опасность их выступления в том, что они хотят добиться роспуска якобинского клуба и привлечь на свою сторону все связанные с «обществом-матерью» народные клубы. Но фельяны имеют за собой большинство в Национальном собрании. Поэтому «филиация» народных клубов с клубом фельянов будет означать их фактическое подчинение Национальному собранию. Клубы потеряют тогда всякий смысл, они перестанут передавать народные требования, их ликвидация «станет тогда совершенно неизбежной вследствие их полной бесполезности». Развращенная часть Национального

---

[129] ЦПА ИМЛ, 29 В II («Sur les dangers qui menacent en ce moment la Patrie, la liberté et la Constitution et sur les manoeuvres par lesquelles on égare généralement l'opinion publique pour empêcher d'éviter de grands pièges tendus contre la nation»).

[130] ЦПА ИМЛ, 67 В IV.

[131] ЦПА ИМЛ, 29 В II.

[132] ЦПА ИМЛ, 26 В III («Louer Prudhomme sur son Journal»). В этой же записи Бабеф ссылается на Мабли («Le salut du Peuple est la suprême loi — Mably»).

[133] ЦПА ИМЛ, 29 В II. «В муравейнике наших писателей,— писал Бабеф в том же проекте,— только двое-трое... являются достойными апостолами чистых и хороших гражданских принципов». Бабеф называет при этом Мерсье и Прюдомма. Он предлагал «написать гражданину Прюдомму, поощрить его всегда с таким же мужеством защищать дело нации (le cause nationale) и напомнить, как может быть полезен такой писатель, как он, и насколько он заслуживает признательности отечества» (там же).

собрания избавится от всякого контроля, и тогда осуществится, вероятно, «план установления Долгого парламента» [134]. Эта параллель с английской революцией, возможно, была подсказана Бабефу какой-нибудь демократической газетой, но, как бы то ни было в его устах она в высшей степени интересна.

Бабеф со всей решительностью выступил на стороне левого крыла якобинского клуба, руководимого Робеспьером. «Вас приглашали присоединяться к фельянам,— писал Бабеф в той же речи,— по мнению которых Робеспьер, Петион, аббат Грегуар, Бюзо и т. д., почетные члены Национального собрания, никогда не отступавшие от дела отечества, являются гражданами, заслуживающими порицания только за то, что они остались непоколебимо верными якобинцам» [135].

27 июля Бабеф обратился с письмом к члену Учредительного собрания от деп. Уазы, бывшему священнику, а тогда уже конституционному епископу Ж.-Б. Массье. Резко критикуя его переход к фельянам, Бабеф писал: «Подлинные патриоты были поражены, увидев, что вы оставляете неподкупных Робеспьеров и Петионов, аббата Грегуара и Бюзо, чтобы сблизиться с Малуэ, Лианкуром, Дандре и другими» [136], Массье упрекал якобинцев в том, что они добивались низложения короля и суда над ним. «Но разве не так следовало поступать,— возражал Бабеф,— следуя законам справедливости, разума, природы... Что сделали с первым убийцей, когда не было еще письменных законов? Разве вы не читали книги Бытия? Разве бог не покарал Каина за братоубийство?.. Почему вам не нравится республика из 25 миллионов человек, если вам доказали, что только такой образ правления может сделать счастливым огромное большинство» [137].

---

[134] ЦПА ИМЛ, 29 В II («Les Feuillants... avaient évidemment le dessein de dissoudre les Jacobins, d'attirer à eux tous les clubs y affiliés, de les soumettre, par conséquent.., de manière que la dissolution entière de tous ceux même clubs était implicitement opérée.., c'est ainsi ...que le côté gangrené du Sénal faisait passer sans opposition tous ces rescrits inciviques, et qu'on parvenait peut-être à consacrer le projet d'établissement du long Parlement»).

[135] Там же.

[136] ЦПА ИМЛ, 67 В IV. Накануне революции Массье (Massieu) был священником прихода Соржи. Бабеф писал, что первое «епископское послание» Массье было принято «очень хорошо»; в нем «бывший кюре», казалось, сумел сохранить «приятную скромность, необходимую всем сословиям» (там же). Впоследствии Ж.-Б. Массье был депутатом Конвента, где до 9 термидора примыкал к якобинцам. Массье был при Директории подписчиком бабефовского «Трибуна народа» (см. A. Soboul. Personnel sectionnaire et personnel babouviste. AHRF, 1960, N 162; русск. пер.: А. Собуль. Секционеры и бабувисты, их социальный состав. «Французский ежегодник. 1960». М., 1961).

[137] ЦПА ИМЛ, 67 В IV. Как внимательно следил Бабеф за всем ходом политической борьбы в Париже, можно судить по упоминанию в письме к Массье имени Сиейса. В июле 1791 г. Сиейс выступил со статьями в «Moniteur», вызвавшими возражения Т. Пэна. Межеумочная и метафизическая позиция Сиейса, склонявшегося к сохранению монархии, хотя и не вполне отвергавшего республику (Сиейс был тогда довольно близко связан с Кондорсе и руководителями «Социального кружка»), вызвала осуждение Бабефа. Он обнаружил

Как мы помним, в первые месяцы 1790 г. Бабеф составил список наиболее видных членов собрания, которых он считал тогда «левыми». Имя Робеспьера в нем отсутствовало. Но в июле 1791 г., предлагая Нуайонскому клубу сохранить верность «обществу-матери Друзей конституции, заседающему в монастыре якобинцев», Бабеф призывал следовать примеру «мужественных и просвещенных обществ, со всех сторон свидетельствующих о своем присоединении к верным легионам, которые ведут Робеспьеры, Петионы, Грегуары и Бюзо и другие»[138]. На этот раз — меньше, чем через полтора года,— в списке не было уже имен Барнава, Талейрана, Ле-Шапелье. Зато теперь список «почетных членов» Собрания открывался именем Робеспьера.

Мы уже неоднократно убеждались в том, что, находясь в Руа, Бабеф не только внимательнейшим образом следил за каждым сколько-нибудь значительным событием в развитии революции, но почти всегда стремился занять определенную позицию, составить свою точку зрения, которую он пытался потом отстаивать, пока еще в узком, локальном масштабе. Нередко его взгляды вырабатывались под влиянием наиболее видных демократических деятелей: так, критикуя систему избирательного ценза, Бабеф повторял аргументы Робеспьера. Однако поразительно, что часто его точка зрения не совпадала или в каких-то более или менее существенных чертах отличалась от точки зрения тогдашних демократических корифеев.

С этой стороны характерна и его позиция во время Вареннского кризиса. Горячо поддерживая Робеспьера против фельянов, он все-таки стоял гораздо левее и его и Марата, отстаивая требование республики. Но это требование не носило у него чисто политического характера. Он связывал с ним полную ликвидацию феодализма. Задумываясь в июльские дни над тем, когда можно будет во всей широте поставить вопрос о пересмотре конституции, Бабеф отвечал: «Я предполагаю, что тогда, когда будет покончено с феодализмом»[139].

В противоположность якобинскому правительству, руководимому тем же Робеспьером, сохранившему, как отмечал Маркс, в силе закон Ле-Шапелье даже в 1793 г.[140], Бабеф с явным сочувствием

в высказываниях Массье сходство со взглядами Сиейса: «Аббат Сиейс также расточал эти метафизические абстракции, в которых каждый заурядный человек (le vulgaire), как и я, очень мало что может понять и только иногда, наугад, сквозь противоречия находит пожелание «ответственной власти с неприкосновенным главой, чьи пороки и добродетели не могли бы принести ущерба нашей свободе»» (слова самого Массье.— *В. Д.*).— ЦПА ИМЛ, 67 В IV; см. также «Moniteur» за 6 и 16 июня 1791. С этим интересно сопоставить отзыв П. Доливье о Сиейсе в 1790 г., как об «одном из самых глубоких мыслителей» (P. Dolivier. Première suite du voeu national. Цит. по: G. Deville. Thermidor et Directoire, p. 547).

[138] ЦПА ИМЛ, 29 В II.

[139] ЦПА ИМЛ, 26 В III («Révision. Quelle latitude peut-on donner!.. quand on passera, je suppose, sur la féodalité»).

[140] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 752.

следил весной 1791 г. за движением тех самых стачечников, против которых был направлен этот закон. Поддерживая предложение якобинского клуба в августе 1791 г. об отмене избирательного ценза, Бабеф особенно приветствовал якобинцев за то, что этим решением они, «не краснея, признают своими братьями *наших поденщиков, наших жнецов*» (курсив наш.— *В. Д.*)[141]. Но борьба робеспьеровского Комитета общественного спасения против этих самых поденщиков и жнецов, когда они летом 1793 и 1794 гг. попробовали защищать свои собственные интересы[142], показала, что по отношению к ним якобинцы и Бабеф отстаивали далеко не одну и ту же позицию.

Со всей очевидностью это отличие Бабефа даже от самых передовых демократов его времени обнаруживается в его переписке с аббатом Купе в августе — октябре 1791 г., ценнейшем документе, характеризующем позицию Бабефа в первые годы революции.

V

Бабеф познакомился с аббатом Жаком-Мишелем Купе (1737—1809)[143] еще в 1790 г., когда тот стал председателем директории Нуайонского дистрикта (деп. Уазы). «Господин Купе,— писал Девен Бабефу из Нуайона 6 ноября 1790 г.,— кюре Сермеза и председатель нашего дистрикта — передал мне прилагаемое постановление для пересылки его вам»[144]. С Купе, «превосходным патриотом», как охарактеризовал его в декабре 1792 г. сам Марат[145], Бабеф, после первых же встреч и разговоров, обнаружил большое сходство во взглядах. «Поверьте,— признавался он Купе,— что мне, чувствующему себя таким отчужденным (si déplacé) среди подавляющего большинства людей моего века, хорошо рядом с вами; поверьте, что я считаю самыми прекрасными моментами своей жизни те, ког-

---

[141] ЦПА ИМЛ, 34 В II (Noyon, 21 août 1791.— «Nous ne craignons point de vous l'assurer. Vous ne rougirez point de recconnaître pour vos frères nos journaliers, nos moissoneurs»).

[142] См. Н. М. Лукин. Революционное правительство и сельскохозяйственные рабочие в период действия второго и третьего максимума («Избранные труды», М., 1960, т. I, стр. 230—254).

[143] Он был братом королевского цензора, Жана-Мари-Луи Купе, с которым Бабеф переписывался в 1786 г. Жак-Мишель Купе был депутатом Законодательного собрания, Конвента и Совета 500. В Конвенте Купе поддерживал якобинцев, голосовал за смертный приговор Людовику XVI, находился в ряде миссий. Отрекшийся одним из первых, вслед за парижским архиепископом Гобелем, от священнического сана (7 ноября 1793 г.), Купе был все же исключен из якобинского клуба, так как считал недопустимым брак для священников. При Наполеоне отошел от политической деятельности. См. о нем A. Kuscinski. Dictionnaire des Conventionnels, p. 155—156.

[144] ЦПА ИМЛ, 85 В VI. Купе был председателем Нуайонского клуба, куда вступил Бабеф (см. L. Mazière. Noyon de 1789 à 1795.— «Comité archéologique de Noyon», v. XV. Noyon, 1899, p. 37).

[145] «Journal de la République Française», № 77, p. 6 (3 декабря 1792 г.) и № 79, p. 7—8 (16 декабря 1792 г.): «В Конвенте есть два депутата под фамилией Купе; один из них — пикардиец, превосходный патриот, другой — бретонец, отвратительный роялист».

да мы,— я осмеливаюсь так сказать,— изливаем друг перед другом чувства, основанные на одинаковых принципах пламенного человеколюбия...; мы оба охвачены... страстью к общественному благу..., мы обладаем столь редкой добродетелью спартанцев..., своего рода внутренним тщеславием, убеждающим нас в том, что мы лучше многих наших собратьев..., что для счастья человечества (du monde) мы должны быть призваны руководить им» [146].

Из «Пикардийского корреспондента» и многочисленных выступлений Бабефа в 1790—1791 гг. мы уже знаем, какое значение он придавал выборам в новое Национальное собрание, перенесенным в результате Вареннского кризиса на сентябрь 1791 г. Со всей присущей ему страстностью Бабеф стремился повлиять на их исход. Но из окружавших его людей один Купе казался ему достойным доверия, и к тому же, единственным, имевшим совершенно реальные шансы на то, чтобы оказаться избранным. 29 августа в Бове должно было открыться собрание выборщиков деп. Уазы. За несколько дней до этого, 20 августа 1791 г., Бабеф еще из Руа направил Купе чрезвычайно пространное письмо [147]. «Я с благодарностью получил ваш пакет,— ответил ему Купе два дня спустя из Нуайона,— как наиболее драгоценный подарок, который один гражданин может сделать другому, поскольку истина и добродетель являются первейшими благами каждого мыслящего человека. Я не знаю, поручат ли мне мои сограждане защиту их дела и их прав, как вы это предполагаете. Но в каком бы положении я ни оказался, я всегда буду считать для себя счастьем переписываться с вами... и я всегда буду поздравлять себя с тем, что среди окружающего нас сброда обнаружил человека, которому я могу открыть свою душу и мысли» [148].

В конце августа или в первых числах сентября Бабеф сам отправился в Бове. К 9 сентября выборы были закончены, 245 голосами Купе был избран членом нового собрания [149]. 10 сентября, все еще находясь в Бове, Бабеф обратился к нему с новым письмом, считая, что только в письме, а не в личном разговоре, он может со всей полнотой изложить свои взгляды и предложения, в связи с избранием Купе. Оно было впервые опубликовано в 1898 г. А. Эспинасом. которому предоставил его известный коллекционер Э. Шараве [150]. В 1935 г. М. Домманже (по копии из коллекции А. Роллена) опубликовал первое августовское письмо Бабефа [151], вариант которого,— правда, гораздо менее пространный,— имеется и в архиве ИМЛ, где хранятся еще пять писем Бабефа к Купе и семь

146 ЦПА ИМЛ, 68 В IV. («Lettre de F. N. Cam. Babeuf à J. M. Coupé, sur la nouvelle Constitution»).

147 Там же.

148 ЦПА ИМЛ, 110 В VI («Noyon, ce 22 août 1791»).

149 «Pages choisies...», p. 95.

150 A. Espinas. La philosophie sociale du XVIII siècle et la Révolution. Paris, 1898, p. 404—410.

151 «Pages choisies...», p. 103—121.

ответных писем последнего[152]. В нашем распоряжении находится, таким образом, почти полностью вся эта ценнейшая переписка, в которой Бабеф с наибольшей полнотой и откровенностью определил свои взгляды и свою тактику в первые годы революции.

В самом начале своего первого письма Бабеф поверяет Купе свой «секрет», свое заветное стремление — стать членом Национального собрания. «Все мои желания были бы осуществлены полностью, если бы я достиг этого выдающегося поста, на котором можно отстаивать, с надеждой на успех, великое дело человечества... О! Если бы мои соотечественники знали, насколько это желание бескорыстно, если бы они представляли себе чистоту намерений, с которыми я защищал бы общие права и полную, а не мнимую свободу, какие усилия я прилагал бы, чтобы заменить рвением недостаток таланта, если бы только они могли прочесть в моей душе все, что я обдумываю для их благоденствия»[153].

Бабеф отводит всякие упреки в том, что им руководят соображения личного тщеславия, честолюбия, алчности: он осудил себя и всю свою семью на жертвы и лишения, он «безбоязненно идет навстречу темницам и всевозможным опасностям». «Может быть, я ошибаюсь,— писал он Купе 20 августа,— но мне кажется, что революция меня совершенно испортила; я часто ловлю себя на мысли, что я больше непригоден ни для какой деятельности, кроме общественной (celui du Publicisme); политика и размышление об истинных принципах законов и способах их осуществления имеют для меня непреодолимую привлекательность, и я склоняюсь к тому, что это мое единственное призвание». Бабеф видит у Руссо, у Купе, у самого себя одну общую черту — «постоянное самоотречение, делающее нас неспособными заботиться о своих личных интересах»[154].

Конечно, в собрании найдется достаточно людей, обладающих гораздо бóльшими талантами и ораторскими дарованиями, но благодаря «преобладающей в нас страсти делать добро, у нас есть немного уверенности в себе, разрешающей надеяться, что, окажись мы на должном месте, мы в состоянии были бы лучше всех остальных добиться какой-нибудь значительной победы для наших»[155].

Бабеф не создавал никаких иллюзий в отношении возможности его собственного избрания — «орда клеветников» слишком всемогуща. Он возлагал все свои надежды на Купе: «Лишенный возможности изложить свои идеи на трибуне французского сената, я буду польщен, если кто-нибудь, находящийся в более благоприятном по-

---

[152] ЦПА ИМЛ, 68 В IV; 111 В VI; 37 В II; 70, 71 В IV (письма Бабефа к Купе); 110, 112—117 В VI (письма Купе к Бабефу). Из всей этой переписки до сих пор опубликовано только два, правда, наиболее интересных письма

[153] ЦПА ИМЛ, 68 В IV; «Pages choisies...», p. 105.

[154] Ibid.; «Pages choisies...», p. 110.

[155] ЦПА ИМЛ, 68 В IV. В варианте, опубликованном Доммонже, эта мысль передана так: «Мы были бы в состоянии добиться победы в интересах народа» (dans une position convenable nous serions de force à décider la victoire en faveur du peuple) — «Pages choisies...», p. 106.

ложении, чем я, и одушевленный теми же идеями, захочет получить от меня проекты и излагать их с этой сенатской трибуны»[156]. При этом нужно будет разыскать в будущем собрании единомышленников («toujours unis de principes»), добиться, чтобы каждый из них старался почаще занимать эту трибуну. Но всю «кабинетную» работу по составлению речей и проектов Бабеф предлагал целиком принять на себя[157]. Хорошо знакомый, оказывается, с закулисной стороной деятельности лидеров Учредительного собрания, он напомнил Купе практику Мирабо, в распоряжении которого был чуть ли не десяток «faiseurs des discours».

Бабеф, как это видно из его третьего письма (3 октября)[158], мечтал о том, чтобы Купе выступил в день открытия Законодательного собрания с речью, текст которой будет им подготовлен. В ней он предполагал изложить новые принципы, имеющие значение не только «для соотечественников и современников, но для целого столетия и для потомства». Бабеф был настолько захвачен мыслью о возможности впервые провозгласить свои взгляды с общефранцузской трибуны, что уже в первом письме к Купе поторопился вкратце изложить их.

В том варианте августовского письма, который сохранился в архиве ИМЛ, Бабеф изложил только свои политические идеи. Второе собрание должно стать в такой же мере «учредительным», как и первое,— оно имеет право и обязано пересмотреть конституцию[159]. Всякие цензовые ограничения должны быть устранены,— никакой «марки серебра», никакого деления граждан на группы с различными правами. Всем гражданам обеспечивается доступ в Национальную гвардию. Должна быть осуществлена демократизация армии: все командиры будут избираться, между офицерами и солдатами (вспомним бабефовский проект 1790 г.!), вводится полное равенство в оплате, устанавливается совершенно одинаковая форма. «Уравнение во всем приведет к наилучшим результатам»,— формулировка, почти дословно напоминающая его июньское письмо 1786 г.

Нужно добиться осуществления полного народного суверенитета. Недопустимо никакое ограничение народных собраний; право их запрещения путем вывешивания красного флага следует отменить. Необходима полная свобода народных петиций и обязательность

---

[156] ЦПА ИМЛ, 68 В IV.

[157] «Je désirerais qu'après d'être assuré du suffrage et de l'appui d'un nombre quelconque de partisans, ses collèques se mirent en possession d'occuper souvent cette tribune..; il serait délivré un métier du travail de Cabinet qui dès lors deviendrait exclusivement ma tâche».

[158] ЦПА ИМЛ, 111 В VI.

[159] «...Народ всегда имеет неотчуждаемое и священное право изменять свою конституцию, одобрять и утверждать все, что народные представители делают от его имени... Новому Законодательному собранию достаточно сделать лишь один шаг, чтобы стать Учредительным собранием, и нужно, чтобы оно его сделало для исправления ошибок своих предшественников. Если будут возражения с ссылкой на принесенную присягу, нет ничего легче, чем показать нелепость такого возражения» («Pages choisies...», p. 111).

ответа на них, для этого в собрании должно быть создано специальное «бюро петиций», собирающееся ежедневно для заслушивания каждой поступившей петиции. Депутаты обязаны ежемесячно отчитываться перед своими избирателями, имеющими право их отзывать. С этой целью в каждом кантоне, дистрикте, департаменте нужно создать коллегии «блюстителей свободы» (curateurs de la liberté), раз в три месяца они будут обсуждать поведение своих депутатов. В Национальном собрании не должно быть никаких комитетов, все подлежит гласному обсуждению. В зале должно быть отведено возможно больше места для трибун, на которых будет присутствовать народ. Все законы должны поступать на утверждение народных собраний: «вето народа должно осуществляться со всей возможной строгостью» (le veto du peuple est de rigueur). Конституция должна быть пересмотрена, в том числе и «Декларация прав»; она «слишком неполна, недостаточно содержательна, составлена в слишком общих и недостаточно ясных выражениях». Вчитываясь в декларацию, нельзя не заметить, что «она представляет собой обман» (un leurre), что ее составили «усыпители народа» [160]. Для того чтобы так оценить «Декларацию прав», у Бабефа должен был существовать какой-то новый, высший критерий, дававший ему основание так сурово осуждать этот бессмертный документ, навсегда вошедший в историю человечества. Этим критерием и были для него интересы «бедняков».

В первом варианте письма Бабеф еще не выходил за пределы политических требований. Но, переписывая его, он (судя по копии, опубликованной Домманже) не удержался и от изложения своей социальной программы, которую развил еще подробнее во втором письме, написанном на другой же день после завершения в Бове всей избирательной процедуры. Что же явилось лейтмотивом этих двух торжественных и страстных обращений к «господину и брату по общине» (Monsieur et frère en Cité)?

Подчеркивая свое намерение, в случае, если бы он попал в Собрание, стать «защитником народа» (champion du peuple), Бабеф достаточно ясно для человека XVIII в. определил, какое классовое содержание он вкладывает в это понятие. Выступления такого депутата с трибуны «должны быть устремлены к созданию царства справедливости. Он не будет представителем ни богатых от рождения, ни разбогатевших, благодаря интригам». Он должен защищать

---

[160] На том же листке, на котором написан первый вариант августовского письма, есть и набросок принципов новой декларации.

«Изменение (réformation) Декларации прав человека:

1) Люди рождаются свободными и равными; они объединяются в общество для своей общей выгоды.

2) Цель всякого общества обеспечить лицам, его составляющим, наибольшее благоденствие, свободу и безопасность.

3) Каждый входящий в общество имеет право (как у Петиона).

4) Вся власть (то же).

5) Народ (то же)» (ЦПА ИМЛ, 68 В IV).

интересы бедняков (pauvres), у них «гораздо больше мотивов, и мотивов, совершенно реальных, для того, чтобы стремиться защитить себя от богачей» [161]. Этого до сих пор не делали избранники в Учредительное собрание; «*именно о бедняке до сих пор еще и не подумали*» (enfin c'est du pauvre auquel on n'a point songé encore) (курсив наш.— *В. Д.*).

В этой связи Бабеф впервые подвергает критике деятельность Робеспьера и Петиона. как депутатов Учредительного собрания. До сих пор, начиная с 1786 г., мы неизменно встречали у Бабефа только положительную оценку Робеспьера. Он высоко ценил также Петиона за его поправку к Декларации прав, на которую, как мы видели, он неоднократно ссылался. В июле 1791 г., в момент раскола якобинского клуба, Бабеф настаивал на необходимости безоговорочного присоединения к «легионам, которые ведут» Робеспьеры и Петионы. Однако это вовсе не означало их безоговорочной поддержки. Бабеф, судя по его письму к Купе, уже тогда заметил известную буржуазную ограниченность их деятельности. Говоря о задачах депутатов нового собрания, он подчеркивает: «Чего мне хотелось бы от защитников народа в будущем собрании, это гораздо более прочувствованного знания (connaissance bien sentie) его нужд и страданий, большей решимости в поисках единственно действенного лекарства от такого количества бедствий, большей сердечности (plus de coeur), для того чтобы со всей энергией, со всей настойчивостью добиваться уничтожения нищеты и невежества и поменьше этой сухой чопорности (roideur sèche) Робеспьеров и Петионов, потому что Робеспьеры и Петионы с этой величественной чопорностью, которая стала для них привычной, совершенно не настаивали на основном следствии, вытекающем из принципа равенства прав: *каждому равное образование и обеспеченное существование*» [162].

Крайне поучительно сопоставить с этим критику, которой подверг деятельность Робеспьера в эти же самые месяцы Марат. Он очень высоко ценил Робеспьера, этого, как писал Марат в 1790 г., «единственного мужа в сенате»; все остальные — «трусливые и лицемерные усыпители» [163]. Он, однако, в свою очередь, критиковал Робеспьера. Во время их единственного личного свидания в первые годы революции, состоявшегося как раз летом 1791 г., после расстрела на Марсовом поле, он упрекал Робеспьера в недостатке решительности и мужества. «Это свидание укрепило мнение,— писал Марат,— которое всегда у меня о нем было, что он соединяет зна-

[161] «Pages choisies...», p. 113.

[162] «Pages choisies...», p. 107. В первом варианте письма, хранящемся в ЦПА ИМЛ, эта мысль сформулирована почти в тех же выражениях: «...Je voudrais quelques têtes un peu au dessus de la roideur... des Robespierres et des Péthions, car les Péthions et les Robespierres n'ont pas insisté sur cette grande conséquence naturelle qui découle du principe de l'égalité des Droits: d'assurer à tous les individus *une education égale et une subsistance assurée*» (ЦПА ИМЛ, 68 В IV).

[163] «L'Ami du peuple», N 311 (15 décembre 1790).

ния мудрого сенатора с честностью подлинного добродетельного человека и рвением настоящего патриота, но ему в равной степени не хватает дальновидности и мужества государственного деятеля»[164]. Когда Марат во время этой встречи заявил, что, имей он в своем распоряжении 17 июля две тысячи верных патриотов, он «заколол бы» Лафайета, «сжег бы деспота в его дворце и посадил бы на кол» депутатов Учредительного собрания, Робеспьер, по его словам, «побледнел и некоторое время молчал». Тот же упрек Марат повторил и в 1793 г., утверждая, что Робеспьер «так мало предназначен к тому, чтобы быть вождем партии, что он избегает всякой шумной группы и бледнеет при виде обнаженной сабли»[165].

Однако, критикуя Робеспьера за недостаточную решительность. Марат, в отличие от Бабефа, никогда не критиковал его социальной программы, и по совершенно понятной причине. И Робеспьер, и Марат выступали как идеологи и защитники последовательной, но все же ограниченной буржуазной демократии, между тем как критика Бабефа свидетельствует о том, что он уже тогда выступал как представитель «неимущего класса» (la classe indigente). В этом Бабеф и видел свою основную миссию[166]. «Я хочу подробней затронуть эту великую тему,— пишет он Купе в своем втором письме 10 сентября 1791 г.,— потому что..., я повторяю, при обновлении законов государства *прежде всего должен встать вопрос о бедняке*: именно его, его дело важнее всего поддержать. Какова цель общества? Разве не состоит она в том, чтобы обеспечить каждому своему члену наибольшее благосостояние?.. И чему служат все ваши законы, если они не помогают *избавить от глубочайшей нужды это огромное множество бедняков*, представляющих собой подавляющее большинство общества? Что представляет собой комитет по нищенству (comité de mendicité), который продолжает унижать людей, говоря о милостыне и репрессивных законах, направленных к тому, чтобы несчастные были погребены в своих хижинах, где они умрут от истощения...»[167].

Однако провозглашения «формального равенства» (égalité nominale), одних политических преобразований совершенно недостаточно. «Вы можете сколько угодно свергать скипетры королей, вы мо-

---

[164] «L'Ami du peuple», № 648, 3 mai 1792 (русск. пер.: Марат. Избранные произведения. М., 1956, т. 3, стр. 79). Сам Робеспьер писал по поводу этой встречи: «Он нашел мои политические взгляды настолько узкими, что позднее, когда он возобновил издание своей газеты, он заявил, изложив этот разговор, что расстался со мной, твердо убежденный в том, что у меня нет ни взглядов, ни мужества государственного человека» («Moniteur», t. XIV, p. 390).

[165] «Le publiciste de la République française», № 221, 19 juin 1793 («Избранные произведения», т. 3, стр. 320).

[166] «Pages choisies...», p. 108.— «Наши защитники в первом Собрании не занимались этой великой задачей. Я отважился бы взяться за нее» («Nos défenseurs de la première législative n'ont pas entrepris cette grande tâche, j'oserai l'aborder»).

[167] A. Espinas. La philosophie sociale au XVIII siècle. Paris, 1898, p. 409; «Pages choisies...», p. 128 (курсив наш.— В. Д.).

жете создать республику, вы можете беспрерывно повторять святое слово «равенство»; все это лишь жалкий призрак, вы ничего не добьетесь»[168]. Нужно стремиться к созданию «подлинного равенства» (égalité réelle). Прежде всего и раньше всего необходимо добиться «обеспеченного существования» для всех членов общества — задача, которую намечал еще Петион, при обсуждении Декларации прав. Именно этого должен добиваться в Собрании «избранник сторонников равенства» (l'élu des partisans de l'égalité.)

Важнейший шаг в этом направлении. «конец и увенчание хорошего законодательства» — это установление «равенства земельных владений», «аграрный закон», «скрытая цель каждого подлинного защитника прав народа»[169]. Защита идеи «аграрного закона» является главным содержанием обоих писем Бабефа к Купе. Бабеф был, конечно, далеко не единственным защитником этой идеи в первые годы революции. Однако он понимал ее очень своеобразно. Вопрос о понимании Бабефом «аграрного закона» требует поэтому тщательного анализа.

VI

Нетрудно заметить, что в оценке идеи «аграрного закона» на протяжении десятилетия — с 1786 по 1796 г. — у Бабефа имелись несомненные противоречия. В своем июньском письме 1786 г. Бабеф очень четко высказался против него. «Для обработки земли,— писал он,— нужно объединение всех сил и воли; дробить ее на равные парцеллы между всеми означает уничтожение громадных преимуществ, которые она дает объединенному труду (au travail combiné); это значит устремиться самым близким путем к голоду и нищете... Раздел земель, эта абсурдная операция, может совершиться лишь с помощью кровопролития в результате страшного потрясения: если когда-нибудь он будет осуществлен, это приведет каждого к изоляции, т. е. к беспомощности; то, что было разрушено сегодня, совершенно неизбежно восстановится на следующий же день. Аграрный закон, понимаемый, как раздача земель равными участками, приводит к отрицанию всех других склонностей, он уничтожает все остальные профессии, кроме земледельческой... Вступлением к его осуществлению явится резня, и если даже для инвалидов, стариков и сирот будут отведены участки, обрабатываемые за них совместно, все равно результатом будет только разбитая мечта. Но, как говорят, «изголодавшийся желудок не имеет ушей»[170].

---

[168] Ibidem.

[169] A. Espinas. Op. cit., p. 409 («la fin et le couronnement d'une bonne législation est l'égalité des possesiones foncières»).

[170] ЦПА ИМЛ, ф. 223, № 654, p. 44 («La loi agraire entendue comme distribution des terres par égale portion nierait toutes les aptitudes que l'agriculture elle-même a du reconnaître dans son propre intérêt... Le prélude de son application serait un massacre, et réservat-on le champ des infirmes, des vieillards et des orphelins,

Такую же отрицательную позицию по отношению к «аграрному закону» Бабеф занимал в 1796 г. «Значит, вы хотите аграрного закона, воскликнут тысячи голосов честных людей»,— писал он в своем «Манифесте плебеев» и отвечал: «Нет, мы хотим большего. Мы знаем, какой неотразимый аргумент нам противопоставят. Нам скажут с полным основанием, что аграрный закон продержится лишь один день, что уже на следующий день после его установления, неравенство возродится. Наши предшественники, трибуны Франции, правильно поняли, в чем должна состоять система социального благоденствия (bonheur social). Они поняли, что оно может быть достигнуто только при помощи учреждений, способных... неизменно сохранять действительное равенство» (l'égalité du fait) [171].

Однако и в 1789 г., в своем «Постоянном кадастре», и в 1791 г. в переписке с Купе, Бабеф самым решительным образом высказался в пользу аграрного закона: «Я заявляю вам прямо, мой брат, и я еще нескоро решусь даже втихомолку заявить об этом другим — этот аграрный закон, ...которого так боятся богачи, понимая, что он вскоре осуществится, но о котором еще нисколько не задумывается подавляющее большинство бедняков, т. е. $^{49}/_{50}$ человеческого рода.., этот закон, к которому, как мы установили, когда оставались с глазу на глаз, страстно стремился Мабли (nous avons vu Mably appeller par ses voeux ardents), этот закон, который появляется на горизонте веков только в такой обстановке, как та. в которой мы сейчас живем, когда земельная собственность, единственное настоящее богатство, находится лишь в немногих руках, и невозможность утолить голод вынуждает большинство предъявить свои права на это огромное владение, в котором каждое существо, такова воля создателя, должно иметь необходимую площадь (le rayon de circonférence nécessaire) для обеспечения своего существования,— этот закон. я повторяю, является неизбежным следствием (le corollaire) всех законов» [172].

Является ли это признание аграрного закона отходом. отступлением от коммунистических принципов, типичной мелкобуржуазной утопией, «отстаивая которую Бабеф объективно боролся лишь за последовательно демократический путь развития капитализма», как это предполагал П. П. Щеголев? [173] Показалось ли Бабефу,

---

cultivé par tout le monde, dans ses résultats son application elle-même ne serait qu'une chimère. Mais comme on dit: „Ventre affamé n'a pas d'oreilles"»).

[171] «Le Tribun du peuple», N 35. На заседании тайной директории 11 февраля 1796 г. Бабеф заявил Россиньолю, что «аграрный закон не входит в его систему», что это «глупость»; «Францию нельзя превратить в подобие шашечной доски»; цель движения «лишить собственности (dépropriairiser généralement) всю Францию» (см. Buonarroti. Conspiration pour l'égalité, p. 143—148; см. также «Pages choisies...», p. 255, п. 1).

[172] A. Espinas. Op. cit., p. 405; «Pages choisies...», p. 122.

[173] П. Щеголев. Гракх Бабеф, стр. 28; его же. Заговор Бабефа, стр. 44 («аграрный закон — это законченная формулировка мелкобуржуазного антикапитализма»).

перед лицом роста крестьянского движения, что его прежние возражения против «аграрного закона» были неосновательны и что его осуществление даст возможность уничтожить нищету народных масс? Или же формула «аграрного закона» в понимании ее Бабефом была шире, чем одно лишь проведение передела земли, и являлась только иным выражением, иным подходом к осуществлению все того же идеала «совершенного равенства» (égalité parfaite), о котором он мечтал еще до революции? Ответить на все эти вопросы с полной уверенностью и определенностью, безусловно, трудно. Тем не менее имеющиеся у нас рукописные материалы, более внимательный анализ писем к Купе дают основания отвергнуть слишком прямолинейный взгляд П. П. Щеголева.

После «Постоянного кадастра», в котором защищалась идея «черного передела», Бабеф, поглощенный борьбой против косвенных налогов, по-видимому, не возвращался в 1790 г. к этому вопросу, хотя он и выдвигал предложение о раздаче церковных земель в «долгосрочную аренду». Но в 1791 г., когда все его внимание было сосредоточено на проблемах аграрного движения, «Loi agraire» является предметом постоянных размышлений Бабефа. Свидетельством этого, кроме писем к Купе, является ряд записей, сохранившихся в его личном архиве [174]. Наибольший интерес представляет небольшая рукопись, озаглавленная «Аграрный закон» и представляющая собой библиографические заметки, иногда довольно подробно аннотированные. Судя по тому, что Бабеф ссылается на «Année Littéraire» за «май или март 1791 г.» [175], можно предположить, что эти записи были сделаны не раньше, но и не позднее лета 1791 г., во время давенекурского процесса.

Часть этих записей относится к вопросу о происхождении «фьефов». Бабеф, как мы видели, стремился исторически и юридически обосновать положение, что крупная феодальная земельная собственность появилась в результате «узурпации». «Сегодня народ, точно бык,— с горечью писал он Купе,— он не знает своей силы и его глаз видит все в искаженном виде. О! Если бы он знал, как я, историю крупных владений и их владельцев во всем мире» [176].

Изыскания Бабефа отнюдь не ограничились одной книгой Эно, на которую он ссылался в своей петиции от имени коммуны Мери. В числе книг, указанных в записи «Loi agraire», значатся такие труды, как «Traité des rotures» Прюдомма, «Traité des fiefs», Анриона де Пансе [177], «Origine des fiefs» Фременвилля. Наибольшее место

---

[174] ЦПА ИМЛ, 45 В II («Loi agraire»); 13 В II («Chronique. Sur la loi agraire»); 31 В II («Pour servir au Mémoire sur la Division des Propriétés»); 16 В I («Pour les fiefs»). Эта последняя запись начинается словами: «Смотри первые заметки на листке об аграрном законе».

[175] ЦПА ИМЛ, 45 В II.

[176] «Pages choisies...», p. 108.

[177] Судьба свела Бабефа с Анрионом и лично. Во время Вандомского процесса Анрион оказался в числе присяжных заседателей. В бабефовском архиве о нем сохранилась следующая запись: «Анрион из деп. Верхней Марны. Автор

в записи отведено труду известного февдиста Эрве. С. Д. Сказкин, посвятивший Эрве специальное исследование, считает, что он был «крупнейшим из юристов», «самым крупным теоретиком среди февдистов»[178]. Тем интереснее то внимание, которое уделил ему Бабеф, и то искусство, с которым он сумел в очень кратком конспекте выявить все существенное, что привлекло его в первом томе труда Эрве[179]. Прежде всего его заинтересовало сообщение о земельных переделах у германцев[180]. Как и при чтении Эно, он внимательнее всего остановился на истории превращения условных, бенефициальных владений в постоянные, неотчуждаемые феоды и поглощения ими аллодиальной земли: «Анархия при второй династии (sous la seconde race). Феодальный режим заменяет монархическое правительство. Уменьшение числа аллодов. Происхождение принципа „нет земли без сеньера"»[181].

Изучая Эрве, Бабеф все время проводит сопоставления с современностью. Так, по поводу судеб церковного землевладения он пишет: «При двух династиях духовенству иногда давали все владения королевства; это вызывало ярость (fureur) попеременно то в связи с его обогащением, то из-за желания отнять у него имущества» и тут же добавляет: «Эта ярость может вновь появиться»[182]. Ему очень понравилось изложение вопроса о происхождении сеньериальных повинностей, и он тут же связал его с вопросом о законодательстве Учредительного собрания: «Баналитеты, личные права связаны с установлением чинша (cens), следовательно, нельзя было заявлять, что только личные права будут уничтожены без вознаграждения...; одни имеют такое же происхождение, как и другие»[183].

Ознакомившись тогда же, летом 1791 г., с мнением правого депутата Учредительного собрания Казалеса по вопросу о наследовании, Бабеф выписал те же мысли, которые привлекали его внимание у Эрве и Эно: «Фьеры стали наследственными только к концу

«Трактата о фьефах». Наемный защитник: жалкий слуга владельцев фьефов при старом порядке. Привязанность к королю и феодализму, ненависть к революции...» (ЦПА ИМЛ, 61 В IX).

[178] С. Д. Сказкин. Февдист Эрве и его учение о цензиве («Средние века», т. I. М., 1942, стр. 194).

[179] Hervé, avocat au Parlement. Théorie des matières féodales et censuelles, t. I. MDCCXXXV, à Paris.

[180] «Des fiefs par Hérvé (Tout le tome 1er. Il copie Henrion mais plus developé. Bon historique. Notes très essentielles, p. 68 sur l'usage des Germains pour le partage des terres» (ЦПА ИМЛ, 45 В II).

[181] Там же. «В начале третьей династии... феодальное правительство возвысилось над развалинами монархического правительства, которое стало только призраком правительства..; множество аллодов превратилось в фьефы» (Hervé. Op. cit., t. I. p. 101, 104, 106). В записи, озаглавленной «Pour les fiefs», Бабеф отметил необходимость ознакомиться с «кутюмом» Руа и выяснить, как в нем ставится вопрос об аллодах («Coutume de Roye. Voir ce qu'elle dit sur le franc alleu; n'y avait alleu que la franche aumône») (ЦПА ИМЛ, 16 В I).

[182] См. Hervé. Op. cit., p. 111; ЦПА ИМЛ, 45 В II.— («...fureur de l'enrichir et de le dépouiller successivement. Cette fureur pourra reparaître».)

[183] ЦПА ИМЛ, 45 В II. См. также: Hervé. Op. cit., p. 160, 178.

второй династии»; «аллоды были общей собственностью, собственностью, противоположной той, из которой образовались феоды»; «салическая земля была подлинной собственностью германцев; она являлась землей, посреди которой находились их дома; она являлась единственной собственностью, которой обладали пастушеские народы, пока они населяли германские леса; она совершенно отличалась от той земли..., которую римляне давали варварским народам как бенефиции, за то, что они брали на себя охрану их марки или границы» [184].

Совершенно очевидно, что и у Эно, и у Эрве, и у Казалеса Бабеф искал аргументы для обоснования своей основной мысли — правомерности полной ликвидации крупной феодальной земельной собственности. Эти свои изыскания он использовал несколько позднее, в 1792 г., когда писал в одном из проектов петиции о полной ликвидации феодализма: «...Народ приподнял завесу таинственности, которая прикрывала истинную феодальную историю. Он узнал и сейчас убежден, что эта история, как ему ее представляли и какой ее признало или притворяется, что признало, Учредительное собрание, является сплошной ложью (faussée de toutes faussetés); что сеньериальные права вовсе не имели такого чистого происхождения, как нас старались уверить все писатели, продавшиеся дворянству; что все эти права вовсе не были платой, обусловленной будто бы при первоначальном наделении землей; что по большей части они являлись результатом экспроприации и насилия; что, в основном, эти права были, по своему происхождению, налогами, вознаграждением сеньерам за ту защиту, которую они оказывали собственности, когда были еще суверенами на своей земле; и что эти налоги в пользу сеньеров должны были исчезнуть с тех пор, как сеньеры перестали выполнять эту обязанность, т. е. с того времени, когда это взяли на себя короли, вследствие чего были установлены налоги в пользу королевской власти».

Из всех этих исторических аргументов, почерпнутых Бабефом в значительной мере именно у Эрве [185], он делал в проекте петиции категорический вывод: «Законодательное собрание должно провозгласить полное упразднение (сеньериальных прав.— *В. Д.*), без какого бы то ни было выкупа» [186]. Но выводы Бабефа шли дальше:

---

[184] ЦПА ИМЛ, 31 B II («Pour servir au Mémoire de Davenécourt»). В записи Бабеф отмечает, что Казалес «ссылается на Тацита и Монтескье».

[185] См. в конспекте Эрве: «...De la main morte et idées sur les impôts; 160 — taille seigneuriale, origine de la taille royale (ЦПА ИМЛ, 45 B II). См. также ЦПА ИМЛ, 82 B IV: «Когда королевская власть пришла на смену феодалам, короли также установили налоги за охрану, которую они приняли на себя, но чтобы не вызывать недовольства сеньеров, не уничтожили налогов, которые им платили... Народ должен был платить два налога, вместо одного, королю и сеньерам... Он убежден сейчас, что должен платить только один налог — нации».

[186] ЦПА ИМЛ, 38 B II. См. там же под заголовком «Тайна феодальной истории раскрыта»: «Да, пришло время, когда народ проникает в лабиринты древнего мрака, между тем как его тираны были всегда заинтересованы в том, чтобы он ничего не видел. Он больше не верит в то, что все существующее...

«аграрный закон» означал для него, прежде всего, ликвидацию всей вообще феодальной земельной собственности — вывод, чрезвычайно смелый для тогдашней Франции, на который, как мы видели, по свидетельству Ж. Лефевра, решались очень немногие. «Аграрный закон» в таком смысле совсем не был реакционной «мелкобуржуазной утопией».

Однако в записи, озаглавленной Бабефом «Loi agraire». перечислены далеко не одни труды февдистов. До сих пор можно было высказывать только догадки по поводу того, какие работы, защищавшие в той или иной форме идею «аграрного закона» в первые годы революции, были знакомы Бабефу, влияли на него или служили предметом его размышлений. Бабефовская запись дает на это довольно точный ответ, хотя, разумеется, и она не является исчерпывающей. Анализ указанных в ней произведений, их сопоставление с письмами к Купе дают вместе с тем возможность выявить отличительные черты бабефовской постановки этой важнейшей проблемы.

Бабефовская запись начинается следующим перечнем, вслед за которым идут ссылки на труды февдистов:

Аграрный закон.

См. Декларация прав, статьи 4 и 17.
Татарин в Париже
Аграрный закон. Август 1789
Французские Анналы, ноябрь 1790
Фрапаоло
Монтескье. Величие и упадок римлян
Парижские революции № 96, № 82 от 29 января 1791 (там же, где «О собственности»)
Марат 30 июля 1790» [187].

Попытаемся проанализировать этот перечень. Бабеф очень редко в первые годы революции делал выписки из «Друга народа» (за исключением «Лондонской корреспонденции»). Тем интереснее, что он обратил внимание на номер газеты от 30 июня 1790 г., где была напечатана одна из наиболее ярких статей Марата, и притом именно та, в которой были поставлены социальные проблемы револю-

---

существовало извечно и не подлежит изменению. Его глаз проникает во все времена и во все исторические происшествия».

[187] ЦПА ИМЛ, 45 В II:

«Loi agraire.
Voir Déclaration des Droits, art. 4 et 17
Le Tartare à Paris
Loi agraire. Août 1789.
Annales françaises, nov. 1790
Frapaolo
Montesquieu Grandeur des Romains et leur décadence
Rev. de Paris, N 96.— N 82 du 29 J[er] 1791 où est De la propriété
Marat 30 juin 1790».

Фрапаоло-Сарпи, выдающийся венецианский деятель XVI—XVII вв. Это упоминание свидетельствует о широком кругозоре Бабефа.

ции,— «Прошение 18 миллионов несчастных депутатам Национального собрания» [188]. Резко протестуя против установления имущественного ценза, Марат писал от имени «18 миллионов несчастных»: «Мы пришли теперь в движение, и движение это не остановится до тех пор, пока путь не будет пройден до конца... Ведь мысль о равенстве в области прав влечет за собой и мысль о равенстве в области пользования жизненными благами, а это составляет единственное основание, от которого может отправляться мысль. И кто знает, долго ли еще пожелает француз ограничиться тем кругом идей, за пределы которого ему давно бы уже следовало выйти» [189].

Эта мысль Марата вполне соответствовала идеям Бабефа и, естественно, что эта статья должна была его заинтересовать. Следует, однако, заметить, что хотя бабефовский листок озаглавлен «Аграрный закон», в статье Марата речь идет собственно не об аграрных преобразованиях, а вообще о «равенстве в области пользования жизненными благами».

Самое непосредственное отношение к «аграрному закону» имели зато номера «Парижских революций», упомянутые в записи. Все занимавшиеся изучением истории социальной мысли во Франции в первые годы революции [190] обращали внимание на статью в № 82 («О бедняках и богатых»), ответ на нее Лагарпа в «Mercure de France» (апрель 1791 г.) и заключительную реплику в № 96 газеты. В сноске к ней напечатано было сообщение о выходе в свет брошюры «аббата Д. К.» (Курнана.— *В. Д.*) «О собственности» [191]. Теперь можно точно утверждать, что все эти произведения попали в поле зрения Бабефа. Прочитал ли он брошюру Курнана, мы не знаем, но о ее существовании он знал и знаком был со статьей «Des pauvres et des riches».

Статья эта, автором которой М. Домманже считает Сильвена Марешаля [192], была, несомненно, одним из самых смелых выступлений в первые годы революции в защиту «бедняков» и в пользу аграрного закона: «Революцию сделали бедняки, но они сделали ее не в своих интересах, потому что со времени 14 июля они остались

---

[188] «Supplique de dix-huit millions d'infortunés aux députés à l'Assemblée nationale» («L'Ami du peuple», № 149, 30 juin 1790). (Русск. пер.: Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. 2. М., 1956, стр. 163—168).

[189] Там же, стр. 166—167.

[190] См. например, A. Aulard. Origines historiques de socialisme français («Etudes et leçons sur la Révolution française». Paris, 1904, 4-e série).

[191] «Мы особенно рекомендуем г-ну Лагарпу прочитать произведение (г-на аббата Д. К.), которое только что появилось под названием «О собственности или защита дела бедняка перед Трибуналом разума, справедливости и истины» («Révolutions de Paris», № 96, 7—14 mai 1791, p. 244). В. И. Семевский считал, что именно Курнан оказал влияние на аграрный проект Пестеля (В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 535—537).

[192] «Все позволяет, без всяких колебаний, считать автором этой статьи Сильвена Марешаля» (M. Dommanget. Sylvain Maréchal. L'égalitaire. «L'homme sans dieu». Paris, 1950, p. 486; 181—183).

почти в таком же положении, в каком были до 14 июля 1789 года»[193]. «Разве вы не видите,— писала газета в ответе Лагарпу,— что французская революция... является настоящим аграрным законом, который осуществляет народ. Он вернул себе свои права. Еще шаг дальше, и он вернет себе свое имущество»[194].

Как бы ни были, однако, смелы и решительны эти статьи, они являлись наиболее ярким свидетельством понимания идеи аграрного закона в духе, совершенно противоположном бабефовскому. Основное ударение поставлено в них на том, что задача революции — превратить каждого бедняка в *собственника*: «Вас напрасно объявили свободными, если вы *не станете вновь собственниками*... Революция ничего не сделала, если три четверти обитателей Франции не будут владеть хотя бы четвертью ее территории... Революция это ваше дело, ее успех зависит от вас... Да, *все вы когда-нибудь должны стать собственниками*» (курсив наш.— *В. Д.*)[195].

Эту идею «Парижские революции» отстаивали неоднократно. Еще в феврале 1790 г. в статье «Кампании в Огайо», газета, рекомендуя не поддаваться соблазнительным предложениям о переезде в Северную Америку, призывала рассчитывать на распродажу церковных имуществ, которая, если ее правильно осуществить, «может заменить аграрный закон, установить равновесие между состояниями, увеличить количество собственников... Вы не станете варварами и безумцами, чтобы распродавать большими участками (en grandes masses)... и снова лишить бедняка счастья (la douceur) *стать собственником*»[196] (курсив наш.— *В. Д.*).

В статье о благотворительных мастерских («Ateliers de charité»), опубликованной в апреле 1791 г. и проконспектированной Бабефом, газета, предлагая немедленно закрыть мастерские из опасения, что контрреволюционеры подчинят массы своему влиянию, требовала использовать целинные, невозделанные земли для того, чтобы разместить на них бедняков и «превратить их в собственников»[197]. Этот же вопрос подымался и в статье «О бедняках и богатых»: «Требуйте, чтобы был провозглашен аграрный закон на общинные пустоши, на огромные, невозделанные площади, которые занимают треть всей поверхности государства...; средства, которые будут авансированы для использования этих огромных пространств, разделенных между мелкими собственниками (divisés en petite propriété), не превысят бесцельной затраты средств на благотворительные мастерские»[198].

---

[193] «Des pauvres et des riches» («Révolutions de Paris», N 82, 20 janvier — 5 février 1791).

[194] «Révolutions de Paris», N 96.

[195] Ibidem.

[196] «Révolutions de Paris», 20—27 février 1790, N 33 — «Compagnie de l'Ohio», p. 29.

[197] «Révolutions de Paris», N 93, p. 85—88.

[198] «Révolutions de Paris», N 82, p. 175.

Основная мысль статьи состояла в том, что нужно «сблизить две крайности»: «Пусть те, кто имеет почти все, и те, у кого нет почти ничего, доверятся посредничеству тех, кто имеет не слишком много, но и не слишком мало». Именно эта средняя группа, находящаяся «между богачами и бедняками, но в которой сосредоточен весь свет просвещенного разума», может сыграть решающую роль. Она должна разбиться на два «отряда», которые будут стремиться «уговорить» богатых и бедных. Один из этих отрядов будет убеждать богачей уступить часть своих владений беднякам: «Богатый человек, отдели от своих владений несколько арпанов тем, кто завоевал тебе свободу», «пусть каждый из вас возвысит одного отца семейства из неимущего класса до положения собственника». Благодаря этой разумной и умеренной жертве «святые законы собственности» обеспечат богачам дальнейшее пользование их нынешними владениями. Другой отряд «посредников» должен убедить «бедняков» ждать, не злоупотребляя своей физической силой: «постепенно число бедняков уменьшится в такой же пропорции, как числе богачей, и оба эти крайних класса уступят место счастливой золотой середине» [199]. Бедняки должны сперва приобрести знания, и потом все они станут собственниками.

Если верно, что автором этих статей являлся Сильвен Марешаль,— а нет никаких оснований не считаться с мнением М. Домманже, лучшего знатока Марешаля,— то можно убедиться в том, что даже среди самых передовых демократов «аграрников» господствовало представление, что задачей аграрного закона является насаждение *класса мелких собственников*.

Именно такое понимание аграрного закона присуще и другому стороннику этой идеи — автору небольшой брошюры, обнаруженной в бумагах Бабефа и изъятой у него при аресте в 1796 г.,— «Questions sur les loix agraires, extraites en partie des ouvrages des vrais Philosophes, des Amis de l'humanité» [200]. На эту брошюру впервые обратил внимание Армандо Саитта [201]. Авторство и время ее опубликования неизвестны; на ней стоит подпись «Гражданин вселенной» (Par un citoyen de l'univers) и указано явно вымышленное место, а возможно, и год опубликования — «Лондон 1790». Ее автором мог быть — это предположение высказывает и Саитта, хотя он не исключает возможности авторства и Бабефа, что нам представляется неверным,— уже упоминавшийся нами Дж. Рютледж, выпускавший в 1791 г. газету «Creuset» («Горнило»), в которой он отстаивал идею аграрного закона. Этим, может быть, и объясняется указание на Лондон — намек на английское происхождение Рютледжа. В пользу этого предположения говорит и значительное место, отведенное в листовке продовольственным спекуляциям, в частности, пресловутому «pacte de famine» и волнениям 1775 г. Эта тема как раз боль-

[199] Ibidem.
[200] AN W^3 563/46 (по фотокопии в ЦПА ИМЛ, ф. 223).
[201] A. S a i t t a. Filippo Buonarroti, t. I. Roma, 1950, p. 284—287.

ше всего интересовала Рютледжа, ведшего в 1789—1790 гг. «войну» против Неккера и обвинявшего «обожаемого министра» в спекуляциях хлебом.

Как бы то ни было, Бабефу это произведение было хорошо известно. Возможно, что строка в бабефовской записи «Аграрный закон. Август 1789 » относится именно к этому произведению. Может быть с этим связана и следующая строка записи — о Монтескье, так как именно «гражданин вселенной» упрекал Монтескье в том, что «...знаменитый автор „Духа законов" по этому интересному вопросу, как почти и во всем своем произведении, не имеет определенных принципов. В некоторых государствах он условно допускает аграрные законы, но в большинстве случаев он их отвергает; разумно ли такое поведение?» [202]. В противоположность Монтескье автор «Вопросов» не видит «ничего, что могло бы помешать установлению аграрных законов... Только в тот момент, когда они перестали существовать, Рим перестал быть Римом». Но и он понимает аграрный закон, как наделение землей в личную собственность: «В любом государстве все его жители должны *пользоваться собственностью* (курсив наш.— *В. Д.*), которая обеспечивает им все необходимое». Образование гражданского общества (état social) только в том случае может быть признано шагом вперед по сравнению с первобытным состоянием (état primitif), если каждый человек будет владеть собственностью» [203].

Не все французские сторонники «черного передела» разделяли эту точку зрения. Несомненно, одним из самых смелых авторов аграрных проектов был уже упомянутый нами аббат Курнан. В брошюре «О собственности»,— о существовании которой, как мы видели, Бабеф знал,— Курнан, подсчитав размер земельной площади во Франции и размеры ее населения, пришел к выводу о возможности и целесообразности «равного раздела всех земель во Франции». На каждую душу населения придется около 7 арпанов земли: «После того как Франция будет разделена между всеми ее жителями и каждому будет предоставлена одинаковая доля, в королевстве не останется ни одного человека, который, возделывая свой участок, не стал бы... счастливым». Но этот участок не наделяется в собственность — каждый вправе его обменивать, сдавать в аренду, но «лишается права ее продавать; собственность будет объявлена неотчуждаемой» [204].

---

[202] «Questions sur les loix agraires» (AN W³ 563/46).

[203] Ibid. Такую же точку зрения отстаивал несколько позже и Фрерон: «Сделайте каждого собственником и каждый захочет быть солдатом» («L'Orateur du peuple», N XIII); выписка из газеты Фрерона хранилась в архиве Бабефа с его отчеркиваниями.

[204] «De la propriété ou la cause du pauvre plaidée au Tribunal de la Raison, de la Justice et de la Vérité. A Paris. 1791, p. 37 et 16; см. также: L. Bernstein. Un plan socialiste sous la Révolution française («International Review for Social History». Leiden, 1937, v. II).

Противником частной земельной собственности выступил в своем «Опыте о первоначальной справедливости» и известный «кюре Мошана» — Пьер Доливье. И имя Доливье, и его книга были хорошо известны Бабефу, у которого при обыске она была изъята [205]. Доливье категорически осуждал «самый ложный, самый тиранический, самый гибельный из всех принципов, право земельной собственности» [206]. В качестве одного из двух главных принципов он выдвинул положение «земля принадлежит всем вместе и никому в отдельности» [207]. Но тот же Доливье выдвинул и второй принцип: «Каждый имеет ничем не ограниченное право на продукты своего труда». В духе этого второго принципа Доливье исключительно выпукло рисует свой мелкобуржуазный идеал: «Что мне нужно для того, чтобы стать счастливым? ...Мне нужно небольшое владение (un petit bien), которое я сам буду обрабатывать и продуктов которого хватит для удовлетворения всех моих потребностей; простой, но чистый и удобный дом, а вокруг него сад, который даст мне хорошие фрукты и овощи; густо населенный птичий двор, который в изобилии снабдит меня яйцами и время от времени будет украшать мой стол домашней птицей; стойло, где у меня будет две-три коровы, которые дадут мне молоко и масло, небольшое стадо овец, чтобы иметь шерсть и ягнят; наконец, я не забуду свинью, чтобы заколоть ее; среди всего этого достатка — добродетельная супруга, которая станет искусно пользоваться этими ресурсами, избыток которых будет выноситься на рынок, чтобы принести оттуда то, чего не хватает хозяйству; она даст мне детей, которых я буду любить. Кроме того, я захочу изучать какое-нибудь ремесло, ...чтобы заполнить досуг, остающийся после полевых работ и во время непогоды» [208].

Трудно найти в литературе более яркое изображение «царства крестьянской ограниченности», хотя оно исходило от противника частной земельной собственности. Смысл этого противоречия давно был вскрыт В. И. Лениным. Сторонник наиболее радикальной и решительной, вполне прогрессивной очистки сельского хозяйства от всяких остатков феодализма, Доливье отстаивал ее проведение все-таки на капиталистических основах, в рамках совершенно свободных товарно-капиталистических отношений («каждый имеет ничем не ограниченное право на продукты своего труда»!).

Как же относился Бабеф к этим двум концепциям аграрного закона? Подобно Курнану и Доливье, в полном соответствии с его уже ранее нами анализировавшимися социальными взглядами,

---

[205] AN W[3] 562—48. На изъятом при аресте экземпляре книги Доливье есть собственноручная подпись Бабефа (фотокопия в ЦПА ИМЛ).

[206] P. Dolivier. Essai sur la justice primitive. Paris, 1793, p. 24.

[207] Ibid., p. 17—18 («...deux principes immuables: le premier, que la terre est à tous en général, et n'est à personne en particulier. Le second que chacun a un droit exclusif du produit de son travail»).

[208] Ibid., p. 25—26.

Бабеф категорически высказывался против индивидуальной земельной собственности. Противники ликвидации шампара,— писал он,— именно потому так настойчивы, что боятся покушения на «священное право собственности». Если оно будет хоть частично поколеблено, «неуважение» (irrespect) к собственности «не будет уже иметь пределов». Но «защитники тех, кто голоден» именно на это и рассчитывают [209].

Отвечая на основное возражение против аграрного закона, которое сам он выдвигал в 1786 г.,— последующие перемены, переход земли из рук в руки все равно приведут к восстановлению прежнего порядка вещей,— Бабеф видел выход в том, что «*земля не должна подлежать отчуждению* (курсив наш.— *В. Д.*). Каждый человек при рождении должен получать достаточный участок, как это происходит с водой и воздухом. Умирая, он должен делать наследниками не своих родственников, а все общество в целом; только система отчуждения привела к тому, что одни имеют все, а другие не получают ничего...; если же земля будет объявлена неотчуждаемой,— система, которая уничтожает возражения тех, кто боится восстановления неравенства из-за последующих переходов собственности (mutations)...,— каждый человек будет обеспечен, и нам не придется переживать постоянную тревогу и беспокойство по поводу участи наших детей» [210]. Таким образом, в том же 1791 г., когда С. Марешаль выражал надежду на то, что в конце концов все станут собственниками, Бабеф категорически высказывался за «неотчуждаемость» (inaliénabilité) земли, за полную ликвидацию частной собственности на землю.

Но такую постановку вопроса мы встречали уже и у Курнана, и у Доливье. Отличало ли что-нибудь Бабефа от них? Разделял ли Бабеф этот идеал «счастливой» крестьянской семьи, свободного мелкого крестьянского хозяйства, который так красноречиво отстаивал мошанский кюре? Для этого следует вчитаться в его корреспонденцию с Купе. «Вы найдете, вероятно,— писал он 20 августа,— что я захожу слишком далеко в своих проектах реформы, но я убежден, что небольшие изменения явятся только паллиативами и что нужно очень многое обновить, если хотят, чтобы революция принесла свои плоды. Я предвижу, куда она должна прийти, но благоразумие, возможно, требует действовать исподволь (par pierres d'attente), не давая возможности слишком рано увидеть, каким будет новое социальное здание. Но очень важно ухватиться за все возможности, чтобы то одним, то другим путем добиваться *подлинной цели революции — равенства* (курсив наш.— *В. Д.*) без обмана... Я хорошо понимаю, как трудно будет сразу принять *систему общего равенства* (systéme d'égalité générale), но раз признано равенство прав, нужно, если только не хотят, чтобы оно явилось чистым обма-

---

[209] A. Espinas. Op. cit., p. 409.
[210] «Pages choisies...», p. 125.

ном, начать с того, чтобы практически осуществить его хоть как-нибудь»[211].

Намечая эту цель революции — осуществление «системы общего равенства»,— Бабеф исходил не из одних лишь узкопонятых крестьянских интересов и вовсе не ограничивался одними аграрными мероприятиями. Его «Loi agraire» — это не только «черный передел». Здесь нам на помощь снова приходит бабефовская запись. В обоих сохранившихся вариантах она начинается с мало известного произведения «Le Tartare à Paris»[212]. Но эта брошюра, принадлежавшая перу второстепенного писателя аббата Андре[213], ставшего позднее одним из обличителей «тирана Робеспьера», как и статья Марата, очень мало или, вернее, ничего не говорит о собственно аграрных преобразованиях. Бабеф занес ее в свой список одной из первых потому, вероятно, что в этом диалоге татарина Кермели и парижанина Вальсена чрезвычайно последовательно отстаивался принцип социального равенства: «Все люди имеют равное право быть счастливыми, и все, что оскорбляет это равенство, ведет к гибели общества»,— утверждает Кермели[214]. На возражение парижанина, что «собственность является неприкосновенной», Кермели отвечает,— и его мысли абсолютно созвучны бабефовским: «Общество создано в надежде на то, что оно обеспечит людям лучшее существование, благосостояние (bonheur)..., если оно этого не делает, если, наоборот, оно его ухудшает..., ясно, что общество не выполняет своей цели. Оно должно, однако, ее выполнять; следовательно, если этому противится дух собственности, общество имеет право его сломить» (de le rompre); «если препятствием является стремление к богатству, его следует низвергнуть; если мешает неравенство, если оно... делает общество беспомощным, нужно вернуть ему жизнь..., вернув равенство» (en ramenant l'égalité)[215].

Любопытно, что под таким же заголовком («Об аграрном законе») Бабеф сделал на отдельном листке выписки из главы 9 (книга первая) «Общественного договора» Руссо, которую проконспектировал и Маркс в 1843 г., когда он впервые ознакомился с этим произведением. Бабеф выписал, в частности, то место, которое производило огромное впечатление на всех читавших Руссо и которое сам Бабеф впоследствии многократно приводил: «При дурных пра-

---

[211] «Pages choisies...», p. 114.

[212] ЦПА ИМЛ, 45 B II. См. упоминание у Ф. Вольтерса. «Исследование по аграрной истории Франции в XVIII веке (1700—1790)». М., 1923, стр. 58, 94 и 101.

[213] Об аббате Ф.-Ф. Андре и его произведениях см.: Barbier. Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonimes, v. 3, 1824; E. Halin. Bibliographie historique et critique. Paris, 1866, p. 124; A. Aulard. La collection Dubois («La Révolution française», 1887, t. XIII). В 1795 г. Андре опубликовал «Almanach historique et révolutionnaire, ou Précis de toute la Révolution française et des opérations des armées, jusqu'à la chute du tyran Robespierre».

[214] «Le Tartare à Paris. Dialogue entre un Français et un Tartare». Par M. l'abbé A***. A Paris, 1788, p. 48—49.

[215] Ibid., p. 127.

вительствах это равенство является только кажущимся и иллюзорным, оно служит только для того, чтобы держать бедняка в нищете, а богачу обеспечить возможность узурпации. В действительности законы всегда полезны для тех, кто владеет, и гибельны для тех, кто ничего не имеет; отсюда следует, что гражданское общество только тогда полезно для людей, когда все они чем-нибудь владеют, но никто из них не имеет слишком много» (l'état social n'est avantageux aux hommes qu'autant qu'ils ont tous quelque chose et qu'aucun d'eux n'a rien de trop) [216]. К этой мысли Руссо, которую он назвал «эликсиром Общественного договора», Бабеф неоднократно возвращался и в «Трибуне народа», когда его коммунистические взгляды уже вполне сформировались. Но он ссылался на нее и в своих размышлениях об «аграрном законе», который он, очевидно, и тогда представлял себе не только как «черный передел», но и как план широкого преобразования всего общества.

В запись «Loi agraire» Бабеф включил и популярную утопию С.-Л. Мерсье «2440 год». В ней его больше всего заинтересовали те места, где идет речь о дороговизне хлеба и законах об экспорте [217]. Но на упомянутых Бабефом страницах книги Мерсье речь идет совсем не о крестьянстве, а о «самой важной части населения, о рабочих (manoeuvriers), составляющих три четверти нации. Цена их рабочего дня не увеличилась, и жадный фермер держал их в самой тяжелой зависимости; они не в состоянии были смягчить вопль своих детей даже вдвое бо́льшими затратами труда. Дороговизна хлеба стала термометром для всех остальных предметов потребления» [218]. Закон, разрешавший экспорт хлеба, явился — Мерсье цитировал «энергичное» заявление Ленге,— «сифоном, вложенным в руки торговли, при помощи которого она высасывает из народа продовольствие» [219]. Но, жалуясь на дороговизну и недостаток хлеба, Мерсье имел в виду «manoeuvriers», городских и деревенских рабочих, тех, кто покупал, а не продавал хлеб, т. е. те категории населения, которые, как мы уже неоднократно видели, именно и привлекали к себе постоянно внимание Бабефа.

---

[216] ЦПА ИМЛ, 13 В II («Chronique. Sur la loi agraire... Contrat social», p. 36). Очень интересно совпадение некоторых выписок из «Общественного договора», сделанных Марксом в 1843 г., и Бабефом. Так, и тот, и другой, обратили особенное внимание и выписали следующую фразу Руссо: «Основной договор (le pacte fondamental), вместо того чтобы уничтожить естественное равенство, заменяет моральным равенством и равенством перед законом то физическое неравенство, которое природа создала между людьми, и, хотя они могут быть неравными в силах и способностях, они все становятся равными в правах» (par convention et de droit) (p. 41). Именно к этому месту Руссо сделал свое знаменитое примечание, полностью выписанное Бабефом. Эти выписки опровергают предположение, что Бабеф не читал этого произведения Руссо (см. C. Mazauric. Le rousseauisme de Babeuf. AHRF, 1962, № 170).

[217] ЦПА ИМЛ, 45 В II («L'An 2440. Surtout, page 151, les mandataires, prix des subsistances, disette de pain, loix sur l'exportation»).

[218] «L'An deux-mille-quatre-cent-quarante». A Neuchâtel, MDCCLXXII, p. 119—120.

[219] Ibidem.

Занимаясь «аграрным законом», Бабеф вовсе не забыл о них. Характерно, что в своем сентябрьском письме к Купе, говоря о «неотчуждаемости» земли, он тут же переходит к вопросу о неравенстве в оплате труда: «Именно из-за этого молчаливого соглашения, в силу которого плата за наиболее полезный труд была доведена до самого низкого уровня, тогда как оплата менее важных и даже вредных для общества занятий (occupations) была увеличена во сто крат, бесполезный рабочий получил возможность экспроприировать более полезного и трудолюбивого рабочего...; если бы в оплате всех видов труда (les prix de tous les travaux) существовало больше единообразия, если бы некоторым из них не придавали бы столь преувеличенного значения, все рабочие (tous les ouvriers) были бы одинаково состоятельны»[220]. Бабеф здесь явно смешивает крестьян и рабочих, но, во всяком случае, показательно, что он и здесь, как мы часто видели, говорит об *оплате труда*, о *заработной плате*, о *рабочих*. Отнюдь не о «крестьянской ограниченности» говорит то место в письме к Купе, где Бабеф отводит возражение (он сам выдвигал его в 1786 г.), что аграрный закон приведет к уничтожению искусств и ремесел: «Совершенно очевидно, что все не смогут стать земледельцами; каждый человек тогда, как и теперь, не в состоянии будет изготовить *сам для себя все машины, которые стали для нас необходимостью* (курсив наш.— *В. Д.*); мы по-прежнему будем испытывать потребность в постоянном обмене услугами (un échange continuel de services)»[221].

Аббат Курнан также подчеркивал в своей брошюре, что осуществление аграрного закона не вызовет исчезновения искусств, городов, промышленности. Правда, именно ему принадлежала фраза, которую повторил позднее С. Марешаль в своем отвергнутом бабувистами проекте «Манифеста равных». «Пусть погибнут навсегда науки и искусства! Пусть погибнут навсегда все произведения ума и все памятники гения, если их нужно приобретать ценой свободы и благосостояния хоть одного человека»[222]. Курнан подчеркивал, однако, что это не случится: и после проведения аграрных преобразований найдутся целые группы населения, которые слишком привыкли к роскоши и избыткам, чтобы согласиться жить в «уравненной» деревне. Они-то и займутся торговлей и промышленностью. Богатства будут существовать, но они образуются не в результате получения доходов от земельных владений. Капиталист, по мнению Курнана, нисколько не напоминает крупного земельного собственника, живущего за счет лишений и бедствий других. В промышленности «богач будет на самом деле распространять вокруг себя изобилие и жизнь». Он может пользоваться своими излишка-

---

[220] A. Espinas. Op. cit., p. 406.

[221] Ibid., p. 407.

[222] Как известно, С. Марешаль писал в своем проекте: «Пусть погибнут, если нужно, все искусства, лишь бы нам досталось подлинное равенство» (ср. L. Bernstein. Op. cit., p. 219).

ми «без всяких угрызений совести, потому что всем он будет обязан самому себе; создавая свое благополучие, он содействует благополучию бесчисленного множества людей и никого не делает несчастным» [223]. Эта оценка роли капиталистов, несмотря на то, что в сельском хозяйстве проект Курнана предусматривал даже создание товариществ на территориях, ранее занимавшихся крупными фермами, не дает нам права согласиться с мнением Л. Бернштейна, рассматривавшего книгу Курнана, как «одно из самых сильных, самых выразительных и смелых конкретных проявлений социалистической мысли в ту эпоху» [224].

Но с бабефовским проектом «аграрного закона» дело обстоит иначе. Разумеется, и в нем не было полной ясности. Бабеф добивался немедленного улучшения положения народных масс, уничтожения нищеты. Именно поэтому, вероятно, в этой же записи он характеризовал как «самое прекрасное из всех» [225], предложение депутата Лебрена, внесенное на заседании Учредительного собрания 30 октября 1789 г., «помешать росту нищеты», «расширить применение труда во всех областях», перейти не к распродаже, а к раздаче подлежащих конфискации церковных имуществ «в долгосрочную аренду» (baux à longues années) [226]. Но в поисках выхода Бабеф все-таки никогда не рекомендовал насаждения мелкой крестьянской собственности и не выдавал «индульгенции» промышленным капиталистам, подобно Курнану,— его идеалом продолжала оставаться «система всеобщего равенства».

В этом отношении очень характерна одна из его отчетливо коммунистических формулировок в письмах к Купе. Определяя задачи будущей конституции, Бабеф подчеркивал, что она должна обеспечить все условия интеллектуальной и материальной жизни «*путем общего использования всех ресурсов, бесконечно увеличенных и умноженных при помощи умело созданной организации и разумно руководимого общего труда*» (par la mise en commun de toutes les ressources indéfiniment multipliées et accrues au moyen d'une organisation savamment combinée et du travail général sagement dirigé (курсив наш.— *В. Д.*) [227]. Эта формула резко отличается от «царства крестьянской ограниченности» у Доливье; она, несомненно, свидетель-

---

[223] «De la propriété ou la cause du pauvre plaidée au Tribunal de la Raison, de la Justice et de la Vérité», p. 57.

[224] L. Bernstein. Op. cit., p. 224.

[225] ЦПА ИМЛ, 45 В II («Feuilles de Mercier, 11 oct., 1789, et 13, 14, 16, 24, 25, 29 oct., 31 oct. Voir à cette date du 31 oct. la motion de M. Le Brun, la plus belle qui ait été faite. La voir également dans Mercier, même date»).

[226] AP., t. 9, p. 603. («Faire naître le travail et le payer est une dette publique et les biens de l'église sont une portion de la richesse des pauvres, consacrée à la subsistance des pauvres... Le malheureux qui n'a pas de propriété, n'a plus de moyens d'acquérir une propriété. Ce n'est pas qu'en autorisant, qu'en nécessitant des baux à longues années que vous pourrez corriger l'influence de vos décrets et fixer cette population fugitive qui s'évanouit dans nos campagnes»).

[227] «Pages choisies...», p. 108.

ствует о понимании *необходимости общественной организации труда*[228].

Конечно, в переписке с Купе у Бабефа далеко еще нет полной формулы коммунистического преобразования, слишком многое ему еще совершенно неясно, в частности, форма будущей организации промышленности. Однако вопреки тому, что писал П. П. Щеголев, между предреволюционными социальными идеями Бабефа и его защитой «аграрного закона» нет разрыва, нет отказа от прежних взглядов. Не случайно в своем третьем, октябрьском письме (когда он начал испытывать разочарование в тех надеждах, которые возлагал на Купе), Бабеф писал не без горечи: «Как мы далеки... от той прекрасной мечты о совершенном равенстве, которую я с таким удовольствием поспешно набрасывал в Бове»[229]. Недаром Бабеф прибег к тому же термину «égalité parfaite», который он употребил впервые в 1787 г. и повторял как в 1793 г., так и в 1797 г., накануне своей казни. Переписка с Купе, защита «аграрного закона» отнюдь не была в его глазах отступлением от этой «прекрасной мечты».

Следует учесть также неясности тогдашней терминологии. Как отмечает М. Домманже, существовало «четыре или пять формул, которые обозначали коммунизм в ту эпоху, когда это слово еще не существовало»[230]. Одной из этих формул, чаще всего применявшихся Бабефом в 1795—1796 гг., было «общее благосостояние» — «bonheur commun». Но еще и в Аррасской тюрьме, в 1795 г., когда взгляды Бабефа сложились в достаточно стройную коммунистическую систему, он и Ш. Жермен называли ее в своей переписке «аграрной системой», «agrairianisme». «Ты говоришь, что, если уедешь раньше меня,— писал Бабеф Жермену 28 июля 1795 г.,— ты явишься за получением аграрного посвящения (le baptême agrairien) от меня, как трибуна. Согласен»[231]. В переписке несколько раз упоминалось имя будущего участника «движения равных» Гуйара (Gouillart), находившегося в одной камере с Жерменом, как сторонника «аграрной доктрины»: «Гуйар шлет тебе привет,— сообщал Жермен,— я ввожу его в аграрные тайны» (aux mystères sacrés de l'agrairianisme)[232].

---

[228] В этом же письме Бабеф предлагает, чтобы демократизированная армия приняла участие в общественных работах, в сооружении каналов, дорог, в превращении «нездоровых болот и необработанных земель в плодородные долины» («Pages choisies...», p. 115).

[229] ЦПА ИМЛ, 111 В VI («Que nous sommes loin à ce que je vois, du fameux rêve d'Egalité parfaite que je m'étais plu à crayonner précipitamment a Beauvais»). Вольтерс считает, что в XVIII в. «последовательным представителем аграрного коммунизма является собственно один только Бабеф» (Ф. Вольтерс. Указ. соч., стр. 101).

[230] М. Домманже. «Равные» и конституция 1793 г. («Французский ежегодник. 1960». М., 1961).

[231] ЦПА ИМЛ, 49 В IV.

[232] V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 150. «Ты пишешь о твоем ученике Гуйаре,— отвечал Бабеф,— что он делает большие успехи в аграрной доктрине (à

Находясь в тюрьме, Бабеф составил краткое изложение основ своих взглядов. Для удобства распространения этого своеобразного «катехизиса» Жермен разбил его на 35 пунктов. Этот документ уцелел в архиве Марка-Антуана Жюльена, находившегося осенью 1795 г. в тюрьме Плесси вместе с Бабефом и Жерменом, куда они были переведены из Арраса. Сам Жермен назвал в переписке с Бабефом этот «катехизис» системой «аграрных учреждений»[233] (l'institution agrairienne), а Жюльен озаглавил эти «пункты» «Аграрными заметками» (Notes ou questions qu'on pourra traiter d'agrairiennes)[234]. И в переписке с Купе, и в Аррасской тюрьме, когда его взгляды приняли уже несравненно более отчетливый характер, Бабеф под «аграрным законом», под системой «аграрных учреждений», под «аграрным посвящением» понимает не просто «черный передел», а глубокое преобразование всех общественных учреждений, ту же систему «совершенного равенства».

Но помимо этой неясности в терминологии, следует принять во внимание очень важные мысли, развитые Бабефом в его письмах Купе, относительно той тактики, которой должны придерживаться «сторонники равенства». Бабеф — мы это видели в «Философском свете» — не обольщался насчет возможности того, что новые социальные идеи найдут немедленную поддержку в народе. «О! Если бы была надежда на то, что нас поймут массы,— писал он позднее Жермену,— если бы они могли просветиться сразу... Если бы они могли проникнуться той истиной, что для полного и окончательного установления равенства не должно остаться ни следа от того, что составляло существо обмана, они сами ринулись бы на уничтожение всех наглых проявлений неравенства»[235]. Но у Бабефа не было никаких иллюзий на этот счет, и в соответствии с этим он намечал свою линию поведения. В новом собрании, писал он Купе, понадобятся «методические» и «*тактические* головы» (des têtes tacticiennes), способные «*противопоставить одной тактике другую*» (une tactique à une autre)» (курсив здесь и дальше наш.— *В. Д.*)[236]. Нужно соблюдать величайшую осторожность и осмотрительность: «Должны ли вы открыто определенным манифестом оповестить, что явился спаситель мира (le Sauveur du monde)? Нет, конечно, и я думаю, что нас плохо встретят в нашем несчастном собрании, если мы выступим напрямик с такими предложениями... Нужно, чтобы ваши первые проекты были как следует замаскированы и

---

l'agrairianisme), и что он обещает нам других ее сторонников...» (ЦПА ИМЛ, 49 В IV).

[233] V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 143.

[234] ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, № 767. В заметках на полях этой рукописи, в которых Жюльен формулировал свои расхождения с бабувистами, он писал: «Только безумец может представить себе осуществление этой аграрной системы» (système agraire). О М.-А. Жюльене см. нашу работу «М.-А. Жюльен после 9 термидора» («Французский ежегодник. 1959». М., 1961).

[235] «Pages choisies...», p. 219.

[236] ЦПА ИМЛ, 68 В IV.

чтобы ни в коем случае не было заметно, что они направлены к заранее намеченной цели (vers le but concerté)..., Я говорю себе: нет почти никого, кто не отвергал бы аграрный закон; предрассудки здесь еще сильнее, чем в вопросе о монархии, и всех тех, кто осмеливался открыть рот по поводу этого великого вопроса, всегда вешали». И Бабеф приходит к выводу: «Мы вовсе не должны с самого начала разглашать свои намерения». Следует выступать с защитой только таких принципов, о которых всегда можно упоминать и «исповедовать открыто, не подвергаясь никакой опасности» [237].

Бабефу казалось даже, что этим тактическим правилам следуют Петион и Робеспьер, что и они являются «аграрниками», но не поднимают своего забрала: «Петион в проекте Декларации прав 1789 года выделил особый пункт, касающийся важнейшего права, о котором забыли в декретированной декларации,— обязанность общества обеспечивать всем своим членам достаточные средства к существованию (une subsistance honnête). Проанализируйте Робеспьера; вы обнаружите, что, в последнем счете, он является таким же защитником аграрного закона (agrairien), но эти знаменитые люди вынуждены лавировать, потому что они сознают, что еще не пришло время...» [238]. Недаром, собираясь взять на себя всю «кабинетную работу» для Купе, Бабеф предполагал, прежде всего, вступить в переписку с Робеспьером и Петионом [239]. Именно эти вполне продуманные тактические соображения, а не мнимый «отход от коммунизма», объясняют поведение Бабефа в первые годы революции. «Заранее намеченной», «конечной» целью революции для него по-прежнему остается все тот же коммунистический идеал Мабли, все та же система полного равенства!

Вопреки предположению Домманже и совершенно безапелляционному утверждению Ж. Вальтера [240], переписка между Бабефом и Купе не оборвалась в сентябре 1791 г., а продолжалась вплоть до февраля 1792 г. В известной мере она напоминает переписку с Дюбуа де Фоссе: Бабеф постепенно все больше разочаровывался в ней.

---

[237] A. Espinas. Op. cit., p. 406; «Pages choisies...», p. 123—124.

[238] A. Espinas. Op. cit., p. 410.

[239] Ibid., p. 511.

[240] По мнению Домманже, третье письмо Бабефа к Купе от 7 октября 1791 г. «дало не больше результата, чем предшествующее, и кажется, что вместе с исчезновением надежд на Купе, им заканчиваются отношения между двумя революционерами» (Pages choisies...», p. 97). Ж. Вальтер («Dictionnaire de biographie française») утверждает, что Купе не ответил ни на одно письмо Бабефа. В изложении истории переписки с Купе Ж. Вальтер вообще проявил поразительную неосведомленность: «Бабеф предложил свои услуги „политического советника" будущему депутату Купе... Тот ничего ему не ответил. Не смущаясь, Бабеф возобновил попытку, но очень сократил свои претензии. Он довольствовался теперь уже простой должностью секретаря, за самое скромное вознаграждение. Но и на это его предложение, как и на предыдущее, не последовало никакого ответа» («Dictionnaire...», IV, p. 1004. Paris, 1948). В архиве ИМЛ г. Ж. Вальтер мог бы ознакомиться не с одним, а семью письмами Купе к Бабефу!

3 октября 1791 г. Бабеф получил письмо от Купе уже из Парижа. Вместе со своим ответом он переслал, как уже упоминалось, петицию на имя Дюпора дю Тертра по давенекурскому делу с просьбой лично вручить ее министру. Для этого придется, правда, «вдохнуть министерский воздух, самое приближение к которому отталкивает честного человека, знающего, что одно соприкосновение с ним может оказаться опасным», но в данном случае оправданием является необходимость «защиты несчастных» [241].

Во всем письме чувствуется уже известное разочарование. В письме Купе была фраза: «Нужно ждать, чтобы выяснить, в каком положении мы находимся и на что мы способны». «Мой возраст и недостаток опытности,— отвечал Бабеф,— не разрешают мне раздумывать о том, что можно выиграть благодаря такому хладнокровию; я проявил бы гораздо большую пылкость» (j'aurais été beaucoup plus impétieux) [242]. По мнению, уже в день открытия Законодательного собрания, 1 октября, Купе следовало выступить с речью и поставить основной вопрос о том, что новое собрание является учредительным в такой же мере, как и первое, и должно поэтому приступить к пересмотру конституции. Бабеф собирался подготовить проект такой речи, но отказался от своего намерения — в Собрании, по-видимому, слишком мало сторонников этой точки зрения. Нужно еще выяснить, кто в этом Собрании «подкупленных» принадлежит к числу «неподкупных», из какого материала — из глины или из песка — состоит почва, на которой придется воздвигать новое здание.

14 октября Купе ответил, что ему удалось добиться в министерстве распоряжения о применении к давенекурцам амнистии 14 сентября. О своем собственном поведении в Собрании Купе писал: «Я слежу очень внимательно и слушаю. Я подготовляю свои идеи. Много раз я уже излагал их на бумаге. Я жду: другие их высказывают, и этого для меня достаточно. Если только разумная мысль высказана, меня это устраивает. У меня вовсе нет честолюбивого желания говорить,— за исключением тех случаев, когда не говорят о том, что мне кажется необходимым. Но и тогда я склонен думать, что... мои мысли не являются лучшими, раз никто их не высказывает... Гораздо легче и гораздо надежнее слушать». Купе заканчивал меланхолическим размышлением: «Как отвратительна эта машина большого государства с развращенными нравами. Счастлив тот, кто живет среди полей, как готтентот». (Heureux celui, qui vit aux champs et comme le hottentot) [243].

Бабеф ответил 21 октября. Он едва сдерживал свое недовольство. Рассказав о том, как происходило освобождение давенекурцев, он перешел к критике поведения Купе. Скромность — превосходное качество, но не оно является основным для «народного де-

---

[241] ЦПА ИМЛ, 111 В VI.
[242] Там же.
[243] ЦПА ИМЛ, 112 В VI.

путата» (un Député du peuple): «Я не считаю ее самой полезной добродетелью для законодателя. Это не то место, где главная заслуга состоит в том, чтобы оставаться безвестным» [244]. Возможно, что в Собрании имеются еще сторонники тех же взглядов, что и у Купе, но и они ждут, пока кто-нибудь первым осмелится их высказать. Пока все оглядываются друг на друга и никто не отваживается начать, «время проходит, умеренные завоевывают влияние, а ничтожная кучка подкупленных краснобаев (beaux diseurs) подчиняет себе все Собрание». «Осмельтесь первым заговорить великолепным языком великого патриотизма и строгой добродетели,— призывал Бабеф Купе,— мы слышали его в прекрасные дни начала предыдущего Собрания; этот язык способен привлечь к себе, воздействовать на сердца даже тех, кто глубже всего увяз в грязи карьеризма. Нынешнее собрание еще не говорило этим языком...; оно не совершило еще ни одного достойного акта; все заставляет опасаться, что оно никогда этого и не сделает; и патриоты... трепещут, что его поведение станет плохим примером для будущих собраний, и исправление зла станет почти неосуществимым» [245].

Желание «жить среди полей, как готтентот» достойно честного человека, лишенного честолюбия. Бабеф пишет, что и его самого не оставляет мысль «присоединиться когда-нибудь к этому счастливому готтентоту». Но сейчас нельзя еще терять надежды на то, что удастся улучшить положение человека, живущего в «цивилизованном обществе». Бабеф ссылается на Руссо: «естественный человек» может надеяться только на себя самого, он видит в себе одном все целое (il voit en lui seul l'unité). Но человек, находящийся в обществе, живет не для самого себя, он является только «частью целого» (il n'est qu'une fraction de l'unité). Раз это так,— «я должен, пока я живу в обществе, оставаться человеколюбцем (philantrope), я стану эгоистом только тогда, когда вернусь в первобытное состояние» [246].

Отсутствие ответа от Купе, видимо, взволновало Бабефа. Через десять дней он обратился к нему снова: «Несмотря на то, что после 21-го, когда я послал вам свое последнее письмо, я не получаю от вас никаких известий, я не верю, что та прямота, с которой я всегда излагаю вам все, что думаю, вам не понравилась» [247].

В этом письме Бабеф обратился к Купе с новой просьбой: «Вас считают здесь ангелом-хранителем этого края, а меня — посредником в сношениях с вами». На этот раз дело шло о нескольких крестьянах коммуны Кони (Cauny) из дистрикта Нуайона, у которых возникло столкновение с неприсягнувшим священником, возбудившим против них судебное преследование.

Бабеф жаловался Купе на то, что почти лишен газет,— он просматривает только «Journal des Décrets pour les campagnes». Но он

---

[244] ЦПА ИМЛ, 37 В II.
[245] Там же.
[246] Там же.
[247] ЦПА ИМЛ, 71 В IV.

по-прежнему внимательно следил за деятельностью Законодательного собрания: «Итак, друг Бриссо блеснул по вопросу об эмиграции. Я сам хотел... сообщить вам, что она приняла ужасающие размеры на нашей фландрской дороге...»[248] Любопытны мотивы, по которым Бабеф отказался от своего намерения: «Мне скажут, что наша конституция основана на полной свободе личности, а вы хотите ограничить эту свободу». Но сам он совершенно не разделяет этого чрезмерного фетишизирования «формальной» демократии: всем этим «ухищрениям доктрины» (subtilités de la Doctrine) нужно противопоставить «могучую аксиому: благо народа есть высший закон»[249].

Купе охотно взялся за выполнение просьбы Бабефа, касавшейся его нуайонских земляков. В письмах от 11 и 12 ноября он сообщил о своих хлопотах и их благоприятном результате[250]. «Еще одно превосходное последствие ваших благодетельных забот»,— отвечал Бабеф 16 ноября[251]. Судя по письму, деятельность Законодательного собрания продолжала внушать ему опасения: «Вопрос о священниках не обсуждался в субботу. Декрет о неприсягнувших все еще не утвержден (королем.— *В. Д.*) Ах, сударь, а враждебная партия делает ежедневно огромные успехи в наших деревнях»[252].

Это — последнее письмо Бабефа к Купе, имеющееся в нашем распоряжении (Бабеф писал еще в январе 1792 г., но это письмо не уцелело). Но Купе писал еще трижды, и в одном из этих писем жаловался на молчание Бабефа: «Вы не совсем здоровы? Вы не получили моего последнего письма? Вы заняты каким-нибудь важным делом, поглощающим все ваше время? Я предпочитаю делать все эти предположения, но не хочу думать, что вы нас забыли»[253].

В письмах Купе все сильнее сказывалась растерянность скромного деревенского священника, внезапно столкнувшегося с «царством макиавеллизма» и коррупции. «Кто даст мне крылья, как голубке,— цитирует он латинский стих,— я улетел бы и успокоился»[254]. «Злые люди остаются победителями при всех правительствах... Этот печальный мир является их царством, он никогда не изменится; нужно обновить природу человека; даже больше, нужно ее совершенно переделать. После всех этих горьких истин честному человеку остается только закрыть в горести лицо и сказать: будем

---

[248] ЦПА ИМЛ, 71 В IV.

[249] Там же. В этом же письме Бабеф иронизировал над решением Собрания о том, что поступающие петиции подлежат предварительному анализу, вслед за чем должны сообщаться только извлечения из них: «Может ли петиция подвергаться сперва анализу?.. Забавно, что об общественном мнении и наиболее ярких проявлениях общей воли будут узнавать только из анализа».

[250] ЦПА ИМЛ, 113 и 114 В VI.

[251] ЦПА ИМЛ, 70 В IV.

[252] Там же.

[253] ЦПА ИМЛ, 116 В VI («ce 18 janvier 1792»).

[254] «Quis mihi dabit pennae sicut columbae! Volabo et requiescam» (ЦПА ИМЛ, 117 В VI).

думать только о том, чтобы прожить то время, которое нам остается, прежде чем мы навсегда покинем этот чудовищный и развратный мир».

Все явственнее сказывались симпатии Купе к будущим жирондистам (хотя позднее в Конвенте он и примкнул к якобинцам). 18 января 1792 г. он сообщил о «мужественной и глубокой речи Бриссо», которая произведет «глубокое впечатление во всей Европе» [255], а 18 февраля о «превосходном обращении к французам», составленном Кондорсе, сделавшим все, «на что способен великий человек на его месте и в тех обстоятельствах, которые мы переживаем» [256].

«Камилл де Мулен только что жестоко разоблачил Бриссо,— с осуждением сообщил он в своем последнем письме Бабефу 18 февраля 1792 г.— Тот, кто приподнимет завесу, прикрывающую род человеческий, увидит за ней окаменевшую голову Медузы» [257]. Но Бабефа, с таким огромным нетерпением и надеждой ждавшего дальнейшего углубления революции, эти мрачные размышления не могли привлечь. Письмо Купе осталось без ответа. Переписка прекратилась; Бабеф изжил еще одно свое увлечение. Ни разу в последующие годы он не называл имени Купе!

В этом, конечно, сказалось и личное разочарование: рушились все надежды Бабефа на помощь Купе в устройстве его материальных дел. «Меня крайне огорчает,— писал Купе 14 октября,— печальное положение, в котором вы находитесь, а еще больше невозможность чем-либо вам помочь. Все бюро Собрания давно заполнены, и я слышал, что есть множество людей, даже отцов семейств, которые выброшены на мостовую. Как можно чего-нибудь добиться, если даже люди, которые находятся здесь и пользуются рекомендациями и покровительством, остаются без мест. Тем не менее, если я что-нибудь узнаю..., я сейчас же вам сообщу» [258].

Не без чувства горечи Бабеф отвечал: «Я все же буду просить вас поискать для меня что-нибудь в Париже. Вы говорите, что те, кто находится там, на месте, и пользуется покровительством со всех сторон, имеет больше преимуществ. Но ведь вы в Париже и можете меня рекомендовать, а я нахожусь всего лишь в 22 лье; разве это не то же самое, как если бы и я находился в столице?» [259] И все же основной причиной прекращения переписки были не эти личные соображения. Еще раз Бабефа постигло политическое разочарование: Купе оказался не из тех людей, которые становятся «спасителями мира».

---

[255] ЦПА ИМЛ, 116 В VI.

[256] ЦПА ИМЛ, 117 В VI. Этот адрес был прочитан Кондорсе 16 февраля (АР, t. 38, p. 566—570).

[257] ЦПА ИМЛ, 117 В VI.

[258] ЦПА ИМЛ, 112 В VI.

[259] ЦПА ИМЛ, 37 В II.

VII

Объясняя Бабефу в последнем письме (18 февраля 1792 г.) причины своего продолжительного молчания, Купе сослался на то, что он «был отвлечен чрезвычайным происшествием», произошедшим в его дистрикте [260]. Он не преувеличил: в течение почти двух недель «чрезвычайные происшествия» в Нуайонском дистрикте были предметом многократного обсуждения в комитетах Законодательного собрания, на заседаниях самого собрания, сообщений военного министра Нарбонна и т. д. За ними пристально следил и Бабеф.

Нуайонское движение, как и ряд других сходных с ним движений, происходивших в начале 1792 г., в основном охватывало деревни и в этом отношении примыкало к тем аграрным движениям, с которыми мы уже знакомились. Однако события в Нуайоне имели совершенно особые, специфические черты. А. Матьез в лучшей своей работе «Дороговизна и социальное движение в эпоху террора», написанной тогда, когда он в наибольшей степени испытывал влияние идей марксизма, очень правильно подметил особенности этих движений: «Экономическая борьба на этот раз приняла форму социальной борьбы. За обеспеченным третьим сословием на горизонте встало четвертое сословие, изголодавшееся и полное ярости» [261].

Волнения, охватившие в начале 1792 г. северные и центральные районы Франции, носили, в основном, продовольственный характер, однако в ряде отношений они отличались от однотипных движений 1789 г. Тогда эти волнения, возникавшие на почве дороговизны и недостатка продовольствия, вызваны были, прежде всего, неурожаем.

Урожай 1791 г. был если и не превосходным, то совершенно достаточным. Никакой опасности не только голода, но даже сколько-нибудь серьезной нехватки хлеба не существовало, особенно в таких богатых сельскохозяйственных районах Франции, как Фландрия. Пикардия, Орлеаннэ, где как раз и вспыхнуло движение. Но рост цен на хлеб действительно имел место. Он был следствием, однако, не недостатка зерна, как это было в 1788—1789 гг., а начала инфляции и вызванных ею социальных сдвигов. Выпуск ассигнатов, особенно мелких купюр (в Париже они появились в июле 1791 г., а в департаментах к концу года), привел сразу к созданию двух курсов. К моменту бегства в Варенн курс ассигнатов снизился уже на 20—30%, а звонкая монета почти совершенно исчезла из обращения. Реальная заработная плата, которая теперь уже всем рабочим, и городским, и сельскохозяйственным, выплачивалась в мелких ассигнатах, сразу снизилась.

[260] ЦПА ИМЛ, 117 В VI («...j'ai été detourné par des choses extraordinaires. arrivées dans notre district»).

[261] A. Mathiez. Le vie chère et le mouvement social sous la terreur. Paris, 1927, p. 49 (Ch. II.— «Un essai de taxation populaire au printemps 1792»); русск. пер.: А. Матьез. Дороговизна и социальное движение в эпоху террора. М., 1928.

Введение ассигнатов очень скоро отразилось и на состоянии хлебного рынка. Уже в конце 1791 г. поступают жалобы (например, из Лилля), что «крупные фермеры» предпочитают продавать «на 3 ливра дешевле на серебро, чем на 3 ливра дороже за ассигнаты»[262]. Но поскольку монета все более исчезала, фермеры и более зажиточные элементы деревни, освобожденные к тому же от необходимости уплаты десятины и ряда феодальных повинностей, вообще не торопились с продажей хлеба на ассигнаты и, во всяком случае, предпочитали продавать его не на рынках, а у себя на дому, через скупщиков, отправлявших значительные партии хлеба в столицу, в Руан, в южные департаменты, где цена на хлеб была почти вдвое дороже, чем в той же Пикардии, или за границу[263]. К весне 1792 г. обозначались первые симптомы «хлебной забастовки» имущих слоев деревни, сказавшиеся со всей силой через год-полтора, ко времени установления якобинской диктатуры.

Нужно при этом учесть, что хотя экономическая конъюнктура к 1791 г. несколько улучшилась, но промышленные затруднения далеко не были изжиты, и размеры безработицы и нищенства были все еще очень значительными. В деп. Уазы, куда входил Нуайонский дистрикт, прокурор-синдик докладывал Генеральному совету департамента 3 декабря 1790 г.: «...Негоцианты в городах и деревнях крайне встревожены, фабриканты приведены в уныние, мастерские заброшены, часть рабочих рассеялась или готова к переселению, другая часть постоянно находится в поисках занятий»[264]. В Бове, департаментском центре, из 12 950 жителей одна треть (4309) нуждалась в помощи, в Компьене из шести тысяч — 1700; в деревнях, судя по тому же докладу, 29 333 человека вынуждено нищенствовать. К этому числу следует добавить «тех рабочих, которые не нищенствуют, но нуждаются в работе и скоро окажутся еще в большей нужде, чем нищенствующие, потому что у них нет привычки побираться» — описание, чрезвычайно напоминающее петицию по вопросу о нищенстве, составленную Бабефом в декабре

---

262 F. Gerbaux et Ch. Schmidt. Procès-verbaux des Comités d'agriculture et de commerce de la Constituante, de la Législative et de la Convention. Paris, v. 2, 1907, p. 415, n. 3.

263 Цена парижского сетье зерна к февралю 1792 г. составляла в столице 28 ливров 3 су, в Нуайоне — 22 ливра и 4 су, а в деп. Верхних Альп — 45 ливров 5 су (AP, t. 38, p. 725). См. также петицию коммуны Аврикур Нуайонского дистрикта от 26 февраля 1792 г.: «...Народ стонет от дороговизны предметов первой необходимости..; он с трудом достает хлеб..; он изумлен, что хлеб так дорог после двух столь обильных урожаев..; он с ужасом наблюдает, что, начиная с октября, имеет место значительный экспорт хлеба..; если не будут приняты меры для снижения цен, следует опасаться, что народ предастся отчаянию и восстанет повсюду». (H. Baumont. Le département de l'Oise pendant la Révolution; la circulation des grains (janvier — mars 1792).— «Bulletin de la Société des études historiques et scientifiques de l'Oise», t. 3, 1907, p. 152).

264 H. Baumont. Le département de l'Oise pendant la Révolution (juin — décembre 1790).— «Bulletin de la Société d'études historiques et scientifiques de l'Oise», t. 2, 1906, p. 29.

1789 г. В благотворительных мастерских деп. Уазы заработная плата составляла только 1/6 обычного среднего заработка [265]. В соседнем деп. Севера, судя по одной записи Бабефа, на 1 216 000 населения к декабрю 1791 г. больше четверти — 280 000 — нуждалось в помощи [266]. К безработице и вынужденному нищенству в начале 1792 г. добавились падение реальной заработной платы, вследствие введения ассигнатов, явное сокращение выхода зерна на рынок и связанный с этим рост цен на хлеб.

Все это и привело к продовольственным волнениям в начале 1792 г. как раз в тех районах, где имелось аграрное перенаселение, где значительные слои деревни вынуждены были работать на мануфактуру или наниматься к фермерам и являлись уже не продавцами, а покупателями хлеба [267]. Продовольственные волнения 1792 г. были, в известной мере, предвестником и репетицией той войны за хлеб, которая разыгралась в 1793—1794 гг. между имущими элементами деревни, с одной стороны, городскими санкюлотами и деревенской беднотой — с другой. Во всяком случае совершенно очевидно, что главными действующими силами в этих волнениях были именно те «classes malaisées», интересы которых стремился защищать Бабеф [268].

Продовольственные волнения отмечались еще в ноябре 1791 г. Они особенно усились в феврале — марте 1792 г., причем нуайонские события заняли особое место. «Ко всем беспорядкам,— отмечали в своей «Парламентской истории» Бюше и Ру,— присоединились почти повсеместные волнения, связанные с торговлей хлебом (circulation des grains); самые серьезные вспыхнули в департаменте Уазы» [269].

Они начались 6 февраля. В районе Нуайона крестьяне задержали четыре судна, груженные зерном и шедшие по р. Уазе. Команда уклонилась от ответа, куда направляется груз и кто является его

---

[265] Ibid., p. 30.

[266] ЦПА ИМЛ, 87 В I. Эта цифра была приведена депутацией деп. Севера в Законодательном собрании.

[267] П. Доливье в своей знаменитой петиции 1 апреля 1792 г. жаловался на то, что «цены на предметы продовольствия первой необходимости достигли уровня, недоступного для бедного рабочего, для поденщика» (M. Robespierre. Oeuvres, v. 4, p. 131; сам Робеспьер в примечании к этой петиции, опубликованной в его газете «Защитник конституции», отмечал, что «чем больше дорожает хлеб, тем ниже становится плата за работу».— Ibid., p. 132, n 25).

[268] Характеризуя продовольственные волнения в деп. Севера, Ж. Лефевр отмечал, что фермеры «боялись больше всего городского простонародья (le petit peuple des villes)... Но у деревенских бедняков были те же жалобы; они также недовольны были негоциантами и купцами.., зажиточными крестьянами, ставшими их пособниками. Отправляясь каждую неделю на рынок, они вступали в контакт с городским пролетариатом, и, таким образом, волнения, ставшие частыми в городах, угрожали найти грозное эхо в соседних деревнях» (G. Lefebvre. Les paysans du Nord, p. 368).

[269] Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution française, t. 13, p. 182.

собственником. 7 февраля представители 24 коммун приняли решение разгрузить суда и свезти хлеб в аббатство Урскам (Ourscamps), где были обширные склады, издавна предназначавшиеся для хранения зерна и раздачи его беднякам в случае недорода и голода. Вокруг аббатства были расставлены караулы. Одновременно два судна были разгружены около Аттиши и Шуази-ле-Бак. Перевозка зерна по рекам Эне и Уазе была блокирована [270].

Дистрикт Нуайона — как раз двое или трое его администраторов и были владельцами задержанного груза, хотя они тщательно скрывали это обстоятельство — и администрация деп. Уазы немедленно забили тревогу. По распоряжению военного министерства в Урскам была направлена вооруженная экспедиция во главе с генералом Ги д'Арси, владельцем обширных поместий в Арси (вблизи Компьена), пользовавшимся очень нелестной репутацией властного, жестокого сеньера, одного из участников расправы на о. Сан-Доминго. «При одном его имени я затрепетал,— заявил несколькими днями позднее Базир, один из трех наиболее левых депутатов Законодательного собрания,— мне казалось, что уже льется кровь...; вся резня в колониях была вызвана им» [271].

Весть о приближении Ги д'Арси наэлектризовала не только весь Нуайонский дистрикт, но и соседние департаменты. Всю ночь бил набат. Крестьяне, вооруженные, чем попало,— ружьями, косами, серпами, вилами,— во главе со своими муниципалитетами устремились со всех сторон к аббатству. По сообщению секретаря дистрикта, к десяти часам утра 13 февраля вокруг аббатства собралось около 10 тысяч человек, к трем часам их было уже около 30 тысяч. В Аттиши и Шуази-ле-Бак собралось также не меньше 10 тысяч крестьян. «Сборище в 30—40 тысяч человек 13 февраля,— докладывал позднее Законодательному собранию депутат Воблан,— состояло из жителей более чем 140 приходов, в том числе и из деп. Соммы и Эны, и вызвано было сообщением курьера, опередившего на несколько часов г. Ги, о том, что этот офицер движется во главе многочисленных отрядов и артиллерии» [272]. Все подступы к Урскаму, все дороги из Нуайона, власти которого внушали крестьянам недоверие, «на двенадцать квадратных лье в окружности» были прочно заняты крестьянами [273]. Растерявшийся Ги д'Арси

---

[270] Наиболее подробное изложение событий в Нуайоне, кроме «Archives Parlementaires», см. у H. Baumont. Le département de l'Oise pendant la Révolution; la circulation des grains (janvier — mars 1792).— «Bulletin de la Société... de l'Oise», t. 3, 1907; L. Mazière. Noyon de 1789 à 1795.— «Comité archéologique et historique de Noyon», t. XV. Noyon, 1899, p. 54—68; см. также ценный этюд: M. Vovelle. Les taxations populaires de février-mars et novembre-décembre 1792 dans la Beauce et ses confins.— «Structures sociales et problèmes économiques (1787—1798)». Actes du 82 congrès national des sociétés savantes. Paris, 1958.

[271] AP, t. 38, p. 540.

[272] Ibid., p. 610.

[273] H. Baumont. Le département de l'Oise pendant la Révolution; la circulation des grains (janvier — mars 1792).— «Bulletin de la Société... de l'Oise», t. 3, 1907, p. 119—120.

задержал свои войска, отправился в Бове и оттуда в Париж за подкреплениями.

15 февраля положение в Нуайоне обсуждалось в Собрании. Военный министр Нарбонн доложил о приказе короля двинуть для подавления движения новые военные силы. Однако отмеченное нами выступление Базира внесло некоторый перелом. В Урскам были направлены четыре комиссара, в том числе Жильбер Ромм [274]. Однако все усилия комиссаров оказались тщетными, хотя Ромм, хорошо известный своей личной честностью и преданностью революции, «со всей силой говорил о священном праве собственности и пытался убедить, что никто не вправе на нее посягнуть» [275]. Комиссары вынуждены были уступить и не только взяли на себя миссию передать Собранию петицию нуайонских крестьян, но и обещали добиться удовлетворения требования об оплате всех участвовавших в разгрузке хлеба и его охране (их число составляло более тысячи человек). Требование это аргументировалось «прискорбным положением большинства тех, кто вынужден был посвятить свое время этому занятию, не получая за это никакой заработной платы» [276] (aucun salaire) — выражение очень характерное для определения социального состава участников нуайонского движения.

18 февраля доклад комиссаров, предварительно обсуждавшийся на экстренном объединенном заседании комитетов торговли и сельского хозяйства [277], заслушивался в Собрании. Было принято постановление о необходимости немедленного восстановления полной свободы хлебной торговли. Исполнительной власти вменялось в обязанность «прекратить всеми имеющимися в ее распоряжении средствами сборища, происходящие в Урскаме, Аттиши, Шуази-ле Бак». Но страх перед движением, стремление во что бы то ни стало прекратить его были настолько велики, что комиссарам удалось добиться принятия пункта об оплате, на котором так настаивали в Урскаме. Это дало А. Матьезу основание утверждать, что «Собрание успокоило волнения в Нуайоне, капитулировав перед его участниками» [278].

Это было, однако, совсем не так. Уже на следующий день, 19 февраля, Собрание вновь вернулось к вопросу о Нуайоне. Нарбонн потребовал разрешения Собрания на отправку полка или двух батальонов из числа войск, расположенных в столице,— без санк-

---

[274] При обсуждении кандидатур комиссаров первым было названо имя Купе, как депутата деп. Уазы. Однако выступление Купе на том же заседании Собрания, заявившего, что «народ вынужден был оказаться в положении восстания» из-за голода, из-за «сознания, что продовольствие иссякает» (AP, t. 38, p. 541), очевидно, восстановило против него Собрание. Кандидатура Купе не встретила поддержки.

[275] H. Baumont. Le département de l'Oise pendant la Révolution; la circulation des grains.— «Bulletin de la Société... de l'Oise», t. 3, 1907, p. 135.

[276] AP, t. 38, p. 610.

[277] F. Gerbaux et Ch. Schmidt. Procès-verbaux.., v. II, p. 527—528.

[278] A. Mathiez. La vie chère.., p. 66.

ции Собрания такой вывод был невозможен. Один из комиссаров Собрания, бывших в Урскаме, Лабержери, поддержал Нарбонна, указав, что Париж получает значительную часть своего продовольствия по рекам Уазе и Эне. «...Вот уже 17 дней, как всякое судоходство прекращено, 17 дней задерживается 15 тысяч мешков зерна, предназначенных главным образом для столицы... Поймите же крайнюю необходимость поддержать свободный оборот хлеба на этих двух реках» [279].

Нарбонну было предоставлено право отправить в Нуайон 2 батальона. Для подавления волнений в одном лишь дистрикте это было очень много, если учесть, что во всем Париже было расположено только три линейных полка. В состав маленькой армии, направленной в Урскам, вошло 2400 солдат и восемь орудий. Командовавший ею генерал-лейтенант Витингоф опасался, по-видимому, очень серьезного сопротивления. По крайней мере 23 февраля он сообщил Нарбонну, что его войска достигли цели и «завтра получат отдых», после чего он предполагает «начать штурм мятежников в Урскаме». «Кажется, что они собираются защищать свою позицию,— писал Витингоф,— которая очень для них выгодна. Я сильно рассчитываю на два парижских батальона и на полк егерей под командованием Ламета (из Амьена.— *В. Д.*)» [280]. Однако, когда Витингоф подошел к стенам аббатства, оказалось, что его охраняют только 40 «мятежников». Даже после этого генерал оставил 400 солдат в аббатстве и 800 в Нуайоне,— так велик был его страх [281].

Меньше чем через неделю после успокоения Нуайона вспыхнули волнения в Этампе, где был убит мэр города, владелец кожевенной мануфактуры Симоно, давший приказ о стрельбе по толпе, пытавшейся таксировать на рынке цены на хлеб. Убийство Симоно, как известно, явилось сигналом к волне репрессий и буржуазной реакции, поддержанной даже якобинским клубом, хотя этому противились Робеспьер и Марат. Но события в Этампе дали толчок и в другом направлении. 1 апреля 1792 г. Пьер Доливье в своей знаменитой петиции Законодательному собранию выдвинул требование установления твердых цен на хлеб. Вслед за Доливье — и независимо от него — с требованием поставить «в порядок дня» продовольственный вопрос выступили и будущий руководитель «бешеных» в Париже, Жак Ру, и Ланж в Лионе.

---

[279] AP, t. 38, p. 656. Бомон (H. Baumont. Le département de l'Oise pendant la Révolution; la circulation des grains.— «Bulletin de la Société... de l'Oise», t. 3, p. 142) приводит гораздо меньшую цифру — 6300 мешков.

[280] AP, t. 39, p. 57.

[281] Девять человек было предано суду, в том числе один ткач (Канель), один прядильщик шерсти, один белильщик бумазеи. Четверо, в их числе ткач Канель, на шесть часов были выставлены к позорному столбу на нуайонской площади и осуждены на десятилетнее заключение в кандалах. Только в декабре 1792 г. этот приговор был отменен (H. Baumont. Le département de l'Oise pendant la Révolution; la circulation des grains.— «Bulletin de la Société... de l'Oise», t. 3, 1907, p. 153).

До сих пор не было, однако, известно, что в числе этих «первых теоретиков максимума», как назвал их Матьез [282], выступивших в связи с продовольственными волнениями весны 1792 г., должен быть назван и Бабеф. Как оказывается, еще 1 марта, за несколько дней до событий в Этампе, он написал обращение «К муниципалитетам департамента Уазы». Бабеф сразу правильно оценил значение нуайонского движения: «Вы взяли в свои руки прекраснейшее дело: вы только показали (что бы ни говорили злонамеренные люди) пример, достойный приковать к себе взоры человечества. Сорок тысяч французов смело поднялись ради великого вопроса о хлебе. О, мои друзья, мои братья, осознайте, насколько прекрасно ваше начинание; учтите, что *судьба всей Франции* (курсив наш.— *В. Д.*) может зависеть от того, каким образом вы закончите так счастливо начатое дело» [283].

Бабеф дал чрезвычайно ясный анализ экономических и социальных причин, вызвавших движение: «Скупщики отняли у нас звонкую монету, они уже нанесли жестокие удары громадному большинству отраслей торговли; благодаря тайным интригам, внушенным самой чудовищной злобой, они добились того, что заставили *бездействовать почти всех наших рабочих* (курсив наш.— *В. Д.*), но основной предмет нашего пропитания — наш хлеб — оставался в изобилии; и вот теперь у нас пытаются отнять и это последнее средство спасения» [284].

Внимательно следивший за ходом событий, Бабеф — правильнее, чем много лет спустя А. Матьез,— оценил политику Законодательного собрания: «Посланники национального сената являются, чтобы ознакомиться с положением, одобряют мотивы вашего поведения, обещают вам издать закон, которого вы домогаетесь для того, чтобы наиболее надежным способом предотвратить угрожающий нам голод и дороговизну,— и все заканчивается принятием закона, предписывающего вооруженным силам отобрать у вас самые драгоценные из ваших сокровищ». Но Бабеф, хотя он писал всего через несколько дней после того, как армия Витингофа заняла Урскам [285], предлагал прислушаться к его мнению: «Братья! Тот, кто ударил в набат, требуя предать смерти... фалангу откупщиков, тот, кто избавил вас от всепожирающей орды прислужников фиска, тот, кто

[282] A. Mathiez. La vie chère..., p. 71.

[283] ЦПА ИМЛ, 47 В II. «1er mars l'an 4. Aux municipalités du département de l'Oise (русск. пер. письма: «Вопросы истории», 1961, № 2, стр. 110—111).

[285] Там же.— На большом материале М. Вовелль показал, что в деп. Сены и Уазы, Эры и Луары это движение, в первую очередь, охватило «ту часть населения, которая получала заработную плату» (toute la partie salariée de la population), которая больше и раньше других пострадала от введения мелких ассигнатов, исчезновения звонкой монеты и роста дороговизны (M. Vovelle. Op. cit., p. 114). Значение всех этих факторов было тогда же, весной 1792 г., подчеркнуто Бабефом.

[285] Лораге 25 февраля 1792 г. запрашивал Бабефа: «Какое участие вы приняли в последних событиях?» («Quelle part avez-vous pris dans les derniers évenements?»).— (AD de la Somme, $F^{129}/_5$).

целиком посвящает себя защите угнетенных... заслуживает, вероятно, того, чтобы ему было оказано некоторое доверие».

Бабеф предлагал обратиться к Законодательному собранию с петицией, посвященной продовольственному вопросу. К сожалению, сохранилось только ее начало: «Посланцы 40 тысяч французов из дистрикта и окрестностей Нуайона (Бабеф приводит ту же цифру, которая указана была в докладах комиссаров Законодательного собрания.— *В. Д.*), уверенные в том, что они выражают волю всего остального населения страны, представляют на ваше рассмотрение самый важный из всех вопросов, стоящих перед нацией, вопрос который еще не обсуждался в сенате, хотя его давно уже следовало обсудить. Этот великий вопрос — вопрос о хлебе!» [286]

Таким образом, уже 1 марта 1792 г. Бабеф совершенно отчетливо выдвинул как «самый важный из всех вопросов, стоящих перед нацией», вопрос о продовольственной политике. Его позиция совпадала с той позицией, которую в весенние и летние месяцы 1792 г. заняли Жак Ру в Париже, Доливье в Этампе, Табуро в Орлеане, Ланж в Лионе. Как и во время борьбы против косвенных налогов, так же как в петициях от имени коммун Монтиньи, Мери и Давенекура, Бабеф, действуя пока еще в ограниченных пикардийских масштабах, все время настойчиво стремился повлиять на ход политической и социальной борьбы во всей стране. Его мысль никогда не ограничивалась локальными рамками. И эта особенность деятельности Бабефа, подготовлявшая его будущее выступление как руководителя движения «во имя равенства», очень явственно проявилась несколькими месяцами позднее, когда летом того же 1792 г. Бабеф вмешался в «дело коммуны Бюлль» (Bulles). Ему снова пришлось выступить в качестве глашатая тех же социальных слоев, чьи интересы он старался защищать и во время нуайонских волнений.

VIII

«Дело коммуны Бюлль», которому Бабеф почти целиком посвятил себя с конца июня до середины августа 1792 г., представляет интерес с разных точек зрения. Оно важно, в частности, для выяснения позиции Бабефа в вопросе о судьбе общинных земель.

Ж. Лефевр высказал, как мы уже указывали, предположение, что корни коммунизма Бабефа следует искать в общинных традициях пикардийской деревни. Неимущее и малоимущее крестьянство, составлявшее огромное большинство в деревне, ставило своей задачей сохранение всех «общинных сервитутов», всех общинных обычаев (usages collectifs). Лефевр считал очень показательной в этом отношении позицию Бабефа: «Он родился и жил в Пикардии, где общинные привязанности (le sentiment communautaire) были особенно

---

[286] ЦПА ИМЛ, 47 В II (русск. пер.: «Вопросы истории», 1961, № 2, стр. 110—111).

сильны, как я это показал, изучая крестьян Камбрезиса. Я не сомневаюсь в том, что свое живое чувство «социального права» он унаследовал от деревенской общины... Можно полагать, что его чисто аграрный коммунизм заимствует очень много черт из современной ему деревни и чаще напоминает о прошлом, чем предвещает будущее»[287].

Эту же мысль Лефевр развивал в 1935 г. в своем предисловии к «Избранным произведениям» Бабефа. В пикардийской деревне крупным фермерам противостояло население, «глубоко привязанное к общинным обычаям и традициям, к регламентации..., чрезвычайно враждебное капиталистическому земледелию». Взгляды Бабефа во многом шли дальше, чем эти стремления пикардийского крестьянства, но все же корни его коммунизма следует искать именно в этих «общинных традициях наших деревень». Он дал им «систематическое истолкование» (interprétation systématique) именно в тот момент, когда они «быстро шли навстречу своему исчезновению»; «мысль Бабефа родилась из жизни этих сельских общин»[288].

Мы уже отмечали, что самое определение коммунизма Бабефа как чисто аграрного представляется нам неточным и неполным. Играли ли в действительности общинные традиции ту роль, которую приписывал им Ж. Лефевр? Выступал ли Бабеф в годы революции в качестве защитника сохранения «общинных обычаев»?

За первые годы революции нам известен только один документ Бабефа, относящийся к вопросу об общинных землях,— петиция коммуны Болье (Нуайонский дистрикт), составленная им, по-видимому, в 1789 или 1790 г. Она очень типична для характеристики той классовой борьбы, которая шла в деревне вокруг общинных земель. В то время, как по вопросу о ликвидации сеньериальных повинностей вся деревня, в основном, выступала единым фронтом против помещиков, в вопросе об общинных землях с самого начала революции расстановка сил была иной. Вся деревня требовала возврата общинных земель, присвоенных сеньерами в порядке «триажа», как это было, например, в Давенекуре. Однако решение вопроса о дальнейшей судьбе общинных земель сразу же вызывало противоречия между имущей и неимущей частью деревни, между буржуазной верхушкой городских коммун и плебейскими элементами городов, как это было в Руа, в апреле 1791 г. Именно таково было положение и в Болье.

Площадь общинных угодий в этой коммуне, судя по бабефовской петиции, была очень невелика. Они сдавались в аренду, и доход от их эксплуатации должен был прежде всего поступать в пользу «бедняков», как от их «общего достояния». Однако в Болье на протяжении многих лет они решительно ничего не получали. Арендатором земель являлся некий Леклерк, сборщик налогов,

[287] G. Lefebvre. La Révolution française et les paysans («Etudes sur la Révolution française». Paris, 1954, p. 255).

[288] G. Lefebvre. Préface, p. X—XI («Pages choisies...»).

и ему же муниципалитет поручил распределение средств, выручаемых от аренды. Все дело в том, что «г. Леклерк богат, что благодаря этому богатству все зависит от него, что... из-за этой зависимости бедняки не осмеливаются ничего требовать даже тогда, когда они убеждены, что их обирают»[289]. Большинство жителей коммуны доведено до крайней нищеты. Они вынуждены прибегать к «последнему ресурсу»: их жены продают свое грудное молоко приюту для детей-подкидышей (des enfants trouvés). Но тот же всемогущий Леклерк является и опекуном приюта, и это еще больше усиливает зависимость почти всего населения от его «деспотической власти».

Когда один из нотаблей коммуны, Робида (по его поручению Бабеф, вероятно, и написал петицию), попытался потребовать отчета о расходовании средств, получаемых от сдачи общинных земель в аренду, на заседании деревенского муниципалитета по этому вопросу присутствовали тот же Леклерк, его зять — мэр Болье, его шурин — прокурор коммуны и деревенский кюре. По отчету Леклерка получилось, что вместо трех с лишним тысяч ливров (за 9 лет аренды) распределению среди бедняков подлежало только... три с небольшим ливра. Самая сумма ежегодной аренды,— писал Бабеф в своей петиции,— около 360 ливров, невелика, но для бедняков, для которых «кусок черного хлеба является часто предметом самых пламенных желаний, притом нередко неосуществимых, так как у них нет даже самой мелкой монеты для его покупки», она кажется очень значительной[290]. Это столкновение между деревенским «матадором» Леклерком, поддерживаемым муниципалитетом, и деревенской беднотой Болье по вопросу об общинных землях было чрезвычайно характерным.

Но петиция, составленная Бабефом в защиту тех, у кого «нет даже самой мелкой монеты для покупки хлеба», интересна и в другом отношении. В ней содержится принципиальное высказывание Бабефа относительно общинных владений (biens communaux): «Из всего, чему можно поражаться на земле, нет ничего, что так трогает сердце мыслящего человека, как зрелище общинных владений, этого драгоценного остатка древних времен, когда благоденствие было еще общим. Все до единого памятники человеческого мастерства (de l'industrie humaine) являются, с известной точки зрения, произведениями, свидетельствующими о нашем постоянном безумии. Сохранение некоторой части земли на таких условиях владения, на которых провидение предоставило их в пользование человечеству, кажется важным явлением среди всего того, что было извращено людьми. Тем, кто размышляет..., это зрелище внушает волнения и какое-то удовлетворение...; еще не вся природа подверглась надругательству. Но сейчас же возникают мрачные мысли о том, как ограничены на земном шаре те части его поверхности, которые остались непоруган-

---

289 ЦПА ИМЛ, 102 В I.
290 Там же.

ными»[291]. Но это заявление Бабефа нельзя рассматривать, как защиту «общинных традиций», средневековых сервитутов, регламентации, трехполья и всего связанного с докапиталистической системой земледелия. Оно свидетельствует лишь о нескрываемых коммунистических симпатиях Бабефа, о его враждебном отношении к частной собственности.

Петиция коммуны Болье, уже приводившаяся нами частично запись о захватах и дележе общинных земель в 1790 г.[292], участие в апрельских событиях в Руа в 1791 г.— вот почти все, что нам известно о позиции Бабефа в 1789—1791 гг. по отношению к общинным землям. Тем важнее документы, связанные с делом коммуны Бюлль, в которых Бабеф пространно изложил свои взгляды по этому вопросу.

Центр кантона в Клермонском дистрикте (деп. Уазы) Бюлль еще к началу XVII в. славился только очень высоким качеством своего льна, вывозившегося в другие районы для нужд льноткацкой и батистовой промышленности. Чисто сельскохозяйственный характер Бюлль теряет в XVII—XVIII вв. Как и весь Клермонский дистрикт, Бюлльский кантон продолжал оставаться районом успешно развивавшегося сельского хозяйства с очень значительной прослойкой зажиточного крестьянства, занимавшегося не только земледелием, но и скотоводством. Большое количество совершенно обезземеленных крестьян, у которых, по выражению одной петиции, земли не хватало даже для «посадки капусты»[293], жило уже работой на капиталистическую мануфактуру. В этом смысле новейший историк Бовезиса, П. Губер, говорит о целой зоне — Бюлль-Перонн-Сен-Кантен-Камбрэ[294]. Эта часть населения не порвала еще своих связей с сельским хозяйством. Как раз победа революции внушила ей надежды на возможность получения земли, прежде всего, за счет обширного фонда общинных владений, принадлежавших коммуне Бюлль. Но вести борьбу за эти земли нужно было не с сеньерами, а с зажиточной верхушкой фермеров.

Первая петиция жителей Бюлля поступила в комитет феодальных прав еще 13 мая 1790 г. «Нижеподписавшиеся, которые вместе с теми, кто не умеет писать, составляют подавляющее большинство населения города Бюлль и его деревень»[295], жалуются на непра-

[291] ЦПА ИМЛ, 102 В I.

[292] ЦПА ИМЛ, 33 В I («В Сен-Жюсте жители разделили общинные земли между отдельными лицами для их возделывания, тогда как раньше ими пользовались только фермеры, которые пасли на них свой скот...»).

[293] «Наши болота легко могут быть осушены и явятся большой помощью для всех жителей прихода ...из которых по меньшей мере три четверти не имеют собственной земли даже для того, чтобы посадить капусту» (G. Bourgin. Le partage des biens communaux. Paris, 1908, p. 536).

[294] P. Goubert. Beauvais et Beauvaisis de 1600 à 1730. Paris, 1960; idem. Familles marchandes sous L'Ancien Régime: les Danses et les Motte de Beauvais. Paris. 1957, p. 17.

[295] Ph. Sagnac et Caron. Les comités des droits féodaux et de législation et l'abolition du régime seigneurial. Paris, 1907, p. 524—525.

вильное использование общинных владений. Бюлль владеет общинными болотами в 366 арпанов; они используются частью для пастбищ, частью — как луга. Сено ежегодно продается с торгов, и это дает около 2500 ливров, но «подписавшиеся совершенно не знают, какое употребление дают муниципальные должностные лица этому значительному доходу... Будучи самой неимущей частью населения..., они жалуются на то, что не имеют никакого представления о том, как используются эти средства, которые принадлежат только богачам, у которых они не осмеливаются даже требовать отчета, так как находятся в полной зависимости от них» [296]. Пастбищ гораздо больше, чем нужно для пропитания имеющегося скота, но ими пользуются «только богачи». Беднякам, «не имеющим средств для покупки скота», они не приносят никакой выгоды, а потому они ходатайствуют о равном разделе всех общинных земель Бюлля.

Борьба вокруг осуществления этого требования продолжалась три года. На примере Бюлля можно проследить, что отношение зажиточного крестьянства к разделу общинных земель не всюду было положительным, как это принято считать. Советский исследователь этого вопроса Е. Н. Петров показал, вслед за Жоресом, что в тех местностях, где зажиточное крестьянство, занимавшееся скотоводством, имело возможность совершенно безвозмездно пользоваться общинными выпасами и лугами, оно противилось разделу общинных земель. Как типичный пример Е. Н. Петров (не знавший, кстати, о роли Бабефа в составлении одной из петиций, на которую он ссылается), привел именно Бюлль [297].

Обстановка крайне обострилась весной 1792 г. Как мы узнаем из позднейших петиций, составленных уже Бабефом, 9 апреля во время очередных торгов на сдачу лугов в аренду, которые муниципалитет пытался провести, произошло столкновение. Торги удалось сорвать. О настроении жителей можно судить по заявлению некоего Пикара, пригрозившего, что он «перегрызет горло тем, кто потребует сдавать луга, и тем, кто станет участвовать в торгах» [298].

[296] В петиции, составленной в июле 1792 г. Бабефом, указывалось, что коммуна имела 200 арпанов лугов и болот и 350 арпанов леса (арпаны в различных районах составляли от 1/3 до 1/2 га). Около 80—90 арпанов отводилось под пастбища; остальные 100—110 арпанов — под луга. Из сумм, выручаемых от продажи сена, оплачивались некоторые должностные лица, в том числе прокурор, судебный исполнитель, хирург, учитель, церковный регент, служка и т. д., причем их же наделяли и небольшими участками луга (ЦПА ИМЛ, 50 B III. «Exposé précis que soumettent à M. le Directeur du Juré d'accusation du Tribunal du district de Clermont la majorité des officiers municipaux, le Conseil général de la Commune et la presque totalité des citoyens et habitans de Bulles... contre 5 ou 6 individus prenant indûment la qualification de la Municipalité de Bulles, parties plaignantes et dénonciatrices»).

[297] «Настроение жителей Bulles является типическим: петиционеры так бедны, что совсем не имеют скота и потому вовсе не заинтересованы в общинных пастбищах; они просят Собрание о разделе этих земель...» (Е. Н. Петров. Борьба за общинные земли и декрет Конвента 10 июня 1793 г.— «Ученые записки Ленинградского гос. университета. Серия исторических наук», вып. 6. Л., 1940, стр. 181).

[298] ЦПА ИМЛ, 50 B III.

13 апреля состоялся «конвент» с участием всех членов Генерального совета коммуны и тех членов муниципалитета, которые поддерживали требование большинства населения. Было решено отгородить часть угодий (так называемое «третье болото» в 45 арпанов), отделить ее рвом с тем, чтобы преградить дорогу скоту, а весь урожай сена с этого участка разделить между жителями Бюлля. Ров был вырыт в тот же день.

Но еще 9 апреля муниципалитет Бюлля отправил жалобу в Клермон, а 29 апреля из департаментского центра Бове пришло распоряжение «трибуналу исправительной полиции» возбудить преследование против зачинщиков беспорядков. Расследование было поручено мировому судье Деррекару (Derrécart), бывшему также хирургом Бюлля и в этом качестве давно уже получавшему от муниципалитета арпан покосов и 150 ливров из сумм, выручавшихся от продажи сена [299]. Нет ничего удивительного, что 8 июня Деррекар предписал засыпать ров и разрешить выпас скота на «третьем болоте». 19 июня трибунал Клермонского дистрикта подтвердил это решение. В то же время, 18, 19, 20 июня, улицы Бюлля обходил глашатай, объявлявший о том, что на 24 июня муниципалитет вновь назначает торги. Это была уже открытая провокация, и на этот раз терпение лопнуло.

21 июня, как описывает Бабеф в одной из своих петиций, коммуна находилась в состоянии крайнего возбуждения: «Всюду собирались, всюду беседовали... Кто-то заявил: если мы дадим им возможность действовать, мы и на этот раз ничего не получим; нужно бежать всем на луг; мы скосим сено и произведем равный раздел того, что принадлежит нам всем вместе» [300]. Свыше 150 человек (в самом Бюлле было 260 дворов) немедленно отправились на луг, и в течение полудня сено было скошено. О духе, царившем среди населения, говорит письмо одного из участников покоса, Вайяна, уже после его ареста. На поставленный ему судебными властями вопрос, кто их возглавлял, Вайян, судя по его письму к отцу, ответил: «Все (c'était tout le monde). Мы представляли петиции муниципалитету, что хотим делить на равные доли... Большая дороговизна зерна — вот что ускорило этот покос, потому что право человека является священным и неприкосновенным, и всякий неравный раздел должен быть уничтожен» [301].

Три дня прошло в зловещем молчании. 24 июня рано утром в Бюлль явилась жандармерия. Шесть человек, которых муниципалитет считал главными зачинщиками, были разбужены и приве-

---

[299] Там же. Заседателями в трибунале были два брата мэра, ожесточеннейшего противника раздела.

[300] Там же.

[301] ЦПА ИМЛ, 55 В III (1 июля 1792 г.): «...la grande cherté de grains c'est ce qui avait fait accélerer la coupe vu que la droit de l'homme est sacré, inviolable et imprescriptible et que tout partage inégal soit aboli...».

дены все к тому же Деррекару, подписавшему приказ об их аресте. Все шестеро были немедленно отправлены в Клермонскую тюрьму.

25 июня Бабеф получил письмо из Бюлля, от одного из наиболее активных петиционеров, Жюльена, чья подпись стояла еще на майской петиции 1790 г. Он писал: «Наш приход охвачен горем: вчера, в день Иоанна-крестителя, в три часа утра в нашу местность явилось 50 всадников, которые похитили у нас шесть лучших патриотов. Весь приход в ужасе. Они с нетерпением ожидают вашего приезда... Я прошу вас явиться вместе с тем, кто вручит вам это письмо. У нас остается время только до 10 часов завтрашнего дня, когда нас вторично вызывают на суд» [302].

26 июня Бабеф присутствовал уже на заседании трибунала в Клермоне. Его выступление оказалось неудачным,— решение об аресте было оставлено в силе. Но не в натуре Бабефа было мириться с поражением.

Весь июль 1792 г. Бабеф был занят хлопотами по бюлльскому делу. Прежде всего он попытался добиться соглашения с муниципалитетом. Он обратился с письменным предложением: «Не угодно ли будет муниципальным должностным лицам вступить со мной в переговоры, направленные к примирению» [303]. Ответ муниципалитета был составлен, по-видимому, в самых резких тонах. «Я вовсе не агитатор,— возражал Бабеф в своем новом письме,— я еще раз предлагаю вам мир... Я не буду напоминать о вашем и моем письме, возможно, что в них, и с одной, и с другой стороны, были фразы, способные задеть обидчивых людей; я охотно предлагаю пойти на взаимные жертвы..., чтобы достигнуть мира» [304]. Но переговоры, очевидно, не состоялись.

5 июля Бабеф обратился к судьям клермонского трибунала. Он сообщил, что добился от населения Бюлля согласия на то, что скошенным сеном будет по-прежнему распоряжаться сам муниципалитет [305]. Тем с большей настойчивостью Бабеф требовал прекращения дела и освобождения арестованных. Этому он посвятил три петиции; две из них были адресованы Клермонскому трибуналу и одна — Законодательному собранию [306]. Они очень важны для анализа социально-экономических взглядов Бабефа.

---

302 ЦПА ИМЛ, 36 B V. На письме рукой Бабефа проставлена дата: «25 juin de l'an 4».

303 См. ЦПА ИМЛ, 49 B III («29 juin l'an 4»).

304 ЦПА ИМЛ, 2 B IX («Clermont, 5 juillet 1792, l'an 4 de la Liberté»).

305 ЦПА ИМЛ, 50 B II («Circulaire à M. M. les Juges du Tribunal du District de Clermont»). Письмо заканчивалось обращением по адресу председателя трибунала, Фуркруа, «с которым я имел честь вступить когда-то в переписку по поводу необходимости физического воспитания с самого раннего возраста, самым искренним, а может быть, наиболее убежденным сторонником чего я был на основе собственного опыта» (там же).

306 ЦПА ИМЛ, 50 и 51 B II, 50 B III.

Объясняя причины волнений, Бабеф подчеркивал во всех своих петициях, что пастбища в Бюлле стали «исключительным достоянием 10—12 земледельцев или фермеров; одни они ими пользуются; это уже не общая собственность всех обитателей, но частная собственность десяти или двенадцати лиц» [307]. «Жители Бюлля считались собственниками прекрасных общинных угодий..., но они ими совершенно не пользовались. Та часть, которая отводилась под пастбища, приносила выгоды только дюжине земледельцев, которые могли содержать большое количество скота. Доходы от других частей расхищались так, что они никогда не видели ни одного су» [308].

Но таково было положение не только в Бюлле. В одной из петиций, написанных в том же июле 1792 г. и посвященной вопросу об общинных землях (мы уже частично ее приводили), Бабеф дал очень четкий анализ тех причин, в силу которых скотоводство все больше сосредоточивается в руках наиболее зажиточной верхушки крестьянства, а общинные владения перестали приносить пользу неимущей его части. Было время, когда пастбища были выгодны почти каждому из жителей деревенских коммун: «Германцы, которые завоевали Галлию (вспомним выписки из Эрве! — *В. Д.*), являлись почти исключительно пастушеским и земледельческим народом; их имущество были почти совершенно равно и состояло из земли и скота; каждый глава семьи имел свой ограниченный участок земли и небольшое количество скота; общий луг был полезен для всех, и почти все пользовались им в равной мере. Но постепенно бедствия уничтожили все эти мелкие состояния..., которые уже не в состоянии были сохранять скот; тогда общие пастбища перестали приносить пользу всей коммуне; они стали частной и исключительной собственностью нескольких лиц из имущего класса (la classe aisée), которые при создавшихся условиях одни в состоянии были содержать и разводить скот... С этих пор из хижин бедных крестьян скот исчез..., и они потеряли свою долю выгоды от общинных владений. С этих пор в большинстве деревень ими пользуются только 6, 8, 10 крестьян» (laboureurs) [309].

После этого исключительно ясного анализа трудно согласиться с предположением Лефевра, что Бабеф находился под влиянием «общинных традиций» пикардийской деревни. Наоборот, приведенное нами рассуждение говорит со всей очевидностью о том, что Бабеф отчетливо видел, как под оболочкой средневековых общинных отношений сложились уже совершенно новые классовые отношения.

Бабеф доказывал, что положение в коммуне Бюлль нисколько не изменилось после революции: «До революции несколько глав самых богатых семей завладели ими (общинными владениями.— *В. Д.*); после революции тем же лицам удалось занять все места в муниципалитете и благодаря этому они продолжают ими ведать. До и

[307] ЦПА ИМЛ, 50 В III.
[308] ЦПА ИМЛ, 50 В II.
[309] ЦПА ИМЛ, 52 В II («19 juillet l'an 4»).

после революции эти администраторы не отдавали никакого отчета коммуне; только они и кое-кто из их родственников пользовались общинными доходами; так называемая общинная собственность сохранила лишь название, потому что она стала исключительной собственностью администраторов... Это верно и в отношении той части владений, которая занята была под пастбищами и приносила пользу только богатым, только владельцам скота, а этот класс в Бюлле состоит почти исключительно из самих администраторов». В бюлльский муниципалитет входят почти исключительно те же богатые земледельцы (gros laboureurs), которые захватили в свои руки монопольное пользование пастбищами. Нет ничего удивительного в том, подчеркивал Бабеф, что этот муниципалитет всегда был далек от того, чтобы пойти навстречу требованиям «неимущего класса» (de la classe malaiseé)[310].

Возбуждение, царившее в деревнях дистрикта, изменения в соотношении классовых сил в стране, приближавшейся к свержению монархии, наконец, настойчивые усилия Бабефа привели к тому, что двери клермонской тюрьмы открылись сравнительно быстро, всего лишь через 27 дней после ареста. 20 июля суд присяжных в Клермоне признал, что нет оснований для привлечения шести заключенных к суду. Как и доказывал Бабеф, их действия ничем не отличались от действий 150 или 200 человек, скосивших «третье болото», судить же 150 крестьян накануне 10 августа было слишком рискованно. «Я упорствовал в своих выступлениях против феодального режима,— вспоминал по этому поводу Бабеф 15 ноября 1793 г. в письме к администратору парижской полиции, Менесье, как раз уроженцу Бюлля,— и дворянская каста считала меня подстрекателем к его уничтожению. В связи с этим была сделана попытка привлечь меня к суду. Не успел я выйти победителем из этой борьбы, как мое неукротимое мужество побудило меня выступить за раздел общинных земель. Это был третий процесс, в котором я привел в замешательство моих преследователей»[311].

Как и во время давенекурского процесса, Бабеф не ограничился тем, что добился освобождения заключенных. Бюлльское дело дало ему повод к составлению петиции Законодательному собранию о судьбе общинных земель.

Историю этой петиции можно проследить по переписке Бабефа с семьей Доденов (Dodun) — матерью и сыном, владевшими земельной собственностью в Варвилле, вблизи Бюлля. Именно г-жа Доден, по-видимому, посоветовала бюлльцам использовать Бабефа в качестве своего адвоката. На протяжении июля — августа 1792 г. Бабеф и Додены часто обменивались письмами. Уже 13 июля Алексис Доден просил ускорить составление петиции на имя Собрания[312]. 21 июля г-жа Доден писала Бабефу, что «с большим инте-

[310] ЦПА ИМЛ, 50 В II.
[311] ЦПА ИМЛ, 47 В IV.
[312] ЦПА ИМЛ, 2 В V.

ресом прочитала петицию». Но так как узники уже освобождены, она предложила внести в текст некоторые изменения: нужно выставить в петиции требование не только о разделе общинных земель, но и о компенсации невинно пострадавшим,— «вы не упустите возможности показать себя другом и защитником человечества, мстителем за угнетенных» [313].

4 августа 1792 г. Бабеф, ссылаясь на совет г-жи Доден, переслал свою петицию редактору «Journal des Laboureurs» [314]. Он отмечал, что первая ее часть, посвященная изложению бюлльского дела, потеряла свое значение, но просил редактора все же с ней ознакомиться, чтобы «увидеть в этом описании злоупотреблений, имевших место в одной коммуне, общее зло, распространившееся почти во всех местностях, в которых существуют общинные земли (des terrains communaux). В связи с этим я предлагаю меру, имеющую большое значение для общественного блага, которую я излагаю во второй части моего произведения» [315]. В этой второй части, озаглавленной «Предложение» (Motion), Бабеф изложил свой проект раздела общинных земель [316].

Возможно, что к обсуждению этого проекта Бабеф пытался привлечь и Купе. 12 августа А. Доден сообщил Бабефу, что написал в Париж депутату, «которому вы переслали все бумаги, касающиеся этого важного вопроса», и запросил, какие меры тот собирается предпринять сам или посоветует гражданам Бюлля. Таким депутатом мог быть только Купе, который позднее действительно выступал по вопросу об общинных владениях. Кстати, из этого же письма явствует, что Бабеф вел все дело безвозмездно. Жители Бюлля, как писал Доден, «высоко ценят оказанные им услуги», но просят повременить с оплатой до уборки нового урожая [317]. Едва ли, после бурных событий 10 августа, так изменивших личную судьбу Бабефа, это обещание было выполнено.

В своем письме редактору «Journal les Laboureurs» Бабеф ука-

---

313 ЦПА ИМЛ, 4 В V.

314 ЦПА ИМЛ, 27 В IV («A l'auteur du Journal des Laboureurs»). В письме Бабеф так характеризует роль г-жи Доден в бюлльских событиях: «Г-жа Доден, находившаяся тогда... в Варвилле, по соседству с Бюллем, была осведомлена о всех подробностях этой ужасной интриги, и ее чувствительное сердце было возмущено. С тех пор угнетенные нашли в ней самую пламенную защитницу и после того, как она всеми бывшими в ее распоряжении средствами облегчила их участь, она старалась поощрить их защитника удвоить свое усердие, чтобы добиться победы оскорбленной бедности (au malheur outragé)».

315 ЦПА ИМЛ, 27 В IV.

316 ЦПА ИМЛ, 52 В II. Первая часть петиции («Pétition sur les Biens communaux. A l'Assemblée nationale». ЦПА ИМЛ, 51 В II) датирована 18 июля 1792 г. Она начинается так: «...Нижеподписавшиеся, жители коммуны Бюлль, центра кантона в дистрикте Клермон, департамента Уазы, добиваются справедливости против самого возмутительного угнетения, испытываемого ими со стороны всех административных и юридических учреждений за то, что они осмелились потребовать применения законов, льготами от которых все эти учреждения ни за что не хотят дать им воспользоваться».

317 ЦПА ИМЛ, 3 В V.

зывал, что предлагаемая им мера — раздел в пользование всех общинных земель — должна быть проведена в интересах «всего несчастного класса, который жалуется на то, что до сих пор решительно ничего не было сделано в его пользу» [318].

Эти жалобы Бабеф формулирует в тексте своей петиции так: «Мы уже давно экспроприированы (longtemps nous étions expropriés)..., мы стали совершенно зависимыми и оказались прислужниками небольшого числа богатых граждан, мы существуем только постольку, поскольку они хотят применять наш труд; *мы получаем только такую заработную плату, которую они считают нужным нам установить* (nous ne recevons que la salaire qu'ils jugeraient à propos de nous fixer) (курсив наш.— *В. Д.*) вне всякого соответствия с установленными ими ценами на продовольствие, по которым они его нам продают; мы были рабами даже в своих мыслях и мнениях, потому что должны были стараться угодить им во всем под угрозой остаться без работы, которая с трудом поддерживает наше существование» [319].

Как и во всех остальных документах, связанных с Бюллем, Бабеф совершенно четко и последовательно выступал не от имени и не в интересах всего крестьянства, а как защитник «неимущего класса», «лишенных собственности» (impropriétaires), тех, кто существует «благодаря заработной плате». Недаром в одной из этих петиций Бабеф подчеркивал, что «большинство» населения Бюлля состоит из *«рабочего класса, который в эти бедственные времена особенно страдает от дороговизны и недостатка работы»* (курсив наш.— *В. Д.*) [320]. Он имел в виду все тот же слой «рабочих», о бедственном положении которых он писал и в связи с нуайонскими волнениями, и тремя годами раньше, в своей «Вступительной речи» к «Кадастру» и в петиции о «нищенстве».

Бабеф предлагал в своей петиции осуществить в общенациональном масштабе раздел всех общинных земель на равные участки. Это требование выдвигалось уже в целом ряде коммун в различных частях Франции, оно повторялось во многих петициях и в ряде случаев осуществлялось стихийно, на практике. Мы уже отмечали запись Бабефа 1790 г., из которой явствует, что он внимательно следил за случаями такого раздела. В своем «Предложении» Бабеф сослался, между прочим, на ряд коммун, в том же Клермонском дистрикте, где такой раздел был уже осуществлен, и на долю отдельных граждан пришлось 1, 2, 3 и даже 4 арпана [321]. Раздел, по мнению Бабефа, должен привести к расцвету сельского хозяйства (d'industrie agricole). Это будет содействовать и подъему скотовод-

---

[318] ЦПА ИМЛ, 27 В IV.
[319] ЦПА ИМЛ, 52 В II («Motion»).
[320] ЦПА ИМЛ, 50 В II («...Le grand nombre de la population étaient de la classe ouvrière, elle souffrait beaucoup dans ces tems calamiteux, de chereté et de dénûment d'ouvrages»).
[321] ЦПА ИМЛ 52 В II.

ства: «Многие простые жители начнут оставлять участки под сенокосы, благодаря чему они в состоянии будут содержать одну или несколько коров, которых у них до сих пор совсем не было». Но вопреки «обманчивой философии некоторых экономистов» (d'une certaine classe des économistes) нужно начинать с того, чтобы «размножать и кормить людей» [322].

Бабеф настаивал в своем проекте,— и это вполне совпадало с его мыслями, развитыми в письмах к Купе,— что землями следует наделять не в собственность, а только в пользование [323]. При разделе следует выделять некоторое количество дополнительных участков, которые будут распределяться постепенно, по мере роста населения; на первых порах их будет возделывать общими силами вся коммуна, и эти доходы будут делиться между всеми гражданами поровну. Когда число участков будет исчерпано, придется произвести новый передел, причем тот, кто прежде пользовался определенным участком, не должен полностью его лишаться, а сохранить «плоды своих усилий и сделанных им улучшений».

Перед нами, таким образом, очень смелый проект *раздела* общинных земель, но *не в собственность, а в пользование*, в интересах деревенской бедноты. Он идет вразрез с предположениями Ж. Лефевра об отношении Бабефа к «общинным традициям». Разумеется, это «предложение» очень далеко от проекта «коллективных ферм», но к нему вполне применимо тактическое правило, выдвинутое Бабефом в 1791 г.: «Использовать все возможности для приближения то одним, то другим путем к конечной цели революции, к равенству без обмана». Бабеф не заменяет и не отрицает этим «предложением» своего более широкого и всеобъемлющего плана «аграрного закона». Раздел общинных земель должен производиться только в пользование. Это не шаг назад «от коммунизма»,— в представлении Бабефа это именно шаг вперед («un grand acheminement») все к той же цели — «преуспеяние нуждающегося класса», «совершенное равенство».

IX

Сопротивление феодалов к лету 1792 г. было сломлено еще далеко не полностью. На продолжении уплаты феодальных повинностей до их полного выкупа продолжали настаивать центральный государственный аппарат, администрация департаментов и дистриктов. Но крестьянство все более активно этому противилось. Между тем начало военных действий, конфликт с двором вынуждали жирондистских руководителей Законодательного собрания искать поддержки в крестьянской Франции. Этим объясняются некоторые сдвиги в аграрной политике Собрания как раз летом 1792 г. Декретом 18 июня 1792 г. фактически были ликвидированы так называе-

[322] ЦПА ИМЛ, 52 В II.

[323] «Chaque habitant jouira usagèrement de l'usufruit de son lot en l'employant à tel usage de culture qu'il jugera convenable» (там же).

мые «казуальные», условные права, т. е. такие, которые могли возникнуть при переходе собственности из рук и руки, и подлежали поэтому выкупу, соответственно решению Учредительного собрания. По июньскому декрету, для взыскания «казуальных» прав сеньеры должны были представлять первичные «акты» (titres primitifs), что фактически, в подавляющем большинстве случаев, было совершенно невозможно. Кроме того, другим постановлением Законодательное собрание отменило необходимость совместного выкупа «реальных» и «казуальных» прав, благодаря чему сумма выкупа значительно уменьшалась.

В 1789—1790 г., когда деревня, в своем большинстве, соглашалась еще на выкуп, эти уступки могли иметь известное значение. Летом 1792 г. этого было уже совершенно недостаточно: крестьянство, в массе своей, отвергало необходимость выкупа; оно не хотело мириться не только с «казуальными», но и с «реальными» правами. Между тем Законодательное собрание, фактически ликвидировав первые, продолжало настаивать на оплате вторых, прежде всего чинша и особенно ненавистного шампара. Этим оно только обостряло свой конфликт с крестьянством. Администрация дистрикта Мондидье, в котором жил Бабеф, жаловалась 10 августа 1792 г. Генеральному совету деп. Соммы, что в деревнях «нельзя разыскать муниципальных должностных лиц, чтобы передать через них о вызове в суд; совершенно невозможно добиться помощи, хотя дело идет об оплате повинностей (droits), в которых заинтересованы все жители» [324].

Бабеф сразу же, со всей решительностью, признал уступки Законодательного собрания совершенно недостаточными. Он особенно резко высказывался против попыток взыскания «шампара». «Нужно ли еще платить шампар?» — озаглавлена одна из его рукописей этого периода. Бабеф дает, конечно, отрицательный ответ. «Шампар не имеет точно установленных размеров, он зависит от размеров урожая. Даже с чисто юридической точки зрения... это условное (casuel) право, следовательно, его ликвидация предусматривается июньским декретом» [325].

27 июня 1792 г., через несколько дней после декрета Собрания о «droits casuels», Бабеф писал: «Национальное собрание разрешило вопрос частично, но... этого недостаточно. Полная ликвидация (всех повинностей.— *В. Д.*) без выкупа стоит сейчас в порядке дня (la suppresion universelle sans indemnité est maintenanat à l'ordre de jour): сопротивляться общему мнению будет слишком трудно».

---

[324] R. Legrand. Babeuf en Picardie (1790—1792).— AHRF, 1960, p. 467.

[325] ЦПА ИМЛ, 53 В II («Question. Le Champart est-il encore dû?»). В архиве сохранилось постановление коммуны Baissière от 27 июня 1792 г., написанное рукой Бабефа, в котором граждане, «ознакомившись с декретом Собрания», принимают решение «отказаться от оплаты чинша и шампара до предъявления теми, кто на них претендует, первичных актов (titres primitifs)» (ЦПА ИМЛ, 49 В II).

Сохранился ряд проектов петиции о ликвидации феодальных повинностей без всякого выкупа. Подготовкой такой петиции Бабеф занимался еще в 1791 г., до и особенно после Давенекурского процесса. Летом 1792 г. Бабеф снова вернулся к этому проекту. Уцелели два незаконченных варианта петиции о ликвидации феодальных прав, о которых мы можем с уверенностью утверждать, что они были написаны не ранее лета 1792 г. Один из них, озаглавленный «Петиция всех деревенских жителей к Национальному собранию о феодальном строе» [326], начинается так:

«Законодатели! Вот великий вопрос, который стоит сейчас в порядке дня во всех наших деревнях,— вопрос об уничтожении феодального строя.

Вы уже признали, что мнимая ликвидация, о которой так часто упоминалось в декретах Учредительного собрания, существовала только на словах, а самый строй полностью сохранялся [327]. Именно это, без сомнения, определило ваше решение нанести первый настоящий удар по феодализму тем, что вы упразднили без выкупа в мае этого года права lods et ventes [328].

Мы докажем, что этого первого шага недостаточно. Будет совершенно справедливо, если Национальное собрание уничтожит все остальные формы насилия, которые гений феодализма создал в отношении всех видов собственности» [329].

Сохранился и другой вариант петиции о «феодальном строе, в которой доказывается, что чинш, шампар и все остальные мнимые феодальные права не должны и не могут существовать даже временно у ставших свободными французов» [330]. На этом проекте есть дата «1792 год, 4-й год свободы». Как и первый вариант петиции, он был, несомненно, составлен уже после июньского декрета 1792 г. Не довольствуясь ничтожными уступками Законодательного собрания, Бабеф стремился организовать новое движение протеста.

«Прислушайтесь,— писал он в одном из своих проектов,— к каждой деревушке, и вы услышите те же жалобы, которые диктуют. без сомнения, самые срочные меры... Каковы эти меры? Подлинное

---

[326] ЦПА ИМЛ, 44 B II («Pêtition de tous les habitans des Campagnes sur le Régime féodal. A l'Assemblée nationale»).

[327] В другом проекте петиции (ЦПА ИМЛ, 38 В II) Бабеф писал: «..Разве феодальный строй не уничтожен? Разве наши первые представители не упразднили его своими бессмертными декретами? Я отвечу на это... нет, безусловно нет; феодальный строй еще вовсе не уничтожен.., скорее наоборот, и я не боюсь быть обвиненным в преувеличении... Иллюзии вместо действительности, слова вместо дел — вот что находит народ в этих новых законах, относящихся к ликвидации феодализма, но это только слова, за которыми, сколько ни ищи, нельзя ничего найти...».

[328] Это право относилось к числу «казуальных», и его отмена была предусмотрена июньским декретом. У Бабефа в тексте, вероятно, описка.

[329] ЦПА ИМЛ, 44 В II.

[330] ЦПА ИМЛ, 72 В II («...Où il est démontré que les censives, les champarts et tous les prétendus droits féodaux, ne doivent et ne peuvent plus subsister même provisoirement chez les Français devenus libres»).

Pétition
de tous les habitans des Campagnes,
sur le Régime féodal.

A l'assemblée nationale,

M. Merlin, Président du Comité féodal de l'assemblée constituante, a induit en erreur le Comité féodal. Le Comité féodal a induit en erreur l'assemblée constituante. L'assemblée constituante, ~~[illegible]~~ trompée, a trompé le Peuple. Le Peuple, aujourd'hui, réclame contre l'erreur de l'assemblée constituante, du Comité féodal et de M. Merlin.

Législateurs !

Voici la grande question maintenant à l'ordre du jour dans toutes nos campagnes. La Suppression du régime féodal.

Déjà vous avez reconnu que la prétendue abolition opérée si souvent dans les Décrets de l'assemblée constituante, n'existoit que dans les mots; que la chose en elle-même étoit conservée dans tout son entier; et c'est ce qui ~~vous~~ a ~~porté~~ déterminés, sans doute, à porter un premier coup réel à la féodalité, en supprimant sans indemnité, le [illegible], les droits de lods et ventes.

Nous démontrerons que ce premier point ne suffit pas. Il ~~faut~~ ~~[illegible]~~ est rigoureusement d'justice que la nation affranchisse [illegible] le cours des autres natures de vexations que le génie seigneurial a commises sur toutes les propriétés.

Петиция о ликвидации феодальных прав. 1792 г. (ЦПА ИМЛ)

и настоящее уничтожение всего сеньериального режима... Из всего того, что мы изложили, явствует, что Учредительное собрание сделало выкуп сеньериальных прав невозможным, ...и *Законодательное собрание должно провозгласить их полную ликвидацию без всякого вознаграждения»* [331].

Вызвать широкое петиционное движение по образцу 1790 г. Бабефу не удалось, прежде всего, потому что у него не было даже средств отпечатать петицию [332]. Но Бабеф все же не ограничился тем, что в качестве «адвоката народа», как он часто тогда себя называл [333], вел в эти летние месяцы 1792 г. дела ряда коммун, отказывавшихся от уплаты шампара [334]. Он осуществил свой проект, составил петицию (правда, не печатную) и отправил ее в Законодательное собрание. Мы узнаем об этом из одного довольно курьезного документа — счета, предъявленного Бабефом коммуне Анже (Hangest), озаглавленного им «Мемуар о задолженности жителей коммуны Анже гражданину Бабефу за все труды, связанные с процессом о чинше и уничтожением сеньериального строя» [335]. Этот счет был составлен Бабефом в один из наиболее тяжелых периодов его жизни, когда он вынужден был бежать из деп. Соммы в Париж и оставил свою семью в Руа буквально без каких бы то ни было средств к существованию. В счете перечислены помесячно расходы, произведенные Бабефом в связи с процессом коммуны, который он вел, начиная с октября 1791 г.; сумма их составляла около 107 ливров.

За июнь 1792 г. Бабеф сделал в счете такую запись: «Мемуар и петиция в Национальное собрание, адресованные мною гражданину Майлю (Mailhe), депутату и главному члену феодального комитета. Я показал в этом мемуаре происхождение и незаконность чинша (de la censive) и всех феодальных прав; я показал. что все они были сплошной узурпацией. Гражданин Майль и другие депутаты написали мне, что они никогда еще не встречались с такой поразительной (frappant) работой, как моя. Доклад феодального комитета был составлен в соответствии с ней, и результатом явился

---

331 ЦПА ИМЛ, 38 В II.

332 О затруднительном материальном положении Бабефа говорит его соглашение с коммуной Beuvraigne от 6 мая 1792 г. Бабеф брал на себя составление списков налогоплательщиков и их обязательств за 4 ливра в день. По сохранившемуся договору, он должен был «начинать в шесть часов утра» и работать «до 8 часов вечера, с перерывом на два часа» (ЦПА ИМЛ, 34 В IX; см. также ЦПА ИМЛ, 74 В IV).

333 Так, письмо Бабефа 27 июня 1792 г. владельцу одной сеньерии подписано: «Камилл Бабеф, адвокат народа, Парижское предместье в Руа» (ЦПА ИМЛ, 82 В IV).

334 В том числе коммуны Boissière, Thieux и Caix (см. ЦПА ИМЛ, 49 В II; 54 В II; 82 В IV).

335 «Etat et mémoire de ce qui est dû au citoyen Babeuf par les citoyens habitans de la commune d'Hangest, pour tous ses travaux relatifs aux procès des Censives et à l'abolition du régime seigneurial» (ЦПА ИМЛ, 81 В II.— «ce seize mars l'an deux de la République française»).

навсегда памятный декрет 28 августа [336]. Жители Анже должны вспомнить, как я всегда уверял их, что таким путем выиграю дело. Я выполнил этот большой труд не только для них, но и для всей Франции. Но я не получил за это ни от кого ни единого гроша (denier). Я не требую у жителей Анже, чтобы они заплатили мне за это, но я прошу небольшого вознаграждения для моей жены, которая из-за моих невзгод находится в самом тяжелом положении. Я ограничиваю это вознаграждение 30 ливрами. Те, кто испытывает благодеяния, вызванные уничтожением феодализма, не могут пожалеть такой суммы» [337].

Конечно, этот «счет» не может не показаться наивным, и самая сумма «вознаграждения» совершенно несоразмерной с той заслугой, которую приписывает себе Бабеф. Все это можно объяснить только потрясающей нуждой, в которой находились тогда Бабеф и его семья.

И тем не менее в этом наивном счете «за уничтожение феодализма» есть доля истины. Действительно, в лице Бабефа французский феодализм имел одного из самых убежденных, решительных, яростных своих противников, а французская деревенская беднота — одного из своих лучших вожаков. Анализ той роли, которую играл Бабеф в аграрном движении Пикардии, внимательное изучение его петиций, из которых многие еще и не обнаружены, а другие не стали еще предметом исторического исследования (достаточно указать, что петиции по делу коммуны Бюлль, представляющие такой большой интерес, до сих пор не упоминались ни одним из биографов), позволяет прийти к выводу, что из всех деятелей Великой буржуазной революции Бабеф по праву может быть отнесен к числу тех, кто проявлял наибольший интерес к аграрным проблемам и имел свою самостоятельную программу действий.

Ж. Лефевр в одной из своих лучших работ, «Аграрный вопрос в эпоху террора», подчеркнул «недостаточность» (insuffusance) аграрной политики робеспьеристов. «Монтаньяры,— писал он,— относились без достаточного внимания к положению деревенского населения, они не входили достаточно глубоко... в рассмотрение его нужд; с другой стороны, монтаньяры принадлежали к буржуазии..., и в деревне они были больше всего связаны с зажиточным крестьянством...», «действительной, всеобъемлющей аграрной политики» у якобинцев не было [338]. Но такой политики не было и у ряда представителей других более левых группировок — ни у «бешеных», как это показали исследования Я. М. Захера [339], ни у так называемых «эбертистов».

---

[336] Декрет 25—28 августа, отделявший выкуп «казуальных» прав от прав «реальных» и обусловивший выкуп «реальных» прав обязательным предъявлением сеньерами своих «первичных грамот» (titres primitifs).

[337] ЦПА ИМЛ, 81 В II.

[338] G. Lefebvre. Les questions agraires au temps de la Terreur, 2-me éd., 1951, p. 130.

[339] Я. Захер. Движение «бешеных». М., 1961.

Бабеф в этом отношении выгодно от них отличался. Мы видели, как близко он был связан с пикардийским крестьянством, как внимательно следил за всем аграрным законсдательством Учредительного и Законодательного собрания. Не было ни одного сколько-нибудь существенного декрета в этой области, ни одной инструкции, которые прошли бы мимо него. Но Бабеф не только давал критическую оценку этим мерам, он неизменно противопоставлял им свою «альтернативу».

У Бабефа не было никаких иллюзий в отношении «ночи 4 августа»: уже осенью 1789 г. он оценил знаменитые августовские декреты Учредительного собрания, как «мнимую ликвидацию феодализма». Еще тогда, когда подавляющее большинство французского крестьянства соглашалось с принципом выкупа сеньериальных прав, добиваясь только предъявления «titres primitifs», Бабеф выдвинул требование ликвидации всех повинностей без какого бы то ни было выкупа — требование, нашедшее осуществление только в декрете Конвента 17 июля 1793 г.

Уже в апреле 1790 г. он предложил, чтобы церковные земли не поступали в продажу «бандам капиталистов», а сдавались в долгосрочную аренду (baux à longues années), предложение, вполне соответствовавшее интересам многочисленных маломощных слоев французского крестьянства. Не довольствуясь конфискацией церковных земель, Бабеф не позднее января 1791 г. (в петиции от имени коммуны Мери) обосновал требование перехода «в руки нации» всей феодальной земельной собственности. Бабеф выдвинул проект раздела общинных земель «равными участками», и притом не в собственность, а в пользование. Наряду с этим Бабеф, вместе с наиболее последовательными «аграрниками», как Доливье и Курнан, поддерживал план всеобщего передела — «аграрного закона», выступая в качестве последовательного противника частной земельной собственности. Если якобинцы были связаны с имущими слоями деревни, то Бабеф — и это особенно ясно видно из анализа его выступлений по делу коммуны Бюлль — связан был с самыми неимущими, пролетаризированными и полупролетаризированными элементами французского крестьянства, чьи интересы он и пытался отстаивать.

Конечно, и у Бабефа не было еще цельной и последовательной программы действий; те или иные ее элементы подсказывались ему ходом классовой борьбы; некоторые свои предложения он иногда выдвигал, но, не имея возможности отстаивать их, как бы забывал о них позднее, как это было с его проектом «долгосрочной аренды» церковных имуществ. Убежденный противник фермерства еще до революции, Бабеф не выступил со специальными предложениями о разделе ферм, как это сделал, например, П. Доливье. И тем не менее нельзя не признать, что у Бабефа в первые годы революции была несравненно более действенная и всеобъемлющая линия аграрной политики, чем у робеспьеристов или у других крайне левых

группировок. Ж. Лефевр подчеркивал, что весной и летом 1792 г., для того чтобы найти опору в народе, «нужна была социальная программа, например, упразднение феодальных прав и введение твердых цен на зерно. Сам Робеспьер не предлагал ничего в этом роде. Он оставался поэтому бессильным» [340]. У Бабефа мы находим как раз оба эти требования.

В представлении Бабефа его проект «аграрного закона» был «великим приближением» к давно им намеченной цели (le but concerté) — «совершенному равенству». В этом, конечно, сказывался наиболее ясно его утопизм. Что раздел общинных земель, конфискация сеньериальной собственности, раздача всех дворянских и церковных земель в «долгосрочную аренду» приведет не к «равенству без обмана», а, наоборот, к бурному расцвету капиталистических отношений,— этого Бабеф, конечно, не понимал и не предвидел. Но в условиях Великой буржуазной революции он решительно боролся за самый радикальный путь революционной ломки феодального землевладения, и это вполне соответствовало историческим интересам тех социальных групп, которые представлял Бабеф.

---

[340] G. Lefebvre, R. Guyot, Ph. Sagnac. La Révolution française. Paris, 1930, p. 105.

После падения монархии

I

20 апреля 1792 г.— день объявления войны «королю Венгрии и Богемии» — началась новая полоса в истории Французской революции. Оправдались самые худшие предвидения Робеспьера. Несмотря на явный перевес французских армий, сосредоточенных на границе, дававший им возможность нанести успешный удар по австрийским войскам, расположенным в Бельгии, начало военных действий оказалось крайне неудачным. Главный враг находился действительно не в Кобленце, а в командном составе армии, совершенно не верившем в возможность успешного ведения наступательных операций и использовавшем первые же поражения для давления на королевский двор и Законодательное собрание. К середине июня возник министерский кризис. Из состава правительства были удалены сперва наиболее близкие к жирондистам Ролан, Клавьер и Серван, а вслед за ними и Дюмурье. 18 июня король, упорно отказывавшийся санкционировать декреты о неприсягнувших священниках и создании вооруженного лагеря вокруг Парижа, назначил новое министерство, находившееся под влиянием фельянов и Лафайета. Попытка жирондистов оказать на короля «мирное давление» оказалась безуспешной: 20 июня 1792 г. демонстрантам удалось проникнуть во дворец. Людовика XVI заставили надеть фригийский колпак и пить «за здоровье нации», но от своего «вето» король все-таки не отказался. Больше того, реакционно-буржуазные круги попытались использовать «покушение» на короля для того, чтобы и в Париже, и в департаментах вызвать движение в пользу Людовика XVI. Снова вынашивался план государственного переворота, подготовлялось бегство короля и поход лафайетовской армии в столицу. Революция стояла перед величайшей опасностью. К счастью, вторжение пруссаков на территорию Франции в июле вызвало спасительную реакцию. «На всю французскую революцию,— писал Энгельс,— огромное влияние оказывала война против коалиции, каждое биение ее пульса зависело от нее: проникает коалиционная армия во Францию,— это вызывает преобла-

дание блуждающего нерва (vagus), сильнее бьется сердце, наступает революционный кризис»[1].

Бабеф чрезвычайно внимательно следил за всем ходом этого кризиса, приведшего в конце концов к восстанию 10 августа и свержению монархии. Об этом говорит, в частности, одна его поденная запись о событиях 18—19 июня. Сведения о новых министрах Бабеф, вероятно, заимствовал из парижской прессы, но это лишь свидетельствует о том, как тщательно он за ней следил и как в общем быстро и правильно реагировал на происходившие в столице события. Вот эта запись:

«18 июня.

Г. Шамбонна, кузен Лафайета, порочный человек, которого поносили еще при старом порядке, генерал-квартирмейстер (maréchal du camp), министр иностранных дел.

Г. Ла Жар, военный министр, креатура Лафайета.

Терье де Монсиаль, президент директории деп. Юры — министр внутренних дел (беззаветно преданный партии Ламетов).

18-го вечером.

Г. Болье, один из комиссаров казначейства, хорошо известный своими спекуляциями зерном, министр финансов.

Все входившие в прежнее министерство Дюмурье подали в отставку из опасения стать первыми жертвами справедливой мести народа.

19 июня Дюмурье — генерал-лейтенант армии Люкнера.

Монж, который еще не приступал к работе, настаивает на том, что он не должен представлять отчета»[2].

Бабеф отозвался самым живейшим образом и на события, связанные с монархическим контрнаступлением после 20 июня. «Неудачу жирондистской демонстрации,— отмечал А. Матьез,— монархисты пытались использовать в свою пользу. Парижский департамент, находившийся целиком под влиянием фельянов, отстранил Петиона и Манюэля. Из всех провинций в Тюильри и в Собрание шли петиции, угрожавшие якобинцам, и адреса преданности королю... Многочисленные заседания департаментов осуждали 20 июня»[3].

В Пикардии это отмеченное Матьезом движение сказалось с особой силой. «Сообщение об этом покушении,— писала королю директория Амьенского дистрикта,— преисполнило нас ужасом и возмущением; мы все еще трепещем из-за угрожавших вам опасностей; посреди нависших над вашим челом мечей вы сохранили... поистине стоическую твердость... Продолжайте сохранять величие трона... Если все же какие-нибудь отвратительные козни будут вновь угрожать вашему величеству, верьте, государь, что все добрые граждане

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 162.
[2] ЦПА ИМЛ, 5 В IX.
[3] A. Mathiez. La Révolution française, v. I. Paris, 1922, p. 207—208.

устремятся на вашу защиту» [4]. Таким же раболепным монархизмом был пропитан и адрес королю Амьенского муниципалитета, выразившего от имени «верных обитателей града на берегах Соммы» чувства «скорби по поводу оскорбления, нанесенного вашей священной персоне 20 июня», и восхищения «мужественной твердостью», «добродетельной и почтенной смелостью», проявленной королем «перед лицом всей Франции». Такие же петиции на имя короля поступали из муниципалитетов и директорий дистриктов Аббевилля, Перонна и др. «Вы можете рассчитывать в нашем департаменте на такое же количество защитников королевских прерогатив, сколько в нем насчитывается жителей»,— писала в своем адресе директория деп. Соммы 22 июня. В Париж были посланы два представителя, которые должны были заверить двор и большинство Собрания в том, что в деп. Соммы приведены в состояние постоянной боевой готовности все национальные гвардейцы: «Отечество находится в опасности, когда его король не может рассчитывать на полную безопасность». Известный реакционный историк Мортимер Терно в своей «Истории террора», вышедшей в 1868 г., привел этот адрес директории деп. Соммы, как «самый интересный образец реакции провинции... на известие о событиях 20 июня», сыгравший «совершенно исключительную роль» [5]. Тем любопытнее поведение Бабефа в этот период. «Наступила знаменитая эпоха после 20 июня,— вспоминал он полтора года спустя,— когда я один мужественно боролся против открытого мятежа властей во всем департаменте» [6].

Занятый своими двумя процессами, давенекурским и бюлльским, обширной практикой «адвоката народа», Бабеф после апрельских событий 1791 г., очевидно, меньше занимался делами в Руа. Тем не менее он продолжал свою борьбу против муниципалитета, который в 1791 г., после избрания Лонгекана мировым судьей, возглавил старый противник Бабефа, бывший депутат Учредительного собрания, Прево.

В первой половине 1792 г. Бабеф резко выступил против «муниципальной аристократии одного маленького города». 3 мая он обратился с письмом к редактору «Annales Patriotiques», Карра (будущему жирондисту, но тогда, в 1792 г., чрезвычайно популярному в широких демократических кругах вследствие судебного преследования, возбужденного против него самим королем за «оскорбления»,

---

[4] «Babeuf, ex-administrateur...», p. 23—24; J. Dautry. Où la cagnotte paroissale servait à défendre les propriétés. AHRF, 1955, p. 71. По сообщению Дотри, в № 26 «Affiches du Département de la Somme» (от 30 июня 1792 г.) эти протесты по поводу событий 20 июня, исходившие от директории деп. Соммы, Генерального Совета Амьенской коммуны, дистриктов и жителей Аббевилля и Перрона, занимали шесть страниц из восьми.

[5] M. Ternaux. Histoire de la terreur, t. I. Paris, 1862, p. 279.

[6] «Babeuf, ex-administrateur...», p. 25: «...j'arrive à la fameuse époque de la journée du 20 juin, où seul je luttai encore si hardiment contre la rebellion ouverte des administrations principales de tout le département». См. также «Notes inédites de Babeuf sur lui même.— «La Révolution française», 1905, p. 42.

которым он подвергся в газете Карра). В своей корреспонденции Бабеф сообщил об уроке (coup de férule), преподанном муниципалитету Руа батальоном волонтеров деп. Эны, направлявшимся из Сен-Кантена в Ла-Рошель. Волонтеры, «пылающие патриотизмом», были поражены и возмущены, увидев на стенах зданий в Руа геральдические гербы — «смешные атрибуты ветхого феодализма» [7]. Им объяснили, что этот «антиконституционный мусор», «погремушки рыцарского тщеславия» имеют «мужественного защитника» в лице мэра и бывшего, «весьма своеобразного депутата Учредительного собрания», Прево [8]. Волонтеры, во главе с лейтенантом, носившим «красный колпак свободы», дважды требовали от муниципалитета убрать эту «готическую мерзость». Прево отделался обещанием и поспешил скрыться. Но, когда «отсутствуют магистраты, народ сам начинает управлять». И Бабеф несколько наивно и очень одушевленно рисует сцену, напоминающую описание его возвращения в Пикардию в 1790 г. и встречу в Давенекуре освобожденных узников: «Мгновенно у здания муниципалитета появляются лестницы. Лейтенант в красном колпаке подымается первым, за ним, вооруженные саблями и инструментами, следуют другие. Моментально исчезают розетки, гирлянды, короны, жабы, змеи, ужи, собаки, так художественно вырезанные из камня и воплощающие всю глупость, все чванство эшевенов и губернаторов». Волонтеры устремляются к другим зданиям, где сохранились геральдические изображения. Все это шествие сопровождается «мужественной музыкой, сотня голосов подпевает знаменитое «Ça ira», из всех окон и дверей выглядывают граждане...» Бабеф выражал сожаление только по поводу того, что в этой войне с «гербами» были пощажены «королевские линии»,— «они также должны быть стерты со всех публичных зданий. на которых надо сохранить только эмблемы национальной свободы» [9].

Бабеф закончил письмо жалобами на муниципалитет Руа и на Прево: «Став мэром в результате самой низкой интриги, он управляет, как деспот... В Руа совершенно не чувствуется свобода; здесь не оглашают ни одного закона. Поверят ли, что в этом маленьком городе, столь близком к столице, до сих пор осмеливаются взыскивать сборы на заставах, сохранили и сохраняют этот взяточнический режим (cette concussion). Нужно, наконец, разоблачить эти ужасы и показать, что за человек этот бывший депутат Прево» [10].

На «возмутительное злоупотребление» — сохранение заставы (péage) в Руа — Бабеф жаловался и 8 июня 1792 г. «Я написал тогда

[7] ЦПА ИМЛ, 73 В IV. «Dénonciation civique et coup de férule apliquées par un bataillon national aux Municipaux aristocrates d'une petite ville. Roye, district de Mondidier, 3 mai, l'an 4 de la Liberté. Au publiciste Carra». Опасаясь преследований, Бабеф просил не печатать его фамилию целиком, а ограничиться инициалами «К. Б.».

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же.

муниципалитету,— вспоминал он позднее, и его петиция по этому поводу сохранилась в архиве,— и предупредил, что если этому злоупотреблению не будет положен предел, я разоблачу их, как взяточников»[11]. Но на стороне муниципалитета снова оказались и дистрикт Мондидье и директория деп. Соммы.

Две недели спустя Бабефу пришлось опять выступить против «отвратительной администрации Соммы», но на этот раз по более серьезному вопросу, чем застава в Руа. Он резко обрушился на адрес королю от 22 июня. «Моя смелость (ma témérité),— писал он впоследствии,— увлекла меня на распространение во всем департаменте контр-адреса и контр-петиции против тех [адресов], которыми она (директория.— *В. Д.*)пыталась возмутить всех граждан этого департамента, чтобы отомстить за мнимое оскорбление королевской персоны»[12]. Одно такое «контр-обращение» (от 14 июля 1792 г.) Бабеф позднее сам воспроизвел в печати, и оно достаточно ясно определяет его позицию. «Когда высшее лицо в государстве,— писал Бабеф,— умерщвляет свободу; когда оно накладывает убийственное вето на законы, которые одни только и в состоянии спасти отечество; когда оно увольняет граждан-министров, чтобы заменить их врагами государства; когда оно открыто покровительствует всем, кто устраивает заговоры, и преследует всех подлинных друзей конституции и равенства..., когда голос всего народа возвышается против стольких предательств, вы, администраторы, вы присоединяетесь к изменнику, вы называете преступлением энергичное выступление части народа...; вы обещаете граждан-солдат для защиты королевских прерогатив, хотя они вовсе не заявляли вам, что собираются защищать тиранию... Верите ли вы тому, что у вас только несколько недругов, как вы это заявляете?.. Нет, вашими врагами являются... все честные граждане, которых возмутило ваше постановление... Изменников нельзя уважать. Вы потеряли доверие всего департамента и всей Франции»[13].

Едва ли Бабеф преувеличивал, когда утверждал, что его поведение после 20 июня вызвало «ярость» и что контрреволюционеры в деп. Соммы «угрожали ему жестокой местью». «К счастью,— как писал он сам,— произошло 10 августа». Победа парижских санкюлотов принесла с собой резкие изменения в судьбе Бабефа.

II

Весть о победе народного восстания 10 августа Бабеф принял с восторгом. «Аристократия оказалась еще настолько полнокров-

[11] ЦПА ИМЛ, 33 B II. «Babeuf, ex-administrateur...», p. 43.

[12] «Notes inédites de Babeuf...», p. 42.

[13] «Babeuf, ex-administrateur...», p. 28. По сообщению историка Амьена, А. Калонна, директория деп. Соммы после 10 августа не хотела верить известиям об отрешении короля и опубликовала их только через три дня, когда вернулась делегация, посланная ею в Париж для проверки этого сообщения (A. de Calonne. Histoire de la ville d'Amiens, v. 2. Amiens — Paris, 1900, p. 462).

ной,— писал Бабеф 12 августа Ал. Додену,— и она приобрела такое значение, что, для того чтобы выйти из кризиса, нужна была вторая вспышка революции. Она произошла. Пролилась кровь патриотов, но предатели, из-за которых это случилось, дорого поплатились. Пусть трепещет их нечестивый союз; малейшая новая преступная попытка заставит нас, новых Самсонов, потрясти колонну храма, и с этими отвратительными филистимлянами будет покончено навсегда»[14].

В первые же дни после свержения монархии Бабеф обратился с «Мемуаром» к Ролану, тогда вновь назначенному министром внутренних дел. Мы узнаем об этом из неподписанного письма, полученного им из Парижа 23 августа, автором которого, судя по содержанию, была г-жа Ролан. Обращение к Ролану,— как мы сейчас увидим, оно было не единствнным,— может показаться странным. Но имя Ролана,— весьма компетентного и авторитетного инспектора пикардийских мануфактур до 1784 г.,— было хорошо известно и во всей провинции[15], и Бабефу. Личный авторитет Ролана, довольно твердо державшегося во время конфликта между министерством Дюмурье и Людовиком XVI, был еще велик во Франции[16]. Вероятно, у Бабефа вновь мелькнула надежда, побуждавшая его в 1789 г. обращаться к Ван-дер-Нуту, в 1790 г. к Дантону, в 1791 г. к Купе,— воздействовать через Ролана на общий ход событий в стране и в департаменте. Наконец, следует отметить, что у нас не сохранилось никаких документов о позиции Бабефа в спорах между Робеспьером и «бриссотистами» по вопросу о войне. В начале работы Законодательного собрания Бабеф, как мы помним, положительно отозвался о выступлении Бриссо по поводу эмиграции. Привлекала ли его более решительная постановка проблем внешней политики, расходился ли он в этом вопросе с Робеспьером, этого мы не знаем. Так или иначе, обращаясь в августе 1792 г. к Ролану, Бабеф проявил, конечно, явно недостаточную политическую осведомленность и наивность.

О содержании «мемуара» мы можем судить только по письму г-жи Ролан. «Как женщину, милостивый государь, меня принято считать мало чем занятой. Но обстоятельства, в которых мы нахо-

---

[14] ЦПА ИМЛ, 3 В V («...La pléthore de l'aristocratie avait acquis une telle densité qu'il fallait bien un second accès de la révolution, pour sortir de crise. Le voilà manifesté! Le sang patriote a coulé, mais il a été vendu bien chèrement aux traîtres qui l'on fait répandre. Que le reste de leur ligue impure tremble, le moindre nouvel essai criminel nous déciderait, nouveaux Samsons, à ébranler tout de bon la colonne du temple, et s'en serait fait du dernier de ces exécrables Philistins»).

[15] В сентябре 1792 г. Ролан был избран депутатом Конвента от деп. Соммы, но отказался от этого мандата.

[16] Возможно, что Бабефу стала известна позиция г-жи Ролан, поддерживавшей накануне 10 августа парижские секции: «Федераты и секции более ясно оценивали положение: они решили покончить (с монархией.— *В. Д.*), и г-жа Ролан разделяла их мнение. Но многие жирондисты пытались им противодействовать» (G. Lefebvre, R. Guyot, Ph. Sagnac. La Révolution française. Paris, 1930, p. 117).

димся, вынуждают меня к очень усидчивому труду, и это до сих пор лишало меня удовольствия ответить вам, и даже сейчас я свободна только на несколько минут. Я передала ваш мемуар, очень хороший, очень хорошо написанный, очень интересный, министру внутренних дел и полагаю, что эти полезные мысли послужат и вам, и нашему общему делу»[17].

Сообщая последние новости о положении дел в стране («Лафайет бежал за границу и очистил Францию от своего генерального штаба; Монморен находится под арестом»), г-жа Ролан выдвигала перед Бабефом следующие перспективы: «В вашем распоряжении два пути: или пост королевского комиссара, который станет теперь выборным, или Национальный Конвент, в который вы будете призваны, если,— на что можно надеяться,— патриотизм на этот раз победит». Письмо заканчивалось самыми лестными заверениями по адресу Бабефа и его записки; «Я никогда не забуду рвения, которое вы проявили по отношению к угнетенным, пылкости, бескорыстия вашей души, свидетельства подлинного патриотизма, достойного уважения»[18]. Как видим, «Мемуар» произвел самое положительное впечатление, и г-жа Ролан, человек достаточно незаурядный, правильно уловила основные черты, характеризовавшие Бабефа.

По мнению парижской корреспондентки, в случае победы «патриотов» на выборах, Бабефа следовало «призвать в Конвент». Это мнение целиком разделяли многочисленные «пикардийские патриоты». Всего год назад, накануне выборов в Законодательное собрание, Бабеф, как мы видели из его переписки с Купе, считал свое избрание невозможным. Но после 10 августа положение резко изменилось. Закрыть Бабефу путь к активной политической деятельности, как это удавалось до сих пор муниципалитету в Руа и департаментским властям в Амьене, было уже не так просто. Начались две тревожные недели в жизни Бабефа, когда шла ожесточенная борьба вокруг выдвижения его кандидатуры в Конвент или, по меньшей мере, на один из руководящих постов в деп. Соммы.

26 августа 1792 г. Бабеф выступил с большой речью на первичном собрании граждан Руа. Текст этой речи, представляющей исключительный интерес для характеристики мировоззрения Бабефа, сохранился в его архиве[19].

«О, какой момент мы переживаем.— начинает он свою речь.— «Идет борьба между человечеством и тираном, между справедливостью и угнетением, между общими интересами и эгоизмом, между

---

[17] ЦПА ИМЛ, 86 В V. На письме рукой Бабефа проставлена дата: «23 août l'an 1-er de l'Eg[alité]».

[18] Там же.

[19] ЦПА ИМЛ, 14 В I («26 août l'an 1-er de l'Eg[alité]»). Р. Легран (R. Legrand. Babeuf, ses idées, sa vie en Picardie. Abbeville, 1961, p. 21—23) опубликовал очень сжатую запись об этой речи, сохранившуюся в архиве деп. Соммы (L 2119).

умеренностью, присущей равенству, и ненасытностью, свойственной надменности, между обновленными правами и нашей былой испорченностью, между здравым разумом и предрассудками, одним словом, между всеми добродетелями и всеми пороками». Свобода одержала победу, тиран, доведенный «до последней степени унижения», ждет справедливого приговора. Но «наше благоденствие и наша независимость» еще не обеспечены: «Мы уже довольно далеко продвинулись на ристалище (dans la carrière), но как еще долог путь, который нам предстоит пройти».

Учредительное собрание «в дни своей славы» провозгласило возвышенные принципы. Если бы оно им следовало, счастье народа было бы, вероятно, уже обеспечено. Но оно нарушило их самым грубейшим образом: на словах повсюду провозглашались свобода и общее благо, на деле остались «рабство и нищета». Фундамент был превосходен, но воздвигнутое здание «грешило во всех отношениях». Конституция была совершенно «изуродована» (défigurée); самый священный принцип Декларации прав — равенство — был попран. Вместо старых сословий было введено новое «бесчестное разделение» между «богатым и бедным гражданином», основанное на отвратительном презрении к добродетелям бедняка, тогда как «все почести и привилегии» были предоставлены «богатству, хотя оно далеко не всегда сопровождается знаниями и духом справедливости».

В августовской речи 1792 г. Бабеф формулирует одно из основных положений своего мировоззрения, которое утвердилось у него на основании трехлетнего опыта революции: «Существует неоспоримая истина, *основанная на опыте всех веков, что люди, владеющие большими состояниями, всегда были прирожденными врагами низших классов*» (курсив наш.— *В. Д.*) [20]. В «Трибуне народа» в 1795—1796 гг. Бабеф изложил это положение в гораздо более законченном и развернутом виде [21], но, как видим, уже в 1792 г. оно высказано им достаточно отчетливо. Это дает ключ к пониманию политики Учредительного собрания: «Видели ли вы, с каким старанием богачи, которые одни только и участвовали в выработке конституции 1789 г., изгоняли неимущих, как тщательно они отстраняли, лишали их пользования политическими правами? Огромное число тех, кому присвоен был оскорбительный эпитет пассивных, было совершенно вычеркнуто из числа граждан. Но даже и активные граждане не могли избираться, им предоставлено было лишь право отдавать свои голоса лицам, более богатым, чем они, и только те могли управлять; для того, чтобы занять место в национальном представительстве, нужна была еще более высокая степень

---

[20] Там же («...C'est une vérité fondée sur l'expérience de tous les âges que les gens d'une haute fortune ont toujours été les ennemis nés des classes inférieures»).

[21] См. «Le Tribun du peuple», № 40, p. 235 («...notre guerre des pauvres contre les riches, des plébéiens contre les patriciens, de ceux qui n'ont rien contre ceux qui ont tout...»).

богатства». В первоначальном тексте эта мысль была выражена Бабефом еще более кратко и вразумительно: «Классу активных предоставлено было право избирать администраторов, более богатых, чем они»[22]. Как можно после этого утверждать, что существуют свобода и равенство в правах?

Конечно, Бабеф мог подняться только до элементарного представления о классовой борьбе, как борьбе «богачей» и «бедняков». Но это противопоставление он проводил с поразительной для его времени ясностью и последовательностью. Всю историю Учредительного собрания и первых лет революции он рассматривает именно с этой точки зрения: «О, господа! Мы слишком хорошо видели с начала революции влияние *правительства богачей* (du gouvernement des riches) (курсив здесь и дальше наш.— *В. Д.*). Думаете ли вы, что если бы бедняки (les indigents) имели своих защитников во всей политической администрации, они испытывали бы эту дороговизну, этот голод который так их мучит и столько раз заставляет задуматься над тем, должны ли они благословлять новый строй?» Бабеф подчеркивает, что скупка (l'accaparement) всех предметов продовольствия привела к тому, что сделала их приобретение «недоступным для бедняка и *рабочего*»[23]. Если бы собрание не состояло исключительно из защитников богачей, неужели оно не занялось бы выработкой «разумных комбинаций (combinaisons raisonnables) с целью сохранения равновесия в торговле, соблюдения такой пропорции, при которой цены на все товары, на все предметы питания были бы на уровне, подходящем и для продавца, и для покупателя. О, господа, как *мало сделано до сих пор для неимущего класса* (pour la classe malaisée). Но сейчас он возвращает себе свое священное право; он может надеяться на то, что его судьба изменится в лучшую сторону, если только он поймет, что его должны представлять люди из его же среды (de son bord)».

Неимущим гражданам (maltraités de la fortune) до сих пор как бы говорили: «Вы являетесь илотами...; вы не имеете права притязать на государственные посты, потому что вы в этом не заинтересованы, у вас нет никакой собственности». На это бедняк должен был бы возразить: «Как это я не заинтересован в общественных делах? Как это я не имею собственности? А разве моя жизнь, моя личность, мой труд (mon industrie) не являются собственностью? Но если вам, богачам, захватившим всю власть, угодно было овладеть моей жизнью, моей личностью, моим трудом и относиться ко мне, как рабу, мог ли я вам противиться, если не было никого из *моего класса* (personne de ma classe), чтобы защищать мои интересы против вас»[24].

---

[22] ЦПА ИМЛ, 14 В I.

[23] В первоначальном тексте речи вместо «бедняка и рабочего» было сказано: «*для бедного рабочего*» (pauvre ouvrier) — ЦПА ИМЛ, 14 В I.

[24] ЦПА ИМЛ, 14 В I.

Могут сказать, что у неимущих классов не найдется людей образованных и способных состязаться с опытными ораторами в Собрании, в котором все равно будет господствовать «богатство» (la fortune). На это Бабеф возражает: «Человек справедливый, человек честный и добродетельный, в котором вы уверены, что он не способен продаться тому, кто предложит больше..., человек, известный не речами, а хорошими делами, всегда в состоянии будет достойно вас представлять. У него найдется необходимое красноречие, если только он знает ваши страдания, если он сам перенес и испытал их, потому что красноречие человека, который хочет говорить о нищете народа, но сам прожил всю свою жизнь в полном достатке, всегда останется бесплодным» [25].

Нельзя ограничиться тем, что будут избраны достойные представители, их нужно связать определенным мандатом. Правда, декрет Законодательного собрания предусматривал, что все собрания в дистриктах и департаментах, предшествующие созыву Конвента, должны ограничиться только выборами. Бабеф не имел поэтому возможности защищать тот план «императивных мандатов», который он выдвигал еще в «Пикардийском корреспонденте». Тем не менее он всячески отстаивал ту мысль, что депутаты должны получить «наказы, хотя бы по некоторым самым основным вопросам».

В своей речи в Руа он выдвинул три таких принципиальных положения, которые обязательно должны войти в будущую Декларацию прав, поскольку прежняя нуждается в исправлениях и дополнениях. Бабеф считал, прежде всего, необходимым принять меры, чтобы навсегда предотвратить возможность восстановления различия между активными и пассивными гражданами. Поэтому в его первой дополнительной статье к Декларации предусматривалось: «Закон не может устанавливать различия в правах между людьми, какова бы ни была разница в их имущественном положении» [26].

Вторая дополнительная статья относилась к вопросу о народном образовании. Защищая ее, Бабеф повторил и развил свои мысли, известные нам еще по «Постоянному кадастру». «Чтобы сохранить равновесие прав между богатыми и бедняками, нужно дать каждому одинаковое образование, потому что, если вы оставите образование исключительно в руках богатых, они всегда будут главенствовать над бедняками, они одни будут занимать все должности, и люди снова останутся неравными в правах». Предложенная Бабефом вторая дополнительная статья, очень характерная для его социальных воззрений, гласила: «Человеческие знания являются национальной собственностью. Государство поэтому должно давать

---

[25] Там же.

[26] ЦПА ИМЛ, 14 В I. См. также ЦПА ИМЛ, 9 В I («La loi ne peut établir de distinction de Droits entre un homme et un autre, quelque différence qui se trouve entre eux pour la fortune»).

всем одинаковое бесплатное образование, с тем чтобы все в состоянии были выполнять различные государственные обязанности»[27].

Наибольший интерес представляет третья статья. Выступая в Руа, Бабеф предложил сформулировать ее в тех же выражениях, как это сделал «добродетельный Петион» в 1789 г., при обсуждении Декларации. Как мы помним, Бабеф неоднократно ссылался на это предложение: «Каждый гражданин должен найти обеспеченное существование либо благодаря доходу, приносимому его собственностью, либо благодаря своему труду и промыслам; если болезни или несчастья приведут его к нищете, общество должно позаботиться о его пропитании»[28].

Выступая неделю спустя на департаментском собрании выборщиков, Бабеф внес, кроме петионовского пункта, еще одно дополнение, обеспечивающее, по его словам, «подлинное общественное счастье, так как оно бесспорно приведет к исчезновению бедности (la pauvreté) и нищенства (la mendicité), которые должны, наконец, стать совершенно неизвестными в хорошо управляемой стране»[29]. Бабеф предложил включить в Декларацию прав следующую статью: «Вступая в общество, люди не могут согласиться попасть в худшее положение, чем то, в котором они находились при естественном состоянии; *каждый из них должен быть обеспечен всем необходимым при помощи труда*, на который каждый сочтет себя способным. Следовательно, *общество должно обеспечить работу всем своим членам и определить заработную плату в соответствии с ценами на все товары* с тем, чтобы этой *заработной платы* было *достаточно для приобретения продовольствия* и *для удовлетворения всех остальных потребностей каждой семьи*»[30] (курсив наш.— *В. Д.*).

Отличие этого бабефовского предложения от пункта Декларации, защищавшегося Петионом, совершенно очевидно. Вся речь 26 августа и, в частности, эта статья Декларации наглядно свидетельствуют, насколько неправильно положение, высказанное американским историком Л. Готшальком (автором исследования о Мара-

---

[27] ЦПА ИМЛ, 14 В и 9 В I («Les connaissances humaines sont une propriété nationale: en conséquence, l'Etat doit une même éducation gratuite à tous ses membres, jusqu'au point de les mettre tous à portée de pouvoir remplir les différents emplois du Gouvernement»). О взглядах Бабефа на проблемы воспитания см. M. Dommanget. Babeuf et l'éducation.— AHRF, № 162—163 (1960—1961).

[28] Там же («Tout citoyen doit trouver une existence assurée, soit dans le revenu de ses propriétés, soit dans son travail et son industrie, et si des infirmités ou des malheurs le réduisent à la misère, la société doit pourvoir à sa subsistance»).

[29] ЦПА ИМЛ, 9 В I.

[30] ЦПА ИМЛ, 9 В I («Les hommes, en se mettant en société ne peuvent consentir à tomber dans un état pire que celui de la nature; chacun doit être assuré de toutes les choses nécessaires moyennant le travail dont (chacun) se trouve capable. En conséquence, l'association doit assurer des travaux à tous les membres, et déterminer les salaires dans une proportion relative au prix de toutes les marchandises, au point que ces salaires puissent suffire à l'acquisition de la subsistance et de tous les autres besoins de chaque famille»).

те и Лафайете), на IX Международном историческом конгрессе (по докладу Ж. Лефевра) о том, что «Бабеф представляет коммунизм чисто аграрного типа, ни в коем случае не индустриального» [31]. Характерно, что во всех предложенных Бабефом дополнениях к Декларации нет никаких аграрных требований, но зато специфическим требованиям рабочих — конечно, не индустриального городского пролетариата, а рабочих мануфактурной стадии развития капитализма, полурабочих, полукрестьян,— в них уделено главное внимание [32]. Мы уже сталкивались с этим во «Вступительной речи» к «Постоянному кадастру», в петиции по вопросу о нищенстве, где это же предложение 1792 г. сформулировано почти в тех же выражениях, в «Философском свете» и бюлльских петициях. Выступая в качестве «смелого защитника неимущих классов», Бабеф неизменно проявлял особый интерес к определенной группе этих «обездоленных классов», к тем, кто жил уже продажей своей рабочей силы, существовал, прежде всего, за счет заработной платы. Приведенный только что пункт «Декларации», выдвинутый Бабефом в августе — сентябре 1792 г., подтверждает это с полной наглядностью.

Чисто политическим вопросам в этой речи уделено немного места. К вопросу о личной судьбе короля Бабеф проявил мало интереса: «Национальный Конвент, ознакомившись и рассмотрев все документы (pièces), относящиеся к процессу против Людовика, лучше чем мы, определит кару, соответствующую преступлениям, в которых он обвиняется».

Исполнительную власть лучше всего, как показал опыт, вручить «исполнительному комитету» (Conseil Exécutif). Но Бабефа беспокоил вопрос о пределах полномочий этого нового органа исполнительной власти: «Став единовластным, не будет ли он столь же опасным, как король; не следует ли опасаться, что после того, как не станет главы исполнительной власти, у нас появится военное правительство (gouvernement militaire)» [33]. «Общественному мнению» вскоре придется заняться этими большими вопросами о «народном вето», об утверждении всех законов «общей волей» (par la volonté générale), об ограничении власти генералов. Ко всем этим политическим вопросам Бабеф вернулся гораздо подробнее несколь-

---

[31] IX Congrès des sciences historiques, v. II. Paris, 1951, p. 240.

[32] Интересно сопоставить предложенный Бабефом пункт Декларации с петицией, поступившей 19 ноября в Конвент из деп. Сены и Уазы: «...Обратите внимание и на то, что этот класс капиталистов и собственников благодаря безграничной свободе в повышении хлебных цен, является также и хозяином в установлении заработной платы... Из всего этого вытекает *самое невероятное несоответствие между заработной платой и ценой продуктов первой необходимости...*, заработка не хватает на жизнь, и... всякий, живущий трудом рук своих, неизбежно осужден на гибель... Необходимо справедливое соответствие между ценой хлеба и заработной платой, и дело закона поддержать это соответствие, для которого свобода торговли является препятствием» (Н. М. Лукин. Избранные труды. М., 1960, т. I, стр. 81).

[33] ЦПА ИМЛ, 14 В I.

кими днями позднее, на собрании выборщиков департамента Соммы в Аббевилле [34].

Первичное собрание в Руа одобрило все три предложения, внесенные Бабефом, и поручило ему, как секретарю собрания, внести их в протокол. Но председателем собрания, назначенным вместе с Бабефом выборщиком от кантона Руа (Лонгекан получил 119 голосов, Бабеф — 110) [35], был его злейший противник, памятный нам по апрельским событиям 1791 г.,— Феликс-Жан-Батист Лонгекан. В Руа, чувствуя себя в явном меньшинстве, Лонгекан вынужден был сдерживаться, в Аббевилле, как мы сейчас увидим, его поведение было уже совсем иным.

Судя по сохранившейся в архиве рукописи, Бабеф выступил на собрании выборщиков с большой речью уже 2 сентября. Первая ее часть была посвящена тому же вопросу — кого следует избирать? От удачи выбора зависит «судьба мира» (destin de l'univers). Франция может стать «образцом для народов всего мира, родиной-матерью для всей вселенной, колыбелью и школой четырех частей света». Но если выбор окажется неудачным, «не только не будут исправлены огромные недостатки конституции Дандре, Деменье, Туре, Тарже, Шапелье и Барнавов, но... будет возведено еще худшее здание» [36]. Под каким-нибудь новым обличием воскреснут только что низвергнутый деспотизм, «феодальная гидра», «жадные публиканы» с их сотней тысяч «пиявок», сила церкви — этой «самой отвратительной общественной ржавчины», — «изворотливая» судейская аристократия (robinocratie).

Бабеф призывал не избирать никого из тех, кто пользовался милостями старого порядка и мечтает о его восстановлении, т. е. лиц, связанных с существованием сеньерий, с откупами, священников и т. д. Подавляющее большинство тех, кто после революции занял посты в администрации, в судах и т. д., стремится к старому порядку, когда их должности были бессменными и передавались по наследству. Он предостерегает против избрания представителей адвокатуры, которые также недовольны революцией, потому что законодателям вовсе не нужна чрезмерная болтливость (le parlage). В гораздо большей мере им необходимы «чистые намерения и здравые суждения». Но опаснее всего люди, «лишенные характера, не

---

[34] Заключительную часть своей речи Бабеф посвятил чисто локальному вопросу, волновавшему Руа и Мондидье с 1789—1790 гг., о местонахождении центра дистрикта. В случае если депутатом будет избран кандидат от кантона Руа, он должен будет добиваться, чтобы в Руа были восстановлены некоторые учреждения, существовавшие в нем до революции... «Я думаю, что доставлю удовольствие своим согражданам, как в городе, так и в коммунах кантона,— закончил Бабеф свою речь,—если сообщу, что сделал уже кое-что для того, чтобы обосновать необходимость отдать Руа предпочтение перед Мондидье в размещении некоторых учреждений; я сообщу об этих трудах будущему депутату и изложу ему, какие средства необходимы для обеспечения успеха этого предприятия» (ЦПА ИМЛ, 14 В I).

[35] R. Legrand. Babeuf.., sa vie en Picardie, p. 22.

[36] ЦПА ИМЛ, 58 В II.

имеющие собственного мнения..., одобряющие все и ничего не осуждающие, постоянно меняющие маску в зависимости от обстоятельств». Лафайет был гораздо опаснее Мори: недаром в Греции существовал закон, угрожавший смертью тем, кто проявлял вялость, равнодушие, безразличие, «нейтральность». Народу не нужны и «подлые льстецы», стремящиеся «навязать ему погремушку с тем, чтобы позднее добавить к ней ошейник» [37]. Пикардия до сих пор была представлена в Учредительном собрании Ламетами и Мори, а в Законодательном собрании «медоточивыми, вкрадчивыми» льстецами вроде Жирардена и Осси-де-Робекура (Haussy de Robécour). Ей давно пора иметь своих «Фокионов и Аристидов» [38].

Определяя качества, необходимые этим будущим Фокионам, Бабеф явно говорит о себе. В Конвенте нужны люди, «принципы и поведение которых не менялись с начала революции, которые... не сожалели о денежных потерях, причиненных им революцией, довольствуясь тем, что они приобрели права человека; которые улыбались каждый раз, когда исчезало какое-нибудь злоупотребление, даже если оно являлось надежнейшим источником их существования...; которых не могли поколебать никакие преследования со стороны умеренных, изменников, сторонников старого порядка; которые проявили себя бескорыстными и неприступными для соблазнов гнусного металла, унизившего столько сердец, казавшихся сперва добродетельными...». Но таких людей нужно искать «под соломой, поближе к плугу и полезным промыслам (métiers utiles). В царстве равенства богатство больше не должно нас привлекать» [39].

Во второй части своей речи Бабеф доказывал необходимость принятия определенного наказа будущим избранникам: «Неужели же нация не должна ничего предписывать своим полномочным избранникам? Нет, я этого не думаю». Нужно предусмотреть основы будущей конституции. Бабеф повторил в своей речи 2 сентября те статьи, которые он предложил в Руа, добавив пункт о заработной плате, о котором мы уже упоминали.

Гораздо подробнее остановился он на этот раз на политических требованиях. И в этой своей речи Бабеф подчеркнул, что он не придает большого значения вопросу о судьбе короля: «Пусть его подвергнут изгнанию, как Тарквиния, принесут в жертву, как Цезаря, возведут на эшафот, как Карла Стюарта, или заключат в темницу, как восточного деспота. Все это имеет мало значения... Поступайте с Людовиком, как вам угодно, но только не ставьте на

---

[37] Там же.

[38] Это указание на Фокионов, возможно, связано с чтением Бабефом известной работы Мабли.

[39] ЦПА ИМЛ, 58 В II. «...Только избрание таких депутатов обеспечит... огромному множеству обездоленных семей, которым до сих пор давали только милостыню и ничтожные, бесполезные пособия, надежное и почетное существование, благодаря возможности получения работы...; все члены общества будут жить в честном достатке» (une honnête aisance).

его место другого государя». Монархия должна быть уничтожена, и следует «формально запретить обсуждение вопроса об этом чудовищном учреждении, которое народ упразднил, как совершенно несовместимое со свободой» [40]. Вопросу о судьбе короля, упразднении монархии и создании временного исполнительного комитета во всей речи (в архиве сохранилось два ее варианта), уделено только несколько строк. Все внимание Бабефа сосредоточено на вопросе об ограничении прав будущей исполнительной власти, о гарантиях осуществления подлинного народного суверенитета. Его позиция полностью совпадает со взглядами наиболее левых «плебейских», «санкюлотских» элементов в Париже и в провинции [41].

Он вновь предостерегающе напоминает слова Руссо: «После того, как закончены выборы, народ проявляет себя только через своих посредников, он уже теряет свою полную свободу» (il n'est plus directement libre). Чтобы предотвратить это, Бабеф вносит ряд предложений, которые в более развернутой форме он уже излагал в 1791 г. в письмах к Купе. Первичные собрания должны сохранить возможность наблюдения за своими депутатами, право их отзыва и замены. Должно быть осуществлено «народное вето». Законы, принимаемые Собранием, имеют силу в течение года. После этого все они должны поступать на утверждение народа. Муниципалитеты собирают первичные собрания и составляют списки; каждый гражданин голосует за или против закона. При этом запрещаются какие бы то ни было «напыщенные речи» (tous discours déclamatoires). Голоса подсчитываются в дистриктах, департаментах и в Законодательном корпусе. Не пройдет и трех недель, как «народ-король» получит возможность наложить свое вето на каждый не угодный ему закон. Только таким образом может постоянно осуществляться действительный народный суверенитет [42].

Для предотвращения угрозы создания «военного правительства» Бабеф считал необходимым ввести в конституцию особую статью о постоянной смене высших военачальников на посту командующих армиями. В первоначальной рукописи содержалось предложение,

---

[40] ЦПА ИМЛ, 58 В II и 9 В I.— Ср. мнение Марата: «Не будет свободы, не будет безопасности, не будет мира, не будет покоя для французов, не будет надежды на освобождение для других народов, пока не будет срублена голова тирана» (Марат. Избранные произведения, т. 3, стр. 197).

[41] См. A. Soboul. Les sans-culottes de l'an II. Paris, 1958, p. 505—547. (Les tendances politiques de la sans-culoterie parisienne). «Отстаивая все эти формы контроля и принуждения, соответствовавшие идеалу суверенитета, принадлежащего перманентно заседающему народу, Бабеф и «равные» откликались на требования, неоднократно выдвигавшиеся санкюлотами парижских секций и временами даже осуществлявшиеся на деле... Как это блестяще показал Альбер Собуль, в 1792—1794 гг. парижские санкюлоты, достигшие замечательной политической зрелости, смутно стремились к установлению прямого народоправства» (gouvernement direct).— М. Домманже. «Равные» и конституция 1793 г.— «Французский ежегодник, 1960», М., 1961, стр. 83.

[42] ЦПА ИМЛ, 9 В I.

чтобы главнокомандующий оставался на своем посту не больше двух месяцев [43]. Вопрос этот Бабеф поднимал не впервые, он выдвигал его и в своем проекте устава Национальной гвардии в 1790 г., и в переписке с Купе. Характерно, что, находясь в Вандоме, Бабеф, в начале 1797 г., почти за три года до 18 брюмера, сделал запись, из которой ясно, какие опасения внушало ему уже тогда поведение Наполеона в Милане [44]. Конечно, его предложение было наивно,— и не только «général-en-chef» итальянской армии, будущий глава так пугавшего Бабефа уже в 1792 г. «военного правительства», но и любой честный демократ, как генерал Мале, вынужден был бы его отвергнуть. Но опасность, исходившую от «генералов», Бабеф предвидел достаточно своевременно.

III

На том же заседании 2 сентября Андре Дюмоном, будущим депутатом Конвента, ярым «дехристианизатором», а позднее термидорианцем и наполеоновским супрефектом Аббевилля, было внесено предложение ограничиться исключительно выборами и не обсуждать никаких других вопросов. Это предложение, судя по сохранившейся записи, вызвало 3 сентября самые решительные возражения со стороны Бабефа: «Я считаю, что оно совершенно противоречит принципам, вытекающим из нашего положения..., укреплению общественного блага, той миссии, которой мы должны содействовать вместе со всеми французами... Мы являемся первыми представителями народа, облеченными всеми полномочиями. Мы обладаем поэтому правом заниматься другими вопросами, кроме выборов, и благоденствие народа зависит, возможно, от того, будем ли мы ими заниматься [45]. Собрание выборщиков обязано обсудить

---

[43] ЦПА ИМЛ, 9 В I («Pour prévenir l'oppression d'un gouvernement militaire, la constitution déterminera qu'un nombre suffisant d'officiers généraux alternera tous les mois pour le commandement en chef des armées (ne restera pas au dela de deux mois en tête des armées)».

[44] ЦПА ИМЛ, 2 В X. На основании сообщения газеты Дюшозаля «Ami des loix», от 16 плювиоза V года (4 февраля 1797 г.), Бабеф сделал следующую запись: «Бонапарт, победитель Ломбардии, счел, что этот титул дает ему право диктовать организацию правительства этой страны. Он потребовал список хороших граждан от всех классов и назначил генеральный совет в качестве временного представительства Милана до того, как оно будет сконструировано. Вполне возможно, добавляет журналист, что он соединится с народами циспаданской Италии и образует с ними единую и неделимую республику» (Bonaparte, vainqueur de la Lombardie, a cru que ce titre l'autorisait à dicter l'organisation du gouvernement de ce pays. Il a demandé une liste des bons citoyens de toutes les classes, pour former un conseil général provisoirement répresentatif du peuple milanais, en attendant qu'il ait pu se constituer. Il n'est pas douteux,— ajoute le journaliste,— qu'il se réunira aux peuples cispadins, et formera avec eux une république une et indivisible).

[45] ЦПА ИМЛ, 59 В II. Это поведение Дюмона вызвало большое недоверие к нему со стороны Бабефа. В уже цитированном нами письме от 7 фримера II года, напомнив о том, что со времени «Пикардийского корреспондента»

вопросы о судьбе короля и монархии, о формах новой исполнительной власти, о праве отзыва и замены депутатов, о «народном вето», мерах для предотвращения создания военного правительства. «Если все эти вопросы не будут обсуждены,— закончил Бабеф,— нации остается последний ресурс — поднять еще раз восстание, и на этот раз против кого? Против самого сената! Но восстание народа против своих представителей — это самое большое из всех возможных бедствий» [46]. Революция шагает быстро, и всего лишь через девять месяцев, 31 мая — 2 июня 1793 г., Бабеф сам явится участником этого «самого большого из всех возможных бедствий». Но знаменательно, что мысль о возможности такого восстания народа «против сената» возникла у него еще осенью 1792 г.

Выступление Бабефа вызвало давно уже, очевидно, подготовлявшуюся бурю. Против него со всей возможной резкостью выступил Лонгекан, обвинивший Бабефа в том, что он «навязал» собранию в Руа свои предложения, что он является «врагом законов», «агитатором», «учителем дурных принципов» [47]. Противники Бабефа, давно копившие против него злобу, на этот раз дали себе волю. В зале заседания стоял такой неистовый шум, что Бабеф совершенно лишен был возможности ответить Лонгекану. Впоследствии, в начале 1794 г., в письме Комитету общественного спасения Бабеф предлагал Андре Дюмону — тогда еще наиболее левому депутату Конвента от деп. Соммы — подтвердить, с каким «возмутительным остервенением» Лонгекан пытался «оклеветать его на избирательном собрании в Аббевилле в сентябре 1792 г. [48]. Сохранились две рукописи Бабефа, датированные 4 и 5 сентября, с ответом Лонгекану. Второй набросок представляет собой проект письма, которое он собирался послать собранию, не рассчитывая, по-видимому, на то, что ему дадут говорить [49]. Но обстановка в Аббевилле внезапно изменилась.

В конце августа 1792 г. Временный исполнительный совет и Парижская коммуна разослали своих комиссаров по департаментам. В их числе было много видных деятелей парижских секций; напомним, что среди комиссаров был кордельер и будущий «эбертист» Моморо, издавший вместе с Дюфуром во время этой миссии из-

---

он считал Дюмона «энергичным человеком и чрезвычайно горячим патриотом», Бабеф подчеркнул не без горечи: «Но в сентябре 1792 г., на собрании выборщиков в Аббевилле, ты не использовал возможности проявить эти черты и, должен признаться, я решил, что ошибся в оценке твоего мужества и твоих республиканских добродетелей» («Les lettres françaises», № 309, 27 april 1950). По-видимому, Дюмон увидел в Бабефе соперника и примкнул к числу тех, кто противился его выдвижению в Конвент. Это враждебное отношение Дюмона и его интриги сыграли в дальнейшем очень отрицательную роль в личной судьбе Бабефа.

[46] ЦПА ИМЛ, 59 В II.

[47] ЦПА ИМЛ, 62 В II.

[48] «Babeuf, ex-administrateur...», p. 8. См. также ЦПА ИМЛ, 60 и 61 В II.

[49] ЦПА ИМЛ, 60 и 61 В II.

вестную декларацию, ставившую под вопрос земельную собственность, за что оба были отозваны в Париж. Комиссары, которым предстояло посетить деп. Соммы, Парен и Коршан — участники взятия Бастилии — были также видными деятелями санкюлотского движения в столице [50]. Аббевилль они посетили как раз 5 сентября. Об их настроениях и впечатлениях от Аббевилля можно судить по донесению комиссаров Временному совету: «...Директория дистрикта Аббевилль аристократична до крайности (d'une aristocratie inconcevable)» [51].

К помощи Коршана и Парена и обратился Бабеф. Их фамилии и адрес указаны на обороте рукописи одной из его аббевилльских речей [52]. Обращение оказалось не бесплодным: 5 сентября Парен дважды выступал на собрании выборщиков и, очевидно, взял под защиту Бабефа [53]. Это видно из выступления последнего 6 сентября: «Мне было приятно, что успокоение и размышления привели к тому, что большинство выборщиков осудило шумную вылазку, затеянную несколькими лицами в понедельник (3 сентября.— *В. Д.*), чтобы задушить голос представителя народа... Но мне потребовалось выступление комиссаров Исполнительного совета, чтобы уничтожить предубеждение против моих взглядов... Сейчас я полностью отомщен. Я уже не являюсь в ваших глазах врагом законов... Особенно вы, жители деревень, я надеюсь, что теперь вы узнаете, кто вас обманывает. Вы воздадите, наконец, справедливость мне, не боявшемуся никаких тюрем, посвятившему вам все свое время, ведшему ради вас беспрерывную войну против соляной подати, против сборов (aides), против шампара, против чинша, против феодалов и всех притеснителей, упорно вас преследовавших...; вы перестанете прислушиваться к вашим и моим врагам, советующим вам отделаться от меня (de me départir) в награду за преследования, которым я подвергался» [54].

Яростное нападение Лонгекана на Бабефа связано было, вероятно, с тем, что очень значительная группа выборщиков в Аббевилле поддерживала кандидатуру Бабефа в Конвент, что вызвало

---

[50] См. P. Caron. Les missions du Conseil exécutif provisoire et de la Commune de Paris dans l'Est et le Nord (août — septembre 1792). Paris, 1953. A. Коршан — капитан батальона Национальной гвардии после начала революции; во время якобинской диктатуры — член военного суда в Лионе, председателем которого был Парен. При Наполеоне был выслан в связи с делом о взрыве «адской машины» и умер на о. Занзибаре. Сложнее оказалась судьба Парена (1755—1831). Участник всех народных выступлений (взятие Бастилии, октябрьские дни 1789 г., 10 августа), Парен, о котором с большой похвалой писал Марат, стал генералом «революционной армии» и был близок к эбертистам. Парен был лично знаком с Бабефом, участвовал в военной организации бабувистов, подвергался преследованиям, но позднее стал осведомителем Фуше.

[51] P. Caron. Op. cit., p. 152.

[52] ЦПА ИМЛ, 62 В II («Parein et Corchant, à Reims, à la Maison rouge»).

[53] P. Caron. Op. cit., p. 151—152.

[54] ЦПА ИМЛ, 62 В II («6 septembre l'an 1-er de l'Egalité»).

самую страстную борьбу. Ж. Лефевру удалось обнаружить следы ее в следственном деле кюре прихода Эталон, Круасси: «...Находясь в качестве выборщика в Аббевилле,— заявил в 1794 г. Круасси на следствии,— я оказался как-то в кафе, где присутствовало большое числе выборщиков. Некоторые из них, с которыми я не был даже знаком, обратились ко мне, требуя, чтобы я голосовал за гражданина Бабефа, но я им ответил, что не хочу за него голосовать. Тогда выборщики стали допытываться, почему я не хочу отдать за него свой голос, не потому ли, что он имел честь разработать проект аграрного закона. Я ответил, что нет, и что он напрасно составил этот проект, ибо если этот закон осуществится, гражданская война станет неизбежной и Франция погибнет» [55].

Из этого бесхитростного рассказа деревенского священника — в ноябре 1792 г. Бабеф снова встретился с ним на собрании выборщиков дистрикта Мондидье — совершенно очевидно, какой большой поддержкой пользовался Бабеф в Пикардии и как велико было число его сторонников. При этом любопытно, что эти симпатии он снискал не только своей борьбой против косвенных налогов и феодальных повинностей, но именно как сторонник «аграрного закона», хотя это требование Бабеф выдвигал с такой осторожностью. Кандидатура Бабефа в Конвент была совершенно реальна, и если бы не «клика Лонгекана», мы, может быть, услыхали бы с трибуны Конвента не только Дантона, Робеспьера, Марата, Сен-Жюста, но и «мужественного защитника неимущих классов». У Бабефа была, во всяком случае, такая социальная программа, которой не было ни у кого из самых смелых и решительных якобинских руководителей.

Хотя сторонникам Бабефа и не удалось провести его в Конвент, они оказались достаточно многочисленными, чтобы избрать его в состав Генерального совета департамента. «Им не удалось послать Бабефа в Конвент,— пишет Ж. Лефевр,— но, когда по их инициативе была обновлена администрация департамента, они ввели его туда 17 сентября. Именно честь составления проекта аграрного закона содействовала этому выдвижению» [56]. Несмотря на бешеное сопротивление, Бабеф прошел вторым, собрав 225 голосов (из 378) [57].

---

[55] G. Lefebvre. Où il est question de Babeuf. («Etudes sur la Révolution française». Paris, 1954, p. 300. Русск. пер. «Французский ежегодник за 1960 г.» M., 1961, стр. 16). См. также R. Cobb. Babeuf et les électeurs d'Abbeville, AHRF, 1961, № 165 («я высказал свое мнение против этого закона, осудив Бабефа, о котором шел слух, что он составил такой проект).

[56] G. Lefebvre. Op. cit., p. 301. В начале апреля 1793 г. Бабеф писал голландскому полковнику Макерстроту: «Во время последних выборов я был избран членом Совета департамента Соммы. Эта должность члена Совета не оплачивается, но она являлась свидетельством народного доверия, оказанного моему патриотизму» (ЦПА ИМЛ, 76 В IV).

[57] R. Legrand. Op. cit., p. 24. Легран использовал протокол аббевилльского собрания, хранящийся в архиве деп. Соммы (См. AD de la Somme. Répertoire numériq e. Serie L., Periode révolutionnaire. Par M. J. Estienne, archiviste,

Через три дня после своего избрания, 20 сентября, Бабеф снова обратился к Ролану. Он все еще был полон доверия к нему, хотя уже в это время усомнился в преданности революции не только Клавьера [58], бывшего тогда министром финансов, но и самого Дантона: «Я не знаю, не изменились ли Дантон и Клавьер, став законодателями; *я этого опасаюсь*» (курсив наш.— *В. Д.*) [59]. Бабеф настойчиво уговаривал Ролана не принимать депутатского мандата от деп. Соммы. Он видел в этом маневр и интриги со стороны тех, кто хочет ослабить энергию революционного правительства. «От имени родины, г. министр внутренних дел,— писал Бабеф,— оставайтесь на своем посту. Займите его сейчас же вновь, если — чего я не знаю — вы его уже не покинули, приняв ваше избрание в Законодательный корпус... Я был выборщиком, но я не голосовал за вас... Я предвидел, я предчувствовал, как только было внесено это предложение, что проект удаления вас из Исполнительного совета был или западней, или непоследовательностью... О, боги! Существует план очистить все важнейшие посты от людей, пригодных занимать их. Кто заменит Манюэля и Петиона? Почему они не остаются на своих постах? Кто может предвидеть, какие бедствия произойдут от того, что вас уже не будет на должностях, на которые вас так разумно выдвинули?.. Что могут дать хорошие законы, если их осуществление будет поручено посредственным или злонамеренным людям? Оставайтесь, это необходимо, этого требует благо родины» [60].

Занятый департаментскими делами, Бабеф, очевидно, был плохо осведомлен о том, что происходило в столице в сентябрьские дни, иначе он должен был бы знать, что и Ролан, и Петион, которого Бабеф так высоко ценил, уже безнадежно отстали от хода революции. С этой стороны первая часть письма интересна лишь как свидетельство еще одного увлечения Бабефа, от которого ему скоро пришлось отказаться.

Гораздо важнее для его биографии другая часть, посвященная пикардийским делам. Бабеф сообщает, что хотя он и избран в состав Генерального совета, но это явилось результатом «чуда». Деп. Соммы находится «в страшном положении», он погибнет, «если для его спасения не будут приняты чрезвычайные меры. Только интриги и недоброжелательство царили при избрании администрации». Бабеф ждал, что его «попытаются устранить из департамента.

1937, № 323). Все отмеченные нами инциденты в протоколе не нашли отражения.

[58] В июне 1791 г. Бабеф с похвалой отзывался о «великих и светлых истинах, приводимых в циркуляре Этьена Клавьера, министра финансов, обращенном к обществам Друзей конституции 13 апреля» (ЦПА ИМЛ. 75 B IV).

[59] G. Bourgin. Quelques inédits de Babeuf (AHRF, 1959, N 156, p. 152) «J'ignore si Danton et Clavière ne sont point aussi metamorphosés en Législateurs; je le redoute».

[60] Ibidem.

Зная о том, что я живу за 10 лье от центра департамента, что я являюсь отцом семейства и совершенно лишен состояния, надеются, что меня нетрудно будет удалить и отделаться от моего неудобного надзора». Но Бабеф не собирался сдаваться и готов был поступиться всем, даже интересами своей семьи: «Я сделаю все, что могу, для своей семьи, но родина мне дороже всего. Я останусь в центре департамента и буду постоянно следить за тем, что происходит» [61]. Бабеф предложил Ролану, так же как в свое время он предлагал это Купе, вступить с ним в постоянную переписку. «Моя задача будет состоять в том, чтобы осведомлять вас о положении дел, о поведении администрации и том отношении, которое она встретит в населении». Он просил не предавать письмо огласке: «Это еще преждевременно и для общего дела, и для меня» [62]. В конце письма Бабеф указал свой будущий амьенский адрес.

Несмотря на явное нежелание директории департамента, 12 октября он был назначен архивистом. «Наконец, я могу спокойно вздохнуть (enfin je respire),— писал он семье 13 октября;— вчера я был назначен архивистом департамента Соммы. Я не мог раньше писать вам о своем назначении из-за невероятных затруднений, которые были у меня, прежде чем я обеспечил себе эту должность. Трудно представить, сколько преград мне пришлось преодолеть, и чтобы устранить все эти препятствия, я должен был тратить все свое время. Я представляю себе, сколько мучений, беспокойства, тревоги пережили вы за это время, мои бедные друзья, но нужно было принести в жертву все..., победить или умереть. Если бы мне это не удалось, я впал бы в отчаяние. Этот успех, после четырех лет страданий и мучительных трудностей, принес мне настоящее удовольствие, сладость которого я давно забыл. Я стал вдвое моложе..., я уверен, что это известие сейчас, когда вы были уже на краю пропасти, принесет вам облегчение, подымет ваше мужество, и это письмо доставит вам столько же радости, сколько и мне» [63].

Правда, у Бабефа все еще не было «ни одного су», и даже для платы за ночлег в харчевне ему пришлось одолжить деньги у книгопродавца Карона-Беркье, памятного нам по переписке 1789—

---

[61] Ibidem. В архиве Бабефа сохранилась такая запись: «Я люблю свою семью больше, чем самого себя; я люблю свое отечество больше своей семьи, но больше всего я люблю человечество» (J'aime encore mieux le genre humain) (ЦПА ИМЛ, 25 В III).

[62] G. Bourgin. Op. cit.— AHRF, 1959, № 156, p. 152.

[63] AD de la Somme, $F^{129}/_{63}$ (по копии). «Сообщаю вам,— писал Бабеф администрации дистрикта Мондидье, посылая свой проект раскладки налогов между 5 дистриктами департамента,— что я единогласно назначен нашим Генеральным советом временным архивистом департамента. Мое окончательное избрание на это место отложено до ближайшей сессии, когда будет установлено и мое жалованье. Я полагаю, что мое рвение, моя активность, мой патриотизм оправдают мое назначение на этот пост, на котором я надеюсь оказаться достаточно полезным администрации... Вы увидите мой план деятельности, к осуществлению которого я уже приступил» (ЦПА ИМЛ, 63 В II). См. также R. Legrand. Op. cit., p. 27—28.

1790 гг., но Бабеф был преисполнен надежд: «...Побольше мужества. Наши дела идут хорошо, военные действия в Лилле закончатся удачей, враг отступает и повсюду республиканские армии побеждают» [64].

Амьенский период жизни Бабефа продолжался всего лишь несколько недель. За это время департамент дважды направлял его с чрезвычайными миссиями. В первой половине октября, вместе с другим членом Генерального совета, Дево, впоследствии членом трибунала в Амьене, он был направлен в Перонн. Здесь, как утверждал Бабеф, он раскрыл заговор, ставивший целью открыть фронт. «Новая директория департамента (измена которой была установлена позднее) была в нем замешана... Несмотря на мои повторные требования, несмотря на мои письма к Ролану, который не был еще тогда разоблачен, изменники остались безнаказанными, и мой доклад как в воду канул (fut englouti)» [65].

В начале ноября 1792 г. Бабеф был направлен в Аббевилль с другой миссией: с целью «приостановить мнимый голод, организованный в дистрикте» [66]. О продовольственных затруднениях в дистрикте можно судить по любопытному письму, адресованному «Камиллу Бабюфу, продовольственному комиссару в дистрикте Аббевилля» муниципальными должностными лицами Креси. Отвечая на «требования (réquisitoire) Бабефа от 2 ноября [67], они писали: «Сегодня (5 ноября.— *В. Д.*) на рынок было доставлено около восьмидесяти сетье зерна на пропитание почти трехсот бедняков (personnes indigentes). Мы вынуждены были разделить это количество на маленькие доли. Народ очень жаловался, но обошлось без всяких эксцессов (incartades), так как мы имели хорошую охрану. Еще за три дня вперед мы предупредили всех землевладельцев на 3 лье в окружности, чтобы они вывезли хлеб» [68]. Цена на хлеб, судя по этому сообщению, дошла до 23 ливров за сетье. По словам Бабефа, деятельность в Аббевилле снискала ему «новую орду смертельных

---

[64] AD de la Somme, F129/63. Только во второй половине октября Бабеф впервые оказался в состоянии помочь семье. «Я переслал тебе вчера по почте пятьдесят ливров»,— писал он жене из Амьена 18 октября (ЦПА ИМЛ, 52 B VIII).

[65] «Babeuf, ex-administrateur...», p. 45—46.

[66] Ibid. Как писал сам Бабеф (AD de la Somme F129/64) он пробыл в Аббевилле 10—12 дней. По мнению Р. Леграна, это сообщение неточно: 29 октября Бабеф был еще в Амьене и вернулся туда из Аббевилля уже 9 ноября (из личного письма Р. Леграна автору).

[67] Р. Легран обнаружил текст письма Бабефа муниципалитету Сен-Валери от 2 ноября, вероятно идентичный посланному им в Креси: «...Администрация департамента Соммы... послала меня в качестве комиссара в дистрикт Аббевилля с тем, чтобы наблюдать, ускорять и руководить учетом зерна и заботиться о снабжении различных рынков этого дистрикта... Я прошу вас немедленно по получении этого письма сообщить мне все подробности о положении у вас на рынке: поступает ли достаточно зерна, каковы цены, имели ли место какие-нибудь волнения» (R. L e g r a n d. Op. cit., p. 28—29).

[68] ЦПА ИМЛ, 44 B V. Письмо на имя «Camille Babufe» было адресовано сперва в Аббевилль, потом в Перонн и, наконец, в Руа.

врагов», тогда как руководители дистрикта, «виновные в этом преступлении, остались безнаказанными» [69].

В самом Амьене Бабеф обратил на себя внимание статьей в департаментской газете «Affiches du département de la Somme» за 3 ноября, направленной против амьенских актеров, сохранявших в своем репертуаре пьесы, враждебные революции. Любопытно, что, требуя постановки новых пьес, которые превратят театры в «школы нравственности и патриотизма», Бабеф предлагал вместе с тем играть Мольера. «...Разве у вас нет пьес, которые никогда не устареют? Почти весь Мольер сохранил для нас свой интерес (est encore pour nous à l'ordre du jour)» [70].

Отношения между директорией департамента и ее архивистом все более обострялись. Бабеф считал, что Амьен превращается в место сбора для «десятка тысяч аристократов». Цифра эта, конечно, была им преувеличена, но реакционный историк города, барон де Калонн, отмечает сам, что благодаря «терпимости» властей в Амьене и его окрестностях нашли пристанище виднейшие представители аристократии, бежавшие из Парижа,— маршал де Майи, командовавший роялистским отрядом в Тюильри 10 августа, герцог Аркур-Беврон, жена маршала Бирона и т. д. [71] Состав департаментской администрации после 10 августа подвергся самому небольшому изменению: достаточно указать, что прокурором-синдиком департамента был избран председатель директории амьенского дистрикта, Тьерри, подписавший после 20 июня приветственный адрес Людовику XVI [72]. Бабеф имел основания утверждать, что в Амьене его «ненавидели», что в нем видели «непрошенного цензора», от которого хотели возможно быстрее избавиться.

Бабеф решил, очевидно, дать бой директории на предстоящем в ноябре новом департаментском собрании выборщиков. В его архиве частично сохранился проект речи, датированный 8 ноября [73]. В ней Бабеф требовал переизбрания директории департамента. «Все были уверены в том, что с самого начала дебатов на нынешнем собрании выборщиков будет поставлен вопрос, который вы в действительности и обсуждаете... Я стремлюсь внести некоторую ясность

---

[69] «Babeuf, ex-administrateur...», p. 46.

[70] V. Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme. Paris, 1884, p. 95. Текст статьи воспроизведен в публикации М. Домманже («Pages choisies...», p. 134—136). Весной 1793 г. Бабеф обратился к Парижской коммуне с предложением временно приостановить, до тех пор, пока не будет объявлено, что отечество находится вне опасности, представления актеров как в театрах, так и на улице; всем песенникам и т. д. должны быть запрещены всякие представления» (ЦПА ИМЛ, 74 В II). Бабеф аргументировал это недопустимостью «развращать республиканскую мораль» грубыми фарсами, «пустяками», «мелкими спектаклями». Бабеф считал это «позорным и безнравственным» (там же).

[71] A. de Calonne. Op. cit., v. II, p. 492.

[72] «Babeuf, ex-administrateur...», p. 24.

[73] ЦПА ИМЛ, 65 В II; отрывок из этой речи был перепечатан в «Babeuf, ex-administrateur...», p. 46—47.

в эту дискуссию... Общественные интересы, моя хорошо известная прямота, все заставляет меня говорить с вами на языке свободы и истины». Формально решение Конвента от 19 октября о переизбрании всех административных и судебных учреждений, не подвергшихся обновлению после 10 августа, как будто бы не относится к департаментской директории — она была переизбрана в Амьене на заседании Генерального совета уже после аббевилльского собрания. Но ее состав явился полной неожиданностью, все члены совета были изумлены результатом голосования: «директория не завоевала доверия ни Генерального совета, ни народа». Ее заседания происходят совершенно келейно, все скрывается даже от членов Генерального совета. Администраторы «в полном молчании ставят свои подписи под всем тем, что подносят им чиновники и чего они даже не читают». Бабеф очень убедительно доказывал, что старый государственный аппарат в Амьене и после революции сохранился в полной неприкосновенности: «Это чистейший скандал, что все доклады по-прежнему составляются чиновниками, а администраторы их только одобряют... Те же чиновники старого интендантства вершат все дела. К ним отсылают всех граждан, которых встречают так же заносчиво, как при прежнем всевластном д'Аге [74]. Это все те же люди, с теми же замашками, с прежним бюрократическим духом (le même esprit bureaucratique). Если к ним обращается крестьянин (manant), ему ответят после того, как бумага совершит тысячу и одно путешествие». На фронтоне здания бывшего интендантства все изменилось; появились надписи: «Равенство, свобода, Французская республика», но «вы будете изумлены, войдя в здание и увидев тех же чиновников, что и пять лет назад, и именно им целиком доверено все управление» [75].

Произнес ли Бабеф эту речь или она осталась только проектом, мы не знаем. 11—13 ноября Бабеф присутствовал еще на собрании выборщиков департамента в Перонне и выполнял на нем обязанности «второго секретаря» (secrétaire-adjoint) [76]. По поручению собрания он составил адрес Конвенту по вопросу о сокращении суммы налогов, возложенных на деп. Соммы [77]. Но на этом закончился «амьенский» период его жизни.

---

[74] Д'Аге (D'Agay) был последним предреволюционным интендантом Пикардии. См. о нем: П. Н. Ардашев. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1777—1789), т. II. Провинциальные интенданты. Киев, 1906.

[75] ЦПА ИМЛ, 65 В II.

[76] ЦПА ИМЛ, 34 В V (письмо мэра Перонна Ивера (Hiver), переславшего Бабефу 12 ноября текст его речи, произнесенной им в тот же день на департаментском собрании выборщиков, для включения ее в текст протокола). На выборах Бабеф получил 43 голоса (R. Legrand. Op. cit., p. 32).

[77] ЦПА ИМЛ, 55 В II («L'Assemblée électorale du département de la Somme, à la Convention Nationale. Péronne. 13 novembre, l'an 1-er de la République française»). См. также A. de Calonne. Op. cit., v. II, p. 474—475 («F. N. Babeuf, vice-secrétaire de l'Assemblée, au nom des électeurs du Département de la Somme»); AD de la Somme, F129/64.

IV

Письмо «officiers municipaux» Креси недаром так долго колесило в поисках «Камилла Бабюфа». Начиная с 1 сентября, когда Бабеф покинул Руа и отправился в Аббевилль, его местожительство в эти осенние месяцы 1792 г. подвергалось постоянным изменениям. После 20 сентября он переехал из Аббевилля в Амьен; в октябре отправился в Перонн и снова вернулся в Амьен; в ноябре находился в Аббевилле, затем в Амьене и Перонне.

Утром 18 ноября мы встречаем Бабефа в том самом Мондидье, где полтора года назад он находился в тюрьме, но на этот раз в качестве представителя кантона Руа на собрании выборщиков дистрикта Мондидье. «18 ноября первого года Республики, до полудня, выборщики дистрикта Мондидье во исполнение декрета Национального Конвента от 19 октября о переизбрании всех административных и судебных учреждений, собрались в Мондидье, в местопребывании администрации этого дистрикта, чтобы осуществить выборы, предусмотренные статьей 10-й этого декрета»,— так начинается протокол этого собрания, происходившего в церкви «гроба господня» (église du Sépulcre), составленный самим Бабефом и, к счастью, сохранившийся в его архиве [78]. Протокол этот дает возможность проследить во всех подробностях ход ожесточенного поединка между сторонниками Бабефа и старой администрацией дистрикта, в течение трех лет непрерывно преследовавшей «учителя дурных принципов».

Уже выборы бюро собрания показали всю силу «фракции Бабефа». Правда, председателем собрания был избран все тот же Лонгекан, получивший 31 голос (из 53), но и Бабеф, избранный секретарем, собрал почти такое же число голосов — 27 [79].

Открытое столкновение произошло на следующем, утреннем заседании 19 ноября. Предстояло избрание на самый важный пост — прокурора-синдика дистрикта. Снова столкнулись те же две кандидатуры — Лонгекана и Бабефа. Первый тур голосования оказался безрезультатным. Оба противника получили почти одинаковое количество голосов: Лонгекан — 18, Бабеф — 14. Правда, противники Бабефа попытались тут же оспорить полученные им голоса: на семи записках не было указано, как полагалось, местожительство кандидата. В церковь явилась делегация муниципалитета Мондидье,

---

[78] ЦПА ИМЛ, 67 и 68 В II.

[79] ЦПА ИМЛ, 68 В II. В число счетчиков (scrutateurs) попал выборщик от кантона Мондидье, Шопар, состоявший в переписке с Бабефом (см. ЦПА ИМЛ, 107 В VI: «Доверие, которое я к вам питаю, вынудило меня воздержаться от действий до тех пор, пока... вы не поможете мне своим мудрым советом»). В письме, адресованном «гражданину Каммиллу Бабефу, одному из администраторов и архивисту департамента Соммы, в Амьене, в гостинице «Au pied de Boeuf», Шопар советовался с Бабефом о возможности переизбрания муниципалитета в Мондидье. Историк Мондидье, де-Бовилле, называет Шопара «виднейшим агитатором в городе» (grand agitateur de la ville).

и Лонгекан, отвечая на ее приветствие, заявил, явно имея в виду Бабефа, что «республиканская Франция научилась разбираться в людях, и ее доверием нельзя будет злоупотреблять безнаказанно» [80].

На втором туре голосования Лонгекан был избран (49 голосами из 76), но и Бабеф собрал вдвое больше голосов, чем на первом туре (27). На этом же заседании начались выборы в директорию дистрикта. Избранным, да и то большинством всего лишь в 2 голоса (41 из 80), оказался сперва только Лефрансуа, как раз один из злейших противников Бабефа, бывший королевский прокурор [81].

Вечернее заседание 19 ноября началось с нового конфликта. Ссылаясь на то, что Бабеф входит уже в администрацию департамента, а закон якобы запрещает совместительство, противники Бабефа оспаривали законность выставления его кандидатуры. Выяснилось, однако, что такого закона не существует и что каждый кандидат вправе принимать свое избрание там, где он это предпочитает. Только тогда приступили к дальнейшим выборам, и Бабеф оказался избранным членом директории дистрикта большинством в 23 голоса [82]. Но его противники и тут не сложили оружия. Придравшись к тому, что счетчики назвали разные цифры голосов, они потребовали и добились переголосования. Но оно дало те же результаты, и Бабеф все же стал членом директории дистрикта Мондидье [83].

На утреннем заседании 20 ноября Бабеф выступил с речью: «Новая администрация... посвятит все свое время вам и общественным делам. Справедливость для всех, беспристрастие, неподкупность. Ближайшими задачами администрации будут справедливое распределение налогов, их уменьшение...» [84] Конец речи, который

---

[80] ЦПА ИМЛ, 68 В II.

[81] Там же «Лефрансуа, один из моих наиболее ожесточенных преследователей, открыл секрет, благодаря которому и сохранил свою должность; он до сих пор является администратором»,— писал Бабеф в 1794 г. («Babeuf, ex-administrateur...», p. 30).

[82] ЦПА ИМЛ, 68 В II. См. также R. Legrand. Op. cit., p. 33—34.

[83] ЦПА, ИМЛ, 68 В II. В черновике протокола этот конфликт отражен в такой краткой записи: «Затруднения (difficulté) из-за соперничества между гражданами Л[онгеканом] и Баб[ефом]. Решение. 83 голоса. Подсчет голосов. Конфликт. Переголосование. Относительное большинство» (ЦПА ИМЛ, 67 В II). Вся эта борьба на собрании в Мондидье осталась совершенно неизвестной Ж. Вальтеру. Он пишет: «Чтобы избавиться от него (Бабефа.— *В. Д.*), были незаметно использованы некоторые пружины административной машины, в результате чего Бабеф был перемещен в соседний дистрикт в качестве его администратора. Бабеф не был недоволен этим перемещением. Но он не мог предвидеть злополучной встречи, ожидавшей его в Мондидье. Не успел он туда прибыть, как узнал, что мэр Руа, Лонгекан (Лонгекан был уже не мэром Руа, а мировым судьей— *В. Д.*), его вечный преследователь, назначен прокурором-синдиком в его новом дистрикте». (G. Walter. Babeuf et la conjuration des Egaux. Paris, 1937, p. 79). Каждое слово здесь содержит неточность.

[84] ЦПА ИМЛ, 67 В II. Автор стольких крестьянских петиций, Бабеф уделил особое внимание вопросу об обязанности директории незамедлительно рассматривать все петиции: «Приносите все ваши петиции, прошения, мемуа-

может показаться несколько наивным, вполне соответствовал духу строгого спартанского республиканизма (vertu sauvage), в котором упрекали Бабефа в Руа еще до революции: «Мы всегда останемся доступными, как это и полагается республиканцам, и, в виде особой милости, мы просим вас всегда подходить к нам с головой, покрытой колпаком свободы, и никогда его не снимать» [85].

На утреннем заседании вновь возобновилась ожесточенная борьба, теперь уже вокруг состава трибунала дистрикта. Старая судейская аристократия в первые годы революции упорно и успешно отстаивала свои прерогативы. Это видно из состава трибунала дистрикта Мондидье, сформированного 18 октября 1790 г. В него входили те же лица, которые занимали виднейшие посты до революции: председателем трибунала стал Боскийон де Бушуар, представитель патрицианской судейской семьи, бывший королевским адвокатом на протяжении 35 лет до революции; в числе судей был уже упоминавшийся нами Билькок-младший, адвокат и королевский прокурор до революции, ставший в 1800 г., при Наполеоне, председателем трибунала первой инстанции того же Мондидье [86]. При первом же голосовании нового состава трибунала председателем его был избран Анок (Hanock), входивший в состав прежнего трибунала. Но кандидатура Билькока встретила самое решительное сопротивление, и можно не сомневаться, что оно исходило от сторонников Бабефа. Билькок был избран только на втором туре (47 из 76 голосов) [87]. Но и помимо Билькока, в числе вновь избранных судей и их заместителей было много «ожесточенных преследователей» Бабефа, таких, как бывший прокурор Руа, Лефевр, сопровождавший в апреле 1791 г. Лонгекана в Амьен; как Льенар, бывший депутат Мондидье в Учредительном собрании, получивший в 1790 г. тревожные письма о роли Бабефа в движении против косвенных налогов, и т. д.

Обо всем этом периоде жизни Бабефа — между избирательными собраниями в Аббевилле и Мондидье — сохранилось любопытное, хотя и чрезвычайно враждебное, свидетельство одного из противников Бабефа, некоего Кошпена (Cochepin), в годы революции секретаря дистрикта Мондидье (его подпись значилась на сообщении об отстранении Бабефа из состава Генерального совета Руа), после Реставрации следователя трибунала. «Знаменитый Бабеф,— вспоминал Кошпен,— после того, как кучке мятежников на избирательном собрании, происходившем в Аббевилле в сентябре 1792 г.,

---

ры: все они будут рассмотрены, вы получите на них беспристрастные ответы; справедливость не будет нарушена из-за чьей-либо протекции. Впрочем, что я говорю! Не нужно ничего приносить, пересылайте все, не совершайте расходов на путешествия, не обременяйте себя, не тратьте бесполезно свое время,— всем вам будет обеспечена быстрота и справедливость» (там же).

[85] ЦПА ИМЛ, 67 В II.

[86] V. de-Beauvillé. Histoire de Montdidier, v. II. Paris, 1875, 2-me éd., p. 355: E. Coët. Histoire da la ville de Roye, v. II, Paris, 1880, p. 528—530.

[87] ЦПА ИМЛ, 68 В II.

не удалось провести его в Конвент, добился своего избрания в администрацию департамента Соммы; ему не удалось пройти в директорию, но он все-таки сумел стать архивистом. Так как это место не давало ему возможности заставить говорить о себе и проявлять свой злой гений, оно ему скоро наскучило, и после того, как потерпел неудачу его план стать прокурором-синдиком дистрикта Мондидье, ему все-таки удалось добиться избрания в члены директории этого дистрикта» [88].

Сторонники Бабефа, добившись его избрания членом директории, могли до известной степени считать себя победителями. Но и в новой директории, и в составе трибунала его противники были еще очень влиятельны и, конечно, ни Лонгекан, ни Лефевр, ни Лефрансуа, ни Билькок, ни Льенар не собирались мириться с присутствием Бабефа в администрации дистрикта. «Поддержка народа,— писал Бабеф в декабре 1793 г. одному из руководителей центральной продовольственной администрации, Рессону,— восторжествовала над всеми усилиями аристократов и в тот момент, когда они собирались юридически меня уничтожить, народ назначил меня администратором... Но роландизм владел душами всех моих коллег. Между ними и мной началась борьба» [89]. «К несчастью, я был на этом посту единственным санкюлотом»,— отмечал он в письме к С. Марешалю через четыре месяца после своего избрания [90].

Новая администрация дистрикта должна была вступить в свои обязанности только 3 декабря (собрание выборщиков закончилось 23 ноября), но по настоянию Бабефа это произошло раньше. На обложке дела, озаглавленного «Мои общественные обязанности. Работа в директории дистрикта Мондидье» рукой Бабефа написана и дата начала этой деятельности — «26 ноября 1792 года» [91]. Она продолжалась всего лишь два с небольшим месяца.

---

[88] V. de-Beauvillé. Histoire de Montdidier, v. II, p. 473. Де-Бовилле приводит также воспоминания старожилов Мондидье: «Когда мы начинали наши исторические исследования, многие еще сохраняли отчетливые воспоминания о Бабефе; он жил в здании дистрикта, сейчас ставшего коллежем; волосы спадали ему на лицо с обеих сторон (en mouillettes); когда он выходил, он опоясывался большой саблей, кожаные ножны ее были отделаны латунью. Услыхав о смерти Людовика XVI, что повергло весь город в уныние, он, довольно потирая руки, заявил: «Это превосходно» (Ibid., v. II, p. 474). Сохранилось также описание примет Бабефа, сделанное примерно в это же время: «4 фута, 9 или 10 дюймов, волосы подстрижены в кружок, спадают на лоб; брови и волосы каштановые (bruns), глаза глубоко сидящие (bruns enfoncés), щеки впалые, бледные, нос и рот средние. В Мондидье он обычно носил серый, длинный камзол (casaque) и панталоны такого же цвета и из той же материи» (A. Patoux. Le faux de Babeuf, Saint-Quentin, 1913 — «Mémoires de la Société Académique... de S. Quentin», v. XVI, 1913, p. 188).

[89] ЦПА ИМЛ, 86 В IV.

[90] ЦПА ИМЛ, 10 В X.

[91] «Mes fonctions publiques. Travaux à l'administration du directoire du District de Mondidier. 26 novembre 1792». 69 B II. См. также «Pages choisies...», p. 136, n. 5.

К своему назначению Бабеф отнесся с присущей ему организованностью и деловитостью, качествами, воспитанными в нем почти десятилетней февдистской практикой. Уже на черновике протокола собрания выборщиков в Мондидье он сделал ряд заметок, связанных с его предстоящей деятельностью:

«Отослать в Амьен выдержки из протокола о моем назначении... [92]

Ознакомиться в директории с делами о хлебе (l'affaire des blés)...

Дела об общинных землях в Руа

Дело о заставах (péages)

Дела эмигрантов

Шампьен в связи с эмигрантами, Гривиле, Обе, Варси.

Закон об общественных учреждениях» [93].

Уже в этих заметках намечен ряд задач, на которых Бабеф более подробно остановился в речи на сессии генерального совета дистрикта, состоявшей 3 декабря [94]. Правда, первое место автор «Постоянного кадастра» уделил в ней вопросу о налогах — необходимости быстрейшего составления списков налогоплательщиков и уменьшения суммы налогов, возложенных по общедепартаментской раскладке на дистрикт Мондидье. Вслед за этим Бабеф указал на «очень интересный для администрации вопрос об имуществах эмигрантов. Очень многие коммуны имеют их на своей территории, но не дают об этом сведений; это требует самого внимательного расследования и заслуживает пристального наблюдения».

Не случайно, конечно, одно из первых мест в записи занимали «дела о хлебе». Бабеф подробно остановился на них в своей речи. Его крайне беспокоил тот же вопрос о недостатке продовольствия «среди подлинного изобилия», на котором все чаще останавливались Жак Ру и другие представители санкюлотских секций в Париже.

---

[92] Возможно, что в ответ на это сообщение прокурор-синдик деп. Соммы, Тьерри, писал Бабефу 21 ноября 1792 г.: «Я сообщил директории ваше письмо; она признала чистоту принципов, которую вы всегда проявляли; те доклады, которые были ей представлены о вас, не сумели изменить ее мнение» (ЦПА ИМЛ, 79 В V).

[93] ЦПА ИМЛ, 67 В II. На том же листе Бабеф сделал еще ряд пометок, касавшихся организации работы директории:

«Заказать печать

Публичность

Информация

Распределение обязанностей...

Место для заседаний...» (там же).

[94] На ней, по-видимому, был окончательно установлен состав директории дистрикта. 26 ноября в ее состав входили, кроме Бабефа и прокурора-синдика, Лефрансуа, Алло (Hallot) и Жодуэн. В декабре председателем директории стал бывший кюре прихода Этельфе, Девиласс, который на ноябрьском заседании выборщиков был избран сперва (18 ноября) заместителем председателя собрания (а не директории, как ошибочно предположил М. Домманже.— См. «Pages choisies...» p. 149, n. 3), а затем (20 ноября) одним из 8 членов Генерального совета (ЦПА ИМЛ, 68 В II).

«Почему оказалось так,— ставил вопрос Бабеф,— что... перед лицом таких блестящих перспектив, суливших новорожденной республике великое предназначение..., нашему благоденствию мешает внушающее отчаяние зрелище общего голода». Он подчеркнул необходимость скорейшего проведения в жизнь закона от 16 октября 1792 г. об общем учете зерна (recensement général des grains), после чего можно будет определить то количество зерна, которое каждая коммуна должна вывозить на рынок. «Эта мера призвана положить конец нашему беспокойству... Но нужно возможно скорее осуществить этот учет. Мы обязаны содействовать этому со всей энергией» [95]. Бабеф не предвидел, что всего лишь через несколько месяцев вопрос о хлебе (l'affaire des blés) станет перед ним уже не в отношении одного дистрикта, а всего Парижа.

К сожалению, наши сведения о деятельности Бабефа в директории дистрикта очень скудны. Из больших социальных проблем, привлекавших его внимание, следует отметить вопрос об организации общественных работ. Сохранилось собственноручное письмо Бабефа, подписанное «Администраторы», в котором все коммуны уведомлялись о том, что Учредительное собрание дважды в 1790 г. выделяло деп. Соммы средства для устройства общественных работ, однако они до сих пор не использованы, между тем «долг благожелательной администрации предвидеть нужды бедняков и своевременно идти навстречу их требованиям». Выделенные суммы «совершенно недостаточны, но они могут, по крайней мере, обеспечить нуждающихся хлебом, хотя бы на несколько дней. Каждая коммуна должна возможно быстрее обсудить, какие работы будут наиболее полезны. Нужно чем-нибудь помочь «наиболее обездоленному классу граждан» (la classe des citoyens la plus infortunée) [96].

Революции 10 августа сопутствовала ожесточенная борьба наиболее демократических элементов города и деревни за обновление состава муниципалитетов. Следы этой борьбы ясно видны в уцелевших документах директории дистрикта Мондидье. Бабеф принимал в ней самое активное участие. Уже отмеченное нами постановление Конвента от 19 октября предписывало провести выборы повсеместно, кроме тех случаев, когда они уже проводились после 10 августа. Однако и в дистрикте Мондидье, как и во всей Франции, это решение пытались саботировать. Так, в коммуне Гийанкур (Guillancourt) мэр упорно отказывался от созыва перевыборного собрания. В конце концов оно было созвано самими гражданами. вопреки «бывшим членам муниципалитета, которые стремились навсегда закрепить за собой свои места», и их сторонникам. Директория дистрикта, судя по протоколу, составленному Бабефом, под-

---

[95] V. de-Beauvillé. Histoire de Montdidier, v. II, p. 470—473; «Pages choisies...», p. 136—142.

[96] ЦПА ИМЛ, 64 В II.

держала новый муниципалитет, хотя на собрании присутствовали далеко не все жители коммуны (42 из 70) [97].

В коммуне Гуаенкур (Goyencourt) также произошло столкновение двух групп: мэр, два члена Генерального совета и несколько их сторонников опротестовали перед директорией законность перевыборов, произведенных на общем собрании, созванном также «снизу», по почину самих граждан. И здесь директория, на своем заседании 18 января, выступила против группировки мэра и утвердила перевыборы [98]. В конфликте, произошедшем в коммуне Кремери, директория высказалась, однако, против перевыборов, так как ими воспользовались реакционные элементы, допустив ряд нарушений избирательного закона. Рукой Бабефа в протоколе записано: «Республиканские сердца никогда не должны испытывать вялости, и мы должны свято преклоняться перед законами» [99].

Наибольший интерес представляет для нас дело коммуны Беврэнь (Beuvraigne), поскольку эта коммуна, находившаяся во владениях маркиза Суаекура, все годы революции была связана с Бабефом. Требование перевыборов муниципалитета выставлялось здесь уже с июня 1792 г. Мэр коммуны, Деде (избранный в Мондидье заместителем члена трибунала), вместе с группой своих сторонников пытался сорвать избирательное собрание, когда оно было все же созвано. Как указывалось в жалобе нового муниципалитета, сторонники мэра вооружились церковными скамейками (собрание происходило в церкви) и начали избивать граждан. Многие из них покинули собрание «окровавленные и израненные». «Взбесившаяся когорта» требовала « избивать всех демократов» [100]. С наибольшим ожесточением сторонники мэра выступали против некоего Франсуа Долле, угрожая ему смертью. В конце концов собрание пришлось перенести в дом деревенского священника, где перевыборы все-таки произошли. Это упоминание в петиции имен Франсуа Долле и «кюре» любопытно потому, что оба они были хорошо известны Бабефу. В середине марта 1793 г., когда он находился уже в Париже, а его жена собиралась в Беврэнь за получением причитавшегося Бабефу долга, он писал ей: «Ты можешь отправиться в Беврэнь и обратиться к члену муниципалитета Франсуа Долле; тебе покажут расписки в том, что я получил, и ты попросишь об уплате остальной суммы... Когда ты отправишься в Беврэнь, повидайся с кюре, не забудь об этом; у меня есть основания рекомендовать его тебе...» [101] Судя по этому письму, Бабеф был весьма близко причастен к той борьбе в Беврэнь, которая привела к смещению старого муниципалитета во главе с Деде. Директория дистрикта в протоко-

---

[97] ЦПА ИМЛ, 77 В II.
[98] ЦПА ИМЛ, 76 В II.
[99] ЦПА ИМЛ, 75 ВII.
[100] ЦПА ИМЛ, 71 В II.
[101] ЦПА ИМЛ, 56 В VIII.

ле, составленном собственноручно Бабефом, еще 10 декабря утвердила новый муниципалитет [102].

Как администратору дистрикта, Бабефу пришлось заниматься тем самым вопросом о «voyerie», который так интересовал его в 1790 г. «Один вопрос вызывает сейчас немало шума,— заявил он в своей речи 3 декабря,— это вопрос о деревьях, посаженных вдоль улиц и дорог». Несмотря на решение Законодательного собрания, все еще происходят конфликты: «Дух алчности и сутяжничества вызывает столкновения, которые кое-где привели к очень тяжелым последствиям. Отеческий глаз администратора должен быть привлечен к этому бедствию; обращение по этому поводу к населению, возможно, окажет наилучшее влияние» [103]. Как раз за несколько дней до этой речи, 28 ноября, Бабефу пришлось разбирать подобный конфликт между его давним знакомцем, Обе де Бракемоном, владельцем Дамери, и коммуной Шаватт. Он полностью поддержал требование коммуны, считавший, что срубленные на дорогах деревья должны принадлежать ей [104].

Революционная настойчивость и решительность особенно отличали деятельность Бабефа в вопросе о конфискации имуществ эмигрантов, и именно это больше всего обостряло его взаимоотношения с директорией дистрикта. «Я поднял страшный шум (une esclandre furieuse),— писал Бабеф впоследствии в своей жалобе на имя Комитета общественного спасения,— требуя конфискации огромных имуществ герцога Лианкура, маркиза Нель, графа Эрли, графини де Ламир и других знатных эмигрантов» [105]. Как утверждал Бабеф, ему удалось добиться согласия директории на конфискацию «15 тысяч арпанов земли эмигрантов, стоимость которой составляла больше десяти миллионов ливров» [106]. Цифра эта правдоподобна, если учесть, что по сообщению де-Бовилле только за один год, с декабря 1790 г. по декабрь 1791 г., распродажа одних церковных земель в дистрикте Мондидье принесла свыше 1,2 миллиона ливров, а стоимость всех церковных земель, подлежавших ликвидации, составляла около 6,6 миллиона ливров [107].

В составе администрации и трибунала дистрикта было, однако, слишком много лиц,— судей, адвокатов, прокуроров, нотариусов, стряпчих, всеми узами, всем своим прошлым связанных со старой сеньериальной аристократией, всячески старавшихся приостановить или хотя бы затормозить процесс ликвидации и распродажи эмигрантских земель. Бальзаковские образы буржуа, спасавших дви-

---

[102] ЦПМ ИМЛ, 71 В II.

[103] V. de-Beauvillé. Histoire de Montdidier, v. II, p. 472.

[104] ЦПА ИМЛ, 70 В II. Конфликт позднее разбирался директорией деп. Соммы. Историю всего дела изложил Р. Легран (R. Legrand. Un plaidoyer de Babeuf. Abbeville. 1963), опубликовавший «мемуар» Бабефа по этому вопросу от 19 декабря 1792 г.

[105] «Babeuf, ex-administrateur...», p. 8.

[106] Ibid., p. 48.

[107] V. de-Beauvillé. Op. cit., p. 350.

жимое и недвижимое имущество своих бывших и будущих (после Реставрации) клиентов, совершенно конкретно предстают перед нами в этом конфликте между Бабефом и директорией Мондидье. Бабеф недаром жаловался в своей декабрьской речи на нежелание многих коммун представлять сведения об эмигрантских имуществах. Этот своеобразный саботаж был вовсе не случайным. «Лонгекан и некоторые администраторы,— писал он впоследствии одному из руководителей парижской революционной полиции, Менесье,— открыто покровительствовали дворянам и эмигрантам; я же вел с ними ожесточенную войну...; я старался выявить имущества, которые эти эмигранты оставили. Этим я больше, чем когда-либо раньше, восстановил против себя всю лигу богачей и изменников народа»[108]. В своей жалобе Комитету общественного спасения в феврале 1794 г. Бабеф обвинял, в частности, Лонгекана и Лефрансуа в том, что «эти два хищника имели веские основания для того, чтобы спасать некоторые бесценные владения от секвестра нацией, а их владельцев — от патриотической бритвы... Я убежден, что этот закон (о конфискации земель эмигрантов.— *В. Д.*) и сейчас не осуществляется, особенно в дистрикте Мондидье»[109].

Конфликт в директории обострился и в связи с тем, что «санкюлотский» администратор вел слишком решительную борьбу с еще столь прочными монархическими традициями. Уже 12 декабря, через две недели после своего вступления в должность, он переслал Генеральному совету Мондидье постановление, принятое накануне, несомненно, под его влиянием,— достаточно вспомнить его майское письмо к Карра — «Об уничтожении всех внешних признаков, которые могли бы увековечить воспоминание о былом рабстве»[110]. Бабеф сообщил Генеральному совету, что тот получит «сегодня или завтра остатки этих постыдных предметов» и предложил устроить у подножия дерева свободы «гражданское аутодафе» — сжечь портреты тиранов и все атрибуты монархии. Часть этого «топлива» Бабеф советовал передать беднякам[111].

Он попытался сам устроить такое аутодафе через несколько дней после того, как в Мондидье пришло известие о казни Людовика XVI. «В то время как вся аристократия Мондидье была в слезах,— писал он в феврале 1794 г.,— один я осмеливался заявлять, что этому следует радоваться; я возбудил против себя в городе всех сторонников рабства (toute l'esclavonnerie), разрешив устроить, в моем присутствии, на центральной площади города сожжение всех стенных ковров с королевскими лилиями, украшавших здание трибунала и муниципалитета, к которым я добавил двенадцать великолепных портретов короля, находившихся там и в помещении

---

[108] ЦПА ИМЛ, 47 В IV. Этот вариант письма к Менесье отличается от опубликованного Бовилле. Ср. «Pages choisies...», р. 152.

[109] «Babeuf, ex-administrateur...», р. 48.

[110] V. de-Beauvillé. Op. cit., р. 473.

[111] Ibid., р. 474.

директории»[112]. Легко представить, какое возмущение это «публичное аутодафе» должно было вызвать хотя бы у того же Лонгекана, если, судя по заметкам М.-А. Жюльена, даже на шестом году существования республики, будучи по-прежнему администратором Мондидье, он все еще отказывался носить национальную, трехцветную кокарду[113]. «Все это,— как с полным основанием утверждал Бабеф в своем письме к тому же Менесье,— внушило им решение во что бы то ни стало принести меня в жертву. Они не нашли для этого лучшего средства, чем опозорить мою честь. Они выдвинули против меня самое нелепое обвинение в мнимом преступлении, вызванном подкупом»[114]. Именно так появилось (как полвека спустя, в 1848 г., «документ Ташро» против Бланки) дело по обвинению Бабефа в «подлоге» (le faux de Babeuf).

V

В чем состояли обвинения, выдвинутые против Бабефа? В последних числах декабря 1792 г. в Мондидье была продана с торгов ферма Фонтэн-сюр-Мондидье (Fontaine-sur-Mondidier), принадлежавшая Мальтийскому ордену. Арендатором ее был некий Фермен Дебрен. Так как на торгах цена была удвоена (первоначально цена была установлена в 29 398 ливров, а продана она была за 76 200 ливров), она досталась богатому жителю Мондидье, Левавассеру, ставшему впоследствии, в годы термидорианской реакции, мэром города. Торги проводил председатель директории дистрикта, уже упоминавшийся нами бывший кюре Девиллас[115].

Однако месяц спустя, 30 января 1793 г., к Бабефу обратились тот же Девиллас вместе с членом трибунала Леклерком, занимавшимся также поставкой одежды для армии, и Дебрен, земляк Леклерка. Девиллас сообщил, что акт на продажу был оформлен без его участия одними только Левавассером и секретарем-делопроизводителем дистрикта Кошпеном, и не может поэтому считаться юридически законным. Между тем Левавассер угрожает Дебрену «согнать» его с фермы. Девиллас предложил поэтому считать сделку не состоявшейся и как председатель торгов высказался за то, чтобы ферма была признана приобретенной Дебреном.

Легко себе представить, какое неотразимое впечатление должно было произвести на Бабефа соображение, что он в состоянии

---

[112] «Babeuf, ex-administrateur...», p. 8. («Я один настаивал на этом аутодафе и я устроил его на главной площади Мондидье, пренебрегая насмешками и даже серьезными угрозами аристократической толпы»).

[113] ЦПА ИМЛ, ф. 317, № 851 («Longuecamp administrateur, n'a point de cocarde, même le 1 pluviôse»).

[114] ЦПА ИМЛ, 47 B IV: «Pages choisies...» p. 152.

[115] A. Patoux. Le faux de Gracchus Babeuf. Saint-Quentin, 1913 («Mémoires de la Société Académique des sciences, arts, belles lettres, agriculture et industrie de Saint-Quentin», v. XVI, 1913, 1-ère partie. См. также «Babeuf, ex-administrateur...»; «Pages choisies...», p. 147—157; G. Deville. Thermidor et Directoire. Paris [1904] p. 16—20.

помочь «честному фермеру, которому угрожает лишение аренды из-за жадности и жестокости Левавассера»[116]. Он предложил немедленно отправиться в директорию, в бюро по продаже национальных имуществ, и внести в акт соответствующее изменение. Как совершенно искренне заявлял по этому поводу Бабёф, им руководила «привычка немедленно выполнять решения, усугубленная желанием возможно скорее кончать с делами, которыми была завалена администрация»[117]. Совместно с другим членом директории, Жодуэном, Бабеф исправил акт о продаже, вставив взамен имени Левавассера имя Дебрена. Это произошло (по разным показаниям) в три или четыре часа дня.

Через час в директорию дистрикта явились Лонгекан и Лефрансуа. Жодуэн рассказал им о происшедшем и, по словам Бабефа, сам предложил им проставить свои подписи на акте. Но опытный глаз Лонгекана, изощренного в судебном сутяжничестве, сразу заметил допущенную Бабефом, по неопытности, ошибку. Об изменении фамилии покупателя следовало составить или новый акт, или внести особое добавление в прежний акт; вычеркивать фамилию и заменять ее другой было, конечно, неправильно[118]. «Я был поражен,— писал позднее Бабеф,— этим замечанием. Я признал, что это была оплошность, допущенная мной, что я не обратил на нее внимания, так как не имел большого опыта и не был достаточно знаком с формальностями, но что я готов немедленно ее исправить». К тому же выяснилось, что Девиллас ввел Бабефа в заблуждение,— в оформлении акта о продаже фермы Левавассеру он принимал самое непосредственное участие.

Лонгекан прекрасно понимал, какую второстепенную роль играл во всем происшедшем Бабеф. Он вынужден был сам впоследствии признать это в своих достаточно ядовитых показаниях: «Главным действующим лицом всей это интриги был гражданин Леклерк, подготовивший и осуществивший изменения и фальсификацию (!) в акте о торгах... Благодаря его ходатайству Девиллас согласился на изменения»[119]. Однако прокурор-синдик моментально сообразил, какую пользу можно извлечь из этого совершенно случайного и невинного промаха Бабефа, и Лонгекан поторопился немедленно изъять исправленный рукой Бабефа акт и для большей сохранности «спрятал его под ключ».

Поняв сейчас же после разговора с Лонгеканом допущенную им ошибку, Бабеф тут же составил декларацию (rétractation), подписанную им совместно с Жодуэном и Кошпеном. В ней указывалось, что, со слов Девиласса, администраторы предположили, что он не принимал никакого участия в составлении акта о продаже и поэтому

---

[116] A. Patoux. Op. cit., p. 156, note.
[117] «Pages choisies...», p. 151.
[118] Девилль в своей книге воспроизвел факсимиле этого акта (см. G. Deville. Op. cit., p. 13).
[119] A. Patoux. Op. cit., p. 167, note.

«История заговоров и заговорщиков департамента Соммы»
Из тюремных записей Бабефа в декабре 1793 г. (ЦПА ИМЛ)

сохранял полное право исправить его в пользу Дебрена. Они не возражали поэтому против такого изменения. Но так как оказалось, что Девиллас неправильно их информировал, они заявляют, что «изменения, которые они внесли сегодня в акт о торгах..., не должны никому принести ни вреда, ни ущерба, что они не хотят, чтобы кто-либо терял из-за этого свои преимущества и поэтому все должно быть восстановлено в таком же виде, как это было раньше» (avant la dite participation) [120]. Эта декларация была составле-

[120] Бабеф опубликовал это заявление в своей жалобе Комитету общественного спасения.— См. «Babeuf, ex-administrateur...», p. 49—51 («Copie de la rétractation de la prétendue malversation par Jaudhuin, Babeuf et Cochepin de 30 janvier huit heures du soir, séance publique du Directoire, l'an deux le la République française». См. также A. P a t o u x Op. cit., p. 174—175.

на, как отмечает сам Бабеф, через три часа после его «так называемого преступления» [121]. Он совершенно резонно указывал, что тем самым его ошибка была полностью исправлена, что она не причинила ни малейшего ущерба кому бы то ни было, в том числе и Левавассеру, и вообще никак не отразилась на ходе дела. Но Лонгекана это интересовало меньше всего. В его руках был козырь, который при умелом использовании давал ему возможность покончить с Бабефом. «Январь 1793 г.,— писал Бабеф в своей опубликованной Девиллем «анкете».— Я совершаю по недосмотру формальную ошибку в одном административном акте; я от нее отказываюсь и исправляю эту ошибку. Тем не менее аристократия прибегает к невероятным маневрам для того, чтобы... безвозвратно меня погубить» [122].

Через четыре дня, 4 февраля 1793 г., состоялось заседание Генерального совета дистрикта, на котором Лонгекан доложил о всем случившемся. Было принято решение о дальнейшем расследовании. 6 февраля состоялось новое заседание. В архиве Бабефа сохранилась запись, относящаяся, очевидно, несмотря на расхождения в дате, именно к этому заседанию:

«Копия речи Камилла Бабефа во время принятия постановления против него и его коллег Генеральным советом дистрикта Мондидье 5 февраля II-го года. Граждане! Я не предполагал, когда начинал составление этого протокола, что весь он будет клониться к моему обвинению» [123].

Генеральный совет признал, что имел место «подлог» (un faux). Он не хочет и не может скрывать, что «все его члены возмущены тем, что этот подлог является результатом действий некоторых его членов». В отношении Бабефа отмечалось, что совет «знает его характер и таланты, равно как и его тщеславие, в силу которого он слишком полагается на себя» [124].

Тут же появилась ядовитая инсинуация, что переделке акта предшествовало приглашение Бабефа в трактир, где он будто бы пробыл с Девилласом и Леклерком почти целый день. Тем самым выражалось предположение, что Бабеф совершил свой поступок из корыстных соображений. Бабеф позднее, на следствии, доказал клеветнический характер этого обвинения. Не будучи жителями Мондидье, и он, и Леклерк, и Девиллас вынуждены были столоваться в трактире; 30 января они обедали там, как обычно; их разговор был совершенно гласным, со всех сторон они были окружены людьми; они пробыли в трактире Шеврие не день, а меньше часа [125].

Согласно решению Генерального совета, все причастные к этому делу администраторы подлежали строгому осуждению (sont très

---

[121] «Babeuf, ex-administrateur...», p. 52.
[122] «Notes inédites...», p. 43.
[123] ЦПА ИМЛ, 53 В VIII.
[124] «Babeuf, ex-administrateur...», p. 53; A. Patoux. Op. cit., p. 182—183.
[125] Ibidem.

blâmables). Дело о «подлоге и служебном злоупотреблении» передавалось немедленно в департамент. Впредь до принятия департаментскими властями решения, «администраторы дистрикта порывают всякие отношения с гражданами Девилласом и Бабефом». В отношении Жодуэна были найдены смягчающие обстоятельства.

Бабеф немедленно отправился в Амьен. Но там не стали дожидаться его приезда. Уже 7 февраля директория приняла постановление, целиком направленное против Бабефа: «Есть все основания предполагать, что именно он был зачинщиком (le machinateur)..., совершенные им злоупотребления не могут быть оправданы никакими благовидными предлогами». Считая, что «преступление, совершенное гражданами Девилласом, Бабефом и Жодуэном..., способно лишить административные власти доверия, которым они должны быть облечены..., что это преступление ни в коем случае не может быть предано забвению и оставлено безнаказанным», директория департамента Соммы обязала общественного обвинителя немедленно возбудить следствие по этому делу [126].

Бабеф хорошо понимал, что департаментские власти не дадут ему пощады. «Мне известно было ожесточение моих врагов,— писал он Менесье, —я знал, из кого состоит трибунал, с которым мне предстояло иметь дело... Я сказал себе, как Марат: моя жизнь слишком дорога; слишком велики мое желание и, может быть, способности быть полезным моему отечеству, чтобы отдать себя в руки подобных лиц» [127].

Не заехав ни в Мондидье, ни в Руа, Бабеф прямо из Амьена направился в Париж [128].

---

[126] A. Patoux. Op. cit., p. 184—185.

[127] «Pages choisies...», p. 153.

[128] Насколько нелепо было обвинение в подкупе, видно из того, что для своего трехдневного путешествия в Амьен Бабеф вынужден был одолжить в Руа, у шорника Дюпона 9 ливров. Для поездки в Париж Бабеф одолжил 48 ливров амьенского обойщика, Дуэ (Douay) (см. «Pages choisies...», 134—135). 25 марта 1793 г. Бабеф писал жене из Парижа: «Я сообщил Дуэ, что ты отправляешься к нему... Я выражаю ему самую живейшую признательность за все то, что он для меня сделал. Я написал ему, что надеюсь в ближайшее время устроиться и тогда я, прежде всего, позабочусь о том, чтобы покрыть мой долг» (ЦПА ИМЛ, 57 В VIII).

Бабеф во время якобинской диктатуры

14 февраля Бабеф послал свое первое письмо из Парижа: «...Наконец-то я благополучно прибыл. Пока я встретил вчера только одного человека, гражданина Карра. Он принял близко к сердцу мое дело; вчера он должен был повидать министра и, судя по тому интересу, который он ко мне проявляет, я надеюсь, что все пойдет хорошо. Я думаю, что уже сегодня у меня будут какие-нибудь новости, и я сейчас же о них напишу» [1]. Но это письмо предназначалось, прежде всего, для кредиторов. «Все, что я пишу на другом листке,— писал он одновременно жене,— который ты можешь показать, верно». Из этого второго письма видно подлинное настроение Бабефа: «Положение детей не выходит у меня из головы. День и ночь я чувствую себя больным, и я не в состоянии спать. Печаль гложет меня; я почти не могу есть, так как со времени отъезда из Амьена меня мучает страшная диаррея. Таково мое печальное положение. Новости от прокурора довершили мое отчаяние; он сообщил мне, что поддержал обвинение против меня и что дело в настоящее время находится в суде (jury d'accusation) Мондидье»... [2]

В следующем письме, 16 февраля, Бабеф сообщил, что он вручил министру внутренних дел (Гара) свой мемуар с рекомендацией Карра; ему предложили явиться через 4—5 дней [3]. Уже 25-го он пишет, что из «лабиринта клеветы» ему не так легко будет выпутаться: «Не нужно больше скрывать от себя, мой друг, слишком многие в этом злосчастном краю поклялись погубить нас». Министр переслал «мемуар» в департамент. Бабеф представил ему второй, но возможно, что и его он захочет отослать, так что «решения придется ждать еще долго» [4].

---

1 ЦПА ИМЛ, 53 B VIII.
2 Там же.
3 ЦПА ИМЛ, 55 B VIII.
4 ЦПА ИМЛ, 54 B VIII. (русск. пер.: ННИ, 1960, № 5, стр. 103). У Бабефа тогда уже сложилось решение не возвращаться в Пикардию: «Если

В эти первые дни и недели пребывания Бабефа в Париже его больше всего мучила полная невозможность помочь семье, оставленной им в Руа без всяких средств [5]. Как мы видели, в годы революции материальная нужда Бабефа неоднократно становилась исключительно острой. На этот раз испытание было особенно тяжелым. Письма Бабефа за этот период показывают, насколько нелепо было обвинение в том, что его мнимый «подлог» был совершен по мотивам материальной заинтересованности. «Несчастные! Они обвиняют меня в том, что... я изменил своему долгу ради денег. Пусть они полюбуются своими действиями...» «Мои дети плачут, потому что у них нет хлеба,— говорит он в том же письме жене от 25 февраля,— о, мой дорогой друг, постарайся спасти их от смерти еще несколько дней» [6]. Страх за жизнь детей пронизывает все его письма. «Не дай ему умереть, бедному маленькому Роберту...,— молил он.— Не посылай мне ничего; сохраняй все, что у тебя есть, для твоих бедных детей; это настоящее мучение для меня, что вот уже два месяца, как я их покинул и ничего еще не мог для них сделать» [7]. Узнав 2 июня о болезни маленького Камилла, Бабеф восклицает: «Какая пытка для меня эта невозможность оказать хоть маленькую помощь моим детям, чахнущим от нужды. Постарайся, по крайней мере, чтобы они не умерли до получения моей помощи... Сохрани мне Камилла...» [8]. Даже в конце мая, уже получив работу, Бабеф все еще испытывал острейшую нужду. Он снимал комнату на седьмом этаже за 10 фанков в месяц, в долг приобрел туфли и отдавал в стирку белье, у него не было средств для того, чтобы купить панталоны и жилет, он жаловался, что у него «совершенно нет одежды» [9].

Но не в натуре Бабефа было предаваться отчаянию. Уже 16 февраля он сообщает жене радостное известие: «Мне посчастливилось встретиться с человеком, с которым, я надеюсь, мы превосходно поладим. Я считаю, что, имея его, нам совершенно не нужна будет должность администратора. Завтра, возможно, я смогу тебе сообщить, что мне обеспечена гораздо более блестящая должность... Я уже не беспокоюсь; я не сомневаюсь в своем друге; это настоящий друг. Мне не придется нести никаких расходов, потому что я

даже моя невиновность станет очевидной для всех и я вызволю свою честь из лабиринта клеветы..., все равно и тогда благоразумнее будет не проявлять больше упорства перед лицом моих врагов. Поэтому, если отстранение от должности будет отменено, я все-таки подам в отставку. Надо мной будут насмехаться мои недоброжелатели. Пусть!» (Ibidem).

[5] 6 марта кредиторы отняли у жены Бабефа часть ее мебели в уплату за долги, в том числе кровати, два матраца, шесть соломенных стульев (V. Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme, v. I. Paris, 1884, p. 98—99).

[6] ЦПА ИМЛ, 55 В VIII.

[7] ЦПА ИМЛ, 129 В VIII.

[8] ЦПА ИМЛ, 58 В VIII (русск. пер: ННИ, 1960, № 5, стр. 106).

[9] ЦПА ИМЛ, 134 В VIII.

буду жить и питаться у этого друга. Успокойтесь и вы, мои дети. я уверен в том, что через два-три дня пошлю вам необходимую сумму денег, которой хватит до того, как будет обеспечено мое устройство... Мой друг ожидает ни больше, ни меньше, как назначения на пост генерала в армии, и я буду его помощником. Завтра, в воскресенье, мы отправимся в Национальный Конвент, и вопрос будет решен... Как только завтра мы об этом узнаем, я напишу тебе, и мы сговоримся, как нам устроиться... Будем надеяться! Иногда, когда кажется, что находишься уже на краю пропасти, приходит счастье, во всяком случае такое, какое нам доступно» [10]. Другом, о котором писал Бабеф, был известный деятель Французской революции, Клод Фурнье (Fournier l'Américain), с которым Бабеф, судя по его письмам, был почти неразлучен в течение февраля — марта 1793 г. [11]

Протоколы подтверждают, что Фурнье был допущен к решетке Конвента в воскресенье, 17 февраля, когда была оглашена его петиция о разрешении формировать корпус пеших и конных стрелков — «легион освободителей народов» [12]. Петиция Фурнье была передана на рассмотрение военного комитета Конвента. «Я жду исхода дела гражданина Фурнье. Я составлял его петицию и огласил ее у решетки Конвента,— писал Бабеф жене 25 февраля.— Она направлена в Военный комитет для срочного доклада. Он состоится завтра или послезавтра. Ах, если бы дело кончилось успешно, я получил бы тогда прекрасное место, и мои дети вновь вздохнули бы свободно!» [13]

Черновики составленной Бабефом петиции Конвенту о создании «фаланги санкюлотов — освободителей народов» и более поздней петиции по этому же поводу, обращенной в Генеральный совет Парижской коммуны, сохранились в его архиве [14]. Бабеф, по всей видимости, был и автором памфлета, опубликованного тогда же от имени Фурнье «Où en sommes-nous? Question... à tous les sans-culottes», на который он ссылался в своей петиции Генеральному совету. В петиции к Коммуне нашли свое выражение уже известные нам взгляды на необходимость проведения в армии самого строгого

---

[10] ЦПА ИМЛ, 55 В VIII.

[11] Клод Фурнье (1745—1823) жил долгое время на о. Сан-Доминго, почему и получил кличку Фурнье-Американца. Фурнье был участником всех народных выступлений в Париже в 1789—1793 гг., в том числе взятия Бастилии, демонстрации на Марсовом поле в 1791 г., 10 августа. Перед 9 термидора находился в заключении. При Наполеоне был выслан (1801 г.), но вскоре бежал. После возвращения жил при Реставрации во Франции. О нем см.: «Mémoires secrets de Fournier-l'Americain...», publiés par F.-A. Aulard. Paris, 1890. Во вступительной статье Олара вопрос об отношениях Фурнье и Бабефа обойден молчанием.

[12] AP, t. 58, p. 648 (séance du 17 février 1793) и t. 59, p. 701. См. также «Moniteur» (réimpression), t. XV, p. 494.

[13] ЦПА ИМЛ, 54 В VIII (русск. пер.; ННИ, 1960, № 5, стр. 103).

[14] ЦПА ИМЛ, 78 В II.

духа равенства: «Солдаты, офицеры, командиры — все должны носить одинаковую одежду, получать одинаковое жалованье, питаться из одного котла»[15]. Однако решение вопроса о создании «легиона освободителей» оказалось совсем не таким, на какое рассчитывал Бабеф. Об испытанном им разочаровании он сообщил жене в следующем письме, посланном после трехнедельного перерыва, 18 марта. За это время в судьбе Фурнье произошли большие изменения, связанные с событиями, разразившимися в Париже.

Бабеф попал в столицу в очень острый момент. 12 февраля 48 парижских секций обратились к Конвенту с известной петицией о продовольствии. 25 февраля произошел разгром столичных бакалейных лавок. В конце февраля и в начале марта французская армия потерпела поражение: Дюмурье пришлось не только покинуть Голландию, но и оставить Бельгию. Весь март столица жила под знаком кризиса, связанного с Дюмурье. 9—10 марта произошли выступления некоторых секций, выдвинувших требование об отстранении Дюмурье и аресте ряда жирондистов — членов Конвента, отвергнутое не только умеренной частью Конвента, но и якобинцами. Во всех этих событиях Фурнье-Американец принимал живейшее участие, а вместе с ним, возможно, и Бабеф.

18 марта Бабеф писал жене: «Я не буду рассказывать тебе сегодня обо всем, что я пережил... Ты, вероятно, страшно огорчалась, не получая от меня известий. Твой бедный муж не мог поступить иначе и ты сейчас узнаешь, почему. Только четыре дня, как я немного пришел в себя (que je me retrouve avec un peu de force). Фурнье имел неприятности, которые причинили мне много хлопот. Против него был издан декрет Конвента, но, к счастью, все это закончилось. Но до сих пор я почти все время занят этим честным человеком... Это самый лучший человек из всех, кого я знаю. Потребуется слишком много времени, чтобы дать тебе ясное представление о Фурнье и о том, в силу каких соображений он привязался

---

[15] Там же. Обращение к Генеральному совету начиналось в бабефовской рукописи следующими словами, впоследствии вычеркнутыми: «В афише, озаглавленной «В каком положении мы находимся?», мы изобразили, ничего не скрывая, все тяжкие бедствия, угрожающие родине».— См. Fournier-l'Americain. Où en sommes-nous? Question... à tous les sans-culottes (BN, Lb[41] 4840) А. Олар в своем издании «Мемуаров» Фурнье, вероятно, неправильно определил дату обращения Фурнье в Парижской коммуне 1791 годом. В опубликованном им обращении идет речь о создании корпуса в 6 тысяч человек для защиты Республики. Но как мог скромный член клуба Кордельеров обратиться с таким предложением к монархическому муниципалитету Байи в 1791 г., когда еще не только республики, но и никаких военных действий не было? Сам Олар отмечает, что эта часть рукописи Фурнье сильно отличается от остального текста. По-видимому, Олар допустил ошибку в своей публикации, и эта часть мемуаров относится к 1793 г. О возможном авторстве Бабефа говорит и то обстоятельство, что в обращении Фурнье много места уделено социальным проблемам.— См. «Mémoires secrets de Fournier-l'Américain», chap. XI, p. 42.

ко мне. Ты узнаешь обо всем этом, когда мы *побеседуем с глазу на глаз*» (курсив наш.— *В. Д.*) [16].

Что означал этот глухой намек? Что связывало Бабефа и Фурнье? К сожалению, мы знаем об этом слишком мало, и о многом приходится лишь догадываться. Известный ключ к этому дают два памфлета, написанные Бабефом против Марата и изданные от имени Фурнье [17].

Большинство авторов, касавшихся вскользь этого вопроса, видели в бабефовских памфлетах лишь проявление личной неблагодарности по отношению к Марату. «Бабеф, который весной 1790 г. был обязан своим освобождением вмешательству Марата, отплатил ему неблагодарностью три года спустя, оказав содействие Фурнье-Американцу»,—так охарактеризовал этот эпизод Альбер Матьез [18]. Он прошел, однако, мимо действительных причин этого столкновения, не заметил той идейной солидарности, которая связывала в эти месяцы Бабефа с Фурнье и противопоставляла их Марату.

Для того чтобы понять причины этого столкновения, нужно прежде всего учесть роль, которую играл Марат в феврале — марте 1793 г. На протяжении всей истории революции Марат занимал неизменно крайне демократическую позицию. Но как раз весной 1793 г., когда самостоятельно выступили плебейские элементы и с наибольшей остротой начали вставать социальные проблемы, «Друг народа» впервые оказался не на левом фланге. Марат выступил тогда решительным противником и «аграрного закона», и «максимума». В «Journal de la République française» за 3 марта 1793 г. Марат сообщил, что он совместно с Сен-Жюстом присутствовал на обеде, устроенном его невшательским земляком, известным банкиром Перрего, и еще некоторыми капиталистами: «Говорили о системе строгого равенства, которая с неизбежностью ведет к аграрному закону, и я заметил, что эти негоцианты чрезвычайно его

---

[16] ЦПА ИМЛ, 56 В VIII. О своих отношениях с Фурнье Бабеф вновь писал жене 17 апреля: «Недавно снова стоял вопрос о назначении Фурнье в армию (в Вандею.— *В. Д.*); и мне казалось уже, что все устроено; он еще надеется; с ним я поладил бы лучше, чем с кем бы то ни было. Он все еще занимает меня своей работой и в таком количестве, что я не имею возможности предпринять нужные шаги для устройства моих собственных дел» (ЦПА ИМЛ, 129 В VIII). В последний раз Бабеф упоминает о Фурнье в письме от 4 июня: «Фурнье сейчас совсем небогат. Его вопрос еще не разрешен. Я по-прежнему с ним в хороших отношениях» (ЦПА ИМЛ, 59 В VIII).

[17] C. Fournier (Américain) à Marat. Paris, 14 mars, l'an 2 de la République française. De l'imprimerie de Mayer et C°, rue Saint-Martin. N 219. Рукопись этого памфлета хранится в ЦПА ИМЛ (80 В II). Судя по сохранившемуся отрывку другой рукописи (ЦПА ИМЛ 87 В IV), Бабеф являлся автором другого памфлета, «A Marat, journaliste», Paris. Daté du 14 mai an II. Suivi d'une lettre de Garin à Marat (BN, 4° Lb[41] 2973). Этот второй памфлет явился ответом на статью Марата против Фурнье и Гарена в «Le Publiciste de la République française», N 190, jeudi 9 mai 1793 («Avis important aux Patriotes de toutes les sections de Paris»).

[18] «Annales Révolutionnaires», 1923, p. 78—79.

опасаются. Принципы, которые я развивал, их успокоили; к концу обеда я мог убедиться..., что у них было странное предубеждение против меня, когда они садились к столу, и что один час беседы совершенно его рассеял»[19]. Но ведь эта система «строгого равенства», которую так решительно отвергал Марат, имела самого ревностного сторонника в лице Бабефа!

Марат склонялся тогда также к экономическому либерализму и всячески противился в эти месяцы установлению твердых цен. В своей знаменитой февральской статье против скупщиков, написанной еще до начала разгрома бакалейных лавок, Марат предлагал не только повесить нескольких скупщиков. «Я знаю другую меру,— писал в этой статье Марат, и это предложение было чрезвычайно характерно для его социально-экономических воззрений,— которая еще вернее повела бы к цели: составить сообщество из наиболее состоятельных граждан, чтобы доставлять из-за границы съестные припасы первой необходимости, сбывать их по покупной цене и, таким образом, снижать существующие цены до тех пор, пока они не придут в справедливое равновесие»[20].

И 12 февраля, когда секциями у решетки Конвента было впервые выдвинуто требование максимума[21], и во время движения 9—10 марта, как и позднее, во время агитации Ж. Ру и после оглашения его июньской петиции, Марат выступал совместно с большинством Конвента. Недаром в марте 1793 г., правда, на самый короткий срок, даже жирондистская часть Конвента оказалась вместе с Маратом. Это своеобразие позиции Марата, дававшее возможность жирондистам в феврале и марте 1793 г. прикрываться его авторитетом в борьбе против народных движений, очень тонко подметил тогда же Камилл Демулен.

В «Старом Кордельере» уже в 1794 г. Демулен напомнил, что весной 1793 г. он выступил против всяких преследований Марата, учитывая ту неоценимую пользу, которую он один может принести. На заседании Генерального комитета обороны заявление Камилла вызвало интерес у жирондистов, потребовавших объяснений. Тогда Демулен заявил, что сейчас представляет опасность только контрреволюция, маскирующаяся «левыми» требованиями, «контрреволюция в красных колпаках». «Питт это понял, и я подозреваю, что он подослал к решетке эти две делегации, недавно явившиеся с петициями, перед которыми даже мы на вершине Горы казались умеренными»[22]. Эти петиции (Демулен имел в виду февральскую

---

[19] «Journal de la République française», 3 mars 1793, N 139 p. 7.

[20] «Journal de la République française», 25 fevrier 1793, N 133 (русск. пер.: Ж. П. Марат. Избранные произведения ,т. 3, стр. 255).

[21] «Journal de la République française». N 121, 12 février 1793 (русск. пер.: Ж.-П. Марат. Указ. соч., т. 3, стр. 247—251).

[22] C. Desmoulins. Le Vieux Cordelier (éd. critique). Paris, 1396. p. 55—56.

петицию 48 секций и мартовскую петицию секции Пуассоньер) были встречены самыми неистовыми аплодисментами трибун. «К счастью, мы имеем Марата, который, благодаря своей жизни в подполье и неустанной деятельности, считается наиболее ревностным патриотом... Народу всегда будет казаться, что вне того, что предлагает Марат, может быть только безумие и нелепости, что за пределами его предложений нужно писать, как писали географы древности на полях своих карт: дальше нет ни селений, ни жителей, дальше только пустыни и дикари, льды или вулканы. В обоих случаях Марат... понял, куда клонят петиции, и поспешил выступить портив них, и ему достаточно было нескольких слов, почти одного кивка головы, чтобы трибуны перестали аплодировать. Вот та неизмеримая услуга, которую один он, возможно, способен оказать республике» [23].

Полвека спустя, читая мемуары якобинца Левассера, Маркс обратил внимание на эту особенность поведения Марата в феврале — марте 1793 г. [24]

Как раз в эти месяцы Фурнье, как бы ни оценивать в целом деятельность этого типичного «кондотьера» в революции, занимал гораздо более левую позицию, чем Марат, и неоднократно вступал с ним в столкновения. Сохранился отрывок рукописи Бабефа, в которой освещена судьба петиции Фурнье Конвенту после 17 февраля. И в ней, и в печатном памфлете отмечается выступление Фурнье против Марата в клубе Кордельеров, сейчас же после разгрома бакалейных лавок 25 февраля: «Друг народа, я вызвал твою враждебность тем, что с трибуны Кордельеров выступил против тебя по вопросу о причинах и участниках последних волнений, происшедших из-за сахара...» [25]. Но, тогда как Фурнье взял под свою защиту участников движения, Марат выступил и в клубе Кордельеров, и у якобинцев против «интриганов», подготовивших движение против «бакалейщиков» [26].

В начале марта двусмысленная позиция Дюмурье, подготовлявшего свое предательство, вызвала волнение в парижских секциях, приведшее к движению 9—10 марта. Как раз Фурнье-Американец был одним из первых, кто выступил против Дюмурье, когда тот находился еще под защитой Конвента, и именно по этому вопросу ему пришлось столкнуться все с тем же Маратом.

«Когда я увидел всю эту сеть интриг,— говорится в одном из вариантов памфлета Фурнье против Марата, написанного рукой Бабефа,— я разоблачил у Кордельеров Дюмурье, принципы и нравы которого я знал еще до революции... Марат, в чистоту намере-

---

[23] C. Desmoulins. Le Vieux Cordelier (éd. critique). Paris, 1936, p. 55—56.

[24] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 608.

[25] C. Fournier (Américain) à Marat, p. 6.

[26] Buchez et Roux. Op. cit., v. XXIV p. 343; A. Mathiez. La vie chère et le mouvement social sous la Terreur. Paris, 1927, p. 148.

ний которого я всегда верил, введенный в заблуждение, оспаривал мои разоблачения и защищал Дюмурье» [27].

Марат, тот самый Марат, который еще осенью 1792 г. проявил открытое недоверие к Дюмурье, теперь защищал его на заседании Конвента 12 марта: «Каковы бы ни были политические связи Дюмурье, каковы бы ни были его отношения со двором, я считаю, что после 10 августа, а особенно после того, как меч закона сразил голову тирана, он связал себя с общественным спасением... Я поднимаюсь на эту трибуну, чтобы выступить против бессмысленного и глубоко коварного предложения об издании обвинительного декрета против этого генерала. Если это предложение будет принято, это будет означать, что врагам открыты ворота Республики». Марат выступил также против предложения секционеров (которое он так решительно поддержал несколько недель спустя) об исключении из Конвента жирондистских лидеров — Жансонне, Верньо и Гаде — «ужасное преступление, которое имеет целью роспуск Конвента и гибель отечества. Я сам выступил в группах против этих убийц, я направился в народное общество Кордельеров; я проповедовал там мир и я привел в замешательство ораторов, подкупленных аристократией» [28].

В этой же речи Марат потребовал ареста Фурнье-Американца: «Я изобличаю Фурнье, который участвовал во всех народных бунтах... Именно этот злодей находился во главе последнего мятежа (Марат имел в виду движение 9—10 марта.— *В. Д.*); он выдаст нам нити этого заговора, руководителей которого я предлагаю Конвенту передать революционному трибуналу» [29]. Это предложение, поддержанное жирондистом Ласурсом и еще ранее выдвинутое Верньо, было принято Конвентом, и только через два дня декрет против Фурнье был отменен.

Из письма Бабефа жене 18 марта мы уже знаем, какое активное участие принимал он во всех этих событиях. Нет ничего удивительного, что памфлет против Марата, написанный им 14 марта, носил такой резкий, запальчивый характер, что целый ряд обвинений, выдвинутых им тогда, в пылу борьбы, был чрезвычайно преувеличен.

Три года спустя, в жерминале IV года, когда Бабеф уже совершенно иными глазами смотрел на Фурнье и в письме к бабувистским агентам двенадцати парижских округов предупреждал против «двусмысленного революционера», он сам же упрекал Фурнье в «клевете на Марата» [30]. Но в обстановке февраля — марта 1793 г.,

---

[27] ЦПА ИМЛ, 79 В II.

[28] AP, t. 60, p. 132; «Moniteur», t. 15, p. 684.

[29] Ibidem.

[30] «Copie des prièces saisies dans le local que Baboeuf occupoit lors de son arrestation» Paris, Nivôse, an V, v. I, p. 164. («Его (Фурнье.— *В. Д.*) гибкость давала ему возможность приобретать доверие санкюлотов. Такие существа — амфибии обладают искусством одновременно проникать во все партии; они

когда начиналось плебейское движение за введение максимума, за изгнание жирондистов из Конвента; памфлет Бабефа против Марата и в защиту Фурнье был принципиальным политическим документом. Бабеф выступил в нем не в качестве литературного «негра» Фурнье, как это считает Ж. Вальтер, а как противник той умеренной политической линии, которую в эти недели отстаивал Марат.

Историки, упрекавшие Бабефа в «неблагодарности», не обратили внимания не только на историческую обстановку, в которой писался антимаратовский памфлет, но прошли мимо самой его интересной части. Главный упрек Бабефа по адресу «Друга народа» состоял в том, что Марат слишком часто «разоблачает ради разоблачений» (упрек, который он делал ему еще в 1789 г.), но не задумывается над положением «той самой несчастной части народа..., которая сделала все и для которой до сих пор, за четыре года, ничего не сделали и о которой, кажется, до сих пор даже не подумали». В этом же Бабеф, как мы помним, упрекал и Робеспьера в 1791 г. в своей переписке с Купе. «Если ты действительно Друг народа,— обращался Бабеф к Марату,— будь постоянно на трибуне и не покидай ее, пока ты не добьешся того, что осмелились потребовать Дюшозаль и Тальен [31], друзья санкюлотов: *благосостояние неимущего класса*» (l'aisance de la classe indigente) (курсив наш.— *В. Д.*) [32]. Бабеф обнаружил тем самым ахиллесову пяту Марата: сторонник экономического либерализма, противник максимума в марте 1793 г., решительный противник «аграрного закона», всегда исходивший из признания частной собственности, Друг народа, при всем своем демократизме, не мог ни понять, ни возглавить движение плебейских масс в тот период революции, когда для них борьба уже не ограничивалась только буржуазно-демократическими преобразованиями. В 1790 г., выступая против «публиканов», «ростовщиков», «генеральных фермеров», Бабеф нашел в Марате последовательного союзника. Весной 1793 г. Марат, чуждый социальным требованиям санкюлотов, уже не казался ему подлинным Другом народа. В этом состояло существо их принципиального расхождения, хотя то, что Бабеф написал в своем памфлете о роли Марата в революции, резко расходилось с тем, что он писал по этому поводу раньше и позднее [33], когда Бабеф со всей искренностью взывал к авторитету Марата.

являются нашими опаснейшими врагами... Некоторые честные люди, введенные им в заблуждение, считают, что следует использовать его пресловутую храбрость. Но у нас хватит людей, более мужественных, чем он, обладающих военными талантами и заботящихся только о народном благосостоянии»).

[31] Речь идет о газете Дюшозаля и Тальена «L'ami des sans-culottes».

[32] C. Fournier... à Marat, p. 7.

[33] N 1 «Journal de la liberté de la presse» (осень 1794 г.) Бабеф сопроводил эпиграфом из «Цепей рабства» Марата. Конспект этой книги, сделанный тогда же Бабефом, сохранился в его архиве (ЦПА ИМЛ, 3 В X).

II

Уже в середине марта Бабеф потерял надежду на то, что ему удастся выпутаться из своих материальных затруднений при помощи Фурнье. «К сожалению,— писал он жене 18 марта,— Фурнье, кажется, не добьется осуществления своего проекта...; у него слишком много недругов, которые этому противятся, и я не надеюсь, что таким путем решится моя судьба. Фурнье совсем не то, что я думал, сейчас он не богат... Если бы Фурнье был богат, он пожертвовал бы всем, вплоть до своей крови» [34]. Но Бабеф не отчаивался: «Я использую другие планы для того, чтобы найти должность. Я открыл уже новый способ. Будет слишком печально если, несмотря на то, что есть столько открытых дверей надежды, я ничего не добьюсь. Верь, я не пренебрегаю ничем в поисках того, что может смягчить тяжесть нашей судьбы» [35]. В этом же письме 25 марта он обращается к своему любимцу Роберу: «Вооружись мужеством! Уже с ранних лет приучайся переносить жизненные трудности. Ты знаешь, что именно таково воспитание, которое я тебе даю; ты уже знаешь, что гораздо меньше страдаешь, если заранее готовишься к тому, чтобы переносить все муки и ждешь встречи с ними» [36]. «Я приведу все в движение,— успокаивал он жену 17 апреля,— лишь бы найти какую-нибудь работу. В Париже слишком много возможностей, нужно только их узнать...» [37]

29 марта он пишет Сильвену Марешалю: «К вам обращается человек, философ, гражданин, изнемогающий под бременем несчастья. Он вас читал. Каждый раз, когда вы выступали в защиту неимущих, он видел в вас человека, сочувствующего страданиям и, вероятно, пережившего их». Описав все свои злоключения в Пикардии за годы революции, Бабеф сообщил, что он уже 6 недель находится в Париже без всяких средств: «Моя жена с тремя детьми живет за 30 лье в такой же нужде. Можно ли себе представить положение более ужасное?» [38] Ж.-Ж. Руссо был прав, когда доказывал необходимость научить каждого человека ремеслу, но он, к сожалению, им не владеет. Он ушел бы в армию, «но кто будет кормить мою жену, моих детей?» Бабеф снова взывает к Руссо: «Избыток твоей чувствительности не давал тебе возможности примириться с мыслью, что когда-либо ты не в состоянии будешь обеспечить своих детей; сразу после рождения ты отдавал их поэтому на попечение правительства. Но скажи мне, мог ли бы ты покинуть их

---

[34] ЦПА ИМЛ, 56 В VIII.
[35] ЦПА ИМЛ, 57 В VIII.
[36] Там же.
[37] ЦПА ИМЛ, 129 В VIII.
[38] ЦПА ИМЛ, 10 В X. См. также V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 105—109. Адвиель, как указал Домманже, неправильно датировал это письмо 6 жерминаля II года. Об отношениях Бабефа и Марешаля см. также M. Dommanget. Sylvain Maréchal. L'egalitaire. «L'Homme sans dieu», Paris, 1950.

в том возрасте, когда первые проявления разума делают их столь интересными? О, мой семилетний сын, точная копия прекрасного и невинного Эмиля! Нет, я неспособен тебя покинуть; я буду охранять твою юность...; я не выполню этой задачи только в том случае, если мне придется умереть» [39]. У Руссо, писал Бабеф, был выход; он переписывал ноты. «У меня нет такого таланта; следовательно, я более несчастлив. Но я учусь обращаться с верстаткой». Бабеф обратился поэтому с просьбой к Марешалю, бывшему тогда редактором «Парижских революций», добиться для него разрешения у издателя газеты Прюдомма обучаться наборному ремеслу в его типографии.

Это первое обращение Бабефа к Марешалю, с которым он не был тогда еще знаком, не увенчалось успехом. Мы узнаем об этом из уже упоминавшегося нами письма Бабефа к Н. Бонвиллю от 23 апреля. «Это письмо, Н. Бонвилль, (Бабеф излагает свое письмо Марешалю.— *В. Д.*) тронуло и живо заинтересовало честного Марешаля. Он обратился, как я просил, к Прюдомму, который, сочувствуя моему положению, выразил, как мне показалось, совершенно искреннее сожаление из-за невозможности удовлетворить мою просьбу... Уход многих рабочих в армию вынудил его приостановить ряд своих предприятий; он ограничивается только газетой, для которой у него рабочих гораздо больше, чем нужно. Тогда Сильвен Марешаль сказал мне: «Обратитесь от моего имени к моему другу, Бонвиллю; изложите ему все, что вы сообщили мне; вероятно, он проявит отзывчивость, и я уверен, что он устроит ваше дело в типографии Социального кружка» [40]. Неизвестно, было ли отправлено это письмо или оно осталось только проектом. Во всяком случае и в типографию Социального кружка Бабеф не попал.

Лучом надежды, который мелькнул для Бабефа в середине марта, о чем он поспешил сообщить жене, было его знакомство с голландским полковником Макерстротом [41], в декабре 1792 г. обратившимся в Конвент с просьбой о разрешении ему формировать «батавский легион» для освобождения Нидерландов. Уже 11 марта Бабеф послал ему «мемуар», в котором предлагал услуги в качестве секретаря легиона и излагал свои «идеи и планы революции». Напоминая об этом, Бабеф писал 25 марта, что он «горит желанием участвовать в завоевании независимости ваших мужественных соотечественников; вы убедитесь, на что способно... неутомимое рвение свободного пера, вдохновленного энергией подлинно республиканской души» [42]. Уже через несколько дней, 3 апреля, Бабеф на-

---

[39] ЦПА ИМЛ, 10 В X.
[40] ЦПА ИМЛ, 100 В IV.
[41] О Макерстроте см. A. Mathiez. La révolution et les étrangers. Cosmopolitisme et défense générale. Paris, 1918.
[42] ЦПА ИМЛ, 81 В IV. На черновике письма Бабеф сделал следующую пометку: «Гражданин Макерстрот принимает мое предложение, если только оно не противоречит декрету, предписывающему набирать легион только из

бросал план освобождения Голландии и той роли, которую может сыграть в этом Макерстрот. «Если бы Дюмурье не изменил, ему одному принадлежала бы честь завоевания Голландии; вы были бы при нем только второстепенным лицом. Но сейчас совершенно очевидно, что не он осуществит это завоевание, которое нужно начинать сызнова. Я уже предвижу те средства, которые приведут к тому, что именно вам будет поручено это предприятие, и только от вашего поведения будет зависеть, получите ли вы звание уже не полковника, а генерала, а вскоре вслед за этим — Освободителя батавов. У меня уже в голове манифесты, прокламации; мы обратимся с ними к этому прекрасному народу, которому нужно только протянуть руку, чтобы он присоединился к нам... Ван-дер-Нуты (вспомним обращение Бабефа к нему в 1790 г.), Вандермерши, Дюмурье — всех их носили на руках, как триумфаторов, но они оказались изменниками. Я уверен, что вы никогда им не станете; каких же почестей вы можете ожидать от своих чувствительных соотечественников» [43].

Макерстрот принял это предложение, и на некоторое время Бабеф даже переселился к нему в казармы. Но уже 17 апреля он пишет жене: «Полковник Батавского легиона обещал мне место секретаря своего корпуса..., поселил меня в отеле Кассини на улице Вавилон и выплачивает мне 5 су в день. Я живу на эти деньги уже пять или шесть дней. Но я все же не думаю, что это может устроить нас. С одной стороны, корпус, по-видимому, нескоро будет создан. Затем едва ли полковник назначит мне жалованье, достаточное для прокормления семьи, и вдобавок не думаю, что представятся подходящие условия, чтобы возить вас всех вслед за легионом. По всем этим причинам я предпочитаю поискать какую-нибудь другую работу. И так как я не могу водить за нос батавского

батавов. Я сослался на гражданина Карра и заявил полковнику Макерстроту, что почти уверен в том, что смогу получить от этого депутата несколько строк, в которых он разъяснит, что мое предложение нисколько не нарушает декрет».

[43] ЦПА ИМЛ, 76 B IV. Бабеф действительно подготовил проект манифеста, начинавшегося так:

«Национальный корпус батавских стрелков.

Гражданин Макерстрот, командующий.

Соотечественники, рожденные республиканцами! Неужели мы будем сражаться за свободу последними? Наши мужественные братья французы проливают кровь, чтобы вновь завоевать это дорогое, бесценное наследство, за которое наши предки боролись в течение 80 лет. А мы останемся безучастными зрителями?... Нет!.. Батавский народ созрел для осуществления своего суверенитета.., батавские сердца совсем не преисполнены равнодушием» (ЦПА ИМЛ, 23 B III). См. также проект обращения от имени Макерстрота, датированный 31 марта, где обосновывается создание на территории Франции «иностранных легионов»: «Эти люди с поразительной быстротой сумеют принести своим братьям Декларацию прав человека и своей пропагандой увлечь на сторону этой доктрины... громадное большинство своих соотечественников» (ЦПА ИМЛ, 80 B IV).

полковника, мне нужно будет заявить ему, что мы с ним не столкуемся, и покинуть отель Кассини»[44].

В лихорадочных поисках заработка Бабеф в апреле 1793 г. взялся за литературную работу для американского генерала Дж. С. Юстейса (Eustace)[45]. «Я провел три дня,— писал он ему 4 мая,— над тем, что приводил в порядок и шлифовал ваш ответ Миранде, и четвертый день был занят тем, что писал под вашу диктовку и бегал по типографиям»[46]. Однако и здесь его постигло разочарование. Юстейс подвел его при расчете[47].

Из всех этих злоключений некоторые биографы (Адвиелль, Щеголев, Вальтер) делали вывод, что вся энергия Бабефа в эти бурные весенние месяцы 1793 г. была поглощена хлопотами о личном устройстве[48]. Уже на примере отношений Бабефа с Фурнье-Американцем, мы видим, что дело обстояло совсем не так. Но и в апреле-мае, несмотря на личную нужду, Бабеф не только напряженно следил за борьбой, происходившей в Париже, где шла подготовка к восстанию 31 мая, но и всячески стремился повлиять на ход событий. 17 апреля, сообщая жене, что его надежды на Макерстрота не увенчались успехом, он писал: «Мне очень хотелось бы остаться в Париже для моего *великого дела; я здесь не единственный, кто об этом думает*. Ты знаешь, что я хочу сказать. Здесь все накалено до крайности (tout s'échauffe à un fourieux point). Санкюлоты хотят стать счастливыми, и я не вижу ничего невозможного в том, что *не пройдет и года*, и нам, если мы будем правильно проводить свои меры и действовать со всем необходимым благоразумием, удастся обеспечить *всеобщее благосостояние* (le bonheur général) *на земле*»[49] (курсив наш.— *В. Д.*).

Бабеф писал это за день до выступления делегации 48 парижских секций в Конвенте по вопросу о максимуме и знаменитой речи Шометта 18 апреля в Коммуне, когда он потребовал, чтобы «Гене-

---

[44] ЦПА ИМЛ, 129 В VIII (русск. пер.: ННИ, 1960, № 5, стр. 103—104).

[45] О Юстейсе см.: Cl. Perroud. J.-B. Eustace («La Révolution française», t. XLI, (p. 356—358 и 478—479). Участник войны за независимость, Юстейс служил во французской армии в 1793 г. В феврале 1793 г. Миранда, поддерживавший тогда Дюмурье, подверг его аресту. Дело было передано в военное министерство. Бабеф, очевидно, редактировал жалобу Юстейса на действия Миранды. С 1797 г. Юстейс снова служил во французской армии, где был дивизионным генералом. В 1800 г. вернулся в Соединенные Штаты, где и умер в 1805 г.

[46] ЦПА ИМЛ, 78 и 79 В IV.

[47] Там же.

[48] «Бабеф отправляется в Париж и, узнав о возбужденном против него судебном преследовании, решает остаться в столице. Марешаль устраивает его на службу в комиссии продовольствия сначала при Парижской коммуне, потом при Комитете общественного спасения. Между тем дело о «подлоге» переходит из одной инстанции в другую»,— этими несколькими строками П. П. Щеголев исчерпывает все описание деятельности Бабефа в Париже в 1793 г. (П. П. Щеголев. Заговор Бабефа, стр. 50).

[49] ЦПА ИМЛ, 129 В VIII. (русск. пер: ННИ, 1960, № 5, стр. 104).

ральный совет провозгласил, что он находится в состоянии восстания до тех пор, пока не будет обеспечено продовольствие»[50]. 1 мая с еще более решительной петицией к Конвенту о введении максимума обратились секции Сент-Антуанского предместья. 4 мая якобинская часть Конвента, стремясь заручиться поддержкой парижских секций в своей борьбе против жирондистов, пошла на удовлетворение требования о максимуме, которое она отвергала со всей решительностью и в феврале, и в марте 1793 г. «Все накалено до крайности»,— совершенно правильно писал Бабеф. Париж приближался к восстанию 31 мая — 2 июня.

В апреле и в начале мая 1793 г. всем представлялось, что в центре этого движения стоит Генеральный совет Парижской коммуны и его прокурор-синдик Анаксагор Шометт. «Шометт, по нашему мнению,— писал еще в 1927 г. А. Матьез в своей работе «Дороговизна и социальное движение в эпоху террора»,— стоит в центре и является руководителем всего движения..., он группировал вокруг себя все силы революции. Он держал их в своих руках»[51].

Более трезвый исторический анализ показал, что в это представление нужно внести известные поправки. Еще Жорес с присущим ему историческим чутьем отметил, что Генеральный совет без всякого энтузиазма примкнул к движению в пользу максимума[52]. На протяжении весенних и летних месяцев 1793 г. шла глухая борьба между наиболее революционными парижскими секциями и Генеральным советом. Так было и 31 мая, когда, судя по всему, Центральный комитет секций, а не Генеральный совет и не Шометт, возглавил восстание против жирондистов[53].

Как бы то ни было, Бабеф,— хотя и он впоследствии отрицательно отзывался не только об Эбере, но и о Шометте,— в мае 1793 г. все свои надежды возлагал именно на Генеральный совет Коммуны и на его прокурора-синдика. «Как я хотел бы,— писал он Генеральному совету, уже после начала вандейского восстания, т. е., очевидно, в конце марта или в апреле 1793 г.,— быть среди вас во имя интересов общего дела! Я думаю, что мог бы предложить вам полезные идеи, и горжусь этим. В эти тяжелые минуты каждый гражданин должен быть магистратом; Генеральный совет Парижской коммуны стоит выше мелких тщеславных побуждений и не станет отклонять предложение только потому, что они исходят не от его члена»[54].

---

[50] AP, t. LXII, séance du 20 avril.

[51] A. Mathiez. La vie chère et le mouvement social sous la Terreur. Paris. 1927, p. 177—180. (русск. пер: А Матьез. Дороговизна и социальное движение во время террора, М., 1928, стр. 139).

[52] J. Jaurès. La Convention, p. 1246—1247.

[53] См. очень интересное введение A. Tuetey к т. IX его «Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution française» Paris, 1912.

[54] ЦПА ИМЛ, 74 В II.

В этом, вероятно, неотправленном обращении к Генеральному совету Бабеф предлагал, как мы уже упоминали, запретить всякие спектакли и развлечения, с тем чтобы встряхнуть парижан, вывести их из состояния известной беспечности и апатии, заставить их «заняться исключительно великим делом общего спасения», прислушаться к голосу «миссионеров, которые должны ежедневно проповедовать гражданское евангелие». Рукопись обрывалась на следующих словах: «Французы, для вас сейчас подготовляется конституция. Посмотрим, заслуживает ли она вашего одобрения»[55]. К этому последнему вопросу он и вернулся подробно в своем чрезвычайно интересном письме к Шометту, датированном 7 мая и озаглавленном «Гракх Бабеф Анаксагору Шометту, прокурору Парижской коммуны. О необходимости и обязанности (для общественного должностного лица) добиться признания самого драгоценного и самого важного из прав человека»[56].

Бабеф называет Шометта «Трибуном народа» и в особом примечании объясняет, что он дает этот титул только тому, кто является «действительным защитником санкюлотов». Он приветствует его речь, послужившую «великолепным» толчком и определившую тон «превосходной петиции Сент-Антуанского предместья» и «замечательное постановление 18 апреля». Но нужно идти дальше по этому пути: «Какой момент для вашей славы! Для места, которое будет вам отведено на страницах беспристрастной истории!!! Она скажет будущим поколениям, кем вы были, судя по вашему поведению в эти дни!.. Наступил день, когда Парижская коммуна должна доказать, что она не напрасно обязалась защищать права человека».

Со всей резкостью Бабеф обрушивается на Конвент. Он особенно критикует жирондистский проект Декларации прав, согласно которому собственность была определена как право располагать по своему усмотрению имуществом, доходами, капиталами. «Естественные неотъемлемые права! Как преступно вы нарушены!!! Скупщики! Пиявки человечества! Вы, кому дана возможность высасывать жизненные силы у громадного большинства народа! Радуйтесь: освящены только ваши отвратительные права... Обдумывайте самые утонченные и варварские спекуляции с продовольствием, предназначенным для бесчисленного класса бедняков. Ваши преступные желания будут вскоре полностью осуществлены. Скоро на основа-

---

[55] ЦПА ИМЛ, 74 В II.

[56] «Gracchus Babeuf à Anaxagoras Chaumet, Procureur de la Commune de Paris. Sur la necessité et l'obligation (pour le Magistrat) de provoquer la consécration du plus précieux et plus important des Droits de l'Homme» (ЦПА ИМЛ, 9 В X). В 1935 г. это письмо, подлинник которого находится в ИМЛ, было по копии опубликовано М. Домманже («Pages choisies...», p. 142—147. Русск. пер. письма — см. «Вопросы истории», 1961, № 2, стр. 111—113). В копии, которой Домманже пользовался, имеются небольшие разночтения с подлинником. В этом письме Бабеф называет себя уже не Камиллом, а Гракхом.

Gracchus Babeuf à Anaxagoras Chaumet, Procureur de la Commune de Paris.

Sur la nécessité et l'obligation (pour le Magistrat) de provoquer la conservation du plus premier et du plus important des Droits de l'Homme,*

Paris, 7 Mai l'an 2 de la République française.

Tribun du Peuple*,

Quel moment... que celui qui paraît!! De lui vont dépendre les destinées du Monde! Quel moment... pour votre gloire! pour la place qui vous sera marquée dans les pages de l'impartiale histoire!!! Elle dira aux générations ce que vous avez été d'après la conduite que vous allez tenir dans l'instant qui passe! Quel grand caractère que celui que vous avez commencé à déployer dans la journée du 18 Avril, en provoquant un sublime

Письмо Бабефа Шометту от 7 мая 1793 г. (ЦПА ИМЛ)

нии декларации прав человека вам удастся поднять цену на фунт хлеба. Кто может установить предел вашей преступной жадности? Депутаты! Среди вас нет настоящих санкюлотов... Почти никто из вас не принадлежит к подлинному третьему сословию. Третье сословие не представлено в ареопаге! Нет, почти никому из вас, как видно, никогда не приходилось испытывать раздирающие муки нужды. Вы неспособны заботиться о благе народа! Вы это сделаете, если вас заставят» [57].

Бабеф — уже на третий день после принятия 4 мая первого закона о максимуме — решительно его критикует. Он считает его совершенно не соответствующим требованиям народа, так как твердая цена на хлеб назначена, исходя из средней цены, установившейся уже в период вздорожания хлеба. Эта мнимая уступка — только коварная уловка. Народ хотел, чтобы на самое необходимое продовольствие была установлена доступная для всех цена, но он этого не добился. «Ваша задача еще не выполнена, защитник народа; Коммуна по-прежнему должна считать себя в состоянии восстания, раз

[57] ЦПА ИМЛ, 9 В X.

не подлежит сомнению, что продовольствие еще не обеспечено!»[58] Но при помощи одной регламентации этого и нельзя добиться.

Весь смысл письма — и это видно из самого его заголовка — в том, что нельзя ограничиться требованием разрешения одного лишь продовольственного вопроса. Пришло, наконец, время «обеспечить классу неимущих, классу, безусловно составляющему громадное большинство в обществе, реальные выгоды вместо мнимых, которыми удавалось опьянять его с самого начала революции». В этом классе стали распространяться апатия, упадок мужества, безразличие. Нужно принять меры, чтобы обеспечить ему «счастливое существование», и это вернет ему энергию, необходимую для того, чтобы отразить тиранов. Пришло время вернуть человечеству его подлинные, самые священные права. Но для этого должен быть прежде всего решен основной вопрос о собствености, именно тот вопрос, который Бабеф выдвигал, начиная с июньского письма 1786 г. к Дюбуа де Фоссе.

Можно только удивляться тому, что один из новейших исследователей классовой борьбы в 1793 г., Д. Герен, знакомый с письмом к Шометту по публикации Домманже, счел возможным утверждать, что Бабеф, очутившись в начале 1793 г. в Париже, «не пытался даже направить массовое движение к той конечной цели, которую он втайне намечал. В своих выступлениях в эту эпоху он не идет дальше народных ораторов, дальше «бешеных»... Он нападает только на злоупотребления правом собственности, но не на самое право»[59]. С этим никак нельзя согласиться. В своем письме к Шометту Бабеф как раз доказывает, что никакой продовольственный закон не обеспечит «нуждающиеся классы», пока не будет изменено отношение к самому принципу собственности.

Бабеф взывает при этом к Робеспьеру, к его известной речи 21 апреля в якобинском клубе, в которой он изложил свой проект «Декларации прав». «Но ты, Робеспьер,— писал он,— который так точно определил собственность, начертил границы этого права, чтобы оно не стало пагубным для громадного большинства общества; ты, который заявил: «Право собственности не должно причинять ущерба существованию других, нам подобных. Общество обязано заботиться о пропитании всех своих членов, либо доставляя им работу, либо обеспечивая средства к существованию тем, кто не в состоянии работать». Приди, ты наш законодатель! А вы, якобинцы, единогласно одобрившие возвышенный труд этого достойного

---

[58] Там же. На обороте рукописи письма к Юстейсу сохранилась такая запись Бабефа:

«Продовольствие является общей собственностью. Без равенства нет республики; без справедливости нет равенства.

На предметы продовольствия, предназначенные для всех, должна быть установлена твердая цена, доступная для всех» (Les denrées de tous doivent être taxées à un prix auquel tous peuvent atteindre) (ЦПА ИМЛ, 78 В IV).

[59] D. Guérin. La lutte de classes sous la première République. Bourgeois et «bras nus» 1793—1797. Paris. 1946, v. I, p. 84.

представителя, вы, которые не так беспощадны, как Сенат, сплотитесь вокруг нашего Ликурга; вы — его помощники и достойные уважения сподвижники» [60].

Нужно наложить «национальное вето» на предложенную в Конвенте новую Декларацию прав, освящающую «нелепый и возмутительный принцип» злоупотребления собственностью. Бабеф возлагает при этом главную надежду на Шометта. «Прокурор Парижской Коммуны... больше всех остальных граждан Республики обладает возможностью и необходимыми средствами, чтобы вызвать движение, способное обеспечить успех великого дела, и эта победа будет стоить победы 10 августа 1792 г... Пусть Анаксагор потребует для этой цели ясного заявления Генерального совета». Оно получит поддержку во всей Республике — слишком прекрасна эта цель, слишком склонны к ней все умы.

«Ускорим шаг,— пишет он в заключение,— чтобы прийти к счастливому концу революции, когда наступят дни всеобщего благосостояния, неизвестного еще ни одному столетию и ни одному народу, чьи летописи дошли до нас... Друзья человечества! Я возвещаю вам о моей книге «О равенстве», которую я подарю миру (вероятно, Бабеф имел в виду свой «Философский свет».— *В. Д.*). Софисты! В ней я разрушу все ложные рассуждения, при помощи которых вы вводили в заблуждение, заключали в оковы и постоянно заставляли страдать вселенную; и, вопреки вам, люди узнают всю полноту своих прав, воля природы не будет более обманута, и все станут счастливы» [61].

В этом письме Бабеф совершенно определенно выступает против основы старого общества и выдвигает цель, к которой «незаметно» должны прийти санкюлоты. Типичный утопист, Бабеф рассчитывал на то, что этот «счастливый конец» может быть достигнут в течение одного года. Вопреки Д. Герену, Бабеф именно и ориентировал народное движение на эту цель — «всеобщее благоденствие», «совершенное равенство».

Это наглядно видно из другой рукописи Бабефа, относящейся к тому же периоду, что и письмо к Шометту. Она так и озаглавлена:

«⟨Совершенное равенство⟩

Законодательство санкюлотов или совершенное равенство

Требование прав 24 миллионами человек у 25-го миллиона» [62].

Рукопись имела эпиграф, вполне соответствовавший ходу мыслей, развитых в письме к Шометту и самому заголовку этого письма: «Вот, наконец, вновь обретены эти исконные права человека, мнимая тень которых показалась столь ослепительной, что ее

---

[60] ЦПА ИМЛ, 9 В X (русск. пер.: «Вопросы истории», 1961, № 2).
[61] Там же.
[62] ЦПА ИМЛ, 3 В II («⟨Egalité Parfaite⟩. Législation des sans-culotes ou la parfaite égalité. Réclamation des droits de 24 millions d'hommes sur le 25-me million»).

приняли за действительность! Вот, наконец, вновь обнаружены основы подлинной республики, подлинного правительства, достойного добродетели!»[63].

Бабеф начинает и эту рукопись с очень высокой оценки робеспьеровского проекта декларации прав. «Подлинные, священные права» были уже торжественно признаны: «Робеспьер и вместе с ним все якобинское общество, а вместе с ними все честные, не закоренелые в эгоизме французы, определив подлинные границы права собственности, признали тот принцип, что «право собственности не должно причинять ущерба существованию других, нам подобных...» Приведя полностью текст 17-й статьи робеспьеровского проекта, Бабеф подчеркнул, что, поскольку в ней признается право человека требовать от общества обеспечения его существования — и притом не только хлебом, но и всем, что составляет «сумму человеческих потребностей»,— она является большим шагом навстречу его собственным планам. Он формулирует еще решительнее: «Почти целиком найдено решение моей задачи».

Тем не менее Бабеф считал необходимым развить два основных принципа, чего, по его мнению, до сих пор никто не сделал: «1. Дать во всех подробностях неоспоримые доказательства справедливости права каждого *никогда и ни в чем не нуждаться* и постоянно пользоваться *всеми* возможностями, являющимися результатом *труда и производства всего общества;* 2. Обосновать способы *равного распределения между всеми членами общества всего, что необходимо для счастливого существования каждого из них*» (курсив наш.— *В. Д.*)[64].

Трудно не узнать в этих двух принципах те же положения, которые Бабеф развивал, выдвигая тему для конкурса в 1787 г. «Законодательство санкюлотов» должно было обеспечить за всеми право пользоваться всеми продуктами, поризводимыми *всем* обществом, *на основах совершенного равенства.*

Следует отметить, что свою оценку робеспьеровской декларации Бабеф неоднократно повторял и позднее, в том числе в своих самых резких антиробеспьеристских памфлетах в первые недели термидорианской реакции[65]. За несколько месяцев до своего последнего

[63] ЦПА ИМЛ 3 В II.

[64] ЦПА ИМЛ, 3 В II. («1° — de donner en détail les preuves incontestables de la justice de ce droit de tous à ne manquer jamais de rien et à jouir constamment de tous les avantages qui sont le résultat des travaux et des productions de la société entière. 2° — de développer les moyens de possibilité de distribuer également (à chacun tout ce qui est nécessaire) a tous les membres de la société tout ce qui est nécessaire a l'existence heureuse de chacun d'eux»).

[65] См., например, памфлет «Du système de dépopulation ou la vie et les crimes de Carrier». Paris, l'an II, p. 31—32. «Я заявляю, что не собираюсь критиковать ту часть политического плана Робеспьера, которая относится к обложению богатых в пользу детей и родителей защитников отечества.., Законы должны осуществить переворот в том направлении, которое составляет смысл улучшенного правительства «Общественного договора»: все должны иметь достаточно и никто не должен иметь слишком много. Если это то,

ареста в № 40 «Трибуна народа» Бабеф, чьи коммунистические взгляды к тому времени приняли уже вполне законченную форму, писал об апрельской речи Робеспьера почти в тех же выражениях, как и в только что приведенной нами рукописи. «Когда 21 апреля 1793 г. Робеспьер вызвал аплодисменты и заслуженные восторги народа, определив право собственности, как право..., ограниченное обязанностью уважать права всех остальных членов общества и не наносить ущерба их безопасности, их свободе, их существованию и их собственности,— *это определение было моим манифестом*, и эта редакция прав человека и гражданина вовсе не была произведением лицемера. Этот эпитет подходит к тем, кто подменил это определение другим, достаточно двусмысленным, что собственность является правом располагать по своему усмотрению плодами своего промысла. Декларация прав Робеспьера претерпела только одно это существенное изменение... Разумеется, после этого искажения *она перестала быть моим манифестом*. Но из-за этого я не должен высокомерно оспаривать у Максимилиана Робеспьера инициативу создания во время революции плана действительного равенства, к которому, как видно из сотни мест в его сочинениях, тяготели его желания» [66] (курсив наш.— *В. Д.*).

Эти заявления Бабефа были ошибочно истолкованы А. Матьезом как подтверждение того, что «настоящим предшественником подлинно социалистической мысли во Франции» был Робеспьер [67]. Здесь не место анализировать воззрения Робеспьера. Более чем очевидно,— и это показали последние исследования А. З. Манфреда,— что их никак нельзя признать социалистическими [68]. Но мысли, высказанные Бабефом и в письме к Шометту, и в «Законодательстве санкюлотов», показывают, как воспринимались проекты Робеспьера самыми передовыми мыслителями революционной Франции. Бабеф ошибался и преувеличивал, но он был абсолютно прав, подчеркивая отсутствие всякого «лицемерия» в этих проектах. Именно у Робеспьера, больше чем у кого-либо из других якобинских лидеров, Бабеф обнаруживал идеи, ближе всего подходившие к его «манифесту», и притом как раз в то время, когда он даже Марата критиковал за невнимание к важнейшему вопросу о «благосостоянии неимущего класса» [68]. Апрельская «Декларация

что подразумевал Робеспьер, в этом отношении он был настоящим законодателем».

[66] «Le Tribun du Peuple», N 40, 5 ventôse l'an IV (24 февраля 1796 г.).

[67] А. Mathiez. Babeuf et Robespierre («Annales Révolutionaires, 1917; переп. в сб. «Etudes sur Robespierre». Paris, 1958). См. также некролог А. Матьеза об известном бакунисте Дж. Гильоме: «Д. Гильом преклонялся перед Робеспьером и с полным основанием считал его настоящим предшественником подлинно социалистической мысли, не искаженной еще влиянием с другой стороны Рейна» («Annales Révolutionnaires», 1917, р. 143).

[68] См. А. Манфред. «Споры о Робеспьере»; «Максимилиан Робеспьер» («Очерки истории Франции XVIII—XX вв.». М., 1961).

[69] В своей защитительной речи на Вандомском процессе Бабеф говорил, что Робеспьер казался ему «главным руководителем колесницы революции»

прав» Робеспьера и вантозовские декреты 1794 г. были венцом того. на что были способны самые передовые и самые искренние мелкобуржуазные идеологи и политики XVIII века. В этом смысле оценка, данная именно Бабефом социальным проектам Робеспьера, является важным показанием современника, имеющим большую объективную историческую ценность.

Но все приведенные нами документы превосходно характеризуют социальную мысль самого Бабефа. Вопреки мнению Д. Герена, Бабеф в 1793 г. во всей своей деятельности исходил именно из плана «действительного равенства», «совершенного равенства». Не Робеспьер, а Бабеф был «автором этого плана». В стремлении к его практическому осуществлению и состояло его «великое дело».

17 апреля, жалуясь на то, что он становится «бесчувственным и подавленный своими горестями, исчерпал, кажется, все возможности переживать страдания», Бабеф писал жене: «Однако не могу не думать постоянно о судьбе моей жены, моих бедных детей. Но все же я успокаиваю себя, говоря: по крайней мере я жив и надеюсь. что вознагражу их когда-нибудь за все страдания, которые они переносят со мной; я надеюсь, они увидят во мне отца, которого *будет благословлять вся вселенная и которого все народы, все века будут считать спасителем человеческого рода»* (курсив наш.— *В. Д.*) [70].

Только человек, глубоко веривший в свой план «совершенного равенства» и в свою историческую миссию осуществить этот план, мог написать эти строки.

III

Письмо к Шометту датировано 7 мая. В бумагах Бабефа сохранилась запись от 10 мая: «Кай Гракх, который видел сегодня утром прокурора Парижской коммуны, получил от него устный ответ на свое письмо. Трибун Шометт передал через Гракха свою просьбу «Другу санкюлотов» напечатать это письмо в ближайшем номере. Этот писатель начнет тем самым осуществление обязательства, которое он взял на себя в № 70». Дальше Бабеф привел выдержку из статьи в этом номере газеты, где предлагалось тщательно обсудить новый проект конституции, которая станет когда-нибудь кодексом для всей вселенной и должна «обеспечить народу пользование всеми его правами» [71].

Запись эта, по-видимому, является одним из вариантов письма Бабефа в газету «Друг санкюлотов», редакторами которой были тогда Тальен и Дюшозаль. Письмо (или статья), посланное Бабефом Дюшозалю, не сохранилось, но подлинник ответа Дюшозаля уцелел. Из него ясно, что Бабеф стремился предать гласности свои идеи о собственности. Ответ датирован 4 июня и, судя по тому, что

«Défense générale de G. Babeuf devant la Haute-Cour de Vendome.»— V. A d v i e l l e. Op. cit., v. II, p. 79.

[70] ЦПА ИМЛ, 129 В VIII (русск. пер.: ННИ, 1960, № 5, стр. 104).

[71] ЦПА ИМЛ, 5 В X.

MUNICIPALITÉ DE PARIS.

Paris. 27 Mai l'an 2 de la République française

Письмо Бабефа жене от 27 мая 1793 г. на бланке продовольственной администрации Парижской коммуны (ЦПА ИМЛ)

Дюшозаль извинялся в нем за свое трехнедельное опоздание, можно полагать, что совету Шометта Бабеф последовал немедленно [72]. Обращение именно к «Другу санкюлотов» было не случайно. В «Трибуне народа» и позднее, на процессе в Вандоме, Бабеф неоднократно указывал на то, что весной 1793 г. газета Тальена была очень близка к «плебейской доктрине» [73].

Принимал ли Бабеф участие в движении 31 мая? К сожалению, об этом мы почти ничего не знаем. Сохранился проект его письма

[72] ЦПА ИМЛ, 7 В V. На письме Дюшозаля неизвестной рукой (вероятно, Адвиелля) сделана пометка: «Этот Дюшозаль был сперва адвокатом, литератором, затем ответственным за составление списка эмигрантов, генеральным секретарем полиции. Умер в 1806 г.» Текст письма Дюшозаля к Бабефу см. в нашей статье «Бабеф весной 1793 г.» (сб. памяти А. М. Панкратовой «Из истории рабочего класса и революционного движения». М., 1958, стр. 582).

[73] См., например,— Le Tribun du Peuple», № 32, p. 331. «Тальен... проповедовал аграрную систему в начале 93 года, в своем «Друге граждан», который он называл тогда «Другом санкюлотов». Для доказательства нам достаточно будет сослаться на текст газеты, где он... выражал готовность отнять у богачей почти все их имущество для черни». См. также № 35. «Tribun du Peuple» и «Défense générale de G. Babeuf devant la Haute-Cour de Vendôme» (V. A d v i e l l e. Op. cit., v. II, p. 61).

в Генеральный совет Коммуны от 28 мая. Оно посвящено вопросу о запрещении церковной процессии в день «тела господня». Но его начало свидетельствует о том, как напряженно следил Бабеф за ходом событий в столице: «Магистраты народа! Итак, свершилось! Преступная, диктаторская часть депутатов народа, желающая умерщвления свободы, доказала сегодня [74], что за ней большинство... Она совершенно очевидно победила ту часть, которая оставалась верна защите свободы, и у народа не остается другого способа спасения, кроме его права на сопротивление угнетению ⟨ему остается еще раз самому спасти себя⟩» [75]. Письмо содержало, таким образом, прямой призыв к восстанию.

2 июня Бабеф сообщал жене: «Париж снова охвачен революцией, но за меня не бойся. Санкюлоты всегда имеют перевес, и мы надеемся сделать на этот раз еще один большой шаг, чтобы достичь главной цели — святого равенства» [76]. «Новая революция закончилась,— писал он 4 июня.— Аристократы раздавлены; патриоты торжествуют. Дело идет хорошо, сообразно моим взглядам, и развязка придет сразу, так что люди, любящие только самих себя, не успеют даже ничего заметить» [77].

Еще до 31 мая в личной судьбе Бабефа произошла долгожданная перемена. Мы узнаем о ней из письма к жене от 27 мая, написанного уже на бланке продовольственной администрации Парижского муниципалитета (Département des subsistances et approvisionnements. Division des grains et farines) [78]. Перелом произошел вовремя. «Трудно описать,— сообщал он жене,— в каком состоянии я находился... Пора уже было судьбе прийти мне на помощь. Она это сделала. За минуту до твоего письма я получил еще 15 франков от одного мошенника (Юстейса.— *В. Д.*), который должен был мне пятьдесят за выполненную для него работу. Взамен он отделался этой ерундой. Я был этим страшно огорчен, так как предвкушал, какой это будет для меня праздник, когда я пошлю тебе половину этой суммы, на которую я твердо рассчитывал. Но вместо того, чтобы насладиться этим великим удовольствием, я оказался вынужденным принять твою, мой друг, помощь, бесценный для меня дар, поскольку он является плодом труда и мучительного бдения самой достойной из всех женщин. С этой сотней су и пятнадцатью франками я почувствовал себя богачом и устроился так, чтобы прожить на них или, по крайней мере, не умереть, до конца месяца» [79].

---

[74] 28 мая большинство Конвента приняло решение о возобновлении деятельности комиссии 12-ти, созданной по предложению жирондистов для «обеспечения спокойствия».

[75] ЦПА ИМЛ, 82 В II.

[76] ЦПА ИМЛ. 58 В VIII (русск. пер.: ННИ, 1960, № 5, стр. 106).

[77] ЦПА ИМЛ, 59 В VIII.

[78] ЦПА ИМЛ, 134 В VIII (русск. пер.: ННИ, 1960, № 5, стр. 104—105).

[79] Там же.

В устройстве Бабефа на работу принимали участие Шометт и Сильвен Марешаль. Сохранилось письмо Сильвена Марешаля к Шометту в копии, сделанной рукой Бабефа: «Дорогой трибун! Гражданин, которого я с уверенностью рекомендую и о котором должен говорить с вами Гарен (руководитель продовольственной администрации Парижа с 28 февраля 1793 г.— *В. Д.*),— патриот, отец семейства, наделенный талантами и знаниями. Но фортуна, которой присущи все капризы особ ее пола, вспоминает о достойных людях только тогда, когда ей уже решительно нечем больше заниматься. Постарайтесь исправить несправедливость этой аристократки и вспомните при первой возможности о гражданине, который взялся передать вам братский привет от друга Сильвена» [80]. Возможно, что это письмо было вручено Бабефом как раз во время его встречи с Шометтом 10 мая [81]. Уже через несколько дней он приступил к работе в продовольственной администрации. 27 мая он писал жене: «Мои здешние друзья — самые видные люди в Париже: Шометт — прокурор Коммуны, Паш — мэр, Гарен — главный продовольственный администратор, Робеспьер, Сильвен Марешаль — редактор Révolutions de Paris и многие другие. Все эти люди оказывают мне самый лучший прием, несмотря на мой убогий наряд». Бабеф спешит тут же сообщить жене, что у всех этих друзей его всегда «ожидает хороший обед». «После этого в течение нескольких дней мне достаточно одного хлеба. Этот переход от одной крайности к другой не производит на меня никакого впечатления; ты, конечно, легко этому поверишь, так как знаешь, что я привык переходить от хорошего к плохому с полнейшим равнодушием» [82].

В продовольственной администрации Парижа Бабеф проработал около полугода (с мая по октябрь). В течение трех месяцев — с середины мая до середины августа — он был секретарем администрации в тот период, когда ее возглавлял Гарен [83]. Это были сложные и критические месяцы в истории революции. Играл ли Бабеф в это время сколько-нибудь активную и самостоятельную роль или вся его деятельность в продовольственной администрации сводилась к чисто техническим обязанностям? Принимал ли он какое-нибудь участие в секционном движении, в той острейшей борьбе, которая шла между Конвентом, Коммуной и секциями по вопросам продовольственной политики, игравшей тогда такую важную роль?

---

[80] ЦПА ИМЛ, 14 B III («Au citoyen Procureur de la Commune»).

[81] 24 ноября 1793 г. Бабеф писал администратору парижской полиции, Менесье: «Я был у Шометта. Я исповедался ему во всей своей политической истории. Это внушило ему интерес ко мне и побудило устроить меня на работу в продовольственной администрации» (ЦПА ИМЛ, 47 B IV).

[82] ЦПА ИМЛ, 134 B VIII (ННИ, 1960, № 5, стр. 105).

[83] ЦПА ИМЛ, 86 B IV. «Gracchus Babeuf a Raisson, membre de la Commission des subsistances de la République. mardi 2 décade de Brumaire, l'an 2». Гарен был смещен 19 августа, но Бабеф, после некоторого перерыва, продолжал работу в парижской продовольственной администрации до октября, хотя занимал уже менее ответственные должности.

В биографии Бабефа этот период принадлежит к числу наименее разработанных. Историки, занимавшиеся специально этими «смутными», как их называл Матьез, месяцами, вовсе не упоминают о нем. Тот же Матьез, неоднократно ссылавшийся в своем специальном исследовании о продовольственной проблеме и ее роли в истории революции на памфлет «Париж, спасенный продовольственной администрацией», не знал, что его автором был Бабеф. Не упоминают Бабефа ни А. Кальве [84], исследовавший деятельность парижского департаментского Комитета общественного спасения, хотя в делах Комитета находятся документы продовольственной администрации, написанные рукой Бабефа (правда, им не подписанные), ни автор новейшего превосходного исследования о санкюлотском движении II года Альбер Собуль [85].

У биографов Бабефа мы встречаем две совершенно противоположные оценки его деятельности в этот период. Эдуард Флери, несмотря на всю свою реакционность и тенденциозность (а может быть, именно потому: вся его книга, вышедшая еще в 1849 г., пропитана воспоминаниями о недавней революционной буре в столице), первым обратил внимание на деятельность Бабефа летом 1793 г. Пользуясь, правда, одним лишь бабефовским памфлетом «Du système de la dépopulation», Флери писал: «Бабеф не испугался открыто обвинить могущественный Комитет общественного спасения, мэра, министра внутренних дел Гара... Напасть на Комитет, достигший тогда всемогущества, было актом безумия, это значило решиться на собственную гибель». Однако Бабеф на это пошел: «Он выдвинул обвинения против комитетов, против Барера, против министров, против мэра Парижа Паша» [86]. М. Домманже был единственным из последующих биографов, обратившим внимание на это замечание Флери и отметившим, что Бабеф «играл первостепенную роль в секционной агитации по продовольственному вопросу; заслуга Э. Флери в том, что он понял большое значение этой агитации» [87].

Но Э. Флери и М. Домманже являются исключением; все остальные биографы не придают никакого значения этому периоду деятельности Бабефа. Ж. Вальтер, с присущей ему поверхностностью, писал, что «Бабеф, лишившийся всяких средств, готов был взяться за любую работу, лишь бы она заставила замолчать его желудок». Так, он стал в 1793 г. сперва «негром» Фурнье, а затем «пером» на услужении у Гарена. Место секретаря администрации он занял «без

---

[84] H. Calvet. Un instrument de la terreur à Paris. Paris, 1941.

[85] A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Paris, 1958.

[86] Ed. Fleury. Baboeuf et le socialisme en France. Deuxième édition. Paris, 1850, p. 20—22. Более глухо и очень неточно об этом сказано в одной из первых биографий Бабефа: «В Париже он жил незаметно до 31 мая, когда он вновь появился на сцене. Секретарь продовольственной комиссии, он снова был арестован после роспуска этой комиссии, затем освобожден» («Biographie moderne», 1806. A Breslau, chez Korn, v. I, p. 117—119)

[87] «Pages choisies...» Bibliographie sommaire, p. 41.

особого энтузиазма» — «к этой скучной работе он не проявлял никакой склонности» [88].

Совершенно отрицает самостоятельную политическую роль Бабефа в событиях 1793 г. и Д. Герен. Он также ссылается на материальную нужду, вынудившую Бабефа выступить против «бешеных» в защиту Гарена: «Верно, что в это время он лишился независимости. Сильно нуждаясь, он должен был добиваться должности в продовольственной администрации Парижа. Но в то время как «бешеные» ожесточенно нападали на эту администрацию, он упорствовал в ее защите. В тот момент, когда Ж. Ру требовал головы администратора Гарена, Бабеф редактировал брошюры в оправдание своего патрона. Объективные условия 1793 г. не давали еще коммунизму возможность выступить со всей необходимой ясностью, независимостью и мужеством» [89]. Позиция «коммунизма» была, однако, совсем не такова, как это представлялось Д. Герену.

Бабеф приступил к работе в середине мая, когда началось применение первого закона о максимуме, принятого Конвентом 4 мая. Это были труднейшие месяцы для снабжения столицы. Зажиточное крестьянство, роль которого на хлебном рынке очень возросла в первые годы революции благодаря отмене феодальных повинностей и десятины, приобретению церковных и эмигрантских земель и т. д., отнеслось к максимуму с нескрываемой враждебностью. Уже появление ассигнатов привело к сокращению выхода на рынок «фермерского» хлеба. После 4 мая жалобы на «алчность фермеров» становятся повсеместными. Урожай 1793 г. был благоприятным; тем чудовищнее казалась эта угроза голода посреди изобилия, вызванная своеобразной кулацкой «хлебной забастовкой» [90]. Положение усугублялось тем, что администрация в департаментах и дистриктах, сплошь и рядом пропитанная симпатиями к жирондизму, в подавляющем большинстве случаев стояла на позициях экономического либерализма и более чем скептически относилась к установлению максимума на зерно. Ограничиваясь в лучшем случае формальным содействием центральной власти, эта администрация, по существу, саботировала осуществление закона 4 мая, стремилась проводить политику «экономической автаркии» и всячески препятствовала вывозу хлеба за пределы своего дистрикта или департамента. Вокруг Парижа создавалось подлинное кольцо блокады. Еще

---

[88] G. Walter. Babeuf et la conspiration des Egaux. Paris, 1937, p. 81—90. Это голословное утверждение достаточно сопоставить со словами самого Бабефа в письме к жене от 4 июня: «Я как нельзя больше доволен своим местом. Оно как бы специально для меня создано. Я вполне самостоятелен (j'y suis mon maître)...: Люди, с которыми я нахожусь здесь, мной довольны, и я доволен ими. Нет ничего более приятного. Только бы это длилось, я не хочу ничего другого» (ЦПА ИМЛ, 58 В VIII).

[89] D. Guérin. Op. cit., p. 84.

[90] См. Н. Лукин. Борьба классов во французской деревне и продовольственная политика Конвента («Избранные труды» т. I, М., 1960).

до мая, а особенно после 4 мая, подвоз зерна и муки в столицу стал резко сокращаться.

Бабеф слишком хорошо был знаком с экономикой таких хлебных «амбаров» Парижа, как Пикардия или Бри, чтобы не заметить это явление и не забить тревогу. С 18 мая по 15 июля он составил 48 протестов, писем, обращений от имени продовольственной администрации Парижа к муниципалитетам, дистриктам, департаментам, Генеральному совету Коммуны, министру внутренних дел Гара, Комитету общественного спасения, в которых отмечались факты саботажа и даже формального запрета вывоза зерна в Париж [91]. В июне наступил момент, когда столица в течение нескольких дней должна была жить только за счет своих запасов, так как подвоз зерна вовсе приостановился [92]. Бабеф особенно настойчиво обращал внимание на те дистрикты и департаменты, где, как ему лично было известно, имелись достаточно обширные хлебные запасы. 31 мая он сообщил о запрещении вывоза хлеба директорией дистрикта Суассон (деп. Уазы), «очень богатого хлебом» (pays très producteur en grains), под предлогом мнимого «недостатка зерна, чему нельзя поверить, так как известно об изобилии в этой местности» [93]. 22 июня он констатирует, что комиссары из Амьена, совершенно не считаясь с максимумом, скупают хлеб в Пон-Сен-Максансе (мы помним его наблюдения над этим хлебным рынком еще в конце 1789 г.), в дистрикте Санлис (деп. Уазы), несмотря на то, что деп. Соммы «имеет гораздо больше зерна, чем ему необходимо для потребления» [94]. 27 июня он пишет, что в Гаме (дистрикт Перонна, деп. Соммы) задерживают зерно, предназначенное для Парижа, ссылаясь на хлебный голод в этом кантоне; между тем в нем «останутся излишки хлеба даже после того, как будут выполнены поставки на армию» [95].

Нарушения максимума, запрещение вывоза хлеба Бабеф отмечал и в таких плодороднейших кантонах, как Лонжюмо, Понтуаз, Рамбуйе, Мо, Этамп, Шартр и т. д., в деп. Сены и Уазы, Сены и Марны, Эры и Луары, Луаре, в этих подлинных житницах Франции [96]. Только центральный правительственный аппарат может

---

[91] Все они приведены в его брошюре. «Paris sauvé par l'administration des subsistances. Dénonciation faite aux Comités de Salut public et d'agriculture de la Convention d'un complot de famine contre Paris». Signé: Les administrateurs des Subsistanes de la Commune de Paris, Garin et Defavanne.

[92] «Paris sauvé...», p. 30 («... К 28 июня ни владельцы пекарен, ни продовольственная администрация не могли получить ни одного мешка зерна или муки. Все ресурсы Парижа сводились к тому, что он имел на муниципальных и частных складах»).

[93] Ibid., p. 13.

[94] Ibid., p. 18.

[95] Ibidem.

[96] «Как утверждают, учет (le recensement) покажет, что в деп. Эры и Луары имеется гораздо больше хлеба, чем могут потребить жители до сбора урожая, однако постоянно жалуются на то, что максимум не соблюдается» («Paris sauvé...», p. 20).

сломить это сопротивление, но — и на этом пункте заострена вся аргументация Бабефа — он этого не делает.

Бабеф затронул очень больной для якобинского Конвента вопрос. Исторические исследования, в частности А. Матьеза, показали, что, даже приняв закон 4 мая, якобинские руководители все еще продолжали колебаться. Вопрос о том, целесообразно ли проводить максимум, по-прежнему оставался для них неясным. Все эти месяцы, от мая до сентября, заполнены колебаниями и зигзагами в продовольственной политике Конвента. Только народное движение 4—5 сентября вынудило якобинских руководителей Конвента отказаться от всяких колебаний и встать на путь твердого и решительного проведения политики «всеобщего максимума». Якобинцы остались «якобинцами с народом», и в этом, как многократно подчеркивал В. И. Ленин, состояла их величайшая, всемирно-историческая заслуга. Но этому окончательному повороту в их социальной и, в частности, продовольственной политике предшествовал трехмесячный период шатаний, когда не только «всеобщий максимум», но даже и закон 4 мая был под постоянной угрозой отмены.

К числу явных противников системы максимума в Конвенте принадлежал и тогдашний министр внутренних дел Доминик-Жозеф Гара. Человек, занявший позднее почетное место на столбцах «Словаря флюгеров» («Dictionnaire des girouettes»), поочередно поддерживавший якобинцев, Робеспьера, термидорианцев, Директорию, Наполеона и с необыкновенной легкостью от них отрекавшийся, Гара после каждой новой метаморфозы менял свои взгляды. Но его отрицательное отношение к максимуму, этому, как он его называл «безумию» (un délire), было неизменным. Конечно, он весьма преувеличивал, когда писал в 1795 г.: «Тогда как все остальные присоединились к партии максимума, я один (! — *В. Д.*) ему сопротивлялся и предсказывал,— что было, впрочем, нетрудно,— все бедствия, которые он принесет» [97]. Верно, что еще 27 июня 1793 г. Гара заявил, что «самым могущественным, самым верным способом обеспечения продовольствия является... неограниченная свобода обращения и торговли хлебом» [98]. Но такой типичный приспособленец, как Гара, никогда не решился бы на подобное заявление, если бы он не чувствовал за собой сильной поддержки. Даже после удаления жирондистов максимум имел очень влиятельных противников, особенно в первом составе Комитета общественного спасения [99].

---

[97] D.-J.-G a r a t. Mémoires sur la Révolution ou l'exposé de ma conduite dans les affaires et dans les fonctions publiques. A. Paris. L'an III, p. 170.

[98] См. А. M a t h i e z. La vie chère..., p. 231.

[99] К вопросу о классовой борьбе в июне-июле 1793 г., кроме указанных работ Матьеза и Собуля, см.: Ц. Ф р и д л я н д. Классовая борьба в июне-июле 1793 г. («Историк-марксист», 1926, № 6); Н. Ф р е й б е р г. Декрет 19 вандемьера и борьба «бешеных» за конституцию 1793 г. («Историк-марксист», 1927, № 6); Я. М. З а х е р. Движение «бешеных», М., 1961, гл. 3.

Между тем как раз министерство Гара в первую очередь должно было содействовать проведению в жизнь максимума. Бабеф, пославший за два месяца не менее шести обращений к Гара от имени продовольственной администрации, не мог не убедиться в их полной бесцельности. 15 июля он шлет ему, поэтому, за подписью Гарена, грозное предупреждение: «Нужно, чтобы Париж узнал, кого он должен винить за то, что находится на пороге голода. Пришло время действовать в открытую и показать, что не мы (продовольственные администраторы.— *В. Д.*) в этом виноваты. Положение таково, что нужно быть беспощадным...» [100]

Получив это письмо, Гара обратился к мэру Парижа, Пашу. Между ним, Пашем и Гареном состоялось совещание. Как утверждает Гара, Гарен имел при этом «вид кающегося грешника и извинялся, ссылаясь на то, что не имеет времени, чтобы читать все письма, которые он подписывает. Меня уговорили предать все забвению. Чтобы доказать, что я забыл обиду, я вернул письмо... Два дня спустя Гарен развешивает на всех стенах Парижа афишу величиной больше чем в метр, где повторяет... почти в тех же выражениях письмо, которое я ему вернул» [101]. «Афиша», о которой с таким возмущением говорит Гара, и представляла собой уже упоминавшийся нами памфлет Бабефа «Париж, спасенный продовольственной администрацией».

Гара был вовсе не так миролюбив, как он стремился это представить в 1795 г. 26 июля он выступил в Конвенте с самой резкой речью против Гарена [102]. В дело вмешался Комитет общественного спасения. 29 июля на заседании Генерального совета Коммуны было прочитано письмо Гарена, в котором он сообщал, что арестован по распоряжению Комитета общественного спасения. Совет постановил отправить троих комиссаров в Комитет, чтобы добиться освобождения Гарена [103]. 30-го утром, как мы узнаем из протокола парижского департаментского Комитета общественного спасения, он находился еще под стражей. Гарен был освобожден только к вечеру и лишь 31-го выступил на заседании Генерального совета [104]. Но борьба с Гара продолжалась: 10 августа был выпущен новый памфлет, автором которого был тот же Бабеф (часть этого памфлета сохранилась в рукописи в архиве ИМЛ) — «Продолжение Парижа, спасенного продовольственной администрацией. Второе донесение Комитетам общественного спасения и сельского хозяйства» [105].

---

[100] «Paris sauvé...», p. 26.

[101] D.-J. Garat. Op. cit., p. 169; «Moniteur» t. XVII, p. 244.

[102] «Moniteur», t. XVII, p. 244.

[103] Ibid., p. 274.

[104] A. Tuetey. Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution française, v. IX, N 1115, p. 322; «Moniteur», t XVII, p. 299.

[105] «Suite de Paris sauvé par l'Administration des subsistances. Seconde dénonciation aux Comités de Salut Public et de l'agriculture» (AP, t. 69, p. 566—574; BN Lb[41] 772).

20 августа Гара вышел в отставку — несомненное последствие памфлетов Бабефа; правда, накануне, 19 августа был смещен и Гарен.

В то описание столкновения между Гареном и Гара, которое дал Матьез, приходится внести, таким образом, существенную поправку: это столкновение было не в меньшей мере поединком между Гара и Бабефом. Вероятно, Гара был неточен в изложении своего разговора с Гареном; во «Втором донесении», вышедшем от имени Гарена и Дюфаванна, в рассказ Гара внесено очень много поправок. Но и из него следует, что Гарен не считал себя автором письма 15 июля,— он только принял на себя полную ответственность за его содержание. Автором и этого письма, и афиши, приведшей в такой гнев Гара, был Бабеф. Комитет общественного спасения с полным основанием мог бы поэтому издать приказ об аресте не только Гарена, но и Бабефа.

Еще 27 мая Бабеф писал жене: «Я приобретаю здесь уже бóльшую известность, чем мне хотелось бы. Меня ищут постоянно, когда речь идет о важных мерах. Я нахожусь в той части администрации, где мое влияние дает мне большую возможность будоражить (remuer) всю республику, чем я мог это делать в департаменте Соммы и дистрикте Мондидье, когда был администратором»...[106] Конфликт с Гара, в котором приняли участие и Конвент, и Генеральный совет Коммуны, полностью это подтверждает.

В основе конфликта лежали вовсе не личные мотивы, а борьба за максимум. В Гарене Бабеф видел последовательного защитника закона 4 мая,— поэтому, а не по соображениям личной «зависимости», он так яростно выступал в его защиту. Именно так он сам объяснял свою позицию в письмах к Гарену в октябре 1793 г., когда между ними произошло столкновение, которого мы еще коснемся. «Почти шесть месяцев я был привязан со всей силой к вам и вашему делу; я пожертвовал бы для него своими интересами, своим покоем, своей безопасностью, всем, что у меня есть дорогого, даже своей жизнью, если бы это потребовалось...» Эту привязанность Бабеф объяснял не только признанием революционных заслуг Гарена, но в первую очередь его стойкостью в проведении твердой продовольственной политики. «Когда вы рассказывали о вашей борьбе против деспотизма до революции, об энергии, проявленной вами в июле 89, о том, что вы были одним из самых активных деятелей, которые накануне 10 августа 1792 г. подготовляли эту народную грозу, разбившую трон, и рисковали собственной жизнью во время страшного, славного, бессмертного дня 10 августа; когда я видел, что вы действительно проявили твердость по отношению к коварному министру, *преследовали его вместе со мной* (курсив наш.— *В. Д.*) и вынудили его, несмотря на его многочисленных и влиятельных защитников, покинуть свой пост еще до того, как он успел осуществить все замышлявшееся им зло против отечества; когда я

---

[106] ЦПА ИМЛ, 134 B VIII (русск. пер.: ННИ, 1960, № 5, стр. 105).

наблюдал все это, я убеждался в том, что в важнейший, славный момент, когда шло дело о спасении республики... вы сумели проявить энергию и вести себя со всей твердостью, которой требовали обстоятельства» [107]. В этих строках ключ к объяснению поведения Бабефа. Его позиция была глубоко принципиальной, вопреки предположению Д. Герена.

Действия парижской продовольственной администрации подвергались резким нападкам, Гарена упрекали даже в личной нечестности. В этом нет ничего удивительного: задача снабжения столицы летом 1793 г. была настолько трудной и сложной, что действия любого человека, возглавлявшего продовольственную администрацию, не могли не подвергнуться самой острой критике [108]. Защищая Гарена от обвинений в материальной заинтересованности, Генеральный совет Коммуны и Бабеф имели на это полное основание. Отметим попутно, что присоединение «бешеных» и, в частности, Жака Ру к противникам Гарена и поддержка ими целого ряда необоснованных обвинений против продовольственной администрации сыграли, вероятно, свою роль при определении отношения Бабефа к «бешеным».

Но защищая со всей присущей ему страстностью Гарена от казавшихся ему незаслуженными обвинений, от нападок Гара, от преследований Комитета общественного спасения, Бабеф, не задумываясь, готов был пойти на полный личный разрыв, когда между ними возникли принципиальные расхождения. Это связано было с секционным движением в Париже в августе 1793 г.

IV

Продовольственное положение в столице нисколько не улучшилось к августу 1793 г. Санкюлотское население страдало не столько от дороговизны хлеба (цена в 3 су за фунт хлеба поддерживалась при помощи дотации парижских властей владельцам пекарен), сколько от его недостатка. Уже 20 июля, в связи с появлением очередей в булочных, около них пришлось установить посты Национальной гвардии. Эта недостача хлеба и явная угроза голода вызваны были не только сезонными причинами — истощением запасов старого урожая, трудностями при обмолоте и помоле зерна нового

---

[107] ЦПА ИМЛ, 77 В IV. «A Garin, 5-me jour, 3-me décade, 1-er mois» (16 октября 1793 г.)

[108] С. Сытин в своей работе «Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклерком... в июле-августе 1793 г.» («Ученые записки Ульяновского Государственного педагогического института», 1956, вып. VII) совершенно неосновательно утверждает, что «снабжение Парижа хлебом стало «золотым дном» для многочисленных спекулянтов... при попустительстве, а вероятно, и прямом участии со стороны руководителей продовольственной администрации Коммуны» (стр. 293). Автор пишет о продовольственной администрации Парижа, «оказавшейся в руках спекулянтов» (стр. 323), но ведь секретарем этой администрации был не кто иной, как Гракх Бабеф.

урожая,— но, прежде всего и больше всего, продолжавшимся сокращением подвоза зерна и муки в столицу. В конце октября 1793 г. парижский мэр Паш писал депутату Конвента А. Дюмону, находившемуся в миссии в деп. Уазы: «Постарайтесь замолвить словечко в пользу снабжения Парижа. У нас нет ни одного мешка в запасе (и это совершенно точно!). Спокойствие этого огромного города и, может быть, всей республики зависит от ежедневных поступлений, которые могут сократиться и стать недостаточными в результате тысячи случайностей» [109]. Если даже в конце октября, когда продовольственная политика осуществлялась со всей решительностью и поступало уже зерно нового урожая, 800-тысячный город жил в зависимости от ежедневного подвоза, легко представить, каково было положение в августе, когда приходилось перебиваться за счет старых запасов, а сопротивление политике максимума в деревнях и департаментах было совсем еще не сломлено.

Известное представление о положении дает письмо от 13 августа продовольственных администраторов Парижа комиссарам Шампо и Декомбру, посланным в деп. Эры и Луары, Луаре, Сены и Марны, в котором они подчеркивали критическое положение Парижа: «Было бы напрасным скрывать это; мы вынуждены жить изо дня в день за счет того, что добывают те, кому поручены закупки; каждое утро приходится задумываться над тем, дадут ли все эти операции чем прокормить Париж завтра, и нет никаких средств предупредить катастрофу, которая явится неизбежным следствием такого хода событий». Комиссарам предлагалось ежедневно присылать отчеты, памятуя, что «спасение Парижа, а вместе с ним и всей Республики, находится в их руках» [110]. К тому же политика установления твердых цен только на одно зерно была явно недостаточна, тем более, что осуществлялась она крайне нерешительно. Раз встав на этот путь, нужно было устанавливать максимум, по меньшей мере, на все остальные товары первой необходимости. Но на такое широкое регулирование всей экономической жизни страны страшились встать не только руководители Конвента, но даже Генеральный совет Парижской коммуны.

Продовольственная политика Конвента в августе по-прежнему характеризовалась неустойчивостью. 26 июля был принят закон против скупки и спекуляции, то, чего в июне требовал Ж. Ру. Но в это же самое время в определенных кругах постоянно вынашивалась мысль об отказе от закона 4 мая. Это видно, например, из выступления того же Гара 30 июля: «Алчность собственников зерна, колебания администрации превратили этот закон в закон голода (une loi de famine) для всех департаментов, вынужденных получать

---

[109] ЦПА ИМЛ, ф. 230 47 1/К-Р («Pache, Maire de Paris à André Dumont, Représentant du Peuple français dans le département de l'Oise et autres. Le 9-me jour du 2-me mois de la 2 année de la République française»).

[110] A. Tuetey. Répertoire général... v. IX, № 2558, p. 598.

продовольствие из других округов»[111]. 9 августа Конвент принял предложенный Леонаром Бурдоном (из Уазы) план создания «складов изобилия» (greniers d'abondance) в каждом департаменте. В них надлежало концентрировать хлебные резервы для снабжения недостаточных округов. Эти «склады изобилия» должны были скупать излишки зерна и заменить собой все остальные регуляторы хлебного рынка. Предполагалось, что они дадут возможность отказаться от максимума на зерно. 11 августа представитель Тулузского муниципалитета писал из Парижа: «Я посетил сегодня комитеты сельского хозяйства и торговли, чтобы напомнить о ваших ходатайствах по поводу продовольствия. Максимум был бы уже отменен, если бы не вчерашний праздник (годовщина 10 августа и торжество утверждения новой конституции представителями всех департаментов, прибывшими в столицу.— *В. Д.*), но это вскоре произойдет»[112]. Еще 25 августа в своей речи в Конвенте Барер утверждал, что «лучшим законом о продовольствии является его свободное обращение; это единственный способ обеспечить достаточное количество зерна, и только на рынках можно производить наилучшие закупки»[113].

Несомненные колебания можно обнаружить в этот период и в политике Генерального совета Парижской коммуны. Замечание Жореса, что руководители Коммуны «без энтузиазма» присоединились к движению за установление максимума, находит свое подтверждение именно в это время. Разумеется, они были далеки от поддержки требования об отмене закона 4 мая, но они не только не выдвигали предложения о введении «всеобщего максимума», а шли даже на известные уступки при проведении закона о первом максимуме. Такова была во всяком случае, позиция мэра Парижа Паша. 1 и 5 июля Конвент принял два исходивших от него предложения, окрещенных Бабефом «паллиативами Паша». Парижскому муниципалитету разрешалось производить закупки хлеба не только на рынках, но и на дому, что было категорически запрещено законом 4 мая. Всем властям республики предписывалось не чинить никаких препятствий провозу этого хлеба в столицу. Последующая практика показала, что представители муниципалитета при этих закупках отступали также от установленных твердых цен, допуская известные накидки.

Во всем этом сказывалась личная политика Паша — прекрасного администратора и организатора, но, прежде всего, практика и притом всем своим прошлым связанного с буржуазными кругами. Безупречно честный человек, как это показало его поведение в годы термидорианской реакции, Паш, о котором, как и о тогдашнем

---

[111] A. Mathiez. La vie chère..., p. 256.

[112] Ibid., p. 257; J. Adher. Le comité des subsistances de Toulouse (Collection de documents inédits sur l'histoire économique de la Révolution française). Toulouse, 1912, p. 5—6.

[113] «Moniteur», t. XVII, p. 493.

военном министре полковнике Бушотте, очень положительно отзывался Маркс [114], только постепенно, под напором масс и в силу логики классовой борьбы все более склонялся влево и становился на путь решительных революционных мероприятий. Но в августе 1793 г. Паш, сотрудник Роллана до революции, когда тот был еще инспектором мануфактур, его помощник в 1792 г. в министерстве внутренних дел, все еще надеялся на то, что ему удастся соорудить «золотой мост», «проскочить» сквозь трудности, не прибегая к дальнейшему заострению социальной политики. Вот почему в августе 1793 г. и вплоть до «сентябрьского натиска», когда он, не без колебаний, все же примкнул к движению секций, именно Паш оказывался часто мишенью для нападок со стороны более решительных представителей «санкюлотов II года».

Продовольственная политика Конвента нуждалась в толчке слева, но Генеральный совет Коммуны не мог его дать. «Мы были бы предателями,— писал Бабеф, обращаясь к парижанам в своем памфлете 18 июля,— если бы, видя, что вы находитесь на краю пропасти, не предупредили бы вас об этом. Да, мы заявляем вам, что беспомощны вас спасти, потому что перед лицом нарушений, делающих тщетными наши старания, мы лишены всякой силы, способной подавить сопротивление, и нам не содействуют те, кому поручено выполнение законов. Не время ли заявить: «Народ, спасай себя сам» [115].

Ухудшение продовольственного положения столицы уже в июне привело к попыткам создания, помимо и в обход Генерального совета, объединения парижских секций. Тогда эта попытка оказалась эфемерной. Иначе сложилось положение в конце июля — в августе 1793 г. 28 июля,— как раз в тот день, когда был арестован Гарен,— секция Борепер обратилась ко всем 48 секциям с предложением выделить по два комиссара от каждой секции и направить их в здание епископства. Повторилось явление, правильно подмеченное советской исследовательницей Н. П. Фрейберг: во все острые моменты революции в Париже спорадически возникал третий политический центр (помимо Конвента и якобинского клуба, Коммуны и клуба Кордельеров) — «центральный комитет — клуб в епископстве», составлявшийся из представителей парижских секций и непосредственно на них опиравшийся [116].

31 июля в здании епископства собрались представители 39 секций из 48. Они постановили потребовать у Конвента и Коммуны точных сведений о положении с продовольствием и представления отчета продовольственной администрации, а также осмотра и проверки состояния всех продовольственных складов столицы комиссией, избранной комиссарами секций. Ее возглавил представитель

---

[114] См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, № 3920.

[115] «Paris sauvé...», p. 10.

[116] Н. П. Фрейберг. Декрет 19 вандемьера и борьба «бешеных» («Историк-марксист», 1927, № 6, стр. 146).

секции Борепер архитектор Кошуа. В первых числах августа делегация посетила Генеральный совет Коммуны, комитеты Конвента, в том числе Комитет общественного спасения, департаментские власти Парижа.

С величайшим трудом представителям Конвента и Коммуны удалось добиться от делегации согласия на отсрочку выполнения ее требований до середины августа, до завершения празднеств, связанных с утверждением новой конституции.

Парижские власти с явным недоброжелательством отнеслись к новому центру. Они не решались вступить с ним сразу в открытый конфликт, опасаясь вызвать выступление секций в дни празднеств. Но когда 18 августа комиссия, заседавшая в епископстве, указала, что все установленные сроки для представления отчета давно прошли, между ней и Генеральным советом произошло давно назревавшее столкновение. 19 августа Паш выступил в Коммуне и обратился с прокламацией к 48 секциям. «Собрание комиссаров» ответило 21 августа резкой афишей, против Паша и Генерального совета, к сожалению, не сохранившейся [117]. В некоторых секциях, в том числе в одной из секций Сент-Антуанского предместья, Попенкур, было принято постановление о немедленном смещении всех муниципальных властей. На помощь Пашу и Коммуне поспешил Конвент. 25 августа, на том же заседании, где Барер выступил, по существу, с призывом к отмене максимума, по предложению Тальена, было принято решение о роспуске собрания комиссаров. Его председатель, Кошуа, был через некоторое время арестован и позднее гильотинирован. В течение десяти дней казалось, что всякая агитация в секциях по продовольственному вопросу прекратилась. Она возобновилась, однако, 4—5 сентября, в дни «народного натиска». На этот раз она привела к повороту во всей политике Конвента, в частности, к введению «всеобщего максимума».

Это секционное движение в августе 1793 г. до сих пор возбуждает споры в исторической литературе. А. Матьез, который первым обратил на него внимание, считал его «маневром умеренных» в их борьбе против революционной политики якобинского Конвента [118]. По его мнению, секция Борепер (называвшаяся раньше Termes de Julien), бывшая инициатором этого движения, принадлежала к числу умеренных, а Кошуа, председатель комиссии, был скрытым «роландистом». Руководители движения стремились только использовать недовольство масс, а их подлинная цель состояла в том, чтобы добиться «уничтожения всякой регламентации, возврата к полной свободе торговли, т. е. возврата к политике Ролана»; «секционная аги-

---

[117] См. Tuetey. Op. cit., v. VIII, № 330. Тюте воспроизвел только отрывок из письма Карра от 26 августа: «Читал ли ты афишу продовольственных комиссаров 48 секций к своим доверителям и выдержки из их протокола 21-го этого месяца против Паша?».

[118] A. Mathiez. La vie chère..., chap. VIII «L'agitation sectionnaire à Paris en août 1793. L'Affaire Cauchois», p. 259—292.

тация вдохновлялась и руководилась бывшим другом Ролана»[119]. Новейший историк парижских санкюлотов, А. Собуль внес ряд очень существенных поправок в изложение Матьеза, но в общем присоединился к его точке зрения[120]. Она встретила, однако, возражения со стороны А. Кальве, по совету Матьеза занимавшегося историей департаментского Комитета общественного спасения, деятельность которого в августе тесно переплеталась с «продовольственной комиссией» епископства[121].

Освещение истории августовского движения представляет действительно немало трудностей. А. Матьез правильно отмечал, что она «очень сложна и запутана. Персонажи, в ней участвовавшие, безвестны. Их действия, а в еще большей степени их намерения неясны. Это постоянный прилив и отлив петиций, манифестаций, волнений и интриг... Во всем этом хаосе нужно, однако, разобраться»[122]. Но для этого оказывается необходимым изучить и роль Бабефа в этом движении, хотя его имя и не упоминается исследователями истории августовской агитации.

В начале термидорианской реакции, когда Бабеф переживал еще свой антиробеспьеристский период, он рассказал в брошюре «Du système de dépopulation» о своем участии в августовском движении: «В 1793 г. существовал серьезный план вызвать голод в Париже... Он осуществлялся Комитетом общественного спасения, особенно Барером, министром внутренних дел Гара и мэром Пашем. Этот заговор расстроили Гарен, продовольственный администратор Коммуны, и я, бывший секретарь этой администрации. Я все видел, за всем следил и мог установить, кто был прав. Изменники употребили всю свою власть, все свое влияние.. для того, чтобы погубить Гарена в общественном мнении... В начале августа он вынужден был торжественно разоблачить все перед народом. У него хватило на это мужества... 48 секций Парижа назначили комиссию, чтобы выяснить, кто является виновником голода, угрожавшего городу. Гарен представил этой комиссии разоблачения, поразившие всех. Я, которому он настолько доверял, что привлек к руководству администрацией (il avait assez de confiance pour m'associer à son administration), сделал самый подробный доклад комиссии; в нем я не побоялся решительно разоблачить и Паша, и Гара, и Барера, и весь Комитет общественного спасения... Комиссия приняла постановление,

[119] Ibid., p. 268, 270.

[120] A. Soboul. Op. cit., p. 116—139.

[121] H. Calvet. Op. cit., p. 212. «Нам кажется, что трудно согласиться с Матьезом... Мы имеем дело с гораздо более стихийным, более глубоким движением, в котором скрестились различные неясные течения, возникшие на почве действительно критического положения». Точку зрения Матьеза критикует в своей статье и С. Сытин (Ук. соч.), совершенно правильно подчеркнувший связь между августовским секционным движением и сентябрьским кризисом. Но С. Сытин преувеличивает роль Ж. Ру и Леклерка в этом августовском движении, которым они отнюдь не руководили.

[122] A. Mathiez. La vie chère..., p. 201.

которым она ставила Гарена, его коллегу Фаванна и меня, секретаря, под защиту 48 парижских секций и решила *опубликовать мой доклад*» (курсив наш.— *В. Д.*). Но «всемогущий комитет», как пишет Бабеф, поспешил принять декрет о роспуске этой комиссии, Гарен и Фаванн были отстранены, а председатель комиссии «обвинен в федерализме и гильотинирован»[123]. Как видим, Кошуа и его судьба были отлично известны Бабефу, и он вовсе не считал его «роландистом».

Кроме Флери и М. Домманже, никто до сих пор не обращал внимания на это сообщение Бабефа. Очевидно, его считали мало правдоподобным. Конечно, версия о «заговоре», устроенном Комитетом общественного спасения, могла родиться только в напряженной обстановке термидорианской реакции — историк не может принимать ее всерьез. Но Бабеф сообщил интереснейшие данные об августовском движении и своем участии в нем. Он писал по свежим следам, в его памяти уцелели еще точные даты. Если отбросить версию о «заговоре», верны ли все остальные приведенные им факты? Сохранившиеся в архиве Бабефа документы подтверждают почти каждое его слово.

Как мы знаем, комиссия епископства добивалась представления отчета продовольственной администрации Парижа. Гарен, освобожденный вечером 30 июля, продолжал возглавлять ее до 19 августа, когда он был смещен. Можно было бы предположить, что именно Гарен, который должен был представить этот отчет и чьи действия, как руководителя продовольственной администрации, подвергались ожесточенным нападкам справа и слева, больше других сопротивлялся этому требованию. Но оказывается, сообщение Бабефа верно: представлению отчета противились Паш, Шометт, Реаль и другие руководители Генерального совета, и не Гарен. Отчет действительно был представлен, и его автором был Бабеф; часть его сохранилась в рукописи. В этом уцелевшем манускрипте есть такая фраза: «Да будет благословенно то внушение, которое привело вас сюда. Вы хотите получить финансовый и материальный (compte en matières) отчет продовольственной комиссии; без сомнения, для вас еще важнее моральный и политический отчет. Вы получите все три отчета; я достаточно хорошо знаю намерения администраторов Гарена и Фаванна, чтобы гарантировать вам, что они представят их со всей прямотой»[124].

---

[123] «Du système de dépopulation, ou la vie et les crimes de Carrier.... Par Gracchus Babeuf. A Paris, An 3-e de la République», p. 31—36, note; см. также «Pages choisies...», p. 182—183.

[124] ЦПА ИМЛ, 84 В II. В другой рукописи Бабефа, озаглавленной «Garin, Officier municipal et l'ex-administrateur des subsistances à tous les citoyens de Paris en Assemblées générales de leurs sections», датированной сентябрем 1793 г., также поддерживается предложение о представлении отчета: «А я, граждане, именно во имя спасения родины, хочу представить этот отчет и прошу вас настаивать на этом требовании; именно такова цель моего письма, и наибольшее беспокойство вызывает у меня опасение, что вы не станете его добиваться.

Сообщение Бабефа о том, что он выступал в августе на собрании комиссаров и что его доклад решено было напечатать, подтверждается письмом к Гарену от 16 октября 1793 г., когда между ними возникли уже разногласия как раз в связи с подготовкой к печати текста этого доклада. Возражая против упреков в тщеславии (в отчете многое говорилось от его собственного имени), Бабеф писал: «Разве можно вносить изменения в доклад, о печатании которого было принято решение; разве в декларации, в которой законное собрание, представлявшее все население Парижа, обязало меня сообщить все, что мне известно о причинах переживаемого голода, я мог выступать иначе, как от своего имени или от имени самого собрания» [125]. Еще в начале ноября Бабеф надеялся, что этот отчет увидит свет. «Ты увидишь,— писал он одному из руководителей республиканской продовольственной комиссии, Рессону,— из составленного мной исторического и политического отчета администрации Гарена, который сейчас печатается, на что я способен и как меня полезнее всего использовать» [126].

Все эти документы дают полное право утверждать, что Бабеф принимал ближайшее участие в августовском движении, что он действительно выступал на собрании комиссаров секций в епископстве [127]. Но раз это так, то предположения Матьеза о чисто «роландистском» характере этого движения становятся более чем сомнительными. Несомненно, что в этом движении, о котором сохранилось так мало материалов, была и такая струя и, возможно довольно сильная, но не она была господствующей.

Один из сохранившихся в архиве документов заставляет усомниться также в справедливости предположения А. Матьеза о том, что секция Борепер принадлежала к числу умеренных. В конце 1793 г., находясь в тюрьме, Бабеф составлял заметки для своей защиты. На том же листе, где он начал писать свою автобиографию, он сделал следующую запись: «Просить комиссаров секции Борепер выдать для администрации полиции удостоверение, что эта

Я хочу показать, что ваша обязанность требовать этот отчет, что вы имеете на это право, что, отказываясь от этого, вы губите родину, что неправы те, кто коварно доказывал, будто бы закон препятствует тому, что вам его представили» (ЦПА ИМЛ, 87 В II).

[125] ЦПА ИМЛ, 77 В IV («...comme si un rapport, dont l'impression est ordonnée, pouvait souffrir des changements; comme si dans une déclaration, qu'une assemblée légale, représentant tout le peuple de Paris m'avait sommé de donner sur tout ce que je connaissais des causes qui avaient pu faire résulter la pénurie qu'on avait éprouvée, j'avais pu faire parler un autre que moi ou l'Assemblée elle-même»).

[126] ЦПА ИМЛ, 86 В IV («...le compte rendu historique et politique de l'administration de Garin que je viens de rédiger et qui s'imprime»).

[127] Как сообщает Адвиелль, в его руках был документ, подписанный 26 августа 1793 г. Кошуа, в качестве председателя собрания представителей секций по делам продовольствия, о том, что это собрание не в состоянии было закончить печатание «доклада, который был ему сделан гражданином Бабефом, но что этому гражданину разрешено было продолжать печатание в типографии гражданина Робеспьера (? — *В. Д.*)» (V. Advielle Op. cit., v. I, p. 504).

секция не имеет никаких упреков к Бабефу и не возражает поэтому против его освобождения, если администрация полиции сочтет это возможным»[128]. Бабеф, насколько известно, проживал не в секции Борепер, а в секции Елисейских полей. Переменил ли он свое местожительство? Как бы то ни было, от комиссаров этой секции он хотел получить свидетельство о своем «патриотизме». Это значит, что в секции Борепер, той самой, откуда исходила инициатива августовского движения, Бабефа хорошо знали. Не в связи ли с его активным участием в этом движении? Не был ли Бабеф одним из его инициаторов? Во всяком случае, едва ли Бабеф обратился бы в секцию, известную своей умеренностью, и стал бы просить у нее «свидетельство о патриотизме» для парижской революционной полиции, слишком хорошо известной своим «суровым патриотизмом».

Представления Д. Герена и Ж. Вальтера о взаимоотношениях Бабефа и Гарена требуют, таким образом, основательного пересмотра. Линия поведения Гарена к тому же далеко не всегда встречала одобрение и поддержку Бабефа; более того, между ними едва не произошел разрыв.

В том же письме Гарену, где Бабеф подчеркивал, что в течение почти шести месяцев он готов был, «пренебрегая любыми лишениями и опасностями», следовать за ним повсюду, поскольку видел в Гарене «единственную силу, способную спасти Республику», он сообщал, что вот уже шесть дней, как «эта привязанность совершенно исчезла»; «прямота, которая никогда меня не покидает, не позволяет мне умолчать об этом»[129].

Существо своих разногласий Бабеф изложил в том же письме. Гарен, по его мнению, вел себя стойко и храбро, пока шла борьба с Гара. «Изменник-министр почувствовал себя сраженным; он покидает поле битвы, он бежит; одержана первая победа. Она вызывает против вас почетные преследования; вы их встречаете мужественно и со всей энергией; до сих пор все идет хорошо. Вы должны представить политический отчет о вашей администрации. Вы должны выявить все многочисленные нити этого заговора». Но здесь Гарен оказался не на высоте: «Гарен, у которого в руках все доказательства самого адского сговора, Гарен, единственный, кто в состоянии расстроить ужаснейший из всех заговоров, колеблется в тот момент, когда он может показать себя самым великим из всех

---

[123] ЦПА ИМЛ, 104 В II («Prier les commissaires de la section Beaurepaire de donner pour l'administration de la Police un certificat que cette section n'a aucun reproche à faire à Babeuf, pourquoi elle n'empêche que l'administration de Police ne lui rende sa liberté si elle juge convenable»).

[129] ЦПА ИМЛ, 77 В IV («Je vous aurais suivi partout, non pas seulement pour vous, mais parce que je voyais auprès de vous la seule cause capable de sauver la République»). Ссылаясь на «моральные и политические связи, которые, как казалось, навсегда нас объединили», Бабеф стремился доказать Гарену, что и его прежняя «привязанность» и нынешнее «безразличие» одинаково «обоснованы и последовательны».

людей, самым драгоценным из всех сограждан. Он осмеливался открыто нападать на королей и он трепещет перед муниципальными властями»[130]. Бабеф настаивал на том, чтобы Гарен открыто выступил против Генерального совета Коммуны и, прежде всего, против мэра столицы Паша. На этот шаг Гарен не решался, и именно это привело их отношения на грань разрыва.

Выставляя это требование, Бабеф являлся только рупором настроений, господствовавших в наиболее революционных парижских секциях. Майское восстание не разрешило еще всех проблем. В летние месяцы 1793 г. Конвент не стал еще целиком и полностью на путь твердой революционной диктатуры. Это совершенно наглядно сказывалось и в вопросах продовольственной политики. Конвент сопротивлялся, как мы видели, не только введению всеобщего максимума, даже закон 4 мая еще в конце августа был под самой непосредственной угрозой. Но, как отметил Матьез, Конвент был в состоянии противиться напору слева лишь до тех пор, «пока он мог опираться на поддержку Коммуны. Он вынужден был отступить, когда Коммуна, захлестнутая движением, сама перешла на другую сторону»[131]. Но это произошло только в сентябре. В августе же Генеральный совет продолжал сопротивляться требованиям наиболее передовых секций, и именно Паш был центральной фигурой,— по крайней мере, так казалось секционерам,— среди противников дальнейших революционных мероприятий. Секционное движение в августе было направлено поэтому не только против Конвента, но и против Генерального совета и Паша. Недаром собрание комиссаров в епископстве незадолго до своего роспуска выступило с прокламацией, направленной против Паша, а ряд секций 23—24 августа выставил требование смещения всех муниципальных властей.

В унисон с этим был настроен и Бабеф. В его архиве сохранился план выступления на собрании секционных комиссаров, представляющий собой самый резкий обвинительный акт против Паша[132]. В нем есть много интереснейших деталей, позволяющих судить об обстановке в Париже в июле — августе 1793 г. Приведем некоторые выдержки.

«...Паш правит. Он вас не боится. Он предписывает Генеральному совету все, что хочет... Повсюду афиши Паша... Ему нужно только отделаться от такого наблюдателя, как я (т. е. Гарен; план, написанный Бабефом, являлся проектом речи Гарена.— *В. Д.*). Как я рискую. Поддержите меня на моем посту, пока не минует опасность...

Паш мешает разоблачению проделок Гара[133]. Паш превышает

---

[130] ЦПА ИМЛ, 77 В IV.

[131] A. Mathiez. La vie chère..., p. 201.

[132] ЦПА ИМЛ, 85 В II.

[133] 21 июня продовольственная администрация переслала в парижский муниципалитет пространный доклад с жалобой на действия Гара, но он не был опубликован и обсужден. Бабеф объяснял это сопротивлением Паша: «...Как мне

максимум[134]. Паш хочет, чтобы на празднике Федерации ели рис. Паш заверяет, что не будет никакого недостатка, тогда как на складах ничего нет. Паш проводит закон 5 июля, который подрывает закон 4 мая...[135] Паш сам овладевает продовольственной администрацией. Арест Гарена. Паш сохраняет только декрет 15 августа[136].

Паш отклоняет проект Леонара Бурдона (проект создания «складов изобилия».— *В. Д.*) и мой, добивается смещения комитета сельского хозяйства. Паш клевещет на продовольственную администрацию. Паш добивается ее смещения. Паш заменяет ее по своему усмотрению[137]. Паш расклеивает афиши. Паш отказывается явиться по требованию народа. Паш... хочет роспуска собрания (комиссаров.— *В. Д.*). Он угрожает тем, кто его разоблачает. О, Паш! О, чудовище! Если кто-нибудь из твоих аргусов меня подслушивает, пусть, если ты этого хочешь, на меня опустится карающая десница твоей отвратительной власти! Пусть я погибну, но уцелеют мои разоблачения, выдвинутые против тебя!»[138].

Дальнейшая судьба Паша, остававшегося мэром вплоть до гибели эбертистов, ставшего жертвой преследования со стороны термидорианцев, возбудивших против него судебный процесс[139], показала, насколько неверны были все эти обвинения. Не прошло и нескольких месяцев после составления этого плана речи, и Бабеф, в связи с новыми гонениями против него, сам же обратился к «чудовищу» Пашу за поддержкой, апеллируя к его патриотизму[140]. Паш выступил на защиту Бабефа и зимой 1793 г., и через три года, в 1796 г., когда вновь арестованному Бабефу было предъявлено обвинение в «заговоре»[141].

Но к приведенному нами документу следует подойти историче-

известно из уст Гарена, этому сильно воспротивился мэр Парижа. Он сослался на то, что это могло бы вызвать опасную тревогу и повредить министру, которого он не считал столь виновным, как это казалось продовольственным администраторам» (ЦПА ИМЛ, 84 В II).

[134] Бабеф в своем проекте отчета обвинял Паша в том, что, по его указанию, агентам, посылавшимся из столицы для закупки зерна в департаментах, разрешалось превышать установленные твердые цены (ЦПА ИМЛ, 84 В II)

[135] См. выше (стр. 538—539). Бабеф считал, что оба декрета, 1 и 5 июля, являлись «паллиативами, которые предложил мэр Парижа» (ЦПА ИМЛ, 84 В II).

[136] Декрет Конвента о создании реквизиционной зоны для снабжения Парижа.

[137] 19 августа на заседании Генерального совета Коммуны администраторами были избраны Шампо, Рош де Луве и Кайе («Moniteur», t. XVII, p. 438).

[138] ЦПА ИМЛ, 85 В II.

[139] См. A. Sée. Le procès Pache. Paris, 1911.

[140] «Ты знал меня по работе в продовольственной администрации, гражданин мэр, ты видел мое гражданское рвение в этой области. Осмелюсь ли я, гражданин мэр, во имя твоего патриотизма, просить тебя ознакомиться в полиции со всем этим делом и приостановить козни разбойников» (ЦПА ИМЛ, 83 В IV, 24 brumaire l'an II—14 novembre 1793).

[141] N. Pache. Sur les factions et les partis.— «La Révolution française», 1900, t. XXXVIII.

ски. В выступлениях деятелей парижских секций против Паша, как и в обвинениях Бабефа, было какое-то рациональное политическое зерно. Конечно, Паш не был «чудовищем» и не замышлял никакого заговора. Однако объективно в августе 1793 г. Паш был или казался центральной фигурой и главной опорой тех, кто противился давлению парижских секций. Не случайно 4 сентября, когда в якобинском клубе были получены первые известия о новых волнениях в Париже, Робеспьер решил, что это движение направлено против Паша, и призвал выступить на его защиту: «Утверждают, что Паша сейчас осаждает не народ, а несколько интриганов, которые угрожают, оскорбляют, насилуют его (многочисленные голоса: «Мы должны все туда отправиться!»). Эти злодеи и хотят задушить Национальный конвент, якобинцев, патриотов» [142].

Перед Пашем стояла альтернатива — подчиниться воле парижских секций или уйти. 4—5 сентября 1793 г. Генеральный совет Коммуны, а вместе с ним и Паш выбрали первое: благодаря этому Паш вошел в историю как честный и последовательный якобинец. Но в августе 1793 г. деятели епископства, а с ними и Бабеф, предполагали, что Паш и Коммуна изберут другой путь. Поэтому они считали, что Париж стоит перед новым восстанием, которое сметет и Генеральный совет.

Именно так и ставил вопрос Бабеф после решения Конвента 25 августа о роспуске собрания комиссаров в епископстве. В том же плане, который мы приводили, есть такие строки: «Какую роль играет Барер в декретах 25-го? [143]. Часть Конвента, кажется, хочет отчаяния народа и контрреволюции. *Необходимо восстание* (курсив наш.— *В. Д.*). Народ угнетен. Когда у народа будет хлеб, он станет сражаться» [144].

Бабеф составил даже проект воззвания с призывом к восстанию. Он не датирован, но содержание документа не оставляет никакого сомнения, что он был написан в конце августа или первых числах сентября, так как в нем упоминается о роспуске собрания комиссаров 48 секций. Бабеф говорит о «заговоре голода», о попытке секций ему воспрепятствовать. Тогда его организаторы, решились «распустить собрание», создание которого они сами провоцировали, не рассчитав, к чему это приведет. Этот роспуск является ударом, в результате которого парижане через четыре дня останутся без хлеба. Ссылаясь на статью 35 Деклараци прав, признававшую восстание законным, если общество (le corps social) подвергается угнетению, Бабеф призывал к выступлению: «Весь Париж сегодня угнетен; агенты правительства попирают права народа; пришло

---

[142] Buchez et Roux. Histoire parlementaire..., Paris, 1836, t. 29, p. 26.

[143] Бабеф имел в виду отмеченную уже нами речь Барера 25 августа, в которой он высказался за отмену декрета 5 июля, как нарушающего закон 4 мая, но в то же время отстаивал желательность уничтожения всяких ограничений свободы торговли хлебом («Moniteur», t. XVII, p. 493).

[144] ЦПА ИМЛ, 85 В II.

время для восстания (donc le cas de l'insurrection), которое является для всего народа и для каждой его части самой священной и самой настоятельной обязанностью»[145]. Любопытно отметить, что секция Попенкур в своем постановлении от 24 августа, представлявшем, по существу, такой же призыв к восстанию, ссылалась на ту же статью Декларации, что и Бабеф.

Августовское секционное движение, несомненно, являлось прелюдией к сентябрьскому выступлению: между роспуском «продовольственной комиссии» епископства и 4 сентября прошло только десять дней. Если бы Генеральный совет Коммуны не примкнул к этому движению, в сентябре в Париже разразилось бы новое восстание, к которому еще в августе призывали и ряд секций, и Бабеф. Мы ничего не знаем о его поведении в дни 4—5 сентября. Вполне возможно, что он и не был участником движения. Но из всех приведенных выше документов совершенно очевидно, что политическая позиция Бабефа вполне совпадала с позицией наиболее левых секционных деятелей, подготовлявших и в какой-то степени возглавивших сентябрьский «народный натиск» (la poussée populaire), по выражению А. Собуля, сыгравший крупнейшую роль в окончательном становлении якобинской диктатуры.

Исследования Я. М. Захера, виднейшего знатока истории «бешеных», подтвердили, что в 1793 г. между ними и Бабефом не было связи[146]. Ни в печатных произведениях Бабефа, ни в его многочисленных рукописях нигде не встречается имя Ж. Ру, хотя Бабеф жил в Париже как раз в те месяцы, когда имели место наиболее важные выступления Ж. Ру, оглашалась в Конвенте его знаменитая петиция, содержавшая так много мыслей, родственных тем, которые Бабеф развивал в своем письме к Шометту.

Но из того факта, что Бабеф не был связан с Ж. Ру и «бешеными», вовсе не следует, что в 1793 г. у него вообще не было связей с секционным, санкюлотским движением. Оно вовсе не исчерпывалось одними «бешеными». Было бы наивно предполагать, что на том уровне общественного развития, при социальной разнородности тогдашних парижских санкюлотов, огромное, очень часто стихийное плебейское движение в столице могло подчиняться магической палочке Ж. Ру и Леклерка. «Бешеные» были важнейшей и исторически наиболее значительной, но все же только одной из группировок парижских санкюлотов. В августовском секционном движении, возникшем на почве продовольственных затруднений, они играли, по-видимому, самую незначительную роль. Но Бабеф принимал в нем активное участие, и оно было, в известной мере, его парижским «крещением», первым опытом самостоятельного участия в санкюлотском движении столицы.

Когда через год после описываемых событий, в конце лета

145 ЦПА ИМЛ, 88 В II.

146 См. Я. М. Захер. Движение «бешеных»; его же. Бабеф и «бешеные» — «Французский ежегодник. 1960». М., 1961.

1794 г., уже после 9 термидора Бабеф вернулся в Париж, он примкнул к «электоральному клубу», собиравшемуся в том самом здании епископства, где заседали комиссары секций в августе 1793 г. Если Бабеф занял в этом клубе, объединявшем уцелевших деятелей секционного движения II года, «бешеных», эбертистов и т. д., ведущее положение, то это объяснялось, не в последней мере, теми связями, которые установились у него с этими деятелями уже в 1793 г. На глазах у Бабефа только за 6 месяцев прошли февральские продовольственные волнения, события 9—10 марта, восстание 31 мая — 2 июня, августовское секционное движение, дни 4—5 сентября. Для Бабефа все эти события имели крупнейшее значение, были важнейшей политической школой, в которой он многому научился. Об этом свидетельствуют его выступления против Гара, критика действия якобинского Конвента, Марата, Генерального совета Коммуны и Паша, предвещавшие уже будущего руководителя движения «во имя равенства».

Работа Бабефа в продовольственной администрации имела для него огромное значение и в другом отношении. В 1791 г., в переписке с Купе, и в 1793 г. в «Законодательстве санкюлотов» Бабеф выступал как убежденный сторонник общества «совершенного равенства». Но пути перехода к новому строю были для него все еще неясны. Деятельность Бабефа в продовольственной администрации многим его обогатила. В мае — октябре ему пришлось лично принимать участие в разрешении сложнейшей задачи — снабжении хлебом 800-тысячного населения Парижа, и притом в совершенно новых условиях, при все большем ограничении «вольного рынка» и установлении твердых, нормированных цен. Снабжение Парижа в этой обстановке властно требовало какого-то пусть самого примитивного, но все же регулирования всей экономической жизни страны, в первую очередь учета и перераспределения ее хлебных ресурсов.

«Если бы Гара искренне хотел приложить все усилия к обеспечению продовольствием,— писал Бабеф в августе 1793 г. в своем «Продолжении Парижа, спасенного продовольственной администрацией»,— никогда ни в одном уголке Республики, несмотря на все козни злоумышленников, не ощущалось бы и тени голода... Нужно рассмотреть, какими важными, превосходными средствами он пренебрег» [147]. Бабеф указывал, что статья 14 закона о максимуме от 4 мая предоставляла министру внутренних дел право реквизиции зерна в тех департаментах, где имелись хлебные излишки, для переброски его в те департаменты, которым своего хлеба недоставало: «Это была самая действенная мера, и, если бы только она выполнялась, голод не ощущался бы нигде». Вся операция состояла в «простом арифметическом подсчете». Необходимо было выяс-

[147] ЦПА ИМЛ, 29 В IX; АР, t. 69.— «Suite de Paris sauvé par l'administration des subsistances par Garin et Defavanne, administrateurs des subsistances de la Commune de Paris», p. 574.

нить, какое количество зерна имеется в каждом департаменте и сколько ему нужно для потребления своего населения. После этого во всех департаментах, имеющих излишки, следовало установить для каждой коммуны количество зерна (сверх необходимого для потребления вплоть до будущего урожая), подлежащего реквизиции по твердой цене и вывозу в департаменты, испытывавшие недостаток в хлебе. Такая система «обеспечивала бы продовольственное снабжение, ставила бы непреодолимые преграды алчности собственников и делала бы для них невозможным уклоняться от максимума» [148].

Таким образом, исходя из своего опыта, Бабеф уже гораздо более конкретно намечал формы того, что можно было бы назвать централизованным снабжением зерном в пределах всей страны. Это было для него важнейшим переходным звеном для решения более общей задачи, о которой он писал уже позднее, в 1795 г., в Аррасской тюрьме в письме к Ш. Жермену, ставя вопрос о том, как добиться «равенства в распределении продуктов всех отраслей промышленности, ставших общественными» (mises en commun» [149]).

Новейшие исследования А. Р. Иоаннисяна показали, что уже в первые годы революции во Франции существовали более разработанные планы коммунистического преобразования, чем у Бабефа [150]. Это следует объяснить не только тактическими соображениями, но и некоторыми особенностями мировоззрения Бабефа. Ярко выраженный утопист, считавший возможным немедленный переход тогдашней Франции к коммунизму, Бабеф занимал все же особое место в ряду представителей утопического коммунизма. Противник абстрактно-метафизических предположений и построений, сторонник эмпирического метода, Бабеф, сам неясно представлявший себе конкретные формы общественного преобразования, не выступал с чисто утопическими проектами. Только опыт продовольственного снабжения Парижа, вся экономическая политика якобинской диктатуры, централизованное снабжение более чем миллионной армии вооружили его уверенностью в практической осуществимости «равного распределения», основанного на учете и перераспределении всех ресурсов страны, в первую очередь, продовольственных. К этому времени относится, по-видимому, и его знакомство с Морелли, давшее возможность теоретически осмыслить опыт революции. Социально-экономические идеи Бабефа нельзя, таким образом, считать результатом «экономической катастрофы термидорианской реакции» [151]. В их окончательном формировании решающую роль сыграл опыт экономической политики якобинской диктатуры.

---

[148] ЦПА ИМЛ, 29 В IX; АР, t. 69, p. 574— «Suite de Paris sauvé...».

[149] «Pages choisies...», p. 215.

[150] А. Р. Иоаннисян. «Социальный план» Жана Клода Шапюи (ННИ, 1963, № 2).

[151] См. Käre D. Tønesson. L'an III dans la formation du babouvisme. (AHRF, 1960, № 162); C. Mazauric. Babeuf et la conspiration pour l'Egalité. Paris, 1962, p. 230.

V

После неудачи августовского секционного движения и отставки Гарена, Бабеф перестал быть секретарем продовольственной администрации. В уже упоминавшемся нами октябрьском письме Бабеф упрекал Гарена за его недостойное поведение «по отношению к человеку, самым мужественным образом сражавшемуся бок о бок с ним»: «Вы ставите ему в вину великодушное решение покинуть место, бывшее для него единственным источником существования, которое он не мог больше занимать после того, как принимал такое деятельное участие в нападении на вероломную коалицию, сулившую неизбежную гибель отечеству». Свое письмо Бабеф заканчивал горькими словами: «Я хочу сообщить вам, в заключение, что, так как мне необходимо есть самому и кормить других, я вернулся на свою должность. Я вижу, каковы будут последствия постоянных предательств, но я ничего не могу сделать. Я успокаиваю себя только надеждой, что бог, который всегда печется о нашей свободе, совершит новое чудо, чтобы дать нам возможность миновать этот страшный подводный камень» [152].

В ноябре 1793 г. в письме к видному якобинцу Рессону, одному из руководителей Центральной продовольственной комиссии, Бабеф объяснял свое желание перейти туда на работу тем, что после ухода Гарена он находится на положении «обыкновенного чиновника» и это его очень тяготит «...Я остаюсь только потому, что это для меня единственное средство содержать семью. Если я говорю, что чувствую себя не особенно хорошо на этом посту, то не столько по материальным соображениям, а потому что мои привычки, мои вкусы, обязанности, которые я выполнял раньше, располагают меня к другому... Иногда те, кто сверкают во втором ряду, меркнут, когда они попадают в первый, но иногда бывает и наоборот. Я не домогаюсь первого ряда, но я прошу у тебя, кого я осмеливаюсь называть своим другом, по крайней мере, такого места, где я мог бы действовать оружием, которым я умею владеть» [153].

Мы не знаем точно, каков был круг обязанностей Бабефа в парижской продовольственной администрации после ухода Гарена. Обширнейшая переписка, которую вел Бабеф все это полугодие с министерством внутренних дел, с парижским Комитетом общественного спасения, с агентами Парижской коммуны, с департаментами и дистриктами, никем до сих пор не собиралась и не изучалась, так как все эти документы подписывались обычно не им, а администраторами Коммуны. Но уцелело одно письмо, составленное Бабефом

---

[152] ЦПА ИМЛ, 77 В IV.

[153] ЦПА ИМЛ, 86 В IV («Paris, mardi, 2 décade de Brumaire l'an 2. Gracchus Babeuf à Raisson, membre de la Commission des subsistances de la République») «...я стал чиновником в полном смысле слова лишь со времени обновления продовольственной администрации Коммуны».

27 сентября, уже при новой администрации, на имя министра внутренних дел Паре (сменившего Гара), интересное и потому, что оно дает представление о продовольственном снабжении Парижа, и потому, что оно свидетельствует о роли Бабефа в той упорной борьбе, которая велась в эти первые месяцы якобинской диктатуры за каждый мешок зерна и муки, необходимые столице.

Письмо написано в ответ на сообщение Паре продовольственной администрации, что он дал 17 и 22 сентября предписание администрации деп. Эны о поставке парижскому муниципалитету 3500 мешков муки еженедельно. Со своей стороны, парижские администраторы также обратились с письмом в директорию деп. Эны, копию которого они пересылали Паре. «Ты увидишь из него,— писал Бабеф,— каковы намерения этой администрации и каков ее дух. Отрывок из письма директории дистрикта Лана даст тебе представление и об этой администрации. Заместитель прокурора Реаль (заместитель Шометта, защитник Бабефа в Вандоме, а впоследствии министр и любимец Наполеона.— *В. Д.*), который совершил поездку по департаменту, писал нам 12-го числа, что в Лане народ ведет себя хорошо, но что департаментские власти (за исключением прокурора-синдика) [154] отвратительны. Мы убедимся, чего они стоят, в связи с требованием, которое мы им предъявляем в прилагаемом письме: служить общественному делу, прежде всего, тем, что они должны делать для Парижа. Их ответ даст возможность получить о них полное представление» [155].

Парижу требовалось в 1793 г. ежедневно около 1700 мешков муки в день [156]. Как видно из письма Бабефа, деп. Эны — один из трех пикардийских департаментов — должен был поставлять ежедневно 500 мешков. Из приводившегося уже нами письма Паша к А. Дюмону, следует, что деп. Уазы обязан был поставлять почти столько же (3000 мешков в неделю). Поставки деп. Соммы были меньшими, так как он снабжал Северную армию, но все же очень значительными. Можно считать, без всякого преувеличения, что три пикардийских департамента ежедневно должны были доставлять в Париж не меньше тысячи мешков муки, т. е. свыше 60% необходимой нормы для снабжения столицы.

Но «выкачивание» этого хлеба происходило в жестокой борьбе,

---

[154] Прокурором-синдиком деп. Эны был Поликарп Потофе (Pottofeux), оказавший Бабефу содействие во время разбора его дела в Лане летом 1794 г. и впоследствии привлекавшийся по Вандомскому процессу.

[155] ЦПА ИМЛ, 77 В IX; см. также E. Creveaux. Le ravitaillement de Paris par le département de l'Aisne pendant la Révolution («Mémoires lus au congrès des sociétés savantes. Toulouse, 1933, Paris, 1934». Paris, 1935), где приведено полностью письмо парижской администрации от 27 сентября (p. 147—148).

[156] ЦПА ИМЛ, ф. 230, 47 1/К-Р. В 1795 г. ежедневное потребление Парижа составляло 1800 мешков по 325 ф. (см. K. D. Tønesson. La défaite des sans-culottes. Oslo — Paris, 1959, p. 6.).

в которой Бабеф принимал самое деятельное участие. Он сам говорил об этом неоднократно,— и, судя по приведенному нами письму к Паре, нисколько не преувеличивал. «Ты знаешь лучше, чем кто-либо,— писал он в мае 1794 г. члену Конвента Дерю (Desrues),— в какой мере я затрагивал департамент Соммы и дистрикт Мондидье в переписке продовольственной администрации. Ты должен помнить о наших энергичных письмах в этот департамент, в дистрикт и комиссарам Лебуку и Ретурна (комиссары Парижской Коммуны по скупке хлеба в деп. Соммы.— *В. Д.*). Ты вспоминаешь, конечно, что только благодаря этой энергии мы могли получить из этого департамента кое-что для пропитания Парижа... Изменники не могли не знать, что именно я был главной пружиной (la cheville ouvrière), когда принимались строгие меры, чтобы вынудить их выполнять свой долг» [157]. Об этом же Бабеф писал и администратору парижской революционной полиции, Менесье: «Я руководил всей перепиской с департаментом Соммы по вопросам продовольствия. Вследствие того, что аристократия не была в нем сломлена, этот департамент очень неохотно участвовал в снабжении Парижа. Я был главной пружиной при осуществлении суровых мероприятий... Мое влияние было обнаружено. Дух мести пробудился, и аристократия... снова направила против меня свои стрелы» [158]. У пикардийских недругов Бабефа было в руках достаточно сильное оружие — пресловутое «дело о подлоге». Им оставалось только умело им воспользоваться. После решений дистрикта и департамента делу был придан уголовный характер («l'affaire fut criminalisée», как писал Бабеф жене). Следствие было начато 4 марта. Девиласс (председатель дистрикта) и судья трибунала Леклерк де Рейневаль были арестованы; фермер Дебрен, из-за которого началось все дело, бежал. 29 марта «jury d'accusation» приняло решение, которое совершенно ясно вскрывало действительный смысл всего дела: в отношении Девиласса, Леклерка и Жодуэна следствие было прекращено; было признано, что обвинение может быть предъявлено только Бабефу. Сам Абель Пату, достаточно недружелюбно относившийся к Бабефу и считавший совершенно бесспорным, что в

---

[157] ЦПА ИМЛ, 99 В IV.

[158] ЦПА ИМЛ, 47 В IV (25 brumaire). В другом письме, направленном Бабефом Менесье 2 фримера, он снова подчеркивал: «Пусть ознакомятся с реестром всей переписки продовольственной администрации, которую я один вел с начала мая до конца августа... Я вел переписку с департаментом Соммы, как с властями, так и с комиссарами Парижской коммуны, которые были посланы для ускорения всех операций в этом департаменте... Так как чистка, начатая Дюмоном, не была еще тогда завершена, аристократия продолжала противиться поставкам... Я писал в революционном духе от имени администрации и добивался, чтобы в том же духе обращался и министр. После предварительных предупреждений были приняты суровые меры... Удалось обнаружить, что я был главной пружиной всего этого» (V. de Beauvillé. Histoire de Montdidier, v. II, p. 479, note).

деле имело место «преступление и подлог»[159], полагал, что это решение «трудно оправдать, потому что, если самый подлог был осуществлен Бабефом, то он был задуман и подготовлен Девилассом и Леклерком. В решающий момент они искусно стушевались и вытолкнули на авансцену якобинца, матадора Бабефа, который устремился на преграду, как бык на красную тряпку; но именно они все организовали и они полностью подготовили этот подлог. Никак нельзя оправдать поэтому, что Девиласс и Леклерк были освобождены от всякой ответственности»[160].

Бабеф узнал об этом решении в апреле. Он считал, что тем самым дело о «подлоге» должно прекратиться. Девиласс и Леклерк обвинялись в том, что они подкупили Бабефа. Если они признаны невиновными, то отпадают всякие обвинения и против него. «Мое дело перестало меня беспокоить,— писал он жене 17 апреля,— с тех пор, как ты сообщила, что Рейневаль и кюре (Девиллас был раньше священником.— *В. Д.*) оправданы. Тем самым оправдан и я, потому что, если признано, что эти люди не подкупали, то нужно также признать, что я и не был подкуплен»[161]. Так подсказывала логика, но в деле Бабефа действовала другая, беспощадная логика классовой борьбы. 23 августа 1793 г. уголовный трибунал деп. Соммы приговорил заочно Бабефа к 20 годам каторжной тюрьмы (20 ans de fer) и предварительному выставлению к позорному столбу на площади в течение шести часов. Чудовищное несоответствие между этим приговором и предъявленным Бабефу обвинением совершенно несомненно. «Этот приговор кажется чрезмерным»,— признает сам А. Пату[162].

Бабеф не знал, по-видимому, об этом приговоре. 1 брюмера II года (22 октября 1793 г.) была создана Центральная продовольственная комиссия, и Бабеф, крайне тяготившийся своим положением в парижской продовольственной администрации[163], добился своего перехода в нее. 17 брюмера (7 ноября) он был назначен одним из секретарей комиссии. Но он успел проработать только одну

---

[159] A. Paioux. Le faux de Gracchus Babeuf. Saint-Quentin, 1913, p. 209 («Скажем в заключение, что подлог Гракха Бабефа не был вульгарным преступлением. Это революционное преступление, но все же это преступление и это подлог»).

[160] A. Paioux. Op. cit., p. 187.

[161] ЦПА ИМЛ, 129 B VIII; см. также «Babeuf, l'ex-administrateur...» «...encore une fois où il n'y a point de corrupteurs, il n'y a point de corrompu» (p. 14).

[162] A. Paioux. Op. cit., p. 188.

[163] Бабеф обратился тогда с предложением коммуне Монморанси, где жил когда-то Ж.-Ж. Руссо, предоставить ему место учителя, хотя это очень ухудшило бы его материальное положение, так как в продовольственной администрации оклад Бабефа составлял 4000 ливров, а как учитель он получал бы только 1200 ливров. См.: M. Dommanget. Babeuf et l'éducation (AHRF, 1961. № 163), где приведено письмо Бабефа к Шометту по этому поводу из арестантской камеры парижской мэрии: «Если ты его вызволишь, он отправится... выполнять обязанности пропагандиста истины... и займет там, если это будет возможно, хижину Жан-Жака».

неделю. 24 брюмера комиссия, «получив неблагоприятные сведения о названном Гракхе Бабефе, постановила исключить его из списка своих служащих» [164].

Эти «неблагоприятные сведения» поступили из Мондидье. Парижская коммуна имела в деп. Соммы своего агента по закупке продовольствия Лебука (Le Bouc). В деле Бабефа, заведенном в министерстве юстиции, сохранилась копия полученного Лебуком письма от прокурора-синдика дистрикта Мондидье, Варена. «Администрацию дистрикта Мондидье,— сказано там,— уверяют, что бывший администратор дистрикта, некий Бабеф, осужденный на 20 лет каторги за совершенные им в этой администрации злоупотребления, является секретарем или служащим в продовольственном комитете Парижской коммуны. Если это так, гражданина Лебука просят принять необходимые меры для того, чтобы преступление не оставалось безнаказанным». На этом письме Варена, предъявленном Лебуком парижским властям 23 брюмера (13 ноября), есть справка: «Он служит в продовольственной комиссии Республики. Отель Тулуза. Бюро кадастра» [165].

На следующий день Бабеф был уволен и по распоряжению администраторов парижской полиции арестован. 24 брюмера жена Бабефа получила от него письмо, адресованное: «Гражданке Бабеф, Porte Honoré, № 127». «Меня только что арестовали и поместили в арестантской камере мэрии. Это снова преступные проделки аристократов-администраторов Мондидье. Меня отправят в Мондидье. Успокойтесь, дети мои, я приведу в замешательство моих врагов. Принесите мне плащ и мое свидетельство о патриотизме (carte de citoyen) — вот и все. Я полагаюсь на дружбу гражданина Гарена...» [166] В другой записке, посланной в тот же день, Бабеф просил прислать ему «матрац и простыню, чтобы было не так жестко спать, как сейчас» [167]. Снова, в третий раз за годы революции, перед Бабефом раскрылись тюремные двери.

Этот новый удар не вызвал у Бабефа растерянности. Он немедленно начал борьбу за свое освобождение. Прежде всего надо было предотвратить угрозу отправки в Мондидье для отбытия наказания. Франция переживала суровое время — гибель Шалье и Марата, расправа с патриотами в Лионе, Марселе, Тулоне были достаточно ясным предупреждением. Бабеф имел основания опасаться,

---

[164] P. Caron. La commission des subsistances de l'An II. Procès-verbaux et actes. Paris, 1924, p. XXXVII и 24. См. также письмо Рессону (ЦПА ИМЛ, 86 В IV).

[165] AN, BB [16] 859/31. «On vient d'assurer à l'Administration du district de Mondidier qu'un sieur Babeuf cy-devant administrateur de ce district et condamné à 20 années de fer pour malversation par lui commise dans cette administration était sécretaire ou employé dans le Comité des subsistances de la Commune de Paris; si cela est le citoyen le Bouc est invité à prendre les précautions nécessaires pour que le crime ne reste pas impuni».

[166] AD de la Somme, F[129]/15.

[167] ЦПА ИМЛ, 61 В VIII.

что в Амьене или Мондидье он легко может оказаться такой же жертвой.

Не только после 10 августа, но и после 31 мая администрация и деп. Соммы, и большинства дистриктов все еще находилась в руках умеренных. Из 13 депутатов Конвента от Соммы девять голосовало за отсрочку казни короля. За исключением Андре Дюмона, все они голосовали против исключения жирондистов, и этот протест был поддержан директорией департамента. Конвент вынужден был направить в Сомму Андре Дюмона с чрезвычайными полномочиями для проведения «чистки» департамента. Но даже назначенная Дюмоном «центральная революционная комиссия» оказалась настолько умеренной, что Конвент 30 фримера вынужден был ее распустить.

«Депутат Дюмон,— писал Бабеф на следующий день после своего ареста администратору полиции Менесье,— заявил в Конвенте, что, если бы не принятые им революционные меры, департамент Соммы стал бы второй Вандеей. Если затребуют свидетельство Дюмона, он подтвердит тебе, что с 1789 г. я был Маратом департамента... Послать меня в распоряжение трибунала Соммы, где антипатриотизм еще совсем не уничтожен [168], было бы равносильно тому, чтобы послать меня в распоряжение трибуналов, которые принесли в жертву Шалье» [169]. «Направить меня в трибунал Соммы, это все равно, что послать наших лучших патриотов в Тулон» (занятый тогда англичанами.— *В. Д.*),— писал он Пашу 24 брюмера [170]. «Пусть отсрочат мою отправку в Мондидье,— настаивал Бабеф в письме к Менесье,— пусть им не сообщают о моем аресте; пусть мне разрешат обратиться с мемуаром к единственному депутату-монтаньяру департамента Соммы, республиканцу Дюмону» [171].

«Администраторы полиции достаточно хорошие республиканцы,— успокаивал свою жену Бабеф в письме от 24 брюмера,— чтобы сделать все для спасения горячих апостолов революции из пасти аристократов. Я разъяснил им..., что департамент Соммы всегда был и сейчас остается контрреволюционным..., что многочисленные преследования, мною испытанные, являются доказательством этого, что выдать меня моим старым врагам... значит принести меня в жертву... Я добиваюсь разрешения написать Дюмону с тем, чтобы меня выслушал Комитет общественного спасения» [172].

---

[168] «Судьи трибунала амьенского департамента,— писал жене Бабефа некий Биар 27 марта 1793 г.,— были изобличены перед Конвентом директорией дистрикта; они были вызваны к решетке Конвента; как говорили, их вина могла быть искуплена только гильотиной, но Конвент удовлетворился тем, что судьи подчинились, и вернул их к исполнению своих обязанностей после того, как он осудил действия, вызвавшие это разоблачение» (ЦПА ИМЛ, 17 B VI).

[169] ЦПА ИМЛ 47 B IV (Chambre d'arrêt de la mairie, 25 Brumaire»).

[170] ЦПА ИМЛ, 83 B IV.

[171] ЦПА ИМЛ, 47 B IV.

[172] ЦПА ИМЛ, 61 B VIII.

В первые же дни заключения Бабеф составил подробный «мемуар» с изложением всего дела. 29 брюмера он обратился с письмом к Шометту: «В глубине моей темницы, Трибун, я узнал, что ты все еще считаешь меня достойным твоего внимания» [173]. 30-го он переслал это письмо через жену. «Постарайся сообщить мне сейчас же,— писал он ей в тот же день,— даст ли тебе завтра Тибодо [174] одну или несколько копий моего мемуара. Постарайся принести их мне и получить свидание. Передай Шометту, Шампо (продовольственному администратору Парижа.— *В. Д.*) и Тибодо мои письма. Попроси Шометта вернуть тебе, после того как он прочтет, письмо коммуне Эмиля» [175]. «Что сказал тебе Шометт, когда ты отнесла ему мое письмо? — спрашивал он жену 2 фримера: «Я пересылаю тебе сегодня мой мемуар для Менесье. Я пишу ему, что мне необходимо увидеть тебя, чтобы послать нарочного к Дюмону с просьбой подтвердить факты, изложенные в моем мемуаре... Возможно, что ты сама отправишься к Дюмону... Утешь меня, напиши, как ведут себя мои дети. Слишком тяжело оставаться в течение четырех дней без известий. Все получают их здесь ежедневно» [176].

В первых числах фримера Бабеф обратился с обширным письмом к Дюмону. Преодолевая свою явную антипатию — вполне заслуженную, как показало дальнейшее поведение Дюмона после 9 термидора,— Бабеф объяснил, прежде всего, почему он раньше не искал возможности возобновить с ним знакомство. Напомнив о всем происшедшем в Аббевилле, Бабеф указал, что и поведение Дюмона в Конвенте его не удовлетворяло. На высоте он был только во время процесса короля, но этого недостаточно. «Мне все время хотелось увидеть тебя на трибуне,— писал Бабеф,— и я всегда надеялся, что ты блеснешь на ней. Только он, говорил я себе, может прославить депутатов Соммы. Но этого ни разу с тобой не случилось». Только поведение Дюмона в последние месяцы, в качестве комиссара Конвента, его мужественная борьба за «догмы единственного культа истины» вернули ему прежнее доверие Бабефа: «Не пренебрегай моим уважением, брат, отбрось всякое предубеждение на мой счет, если оно у тебя только было, и ты

---

173 V. Advielle. Op cit., v. I, p. 100. Письмо это находится в личной коллекции М. Домманже (см. AHRF, № 163).

174 Тибодо — служащий парижской продовольственной администрации, личный друг Бабефа; выступил в качестве его официального защитника. Ближайшее участие в судьбе Бабефа принял и другой служащий сперва парижской, а затем центральной продовольственной комиссии, Доб (Daube).

175 ЦПА ИМЛ, 62 В VIII. Об обращении Бабефа в коммуну Монморанси см. выше. В романе Руссо «Эмиль» местом действия является Монморанси.

176 ЦПА ИМЛ, 108 В VIII, 2 frimaire («A la citoyenne Babeuf chez le citoyen Garin officier municipal. Porte S. Honoré, № 27»). Бабеф находился сперва среди арестованных, получавших за плату лучшие условия содержания. В этом же письме он сообщил, что решил отказаться от этих преимуществ, и просил жену прислать ему складную постель и одеяло, чтобы «сберечь для нее еще десять су в день».

убедишься, что тот кто тебе пишет, честный человек, может быть, даже великий человек (un grand homme), но не занимающий такого положения, как ты. Да, у меня есть такая гордость (j'en ai l'orgueil): ты и я, мы были, возможно, единственными людьми в Сомме, способными... оживить санкюлотизм, дать ему возможность подняться на наибольшую высоту». Объяснив свое дело и сообщив, что его защитниками являются Шометт и С. Марешаль, Бабеф просил Дюмона прислать парижской администрации полиции «attestation du civisme». «Те же люди, по чьим головам ты нанес удар национальной дубиной, те же интриганы, пытавшиеся непрерывно организовать новую Вандею в краю, который ты сделал страной философии, хотят меня погубить под предлогом самого нелепого обвинения» [177]. 7 фримера жена сообщила Бабефу, что «письмо к Дюмону отправлено. Он находится сейчас в Амьене» [178].

Отметим, что в письмах к Шометту и А. Дюмону Бабеф изложил свой проект написать «Историю республиканской Франции с самого начала первой революции». Для этого «огромного и полезного начинания» Бабеф, как он писал Шометту, успел уже собрать «множество материалов» [179].

Вся эта лихорадочная деятельность не прошла бесследно. Бабеф не был отправлен в деп. Соммы. Уже 24 брюмера два администратора Парижской коммуны, Менесье и Клод Фике (оба — будущие бабувисты), обратились с письмом к прокурору-синдику Мондидье Варену. Сообщая о том, что, на основании его заявления, Бабеф арестован, они выражали вместе с тем свои сомнения в обоснованности этого ареста и требовали присылки материалов процесса [180]. «Мы нуждаемся,— писали они,— в более полном выяснении причин, вызвавших это решение. Кто знает, не явился ли он жертвой своего патриотизма... В этом случае нужно было преследовать не Бабефа, а его несправедливых гонителей» [181].

Через четыре дня Лебук писал парижской продовольственной администрации уже из Мондидье, куда он вернулся: «Мой санкюлот, прокурор-синдик этого дистрикта, в мое отсутствие был об-

---

[177] «Les lettres françaises», № 309, 27 avril 1950. См. также набросок этого письма (ЦПА ИМЛ, 83 В IV); «...Это Вандея, которая всегда готова начаться... Только я и ты... В их план входит принести нас в жертву, как только будет возможно».

[178] ЦПА ИМЛ, 177 В VIII.

[179] О занятиях Бабефа историей Французской революции свидетельствуют некоторые планы и конспекты, сохранившиеся в архиве (см. ЦПА ИМЛ 21 В III; русск. пер. в «Вопросах истории», 1961, № 2, стр. 113 «История Французской республики начиная с революции 1789 г.» и подробный конспект о борьбе Горы и Жиронды.— ЦПА ИМЛ, 7 В III).

[180] 15 фримера Бабеф писал министру юстиции Гойе (Gohier), что это письмо администраторов полиции явилось ответом Паша на его обращение. «Паш опасался, как бы дистрикт не принес меня в жертву своему озлоблению; он обязал администрацию полиции взять меня под свою защиту и затребовать следственные материалы» (ЦПА ИМЛ, 84 В IV).

[181] AN, BB [16] 859/26.

лечен представителем народа Дюмоном неограниченными полномочиями. Я уверен, что он использует их для того, чтобы смирить умеренных и аристократов этой местности, и дело пойдет (et ça ira). Он очень доволен, что попугая Бабефа поместили в клетку, и удовлетворит по всем пунктам требования, предъявленные администрацией полиции в отношении этого изменившего свой облик орла (cet aigle metamorphosé) [182].

Но Варен и не думал отвечать на запрос из Парижа. Он предпочел отослать его в Амьен, в уголовный трибунал. 8 фримера письмо администраторов парижской полиции было доложено на заседании трибунала. Амьенские судьи нашли очень ловкий юридический ход: они решили рассматривать парижский запрос, как незаконное вмешательство административных властей, как попытку уничтожения «мудро установленного разделения между властями» и стремление подчинить «юридические учреждения административным». Вместо ответа по существу решено было отправить министру юстиции письмо с требованием «призвать к порядку должностных лиц, которые подают пример правонарушения и вызывают унижение магистратуры» [183].

Администраторы парижской полиции, не получая на свой запрос никакого ответа в течение трех с половиной недель, решили действовать самостоятельно. 17 фримера Бабеф был временно освобожден на поруки Тибодо, Доба и Сильвена Марешаля [184]. В тот же день они отправили письмо Лебуку, в котором мотивировали свое решение: «После доноса Варена на Бабефа администраторы продовольствия и полиции вынуждены были арестовать этого последнего... Но были очень серьезные основания усомниться в законности причин, вызвавших приговор против Бабефа, и потребовать присылки доказательств и дополнительных сведений об этом деле. В этом смысле мы написали Варену и до сих пор не получили никакого ответа». Это молчание, как писали администраторы, могло

---

[182] ЦПА ИМЛ, 89 В II («Post-scriptum d'une lettre écrite a l'Administration des subsistances de la Commune de Paris, par Lebouc, commissaire des subsistances à Mondidier en date du 28 Brumaire»; эта выписка сделана рукой Бабефа).

[183] AN, BB[16] 859. («Extraits des registres du Greffe du tribunal criminel du Département de la Somme, séant à Amiens. Du huit frimaire an second de la République»).

[184] AN, BB[16] 859. «Граждане Тибодо, служащий продовольственной администрации, Сильвен Марешаль, литератор, и Доб, служащий продовольственной администрации, явились, чтобы стать поручителями гражданина Бабефа». Тибодо и Доб принимали самое деятельное участие в хлопотах об освобождении Бабефа. Доб писал ему 11 фримера (1 декабря): «В течение трех месяцев, когда я работал с тобой, я всегда видел в тебе честного и пламенного патриота, подлинного санкюлота..., жертву своего собственного патриотизма с самого начала революции, которой ты посвятил все свои таланты и силы... Какая честь проявлять к тебе сочувствие... Я знаю твою энергию, твою душу и я рассчитываю на твое хладнокровие... Все, кто знаком с твоим делом и с тобой, убеждены, как и я, в твоей невиновности» (ЦПА ИМЛ, 120 В VI). Поручительства Марешаля потребовал в самый последний момент Менесье, о чем 17 фримера Тибодо сообщил Бабефу; «...Твоя жена отправилась искать Сильвена Марешаля, так как Менесье хочет, чтобы он был поручителем» (ЦПА ИМЛ, 90 В VIII).

только укрепить их прежние сомнения и привело к выводу, что «Бабеф явился жертвой своего собственного патриотизма: слишком хорошо известен тот дух, который царил в департаменте Соммы до Андре Дюмона; вследствие этого Бабеф был временно освобожден под поручительство многих граждан, известных своим патриотизмом» [185].

В заключение администраторы выражали свое недовольство поведением Варена и властей Соммы, добивавшихся ареста Бабефа. «Недопустимо играть свободой человека, патриотизм которого известен. Между тем вследствие этих преследований он потерял свою должность, и, вероятно, именно этого и хотели доносчики, не заботившиеся о доказательствах; однако они, в свою очередь, могут ожидать, что Бабеф сумеет доказать свою невиновность и что их ожесточение против него не окажется безнаказанным» [186].

Но враги Бабефа не сдавались. «Я узнал о том, что вы временно освободили Бабефа,— отвечал Варен парижской администрации 25 фримера.— Арестовав его, вы выполнили свою обязанность, и этим вы должны были ограничиться; я выполнил свой долг, отправив копию вашего письма от 24 брюмера... общественному обвинителю при уголовном трибунале Соммы. Бабеф осужден на 20 лет каторжной тюрьмы... Вы не могли присвоить себе право освобождения; это зависит только от трибунала, и Бабеф должен быть препровожден в его распоряжение» [187]. Как раз за день до свобождения Бабефа, 16 фримера, общественный обвинитель при уголовном трибунале Соммы переслал министру юстиции Гойе решение трибунала от 8 фримера: «Я оставляю на ваше благоусмотрение,— писал он в заключение,— решить, не следует ли дать распоряжение о том, чтобы Камилл Бабеф был направлен сюда, в тюрьму» [188].

Гойе считал себя вполне последовательным якобинцем, и его дальнейшее поведение показало действительно, что у него не было никакой предубежденности по отношению к Бабефу. Но на министерстве юстиции, даже в первые месяцы якобинской диктатуры, сказывалась та же закономерность буржуазной революции, которую

---

[185] ЦПА ИМЛ 89 В II. Копия с письма администраторов Лебуку была сделана самим Бабефом 23 фримера.

[186] Там же.

[187] AN BB[16] 859/35. Мотивы поведения Варена, бывшего в конце 1793 г. очень ревностным «дехристианизатором», неясны. Варен был ставленником А. Дюмона, о чем Бабеф знал. В письме к А. Дюмону он указывал: «Варен, прокурор-синдик Мондидье, хотя он и революционер, назначенный тобой, по-видимому, ошибается в отношении меня... Самые добродетельные люди, обладающие чистой душой, часто легче других поддаются обману и не замечают, кто вводит их в заблуждение. Варен смотрит на меня глазами аристократов, которые при нем, очевидно, принимают противоположную окраску» («Les lettres françaises», 1950). Очевидно, однако, что за спиной Варена стоял А. Дюмон, продолжавший по-прежнему враждебно относиться к Бабефу. На его письмо из арестантской камеры в Париже Дюмон, по-видимому, не ответил (см. также R. Legrand. Babeuf, ses idées, sa vie en Picardie. Abbeville, 1961, p. 25. «Отношения между Бабефом и А. Дюмоном остаются загадочными»).

[188] AN, BB[16] 859/30.

превосходно вскрыли Маркс и Ленин. Менялись министры и их помощники, но старая государственная машина не подвергалась никакой коренной ломке. Парфянская стрела, запущенная из Амьена, не могла не попасть в цель: довод о независимости судебных властей должен был показаться неотразимым и в Париже для кастовых, дореволюционных юристов (hommes de métier), заполнявших министерство. В деле Бабефа сохранилось заключение, сделанное, несомненно, людьми именно такого склада: «Администрация полиции не компетентна выражать сомнения по поводу патриотизма установленных властей департамента Соммы; обвиняемый должен быть препровожден в уголовный трибунал» [189]. 2 нивоза в Амьен на имя общественного обвинителя при трибунале был послан ответ за подписью министра: «Претензии администраторов полиции являются затеей (une véritable entreprise), направленной против судебных властей, возбраняемой принципами конституционных властей. Я напишу им в таком духе и не сомневаюсь, что они поспешат признать свою ошибку и отправят Бабефа в тюрьму твоего трибунала» [190].

Администраторы парижской полиции все еще не теряли надежды настоять на своей правоте. 28 фримера они переслали Гойе всю переписку по делу Бабефа: «Ты сам убедишься из нашей переписки и изложения мотивов, вызвавших наше решение об освобождении, кто прав, мы или гражданин Варен, который нас обвиняет» [191].

Но министерство юстиции уже заняло определенную позицию. 8 нивоза, возвращая все дело Бабефа, Гойе писал администраторам полиции: «Муниципалитетам и административным учреждениям не может быть разрешено вмешиваться в судебные дела». Как министр-якобинец Гойе счел нужным успокоить парижские власти, что после чистки, осуществленной Дюмоном, им нечего опасаться за судьбу Бабефа. «Общественный дух там (в Амьене.— *В. Д.*) возродился...; есть все основания надеяться, что благодаря новому следствию он сумеет отомстить за допущенную несправедливость». Но сопротивление Амьену следует прекратить: Бабеф должен быть арестован и препровожден в распоряжение трибунала.

Бабеф пробыл на свободе меньше месяца. 11 нивоза перед ним вновь открылись ворота тюрьмы Аббатства [192]. На этот раз его заключение оказалось гораздо более длительным.

---

189 AN, BB16 859/29.

190 Ibidem.

191 Ibidem.

192 ЦПА ИМЛ, 102 В IV. «Напоминаю вам,— писал Бабеф в наблюдательный комитет своей секции Елисейских полей,— что протокол о моем аресте был составлен Любеком-отцом 11 нивоза». В заметках, опубликованных Девиллем, Бабеф ошибочно указал дату своего нового ареста — 11 плювиоза. С тех пор эта дата фигурировала у всех биографов Бабефа, включая Домманже («Pages choisies...», р. 157, n 2). Из обширной тюремной переписки Бабефа явствует с полнейшей очевидностью, что он был арестован не 11 плювиоза, а ровно на месяц раньше.

VI

К величайшему сожалению, за весь период от августа 1793 г. до осени 1794 г. мы не имеем никаких материалов, позволяющих судить о позиции Бабефа в отношении тех или иных мероприятий якобинской диктатуры. На вантозовские декреты он реагировал только как заключенный, заполнив очень подробную «анкету», опубликованную спустя целое столетие Девиллем. Аресты и казнь эбертистов и дантонистов происходили тогда, когда Бабеф находился в парижских тюрьмах, и как он отнесся тогда к этим событиям, мы не знаем. Иначе обстоит дело с проблемами религиозной политики.

Вопрос об отношении Бабефа к религии, как отмечал уже М. Домманже, до сих пор почти не освещался его биографами. Был ли знаком Бабеф до революции с трудами великих французских материалистов и атеистов XVIII в.? По его переписке с Дюбуа де Фоссе об этом судить нельзя — лишь один раз встречается в ней имя Гельвеция, причем оба корреспондента сходятся в отрицательном отношении к его этическим принципам [193].

Но критическое отношение Бабефа к религии сказывалось уже тогда достаточно ясно. Соглашаясь с замечанием одного из авторов, цитируемого в переписке, что монахи содействовали развитию дипломатического искусства, Бабеф тут же замечает: «Между нами, я уверен, что, если этим благом мы обязаны нашим отшельникам, то оно является единственным» [194]. Отвечая на вопрос Дюбуа о причинах различия в окраске кожи, Бабеф писал: «Это бесконечное разнообразие во внешности человеческих существ возникает так же как пестрое, черно-белое потомство у черного кота и белой кошки. Это, возможно, не вполне соответствует книге Бытия, но сейчас уже много людей, которые ей не верят» [195]. В первоначальном варианте письма было сказано еще резче: «Но сейчас никто уже не верит книге Бытия» [196].

Из теоретической тетради Бабефа мы знаем, что он внимательно изучал «Словарь» Пьера Бейля, этого блестящего французского вольнодумца XVII в., живейшим образом интересовался трудами Ванини. Пошел ли он дальше деизма? В его бумагах сохранилась «Картина мира», проникнутая деистическими тенденциями [197]. Но к какому времени относится эта рукопись, принадлежит ли она

---

[193] «Correspondance de Babeuf avec l'Académie d'Arras (1785—1788)». Paris, 1961, p. 103, 108; ЦПА ИМЛ, 32 и 35 В VII.

[194] ЦПА ИМЛ, 19 В VII; «Correspondance...», p. 56.

[195] ЦПА ИМЛ, 46 В VII; «Correspondance...», p. 137.

[196] «Tout le monde ne croit plus à la Génèse» (ЦПА ИМЛ, 46 В VII).

[197] ЦПА ИМЛ, 7 В IV («Tableau général. L'ordre du monde»). В ней различаются «la partie du Fini nommée nature» и «la partie de l'infini nommée destin) — «Бесконечное» руководит «конечным, которое ему подчинено». Между «природой» и «предназначением» существует «посредник» — «Великий неизвестный» («Le grand inconnu»). В «жизни» («La vie») ему соответствует «душа» («Le Petit inconnu»).

перу Бабефа или он ее заимствовал (возможно, из каких-нибудь масонских источников),— на все эти вопросы ответить нельзя. В своей тетради, рассуждая о божестве, он воспроизводит по бейлевскому словарю слова Жана д'Эспанье: «Plura desideranti, occurunt stupor, silentium et abyssus gloria profundissimae» («хотеть большего, значит столкнуться с оцепенением, безмолвием и глубочайшей пучиной» [198].

Но если Бабеф и занимал сперва деистическую позицию,— хотя с полной уверенностью утверждать это нельзя,— он на ней не остановился и в годы революции все больше приближался к материализму и последовательному атеизму. В этом отношении показательна близость его взглядов к воззрениям С. Марешаля, который в философских вопросах, вероятно, оказал влияние на Бабефа. Во всяком случае Бабеф знал «Dictionnaire des honnêtes gens» Марешаля и с большой похвалой отзывался о философской атеистической поэме Марешаля «Бог и священники», которую тот переслал Бабефу в тюрьму [199]. Обещая ознакомить с ней своего сына, Бабеф писал Марешалю в феврале 1794 г.: «Многое не покажется ему новым; *он воспитан на этой доктрине* (курсив наш.— *В. Д.*)... Я не боюсь, что предрассудки, сохраняющиеся еще в обществе, окажут влияние на его душу и одержат верх над моими уроками... Но я заранее предвижу его воодушевление, его восторги при виде нового катехизиса, возвещающего людям, которых он любит и к предрассудкам которых относится с жалостью, новую истину вместо прежней лжи» [200].

«Божеством человечества является само человечество»,— писал Бабеф из Аррасской тюрьмы 20 мая в 1795 г. [201], и из этого положения совершенно очевидно, что если Бабеф и стоял на деистических позициях в предреволюционные годы, то за время революции он от них решительно отошел [202].

---

[198] ЦПА ИМЛ, 1 В X, стр. 16.

[199] В письме к А. Дюмону Бабеф так охарактеризовал Марешаля, «друга Шометта»: «...литератор, подвергавшийся преследованиям старого деспотизма из-за своего знаменитого альманаха честных людей, пророк, автор «Последнего суда над королями», философ, продолжатель газеты Прюдомма» («Les lettres françaises», 1950).

[200] «Pages choisies...», p. 159—160.

[201] ЦПА ИМЛ, 95 В IV («Le Dieu du genre humain, c'est le genre humain lui-même»).

[202] В архиве Бабефа сохранилось несколько рукописей (ЦПА ИМЛ, 50 В IX — «Précis du culte», 73 В IX, 74 В IX — «Atlas des religions»), посвященные религии и христианству. Они написаны, однако, не рукой Бабефа и находятся в картоне, содержащем ряд документов, авторство которых является сомнительным. Некоторые из них относятся к более позднему периоду уже после смерти Бабефа; они принадлежали, возможно, его сыну, Роберту-Эмилю Бабефу. В одной из этих рукописей («Précis du culte») развиваются идеи, близкие Вольнею и Дюпюи (Ch.-F. Dupuy. Origine de tous les cultes, ou la religion universelle), придававшим крупнейшее значение экономическому фактору в развитии религиозной мифологии, в частности, в Египте. Второе издание этого труда в 1822 г. было осуществлено как раз Эми-

Бабеф не ограничился теоретическими размышлениями. Со свойственным ему бесстрашием он порвал с религией открыто. Объясняя Менесье, почему он дважды на протяжении революции менял свое имя, Бабеф в 1793 г. писал: «Когда я открыто отрекся от католицизма в 1790 г., из легиона честных людей я взял себе в качестве покровителя Камилла. Позднее я предпочел Гракха, находя больше сходства между тем, чем он был, и тем, чем я хотел стать» [203]. Это отречение от католицизма произошло не позднее осени 1790 г.: на сохранившейся в архиве расписке об уплате налогов накануне выборов в Генеральный совет коммуны Руа, происходивших 13 ноября, Бабеф впервые назван «Ноэлем Камиллом» [204].

Бабеф уже тогда активно вмешивался в решение вопросов религиозной политики революции. Когда в 1791 г., после отказа римского папы санкционировать реформу церкви, ее «гражданскую конституцию», принятую Учредительным собранием, вспыхнула ожесточеннейшая «религиозная война» (А. Матьез), Бабеф принял в ней живейшее участие. В его архиве сохранились документы о процессе деревенской коммуны Кони (Cauny), происходившем в октябре 1791 г., в котором Бабеф снова выступил в качестве «адвоката народа» [205].

В Кони происходили такие же ожесточенные столкновения, как почти в каждом церковном приходе тогдашней Франции. Местный кюре Добель отказался принести присягу и, опираясь на кучку фанатиков, повел самую упорную борьбу против «самозванцев» (intru) — нового конституционного священника. Сперва Добель продолжал служить мессы у себя на дому, но муниципалитет ему это воспретил [206]. Сторонники Добеля стали собираться у церкви, «скандалить, проклинать, злословить», оскорблять крестьян, шедших на мессу, как «раскольников», которые «будут прокляты». «Идти на мессу к самозванцу — это все равно, что идти на мессу к моей собаке»,— заявлял Добель, утверждавший, что все церковные обряды, отправляемые новым священником, крестины, свадьбы и т. д., не имеют никакой силы. Добель отправился ночью на дом к одной больной крестьянке и потребовал от нее отказаться от причастия и «святых даров» «конституционного» кюре, так как «из его рук в ее душу войдет дьявол, который ни за что уже ее не оставит, и она окажется осужденной на вечные муки» [207]. Этот визит Добеля так напугал больную, что ускорил ее смерть.

лем Бабефом. Установление автора этих рукописей требует исследования специалистов.

[203] «Lorsque j'abjurai le catholicisme publiquement en 1790, je pris pour patron Camille dans la legion des „honnetes gens"» (V. de-Beauvillé. Op. cit., v. 2, p. 475, n. 1; «Pages choisies...», p. 148, n. 6).

[204] ЦПА ИМЛ, 5 В IX («...Le Sieur Noël Camille Babeuf imposé au Rôle de la matrice de la consultation mobiliaire de Roye»).

[205] ЦПА ИМЛ, 38, 39, 40 и 47 В III.

[206] ЦПА ИМЛ, 37 В II.

[207] ЦПА ИМЛ, 40 В III.

Мэр коммуны Фагар и члены муниципалитета вынуждены были выставить у церкви стражу, чтобы служба не прерывалась, а «честные граждане, направляющиеся на мессу, не подвергались оскорблениям». Но столкновения продолжались. Мать Добеля в отместку мэру, твердо поддерживавшему «самозванца», отправилась еще с несколькими женщинами в сад Фагара, чтобы выкрасть из него груши. Когда в этой разгоряченной обстановке раздался чей-то выстрел, сторонники Добеля и он сам поспешили подать жалобу, что стреляли к нему в окно, что приверженцы мэра готовят расправу, собираются произвести домашние аресты, «повесить или побросать в воду всех непокорных» [208].

Реакционный трибунал Нуайона охотно принял дело к расследованию. Фагар немедленно был отстранен от обязанностей мэра и вместе с тремя национальными гвардейцами предан суду. Трибунал назначил двух официальных защитников. Но популярность Бабефа была, видимо, уже так велика, что все четверо обвиняемых отказались от их услуг и назначили Бабефа своим защитником (conseil). Так как имелся уже удачный опыт с обвиняемыми по давенекурскому процессу, освобожденными на основании декрета Учредительного собрания от 14 сентября о прекращении всех дел, связанных с революцией, Бабеф снова решил им воспользоваться. Он направил петицию в министерство юстиции через того же Купе, как депутата деп. Уазы и бывшего председателя директории Нуайонского дистрикта [209].

Купе чрезвычайно охотно взялся за это дело. «Почти все эти дни,— писал он Бабефу 11 ноября,— я ходил к министру по поводу дела Кони, которое вы мне поручили. Я не дождусь, когда уже получу возможность вам ответить. Сегодня вечером меня, наконец, заверили, что я получу удовлетворение» [210]. «Я снова возвращаюсь от министра,— сообщил он на следующий день.— Вчера написали королевскому комиссару в Нуайон. Когда от него придет ответ, я еще раз побываю у министра» [211]. Но новых хождений не потребовалось. «Кони вас благословляет,— писал Купе Бабеф 16 ноября.— Все обвиняемые получили сообщение об оправдательном приговоре, поскольку, как сказано, речь идет о фактах, связанных с революцией. Этим же приговором Антуан Фагар восстановлен в своих обязанностях мэра Кони. Все четверо обвинявшихся хотят занести этот приговор, вместе с вашими письмами, в книгу протоколов и вывесить у дверей церкви Кони» [212].

---

208 ЦПА ИМЛ, 40 В III.

209 ЦПА ИМЛ, 37 В II (21 октября 1791 г.) и 71 В IV (31 октября).

210 ЦПА ИМЛ, 113 В VI.

211 ЦПА ИМЛ, 114 В VI.

212 ЦПА ИМЛ, 70 В IV. В архиве Бабефа сохранилась также петиция муниципальных должностных лиц коммуны Шампьен (Champien), ходатайствовавших о запрещении неприсягнувшему священнику пользоваться помещением церкви для отправления служб (ЦПА ИМЛ, 46 В II); на этой петиции есть дата, проставленная рукой Бабефа, и его пометки.

Но Бабеф не ограничился тем, что добился прекращения судебного процесса. Он попытался, как и после давенекурского и бюлльского процессов, извлечь из дела Кони политические выводы в общенациональном масштабе. Сохранился отрывок его речи, или проекта петиции, которую он собирался изложить, вероятно, в том же Нуайонском клубе, с тем чтобы разослать «всем патриотическим обществам» и внести на рассмотрение Законодательного собрания [213].

В своей религиозной политике Учредительное собрание допускало те же колебания, которые проявлялись в его аграрной и финансовой политике. Когда обозначилось сопротивление «неприсягнувшего» духовенства, оно не решилось дать ему резкий отпор. Более того, сперва директория парижского департамента, в которую входили такие видные деятели, как Сиейс и Талейран, а затем и само Собрание декретом от 7 мая 1791 г. разрешило «неприсягнувшим» пользоваться церквами и отправлять службы и обряды. Но это решение, поддержанное подавляющим большинством департаментских директорий, было очень враждебно принято «конституционным» духовенством и муниципалитетами, особенно деревенскими.

Эту оппозицию и отразила петиция Бабефа. Он доказывал недопустимость ссылок на принцип свободы религиозных убеждений. Между духовенством, принесшим присягу и отказавшимся от нее, нет никаких принципиальных расхождений. Реформа Учредительного собрания предусматривала лишь изменение границ епархий (которые должны были теперь совпадать с департаментскими) и выборность священников на тех же основах, что и всех других должностных лиц, как это было в ранних христианских общинах [214]. Никаких религиозных догм реформа не затронула. Идет борьба между священниками — «гражданами» и священниками, «восставшими против народа». Страшнее всего,— и события в Кони, отражавшие как в «малой капле вод» все происходившее во Франции, несомненно, укрепили Бабефа в этом убеждении,— мириться с «чудовищным утверждением, что конституционные священники занимаются кощунством и только мятежные священники являются добрыми и законными пастырями» [215]. Он настаивал поэтому на том, что священникам, «враждебным нации», должно быть категорически воспрещено пользование храмами, отправление каких бы то ни было церковных служб и обрядов; у них должна быть отнята возможность проповедовать народу. Дело идет не о «принципе свободы религиозных убеждений, а о преодолении чудовищного орудия контрреволюции» [216]. Хотя петиция и не датирована, можно не сомневаться, что она была написана в осенние месяцы 1791 г., во время

---

[213] ЦПА ИМЛ, 41 В II.

[214] Бабеф сделал выписку из петиции викария Дордони Законодательному собранию, в которой он настаивал на выборности всех священников и ссылался на опыт ранних христианских общин (ЦПА ИМЛ, 40 В II).

[215] ЦПА ИМЛ, 41 В II.

[216] Там же.

хлопот Бабефа по делу Кони и до решения Законодательного собрания от 29 ноября, отменившего декрет от 7 мая [217].

Другая попытка Бабефа вмешаться в вопросы религиозной политики имела место уже в Париже, весной 1793 г. 28 мая Бабеф обратился с письмом в Генеральный совет коммуны. В Париже была расклеена афиша за подписью депутата Одуэна (Audouin) — письмо к парижскому священнику по поводу процессии в день «тела господня» (Fête de Dieu). Одуэн советовал, в случае отказа Коммуны разрешить эту процессию, обратиться в Конвент, и тот, исходя из принципа свободы религиозных культов, даст свое молчаливое согласие. Бабеф решительно возражал против этого: «Пусть бог назаретян не претендует на бóльшие привилегии, чем другие, пусть он и его священники замкнутся в своих храмах. У нас есть дела поважнее» [218]. Нельзя уступать ни на вершок,— иначе все усилия последних четырех лет окажутся тщетными. Христос не является уже общим богом всех граждан, он не имеет права требовать для себя всеобщего преклонения на улицах. «У него есть еще достаточно привлекательные дома; пусть он спокойно остается у себя и ждет там почестей от своих сторонников. Пусть они, если хотят, устраивают ему свои, особые праздники. Но только свобода вправе ожидать, что в ее честь будут устроены всеобщие празднества» [219].

Арест и временное освобождение Бабефа совпали с решающими событиями в развитии «дехристианизаторского» движения в Париже [220]. 17 брюмера, за неделю до ареста Бабефа, к решетке Конвента явился конституционный епископ Парижа Гобель и отрекся от своего сана (одним из первых его примеру последовал аббат Купе, переизбранный членом Конвента; в числе отрекшихся был и другой член Конвента, епископ Уазы Массье, с которым Бабеф полемизировал в 1791 г.) [221]. 20 брюмера в соборе Парижской богоматери

---

[217] В переписке Купе и Бабефа уделено много внимания предстоявшим дебатам в собрании о «неприсягнувших» священниках. «Сейчас предстоит обсуждение вопроса о священниках,— писал Купе 12 ноября.— Идет подготовка с одной и с другой стороны. Вся публика в ожидании. С самого утра все полно» (ЦПА ИМЛ, 114 В VI). См. также его письмо от 8 декабря (ЦПА ИМЛ, 115 В VI) по поводу предложения депутата Рамона об отказе от выплаты жалованья священникам. По мнению Купе, это значило бы «наказать конституционных священников, которые поддерживают общее дело...»

[218] ЦПА ИМЛ, 82 В II; AHRF, 1963, № 171, сообщение А. Собуля.

[219] Там же.

[220] Отметим, что сейчас же после введения нового, революционного календаря Бабеф выпустил брошюру: «Nouveau calendrier de la République française. Conforme au décret de la Convention Nationale. A Paris, chez l'auteur, rue et porte Honoré, № 27» за подписью «Гракх Бабеф». В предисловии он писал, что выпускает первое издание «наспех», но уже готовит следующее издание, которое, как шутливо предсказывал Бабеф, затмит Матвея Лансберга — автора известного астрологического «Льежского альманаха». Эта ссылка, кстати, свидетельствует также о широте и разносторонности интересов Бабефа.

[221] H. Baumont. Le département de l'Oise pendant la Révolution.— «Bulletin de la société... de l'Oise», v. V, p. 256.

состоялось первое празднество культа Разума, и собор решено было переименовать в «храм Разума». Бабеф уже находился в тюрьме, когда 3 фримера, по предложению Шометта, Коммуна постановила закрыть все парижские церкви [222].

Но одновременно начиналась уже борьба против «дехристианизаторов». Наступили те самые дни между 28 ноября и 12 декабря, когда, по мнению бланкиста Тридона, произошел «главный кризис Революции» (la crise suprême de la Révolution) [223] и началось ее *попятное движение,— точка зрения, которую, как мы увидим,* не разделял Бабеф. 1 фримера (21 ноября 1793 г.) в якобинском клубе выступил со своей знаменитой речью против «дехристианизаторов» Максимилиан Робеспьер [224]. 6 фримера Дантон потребовал, чтобы в Конвенте были «прекращены всякие антирелигиозные маскарады». 8 фримера Коммуна фактически отказалась от своего решения о закрытии церквей. 16 фримера Конвент принял постановление, запрещавшее какое бы то ни было ограничение свободы культов. Как раз на следующий день Бабеф был освобожден. Нет ничего удивительного в том, что он проявил особый интерес к вопросам религиозной политики и высказал свою точку зрения по вопросам, волновавшим тогда всю Францию.

Бабеф изложил ее в письме к издателю «Парижских революций», Прюдомму [225]. «Я хотел бы, патриот Прюдомм,— писал Бабеф,— обсудить с тобой важный вопрос, для чего мне нужна полнейшая свобода слова, мужественным защитником которой ты всегда

---

[222] A. Aulard. Le christianisme et la Révolution française. Paris, 1925.

[223] G. Tridon. Les hébertistes. Paris, 1864.

[224] Д. Герен вполне разделяет точку зрения Тридона: «Его вывод является и нашим. Революция прекратила свое поступательное движение и реакция началась не 9 термидора, 27 июля 1794 г., как обычно считают, и не в жерминале, в конце марта 1794 г., как думал Мишле, но вечером 1 фримера, 21 ноября 1793 г., когда Робеспьер с трибуны якобинцев объявил войну дехристианизаторам» (D. Guérin. Op. cit., v. I, p. 470).

[225] После своего освобождения Бабеф пытался, как видно из его письма к Рессону 25 фримера II года — 15 декабря 1793 г., вернуться на работу в Центральную продовольственную комиссию, но, по-видимому, безуспешно. Тогда же он хотел сотрудничать в газете Прюдомма. 13 нивоза Тибодо писал Марешалю: «Повидай Прюдомма... постарайся, чтобы он нашел ему [Бабефу.— *В. Д.*] занятие (qu'il l'occupe); его положение слишком мучительно» (AN BB^{15} 859; см. также AHRF, № 157, p. 255). Сам Бабеф писал, что «очутившись в Париже, он стал одним из сотрудников газеты Прюдомма» (ЦПА ИМЛ, 99 В 11). До сих пор, однако, не обнаружено ни одной статьи в газете, авторство которой можно было бы приписать Бабефу.

В архиве деп. Соммы сохранилась копия письма Бабефа к Прюдомму от 29 нивоза II года, после его нового водворения в тюрьму; оно связано с хлопотами об освобождении: «Я посылаю патриоту Прюдомму, который так мной интересуется, несколько документов, которые я прошу его прочитать. Они докажут ему, что тот, в ком он проявляет такую заинтересованность, достоин ее и не мало сделал для того, чтобы вызвать те преследования, которым он подвергается. Я прошу республиканца Прюдомма передать эти документы нашему брату, Сильвену, который сумеет, возможно, с пользой их применить» (AD de la Somme $F^{129}/_{69}$).

был»[226]. Это письмо, по-видимому, так и не увидевшее свет, представляет значительный интерес, поскольку Бабеф занял в вопросах религиозной политики особую позицию, отличную и от эбертистов, и от Робеспьера. Второй раз за годы революции Бабеф формулировал свои разногласия с «Неподкупным». Впервые мы встретили эту критику в августовском письме 1791 г. к Купе, в котором он упрекал Робеспьера в чрезмерной «чопорности» (roideur) там, где требовалась страстная защита, энергия, настойчивость для «уничтожения нищеты и невежества». Зимой 1793 г. Бабеф критиковал его религиозную политику: «Робеспьер призвал всех французов хранить молчание по вопросам религии» (Robespierre a provoqué l'invitation au silence à tous les français)[227].

Но достаточно ли этого молчания, чтобы предотвратить опасность религиозного фанатизма? Бабеф не разделяет этого мнения: «Эта мера казалась необходимой, и я вовсе не пытаюсь ее оспаривать. Целью ее было затушить при самом возникновении громадный пожар фанатизма, несколько искр которого уже сверкнули, угрожая, возможно, воспламенить всю республику. Конечно, с помощью этой меры можно достигнуть цели, так как то, о чем не говорят, не в состоянии вызвать брожение. Но можем ли мы довольствоваться этими предосторожностями, чтобы помешать чудовищу фанатизма причинять нам зло? Некоторого рода сделка с ним, согласие на то, чтобы известные его остатки сохранялись в нашей среде, не покажет ли это ему, насколько мы все еще считаем его сильным? Мне кажется, мы слишком много сделали в борьбе против суеверий, чтобы остановиться на полпути; мы вынуждены *либо отступать, либо двигаться вперед*» (курсив наш.— *В. Д.*)[228].

Бабеф внимательно следил за положением дел в провинции, в частности, в деп. Соммы и Уазы, где «дехристианизаторское» движение продолжалось еще в середине фримера, хотя уже имели место волнения, как, например, в Амьене[229]. Он писал Прюдомму: «Культ

---

[226] В архиве сохранилось два варианта письма: один из них, черновой, более подробный (ЦПА ИМЛ, 37 В IV); только часть его Бабеф переписал набело (85 В IV). В первом варианте письмо начиналось так: «Я — земледелец, отец семьи и мэр своей коммуны. Человек среднего состояния и среднего образования, я не имею основания ни к тому, чтобы упорствовать в невежестве, ни к тому, чтобы быть его рабом. Я ищу истины для себя, для своих детей, для своих сограждан. С горечью я наблюдаю противоположные мнения по одному очень щекотливому вопросу. Я прибегаю к тебе, Прюдомм, и требую света, который заставил бы опуститься это густое покрывало религиозных туч, таящих в себе опасность еще не одной политической грозы» (ЦПА ИМЛ, 37 В IV). В журнале «Наука и религия» (М. 1959, № 2, стр. 71—73) напечатан отрывок из письма Бабефа Прюдомму в переводе Н. И. Непомнящей. К сожалению, редакция опустила в публикации очень важную часть письма, содержавшую резкую критику христианства.

[227] ЦПА ИМЛ, 37 и 85 В IV.

[228] Там же.

[229] В письме Конвенту от 11 фримера (1 декабря 1793 г.) А. Дюмон сообщал: «Религиозное шарлатанство терпит крушение. Отречение священников

разума, после того, как против него были приняты успокоительные меры, сделал еще некоторые успехи, но, в общем, он больше теряет, чем выигрывает; даже священники, отрекшиеся от сана, по сообщению Дюмона из Соммы, возобновляют в его департаменте занятие своим ремеслом; то же происходит и в других местах». Ожидать, что «разум» сам по себе, без поддержки «одержит полную победу, значит обречь себя на слишком долгое ожидание. Заблуждения слишком укоренились, слишком долго еще перевес будет на их стороне». Бабеф очень ясно предвидел, какие последствия повлечет за собой политика «молчания» и бездеятельности: «...Глубоко укоренившиеся предрассудки, влияние, которое священники еще сохраняют, скорее вынудят нас пойти назад; области республики, признавшие культ разума, последуют за большинством коммун, сохранивших верность христианству; а ведь признано, что христианство и свобода несовместимы... Свобода должна подавлять все, что ей мешает; следовательно, в число зол, подлежащих уничтожению, должен быть включен и католицизм, с которого они начинаются; нужно поэтому идти вперед» [230].

Но каким путем? Бабеф, не ограничиваясь критикой политики, предложенной Робеспьером, признавал и ошибочность средств, примененных «дехристианизаторами». «В самом деле,— писал он,— нельзя не видеть, что принятые меры вместо того, чтобы привести к результатам, на которые рассчитывали, могли лишь увеличить в неисчислимых размерах силы наших внутренних врагов, пробудить самые бурные страсти и вызвать всеобщее потрясение, восстановив против себя огромное множество неустойчивых людей (des faibles); примкнувшие к ним недоброжелатели извлекли бы из ожесточения огромные выгоды для себя. В самом деле, в чем состояли эти меры? Нескольких священников вынудили заявить, что они были просто шарлатанами и что культ папизма стоит ниже культа разума. Это были только голословные утверждения без всяких доказательств. Убедить народ не удалось: бо́льшая часть отречений была вызвана только своеобразным поветрием, модой, которой вынуждены были следовать, чтобы не прослыть дурными патриотами; жертвуя погремушками фанатизма, им не переставали верить и бросали на них украдкой взоры сожаления» [231].

от сана стоит в порядке дня. Повсюду закрывают церкви, сжигают святых и исповедальни; из аналойных книг делают зарядные картузы. Я возвращаюсь из Перонна, где... было проведено празднество разума» (H. Baumont. Op. cit., «Bulletin de la Société d'Oise», 1909, v. V, p. 256). См. также: M. Dommanget. La déchristianisation à Beauvais et dans l'Oise. Paris, 1918). Деятельность А. Дюмона и положение в Сомме вызывали опасения Робеспьера, который 17 фримера сделал запись: «Успокоить религиозные смуты в департаменте Соммы. Послать туда честного депутата-патриота» (A. Mathiez. Le carnet de Robespierre, в сб.: «Etudes sur Robespierre». Paris, 1958, p. 232 и H. Welschinger. Le carnet de Robespierre, «Correspondant», 1883, p. 1019).

[230] ЦПА ИМЛ, 37 и 85 В IV.

[231] Там же. См. «Наука и религия...», стр. 71.

Но из этой неудачи следует только то, что средство, примененное для «безвозвратного уничтожения предрассудков», было неудачно. Раз признано, что «судьба свободы зависит от полного торжества культа разума», нужно во что бы то ни стало искать других средств, обеспечивающих это торжество. Речь идет об уничтожении догм, которые с необыкновенным искусством внедряются в человеческую душу с самого раннего возраста и кажутся поэтому геометрическими аксиомами. Для этого недостаточно просто провозгласить, что они ложны,— нужны убедительные доказательства, нужно повсеместно «распространять образование при помощи простых книг, легко доступных пониманию, способных уничтожить фальшивую логику антиреспубликанских культов...» [232].

По мнению Бабефа, следует начинать с критики самого распространенного культа — христианства. Но для этого необходимо сделать то, чего никто еще не сделал,— начать с личности основателя этого культа, с Христа. Если захотят уничтожить предрассудки магометан, станут ли для этого заниматься прославлением корана и Магомета? Между тем именно так поступают в отношении основателя христианства: «Все с ужасом вспоминают о бесчисленных убийствах, о крови, которой этот культ запятнал всю землю, но эти ужасы приписывают только сторонникам, только ученикам, только священникам. Эту мораль, которая обрекла весь мир на невежество, на рабство, на страдания, явившиеся ее неизбежным последствием, называют чистой моралью. Утверждают, что таковы были намерения ее создателя, что только продолжатели отравили эту мораль. Вследствие этого сохраняют почитание евангелия и его героя» [233].

Только среди узкой части образованного общества (la class bel-esprit) осмелились усомниться в божественном происхождении Христа, но эту истину не решаются открыть массе, «самой здоровой части народа». Никто не осмеливается провозгласить открыто, что «Иисус из Назарета никогда не был богом», что евангелие является «жалким ворохом нелепых и детских историй». Но как можно добиваться уничтожения культа и по-прежнему почитать «его основу и его основателя»? [234]

Со свойственной ему последовательностью Бабеф берет на себя задачу, которую позднее пытались решить Бауэр, Штраус, Э. Ренан. Он пишет «новое жизнеописание Иисуса Христа».

В архиве Бабефа сохранилось начало рукописи, озаглавленной им так:

«Новая история жизни Иисуса Христа.

Полезное произведение для всеобщего образования.

В котором автор, впервые объясняя, кем была эта слишком прославленная личность и какова была цель ее действий,

[232] ЦПА ИМЛ, 37 В IV.

[233] Там же. Вся эта часть письма опущена в «Науке и религии».

[234] ЦПА ИМЛ, 37 В IV.

Приносит каждому уму, который согласен просвещаться, доказательства, более убедительное, чем признание самих священников, что мания религии является только шарлатанством.

Написана Гракхом Бабефом».

В заголовке был также эпиграф: «Я явился через тысячу лет, чтобы сорвать маску с этого бога-царя» [235].

Замысел этот возник у Бабефа, вероятно, в августе 1793 г. В его бумагах сохранился № 211 «Парижских революций». Судя по пометке («61 страница»), внимание Бабефа привлек отчет о «перенесении сердца Марата в клуб Кордельеров». В нем приведена речь одного оратора, проводившего аналогию между Маратом и Иисусом. «О, сердце Иисуса, о, сердце Марата! Священное сердце Иисуса, священное сердце Марата, вы имеете одинаковое право на наши почести». Оратор сравнивал апостолов с якобинцами и кордельерами, фарисеев, изгнанных из храма, с французскими аристократами, жену Марата с матерью Иисуса — одна спасла ребенка Иисуса из Египта, другая предохраняла Марата от меча современного Ирода, Лафайета. «Иисус был пророком, а Марат богом» [236]. В этом же отчете изложено выступление другого оратора, Броше, отметившего, что «он был поражен этим сопоставлением: Марата нельзя сравнивать с Иисусом; этот человек создал суеверия, он защищал царей... Никогда не нужно вспоминать об Иисусе; это — глупости» [237]. Эта попытка создания «культа Марата» и восхваления Иисуса вызвала резкую реакцию со стороны Бабефа. На листке, приложенном к номеру газеты, он набросал первый вариант заголовка своей «Новой и точной истории Иисуса Христа» [238]. Сама рукопись относится, очевидно, к более позднему периоду, ко времени кратковременного пребывания Бабефа на свободе в декабре 1793 г.

«Пусть явится свет! — начинает Бабеф свою рукопись.— Я хочу смело, как это необходимо, когда дело идет о том, чтобы вырвать с корнем самое гибельное из всех заблуждений, сорвать повязку, которая так долго и так жестоко скрывала истину... Я нападаю беспощадно на главного идола, которого до сих пор чтили и боялись наши философы, осмеливавшиеся нападать только на его свиту и его окружение» [239].

---

[235] ЦПА ИМЛ. 5 В II. «Histoire nouvelle de la vie de Jésus Christ. Ouvrage utile à l'Instruction universelle, dans lequel l'Auteur.

En démontrant qu'il est le premier qui ait bien vu ce qu'était ce très renommé personnage et quel a été le but de sa conduite et de ses actions.

Porte dans tout esprit qui consent à être éclairé la conviction, plus irrésistible encore que celle qui résulte de l'aveu des prêtres, que la religiomanie n'est que charlatanisme.

Par Gracchus Babeuf

Je viens, après mille ans, démasquer ce Dieu-roi. A Paris. L'an 2 de la République française.

[236] «Révolutions de Paris», № 211, du 30 juillet au 3 août 1793.

[237] Ibid., p. 62.

[238] ЦПА ИМЛ. 86 В II.

[239] ЦПА ИМЛ. 5 В II. В рукописи семь страниц in 4°.

4439/1

Histoire
nouvelle ~~[illegible]~~
de la Vie
de Jésus-Christ.

Ouvrage utile à l'Instruction universelle.

Dans lequel l'Auteur,

démontre qu'il est le premier qui ait bien vu ce qu'était ce trop renommé personnage, et quel a été le but de sa conduite et de ses actions,

porte, dans tout esprit qui consent à être éclairé, la conviction, plus irrésistible encore, que la religion [illegible] l'œuvre des prêtres, que [illegible] charlatanisme.

Par Gracchus Babeuf.

Jésus, après mille ans, démasqué [illegible]
Dieux rois

à Paris,
de l'Imprimerie [illegible].
l'an 2 de la Rép. française

«Новая история жизни Иисуса Христа» (ЦПА ИМЛ)

Наибольший интерес в рукописи (Бабеф успел написать очень немного) представляет именно эта резкая критика «философов», всех «наиболее смелых антипапистов», «всех республиканцев, вооруженных наилучшими принципами», не решившихся все же доказать «ничтожество» (le néant) основателя христианства. Эту критику Бабеф начинает с Руссо: «Ты первый, Жан-Жак, почему ты продлил иллюзии людей в отношении того, кто причинил им больше всего зла, чье странное непостоянство в жизни принесло столько мучений нашей земле и обагрило ее таким количеством крови? О, насколько это недостойно тебя (первоначально в рукописи было: «О, как я сержусь на тебя».— *В. Д.*), когда ты искренне восхищаешься евангелием и как будто бы чистосердечно сомневаешься в том, был ли его автор только человеком» [240]. В письме Прюдомму Бабеф еще резче отзывался о Жан-Жаке: «Руссо никогда не казался мне столь ничтожным, как тогда, когда он хвалил его (Иисуса.— *В. Д.*) и его справедливость» [241].

Он решительно выступает и против Эбера, и это особенно любопытно, так как это единственное упоминание об Эбере, встречающееся у Бабефа в первые годы революции: «Ты также, отец Дюшен, ты также называешь Иисуса санкюлотом, честным якобинцем, ты также восхищаешься его моралью, сердишься только на его учеников и наследников за то, что они исказили эту мораль...» [242]. Бабеф критикует также Жилле (Gillet), автора брошюры «Подлинное евангелие», изобразившего Иисуса «мудрецом, честным человеком, законодателем» и сравнившего его с Горой и Конвентом.

Бабеф обрушивается на все эти утверждения: «Жан-Жак, отец Дюшен, гражданин Жилле, я не боюсь выступить против вас всех. Христос был только человеком, он не был ни санкюлотом, ни честным якобинцем, ни мудрецом, ни моралистом, ни философом, ни законодателем» [243]. Иисусу приписывают титул «основателя доктрины, основоположника законодательства». «С евангелием в руке,— пишет Бабеф,— я докажу,— и это ясно, как день,— что он никогда не думал быть ни тем, ни другим» [244]. Только евреи, «о глупой

[240] ЦПА ИМЛ. 5 В II («Que ⟨je t'en veux de ce malheureux passage⟩ tu me parâis au dessus de toi quand je te vois bonnement admirer l'Evangile, et douter. avec une grande apparence de bonne foi, si son auteur n'est pas véritablement pas plus qu'un homme»).

[241] «Rousseau ne m'a jamais paru si petit que quand il l'a loué et sa justice» (ЦПА ИМЛ, 37 В IV). Отметим, что в 1791 г., в своем памфлете против Турнье. Бабеф иначе формулировал свое отношение к Руссо, в связи с его оценкой евангелия: «Жан-Жак. наш учитель. был тысячу раз прав. когда утверждал, что на основании некоторых взятых в отдельности мест евангелия, было бы за что двадцать раз повесить бога-сына» (ЦПА ИМЛ. 35 В II).

[242] Ср. «Père Duchesne». № 307: Христос, «лучший из якобинцев, когда — либо существовавших на свете», «славный санкюлот Иисус».

[243] ЦПА ИМЛ, 5 В II. Ж. Вальтер совершенно безапелляционно утверждает в новом издании своей работы о Робеспьере. что «Бабеф и Эбер соглашаются с изображением Иисуса как „санкюлота"» G. Walter. Robespierre. Paris. 1961. v. II. p. 475, n. 8).

[244] ЦПА ИМЛ. 5 В II.

доверчивости которых в других отношениях приходится сожалеть»[245], имели о нем правильное представление.

По мнению Бабефа, Иисус был только претендентом на трон. «Да, именно такова, в двух словах, единственная цель, к которой направлены были все усилия Иисуса из Назарета... Конспирировать для того, чтобы стать царем иудейским..., конспирировать, я повторяю, чтобы взойти на престол,— все его действия, все его слова, все его поступки были связаны только с этим его планом, и я докажу, что у него не было никаких других, я докажу, что он погиб только из-за этого...» Последний потомок из рода Давидова, Иисус, также рассчитывал взойти на престол, как и последний претендент из рода Стюартов в Англии, или «маленький Капет», который никогда не забудет о том, что его отец был королем Франции. Не следует забывать эту историю сына Марии: «Пусть сирота Капет будет воспитанником сапожника Симона, пусть его образование ограничится тем, что он научится тачать башмаки или чинить их,— это не должно быть основанием для беспечности... Мнимый правнук Давида был воспитан плотником, и тем не менее он пытался осуществить честолюбивый замысел завоевания царства израильского»[246].

Эта оценка Иисуса и роли христианства, развитая Бабефом, резко отличается от позиции Буонарроти, остававшегося до конца своих дней деистом, разделявшего тезис о «бессмертии душ», отстаивавшего идею «гражданской религии» Руссо.

Очень пространно Буонарроти изложил свою точку зрения в апреле 1830 г. в письме к Ш. Тесту в связи с присланным ему изложением сен-симонистской доктрины, и у нас нет оснований предполагать, что он в этом отношении занимал иную позицию в годы революции. Считая совершенно правильным стремление сен-симонистов найти для своих социальных взглядов «религиозную санкцию», Буонарроти писал: «Никто больше меня не убежден в благодетельных намерениях Иисуса; я считаю, что... он был великодушным проповедником равенства и добродетели. Таковы были, по моему мнению, первоначальные основы христианства в его чистом виде и в понимании его основателя. Если бы существовала возможность сделать эту истину ощутимой каждому добросовестному человеку, я, не колеблясь, поддержал бы идею использования христианства для коренной реформы человеческих учреждений; осуществленная, таким образом, она была бы полной и незыблемой. Но Иисус ничего не написал, и его подлинное учение мы находим только в произведениях, в которых оно соединено с невероятными историями и противоречивыми заветами»[247]. Только это обстоятельство вынуждало Буонарроти отказаться от обоснования, от «санкции» идей социализма «чистой доктриной евангелия». Как видим,

---

245 ЦПА ИМЛ, 37 В IV («Les juifs seuls, dont nous regardons avec pitié la stupide credulité à d'autres égards, ne se sont pas trompés sur le personnage»).

246 ЦПА ИМЛ, 5 В II.

247 A. Saitta. Filippo Buonarroti, v. II. Roma, 1951, p. 142.

взгляды Бабефа и Буонарроти на роль религии и христианства отличались достаточно резко[248].

Бабеф собирался дать в своей «Новой истории Иисуса Христа» подробный анализ евангелия: «Евангелие, знаменитая книга! В моих руках твои страницы... Правда о твоем герое, рассказанная без всякого приукрашивания, покажет, чего он стоил. Пусть погибнет фанатизм, пусть погибнут суеверия, пусть исчезнет вся ложь, которую сеяли тираны человеческого рода, чтобы укрепить свое несправедливое господство»[249]. На этих словах рукопись обрывается. В тюрьме Аббатства, куда Бабеф был заключен в ночь под новый 1794 год, он, конечно, не мог ее продолжать.

VII

13 нивоза, через два дня после нового ареста Бабефа, его официальный защитник Тибодо писал Сильвену Марешалю: «Я знаю и знал уже раньше, что Бабеф может обжаловать свой приговор только в департаменте Соммы; этот бедный патриот будет снова принесен в жертву, если его делом не займутся в революционном порядке Гойе, Комитет общественного спасения и Законодательный комитет.

Я хочу, не теряя ни минуты, напечатать записку по поводу преступлений департамента Соммы, страшного дела, возбужденного против Бабефа и его деятельности в департаменте. Тогда Гойе, Комитет общественного спасения и Законодательный комитет, сопоставив эту записку с материалами процесса, которые им придется затребовать, убедятся в необходимости вести себя по-революционному, чтобы спасти Бабефа от его палачей»[250].

В этом письме Тибодо изложен план действий, составленный Бабефом, но его осуществление продвигалось невероятно медленно. Только 17 плювиоза, больше чем через месяц со времени второго заключения, министерство юстиции затребовало из Амьена дело Бабефа, доставленное в столицу 25 плювиоза (13 февраля 1794 г.). Составление и печатание защитительной записки тоже затянулось. «Я нахожусь здесь уже давно,— писал Бабеф своему старшему сыну, Роберу-Эмилю, 20 плювиоза (8 февраля) из тюрьмы Аббатства,— но мое дело еще совершенно не продвинулось. Несчастные типографы никак не закончат. А пока что, мой друг, твой отец страдает. Но ты знаешь, как велико его упорство в сопротивлении несчастьям... Лишь бы только, в конце концов, стала очевидной его невиновность,— это все, к чему он стремится»[251].

---

[248] Это расхождение совершенно правильно было отмечено Ж. Лефевром в его рецензии на книгу А. Галланте Гарроне «Бабеф и Буонарроти» (AHRF, 1950, N 117, p. 78).

[249] ЦПА ИМЛ, 5 В II.

[250] AN, BB[16] 859. См. также G. Bourgin. Quelques inèdits de Babeuf. AHRF, 1959, N 157, p. 254—255.

[251] ЦПА ИМЛ, 15 В VIII.

Большую поддержку Бабефу оказали его поручители — Тибодо, Доб, Сильвен Марешаль. «Не беспокойся ни о чем,— писал ему Тибодо 21 нивоза,— я не теряю ни минуты, будь в этом уверен; увидим, что сделает честный Гойе»[252]. «...Несмотря на все несчастья, я вижу, что ты не теряешь мужества. Продолжай разоблачать твоих гнусных преследователей. Испытание не будет продолжительным, и его исход принесет тебе славу»,— успокаивал Бабефа Доб в письме от 7 плювиоза.— Все патриоты, с которыми я говорил о тебе, убеждены, что ты жертва беспримерной травли... Не волнуйся о семье — Тибодо, Марешаль и я, мы выполним вместе священный долг дружбы и патриотизма»[253].

Участь семьи, оставленной им без всяких средств, больше всего беспокоила Бабефа. К тому же 1 плювиоза заболел оспой Эмиль, вслед за ним второй сын, Камилл, и самый младший, вскоре умерший. Сохранились поразительно нежные и трогательные письма, которые отправлял почти ежедневно Бабеф во время болезни сына: «Эмилю Бабефу, французскому республиканцу», «моему товарищу», «моему другу Эмилю»[254]. Одно из них представляет очень удачную пародию на стиль эберовского «Отца Дюшена» — стиль, к которому, кстати, Бабеф никогда не прибегал в своих изданиях[255]. Предстоявший первый визит Эмиля в тюрьму, после выздоровления, Бабеф встретил четверостишием:

«Значит, завтра
Встречу брата,
Завтра ручку
Поцелую»[256].

Из тюрьмы, как и позднее, во время Вандомского заключения[257] Бабеф пытался руководить воспитанием сына, вникая во все детали. Так, он критиковал стиль Эмиля: «Стиль твоих писем очень моногонен... Все они слишком напоминают друг друга. Они

[252] ЦПА ИМЛ, 90 В V.

[253] ЦПА ИМЛ, 121 В VI («Au patriote persécuté»)

[254] В архиве сохранилось семнадцать писем, посланных Бабефом Эмилю за время его болезни с 1 плювиоза ,(20 января 1794 г.) до 1 вантоза (19 февраля) (ЦПА ИМЛ, 2—10 и 12—21 В VIII). Несколько писем было опубликовано Адвиеллем (V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 101—105).

[255] ЦПА ИМЛ, 101 В VIII. V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 101—102 («La grande joie du papa d'Emile. De voir que la bougre de vérole fout de camp plus vite qu'elle n'est venue... Cette foutue maladie comptait bien t'emporter dans la terre. Quelle sacrée bête de figure tu aurais fait là... Ah, maudite coquine, nous nous contre-foutons de toi, à présent... Tu penses que nous allons nous gratter d'être plus laid qu'un jean foutre... Tu en auras menti, bougre de méchante... Que le diable t'emporte à jamais, foutre»).

[256] ЦПА ИМЛ, 20 В VIII (29 pluviôse — 17 февраля 1794 г.)

C'est donc demain
Que je verrai mon frère;
C'est donc demain
Que je baisse sa main.

[257] См. «Французский ежегодник. 1960». М., 1961, стр. 272—274.

всегда начинаются словами: «Здравствуй, мой папа», и всегда заканчиваются: «Пиши мне, я тебя обнимаю». Всегда нужно стремиться к разнообразию; ты должен был заметить, что мои письма всегда отличаются и своим началом, и концом» [258]. «Ты недостаточно упражняешь свою память»,— упрекал он сына 1 вантоза [259]. Отмечая орфографические ошибки, Бабеф рекомендовал, в случае сомнения в правописании, почаще обращаться к уже прочитанным книгам и особенно к словарям. «Лучший способ проверки — это словари». Можно не сомневаться, что Бабеф опирался на собственный опыт. Именно так он поступал, вероятно, в молодости, когда, благодаря своей настойчивости, безукоризненно овладел орфографией. Его отцовская нежность оказалась, однако, задетой, когда Эмиль слишком уж точно последовал его советам: «Я вовсе не хотел запрещать тебе выражения, в которых ты всегда выражал свою дружбу. Ты постоянно начинал: «Здравствуй, папа» и кончал: «Я тебя обнимаю». Эти выражения доставляли мне только удовольствие; они каждый раз напоминали о твоих душевных чувствах, о твоей нежности, о твоей любви ко мне. Я был бы огорчен, если бы ты от них отказался» [260].

Известный просвет в положении Бабефа появился только в начале вантоза. 3 вантоза Доб согласился взять на себя окончательное редактирование защитительной записки: «Мое рвение возместит недостаток таланта, и я возьмусь за это. Пусть мне принесут мемуар вместе со всеми приложениями» [261]. Но между Бабефом и Добом обнаружились некоторые разногласия. Бабеф стремился придать этому произведению наступательный характер; по мнению Доба, следовало «ограничиться обороной»; нападение со стороны человека, находящегося под следствием, «всегда будет слабее, чем нападение, совершенное после оправдания» [262]. Окончательная редакция, приданная Добом мемуару, очевидно, не удовлетворила Бабефа. «Не я его редактировал,— писал он жене Гойе 21 вантоза,— и мне кажется, что он не так написан (ce n'est pas moi qui l'ai rédigé, et je regarde qu'il n'est point écrit). Тем не менее в нем можно найти основные линии моей революционной истории, моих поразительных злоключений и моих преследований. Я пишу сейчас другой мемуар Я надеюсь, что его будут читать и что он явится историческим описанием жизни человека, которого можно причислить к тем, кто больше других принес жертв и пострадал за свободу» [263].

---

[258] ЦПА ИМЛ, 13 В VIII.

[259] ЦПА ИМЛ, 20 В VIII. «Ты ничего мне не ответил,— писал он Эмилю,— на мой совет брать ежедневно урок чтения; ты не ответил, собираешься ли ты ему последовать» (ЦПА ИМЛ, 15 В VIII).

[260] ЦПА ИМЛ, 14 В VIII.

[261] ЦПА ИМЛ, 122 В VI.

[262] Там же. 7 вантоза Доб сообщил Бабефу, что получил через Эмиля все приложения к мемуару. «Я очень внимательно их прочту, чтобы при случае их использовать» (ЦПА ИМЛ, 123 В VI).

[263] ЦПА ИМЛ, 101 В IV.

8 вантоза Тибодо сообщил Марешалю, что «предварительная защита бедного Бабефа», наконец, вышла в свет. Он достаточно ярко объясняет причины задержки: «Медлительность типографии, беспорядок, в котором находились документы Бабефа, необходимость доставить часть их из Мондидье, наконец, огромный объем бумаг, которые приходилось по частям приносить к нему в Аббатство, чтобы отобрать те, которые должны были войти в приложение; к тому же сам он был болен; трое его детей перенесли оспу; его добродетельная жена должна была днем уделять им все свое время, а по вечерам отправляться в тюрьму, чтобы утешать мужа; невообразимая нужда — вся эта картина слишком потрясающа, чтобы подробно ее описывать» [264]. К письму Тибодо приложил печатный текст «мемуара» [265], который Марешаль на следующий же день, 9 вантоза, переслал Гойе вместе со всей поэмой «Бог и священники» [266].

8 вантоза на деле Бабефа, прибывшем в министерство юстиции из Амьена, была наложена резолюция: «Выяснить, нет ли оснований, дающих Бабефу право требовать, чтобы его судил другой трибунал, а не тот, который рассматривал это дело заочно. Просьба разобрать возможно скорее и передать генеральному секретарю» [267].

После вантозовских декретов Бабеф стал настаивать на том, чтобы его дело было передано в Комитет общественной безопасности [268], который внушал ему, по-видимому, больше доверия. Но Доб и Тибодо, возлагавшие все надежды на Гойе, с ним не соглашались.

---

[264] AN, BB[16] 859; AHRF, N 157, p. 256.

[265] Babeuf, ex-administrateur du département de la Somme et successivement du district de Mondidier. Aux comités de Salut public, de sûreté générale, et de législation de la Convention Nationale et à Gohier, Ministre de la justice. De l'imprimerie de Prault, cour de la Maison de Justice. Судя по приведенной нами переписке, книга была напечатана в последних числах февраля 1794 г.

[266] «Сильвен посылает тебе философскую поэму „Бог и священники", на которую ты подписался, и оправдательный мемуар честного и несчастного Бабефа; он и я просим тебя просмотреть письмо его официального защитника, адресованное Сильвену... Добейся в Комитете общественного спасения триумфа для этого невиновного» (AN, BB[16] 859; AHRF, 1959, № 157, p. 255). В эти же дни Марешаль переслал свою поэму и Бабефу. Приводившийся уже нами ответ Бабефа датирован 10 вантоза (28 февраля 1794 г.) («Pages choisies...», p. 159).

[267] AN, BB[16] 859; AHRF, 1959, № 157, p. 254.

[268] «Этот декрет (от 8 вантоза.— *В. Д.*),— писал он.— относится ко мне; меня должен судить только Комитет общественной безопасности. Наш путь благодаря этому сильно сокращается, потому что раньше мы нуждались в докладе этого Комитета и декрете Конвента, тогда как сейчас непосредственного расследования этого Комитета достаточно. Но следует изменить наш первоначальный план: вместо того, чтобы обращаться сперва в Комитет общественного спасения, мы должны этого избежать и прямо направиться в Комитет общественной безопасности... Нужно срочно передать мое дело в этот Комитет...» (AD de la Somme F[129], копия). Тогда же Бабеф представляя сведения о своей деятельности после революции, которых вантозовский декрет требовал от всех заключенных, писал: «...Я льщу себя надеждой, что мало кто из патриотов может представить более удовлетворительные» (Ibidem.).

«Ты ошибаешься, указывая нам новый путь,— писал Доб в тюрьму 11 вантоза.— Министр относится к твоему делу с тем рвением, которое оно должно внушать каждому патриоту. Нам нужно, следовательно, целиком положиться на него. Он заявил Марешалю, что, будь твой мемуар напечатан месяцем раньше, ты уже сейчас был бы оправдан» [269].

21 вантоза жена Бабефа и Эмиль, по настоянию Марешаля [270], были лично приняты Гойе. «Министр меня поцеловал,— сообщил Эмиль отцу в тот же день.— Он нам сказал, что постарается, чтобы тебя судили здесь. Он сказал, что, будь он твоим судьей, ты был бы очень быстро освобожден, что он ни на минуту не будет терять из виду твое дело. Он обещал, что отправится в Комитет общественного спасения. Надейся на министра; он очень к тебе расположен... Он передал тебе привет... Наберись мужества» [271]. Через два дня Эмиль и его мать посетили жену Гойе, к которой Бабеф обратился с письмом. «Она простая женщина,— писал Эмиль после своего визита.— Она очень расположена к несчастным. Она сказала, что если тебе приходится идти по терниям, то зато я увижу, как распустятся розы» [272].

Однако Гойе настаивал перед Марешалем, что не следует чрезмерно спешить. «Лучший способ испортить дело,— это его форсировать» [273]. Это, конечно, совсем не совпадало с надеждами самого Бабефа. После выхода мемуара он, по-видимому, надеялся придать делу самую широкую огласку. Даже соглашаясь в письме к Гойе (21 вантоза) «не спешить», он просил все-таки разрешения распространять мемуар, не ограничиваясь рассылкой его членам Комитета общественного спасения [274].

1 жерминаля Бабеф был переведен в тюрьму Сент-Пелажи. Он расценил это как результат вмешательства Гойе; но уже через несколько дней Бабеф убедился в неосновательности своих предположений. Его перевод был вызван только внутритюремными передвижениями [275]. Парижские тюрьмы были переполнены: как раз в эти дни были арестованы эбертисты (в ночь с 23 на 24 вантоза).

---

[269] ЦПА ИМЛ, 124 В VI; ЦПА ИМЛ, 87 В V (11 ventôse — 1 марта 1794 г.).

[270] «Только один взгляд, я молю тебя во имя невинного и страдающего человечества, только один взгляд на прилагаемое письмо, и одно слово матери четырех детей, которая хочет тебя увидеть... Привет, братство и дань уважения твоему твердому и просвещенному патриотизму... Ты уделишь три минуты внимания матери четырех детей, отец которых находится в тюрьме» («Sylvain Maréchal à Gohier» AN BB[16] 859; AHRF, 1959, N 57, p. 254).

[271] ЦПА ИМЛ, 64 В VIII.

[272] ЦПА ИМЛ, 65 В VIII.

[273] ЦПА ИМЛ, 101 В IV («...Le Ministre ne s'est flatté de réussir qu'en ne brusquant point l'affaire»).

[274] ЦПА ИМЛ, 109 В II.

[275] AN, BB[16], 859 («Maison d'Arrêt, dite Pélagie, 7 germinal l'an 2 de la République»: «...j'ai vu depuis qu'il y a apparence que ce n'a été que le résultat de mouvements de distribution dans les diverses prisons»).

Несмотря на противодействие друзей, Бабеф пытался все же осуществить свой план. 3 жерминаля он переслал свой мемуар в комитет своей секции Елисейских полей с просьбой направить все дело в Комитет общественной безопасности [276].

7 жерминаля он вновь напомнил о себе Гойе: «Моя жена, мои дети и я, все мы неизбежно умрем от голода, они на своем жалком ложе, а я в темнице... Уже пять месяцев, как я в заточении». Единственным источником существования семьи является помощь, которую оказывают ей два друга, служившие в продовольственной администрации, но «добродетель щепетильна». «Меня тяготит, что я обременяю двух превосходных республиканцев, и я боюсь, что заставляю страдать их семьи» [277]. Бабеф просил Гойе все о том же: переслать его дело в Комитет общественной безопасности.

14 жерминаля жена сообщила, что она отнесла письмо к Гойе [278]. Выяснилось новое препятствие: в деле, присланном из Амьена, не оказалось одного протокола, и его пришлось затребовать вновь. Это сообщение крайне взволновало Бабефа: «Я был потрясен и возмущен,— писал он снова Гойе 17 жерминаля,— злобной выходкой моих врагов... То, что я предвидел, свершилось. Я не знаю, какой протокол они сознательно не переслали, но я подозреваю, что это мой акт об исправлении (rétractation) от 30 января 1793 г.» [279],— акт, которому Бабеф, как мы помним, придавал такое большое значение. Новая оттяжка тем более беспокоила Бабефа, что 1 флореаля предстояла ликвидация министерства юстиции, и Гойе должен был уйти.

Из письма Доба Гойе от 24 жерминаля мы узнаем, что друзья Бабефа посетили Законодательный комитет [280]. Тибодо и Доба сопровождали еще 8 депутатов Конвента. Судя по сохранившейся переписке, можно предположить, что в их числе были Гарнье, Пике, Жерту (деп. Восточных Пиренеев), Дерю (Desrues), знавший Бабефа по продовольственной администрации. Был намечен следующий план действий: Комитет общественного спасения или один из секретарей Конвента перешлет все дело Бабефа в Законодательный комитет, а тот в кратчайший срок передаст его в кассационный трибунал [281].

Только 25 жерминаля Гойе поручил подготовить доклад по делу Бабефа для Комитета общественного спасения. Однако бюрократическая машина, даже во времена террора, действовала по-своему. Прошло еще несколько недель пока дело Бабефа попало в Законодательный комитет.

---

[276] ЦПА ИМЛ. 102 В IV.
[277] AN. BB[16] 859.
[278] ЦПА ИМЛ. 70 В VIII.
[279] ЦПА ИМЛ. 103 В IV.
[280] ЦПА ИМЛ. 69 В VIII.
[281] AHRF. № 157, p. 257.

Жерминаль был тяжелым и напряженным месяцем для революционного правительства. 4 жерминаля (24 марта) были казнены эбертисты, 16 жерминаля (5 апреля) за ними последовали дантонисты. Для Бабефа это был месяц напряженного ожидания освобождения и неизменных разочарований. Сохранились заметки, свидетельствующие о том, как мучили его эти непрерывные проволочки. «23 жерминаля моя жена пишет: не беспокойся, мой друг, все скоро кончится, 25-го она сообщает, что министр уже три дня находится все время в Законодательном комитете; он сообщил, что неотступно занимается этим делом и что через три дня я буду освобожден. 27-го она была с утра у министра. Если бы он не был так занят, мое дело было бы закончено завтра или послезавтра. Возможно, что так и случится: один из моих друзей дал жене письмо для министра, другой встретился с ним и просил поторопиться; моей жене дали самые успокоительные заверения, за мной сохранено место; я займу его, как только выйду на свободу»[282]. Но свобода так и не приходила.

28 жерминаля (17 апреля) Бабеф опять написал Гойе. Он сослался на речь Робеспьера в якобинском клубе 26 жерминаля: «Каждый раз, когда обнаруживают преследуемого патриота, должно немедленно вспыхнуть гражданское рвение. Друзья Республики должны спасать патриотов от гонений... От имени Конвента и Комитетов общественного спасения и общественной безопасности мы обещаем всем французам, что ни один патриот не останется неотомщенным и ни один аристократический преследователь не останется безнаказанным». Эта речь, казалось, прямо относилась к делу Бабефа. «Эти обещания преследуемым патриотам,— писал он Гойе,— вселяют в меня самые приятные надежды..., почти полную уверенность, что мне недолго придется томиться в заключении. Будет совершенно достаточно, если министр юстиции, который давно хотел составить доклад в мою пользу, отошлет его в согласии с Законодательным комитетом в Комитет общественной безопасности, напомнив об этом обязательстве Робеспьера, и тогда комитет, наделенный декретом 8 вантоза правом освобождать заключенных патриотов, освободит и меня»[283].

В конце жерминаля, еще до ухода со своего поста, Гойе успел все же представить свой доклад по делу Бабефа Комитету общественного спасения, и тот поручил Законодательному комитету дать свое заключение. Комитет назначил докладчиком Мерлена из Дуэ, будущего термидорианского министра юстиции. В той же бабефовской записи отмечено: «6 флореаля жена сообщила мне: «Мерлену, члену законодательного комитета, поручен доклад по твоему делу; это добрый малый (c'est un bon garçon), я с ним говорила»[284]. Одна-

---

[282] ЦПА ИМЛ, 91 В II.

[283] ЦПА ИМЛ, 92 В IV. На письме есть пометка Бабефа, что оно не было отправлено.

[284] ЦПА ИМЛ, 91 В II.

ко еще и в середине флореаля все документы по делу Бабефа продолжали оставаться в бывшем министерстве юстиции. «Мы знаем,— гласил ответ, данный жене Бабефа 18 флореаля от имени Эрмана (Herman), комиссара гражданской администрации, полиции и Трибуналов (des administrations civiles, Police et Tribunaux), куда перешли все дела ликвидированного министерства,— что бывший министр юстиции представил Комитету общественного спасения в связи с петицией твоего мужа доклад о том, что уголовное дело, возбужденное против него и разбиравшееся в его отсутствии, должно быть пересмотрено в другом трибунале... Но комиссии неизвестно, решил ли Комитет общественного спасения переслать это дело в Законодательный комитет. Не зная этого точно, комиссия не может отвлекать Законодательный комитет от его работ и занимать его время частным делом, которое Комитет общественного спасения, возможно, и не счел нужным ему адресовать» [285].

Приходилось начинать новые хлопоты. «Напиши Дерю, депутату, который тобой интересуется, и Пти,— советовала жена 11 флореаля. Это те двое, с которыми я разговаривала; они друзья Мерлена» [286]. Следуя этому совету, Бабеф 13 флореаля (2 мая 1794 г.) обратился к Дерю: «Я прошу тебя стать моим защитником в Законодательном комитете. Вот уже 6 месяцев, как я в заключении. Неужели этого недостаточно? Неужели это не слишком много? Клянусь тебе, что я уже не в состоянии переносить все эти страдания. Я совершенно выбился из сил (mon physique est au bout de sa force); моя жена не знает о моем печальном состоянии... Только быстрое освобождение может меня спасти. Нужно, чтобы ты повидался с Мерленом из Дуэ, которому Законодательный комитет поручил доклад по моему делу; совершенно необходимо, чтобы ты его поторопил» [287].

23 флореаля Бабеф сам писал членам Законодательного комитета: «...Мои преследователи..., всегда бывшие контрреволюционерами, спят спокойно и даже руководят общественными делами, в то время как я за то, что всегда их преследовал, постоянно расстраивал их коварные замыслы, томлюсь, как жертва в тюрьме на хлебе и воде, без всякого общения с миром, не имея возможности даже сообщить жене о своем положении..., отлично зная, что она и ее маленькие дети находятся в такой же нужде. Как республиканец, я мужественно и стойко перенес бы это тягостное положение, но меня терзает, что вместе со мной его должны разделять хрупкие существа в самом нежном возрасте» [288].

---

[285] AN, BB[16] 859.

[286] ЦПА ИМЛ, 71 В VIII. «Это протянется не так долго, но для нас это очень долго». В письме жена сообщила Бабефу, что они живут исключительно за счет Доба, который «оплачивает все расходы».

[287] ЦПА ИМЛ, 99 В IV.

[288] «Aux citoyens membres du Comité de legislation. Maison d'arrêt dite Pélagie 23 floréal l'an 2 de la République fr[ançaise] une et indivisible». На письме пометка: «Affaire de Babeuf. Merlin de Douay, rapporteur, à 10». («Французский

19 флореаля, за подписью будущего третьего консула Камбасереса, Законодательный комитет затребовал, наконец, дело Бабефа [289]. Доклад Мерлена не заставил себя ждать. 25 февраля в «Bulletin de correspondance de la Convention Nationale» был напечатан декрет Конвента от 24 флореаля (13 мая 1794 г.) по поводу «жалобы Камилла Бабефа, бывшего администратора дистрикта Мондидье, на приговор уголовного трибунала департамента Соммы от 23 августа 1793 г.» [290] Декрет признавал, что трибунал на основе существующих законов имел бы право судить Бабефа за «якобы совершенные им должностные преступления» только в том случае, если бы это дело было переслано ему самим Конвентом. Дело Бабефа передавалось поэтому в кассационный трибунал, который, в том случае, «если для этого есть основание», может переслать дело на рассмотрение в «тот уголовный трибунал, который он сочтет пригодным» [291].

Кассационный трибунал мог, таким образом, либо вовсе прекратить дело, либо возобновить затяжную судебную процедуру. «Я видел сегодня гражданина Вьейара (Vieillard), члена кассационного трибунала,— писал Доб жене Бабефа 5 прериаля (24 мая 1794 г.),— он не входит в уголовную секцию, поэтому дело твоего мужа не имеет к нему отношения, но то, что он мне сказал, должно тебя успокоить; он заверил меня, что, как только дело поступит, оно будет рассмотрено в течение восьми дней и он не думает, что оно будет переслано в другой трибунал. Я видел Тибодо, который должен завтра говорить с другим членом трибунала и передать ему мемуар. Дерю, который только что был в моем бюро, пойдет сегодня в Законодательный комитет, чтобы выяснить, отправлены ли уже бумаги, и поторопить, если это еще не сделано» [292].

Тем временем Бабефа ждали новые трудности. В конце флореаля тяжело заболела его жена. Она известила его об этом 1 прериаля (20 мая): «Я уже не надеялась, что сумею опять тебе написать. Сейчас я чувствую себя лучше. Но не беспокойся, твои друзья

ежегодник. 1959». М., 1961, стр. 572—573; подлинник находится в Ленинграде, в архиве ЛОИИ и входит в коллекцию акад. Н. П. Лихачева).

289 AN, BB 16 859. В Законодательном комитете у Бабефа нашлись свои противники. На флореальской переписке жены Бабефа по поводу пересылки дела есть такая пометка: «Но факт подделки является несомненным, и Бабеф хочет извинить или уничтожить его своим мнимым исправлением (par une prétendue rétractation)» (Ibid.).

290 Этот декрет, появившийся в № 588 «Бюллетеня», был перепечатан Бабефом в 1796 г. в листке «Gracchus Babeuf, Tribun du Peuple à ses concitoyens», p. 5. См. также: AP, t. 37, p. 196.

291 Ibid. («...en usant du pouvoir qui lui est attribué... à renvoyer, s'il y a lieu, les pièces relatives au fond du procès par devant tel tribunal criminel qu'il jugera convenable»). Декрет напечатан был только в «Бюллетене» («...Déclare qu'il n'y a pas lieu à délibérer. Le présent décret ne sera point imprimé; il sera inséré au bulletin de correspondance et il en sera adressé des expéditions manuscrites, tant au tribunal de cassation, qu'au tribunal criminel du Département de la Somme».

292 ЦПА ИМЛ, 92 В II.

меня не оставляют, они все время о тебе заботятся. Мы живем надеждой»[293]. «Слабость, которую я ощущаю, мешает мне понять, о чем ты спрашиваешь»,—писала она 8 прериаля[294]. «Мне сейчас лучше,— сообщила она на следующий день,— но должна тебе сказать, что я была при смерти... Я поправляюсь с трудом. Ты не можешь себе даже представить, до чего я слаба — только два раза за все время я ела мясо... Эта слабость часто мешает мне прочитывать сразу твои письма, но я стараюсь сделать это в течение дня»[295]. Единственным врачом, притом лечившим ее бесплатно, был депутат Конвента, Пике. Только 14 прериаля она решилась, впервые после болезни, посетить тюрьму, но хождение туда отняло у нее шесть часов. «Мне нужно будет переждать некоторое время, пока я смогу повторить такое путешествие»[296].

Нужда семьи достигла своего предела. «У матери нет денег,— писал Эмиль 17 прериаля: «Доб одолжил нам очень много. Я не знаю, как нам удалось прожить три с половиной месяца»[297]. Чтобы как-нибудь помочь семье, Бабеф ограничивал себя во всем. «Ты ничего не тратишь на себя из тех пятидесяти су, которые выдает тебе тюрьма; ты ешь только то немногое, что я тебе приношу»,— с ужасом писала ему жена[298]. Свои собственные страдания она переносила стоически. Ее письма полны преданности Бабефу: «Будь уверен, что я никогда тебя не покину, я повсюду буду следовать за тобой»[299]; «я готова сдвинуть с места небо и землю, лишь бы облегчить твои бедствия»[300]. «Твое дело совсем не будет тянуться так долго, как тебе кажется,— утешала она Бабефа 7 прериаля: «Я получила два письма от Доба, который уверяет меня, что через восемь дней ты будешь с нами. Твои друзья не теряют ни минуты»[301]. 16 прериаля она сообщила о посещении Тибодо и Добом члена кассационного суда, Абриаля: «Он сказал им, что, если все сообщенное Тибодо и Добом верно, то он ручается головой, что кассационный трибунал покончит с твоим делом. Однако бумаги все еще не поступили... Он уверен, что после того, как они придут..., ты останешься в заключении не больше четырех дней»[302]. «Наши несчастья идут

---

[293] ЦПА ИМЛ, 104 В VIII.

[294] ЦПА ИМЛ, 107 В VIII. В том же письме она сообщила: «Марешаль до сих пор не получил бумаг. О министре я ничего не знаю. Мне сказали, что его арестовали тогда же, когда и Паша. Они являются причиной всех наших бедствий. Я не могу изложить все подробности, это очень длинно. Он причина всех моих волнений. Ты узнаешь все позднее». Очевидно, речь идет о Гойе.

[295] ЦПА ИМЛ, 76 В VIII.

[296] ЦПА ИМЛ, 78 В VIII

[297] ЦПА ИМЛ, 97 В VIII.

[298] ЦПА ИМЛ, 80 В VIII.

[299] Там же.

[300] ЦПА ИМЛ, 83 В VIII.

[301] ЦПА ИМЛ, 106 В VIII.

[302] ЦПА ИМЛ, 79 В VIII.

к концу»,— писала она 17 прериаля [303]. «Не беспокойся ни о чем; твое дело в руках честных патриотов», [304], ободряла она Бабефа за два дня до заседания кассационного трибунала.

Но Бабеф, очевидно, не разделял оптимизма жены. «Ты был прав,— с горечью сообщила она ему сейчас же после заседания,— когда говорил, что мы еще не подошли к концу наших бедствий» [305].

Трибунал на своем заседании 21 прериаля (9 июня) кассировал и отменил все обвинительное заключение, все судопроизводство и приговор уголовного трибунала Соммы вследствие «неправомочности» и «превышения власти» [306]. Но он не воспользовался правом, предоставленным флореальским декретом Конвента, чтобы прекратить все дело. Оно было передано обвинителю при уголовном трибунале деп. Эны, который должен был возобновить следствие и «в случае, если для этого будет основание», передать его на новое судебное рассмотрение [307]. «Твой защитник,— описывал заседание Эмиль в письме от 25 прериаля,— защищал тебя хорошо, но недостаточно подробно. Он сказал, что получил мемуар Бабефа, но только пробежал его, так как он слишком длинен, но что у него был другой, печатный мемуар; что он видел исправление (rétractation), которое ты сделал в тот же день, вечером... Но я защитил бы тебя лучше, чем все они» [308].

Бабефа должны были отправить в департаментский центр Эны, Лан (Laon). Тюремное заключение его не сломило, и он готов был выдержать новый бой. Но для этого он стремился обеспечить себе максимальную свободу действий. Бабеф начал хлопотать, чтобы, по прибытии в Лан, ему был облегчен режим и он находился бы «только под надзором жандарма». «Я буду тогда в состоянии,— писал он 24 прериаля депутату Жерту (Gertoux),— встретиться со своими защитниками и народным обществом, дать этим защитникам советы, раскрыть и помешать осуществлению планов моих жестоких противников, страшное ожесточение которых, несомненно, побудит их явиться вслед за мной в Ланский трибунал» [309]. Бабеф просил Жер-

---

303 ЦПА ИМЛ, 80 В VIII.

304 ЦПА ИМЛ, 96 В VIII.

305 ЦПА ИМЛ, 82 В VIII (21 prairial).

306 «...Le Tribunal faisant droit sur le réquisitoire du dit commissaire national par la loi du 24 floréal... casse et annule l'acte d'accusation, les déclarations des jurés d'accusation et le jugement intervenus contre Camille Babeuf par devant le tribunal criminel du Département de la Somme, et toute la procédure qui les a précédés, ainsi que le jugement rendu contre lui par ce même tribunal le 23 août 1793, par incompétence et excès des pouvoirs» («Le Tribun du Peuple à ses concitoyens», p. 7).

307 «Renvoie Camille Babeuf par devant l'accusateur public du tribunal criminel du département de l'Aisne pour lui être dressé un nouvel acte d'accusation, s'il y a lieu, et être son procès jugé selon le mode déterminé...» (Ibid.).

308 ЦПА ИМЛ, 95 В VIII. Судя по этому письму, Бабеф подготовил тот более подробный мемуар, о котором он писал жене Гойе. А. Пату, как он сообщает имел его в своих руках.

309 ЦПА ИМЛ, 98 В IV.

ту походатайствовать об этом перед Эрманом. 26 прериаля Тибодо и Доб, в сопровождении двух депутатов Конвента, посетили Эрмана, обещавшего им поддержку [310]. Но 4 мессидора жена сообщила, что ничего не удалось добиться. «Ни полиция, ни Эрман не могли ничего сделать. Тебя отправляет в Лан полиция. Сейчас мы, все твои друзья, пойдем хлопотать о том, чтобы ввиду твоей слабости, ты был бы отправлен в карете (en voiture). Пиши повсюду, сейчас же пиши в полицию. Ты можешь быть освобожден по прибытии на место» [311].

5 мессидора парижской полиции было дано предписание отправить Бабефа в Лан [312]. «Ты пробудешь там недолго,— успокаивала его жена в тот же день: «Доб видел сегодня нескольких депутатов из департамента Эны, и они обещали ему написать о тебе» [313]. 7 мессидора распоряжение об отправке было послано в Сен-Пелажи.

Альбер Собуль обнаружил две записи о Бабефе в тюремной книге Сен-Пелажи. Первая запись о прибытии была сделана 1 жерминаля; в ней дано описание «особых примет» Бабефа: «Рост 5 футов и 1 дюйм; волосы, ресницы и борода темно-русые; глаза серые; нос большой и длинный; лицо овальное; рот обыкновенный; подбородок длинный; лоб открытый». 9 мессидора (27 июня 1794 г.) сделана была вторая запись: «Вышеуказанный отправлен из этой тюрьмы, чтобы следовать от бригады к бригаде до Лана, согласно распоряжению администратора парижской полиции...» [314] В пути Бабефа сопровождали два жандарма.

16 мессидора (4 июля 1794 г.) уже в Лане с Бабефа снят был первый допрос [315]. Ему был задан основной вопрос: «Получал ли ты от Дебрена, Леклерка или какого-нибудь другого лица деньги или подарки за то, чтобы сделать изменения в акте о торгах 31 декабря?» В протоколе записан ответ Бабефа: «Заявления Дебрена не могут относиться ко мне. Я докажу свою честность документами, которые подтвердят, что не только 25 луи, но и все сокровища всей аристократии не могут меня соблазнить... Я докажу, что с самого начала революции я всегда был беден и что я не был бы в таком положении, если бы меня можно было подкупить».

К счастью для Бабефа, прокурором-синдиком департамента был Поликарп Потофе (Potoffeux), о котором он так положительно

---

[310] ЦПА ИМЛ, 86 В VIII. Бабеф обратился также к другому депутату, Пике. «Я буду просить его сопровождать меня к Эрману,— писал Доб 25 прериаля: «Есть другой человек, который очень тепло к тебе относится и заслуживает твоего письма,— это Дерю, который будет еще нам полезен в отношении Ланского общества. Он якобинец, и я надеюсь, что он подпишет письмо, которое я пошлю этому обществу, когда тебя отправят» (ЦПА ИМЛ. 125 В VI).

[311] ЦПА ИМЛ, 88 В VIII.

[312] AN, BB [16] 859.

[313] ЦПА ИМЛ, 89 В VIII.

[314] A. Soboul. L'écrou de Gracchus Babeuf à Sainte-Pélagie, en l'an 2.— AHRF, 1954, N 135, p. 175.

[315] A. Patoux. Op. cit., p. 198.

отозвался в сентябре 1793 г. в письме к Паре. Потофе, впоследствии привлекавшийся вместе с Бабефом по Вандомскому процессу, вероятно, оказал ему в Лане поддержку, и, когда пресловутый «Кузен Жак», Беффруа де Рейни утверждал это в своем «Неологическом словаре», он имел на то известные основания [316]. Помогли, вероятно, и письма депутатов Конвента, посланные при помощи Доба. «Вся коммуна Лана, все патриотическое общество, весь департамент Эны, я могу это утверждать, приняли самое живое участие в моем оправдании»,— писал позднее Бабеф.— Общественный обвинитель признал, что для привлечения меня к суду нет никаких оснований... Я имею право гордиться этим процессом» [317].

28 мессидора трибунал Лана признал необходимым вновь привлечь к суду других лиц, ранее обвинявшихся по этому делу. 30 мессидора (18 июля 1794 г.) Бабеф был временно освобожден на поруки двух лиц, немедленно внесших денежный залог [318]. Путь для возвращения в Париж был открыт.

Следственное дело на этом, правда, не закончилось. Через полтора года, 27 фримера III года (17 декабря 1795 г.), кассационный трибунал вновь признал, что обвинение должно быть предъявлено только Бабефу. Отменив ланское постановление от 18 июля о временном освобождении Бабефа, трибунал передал дело на новое рассмотрение в трибунал Компьена (деп. Уазы). 9 марта 1796 г. компьенское «jury» признало, что имеются основания для возбуждения уголовного дела против Бабефа. Было решено отдать приказ об аресте Бабефа и его водворении в департаментскую тюрьму Бове [319].

Это оказалось, однако, излишним. Пока компьенское решение пришло в Париж, Гракх Бабеф был уже арестован по обвинению в заговоре. Дело о «подлоге» можно было прекратить,— «ожесточенные преследователи» и без него добились своей цели.

Идейная жизнь Бабефа за весь период тюремного заключения, как мы уже отмечали, остается почти совершенно неизвестной. Уцелели лишь два документа, представляющих значительный интерес. Один из них — это записи, относящиеся еще ко времени его пребывания в арестантской камере мэрии. Это по внешнему виду густо исписанный с обоих сторон лист, о котором нам уже неоднократно приходилось упоминать. В правом углу этого листа есть следующая запись [320].

«Моя защита Другом Народа. Послать ее Тибодо.

---

[316] См. Л. С. Гордон. К иконографии Бабефа («Французский ежегодник. 1960». М., 1961, стр. 248). Сам Потофе, на допросе во время процесса бабувистов это отрицал (AN, W[3], 560/10) — «Вопрос: Знаете ли вы так называемого Гракха Бабефа, автора газеты под названием Трибун народа.— Ответ: Я совершенно не знаю Гракха Бабефа... Я только давно слышал, что он находился под арестом в Лане, где его должны были судить по обвинению в воровстве».

[317] «Le Tribun du Peuple à ses concitoyens», p. 3.

[318] A. Patoux. Op. cit., p. 206.

[319] Ibid. p. 207.

[320] ЦПА ИМЛ, 104 В II.

История департамента в моем мемуаре.

Манифест народов. 9-я глава в 1-й книге Общественного договора.

Клуб равных и сторонников общности...[321] Словарь честных людей[322]. Арестантская камера в мэрии. Общество совершенного равенства.

О, обитатели Соммы, я не должен был отправиться в Париж, чтобы там заявить, что ваш департамент заражен.

Кай Гракх. Трагедия.

Статья о воспитании у Прюдомма.

История Иисуса Христа.

Гарен.

Проспект истории.

История заговоров и заговорщиков департамента Соммы. Мемуары Г. Бабефа, апостола свободы и защитника прав народа в департаменте, подвергавшегося беспрерывным преследованиям со стороны предателей, начиная с 1789 г. вплоть до смерти»[323].

Значение большинства этих заметок нам понятно. Почти все они относятся к деятельности Бабефа в 1793 г., к его литературным замыслам. Над «Историей» он продолжал работать и во время своего короткого пребывания на свободе[324].

В бабефовской записи обращают на себя внимание строки «Клуб равных и сторонников общности» (Club des Egaux et communautistes). Что они означают? Идет ли речь о действительно существовавшем в Париже клубе? Но ни одному из историков, в том числе и новейшему исследователю санкюлотского движения II года в Париже, А. Собулю, ничего о нем не известно. Говорит ли эта запись о том, что уже в 1793 г. у Бабефа был план создания такого клуба, который он не успел осуществить? Во всяком случае эта запись позволяет утверждать, что уже тогда Бабеф задумывался над сплочением сторонников идеи «общества совершенного равенства».

---

[321] Одно слово осталось неразобранным.

[322] Вероятно, речь идет о произведении С. Марешаля «Dictionnaire des honnêtes gens».

[323] «Histoire des conspirations et des conspirateurs du département de la Somme. Mémoires de G. Babeuf, un apôtre de la liberté et défenseur des droits du Peuple dans le département, persécuté à mort sans relâche par les traîtres depuis 1789». В записи намечен и эпиграф для этой «Истории»: «Злодеи солгали: я не побоюсь всех их тюрем» (Les scélérats en auront menti; je braverai tous leurs prisons) (ЦПА ИМЛ, 104 В II).

[324] 26 фримера Бабеф писал, очевидно, Добу: «...Я нашел чудесные документы (des pièces divines) для моей большой записки, которую мы назовем: «История заговоров и заговорщиков департамента Соммы»; все, что ты мне прислал, найдет там место и будет крайне полезным». Одновременно Бабеф послал ему для ознакомления петицию по Давенекурскому делу, «одно из тех произведений, благодаря которым я выиграл много дел у этого же аристократического трибунала Мондидье». В заключение Бабеф обещал отыскать и прислать «Марата, вместе с некоторыми другими произведениями в моем вкусе» (de mon cru).— AD de la Somme, F 129/14.

Страстной защите этой идеи посвящено его интереснейшее письмо к Эмилю, написанное в тюрьме Аббатства 14 плювиоза II года (2 февраля 1794 г.). «Ты совершенно справедливо, брат мой, восхищаешься принципом, провозглашенным в Декларации прав: не поступай с другими так, как ты не хотел бы, чтобы поступали с тобой. Это прекраснейшее из всех правил. Если бы люди точно следовали ему, все они были бы счастливы. Каждый говорил бы: я желаю пользоваться всем, что мне необходимо, но я должен желать также, чтобы все другие люди, подобные мне, пользовались равным образом всем тем, что им необходимо; поэтому я имею право только на такую долю благ, которую можно обеспечить каждому члену общества при условии, что каждый, по мере своих способностей, станет трудиться для этого общества. Тогда можно будет сказать, что царствует равенство, что все люди стали братьями. Не будет больше черствых богачей, издевающихся над страданиями несчастных; не будет больше бедняков, нуждающихся во всем и вынужденных, чтобы влачить нищенское существование, продавать свои услуги богачам, становиться их рабами и во всем покоряться их воле»[325].

В письме со всей очевидностью сказывается утопизм Бабефа. «Правда, многие,— пишет он Эмилю,— недостаточно осознавшие всю справедливость этого порядка и всю легкость его осуществления, оспаривают поэтому и то, и другое; однако, чрезвычайно легко убедить их в том, как слабо обоснованы их возражения, и заставить их умолкнуть». Но письмо не оставляет никакого сомнения, что *коммунистический идеал, создание общества «совершенного равенства» являлось центральной идеей мировоззрения Бабефа*, что *в этом он видел ту «заранее намеченную цель»* (le but concerté), о которой он писал Купе в 1791 г., *конечную и главную цель французской революции*. «Друг мой,— обращается он к Эмилю,— это *столь драгоценное равенство*, возвышенный принцип которого так поразил тебя, это моя нравственность, это религия твоего отца, это его конституция, *его основной закон*, это *предмет всех его привязанностей* и он полагает, что *пока люди не примут этой системы, среди них никогда не будет ни мира, ни счастья, ни справедливости*... Именно это я постараюсь доказать тебе со всей очевидностью и разъяснить в то же время, что французский народ вполне вероятно, *доведет свою революцию до счастливого конца, до установления*

[325] ЦПА ИМЛ, 2 В Х; по копии письмо опубликовано М. Домманже в «Pages choisies...», р. 157—159, (русск. пер. ННИ, 1960 г., № 5, 107—108). Отметим, что тогда же (10 вантоза II года — 28 февраля 1794 г.) в письме к С. Марешалю, вполне солидаризируясь с его философскими взглядами, Бабеф критиковал и считал недостаточно последовательными его социальные идеи: «...Ты не будешь считать слишком смелым, если я выскажу некоторые соображения о той части твоего произведения, которая относится к идеям, способным упрочить благосостояние людей... Мне кажется, что хотя ты приблизился гораздо ближе, чем кто-либо, к пониманию истины, ты все же не постиг ее полностью» («Pages choisies...», р. 160).

démontrer en même tems
qu'il est probable que le Peuple
français conduira sa révo-
lution jusqu'au terme heureux
de ce systême d'égalité parfaite,
qui assurera une félicité d'au-
tant plus ravissante, qu'elle
sera basée sur des disposi-
tions qui la rendront
invariable : c'est là seulement
le but où les efforts de notre
république doivent s'arrêter.

Ton papa t'embrasse.

G. Babeuf

13 Pluviose l'an 2.

J'ai vu Camille ; il
a été bien content
de me voir et je ne l'ai pas

Письмо Бабефа сыну от 2 февраля 1794 г.
«...французский народ доведет свою революцию до счастливого конца, до установления системы совершенного равенства...»
(ЦПА ИМЛ)

этой системы совершенного равенства (égalité parfaite), которое обеспечит всеобщее счастье, тем более восхитительное, что оно будет основано на склонностях и *только с достижением этой цели завершатся усилия республики* (c'est là seulement le but où les efforts de notre république doivent s'arrêter) (курсив наш.— *В. Д.*) [326].

В первых числах термидора Бабеф снова, в пятый раз за годы революции, направился из Лана в Париж. В первый раз он очутился в столице 17 июля 1789 г., на третий день после взятия Бастилии. В арестантской карете его доставили туда в мае 1790 г.; он присутствовал тогда на первом празднике Федерации, в дни торжества Лафайета. В декабре 1790 г., в свой третий приезд, Бабеф мог наблюдать некоторый отлив революции. Зато он был свидетелем, а возможно, и участником, победоносного восстания 31 мая — 2 июня 1793 г., приведшего революцию к ее кульминационному пункту, установлению якобинской диктатуры. Бабеф снова возвращался теперь в столицу накануне тяжелейшего поражения буржуазно-демократической революции, накануне контрреволюционного переворота 9 термидора. «Восходящая» линия развития великой буржуазной революции заканчивалась,— предстоял ее стремительный скат вниз. «Осмелимся признать,— писал Бабеф в 1796 г., правда, после нескольких месяцев ошибок и горьких мучительных разочарований,— что революция, несмотря на все препятствия и на все сопротивление, шла вперед до 9 термидора и что с тех пор она пошла назад» [327].

В жизни Бабефа эта дата также должна была стать поворотной. Несмотря на страстное стремление повлиять на ход развития революции, его деятельность была ограничена сравнительно узкими, локальными масштабами то Руа, то дистрикта Мондидье или деп. Соммы. Даже в продовольственной администрации Парижа в 1793 г. ему все еще приходилось ограничиваться ролью своеобразного «серого кардинала» при Гарене. Теперь политическую авансцену покинули Марат, Дантон, Шометт, Робеспьер — все те, на кого попеременно возлагал свои надежды Бабеф, все те, в ком он видел «Ликургов» революции. После 9 термидора наступал черед Бабефа. Ему предстояло выступить в качестве подлинного «народного трибуна» всей плебейской Франции, стать вдохновителем и огранизатором «движения во имя равенства», навсегда вошедшего в летописи освободительной борьбы человечества. Но история этого периода жизни Бабефа выходит уже за рамки нашего исследования, рубежом которого является 9 термидора.

«При общей сумме уже достигнутых сейчас знаний, каково будет положение народа, социальные установления которого будут

---

[326] ЦПА ИМЛ, 2 В X (русск. пер. ННИ, 1960, № 5, стр. 108).
[327] «Le Tribun du peuple», № 34, p. 14 (15 brumaire, l'an 4—6 ноября 1795 г.).

таковы, что между всеми его членами будет царить самое совершенное равенство, что земля, на которой он живет, не будет принадлежать никому в отдельности, а всем, что, наконец, все будет общим, вплоть до изделий всех видов промышленности... Возможно ли, чтобы такое общество существовало и осуществимы ли способы совершенно равного распределения» [328],— таков был, как мы помним, вопрос, который Бабеф в 1787 г. ставил на рассмотрение Аррасской академии. Сто тридцать лет спустя залп «Авроры» возвестил, что пролетариат России начинает разрешать эту проблему уже не теоретически, а практически.

«Когда мое тело будет предано земле,— писал Бабеф своему другу Феликсу Лепелетье из башни Тампль в 1796 г., после последнего ареста, предшествовавшего его суду и казни,— от меня останется только множество планов, записей, набросков демократических и революционных произведений, посвященных одной и той же важной цели, человеколюбивой системе, за которую я умираю, Моя жена может собрать их и когда-нибудь, когда стихнут преследования, когда люди, возможно, вздохнут свободнее и смогут возложить цветы на наши могилы, когда снова задумаются над средствами обеспечения человечеству счастья, которые мы предлагали, ты разыщешь эти клочки бумаги и представишь всем последователям Равенства, всем нашим друзьям, хранящим в сердцах наши принципы..., собрание различных фрагментов, содержащих то, что развращенные современники называют моими мечтами» [329].

Это пожелание Бабефа сбылось. Есть глубокая историческая справедливость в том, что это «собрание фрагментов» хранится сейчас в Москве, рядом с рукописным наследством великих основоположников научного, революционного коммунизма Маркса, Энгельса и Ленина. Пусть взгляды Бабефа были еще очень незрелыми, пусть они были насквозь пропитаны утопизмом, советский народ, первым начавший создание «общества совершенного равенства», бережно хранит память о Гракхе Бабефе, мужественном революционере, бесстрашно пожертвовавшем своей жизнью во имя этой великой идеи.

---

[328] ЦПА ИМЛ, 32 В VII.

[329] См. V. Advielle. Op. cit., v. I, p. 266—267; «Pages choisies...», p. 318—319.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА[1]

А. РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Центральный партийный архив при Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), фонд 223. В этом фонде хранится личный архив Бабефа, в свое время входивший в коллекцию Поше-Дероша (см. «Catalogue des livres... composant la bibliothèque de feu M. Pochet-Deroche». Paris, 1882).

К фонду 223 приобщены также фотокопии документов о Бабефе и «движении равных», хранящиеся в Национальном архиве в Париже, в том числе фотокопии всего следственного дела (W^3 559—567) и фондов Police générale de la France (F^7 4276—4278). Для рассматриваемого в монографии периода особенно важны фонды D XXIX, 14 и D XXIX. 68 (о движении 1790—1791 гг. в Руа), BB^{16} 859 (фонд м-ва юстиции — дело об аресте Бабефа в 1793—1794 гг.).

2. ЦПА ИМЛ, фонд 1,— рукописное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса. Среди неопубликованных документов, имеющих отношение к французской революции и Бабефу, см. конспект книги Ж. Авенеля «Lundis Révolutionnaires» (опись 1, № 3920) и конспекты 1843 г. (так называемая «Крейцнахская тетрадь»).

3. ЦПА ИМЛ, фонд 317 (личный архив М. А. Жюльена, в котором имеются собственноручные документы Бабефа).

4. ЦПА ИМЛ, фонд 320 (различные рукописные документы из истории Французской революции, в том числе о продовольственном снабжении Парижа в 1793 г.).

5. Archives départamentales de la Somme, F^{129} (по микрофильму, хранящемуся в ЦПА ИМЛ) и E^{100} (по фотокопиям, хранящимся в рукописном отделении Фундаментальной библиотеки общественных наук при Академии наук СССР).

6. Архив внешней политики России (АВПР) — фонд «Сношения России с Францией», оп. 93/6 — донесения русского посла в Париже, И. М. Симолина. Кроме рукописных документов, опубликованных только частично, фонд содержит много редких печатных изданий, в том числе «Journal national-politique» Ривароля за 1790 г. с отзывом о Бабефе.

[1] Из литературы, использованной автором, в библиографию включены только работы, посвященные Бабефу. Общие и специальные работы по истории Великой французской революции указывались лишь в том случае, если в них уделено значительное место Бабефу или освещены вопросы, имеющие непосредственное отношение к теме исследования — Бабеф до 9 термидора.

Б. ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Произведения Бабефа

1. Mémoire peut-être important pour les Propriétaires des Terres et de Seigneuries, ou idées sur la manutention des Fiefs. [Noyon, 1786].

2. L'Archiviste-Terriste ou traité méthodique de l'arrangement des archives seigneuriales et de la confection et perpétuation successive des inventaires des titres et des terriers d'icelles, des plans domaniaux, féodaux et censuels. Prospectus, [1786].

3. La nouvelle distinction des Ordres, par M. de Mirabeau. [Paris, 1789].

4. Cadastre perpétuel ou Démonstration des procédés convenables à la formation de cet important Ouvrage, pour assurer les principes de l'Assiette et de la Répartition justes et permanents et de la perception facile d'une Contribution unique tant sur les Possessions Territoriales, que sur les Revenus Personnels. Avec l'exposé de la Méthode d'Arpentage de M. Audiffred, par son nouvel instrument, dit Graphomètre Trigonométrique; méthode infiniment plus accélerative et plus sûre que toutes celles qui ont paru jusqu'à présent et laquelle, par cette considération seroit plus propre à être suivie dans la grande opération du Cadastre. Dédié à l'Assemblée nationale. A Paris. L'an 1789. Et le premier de la Liberté françoise.

5. Pétition sur les impôts, adressée par les habitants d... en... à l'Assemblée Nationale, dans laquelle il est démontré que les Aides, la Gabelle, les Droits d'Entrée aux Villes etc. ne doivent et ne peuvent plus subsister, même provisoirement, chez les Français, devenus libres. 1790. [Noyon].

6. A Messieurs du Comité des recherches de l'Assemblée Nationale. Roye. 10 mai 1790 (см. также «Actes des Apôtres», 1790, № 117).

7. Lettre d'un député de Picardie. [Paris, 1790].

8. Réclamation de la ville de Roye, Relative au remplacement de l'Impôt des Aides et à l'exécution des Décrets de l'Assemblée Nationale qui prononcent que tous les impôts doivent être répartis sur chaque citoyen, en proportion de ses facultés, imprimée par ordre de la Commune de ladite Ville, et sur la demande de quantité d'autres communes, pour l'appuyer de leur adhésion. [Noyon], 1790.

9 Pétition sur les Droits de Voirie et de Plantation, de Cens et de Champarts. Par les Commune et Minicipalité de Montigny, canton de Saint-Just en Chaussée, district de Clermont, département de l'Oise. [décembre 1790].

10. Pétition sur les fiefs, seigneuries, cens et champarts, par les commune et municipalité de Méry, canton Lesglomtier de District de Clermont, Département de l'Oise. A l'Assemblée Nationale. S. l., [février 1791].

11. Affaire de la commune de Davenécourt, district de Mondidier, département de la Somme, contre Philippine de Cardevac, veuve de Gabriel Lamire et ci-devant dame de Davenécourt; cause à ranger encore parmi celles qu'on nomme célèbres. Dans l'exposé de laquelle on démontre combien sont encore formidables les restes de la puissance féodale; et où l'on indique aux Législateurs, ce qui leur reste à faire pour renverser ce vieux colosse. A Noyon, chez Devin. 1791; перепечатано в «Mémoire des habitants de Davenescourt aux Représentants de la Nation. Imprimerie du Journal de Montdidier. 1888 (B. N., dép. des imprimes Lk^7 26 158).

12. C. Fournier (Américain) à Marat. Paris, 14 mars, l'an 2 de la République française.

13. C. Fournier. à Marat, journaliste. Paris, 14 mai. An II.

14. Paris sauvé par l'administration des subsistances. Dénonciation faite aux Comités de Salut public et d'agriculture de la Convention, d'un complot de famine contre Paris (18 juillet 1793). Signé: Les administrateurs des subsistances de la Commune de Paris, Garin et Defavanne.

15. Suite de Paris sauvé par l'administration des subsistances. Seconde dénonciation aux Comités de Salut Public et de l'agriculture (10 août 1793). Signé: les administrateurs des subsistances de la Commune de Paris, Garin et Defavanne.

16. Nouveau Calendrier de la République française, conforme au Décret de la Convention Nationale. A Paris, chez l'Auteur. [1793].

17. Babeuf, ex-administrateur du département de la Somme et successivement du district de Montdidier. Aux comités de Salut public, de sûreté générale et de législation de la Convention Nationale, et à Gohier, Ministre de la Justice. De l'Imprimerie de Prault, cour de la Maison de justice. [1794].

18. Du système de dépopulation, ou la vie et les crimes de Carrier; son Procès, et celui du Comité Révolutionnaire de Nantes. Avec des recherches et des considérations politiques sur les vues générales du Décemvirat, dans l'invention de ce système; sur sa combinaison principale avec la Guerre de la Vendée et sur le projet de son application à toutes les parties de la République. Par Gracchus Babeuf. A Paris. An 3-e de la République.

19. On veut sauver Carrier. On veut faire le procès au Tribunal Révolutionnaire. Peuple, prend garde à toi. S. l. n. d.

20. Les Battus payent l'amende ou les Jacobins jeannots. De l'imprimerie de Franklin.

21. Voyage des Jacobins dans les quatre parties du monde aves la Constitution mise à l'ordre du jour par Audouin et Barrère. De l'imprimerie de Franklin.

22. G. Babeuf, Tribun du Peuple, à ses concitoyens. De l'imprimerie de Franklin.

23. Adresse du Tribun du Peuple à l'armée de l'intérieur. De l'imprimerie du Tribun du Peuple. [1796].

2. Газеты Бабефа

1. Journal de la Confédération, N 1 et 2 [Paris, 1790]; рукопись № 3 и 4 в ЦПА ИМЛ.

2. Le Correspondant Picard et le rédacteur des cahiers de la seconde législature. Journal dédié aux habitants des cantons, villes, bourgs, villages, hameaux et municipalités des départements de la Somme, de l'Aisne et de l'Oise, par F. N. Babeuf. Noyon, imprimerie de Devin. [Octobre — décembre 1790].

Suite: Le Scrutateur des Décrets et le Rédacteur des Cahiers de la seconde Législative. Par continuation du journal intitulé Le Correspondant Picard, dédié primitivement aux départements de la Somme, de l'Aisne et de l'Oise et offert aujourd'hui aux 83 départements de la domination du peuple français. Par F.-N.-C. Babeuf. 1791, N 6 [s. l.]. Avis. [Б-ка Ин-та Фельтринелли. Милан].

3. Journal de la Liberté de la Presse (N 1—22 du 17 fructidor an II au 10 vendémiaire an III), suivi par:

4. Le Tribun du Peuple ou le Défenseur des Droits de l'Homme. Par Gracchus Babeuf (N 22—43, du 14 vendémiaire an III au 5 floréal an IV).

5. L'Eclaireur du Peuple, ou le Défenseur de 24 millions d'opprimés. Par S. Laland, soldat de la Patrie, N 1—7. (Du 12 ventôse l'an IV au 8 floréal l'an IV de la République).

3. Процесс Бабефа

1. Haute Cour de Justice. Copie des pièces saisies dans le local que Baboeuf occupoit lors de son arrestation. Paris, Frimaire — nivôse an V (v. 1—2).

2. Débats du procès instruit par la Haute Cour de la justice, contre Drouet, Baboeuf et autres, recueillis par des sténographes (ventôse — germinal an V). Tomes. I, II III.

3. Discours des Accusateurs nationaux, défenses des accusés et de leurs défenseurs, faisant suite aux Débats du procès instruit contre Drouet, Baboeuf et autres (Floréal an V). Tome IV.

4. Défense générale de Gracchus Babeuf devant la Haute Cour de Vendôme (V. Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme. Paris, 1884, v. II).

5. Dernière lettre de Babeuf à sa femme et à ses enfants. Paris, [1797].

4. Публикации рукописного наследства

1. Correspondance de Babeuf avec Dubois de Fosseux, secrétaire perpétuel de l'Académie d'Arras (см. V. Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme, v. II, seconde partie, Paris, 1884); изд. 2-е — «Corresponrance de Babeuf avec l'Académie d'Arras (1785—1788)». Publ. par l'Institut d'histoire de la Révolution française sous la rédaction de M. Reinhard. Paris, 1961.

2. Opinion d'un citoyen des tribunes de club ci-devant électoral sur la nécessité et les moyens d'organiser une véritable société populaire (см. G. Lecocq. Un manifeste de Gracchus Babeuf. Paris, Librairie des Bibliophiles, MDCCCLXXXV).

3. Lettre de F. N. Cam. Babeuf, citoyen, á J. M. Coupé, législateur (см. A. Espinas. La philosophie sociale du XVIII siècle et la Révolution. Paris, 1898, p. 404—410).

4. G. Deville. Notes inédites de Babeuf sur lui-même («La Révolution française», t. XLIX, 1905).

5. Pages choisies de Babeuf, recueillies, commentées, annotées avec une Introduction et une bibliographie critique par Maurice Dommanget. Paris, 1935.

6. A. Mathiez. Une lettre de Babeuf (AHRF, 1925, N 2).

7. Lettre à André Dumont («Les lettres françaises», N 309, 26 avril 1950).

8. Un inédit de Babeuf. La Correspondance de Londres (1—8 octobre 1789) (AHRF, 1958, N 2).

9. G. Bourgin. Quelques inédits de Babeuf (AHRF, 1959, N 156 и 157).

10. Письмо членам Законодательного комитета 23 флореаля II года. (Aux citoyens membres du Comité de législation, 23 floréal, l'an 2) — «Французский ежегодник. 1959». M., 1960, стр. 571—573.

11. Неопубликованные письма Г. Бабефа (ННИ, 1960, № 5).

12. Неопубликованные письма Бабефа («Французский ежегодник, 1960». М., 1961.

13. Новые документы Гракха Бабефа («Вопросы истории», 1961, № 2).

14. С. Бернстайн. Из истории «Постоянного Кадастра» («Французский ежегодник, 1961». М., 1962).

15. Autour de Babeuf (AHRF, 1963, № 171).

5. Первые биографические сведения о Бабефе (до Буонарроти)

[Beffroy de Reigny L.-A.]. Dictionnaire néologique des hommes et des choses, ou notice alphabétique des Hommes de la Révolution... Par le Cousin Jacques, t. 1. A Paris, 1800.

Biographical Anecdotes of the Founders of the French Republic and of other Eminent Characters who Have Distinguished Themselves During the Progress of the Revolution. London, 1797 (2 ed. 1799).

Biographie moderne ou Dictionnaire biographique de tous les hommes morts et vivants qui ont marqué à la fin du XVIII siècle et au commencement de celui-ci par leurs écrits, leur rang, leurs emplois, leurs talents, leurs vertus, leurs crimes..., v. I, Breslau, Guillaume-Théophile Korn. 1806.

Biographie nouvelle des contemporains, v. II. Paris, 1821.

Biographie universelle ancienne et moderne.... v. 3. Paris. Michaud frères. 1811.

Dénonciation à M. l'Accusateur public du Tribunal de Mondidier et Réfutation d'un libelle infâme intitulé: Affaire de Davenescourt, souscrit par soixante-neuf individus de cette Commune, en faveur des assassins de ladite Dame dont quatre sont détenus dans les prisons de Mondidier... Par un ami de l'honneur et de la vérité, A Amiens, de l'imprimerie de J. B. Caron l'aîne. 1791.

Dictionnaire biographique des hommes marquans de la fin du XVIII siècle, et plus particulièrement de ceux qui ont figuré dans la Révolution française. Par L. Dubois de la Maison fort. London, 1800, v. I.

D'Essigny Grégoire. Histoire de la ville de Roye. Noyon, chez Devin, imprimeur du Roi. 1818.

Galerie historique des contemporains ou Nouvelle Biographie dans laquelle se trouvent réunis les hommes morts et vivants de toutes les nations qui se sont fait remarquer à la fin du XVIII siècle. Bruxelles, 1818—1820; 3-me éd. Mons. Le Roux. 1827, v. I, p. 228—230.

Hulshoff M. A. Peace Republican's Manual. L. 1817.

Mémoires de N.-F. Cracchus Babeuf, Tribun du Peuple; précédés de l'ouvrage ayant pour titre: Conspiration pour l'Egalité, dite de Babeuf, suivie du procès auquel elle a donné lieu, et des pièces justificatives, etc. par Phil. Buonarroti. Prospectus. Imprimerie de Carpentier Méricourt, rue Traînée, № 15, près S.-Eustache. Paris, 1830.

Pache. Sur les factions et les partis («La Révolution française», 1900, t. XXXVIII).

The Moral and Political Magazine, v. I, 1796 (p. 9—12).

6. Буонарроти

Ph. Buonarroti. Conspiration pour l'Egalité dite de Babeuf suivie du procès auquel elle donna lieu, et des pièces justificatives etc. Bruxelles. 1828, v. 1—2; англ. пер. Bronterre O'Brien.— «Buonarroti's History of Babeuf's Conspiracy for Equality with the Author's Reflections on the Causes and Character of the French Revolution and his Estimate of the Leading Men and Events of that Epoch. London, 1836.— Нем. пер. A. u. W. Blos «Babeuf u. die Verschwörung für die Gleichheit». Stuttgart, 1909.— Итал. пер. «Congiura per l'Eguaglianza o di Babeuf», с комментариями G. Manacorda. Torino, 1946.— Русск. пер. Э. А. Желубовской «Заговор во имя равенства или так называемый заговор Бабефа», под ред. В. П. Волгина. М., 1948.— Последнее франц. издание с предисловием Ж. Лефевра, подготов. А. Собулем и Р. Бреси, библиография Ж. Дотри. Paris, Ed. Sociales, 1957. См. также: «Les grands procès politiques. Gracchus Babeuf et la conspiration des Egaux». Préface et notes par A. Ranc. Paris, 1869.

Ph. Buonarroti. Observations sur Maximilien Robespierre avec une introduction de Ch. Vellay. Chalon-sur-Marne, 1912.

7. Периодическая печать

Les Actes des Apôtres. Paris, 1790.

L'Ami du Peuple, ou le Publiciste Parisien (с 12 сентября 1789 г. по 21 сентября 1792 г.; после 25 сентября 1792 г. выходила под названием «Journal de la République Française»).

Défenseur de la Constitution (1 juin — 10 août 1792; réédition: «Oeuvres complètes de Robespierre». Paris, 1938.

Gazette nationale ou le Moniteur universel (см. «Réimpression de l'ancien Moniteur». Paris, 1850—1854).

Journal national-politique, par Salomon (Rivarol). Cambrai, 1790.

Mercure de France. Paris, 1791.

Républicain ou le défenseur du gouvernement représentatif, N 1—4. Paris, 1791.

Révolutions de France et de Brabant (du 28 novembre 1789— juillet 1793).

Révolutions de Paris (12 juillet 1789—28 février 1794).

Le Vieux Cordelier (Réimpression: C. Desmoulins. Le Vieux Cordelier, avec introduction et commentaires par H. Calvet. Paris, 1936).

Minerva. Ein Journal historischen und politischen Inhalts. Hrs. v. J. W. v. Archenholz. Hamburg, 1796—1797.

8. Собрания источников. Инвентари и каталоги

Archives Parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des chambres françaises... Première série (1787 à 1799). Paris, 1867—1914.

Bloch C. et Tuetey A. Procès-verbaux et rapports du comité de mendicité de la Constituante (1790—1791). Paris, 1911.

Bourgin G. Le partage des communaux. Documents sur la préparation de la loi du 10 juin 1793. Paris, 1908,

Caron P. La commission des subsistances de l'An II. Procès-verbaux et actes, Paris, 1925.

Caron P. Les missions du Conseil exécutif provisoire et de la Commune de Paris dans l'Est et le Nord (août — septembre 1792). Paris, 1953.

Catalogue de livres... composant la bibliothèque de feu M. Poche-Deroche. 1882.

Estienne J. Répertoire numérique. Serie L (période revolutionnaire). Archives départementales de la Somme.

Estienne J. Inventaire sommaire de la série L., v. II (1-er Fascicule) Registres des districts (1790 — an 4). District de Montdidier. Archives départementales de la Somme.

Gerbaux F. et Schmidt Ch. Procès-verbaux des Comités d'agriculture et de commerce de la Constituante, de la Législative et de la Convention, 4 v. Paris, 1907—1910.

Inventaire sommaire des Archives départementales du Pas-de-Calais. Bibliothèque départementale (Collection Barbier).

Lacroix S. Actes de la Commune de Paris, v. VII. Paris, 1898.

Sagnac Ph. et Caron. P. Les comités des droits féodaux et de législation et l'abolition du régime seigneurial (1780—1793). Paris, 1907,

Tourneux M. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Révolution française. Paris, 1890—1913, 5 v.

Tuetey A. Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution française. 1890—1914, v. I—XI.

В. ЛИТЕРАТУРА

Энгельс Ф. Положение Англии (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1).

Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте (Соч., т. 1),

Маркс К. Святое семейство (Соч,, т. 2).

Энгельс Ф. Празднество наций в Лондоне (Соч., т. 2).

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология (Соч., т. 3).

Маркс К, Морализирующая критика и критизирующая мораль (Соч., т. 4),

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии (Соч., т. 4),

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке (Соч., т. 19).

Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу» (Соч., т. 20),

Энгельс Ф. Юридический социализм (Соч., т. 21).

Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу от 23 сентября 1852 г. (Соч., т. 28).

Энгельс Ф. Письмо Э. Бернштейну от 5 мая 1887 г. (Соч., т. XXVII).

Энгельс Ф. Письмо к К, Каутскому от 20 февраля 1889 (Соч., т. XXVIII),

Ленин В. И, Революционный авантюризм (Соч., изд. 5-е, т. 6),

Ленин В. И. Философские тетради. Конспект «Святого семейства». М. 1947.

Волгин В. П. Идейное наследие бабувизма («Вестник Социалистической академии», 1922, № 1; переп. в сб, «Очерки по истории социализма», изд, 1-е, 1923 г.; изд, 4-е — 1935),

Волгин В. П, Предшественники современного социализма, т. 1 (гл. VII, «Бабеф и бабувизм»), М., 1928.

Волгин В. П. История социалистических идей, т, 1, М., 1928.

Волгин В. П. Социализм и эгалитаризм («Вестник Коммунистической академии», 1928; переп, в сб, «Очерки по истории социализма»).

Волгин В, П, От Бабефа к Марксу («Борьба классов», 1933, № 10; переп, в сб. «Очерки по истории социализма»),

Волгин В. П. Бабеф (Большая советская энциклопедия, т. 4, изд. 1-е и 2-е).
Волгин В. П. Движение «равных» и их социальные идеи (вводная ст. к Буонарроти. Заговор во имя равенства. М., 1948).
Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958.
Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1961.
Волгин В. П. Место бабувизма в истории социальных идей («Французский ежегодник. 1960». М., 1961).
Далин В. М. Бабеф и Марат в 1789—1790 гг. («Вопросы истории», 1956, № 9).
Далин В. М. Бабеф весной 1793 г. (Сб. «Из истории рабочего класса и революционного движения». М., 1958).
Далин В. М. Робеспьер и Бабеф («Новая и новейшая история», 1958, № 6).
Далин В. М. Неизвестная рукопись Бабефа («Французский ежегодник. 1958». М., 1959).
Далин В. М. Новые документы об отношении Бабефа к Дантону («Вопросы истории», 1959, № 4).
Далин В. М. Первый отзыв Бабефа о Робеспьере (ННИ, 1960, № 3).
Далин В. М. Начало политической деятельности Бабефа («Французский ежегодник. 1960». М., 1961).
Далин В. М. Социальные идеи Бабефа накануне революции (ННИ, 1961, № 1).
Деборин А. М. Социально-политическая доктрина Бабефа (сб. «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957).
Добролюбский К. П. Гракх Бабеф и термидорианская реакция (Сб. работ ист. ф-та Одесского ун-та. Одесса, 1947). Термидор (гл. VII). Одесса, 1949.
Жбанков Л. История «Заговора равных», под ред. Н. А. Рожкова («Колокол», 1905).
Зайдель Г. С. Бабувизм и марксизм («Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. 2., М., 1930).
Займель В. Гракх Бабеф. М., 1928.
Захер Я. М. Бабеф и «бешеные» («Французский ежегодник. 1960». М., 1961).
Иоаннисян А. Р. Из истории идей утопического коммунизма во Франции в период Директории («Вопросы истории», 1957, № 6).
Иоаннисян А. Р. «Социальный план» Жана-Клода Шапюи (ННИ, 1963, № 2).
Лукин Н. М. Избранные труды, т. I, М., 1960.
Лундберг Е. Г. Бабеф, 1927.
Манфред А. З. Очерки истории Франции XVIII—XX вв. М., 1961.
Манфред А. З. Марат. М., 1962.
Марков В. Бабеф и современная ему Германия («Французский ежегодник. 1960». М., 1961).
Мошковская Ю. Я. Отклики на процесс Бабефа в Германии («Французский ежегодник. 1960». М., 1961).
Потемкин Ф. В. Экономический кризис 1787—1789 гг. («Труды МИФЛИ». т. VI. К 150-летию французской революции. М., 1940).
Пригожин А. Гракх Бабеф. М., 1925 (см. рец. С. М. Моносова в журнале «Под знаменем марксизма», 1925, № 10—11).
Русанов Н. С. Влияние западноевропейского социализма на русский (гл. I — «Социализм Французской революции и Бабеф», «Минувшие годы», 1908, № 5).
Сказкин С. Д. Дифференциация крестьянства во Франции накануне революции («Историк-марксист», 1936, № 2/54).
Сказкин С. Д. Февдист Эрве и его учение о цензиве («Средние века». М., 1942, вып. I).
Сытин С. Л. Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклером...

в июле — сентябре 1793 г. («Ученые записки Ульяновского гос. пед. ин-та», 1956, вып. VIII).
Тарле Е. В. Дело Бабефа («Мир божий», 1898. № 4; переп. в сб. «Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX веке». СПб., 1903).
Тарле. Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции, т. 2. СПб. 1911 («Сочинения», т. 2. М., 1957).
«Французский ежегодник. 1960». К двухсотлетию со дня рождения Гракха Бабефа (стр. 7—275). М., 1961.
Фридлянд Г. С. Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в. (изд. 1-е. М., 1934; изд. 2-е. М., 1959).
Фрумов С. А. Революционная программа воспитания (к 200-летию рождения Бабефа) («Советская педагогика», 1960, № 12).
Щеголев П. П. Заговор Бабефа. Л., 1927.
Щеголев П. П. После термидора. Л., 1930
Щеголев П. П. «Заговор равных» («Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов». М., 1930, т. 2).
Щеголев П. П. Гракх Бабеф. М., 1933.
Щеголев П. П. Буонарроти и его книга «Заговор равных» («Ученые записки Ленинградского университета. Серия исторических наук. Вып. 6». Л., 1940).
Эренбург И. Г. Заговор равных.— «Красная новь». М., 1929 (нем. пер. «Die Verschwörung der Gleichen. Das Leben des Gracchus Babeuf».— изд. 1-е — 1929; изд. 2-е — 1959; франц. пер. «La vie de Gracchus Babeuf». Paris, 1929).
Advielle V. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme, d'après de nombreux documents inédits, v. 1—2. Paris, 1884.
Advielle V. Une brochure de Mirabeau restituée à Babeuf («La Révolution française», 1885, t. VIII).
Advielle V. Charles Germain disciple des babouvistes («La Révolution française». 1885, t. VIII).
Angot des Rotours. J. L'ancêtre des socialistes français. («La Quinzaine», 1897)
Aulard F.-A. Origines historiques de socialisme français («Etudes et leçons sur la Révolution française», 4-me série).
Aulard (Santhonax) F.-A. 1° Les antécédents de Babeuf. 2° Gracchus Babeuf. 3° La Doctrine de Babeuf («La Justice», 15, 22 et 29 novembre 1886).
Aulard F.-A. Babeuf («Grande Encyclopédie»).
Avenel G. Lundis révolutionnaires (1871—1874). Paris. 1875.
Baumont H. Le département de l'Oise pendant la Révolution («Bulletin de la Société d'études historiques et scientifiques de l'Oise», t. 2—1906; t. 3—1907; t. 4—1908; t. 5—1909).
Bax B. The last episode of the french Revolution. L. 1911.
Beauvillé de V. Histoire de la ville de Montdidier (2-me éd), t. 1—2. Paris, 1875.
Bernstein L. Un plan socialiste sous la Révolution française («International Review for Social History». Leiden, 1937, v. II).
Bernstein S. Buonarroti. Paris, 1949.
Bernstein S. Babeuf and Babouvism («Science and Society». N. Y., 1937—1938, v. II, № 1—2, p. 25—57 and 166—194; переп. в «Essays in Political and Intellectual History». 1955).
Bernstein S. Histoire classique de babouvisme de Buonarroti («Pensée», 1958, № 79).
Bernstein S. Storia del socialismo in Francia, v. 1—2. 1963.
Berthe L. Une grande collection d'autographes. La correspondance de Ferdinand Dubois de Fosseux (1742—1817). Extrait du bulletin «Le Vieux Papier». Juillet 1960. Fascicule № 192.
Berthe L. Académie d'Arras et les sources de l'histoire de la Révolution (AHRF, 1961, N 163).

Bessand-Massenet. Robespierre (гл. о Бабефе). Paris, 1961.
Bessand-Massenet. L'attaque de Grenelle. Les communistes en 1796. Paris, 1926.
Bonnet Ch. Le Babouvisme et la Révolution française. Poitiers., 1907.
Bouglé C. Socialismes français. Paris, 1932.
Boulay M. Babeuf et le mouvement babouviste. Vendôme 1931.
Bouloiseau M. Une lettre de Babeuf (AHRF, 1949).
Bourgin G. Babeuf et le babouvisme. («Cahiers de la Révolution française», 1934, N 1).
Boutillier du Rétail. Le procès du «Nain tricolore» («La Révolution Française», 1900, t. 57).
Braesh F. Finances et monnaie révolutionnaires. Les exercices budgétaires 1790 et 1791 d'après les comptes du Trésor. Nancy — Paris. 1936.
Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution française. Paris, 1834—1838. См. особенно т. XXXVII.
Cabet E. Histoire populaire de la Révolution française. Paris, 1840, t. IV.
Cabet E. Toute la vérité au Peuple ou Réfutation d'un pamphlet calomniateur. Paris, 1842.
Calonne A. Histoire de la ville d'Amiens, v. I—II. Amiens-Paris, 1900.
Calvet H. Un instrument de la Terreur à Paris. Le Comité de salut public ou de surveillance du Département de Paris. Paris, 1941.
Cantimori D. Utopisti e reformatori italiani. Firenze, 1943.
Cantimori D. Studi di storia. Einaudi, 1959.
Cardenal L. Les débuts de la péréquation de l'impôt en 1790 («Commission de recherche et de publication des documents relatifs à la vie économique de la Révolution. Mémoires lus au Congrès des Sociétés savantes. Toulouse, 1933, Paris, 1934. Paris, 1935).
Caron P. L'état des récoltes et des approvisionnements dans la généralité d'Amiens en août 1788 («Bulletin de la commission de recherche et de publication des documents relatifs à la vie économique de la Révolution. Paris, 1909).
Cobb R. Babeuf et les électeurs d'Abbeville (AHRF, 1961, N 165).
Coë R.-N-C. La théorie morelienne et la pratique babouviste (AHRF, 1958, N 150).
Coët E. Babeuf à Roye. Péronne, 1865.
Coët E. Histoire de la ville de Roye, v. 1—2. Paris, 1880.
Combier A. La justice criminelle à Laon pendant la révolution 1882, t. 2.
Creveaux E. Le ravitaillement de Paris par le département de l'Aisne pendant la Révolution (Commission d'histoire économique de la Révolution. Mémoires lus au Congrès des Sociétés savantes. Paris, 1933—1934).
Daline V. Babeuf et Marat en 1789—1790 (AHRF, 1958, N 150).
Daline V. Robespierre et Danton vus par Babeuf (AHRF, 1960, N 162).
Dalin V. Babeuf-Studien. Eingeleitet u. herausgegeben von Walter Markov. Berlin, 1961.
Dautry J. Georges Lefebvre et le babouvisme (AHRF, 1960, N 159).
Dautry J. A propos de Buonarroti («Pensée», 1958, N 80).
Dautry J. Saint-Simon et les anciens babouvistes (AHRF, 1960, N 162).
Dautry J. Le pessimisme économique de Babeuf et l'histoire des utopies (AHRF, 1961, N 164).
Demangeon A. La Picardie et les régions voisines. Paris, 1925 (3-me éd.).
Desmousseaux de Givré. C. Rapport sur une biographie du communiste picard Babeuf. S. Quentin, 1886.
Deville G. Gracchus Babeuf und die Verschwörung der Gleichen (mit einem Nachwort von E. Bernstein). Hottingen — Zürich, 1887.
Deville G. Thermidor et Directoire (1794—1799). Paris [1904].
Dézamy Th. Calomnies et politique de M. Cabet. Paris, 1842.
Dommanget M. Babeuf et la conjuration des Egaux. Paris. 1922 (русск. пер. Л., 1925; см. рец. A. Mathiez. в «Annales Révolutionnaires», 1923, t. XV).

Dommanget M. La structure et les méthodes de la conjuration des Egaux. Paris, 1924 (см. также «Annales Révolutionnaires», 1922).
Dommanget M. L'hébertisme et la conjuration des Egaux («Annales Révolutionnaires», 1923).
Dommanget M. Pages choisies de Babeuf, recueillies, commentées, annotées avec une introduction et une bibliographie critique. Préface de G. Lefebvre. Paris, 1935 (см. рец. L. Jacob, в AHRF, 1936).
Dommanget M. Babeuf et l'éducation (AHRF, 1960, N 162; 1961, N 163).
Dommanget M. Sylvain Maréchal, l'Egalitaire, «L'Homme sans dieu». Paris, 1950 (см. рец. G. Lefebvre, в AHRF, 1951).
Egalité Philydor. Gracchus Babeuf, oder die Verschwörung der «Gleichen». Tragödie in 3 Aufzügen 1795—1797. N. Y. Selbstverl. d. Verfassers, 1898.
Eisenstein E. The first professional revolutionist: Filippo Michele Buonarroti. Cambridge, Mass. 1959.
Espinas A. La philosophie sociale du XVIII siècle et la Révolution. Paris, 1898.
Fleury Ed. Biographie de Baboeuf. Etudes révolutionnaires. Laon, s. d.; 2-e éd. «Etudes révolutionnaires. Baboeuf et le socialisme en 1796». Paris, MDCCL.
Fournier l'Américain. Mémoires secrets, publiés par F.-A. Aulard. Paris, 1890.
Fournière E. Les théories socialistes au XIX siècle de Babeuf à Proudhon. Paris, 1904.
Francovich C. Gli Illuminati di Weishaupt et l'idea egualitaria («Movimento Operaio», 1952).
Galante Garrone A. Buonarroti e Babeuf. Torino (см. рец. Ж. Лефевра в AHRF, 1950, N 117).
Galante Garrone A. F. Buonarroti e i rivolutionarii dell' Ottecento (1828—1837), 1951.
Gallois L. Histoire des journaux et des journalistes de la Révolution française. Paris, 1845, v. II.
Garat D.-J. Mémoires sur la Révolution ou l'exposé de ma conduite dans les affaires et dans les fonctions publiques. A Paris, L'an III.
Garaudy R. Les sources françaises du socialisme scientifique. Paris, 1949.
Godechot J. Les travaux récents sur Babeuf et le babouvisme (AHRF, 1960, N 162).
Godechot J. Babouvisme et l'unité italienne («Revue des études italiennes», 1939).
Goubert P. Les techniques agricoles dans les pays picards aux XVII et XVIII siècles («Revue d'histoire économique et sociale», 1957, N 1).
Goubert P. Aspects sociaux des manufactures picardes et beauvaisiennes au temps de Louis XIV («Bulletin de la société moderne», 1953, mai — juillet).
Goubert P. Les familles marchandes sous l'Ancien Régime: les Danse et les Motte, de Beauvais. Paris, 1959.
Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Contribution à l'histoire sociale de la France du XVII siècle. 1960.
Guérin D. La lutte des classes sous la Première République. Bourgeois et «bras nus», 1793—1797 (v. 1—2). Paris, 1946.
Guillaume J. Babeuf und die Verschwörung der Gleichen, 1877.
Holz-Reyther. Babeuf. Wien, 1930.
Jacob L. Correspondance avec Babeuf (AHRF, 1934).
Jacquemin C. La misère de Babeuf («Revue de curiosités révolutionnaires». 1910, v. I).
Jaurès J. Histoire socialiste de la Révolution française, v. 1—4 (2-me éd., revue p. A. Mathiez).
Kuscinski A. Dictionnaire des conventionnels. Paris, [s. d.].
Labrousse C.-E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIII siècle. Paris, 1933.

Labrousse C.-E. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au dèbut de la Rèvolution. Paris, 1944.
Laski H. The socialist tradition in the French Revolution. L., 1930.
Las-Vergnas. Le chevalier Rutlidge. Paris, 1932 (см. рец. Ж. Лефевра в AHRF, 1936).
Latzko Henriette. Babeuf und die Verschwörug der Gleichen. Tübingen, 1914.
Lahautière R. Réponse philosophique à un article sur le babouvisme. Paris, 1840.
Lefebvre G. Les paysans du Nord. 1924 (2-me éd., 1958. Bari).
Lefebvre G. Les questions agraires au temps de la Terreur. Strasbourg, 1932 (2-me éd., 1954).
Lefebvre G. Où il est question de Babeuf («Mèlanges d'histoire sociale». 1945; пер. в сб. «Etudes sur la Rèvolution française». Paris, 1954).
Lefebvre G. Les origines du communisme de Babeuf («Congrès international des sciences historiques. Temps modernes», v. I. 1950; переп. в сб. «Etudes sur la Révolution française». Paris, 1954; дискуссия по докладу, т. 2, стр. 237—243).
Lefebvre. G. Les thermidoriens. Paris. 1937.
Lefebvre G. Le Directoire. Paris, 1946.
Legrand R. Grèves et incidents dans le Santerre. Abbeville. 1960.
Legrand R. Babeuf, ses idées, sa vie en Picardie. Abbeville, 1961 (См. «Babeuf en Picardie, 1790—1792».— AHRF, 1960, N 162).
Legrand R. Un plaidoyer de Babeuf (1792). Abbeville, 1963.
Lehning A. Buonarroti's ideas of communism and dictatorship («International Review of Social History», 1957. v. 2).
Lépine J. Babeuf. Paris, 1949.
Leroy M. Histoire des idées sociales en France, v. II (De Babeuf à Tocqueville). Paris, 1950.
Lévi Strauss. Gracchus Babeuf et le communisme. Bruxelles, 1926.
Lichtenberger A. Le socialisme au XVIII siècle Paris, 1895.
Lichtenberger A. Le socialisme et la Révolution française. Paris, 1899.
Lombart B. Coup d'oeil sur l'histoire du communisme. An. des Sciences, Belles Lettres et Arts de Besancon, 1891.
Maffi B. Il Tribuno del Popolo. Milano, 1945.
Malon B. Histoire du socialisme, v. II. Paris, 1882.
Marion M. Le recouvrement des impôts en 1790 («Revue historique», 1916).
Marion M. Histoire financière de la France depuis 1715. Paris, 1919, t. 2—3.
Markov W. L'affaire Babeuf vue de Hambourg (AHRF, 1960, N 162; см. также: Babeuf in Deutschland.— «Literaturgeschichte als geschichtlicher Auftrag. Werner Krauss zum 60 Geburtstag». Berlin, 1961).
Mathiez A. Babeuf et Robespierre («Annales Rèvolutionnaires», 1917, t. IX; пер. в сб. «Etudes sur Robespierre». Paris, 1958).
Mathiez A. La vie chère et le mouvement social sous la Terreur. Paris, 1927 (русск. пер.— М., 1928).
Mathiez A. La réaction termidorienne. Paris, 1929.
Mathiez A. Le Directoire. Paris, 1934.
Mathiez A. Etudes sur Robespierre. Paris, 1958.
Mathiez A. Babeuf et Robert Owen comparés et défendus par Buonarroti («La Révolution de 1848», Paris, 1910).
Maurin A. Galerie historique de la Révolution française. Paris, 1849, v. III.
Mazauric C. Babeuf et la conspiration pour l'Egalité. Paris, 1962.
Mazauric C. Bilan der études sur l'histoire du mouvement et de l'idéologie babouviste («Rivista storica del socialismo», 1962, N 15—16).
Mazauric C. Le rousseauisme de Babeuf (AHRF, 1962, N 170).
Mazière L. Noyon de 1789 à 1795 («Comité archéologique et historique de Noyon», v. XV. Noyon, 1899).
Méric V. Les hommes de la Révolution. Gracchus Babeuf. [P. 1907].

Michelet J. Histoire du XIX siècle. Directoire. Origine de Bonaparre. Paris, 1875.
Montgrenier R. Gracchus Babeuf. Paris, 1937.
Natale A. Babeuf e la cospirazione degli Eguali. Roma, 1947.
Nodier Ch. Souvenirs de la Révolution. v. 2. Paris, 1850.
Paolo O. Il patriarch del Socialismo. Roma, 1904.
Pia Onnis. Filippo Buonarroti, la congiura del Babeuf e il babuvismo («Nuova rivista storica», 1952, t. XXXVI).
Pariset G. Babouvisme et maçonnerie («Mélanges offerts à Charles Andler»). Strasbourg, 1924.
Patoux A. Le faux de Babeuf («Mémoires de la Société Académique de Saint-Quentin», 4-me série, v. XVI, 1913, 1-re partie).
Pellet M. Gracchus Babeuf et Marie-Antoinette («Variétés Revolutionnaires», 2-me série. Paris, 1881).
Pellet M. La cassette de Babeuf («Variétés révolutionnaires». 3-me série. Paris, 1890).
Prudhommeaux J. Babeuf jugé par un communiste de 1840 («La Révolution française», 1908, t. XV).
Prudhommeaux J. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. Paris, 1907.
Quinet E. La Révolution, t. 2 (4-me éd. Paris, 1866).
R. S. V. (R. de Saint-Venant). L'affaire Babeuf, d'après des notes laissées par feu le marquis Achille de Rochambeau («Bulletin de la Société Archéologique, scientifique et littéraire du Vendomois», v. XXXVIII, 1899).
Raléa M. L'idée de révolution dans les doctrines socialistes. Etude sur l'évolution de la tactique révolutionnaire. Paris, 1923.
Ramm Thilo. Die grossen Sozialisten als Rechts-und Sozialphilosophen. Fischer. B. I. Stuttgart, 1955.
Robiquet. P. L'arrestation de Babeuf («La Révolution française», 1895, t. XXVIII).
Robiquet P. Babeuf et Barras («Revue de Paris», 1896).
Rose R. B. Socialism and the French Revolution. The Cercle Social and the Enragés (Reprinted from the «Bulletin of the John Rylands Library», vol. 41, N 1, Septembre 1958).
Rouff M. Le personnel des premières émeutes de 1789 à Paris («La Révolution française», LVII, 1909).
Rudé G. E. The motives of popular insurrection in Paris during the French Revolution. «The Bulletin of the Institute of historical research». 1959. v. 26.
Rudé G. E. Prices, wages a popular movements in Paris during the French Revolution. «Econ. Hist. Rev», L., 1954, v. VI.
Saint-Jacob P. de. Les paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien Régime. Dijon, 1960.
Saitta A. Filippo Buonarroti, contributi alla storia della sua vita e del suo pensiero. Roma, 1950—1951, v. 1—2. (рец. Ж. Лефевра в AHRF, 1953).
Saitta A. Il robespierrismo de Filippo Buonarroti e le premesse dell'unita italiana («Belfagor», 1955, X, fasc, 8; рец. Ж. Лефевра в AHRF, 1957).
Saitta A. Discussion sur le communisme en 1796 (AHRF, 1960, N 162).
Schmidt Ch. La crise industrielle de 1788 en France («Revue historique», 1908, t. 97).
Sée. A. Le procès Pache. Paris, 1911.
Soboul A. Les sans-culottes parisiens en an II et gouvernement révolutionnaire. 2 juin 1793—9 termidor an II. Paris, 1958.
Soboul A. L'écrou de Gracchus Babeuf à Sainte-Pélagie en l'An II (AHRF, 1954).
Soboul A. Personnel sans-culotte et personnel babouviste (AHRF, 1960, N 162).
Stein Lorenz von. Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Leipzig, 1850 (изд. 1-е). Последнее издание вышло в 1959 г.

Taine H. Les origines de la France contemporaine. Le gouvernement révolutionnaire, t. 3. Paris, 1887.
Talmon J. L. The Origins of Totalitarian Democracy, t. I. London, 1952.
Thibout G. La doctrine babouviste. Paris, 1903.
Thiers A. Histoire de la Révolution française, v. VIII. Paris, 1839.
Thomas A. La pensée socialiste de Babeuf avant la conspiration des Egaux («Revue socialiste», 1904, t. 40; 1905, t. 41).
Thomas A. Babeuf. La doctrine des Egaux. Extraits des oeuvres complètes. Paris, 1906.
Thomson D. The Babeuf Plot. The making of a republican Legend. London, 1947.
Tønesson Käre D. La défaite des sans-culottes. Mouvement populaire et réaction bourgeoise en l'an III. Oslo — Paris, 1959.
Tønesson Käre D. L'an III dans la formation du babouvisme (AHRF, 1960, N 162).
Tønesson K. The Babouvists From utopian to practical socialism. «Past and Present», 1962, N 22.
Vallon P.-G.-A. Conspiration de Babocuf («Mémoires de la Société des Sciences et Lettres de la ville de Blois», 1852, t. IV).
Villegardelle F. Histoire des idées sociales avant la Révolution française. Paris, 1846.
Walter G. Babeuf et la conspiration des Egaux. Paris, 1937 (см. рецензию о ней: M. Dommanget в AHRF, 1937).
Walter G. Babeuf («Dictionnaire de biographie française», v. IV. Paris, 1958, p. 1001—1007).
Webster Ch. Babouvisme and Bolchevism. London, 1920.
Weller (Max). Charakterbilder der französischen Revolution. Cloots. Hébert. Babeuf. Leipzig, 1848.
Wertherly. Babeuf's place in the history of socialism (Public. Amer. Econ. Assoc.), 1907.
Willard G. et Cl. Babeuf. Textes choisis. Préface, commentaires et notes explicatives par G. et Cl. Willard. Paris, 1951.
Wohlthat N. F. Die Verschwörung des Gracchus Babeuf. Burg, 1887.
Wolters F. Studien über Agrarzustände und Agrarprobleme in Frankreich vom 1700 bis 1790. 1905 (русск. пер. М.—П., 1923).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР — Архив внешней политики России
ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ННИ — «Новая и новейшая история»
AD — Archives départementales
AHRF — «Annales Historiques de la Révolution française»,
AN — Archives Nationales
AP — «Archives Parlementaires»
BN — Bibliothèque Nationale

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
189	17 св.	rivisme	civisme
234	3 сн.	129/46	F 129/46
235	11 сн.	P 129/47	F 129/47
314	4 сн.	ea heu	eu lieu
377	2 сн.	oprès mièdy	après midi
379	1 он.	1/90	1790
471	21 сн.	линии	лилии
511	2 сн.	1396	1936
594	12 св.	BB 16 859	BB 16 858—859
607	Правая колонка 19, 20, 23 сн.	Bilcocq	Billecocq

В. М. Далин. Гракх Бабеф

Собрание материалов о Бабефе
http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf
в том числе
Бабеф. Из «Письма депутата Пикардии» 14 июля 1790 г.
http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl_90.htm#Bf
Бабеф. Письмо жене 25 июля 1789 г.
http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl.htm#Bf
Ф.Буонарроти. Заговор во имя Равенства
http://vive-liberta.narod.ru/doc/buon1.pdf
http://vive-liberta.narod.ru/doc/buon2.pdf
М.Домманже. Бабеф и заговор равных
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_dommang.pdf
П.Щеголев. Заговор Бабефа
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_shcheg.pdf
В.Волгин. Французский утопический коммунизм
http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html
Г.Черткова. Гракх Бабеф во время термидорианской реакции
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_chertkowa.pdf
Г.Черткова. От Бабефа к Буонаротти: движение во имя равенства или Заговор равных?
http://vive-liberta.narod.ru/journal/chert_egalite.pdf
Я.Захер. Бабеф и "бешеные"
http://vive-liberta.narod.ru/journal/babeuf_zakher_fe-60.pdf
Ж.-Р.Сюррато. Бабувисты, «красная опасность» и пропаганда Директории (1796—1798)
http://vive-liberta.narod.ru/journal/babeuf_surrateau_fe-60.pdf
А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции
http://enlightment2005.narod.ru/arc/comm_ioan-1.pdf
И.Эренбург. Заговор равных
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80853458.htm

Другие работы В.М.Далина и материалы о нем
http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal